

**Слова, беседы и речи
Филарет (Гумилевский), архиепископ
Черниговский и Нежинский, святитель**

Часть 1-я

Отделение I. На праздники Господни

Слово на день рождения Христова

Слова в вышних Богу и на земли мир,
в человецех благоволение (Лк.2:14).

В глубокую ночь ангел Господний является пастырям и возвещает радость, *яко родися днесь Спас, иже есть Христос Господь*. И внезапно с проповедью ангельскою соединяется песнь воинств ангельских. *И внезапно бысть со ангелом множество вой небесных хвалящих Бога*.

Если небесные воинства поют песнь: естественно, ожидать, что это есть песнь многозначительная. Если ангелы в такое неожиданное время, во время покоя ночного, поют песнь, конечно, эта песнь достойна благоговейного внимания. Если таже песнь, хотя и ночью, но возглашается в слух земли: как жителям земли не слушать её?

И, однако, тогда, как небесные воинства торжествовали рождение Спасителя земли, весь мир земной, за исключением нескольких стражей стада, погружен был в сон, и не слышал славословия небесного, не внимал песни ангельской.

Не продремать бы и нам, братия, славословия ангельского. Правда, нас часто оглашают им. Но тем стыднее, если не совсем ясно понимаем его.

Слава в вышних Богу. Почему теперь говорят о славе в вышних, если говорят о славе Божией? Когда же Бог был без славы? Он не был бы и Богом, если бы не имел когда-либо славы? Он есть Бог славы (Деян.7:2) во внутренней своей жизни, в жизни Троиединого. Он есть Бог славы и в творениях своих, которые создал Он для того, чтобы были они участниками славы Его, составляющей блаженство и совершенство их. Потому-то в высотах небесных тысячи тысяч ангелов не имеют покоя, воспевая славу Триипостасного. Слава Божия так велика и так много изливает мира и радости на все, в чему касается, что самые чистые и крепкие духи не в состоянии обнять восторгами блаженства, разливаемого славою Божией. Почему же призывают вышних славить Бога?

Как естественно славе совершенств Божиих открываться в особенных внешних делах: так естественно, что бы особенная хвала возносилась Всесовершенному небесными силами, когда видят они особенное проявление совершенств Вышнего. Так было при сотворении мира: все воинства неба прославили тогда всемогущество, мудрость и благость Творца. *Егда основах землю, егда сотворены быша звезды*, говорит Господь к Иову, *восхвалиша Мя вси ангели* (Иов.37:4–7). Так было и теперь, когда родился людям Спас, иже есть Христос Господь. Чему же радуются небесные духи? Ангел небесный возвестил земле о первом проявлении спасения земли. Но тайна Божия о спасения людей раскрылась не от грез ангелов; напротив, в полноте света и величия своего она достигла самых ангелов не иначе, как чрез людей. *Да скажется, говорят апостол, началам и властям на небесных церковью*, т.е. обществом верующих людей, *многообразная премудрость Божия по предложению веков, еже сотвори о Христе Иисусе Господе нашем* (Еф.3:10).

Что же славят ангелы в слух пастырей? В чем видят они особенную славу Бога? В том, что родился людям Спаситель Христос Господь. Так велика слава Божия в Спасителе людей при первом её явлении! И апостол говорит: *велия благочестия тайна, Бог явился во плоти*. Уже одно явление, Бога во плоти великая тайна, великое дело непостижимого снисхождения Божия к тварям. Небесным воинствам известно было несчастное положение падшего человечества, им известно было, что виновное человечество – предмет негодования правды Божией. Но вот беспредельная любовь Божия нисходит к человекам в тихом сиянии мира и благоволения. И ангелы славят славу непостижимой любви Божией.

От чего ангелы заняты славою, касающеюся не их, а человеков? От того, что мир ангелов святых есть мир любви. *Радость бывает ангелом о едином грешнике кающемся* (Лк.15:10). Какая же была радость им, когда узнали они о рождении Спасителя всех человеков!

Ангелы призывают вышних славить Бога, но славословием их оглашается и мир земной, без сомнения, для того чтобы и жители земли, по примеру ангелов, прославляли Бога.

Повторяйте, братия, чаще повторяйте в сии дни ангельское славословие. Посещайте усердно храм Божий, чтобы слушать там ангельские хвалы Богу и стойте в храме так, чтобы слышать их всею душою. Особенно берегитесь, не заглушалась бы ангельская хвала, по выходе из храма, суетными беседами, говором страстей, веселием грехов, песнями, растлевающими небесную чистоту души. *Прославляющих Мя, прослаблю, говорит Господь, и уничижай Мя, бесчестен будет (1Цар. 2:30).*

И на земли мир, поют ангелы. Что это за мир? Был некогда мир на земле, когда владыка земли повиновался воле Творца своего. Но этот мир давно оставил землю. Прельщенный духом тьмы, человек воспротивился воле Господа и отнял у земли мир. Человек, став грешником, прервал мир с Богом: Святой не может иметь общения с грехом. Открылась брань внутри человека, между духом и плотью. Открылась брань между людьми, земля обагрилась кровью Авелей. Открылась борьба в вещественной природе: земля стала терзаться землетрясениями и бурями, громами и бедствиями разного рода. Могут ли чистые духи, духи любви и мира, без скорби смотреть на такое состояние земного мира? И потому-то радуются они, когда видят, что возвращается земле мир.

Любовь Сына Божия приняла на себя возвратить земле потерянный его мир. Давно Исаия предвозвещал явление на земле Начальника мира (Ис.9:6). И Давид говорил о ком-то: *во днях Его воссияет правда и множество мира (Пс.71:7).* И вот после долгого ряда веков является ожидаемый Спаситель Христос Господь. *Той спасет люди от грех их,* говорил о Нем ангел Иосифу. Если же спасет Он от грехов, то это тоже, что возвратит людям мир, так как начальная причина всех неустройств земли – один грех.

Но где же, скажут, мир на земле? Да, полный мир может открыться не иначе, как на новой земле, а не на нашей грешной. Он откроется тогда, когда упразднится последний враг наш – смерть. Между тем желаете ли видеть, как сила Христа Господа и на нашей земле водворяет чудный мир, хотя только частный. Посмотрите на жизнь святых Божиих. Лютые звери послушны им

были, как овечки; лев пасся у ног их вместе с ягненком; не вредил им ни яд, ни огонь и по воде ходили они, как по суше. Ясно, что земля наша могла бы цвести миром, какого только можно желать до окончательной победы добра над злом. Откуда же между нами волнения и неустройства? От страстей наших: они вносят в общества наши ссору и брань, раздор и расстройства, обиды и убийства. О, почтим, по крайней мере, дни явления на земле Владыки мира искренним миролюбием, взаимною уступчивостью, не делая ничего по тщеславию, а в духе смирения почитая один другого лучшим себя (Флп.2:3). Пусть умолкнет в нас хотя на время самолюбие наше, которое гав много тревог делает в жизни нашей, так много бед вводит и в тесные, и в обширные круги связей наших.

В человецех благоволение, возвещают ангелы. Чье благоволение? Божие. На небе не то, что на земле; там дорожать только благоволением Божиим. И так ангелы возвещают о благоволении Божиим к людям. Какая неожиданная радость!

Бог, по беспредельной Своей святости, *ненавидит всякое беззаконие* (Пс.5:5–6). Он есть самая святость и только к святому обращена любовь Его, только к благому – благоволение Его. Благоволить к греху Он также не может, как не любит греха. Потому грешный род человеческий, со времени первого греха своего, подвергся гневу Божию, удален от милостивого взора любви Божией. Если же, как говорит ангел проповедник, родился людям *Спаситель Христос Господь*, то это тоже, что Бог обратился к людям со своим благоволением. Как это случилось, что Святой обратился благоволением к грешным? Как примирилась правда с виновными людьми? Ангелы не объясняют. Отчего не объясняют? От того, имеем право сказать, что сами не знают; от того, что тайна искупительных страданий Сына Божия еще не явилась в точном её виде. Довольно пока для людей, когда довольно и для ангелов, что проповедуется благоволение Божие к человекам.

Сетующая о грехах своих душа! страшна, грозна для тебя святость Божия, при множестве грехов твоих! Сохраняй святой страх в глубине своей, – он избавит тебя от многого. Но

слышишь, ангельские лики поют: *в человецех благоволение*. Святые ангелы не могут говорить неверного. Повергнись же с душевною ношею твоею пред Христом Господом. Если ради Его благоволения Божия к людям, то, конечно, не исключен и ты из того числа. Повергнись со всеми грехами твоими пред Спасителем: если от Него спасение для всех, то, конечно, и для тебя. Нет у тебя молитвы, нет сокрушения сердечного, что ж? Такою и повергайся пред Ним. Взывай пред Ним: Ты одна моя надежда, Христе Спасителю; укрой меня от праведного гнева Божия, который вызывают против меня грехи мои! О Тебе благоволение Божие к людям; обрати и ко мне недостойному благоволение Отца небесного.

Сыны России! благоволение Отца небесного испытали мы и в судьбах отчизны нашей, так дивно спасенной, так дивно прославленной во дни благословенного Александра. Да не изглаждается из сердец наших благодарная память о благоволении небесном к родине нашей. Не забудем, что только тогда, как сердца наши отверзты хвалами величию Божию, мольбами о помощи небесной, только тогда нисходит на нас сила Божия и творит в немощных дела дивные.

Мудрость и сила небесная, воплотившаяся для нас! Ты нас научи, Ты подай нам чувства и силу, чтобы устами и сердцем пели мы ангельскую песнь: слава в вышних Богу! на земли мир и к нам грешным благоволение! Аминь.

Слово в день рождения Христова

И се вам знамение: обрящете младенца повита, лежаща в яслях (Лк.2:12).

Вот какое дает знамение небесный посланник о родившемся Христе Господе! Вот в каком виде надлежало узреть Того, Кто должен спасти Израиля и весь мир! *И се вам знамение, обращение младенца повита, лежаща в яслях.* Вертеп бессловесных служит царственным домом Его и ясли – престолом, льняные пелены Девы составляют знаки царского величия и славы Его. *Бог крепкий, Князь мира, Отец вечности* (Ис.9:6) – является в мире, как последний из сынов Адамовых. Бедные пастыри – первые от лица земли приветствуют Господа с славным явлением в мир. Волхвы от востока приносят Ему дары: но и у сих послов к великому Царю не видно великолепия послов. Так Господь славы является на земле, среди своих подданных!

Сколько, слушатели, назидательных мыслей, сколько наставлений преподает нам такое явление Господа славы в мир! Смирение Его посрамляет надменную гордость нашу. Убожество Его порицает расточительную нашу роскошь. Крайняя нищета Его осуждает ненасытную в наслаждениях чувственность нашу. Ясли младенца Господа громко проповедуют и против корыстолюбия нашего, и против славолубия, и против страсти к отличиям света.

Но видите ли, братия, какую особенно слабость нашу осуждает лежащий в яслях Господь наш? Это – склонность подражать миру, от которого Он ничего не занимает. Он является в мире в простоте, без украшений, без принадлежностей, придумываемых изобретательными страстями света. А к тому ли стремятся желания многих из нас? Как много надобно осуждать несчастную страсть нашу, пренебрегающую простотой Христовою! Как много лишает она нас, и как много вреда наносит она душе христианской! При Твоих стопах, простота небесная, да будет действительно слово о вреде подражания правилам суетного мира.

Душа христианская пока ограничивается повиновением одному закону Христову, пока не отягчает себя оковами служения мирским приличиям, обыкновениям и правилам: наслаждается свободой пред Господом своим и разрастается добродетелями, как сад Божий. Её труды, её покой, её занятия и отдохновение распределяются, собственно, волею её, покоренною воле Божией. Её помышления чисты: они заняты одною мыслью – мыслью о Боге, желания её ограничены; дне стремятся к одному – к Господу сердца; *воля ея в законе Господни поучится день и ночь (Пс.1:2)*. Беседа её – искренна; одобрения – нелицемерны; упреки – непритворны. Богатая младенчеством Христовым, простотой Христовою, она на все смотрит спокойно, – не унывает в скорби, не гордится в счастье; *всему веру емлет, вся уповает, вся терпит (1Кор.13:7)*; врагов не имеет, а друзья для неё – все. Жизнь её растет и крепнет, не утомляясь уставами прихотливости человеческой; как мощный юноша, не обессиливаемый заботами страстей, она приходит от силы в силу, не зная ничего *кроме Иисуса Христа, и сего распята (1Кор.2:2)*. Блаженные времена, когда отцы наши были столь же далеки от мира и его правил, сколько далеки дебри пустынные от градов, оглашаемых и оглушаемых шумом суеты! Тогда последователи Христовы торжествовали вместе с Христом победу над миром. Ныне обширная нива христианского подвижничества зарастает терниями и волчцами, которые до того росли на безводной почве языческого света. Ныне змий лукавый точно так же, как некогда прельстил Еву, растлевает умы и сердца наши, лишив простоты, *яже о Христе (2Кор.11:3)*.

Лукавый мир, обременив нас своими правилами и обычаями, прежде всего похищает себе часть трудов наших, которые можно и должно бы было посвятить Господу. Да избавит Бог всякого из среды нас от того несчастья, чтобы вся жизнь его оказалась наконец убитою на служение прихотям света! Но сколько часов, сколько дней, сколько целых годов придется многим исключить из жизни своей; так как они истрачены на выполнение бессмысленных правил света, а не на

спасение души. А как дорог должен быть для нас каждый час земной жизни!

Каждый удар по металлу отзывается потрясением в воздухе. Каждое прикосновение мира к душе производит потрясение во внутренности духа, – потрясение, сперва более или менее опасное, потом более или менее вредное для спасения души. Много ли нужно для того чтобы поколебать слабость нашу? Худо мы знаем душу нашу, когда думаем, что ничего не значат для неё соблазны, разбросанные по всем путям беззаботным светом. Нет, нет, один случай, одна встреча с соблазном света может много поколебать нас и без того больных душою. Но чем более знакомимся мы с обычаями мира, тем ближе становимся к опасности, тем более расстраиваемся по внутреннему человеку. Обычаи лукавого века, как моль, как тление, как самая смерть, незаметно, но быстро, растлевают бедную душу нашу.

Воображение, обольщаемое красными мира сего, охотно принимает в себя тление обычаев света. Мир, как сцепление образов без существенной истины, сам по себе есть та обширная область, где любит носиться воображение наше, и где нужна осторожность против воображения. Но особенно тот мир, который придумывают и творят себе люди мира, развертывает, питает, усиливает деятельность силы образов, раздражая ее разнообразными и всегда новыми предметами своими. Греховные образы века сего переходят с нами из возраста в возраст, из общества в тихое уединение и даже в храмы Божии; занимают душу и во сне, и в бодрствовании, унижают, оскверняют самое богослужение. От чего теперь так мало любят священные образы – картины, песни истории – вдохновенной свыше? От чего другого рода сцены, часто отвратительные, другого рода образы, часто развратные, другого рода песни, часто гнусные, являются между нами – христианами? Ужели это создание простоты христианской, простоты чистой, скромной, воздыхающей о грехах своих? О! нет; зачем такое грешное предположение? Сознаемся искренно: мир языческого воображения не редко между нами. Воображение, полное образов тленного, грешного мира, может

ли утешаться чем-либо другим, как только миром греха? Оно перестает услаждать земного странника красотами неба и рая, не устрашает более геенною и адом: рай и небо находит оно на земле, а геенна и ад слишком ужасны, чтобы занимать нас ими; люди света любят только легкое и веселое.

Занятые же предметами маловажными, или, и вредными для души, каковы предметы света, к чему мы можем приучить сердце наше, как не к чувствованиям мелким, изнеженным, преступным? Правда, в свете успевают раскрывать способность ощущения, успевают сгладить с сердца грубость жестокую: но к чему все это? К чему там делают сердце чувствительным? К каким предметам? Все, еже в мире, похоть очес, похоть плоти. И в сердце христианское не переходить ничего другого из мира. Научаясь правилам мира и не думая о правилах Христовых, начинают чувствовать красоту вещей видимых, а к красоте благ небесных, невидимых, сердце становится и холодно и тупо; тонки и разборчивы бывают, чтобы замечать каждый оттенок изящного тленного: а доброта нетленного имени Иисусова, а превосходство духовных дел, а сладость молитвы и поучения в законе Господнем – едва ощутительны душе; они не трогают её. От того-то языческий вкус к житейским вещам утончается между нами до крайней степени. Люди мира! Посмотрите на искусства нашего христианского мира; посмотрите, какие чувства выражаются в них? Странное положение христианских душ! И что еще? Вкус утончен для удовольствий, а удовольствий нет! И бедные, и богатые жалуются на недостаток удовольствий! Сколько нужд теперь у людей, сколько жалоб! И очень естественно. Вкус, изнеженный по правилам мира, не довольствуется простыми потребностями жизни. Он раскрыт, утончен, усилен для вещей более нежных, т.е. мелких, нежели какими довольствуется простая природа.

Любезный собрат! осмотришь, к чему ведут тебя беспокойные помыслы казаться более образованным, более известным, чем ты образован и известен по душе? Ты прежде в сладость ел черствый хлеб, в сладость пил холодную воду; рад был, если грубая одежда прикрывала тело от холода или зноя. Теперь, обольщенный, раздражаемый тем, что видишь у других,

начинаешь скучать своим состоянием, тревожно ищешь предметов, не относящихся к кругу твоей жизни. Простота, дотоле любезная для тебя простота, становится тебе в тягость. Зачем все это? Зачем ты сам себя делаешь несчастным? Мы бедны с тобою добрыми делами. Нам надобно плакать с тобою о грехах наших. А ты хочешь еще плакать от нужд, вовсе для тебя ненужных; ты хочешь плакать от нужд, даже вредных для души твоей. Посмотри: бедное, неопытное сердце твое потому и прилепляется к самым мелким предметам, что оно не опытно для них, что они для него новы и не знакомы; со временем оно почувствует пустоту их, и почувствует пустоту в себе самом, будет скучать самим собою. Для чего же все это? Разве для того создана душа наша? Разве для того родился Христос Сын Божий? Сонмы ангелов поют хвалебную, радостную песнь о Его рождении для нас грешных. Вот предмет, которым должна бы восхищаться душа наша, по крайней мере, в сей день! А у нас обычаи мира заменяют маловажность удовольствий разнообразием их.

Братия! *не любите мира, ни яже в мире.* Иначе и внутреннее благодатное чувство наше, наша христианская совесть, не будет ни чиста, ни спокойна. Знакомая с одним законом, с законом Христовым, она мирна и ясна; обличения, утешения, наставления, какие преподает слово Божие, или мудрая опытность, приемлет во всей полноте их; ибо ничто другое не занимает её. При сообщении же с миром ей предписывают уставов, правил, обыкновений, приличий столько, сколько людей и страстей. Надобно соглашать их с законом Христовым. Но они, или совсем противоречат ему, или не иначе, как с большим усилием, могут быть соглашены с ним. В первом случае надобно много труда, чтобы превозмочь над сплюю мнений мира, в последнем, – чтобы примириться с ним. Что же удивительного, если отягченная сею тяжкою работою совесть изнемогает? Так и бывает. Грехи, собираемые богатою жатвою на ниве мира, ложатся на душу, как камень, как тяжелая ноша. А раскаяние, которое одно облегчает тяготы душевные, день это дня становится слабее и холоднее; его охлаждают и примеры мирской холодности к добру. Самое разумение закона

Христова становится темнее; оно омрачается многообразными уставами века темного. Мы привыкаем измерять обязанности наши не правилом Христовым, а обычаями мира, – судить о вещах не так, как судит евангелие, а как судит мир. Бедная совесть христианская! Каким пыткам подвергает тебя мир за уклонение *от простоты, яже о Христе Иисусе*.

Не удивительно после того, если, научаясь не право чувствовать и судить себя, мы научаемся и не право жить и действовать. Наша искренность, наше простодушие заменяются притворством, – на том основании, что так живут в свете. Утомляемые разнообразными требованиями мира, мы день от дня находим себя менее готовыми, менее способными к добру; леность, невнимание к себе, рассеянность начинают тяготить душу; мы сознаем, что измождены теми услугами, каких требуют от нас люди мира; мир лишил нас воли и свободы. К несчастью, нас мирит еще с миром та мысль, что и он не позволяет вести себя слишком укоризненно. Но услугу ли нам делает тем мир? Нет, более губит, чем служит; ибо ослабляет ревность к высшей духовной жизни. Лучшее правило его таково: живи порядочно; от всего прочего он отказывается; все прочее для него слишком тяжело. Язычники, во время блаженного Августина, отказывались от Христа потому самому, что они, как говорили сами, и без Него живут исправно. «Я не совершаю смертоубийства, говорит один из них, не ворую, не хищничаю, отдаю каждому свое; какую же я имею нужду во Христе?» Братия! посмотримся вокруг себя: не то же ли самое происходит и между нами христианами? Не точно ли также отказываются, а иные давно отказались, от высокой жизни во Христе, от строгого подвижничества Христова – за тем, что и без того живут порядочно, за тем, что и свет, общество людей века, не позволяет жить беспорядочно? О, Господи Иисусе! И так, Ты напрасно родился на земле? Нам хорошо и с миром; не нужны для нас Твои спасительные правила. О, братия во Христе! устрасимся своего состояния! мир осужден Господом нашим; да не погибнем и мы вместе с миром!

Господи! к Тебе же, оставляемому нами, обращаемся с преступными, но кающимися, сердцами нашими. Явлен буди не

ищущим Тебе. Сам согрей и оживи сердца наши любовью к Тебе, достойною благости, изливаемой и изливаемой на нас Тобою! Аминь.

1844 год.

Слово в Рождество Христово

Высокая доля – доля волхвов восточных в Вифлееме! Между миллионами язычников они первые познали и почтили Того, Кого ожидали столько веков праведники. Патриархи и пророки желали видеть Его – Царя и Учителя вселенной; а увидели Его мудрецы языческие. Лики ангелов торжествуют рождение Его; сонм звезд отделяет одну из среды своей, чтобы почтить вифлеемского Младенца. И языческие мудрецы являются участниками в торжестве неба и земли.

Что это за счастливы – волхвы восточные? Как не позавидовать их доле? Как не пожелать для себя их мудрости? Как не поревновать высокому знанию их?

Не одно ли знание подарило волхвам счастье их? Много было в древности жрецов науки; много было знавших очень многое. Между нами познание самого простого христианина выше и вернее познаний языческого мудреца; а откровения неба нам не даются. От чего это?

Обратимся к волхвам. Довольствовались ли они тем, чтобы только смотреть на явившуюся звезду? Нет, они, узрев ее, оставили дом, родных, знакомых, все близкое сердцу, обрекли себя на путь трудный, отправились в страну неизвестную, пошли, не зная куда и когда придут. Видите, тут дело не в одном знании. Здесь знанию сопутствует самопожертвование, подвиг воли тяжелый, труд целой души.

А у нас? – У нас знание в противоречии с делами. Знаем много, делаем мало, знания расширяем, а дела не лучше. Всмотримся в это несогласие знания с делами, и подумаем о нужде соединения знания с жизнью.

Нельзя не сознаться, что в новые времена много сделано для объяснения самых высоких истин веры. Сколько плодов религиозной учености! сколько систем! сколько теорий! сколько книг! И какие теории! какие системы! – одна другой блистательнее, одна другой заманчивее, одна другой полнее мыслями! По этим успехам, как не быть уверенным, что эти

умные люди – ангелы света; живут только небом и Богом. Что ж в опыте?

В опыте печальное противоречие жизни знанию.

Самая простая истина: надобно любить Бога больше всего. И об этой простой истине написаны тысячи книг; а в опыте этой простой истины нет, как нет. Сердца замещены разными истуканами, дни богослужения заняты у богатого удовольствиями, у бедного – работою, или же, что еще страннее, у того и другого – праздностью. Для чего же пишут книги о простой истине? Чтобы быть чем-нибудь в глазах людей.

Любви к Богу мы не научаемся ни от кого; мы с нею рождаемся; едва сердце наше начинает биться, едва сознание начинает раскрываться в нас: душа стремится к высшему, в душе является мысль о том, чего не видит глаз. Посмотрите на детей: в их юной жизни уже видна любовь к святому; их невинность, кротость, простота радует нас. Но дитя стал юношей, потом мужем. Знания его увеличились и стали тверды. Казалось бы, с годами должна развиться живая, плодотворная любовь к Господу; казалось бы, с годами должна эта любовь стать преобладающим началом всей жизни. А в делах не то. В делах юноши и даже мужа нет ни невинности, ни простоты; нет ни кротости, ни благоговения к святому, тогда как заповеди о любви они знают хорошо, даже очень хорошо. Что ж это? в уме одно, в сердце другое, мысль ушла вперед, а желания – назад; воля и ум отправились каждый своею дорогою и не смотрят друг на друга. Куда ж они придут? Что бывает с одним человеком, – то может быть и бывает с целым народом. Но тем печальнее картина раздора жизни с знанием.

Если посмотреть на знания вещей житейских, то тут еще больше успехов ума. В наше время только и вопросов, только и помыслов, что о выгодах жизни, о пользе вещественной. Сколько тут теорий! сколько систем! Каждый готов предложить лучшую теорию уменьшения бедности, лучшую систему промышленности, торговли, земледелия. Того и ждешь, вот волк будет пастись вместе с ягненком; вот, вот страна проклятия будет эдемом. Между тем в книгах одно, на деле

другое, в книгах бескорыстие – святыня, в жизни деньги – идол. О промышленности пишут, чтобы промыслить себе чин и деньги.

Говорят: еще не довольно распространены познания нравственные. Пусть так. Но не осуждение ли это самим себе? Не новое противоречие ли это с собою? Если говорят, что нужны нравственные познания, почему ж их нет? Почему ж заменяют их знанием ненужного? Почему не дают времени для приобретения их? Почему не оправдывают достоинства их опытами?

Извиняют себя недосугом, множеством дел! Но если знают, что это множество дел мешает самому необходимому, зачем не расстанутся с недосугами суеты, а придумывают и размножают суеты?

Пока не возвратятся к тому, с чего повелел начинать жизнь христианскую Господь наш, пока не приступят к подвигам самоотвержения, к трудам воли: несогласие ума с делами не кончится, жизнь истинная, жизнь христианская не водворится между людьми.

Знание может сглаживать с сердца черствую грубость, может полировать поверхность души, может смягчать чувства дикие. Но твердость для добра, но глубину убеждений, но искренность чувства сообщают душе труды воли. На мягком воске легко отпечатлеваются образы предметов, но также легко и сглаживаются. На стали с трудом вырезают вид храма или имя, но зато вырезанного не скоро сгладит и едкость времени. Точно так одно знание не охраняет добродетели от падений, когда восстают на душу похоти греха. В борьбе наклонностей святых и грешных устоят ли одному уму, удержат ли тревожную душу при добре, когда воля не приобрела навыка к добру? В мечтах ума могут возноситься высоко: а страсти будут продолжать свое дело, т.е. превращать человека в зверя. В нечистом сосуде портится самый вкусный напиток. И в нечистом сердце самые священные истины получают силу, несвойственную им. Язычники знали Бога, но от того, что не отдали Ему славы должной, мысль о Боге превратилась у них в бессмыслие, сердце их омрачилось, ум отупел.

Другое дело, – когда вместе с образованием ума идет в ряд образование воли. Успехи самого ума получают тогда другой вид. На этом-то пути, – на пути совокупных трудов ума и воли, – так хорошо узнают опасности для душевного спасения; на этом-то пути узнают верные средства спасти душу от грехов. На этом-то пути достигают созерцаний чистых и живых: опытность воли придает твердость суждениям разума; познания разума становятся не делом гаданий, колеблющихся на гладком основании, уклоняющихся на ту и другую сторону от приражения несродных мыслей; они возникают из глубины сердца, воздыхающего о святом; они вызываются желаниями воли, стремящейся к небу. И при обратном действии на душу не остаются бесплодными, а вызывают желания святые, чувства чистые, дела чудные Господу.

Странное дело! Только и забот, что об уме, как будто в человеке только и есть, что ум; как будто Христос для того только и приходил на землю, чтобы научить нас кое-чему забытому; как будто Он и не говорил о нужде перерождения всей души; как будто Дух благодати не с тем и послан в мир, чтобы обличить мир в грехе и совершить освящение человека на пути крестном!

Прежде ожидали всего от веры, ныне – от знания. Впрочем, разность в словах, а дело – то же. Вера не восходила дальше ума, знание не производит ничего, кроме брожения мыслей. Посмотрите ближе и увидите, что под видом этого доверия к вере заключается одно доверие к уму. Слово Божие отдано суду ума, и ум передает вещания Слова Божия, как хочет. Что ж выходит? Ум воспользовался данною властью, чтобы насмеяться над доверившими ему власть, – сперва привел в сомнение, потом разрушил учение их о благодати и Слове Божиим. В самом начале он уже дал знать о своих правах на превращение жизни в мечты. Сколько было шуму, сколько брани против дел! То и делали, что бесчестили пост и девство, клеймили позором подвиги, ни во что ставили дела и, казалось, что все это делали для славы веры и благодати. Следствия показали другое. Следствия показали, что под видом религиозного одушевления таилась гордость ума,

домогавшегося превратить евангелие в учение умное, бесплодное для жизни. Потому-то и явились сотни систем веры, столько же враждебных между собою, сколько несогласных с евангелием. Вера не на языке, а в сердце. Наша воля и сама по себе не много имеет охоты к христианским подвигам. А когда её нерасположение к подвигам освятили несправедливым толком о благодати и вере, одобрили, прославили шумными криками против значения дел, то естественно, что воля еще более ослабла, обленилась и свыклась с грехами, к которым она и без того слишком склонна. Так явилось преобладание самолюбия и корысти над всем святым. Так явилось равнодушие ко всему, что не связано с интересами земной жизни. Так явился наконец вавилонский раздор мыслей об одной и той же истине Христовой. Вот опыт тому, что без опытности в жизни христианской легко уму попасть на путь самый опасный! Вот опыт тому, что пока воля не управляется законом Христовым и не управляет всеми движениями души, ум, оставленный на свою волю, заводит и волю, и мысли в темную область расстройства и беспорядков!

Братия! согласитесь, что иное дело считать себя рабом негодным, другое – от лениости делаться дурным. Худо величаться делами, еще хуже величаться тем, что не творим их. Знать волю Господа своего, иметь все средства благодати ко спасению и быть довольным тем только, что не творим добра, – не поругание ли это благодати?

За что мы носим имя христиан? Ужели за то, что знаем довольно истин христианских? Нет, раб, знавший волю господина своего и не выполнивший ее, биен будет мною. Как явимся туда с мечтами в уме, и с безобразною пустотою в душе?

О, Господи! дай нам не умом только, но всею душою, всею жизнью приближаться к Тебе, – с забвением всего приятного на земле, всего дорогого склонностям нашей души, с отречением от самих себя – идти к Тебе до Иерусалима небесного, как мудрецы востока пришли ради Тебя в Иерусалим земный. Аминь.

1847 год.

Слово на Новый год

Вступая в новый год жизни, как хотели бы знать, что принесет нам новый год? Сердце невольно спрашивает у ума, что видит он в будущем? Счастье или несчастье? И ответа не слышно. Мы не видим, мы не знаем: какая доля, какой жребий выпадет тому или другому из нас? Продлится ли счастье счастливых? Престанут ли слезы лить те, которых участь нынешняя так горька? Наградит ли земля труды земледельца, или оставит в недрах сухих семена его? Будет ли воздух благотворен для всего живого или станет дышать смертью и болезнью на всех, не разбирая возрастов и крепости сил, не разбирая состояний и званий? Будет ли цвести торговля? Обратят ли внимание на труды верного слуги отечества? Судьба каждого из нас, как и судьба целых народов, покрыта завесою непроницаемою.

Что думать нам об этой неизвестности? Не полезнее ли для нас было бы, если бы знали мы будущую участь нашу?

Не станем утверждать, что знание будущего ни в каком случае не может быть полезным для человека. Иначе нам надлежало бы говорить, что прозорливость святых Божиих, видевших самое отдаленное и случайное, была делом не нужным, бесполезным. Иначе вам надлежало бы утверждать, что напрасно Господь открывать недоступное для обыкновенной прозорливости. Нет, для человека со святым настроением сил, для людей с волею правою, какова была воля первосозданного, возможна и благотворна способность провидеть будущее. И, о, если бы мы жили так, как надлежало бы жить людям в зрелом, мужеском возрасте духовном! О, если бы чистоте и крепости духа равнялась в нас ясность взора душевного! Тогда, нет сомнения, мы видели бы далеко впереди себя. Но сколько между нами таких, которых воля не оставалась бы назади успехов мысли, и, следовательно, не была бы слугою перемен, случающихся с душою, вместо того, чтобы господствовать, и над духом, и над природою внешнею? Если же остается нам говорить о людях, каковы мы с тобою, слушатель, каковы почти

все мы грешные, о людях немощных, слабых, расстроенных успехами, то остается быть уверенным, что для нас полезнее – не знать будущего, чем знать. Потому-то будущее и сокрыто для нас.

Неизвестность будущего для людей немощных есть счастье; поскольку, скрывая от нас ожидающие нас несчастья, сберегает покой наш. Какая радость отцу семейства, окруженному веселыми детьми, провидеть, что предметы его любви обречены преждевременному гробу? Какое утешение купцу – знать, что чрез год плоды трудов его многолетних поглотит вода, разрушит человеческая неправда? Какая польза честному слуге отечества предвидеть, что его непорочная служба чрез год очернена будет злобою? К чему открывать взор наш на отдаленную будущность, с которой не в силах мы совладеть? Для бесполезной, или даже для вредной рассеянности? Если неприятности настоящего бывают так тягостны для нас, что очень часто не достает у нас против них твердости нравственной, где же взяли бы мы сил и терпения, чтобы и делать дела настоящие и бороться с чувствами бед, открываемых будущностью?

Незавидно теперь состояние того или другого из нас; но он доволен и тем малым, что послал ему Бог; он трудится покойно и благодарить Господа за приобретения, какие доставляет ему труд. Не слишком щедро награждаются труды его; но он привык к умеренности, ему не с чего тревожить себя желаниями лучшего. Представьте же, что тот же человек, теперь столько спокойный, столько довольный немногим, увидел бы, что чрез несколько лет он будет и богат, и знатен, и счастлив во всем, – думаете ли что ему легко было бы сносить умеренность настоящей судьбы и ждать обольстительной будущности? Наверное, он потерял бы покой настоящего. А что будет чувствовать, дождавшись будущего? Это будущее обольщало его при взгляде издали, пока мало было известно. Но после того, как будет долго известным, оно потеряет для него цену от самой давности. И так, он потеряет покой умеренности и не насладится счастьем чрезмерным. Бог чем наградило бы его прозрение в даль будущего!

Немногие радости, какие посылает нам Бог в печальном странствии нашем на земли, от того более и радуют нас, что бывают неожиданны, встречаются нас тогда, когда не надеялись мы лучшего. После того, как не знали мы, как выйти из грозного стечения обстоятельств, искали и не находили помощи себе, обращаясь к тысяче средств, в какой восторг приходит сердце наше, получая помощь от Господа! Оно, как узник, вырвавшийся на свободу, радуется счастью своему.

Вы скажете, что все это не слишком возвышает положение наше, что все это показывает в нас что-то даже детски немощное? Согласен. Но что ж делать, когда грех сделал нас немощными детьми? Дело мудрости – преподать уроки, доступные силам. а не те, которые превышают меру сил.

Мы немощны. С нас довольно, если делаем то, что представляет для деятельности один день. И один день требует от нас всего внимания нашего, чтобы провести его, как должно. Ограниченные тесным кругом дня, мы еще в силах отклонить кое-какие препятствия к добру, препобедить кое-какие искушения, достигнуть конца дела, предлагаемого днем. И с нас довольно того. – Что нужно нам знать для успехов в труде дня, иначе, что нужно нам знать для нашего спасения, то все открыто нам. Нам полезна мысль о смерти; и мы знаем, что умрем, не взяв с собою ни денег, ни чести, которую так любим. Не знаем мы, когда умрем? Но известность о времени смерти была бы только вредною для нас, склонных к беспечности, тогда как неизвестность часа смерти возбуждает в нас спасительный страх и держит в границах страсти наши. Нам полезно знать, что ни одно доброе дело наше не остается без награды; и это нам открыто. Нам нужно знать, что должны мы делать, чтобы приобрести блаженную вечность; – и пути спасительные сделаны для нас известными.

Не слишком ли мало дано нам, если дано только настоящее? Напротив, нам дано весьма много. Нам дано настоящее, а от него зависит и будущее, и прошлое наше. Для чего хотеть бы вы знать будущее? Конечно, для того чтобы отвратить или несчастье будущее, или увеличить, сколько можно, будущее счастье? Повторяю, имея в своей власти

настоящее, вы имеете в своем распоряжении всю будущность вашу. И какую еще будущность? Не только догробную, но и загробную. Хотите ли, чтобы покойна, безмятежна была ваша старость? Пользуйтесь молодостью, как велит закон, берегите силы умеренною жизнью и трудами честными, уважайте отца и мать вашу, будьте почтительны к начальству: тогда, наверное, будете счастливы, наверное, будете долго жить, – так сказал Господь. Хотите ли счастья для вашей купли и продажи, для вашей службы и домашней жизни, для ваших детей и близких сердцу вашему? Храните заповеди Божия, *и приидут на вас вся благословения земли* (Втор.28:3–4): так сказал Господь. Хочешь ли отвратить угрожающую или наступившую беду? *Открой ко Господу путь твой и уповай на Него, и изведет яко свет правду твою* (Пс.36:5–6). Все зависит от того, как пользуемся мы настоящим. Небо и ад в нашей воле, будем ли исполнять закон Божий, или волю страстей наших, будем ли благоговеть пред Господом или поклоняться себе самим? Это от нас зависит; от свойства дел наших зависят и последствия их, – наша горькая, или приятная будущность. Станем сеять для плоти? пожнем гибель плоти. Станем сеять для духа бессмертного? получим блаженство вечное. Настоящее так важно, что может иметь влияние и на прошедшее. Ты многого доброго не сделал в прошлое время; ты много худого наделал в прошедший год? Покайся, пей горечь раскаяния за прошлую сладость греха; повергайся в духе веры пред Искупителем. Заслуги Вечного покроют грехи прошедшего времени; Отец небесный с радостью примет заблудшего сына.

Братия! что Бог строит для нас, того лучше ни сделать, ни придумать мы не можем. Отдадим же сердца наши в Его волю. Помолимся Ему искренно, от всего сердца: *Отче наш! да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.* Аминь.

1850 год.

Слово на Обрезание Господне и в новолетие

В руку Твоею жребий мой (Пс.30:16).

Еще прежде, чем зачат был во чреве пренепорочной Девы Божественный Младенец, ангел небесный назначает Ему имя – Иисус. Вечный Отец прежде, чем послал вечного Сына Своего в грешный мир наш, не только назначил Ему имя для земли, но определил и весь путь Его земный, от Вифлеема до Голгофы, от яслей и до гроба.

Оставляя за собою год прошлый, и вступая в год новый, думает ли кто из нас, что и прошлый и грядущий жребий наш не определен тем же Вечным! В руку Твоею жребий мой, говорит пред Вечным царственный пророк. Оглянемся на год протекший, подумаем о будущем, чтобы узнать жребий наш. Это и нужно; это и должно. Твое имя, Владыко наш – Иисусе, созвало нас ныне в храм сей; Твоим именем начинаемыми год наш новый. Да будет благодать Твоего имени с нами!

Что видит взор наш в нашем прошлом? *Благослови душе моя Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его. Благослови душе моя Господа, и не забывай всех воздаяний Его.* Ни дня, ни ночи, ни часа, ни минуты нет в нашем прошедшем, когда бы десница Вышнего не благодетельствовала нам. Все, чем жили мы, все, чем наслаждались мы, – пища, питье, одежда, кров, свет дня и покой ночи, – все Его, *о Нем живем и движемся и есмы* (Деян.17:28). Незримый Отец бережет чад своих среди мятежного мира. Сколько бед неожиданных отклонено, сколько ударов не допущено, сколько преград низложено! Кем? Незримою рукою. Коварный враг готовил нам беды тяжкие; но беды обратились на главу врага. Болезнь вела жизнь ко гробу, но наперекор расчетам науки обновила жизнь. *Благослови душе моя Господа, избавляющего от истребления живот твой, венчающего тя милостью и щедротами* (Пс.102:4).

Пусть так; пусть для многих много было скорбей в прошлом, и скорби еще не кончились. Один потерял богатство, и терпит горькую бедность. Другие весь год нуждались в куске хлеба, и с

концом года еще не кончились их нужды. Третий болен не год, а целые годы. Но кто знает, не скажут ли счастливому соседу: *чадо, помяни, яко приял еси благая в животе твоём?* О! если бы для приготовления души нашей к блаженной вечности требовалось не более, как пройти спокойным шагом от колыбели до гроба: тогда потери земные, нужды вопиющие, болезни тяжкие были бы точно неразрешимой загадкой. Теперь совсем не то. Бедствия земные отнимают от глаз наших завесу, за которую самолюбие скрывает от нас наши грехи, нашу нищету духовную, нашу близость к гибели невозвратной. Теперь говорят нам: если вы остаетесь без наказания; то вы не дети Божии, – вы чада прелюбодеяния. Премудрый и благий Отец наш! Ты знаешь полезное для каждого из нас гораздо лучше, чем мы знаем, и никак не подашь камня вместо хлеба.

Жестока потеря, какова потеря близких сердцу, сошедших в могилу. А сколько было таких потерь в прошлом году! Там – друг нежный, здесь – вдова беззащитная оплакивают невознаградимую потерю; дитя, как птенцы, кричат без матери и отца, сраженных одною косою. Там и здесь – слезы. Не осуждайте этих слез. Сам Сын человеческий проливал их при гробе Лазаря. И, однако, эта скорбь любви не должна быть скорбью не имущих упования (1Сол. 4:13). Жребий отшедших от нас также в руках Господа, как и жребий оставшихся. *Аще живем, аще умираем, Господни есмы* (Рим.14:8). Вы боитесь за жребий отшедших, вам хотелось бы помочь им? Можете помочь. Желания любви святой приятны Господу любви, – желаниям любви даны здесь средства делать добро для любимых, живых и за гробом. Сила крестной жертвы Сына Божия простирается с земного алтаря за гроб. *На сие бо Христос и умре и воскрес и оживе, да и мертвыми и живыми обладает* (Рим.14:9). Жаль осиротевших? Осмотритесь, и найдете тысячи примеров тому, как устрояет Господь судьбу сирот. Он истинно Отец сирых и Судия вдовиц.

Обращаясь от протекшего к наступающему, что можем ожидать от нового года? Темна будущность, мрак впереди нас. Мир так переменчив, земное так непостоянно, люди так не надежны! Бедный труженик земли найдет ли награду за труды

свои? Богатый и общим вниманием и средствами жизни не лишен ли будет завтра же всего? Кто знает, откуда повеет холод смерти? Воздух, которым дышим, вода, которую пьем, не будут ли отравой жизни? Мы знаем, что умрем: но кто опередит кого, юный ли старца, или старец юного? Не знаем. Но и темная будущность светла с Тобою, Господи! *В руку Твоею жребий мой.*

Отчего не надежна будущность наша? Оттого, что взор наш обращен к земле, а не к небу; от того, что надежды наши везде, но только не у Господа. Мы хотим думать, что жребий наш в руках наших. Агрономия, медицина, экономия – обещают нам горы счастья. Бедные! как жестоко наказывает нас наша гордость. *Сего дня или завтра, говорим мы, пойдем в такой-то город и пробудем там год, и станем торговать и получать прибыль;* а забыли, что жизнь наша пар, готовый чрез час исчезнуть; забыли, что ход природы ни чуть не в нашей власти. Что за тем? Не сбывшиеся надежды, чем были блистательнее, тем тяжелее, тем убийственнее для души. После того, как волновались желаниями обширными, мыслями исполинскими, восторгами сладкими, – обманутой душе остается мрачное отчаяние!

Вместо того вам надлежало бы говорить: если угодно будет Господу и живы будем, тогда сделаем то или другое (Иак.4:13–16), так учит апостол. И вернее сего, успокоительнее сего нельзя ничего сказать. Какая разность, когда твердо верим мы, что жребий наш в руках Господа! Тогда ни в прошедшем, ни в будущем не может быть обмана. Тогда прошедшее служит порукою надежною для будущего. Отец небесный, Который хранил нас в прошлом, подвергал искушениям, но и спасал от них, никогда не перестанет хранить и в будущем. Он всегда – Отец наш, всегда знает нужное для нас, всегда дает полезное нам. Волос с головы нашей не упадет без Его воли. Он – всемогущий Владыка правит всем. Нет такой нужды, от которой бы не исхитила десница Его, когда восхощет. Если к Нему обращены надежды: верны надежды наши, в чем бы то ни было. *Той пременяет времена и лета, давая премудрость мудрым, и разум ведущим смышление* (Дан.2:12). *Конь уготовляется на брани, от Господа же помощь* (Притч.21:31). Если к Нему горят

сердца любовью: любящим Бога вся споспешествуют во благое (Рим.8:28). Быть может, посетят меня бедствия, быть может, стрелы врага уязвят меня. Что-ж? *Он печется о нас. На Него возлагаю заботы (1Пет.5:7).*

Нам ли христианам быть без надежд на Всеблагое? Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за нас, может ли пожалеть что-нибудь для нас? Нам ли бояться врагов, каких бы то ни было, когда и благодать Духа Святого, и сонмы небожителей, наших братьев, готовы на помощь нам? Нам ли искать, где Бог наш? Благодарение Господу! Мы не язычники, безбожни сущие в мире. С нами Бог!

Но, однако, есть же и между нами, которые и верят, что жребий наш в руках Его. От чего это маловерие, или неверие? Или не ко всем Ты близок, Господи? Быть не может. Вина в людях.

Одни живут, не думая, как живут. Жизнь их – сон: ни связи в мыслях, ни отчета в делах не спрашивай у них; в голове их мечты, в сердце – пустота. Они не думают, как и кем правится жизнь их, и что такое они сами? Увеселение, связи, забавы – вот их занятия! Привычка, пристрастие, своеобразие – вот их правила! Они едят и пьют, чтобы спать, а встают с постели, чтобы пить и есть: вот процесс их жизни! К ним-то относится жалоба Вседержителя: *позна вол стяжавшего его, и осел ясли господина своего: Израиль же Мене не позна.* Как это странно, что люди могут быть хуже бессловесных!

Другие умны на то, чтобы вникать в события времени, дознают причины, следят за последствиями, не оставляют без внимания ни одного случая, могут рассказать вам и свою историю и историю червя. Но дальше земли – ни на шаг, выше обихода временного – ни на фут. Их взор так полон предметами близкими, причинами земными, что причина высшая – не зрима для них. Таково состояние мудрецов языческих, таково состояние некоторых новейших мудрецов! Надменные знанием предметов разнообразных, но мелких, они растерялись сами в разнообразии диких, безжизненных мыслей своих, а мечтают, что создали вселенную помимо Творца. Жалкие не видят, что имеют дело только с мечтами своими, тогда как мир Божий с его

сокровенными законами, с его невидимой причиной, вовсе не то, что их праздные помыслы. *Глаголющиеся быти мудри обьюродеша* (Рим.1:22).

Чтобы зреть пути промысла Божия, надобно самому быть близким к Промыслу. Надобно возлюбить пути Господни, и они соделаются для нас приметны. Надобно стать близко к Господу, чтобы и Он был близок к взору нашему. Как ясно видеть то, от чего удалил я себя на необозримую даль? Как ясно видеть то, на что не охотно и кое-как смотрю я? Молитесь Господу чаще, молитесь с сердцем сокрушенным, и сердце ваше скажет вам: *близ Господь призывающим Его во истине* (Пс.144:18). Святые Божии не только умом, но всею душою, самую жизнь изучили пути Божии, – и пути Божии им были известны опытно. Сколько у Давида царственных забот и трудов! И, однако, тогда, как вся природа безмолвствует и покоится, он встает и размышляет о судьбе правды Божией, взявшей его от стад в царя Израилю. *В полунощи восстах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоея*. В полночь встает, после того как уже *седмерицею днем хвалил Господа* (Пс.118:62, 164). Вот верный путь узнавать мановения десницы Вышнего!

Братия! обратимся еще раз к своему жребию. Для чего выпал нам жребий вступить в новый год? Ужели с тем, чтобы грешить по-прежнему? Ужели и прошлый год дан был с тем, чтобы наполняли мы дни и ночи его грехами? Все в руках Господа: но нет Его воли на то, чтобы творили мы нечестие. Следствия греха – бедствия. Казни являются меж нами по Его воле, независимо от наших желаний: но грех в нашей воле. Силы даны нам Господом: но употребление сил зависит от нас. Всеблагий помогает нам только в подвигах спасительных: а труды для греха – наше дело. И вот где особенно проявляется благодать Божия – в терпении, с каким попускает она злоупотребление дарами её. Но и терпению Божью есть предел – правда Божия. По самой благодати Своей всеблагий Бог не может любить зла и ненавидит грех. *Грехи ваши разлучают Меня с вами*, говорит Сам Он с состраданием о нас. Грехи лишают нас благодати Его. Грехи низводят на нас гнев Его. Горе сердцам коварным, вымышляющим зло для ближнего, чтобы

сокрыть свои неправды и беззакония! Горе устам лживым, шепчущим погибель на невинных, в угоду страстям! *Потребит Господь вся устны льстивые (Пс.11:4), глаголющие на праведного беззаконие.* Братия! что, если бы 1-й день года был началом последнего суда над нами? что, если бы теперь – в сем храме – явился Судья грозный? Боже великий и страшный в гневе! погибли мы... Братия! Он медлит, медлит ожидая обращения нашего. Не замедлим же сойти с пути погибельного. Нам дано время. О, как велика благодать Твоя, Господи! Нам дано время каяться и исправлять жизнь свою. Поспешим каяться, поспешим исправить жизнь свою. Каждый час, каждая минута – дороги: потому что даны со счетом, и в них потребуют отчета. Сколько истрачено сил, сколько убито времени! Употребим оставшееся во свое спасение. Что? Пагубные привычки одолели разум и волю? Недостает сил, чтобы встать и идти по пути спасительному? О! тем сильнее, тем беспощаднее надобно побуждать себя; тем громче, тем неотступнее надобно звать благодать на помощь. Проси, как нищий, проси с горькими слезами, и – нищему духом подана будет крепкая помощь. Будь бодр. Силен грех? Но – всемогуща благодать Его!

Тебе, Господи, величество, и сила, и слава, яко Ты всеми, иже на небеси и на земли, владычествуеши... От Тебе богатство и слава... В руку Твою милость, Вседержителю, возвеличити и укрепить вся (1Пар. 29:11–12). Аминь.

Слово на Новый год

Вступая в новый год, желаем себе и другим нового, новой жизни, нового счастья, нового совершенства. Желание справедливое! Естественно, любим жизнь, и притом жизнь лучшую; разрушения и смерти никто и ничто не желает. Желаем мы более и более у совершать себя; так как назначены мы к тому, чтобы приближаться в качествах и совершенствах к Всесовершенному. Между тем, что нового на земле? Что может случиться со мною или другим такого, чего бы прежде не было? Самое счастье, самое благополучие жизни временной стоить ли помыслов и забот? Тот, кому начало бы оно улыбаться, заранее должен приучить себя к его потере. Не все ли в земном мире – пустота нарушение духа, не все ли тление? К чему же обратимся мы с нашими желаниями нового? Где предметы, которые стоили бы называться новыми, к которым стоило бы обращаться с желанием нового? *Аще кто во Христе*, говорит апостол, *нова тварь* (2Кор.5:17). Вот новость, новость единственная в нашем старом мире! Только в жизни христианина, и ни у кого более, может быть новое в самом лучшем смысле слова. Только в христианстве возможно совершенствование человека.

Удивительного нет в том, что в мире вещественном нет ничего нового. Здесь все идет по неизменному закону вещественного. Никакая астрономия не откроет ничего нового в звездном небе. Скажут ли, что тогда-то открыты новые, миры планет, тогда-то дознано новое течение огромных тел? Но этим открывают только человеческое незнание того, что было, а не новые явления неба. Там все остается в одном виде. *Восходит солнце и заходит солнце* (Еккл.1:15) новость ли это? Никакой испытатель природы не отыщет ни одной новости на земле. *Род преходит, и род приходит, а земля во век стоит*. Все реки идут в море, и море не наполняется; в то место, откуда выходят реки, они идут обратно? – вот все, что видел на земле самый даровитый испытатель природы – Соломон (Еккл.1:4–7). Не

будем же трудиться над изысканием нового там, где нет ничего нового.

Люди, охотники до нового, открывают в человечестве способность день от дня быть новым. Говорят: человечество само по себе идет к совершенству. Как не радоваться такому преимуществу человечества! Но полно, принадлежит ли оно ему?

Что это за способность человеческая – самосовершенствование? Если это – гордая надежда человека на свои силы, то она известна была и язычеству; только согласитесь, не послужила она к чести человечества. Однако надобно сказать, что и язычество на столько было скромно, что успехи свои приписывало гениям, хотя в этих гениях и оказывались или лучшие люди, или высшие, но сотворенные духи. Откуда же взята надежда на самосовершенствование человечества? Известна ли она была иудейству? Нет! Ему известны были обещания Божии исправить падшее человечество. Так. Но это совсем не то, что самосовершенствование человечества. И так, эта странная надежда на самосовершенствование явилась в христианском мире? Пусть же осмотрятся, не быть бы иным христианам хуже язычников. Как явилась в христианском мире эта оскорбительная для христианина надежда? Бедные люди до того бедны от суеты мыслей своих, что не поняли готовой, данной им, мысли святой, и составили из неё мысль превратную. Спаситель и апостолы учат о совершенствовании человека во Христе, а люди, не поняв того, стали говорить о самосовершенствовании людей. Христианство говорит: если кто во Христе, тот – новая тварь; а люди проповедуют о преобразовании людей самими людьми. Вот и происхождение мысли о самосовершенствовании человечества! Видите, самое происхождение показывает незаконность этой мысли.

Дерево, снедаемое гнилью и червями, может ли доходить в росте до исполинского дуба? Может ли оно доходить до какого-либо значительного роста? Нет; оно чахнет, едва отходит от земли, покрытое коростю. Чего же ожидать от человечества, которое со дня Адама прониклось нравственною порчею и гниет,

не преставая гнить когда-нибудь, гниет, не смотря ни на какие человеческие лекарства. Прочтите историю всех народов: что увидите вы там? Историю борьбы слабой добродетели с толпами пороков, историю гниения людей. После сего должны мы дивиться только тому, как человечество, тлеющее в грехах тысячелетия, доселе не погибло. Конечно, сила, избавляющая его от гибели, от истребления не в нем самом. Иначе, пусть эта спасающая сила человеческая сильнее начала зла: почему доселе она не победила слабейшего начала зла? Если ж она слабее в мощи своей силы зла: отчего, в продолжении веков, не ослабела в борьбе с злом и не поглощена им? Так, благодарение верховному Промыслителю! Он, ради искупительной любви, спасает человеческий род от гибели, то отсекая неисправимое зло правосудием, то соединяя испортившиеся племена с менее испорченными, то исправляя немощное иными мерами кроткого милосердия. Место ли же тут надежде на самосовершенствование человечества?

Говорят: человечество побеждает природу искусством, изобретениями, открытиями. С торжеством указывают на новые успехи в области наук, художеств; вот, говорят, плоды самосовершенствования человечества! Странно, как будто силы для побед над природою даны человеку не свыше; как будто искусства, изобретения, открытия совершаются не в области управляемого Богом мира; как будто успехи, приобретаемые помимо благословения Божия, без благочестия и страха Божия, не оказываются на деле успехами в гибели! Ум Соломона обнимал множество наук и искусств, – и что ж принесла ему мудрость его? *Уразумех аз, говорит он, яко и сие, т.е. мудрость – суета и крушение духа и приложивый разум приложит болезнь: творити книги мнози несть конца, и учение многое труд плоти* (Еккл.1:17–18, 12:12). Что это значит? То, что, как бы ни велики были победы ума над природою, они сами по себе ничего не приносят бессмертному духу, кроме утомления, кроме бесполезной траты сил; они не подвигают его ни на пядь к совершенству, потому что совершенство состоит не в расширении ума для земного, но в стремлении всего духа к Богу, в приближении бессмертной души к её первообразу –

всесвятому Господу. Легкомысленное самолюбие восхищается успехами ума в том или другом народе, того или другого времени: но тот или другой народ – не человечество; тот или другой народ переходит из дикого состояния в состояние гражданской образованности, которую потом, с переменою политической судьбы, опять теряет. Такова история народов! Человечество же от того не приобретает ничего, и не лишается ничего. Вместе с тем, что значит гражданская образованность народов без нравственного совершенствования? В то самое время, как открытия наук являются вслед за открытиями ремесла и художества облегчаются в производстве работ своих, – в то самое время, в этих самых обществах, не находят ни покоя, ни безопасности; пороки не обузданы, законы – игрушка страстей, правительства – предмет брани, ссоры не умолкают, союзы рвутся, волнения и тревоги кипят, каждый хочет повелевать, и никто – повиноваться. Чем становятся науки? Жалким средством не помогать, а вредить природе. Чем – книги и зрелища? Картинами разврата и злодейств. Скажите же, ужели и это человечество идет к совершенству?

Говорят: человечество, передавая опыты от поколения к поколению, становится умнее, лучше. Да; осьмая тысяча годов идет, как этот способ самосовершенствования остается в руках человечества. Пора, давно пора воспользоваться им в полной мере. Что же? Вывелась ли из обществ человеческих хотя одна язва нравственная, хотя один порок, омрачающий человечество? Нет! Самые ужасные последствия разврата мыслей на время вразумляют людей, но не долее, как на одно, много на два поколения; а там люди опять принимаются за тот же разврат, теряя из вида страшные последствия его.

Нет, – только Творец и Властитель мира правит судьбою целого человечества к его совершенству прочному. И Он во Христе открыл путь совершенствования людей. Христианство – такая премудрость Божия, которая разливает свет на все отрасли жизни человеческой, сосредоточивая благотворное действие свое в преобразовании нравственных сил наших. Дух христианства, проникая в начала гражданских обществ, в семейный быт, в частные взаимные сношения людей, всюду

производит благотворные перемены, смягчает дикие нравы, истребляет жестокость, бесчинства и гнусности, водворяет чистоту и святость, мир и покой. *Аще кто хочет волю Его творити, разумеет о учении, кое от Бога есть, или Аз от себе глаголю,* говорил Христос (Ин.7:17). И точно; кто дорожит всем тем, что дороже всего для бессмертного духа человеческого, тот скоро уверяется, что выше и чище христианского учения нет и не может быть на земле. Христианство преобразует в человеке не одну какую-либо часть его, но всего человека, все силы его, – и ум, и чувства, и воображение, и волю; простирает действие на самый телесный организм. Оно очищает и исцеляет испорченные силы его, ведет дух к небесному совершенству. Кто может сомневаться, что там, где действует Всемошный, все может прийти в самый лучший порядок и устройство, как бы ни велико было повреждение в организме, и как бы не многосложен был этот организм? А кто действует в христианстве? *Аще кто любит Мя, говорит Христос, слово Мое соблюдет; Аз и Отец к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Ин.14:23). Сила Божия, сила всемошная, составляет действующее начало во всех отправлениях жизни христианской. И вот источник чудных перемен, производимых христианством в человечестве!

Христианское совершенство не так легко достается человеку, как мечтает легкомыслие о своем совершенстве человечества. Оно начинается горьким оплакиванием грехов своих; сопровождается постоянною борьбой с навыками и наклонностями ко греху, и не престаёт орошать трудов своих слезами до гроба. Отчего? Оттого, что мир во зле лежит (1Ин.5:19), земля полна соблазнов, так что надобно опасаться заразы на каждом шагу; а более от того, что в нас самих есть ветхий человек, который то и делает, что дышит развратом, старается покорить рассудок страстям, привязать сердце к тленной чувственности, возбуждает помыслы гордости и тщеславия, научает беспечно почитать к надежде на помощь благодати, не прибавляя от себя ни желаний, ни труда. *Несчастный я человек! кто избавит меня от смертного тела сего* (Рим.7:24)? Так говорит Павел, возносившийся с земли на

небо. А другой апостол учить: *если скажем, что не имеем греха, себя обманываем; истины нет в нас (1Ин.1:8)*. Таким образом, не христианство виновно в том, что некоторые христиане так мало совершенств обнаруживают в своей жизни. Это зависит от того, что они не борются с живущим в них грехом, как требует христианство; это зависит от того, что они ослабляют и погашают в себе божественное начало жизни, увлекаясь внушениями греха.

Путь христианства таков, что на нем до гроба нигде нельзя остановиться, чтобы сказать: довольно, дальше идти некуда. Образец христианского совершенства, к которому должны стремиться мы, есть полный возраст Христов, иначе – совершенство Отца небесного. Какая недостигаемая высота совершенства! Потому-то остается восходить от совершенства к совершенству. Вечная слава за подвиги – там, на небе; здесь нет венцов, кроме венцов терновых.

Здесь не открыто нам, что будет там (1Ин.3:2). Здесь должны мы вздыхать желаниями облечься в бессмертие (2Кор.5:2). Братия, говорит о себе апостол, *я не считаю себя достигшим совершенства (Флп.3:13)*.

Христиане-слушатели! все мы еще в купели крещения получили благодатные силы для жизни новой, небесной; все мы дали тогда обет не облекаться в старую одежду греха, а жить по образу Создавшего нас – праведно и свято. Что же? Каковы мы теперь? Пожалеет о тех, которые губят время и силы на вредные мечты о совершенстве человечества, вместо того чтобы заботливо исключать себя из списка людей негодных. Более же и прежде займемся своим печальным положением. Для нашего исправления Господь дает нам еще время. Воспользуемся новым годом, как даром Божиим, чтобы омыть слезами покаяния очерненную одежду крещения. Ужели и новый год наш будет годом старых грехов? Страшно, если употребим во зло столько даров Божиих, сколько дано нам, Христиане! Долго мы жили во грехах? Христианину никогда не поздно каяться. Отец небесный всегда готов принять его. Зло проникло природу нашу, пагубные привычки одолели совесть нашу, обычаи мира сковали добрую волю нашу. Но всемогущая

благодать чего не сотворит с нами? Будем мужественны, при надежде на всеильную её помощь. *Аще кто во Христе, нова тварь.*

Согрешили мы пред Тобою, Господи, суетою мыслей и дел наших! Гнев Твой – над главами нашими, за беззакония наша. Нечестия мыслей и сердец наших умножились без меры. Преклоняемые тяжестью грехов наших, повергаемся пред Тобою, и не дерзаем что-либо глаголать Тебе, как только исповедовать вседействующую власть Твою: у Тебя суд и милость, живот и смерть для нас. Аминь.

1848 год.

Слово в навечерие Нового года

На пределе двух годов стоим мы теперь, братия. Прошедший год отлетает от нас с сим вечером, и тот же вечер вводит нас в *новый* год.

О чем говорит нам эта граница времен?

Сердце человеческое, а еще более язык, послушный обычаю, готовы теперь истощаться в желании всем и каждому долгих лет, счастливых времен. Не желаю осуждать сего желания, когда оно есть желание искренней мольбы пред Господом времен. Но об одной ли жизни говорит нам предел двух годов?

Новый год – начало делений времени и, следовательно, разных границ жизни. Новый год – начало делений времени, из которых ни одно не принято за определенный час решения нашей участи. Новый год, вызывая на память перемены времена, вызывает мысль о времени, после которого не будет для нас времени.

И так – видите, о чем прежде всего говорит нам настоящий вечер? Он говорит нам: *бдите; не весте бо, когда Господь дому приидет* (Мф.24:42; Лк.13:35).

Души малодушные готовы трепетать, что хотят напомнить им о неизвестности часа, имеющего решить участь их. Они привыкли отдалять от себя мысль о смерти. Они привыкли встречать новый год не иначе, как с беззаботною веселостью. Оне готовы даже защищать свой обычай, готовы говорить: зачем подавлять душу мрачными мыслями, когда она должна радоваться за новый дар Божий – за новый год? Но пусть не тревожатся. Мысль о внезапности смерти не мешает ничему святому. А не святое, что делают при начале года, от того именно и допускается, что, помня о начале жизни, не помнят о неизвестном конце жизни.

Лежит человеку единою умрети потом же суд (Евр.9:27). Это закон общий, – закон, о котором говорит нам каждый день, каждый час. Мы слышим, мы видим, как из среды нас смерть похищает наших братьев и наших сестер. Мы слышим, мы

видим, как смерть исторгает жертвы свои в пышных домах и хижинах, между знатными и низкими, между богатыми и бедными, между старцами и детьми. Разбора не делает она людям ни по чинам, ни по деньгам, ни по полу, ни по возрасту. Всех препровождает к Домовладыке для отчета. Иным болезни говорят: близка к нам смерть. Но к другим смерть приходит и без этих вестников. Внезапно, неожиданно пожинается тот, кому цветущее здоровье обещало многие годы. Как же забывать нам о смерти? Мы умрем и, может быть, многие из вас так же внезапно, как умерли другие многие. Мы умрем, хотя бы хотели или не хотели того. Зачем же отдалять от себя мысль о том, чего ни отклонить, не предвидеть мы не в состоянии?

Не думают ли, что поступают благоразумно, когда насильно скрывают от себя мысль о смерти? Что за благоразумие скрывать то, что так очевидно для всех? Что за благоразумие скрывать то, чему определение Вышнего положило совершиться непременно? Что за благоразумие не думать о смерти, когда она, быть может, чрез час препроводит тебя на суд?

Не думают ли продолжить жизнь, когда питают жизнь беззаботною веселостью? Ах! если бы и верна была эта надежда: умно ли, безопасно ли покупать минуты земной жизни на счет сомнительной судьбы в вечности? Между тем, сколько раз смерть насмехалась над такой суетною мыслью людскою? *Не весте, когда Господь дому приидет*, сказал Всеведущий. Ужели люди переменят этот предел Всеведущего? Если уже так заботливы о временной жизни: не скорее ли угасающая жизнь может оживиться, продолжиться, подкрепиться, когда ее ставят ближе к Источнику жизни, когда, не отклоняя взора от смерти, повергают жизнь в распоряжение Владыки жизни и смерти? Нет, не благоразумие, а легкомыслие заставляет скрывать от людей мысль о смерти. Не уважение к жизни, но невниманье к себе гонит от себя прочь мысль о смерти. Преступная жажда наслаждений боится, как бы не встретиться с неприятною мыслью о смерти, и удаляет от себя и других мысль о смерти. Она-то заставляет предаваться безграничной веселости, при встрече с новым годом.

И резвой, живой юности надобно напомнить урок об осторожности. А тебе, муж зрелый, идет ли предаваться легкомысленному веселью, когда летам возраста твоего должна бы соответствовать зрелость мыслей и благочестия? Еще страннее, еще больнее смотреть на тебя, убеленная сединами старость, когда бы ты предалась забавам юности, после того как столько смертей внезапных видела своими глазами, – и тогда, как сама стоишь на пороге могильном.

Время ли теперь предаваться беззаботному веселью? Вступая в новый год, мы становимся на пределе двух миров, на границе двух времен, прошедшего и наступающего. Первое должно занять нас размышлением о делах, которые мы доселе делали. Последнее должно озаботить нас тем, что надобно нам делать, чтобы не погубить всего на целую вечность.

Кто бы ты ни был, недугующий служением миру: осмотришь, как обманчив обольщающий тебя мир, как оставляет он тебе в награду только томление и пустоту. Целый год был рядом забот об удовольствиях, о честях, о деньгах. Но что же приобрели? Сбирали ветер, и остались с усталю. Усердно заботились продолжать удовольствия; а они промчались как тень. Стоило же трудиться для пустоты!

Что же, если смерть не научит нас не обольщаться более суетами, не останавливать заботь на том, что не стоит заботь? Что, если после каждого года будет оставаться у нас одна суета, и после всей жизни останется наконец только сложность сует? С чем вступим мы в вечность? Какова будет для нас вечность? Во времени воспитали, раздражали мы жажду благ временных; а время, отняв свои блага, оставит нас в жертву той жадности, которой нечем будет насытить. На что обратятся тогда необузданные страсти? Они будут терзать самую душу, воспитавшую их благами исчезнувшими. Несчастное сердце, бывшее только для мира и греха, будет само для себя адом. О! время ли для беззаботной веселости?

Оглянемся еще на прошлый год. Многие из нас скучали часами, посвящаемыми молитве, не знали, на что употребить время и проводили его в рассеянии преступном и – вот эти часы улетели пустыми, без добрых дел. Ужели не жаль нам убитого

времени? Ужели не хотелось бы нам возвратить его? Как покойна была бы душа наша теперь, если бы прошедший год проведен был весь во славу Божию, с вечною пользою для души! Как утешительно было бы вспомнить его пред престолом Божиим с благодарностью пред Господом! И как не содрогнуться, если книга жизни нашей исписана коварством и клеветой, корыстью и неправдами, жестокостью и угнетением невинного, сладострастием и развратом? А прошедшее невозвратимо! Что же нам делать? Ужели и тут быть беззаботными? Братия! пред нами будущность, которую предоставлено нам употребить по-своему усмотрению. Пред нами будущность, когда раскаяние в духе живой веры, усвояя заслуги Искупителя, может загладить сими заслугами грехи времени. Пред нами будущность, когда можем согреть холодное сердце наше теплыми молитвами, воспитать в нем любовь к Господу. Не будем употреблять времени без пользы для себя, не будем тратить его на пустые, если не преступные, занятия. Время так дорого: им можем купить себе или погибель вечную, или спасение вечное. Не будем более употреблять во зло долготерпение Божие. Иначе, чем долее будем откладывать время раскаяния: тем труднее будет каяться, тем труднее будет исправлять сердце испорченное, тем тяжелее будет вступать в вечность. Не легко нам расставаться с привычками худыми. Но – после смерти бесполезно и всякое разевание.

О, если бы мысль о внезапности смерти была твердою души нашей! Как многое переменилось бы в душе нашей грешной! Пусть неверующий живо представит себе муки умирающего невера, не содрогнется ли он своего неверия, хотя бы для того, чтобы не встретиться с теми же муками страшными? Беззаботный богач говорит душе: *душе, имаша блага многа, лежаща на лета долга, яждь, пей и веселись* (Лк.12:19). Но, при мысли о внезапности смерти, он не говорил бы того, а сказал бы себе: *безумне, в сию ночь истяжут душу твою, а яже уготовал еси, кому будут?* (Лк.12:20) Как свято стали бы мы исполнять обязанности наши к ближним, если бы жили с мыслью о внезапности смерти! Время прекращено, сказали бы мы себе и поспешали бы с полною верностью

исполнять дела, возлагаемые званием нашим. Время прекращено, сказали бы мы себе и двоили бы старание исполнять свои дела, не касаясь дел чужих. Обидел ли кто нас? мы сказали бы: да не зайдет солнце во гневе нашем; иначе, быть может, с закатом солнца потускнет и свет нашей жизни. Поспешим, сказали бы мы себе, отереть слезу бедности, защитить невинность притесненную, – напитаем голодного, оденем нагого. Иначе, кто знает, будем ли иметь время сделать то же самое, тогда как за гробом успокоенная вами бедность заступятся за нас пред Отцом бедных. Ах! если бы отец и мать твердо помнили, что в вечности, на суде Владыки и Отца всех, строго взыщут с них за гибель детей их, которых оставляют они свободно изучать обычаи гибели и не знакомят с страхом Божиим: таково ли было бы наше юношество? Таковы ли были бы родители?

Братия! если мысль о смерти печальна для кого либо, так это для тех, которые, прилепившись к земле, забыли о вебе, не помнят о вечном своем отечестве. Но для них же она – врачевство спасительное; в них она может произвести печаль о Господе, о которой не раскаются. А надобно ли отвергать врачевство за то только, что оно не приятно? Страшен для них образ смерти? Но этим-то страхом и рассеиваются греховные помыслы в сердце их точно так, как ударом грома очищается испорченный воздух. Пусть же не отклоняют от себя спасительного страха.

Между тем, мысль о смерти – мысль, весьма отрадная для готовых к вечности. Встречая новый год с мыслью о смерти, они встречают его с утешением; они радуются за прошлое и грядущее. Скорбит ли живущий в стране чужой и далекой любимый сын, когда напоминают ему о скором возврате в дом родительский? Скорбит ли узник, когда говорят ему, что время заключения его сократилось свобода его близка к нему? Сетует ли больной, когда узнает, что час выздоровления его наступает, страдания его скоро окончатся? А Он – Отец небесный, ждет странников земных, чтобы успокоить их в доме Своем вечном.

Он – Отец любви, готов снять с узников плоти оковы, столько тяжелые для духа чистого. Он – Отец жизни, готов

уврачевать раны, наносимые грехом душе до самого гроба. О, как не радоваться благодарною радостью об Отце, ожидающем детей с такою любовью! Если же он положил и еще продолжить на несколько земное странствование, если Он определил и еще бороться с искушениями и напастями времени: и тогда отдаляемый предел жизни – не печаль, а утешение. Любящий и мудрый Отец видит, что для очищения нечистот греховных надобно еще подвергнуть душу искушению, для усовершения святой любви её надобно еще потребовать жертв от самолюбия, для уврачевания нескольких язв надобно еще дать несколько приемов горького лекарства. Да будет благословенна мудрая любовь Отца небесного! Наученные смирению мыслью о смерти, вступая в новый год, приносят благодарность Отцу веков самую искреннюю, самую пламенную. От чего так холодна благодарность многих из нас за год протекший? От того, что занятые мыслями о наших силах, о наших успехах, мы дышим гордостью, даже и тогда, когда являемся воздать славу Господу; оттого, что, забывая бренность естества нашего, слабость и нечистоту нашу, мы, довольные собою, не оставляем в сердцах наших места имени Божию. С мыслью о смерти – не дружится духу гордости. С мыслью о смерти дух, не отягчаемый землею, свободно возносится к Отцу щедрот и повергает пред ним жертвы хвалы и благодарений.

Бдите убо, братия, не весте бо, когда Господь дому приидет. Аминь.

1845 год.

Слово в день Богоявления Господня

Бог – вездеприсущ. Он Дух, и все наполняет собою. В этом согласны и вера, и разум. Что же такое значит, что вера так часто говорит нам о богоявлениях? Что такое значит, что церковь христианская назвала нынешний день преимущественно днем богоявления?

Бог – вездеприсущ. Тем не менее Он может являть особенную свою силу, в известном месте, для известных людей. Он есть Дух; *дышит, идеже хочет*; и так, как хочет, дышит, то в громах и молниях – в грозном могуществе силы; то в кротком веянии ветра – в силе благодати своей. На небе – престол Его, град Его – Иерусалим небесный; на небе – обители многие многих слуг, говорит нам откровение: это значит, что нам указывается на то положение, в котором яснее, нежели нам земным жителям, является Бог, и творит блаженными святых слуг своих; это значит, что Дух – ревнитель святости, наполняя все собою, особенно близок к духам чистым. И на земле открывается Он с особенною своею благодатью для благих, и с грозным величием для грешных; и на земле Он являет крепость свою великую и дивную там, где хочет, по премудрому и благому хотению своему. Бог наш есть Бог самосуший, всевластный, – Он непокорен неизбежной неподвижности, или неподвижной необходимости. И дух сотворенный, властвуя над соединенным с ним телом, обнаруживает особенное присутствие свое, – то в том, то в другом члене повелевает – то тою, то другою частью вверенного ему состава телесного. Тем более Дух всевластный и выше-свободный может выполнять мысль свою там, где восхощет, и как восхощет.

Бог есть Дух: но Он действует в мире видимом, вещественном. Дух сотворенный – тонок, не веществен, а действует в теле грубом, многосложном. Явления Бога – Духа в образах вещественных так же доступны для разумения, как несомненны действия того же Духа на мир вещественный. То и другое явление есть явление силы Божией в вещественном.

Бог – дух всеприсущий. Но потому-то дух ограниченный и обнимает Его не иначе, как в явлениях, не иначе, как в образах ограниченных. Как необъятного обнимает тварь? Только по частям, только в той мере, в какой Он сам благоволил открывать Себя, познает Его человек.

Бог – благ. Он являл Свою волю благую в постигаемых знаках во все времена; история времен тому доказательство. Человек грешник! когда Господь не являл тебе особенную любовь Свою в образах видимых? Ты пал в первый раз; Бог искал и нашел тебя. Ты не преставал и после того уклоняться от Бога грехопадениями новыми, не преставал отдалять себя от Него преступлениями повседневными; но любовь вечная преследовала тебя на всех твоих стезях, удерживала от путей заблуждения, возвращала к пути спасительному. Как многократно, как многообразно показывал Бог тебе силу благодати Своей, то в слове спасительном, то в образах таинственных! Что значит история народа Божия, как не история богоявлений, как не внятная для души и слуха беседа Божия с человеком – грешником? Тот только, для кого непонятен голос истории верной, тот только может представлять себе непонятную мысль о богоявлениях.

Когда человек мог сказать, что не имеет он нужды в беседе с Богом, в явлениях Божества благого? Даже и тогда, когда он не был еще грешником, даже и тогда он жаждал откровения высшего, как создание немощное, как ограниченное существо: – тем более тогда, как он стал грешником, благословлять должен благодать Божию, являющуюся ему в знаках видимых. До чего бы дошли люди в грехопадениях своих, если бы премудрый и всеблагий не просвещал омраченных грехом очей их, и не подкреплял слабой для добра воли своими явлениями?

Христианин! Никогда Бог не являл Себя на земле в таком обильном свете, в таких высоких образах, как Он явился тебе во Христе. Христианство есть полное откровение божества, – столько полно, сколько может оно быть полным на земле; оно есть самое духовное, самое чистое откровение божества, сколько может быть духовным откровение, назначаемое для сынов земли. Было время, когда Бог беседовал с людьми, как с

детьми. Во Христе Он открыл то, что надлежало открыть для мужей. Для людей-детей Он являлся, и являл истину Свою в осязаемо – чувственных образах, открывал истины первоначальные на языке понятном для воображения и чувства. Как обилен, и как чист Божий свет, пролитый на тебя, христианин! Представь себе, что ты живешь язычником; представь все, что ты мог думать, что ты мог делать, оставаясь с языческими мыслями, с языческой душою. Ты ужаснуться должен тех грубых суеверий, тех отвратительных пороков, которые обременяли бы тебя, как язычника. Оставаясь иудеем, ты вздыхал бы под немощными и слабыми стихиями мира, под обрядами вещественными. Высокая, духовная истина явилась для тебя в Иисусе, в своем духовном виде. Как высока участь твоя, устроенная во Христе! К несчастью, порча растлила и умы, и сердца наши, – и мы слишком мало чувствуем достоинство богоявления христианского. Чем заняты мысли, чем заняты сердца большей части из нас? О чем думают с услаждением? Чем восхищаются люди? Истина ли Христова, самая высокая, самая чистая, истина Божия наполняет собою души? О, нет! у людей часто изливаются сердца в веселии и радости, в восторгах самых сладких, но только не свет Христов услаждает их. Земным, часто ничтожным, часто вредным заняты их мысли и сердца: *любят тьму, паче света*. То, что дано знать человеку для жизни земной, дознают со всею ревностью: а то, что открыто для жизни вечной, признают за ненужное, или за излишнее; науку жить на земле для земли делят на отрасли, разбирают по частям, пересматривают простым и искусственным оком, стараются заметить все стороны с отчетливою точностью; а лучшую науку – науку жить для неба – оставляют в стороне, или занимаются ею, но довольно холодно. Заботы о земле подавили деятельность христианина – того самого христианина, который должен жить преимущественно для одного неба, которого Отец небесный столько благоволил и благоволит искать для себя одного, хочет исполнить собою одним, в котором – хочет открыть славу Свою.

Тайна, самая высокая тайна, открыта для христианина при крещении Христа Иисуса. По единогласному свидетельству святых евангелистов, *крестився Иисус, взыде абие от воды, и се отверзошася Ему небеса, и виде Духа Божия сходяща яко голубя, и грядуща на Него. И се глас с небесе глаголя: сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих* (Мф.3:16–17). Отец небесный свидетельствует о Себе гласом с неба, что он есть Отец возлюбленного Сына. Благоговей, христианин, и поклоняйся Богу Отцу Сын погружается в воде крещения, и глас с неба наименоывает Его Сыном Отца небесного. Креститель Сына свидетельствует, что до того времени не знал он Сына, но в крещении познал, что Он есть Сын Божий; что Он есть тот, который, родившись после него, предшествовал ему, так как был прежде него, так как есть первый из всех, – вечный (Ин.1:30–34). Благоговей, христианин, и поклоняйся крещаемому Богу Сыну! Дух святой – не дух человеческий, не Дух сотворенный, а Дух самого Божества, Дух с славой и силою Божества: но Он является отдельный и от Отца, и от Сына, в телесном виде. Благоговей, христианин, и поклоняйся Богу Духу святому! Так, свято поет церковь: «во Иордане крещаясь Тебе, Господи, поклонение Троице явилось нам». Если представим себе, что тайна св. Троицы не была открыта с такою ясностью и определенностью самим патриархам, самим пророкам, всем ветхозаветным праведникам; если представим, что она в полном свете в первый раз открыта только при крещении Христа Иисуса, то каким глубоким благоговением должны исполниться сердца наши к сей тайне? Все прочее, что может познавать человек о Боге, о Его свойствах, далеко – ниже сей тайны: это самая глубокая, самая внутренняя тайна существа Божия, которой человек сам по себе никогда дознать не мог и не может. Потому-то верно именует церковь день сей днем богоявления: ибо непостижимый Бог явился ныне людям.

Христиане – братья! понимаем ли, чувствуем ли мы богатство благодати Божией, озаряющей нас столь чудным светом своим? Мысль о Троичном Божестве составляет отличительную принадлежность откровения христианского; во составляет ли она для наших мыслей мысль необходимую?

Или, так много у нас мыслей в душе, что и столь высокая мысль едва ли когда находит в нас себе место? Многие ли размышляют, кто для нас сей Сын, крещающийся в Иордане? Кто для нас Дух святой, сошедший на крестившегося Иисуса? Вступая в истинную веру, мы крестились во имя Отца и Сына и Духа Святого; это значит, что, по вере церкви и Слова Божия, без веры в св. Троицу, нельзя быть истинной христианской вере, нельзя и считаться истинно верующим в Бога: но так ли мы думаем теперь о тайне сей? Возлюбленный брат! ужели нет у нас с тобой и столько любви к правде, чтобы вспомнить об имени, которое я и ты носим на себе, – об имени христианина, и об обязанности, возложенной на нас сим именем при крещении нашем?

Отче, Сыне и Душе святой! просвети нас светом Твоим, – омрачаемым нерадением о своем спасении и – о Твоих тайнах. Аминь.

1845 год.

Беседа на праздник Сретения Господня, на литургии

Тогда, как Господь закона приносится в храм иерусалимский, чтобы исполнить закон, два человека, – и только два, сретают Господа своего. Конечно, велики сии двое, когда они только в целом Израиле могли быть вестниками явления Его. Конечно, достойны христианского изучения сии двое, когда они столь редкие благовестники о царстве Христовом.

Посвятим беседу нашу внимательному рассмотрению одного лица из сих великих, – Анны пророчицы.

И бе Анна пророчица, дщи Фануилеви, от колена Ассирова: сия заматеревши во днех мнозех, живши с мужем седмь лет от девства своего. Евангелист замечает происхождение Анны по плоти, конечно, с тем чтобы в большем свете представить достоинство духа её. Анна была дочь Фануила, из колена Ассирова, из племени знаменитого силою, богатством и жизнью покойною (Быт.49:20; Втор.33:24–25). Такая знаменитость рода Анны дает право думать, что ей соответствовало и богатство родителей. Но благородство рода не повредило благородству души благочестивой Анны, не внушило ей ни гордости, ни суетности, – не повело ее к рассеянности и роскоши. *Сия заматеревши, во днех мнозех* Анна достигла глубокой старости, сохранила жизнью бережливую жизненные силы на долгие лета, украшалась сединою лет, которая сама по себе столько достойна уважения. *Живши с мужем седмь лет от девства своего.* Только семь лет наслаждалась утешениями брачного союза, сохранив при том для брака девство. Чтобы дожить до глубокой старости, много надобно претерпеть скорбей, и Анна терпела их; она потерпела самую чувствительную скорбь, потерю супруга в младости. Анна была в супружестве; следовательно, брачное состояние в лице её – состояние священное. Но евангелист, к означению годов супружеской жизни Анны, прибавил еще черту, замечательную тем более, что для означения годов супружества совсем и не необходимо. Не

довольно ли было сказать: *живши с мужем семь лет?* но евангелист сказал еще: *от девства своего*. Так, в разумении евангелиста, образ Анны был еще привлекательнее, еще чище от того, что она была чистою девою до состояния брачного. Юная дева Анна была как ангел, блистала столько целомудрием, а не одеждою, не нарядами, не смелостью взглядов и поступков, которая так часто дышит тлением души. Взор её был стыдлив, слова скромны, обхождение просто, юное лице цвело чистотой чувств. Такова она была до брака. О, если бы светлый образ Анны-девы отпечатлевался чаще в девах нашего времени, приступающих к браку! О если бы, спеша к брачному союзу, заботливо помышляли о том, чтобы предстать пред алтарем с чистотой ангельской невинности.

И та вдова, яко лет осьмьдесят и четыре, яже не отхождаше от церкви, постом и молитвами служащи день и ночь. По закону иудейскому, девы приступали к браку 14 лет; и так Анна, прожив с супругом семь лет, лишилась его тогда, как ей было с небольшим 20 лет. И, однако, она осталась вдовою до старости, до смерти. Зачем же ей было не избрать другого супруга? Зачем не позволить себе насладиться еще жизнью, когда жизнь только что начинала ей улыбаться?

И та не отхождаше от церкви. Еще Моисей предписывал правила для жен, посвящающих себя Господу (Чис.6:2); еще в его время видим жен, поочередно служащих при входе в скинию свидения: они пожертвовали тогда дорогие зеркала свои для священной умывальницы (Исх.38:8). Подобных обетных дев видим во время Самуила (1Цар.2:22). И Анна 21-летняя вдова, также решилась неотходно служить при храме Иеговы.

Не отхождаше от церкви, постом и молитвами служащи день и ночь. При храме довольно было занятий для благочестивых обетных дев и жен; там, где служение Богу соединено было с таким множеством обрядов, и требовало так много принадлежностей внешних, служение рук женских нужно было для многих случаев; и такое трудолюбие обетных жен было делом священным: оно было служением Иегове. Но в Анне евангелист отличает еще особенное служение: постом и молитвами служащий день и ночь. Что это за служение? Пост –

служение Богу? Как это так? Молитва – служение? Пост и молитва – служение, и какое служение? – Такое, что евангелист сочел нужным преимущественно сказать о нем, умолчав о других служениях благочестивой Анны.

Постом служащи. Евангелист назвал пост служением Богу. Да, положим, что пост составляет действие, труд пока одного тела. Но он есть труд, он есть подвиг: нельзя же легко, без принуждения себя, приучить и тело к умеренности, воздержанию – и даже к лишениям крайним. Это труд тела? Так. Но благодарение Господу, когда и тело служить Богу. Не дозволено оставлять страсти чувственные на их волю. Ужели когда-нибудь, и кому-нибудь из людей сказано: служи Богу духом, а телом делай, что угодно? Нет, такого откровения еще никому не было. Напротив, апостольская заповедь говорит: *прославите Бога и в душах ваших, и в телесех ваших.* Напротив, апостольская мысль говорит, что грех живет и действует не в одной душе нашей, но и в теле, – и, следовательно, требует обуздания и телу. Напротив сказано, что нас будут судить за дела, *яже с телом содела кийждо, блага или зла.* При том, зачем обольщать себя мечтами? А не мечта ли думать, что воздержание или невоздержание телесное может быть без всякого влияния на душу? Пусть каждый испытает и увидит, что чем менее дают свободы телу, чем более истощают его постом, тем более приходит в силу жизнь души; мысли её становятся светлее, чувства и желания чище, молитва искреннее и живее, воздыхания о грехах чаще и полнее. А случалось ли кому заметить противное тому, т.е. чтобы отягченное невоздержанием тело легко и свободно молилось Господу?

Понятное дело, чем более груза на корабле, тем более нужно сил управлять им.

Не отходяше от церкви, молитвами служащи день и ночь. Что молитвы Анны составляли служение Богу, это довольно понятно. Молитва – труд души для Господа, и пред Господом. *Яко очи рабыни в руку госпожи своея, тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедрит ны,* – вот изображение истинно молящегося! Как рабыня не без страха

стоит пред госпожею своею, и с строгим вниманием замечает каждое движение её, чтобы узнать волю её: так душа истинно молящегося вся – внимание пред Господом своим, ожидает и просит, боится немощей и молит о помощи, вздыхает и надеется на любовь, утверждается в намерениях благих и отрекается от худых.

Праведная Анна и постилась, и молилась. Для чего – то и другое вместе? Для того, что молитва испрашивает силы для поста, пост очищает молитву; молитва освящает, одухотворяет пост; пост дает крепость и жизнь молитве. Одно для другого помощь, одно другим возвышается и совершенствуется. И Анна освящалась тем и другим.

Но мы, как кажется, забыли о недоумении, возбужденном мыслью о вдовстве Анны. Спросили и не отвечали: зачем было этой вдове обрекать себя на всегдашнее вдовство? В сущности ответ уже дан: ответом служит жизнь Анны, проведенная в служении Господу, в посте и молитве. Для чего юная Анна обрекла себя вдовству? Для Господа, – так отвечает жизнь её. Не прекрасный ли, не самый ли лучший это ответ? для чего мы должны жить на земле? Конечно, не для земли, а для Господа. Итак, что-ж? Обет вдовства есть ли дело недоброе? Очевидно, он есть решимость жить так, как только надобно жить на земле; есть решимость вести жизнь лучшую, самую близкую к цели жизни нашей. Скажут: и в жизни брачной можно жить для Господа? Не сомневаюсь, и искренно молю об успехе. Но если в брачной и в небрачной жизни можно жить для Господа, то не все ли равно избрать ту или другую жизнь? Это – вопрос другого рода. Решение его можно бы было показать и в жизни ветхозаветной праведницы. Но прямое и ясное наставление о сем предмете читаем мы у апостола. Он пишет: *аще посягнет дева, не согрешила есть: скорбь же плоти имети будут таковыи: аз же вы щажу. Хощу же вас беспечальных быти* (1Кор.7:28,32). Что это значит? Оставляя вне сомнения, что греха нет в том, если вдова или дева вступит в брак, апостол показывает, что вступающие в бракотягчены будут скорбями плоти, и, желая для каждого христианина жизни без забот, жалеет о брачующихся, какотягчающих себя игом. И как не

жалеть, когда столько бед, сколько томительных трудов, попечении, недостатков, нужд, должны обременить юную душу, обрекающую себя жизни супружеской? Кто исчислит все скорби самого счастливого супружества? Не говорит о несчастных браках, хотя их так много. Между тем и в жизни, и без того много скорбей, особенно для желающих жить благочестиво; между тем, и без того много надобно твердости, чтобы соблюсти спокойствие души для свободного служения Господу; много надобно бесстрастия, чтобы короткая жизнь не промчалась вся в заботах волнующегося житейского моря, и в том мире не оказалась бесцветною, лишенною добрых подвигов. Но это еще не все. Апостол говорит далее: *разделися жена и дева. Не посягшая печется о Господних, како угодити Господеви, да будет свята и телом, и духом: а посягшая печется о мирских, како угодити мужу (1Кор.7:33–34)*. Есть различие между женою и девою, учит апостол. В чем же? По отношению к видам их, желаниям, стремлениям, помыслам. Заботы незамужней обращены на то, как угодить Господу, как соблюсти волю Его святую, и помыслами, и делами, чтобы явиться на суд Божий с совестью не укоризненной; как сохранить тело жилищем Духа Святого; как очищать сердце свое, где так много у каждого нечистоты. А у замужней? У ней другие мысли, другие попечения. Хочет ли, или не хочет, – она принуждена заботиться о мирском, с тем связала себя союзом неразрывным; принуждена суетливо думать, как угодить мужу; как приготовить нужное для него и для детей; как устроить то и другое в доме. Тысяча заботь, – и все заботы относятся к земле. Положим, что намерения освящают труд. Тем не менее не одно и то же – служить прямо Господу пред лицом Господа, и служить Ему только в лице людей и вещей. Притом легко ли, при мыслях мирских, среди заботь мелочных, сохранять в душе мысль о Господе, освящать попечения земные намерениями благими? Толпы предметов теснят, давят душу, а что еще бедственнее, сама душа, в которой столько страстей, стремится к ним, ищет их и, увлекаясь более и более пристрастием к ним, наконец начинает дорожить ими более, чем собою, чем самим небом, чем самим Господом. Потому-то апостол говорит в заключение:

вдаяй браку свою деву, добре творит: и не вдаяй лучше творит. И о вдовице предлагает то же: блаженнейша, есть вдовица, аще тако пребудет, не связывая себя браком (1Кор.7:38,40). Вот вам и решение на то: одно ли и то же избрать брачную или безбрачную жизнь! Пусть не жалуются, что предлагаем решение человеческое. Решение предложено апостольское.

Возвратимся к блаженной Анне. *И бе Анна пророчица – и та в той час приставши исповедашеся Господеви.* Жизнь, посвященная Господу, жизнь в посте и молитвах, столько возвысила дух Анны, что она сподобилась дара пророческого. *И та в той час приставши.* Когда Иосиф и Мария с божественным Младенцем были еще в храме, Анна также пришла в храм. Она пришла, когда старец Симеон, по внушению Духа, явившийся в храм, держал на руках своих Избавителя и славил давно ожидаемого Господа. О св. Анне не сказано, что пришла она по влечению Святаго Духа, как сказано о Симеоне; она пришла просто, по-своему обыкновению, пришла как бы случайно, не намеренно, хотя сие ненамеренное действие также было предназначено в судьбах Промысла. Как же счастлива Анна, что и на тот раз не оставила обыкновения своего! Какого сокровища могла лишиться она, если бы изменила на сей раз святому правилу своему! Видите, братия, как надобно дорожить случаями, когда можем делать добро, когда назначено нам заниматься делами благочестия. Дни и времена, назначенные церковью для посвящения их Богу, мы опускаем мимо глаз, как ничего незначащие, или не много значащие. Что ж? Прошел праздник, придет другой, – успеем помолиться, так говорит легкомыслие. А не думает легкомыслие, сколько теряет оно! Не думает, что должны мы отвечать за потерянное для благочестия время. Не думает, что должны отвечать за пренебрежение благодати, ожидавшей нас в праздник. Не важного времени нет для нас, потому что каждая минута времени дана Богом для вечности. Но особенно важны те часы времени, когда люди более, чем когда либо, могут быть способными к принятию благодати Божией. Бог наш – есть Бог порядка и мудрости, раздает дары по Своей воле, но всегда

тем, которые внимательны к стезям Его; если медлить Он подать дар и ожидающим Его, то с тем, чтобы они еще искреннее желали и терпеливо ожидали дара в дни раздаяния даров. Будь же внимателен к себе, и к времени!

Исповедашеся Господеви. Узрев Того, Кого ожидали пророки, в Ком заключались надежды её и всего Израиля, пророчица прославила Бога за исполнение надежд её и Израиля. И как было не славить Бога той, которой душа полна была верных мыслей и чувств о Боге, и точных о себе. Не славят Бога только те сердца, для которых Бог – они сами, их силы, их разум, их воля, их слава и богатство.

И глаголаше о Нем всем чающим избавления во Иерусалиме. Когда душа полна радости, она делится своею радостью с другими, говорит о предмете своей радости другим, желает, чтобы и другие наслаждались утешением её. Так, св. Анна, в радости сердца, спешила передать радость святого сердца своего *всем чающим избавления во Иерусалиме*. Всем проповедовала о избавлении, или, что тоже, о Избавителе, но всем тем, которые чаяли избавления. Почему же не всем вообще? Ах! это потому же, почему и всегда не всем можно говорить об истине и правде. Таковы люди, что для некоторых из них слово об истине и правде будет *глас вопиющею в пустыни*, а для других – предмет презрения и насмешек. К чему же бросать жемчуг пред незнающими цены жемчугу?

Господи! Твоею благодатью умудри, и спаси нас. Аминь.

1843 год.

Беседа в день Сретения Господня, на всенощном бдении

(Лк.2:22–35)

Благословен Бог, не оставляющий грешного мира без благодатного семени Своего, без людей по сердцу Его! Что было бы с людьми грешными, если бы не было между ними праведников, – сих проводников небесной силы для чад тления? Как ни был испорчен народ иудейский ко времени пришествия Христова на землю: среди него оставались любимцы неба. В храме иерусалимском сретили Господа два ангела во плоти, – праведные Симеон и Анна. Рассмотрим ближе святого старца, не только зревшего божественное Отроча, но и приявшего Его на руки свои. Прочтем и уясним повествование евангелия о праведном Симеоне.

И се бе человек в Иерусалиме, ему же имя Симеон, и человек сей праведен и благочестив, чая утех израилевы. Что это за правда, украшавшая Симеона? Та ли это, правда, когда за любовь воздают любовью? Но эта правда бывала у язычника и у фарисея (Лк.6:32). Та ли это правда, когда платят за оскорбление оскорблением? Но згой правдой отличался и обыкновенный иудей. Евангелист показывает в Симеоне праведника редкого, показывает мужа той правды, которая низвела на Симеона благодать Святого Духа. Что же за праведник был Симеон? Симеон не только не оскорблял прав ближнего, но готов был делать для ближнего то же самое, что и для себя; не только не пользовался чужим, но готов был делить свое с страждущим ближним? – Вот правда высшая, которая одна может до того умиротворить взаимные отношения людей, что с нею люди были бы ангелами кротости и мира.

Бе благочестив. Сколько свято сохранял Симеон заповеди о любви к ближним, столько же душа его полна была благоговейной любви к Богу. Ум и сердце его были посвящены Богу, обращены к созерцанию и прославлению совершенств Его. Воля Божия во всех случаях жизни была для него законом. Бесстрашный и бесстрастный ко всему, он боялся одного, – как

бы не прогневить Господа. Побуждения немощной природы могли требовать послабления ей в исполнении строгой правды законной: но страх Божий, как страж, хранил сердце его, и закон Божий служил светильником ногам его.

Мир тогда, как и ныне, любил свои забавы, утешался своими надеждами. Симеон уже близок был к концу земной жизни своей, и много видел горького и сладкого: но, ни сладкое не увлекало его до забвения неба, ни горькое не поражало души его до безнадёжия на небо. Он чаях утехи израилевой. Его надежды, его радости и ожидания были обращены к утехе израилевой. Что ж это за утеха израилева? Это то же, что утешитель израилев; это тот обетованный Искупитель, который избавлением от грехов должен был принести не земное, а духовное утешение Израилю; это Тот, который, быв обещан со дня падения Адамова, составлял предмет ожиданий и сладких надежд для людей Божиих; Тот – Спаситель мира, которого ожидали все пророки и праведники. Время Симеона говорило Симеону, что близко время пришествия обетованного. Скипетр правления уже взят был от Иуды; в руках жестокого Ирода он только поражал народ Израильский, а не охранял его покоя от врагов. Внутреннее состояние Израиля – его нравственность, его знания, – так было мрачно, так печально, что исторгало глубокие вздохи и молитву об особенной помощи свыше. Симеон внимательно изучал время, – и ему, внимательному к воле Божией, все говорило, что близко время утехи израилевой. Знали об утехе израилевой многие между иудеями при Симеоне; хорошо знали о том книжники и законоучители. Однако, иное дело знать утеху Израиля, другое ждать утехи израилевой. Сретить утеху израилеву мог один Симеон, другого Симеона не оказалось. Отчего это? Оттого, что для праведного Симеона все утешение, все радости заключались в ожидания утехи израилевой. К обетованному Спасителю обращены были не только все мысли его, но к Нему обращено было все сердце его, вся любовь его, все желания и дела его; всего духовного, всего чистого ожидал он от утехи израилевой, а о земном счастье мало помышлял он. Так, слушатели мои, не все ученые, далеко не все, заняты спасением души; еще меньшее число

чающих спасения оказывается, когда подумаем, что все могут и все должны быть чающими спасения. Ах! так мало избранных между нами. О, когда бы мы, по примеру избранника – Симеона, искали утешения нашей только во Христе Господе, в котором искал и он. О, когда бы мы, при взгляде на бедствия общественные, на упадок благочестия, на скорби частной нашей жизни, обращались с надеждами нашими, с молитвою искреннею, с сердцем сокрушенным и смиренным, ко Христу Господу! Пусть другие хвалились бы тогда своими книжниками; нам довольно было бы утешения израилевой, как для Симеона.

Как велик Симеон! И Дух бе свят в нем. Для ветхозаветного праведника довольно было, что он чаял утешения израилевой. Но в Симеоне было более. После того, как вознесся Иисус с земли на небо, пришел на землю Утешитель, Им посланный. И каждый христианин возрождается Духом в воде крещения, укрепляется Духом при миропомазании; каждое другое таинство сообщает ему дары Святого Духа. Не то было в ветхом завете. И, однако, Дух святой был в Симеоне, оттого что его праведность, его благочестие, его вера в Искупителя возвышали его на степень новозаветного праведника.

И бе ему обещано Духом Святым не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня. К чему это обещание? Надлежало, чтобы Господь храма, пришед во храм, не остался без достойного сретения. Люди ученые, люди книжные, не могли явиться сюда, они, слишком занятые ученостью, решали умом, а не сердцем, вопрос: где Христос рождается? Иереи и первосвященники иудейские уже не достойны были благословить Благословенного, быв увлечены мечтами о счастливой земной доле своей. Для самого Симеона это обещание было высшею наградою его благочестью, его искреннему ожиданию утешения израилевой. О, Боже мой! какой ответ дам я Тебе, – я, которого так часто достаиваешь видеть Себя в пречистых тайнах Твоих, и которого так холодно сретаю, так недостойно приемлю я? *Мнози пророки и праведницы вожделеша видети, и не видеша (Мф.13:17).* Искреннему, чудному рабу Твоему Симеону, Ты обещал, как высшую награду за благочестие всей жизни его. – ту часть, чтобы прежде смерти

своей видел он Христа Господня. Братия! оплачем нашу невнимательность, страшную для нас в будущем к страшным Тайнам Христовым.

И прииде Духом в церковь, и егда введоста родителя отроча Иисуса сотворити има по обычаю законному о Нем; и той прием Его на руку свою, и благослови Бога, и рече. Святой Дух, который дал высокое обещание Симеону, привел Симеона в храм, куда принесен был Иисус. Чудное дело совершается в рабах Господних. Их водит, ими управляет невидимая высшая сила, тогда как и сила воли их при них остается; их мысли направляются к тому, о чем не размышляли они, а сила мысли их в них действует. Чудно, и вместе просто! Люди века не состоят ли под управлением духа века? Их мысли, их воля во власти духа времени. Там и здесь общее – любовь, сливающая мысли и волю любящего с любимым. Но разность в том, что там Господь, здесь тварь, – там благодать, здесь грех, – там жизнь, здесь смерть. И люди любят мир, а не Господа! Как слепы! как несчастны от самих себя люди!

Ныне отпускаеши раба Твоею, Владыко, по глаголу Твоему с миром, – говорит в восторге духа благодарный Симеон. «Владыко живота и смерти! ныне уже нечего более мне делать на земле. Служение мое на земле окончилось. Чего желала душа моя, что обещало слово Твое, исполнилось. Теперь Ты отпускаешь раба Твоего на свободу желанную, разрешаешь от уз плоти и мира, которые так тяготили меня. С миром возвращаюсь я к Тебе. Владыко мой!» Так спокойно оставляет земную жизнь праведник! На земле не остается у него ничего, к чему привязана была бы душа его, – сокровищ на земли не любил он, чести и известности не искал; – на душе его не лежит намеренная обида ближнему; Отца небесного постоянно имел он пред очами своими, – и к Нему спешил он, как из дальнего странствия нежный сын. Как завидна такая кончина!

Яко видесте очи мои спасение Твое. Праведный Симеон не только узнает в младенце Иисусе обещанного Мессию, но в пророческом одушевлении видит всю великую судьбу Его, изображает Его не только словами пророков, но словами очевидцев Слова воплощенного.

Видесте очи мои спасение Твое, еже еси уготовал пред лицом всех людей. Видели очи мои Спасителя, Тобой предопределенного и обещанного. Вот Тот, которого назначил, которого посылаешь Ты для спасения всех народов земли!

Предо лицом всех людей Он явится, ни для кого не будет сокрыт, всем будет возвещен, все о Нем узнают, хотя и не все примут. Как высок был Симеон пред своими современниками! Сильна была в его время уверенность, что все высокие обещания, все преимущества царства Мессиина принадлежат одному иудейскому народу, народу Божию. Даже апостол Петр долго не смел призвать язычников к участию в благах христианства, пока не был вразумлен небесным видением (Деян.10:11, 19). Старец Симеон видит младенца, окруженного глубокою простотой и бедностью, – и узнает тайну, которая не только забыта была народом, хотя и открыта была пророками, но долго не ясна была и апостолу.

Он видит в младенце Иисусе *свет во откровение языков, и в славу людей Божиих – Израиля.* Светом для язычников Симеон называет Иисуса, поскольку язычники покрыты были мраком идолослужения, суеверий, разврата; незнания истинного Бога, незнание путей спасения – сущий мрак, пагубный мрак душе. И сей-то мрак рассеивает Иисус – *Свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир (Ин.1:4).* Славою для Израиля называет праведник Иисуса, потому что иудеи – народ, избранный Богом, люди, по преимуществу, усвоенные Богом, тем особенно должны были прославиться, что между ними, от них родился Спаситель всех народов. Язычники просветятся, а иудеи только прославятся. Почему же и они не просветятся? Ужели познания их были так совершенны, что им нечего было желать от Света истинного – Сына Божия? Нет; иудеи многому могли научиться у Сына Божия; познание Бога и Его закона, какое они имели, во многом могло усовершеншаться и дополниться, если бы умом и сердцем стали они внимать наставлениям обетованного Спасителя мира. Свет христианского учения так чист, так высок по достоинствам своим, что им желают просвещаться самые ангелы небесные в восторге от него, когда зрят его. Но тогда, как язычники чрез

веру воспользуются светом Сына Божия, большинство иудеев не примет благодетель Сына Божия, оно отвергнет Его к собственному несчастью. Так зрел праведный Симеон.

И бе Иосиф и мати Его чюдящася о глаголемых о Нем. Как было не изумляться столь великим словам о младенце Иисусе!

И благослови их Симеон. Приветствовал с благословенною, счастливою долею, как приветствовала Елисавета (Лк.1:42).

И рече к Марии Матери Его: се лежит Сей на падение и на восстание многим во Израили, и в знамение пререкаемо. Богоприимец зрит в Иисусе предмет пререканий и разной судьбы для людей. Он сравнивает Иисуса с дорогим намнем, лежащим на дороге, – с камнем, предназначенным для необычайной цели, Неосторожный путник спотыкается об этот камень и падает, и получает смертельную ралу. Осторожный, внимательный, при встрече с тем же камнем, останавливается, рассматривает его, узнает цену его и делается богачом, из низкой доли возвышается на степень славы и известности общей. Так изображал Мессию пророк Исаия (Ис.8:14, 28:16). Так изображал Иисуса апостол: к Нему же приходяще, камени живу, от человек убо уничиженну, от Бога же избранну, честну, и сами, яко камене живо зиждетеса в храм духовен: вам убо честь верующим, а противящимся камень, его же небрегоша зиждущии, – камень претыкания и камень соблазна, о нем же претыкаются слову противляющиися (1Пет.2:4–8). Праведник называет Иисуса знамением пререкаемым. Знамение есть открыто-выставленный предмет, на который устремлены глаза всех, знак чего-то необыкновенного, но чего именно, о том остается дознавать зрителю. Умный, опытный зритель понимает значение этого предмета, понимает, о чем дает знать знак к всеобщему сведению. Но многие смеются над тем же знамением; другие понимают знак, – но недовольные тем, что дело не соответствует личным видам и желаниям, осыпают порицанием тоже знамение, или объясняют его в пользу своих страстей. Точно так смотрели иудеи на Спасителя Иисуса. И одни ли иудеи? Увы! и между нами, и в нашей жизни, то же совершается. Те, которые дают волю страстям своим, не враги

ли креста Христова (Флп.3:18)? Для других имя Иисуса служит возглавием духовной праздности. Говорят: за нас все сделано, жертва принесена правосудию, благодать переродила нас; нам нечего более делать; трудиться, подвизаться, поститься, изнурять себя, – к чему это? Это значило бы оскорблять благодать Иисусову. Вера, вера в Иисуса – вот все, что нужно! Но многие скажут тогда: *Господи, Господи! не в Твое ли имя пророчествах? не твоим ли именем бесы изгоним?* И Господь скажет праздным читателям имени Его: *не вем вас.*

Яко да открыются помышления сердец человеческих. Пререкания людей о Иисусе будут иметь следствием то, что откроются тогда неодинаковые свойства сердец человеческих. Сердца, ищущие добра и спасения, если и встретятся с некоторыми сомнениями, скоро оставят сомнения и примут Иисуса, поскольку Он есть истина, жизнь, спасение людей. Отвергнуть Иисуса могут только сердца злые, которым не мило добро и спасение, и потому не может быть предметом любви и Спаситель. Тот, чье сердце исполнено чувством виновности своей, чье сердце жаждет спасения, ищет света и силы для вечности, тот примет не только имя Иисусово, как имя святое, но будет лобзать крест Иисусов, пойдет за Иисусом путем внутренних и внешних скорбей до гроба. Иначе вера, оставаясь делом одной мысли, перенесла бы в вечность только знание, но не жизнь. Напротив, чьи сердца заняты страстями, гордостью, тщеславием, земными выгодами, те отвергнут Иисуса. Таким образом, тогда откроется величие благодати Божией, так как, не желая смерти людей, послала она в мир Спасителя – Сына Божия, но которого не принимают многие из людей только оттого, что злы сердца их.

И тебе же самой душу пройдет оружие. Праведный Симеон, полный благоговения к матери Господа и – скорби о земной, ожидающей Ее участи, наперед открывает Ей ожидающие Ее смертные страдания, так как скорбь предвиденная легче падает на душу, легче тяготит ее, чем скорбь непредвиденная. Он открывает Ей то положение Её, в каком Она будет особенно в последние дни земной жизни Сына Своего. Много скорби испытает Она и тогда, как будут осыпать

поношениями дела и чудеса Иисуса. Но ужасна скорбь, какая посетит Ее тогда, как враги прострут ненависть свою до того, что распнут божественного Сына Ея, как злодея; скорбь будет так велика, как бы острый меч проходил в самое сердце Её.

Братия! много возвещает нам и своею жизнью, и своими словами св. старец Симеон. Целый сонм добродетелей – жизнь его. Поревнуем добродетелям его. Он терпеливо чаял утехи израилевой; земное было оставлено для сего Утешителя. И, в награду трудов терпения, он увидел, узнал, принял на руки свои Утешителя, тогда как не узнали Его тысячи. Страшна участь отвергающих сего Утешителя, по словам праведника. Устрашимся сей участи, будем хранить сердца наши от неверия и бесплодной веры, от страстей и грехов, – и Он молитвами праведника Симеона, будет нам в славу и спасение. Аминь.

1844 год.

Слово на великий пяток

Итак свет, пришедшие в мир просветить языки, сокрылся в мраке гроба, немного озарив и сердце Израиля? Восток свыше, посетивший землю, познал запад свой, не узанный землею?

Отче небесный! Где благоволение, которым свидетельствовал Ты любовь к своему Сыну? (Мф.3:17). Где слава, о которой молил Тебя возлюбленный Сын Твой? (Ин.17:1). Сын Божий вопиет на кресте: *Боже мой, Боже мой, Вскую Мя еси оставил?* (Мф.27:46). И вопль Его оставлен без ответа. Владыка Сил небесных, обессиленный муками и страданиями позорными, выпускает дух Свой.

Но Свет небесный не с тем явился в мир, чтобы оставить людей во мраке большем прежнего. Нет, – не при этом гробе место темному неверию.

О сем познахом любовь, яко Он по нас душу Свою положи: и мы должны есмы по братии души полагати (1Ин.3:16). Вот тайна Сына Божия, нисшедшего во гроб! Она не известна была векам, но – открытая – она изливает свет и блаженство на веки и вечность!

О сем познахом любовь, яко Он по нас душу Свою положи. Там, где, казалось, действует только суд Божий, страшный для целой вселенной, там, где небо казалось до того разгневанным на землю, что не давало ответа даже на глас Сына Божия, там открывается любовь, – любовь, которой еще не было примера.

Как не дальновиден ум человеческий со всею хитростью, со всем коварством страстей! Люди думали, что, предавая на смерть Христа Господа, они делают только то, что хотелось страстям их. А оказалось, что самые страсти выполняли то самое, чего хотела любовь небесная, любовь Сына Божия.

Христос Господь на кресте, Христос Господь во гробе. Но не сила злобы человеческой довела Его до креста и гроба. Сколько раз враги имели все средства взять Его, чтобы поступить с Ним по воле страстей! И они не раз окружали Его, не раз посылали слуг, чтобы схватить Его. И что же? Посланные слуги возвращались с сознанием недоступного величия Его; сами

враги не могли коснуться Его – беззащитного: яко не у прииде час Его (Ин.2:4), – не приходил час, назначенный волею Его. И кто мог довести до гроба, Тебя, Владыко жизни и смерти? Кто мог противостать силе Твоей? Кто мог победить Тебя, Господа неба и земли? Братия! Он *носит все глаголом силы Своея*. Ему стоило сказать слово и – легионы ангелов мгновенно явились бы против врагов Его. Он сказал: Аз есмь (Ин.18:16), и – воины римские с толпою слуг пали в ужасе на землю. Еще одно слово и – огонь небесный истребил бы их, как содомлян, земля отверзлась бы под ними, как под Кореєм и Дафаном. Петр думал защищать Его: но Он исцелил отсеченное ухо Малху (Лк.22:51). Нет, – Он по своей воле предал Себя на страдания и смерть. Он знал, что в Иерусалиме будет предан, поруган и распят, но отправился во Иерусалим (Мф.20:18). Он знал предателя Своего, знал, что предатель явится в саду Гефсиманском, – и остается в саду Гефсиманском; знал врагов своих, – и вышел Сам к ним навстречу.

О сем познахом любовь, яко Он по нас душу Свою положи. Так, а не иначе, говорил Он и Сам о Своей смерти еще за долго до смерти. *Сего ради любит Мя Отец, говорил Он иудеям, яко душу Мою полагаю, да паки прииму ю. Никто же возмет ю от Мене, но Аз полагаю ю о себе. Область имам положити ю и область имам паки прияти ю (Ин.10:17–18).* Только Его воля пожертвовала жизнью Своею, только в Его власти состояло – взойти ли на небо, или умереть на кресте. Враги Его вопияли: аще Сын еси Божий, сниди со креста (Мф.27:40). Но потому-то и не нисшел Он со креста, что Он – Сын Божий, полновластный в судьбе Своей и в судьбах мира. Потому-то и не нисшел Он со креста, что любовь Сына Божия положила – совершить то, на что могла решиться только вечная любовь.

Любовь Его восхотела положить душу Свою за нас, и положила.

И кого же так возлюбил Сын Божий? Грешников! О, Любовь вечная! Кто бы мог подумать, кто из сынов человеческих дерзнул бы ожидать, что так далеко прострется любовь Твоя к нам?

Если Сын Божий являет ангелам любовь Свою: это близко к понятию нашему. Ангелы – духи чистые, совершенные, святые. Они искренно любят Господа Своего; они пламенно творят волю Его. Потому удостаиваются они особенной любви Божией.

Если Сын Божий возлюбил любовью особенною людей невинных, каков был Адам, лишь только вышедший из рук Творческих: – и это близко к понятию нашему. Из рук Творческих вышел человек с образом и подобием Божиим, украшенный правдою и преподобием истины (Еф.4:24). А и земные родители любят детей своих, как свое подобие.

Кто же мы, которых возлюбил Сын Божий? Если скажем: *мы земля и пепел* (Быт.18:29), то это еще далеко не все. Мы – земля нечистая, пепел, оскверненный грехами. – И нас возлюбил Сын Божий.

Пусть можно еще найти примеры самопожертвования за благодетелей. Решится ли кто умереть за праведника, – это сомнительно. А пожертвовать жизнью за грешников? Это уже вовсе не в порядке дел и понятий человеческих. А Сын Божий по нас душу Свою *положи*.

И как велика тяжесть, поднятая любовью Сына Божия!

Братия! мы пьем грехи, как воду. Грех кажется нам такою малостью, что мы и не думаем о нем. Но не таков он на самом деле. Он кажется нам минутным забвением долга; а на деле от него зависит участь в вечности: он совершается на малом пространстве земли; а потрясает небеса. Отчего это? оттого, что каждый грех – нарушение вечного, неизменного порядка Божия, в котором все велико; оттого, что всеблагий по тому самому, что Он есть благодать, не может не отвращаться от греха.

Представьте же миллионы грешников, представьте, если можете, все виды грехов, совершаемых миллионами грешников. И все это принял на себя Сын Божий. Все мы – грешники, от Адама до Христа, и от Христа до скончания мира. И любовь Сына Божия, приняв на себя грехи всех людей, должна была испытать всю ярость суда Божия, весь огонь беспредельной правды Божией, карающей каждый грех.

О, грешники! пробудитесь от страшной рассеянности своей. Придите, ладите пред любовью Распавшегося за нас. Язвы священные! Язвы живоносные! Как не орошать вас слезами горького раскаяния, раскаяния благодарного! Или, нет, Господи, изыди, изыди от нас. Мы грешники бесчувственные, мы грешники бездушные, недостойные взирать на сии божественные язвы. И огонь любви Твоей не согревает застывших в грехе сердец наших. Что видишь Ты, сладчайший Иисусе, пред сим алтарем все소жжегшейся любви Твоей, – пред гробом сим божественным? – Видишь многократные поклонения наши, но большею частью холодные, большею частью плод обычая, а не сердец наших. Мы величаем Тебя песнями. Но, о, когда бы с сердцами сколько-нибудь достойными, если не друзей Твоих, то душевно помнящих о жертве любви Твоей! А сколько и таких между нами, которые и несколько часов бдения для Тебя считают тягостью невыносимую. Сколько слез надобно, чтобы оплакать холодность нашу к Тебе, Господи.

Любовь, распавшаяся за нас, вместе с тем, как вопиет о нашем спасении к Богу, ходатайствует и – пред нами – о братии нашей. *О сем познахом любовь, яко Он по нас душу Свою положи: и мы должны есмы по братии души полагати.* Если так дорого Господу спасение всех грешников, всех братьев наших, то нельзя быть маловажным и для нас сему спасению. Если Он положил душу Свою за всех подобных нам: нельзя и нам быть равнодушными в пользам их и, прежде всего, к их вечной участи. Потому-то пред самым подвигом крестным поучал Он: *сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, яко же возлюбил вы (Ин.15:12).* *О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин.13:35).*

Служители алтаря – пастыри словесного стада! Вы более, чем кто другой, обязаны следовать Пастыреначальнику Господу своему. Не люди, – Он возложил на вас долг, по Его примеру, беречь и пасти стадо Его; Он возложил на вас звание возносить молитвы за людей Его пред Его алтарем крестным. Испытайте совесть свою. Готовы ли вы полагать душу свою за овец своих, как Он положил? О, братия! страшитесь быть наемниками,

страшитесь вместо овец пасти страсти свои. Пусть грехи недоразумения, пусть грехи неопытной юности, не малого лишают вас. Он – умерший за всех немощных – уврачуует немощное. Но не допускайте до души страстей – корысти, гордости, любочестия, зависти. Он, лежащий во гробе, ничего не искал. *Татие суть и разбойницы*, сказал Он о своекорыстных пастырях (Ин.10:8).

Вы, которым вверена судьба ближних! пред гробом Распятого за всех – вспомните, что ближние, вам вверенные, искуплены Господом, что их слезы, не отерты вами, а может быть, и пролитые вами, не забыты будут любовью вечною, как забываете вы их. Судии христианские! Пред крестом Господа давали вы клятву на решимость не щадить себя для правды и пользы общей. Что, если и после того совесть укажет вам место не при гробе Господнем, а в претории Пилата?

Отцы и матери! за чад ваших, как и за вас, пролил кровь Свою Господь. Берегите столько дорогие души. Воспитывайте их в вере и страхе Божиим. Многого стоит вам воспитание их? Посмотрите на Владыку – Господа; Он все терпел для всех нас.

Главы семейств! за вечное спасение наше Господь распался, а не для того чтобы мы пили и ели сладко, богатели для себя, оставляя других на жертву нищете. Будьте вождями семейству вашему к вечному спасению; отсекайте страсти в себе и в домочадцах ваших: старайтесь более всего, чтобы семейства ваши были христианскими семействами.

Каждый, чем может; должен служить пользам братии. Не о себе только каждый заботься, но каждый и о другом; ибо в нас должны быть те же чувствования, как и во Христе Иисусе (Флп.2:4–5). *Каждый должен угождать ближнему во благое, к созиданию; ибо и Христос не себе угождал* (Рим.15:1, 3). *Никто не ищи своего* (1Кор.10:24). Если бы потребовала нужда отдать жизнь за другого: Господь отдал Свою; ужели же наша дороже, чем Его жизнь? Богатый уделяй от богатства неимущему: Господь не жалел для нас ничего. Если не другим чем, напоим жаждущего чашей студеной воды, утешим узника в его темнице, введем бескровного и странника в дом свой, – ради Того, который столько возлюбил всех нас.

Тяжело делать добро для тех, которые заставили нас вытерпеть много неприятностей. Но Он – святой, чего не терпел от врагов Своих и – желал им только спасения? Как жестоки были враги Его! И как велика была кротость Его! Ни в одной слабости нельзя было обличить Его; а с Ним поступают, как с злодеем: вот – ведут Его на суд неправедный, бьют Его плюют Ему в лицо, насмеваются над Его знанием людей (Мф.26:67–68); одевают в багряницу, венчают терновым венцем и насмешливо приветствуют: *радуйся, царю иудейский!* (Мф.27:29). Злодею дают свободу: а Его ведут на распятие. Что же Он? Молчит, как кроткий агнец. Вот Он – на кресте. И новые ругательства: *иные спасе, Себе ли не может спасти* (Мф.27:42). Здесь, с личными оскорблениями, соединяют уже и хулу на Бога: Он уповал на Бога, пусть же Тот спасет Его (Мф.27:43). Что же Иисус? Молчит, или, нет – молится за врагов Своих: *Отче! отпусти им: не ведут бо, что творят* (Лк.23:34). Вот какова любовь незлобивая! Кто из нас терпел что-нибудь подобное тому, что Он терпел? Если и оскорбляют нас, то в частном кругу, и каким-нибудь легким намеком на нашу же слабость. Слушатели-христиане! Если по-человечески тяжело прощать обиды, то по-христиански гораздо тяжелее не прощать их. Как с досадою на брата стоять нам пред распятым Господом нашим? Не значило ли бы это, что мы стоим пред Ним не как ученики Его? Скажем более.

Если ты – такой праведник, что каждую неприятность, причиняемую тебе, считаешь не заслуженною, готов говорить о себе вслух: я не знаю за собой никакой вины; то зачем тебе Икупитель грешников? Он не нужен тебе. Удались от сего гроба, окруженного грешниками; здесь плачут о грехах своих, да единый Праведник покрое нас от гнева Божия Своею правдою! Да, братия, если мы искренние последователи распятого Иисуса, то для нас нет неприятностей, нет обид, которых бы мы не стоили; для нас нет оскорблений, которых бы мы не простили, и не покрыли благодеянием.

Христе Спасителю! Божественными язвами умоляем Тебя, – согрей сердца наши любовью, пригвоздившею Тебя на кресте;

в ней все – спасение наше, в ней свет путям нашим, в ней
жизнь вечная. Аминь.

1846 год.

Слово на великий пяток

Вот и оправдалось пророчество праведного Симеона! Се предмет противоречий! Сын Божий во гробе. Искупитель мира умер позорно. Как соблазняет это иудея! для языческой мудрости Христос распятый – безумие (1Кор.1:23).

О, да не будет сей лежащий нападение нам, как многим во Израиле!

Если бы уразумели, то не распяли бы Господа славы, говорит апостол (1Кор.2:8). Так – нужно чистое, святое разумение сего почившего страдальца, чтобы Он был нам Божией мудростью.

С чего же начнем наше разумение тайны Его? С самих себя. Что такое человек? Что такое каждый из нас? Грешник – с первых минут своей жизни: от этого отказывается только тот из нас, кто, расстроенный страстями, теряет самопознание. Если говорим, что не имеем греха, то обманываем себя, и истины нет в нас (1Ин.1:8). Если же каждый из нас грешник, то каждый как-нибудь, но должен сложить с себя вину греховную. Что ж мы можем сделать для оправдания своего пред Богом? Можем ли умиловить правосудие Божие своим раскаянием? Нет, – раскаяние само есть действие греха, и потому только обличает меня во грехе, а ничуть не уничтожает его; еще менее оно может уничтожить другие разнородные последствия греха, которых не в состоянии мы покорить своей власти. Не можем ли примирить с собою Бога лучшею жизнью своею? Но, живя лучшим образом, исполняем мы только обязанность нашу, а старый долг грехов все остается за нами; к большому горю, лучшая жизнь наша много заключает в себе такого, что снова делает нас должниками, снова обвиняет нас пред Богом. Когда-то люди приносили очистительные жертвы. Но в чем цена этих жертв? Только в том, что люди, принося их, сознавали себя нечистыми, сознавали нужду в очищении. Иначе они – и не собственность людей, они не могли очищать совести, окропляя только тело. И так, что ж остается думать о себе человеку? То, что он неоплатный должник пред Богом; то, что он погиб на

целую вечность, если не отыщется кто-нибудь, кто заплатил бы за него долги; то, что ему совершенно необходим Испытатель.

К тому же убеждению должно довести человека и размышление о Боге.

Признавая Бога благим, человек может надеяться, что грехи его будут прощены ему. Может ли Всеблагий желать гибели грешника? Нет! Но Бог благий вместе есть и Бог правосудный. Как правосудный, Он требует удовлетворения за грехи. Не как оскорбленный, Он требует того: Он есть вечный покой. Он требует удовлетворения от грешника, как вечная любовь к добру. Как любовь, к добру, как самое добро, Он не может терпеть греха, отвращается от греха, а отвращаясь, оставляет грех его последствиям: бедствию, казни, муке. Иначе сказать: оставить грех без наказания означало бы в Боге то же, что оставлять грех вблизи Себя, обнаруживать благосклонность к греху, не признавать его за грех; а этому нельзя быть. Так, человек грешник, по понятию о Боге, может надеяться прощения грехов, но не может надеяться того, чтобы грехи прощены ему были без удовлетворения.

Где же Тот, Кто удовлетворит за грехи человека? Сам человек, как уже видели, ничем не может удовлетворить за грехи свои. Где же примиритель его? Не один ли это из духов чистых? Да, по любви, благие ангелы желают спасения грешников. Но, как бы ни быть высок по совершенствам, как бы ни был могуществен по крепости сил, дух сотворенный, ему остается каждое мгновение исполнять только свой долг, свое служение, а не служить за других; ему и за себя не выполнить всего, чего ожидает от него беспредельная правда. Нет, в ряду сотворенных духов, человек грешник скорее найдет против себя обвинителей. Духи добрые по тому самому, что они любят добро, не могут спокойно смотреть на грехи человека грешника. Духи злые по тому самому, что они злые, не преминут вызывать против грешника карающую правду Божию. Пусть сами они не любят правды, пусть сами они утешаются только грехом: но, наказываемые за грех, они, по самому ожесточению против благодати Божией, готовы обвинять Всеблагое, если бы грешник был прощен благодатью без платы за грех. Так, и мир духов

говорит человеку грешнику то же, что ему необходим Искупитель.

Где же он?

То, что открылось людям в последние времена, то, что видим в сем живом, священном изображении, есть точно тайна из тайн Божиих, чудо из чудес Божиих. Сам Сын Божий, приняв на Себя лице человека грешника, пострадал за грешника. Сам Сын Божий истощил на Себе стрелы гнева Божия, устремленные на все человечество. Можно ли представить любовь выше сей любви? Какое знамение может обширнее выражать славу Божию, чем это знамение? Если творение мира есть дело любви Божией, то дело искупления людей смертью Сына Божия есть чудо любви Божией. Беспредельная любовь Сына приносить себя в жертву на алтаре крестном, чтобы возвестить небу и земле о неприкосновенной правде Отца вечного. Тайна триипостасного, недозримая во вселенной, открыта на кресте. Отец небесный до того простирает милосердие Свое к преступной твари, что не щадит Сына Своего для её спасения.

Не больше ли сделано здесь, чем требовало дело? Конечно, беспредельно величие Сына Божия. Но беспредельна и правда, требовавшая удовлетворения за грех. Одно другому – равно, одно другого ни больше, ни меньше. Значит преизбыточное удовлетворение Сына Божия – вымысел людей или не совсем крепких смыслом, или готовых пользоваться делом Божиим на службу страстям.

Не меньше ли сделано здесь, чем требовало дело? Не довольствовалось ли Божество тем, чтобы только признать жертву Сына Божия действительною, не подвергая действительной ответственности за человека? Нет! Беспредельной правде может удовлетворить только действительное служение, – и служение одного Беспредельного. Сын Божий страдал, Сын Божий вопиял в муках душевных: *прискорбна есть душа Моя даже до смерти* (Мф.26:38). Пусть немощно, не сильно дело человека. Но величие Иисуса, как истинного Бога, не отделялось от Иисуса-страдальца и во время страданий, хотя страдало на кресте

человечество. Величие Иисуса, как истинного Бога, не отдельное от Иисуса-страдальца по личному соединению Божества с человечеством в Иисусе, дало беспредельную цену страданиям примирителя Иисуса.

Не оскорблена ли правда, когда праведник предан мучениям? Но вечная правда подвергла страданиям не праведника, а Того, Кто явился пред нею, от лица неправедных. Правда оскорблена была бы тогда, когда бы праведник против воли предан был страданиям: но сей Праведник восхотел предать Себя за нас неправедных, чтобы и нас спасти, и выполнить волю правды Божией. Любовь к правде желала удовлетворения за грех. Любовь к праведному и неправедным пожелала принести удовлетворение, и принесла охотно. Как же любви правосудного не принять с любовью дела беспредельной любви?

Не понятно, как чужое состояние становится нашим состоянием, чужая правда – нашею правдою? И, однако, любовь выполняет за другого многое, чего не требует от неё право. Один платит за другого долг, тот несет повинности за несостоятельного бедного, – и право прекращает иск свой, – объявляет свободным того, кто дотоле был пред ним неправым. Услуги предков вменяются потомкам, услуги одного великого человека делают честь целому народу. На чем основана действительность этого заменного платежа или вменимости? На том, что члены общества составляют одно целое. А каково отношение наше ко Христу Господу? *Он не стыдится нарицать нас братиею Своею (Евр.2:11)*; Он стал членом семьи человеческой, – и чего не могла уплатить семья, то уплатил Он. Что ж тут странного? Он второй Адам. Падший Адам был родоначальником греховного человечества, новый Адам, Христос Господь, – начальник нового восстановленного человечества. Виновность первого Адама перешла на потомков путем естественного союза их с праотцем; оправдание совершается посредством духовного союза верующих со Христом. Дело вполне согласное с порядком общим.

И так остается, братия, окончить тем, чем начали. Мы грешники! Мы грешники, – и за грешников пострадал Сын

Божий! Прольем слезы сокрушения о грехах наших, за которые распялся Сын Божий. Это одно, что мы можем приносить на гроб Господа. Без того и поклонение наше гробу Спасителя нашего не будет иметь смысла.

Христе Спасителю! страданиями Твоими умоляем Тебя, – открой омраченный взор наш на грехи наши, согрей сердце наше искренним сокрушением о нашем несчастий, чтобы могли мы начать жизнь, достойную великой жертвы, принесенной Тобою за нас. Аминь.

1845 год.

Слово в великий пяток

Той язвен бысть за грехи наша, и мучен
бысть за беззакония наша (Ис.53:5).

Итак, вот чем окончились ожидания веков – смертью позорною Ожидаемого! Вот на чем остановились взоры праведных, следившие за жизнью обетованного, – на кресте разбойников! Помазанник потреблен (Дан.9:26); Святой Божий причтен к злодеям (Ис.53:12); Царь и священник Вышнего, великий пророк и посланник неба (Пс.49) поруган, измучен, покрыт ранами, умирает! И как же доведен Он до того? Один из Его же учеников продал его, и предал на смерть лобзанием (Лк.22:47). О, Боже праведный! Кому явственна мышца Твоя? (Ис.53:1). За что так унижен, обесславен, истерзан сей Сын человеческий?

Много было людей, которые судили и осуждали Господа Иисуса. И архиереи – люди, посвященные правде; и книжники – люди ученые, хорошо знавшие закон; и фарисеи – люди, считавшие себя праведниками и, как казалось, ревновавшие о правде; и старцы народа – мужи, почтенные доверенностью общему за седину лет, – судили и осуждали Иисуса, как преступника. И народ кричал; возми, возми, распни Его; и царь Ирод осмеял Его; также и воины ругались над Ним, и, подходя, подносили Ему оцет, и говорили: если Ты Царь иудейский: спаси Себя (Лк.23:36–37); и слуги плевали Ему в лицо, били Его по ланитам. Кого недоставало к числу осуждавших Иисуса? Тут были люди всякого сословия, всякого состояния. И ужели тогда, как было столько людей, они думали и говорили неправду? Братия! Остережемся судить, о ком бы то ни было, по слуху, по наружности. Вот пред нашими глазами пример несправедливых суждений людских! Доведен до самой позорной смерти, доведен до гроба Святейший из святых. Как это случилось? Народ увлечен был своею доверчивостью к другим, и только по примеру, по внушению нескольких, изрыгал хулы на святого. Воины, поощренные слабостью своего начальника Пилата, легкомысленно следовали за толпою. Слуги спешили угодить

воде господ. Первосвященники, книжники, фарисеи, главные виновники греха, судили и осуждали ослепленные страстями, которые обнаруживались в словах и делах их. И вот составилась суд – образец неправды, вопиющий на небо. О, ужаснемся, братия, произносить суд и осуждение другому. Ужаснемся особенно тогда, когда никто и ничто не призывает нас произносить суда над другим.

Видите ли при кресте Иисуса пример тому, как спасительно для нас судить себя самих, а не другого, и так, поступая таким образом, мы можем быть близки к тому, чтобы произнести самый верный суд о других? Разбойник, открытый разбойник, который и сам не отрекается от того, что он разбойник, приглашается с креста прямо в рай. *Днесь со мною будеши в раю*, говорит ему Господь распятый. Как это так? Разбойник в раю! За что? Каким путем? Очень простым, братия! Целые тысячи говорили о Господе Иисусе: *да пропят будет*, и говорили потому, что слишком мало думали о своих грехах. А разбойник напротив – думал о себе, о своей участи, о своих делах, которыми доведен до креста, и которые могли довести его еще далее – до ада. Тяжка казнь крестная: но он не сравнивал сей своей казни с грехами, с злодеяниями чужими; он говорил только: это по делам моим; я получаю, что заслужил. Полный чувством своей виновности, сокрушаясь о своих худых делах, он не хотел худо думать ни о ком, тем менее о Том, о Ком прежде, как слышал он, все говорили, как о пророке, как о посланнике Божиим, как о Спасителе людей. Представляя себя на краю гибели, без надежд на себя, он обратился душою к тому праведнику, который был другом грешников; ничего не ожидая от себя, ожидал лучшего только от ожидаемого веками неповинного; несправедливость собрата к Праведнику дала глубже чувствовать только свою неправду. И вот – из скорбной души его исторгается не только исповедь, но исповедание веры, не только суд верный о Праведнике, но и молитва искренняя к Господу и Спасителю. *Один из повешенных злодеев, злословя Его, говорил: если Ты Христос, спаси Себя и нас. Другой, напротив, того унимал ею, и говорил: или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то*

же? И мы осуждены праведно; ибо достойное по делам нашим приняли мы. А сей не сотворил ни единого греха. И он сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидеши во царствие Твое (Лк.23:39–42). Вот путь ко спасению и к истине! Разбойник хающийся проповедует такую правду, которой не видели на тот раз целые тысячи считавших себя праведными.

Кого из вас обличит Меня о грехе, говорил Христос Иисус врагам Своим? И враги молчали; они сознавали, они чувствовали, что на Его жизни не было ни одного пятна. Он, и как Сын человеческий, был Агнцем непорочным и чистым, не знал греха, и лесь не была в устах Его. Для всего святого пример в Его жизни, и ничему оскорбительному для чистой совести нет примера в Его жизни. Но Он вместе с тем Сын Божий, Богочеловек: это показывали слова и дела Его. Возможно ли же для Него что-либо несогласное с волею Божией? Если же так, то за Себя не мог Он страдать. Страдания – плод греха, наказание за грех. И потому Тот, Кто без греха, и однако ж страдает, Тот страдает уже не за Себя. За чьи же грехи страдает Сын Божий? За что гнев Божий воспален до такой степени, что Бог не пощадил Сына Своего, но предал Его на скорби лютые? (Мф.26:38). О, если бы, по примеру благоразумного разбойника, мы часто испытывали самих себя, мы твердо хранили бы в сердце своем решение вопроса, какое слышим из уст разбойника. Никакой другой голос чаще не исторгался бы из сердца нашего, как сердечный вопль разбойника: *помяни Мя, Господи, егда приидеши во царствии Твоем.*

Испытаем самих себя, испытаем дела и силы наши; не в таком ли мы положении, что от самих себя нам нечего ожидать, кроме гибели. Если правда человеческая не успевает обличить нас в грехе, если в глазах людей мы люди без пороков: это еще не значит того, что мы праведники пред Богом. Нет, суд Божий не то, что суд человеческий; он смотрит за каждую мысль нашу, за каждым желанием нашим, за каждым биением сердца нашего. И какая бездна грехов в нас открывается пред судом Всесвятого? Нечестия мои труднее начислить мне, Господи, чем песчинки песка морского. Как же

избавлюсь от гнева Божия? Как спасусь от неумолимой правды Божией? Покаянием? Но оно не более, как законный плод греха, а соделанный грех остается грехом. Делами милосердия? Но они – мой долг постоянный, и потому не плата за долги мои, за необозримое множество грехов моих. Говорить ли о жертвах вещественных? Они вовсе не моя собственность, – и притом так малоценны сами по себе! Где же сокроюсь от правды Божией? Где найду покров от гнева праведного? Боже вседержителю! – Дерзнет ли грешная тварь, столько прогневавшая Тебя, помыслить, что благодать Твоя может еще спасти ее, может явить средство к избавлению её от казней правды? Ужас поражает ее при мысли, каково должно быть наказание за нарушение правды беспредельной. Но, что говорят нам посланники неба, что говорит нам сам Бог о нашем спасении? *Тако возлюби Бог мир, говорят они, яко и Сына Своею дал есть, да всяк веруяй в Он не погибнет (Ин.3:16)*. О, Боже непостижимый! до того ли простерлось милосердие Твое к законопреступной твари, что и Сына Своего не щадишь Ты для спасения её; поражаешь смертельными муками Единородного Твоего. Сыне Отца вечного! Непостижима, беспредельна любовь Твоя к нам грешным, необозримо величие самопожертвования Твоего за брешное заблудшее создание Твое.

Братия! Если Сын Божий умер за всех (2Кор.5:15), если Он есть умиловивление за грехи наши, и не только за наши грехи, но и за грехи всего мира (Ин.2:2), если не знавшего греха положил Отец небесный жертвою за грех, чтобы только мы были оправданы (2Кор.5:21), то кто после того решится, явно или тайно, пред Богом и Его тварями, сказать подобно Пилату: *я не повинен в крови праведника сего (Мф.27:24)*?

Грехи мои, грехи твои, грехи всех нас, братия, вели и довели Иисуса на лобное место. Какое ужасающее множество беззаконий подъял Он, какие ужасающие муки должен был вытерпеть, приняв на Себя грехи всех человеков! Около шести тысячелетий принял на себя Богочеловек, и гнев Божий за них излился на Него; 18 веков протекло после того, как страдал Он, и грехи 18 веков Он видел, и лютые скорби за них терпел Он. Он видел мои гнусные помыслы, видел мое любочестие, мою

гордость богопротивную, мою неверность совести ежеминутную, мои грехи слов и дел, и скорби – плод грехов моих – терзали святую душу Его. Он видел, как нераскаянный грешник отвергает все наставления проповедников, все внушения дружбы, все укоры своей совести, все вразумления бедствий, и – томился муками за нераскаянного грешника. О, беспечный грешник! посмотри, до чего довела Сына Божия такая беспечность? Пробудись от сна, забывшийся миролюбец! Твоя пышность совлекла с Него последние одежды; твоя страсть к роскоши возложила на Него терновый венец, покрыла лицо заплевыванием и заушением; твоё сластолюбие давало пить Ему уксус, смешенный с желчью; твоё плотугодие изострило гвозди, которыми прибито ко кресту пречистое тело Его. О, ороси же хотя одною слезою несчастную душу твою! Твоё корыстолюбие пригвоздило к дереву поругания пречистые длани Его: твоё блуждение по стезям гнусной похоти держит на том же древе израненные святые ноги Его. Ужаснись грехов твоих; пади в слезах горьких пред Распятием тобою. Сие ребро прободенное источило нам живоносную таинственную кровь. Для чего бесценною кровью сею наполнена чаша завета нового? Кто бы ты ни был удаляющийся тела и крови Господа твоего: горе тебе, если ты, по примеру иудея, ни во что ставишь кровь Господа твоего! Братия! воззовем с воплем крепким, воззовем вместе с разбойником к распявшемуся за нас: *помяни нас, Господи, егда приидеши во царствии Твоем*.

Беспредельное самоуничтожение Сына Божия могло примирить с нами оскорбленную нами правду Божию. Страдания Его, соединившего на всю вечность человечество с Божеством в лице Своем, могли превозмочь безмерную тяжесть грехов целого мира. Творец всемогущий мог подъять на Себя виновность твари, оскорбившей беспредельную правду. *Наказание мира нашего на Нем, язвою Его мы исцелихом (Ис.53:5)*.

После сей беспредельной любви к нам Сына Божия, после сего беспредельно-великого служения Его спасению нашему, будем ли ещё оскорблять Его непокорностью святым заповедям Его. О, это будет неблагодарность самая ужасная! Но, если и до

того забывчивы, до того неблагодарны: не замедлим к Нему же обратиться и взывать: помяни нас, Господи, егда приидеши во царствии Твоем. Его длани, распростерты на кресте, всегда готовы принять кающихся грешников; Его сердце, отверстое копием, всегда готово приблизить к себе возвращающегося заблудшего сына; Его уста, молившиеся за распинавших Его, всегда готовы изрекать прощение сокрушающемуся грешнику. Однажды и навсегда принес Он жертву за всех грешников Отцу своему, – и жертва Его всегда будет иметь силу пред престолом небесным. Если пройдут и еще веки, если пройдут и еще тысячелетия: пусть грешник воззовет из глубины сердечной: *помяни мя, Господи*, и кто бы он ни был, ответные слова будут те же: *будеши в раи. Се Агнец Божий, возмем грехи всею мира*, всех веков и народов!

Братия! Теперь время для того, чтобы каждый час являлись мы пред распятым с молитвою о грехах своих. Но будет, когда не будет к тому времени; будет время, когда все узнают, что *язвен Он за грехи наша, и мучен бысть за беззакония наша* (Ис.53:5), но не все – в отраду для себя самих: будет время, когда все узрят в прободенном страдавшего Иисуса за грехи наши; но для нераскаянного грешника Он будет только неумолимым судиею. Трубный глас Его воззовет всех спящих от века на суд. Тогда увидят язвы, понесенные Им за грешников: но язвы сии уже не укроют грешника от гнева Божия в глубине своей; простерты длани не будут принимать заблудшего; кровь пречистая не будет утешать мук совести. *Явится знамение Сына человеческого на небеси: и тогда восплачутся вся колена земная* (Мф.24:30). Это так же верно, как верно то, что наперед говорил Он о Своем кресте, и о Своем воскресении. Тогда узнают Его и те, которые дотол не знали, и не хотели знать в Нем Спасителя своего; глубоко почувствуют нужду в Его спасении и те, которые нечестиво отвергали спасение Его. Узнают, и возрыдают горько о безнадёжной участи своей, – вечно горькой и безотрадной. Явится Сын человеческий с сонмом ангелов, и скажет: совершилось! Побеждающий наследует все, и каждому награда по делам его: тем, которые постоянством в добрых делах искали славы и бессмертия, –

жизнь вечная; а тем, которые упорствовали и не покорялись истине крестной, – ярость и гнев (Рим.2:5, 9). И целую вечность не переменится приговор Его: огнем пламенным отмщено будет не слушающим благовествования Господа нашего Иисуса Христа (2Сол.1:8).

Братия! Прежде нежели услышим страшное слово судии, прежде нежели поразят нас рыдания всех племен земли, при виде Господа, грядущего сотворить праведный суд, возрыдаем над пречистым телом распятого за нас; облобызаем язвы Его с слезами сокрушения о грехах своих, будем стенать и звать к Нему: помяни нас, *Господи, егда приидеши во царствии Твоем*. Оставим грехи чужие, и рассудим о самих себе пред Его живоносным гробом; простим, если и были, долги ближнему, *яко же и Он благодатью Своею простил есть нам*, – да тако сподобимся быти в вечном царстве с Спасителем и Господом нашим. Аминь.

1848 год.

Слово в 1-й день св. Пасхи

Христос воскрес!

Сколько веков прошло с того времени, как ангел в первый раз сказал женам: *воста, несть zde*. И для всех этих веков весть о воскресении Христовом не престаёт быть вестью сладкою, вестью неземною, небесною. Во всех странах, у всех народов, где только исповедуют Христа, приносит она с собою веселие и радость, восторг и торжество. И не одна земля, а и небо, не одни люди, но и жители стран горних, радуются, и повторяют: *Христос воскрес!*

И с каким торжеством встречают весть о воскресшем Христе? Это – праздникам праздник; торжество из торжеств. Каждую неделю отделяем мы день для воспоминания воскресения Христова, – и торжества сего не помрачают у нас ни пост, ни слезы. Но тем не довольна душа христианская. Ей хочется радоваться о воскресшем Христе так, как ни о чем она не радуется; она назначает себе еще время, в которое светло поет: *Христос воста – веселие вечное*.

Радость наша, слушатели, о воскресшем Христе справедлива. Воскресение Спасителя нашего есть одно из самых твердых оснований и нашей веры, и нашего упования, и нашей любви. Как же не радоваться о нем?

Много Спаситель наш творил чудес на земле: но к чуду воскресения Своего не раз Он отсылал самых упорных врагов Своих. *Род лукав и прелюбодейный*, говорил Он фарисеям, *знамения ищет? и знамение не дастся ему, токмо знамение Ионы пророка (Мф.12:39, 16:4)*, т.е. знамение воскресения. И это знамение дано. Оно дано, слушатели, самым врагам Иисусовым: так оно сильно! Избранным из избранных учеников Своих показывает Господь на горе славу Свою, славу Единородного от Отца, и в то же время говорит: *не сказывайте никому, что вы видели, пока Сын человеческий не воскреснет от мертвых (Мф.17:9)*. К чему это запрещение? Зачем останавливать проповедь о славе Сына Божия? За тем, что воскресение Спасителя нашего есть такое чудо, которое одно и

могло своею очевидностью запечатлеть все знамения славы Сына Божия; за тем, что оно, всего лучше, своим неземным светом озаряет незримый для чувственных глаз образ Сына Божия. Апостол в ареопаге доказывает, что воскресение Христово указывает во Христе судию вселенные (Деян.17:31), и потом пишет к римлянам, что *по плоти родился Иисус от семени Давидова, а по Духу святыни, чрез воскресение из мертвых, Он во всей силе открылся Сыном Божиим (Рим.1:4)*. Какое величие в воскресшем Иисусе твоём, душа христианская! Самые враги чувствовали силу воскресения Христова. Узнав от назорянина, что Он воскреснет, они берут все меры, чтобы помешать вере в Его воскресение. Едва Иисус умер, они просят Пилата – приставить стражу к Его гробу; гроб окружен воинами; вход в пещеру, заваленный камнем, запечатан. Все, чего могла требовать осмотрительная (не скажем пока – злоба) мудрость человеческая, сделано. Но Иисуса нет во гробе. Что делать? Надобно вооружиться клеветою. Стража, говорят, проспала, и ученики унесли тело Иисусово. По всему видно, как мысль о воскресении Христовом тяжела была для иудеев; по всему видно, что они знали, как замыслы их все разрушатся, и откроется слава Иисуса, как Мессии и Сына Божия, когда народ уверится в Его воскресении.

И надобно сказать, что, на беду врагам веры и на радость душе верующей, из всех чудес, на которых основывается наша вера, чудо воскресения Христова так очевидно, так несомненно, что надобно быть врагом всякой истины, чтобы не видеть его действительности. Если иудеи разгласили было, что тело Иисусово украдено, когда стража спала, то это слишком очевидная неправда. Представьте, что надобно было подойти ко гробу, отвалить большой камень, и потом уйти с телом, не разбудив стражи, которая, однако, и приставлена была, собственно, для того, *да не како ученицы Иисуса нощию пришедше украдут тела Его (Мф.27:14)*. Римская стража состояла из четырех четвериц (Деян.12:4). Римская стража за небрежность в своем деле строго была наказываема. Вспомним случай из истории ап. Павла, когда темничный страж, полагая, что упустил он узников, хотел было сам на себя наложить руки

(Деян.16:27); а здесь воины так беззаботно доносят начальству о крайней своей небрежности. Но пусть так; пусть стража в самом деле спала: почему же узнали, что тело украдено? И на кого возлагают вину в хищении? На тех людей, которые, при первой встрече с опасностью, разбежались как овцы, – которые теперь должны идти на открытую борьбу с ожесточенною синагогой. И на что им нужен был мертвец? Но для нас довольно, что и сами враги Иисусовы в последствии не отвергали действительности воскресения Христова, а только запрещали проповедовать о воскресшем Иисусе.

Так, сладчайший наш – жив, и если Он жив, если Он воскрес Сам Собою, то нам нет нужды в других доказательствах божественной Его славы. Известное дело – мертвецы не встают сами собою; известное дело – тело человека действительно умершего должно подвергнуться тлению, – и вовсе не естественно ему самому собою воскреснуть. Земля в землю пойдет, в землю превратится, землею станет: на то – воля Вышнего. Но наш Спаситель, умер на кресте, мертвый прободен, мертвый положен во гроб; все видели, все знали, самые враги Его говорили, что Он умер. И, однако, Он в третий день воскрес. Какое очевидное, какое поразительное чудо! И смерть не могла удержать Его (Деян.2:32). Он воскрес Сам Собою. Ни пророка, ни чудотворца тут не было, который бы извлек Его из гроба. Он встал Сам, как владыка жизни и смерти. Он встал не как побежденный смертью, но как победитель её. Он отдал жизнь, и опять принял её. Никто не отнимал её у Него, и никто не дал её Ему (Ин.10:17–18). Сам Он с полною свободою, и возлег в могильной пещере, как в царском чертоге, и встал из неё. Кто же это, как не Бог истинный, Бог вседействующий и всевластный?

Так, христианин, твой Бог жив. Твой Бог жив – и ты знаешь, кому кланяешься. Он жив, и ты видишь в Нем все чего может требовать пылливый разум. Он жив, и дает жизнь человечеству, и уму, и сердцу. Языческая мудрость созидала себе богов мертвых, которые и не слышали, и не видели человека. Как стыдно человеку, что он кланялся истуканам! В другое время человек вымышлял себе и живых богов, но которые или так же

бессмысленны были, как и истуканы, или столько были порочны, что оставалось учиться у них одним порокам: это еще стыднее человеку. Лучший мудрец языческий! твой бог – неведомый бог. Но что и это за бог? Он, или слишком не милостив к тебе, так что не хочет и сказаться о себе, – или он сказался о себе, но ты не понимаешь его, то и другое не честь и тебе и богу твоему. И к чему тебе нужен твой неведомый? Если он не знает тебя: он не знает и нужд твоих, которых у тебя так много. Если ты не знаешь его: как ты будешь чтить его, тогда как имеешь нужду чтить? На беду себе ты его создал. Не видя от тебя почтения, которого не имеешь ты ему воздать, он и гневом убьет тебя. Христианин! Как жива, как высока, как тверда вера твоя, – вера в живого Господа твоего!

Когда явился Иисус с силою чудес, с крепостью духа и слова: самые высокие надежды ожили в лучших из людей; лучшие люди обратились с ожиданием к Иисусу. Но Иисус распят, Иисус умер, Иисус во гробе. Пророк и чудотворец, Мессия убит незаконными: чего после того оставалось ожидать? Мрачный гроб, сокрывший Иисуса, сокрыл, по видимому, и все надежды человечества. *Мы надеялись, что он избавит Израиля, но вот уже третий день, как Он во гробе,* говорила скорбевшая об Иисусе надежда (Лк.24:21).

Но Иисус воскрес, и с Ним воскресли лучшие надежды наши. Грешник! тебе всего более нужно прощение грехов. Ты часто и тяжело вздыхаешь о том, кто бы тебя избавил от грехов твоих. Теперь воздыхания твои об Избавителе не напрасны. Вот Иисус Христос умер, но и воскрес; Он одесную Бога, и ходатайствует за нас (Рим.8:33–34) Кто теперь может обвинять избранных Божиих? Бое оправдывает их, кто дерзнет осуждать? Спаситель наш жив, жива и надежда наша на Его спасение. Не напрасно говорил пророк о Его восстании и о нашем в Нем воскресении в третий день (Ос.6:3). Иисус предан за грехи наши, и воскрес для оправдания нашего (Рим.4:25). Теперь ясно, что Бог Отец благоволил о жертве, принесенной за нас Иисусом; Он прославил Иисуса. Так, если и семьдесят раз упадешь ты на день, слабый путник земли, – более, нежели семьдесят раз согрешишь ты на день: вставай и

иди к Ходатаю праведнику; Он простит тебя, Он прощает всякого, кто приходит чрез Него к Богу. Но ты и оправданный остаешься с немощами и вздыхаешь, что не можешь избавиться от плоти греховной. Утешься. *Аще не иду*, говорил Он, *Утешитель не приидет* (Ин.16:11). И так, если взошел Он к Отцу, то Утешитель придет, чтобы подкреплять нас в борьбе с грехом. И Сам воскресший обещался пребывать с церковью *во вся дни, до скончания века*.

Однако ж, если бы все надежды наши оканчивались землею: как тяжела была бы земная жизнь твоя, христианин! Как много страдать заставляет тебя мир! Ты страждешь, отрекаясь от выгод земных; страждешь и тогда, как наслаждаешься ими, то страждешь ты сухостью, то страждешь раскаянием. Скорби жизни твоей ты услаждаешь только ожиданием отрады в будущем. Но чем ты убежден в отрадной твоей будущности? Всего более воскресением Христовым! В самом деле, что значит смерть после смерти Иисусовой? Она только страж, который хранит до времени одно тело, а дух бессмертный, не знающий гроба, витает выше пределов земли. Что значит для нас смерть Иисусова? Верная порука за вечную жизнь нашу. Христос – глава верующих; если воскресла глава: вероятно ли, чтобы остались мертвыми прочие члены? Христос есть Царь; и так надобно, чтобы были и подданные. *Если проповедуется, что Христос воскрес*, пишет Павел, *то как некоторые говорят, что нет воскресения мертвых?* Если нет воскресения мертвым, то и Христос не воскрес (1Кор.15:12–13). Нет, не напрасно падало на землю сие пшеничное небесное зерно. Оно упало для того, чтобы не остаться одному; оно умерло с тем, чтобы принести много плода (Ин.12:24). Если мудрость мудрецов земных не могла утвердить в своих чадах надежду на бессмертную жизнь, то это и потому, что мудрецы земные, отходя в могилу, не возвращались к своим чадам. Если даже и пророки не ясно и не твердо говорили о будущей жизни, то потому, что еще не было на земле победителя смерти, о котором все должны ожить (1Кор.15:22). Но теперь Дух воскресшего Иисуса, живущий в нас, один сей Дух свидетельствует уже, что нам надобно жить

не на земле только или в земле, а на небе и вечно. Бог, богатый милостью, мертвых нас по преступлениям оживил со Христом (Еф.2:4). Что это значит? это значит, что даже и та смерть, которая умерщвляла дух наш, и из духа разливала смертный яд на тело, – даже и та смерть побеждена Христом, и мы, оставаясь на земле, живем уже на небе; ибо живем в общении с Богом благодатью воскресшего Христа. Бог, богатый милостью, умерщвленных грехом оживил и спосадил на небесах во Христе Иисусе. Потому-то и не один дух, – самое уничиженное тело наше преобразит некогда воскресший так, что оно будет сообразным славному телу Его, преобразит силою, которою Он действует и покоряет Себе все (Флп.3:21). Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, по великой Своей милости, воскресением Христовым возродивший нас к упованию живому (1Пет.1:3). Господь, сам Господь сотворил день сей, да возрадуемся и возвеселимся в оны!

После того, как воскресение Христово утверждает нас и в вере непоколебимо, и утешает надеждами полными, что должны мы делать, как не любить Господа нашего, как не совершать одну Его святую волю? *Любовь Христова*, говорил св. Павел, *увлекает нас, рассуждающих так, что если один умер за всех, то все умерли (2Кор.5:14)*. И подлинно, как нам не умирать за нашего Господа? Как нам щадить себя, когда для нас не пощадила Себя любовь вечная? Как нам быть бесчувственными в любви, возлюбившей не друзей, а врагов своих? Христианин! грех распял твоего Иисуса; грех низвел во гроб твоего Иисуса; грех истерзал смертными муками твоего Иисуса. Вот что значит твой грех! Вот что дать тебе может грех! Когда с живым деревом так поступлено: смотри, чего ждать сухому! С другой стороны, если Иисус твой жив; если Он, как человек, воскрешен Божеством, то как и отчего это? Он смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. И вот Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени (Флп.2:7). За претерпение смерти увенчан Он славою и честью; за добровольную нищету обогащен властью над небом и землею; за понесенное за нас бесчестие Он посвящен в вождя

спасения, и приводит многих сынов в славу (Евр.2:8–9). Как многого можешь ожидать ты и себе, душа христианская, от жизни святой богоугодной! Вечная правда, увенчавшая невинного страдальца наградами, наградит и твои подвиги, тем более что она примирена с тобою подвигами невиданного страдальца. И что тебе любить на земле? Ужели мир? Но ты знаешь, что мир распял, осмеял, убил твоего Иисуса; ты знаешь, что мир поражен судом от Иисуса, – оставлен в стыде и позоре. И тщеславный книжник, и гордый набожностью фарисей, и суетный Пилат, и грубая чернь, – весь мир и со своею славою пышною, и со своим лицедейством, и со всеми страстями своими, чем является тебе при свете славы воскресшего Иисуса? Сонмищем богоубийц, отверженных Богом! Беги от сего сонмища. В мире грешников все что могло бы тебя останавливать на себе, и колебать твою любовь к Богу, все предано осуждению воскресшим Иисусом. Остается жить жизнью новою, не знакомою для мира. *Мы погреблись с Христом крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отчею, так и мы ходили в обновленной жизни* (Рим.6:4). Для одного только на земле Христос повелел жить нам: это для любви к ближним нашим. Сия любовь утверждена, освящена, запечатлена Им. Он желал, Он требовал, чтобы мы. побили друг друга так же, как Он возлюбил нас. Он желал, чтобы мы прощали друг друга так же, как Он простил нас. Сия есть, говорил Он, оставляя мир сей, *сия есть заповедь Моя, да любите друг друга* (Ин.15:17). И, по воскресении, каким именем в самый первый раз называет Он земных учеников Своих? Он называет их братьями: поди к братьям Моим, говорил Он Марии. Как же нам не любить друг друга, когда сам воскресший Господь называет людей братьями Своими? О, любовь вечная, любовь воскресшая! погаси в сердцах наших вражду и зависть, хотя на дни радости о Тебе. Если, когда, слушатели, то особенно ныне обнимем друг друга, рцем: братия! и ненавидящим нас простим все для радости о воскресении.

«Светися, светися, новый Иерусалиме! Слава бо Господня на тебе воссия». Кто бы ты ни был, христианин, пусть ничто не

возмущает радости сего радостного дня твоего. Счастлив ли ты? Усугубь твое счастье настоящим торжеством. Несчастен? Забудь скорби земные, и радуйся об отверстом для тебя небе. Грешник ты? Не говори о том: у воскресшего все праведники. Праведник ты? Больше радуйся, – о торжествующей правде Единого праведного.

О, Пасха велия и священнейшая, Христе! даждь нам причащаться Тебя здесь искренним сердцем; даждь нам истее Тебе причащаться в невечернем дни царствия Твоего. Аминь.

1843 год.

Беседа на Евангелие, читаемое в 1-й день Пасхи на вечерни

(Ин.20:19–25).

Христос воскрес!

О чем и говорить в день воскресшего, как не о воскресшем? Теперь только и слов у нас, что о воскресшем. Церковь в песнях своих веселится и радуется о воскресшем, – благовестия вдохновенные предлагает она те, которые говорят о воскресшем. Мы слышали теперь благовестие о явлении воскресшего, – о явлении, которое происходило почти в сей же самый час – *сущю позде*, и в сей самый день – *во едину от суббот*. Если же ныне только о воскресшем и может быть слово: повторим и объясним весть о воскресшем, в первый раз полученную в сей самый час и день.

Сущю позде, в день той, во едину от суббот, и дверем затворенным, идеже бяху ученицы Его собрани, страха ради иудейски, прииде Иисус и ста посреде. Уже ангелы огласили жен мироносиц радостною вестью о воскресшем Господе (Лк.24:1–7). Сам Господь сперва явился одной Магдалине, потом ей и другой Марии. Еммауским путникам Он дал Себя узнать несомненно в преломлении хлеба. Петр, вкупе, с Иоанном, подтверждают ученикам весть видевших Господа о прославленном Господе. Тем не менее ученики еще в страхе. Иудейское сонмище, поразившее пастыря, навело трепет на овец, оставшихся без пастыря; осиротевшие ученики боятся всего от людей, которые так несправедливо, так бесчеловечно поступили с единственным Праведником, которые и их уже обвинили в намерении похитить тело Учителя; в страхе обращаются к средству безопасности, – заключают двери: средство слишком не надежное против ожесточившейся злобы! И вот тогда, как сердца учеников, то стесняемы были опасением и страхом, то на мгновение озарялись сладкою надеждою увидеть Господа, Господь в тот же день, в 1-й день недельный, когда явился Марии, вечером Сам является среди учеников; двери были заперты, а Он пришел и стал посреде их. Чудо

воскресения усугубляется чудом необычайного явления воскресшего. Что это чудо действительно совершилось, что Иисус воскресший действительно пришел к ученикам, тогда как двери оставались затворенными; это показывают и ясные о том слова евангелиста, которые повторил Он и после, и страх учеников, смущенных явлением Господа. И для просвещенных полным светом откровения чистого сие чудо не выходит из пределов вероятного. *Есть тело душевное, говорит апостол, есть тело духовное (1Кор.15:44)*. Последнее остается телом и тогда, как грубая телесность то истлеет, то сгорит, тело духовное тонко и неуловимо условиями жизни видимой. Тело духовное образуясь из вещественного, душевного, преобразует земные начала в небесные, грубые в тонкие. Так бывает в человеке, когда он не остается под влиянием одной жизни чувственной! И какая необозримая постепенность в восхождении грубого к более тонкому, к неуловимому, замечается в самой вещественной природе! Как и здесь одни вещественные начала проникаются другими, а сии третьими и так далее! Вода проходит дерево; огонь проникает железо, медь, серебро, золото – тела самые плотные. Так, для общего здравого разума непонятно, как воскресший *прииде дверем затворенным*. И однако, явление воскресшего среди учеников, при заключенных дверях, было так необычайно, что требовало успокоительного слова.

И глагола им Иисус: мир вам. Что это за мир, который преподает Господь апостолам? И мир часто обещает людям мир, – он даже ввел желание мира в число обыкновенных приветствий своих. Но, как не верен, как не покоен покой, который обещает людям мир! Господь сам сказал: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не яко же мир дает, Аз даю вам (Ин.14:27)*. Мир, который оставляет Он ученикам своим, не тот, что дает людям мир. Для мира Христова мало было бы, если бы он освобождал учеников Христовых только от опасений со стороны злобных людей; Христовым ученикам надлежало иметь силы для борьбы не с одними иудеями. Мир Христов заключал в себе мир внутренний, мир сил душевных, нарушенный некогда грехом; грех, расстроив душу, расстроил

отношение души к Богу и ко всей твари, против человека грешника восстала правда Божия, восстал мир духов – ревнителей правды, восстала внешняя природа, дотоле покорная человеку. Богочеловек примирил Своею смертью правду Божию с человеком; осязаемое доказательство тому – Его победа над смертью. И вот, те же ревнители правда – ангелы благовествуют искавшим воскресшего: *не бойтесь*; и вот, званым о Христе возвещают, что им все споспешествует во благое.

Евангелист Лука повествует (Лк.24:37), что ученики, и выслушавши весть от Господа о мире небесном, оставались в смущении; думали, что видят духа, и колебались. Так необыкновенно было для них явление воскресшего Господа! Так многое еще в высоком духовном деле оставалось для них не совсем понятным! Потому-то Иисус, возвестив о мире, *показа им руце и нозе и ребра Своя*, показывает знаки крестных страданий своих, чтобы видели, что Он тот же Христос, который был распят. Желает рассеять недоумения о Себе, и дает мысли свободу самой доходить до спасительной веры, позволяет испытывать истину. Он не требует доверия безусловно: нет, пусть и глаз видит, и руки осязают, пусть чувства все дознают истину, когда хотят, чтобы и на сем суде оправдалась истина. Не опасайтесь за истину: она оправдает себя, она не боится испытания. Истины веры – духовны; часто они совсем не принадлежат к области мира чувственного: но они объясняются, иногда даже подтверждаются, опытом. Такова истина, что Христос воскрес истинно. Она отдана была на испытание чувств, и осталась истиною; не могут сказать теперь, что вера в воскресшего основана только на слухе, на молве, не поверенной осторожностью. Нет, она была поверена. Евангелист Луна прибавляет к повествованию Иоанна, что для уверения апостолов Иисус, явившийся сквозь двери затворенные, и вкушал пищу с апостолами, и потом объяснял писание, прорекавшее о Его смерти и воскресении (Лк.24:42–47).

Возрадовашася убо ученицы, видевше Господа. Как было не радоваться, когда увидели Того, Кого считали, то мертвецом,

унесшим с собою все надежды во гроб, то призраком, ужасавшим душу, непривыкшую в миру духов. Евангелист Лука присовокупляет: *еще же не верующим им от радости и чуждающимся рече* (Лк.24:41): т.е. ученики от радости не верили своей радости; испытали, дознали, что воскрес их учитель, их Господь, за которого некоторые обещались душу положить, – и радость так была велика, что предмет её казался невероятным.

Рече же им Иисус паки: мир вам. Снова повторяет Иисус смущенным желание мира, конечно, с тем чтобы действием Своей вседействующей воли утвердить возрождавшийся в них мир: но сей мир еще нужен был для того великого дела, которое хочет возложить Иисус на избранных своих.

Яко же посла Мя Отец, и Аз посылаю вы, говорит Он далее. Избранные Христовы должны теперь занять Его место, вступить в звание просветителей мира, которое Он Сам доселе видимо выполнял. Какая необычайная власть дается апостолам! Они вступают в права Сына Божия. Его Отец небесный послал в мир, – и несчастны те, которые не приняли Сына: Он посылает избранных Своих, чтобы действовали на земле от лица Его. Какие сильные посланники! Кто не будет внимать их глаголам? Кто не примет их наставлений с готовым, смиренным сердцем? И как необыкновенны во всем сии посланники! Они должны идти в целый мир от лица Сына Божия, должны идти в мир, чтобы покорять людей воле Сына Божия: а какие у них пособия для их звания? Обыкновенных никаких нет. Они бедны, и не учены, и не знатны. Но тем более славы для них, если без всего успели победить мир; тем более должны мы внимать вещаниям сих посланников, столько отличным от учений человеческих.

Яко же посла Мя Отец, и Аз посылаю вы. И прежде своей смерти Господь возвещал избранием своим о их высоком назначении; Он давал тогда и наставления для высокой их должности (Мф.10:1). Но смерть Иисуса показала, что и избранные имели нужду, чтобы за ними снова утверждено было звание, которому они не оказали достойной верности.

И сие рек, дуну. Некогда с дуновением божественным сообщено было человеку дыхание жизней, и он стал человеком

живым. Божественную силу сообщает дуновением и воскресший ученикам Своим; действие совершается чувственно, но заключает в себе силу духовную: ибо, как говорить с людьми, не употребляя языка человеческого? Как выражать им предметы духовные духовно, когда они облечены чувственностью? *И глагола им: приимите Дух свят.* Вот и объяснение действию изобразительному! Начатки Духа апостолы получили от Иисуса Христа и тогда еще, как слушали наставления Его устные. Полное излияние даров благодатных принято ими в день Пятидесятницы. Если же и по воскресении своем Спаситель сообщает им дары того же все исполняющего Духа, то это значит, что теперь сообщает Он им большее обилие даров духовных, нежели каким они обладали прежде, но менее того дает, сколько дано было в последствии, — в день Пятидесятницы. Так, апостолы постепенно возводились на божественную высоту своей власти и достоинства; они постепенно и очищали себя в достойные сосуды благодати. До воскресения Христова апостолы многого не способны были принимать; и по воскресении они еще удерживали некоторые мысли о царстве Христовом, не одобренные Христом Господом. Было время для Петра, когда он поступал по-своему изволению, шел, куда хотел; но потом должно было, по слову воскресшего, наступить такое время, когда другой поведет Петра, куда захочет; когда воля Петра заменится волею высшею. Постепенность — необходимое условие жизни сотворенного; а жизнь, испорченную грехом, а душу, растленную от природы и усугубившую растление привычками, как трудно очищать и исправлять! Много надобно употребить времени, много надобно делать остановок, соображений, чтобы довести дело Божие до конца блаженного! И так, не унывай, слушатель мой, когда видишь, что и при всем старании мало успеваешь ты в спасении; не унывай, а иди вперед. Помни, что жизнь духовную и Спаситель сравнивал с зерном, из которого не вдруг образуется колос. Трудись; плод благословенный будет.

В чем состоял дар Духа, сообщенный воскресшим, для апостолов? *Им же, говорит отпустите грехи, отпустятся им, и им же держите, держатся.* Пока тем только ограничилась

власть Духа в апостолах, что они могли прощать грехи, и не прощать. Не хотим, однако, сказать, что сия власть апостольская – власть прощать грехи, не значительна. Она велика сама в себе; она важна для людей грешных. Некогда иудейские законоведцы говорили: *кто может оставлять грехи, токмо един Бог (Мк.2:7)?* И они в сем случае правы. Кто может отменять определения Вышнего? Правда Божия неизменна в своих требованиях: Она изрекла суд грешнику, и грешник – чадо гнева! Только Сам беспредельный волен отменить определение Свое, и отменит, когда бесконечно благая премудрость найдет средство отклонить суд от человека, не оскорбляя правды; иначе грешник не найдет себе нигде спасения. Во власти всевластного – уполномочить избранных правом разрешать грешника, или оставлять его связанным своими грехами. Сам ли Он прямо, или чрез слугу Своего, объявит разрешение, – в отношении к Нему, это все равно, но не равно для имеющих нужду в разрешении. Люди должны желать, чтобы избранные из людей уполномочены были правом прощать грехи людям. Бог готов прощать грехи. Но чем уверит себя смущенная совесть, что ей прощен тот или другой тяжкий грех её? Важность того, кому поручена Богом власть прощать грехи, возливает елей мира и успокоения на измученную сознанием грехов душу грешника. Бог готов прощать грехи, но под условием искреннего раскаяния в них. Кто же дознает, и кто откроет грешнику нераскаянному, что его покаяние слишком холодно, что ему необходимо еще смирить себя подвигами покаяния, прежде чем может он получить благодатное разрешение неба? Необходим искренний наставник, необходим врач духовный для больной души. Как заботливо, как мудро устрояешь Ты благо душ наших сладчайший Спаситель наш! Первая весть Твоя по воскресении – весть о прощении грешника.

О, как грешнику не любить Тебя. Идите, грешники, к воскресшему Иисусу, обнимайте ноги Его вместе с Мариями. Он – ваш, ваш учитель и Спаситель!

Апостолам сказал Господь: *имже отпустите грехи, отпустятся*. Но, если Господь послал апостолов в мир по

власти божественной и послал не с тем, чтобы существование церкви, которую надлежало распространять им, ограничилось только временем апостольским, то по той же власти божественной апостолы имели власть назначить преемников служения своего, и облечь их благодатною властью прощать, или не прощать грехи. И когда же не может быть нужды для странников земли в прощении грехов? И потому – когда не может быть нужды в существовании власти, облеченной божественным правом над совестью нашею? Иди, брат мой, на суд к служителю церкви не как к человеку, Господь облек божественною властью апостолов, апостолы облекли его сего служителя церкви, преемственно перешла она к нему от апостолов, от Сына Божия, от Самого Бога.

Апостолам сказал Господь: *им же отпустите грехи, отпустятся*. Апостолам дан дар Духа Святого прощать, или не прощать грешника и – апостолы, по воле Господа своего, передали ту же власть преемникам своим: как же принимают эту власть, не принявшие её от апостолов и их преемников? Апостолам, а не всей вообще церкви, сообщена власть божественная; апостолам, а не каждому частному члену церкви, вручено право божественное. Что же делают, когда предвосхищают себе власть, которой никто не давал им? Что делают, когда присвояют себе власть, которая, собственно, принадлежит только Богу? Без страха святотатствуют, пред целою церковью земною пользуются похищенным правом божественным. Как это нагло! Как это страшно!

Фома же, *един от обоюнадесяте, глаголемый близнец, не бе ту с ними, егда прииде Иисус*. Неизвестно, обстоятельства ли только задержали где-либо Дидима, или положение духа его было таково, что он не хотел более принимать участия в деле распятого, как в деле потерянном.

Глаголаху же, *ему друзии ученицы: видехом Господа. Он же рече им: аще не вижу на руку Его язвы гвоздинные, и вложу перста моего в язвы гвоздинные, и вложу руку мою в ребра Его, не иму веры*. Нельзя не признаться, что Фома много мог найти причин не отвергать с такою настойчивостью вести о воскресшем Господе. Весть сия уже основана была на том

самом опыте, которым он думал верить ее. Но для Фомы не довольно было опыта других; – он хотел испытать с отчетливою точностью. Так обыкновенно действуют люди с взыскательным рассудком. Что сказать об этой недоверчивой пытливости апостола? Откровение ясно не осудило её. Спаситель не отказался даже выполнить её требования. Осмелимся ли мы осудить ее? Мы можем сказать только, что не все идут к небу одним путем, оттого что не у всех одинаковы расположения души. Одни принимают истину сердцем простым, без рассуждений, и в простоте сердца служат Господу. Другие не прежде принимают предлагаемую истину, как поверят ее сами. Путь первых легок в том смысле, что они не берут на себя трудных работ умственных; последние принуждены бывают много испытывать борений в помыслах, смятений в душе, – оттого, что хотят сами все доказывать и верить. Тот и другой путь может довести к небу, но на том и на другом пути есть опасности. Опасна пытливость, когда она дерзкому подвергает исследованию самые недоступные истины. Виновна она, когда не для того испытывает истину, чтобы узнать спасительную истину, а только по одним видам страстей следит по путям её. Пусть испытывают истину с смиренным, чистым сердцем; и тогда после скорбей радостно воскликнут пред Ним с Фомою: *Господь мой и Бог мой!*

Хвала и слава Тебе, благий утешитель наш, Который подает мир и покой, как умам испытующим, так и сердцам верующим, как имеющим нужду в покое совести, так и волнуемым бедами земной жизни. Аминь.

1844 год.

Беседа во 2-й день Святой Пасхи

Во гробе плотски, во аде же
с душою, яко Бог, в рай же с разбойником,
и на престоле был еси, Христе, со Отцом
и Духом, вся исполняли неописанный.

Вот песнь, достойная дня торжественного, – песнь сладкая и высокая, полная глубоких мыслей и чувств отрадных, которую поет ныне ликующая церковь Христу воскресшему. Красны песни твои, новый Сион, невеста Христова! Сладки, торжественны восторги твои о воссиявшей из гроба радости; но не все, как сия песнь, и услаждают и поучают нас; не все, как сия песнь, выражает нам все, что мог выразить язык священного восторга, при настоящем торжестве.

Займемся, слушатели, сею поучительною и сладкою песнию.

Во гробе плотски. Слова сии вчера были словами скорби, но не ныне. Во гробе Он, говорила вера, размышляя о предмете высоких мыслей своих, сокрытом в недрах земли; *во гробе Он, а мы надеялись, яко Сей есть, хотяй избавити Израиля* (Лк.24:21). Удалимся же от гроба; гроб сокрыл приятные мечты наши. Во гробе Он, – вещала безотрадная любовь, обливая горячими слезами бездыханное тело сладчайшего; во гробе поруганный, обезображенный злодеями, невиданный на земле праведник, – и злодеи торжествуют! *Доколе же, Господи, путь нечестивых спеется! Угобзишася вси творящий беззакония* (Иер.12:1). Во гробе, говорила надежда, и безмолвный, уединенный гроб поглощал все её надежды бессмертные. Но утешьтесь, дщери неба! Он во гробе, но только плотски. Он во гробе совершает последнее дело самоизвольного смирения; плоть платит, по-видимому, дань персти; персти на время возвращается персть, дабы после, тем большею воссиять ей славою нетления, чем тягчае были узы, тяготевшие над бременною плотью.

Во гробе плотски, во аде же с душою. Вот первый луч отрады для сетующей надежды! Так – пусть смертна плоть, но

бессмертен дух; пусть персть предается персти, но дух парит к Богу, *уже и даде его* (Еккл.12:7). Вот истина, так нетвердая, так неясная дотолѣ, пока смерть царствовала со всею жестокостью и над не согрешившими по подобию преступления Адамова. Желания смертных стремились по временам за пределы сей жизни, но не разрушали пределов; недра земли ограждали землю от неба, и никто не разрушал преграды сей. Гадания оставались гаданиями; те, которые приходили от земли, говорили о земле, а тьма смертная затемняла в глазах их последнее мерцание истины; они ложились в гроб, оставляя, вместо наследства, неумную заботу хранить брение их. Даже значительная часть народа Божия, коему вверены были тайны небесные, отвергла наконец всякую надежду на бессмертие, проповедала *не быти ни ангела, ни духа* (Мф.12:23). Но вот смерть Господа нашего поучает нас взирать на смерть не более, как на стража, который хранит то, что ему вверено; хранить дотолѣ, доколе угодно владыке жизни; поучает отрадной истине, что не дух, совершенно не знающий гроба и смерти, а только бранный состав наш предается во власть не вечного стража. Первенец из мертвых, *во двою естеству не слитно познаваемый*, не душою лежал во гробе: и мы радуемся, смотря на тлеющую храмину тела, будучи уверены, что она не будет неисходною могилой духа. Сладкая вера сия еще более утверждается воскресением самой плоти Иисусовой. Если плоть воскресла для вечной жизни, то может ли дух истлеть? Если плоть Иисусова воскресла, *како глаголют неции яко воскресения мертвых несть?* (1Кор.15:12) Воскресение Иисуса Христа показывает, что не дух только бессмертен, а и тело; что наступит день, когда и тленное облечется в нетление (1Кор.15:52).

Дух Христа Иисуса не дух только человека, – Он Богочеловек. Так Он нисходит в бездны адовы, но облеченный божественною мощию, дабы и там поведали славу Его, дабы и там быть тем же для бедных людей, чем был и на земли. Во аде же с душою яко Бог. Дотолѣ ни один из подзаконных праведников, ни один из патриархов не обещал себе не посредственного после смерти входа в блаженство; они все

шли туда – в ров мрачный, *не имущий воды*, как узники, и там ждали, пока придет Крепкий, победоносный Царь дочери сионовой (Зах.9:11). Там они вопрошали, *глаголюще*: доколе тако надеющиеся будем, когда приидет плод жатвы мзды нашея? (3Езд.4:35) Патриарх Иаков, от безутешной скорби желая расстаться с жизнью, не иную определял себе и оплакиваемому Иосифу долю, как вселение в темнице подземной: *не хотяше утешиться глаголя, яко сниду к сыну моему сетуя во ад* (Быт.37:35). Имевший державу смерти увлекал в свою область всех, зараженных ядом греха Адамова. Один только Крепкий мог связать сего крепкого, и расхитить плен его; один Сын Божий мог разрушить оковы греха и заклепы адовы, утвержденные правосудием небесным и Сын Божий является во аде, яко Бог. Это не вымысел своеволия, не учение произвола неразумного: так судят, так учат апостолы! Учитель языков, проповедуя о вознесении Иисуса на небо, говорит: *а еже, възиде, что есть, точию, яко и сниде прежде в дольнейшие страны земли, в преисподния места* (Еф.4:9). Для чего же? Да исполнит Собою всяческая (Еф.4:10). И апостол Петр учит, что Христос, как быв во плоти, проповедовал облеченным плотью, так умерщвленный по плоти и живой духом, *сущим в темнице духовом сошед проповеда, противльшимся иногда, егда ожидание Божие долготерпение во дни Ноевы* (1Пет.3:19). Тот же апостол, в подтверждение того, что Иисус будет судить не только живых, но и мертвых, говорит, что Иисус проповедовал и мертвым: *на се бо и мертвым благовестися*; потом указывает и на цель сей проповеди: *да суд убо приимут по человеку плотью, поживут же по Бозе духом* (1Пет.4:6), или, как изъясняет один отец церкви, да те, кои живут по человеку плотью, примут осуждение, как осуждены и на земле ожесточенные; поживут же жизнью блаженною – жившие по Богу духом. Еще устами древнего пророка Бог говорит об избранных Своих: от руки адовы избавлю я, и от смерти искуплю я. *Где прятая твоя, смерти? Где остен твой аде?* (Ос.13:14). Он сокрушен победителем смерти и ада, так как низложен и владетель смерти (Евр.2:14).

Но не ад только отверзает врата Победителю ада, а и рай. Дотоле – как было пройти туда, где ужасная неблагодарность пред благодетелем дивным вооружила против себя Творца и тварь? Рай – место покоя и блаженства, место созерцания славы Божией – заключен был для человека грешника. Но вот Господь Иисус и в рай с разбойником. Какое торжество Сына человеческого! Не напрасно каявшийся разбойник именовал вмененного с злодеями Господом; не напрасно просил помянуть его в царствии; не тщетно было и обещано: *днесь со Мною будеши в раи* (Лк.23:43). В раю – исповедавший Распятого Господом, потому что Распятый разрушил преграду, отделявшую землю от неба; в раю – разбойник, потому что жертва праведного за неправедных принята правосудием. Подлинно, *Сей есть хотяй избавити Израиля*, должна теперь сказать вера. Он избавляет самую заблуждшую овцу дому израилева. Подлинно, должно умолкнуть теперь дерзкое нечестие, вопиявшее к Распятому: *иные спасе, Себе ми не может спасти* (Мк.15:31). Он спасает, но не то, о чем думал мир нечестивый и буйный, а о чем помышлял отверженный от мира, – спасает душу. Подлинно, неисчерпаемы для тебя в Иисусе сладкие надежды, безнадежный грешник! Вот, подобный тебе грешник, первый вступает в неотступный дотоле Эдем. Херувим, не дававший праведникам входа в заключенное место радости, впускает туда разбойника, впускает потому, что с ним Иисус. Спешите же, бедный грешник, к Иисусу, дабы Он взял тебя с Собой. Бросая с слезами к стопам Его; – Он не покинет тебя; скажи Ему с сердцем сокрушенным: *Господи, помяни мя во царствии Твоем*, как помянул Ты разбойника (Лк.23:42), и Он помянет тебя, помянет; поверь, не пропадет твое слово. Он сказал последователям своим: *идеже семь Аз, и вы будете. Аз живу, и вы живи будете* (Ин.14:3, 19). И обещание Его твердо. Потому-то все праведники любили называть себя грешниками, что Иисус первого грешника первым взял в рай. Потому-то опасна участь считающих себя праведниками, что Иисус не берет с Собой хотящих оправдаться по себе. Потому-то страшиться должны будущности, не знающие Иисуса, как узнал Его разбойник; Иисус скажет: и Я не знаю вас. Благословляй,

христианин, Христа Господа твоего; Он один отверзает вход в рай, – один, *о Нем же подобает спастися нам (Деян.4:12)*; а ты с Ним – единственным Спасителем.

Велико имя исповедуемого нами Господа Иисуса. Тогда как человеческое усердие тщетно ищет Его во гробе, утвержденная вера зрит Его *на престоле со Отцом и Духом*, – на престоле славы, подобающей единому Богу. Так воскресший не преставал быть Богом и под одеждою брэнной плоти, не преставал быть единым великим и славным – и под покровом смирения и уничижения вольного. *В нем обитало всякое, исполнение Божества телесне (Кол.2:9)*. Видехом славу Его, говорят апостолы, очевидцы Слова воплощенного, *видехом славу Его, яко едиnorodного от Отца*, – Он полон благодати и истины (Ин.1:14). Но брэнная плоть, но образ раба, но подобие человеческое как бы разлучили собою Сына от Отца, скрывали славу Божества, так что эта слава казалась более славою великого пророка, царя земного, сына человеческого, и так же, казалось, могла измениться, как изменяется и исчезает все земное. В небольшом числе собравшиеся вокруг галилейского пророка друзья Его, едва поражен был Пастырь, расточаются, как овцы робкие и беззащитные. По воскресении, *Он паки восходит туда, откуда пришел (Ин.8:14)*, оставляет позорище уничижения, чтобы воспринять полную славу Божества, получить имя, еже паче всякого имени (Флп.2:9). О, если бы мы, грешные, узрели, по обещанию Спасителя, небо отверзтым (Ин.1:51)! В какой бы славе, в каком величии увидели Господа нашего! Но довольно для нас: тайнозрители видят и поведают нам Сына человеческого за приятие смерти венчанного славою и честью (Евр.2:9); видят, как Он, сотворив Собою очищение грехов наших, *седе одесную престола величества на высоких (Евр.1:3)*; видят, как *двадцать четыре старца падают пред сидящим на престоле* Агнцем закланным, *повергают пред престолом Его венцы свои (Откр.4:10)*; видят сонмы ангелов, закрывающих лица свои от неприступной славы прославленного Сына Божия. Благоговей, христианин, вспоминая имя воскресшего Господа твоего Иисуса; оно страшно для *всякого колена небесных, земных и преисподних (Флп.2:10)*. Благоговей,

и вместе радуйся! Он получил *всякую власть на небе и на земле* (Мф.28:18), но для того чтобы устроить и обезопасить наше спасение, для того чтобы ниспослать возлюбленным своим оружие истины для низложения помышлений, возносящихся на истину, дух силы и любви для победы над бесчувственным и упорным миром; Он оставил землю, но обещался, о, любезное и сладкое обещание! обещался быть с нами земными до скончания века. Теки теперь, подвижник Христов! Теки бодро по пути твоему; ты имеешь Вождя верного. И падешь ли ты, немощный и слабый? Там – пред престолом *Отца ходатая имамы праведника Иисуса* (1Ин.2:1); Он может спасти приходящих чрез Него к Богу, *жив сый*, – *во еже ходатайствовати о нас* (Евр.7:25). Изнеможешь ли, истощишься ли в силах духовных и телесных? *Да не смущается сердце твое, ни устрашает! О имени Иисуса воскресшего ты всего можешь просить, и все дастся тебе* (Ин.14:27, 16:23).

Христе Спасителю! Ты и на земле, и на небе, и в странах дольних; Ты все наполняешь Собою. Не оставляй же нас бедных грешников, по обещанию Твоему, хотя мы и недостойны того. Буди с нами до скончания века! Аминь.

1846 год.

Слово в день Вознесения Господня, говоренное в Хорошевском девичьем монастыре

Возведох очи мои в горы, отнюду же приидет помощь моя (Пс.70:1).

Что бы это значило, что Давид ожидает себе помощи от гор? От чего так важны были для него горы? Правда, он прибавлял, что ему помощь *от Господа, сотворшего небо и землю*. Тем не менее мысль о помощи Божией он соединял с мыслью о горах. Значит, важны были в глазах его и горы.

Вот и мы, обитатели города и сел, собрались на гору. Зачем собрались? ужели только для развлечения? Лики дев и жен избрали себе уединенную гору местом для постоянного пребывания. Зачем они оставили города и села? Если никому из временных посетителей горы не хочется сказать о себе, что явился он на эту гору без важной мысли о горе; то, конечно, не легкие мысли, не мелкие побуждения заставили поселиться на пустынной горе.

Зачем же некоторые из людей, оставляя мир, удаляются в горы пустынные, или пустыни?

В укор друзьям пустынных гор говорят: древние пустынники выгнаны были в пустыню страхом гонений. Но если бы это было и так: кого следует укорять? Ужели не гонителей, а гонимых? Против чего восстали гонители? Против святой веры против св. благочестия. Для чего убегали гонимые? Чтобы себе и другим сохранить благочестие. И на войне бывает бегство, которое выигрывает славу победы. Если гонять вас в одном городе бегите в другой, сказал Спаситель апостолам (Мф.10:23). Давид бегал от Саула, как для того, чтобы не подвергать безрассудно потере жизнь свою, так и с тем, чтобы Саул видел, как далек был Давид от всякой неприязни к Саулу. Если люди мира называют поздних друзей пустыни последователями таких беглецов, то не в выгодном положении ставят они самих себя, принимая сторону не гонимых, а гонителей благочестия. – Между тем и в отношении в древним друзьям пустынных гор дело еще не решено тем, что указали на страх гонений. Пусть

этот страх заставил на время уклониться в горы, но что заставило остаться на всю жизнь в горах? Гонения кончились ужасающих людей более нет; а пустыnnики не возвращаются в мир, по-прежнему скитаются по горам, терпят зной и холод, нищету и глад.

Итак, повторяем вопрос: зачем удаляются из мира в горы?

При первом напоминании о горах, невольно возникает мысль в уме: не потому ли так любимы были горы, что они близки к небу? Да, эта мысль, без сомнения, принимала участие в святой любви к горам. Куда мы должны стремиться мыслями и волею, если не к небу? Чем должна быть вся жизнь наша, как не стремлением к небу? А горы своим возвышением к небу окрыляют дух стремлениями к небу. Сам Спаситель для молитвенного беседования с Отцом восходил на гору: *взыде на гору помолитися* (Лк.9:28).

Правда, на всяком месте можно приближаться к Вездесущему; на всяком месте можно поклоняться Отцу духов в духе и истине. Каждое место вселенной говорит о Творце миров и вызывает душу славить Его. *На всяком месте владычества Его благослови душе моя Господа* (Пс.101:22).

Но что делать, если душа не везде равно славит Господа? Что делать, если мы не на всяком месте приближаемся к Богу, а на иных даже отступаем от Него? Мир – прекрасен, как создание Божие, но прекрасен ли он как общество людей? Пусть люди по легкомыслию, по увлечению страстей, восхищаются и этим миром, но суд Божий говорит о мире: мир во зле лежит. Осмотритесь, каково душе боголюбивой в мире! С одной стороны зовут ее славить Господа, с другой оглашают ликованиями, в которых нет смысла. Кроме чарующих голосов раздаются докучливые голоса нужды и забот, домашних скорбей и семейных раздоров; и ни днем, ни ночью нет от них покоя душе. Бороться с миром за святые мысли и намерения? Не нахожу сил. Предаться на волю волн мира – то же, что обречь себя на гибель. Что остается делать бедной душе? Остается одно – прервать все связи с миром и бежать в горы. Бежали же израильтяне из Египта, и, если бы не обрекли себя на странствование по пустыни, погибли бы в растленном Египте.

Мир не действовал бы на душу так пагубно, как действует он, если бы в душе не было испорченных наклонностей худых желаний, нечистых мыслей. Это – правда святая. Но она же говорит, что удаление от мира спасает душу от раздражительных впечатлений мира, и тем облегчает подвиг спасения душевного. Умно ля, богоугодно ли оставаться с слабым здоровьем там, где воздух не благоприятно действует на здоровье?

Удалиться в горы, не значит предаться праздной, бездейственной жизни. О, нет! – сюда удаляются восстанавливать расстроенное здоровье души. И как трудно врачевать больную душу! Не легко восстановить здоровье в расстроенном телесном организме, но состояния души далеко менее уловимы, чем состояния тела. Пустынная гора представляет удобство для выполнения сего подвига тем, что поставляет душу вдали от раздражающих впечатлений мира, но необходим труд, чтобы исправить больной организм души.

Возлюбленные сестры! не смутитесь, если назову вашу добрую гору больницей. Больны все мы. Но счастлив тот из нас, кто глубже других чувствует себя больным и еще счастливее тот, кто пользуется в лучшей больнице. Чистый, свежий воздух – лучшее лекарство и для больных телом. Благодарите Господа за счастье свое: для больной души пребывание на горе – счастье.

Возлюбленные сестры! вы счастливы, но умеете пользоваться вашим счастьем. – Берегитесь сходить с горы. Не умно менять чистый воздух святой обители на удушливый воздух мирской. Не умно растравлять раны души больной, а они легко растравляются, когда неосторожно прикасаются к опасному миру. Берегитесь под предлогом невинной любви к родным и знакомым оживлять связь с оставленным миром. Долго ли до того, что эта связь увлечет туда слабую душу невовратно? Пусть мысли и сердца ваши неуклонно смотрят на небо. Оттуда спасение для немощных душ наших.

Разумно понимайте себя и свое пребывание на горе. Кто живет на горе не как беглец, бросивший все, чтобы только избавиться от опасностей мира, но переносит на гору так

называемые удобства жизни мирской: что он делает? Обманывает Бога? Не обманет. Обманывает себя? На погибель себе. Нет, между вами не должно быть Рахили, унесшей из дома Лаванова идолов; не должно быть таких, которые приносили бы сюда тайно идолов плотоугодия и самочиния. Если на пустынной горе ропщут на её скудость, на её труды, на её скуку пустынную, то не тоже ли делают, что израильтяне, вздыхавшие в пустыне о мясах и котлах египетских? О! пусть поддерживают в себе терпение памятью об участи, постигшей вздыхавших о мясах. Они погибли *в гробах похотения*.

Больным не к лицу нарядная одежда. Потому и ваша одежда – одежда печали. Есть для вас одна нарядная одежда, – это *виссон оправдания святых*, готовый для возлюбивших *девство* (Откр.19:8). Помните о нем, и пред его красотой исчезать будут в ваших глазах все земные прелести.

Бог любви и милости да покрывает своею благодатью возлюбивших Его. Аминь.

1849 год.

Слово на Вознесение Господне во всеобщее служение

Христианская церковь начала праздновать празднуемое нами вознесение Господа еще со времен апостольских и по установлению апостолов. В постановлениях апостольских заповедуется давать в день вознесения Господня свободу рабам, на том основании, что это есть день совершения смотрения о Христе.¹ Блаженный Августин, учитель четвертого века, пишет: «что сохраняем мы и христиане всех стран, то, без сомнения, дошло до нас от самих апостолов, если не от всеобщего согласия церкви, как например, обыкновение прославлять ежегодным торжеством страдание Господне, воскресение, вознесение Его на небо».²

По этим словам видно, что праздник вознесения Господня в IV веке был уже праздником повсеместным, и что древность его одинакова с праздником воскресения Христова, и с воспоминанием страданий Христовых. Из IV века дошли до нас слова и беседы отцов церкви, говоренные в праздник вознесения Господня.

Почтим же и мы великий праздник благоговейным размышлением о вознесении Господа Иисуса.

Вознесшийся на небо Христос Иисус *сиде одесную Бога*. Что это значит? Сидеть одесную царя на языке писания означает разделять с царем его власть и почести. И так сидение одесную Бога Отца по отношению к Сыну Божию означает участие Сына Божия в правах и совершенствах Бога Отца. Христос Иисус, как Сын Божий, от вечности равен Отцу. Но вознеся на небо не Сын Божий, а сын человеческий; сын человеческий, воспрятый в личное единство Сыном Божиим, приял по вознесении на небо славу Бога истинного. Отец славы воскреси Его, Христа Иисуса, *от мертвых и посади Его одесную Себе на небесных, превыше всякого начальства и власти и силы, и господства, и всякого имене, именуемого не точию в вещи сем, но и во грядущем (Еф.1:20–21)*. Даде Ему имя, еже паче всякого имене, да о имени Иисусове поклонится

всяко колено небесных и земных, и преисподних (Флп.2:9–10). Так одесную Отца Христос Иисус есть владыка неба и земли. Сыны человеческие! почтите Сына – иначе Он сокрушит вас, как горшечник разбивает негодные сосуды глиняные.

Уне есть вам, да Аз иду ко Отцу, говорил Спаситель ученикам своим. И подлинно, вознесение Христа Господа на небо отверзло для человечества небеса, дотоле заключенные для Него. Самые праведники ветхого завета не могли взойти в обетованное царство вечного блаженства, пока Христос Иисус, – новый Адам, не взошел на небо. Св. апостол учит нас: *не в рукотворенная святая вниде Христос, но в самое небо, ныне да явится лицу Божию о нас* (Евр.9:25). Христос Иисус явился лицу Божию, как ходатай человечества, исполнивший дело свое; Он явился по человечеству, чтобы явить небесам дотоле униженное человечество в первобытной славе его. О! как не радоваться людям такой славе бедного человечества! Самые ангелы, без сомнения, с торжеством и радостью взирали на прославляемое человечество в лице Христа Иисуса, так как дотоле скорбели о падении человечества в лице Адама. Спаситель говорит ученикам своим: *Аз иду уготовати вам место* (Ин.17:24). Места вечного блаженства, для избранных Божиих, приготовлены от вечности. *Приидите биогословении Отца Моего, наследуйте уготованное вам царство от сложения мира*, так говорит судия мира праведникам. Тем не менее вход в царство Божие открыт только Христом Иисусом. Он один, как единственный друг человечества, как ходатай между землею и небом, совершил то, что небо отверзлось для людей; Он явился лицу Бога Отца с заслугами за виновное человечество, и места на небе открылись для готовых к небу.

Аще не иду, утешитель – не приидет к вам: аще ли же иду, пошлю Его к вам (Ин.16:7), говорил Спаситель. Прежде, чем явлением своим одесную Отца Искупитель человечества не показал, что, дело, возложенное на Него, окончено Им, небо примирено Им с землею вполне, человечеству нельзя было ожидать с неба живительных вод благодати, необходимых для исцеления расстроенного состава человеческого. Но вот Искупитель – на небе, Он одесную Отца небесного, и – вслед за

явлением Его на небе, бедным человекам посылаются дары благодати с щедростью изумительною, в обилии, какого не мог вообразить себе ни один ангел, тем менее человек. *Возшед на высоту, пленил еси плен, и даде даяние человеком (Еф.4:8).*

Христос Иисус вознесся на небо не с тем, чтобы забыть о бедных странниках земли. Нет, Он остается тем же для них на небе, чем был на земле. Нежно любил Он людей, пока был на земле! Какой слезы не отирал Он, какой скорби не смягчал Он участием своим, в какой беде не помогал Он чудною помощью своею! Престал ли Он любить людей на небе? Нет, Он еще более любит их на небе, чем любил на земле, так как и человечество Его теперь вполне прославлено совершенствами Сына Божия. Он сказал Марии Магдалине, по воскресении Своем: иди к братии Моей и возвести: *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему Богу Моему и Богу вашему (Ин.20:17)*. Видите, возлюбленные, Он возносящийся на небо, называет людей братьями своими; Он называет своего Отца их Отцем, своего Бога их Богом.

Св. писание для того, чтобы яснее видна была нам деятельная любовь к людям вознесшегося на небо Сына Божия, изображает ее нам в различных образах.

Оно называет Христа Иисуса нашим первосвященником. Христос *пришед архиерей грядущих благ, не кровью козлию, ниже телчию, но своею кровью вниде единою во святая, вечное искупление обретый (Евр.9:11)*. Ветхозаветный первосвященник приносил за грехи народа кровь козла и тельца: но это жертвоприношение доставляло людям только внешнюю чистоту, только гражданскую праведность, сообщало тем, за которых приносилась жертва, право вновь участвовать в общественном богослужении, но не давало мира совести, не облакало праведностью пред судом Божиим. Недостаточность ходатайственного служения первосвященника открывалась уже и в том, что он каждый год должен был возобновлять свое дело. Христос Иисус раз навсегда решил свое дело – и Его жертва очищает самую совесть человеческую, как жертва духовная, как жертва цены неоценимой.

Далее, Христос Иисус на небе есть наш ходатай пред Богом. *Чадца моя, говорит апостол любви, сия пишу вам, да не согрешаете. Аще же согрешит кто, Ходатая имамы пред Отцом Иисуса Христа праведника (1Ин.2:1).* Как ходатай, Господь наш на небе всегда готов помогать нам в наших нуждах: Он отверзает нашим молитвам вход в небо, куда не могли бы они достигнуть, по их не достоинству, посылает утешение в скорби и силу в немощи, тогда как мы не могли бы получить ни того, ни другого, по грехам своим. Потому-то апостол с такою торжествующею уверенностью говорит: *кто поемлет на избранные Божия? Бог оправдаяй. Кто осуждаяй? Христос Иисус умерый, паче же и воскресый, иже и есть одесную Бога, иже и ходатайствует о нас (Рим.8:33–34).*

Христос на небе, по писанию, есть глава церкви и церковь Его тело. *И вся покори (Бог) под нозе Его (Христа Иисуса), и того даде главу выше всех церкви, яже есть тело Его (Еф.1:22).* Глава в человеке управляет всем телом его, так что все, совершающееся в теле, совершается под ведением и влиянием главы. Христос на небе есть глава церкви и каждый член таинственного тела сего получает незримую помощь от видимой главы своей.

Кто после сего может сомневаться, что вознесшийся на небо Господь Иисус не престаёт взирать на нас, как на братьев и сестер своих? Сколько после того надежд нам на Него, столько любящего нас? Согрешит ли кто из нас? Пусть обратится к Сладчайшему с твердым упованием и молитвою. Как бы ни велик был грех наш: Его ходатайство покрывает пред Отцом грехи целого человечества; много ли же значит для Него покрыть твой или мой грех? Впадёт ли кто из нас в какое-либо искушение? Подвергнется ли какой беде или болезни, душевной или телесной? *Не имамы Архиерея, не могуца спострадати немощам нашим, но искушена по всяческим по подобию, разве греха. Да приступаем убо с дерзновением к престолу благодати, да приимем милость, и благодать обрящем во благовременну помощь (Евр.4:16–17).* Спешите к Иисусу во всякой скорби вашей. Он облегчит всякую скорбь. Призывайте имя Его во всякой нужде: Он отец сирых, врач больных, друг

оставленных всеми, у Него всегда и на все готова помощь, против которой ни что не устоит.

Мужие галилейстии, что стоите зряще на небо? Сей Иисус вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, им же образом видесте Его идуща на небо. Так говорили ангелы апостолам (Деян.1:11). По сему наставлению не многое еще значит, если мы только что смотрим на дивное вознесение Господа. Надобно мысль о вознесении Его соединять с мыслью о втором пришествии Его для суда, как соединены и ангелом сии два великие события. А потому надобно так вести жизнь, чтобы не быть исключенным нам из того царства, которое откроется со вторым пришествием Сына Божия на землю. Господь, вознесшийся на небо с тем, чтобы уготовать места вечного блаженства для верующих в Него, предложил нам условия, под которыми мы можем быть приняты в царство Его. Рассеянные грешники! одумайтесь, что ожидает вас, если вы не выполняете воли Господа вашего? Тот, кто вознесся на небо, силен для того, чтобы выполнить свою волю над непокорными Его воле, в день суда своего. Апостолы возрадовались, услышав весть ангелов о втором пришествии Христовом, потому что они одного желали, одного искали, чтобы быть вместе с Господом своим. А мы готовы ли встретить Его. Наши сердца Его ли желают, Его ли ищут на земле?

Господи милостивый! да не будет бесплодным в сердцах наших слово о славе твоей. Аминь.

1851 год.

Слово на день Вознесения Господня, в Хорошевском монастыре

Зрящим им взятся, и облак
подъят Его от очию их (Деян.1:9).

Сын Божий возвращается к Отцу, от коего послан был на землю. Смиривший себя до подвигов крестных, восходит в горня, для приятия славы вечной. Событие необыкновенное, но несомненное! Шествие Христа Иисуса на небо видели своими очами одиннадцать друзей правды.

Итак, вечное солнце сокрыло благотворные лучи свои от бедной земли. Более пяти тысяч лет ожидаемый Спаситель мира оставил людей! Но полно, оставил ли он нас? О, нет! Будучи вездесущ, Он всегда и везде пребывает с нами. В храме ли мы? Он с нами. В пути ли или в доме? Он с нами. *С вами есмь до скончания века*, сказал возлюбленный Господь наш.

Для чего же совершилось видимое вознесение Спасителя с земли на небо? Без сомнения, для того чтобы показать верующим в Него, что истинная отчизна их не на земле, а на небе. *Аще убо воскресните со Христом, говорит апостол, вышних ищите, идеже есть Христос, одесную Бога сидя, – горня мудрствуйте, а не земная* (Кол.3:1–2).

Говорят: помышлять и заботиться об одном небесном и не помышлять, не заботиться о земном – требование едва ли не излишнее? От чего не совмещать попечений о небе с попечениями житейскими?

Братия и сестры! как бы ни хотел я по любви оставить в покое тех из вас, которым так милы, так дороги попечения житейские, но апостол говорит: *горня мудрствуйте, а не земная*, – апостол велит расстаться с привязанностями земными, чтобы жить только для неба. Если хотите осуждать, осуждайте апостола, а не того, кто, по званию своему, повторяет вам слова апостола; если хотите отказываться, отказывайтесь от учения апостольского – и оставайтесь, чем можете оставаться без учения апостольского, т.е. язычниками, или иудеями.

О, Боже мой! с чем хотят остаться люди, не желая расстаться с житейскими попечениями? Земля в их мыслях, земля в их чувствах, земля в их желаниях; – а эта земля – добыча страшного огня! Будет же время, несомненно будет, когда земля испепелится и вне небесного царствия Христова ничего не останется кроме ада. Что ж будет с этими земными людьми? О, как страшна, невыразимо страшна, вечная участь их! И они не хотят ее видеть. *Сынове человечестии, доколе тяжкосердии? Вскую любите суету?* Одумайтесь, – какой злой дух уверил вас, что, питаясь суетою, вы неживые мертвецы по духу? Какой злой дух уверил вас, что труд суеты вашей не труд на ветер и вся жизнь суеты земной – жизнь погибели? (Еккл.2:25)

Кто из святых любил землю? Кто из богопросвещенных говорил, что без всякой опасности для души можно *пространно питаться* (1Тим.5:16), есть и пить, что душе угодно, по выбору сластолюбивого вкуса, работать на хребтах сестер и братьев, а самим нежиться и толстеть? Не все ли святые только и делали на земле, что воздыхали о небе? Зачем бежали добрые люди в пустыни? Зачем бросали детей и друзей, богатства и почести, имущества и власть? Не за тем ли, чтобы прервать все возможные связи с землею? Они считали тяжестью для души, рабством души и то, что должны были, для поддержания жизни, вкушать хлеб с водою. Что же делают, кому следуют эти люди, которые пустыню превращают в жилища мирских страстей и упорно отказываются, с бранью и злобою в душе отказываются от жизни, свободной от рабского служения чреву – и суете? *Сынове человечестии, доколе тяжкосердии? Вскую любите суету?*

Бог есть свет, – и тот, кто постоянно помышляет о Боге и божественном, во свете ходит. Бог чрез мысли о Нем также действует на человека, как действует на нас чрез глаза свет солнца. Мы только тогда пользуемся светом солнечным, когда открываем очи наши: точно так и свет божественный тогда только сияет в душе нашей, когда мы помышляем о Боге. При уклонении мыслей наших от Бога ужасная, хотя и не легко замечаемая, тьма покрывает душу нашу. При уклонении

мыслей наших от Бога к житейским попечениям, ум покрывается мглою помыслов чувственных, суетных, нечистых; – тогда, как надлежало бы ему парить в чистом воздухе неба и зреть на солнце истины духовной, он, как крот, роется в земле, в гнили, в прахе дел мирских, плотских, чуждых для духа. В таком состоянии, бывая и в храме, не понимают, что совершается в храме, слушая евангелие, частью не слышат, частью не понимают евангелия, – не умеют находить в слове Божиим свет божественный, в таинствах – силу, в молитве – созерцание неба. Ум занят толпою предметов то самых пустых, то явно нечистых и в нем нет места чему-либо духовному и святому; он обучен, он привык мыслить только о тлении и нечистоте и неспособен стал к размышлениям духовным. Спросите его о делах житейских, т.е. о ненужных или и вредных душе: он бойко будет судить и рядить о них, но о духовных вещах не спрашивайте, – он не знает в них и азбуки.

Не все ли, что есть в мире, суета из сует? А суета может ли наполнить сердце, сотворенное истиною для истины? *Все, еже в мир, есть похоть*, предмет приманка похоти в разных видах. поскольку же *мир преходит и похоть его* (1Ин.2:16–17), то сколько ни разнообразят люди блага мира, как ни изобретают новые виды наслаждений земных, – земное не наполняет сердца, сотворенного для неба; временное не насыщает души, назначенной для вечной жизни. Душа христианская, душа, приобщавшаяся даров небесных в тайнах Христовых! Тебе ли не чувствовать, какая в мире пустота без Господа Иисуса, какая пустота без Него в твоём сердце? О, зачем же ты оставляешь блага духовные, столько верные, столько высокие и ищешь утех, оставляющих в тебе только тоску и смятение? Ужели для того, чтобы измучить и иссушить сердце твоё, довести до того, чтобы оно стало совсем неспособным к ощущению небесных радостей? Ужели для того, чтобы оно, наконец, совсем потерялось для неба? А это будет с ним, если не будешь искать небесного. *Идеже сокровище ваше, ту будет и сердце ваше*, сказал Спаситель (Мф.6:31). Если сокровище твоё, то, чем дорожишь ты, чем услаждаешься ныне, как и вчера, что считаешь благом постоянным, находится на земле, то быть не

мажет, чтобы сердце твое было на небе, у Бога. Больно сказать, оно у тебя тоже, или почти тоже что сердце всякого животного, без движений духовных, без утешений благодати, без радостей Духа Утешителя: а в таком положении горе, горе тебе!

Никто же может двема господинома работати, говорит, Господь (Мф.6:24). И так, если ты слуга житейских попечений: не обманывай себя, не можешь ты быть в то же время рабом Божиим. *Не можете Богу работати и мамоне* (Мф.6:24); не можете служить в одно и то же время Богу и идолу богатства, как и каждому другому идолу души вашей. Одно из двух – или мамону полюбите и будете холодны к Богу, или наоборот. *Никто же воин бывая, обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет* (2Тим.2:4). И так, если ныне, как вчера, душевное твое расположение крепко привязано к житейскому, – ныне, как и вчера только и забот у тебя, что о пище и одежде, о горшках и келье, то с чего ты льстишь себя надеждою, что душа твоя угодна владыке Христу? Бог требует от нас всей нашей воли, всей нашей любви, всей деятельности души и тела. И Он требует того по праву: Он наш творец, промыслитель и Спаситель; Он создал нас для себя, для славы имени Своего и вне Его нет и не может быть цели для нашего бытия. Что же делают, если не святотатствуют, определяя душу, посвященную Богу, на служение земле и страстям земным? С чего надеются на спасение души, когда душа в работе у страстей? Житейские попечения обессиливают волю нашу в её стремлениях к Богу. Они влекут душу от предмета к предмету, от занятия к занятию, от заботы к заботе, в круге земных вещей; желания и страсти, бушуя как волны, бросают волю туда и сюда и она, истощенная борьбой, ни мало не подвигается вперед в своем восхождении к Богу. Оттого-то происходит, что те самые люди, которые в начале обращения своего к Богу совершали тяжелые подвиги самоотвержения, потом, – в продолжении многих лет все только начинают дело спасения своего; ищут Бога и не находят, трудятся в обители спасения и не спасаются. Связав душу пристрастием к земному и житейскому, не расстаются с делами погибели; желая неба, волнуются заботами о земле; ищут Бога, но не хотят потерять и тварей. И чем все это кончится? Чем

другим, как не погибелью вечною? Не живя для неба на земле, нельзя попасть в небо, за пределом гроба.

Братия и сестры! пока есть время, будем искать *вышних*, *идеже есть Христос, одесную Бога сидя*. Оставим опасную для нас борьбу с волею Божией, которая велит лам горняя мудрствовать, а не земная. Аминь.

Слово в день Вознесения Господня

Христос на небе! Христос во славе! Какая радость, какое торжество для ангелов! Если радовались они нисхождению Христа на землю; то, что было, когда видели возвращение Его в славу? Что было, когда зрели осужденное человеческое естество прославленным в лице Христа Иисуса? Что было, когда видели смирившего Себя до смерти, и смерти крестной, приявшим имя выше всякого имени, так что должно поклоняться пред Ним всякое колено небесных, земных и преисподних?

Христос на небе. Христос во славе. Что же мы? Или нам можно оставаться на земле и без Христа! О, сохрани Бог быть где-либо без Христа! Если, когда, то теперь особенно надобно побуждать себя – помышлять о небе, где Христос.

Христос на небе. Там на небе и наша родина, там и наша жизнь со Христом. Что земля для нас? Место изгнания. Что жизнь земная? Путь бедного странника. К чему ж останавливаться там, где нельзя жить домом? Странник равнодушно проходит мимо всего, что не нужно для его назначения, или что может только отвлечь его от цели. Он пользуется на дороге только тем, что может подкрепить силы его для пути. Взоры его, мысли его, желания души стремятся к родине. Ничего нет прекраснее нашей родины на небе. Глаз не видел, ухо не слышало, мысль не встречала ничего подобного тому, что приготовил Господь любящим Его. К чему ж столько забот, столько скорбей у нас о земном? *Сынове человечестии! доколе тяжкосердии? Вскую любите суету?* Один всю жизнь проводит, чтобы собирать кучки блестящей пыли. Другой чего не предпринимает, чтобы приподняться на две или на три ступеньки повыше других, выиграть мнение о себе у сильных земли, но которые сами земля? К чему все это? На родину возвратятся, как на чужбину, как дети блудные. Не суета ли и суета вредная – все, что не приносит нам пользы для вечности, а только крушит дух наш заботами, к его вечному расстройству? *Вышних ищите, идеже есть Христос, одесную Бога сидя.*

Горняя мудрствуйте, а не земная. Ваш живот со Иисусом сокровен в Боге (Кол.3:1–3). Что мы без Христа Господа? Он – наша глава, наша жизнь, наше спасение и блаженство. Если не туда спешим мы, где Христос, если же не о небе заботы наши, если не к Царю и Господу своему стремимся мы приближаться, что с нами будет, когда видимые небо и земля сгорят, а вне Христова царствия ничего не останется, кроме ада? О, надобно *горняя мудрствовать, а не земная!*

Нельзя ли быть тому, чтобы и помимо забот о небе взошли на небо по смерти? В таком случае, не для чего заботиться на земле о небе, тем более что довольно и земных забот.

Взойти на небо без приготовления себя к небу? Нельзя! Невольное преселение на небо, по действию смерти, не предваренное очищением духа при жизни, не только не может быть благотворным для души, но обратится в пагубу. Семена зла, посеянные волею в душе, не могут быть исторгнуты из неё никаким насилием, а оставленные в душе, вознесенной на небо, они раскроются и обратятся в источники мук. Как грешной душе жить там, где все ей не сродно, все противно её расположениям? Это значило бы то же, что заставлять рыбу жить в воздухе, оленя в воде, камень летать по ветру. Стихия, в коей блаженствуют чистые духи и души праведных, нестерпима для грешника; она слишком тонка, слишком светла для него, в ней, как чуждой, не может он жить; стихия, с которой он сроднился, в которой он жил и жить может, совсем другого рода. Грешники, по неложному слову Божию, чада диавола. Они родились и воспитались, они жили и жить могут только тою стихией, которая порождена князем тьмы, иначе – стихией ада. Нет, слушатели мои, надобно очиститься, надобно просветиться в духе, чтобы жит там, где Христос, одесную Бога седяй. Целую жизнь надобно посвятить на то, чтобы возноситься расположениями к небу, а не прилепляться к земле, чтобы *горняя мудрствовать, а не земная.*

Но легко ли это? Легко ли с земли возноситься на небо?

Что ж? Разве лучше упасть в бездну, чем взойти на высоту, хотя бы и с трудом? Для приобретения тленных сокровищ, временных выгод, разве не употребляют трудов? А приобрести

нетленные сокровища, вечные блага – будто уже и не стоит труда! Сын Божий для нас нисходил на землю, за нас пригвожден был ко кресту, за нас глава Его увенчана была тернием, за нас ребро Его прободено рукою беззаконною, – и чтобы быть вечным ходатаем нашим пред Отцем, вознесся Он на небо: а мы – не благодарные к любви Господа нашего, не хотим понести труда и для своей вечной жизни.

Слишком трудно земному вознестись на небо?

Но то ли, собственно, человек, что взято из земли и возвращается в землю? Нет, это только одежда, которая снимается одним раньше, другим позже, одним изношенная, а другим вовсе новенькая. Что же такое человек? Без сомнения то, что остается целым и без тленной оболочки; это – дыхание жизни, происшедшее от Бога, это – дух, сотворенный по образу Самого нетленного и вечного Бога. Если же так, то не естественно ли духу стремиться к своему началу? Не естественно ли приближаться ему к нетленному, как своему образу? Точно так же естественно, как естественно падать камню на землю, где он родился. Не естественно душе нашей находить мир и радость на земле, потому что земное не сродно ей. Проверьте самих себя: чем отзываются в душе забавы и удовольствия мира? Пустотой, скукою, скорбями. Итак, не сама ли душа говорит, что покой её не на земле, а на небе? Что же препятствует употреблять такое расположение души на то, чтобы, как можно чаще быть мыслями и желаниями у своего Господа и Спасителя? Бывают же и много мыслящие, но которые мыслят о всем, что угодно, только не о вечности. От чего это? Не от себя ли самих? Не от своей ли худо употребляемой свободы? Если дух, непрестанно занимаясь только мыслями о земном, житейском и тленном, сам грубеет и землеенеет, кто виноват? Пусть падение первого человека испортило естественное стремление бессмертного духа, наклонив его от неба к земле, но нам дана благодать Христова, сильная не только возвратить духу первоначальную правоту, но и возвесть ее до высшего совершенства. Пусть не остается в нас тщетною благодать Христова: с нею ни земляность плоти,

ни немощи души, не удержат нас на земле; с нею апостол, живя на земле, восходил на третье небо.

Но как приучить ум устремляться на небо, когда земные предметы рассеивают его, обращая к земле?

А как приучают ум устремляться к земле, а не к небу? Повторением одного и того же. Пусть тот же способ употребляют для приучения ума к небу, и приучат. Начните чаще думать, о каком угодно предмете: этот предмет будет все ближе и ближе к вам, взойдет в душу вашу, наполнит ее собою, вытеснив другие предметы. Так бывает и тогда, когда человек часто возносится мыслью на небо. Как, оставляя небесное для земного, приучаются к земному: так, оставляя земное для небесного, приучаются к небесному. Ты сокращаешь часы благочестивых занятий, чтобы употребить их для дел мирских; иногда идешь в храм Божий, а думаешь о доме; таким же бываешь и в храме. Поступай на оборот. Делай дела необходимые для жизни, но не простирай сего труда далее необходимости, и освобождай себя от дел земных для дел Божиих. Не только дней, отделенных Господом для служения Ему, никогда не отнимай на дела суеты и греха, но и время работное освящай мыслями о Господе. Начинаешь ли работу? Начинай призыванием благословения Божия. Оканчиваешь ли работу? Благодарю за помощь Его. Пусть со всяким делом, со всяким упражнением твоим соединяется помышление о Господе; тогда все земное будет обращаться у тебя в духовное, и ум твой будет не на земле, едите ли, пьете ли, или, что другое делаете, делайте все во славу Божию. Если та или другая страсть будет теснить ум, будет увлекать его к греху: и против сего указано средство. *Сей Иисус вознесыйся от вас на небо, такожде приидет, имже образом видесте Его идуща на небо*, так говорили ангелы апостолам. Вот могущественное возбуждение душе! Мысль о втором пришествии Сына Божия, сколько отрадна для святых в тяжелые минуты ощущения беспомощности, и как бы оставления небом; столько страшна для беспечных грешников, на которых изречен будет грозный приговор судиею – Сыном Божиим. Итак, прогоняй грешные

мысли страхом суда Божия, облегчай подвиги внутренней скорби утешениями вечности.

Сотворишь радость ученикам обетованием Святого Духа! Ниспосли животворящего Твоего Духа и нам немощным, да Им просвещенные и укрепленные будем взирать на небо, приявшее Тебя, не развлекаясь прелестями мира. Аминь.

1847 год.

Беседа в день Пятидесятницы

В день веселия духовного о ниспослании Святого Духа приличнее всего, слушатели, беседовать о самом пришествии Святого Духа. И как важен, как велик предмет сей сам по себе! Сколько в нем света для ума, сколько утешения для сердца!

Обстоятельства сошествия Святого Духа изобразил нам св. Лука. Обратимся же к его повествованию.

Три предмета изображает нам в своем повествовании о святом Духе св. Лука: 1) состояние учеников Христовых пред ниспосланием Святого Духа; 2) самое ниспослание и 3) суд людской о сем событии.

1) *Егда скончавашася днии Пятидесятницы, быша вси единодушно вкупе.* В таком состоянии были избранные Христовы пред принятием Святого Духа. Не разделенные местом не разделены были и душами. Господь Иисус, в последнее свидание с ними, повеле им от Иерусалима не отлучатися, но ждати обетования Отца – силы Святого Духа (Деян.1:8). Верные Христовы так и поступили. Они пребывали все вкупе – в одном месте, в одной горнице; никто не думал отлучаться куда-либо из Иерусалима; они ждали Утешителя; Утешитель стал единственным предметом их мыслей и желаний. *Бе же имен народа вкупе, яко сто и двадесять* (Деян.1:16), – в том числе, и пресвятая Дева, в том числе, кроме двюнадесяте, и седмьдесят апостолов. Всех было *сто двадесять* человек, – и все были единодушны, у всех была душа одна, сердце одно; *сто двадесять* сердец слились в одно чувство; *сто двадесять* умов соединились в одну мысль: прекрасное зрелище! Конечно, не были тревожимы сии души движениями самолюбия: иначе они не могли бы соединиться союзом духовным; они расторгли бы и союз местный. О! там, где живут подобные страсти, там не бывает союза мира; или, если и бывает, то ненадолго, на время, – держась на взаимном договоре разных страстей, – договоре столько же непрочном, как непрочны, переменчивы прихоти нашего сердца! Но благоволит Господь о чистом, святом, союзе сердец. *Идеже два*

или трие собрани во имя Мое, говорит Он сам, ту семь посреде их. О сем-то союзе не земном Он молился к Отцу: да вси едино будут: яко же Ты Отче, во Мне, и Аз в Тебе, да и тии в нас едино будут (Ин.17:21). О нем-то Он повторял неоднократно ученикам своим: сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, яко же возлюбих вы (Ин.15:12). О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин.13:35).

Апостолы исполнили волю Сладчайшего, исполнили, творя плод духовный – молитву. *Сии вси бяху терпяще единосущно в молитве и молении (Деян.1:14).* Они молились, поскольку слышали наставление: *просите, и дастся вам: толцыте, и отверзется*, т.е. без нас самих ничего не дадут нам; молились, поскольку не считали себя достойными обещанной им благодати, – страшась Того, Коего глас поколебал некогда землю; молились, поскольку самое желание Утешителя, самое стремление к Нему вседушевное было уже молитвою. И сколько времени протекло в этой единокорной молитве? Девять дней; девять дней не преставали молиться, – девять дней, не смотря на ясное, непреложное, обещание Спасителя об Утешителе, молились крепко. Верно, слушатели, молитвы нужны нам, – молитвы не кое-какие, приготовление не короткое; нужны, хотя Господь наш – как Всеведущий, знает и без нас, чего мы требуем, и как благий и премудрый готов и может устроить полезное нам. Они нужны не Богу сердца нашего, а нам бедным: нам, поскольку мы должны непрестанно повторять – остави нам долги наша, не введи нас в искушение, подаждь нам, яже на потребу; нам они нужны, поскольку мы молитвою очищаемся и становимся способными к принятию даров благодати. Если мы думаем, что можем быть и без молитвы, то мы в заблуждении; беспечное к небесному, но не к земному, сердце наше обманывает нас; не потому мы не молимся, что будто надеемся получить все без молитвы; а потому, что не желаем, не ищем всего нужного для бессмертной души нашей: ибо можно. не желать, и не молиться.

Апостолы молились и, когда единокорием и молитвою, незаметно для них самих, очищались и уготовлялись к

принятию Духа Святого, наступил пятидесятый день после пасхи иудейской: *скончавашася дние Пятидесятницы*. День сей был один из самых торжественных в церкви иудейской; весь народ иудейский стекался в храм благодарно воспоминать синайское законодательство. Ибо в пятидесятый день, по исходе евреев из Египта, Господь, в громах и молниях, дал закон на Синае. Апостолы не пошли в храм, куда торжественность праздника ветхозаветного призывала всех иудеев в Пятидесятницу. Это уже показывает, что они ожидали, не исполнится ли в этот самый день обещание Спасителя о ниспослании нового законодателя. К тому же, самый день располагал к такому ожиданию: дух рабства, какой возлагал закон на своих подчиненных, заставлял вздыхать о другом законе, о законе духовной свободы; а день ознаменованный объявлением закона рабства, получившим уже обещание нового закона представлялся самым приличным для обнародования сего закона. И чаяние апостолов исполнилось.

2. *И бысть внезапно с небесе шум*, внезапно произошло движение воздуха. Что ж это такое? *бысть внезапно*, следовательно, не что-либо обыкновенное: *бысть с небесе шум*, тогда как ветер идет не сверху вниз, а с той или другой стороны света; следовательно, это не было действие обыкновенного ветра: с небесе шум, следовательно, это не было и действие землетрясения, хотя и подвинулись толпы народа; *яко носиму дыханию бурну*, – шум происходил такой, какой бывает во время бури от сильного движения ветра, было нечто похожее на явление бури, но только похожее, похожее по силе, а не по свойству. И исполни весь дом, *идеже бяху сядуще*. Шум наполнил весь дом, но вне храмины апостольской все осталось в обыкновенном положении. *И явишася им разделены языцы яко огненны*, – показались среди храмины в воздухе огни; но то не были огни обыкновенные или молниеносные; они не палили и не убивали; они были только похожи на огни – *яко огненны языцы*. Носясь над главами учеников, они опустились на них, и опочили: *седе же на едином коемждо их*.

Что ж это за бурные, огненные силы, наполнившие одну из иерусалимских горниц? Кто, и для чего нисшел в таком виде? Спаситель обещал послать Духа, иже от Отца исходит; – Утешителя, Который Своею мудростью должен наставить на всякую истину, своею силою чудодейственно избавлять от всякой беды (Ин.15:26, 14:26), Который, *разделяя властью коемуждо, якоже хочет (1Кор.12:11)*, всюду присутствует. Так, нисшедший в иерусалимскую горницу есть сам Бог Дух. Но откуда приходить, и куда нисходить все наполняющему Собою? Недоумение сие разрешает св. Златоуст: «по нужде, говорит он, так выражает писание о Боге». Подлинно, нельзя же говорить другим языком с теми, которые, быв облечены плотью, знакомы с одним языком земным; нельзя изображать для нас духовных действий Божиих так, как они сами в себе суть. Когда писание говорит, что там или здесь является Бог, туда или в другое место приходит Он, то это значит, что оно говорит о явлении силы Божией в осязательном для нас виде, об откровении Его действий в знамениях видимых. Животворящая сила Божия все живить, всюду действует, но иногда обнаруживается она более осязательным образом, по силе власти своей, и для некоторых становится более близкою, по мере вместимости их. Так, сошествие Святого Духа в иерусалимскую горницу не есть, собственно, сошествие Святого Духа, а осязательное явление силы Его, обнаружение особенного присутствия Его. Подобное было в раю для Адама, при Илии на Хориве, при Моисее на Синае.

Дух Святой *бе присно, есть и будет*, поет церковь. Не в первый раз Он открывается миру; не в первый раз Он начинает действовать на неустроенные стихии бытия человеческого. Им просвещаемые глаголали святые Божии человеки. Им всяка душа жила, какая только была истинно живою. Тем не менее явление Его в иерусалимской горнице есть явление особенно важное. Оно составляет начало особенного общения Божества с человечеством. По совету Триипостасного, Сыну Божию не навсегда надлежало оставаться на земле видимо; за Ним вслед должен был низойти на землю святой Дух. *Аз истину вам глаголю, говорил Сам Христос, уне есть вам, да*

Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам (Ин.16:7). Почему же Дух святой не пришел прежде, чем оставил землю Христос Господь? *Не у бо бе Дух святой, яко Иисус не у бе прославлен (Ин.7:39),* говорит евангелист. Прежде, чем прославлено было человечество Иисуса Христа, и прославленное сделалось как бы органом для сообщения Духа Святого людям, – люди, по грубости и плотяности своей, не могли непосредственно принять обилия Духа Святого. Но человечество Искупителя, просветленное славой Божества по вознесении на небо, по тесному соединению своему, с одной стороны с Божеством, с другой с людьми, открыло собою Пресвятому Духу ближайшую удобность излить дары благодати на апостолов, и чрез них на все человечество. Это-то значат слова Христа Господа о святом Духе: *Он от Моего приимет.* Сын Божий совершил дело Свое на земле – дело искупления людей. Дух благодати нисходит, чтобы соделать людей способными к усвоению себе заслуг Искупителя, просветить, очистить, освятить сердца людей. Дело освятителя грешного рода человеческого Он начинает – нисшествием своим на апостолов.

Что же означали видимые знамения явившегося в сионской горнице? Были ли это только знаки присутствия Духа Святого? Но, в таком случае, для чего их несколько? Всего вероятнее, что эти знаки заключали в себе указание и на свойства нисшедшей благодати. Чудный огонь, наполнивший сионскую горницу, выражал то, что Дух святой, как огонь невещественный, действует двумя силами: светом и теплотой, – светом веры, теплотой любви; Он озаряет умы апостолов истинами высокими и возжигает в них любовь к святости, для озарения и обновления целого мира. Огни явились в виде языков, это было знаком даруемой способности говорить разными языками, для возбуждения ума и сердца. Некогда многоязычие, быв следствием нечестивого замысла человеческого, рассеяло племена и народы. Теперь же языки указывают в будущности благодетельные перемены, имеющие произойти при посредстве дара слова, – соединение рассеянных многоязычием племен под кров одного всеобщего училища истины. Некогда огонь и

буря, сопровождавшие законодательство синайское, соответствовали силою своею строгости закона: кротость огня, почившего на апостолах, показывает, что новый завет дышит не судом, а милостью; дыхание же ветра, предшествовавшее явлению огня, говорит о том, что благодатная Сила, открывающаяся светом и теплотой – все проникает, все наполняет, ничем не удерживается, – тонко и быстро, как дыхание: *внезапу бысть шум*.

Исполнишася вси Духа свята. Апостолам и прежде сообщены были дары Духа Святого. Воскресший отверзе им ум разумети писания (Лк.24:45), даровал силу вязать и решить (Ин.20:23); но теперь, по мере очищения деятельного, они получили обильнейшие дары благодати. Доселе мысли их не совсем были чисты; доселе земные, человеческие пожелания часто входили им на сердце. *Господи, аще в лето сие устрояеши царство израилево*, вопрошали они Его пред самым Его вознесением (Деян.1:6). Теперь душа их изменилась; они – иные и по уму, и по сердцу. Теперь не частный дар Духа прияли они, как, например, дар прощать грехи, но всю полноту даров Духа Святого; не одно благовоние духовного бальзама разлилось в душах их, – самый бальзам Духа наполнял сердца их; не какой-либо луч света коснулся ума их, но полный свет озарит умы их; божественное дыхание проникло и оживотворило всю душу их. И весь мир духовный и вещественный стал иной в умах и сердцах их. Им открылись тайны Божии, которых не могли узнать никакие мудрецы мира. Простые рыбаки, питомцы народного закона, стали учителями всемирными и мудрецами непобедимыми.

И начаша глаголати иными языки. Тогда, как сердце полно было огнем небесным, душа кипела жизнью новою, произошла перемена и в органе слова, – в проводнике духовного. Евреи по племени, галилеяне по месту рождения, апостолы умели говорить только на языке еврейском, и притом на худшем наречии его – галилейском, но осененные Духом, они начали говорить языками иностранными. *Иными языки*, самые эти слова говорят, что исполненные Духа Святого говорили языками, которых прежде не знали. Христос Иисус обещал, что

верующие в Него возглаголют языки новы, и называл это знамением, чудом (Мк.16:17); а вовсе не было бы никакого чуда, если бы одушевленными произносились только нечленораздельные звуки. Свидетели иерусалимского явления были свидетелями того, что апостолы говорили на языках различных народов; дар говорить разными языками известен был в последствии и в церкви коринфской (1Кор.14:22). *Яко же Дух даяше им провещавати*, сильнее нельзя было сказать для выражения того, что иерусалимские верующие говорили разными языками. *Яко же даяше* – указывает не на содержание речей, а на вид языков, которым каждый говорил, по действию Святого Духа.

И поведаша величия Божия. Дивно, что несвободные волнения, произведенные стороннею силою, были вместе действиями выше свободными, и являлись делом самых свободных и разумных сердец: и поведаша. Это от того, что действовал Дух свободы и разума. Под Его влиянием апостолы вещали величия Божия, прославляли чудные дела и совершенства Божии, которые теперь открылись для них в особенной полноте и ясности, восхваляли Того, Кто обещал совершить в них и совершил чудесную перемену.

3. Но что между тем делает мир – свидетель события столь чудного? Что думают, что говорят о событии люди плотские.

Подвигнутые шумом бурного дыхания и хвалебными гласами ста двадцати человек, пришедшие на праздник стеклись к храмину апостольской. Все изумились. Грек и римлянин, ливиянин и мидянин, слышали свои природные звуки из уст не учившихся галилеян; пред ними, в слух каждого, не знакомые с иностранными языками говорят языком парфянина и египтянина, кападокийца и критянина – обитателей Европы, Азии и Африки. Мало того. Простые люди вещают величия Божия, открывают истины, выражают чувства столь высокие, столь святые, с какими никто из предстоявших не был знаком. Все это налагало перст на уста говорливой мудрости человеческой, и поражало предстоявших ужасов. *Ужасався же вси и недоумевався, друх ко другу глаголюще: что убо хочет сие быти?*

Но скоро нашлись люди, для которых показалось слишком простым делом все, что ни происходило с апостолами. Что тут, говорили, удивительного? Вино исполнены суть. Вино вывело из обыкновенного порядка, вино причиною веселости их, шума и говорливости. Таков суд людей о деле Божиим!

Удивляться ли сему? Мир всегда ошибается, когда судить по-своему о действиях благодати Божией. Сколько хулы наговорил он после иудеев о событиях апостольской храмины! Сколько клевет произнесено им на святых Божиих только потому, что не понимали их! Как поступали, и поступают люди мира каждый раз, когда бывают свидетелями явлений необыкновенных, изумляющих своею сверхъестественностью? К несчастью, слишком скоры бывают на то, чтобы о всем судить, на все давать свои мнения, все измерить мерою своего рассуждения и опытности земной. Гордость возбуждает, самозабвение оправдывает прозорливую пытливость. Начинают сперва необыкновенное подводить под уставы обыкновенного; а потом не верят ничему необыкновенному. Пусть, если уже хотят знать, что-нибудь, остановились бы на вопросе: *что убо хочет сие быти?* Пусть рассмотрели бы наперед необычайное явление со всех сторон. Пусть измерили бы, далеко ли простираются познания их о природе, чтобы выше-естественное объяснять из уставов естественного. Тогда гордость их смирилась бы. Тогда сказали бы: все Божие – выше человеческого; святые Божии – выше людей ежедневных, евангелие Божие – выше учения мудрецов земных, и всему Божию остается только верить. Дивно ли, слушатели мои, что Бог действует так, как хочет? Нет, дивно одно, что мы не знаем, как мы немощны, как нужна нам помощь Божия на каждом шагу, тем более, в деле спасения расстроенной грехом души нашей. О, если бы мы себе *рассуждали*, себя испытывали, себя дознавали; *не быхом осуждены были* тогда мы только молились бы!

Помолимся утешителю истинному, да приидет, просветить, *очистит ны от всякия скверны*, и спасет души наши. Аминь.

1847 год.

Слово в день сошествия Святого Духа

Духа не угашайте (1Сол.5:19).

Все – все от Тебя, сладчайший Спаситель наш! Все соделано, все даровано для грешных человеков беспредельною любовью Твоею, о Иисусе! *Во образе Божии сый, Ты*, смирил Себя до униженного образа сына человеческого, послушлив был до смерти крестные единственно для человека. Бесценная кровь Сына Божия пролита на крестном алтаре за нас, преступные чада Адамовы, – за нас, которых грехи подвергали вечному, грозному суду, пред судом беспредельной правды Божией. Но и того было мало. Пророк Божий, вдали веков, зрел дела любви беспредельной, и от лица любви вещал обетование: *излию на дом Давидов и на живущие во Иерусалиме Дух благодати и щедрот, и возрят на Нь, Его же прободоша* (Зах.12:10). Так надлежало быть и тому, чтобы в прободенном, Распятом на кресте за грешников, зрели источник, льющий воды благодати на тех же грешников. Надлежало быть и тому, чтобы видели, как любовь Его, готового на позорную смерть за всех, не ограничивается и величием искупительной любви Своей, но хочет еще более сделать для людей; вам глаголю: *уне есть вам, да Аз иду, аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам: аще ли же иду, послю Его к вам* (Ин.16:7). И Утешитель послан. Нужно ли говорить, в каком величии низошла благодать сего Утешителя на апостолов? какие чудные действия произвела она чрез апостолов в мире? Или лучше, изобразит ли немощное слово человеческое силу и славу сего Утешителя? Чувствует и ведает душа христианская, как Утешитель, ниспосланный Иисусом, доселе действует в мире, доселе являет силу свою душам христианским. *Исполняйтесь Духом* (Еф.5:18). *Аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Рим.8:9); так писал апостол. И ваше благочестие, братия, собравшее вас в молитвенный храм, в день торжественного явления Духа благодати, показывает и вашу благодарную, благоговейную память о том необычайном явлении Духа Утешителя, и ваше смиренное чаяние некоего утешения от того

же Духа Утешителя. Чаяние, достойное христианина, надежда не ложная, так как верен Он, обещавший Духа Утешителя, так как близок Утешитель – *Дух истины, иже везде сый и вся исполняй*. Но тем более нужно внимания к самим себе. Чающие Духа Утешителя! да позволено будет думать, что нам известно, какие святые расположения нужны для готовящихся принять Духа Утешителя. Самый храм сей, изображающий ныне молитвенную сионскую горницу святых апостолов, напоминает нам о тех расположениях, с какими готовились к принятию Утешителя в сионской горнице, и какие, без сомнения, необходимы и для нас. Обратимся же к другому предостережению, – к предостережению для приемлющих Дух благодати, которое предлагал в свое время апостол: Духа не угашайте. И во всякое время, тем более теперь, необходимо помнить и размышлять о смысле сего святого предостережения.

Огня приидох воврещи на землю, – и как бы я хотел, чтобы он уже возгорелся (Лк.12:49), так говорит Спаситель о том, чему надлежало произойти с нисшествием Духа Утешителя на верующих. И видимое знамение, в каком в первый раз явился сей Утешитель над апостолами, было явление огненных языков. То и другое показывало и показывает умам, презирающим духовное сквозь вещественное, что действие Духа Утешителя, совершающееся в душах верующих, заключает в себе нечто сходное с действием огня, подобно огню, просвещает ум светом истины, подобно огню, воспламеняет душу любовью к истине и святости; все силы духа, как говорит еще пророк *разваряет и очищает, яко серебро и злато, и преливает* в чистый образ Божий (Мал.3:3). Сие-то имел в виду апостол, когда убеждал: Духа не угашайте. Апостол как бы так выражал любвеобильную мольбу свою к нам: не гасите в себе того священного, божественного огня, который вожжен в вашем духе силою Духа Божия.

Но что значим мы, божественный апостол, против действий того божественного Духа, который, везде сый, разделяет дары свои *коемуждо якоже хочет (1Кор.12:11)*. Разве можем мы, немощные и бранные, противостоять и даже, как ты даешь

уразумевать, полагать препятствия силе и обширности действий Духа всевластного?

Если апостол сказал: Духа не угашайте; то, конечно, нет места сомнению, что мы можем угадать дух, хотя сей дух и есть действие в нас Духа всемогущего и всевластного. Отчего ж это так? Это от того, что Тот же всемогущий и всевластный даровал нам и свободу – самое лучшее украшение духа нашего, – свободу, при которой в нашей воле состоит пользоваться средствами ко спасению, стремиться ко спасению, или готовить погибель; Он даровал нам свободу при самом создании нас, и не отъемлет при воссоздании благодатном. Власть Его безгранична в пределах и за пределами свободы ограниченной. И кто назначить пределы беспредельной силе Твоей, Господи, которой благоугодно было, да наслаждаются создания жизнью Твоею, заключившею себя в пределы созданного? Кто назначит границы проявлениям неограниченной благодати Твоей, каковы явления животворящего Духа Утешителя, который, идеже хочет, дышит, возсозидая расстроенную грехом духовную природу нашу? Нет, в настоящем случае нам остается заботиться не о правах Всевластного, а о самих себе. После того, как дано нам все, что могло быть дано беспредельною благодатью; после того, как еще в купели крещения дарован нам Дух благодати, и тот же Дух готов Сам по Себе умножать в нас дары Свои, нам остается выбирать одно из двух, – или пользоваться дарами животворящего Духа, или пренебрегать ими к своей гибели. *Блюдайте убо, како опасно ходите, не яко же не мудри, но яко же премудри, искупующе время яко дние лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумевайте, что есть воля Божия (Еф.5:15–17).* Так, не будем полагать своей лени и без того в нас сильной, не станем усыплять себя тщетными мыслями, что будто благодать соделает все в нас и без нас самих, что будто нет для нас опасностей при данной нам благодати. Нет, на всех степенях своей силы благодать действует в нас совокупно с нашей свободой. Она и подается нам под условием нашей веры, и укрепляется в нас под условием подвигов живой веры.

То, что писал апостол возлюбленному ученику своему, епископу Тимофею, скорее всего объяснит объясняемые нами слова апостола. *Вспоминаю тебе, писал апостол, возгревати дар Божий, живущий в тебе возложением руку мою (2Тим.1:6).* Вот здесь говорится о возгревании дара Божия – а мы хотим объяснить себе слова о погашении дара. Дар, низведенный на епископа рукою апостольскою, конечно, означает дар благодати священства, заключающий в себе сугубый дар: дар учения, и дар священнодействия. Почему предписывается возгревать дар учения, это понятно; равно понятно и то, как он может быть возгреваем. Но дар священнодействия, по-видимому, действует совершенно безусловно. К чему же и как возгревать в себе сей дар? Действительно, дар священнодействия действует безусловно, в том смысле, что недостойнство освященного лица не препятствует совершаемым рукою его тайнам быть тайнами; то, чему назначено совершаться, совершается во всяком случае. Но нельзя отказаться и от той мысли, что если бы благодать священства соединились с благодатью святой воли, если бы к одному дару присовокуплены были еще другие дары благодати, приобретенные подвигами живой веры, то естественно, что и благодать священства будет с вящею силою действовать, как на тех, которые присутствуют при тайне, так и в самом совершителе тайны. Далеко ли нам, братия, идти за примером? В памяти нашей божественное священнодействие угодника Божия Сергия, сопровождавшееся и видимом нисхождении огня Божия, и видимым предстоянием ангела Божия. Вот что означал в нем дар служения благодати, возгретый подвигами сердечной, пламенной любви его к Господу! Огонь тайны, соединяясь с огнем облагодатствованной любви, проник самую грубую вещественность. Поймем же отселе, что, удостоиваемые дары священства, как и других служебных даров, имеют причину напоминать себе о возгревании в себе дара служения благодати. Поймем отселе, что гораздо более причин быть может не угашать, а возгревать в себе обыкновенные общие дары благодати.

В самом деле, если и необычайные дары благодати требуют того, чтобы для вящей своей силы были возгреваемы,

то очень легко быть тому, что обыкновенные дары, при нашей беспечности, неуместной в деле возрождения, совсем погаснуть. Духа не угашайте, говорит апостол, и дает тем видеть, что точно так же, как обыкновенный огонь гаснет, если не подкладывают сгораемого вещества, а еще скорее погаснет, когда будут лить на него воду, – и в нашем духе огонь благодати непременно будет умаляться, с умалением в нас святых помыслов, чистых ощущений, богоугодных намерений и дел, а еще скорее погаснет; когда наполняем душу всем, что есть противного духа святыни. Чистые расположения свободной души нашей составляют в нас то вещество, которым питается и усиливается в душе нашей огонь благодати, и таким-то образом благодать совершает преобразование духа нашего, совокупно со свободою нашею. Трудно ли нам заметить над самими собою, что, когда молимся мы усердною, искреннею молитвою, мы чувствуем в душе нашей и более теплоты сердечной, и более света в мыслях наших? Так, это один из осязаемых опытов, который благодать Божия оставляет тупому осязанию нашему, для уверения в её приближении к нам грешным. Но, точно то же происходит в душе нашей при каждом подвиге самоотвержения, при каждом подвиге любви к Господу, хотя не при каждом подвиге, и не всегда дает нам осязать себя благодать Божия, мудрая в устроении спасения нашего. Точно так же, но совсем противное, совершается в душе нашей, при нашей холодности к Господу Богу при нашей лени для совершения подвигов святых.

Дары благодати – различны; и погашать или возгревать их мы можем и каждым расположением души нашей, тем более расположениями, соответственными или не соответственными данному дару благодати. Подан ли кому дар особенной пламенной любви к ближнему? дела любви будут пищей для возгревания дара любви, а холодность, своекорыстие, конечно, не усилят любви: напротив, каждое движение своекорыстия, тем более злоба, будут вести, и доведут до погашения любви в глубине души. Любезный собрат! если дан тебе дар молитвы, дар сердечного беседования с Господом: остерегайся бесед человеческих; они, кроме того, что будут отнимать у тебя время

для беседования с Господом, мало по малу могут возбудить в тебе любовь к молве человеческой, а с тем вместе ослабят, а потом и совсем подавят благодатное желание беседовать с Господом. Или если дал тебе Господь плач сердечный о грехах твоих, если Он пробудил в тебе сокрушение горькое о нечистоте дел твоих: не спеши знакомить душу твою с какими бы то ни было утешениями; а паче всего берегись, берегись мирского смеха, веселия безумного; истинное утешение дано тебе будет в свое время; а радостями безумия ты, того и смотри, как потоками воды, зальешь в себе огонь сокрушения сердечного; будь уверен, что в доме веселия, приготавливаемого грехом, не место плачу благодатному, так же как в доме гордыни не место духу смирения. Если веяния светской образованности будут увлекать и переносить душу христианскую по предметам сей много мятежной образованности: скажите: как удержаться в бедной душе духу мудрости Христовой.

Не оскорбляйте Духа Святого Божия, имже знаменаетесь в день избавления. Всякая горесть и гнев, и ярость, и клич, и хула, да возмется от вас, со всякою злобою (Еф.4:30–31). Так св. апостол выражает другими словами, но более сильными, заповедь свою – не угашать Духа, и исчисляет для нас некоторые дела грешные, которыми особенно – более, нежели погашается Дух благодати. По слову апостола, есть дела, есть расположения души, которыми не только погашается, но и оскорбляется Дух благодати. Для примера он указывает на некоторые из таковых расположений. Если в сердце нашем – досада желчная, раздражительность гордая, даже гнев озлобленного самолюбия, то будем уверены, что на тот раз в нас нет Духа благодати, мы оскорбили Его; – и как не оскорбить, когда он есть Дух любви? По слову апостола, там, где шум досады, злоречие злости, клевета на ближнего, для которой ни невинность, ни человечество – не защита, там не надейтесь заметить Духа благодати: и как быть Ему там, когда он есть Дух мира? По реченному, уразумеем, слушатели, какие другие грехи, подобно зловонию смрадному, могут отдалять от нас благоволение Духа благодати.

Конечно, в ком возгорелся благодатный огонь любви Божией, в каком бы то ни было виде, – не естественно, чтобы сей огонь мгновенно и погас, так как не естественно, чтобы душа, объятая любовью, допустила до себя что-либо явно оскорбительное для Духа благодати, но как не заметно и, вместе с тем, как сильно постепенное ослабление внимания к дару благодати может ослаблять в нас силу благодатного огня! Если дерево в наружных частях довольно сухое, а внутри довольно водянистое, положим на огонь, оно скоро загорается и горит свободно, доколе огонь не дойдет до водянистой внутренности; в последнем случае, не подложи приставник нерадивый, по крайней мере, одну или две щепы, не позаботься употребить сторонних мер для поддержания огня: горевшее дотоле дерево начнет гаснуть, и потом останется головня. Вот изображение души нашей! То, что есть в душе нашей доброго от природы и воспитания, легко воспламеняется при прикосновении огня благодати, но потом, когда огонь любви начинает касаться глубин испорченной природы, внутренних страстей наших, он начинает ослабевать: душа, дотоле свободно горевшая и в помыслах и желаниях любовью к Господу, начинает мало по малу чувствовать тяготу, мрак, томление и вот, теперь-то особенно настояла нужда – повторять слова апостола: *Духа не угашайте*. К несчастью случается, что начинают в таком положении облегчать себя не по закону духовному, а по уставам плоти. Вместо того, чтобы укрепляться всею силою против опасного сна, начинающего тяготеть над душою, начинают думать, что пришло время дать себе и отдых. Вместо того, чтобы принять вспомогательные меры для поддержания в себе огня любви Божией, читать и слушать слово Божие, жития мучеников, исповедников, преподобных отцов, *уже многими кровью и страстьми* стяжали блаженную жизнь; вместо того, чтобы понуждать себя, то на молитву, то на труды телесные, – начинают прислушиваться к советам коварного собеседника – греха, а тот, чем дольше слушаем его, тем больше находит для нас причин ослабить и оставить прежние святые правила жизни. В то же время, того и смотри, явится со своими советами другой друг – тот умный советник, о котором сказано: лучше бы было

ему если бы жерновный камень повешен был на шею его, и он брошен был в море. Чтобы избежать опасности, бодрствуй подвижник Христов; будь мужествен и тверд (1Кор.16:13). Употребляй то одно, то другое средство к поддержанию и возбуждению в себе света и теплоты. Тебе известна сила молитвы, – молитва веры спасает болящих (Иак.5:15); молись же *всякою молитвою и молением на всяко время духом* (Еф.6:18). Известна сила слова Божия, – оно живо и действенно (Евр.4:12), оно – *сила Божия во спасение всякому верующему* (Рим.1:16); читай же и слушай слово Божие со вниманием благоговейным. Целый облак свидетелей веры представляет нам история веры: будем же читать и изучать сию историю; – огонь ревности, горевший в подвижниках веры и благочестия, будет согревать нашу холодность, свет веры их будет просвещать мрак, наводимый на душу страстями и немощами нашими. Можно ли исчислить все средства, какие предлагает нам вера Христова для нашего спасения? Тот, кто в духе веры будет изучать болезни своего сердца, немощи падшей нашей природы, найдет в вере верное врачевство против каждой болезни, – надежное средство против каждой опасности, и не погасит в себе Духа.

Об одном подумаем еще вместе с тобою, возлюбленный братъ, для предотвращения опасности; подумаем о том, чего мы лишимся, если лишимся Духа благодати. О, Боже милости и щедрот! милостью Твоею не допусти нас до того состояния самого губительного для нас. Что мы без животворящего Духа Твоего? Мертвецы, мертвецы – более виновные, чем самые язычники. Какой грозной ответственности подвергаем мы себя, когда теряем, и один какой-либо дар благодати, тем более, когда погубляем в себе многое, тем более, когда погубляем все благодатное? *Земля, пившая многократно сходявший на нее дождь и превращающая траву полезную, получает благословение от Бога. Но та, которая производит терние и волчцы, негодна и близка к проклятию, которого следствием будет сожжение* (Евр.6:8–9). *Не льститеся: Бог поругаем не бывает*, как будто не видящий дел наших, или кроткий для нас до слабости. То, что дано Им нам, не погибнет, не смотря ни все

своеволие, с каким дерзают дар Его наши страсти. Огонь Духа Его, если не откроется в нас живим светом любви для вечного блаженства нашего, – превратится в огонь всепоедающий, чтобы терзать и разрушать не разрушимый состав наш целую вечность (Гал.4:7–8). О, *страшно впасти в руце Бога живого* (Евр.10:31)!

Царю небесный, утешителю Душе истинный! Ты един – истина, а в наших сердцах, якоже веси, от дней юности – ложь и нечестие; *прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны*. Ты един благий и милостивый! имиже веси путями, сохрани в немощных Твое даяние и спаси души наши. Аминь.

1848 год.

Слово в день Святого Духа

Мы же не духа мира сего прияхом, но Духа, иже от Бога есть (Кор.2:12).

Так говорил о себе и о верных Коринфа ап. Павел. И он по праву говорил это, хотя ни он, ни верные Коринфа не были в той сионской горнице, куда сходил Дух Святый в день Пятидесятницы. Апостол Петр говорил в объяснение дивного события сионского: *вам бо есть обетование и чадом вашим и всем дальним, елика аще призовет Господь Бог наш (Деян.2:39)*. Всем, кто только удостоится чести быть призванным к вере Христовой, всем принадлежит право на приятие даров Святого Духа, Дух Святый, посланный апостолам, послан для всех верующих, кто бы они ни были.

Так и нам, при всей бедности времен наших, ниспосылается Дух Святый. В таинстве крещения получаем мы благодатное рождение в духовную жизнь. В миропомазании утверждаемся благодатью в жизни духовной. Дух Святый со времен апостольских не преставал и не престаёт изливать обилие даров своих на верующих в Христа Иисуса.

Однако, апостол, когда говорит о себе: *мы же не духа мира сего прияхом, но Духа, иже от Бога есть*, то даёт видеть, что иные могут принимать и усвоят себе дух мира, но не Дух, иже от Бога есть. И если апостол радуется тому, что в нём нет духа мира, то значит, надобно нам остерегаться того, не водворился бы в нас дух мира, вместо Духа, иже от Бога есть. Размыслим же внимательно что это за дух мира, противопоставляемый апостолом Духу, иже от Бога есть? Сравним действия Духа, иже от Бога, с делами духа мира.

Дух, иже от Бога, Дух, который оживлял верующих Павлова времени и оживляет верующих всех времен, во-первых, есть Дух истины. Так говорит о Нем Господь Иисус. *Егда приидет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину, говорил Господь апостолам (Ин.16:13)*. И нисшедший на апостолов Дух точно явился Духом истины, потому что научил их истине, открыл такие тайны, о которых гордый ум человеческий и не

мечтать. Сей Дух истины, ко слову Спасителя, *пребудет с учителями* христианства *ввек* (Ин.14:6). И Он пребывал и пребывает с нами. Вот почему, в течении 18 веков лжеучения и заблуждения человеческие, при всех усилиях ада злобного, не могли ничего сделать с церковью Христовою, не могли, на месте апостольского учения, водворить свое учение. Она поныне остается с учением апостольским, как была с ним при апостолах. Это дело Духа истины.

Дух, уже от Бога, просвещает животворным светом истины и каждую душу, ищущую спасения. Он открывает ей и её собственное положение, и то, где ей искать спасения; наставляет истинному боговедению, показывает, кто таков для нас Господь Иисус и Его благодать. Он даст видеть, как суетны, как пусты все временные блага и как нужно нам только одно – искать небесной отчизны. Не может быть ни одного сомнения в жизни, которого бы Дух истины не разрешил для верующей души, по её молитве, если только это нужно для вечного её спасения.

Чему же учит *дух мира*?

Когда св. писание хочет сказать о нем, как о чем-то враждебном для нашего спасения, то дает видеть в мире общество людей, которые живут только для времени, а не для вечности. Таким образом дух мира означает правила и образ мыслей людей, которые дорожат только земными интересами, и не думают о жизни за гробом.

После сего понятно, каким может быть наставником дух мира! Если он не отвергает явно бытия Божия, то он так равнодушен к мыслям о Боге, так мало озабочен каким-либо помышлением о Нем, как будто для него нет Бога. Господь Иисус, Его царство, Его благодать – вещи не нужные для света. Если не всегда явно говорят чада: *да ямы и пием, утре бо умрем*, то дела их говорят то же самое. Они не понимают, как можно жить иначе на земле, если не для земли. Если встречаются им люди, которые считают все земное за пустоту, за ничтожество: они спрашивают: в уме ли эти люди? И произносят такой приговор: это – жалкие люди, мечтатели, изуверы. Заговорите с ними о душе, о суде. Они скажут: об этом

– в другое время, – т.е. они любят ложь и не хотят расстаться с ложью. Дух мира на каждом шагу учит их лжи, и они лгут на каждом шагу. Они лгут, когда каются, потому что нет в них искреннего раскаяния. Лгут, обещая исправиться при другом, лучшем, времени, потому что не хотят они исправиться, потому что слишком дорожат суетою мира, потому что удовольствия света, честь, слава, деньги овладели душою их. Они лгут при оценке благ земных, потому что в душе своей дают им цену, какой они не стоят, потому что ставят их выше всего, тогда как они суть только средства к духовному совершенству, притом условные. Они говорят ложь и тогда, как на словах соглашаются с ограниченным значением земных благ, потому что в душе своей говорят о них другое, поклоняются им, как идолам. Когда и в чем не лгут они? Они лгут, чтобы забавлять других ложью; лгут, чтобы закрывать от других свои грехи и слабости; лгут, потому что дорожат выгодами лжи, и не высоким значением правды. Целая жизнь их – цепь лжи и обманов; потому что, гоняясь во всю жизнь за благами мечтательными суетными, пустыми, они превращают жизнь в непрерывный ряд обманов, ошибок, грехов преступлений. Истина всегда себе верна, дух мира ветрен, непостоянен, переменчив, до жалкого и смешного. Что считал мир образцом ума и вкуса лет за 30 пред сим: ныне смеется он над образцовым того времени. – Таков дух мира!

Дух, иже от Бога, есть Дух святой, – Дух освятитель. Он очищает душу от грехов; путем скорбей, раскаяния, подвижничества ведет от совершенства к совершенству и восстанавливает чистый первоизданный образ Божий в человеке. *Омыстесь, освятитесь, оправдастесь именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего (1Кор.6:1). Любы Божия излилися в сердца наша Духом Святым, данным нам (Рим.5:5). Плод духовный есть любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание (Гал.5:22).* Нельзя сказать, что освящаемые Духом Святым не чувствуют в себе слабостей, не подвергаются ошибкам. Но они остерегаются, они боятся греха, как самой страшной язвы. Если и падают они, но немедленно встают и падения обращают себе в урок, как спастись от падений. Они

не свободны от искушений, пакостник плоти – ангел сатанин деет пакости людям самой высокой духовной жизни (2Кор.12:7). Но они борются с искушениями под защитой Духа освяителя, распинают плоть с её страстями и грешными движениями; с усилием подвизаются войти в царство чистоты и смирения. Они непрестанно стремятся к высшей цели и, забывая о том, какие слабости удалось им победить в себе, какие добрые качества приобрести, помышляют лишь о том, как бы не остаться за дверями чертога Христова.

А чего желает, к чему стремятся дух *мира*? Он совсем не так взыскателен в отношении к греху и святости. Грубых грехов, грязных пороков и он чуждается; по крайней мере, в глазах людей. О гражданской честности и он заботлив, по крайней мере, столько сколько это нужно для выгод жизни. Но тайные желания гордости, тайные движения похоти, тайные действия страсти к деньгам вовсе не замечаются им, или считаются ни по чем. Об умерщвлении чувств, о самоотречении, о верности в вещах малых, о стремлении к высшему совершенству он знать не хочет. Это, говорит он, дела тех, которые особенно на то призваны, а не наши дела. Как будто не каждый христианин дал клятву при крещении быть последователем Христа распятого; как будто не каждый самым именем христианина обязан любить закон Христов. Наше дело, говорят, приносить пользу в мирском быту. И как же приносят пользу? Хорошо еще, если несут какую-нибудь общественную должность, хотя бы и с грехами против точности в исполнении, против чистоты в намерениях. Иначе же не выставляют ли себя за людей полезных обществу и тогда, как безумною роскошью, нерасчетливым щегольством в нарядах, ежедневными веселостями, легкомысленною тратой времени, сил, средств, расстраивают вместе со своим состоянием состояние многих семей и соблазном жизни губят тысячи душ, за которых висел на кресте Сын Божий? Наше дело приносить пользу в мирском быту? К чему эти слова в устах христианина? Если ты живешь как христианин: ты, без сомнения, везде принесешь пользу обществу. Если же ты, в оправдание уклонения своего от христианского служения Богу, указываешь себе на обязанности в отношении к обществу, то

имею право сказать тебе, что ты такой же плохой слуга общества, как и плохой слуга Божий.

Дух, иже от Бога, по слову Спасителя, есть Дух утешитель. Тяжела была участь апостолов. Сколько гонений, сколько несправедливостей, сколько бед надлежало им вытерпеть! И благий Господь их обещает послать им Утешителя верного. *Аз умолю Отца и иного Утешителя даст вам, да будет с вами ввек, Дух истины, его же мир не может прияти (Ин.14:16–17).* И Утешитель послан, и Он подкреплял апостолов, в их скорбях и страданиях. Кто из странников земли не имеет нужды в утешении? Со стороны Духа Утешителя готово утешение для каждой верующей души, на каждую скорбь её. Он вливает в сердце утешения и надежды, о которых само сердце не в состоянии и подумать. *Дух подкрепляет нас в немощах, мы не знаем о чем и как нам должно молиться, но Дух сам ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными (Рим.8:26).* Как сладки, как живительны те утешения, которые Дух Святой посылает душе верующей, это видим в примере мучеников. Не были ли они покойны, не сияли ли лица их небесною радостью в то самое время, когда тела их терзаемы были железом, или опаляемы огнем?

И дух мира любит ласкать детей своих утешениями. Даже это-то и составляет главную приманку, которою он сманивает людей из огады Христовой в свои дворы. Утех, веселостей, всего более ожидают от мира. Но каковы эти утешения! Они пусты обманчивы, не верны! Бессмертной души нельзя напоить водою земных удовольствий; эта вода только усиливает жажду в бедной душе. Сами чада мира по временам сознаются в том. Часто во время радостей грызет их скука, во время счастья – волнение или пустота теснят их душу. В грехе искать жизни и сладости – напрасный труд: грех сеет расстройство, болезни, смерть, – и в душе, и в теле, и в семье, и в обществе. Другое свойство мирских удовольствий – изменчивость. Они изменчивы оттого, что состоят в зависимости от случаев и обстоятельств времени, столько переменчивых. Люди, от которых ожидают так много чада мира, вянут как трава, – ныне богаты и сильны,

завтра – в гробу. Оттого бывает в свете, что ныне веселы до забывчивости, завтра рвутся от скорби исступленной.

О! как много надобно нам молиться, чтобы не возобладал нами дух мира! Царю небесный, утешителю Душе истины! Спаси души наша. Аминь.

1850 год, в Ахтырском монастыре.

Слово в день Святого Духа

Сии вси бяху терпяше единомушно
в молитве и молении (Деян.1:14).

Сошествие Святого Духа на апостолов – событие чудное по себе и дивное по последствиям для человечества! Св. церковь, в чувствах величия сего события, посвящает нынешний день особому празднованию в честь Духа Утешителя.

В сем событии все велико, все достойно изучения. Возьмем особенно то, что может служить к нашему назиданию во спасение. Рассмотрим, как готовились апостолы к принятию Духа Святого?

Сии вси бяху терпяще единомушно в молитве и молении. В таком положении были верные Христовы, по словам св. Луки, тогда, как получили повеление ожидать в Иерусалиме обещания отеческого. *Егда же исполнишася дние пятьдесятницы,* повествует он же, *беша вси апостолы единомушно вкупе* (Деян.2:1). По сим словам апостолы, пред сошествием Святого Духа, во-первых, занимались молитвою, во-вторых занимались молитвою постоянно, в третьих молились единомушно в общем собрании.

Бяху в молитве и молении. К чему, казалось, молиться, когда Дух Святой уже обещан прежде молитвы? К чему, казалось, молиться, когда Господь Иисус не давал приказаний апостолам молиться, а только велел быть неотлучно в Иерусалиме и ожидать обетования Отца? Видите, слушатели, молитва – необходимая потребность души нашей. Бог благ. Он не ожидает от нас молитвы, как побуждения Себе для подания помощи. Он благ и по благодати, приготовил все нужное нам, без нашей просьбы. Он – всеведущ, знает прежде нашего прошения нужное нам. Молитва нужна нашей душе, а не Богу. Нам необходимо, как можно глубже чувствовать немощи и грехи наши, чтобы тем с одной стороны творить дело правды, с другой – открывать душу для помощи небесной. Нам необходимо отверзать сердце, чтобы принимать дары благодати Божией. Молитва есть вдыхание небесного, благодатного

воздуха. Она то же для души, что дыхание для телесного организма. Пока в душе есть жизнь, которою назначено ей жить, она не может не молиться. Что есть молитва? Молитва есть устремление души к Богу, есть жажда Бога и Божией воли. К чему же и стремиться душе, как не к Богу? Где её покой, где радость, где свет, где вечная жизнь, как не в Боге? Думаете ли, что сердца наши на своем пути, когда они ищут земного? Думаете ли, что ум наш видит свет, когда смотрит он на суету? Вне Бога – мрак, тоска, гибель. Так необходимо пребывать в молитве, и тогда Отец небесный, по обещанию Сына, даст *Духа Святаго просящим у Него* (Лк.11:13); тогда жизнь духовная раскроется в том, в ком не началась она, будет возрастать там, где началась, будет достигать полного совершенства в том, в ком получила известный возраст.

Апостолы и ученики Христовы *бяху терпяще* в молитве, т.е. пребывали в молитве постоянно и неутомимо. В терпении не мало было нужды: день за день проходил, а обещанный Дух не являлся; надобно было ждать и молиться. Апостолы не ослабевали в терпении, не оставляли подвига молитвы, не давали места лености и расслаблению; также усердно молились в десятый день, как и в первый, *бяху терпяще*. И терпеливая молитва дождалась того, чего ожидала. Такова – истинная молитва! Молитва есть плод надежды на Бога, прилично ли же христианской надежде быть слабою или колеблющеюся? Молитва есть плод любви к Господу, прилично ли же любви христианской в одно время пламенно любить Господа и по любви совершать нелегкие подвиги для Господа, а в другое время так охладевать в любви, что ничего не делать для Господа, даже не молиться? Нет, если и не видим мы в скором времени плодов молитвы нашей; если и долго не видим мы исполнения прошений наших: не будем малодушны, не будем слугами лени. Как нам знать советы Божии о нас? Мы не видим, мы не знаем, что и когда полезно душе нашей, с какими последствиями то или другое придет к нам, но Бог знает и исполняет прошение наше тогда, когда нужно исполнить. Никогда не подает Он детям камня вместо хлеба. Отец небесный для нас же самих, для обучения нас постоянству в

добре, для утверждения в нас духа сокрушения и плача о грехах, для наставления смирению и живому признанию немощей наших, может на время откладывать исполнение прошений наших. Потому-то в молитве Господней и указано нам молиться к Отцу небесному: *да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли.*

Апостолы и ученики Христовы пребывали в молитве *единодушно вкупе*. Так повелел им Господь, когда заповедал от Иерусалима *не отлучатися*. Воля Его о единодушном молении объявлена была апостолам и еще прежде того. Он благоволил раз на всегда сказать: *паки аминь глаголю вам, яко аще два от вас совещаста на земли о всякой вещи её же аще просите, т.е. если двое из вас на земли, согласясь между собою, станут просить о чем-либо: будет има от Отца моего, иже на небесех. Идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их (Мф.18:19–20).* Видите, слушатели, как важно собрание общества на молитву! Там, где собраны многие во имя Господа Иисуса, там, несомненно, пребывает сам Господь. Как же надобно дорожить молитвою церкви! Какое лишение для души, какая потеря для вечности, когда по лености, по самочинию, по нерассудительности духовной не приходят на церковную молитву! Как много помощи может подавать нам молитва церкви! Брат мой! не будем так неразумны от гордости своей, чтобы не сознаваться, что моя и твоя молитва многого не имеет, что должна бы иметь, и по многим причинам не заслуживает благоволительного внимания неба. А при живом сознании недостатков молитвы нашей, как нам не желать учиться достойной молитве из примера братий наших? Как не спешить учиться истинной молитве из наставлений опытных молитвенников, предложивших образцы и образ молитвы в церкви Христовой? Моя и твоя молитва скудна, малоценна, но положим лепту нашу в сокровищницу молитвы целой церкви; и на нашу долю, вместе с прочими, достанется бесценный дар благодати; наша слабая молитва, подкрепленная силою общей молитвы, получить то, чего не получила бы сама по себе. Сила общественной молитвы церковной – сила изумительная! Вспомните, что произвела она

в собрании верующих при апостолах? *И помолившимся им подвижеся место, идеже бяху собрани и исполнишася вси Духа свята и глаголаху слово Божие с дерзновением* (Деян.4:31). Видите, сила общественной молитвы потрясла здание, где молились, низвела на молящихся новые дары Духа Святого, облекла их смелостью для проповеди вселенской. В другое время апостола Петра стерегли в темнице. Молитва же бе прилета бываемая от церкви к Богу о нем. Ночью, по прошествии которой Ирод хотел вывести Петра для суда и осуждения, Петр спал между двумя воинами, окованный двумя цепями, и стражи стерегли у дверей темницу. Опасность была, как видите, крайняя; спастись не было возможности, да и Петр спал беззаботно. И, однако, что оказалось? *Се ангел Господень предста*. Он разбудил Петра, повел и провел его сквозь двойную стражу, железные двери отворились сами собою, как спали и оковы, и Петр оказался на свободе. Как же Петр, не молясь сам, спасся от стольких опасностей? Его спасла молитва церкви: *молитва бе прилежна бываемая от церкви к Богу о нем*; прилежная молитва церкви, без ведома и старания Петра, спасла Петра от темницы и смерти (Деян.12:1–9). Вот что может совершать общественная молитва церкви! Вы знаете, братия, что церковь доныне молится в своих молитвах за трудящуюся братию, за страждущих и заключенных в темнице. И будьте уверены, что эта молитва не остается без действия: более или менее явственно, заметно или незаметно, молитва церкви совершает свое дело над нами. Господь верен в своем слове: *ту есмь посреде их*, сказал Он, и исполняет свое слово. Только будьте внимательны к смыслу церковной молитвы: церковь молится за отшедших по благословной вине, т.е. за тех, которые не бывают в храме по законной причине; и следовательно, не имеет в виду тех, которые не бывают в храме по незаконным причинам.

Будем следовать наставлению, преподанному нам примером апостолов и учеников Христовых. И благодать Духа Святого будет посещать наши немощи. Аминь.

1855 год.

Слово в день Преображения Господня

И се мужа с Ним глаголюща, иже
быста Моисей и Илия: явлшася во славе,
глаголаше же исход Его, его же хотяше
скончати во Иерусалиме (Лук.9:30–31).

И среди славы небожители говорят не о славе. После стольких благодеяний для людей, и после стольких оскорблений, со стороны людей, человечество Христа Иисуса осиявается на Фаворе славою божественною; Божество, скрывавшееся под завесою плоти, проявляется сквозь завесу плоти в своем величии и славе. О чем бы, казалось, приличнее всего говорить теперь явившимся Моисею и Илии, как не о славе, в которой они видят еще на земле Богочеловека-искупителя? Но они говорят не о том. Они говорят о кресте и смерти, которые ожидают Господа в Иерусалиме.

Так ли мы поступаем, слушатели, в счастье? Так ли мы считаем нужными несчастья? В несчастье мы унываем, в счастье не думаем о несчастье, в том и другом случае поступаем так оттого, что не понимаем цены несчастий. Недавно посетил Господь страну нашу бедствиями. Все ли понимали значение сего посещения? Все ли теперь понимаем, как несчастья нужны и полезны, особенно для счастливыхцев мира?

Если небожители в славе Фаворской беседовали о скорбях: то, конечно, не лишнее дело для нас подумать о значении скорбей для детей счастья.

Бог справедлив. Он не опускает из виду ни одного доброго нашего дела, даже ни одной доброй мысли. За Ним не пропадает и слеза покаяния. Но Он и не воздает более, чем это стоит. Избави Бог несчастья – видеть между нами таких, которые не делали бы ничего кроме зла. Почти каждый, сколько видим, делает что-нибудь доброе. И Бог справедливый наделяет каждого благами, но не более, чем кто стоит. Оттого-то Авраам сказал богачу: «ты получил блага в земной жизни твоей, а Лазарь страдал». Это значит, что богачу заплачено в земной

жизни за все что следовало, а Лазаря оставалось наградить там – за гробом. Таким образом недобрые счастливицы мира получают за свои кое-какие добрые дела награду здесь и уже не имеют её там. Как же не желать после сего, чтобы довелось пострадать лучше здесь, во времени, чем страдать так, – вечно? Что значат все возможные утешения времени в сравнении с вечностью мук? Что значат всевозможные бедствия времени в сравнении с вечностью блаженства? Только счастливой счастливцев мира, когда, чувствуя ничтожество счастья земного, вздыхает о радостях неба и тайными скорбями покаяния готовит себе лучшую долю в вечности.

Бог – благ. Он желает нам покоя и счастья. Но что делать с нами, когда покой земной обращается нам не в пользу, а во вред? Бог – благ. Целая вечность блаженства неизобразимого приготовлена Им да нас. Но здесь все мы больные, для которых нужны лекарства горькие. Все мы дети Адама; все любим жить более для плоти, чем для духа. Так всегда бывает с нами, тем более тогда, как счастье земное манит нас к покою плоти и доставляет средства выполнять все желания плоти. Как легко счастье земное расслабляет самый крепкий дух! Премудрый не был из числа слабых, а он молил Бога: *не даждь ми богатства, – да не насыщся ложь буду и реку: кто мя видит* (Притч.30:8–5)? Среди покоя внешнего, при готовых способах жить по желаниям грешной души, счастливцев мира занят только тем, как удовлетворять желаниям плоти своей. А душа, которая больше плоти? А дух, который так незаменим ничем земным? Они забыты. Счастливцев питает и утучняет плоть, которую надлежало бы распинать с её страстями и влечениями, а душа – остается без пищи и питья небесного. И вот человек, украшенный образом Божиим, *приложися скотом несмысленным и уподобися им*. И вот христианин, возрожденный в купели крещения для жизни духовной, обогащенный неоценимыми небесными дарами благодати, валяется в грязи земной. Это жалко, очень жалко! Но тем не ограничивается несчастье больной души. Счастье земное, вместе с тем, как нежит и развивает чувственность, воспитывает помыслы и желания гордости. *Кто мя видит?*

говорит тот, кому все удастся, и не думает о том, что он сын грешной плоти, чадо гнева Божия.

Что же может привести в сознание себя эту душу больную и не знающую своей болезни? Скорби, одни скорби. На первый раз они невольно оторвут ее от чувственных удовольствий, лишат то способов, то времени заниматься предметами суеты и унижения духовного; а там, при помощи Божией, она и сама мало по малу будет усматривать, как суетны, как низки, как недостойны бессмертной души чувственные удовольствия, которые дотоле страстно любила она, будет усматривать, как бесценно царствие Божие, которое можем находить внутри себя, независимо от всех способов земного счастья. Скорби пробудят в ней воздыхания молитвенные о своих, грехах, о своей бедности и унижении; а молитва прольет в сердце её утешение, при котором забудутся земные утешения. Так она будет чаще и чаще уединяться и от скорбей, и от радостей земных в потаенную клеть сердца своего и там беседовать с Богом сердца. Так, всякое несчастье, хотя на первый раз не кажется радостью, в последствии доставляет мирный плод праведности тем, которые умеют пользоваться несчастьем.

Посмотрим еще ближе, как действует на нас тот или другой вид счастья земного. Возьмем честь и славу земную. Сперва заботятся о чести, как будто только для нужд земной жизни. Но, достигнув одной чести, – почему, думают, не искать другой? Достигнув другой – почему не искать третьей? И вот уже душа занята мыслями только о честях! Вот желания её стремятся только к честям. Если и приходит ей иногда мысль о почести высшего звания: она говорит себе: да, надобно подумать и о переходе в вечность, – но еще успею, а теперь так много дел нужных. Между тем время идет, не дожидаясь наших досугов для вечности. Между тем сердце честолюбца становится тверже для всего, кроме земной чести. Даже мысль о Боге великом и страшном редко приходит ему на ум и еще реже пробуждает страх и благоговение.

Точно то же бывает и с богатым счастливецом. Пусть собрал он довольно богатства, но он говорит: вот еще соберу и займусь употреблением его на дела добрые. Но чем более собирает, он,

тем сильнее становится в нем любовь к богатству, тем больше он хочет собирать и меньше расточать. Вот еще соберу, думает он, и в старости буду помышлять об одном небе. Как будто старость и дала ему слово посетить его; как будто старость и обязалась сделать его щедрым. Бедняк не видит себя. И теперь оскорбляется он, когда просят у него помощи; и теперь знает он одно божество – тельца золотого. Что же будет в старости?

Скажите же, не милосердие ли Божие является для этих несчастных счастливых мира, когда посылаются им несчастья для вразумления их? Что может дать им почувствовать, что они обманываются, отлагая от времени до времени покаяние? Что может вразумить их, что они – странники на земле, которым никто не сказал о времени возвращения их в отчизну? Что может показать им суету всех забот и трудов и крайнюю нищету, крайнее унижение души их? Если не принесут им пользы несчастья, то уже, конечно, не исцелит их счастье, которое, так льстит страстям их. Тяжело честолюбцу, когда лишают его любимой чести, но посланное свыше лекарство окажет свое действие, более или менее ясно, более или менее глубоко сознает он, что земная слава – то же, что звук, то же, что движение воздуха. – не стоит и вздоха. Тяжело корыстолюбцу, когда лишают его любимого золота. Но не придет ли ему тогда невольно на мысль, что земное богатство, как ни береги его, ускользает из рук, – а нищим душою явиться туда – страшно!

Душа христианская! если ты употребляешь счастье свое во славу Божию, во благо свое и других, а между тем Господь посещает тебя скорбями: не скорби, а радуйся о Господе. Он хочет очистить тебя скорбями, как золото очищается огнем. Праведный Иов делал доброе и в счастье; но, испытанный скорбями, он стал образцом самой высокой преданности воле Божией.

Не будем, други мои, забываться в счастье. Будем на столько разумны, чтобы понимать и чувствовать значение счастья и несчастья земного для вечной жизни нашей, – и Господь Бог пребудет с нами во времени и в вечности. Аминь.

1849 год.

В селе Мерчике.

Слово в день Преображения Господня

Если вам, слушатели, слышна была ныне с Фавора беседа небожителей – Моисея и Илии; если вам слышен был из облака глас самого Бога вседержителя; если вам открыта была слава Иисуса Господа, преобразившегося в свет небесный, то что скажет вам после того немощное слово немощного человека.

Но надобно желать – и, служитель слова желает, чтобы глас неба, не только был слышан, но и внятен людям, не только знаем был для слуха, но принят душою. Как служитель слова. не изречет он от себя слова, но его дело – объяснить вам слово неба, при вашей молитве.

Желая объяснить Фаворскую проповедь, не примем на себя многого; не станем проникать в тайну преображения Господня; размыслим о том, что должна производить в нас мысль о преображении Господа?

Преображение Господа укрепляет веру нашу во Христа Господа. Учение Господа, Его жизнь, Его дела показывают в Нем Сына вышнего. Но Его зрак раба, Его крест – соблазн для мира. *И видехом Его, и не имяше вида, ни доброты, человек в язве сый, и ведый терпети болезнь, – и мы вменихом Его быти в труде, и в язве от Бога, и во озлоблении (Ис.53:2–4).* Чем же успокоить дух, возмущаемый картиною страданий Иисусовых? *По днех шестых поят Иисус Петра и Иакова и Иоанна брата ею, и возведе их на гору высокую едины, и преобразися пред ними (Мф.17:1–2).* За шесть дней, или, если считать вместе с св. Лукою день беседы о кресте и день преображения, то за восемь дней, Петр не хотел верить, чтобы крест был приличен Тому, в Ком признал он Сына Божия. *Не имать быти Тебе сие*, говорил он с жаром, когда учитель в первый раз открыл о Себе, что надобно страдать Ему. И вот, спустя шесть дней после того, преобразуется Христос в славу. Не без намерения сие сближение событий со стороны Христа Господа; не без намерения такое указание на время преображения со стороны евангелистов. Это дает разуместь, что и по намерению Спасителя, и по разумению евангелистов

преображение Иисуса должно было ослабить соблазн креста, или даже показать славу креста. И в самом деле, в каком чудном величии открылась на Фаворе слава Иисусова. Для ока земного нет ничего светлее солнца, и лицо преобразившегося Иисуса просветится яко солнце, для ока земного ничего нет белее снега, и Иисусовы быша белы, яко снег. Люди привыкли верить и духовное чувствами телесными. И вот – земные свидетели земными очами видят славу Иисусову. Люди желают побеждать неверие свое тем, *аще кто от мертвых восстанет*. Вот и оставившие землю явились опять на земле – Моисей и Илия; один, как установитель ветхого закона, является слугою пред начальником завета нового, другой как пророк, показывает, что Сей есть, о Котором предвозвещали пророки, и, как ревнитель славы Иеговы, свидетельствует о славе Его – Сына Божия. *Глаголаста же исход Его*. Смерть обыкновенного человека, столько неизбежная, столько обыкновенная, конечно, не составила бы предмета для беседы небожителей. Но, если для беседы об исходе Сына человеческого сошли с неба небожители, если о смерти Сына Марии сочли нужным говорить такие великие, каковы Моисей и Илия, то нет сомнения, что это – предмет необычайный. И когда же *глаголаста исход Его*? Тогда, как Он в славе неземной, в свете небесном, в сиянии Сына Божия. Так, *исход Его* не мешает славе Сына Божия: закрывая от видимого ока славу, тем более открывает ее для взора мысленного. Смерть Сына Божия – чрезвычайная воля Отца небесного, предмет предвечного совета Божия. Смерть Сына Божия – необозримое самопожертвование любви вечной, неизмеримая тайна премудрости Божией, дивно устрояющей спасение падшего человека; правда беспредельного оскорблена человеком, и Богочеловек вознаграждает нарушение действием цены беспредельной – крестным смирением. Было о чем беседовать вслух земножителей, когда и для небожителей не совсем удобопонятен предмет беседы; сонмы умов целую вечность будут углубляться в сию тайну и изучать в ней дивное сочетание любви с правдою, всемогущества с смирением глубочайшим. Такова сия тайна! Небожители давно ждали спасения человеку

падшему; давно указываемо было в гаданиях и на средство ко спасению. Но, между делами Божиими, ни на земле, ни на небе, нет предмета выше крестной смерти Сына Божия. Так вот и соблазн креста уничтожен, или более чем уничтожен, – заменен славою беспредельною!

Для веры земножителей и сего было недовольно. *И се облак светел осени их – обыкновенное знамение присутствия Самого Бога – и се глас из облака глаголя: Сей есть Сын Мой возлюбленный, Того слушайте.* Отец вечности свидетельствует, что Иисус не раб только верный, подобный Моисею, но Сын Его, Сын возлюбленный, каков Сын едиnorodный, Сын столь же близкий к Нему, сколько близок обыкновенный сын к обыкновенному отцу, – Сын единого с Ним существа. Можно ли ожидать свидетельства выше сего свидетельства? Можно ли представить славу выше славы Сына Божия? Один из земных свидетелей Фаворской славы Иисусовой писал к ученикам своим: «мы возвещали вам славу и пришествие Господа нашего Иисуса Христа, не хитросплетенным басням последуя, но быв самовидцами Его величия. Ибо Он принял от Бога Отца честь и славу, когда от великолепной славы пришел к Нему таковой глас: Сей есть Сын Мой возлюбленный. И сей глас, с небеси сшедший, мы слышали, будучи с Ним на святой горе» (2Пет.1:16–18). Так апостол указывает на преображение Христово, как на твердое основание веры в славу пришествия Христа Господа.

Так, на Фаворе слава Его была славою Единородного от Отца. Мы знаем это, мы видим это, как бы своими очами, слышим это, как бы своими ушами. Повергнемся убо пред преобразившемся Господом в благоговейном трепете; почтим Сына, да некогда прогневается, и мы погибнем. Израиль новый! внимай гласу Фаворскому, – кого слушать повелевает Он тебе, к кому велит обратиться с твоею верою; в Сыне Божиим, открывающем в Себе Отца и Духа, открыть тебе Бог и Он же – Спаситель и просветитель твой. Но, не твоя ли пытливость придумывает многих учителей, чтобы забыл ты Единого учителя твоего? не твоя ли гордость отвращает взоры от мужа скорбей, и не хочет сознаться, что она же обременила скорбями Сына

Божия? После Фаворского света, чего, казалось бы, больше тебе, чтобы зреть на все во свете Его единого – Сына Божия, и веровать в Него единого Бога истинного! А твой взор куда устремлен? Где для тебя великое? Для некоторых из нас есть великие гении, великие люди, могучие правители судеб мира, т.е. точно так, как были великие юпитеры, великие марсы, великие аполлоны, великие вулканы – все великие по нечестью и разврату, но которыми люди вытеснили, как и ныне, из ума и мира, Бога истинного, которыми славу нетленного Бога изменили *в подобие образа тленного человека*. Где же для нас Иисус, – Который с Фавора на Голгофу идет претерпеть смерть, именно потому, что люди, сокрушив в себе образ великого, стати и нищими, и бедными, и нагими, слепцами – без зрения и света? Судите, не язычество ли это, самое неблагодарное и грубое?

Бог наш – не Бог мертвых, но Бог живых. У Него живы все умершие здесь, на земле. У Него, не как на земле, надежды праведников не умирают, так же, как и грешникам отдано будет свое. Посмотрите на Фавор. Там с Иисусом и апостолами – Моисей, скончавшийся за пятнадцать веков до времен Иисуса, – там Илия, не испытавший самой смерти, но прямо с земли взятый на небо, за девять веков до явления на Фаворе. Они в славе, тогда как на земле вся жизнь была их подвигом за славу Иеговы; они получили все, по желаниям святым, достигли, чего искали, не ища земного; даже надежда увидеть обетованного Спасителя очами телесными, – и та исполнена на Фаворе. Они в славе, и от славы Сына Божия заимствуют свою славу. Но, по действию Его – всемогущего, достанет сей славы и для всех верующих в Него. Апостол учит о Христе: *Иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его, по действию, еже возмогати Ему и покорити Себе всяческая*. Как Моисей из пустыни посылал соглядатаев принести и показать странствовавшему Израилю плоды земли обетованной; так точно на Фаворе показывает Господь избранным ту славу, которая уготована на небе для всех верных Христовых. На Фаворе ученики Иисусовы узрели Иисуса в свете и славе, и от восторга не знали, что думать, что говорить. Душа

пришла в смятение от необычайного видения. Пылкий Петр отверз уста, но стал говорить, сам не зная что. *Господи! добро есть нам zde быти: аще хоцещи, сотворим zde три сени – Тебе едину, и Моисеови едину, и едину Илии.* Блаженство фаворское так наполнило душу, и оказалось для земножителей так велико, что забыто небо и исторглось желание удержать небожителей на земле. И евангелисты едва находят слова для изображения красоты Фаворского видения; они сравнивают вид лица Иисусова с блеском солнца, вид одежд с снегом, но это только сравнение. Самая красота была неизобразима. Не забудем, однако, что это была красота, которую зрели облеченные в плоть земную. О красоте небесной писал небошественник: «слышат слова, которых человек пересказать не может; око не видало, ухо не слышало, на сердце человеку не всходило, что уготовано там для любящих Господа». О, как благ Господь к любящим Его!

Для всех, слушатели, отверсто в Иисусе небо. Не унывай и не сетуй, подвижник Христов, обременяемый скорбями жизни земной! Надейся и терпи. Скорби твои велики, но так ли они велики, как скорби Моисея и Илии? Беды жизни ищут ли души твоей, как искали они души Илииной? Если и так велики, молись и надейся так же, как они. Молись и помни, что получили подобострастные нам по молитве еще здесь, и чем ты зришь их на Фаворе. Нас слабых обольщают удовольствия жизни; нас пленяют приятности света. Но, зачем же не пленяют нас радости небесные? Зачем не влекут к себе наслаждения вечной жизни? Завидуют, смотря на счастье грешников, жалуются, что соседи живут покойно, весело, а сами они в нужде и бедности. – Любезный собрат! пожалеем лучше, что притуплено в нас чувство к радостям Фаворским; поскорбим, что нам не дано счастья, подобного счастью избранных Христовых (а не дано, конечно, потому что мы с тобой худо молимся). Нам поведано видение фаворское; доказано, какое блаженство быть со Иисусом прославленным; но показано и то, что на самом Фаворе глаголаста исход Его, говорили о крестной смерти подвигоположника нашего. А нам хочется наслаждаться радостями, но не терпеть скорбей; нам хочется получить небо,

но без подвигов для неба; нам хочется счастья такого же светлого, как светло оно было на Фаворе, но о кресте последователей Иисусовых мы не хотим и думать. Братия! на горе искушения искушитель показал Спасителю вся царствия мира; говорил только о том, что приятно для гордости мирской, что ласкает похотям чрева, возжигает страсти к земному богатству. На Фаворе показана слава небесная, и вместе нужда в кресте. К какой стороне хотим принадлежать мы?

К стороне ли князя мира и гибели? Или, к стороне Господа Фаворской славы? Выбор в нашей воле. Не откажемся же, по крайней мере, ныне хранить душу для радостей Фаворских и терпения крестного. Тебе представился случай идти в веселое общество людей света; повтори слова Петровы: *Господи! добро нам zde с Тобою быти*, и останься с Господом, оставь людей. Тебе скучно покажется, по правилу нынешнего дня, довольствоваться трапезою воздержания, скажи душе своей: фаворскою радостью наслаждались те, которые во всю жизнь любили пост, и усладись постом. Но, ах! Жажда наслаждений, как жгучий зной, иссушает ныне души. Чем ослабить эту жажду? Не довольствуются отдыхом: ищут удовольствий разнообразных, изысканных, утонченных. К чему христиане, это ведет? Близко к нам блаженство неба, мы зрим его на Фаворе, но не далек и ад. Остановимся, подумаем о себе. Для того ли отверзают нам небо, чтобы мы ругались над ним? А что ж делаем мы, когда спешим к наслаждениям нечистым, низким, бессмысленным, и оставляем за собою отверстое небо? Остановимся, дабы иначе, убегая от неба, не попасть в геенну!

Чтобы наслаждаться радостями райскими, надобно приготовить душу к тем радостям, надобно жить так, чтобы любили мы не землю, а небо, чтобы не влекла нас воля туда, где для чувства – вечная мука. На Фаворе не все были и апостолы. Отчего это? Оттого, что не все тогда достигли той чистоты, чтобы могли вместить свет Фаворский. На Фавор взяты: Петр, более прочих известный по твердости веры (Мф.16:19); Иоанн, его же любяше Иисус, и который любил Иисуса до того, что разделил и скорби креста (Ин.21:20); Иаков,

первый по делам веры и венцу мученическому (Деян.12:2). Сии избранные уже вступили на те пути, по которым шествует Бог; но и они пали ниц при гласе Отца. Что ж было бы с прочими? Так Бог приближается к нам, когда мы к Нему приближаемся. Еще кто отверзет двери, говорит Он, вниду к нему. Значит, пока не отверсты двери, Он не входит; стоит при дверях, толкает в двери души, но ждет, пока отверзем душу для Него. Посему-то требуют от нас, чтобы преобразовались мы обновлением ума своего (Рим.12:2); чтобы в нас вообразился Христос (Гал.4:19). Напрасно бы стали льстить себя надеждою что будто в царствие Божие может войти что-либо нечистое. Жестоко обманемся, когда станем ожидать приближения к нам Господа от веры бесплодной, от созерцания мечтательного, позволяя воле поступать, как хочется, как случится. Нет, *злохудожну душу не выйдет премудрость!*

Не замечаете ли, слушатели, что самые избранные из апостолов, Петр, Иаков и Иоанн, хотя могли быть свидетелями Фаворской славы, еще имели нужду в том, чтобы более и более преспевать в любви к Господу. Любовь говорила устами Петра к наставнику: *равви! добро есть нам zde быти*. Но Петр, как замечает евангелист, *бе не ведый, еже глаголаше* (Лк.9:33), или, как другой евангелист говорит, *не ведяше, что рещи: бяху бо пристрашни* (Мк.9:6). Петр не знал ни того, что говорил, ни того, что надлежало сказать; говорило чувство его, – чувство, смущенное радостью и страхом. Согласитесь, что это состояние не совершенное. Чего же не доставало в Петре и в его спутниках? Аминь, аминь глаголю тебе, говорит воскресший Спаситель Петру, *егда был еси юн, поясался еси сам, и ходил еси, аможе хотел еси: егда же состареешися, воздежеш руце твои, и ин тя пояшет, и ведет, аможе не хочеш*. Сие же рече, присовокупляет евангелист, назнаменуя, коею смертью прославит Бога (Ин.21:18–19). Вот что оставалось делать Петру! Оставалось жить не по воле своей, и страдать не по желаниям своим; оставалось невольными скорбями волю и душу приближать к высшему совершенству. То же оставалось Иакову и Иоанну, и то же исполнили они. И те из апостолов, которые, при жизни Спасителя, не могли быть свидетелями славы Его, в

последствии преуспели в совершенстве подвигами; стали способными носить высокие тайны царствия Божия на земле; воссели и на престолах небесных судить Израиля, после того как возросли и укрепились в вере и любви. Так, воля Божия такова о нас, что мы должны непрестанно восходить от совершенства к совершенству, возрастать в добродетелях при помощи благодати Божией. Жизнь духовная такова, что, если не простираемся вперед, необходимо возвращаемся назад; переставая бодрствовать для добра, слабеем для добра; коль скоро не живем для Господа, то неприметно живем для греха, – и чем более живем для греха, тем менее для Господа, чем более для Господа, тем менее для греха. *Поминайте жену Лотову* (Лк.17:32). Бойтесь оглядываться на предметы греховные. Царствие Божие надобно брать силою, и темно усиленные искатели достигают его (Мф.11:12). Врата, ведущие в жизнь вечную – узки (Мф.7:17). Путь к небу – путь тесный и скорбный. Жизнь духовная – подвиг (2Тим.4:7), сражение, труд (Иов.5:7). Надобно непрестанно простираться вперед, и непрестанно принуждать себя. Скажут: невозможно всегда идти в гору? Напротив, любовь от навыка возрастает и, возрастая, облегчает труд подвижничества; а холодность, а небрежность в деле спасения не сберегает нам силы, а только, затрудняя в преспеянии для добра, ослабляет душу. Братия! с Фавора на Голгофу идет подвигоположник наш с тем, чтобы своею кровью искупить нас для Себя; выкуп совершен, путь жизни показан. К чему лень? За Ним – вслед; вслед за апостолами; мы не в праве жить для себя, по желанием своей лени, мы Его собственность (1Пет.4:2). *Терпением да течем на предлежащий нам подвиг, взирающе на начальника веры и совершителя Иисуса.*

Господи Иисусе! Ты сияние славы Отчей; Ты Бог и Спаситель наш. Ты показал ученикам Твоим славу Твою, яко же можаху. Да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный! Воспламени сердца наши любовью к Тебе, да славим все Твое святое имя и возносим хвалы великим благодеяниям Твоим, которые изливать на нас не престаешь Ты, вкупе со Отцом и святым Духом. Аминь.

1842 год.

Слово на Преображение Господне, в Куряжском монастыре

Как прекрасен лик стекшихся на сию гору славить преобразившегося на Фаворе Господа! Люди разного звания, разного возраста, разного пола сошлись на одну гору славить единого Господа. Люди, в житейском быту увлекаемые разными интересами, разными влечениями, разными нуждами земли, сюда собрались с одною душою, с одним сердцем – с сердцем, поющим хвалу Господу!

Временные посетители священной горы! вы чувствуете, вы видите, как хорошо, как прекрасно и временное ваше собрание на сей горе, для единодушной хвалы Господу. Приглашаю вас подумать, как хорошо, как спасительно постоянное общежитие, которое решились снова принять обитатели сей священной горы.³ В чем состоит христианский закон? В любви, в любви к Господу, в любви к ближним. Это – дело слишком известное.

Учение христианское, поставляя любовь к Господу высшим правилом жизни христианской, поставляет любовь к ближним столько необходимою, что, по его наставлениям, кто не имеет любви к ближним, тот не имеет и любви к Господу. *Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть,* поучает апостол (Ин.4:20). Любовь к ближнему – отличительная принадлежность закона христианского. *О сем познают вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою,* говорил Спаситель ученикам своим (Ин.13:35). Таким образом не очевидно ли, что общежитие монашеское есть выражение основного закона христианского, того закона, без которого нельзя быть христианином. Как же высоко значение общежития иноческого!

Хотите ли видеть в опыте, как основной закон христианский отпечатлевается именно в общежитии? Посмотрите на жизнь первых христиан. Народу же веровавшему, говорит писатель деяний апостольских, *бе сердце едино и душа едина, и ни един же что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща* (Деян.4:32). У всех веровавших была одна душа, одно

сердце, и в следствие того ни у кого не было ничего своего, а все было общим; в следствие того, каждая собственность не была собственностью лица, а собственностью всего общества верующих. Видите как общежитие связано с любовью к ближним.

Скажут: ужели нельзя иметь любви к ближним, не соблюдая обязанностей общежития? Не станем обманывать себя: чистая, полная любовь к ближнему точно невозможна тогда, когда каждый живет для себя. Чистая, полная любовь к ближнему живет для ближнего, а не для себя; и потому все, что приобретает, приобретает не для одного себя, все, что имеет, считает не своим; силы, имущество, труды её посвящены обществу, среди которого она живет. Такова чистая любовь! Апостольское время было временем господства чистейшей любви к Богу и ближнему, и потому оно же было временем ангельского общежития людей. Нет сомнения, что апостольская любовь не совсем удободоступна для человеческих немощей. И потому не совсем доступно и апостольское общежитие для христиан поздних времен. Но не будем несправедливы к истине, не будем отвергать того, что если нет между нынешними христианами апостольского общежития, то это зависит от немощей человеческих, а не от свойства любви христианской. Не станем препираться и с тем, что, если и в наше время, между нами, слабыми христианами, являются ревнители апостольского общежития, они достойны всего нашего уважения, как христиане лучшие.

Что есть иночество? Иночество есть совершенное отречение от своей воли; оно есть выполнение воли Господа, заповедавшего нам: *уже хочет по мне итти, да отвержется себе* (Мк.8:34). Что есть иноческое общежитие? Оно есть отречение от всякой собственности в пользу общества, и, в следствие того, отречение от всякого желания, коль скоро найдут его несогласным с видами иноческого общества. И так видите, иноческое общежитие есть осуществление существенного характера иночества; оно есть выполнение воли Господа об отречении от себя самого. Отселе понятно и то, как много значит иноческое общежитие в христианской жизни, в

значении средства для умирения страстей. Конечно, неприятно быть в постоянной зависимости от начальника общества, неприятно быть всегда бедняком и просить о самой малости другого. Но за то, как такое положение приближает к нищете духовной, которой обещана награда зреть Господа; оно смягчает черствую гордость нашу; оно усмиряет бойкую самость нашу; оно заставляет волею и неволею умолкать вопли прихотливого самолюбия нашего; оно отрешает душу от всего земного и вводит ее мало-помалу в свободу чад Божиих. Не хочу худо думать ни о ком, тем более о целом обществе; не хочу думать, что все, что получать ты доселе в свои руки, брат мой, употреблял ты на грех. Охотно верю, что значительную часть, даже большую часть, обращал ты на вспоможение бедным. Но не забывай же прежде всего и того, что употребление сил и собственности по своей воле, по-своему рассуждению, уже есть выполнение своей воли, а не отречение от неё и, следовательно, опасное столкновение с требованиями духа иноческого. Затем ты, конечно, не откажешься сознаться, что некую часть собственности и даже не незначительную часть употреблял ты на прихоти свои. А, что значат эти прихоти? Думаешь ли, что они малость в тебе, который дал обет распинать плоть свою со страстями и похотями? Ах! нарушение клятвы, данное пред Господом, может ли быть малостью? Присмотрись еще больше к душе своей. Прихоти, питаемые в тебе годами, не обратились ли для тебя в привычку, в страсть? Собственность, какую имел ты, не нежила ли в тебе слабостей твоих? Как отказаться тебе от того, что она воспитывала в тебе мирскую гордость, тешила собою душу твою и, в случае отсутствия, тревожила ее скорбями и даже страстями зависти и немиролюбия? А что, если к тому же она служила средством в жизни нетрезвой, к жизни сладострастия и нечистоты? Употреблять какую бы то ни было собственность на доброе не так легко. Но как легко употребляют собственность на худое! Если не делают из собственности идола сердца своего, если не воспитывают в душе сребролюбия, иже есть идолослужение, то обращают деньги в средства услуживать либо той, либо другой страсти. Вот почему, братия, брать нашедший кучу золота

убежал от неё прочь, как от кучи ядовитых змей! И вы знаете, что случилось с другим братом, который, обольстясь мыслью что он может обратить золото в источник благотворения и милости, подобрал золото, а не бежал от него.

Господи! призри с небесе и виждь и посети виноград сей и утверди, его же насади десница Твоя. Аминь.

1852 год.

Слово в 16 день августа, в Святогорской обители

Хвала и благодарение Твоей благодати, воплотившийся за нас Сын вечного! Вот и в сем пустынном месте, где так недавно было запустение, целые сонмы душ служат Отцу Твоему, с полуночи до полудня и с вечера до поздней ночи! Кто как не благодать Твоя превратила запустевшую дебрь в веселый сад, где ночь и день раздаются пения духовные? Кто, как не благодать Твоя подает силы немощам для служения Тебе, требующего так много трудов? *Тщанием не ленивы, духом горяще, Господеви работающе (Иак.3:11)*: вот учение апостольское о служении Господу. Работающие Господу! Благодарение Господу, говорит вам о необходимости служить Господу, – нет нужды. Благодатию Его укрепляемые проходите вы служение с тщанием неленивым. Итак, не настает нужда говорить с вами и против лености. Но как немощным ручаться за себя, что не имеем мы нужды возбуждать себя к ревности Божией размышлением о словах апостола: *духом горяще*.

Духом горяще – это значит, что в служении Господу надобно иметь усердие горячее, дух, пламенеющий ревностью исполнять волю Божию, как можно полнее и точнее.

Усердие пламенное в работе Господу составляет то самое, что делает ее угодною Господу. И человек не ограничивает своего взгляда на чье-либо дело одною видимостью. Он не видит сердца ближнего, как Бог видит. Взамен того он старается угадать, по приметам, – с искренним ли усердием. Делается дело. И он доволен бывает только тогда, когда видимые признаки – последствия дела показывают ему, что дело сделано добросовестно, усердно. Если же так смотрят люди на достоинство дела, как же Бог сердцеводец может быть доволен одною видимою работою? Как Он может одобрять служение наше Ему, когда не видит в сердцах наших искреннего усердия? Нет. Он просит у нас сердца нашего, так как Он есть Бог сердца нашего. Ему должно принадлежать оно все, со всеми помыслами, движениями и желаниями своими. Холодность и двоедушие в служении Господу отвратительны Ему. *Сего ради*,

яко ни тепл, ни студен еси, изbleвати тя имам от уст моих, говорит верный и истинный. Надобно избрать одно из двух, – или Ваала, или Бога истинного. Мир сам не может одобрить нас, когда делим сердце между Богом и миром. Око Господне светлее человеческого. Иерусалимская вдовица не много принесла в церковную сокровищницу, она принесла только две самые малые монеты. Почему же Господь так восхвалил приношение её? Потому что усердие её было велико, потому что любовь её была так сильна и глубока, что принесла храму все, что имела. И вот малая лепта стала драгоценностью пред Богом. Добрый мирянин. Почему, полагаешь ты, возжигаемые тобою пред иконою света угодна Господу? Ты, конечно, знаешь, что Богу и святым Его нет нужды в земной, вещественной свече, как не было нужды и в лепте иерусалимской вдовы. Отчего же служение свещею угодно Господу? Оттого, что это есть видимый знак твоего усердия ко Господу. Видишь, здесь священнодействующий молится, совершает тайны, поучает; низшие служители алтаря читают, поют, славословя Господа. Тебе же что остается делать? Чем выразить свое служение Господу? Тебе предоставлено свидетельствовать участие в служении Богу приношением свечи. Так и ты небездейственный член богослужения! Так, чем искреннее, чем усерднее, чем пламеннее душа служит Богу своему, тем угоднее Ему служба.

Горячее усердие, составляя угодную Богу жертву, много облегчает подвижника благочестия в его подвигах для Господа. Отчего так тяжким кажется служение Богу? Отчего тогда, как слышат заповедь – не любить мира и ничего мирского, не быть пристрастным даже к самым близким по родству, ужасаются этой заповеди и считают ее неисполнимою? Без всякого сомнения, слово Господа вернее всех человеческих; а Господь говорит: *иго мое благо и бремя мое легко есть* (Мф.11:30). Отчего же, не смотря на верное слово Господа, считают иго Его не благом и бремя Его не легким? Все это оттого, что нет в душе огня Божия, нет пламенного желания – посвящать все свое и себя Господу. Доколе сердце сжато, холодно, не возбуждено к добру, – душа колеблется и хромлет, то хочет идти по пути Божию, то склоняется к распутиям мира, то пойдет в след

заповедей Божиих, то претывается и падает в грязи земной. Не то бывает, когда сердце согрето духовным огнем, возбуждено ревностью служить Господу всею полнотою души. *Имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе, Боже! Возжада душа моя к Богу крепкому и живому (Пс.41:2–3)*: так говорит душа, полная горячей любви к Богу и течет быстро и легко, свободно и скоро по путям Божиим. Встречаются труды и опасности, встречаются искушения нелегкие; она проходит их при помощи Божией, безбедно. *Вси хотящий благочестно жити о Христе Иисусе гонимы будут*: подвижнику благочестия более скорбей, чем кому-либо, в этой земле плача: таков порядок Божий! Но душа, полная любовью к Господу, все переносит для Господа, – любовь дает ей крылья, чтобы перелетать стремнины земного пути, без утомления и усталости. Какие лютые страдания переносили св. мученики за веру, и никакая смерть не могла разлучить их с Господом! Преподобные отцы и преподобные матери в суровом и скудном пустынножительстве находили блаженство и не хотели менять его ни на какое счастье земное. Простым сравнением, но весьма верно, изъясняется значение ревности в жизни духовной. Когда котел кипит на огне, к нему не смеет приблизиться нечистое насекомое, не подходит и хищное животное. Точно так, когда душа кипит святою ревностью к благочестию, сей душевный огонь в одно и тоже время и предохраняет ее от греховных мыслей и желаний и дает ей силы для возрастания в духовном совершенстве.

Огня приидох вовреци на землю, и что хочу, аще уже возгореся, говорит Спаситель (Лк.12:49). Что это за огонь, который желает Спаситель возжечь на земле? Конечно, это не огонь разрушительный, когда Спаситель наш так кроток, что и льна затлевшегося не гасит. *Крещением имам креститися, и како удержуся, дондеже скончаются (Лк.12:50)*? говорит Он в объяснение слов своих об огне. И так огонь, который пришел Он вовреци на землю, есть огонь ревности к исполнению воли Отца небесного. Вот чего желает Он – Господь наш от рабов своих! Вот чего ожидает Он от нас последователей Его! Любовь, достойная истинных христиан, есть любовь к Богу пламенная.

Имя христианина требует, чтобы горел в нас огонь любви божественной и звал бы нас на самые страдания, противостоял бы в нас всем искушениям мира и страстей, возвышал бы нас до подвигов совершенной духовной жизни.

Братия св. обители сей! Нам особенно должно отличаться горячим усердием к исполнению воли Божией, так как обетами иночества обязались мы быть преимущественными слугами Божиими и Христовыми.

Не спросит ли кто-либо: что делать нам, когда не ощущаем в себе горячего усердия к Господу? Молитесь, скажем в ответ, молитесь Тому, Кто с тем и пришел в мир, чтобы воврещи на землю огонь. Он никому не откажет в своем даре. Возбуждайте сердце свое воспоминанием благодеяний, явленных нам в Сыне Божием и непрестанно являемых каждому в его жизни. Гоните от себя холодность и небрежение размышлением о муках геенских, которые готовы для презрителей благодати Христовой. Ибо если тогда – в завете ветхом – глаголанное ангелами слово было непреложно и всякое преступление нашло себе месть справедливую: как мы убежим гнева и мщения Божия, если будем не радеть при таких средствах к спасению (Евр.2:2–3)

Спасителю мира! и немощны и грешны мы пред Тобою! Твой лик божественный да защитит нас от огня правды Божией и да возжег в нас огонь любви Божией для достойного служения Тебе. Аминь.

1852 год.

Слово в 16 день августа

Блаженни очи видящи, яже видите
(Лк.10:23).

Подлинно блаженны были апостолы. Они видели Того, Кого желали видеть все патриархи и пророки и не видели. Они видели своими очами ожидаемого веками Спасителя мира, видели слово жизни, сквозь оболочку плоти, проявлявшее в Себе Единородного от Отца (Ин.1:14).

Как, однако, легко быть может, что люди или смотрят на предметы низкие, оставляя без внимания высокие предметы, или смотрят на предмет высокий, но не видят его, в его подлинном виде! Ожиданный веками, исполненный благодати и истины (Ин.1:4) был пред очами всех детей Израиля, но вот самая большая часть их *очи свои смежиша, да некогда узрят очима и сердцем уразумеют и обратятся* (Мф.13:15).

Так зрение – дорогая вещь для души, оно может доставлять душе много радости чистой, света успокоительного, но тогда, когда умеем им пользоваться.

Зрение дано нам не для того, чтобы смотрели мы на мир и на людей без цели, без мысли здоровой. Оно дано нам для того, чтобы, указывая нам на опасности и выгоды для организма телесного, доставляло уму предметы для созерцаний высших, для размышления о Боге и вечной нашей жизни.

Приидите и видите дела Божия, говорит пророк (Пс.45:9). Вот самый первый, самый главный предмет для зрения нашего. Важнее, дороже, нужнее Бога нет ничего.

Где же видеть дела Божия? Мир представляет нам самые великолепные картины, самые дивные создания великого художника. Над главами нашими рассыпаны мириады звезд и светил. По земле волнуются моря, не смея выйти из назначенных им границ и поверхность земли каждый год роскошно убирается зеленью и цветами, как не умел украшаться Соломон. Стоит только размышлять о том, что мы видим в мире видимом, чтобы видеть невидимая Божия – Его могущество, Его благодать, Его славу. Невидимое Его, Его вечная сила и

божество, от самого сотворения мира видимы, чрез рассматривание тварей (Рим.1:20).

Исчезоша очи мои в слово Твое (Пс.118:82), говорит св. певец. Вот и еще предмет для зрения – слово Божие! Св. певец так сильно желал смотреть и смотрел в слово Божие, что от напряженного зрения притуплялись глаза его. И есть, на что смотреть в слове Божиим. В слове Божиим открыты тайны Божества, которых нигде более нельзя видеть; а отношения Бога к мирам созданным изображены в святом писании так ясно, как только желать нужно. Буквы природы довольно неразборчивы, особенно для больных глаз наших; разнообразие предметов видимых может утомить нас, может развлечь нас, прежде чем дойдем до высокой мысли их. Святое писание говорит нам о Боге и о нашем спасении ясно, просто, определенно. Смотри и учись!

Церковь, как храм Божий, есть вещественное изображение тайн христианских. В храме Божиим есть на что смотреть. Здесь лики святых Божиих; здесь изображение тайн славы Божией; здесь красота Господня. Если бы и пришел тебе грешный помысел, спеши смотреть на изображения святых Божиих и их святость прогонит от тебя нечистую мысль. Какое великое благодеяние для народа и для всех православный храм! Для народа, неумеющего читать книг, храм с его св. иконами – училище веры и благочестия, при чем наставник – благоговейное зрение.

Как смотреть на людей? Сношения с ними так часты, а всегда ли безопасны?

Чем определяются отношения наши к ближним? Заповедью о любви. Итак, пусть заповедь о любви управляет и взором нашим на людей.

Любы милосердствует, говорит апостол. Пусть же и взор наш дышит милосердием. По евангельской повести, на дороге из Иерусалима в Иерихон валялся человек избитый жестокосердием дурных людей. Левит прошел мимо его, не обратив сострадательного взгляда. Поступок несообразный с заповедью о любви! Не подражай ему. Подражай самарянину. Тот, увидав того же человека, осмотрел раны его, обмыл их,

облил елеем, обязал, потом привез несчастного в гостиницу и нанял гостиника, чтобы тот ходил за больным, до его выздоровления. Вот прекрасное употребление зрения! Не отвращайте взоров ваших от бед ближнего. Не проходите со взглядом презрения мимо нищеты, как бы грязна она ни была. Если не можете сделать всего нужного для бедняка, по крайней мере, не отягощайте его взглядом холодности бесчувственной, – не увеличивайте скорби его взором отталкивающим.

Любы не превозносится, не гордится, говорит апостол. Помните это свойство любви, и вы не станете смотреть взором гордого самолюбия на недостатки и слабости ближнего. Что заставляет вас высматривать проступки другого! Тайная гордость, тайное желание самолюбия – стоять выше других, преступное желание извинять себя в грехах, на счет положения других. И как далеко может заводить самолюбие на этом пути! За недостатком действительных проступков в другом, оно само придумывает грехи в другом и в подкрепление ссылается на свои глаза. Так поступали фарисеи со Христом Господом. Они следили за каждым шагом Его, толковали по-своему поступки Его и довели дело до того, что распяли Господа своего. Будь же осторожен: не позволяй самолюбию гордому злоупотреблять твоим зрением. Пусть смиренная любовь располагает твоим зрением. Она если и увидит грех в брате, покроет его молчанием; она будет повторять тебе: *что видиши сучец, иже во оце брата, твоею, бервна же, еже есть во оце твоём, не чуеши! Лицемере! изми первее бервно из очесе твоего и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Мф.7:3, 5).

Любы не завидит, говорит апостол. Итак, не обращайтесь завистливого взора на счастье ближнего; по духу любви, счастье ближнего должно радовать вас, как бы ваше собственное. Устремляя завистливый взор на счастье ближнего, вы только вредите себе самим, лишаете себя покоя. Сделайте другое употребление из вашего взора. Смотрите весело на счастье другого, как на счастье свое, и взор ваш доставит покой душе, и с покоем – успех в любви святой.

Горе миру от соблазн, говорит Спаситель. А как принимается соблазн душою? Всего чаще при посредстве

зрения. Итак, чтобы избежать горя, которым наделяют соблазны, надобно сдерживать зрение, надобно умерять употребление его при встрече с предметами соблазняющими.

Спаситель говорит: *всяк иже возрит на жену, во еже вожделении ю, уже прелюбодействова с нею в сердце своем* (Мф.5:28). Грех, живущий в плоти нашей, так жив, так деятелен, что обращает себе в пищу первый встречающийся ему предмет. Итак, как этот предмет встречается ему при посредстве зрения, то бедное зрение оказывается слугою греха. Берегись же смотреть на предметы, соблазняющие плоть: берегись, чтобы не вспыхнул адский пламень в тебе. Не умна отважность, коль скоро сил мало, а враг силен. Лучше избегать встречи с предметами соблазна, чем с неумною самонадеянностью становиться пред ними для борьбы ненадежной.

Отврати очи мои, еже не видети суеты, молился пророк (Пс.118:37). Итак, не для чего домогаться смотреть на предметы суеты, на все, что придумывает корысть для легкомыслия забывчивого. Наряды неумного щегольства, пышность роскоши и страсти нечистой, чему тебя научат? Какохранишь ты нерассеянным ум твой на молитве, если наполнишь его образами мира суетного? Как соблюдешь дух сокрушения, если после молитвы идешь смотреть на забывчивую веселость мира грешного? Люди мира своею забывчивою жизнью – примеры греха, а не добра; потому бесполезно, если и не вредно, засматриваться на них. Точно тоже должно сказать о книгах, писанных людьми мира. Их книги похожи на их жизнь. Они легки, потому что пусты; они приятны, но для души больной.

Что делать, когда соблазн мира сам стоит пред глазами нашими? Прежде всего не оставлять мысли об опасности соблазна и потому – бояться его. Потом, если нельзя уклониться, старайся смотреть не иначе, как велит евангелие. Например, что такое одежда пышная? Одежда – траур падшей души; одежда, изысканная искусством, соткана корыстью, а куплена или детским тщеславием или игранием плотской страсти. При таком взоре на одежду, конечно, не удобно его тешиться, а скорее надобно плакать о бедной душе, которая тешится ею.

Помните же, братия, как надобно владеть зрением. Бог света и разумов да озаряет сердца наши для разумения вещей полезных и опасных. Аминь.

1852 год.

Слово в день Воздвижения креста Господня в Харьковском Покровском монастыре

С великим утешением, братия, увидеть и в сем месте храм, посвященный страданиям Господа Иисуса. Еще с большим утешением вижу усердие ваше, с каким каждую среду посвящаете вы слушанию акафистного славословия распятому Господу Иисусу. Апостол ни о чем не хотел более знать, как об имени Господа Иисуса и того распятого. *Мы же проповедуем, говорит он, Христа распятого, иудеем убо соблазн, еллином же безумие, сие же званым Христа Божью силу и Божью премудрость (1Кор.1:23–24).* Свято последование ваше примеру апостола. Ныне вся церковь совершает поклонение кресту Господа Иисуса; тем более чести для вашей любви к кресту Господню, которая, не слабея совершает поклонение и во всякое другое время. Да сохранит в вас благодать Духа Святое усердие ваше к распятому Спасителю нашему.

При таком расположении вашем вполне уверен, что приятно для вас размыслить о словах апостола, проповедующего о Христе распятом, как о Божией силе и Божией премудрости для званых.

Христос распятый – Божия сила. Как это так? Все дела Божии, при всем величии их, просты и объясняются одни Другими. Для нас изумительно, как беспредельный являл творческую силу свою в пределах творившегося мира. Еще более изумительно, как тот же беспредельный являет промыслительную силу свою даже в такой малости, какова птичка, питаемая Им. Но действительность творения и промысления очевидна. Скажем ли, что недостойно величия Божия являться в позорном виде осужденного на смерть? Но не прежде ли должны сказать, что нет такого величия на земле, которое было бы вполне достойно величия беспредельного? Беспредельная благодать Божия – вот что позволяет беспредельно великому являться в более или менее тесных пределах сотворенного!

Христос распятый – Божия сила. Пусть злоба человеческая довела величие Иисуса до унижения. Но в самом унижении как велик сей униженный! Тот, кто словом воскрешал мертвых и повелевал стихиями, конечно, мог, если бы захотел, сойти со креста, но Он свободно остается на кресте. Слышит хулы невежества и страстей, но тих и покоен, как в беседе с друзьями. Терпит муки смерти самой лютой, но лишь один голос исторгается из сердца Его, – голос преданности воле Отца небесного. Тогда, как изнеможенный умолкает Он на кресте, небо и земля подают о Нем голос. Солнце померкло, земля потряслась, камни расселись, завеса храма раздралась сверху до низу, многие из святых воскресли и явились во Иерусалиме. *Во истинну Божий Сын сей бе*, говорили даже язычники – воины, видевшие все это своими глазами.

Но это только начало явлениям силы распятого. Мрак лежит над народами, алтари посвящены гнусностям, Бог истинный забыт, народ избранный мечтает лишь о земном царстве. Кто рассеет эту тьму повсеместную, столько унижающую человечество? Кто даст движение спасительное мыслям целой вселенной? Ни правители народов, ни мудрецы мира не дают другого сердца человеку. Наставления их могут быть и умны, но движения, производимые ими, ограничиваются воздухом. О, Господи! Только Ты можешь вливать жизнь новую в расстроенный грехом организм душевный. *Аще, не иду, Утешитель не приидет к вам. Аще же иду, пошлю Его к вам (Ин.16:7)*. Так готовил шедший на крестную смерть. И Он исполнил слово свое. *Любы Божия излилися обильно в сердца верующих Духом Святым (Рим.5:5)*. И не смотря ни на какие препятствия повлекла мир крестным путем к торжеству освящения и прославления. Еще единою Аз потрясу и небом, и землею, и морем, и сушею, сказал Он чрез пророка. И сбылись слова Его. Вот все народы в движении: алтари падают, идолы сокрушаются, грехи боготворимые оплакиваются раскаянием. Напрасно воздвигаются гонения против поклонников нового имени. Костры пламени не гасят пламени любви к Богу, дотоле неизвестному. Имя распятого торжествует над силами империи всемирной. И чрез кого же? Чрез простых, палестинских

рыбарей, у которых нет ни средств образованности, ни пособий власти. Да, все право имел говорить апостол: «неможное мира избрал Бог, дабы посрамить сильное и незнатное мира и уничиженное и ничего незначащее избрал Бог, дабы разрушить значащее» (1Кор.1:27–28).

Христос распятый – Божия премудрость. Слово вечное оставило людям слово свое; и мудрые мира, услышав это слово, бросают мудрость свою, чтобы любить мудрость распятого. И как не менять мудрости векового язычества на мудрость распятого, когда в Его мудрости все есть, что только способно возвысить ум человеческий, и ничего нет оскорбляющего чистые начала его, когда в ней решаются тайны бытия человеческого и открываются незримые тайны Божии! Как не принять и не обнять всею душою той мудрости, которой столько ищет душа и не находит нигде на земле, тогда как видит ее во Христе! Сама душа рассказывает человеку, что учение распятого – учение не земное, а послано Отцом небесным. Кто хочет творить волю Его, Отца небесного, тот узнает, от Бога Мое учение, или я сам от себя говорю: так свидетельствовал Христос о своем учении и свидетельство Его подтвердили жизнью и смертью своею тысячи исповедников и мучеников. Мудрость мудрецов мира недоступна для большинства людей и может быть приобретаема только не многими. Учение распятого Иисуса – достояние всех и каждого; оно понятно для не ученого, хотя вместе приводит в изумление людей глубокомысленных; дети и старцы, мужи и жены, богатые и бедные, образованные и необразованные – все находят в нем нужное для вечного спасения; всем подает оно свет животворный, как для всех светит солнце, как для всех благ Отец небесный.

Христос распятый – Божия премудрость. Враги делали дело своих испорченных сердец, но они не видели, что были орудиями премудрых советов вечной любви Его к нам. Не примечали, как устрояемый руками их крест, в тоже время устроился волею самого распавшегося на нем. Если бы они, по примеру рассудительного разбойника, пересмотрели свои дела, а не чужие, чувствовали свою виновность пред правдою Божией, то из глубины души воскликнули бы вместе с

разбойником: помяни нас, Господи, егда приидеши во царствия Твоем. Поверглись бы в благоговении пред беспредельною любовью Божией, избравшею столько же мудрое, сколько и великое средство к спасению нас грешных. Зачем думать, что беспредельное могущество Божие не имело иных путей к спасению людей, кроме смерти Сына Божия? Но надобно быть слишком ограниченным в смысле, чтобы не понимать, как избранный беспредельною волею Божией путь сообразен с премудростью Божией. Надобно было удовлетворить беспредельной правде Божией, и она удовлетворена крестным подвигом – смирением вечного Сына Божия. Надобно было, чтобы удовлетворение принесено было человеком, и оно принесено Сыном человеческим. Первый грех открылся в людях мечтательною надеждою быть, *яко бози*; для его уврачевания является, беспредельное смирение Сына Божия. Вкушением запрещенного плода совершилось отступление от воли Божией. Страданием пречистой плоти Христовой на древе крестном наказывается это возмущение чувственности против духа.

Истинно во Христе и чрез Христа – Божия премудрость. Христос Божия сила и Божия премудрость для званых. Отчего же не для всех? Ужели он не желает являться всем и каждому, не желает быть познанным всеми? Ах! Он всеблагий благоволил явить всем славное лицо свое, для их просвещения и блаженства. Но не все желают видеть лице Его. Званные суть те, которые душою и жизнью отвечают на глас Божий, призывающий их к спасению вечному; это те, которые, будучи внимательны к званию Божию, слушают и изучают всею душою свидетельства неба о Христе и потому познают Христа. Апостол свидетельствует, что Христос распятый – соблазн для иудеев и глупость для эллинов. Отчего это?

Для иудеев Он соблазн, оттого что занятые землею, они желали видеть в Нем только земного царя, который осуществил бы надежды их на их земное счастье, между тем Он не доставил им ни славы, ни могущества великого народа. Эллинам казался Он глупостью оттого, что они искали только суетной, пустой, диалектической мудрости, забавлявшейся словами, а не искавшей истины Божией.

Страшно считать Христа Господа соблазном. Но наперед надобно страшиться расположений, которые не заметно, но с силою, увлекают в это положение. Не покоятся ли надежды многих из нас, как и надежды иудеев, только на земле? Не на земле ли только многие желают пользоваться всеми дарами каких, только ожидают от благодати Божией? Не здесь ли только желают богатеть и наслаждаться радостями и пользоваться известностью? А при таких расположениях могут ли знать и чувствовать, кто таков для нас Христос Иисус? Привыкая ценить все вещи и случаи только по их отношению к земле, могут ли оценить неземное значение предметов духовных? Увлекаясь приятностью известности земной, богатства временного, честей здешних, начинают стыдиться убожества Иисусова, становятся холодны к славе имени распятого, теряют и вкус, и смысл для величия Иисусова. Царство мое несть от мира сего, сказал Спаситель; и это знают христиане. Но как расстаться с блеском земным, который полюбили? Как любить то царство, которого не видеть глаза, омраченные землею? Как любить то, от чего далеки душою?

Искать истину дело святое. Но как искать ее? О том уже ни слова, что диалектическая игра мыслей и слов – забава детей. Но и упражнение мыслей истиною, не простирающее, влияния своего на образование сердца и воли – одно крушение духа, вредное особенно тем, что богатством познаний, хотя и бесплодным, питается гордость духа. Когда с знанием не соединяют дел, то являются дела превратные, которыми в свою очередь вызываются знания превратные. Так в злохудожную душу не входит премудрость. Воспитанная знанием бесплодным, гордость дерзко подвергает сомнениям самые священные истины, которых не начинала понимать; восстает против всего не согласного с принятыми мнениями, тогда как эти мнения – произвол. В таком положении истины, сами по себе составляющие источник чистых созерцаний и самых глубоких мыслей, каково искупительное страдание Богочеловека, кажутся чем-то несообразным с самим собою, глупостью, тогда как глупо и гибельно только самое настроение души.

Распятый Спаситель наш! Дажь нам до последнего издыхания искреннею душою, самою жизнью нашею, исповедовать Тебя как Божию силу и Божию премудрость. Аминь.

1849.

Отделение II. Слова на освящение храмов

Слово по освящении храма во имя Преображения Господня, в городе Вендене

Благословен Бог, который дарует храм свой человеку, и особенно сей храм!

По всему праву можем сказать, что сей храм дарован Господом. Для славы Божией не могу умолчать в сем храме о тебе, почившая раба Божия. – В скорби сердца твоего ты положила обет послужить созданию храма Господня, но для кого? Не для себя, а для тех, к которым приближала тебя любовь ко Христу. Чем менее желала ты для себя, тем больше приятных надежд для тебя. Утешил Господь скорбь сердца твоего, услышал молитву твою, дети твои остались живы среди смертей войны. Долго не могло исполниться обетное желание сердца твоего, не от недостатка силы в желании, но по устройению Божию. Чада обета твоего со всем усердием, со всем бескорыстием, точно как и ты, служили исполнению благочестивой мысли твоей. Много надобно было понести трудов, много испытать неприятного. Но бескорыстная цель храма достигнута. И в каком виде? Жена, помазавшая благовонным миром главу Господа, казалось, совершала дело немудрое, обычное жене. И, однако, за доброту её намерения, за веру её простую, Господь тогда же повелел говорить о ней в церквах всего мира. Не сомневаюсь о Господе живых, – душа твоя исполнена теперь радости о Господе, исполнившем последнее желание твое. Не сомневаюсь о Господе благодати, – благодать прольется из священного храма на сыны сынов твоих за высокую доброту желания твоего. Не сомневаюсь о Господе, верном в обещаниях, – утешение, которое подаешь ты скорбным сердцам, во имя Божие, сим храмом, помянется пред Господом во благословение тебе и чадам твоим до века.

Благословен Господь Бог, дарующий храм свой человекам. Бог вездесущ. Он не имеет нужды в храме. *Кий дом созиждете Ми, и кое место покоища Моего?* глаголет Господь (Ис.64:1). Для Него весь мир – храм, да и тот мал. Но человек ограничен; для ограниченного нужно ограниченное явление славы Божией.

Тогда, как Бог везде с человеком, человеку нельзя быть везде с Богом. Итак, для человека нужен храм Божий. Бог вездесущий есть Бог и благий. По благодати своей Он снисходит к нуждам человека, снисходит и к нужде в храме; благоволит быть храму, дарует ему и благодать особенного присутствия Своего. Благословен Бог, заключающий неизмеримую силу свою в измеримом пространстве для человека!

Будет ли храм под новым небом, в Иерусалиме небесном? *И храма не видех в нем*, говорит тайновидец. Как же, казалось, быть граду Божию без храма Божия? *Господь бо Бог Вседержитель храм ему есть и агнец* (Откр.21:22), объясняет необычайное зритель необычайного. Но что это за объяснение? Как понять его? Храма не видно, оттого что Сам Вседержитель есть храм и агнец? Что это значит? Это означает, что человек Иерусалима нового так усовершен и возвышен, что твари не закрывают от Него присутствия Божия, – так чисть и просветлен, что ни земные страсти, ни земные предметы не препятствуют ему входить к Вседержителю. Однако и там не совсем непосредственно приступают к Богу. И там между Богом и человеком – агнец. Вечный агнец, Богочеловек, ходатай наш своим человечеством умеряет свет Божества незримый, нестерпимый для человека; а своим Божеством просвещает и обоготворяет человека, для которого неприступно само по себе Божество. *Светильник его Агнец* (Откр.21:23). Итак, и там не без храма. И там нужно для человеческого взора ограничение света неприступного. Что же сказать нам о себе? Мы еще не в новом Иерусалиме, а на земле ветхой. Или не думает ли мудрость человеческая создать такой град с его храмом на земле, и потому домогается мнимым познанием вездесущие Божия разрушить наши храмы Богу? Нет, не создать ей сего града; он должен сойти от Бога с небесе (Откр.21:10). Нет, ничего не соизидет мудрость человеческая, кроме Вавилона. С нас пока довольно и того, что *в храме стояше на небеси стояти мним и молим: Богородице, дверь небесная, отверзи нам двери милости твоея*. С нас довольно и малого неба на земле, где чрез молитву, чрез слово Божие, чрез таинства можем входить в общение с Богом.

Кто мы теперь на земле? Мы бедные странники. Грех затмил в нас образ Божий, освящавший в райское служение Богу; грех скрывает от нас присутствие Божие. Если и для Адама небесного нужен храм, то для нас, с душою больною и плотью нечистою, очевидна, настоящая нужда в тайноводственном храме. Мы живем не только на земле, но землею. Земные предметы рассеивают и соблазняют, омрачают и клонят к земле душу нашу; и – они же, при другом сочетании, могут возбуждать и поддерживать, питать и укреплять стремление к небу, смиряя гордость испорченного духа нашего. Итак, нужна только духовная опытность, чтобы уметь выбрать для слуха и очей предметы с чистым спасительным действием на душу. Благословен Бог, дарующий нам храм свой!

Люди чувствовали нужду в видимом храме, но лучшие не дерзали заключать вечного во времени. Вездесущего в месте, пока Сам Бог не являлся в определенном месте. *Есть Господь на месте сем; аз же не ведех*, говорил Иаков в ужасе. *Страшно место сие, несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная* (Быт.28:16–17, 19). В последствии Бог повелел создать на сем месте жертвенник (Быт.25:1). При Моисее, и опять по наставлению Божию, домом Божиим стала скиния. Когда, по избранию Божию, Соломон, воздвигнув храм, которого желал Давид, – Бог сказал Соломону о храме: *и ныне очи Мои будут отверсты и уши Мои послушны к молению места сего. И будут очи Мои и сердце Мое ту вся дни* 2Пар.7:15–16). Видите, какое высокое обещание дает Господь для храма своего? В храме своем, Господь будет выслушивать молитвы молящихся. В храме своем, Он будет пребывать благодатью любви Своей.

Можно, говорят, молиться Богу дома духом? Пусть так! Но ужели эти люди думают, что лучше они умеют молиться, легче могут возвышаться до состояний благодатных, чем Давид и Даниил? Отчего же пророки не бегали храма, а летели духом в храм с радостью? *Возвеселился о рекших мне, в дом Господень пойдем* (Пс.121:1), говорил Давид. Даниил, пребывая в плену, становился для молитвы пред окном, обращенным к разрушенному Иерусалимскому храму (Дан.6:10).

Нет! Благословим паче Господа нашего Иисуса Христа. Он так щедр к нам, так милостив, – дарует верным своим не один храм, а без счета храмы, и столь же щедро исполняет их благодатью. Храм ветхий упразднен Им, но не в существенных частях; упразднено только то, что нужно было для детского возраста людей, – кровавые жертвы, строгий закон обрядов, – все что было тению грядущих благ. Тени исчезли, когда явились самые предметы. Главная же мысль о храме, как о доме молитвы, как о святилище таинств, как о сокровищнице благодати, осталась неприкосновенною среди перемен воспитания человеческого. Свобода духовная открылась в том, что не на одной горе Оровой, а в селениях и пустынях, в городах и на горах, явились дома Божии.

Хотите ли видеть, собственно, христианский храм? Не ошибемся, если скажем, что горница велия (Лк.12:12), в которой Господь установил и совершил таинство тела и крови Своей, есть первоначальный образец храма христианского. Когда апостолы, по вознесении Господнем, возвратились от горы елеонской в Иерусалим, *то взыдоша на горницу, идеже бяху пребывающе... терпяще в молитве и молении. И егда скончавашеся дние Пятидесятницы, быша вси апостолы единомудушно вкупе* (Деян.1:13–14, 2:1). Что это за горница, в которой верные Христовы ожидали обещанного Духа Святого? Была ли это простая жилая храмина, в которой днюют и ночуют? Совсем невероятно; совсем невероятно даже и по множеству пребывавших в ней. Имен народа вкупе бе яко сто и двадцать, говорит св. Лука. Сто двадцать лиц днюют и ночуют в одной жилой храмине, в продолжении десяти дней! Возможно ли? Нет, – назначение апостольской горницы было не то, чтобы в ней обедать и вечерять, сидеть и почивать; в ней совершалась тайная вечеря Господня; в ней совершалось избрание и причтение Матфия к лику апостольскому; в ней, после десятидневной молитвы, Дух святой огненными языками просветил умы апостолов, воспламенил сердца любовью, образовал для проповеди вселенской. Та же ли это была горница, в которой Господь установил таинство евхаристии,

наверное, не знаем: но, верно знаем, по назначению и достоинству горницы, что это храм апостольский.

Угодно ли видеть не только храм апостольского времени, но и наставление, как надобно вести себя в храме? Апостол Павел писал к коринфским христианам: *еда домов не имает во еже ясти и пити? Или о церкви Божией не радите?* (1Кор.11:22). Видите, в чем дело. Богатые из коринфских христиан, принося в церковь хлеб и вино для трапезы Господней, употребляли приношение без порядка, сами пресыщались, а бедных оскорбляли презрением. Давая чувствовать таким людям, как не прилично поведение их, апостол указывает им на высокое достоинство церкви Божией, в противоположность её простым домам. *Или домов не имате, во еже ясти и пити? Или о церкви Божией не радите?* Если же апостол так решительно противопоставляет храм, с трапезою Господнею, простым домам, то не ясно ли, что в смысле апостола этот храм вовсе не то, что обыкновенный дом, а место священное, требующее особенного внимания. Или о церкви Божией не радите? самое название: церковь Божия – уже выражает и особое назначение храма, и особенное благоговение к нему. А негодование, а укорительный вопрос апостола к нерадящим о церкви Божией еще сильнее дает видеть глубокое уважение апостола к церкви Божией, как к месту святому. Храм, где совершаются тайны, есть церковь Божия: так и ныне называем мы храм свой; храм есть святыня неприкосновенная, – в котором есть и пить, как в простом доме, небрежно, значит оскорблять святыню. Вот апостольский храм и наставление, как вести себя в храме!

Служители и посетители храма! блюдите, како опасно ходите. Помните достоинство храма. Он дарован Богом, он церковь Божия. Входите в него с благоговением, оставим земные мысли и заботы за порогом его. Стойте со страхом, как пред лицом Царя небесного. Молитесь, не как фарисей, с мыслью о правде своей или без всякой мысли, а как мытарь, с глубоким сокрушением о грехах. Помните, Господь слышит в храме своем молитвы, но слышит и вопль грехов, который выходить из иных сердец, в самом храме. Церковь Божия не простой дом, где бы позволено было приветствовать друг друга,

вступать в разговоры праздности, или искать первых мест с шумом гордости, оскорбляющей нищих. *Или домов не имате?* На то ли храм вам, чтобы, за мыслями рассеянными и блуждающими взорами, блуждала по лицам и предметам душа грешная? *Или о церкви Божией не радите?* Как не страшатся те, которые входят в храм с тайнами беззакония в сердце, с нечистотой страстей греховных и ни с одною мыслью на сердце – сколько-нибудь исправить себя? Ужели думают, что Господь храма не видит сердце их в храме?

Если с такою заботою построен и освящен храм сей, то для того, чтобы не только назывался, но и был он церковью Божией для тебя, душа верующая. Идя тернистым путем внешних скорбей и внутренних испытаний, ты не знаешь по временам куда деваться тебе с точкою сердечною. Приди сюда, здесь Бог – утешитель скорбящих, здесь общение святых, торжествующих на небе и не забывающих братию, странствующую на земле; приди, освежись здесь веянием неба, дыханием страны вечной. Иногда тебе нужно вразумление в законе, тебя тяготят сомнения, мир наводит на тебя мрак свой: молись здесь пред светом, просвещающим всякого человека; молитва озарит мысль твою, рассеет образы лукавого мира; а глагол веры и любви, который услышишь здесь, покажет тебе жизнь и путь к вечной жизни. Иногда совесть твоя будет иметь нужду в елее милости, в обязанностях веры, в храме Милосердного, получивший власть вязать и решить, разрешит узы, которых не имеешь ты права разрешить; по вере твоей, возвестит он тебе ожидаемое совестью твоею. Почувствуешь ли ты изнеможение во всем внутреннем человеке? Тело и кровь Господа, предлагаемые здесь, – лучшая пища; не лишай себя пищи ложным страхом, приступай к ней с благоговейною верою и – исцелеешь.

Призри с небесе, Боже, и виждь и посети виноград сей и утверди и, его же насади десница Твоя! (Пс.59:15–16). Аминь.

1845 год.

Слово по освящении храма во имя святого Предтечи, при загородном доме епископа

Едино просих от Господа, по взыщу:
еже жити ми в дому Господни вся дни
живота моего, зрети ми красоту Господню
и посещати храм святой Его (Пс.26:4).

Счастлив подданный, приносящий, дар царю. Для царя не важно приношение подданного, но для подданного много значит, когда царь благосклонно дозволяет принести дар и благосклонно принимает дар.

Принявшие участие в возобновлении и украшении сего храма! Вы принесли плоды трудов ваших в славу имени Господня! Лучшего употребления из собственности не могли вы сделать. Господь даровал вам милость, благодеяние, счастье – принести дар царю царей. Благословен Господь Бог, благоволивший, приять приношение от нас недостойных рабов своих!

Люди ничего не дают своего, посвящая Богу храм, но как много принимают, получая храм Божий! С каким восторгом, с какою любовью пламенной желал Давид водворяться в храме Божиим! *Едино просих от Господа, говорил он, то взыщу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати ми храм святой Его.* Открой, Господи, очи сердца нашего зреть славу храма Твоего в словах боговдохновенного раба Твоего!

Едино просих от Господа, то взыщу, говорит раб Божий. Давид окружен был бедствиями; каждую минуту ожидал, что ополчится на него брань, восстанет непримиримый враг (Пс.26:2–3). Свидетели неправедные восстали на него с клеветами и ложными доносами: злобные гонители готовы были взять душу его (Пс.26:12). Все любезное сердцу далеко было от него (Пс.26:10). И в таком положении, о чем молится Давид? Первое внимание его, первая молитва его не на то обращены, чтобы возобновился мир с близкими сердцу его, – не на то,

чтобы враги престали преследовать его. Нет, он просит одного, ищет одного, – *еже жити в дому Господни*.

Что же заставляло Давида так сильно желать обитания в доме Божиим? Отчего представлялся храм Божий так важным для него? Оттого, говорит он, что это – дом Господний, оттого что здесь красота Господня, оттого что дом Божий – дом святой.

Храм Господень – храм Божий. Так веровал Давид. Не скажут ли: как возможно это? Не значило ли бы это заключать Божество в тесных стенах храма? Правда, если бы мы по своему произволу вздумали заключать Божество в храме, как думали заключать язычники, то, конечно, заключали бы мечту свою. Но если сам Бог благоволит изъявлять волю свою на то, чтобы обитать благодатью своею в храме, кто может прекословить Ему? Беспредельно Божество, и, однако, мир сей охотно признают храмом Божиим, так как Бог благоволит являть в нем Свое могущество, Свою благодать, Свою премудрость. И, однако, ограничивается ли Божество пределами мира? Если, не смотря на то, что не могут понять, как беспредельное Божество вмещается в пределах сотворенного мира, не сомневаются в том, что Бог обитает во вселенной, зачем же сомневаться в том, что и храм сей есть дом Божий? Для беспредельного точно также тесен и обширный мир, как и тесный храм сей. Для кого же не тесен и великий мир и малый храм? Для всеблагого; для Него вместим и тот и другой, точно так, как Его солнце одинаково отражается в целом мире, и в одной капле воды. Солнце на небе, солнце на земле; лучом его живет цветок полевой и плод созревает. И там – в высоте и здесь – на земле тоже солнце. Прекрасный цветок отражает в себе игру лучей солнца даже более, даже обширнее, чем другие предметы, ни мало, не стесняя солнца. Точно так и храм может являть в себе даже гораздо более славы Божией, чем обширный мир. В древнее время Бог избрал домом своим скинию, и облак света видимо показывал невидимое присутствие Божие в скинии. Соломон, до Божьему изволению создал храм. *И бысть, егда изыдоша иереи из святилища, и облак исполни храм Господень. И не можаху иереи стати служити от лица облака,*

яко исполни слава Господня храм (3Цар.8:10–11). И христианский храм апостол не только отделил от обыкновенных домов, но прямо назвал церковью Божией: еда домов не имате, во еже ясти и пити! Или о церкви Божией не радите? Здесь, в христианском храме, присутствует Господь духовно: идеже еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их (Мф.18:20). Здесь присутствует Он ощутительнее, чем духовно; здесь присутствует Он в пречистом теле Своем, преломляемом за нас, и в пречистой крови Своей изливаемой за наши грехи. Все другие таинства, совершаемые в христианском храме, заключают в себе божественную, чудодейственную силу, сокрытую для чувственного взора, но открытую для духовного, невидимую для невнимательного рассеянного грешника, но осязаемую кающейся, самоуглубленной душе. О, как не молиться нам вместе с Давидом о том, еже жити в дому Господни вся дни живота! Как не говорить вместе с Иаковом: несть сие, но дом Гожий, и сия врата небесная!

Едино просих от Господа, еже зрети ми красоту Господню. Что это за красота Господня, которую надеялся и желал видеть Давид в храме Господнем? Это – те священные обряды, которыми облечено было богослужение ветхозаветное; другого и не было ничего в ветхозаветном храме. Там были образы будущих, христианских благ, – образы величественные по внешнему благолепию, и еще более великие по внутреннему, духовному значению. Люди, как чувственно-духовные существа, имеют неизбежную нужду в видимых средствах, для возбуждения и поддержания в себе благочестия. И Бог говорит с человеком человечески, – открывает ему славу Свою в таком виде, в каком человек может зреть ее. Не бо узрит человек лице Мое, говорил Господь Моисею, и жив будет. Явлю тебе задняя Моя. Только задняя, только отражения славы Божией может видеть человек, те отражения, какие могут оставаться в видимых предметах. Самого предвечного лица Божия человек не в состоянии видеть, потому что он плоть. Вот почему необходимы обряды и в христианском богослужении. Преобразователи недавних времен начали было

преобразование с того, что говорили вслух всех: христианство – духовная вера; вся внешность – вымысел суеверия или страстей. Но скоро сами увидели ошибку, только ошибки своей уже не могли вполне исправить. Что значит богослужение без внешних обрядов? Холодное, бездушное движение мыслей, которое может вести к охлаждению в благочестии. Христианство образует всего человека, так как весь человек грешен. Расстроенное воображение, расстроенное чувство требуют своей науки. Оставьте их без науки, они не только сами будут дики, но, по связи сил наших, по действию их одной на другую, будут вносить расстройство и в целый организм духовный. Природу не заставьте молчать. Не дадите ей пищи благочестия, она потребует и найдет пищу соблазна и греха; не будете ее учить добру, – она научит вас греху. Нет, те не знают ни христианства, ни человека, которые лишают христианство обрядов. Счастливы мы с тобою, православный мой слушатель, что церковь – мать наша так мудро воспитывает нас в благочестии. Она не перестает научать нас поклоняться Богу духом и истиною. Но она знает, какое влияние имеют внешние предметы на дух наш, как они способны возбуждать и поддерживать благочестивые чувствования, как легко ум и сердце покоряются образам, вносимым в душу отвне. И потому соединила она духовное с видимым, украсила храм духовными, но вместе и видимыми, предметами. Истинно, в храме Божиим красота Господня. Какое богатство мыслей и чувств духовных представляет каждому внешность православной церкви! Вот пред глазами вашими история Спасителя нашего Господа Иисуса. Здесь – Он распятый за нас грешников, там – повитый пеленами младенец. Здесь оmyвает слезами ноги Его жена грешница, там Закхей в восторге сердца обещает Ему раздать половину имущества нищим. А лики святых Божиих, патриархов, пророков, апостолов, мучеников, святителей, подвижников пустынных и их начальника предтечи Господня – не представляют ли глазам все виды богоугождения, не учат ли без слов благочестью, не обличают ли нас нерадивых о спасении, не утешают ли подвижников царствия надеждами на вечность? Пусть укажут мне хотя на один догмат веры, который

бы не облечен был в видимый образ в том или другом обряде церкви! Пусть укажут хотя на один обряд, который бы не скрывал той или другой глубокой мысли веры! Например, перстное сложение, которым знаменуем себя, так внятно говорит о самой высочайшей тайне божества – о Боге триедином; обряды крещения говорят нам о наследственной порче нашей, и выражают обет наш – жить для единого Господа и быть мертвыми для греха. Молитвенные поклоны и выражают, и внушают чувство сознания о ежеминутном падении нашем. Частое, простое возгласение: Господи помилуй, какая обширная по смыслу проповедь! В нем целое учение о деятельном христианстве. Обряды православия, при всем величии их, при всей важности, приличной небесной вере, так просты, так понятны для каждого. Вот селянин не способен учено размышлять о вере, но он имеет глаза, чтобы видеть, имеет уши, чтобы слышать, – сердце, чтобы чувствовать, воображение, чтобы поражаться образами. И посмотрите, как он, не умея читать, читает в обрядах то, чему должен веровать, чего надеяться, как жить, как избегать греха. О, как богомудро устроено здание церкви православной! Как глубоко понятны здесь и нужды человека, и дух веры христианской!

Едино просих от Господа, то взыщу, еже посещати ми храм святыи Его. Если храм дом – Божий, если все в нем и выражает святость и учит святости, то как не быть ему святым?

Остается одно – посещать храм. Правда в православном храме так много любви Христовой, что он молится не только за предстоящих, но и за находящихся повсюду православных. Но, не забудьте, он молится за тех отсутствующих, которые отсутствуют за благословною виною, и за тех, которые когда только могут, спешат в храм, с благоговением и страхом Божиим. Если же ты забываешь посещать храм, то не справедливо ли, чтобы и о тебе забыла благодать храма? Если ты делаешь себя чужим для храма, если ты, не уважая ни дней, ни уставов его, живешь как человек иной веры, иных обычаев, иных правил, то не исключил ли ты сам себя из числа тех, на которых изливается благодать православного храма? Как

узнает, как назовет тебя церковь своим, когда ты весь стал, Бог знает – чьим?

Говорят: я могу молиться в доме? Не спору, – можешь молиться. Но будешь ли молиться? Если у тебя не достаёт духа молитвы, чтобы совершить, как должно молитву в храме, где все заставляет тебя молиться: будешь ли ты молиться в доме, где все развлекает твою молитву? Если ты так мало имеешь терпения для молитвы в храме, где так много побуждений к терпению и молитве, например, хотя бы стыд перед людьми добрыми: в доме ты остаешься только со своим нетерпением и с страстями, не обуздываемыми даже и стыдом. Нет, друг мой, не обманывай ни себя, ни Бога: если не одна леность, если не одна привычка к праздности, то не более как мечтательная гордость не пускают тебя в храм. Восстань же против греха, иди в храм и исповедуй леность твою к молитве. Иди в храм, – там твоя холодность может согреться пламенем молитв церкви и усердием братий. Иди в храм, – там благодать храма, если понудишь себя к вере, прольет сокрушение в ожестовшее сердце твое. Берегись: не буди мудр о себе.

Бог, богатый в милости и щедротах, да будет благодатью Своею с нами немощными! Аминь.

1846 год.

Слово по освящении обновленного Рижского храма, в честь Покрова Богоматери

Слава Богу! И сей храм вновь освящен в жилище Вышнего. Слава Богу! И сие место вновь стало местом славы Божией, великих тайн Христа Господа. Слава Богу! И сей дом вновь украшен ликами друзей Божиих, блистает, изображением предметов небесных, достойных поклонения духовного.

Слушатели мои! Как много значит для нас, что мать наша – православная церковь осватила для нас правилом благоговение к св. иконам! Эта одна принадлежность православия – великое счастье для наших душ. Оценим размышлением почитание св. икон. Это же нужно и потому, что иным из вас случается слышать сомнение против святости почитания св. икон.

Нужны ли изображения Божества? Без сомнения, нужны. Человек – не ангел, он имеет чувства и воображение, которые надобно освящать так же, как ум и желания воли, и которые требуют приличной им пищи, как и другие силы наши. Если не будем занимать их священными предметами, они будут искать себе предметов иных. Если не будем предостерегать их от порчи полезными средствами, они непременно испортятся от приражения к вещам вредным и внесут порчу в глубину души. Не видим ля, что, тогда как не хотят или стыдятся ставить на самом месте изображения Бога и святых Его, окружают себя картинами то пустыми и мелкими, то самыми постыдными и гнусными? Отчего это? Что это значит? Не приучив воображения к изображениям достойным, святым, дозволили ему приучиться к изображениям низким, отвратительным. Согласитесь, что чистая душа не может любоваться картинами грязных страстей, – чистое общество любит изображение великих добродетелей, явлений, достойных славы великого Бога.

Как многого лишают себя, лишаясь изображений святых! Еще св. Григорий Двоеслов говорил: «что писание для умеющих читать, то живопись для простых людей». Точно, св. иконы – проповедь, но проповедь, понятная да всех, проповедь

неумолкающая, проповедь, сильно действующая на каждого. Иконы – проповедь для каждого. В храме православном каждый неграмотный видит и понимает дела Божии и – с каким удобством! Чтобы понимать книги, надобно много учиться, много терять времени, сил, способов; а изображение какого-либо происшествия священного, или какого-либо лица великого, при беглом объяснении, легко понимает каждый. Иконы – проповедь неумолкающая, ей всегда можно внимать; она говорит громко даже и к тем, которые не хотели бы слушать, говорит, не оскорбляя самолюбия, потому что глаз самого самолюбия читает ее. Иконы – проповедь сильная. Рассказом или чтением поясняется истина в уме, но тронуть и поразить сердце всегда сильнее может изображение, чем рассказ; так как присутствующее всегда сильнее поражает нас, чем отсутствующее, действующее чрез чувства и воображение на душу сильнее потрясает чувство внутреннее, чем действующее на один ум. Вспомните египетскую Марию. Она так долго вела жизнь нечистую и рассеянную, без мыслей и забот о судьбе загробной. Но нечаянно, ненамеренно посмотрела на икону Богоматери и, пораженная величием чистоты Приснодевственной, навсегда отреклась от прежней жизни. Вот, как много значит святое изображение, даже для людей рассеянных, которые, хотя бы и умели читать, не хотят взять в руки полезной книги! Что же храм, без такой проповеди спасительной?

Скажут: для простых или рассеянных людей нужны иконы, но не для крепких духом. Что это значит? Не то ли, что отвергающие почитание икон считают себя крепкими? Да избавит Бог каждого от пагубного самомнения. Пока мы остаемся на земле, все мы грешны, все более или менее можем забывать Бога, рассеиваться земными попечениями, опускать из внимания необходимое для вечности, и потому все имеем нужду в наставлениях духовно-вещественных.

Скажем более: пренебрежение к священным изображениям не только не показывает крепости любви к Господу, но напротив служит верным знаком недостатка святой любви. Что любим мы, то и уважаем, и, уважая лице, уважаем и изображение его.

Отселе воздвигают памятники великим вождям, великим государям. И тот, кто осмелился бы оказать неуважение портрету возлюбленного монарха нашего, не назван ли был бы человеком дурным. Точно так и любовь к Господу, чем становится сильнее, тем более дорожить изображениями всего священного, – библией, иконами, вещами храма, тем более опасается коснуться каким-либо неуважением до чего-либо священного.

И однако, скажут, – в слове Божиим нет повеления творить видимые изображения Божества и поклоняться им?

Если бы это было и так, и тогда естественная нужда, какую имеем мы в изображениях священных, и естественность благоговения к изображениям священным показывают нам, что благоговение к святым иконам есть дело согласное с волею Божией. Все, что основывается в нас на законах чистой богосозданной природы, все то несомненно угодно Господу, как дело рук Его.

Между тем несправедливо говорят, будто в писании нет повеления об устройении и почитании изображений Божества и святых. Сам Бог повелел устроить скинию свидения, как образ пребывания Божия среди избранного народа. И, по устройении скинии, *прииде Моисей и Аарон пред двери скинии и падоша ниц* (Чис.20:6). Вот и голос писания об устройении и почитании священного изображения! Точно так же кивот завета – образ воплощения Бога искупителя устроен был, по наставлению Божию. И с самым глубоким благоговением падали и покланялись пред кивотом. На пример, читаем: *Иисус же паде на землю пред кивотом Господним даже до вечера, яко же он, тако и еси старейшины Израиля* (Нав.7:6). И какой гнев Божий изливался на тех, которые оказывали пред ним небрежение или дерзость! Более пятидесяти тысяч мужей из израильтян поражены были смертью за то, что, с одним праздным любопытством, сбегались смотреть на него, когда чудесно возвратился он от филистимлян, а не воздали хвалы и благодарения Господу за возвращение к ним сей ветхой святыни. А что было с нечистыми филистимлянами, осмелившимися взять в плен кивот Господний? Что было с

несчастливым Озою? Как в скинии сведения, так и в храме Соломоновом было множество икон или священных изображений. Там были изображения изваянные, вытканые, писанные. В скинии свидетельства над ковчегом завета было два херувима, изваянных из золота (Исх.25:18); на завесах было множество херувимов вытканых (Исх.26:31). В храме Соломоновом на стенах были писанные херувимы (3Цар.6:29, 32); а во святом святых два херувима изваянные осеняли кивот завета (3Цар.6:23; 2Пар.3:10). Вот и изображения святых! Все эти херувимы не были предметом поклонения? Почему это знают? Кто сказал об этом? Напротив, в писании видим, что покланялись пред всею скинией, глубоко благоговели пред всеми принадлежностями её; тем более должны были благоговеть пред херувимами, осенявшими страшный кивот завета, пред херувимами, изображавшими существа разумные и святые, а не какую-либо невеликую мысль. Когда нужно было переносить кивот завета, священники наперед покрывали его внутренней завесой, одевали как его, так и другие священные вещи (Навин, гл. 3; Исход, гл. 30). Если же благоговели и пред сосудами, то что остается думать о херувимах? Вспомните еще, что Бог повелел воздвигнуть медное изображение змия в пустыни, дабы взором веры извлекали из него исцеление уязвлявшиеся змиями.

После сего не понятно, как могут иные, в опровержение иконопочитания, указывать на известную заповедь: не сотвори себе кумира, ни всякого подобия. Если, как видели, сам Бог повелел устроить священные изображения, то легко понять, что заповедь о кумирах уже никак не может относиться к священным изображениям. Иначе, одно наставление Божие опровергалось бы другим, – чему быть нельзя. О чем же говорит эта заповедь? Заповедь эта повторялась не раз, не одинаковыми словами. *Не сотвори себе, сказано, рукотворенных, во еже кланяться им: Аз есмь Господь Бог ваш* (Лев.16:1). Видите, святая заповедь сама себя объясняет. Она запрещает творить рукотворенные, потому что только Иегова Господь есть истинный Бог, Коему надлежит поклоняться. Следовательно, она запрещает те изображения,

которые считались за богов вместо Бога истинного; запрещает устроение и почитание идолов, которые, как говорит апостол, сами по себе суть ничто, и признавались за божества только развратом мыслей и сердца. Таким образом, под рукотворенными в библии обыкновенно разумеются языческие боги. Например, пророк говорит: *се Господь сedit на облаце легце, и приидет во Египет, и потрясутся рукотворенная египетская* (Ис.19:1). Оставим же в покое заповедь об идолах языческих, когда они уже успокоились, давно забытые народами просвещенными.

Известны ли были иконы в первые времена христианства?

Пока язычество не лишалось своей силы и оставалось господствующею религией мира, благоразумие требовало от пастырей церкви не умножать в христианстве икон, дабы обращавшиеся из язычества, но еще не укрепившиеся в вере, не возвращались к прежним суевериям, а язычники не принимали икон христианства за освящение своим идолам. Так, с самых первых времен христианства видим священные изображения и уважение к ним, но видим и осторожность в их употреблении. Известие о нерукотворенном образе Спасителя, чудесно изобразившемся на убрусе (плате), передают нам Евсевий, Прокопий, преподобный Ефрем Сирийский. Евсевий же пишет, что в Кесарии находилось изображение Спасителя, изваянное из меди исцелившее от кровотечения женою. И он же прибавляет: «не надобно удивляться, что язычники, испытавшие на себе благодеяния Спасителя нашего, сделали это, когда мы видели на досках, сохранившиеся до нашего времени, иконы апостолов Петра и Павла, и самого Христа». Тертуллиан уже пишет, что на св. потире изображался Спаситель в виде пастыря, несущего на раменах овцу. Почитание св. креста принадлежит также самым первым временам. Св. Василий великий писал к отступнику Юлиану: «сии иконы чту я и поклоняюсь им, так как они преданы св. апостолами и не воспрещены, а изображаются во всех наших церквах». И он же говорит: «чествование св. иконы восходит к изображенному на ней». Сего довольно.

Слушатели мои! примите слово любви – в духе любви, в
утешение веры вашей, во славу Господа и Его святых. Аминь.
1848 год.

Слово на освящение храма в селе Богодаровке

Или о церкви Божией не радите? (1Кор.11:22).

Так писал апостол коринфским христианам! Но к чему в сем храме упрек нерадению? Здесь радуют о церкви Божией не по примеру других, а в пример другим. Прекрасен величественный сей храм Божий, воздвигнутый благочестивым храмовладельцем. Возвышенны и чувства его о храме. В завещании детям, объявил он храм Божий стражем и хранителем, как своей воли о потомстве, так и счастья потомства. Не высокие ли это мысли о храме? Не твердая ли это вера в живущего во храме? Попечитель о храме будет попечитель и о счастье потомства. Здесь столько же надежд на счастье потомства, сколько и веры в могущество невидимого Владыки храма. Воля родителя говорит потомкам – соблюдать любовь между собою, не начинать ничего похожего на вражду. Для воли о любви лучший страж – храм Бога любви. Бог любви, нет никакого сомнения, с благоволением призрел на заповедь о любви, и потомство будет видеть на себе благословения его, если последует чувствам благочестивого предка.

Так, упрек апостольский нерадующему о храме служит похвалою благочестивому и рассудительному создателю храма.

Но те, которые имеют посещать храм, могут ли быть уверены, что не коснется их когда-либо упрек апостольский?

Слова апостола относятся и к нерадующим о создании храма, но они преимущественно относятся к тем, которые уже пользуются или имеют пользоваться храмом. Рассмотрим ближе упрек апостольский.

Коринфские христиане, к которым писан апостольский упрек в нерадении о храме, принося в храм хлеб и вино, употребляли остатки приношений на трапезе любви без порядка, без рассуждения, с пренебрежением к бедным, по прихотям плоти и гордости житейской. Чтобы дать почувствовать им неприличие такого поведения, апостол обращает внимание их на высокое значение храма. *Еда домов не имате, во еже ясти и пити? Или о церкви Божией не радите?* говорит он им. Апостол

противополагает место, куда собирались верующие для литургии, простым домам. По его рассуждению, храм вовсе не то, что простой дом. Сколько последний обыкновенен в ряду других житейских вещей, обыкновенен до того, что в нем можно есть и пить, столько храм далек от всего обыкновенного, далек до того, что апостол с негодованием отвергает возможность того, чтобы в нем можно было устроить трапезу в угоду слабостям человеческим. Необыкновенное назначение храма апостол считает известным для коринфян, по собственному их опыту: они сами собирались в храм для возношения молитв, для совершения таинственной вечери. И, известным для них назначением храма, он убеждает их соблюдать особенное благоговение к храму. *Или о церкви Божией не радите?* обличая, вопрошает апостол. Поймите чувство, с каким отзывается апостол о не уважающих храма. Он говорит с негодованием; следовательно, сам он исполнен глубоким благоговением к храму. Это уважение свое он и прямо дает видеть, называя храм церковью Божией. Прежде исключил он храм из числа простых домов; теперь он вносит его в число самых высоких предметов. Он называет храм молитвы церковью Божией, не столько потому, что в него собираются верующие, которых в другом месте называет он храмом Божиим, сколько потому, что самое освящение верующих зависит от таинств, молитв и поучений, совершаемых в храме. Обличая коринфян в небрежении о храме, он как бы так говорит: вы сами знаете, что храм есть церковь Божия, дом, не только посвященный имени Божию, но и освященный присутствием благодати Божией в таинствах, освященный не только молитвами священными и словом Божиим, но и, испрашиваемою чрез молитвы, силою Божией. Как же вы, зная это, позволяете себе поступать так, как будто бы храм был простым домом? Ужели вы стали так худы, до того развратились, что оказываете пренебрежение даже к церкви Божией? *Или о церкви Божией не радите?*

Из сего обличения апостольского вы видите, слушатели, что еще при апостолах, как и ныне, верные отделяли для молитвы и тайн особенные храмы и называли их не какими-либо простыми,

именами, а церквами Божиими. Пусть же это будет утешением для заботящихся об устройении и украшении храмов! Пусть это будет обличением праздному легкомыслию, позволяющему говорить себе и другим о позднем или произвольном происхождении храмов!

Апостольское наставление предписывает оказывать благоговейное почитание церкви Божией. Оно, как наставление не человеческое, освящает для всех времен правила не только посещать храм Божий, но посещать его с благоговейным вниманием.

Если апостол обличал неблагоговейное поведение в храме, то это самое показывает, что он желал, чтобы благоговейно ходили в храм. Да и если устроились храмы при апостолах, если, по примеру апостольскому, устроятся они и ныне, то, конечно, для того чтобы верующие приходили и освящались в храмах. Не строят же дома с тем, чтобы стоял он пустой, без употребления. Иногда отговариваются от посещения храма то нездоровьем, то недосугами домашними. Но что важнее – недосуги ли ваши, или заповедь апостольская, устроившая для вас храм? Какая надежда на успех в делах, когда презирают храм Божий и не ищут благословения Божия? Труд не в прок, работа без пользы; а за презрение к дому Божию, к дому благодати и сил небесных ожидайте одного гнева небесного. Ты не совсем здоров? Но для того-то и иди в церковь, чтобы получить здоровье. Там благодать Божия – самое верное врачевство против всех болезней, не исключая и лени твоих к добру.

Апостольское правило велит посещать храм Божий с благоговением. С сильным негодованием восставал апостол против неблагоговейно присутствовавших в храме. Опасайтесь обратить на себя негодование апостольское. Если коринфяне, из которых иные облечены были даром чудес, другие пророчествовали, или, не учась, говорили иностранными языками, – если они, которые владели такими дарами Духа Святого, не избежали негодования апостольского за непристойное поведение в храме: чего ожидают себе люди нынешнего времени, пренебрегающие храмом? Что делают они

с храмом? Пред лицом Божиим в храме, как на торжище, толкаетесь, шумите, разговариваете, смеетесь, волнуетесь мыслями – то суетными, то нечистыми: что вы делаете?

Какой суд вызываете против себя? И без того очень мало доброго за душою, и без того только в храме и могли бы получить кое-что для бедной души своей; а еще умножают против себя гнев Божий. Несчастные!

Не так, совсем не так надобно стоять в храме Божиим. Вы слышите в храме – молитвы, псалмопение, учение. Прекрасно учреждено, что все это слышите вы без вашего труда. Но вам остается слушать с благоговейным вниманием. Вонмем! возглашает вам служитель церкви. Мало, если слышит только ухо твое. Надобно, чтобы слышало сердце, надобно, чтобы молитва церкви стала молитвою души твоей. Когда читают здесь слово Божие, то можешь понять, что читают его не для стен, а для тебя, для пользы души твоей. Слово Божие – слово вечного спасения. Не пропускай же его помимо тебя легкомысленно; принимай сердцем твоим семя спасительное, чтобы впоследствии принесло оно плоды достойные его – желания и дела благие. Когда слышишь церковное псалмопение: повторяй мыслями хвалы Богу, воспевай и пой в сердце твоём Господеви, как велит апостол (Еф.5:19). Когда читают поучение, не говорите: «мы люди простые, где нам понять это?» Поймите, если будете стараться понимать; потому что учение Христово назначено для всех, а не для одних ученых; оно даже доступнее для простых сердец, чем для умов гордых. Если же вы не понимаете его, то это не от простоты вашей, а от небрежения о душевном спасении, от рассеяния и лени.

Призри с небесе, Боже, посети виноград сей и утверди и, его же насади десница Твоя! Аминь.

Слово по освящении храма в Николаевской женской обители

Дом Мой дом молитвы есть (Лк.19:46).

Боже разумов и щедрот! Се приносится Тебе жертва сердец, исполненных веры и благочестия! Среди кущей немощи человеческой усердием уповающих на Тебя созиждена святая скиния святых и великих тайн Твоих. Попечением воздыхающих о красоте небесного храма устроен храм во славу имени Твоего и для приношения молитв величию Твоему. *Да будут убо, Господи, очи Твои отверсты на храм сей день и ночь (3Цар.8:29)*, да будут слышны в нем молитвы печальных и радующихся, праведных и согрешающих, сильных и слабых, великих и малых!

Сестры-молитвенницы! храм создан для молитвы. Уверен, что молитва составляет для вас занятие приятное. Тем более приятно мне предложить вам, по долгу, беседу о благотворном действии молитвы на душу.

Если молитва есть благоговейное возношение ума и сердца к Богу: не видите ли по самому понятию о молитве, как она благотворна для души? В чем состоит назначение бессмертной души нашей? В том, чтобы стремиться и приближаться к Богу сердец наших, отрешаясь от земного и созданного. Если же молитва возносит ум и сердце к Богу: не значит ли, что она помогает душе выполнять самое главное, самое высокое, назначение её? Чтобы видеть это яснее, представим себе состояние души беззаботной о молитве. Чем занята она? Чем утешается? О чем думает? Чего желает? И чувства, и желания её заняты землею, до того, что сама она наконец становится земляною. Пусть по временам, по случаям, мысли её обращаются и к предметам духовным, но как лениво, как неохотно, как недолго занимаются они тем, как легко при том подчиняют эти высокие предметы земным видам и расчетам! Отчего это так? Оттого, что молитва возносить всю душу к Господу, одушевляя ее святыми восторгами и мыслями, а без молитвы душа – то же, что птица без крыльев. Не

приближаемая молитвою к Господу душа холодна и мрачна, без сил жизни духовной и с жизнью только земляною, едва не физическою. Что человек, удаленный от Господа? Тьма и неустроенный хаос разных стихий. Молитва – проводник света и сил благодатных; она, соединяя нас с Господом, низводит на нас дары неба. «Как тело с душою, говорит св. Григорий Назианзен, как ветви со стволом, как, лучи солнечные с солнцем находятся в соединении и оттого получают силу и жизнь: так мы должны быть соединены с Богом душою. *Приступите к Нему, говорит пророк, и просветитесь и лица ваша не постыдятся*» (Пс.33:6. Слово о попечении о бедных). Св. Златоуст говорит: «быть не может, чтобы без молитвы могла быть жизнь добродетельною» (слово I о молитве). Молитва – верная защита душе от грехов. Становясь в молитве пред Богом всесвятым и грозным для грешников, как не трепетать греху, как не исполняться ужасом пред нечестиями сердца? «Скажи мне, говорит св. Златоуст, если бы пришлось тебе стоять пред царем, не стоял ли бы ты со страхом? Потому хочешь ли ты спать, возбуждаешься ли гневом, услаждаешься ли преступно, делаешь ли что другое: помышляй, что присутствует Бог и грех убежит от тебя» (Беседа 8 на послание к филлипийцам).

Молитвы хвалы, когда мы прославляем дивные совершенства и дела Божия, каким обильным и живительным светом исполняют ум наш! Сколько высоких мыслей, сколько благоговения низводят они в душу нашу! Какие знания могут равняться с мыслями, озаряющими душу, славящую Господа? Хвалебные песни Богу – самая высокая мудрость; здесь решение вопросов о мире и человеке, о времени и вечности. И как плодотворны хвалы Богу! Ум видит в Боге образец всех возможных доброт и говорит душе: вот к чему должна быть обращена вся любовь твоя! – Какое дивное величие, какая дивная благодать, какой дивный ум! Не только времени, но и вечности, не достанет, чтобы насладиться созерцанием их. *Хвали душе моя Господа, восхваляю Господа в животе моем, пою Богу моему, дондеже есмь* (Пс.145:1–2). Что значат все величия земные пред величием Божиим? Что значат великие

дела знаменитостей земли пред делами Божиими? Суета и томление духа. Забывчивые люди увлекаются землею. К чему это? Прочь суета людская: она оскорбляет правду и душу; она грозит страшною будущностью. В Боге образец совершенств, которому всеми силами надобно подражать. Святая истина говорит нам: будьте совершенна, яко же Отец ваш небесный совершен есть (Мф.5:48).

Молитва благодарений Богу благодееющему – живительная пища душе. Благоговейное сознание необозримых, в числе и значении, благодеяний Божиих питает чувства зависимости вашей от Бога, возбуждает горячую любовь к Богу, поддерживает смиренную преданность святой воле Его, одушевляет твердостью против искушений зла. *Господь мне помощник*, говорит душа, *облагодетельствованная свыше, не убоюсь, что сотворит мне человек (Пс.117:6)*; Он спасал меня, спасет и вперед; Тот, кто Сына Своего не пощадил для нас, может ли быть не готовым подать все нужное для нашей вечности? Молитва благодарения – наставник добродетелям. После стольких благодеяний Божиих к нам, как нам быть не признательными, как не стараться всеми силами выполнять заповеди Бога нашего, заповеди спасительные для нас же самих? Если Бог столько благ и милостив к вам, то и мы должны быть милостивы к ближним нашим, тем более что они – дети одного и того же Отца, благодееющего нам. В царстве Отца, столько благого ко всем, в царстве любви кроткой и оживляющей все, – не место ни зависти, ни гневу, ни ненависти, ни обиде. Если Он благий прощает грехи наши, и мы, подражая Ему, должны прощать долги ближним нашим. Так велит нам и слово благого Бога нашего. *Егда стоите молящися, отпускайте аще что имате на кого, да и Отец ваш, иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша (Мк.11:25)*. Благодарная молитва, напоминая о величии и святости благодетеля Бога, внушает нам благоговейно и свято пользоваться благодеяниями Его, согласно с Его святою волею.

Когда в молитве просим мы прощения грехов или других милостей, необходимых для бедности нашей; какое счастье для нас – это молитвенное состояние! Ах! Что было бы с нами, что

было бы с душою нашею, если бы настоятельные нужды и вопиющая бедность не вынуждали нас обращаться к Богу за помощью? До чего дошли бы мы с странною беспечною нашею о судьбе своей вечной? Страшно подумать. Теперь, когда волею или неволею просим мы Бога о помощи, то сознаем и исповедуем свою зависимость от него, свою бедность и ничтожество пред Ним; питаем в себе спасительный дух смирения и самоотречения, стесняем гордость богопротивную, возбуждаем в себе заботливость о вечности нашей. Теперь волею или неволею чувствуем, что мы такие грешники, которые не в праве ничего требовать от Бога и только должны умолять Его, чтобы помиловал нас, по великой своей милости. Теперь волею и неволею чувствуем, что несчастные грешники многое должны переменить в себе, от многого отказаться, многое приобрести, во что бы-то ни стало. И какое утешение сладкое подает нам молитва в скорбях и нуждах наших! Кто может исцелять раны души нашей, наносимые и грехами, и бедами жизни? Один Бог, верный помощник наш в самых безнадежных состояниях наших. Молитва, возносимые к Нему с детскою любовью и с искренним раскаянием, уже сама по себе отрада и облегчение душе грешной, безнадежной в целом мире. Но благий Отец, по молитве искренней, прощает нам грехи, как простил отец заблудшего сына ([Лк.15:11](#)), или как оправдан мытарь, смиренно молившийся в храме ([Лк.18:13–14](#)). И каких даров небесных не низводит молитва на молящегося? *Аминь, аминь глаголю вам, яко елика чего просите от Отца во имя Мое, даст вам* ([Ин.16:23](#)), так сказал нам сам Господь. Смиренная молитва, даруя мир совести, и, укрепляя надежду на Бога, оживляет, укрепляет в нас любовь к Отцу небесному и одушевляет решимостью свято творить волю Божию. Это – необходимые плоды молитвы, тем более что молитва, дабы быть благоуспешной в прощении, должна быть приносима с чистою совестью: *жертвы нечестивых мерзость Господеви* ([Притч.15:21](#)).

Сестры-молитвенницы! Мир считает занятие наше – молитву занятием праздности и занятием бесплодным. Не слушайте мира, он не понимает ни себя, ни молитвы. Молитва –

училище благочестия и человеколюбия. Никогда душа не бывает так расположена к подвигам самоотверженной любви, никогда не бывает так готова все делать для Бога и ближних, как после молитвы. Мир выдает молитву за занятие скучное, утомительное. Мир и в том ошибается. Молитва наполняет душу такими утешениями, каких никогда не может дать мир; она оживляет душу самыми высокими, самыми святыми мыслями и чувствованиями. Дорожите же молитвою. Молитесь усердно, искренно; не опускайте ни одного времени молитвы, чтобы не лишиться души высоких благ, какие доставляет молитва.

Благодать и мир да будет со всеми нами. Аминь.

Слово но освящение храма, в слободе Андреевке, в месте военного штаба

Дом мой дом молитвы есть (Лк.19:14).

Благословен Бог дарующий людям дом свой! Если дается людям дом Божий; как много значит для людей одно приближение Бога к людям! Сколько надежд сладких и верных возбуждается тем в людях! Благословен Бог, подавший усердие и способы для создания дома молитвы! Если дом Божий есть дом молитвы, то он есть училище веры и благочестия для людей; он есть училище для обучения себя всему святому, потому что есть дом всесвятого; он есть училище благочестия, потому что есть дом молитвы, обучающей только благочестью. Если дом Божий есть дом молитвы: не значит ли это, что молитва способна принимать и передавать людям все дары Божии? Не напрасно же дом молитвы называется домом Божиим. Слушатели мои! помыслы немощной природы нашей по временам восстают в нас против веры в силу молитвы. С сознанием и без сознания ясного, возникая в душе эти помыслы отклоняют нас от молитвы, тогда как для обучения молитве построен и дом молитвы, и молитва есть святой долг души нашей. Итак, есть нужда размыслить о силе молитвы.

Аще вы, лукава суще, умеете даяния блага даяти человеком: кольми паче Отец ваш небесный даст блага просящим у него (Мф.7:11). Так говорит нам небесная Истина о благодати небесной. Не правда ли, как эти слова ставят близко к разумению каждого мысль, о благоплодности искренней молитвы? Если бы и нашелся между людьми, говорит небесная Истина, такой отец, который отказал бы голодному сыну в пище или вместо хлеба подал бы ему камень, быть не может, чтобы Отец небесный отказал мольбе детей своих: благодать Отца небесного, сострадательная любовь Его к людям далеко превышают любовь земных родителей к детям. Если откровение древнего закона не молчало о терпеливом благоснисхождении к людям: в каком ясном свете, в каком необъятном величии представляет нам любовь Божию к людям

откровение христианское! Отец небесный послал нам Сына своего для нашего спасения. Чего же после того пожалеет Он для нас, чего не сделает по нашей молитве? Пусть иной язычник мог сомневаться в благодати неба, удалив себя от близости его света благотворного. Но когда же, в какие времена, и лучшие язычники не молились небу, не питали надежд на благодать Божества? Если же и язычники по временам молились, то это показывает, что они признавали силу надежд на благодать Божества. Без того не было бы в них места молитве. После того тебе ли, христианин, сомневаться в силе молитвы? Нет, не оскорбляй имени своего, не оскорбляй Господа твоего каким-либо недоверием к готовности Отца небесного – исполнить твою молитву. *Вся, говорит Господь твой, елика аще воскресите веруют, – приемлете (Мф.21:22).*

«Если Бог благ к нам, Он и без нашей молитвы подаст нам нужное; молитва же наша была бы только оскорблением Всеблаговому и, следовательно, не полезною, а разве вредною для нас?» Такие мысли бродят иногда в душе иных.

Но оскорбляется ли отец земной, когда дети его с кроткою любовью просят у него потребное для них? Напротив, не оскорбляется ли он по праву тогда, когда дети, хотя и томятся нуждою, не хотят ничего просить у него оттого, что капризны, упрямы, самолюбивы? Точно так, если благодать небесную выставляют за право на получение даров неба и не считают нужным сознаваться пред Богом в своих немощах и нуждах, не считают нужным просить Его о помощи: это не более, не менее, как гордость богопротивная, которую следует вразумлять голодом и нищетою. И благодать небесная, и мудрость высшая устроили тот порядок, какой устроен для нас. *Всяк просяй приемлет, ищай обретает и толкущему отверзается (Мф.7:11).* Кроткой любви, смиренной молитве ни в чем не отказывается, но гордая леность, которая не хочет просить ничего, по мудрому порядку, остается со своею бедностью, чтобы пришла в себя.

«Законы мира, говорят, непреложны, как непреложны мысли премудрого Творца природы. Потому напрасны мольбы и вздохи

наши, – для них не может быть изменен порядок дел в природе».

Но кто сказал нам, что Всеведущему не известны были вздохи наши с самого начала мира? Кто открыл нам, что Всеведущий и премудрый не включит последствий молитвы, как другие причины и их следствия в определенный порядок дел своих? Разве Бог наш стал Отцом нашим не с самого начала мира? Разве Он может быть художником без предусмотрительной любви Отца, без забот нежного воспитателя существа разумных? О! нет! Если молитвы наши столько благотворны для сердец наших, питая и, возвращая в них смирение и благоговение, любовь и покорность, жажду Бога и Божией воли: как премудрому Отцу не включить их в порядок дел своих, при самом творении мира? О, молитесь дети премудрого Отца, молитесь с полной надеждою на успех молитвы. Хотя бы нужно было для вас переставить горы с места на место: и горы перейдут с места своего, по вашей молитве; потому что художник их есть ваш Отец нежный.

Маловерная леность ищет опоры себе еще в нашей собственной немощи, ограничивая силу молитв личностью избранных молитвенников Божиих. Она говорит: если и случалось, что по молитве получали многое, то это люди не такие, как мы слабые, это избранники Божии, а нам чего ожидать себе?

Смело говорим, что это говорить леность, а не искреннее смирение. Мы все – грешники пред Богом, мы все недостойны милостей Его, а стоим только гнева Его, все мы – слабы и немощны. Но Он Отец наш, потому-то и простирает к нам помощь любви своей, что мы дети слабые и немощные. Ни от кого из нас, ни от праведника, ни от грешного, не ожидает Он молитвы, как понуждения благодати своей или жертвы достойной величия Его. Что может принести человек достойное Бога? Благодать Его определяется в своих действиях только своею волею благою. Любовь Сына Божия к грешным людям – вот что располагает Отца небесного изливать дары благодати на преступное человечество. Он ждет молитвы нашей только для того, чтобы мы восчувствовали как можно глубже нужды наши и

как можно искреннее искали спасения в вере в Спасителя нашего. Потому немощь наша не только не может ограничивать могущества молитвы, но чем живее чувствуем мы слабость свою, тем большею силою облекается молитва наша, тем обширнее становится круг, на который простирается действие молитвы нашей. Таким образом святое писание, когда выставляет нам опыты плодотворной молитвы, не говорит нам, что такая молитва принадлежала избранникам Божиим. Апостол Иаков, в побуждение к молитве, указывая на пример сильной молитвы Илии, не называет его притом пророком, а говорит, что это была молитва подобного нам человека. *Илия человек бе подобострастен нам и молитвою помолися, да не будет дождь, и не одожди по земли лета три и месяц шесть* (Иак.5:17). Давид славит Бога за Его близость к каждому молящемуся. «Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его истинно; желание боящихся Его Он исполняет, взывания их слышит и спасает их» (Пс.144:18–19). Он исповедует: «призрел на молитву угнетенных и не отверг моления их» (Пс.101:18).

Где искренняя молитва могла бы не оказывать силы и могущества своего? Обращается ли она на слабый состав тела нашего, или на внешнюю природу? Там и здесь все покоряется ей, все уступает силе её. Например, Царь Иезекия был сильно болен, до того, болен, что пророк велел ему распорядиться о своем доме. Царь, при вести о близкой смерти, горько заплакал и обратился к Господу с искреннею мольбою о продолжении жизни. И что же последовало? Не успел Исаия сойти с царского двора, как слезная молитва Иезекии была услышана и вестник смерти должен был воротиться, чтобы возвестить Иезекии о продолжении жизни его: «возвратись, сказал Бог Исаии, и скажи Иезекии, что я вижу слезы его и исполняю молитву его; спустя три дня он посетит храм мой и проживет еще 15 лет» (4Цар.20:1, 3). Вот что значит молитва в болезнях наших! Пример тому, как послушна бывает видимая природа молитве, видим в Илие, который силою молитвы затворял и отворял небо для дождя, низводил с неба огонь, пожиравший напоенные водою дрова, горстью муки и чванцем елея питал семью в

течении нескольких месяцев. Думаете ли, други мои, что Спаситель напрасно велел нам молиться о даровании насущного хлеба? Нет! если Он велел молиться, то по молитве, согласной с волею Его, дан нам будет насущный хлеб, хотя бы деятели физической природы упорно отказывались произращать нам на полях хлеб.

Нет сомнения, что ничего нет труднее, как преобразовать грешную душу и устроить спасение её. Но и это самое трудное на свете дело совершает искренняя молитва. Что такое молитва? Она есть возношение ума и сердца нашего к Богу. Отселе уже видно, как много значит молитва для исправления души грешной. Молитва ставит душу пред лицом Бога, который и свет наш, и жизнь, и сила. Она и сама заставляет душу прийти в себя, чтобы не явиться ей слишком в неприличном виде пред Богом, и с престола Божия приемлет силы для врачевания больной души. Нет такой дикой страсти, которой бы не могла усмирить искренняя молитва; нет такого греха, который бы не уступил бы места силе молитвы. Если вы видите, что порочный человек начинает прилежно молиться: будьте уверены, что он уже не прежний грешник, что одно уже начато молитвы сделало в нем благую перемену, а скоро он откажется от многих своих слабостей. Вспомните египетскую грешницу Марию, как она после молитвы в преддверии храма иерусалимского возгнушалась нечистою жизнью, и как молитва пустынная возвысила ее до чистоты ангела небесного. Сотник Корнилий был язычник, не знавший Господа Иисуса. Но он творил милостыню и постоянно молился Богу: *был благоговеем и боялся Бога со всем домом своим, творя милостыни многим людям и молясь Богу всегда*. Что совершила в нем молитва? Постоянная молитва преклонила небо к язычнику, низвела ангела для откровения или указания пути спасения и прежде крещения облекла его благодатью. *Корнилие*, сказано ему, *услышана бысть молитва твоя* (Деян.10:2, 31). Пройдите все состояния души, и вы увидите, что молитва везде оказывает благотворное свое действие. Она – отрада в горестях, учитель в радости, свет ума, подпора падающим защита волнуемым, жизненная сила для всех добродетелей.

Если после того скажут, что из числа многих не многие молящиеся испытывают на себе действенную силу молитвы, мы ответим, что это скажут необдуманно, скажут без оснований, которыми могли бы оправдать слова свои. Если иногда не получаем мы тотчас, чего просим в молитве: это не значит, что молитва наша не услышана. Это значит, только то, что или для нас не полезно то, чего просим (Иак.4:1), или более нужно для нашего спасения другое благо, которого мы не видим (Мф.20:22); но в том и другом случае молитва совершает свое дело в душе нашей; в том и другом случае Господь видит и слышит воздыхания наши и благословляет труд души нашей.

Будем, други мои, молиться усердно. Молитва оправдывает себя пред нами, во славу Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Слово по освящении храма, возобновленного в Хрущовой Никитовке Н. Д. Хрущова

Дом мой дом молитвы есть (Лк.19:46).

Да благословит Бог радость празднующих обновление храма сего! Особенно же да благословит Господь благословением земным и небесным усердного обновителя храма. Труд его – труд любви к Господу, обновленный храм есть храм Божий. Труд его есть дело святой любви к ближним, обновленный храм есть дом молитвы для многих молящихся, молитвы, столько даров небесных низводящей на нас.

Прихожане храма сего! Если дом сей дом молитвы есть, то понятно, что ваш долг часто ходить в сей дом для возношения молитв к Богу. Не напрасно же создан, не напрасно с таким усердием украшен сей дом молитвы, он с тем обновлен и украшен, чтобы благолепие его возбуждало сердца ваши к усердной и благоговейной молитве.

Одно охлаждает в иных усердие к молитве, это – то, что не всегда видят исполнение желаний молитвы. Сделаем, что можем, чтобы отклонить это препятствие к молитве; рассмотрим почему молитвы наши иногда остаются бесплодными?

Апостол Иаков поучает, *желаете и не имате, зане не просите, просите, и не приемлете, зане зле просите, да в сластех ваших иждивете* (Иак.4:3–4). Здесь апостол показывает нам две главные причины, по которым молитвы бывают бесплодны. Они бесплодны бывают или потому, что не составляют прошений искренно молящейся души, или потому, что не того испрашивают, чего должно просить у Бога.

Когда, читая или слушая молитвы, почти не обращают внимания на то, о чем говорится в молитве, чего ждать от такого моления? Если сами не слышат, своей молитвы, услышит ли ее Бог? О! разве для того только услышит, чтобы излить гнев свой на преступное рассеяние молящегося. Иначе такая молитва есть. та молитва? Это – биение воздуха, а не трепетание сердца; это – звуки голоса, а не беседа души с

Богом; это занятие скорее нечестия, чем благочестия. О, бойтесь, други моя, такой молитвы. Если и люди не выполняют тех просьб, которые излагаются пред ними небрежно, можно ли ожидать, чтобы испытующий сердца исполнил молитву небрежную, невнимательную к величию Его? *Взыщите Господа Бога вашего, и обрящете, егда взыщете Его от всего сердца вашего и всея души вашей*, говорит пророк Божий Моисей (Втор.4:29).

Истинная молитва есть молитва любви. Бог есть любовь и в нас благоволить только к любви. Ненависть, зависть, вражда, мстительность, жестокость, не получают, чего просят, они – предмет негодования Божия. *Аще принесеши дар твой ко алтарю и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя, остави ту дар твой пред олтарем и шед прежде примирился с братом твоим и тогда пришед принеси дар твой* (Мф.5:23–24). *И егда стоите молящиеся, отпускайте, аще что имате на кого, да и Отец ваш, иже есть на небесех, отпустит вам согрешения ваша. Аще ли же вы не отпускаете, ни Отец ваш, иже есть на небесех, отпустит вам согрешений ваших* (Мк.11:25–26). *Иже затыкает утеса своя, еже не послушати немощного, и той призовет и не будет слушающего* (Притч.21:23).

Истинная молитва есть молитва смирения; молитва мечтательная о наших достоинствах и преимуществах – дело более чем бесполезное. Отчего фарисей остался в стыде, тогда как мытарь оправдан? Оттого, что фарисей говорил в молитве; несмы, якоже прочий человецы, или якоже сей мытарь, а мытарь бил в перси от сердечной горести, не смел поднять очей на небо и с сокрушением говорил, Боже, милостив буди мне грешному (Лк.18:10–14). Кто бы ни был вблизи тебя молящийся, берегись считать себя лучше его, страшись унижать его презрением и гордостью. Иначе молитва, вместо милости, низведет на тебя суд Божий. Бог гордым противится, смиренным же дает благодать.

Св. апостол учит молящегося, *да просит верою, ничтоже сумняся, сумняйся бо уподобися волнению морскому, ветры возметаему и развеваему. Да не мнит человек он, яко*

приимет что от Бога (Иак.1:6–7). И так, когда молимся без твердой веры, колеблемые сомнением в возможности исполнения молитвы нашей, сомнением порождаемым то холодностью души, то мыслью о чрезвычайности дела, как будто и есть легкое для нашей грешной души, не получим желаемого молитвою. Вследствие слабой веры не может быть в нас твердого упования на Бога, а между тем только упование не остается в стыде, – без упования, как сердце наше далеко от Бога, так и дары Божии, нисходя с неба, проходят мимо нас.

Вот случаи, в каких молитва наша может остаться без плода, оттого что она не есть истинная молитва по внутреннему своему свойству!

Молитвы наши могут быть еще нечисты и злы по предмету своему. Тогда также, хотя и будем просить, не получим по прошению.

Ищите прежде царствия Божия и правды его (Мф.6:33), заповедует нам Господь. Прежде всего и более всего должны мы просить о том, чтобы не лишиться нам царствия Божия, должны молить Бога о даровании благ, необходимых для блаженной вечности, о познании Бога, о прощении грехов, об усовершении в добродетелях, в любви, целомудрии, бескорыстии. Простодушные слушатели мои! да избавит меня Бог от того несправедливого суда, которым иные беспощадно осуждают вас за ваши жаркие прошения благ земных, за ваши молитвы о помощи в тяжких нуждах ваших. Если вы не опускаете того, чтобы прежде всего просить у Господа прощения в грехах и благодати Его, молитвы ваши о земном святы, и вы получите по прошению простых сердец ваших. Только помните твердо, что прошения благ земных тогда будут исполнены, когда вы не забываете вечности, когда более боитесь грехов, чем бедности, стараетесь творить правду Божию. Иначе подумайте, может ли Бог благоволить к молитве, когда предпочитают временное вечному, землю – небу, жизнь чувственную – жизни духовной?

Легко быть может с нами, что то, чего желаем, чего просим мы у Бога, нашему недальновидному взору кажется и очень нужным, и очень полезным – и что, однако, по своим

последствиям, которых не видим, не только не нужно нам, но готовит лишь скорби и искушение, лишь соблазн и горе. Хорошо, если, молясь о подобных вещах мы не забываем говорить, не моя, а Твоя, да будет воля, Господи! Иначе не оказываемся ли мы детьми своенравными и глупыми, которые с плачем и криком просят вредного себе? Брат мой! ты не доволен своею бедностью и настойчиво просишь Бога, чтобы послал Он тебе богатство, – а не видя исполнения этой мольбы, ропщешь на Бога? Одумайся. Знаешь ли ты, чем бы ты был по душе, став богатым? *Уты, утолсте, расшире, забы Бога спасающего*, так жаловался пророк на счастливого Израиля. Чем ты уверишь себя и меня, что и ты не был бы тем же при богатстве? Не укажешь ли на твердость твою в добре? Если так, то эта гордость – верная порука, что ты в счастье был бы скотом несмысленным. На что же ты ропщешь? Не на то ли, что ты по милости Божией, еще не так худ, как мог бы быть? Иному не удаются попытки и хлопоты его выйти из стеснительных обстоятельств. О, если бы в глубине души своей хранил он евангельскую мысль, что тесный путь – надежный путь к царствию? Он благодарил бы Господа за путь, которым ведет его Господь. Вы, отец и мать, неутешно плачете, что не возвратил Бог здоровья умиравшему сыну, умиравшей дочери. Но знаете ли вы наверное, что ваши сын и дочь, спасенные от смерти, не нанесли бы вам скорбей самых тяжких, а под конец не погубили бы себя для вечности? Можно ли перечесть все случаи, когда ничем так жестоко нельзя было бы наказать нас, как если бы Бог выполнил наши молитвы? Будем же осторожны, не будем слишком настойчивы в мнениях и желаниях наших, по-видимому, безгрешных и умных.

Говорить ли о тех молитвах, когда молится о предметах, явно нечистых, явно грешных? Иные, молясь Богу о богатом урожае хлеба, во время самой молитвы тешат себя грешными мечтами, как бы они зажили тогда, как бы они стали сладко есть и пить, как бы стали важны пред другими. Не улика ли в нечистотах сердца такая молитва? Не хула ли она на Бога, как будто Он может угождать страстям нашим? Иной, обуреваемый дикою злобою, молит Бога, чтобы послал Он ему случай и

возможность отмстить врагу своему. Другим овладела зависть до того, что просит он Бога расстроить счастье соседа. Как страшна всякая подобная молитва! Это молитва сатаны, которого ждет геенна. *Егда прострете руки ваши ко Мне, говорит Господь нечестивым, отвращу очи Мои от вас, и аще умножите моления, не услышу вас, рuce бо ваши исполнены крове (Ис.1:15).*

Итак, вы видите, слушатели, что если молитвы наши бывают бесплодными, то это зависит от нас же самих. По тому безуспешность молитв наших вызывает нас не на бездействие молитвенное, а на заботы о молитвах святых и богоугодных. Будем молиться так, как велено нам молиться, и тогда каждая молитва наша будет услышана, во славу Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Слово по освящении храма, в городе Сумах

Дом мой, дом молитвы есть (Лк.21:46).

Дом молитвы готов. Слава Всеблаговому и вседействующему! Боже Отцев наших, Боже милостивый и щедрый! В доме, освященном Тобою для молитвы, молим Тебя, призри на веру и любовь благоуукрашивших сей дом Твой; по вере в Твою благодать, не отвергающую и малых даров любви к Тебе, и по любви к братьям молящимся и имеющим молиться в доме молитвы, благоустроен храм сей; прими жертву сугубой любви с любовью и воздай дарами щедрой милости Твоей!

Дом молитвы готов, братья! надобно молиться в нем о себе и о других. Но как молиться? Если и апостолы молились, «Господи научи нас молиться» (Лк.11:1), как нам не позаботиться о том, как должно нам молиться? Размыслим о качествах истинной, богоугодной, молитвы.

Св. апостол учит, «надобно, чтобы приходящий к Богу веровал, что Он есть и что Он ищущих Его вознаграждает». И так молитва, как возношение ума и сердца к Богу, должна быть совершаема не иначе, как с верою. «Без веры невозможно угодить Богу», говорит апостол (Евр.11:6). «Чего вы испугались, маловеры? Где вера ваша?» упрекал Спаситель апостолов на море (Мф.8:26; Лк.8:25). Ни о чем так не радовался Господь Иисус, как о вере, и для веры совершал чудеса. «Ни во Израиле не нашел Я такой веры», говорил Он о капернаумском сотнике (Мф.8:10). «Вера твоя спасла тебя», говорил Он жене (Лк.7:8). «По вере вашей да будет вам», говорит Он слепцам (Мф.9:29). Так необходима вера для ищущих помощи небесной. В последней беседе своей с учениками, Спаситель, открывая тайны царствия, говорил им, «истинно, истинно говорю вам, о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам. До ныне вы ничего не просили во имя Мое; просите и получите» (Ин.16:23–24). Видите, было время для апостолов, когда они, не вполне, понимая божественное достоинство и значение искупителя в лице Христа Иисуса, не совершали молитвы во имя Господа Иисуса. Но благий Господь вразумляет их, а в лице их и всех

людей, как должно молиться, чтобы молитва была услышана на небе. По наставлению Спасителя, надобно молиться во имя Его – Сына Божия и искупителя нашего, надобно молиться с верою в Его великое имя. Так и поступает церковь. Так велит она и нам молиться. Вы слышите в храме, диакон возглашает, «Господу помолимся», певцы отвечают, «Господи помилуй». Что значит эта молитва? К кому обращена она? Она составляет исполнение заповеди Господней о молитве во имя Господа Иисуса; это – образец молитвы, составившийся по наставлению Господа. Это – молитва самая превосходная по содержанию, самая лучшая по составу. В чем состоит все христианство? В глубоком, постоянном, сознании нашей виновности пред Богом, в глубоком чувстве нужды в искупителе и Его благодати. Потому должны мы вопиять душою, «помилуй нас Иисусе, Сине Божий, помилуй нас преступных и нечистых, покрой нас безответных грешников от суда правды небесной». В ином виде церковь учит нас так молиться, «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных». Эта молитва ничто иное, как пополнение молитвы, «Господи помилуй». Не дивно, что молитве Иисусовой, или молитве к Иисусу, присвоится необыкновенная сила. Для нее нет врагов непобедимых, для нее нет препятствий непреодолимых, так должно быть по словам Господа о молитве в Его имя. Так и говорят те, которые опытами целой жизни дознали важность сей молитвы. Иному быть нельзя, и потому, что слову апостола, имени Господа Иисуса покорено все и на небе и на земле, пред Ним преклоняется «всякое колено небесных, земных и преисподних» (Флп.2:10).

Молитва наша должна быть молитвою сердца, молитвою искреннею и усердною. Что за молитва, когда ум рассеян по множеству предметов мира, а в сердце толпятся разные желания мирские? Что за молитва, когда молящийся сам не понимает, что он делает? С негодованием говорит Господь о таких молитвенниках, *приближаются ко Мне люди сии усты своими и устами чтут Мя, сердце же далече отстоит от Мене. Всуе же чтут Мя* (Мф.15:7). Истинная молитва должна быть усердною молитвою, которая исходила бы из глубины

души. И люди недовольны бывают, когда замечают, что просят их неискренно. А Бог есть сердцеведец и благоугождается дарами сердца. Он принимает от нас наружные коленопреклонения и поклоны, но тогда, когда они бывают выражением сердечных чувств наших или возбуждают сокрушение. Молитвы святых были воплем души. Возопи Моисей ко Господу, говорит писание (Исх.17:4), *возопи*, т.е. воззвал душою и со всем усилием души. Точно также говорится о молящемся Илие, *возопи Илия ко Господу* (3Цар.17:20). Как молилась пророчица Анна, когда была услышана Господом? *И та умилена душою и помолися Господу и плачуци проплака* (1Цар.1:10). Какова была молитва Давида? Псалом его поет, *из глубины воззвах к Тебе, Господи, услыши глас мой* (Пс129:1). Развлечение души во время молитвы бывает и следствием порчи души, столько склонной увлекаться впечатлениями чувственными. Чтобы укротить в себе эту склонность, надобно держать душу пред лицом Бога всесвятого и грозного для грешников, надобно молиться о даровании духа молитвы. Бывает, что мы стоим рассеянные на молитве и оттого, что слишком скоро перешли от житейских занятий к молитве; тогда житейские помыслы и заботы не оставляют души, во время молитвы, так как не готова она вовсе к молитве. Потому *прежде даже не помолитися, уготови себе, и не буди, яко человек искушая Господа* (Сир.18:23). Легкомыслие также рассеянно молится. Пусть оно твердо помнит, что христианин должен служить Богу всеми силами, и что *проклят творяй дело Господне с небрежением*.

Молитва наша должна быть смиренная и благоговейная. Стоя на молитве, или молясь внутренно, должны мы устранять всякий помысел самомнения, всякую мысль о своем достоинстве, всякое чувство самоуслаждения. Молитва – беседа души с Богом. Но кто Бог и кто мы? Он – святость всесовершенная, мы – грех; Он – Господь всемогущий, пред которым трепещут ангелы; а мы – нищие и больные, слепые и нагие, пыль и та смрадная (Откр.3:17). Как же нам молиться без смирения и трепета? Смирение в молитве необходимо и потому, что с мыслью о едином Спасителе нашем не примирило

никакое надеяние на себя, никакое мечтание о своем достоинстве и заслугах. И как христианину являться пред Богом с какою-либо гордостью в сердце после того, как в притче о мытаре и фарисее Господь осудил молитву мечтательного фарисея и прославил молитву смиренного мытаря? *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать*, учит апостол (Иак.4:6). Так, слушатели мои, эта гордая поступь, это высокомерное чело, эти взоры презрения к бедности, с которыми иные являются в храме молитвы, вовсе неприличны молящемуся; они призывают гнев Божий. Нет, братия, поучимся молитве у этих нищих, что стоят у порогов храма Божия, или у дверей дома нашего. С каким смирением, с каким унижением стараются они возбудить в нас сострадание к ним! А это – братия наши; это не то, что мы пред Богом нашим.

Молитва истинная, как молитва усердная, не может быть молитвою временного порыва сердечного; она – молитва постоянная.

Искреннее усердие твердо сражается с препятствиями и не отступает от цели, прежде чем достигнет ее. Точно так и усердная молитва. Она продолжает подвиг свой днем и ночью, прилагая труды к трудам. Она стучится в двери милосердия Божия неотступно, хотя бы долго не отворялись они. С одной стороны, как плод глубокого сознания немощей своих, она не может считать труда своего конченным когда либо, чтобы говорить, довольно, долг выполнен, более не нужно молиться. С другой стороны глубоко, благоговей пред величием Божиим, она верит и исповедует, что пути Божии – не то, что пути человеческие; их не измерит человек, у Господа Бога могут быть причины, по которым Он то для нас самих, то для других подобных нам, может надолго оставить без исполнения желания наши. По той и другой причине она молится долго, пока не угодно будет Господу явить свою волю.

Говорят, Господь запретил долгие молитвы, когда сказал, *моляшеся, не лишше глаголите, яко же язычници, мнят бо, яко во многоглаголании своем услышаны будут* (Мф.6:7)? Да, Господь запретил долгие молитвы. Но какие? Те, которые совершают язычники. Он говорит, *не лишше глаголите, яко же*

язычницы. Он объясняет и то, почему многословие язычников не умно. *Мнят бо, яко в многоглаголании услышаны будут.* Язычники верили, что боги их слишком далеки от них и бывают очень обременены делами, так что не слышат, что говорят им молитвенники их, почему необходимо умножать слова молитвы, чтобы боги могли наконец услышать молитву. Вот какие мысли о Божестве запрещает иметь Христос Господь! Вот какие многосложные молитвы осуждает Он! Но не запрещает, а заповедует Он долгие молитвы душе правоверующей, как плод её смиренных мыслей о себе самой, как плод её благоговения к воле премудрого, как дело усердия к Богу сердец наших. Чтобы видеть ясное учение Его о долгой молитве души правоверующей, вспомните притчу Его о неправедном судье, который удовлетворил вдове просительнице, только по её неотступной просьбе. Что сказал Господь в объяснение сей притчи? Слышите, сказал Он, что судия неправды глаголет? *Бог же не имать ли сотворити отмщение избранных своих, вопиющих к Нему день и ночь долготерпя о них (Лк.18:7)?* Вспомните еще притчу Его о друге, который сперва было отказал исполнить просьбу друга, а потом исполнил ее, собственно, потому, что друг просил неотступно. *И Аз вам глаголю, присовокупил Господь, просите и дастся вам, ищите и обрящете, толцые и отверзется вам (Лк.11:8).* Точно так и апостол Христов учил, «в молитве будьте постоянны и бдительны с благодарением» (Кол.4:2). Итак, видите, долгая молитва язычника осуждается, потому что она есть плод несправедливых мыслей о Божестве, будто не знающем нужд наших помимо долгой молитвы. Долгая молитва душе правоверующей предписывается, как дело святое, так как она, не допуская языческой мысли о Боге, льется пред Богом, как дело глубокого смирения пред Богом, очищающего нечистоты сердечные сокрушением и слезами, как плод твердой надежды на Бога, бодро ожидающей посещения Божия, когда бы ни случилось оно.

Так, братия, должны мы молиться Богу! Молитва наша должна быть молитвою веры в Бога и Господа Иисуса. Мы должны молиться искренно и усердно, не развлекаясь

помыслами и заботами мирскими. Должно молиться с глубоким смирением и благоговейно. Наконец молитва наша должна быть постоянною и неотступною. Такова молитва угодная Господу, которому слава – ныне и во веки. Аминь.

Слово по освящении храма в честь пророка Илии в городе Сумах

Дом Мой дом молитвы есть (Лк.19:14).

Благословен Бог! Храм, так давно ожидаемый, так долго не оканчивавшийся по бедности прихожан, наконец окончен.

Благословен Бог! Благодатию Святого Духа освящен храм сей, дабы быть ему святилищем таинств, училищем благочестия, домом молитвы!

Благословенны рабы Божии, содействовавшие созданию дома Божия приношениями великими и малыми, из которых каждое принято и оценено достойно благим и всеведущим. Сугубое благословение Божие да осенит показавшего и заботами, и приношениями особенное усердие при построении храма сего.

Братия! дом Божий, дом молитвы так заботлив о назначении своем для молитвы, что, в чине служения его, указывается предстоящим в нем и на предметы молитвы. Последуем ревности его к молитве. Размыслим, о чем мы должны молиться? И для храма, и для нас нужно осветить словом Божиим предмет святой молитвы.

Что дороже всего для человека, как не вечное спасение души? Для чего сходил Сын Божий на землю, если не для спасения душ наших? Душа наша так высока по-своему богоподобию, по качествам бессмертного духа своего, что ничто земное не равняется ей. Она так дорога, что на весах правды Божией целый мир оказывается легче её. «Что пользы человеку, говорит Господь, если он приобретет весь мир и потеряет душу свою?» (Мк.8:36). Так самым первым предметом молитвы нашей должно быть спасение души. Ищите прежде царствия Божия и правды его, и сия вся, все нужное для земной жизни, приложатся вам (Мф.6:33), так учит нас Сын Божий. Чего прежде всего, по наставлению Господа, должны искать мы, о том, без сомнения, прежде всего должны мы и молиться. поскольку же Господь говорит нам, *царствие Божие внутри вас есть* (Лк.17:21) и, следовательно, царствие Божие – тоже, что

спасение души, то понятно, что Сам Господь заповедует нам прежде всего молиться о спасении души.

Что препятствует спасению души нашей? Грехи наши, наша виновность пред Богом. Грехи удаляют нас от Бога, грехи выставляют нас предметом гнева Божия, с грехами своими – мы гнусность пред Богом. Как же нам не молиться о прощении грехов? Боже милостив буди мне грешному, должен взывать каждый с мытарем, и с Давидом кающимся должен повторять, *по множеству щедрот Твоих счисти беззаконие мое* (Пс.50:3). Правда Божия не может простить грешника, не востребовав удовлетворения за вины. Но тогда, как «все мы лишены славы Божией», Бог Отец предложил Сына Своего «в жертву умиловления, чрез веру в кровь Его, чтобы показать правду Свою в прощении грехов» (Рим.3:23,25). Итак, мы можем надеяться на прощение грехов не иначе, как при вере в Христа Господа, нашего искупителя. Вере в Христа Господа готово прощение. Беззаконий моих много, их больше, чем волос, на голове моей, виновность моя тяжка, ничего нет у меня, бедного грешника, чем мог бы я загладить ее, но Отец небесный! *се агнец Божий вземляй грехи мира* – распятый Сын Твой (Ин.1:29); на Него надежда моя, в Нем – защита моя, для веры в Сына Твоего прости грехи мои! Слушатель мой! как бы много ни было у тебя грехов, молись с верою в Сына Божия и грехи твои простятся. В этом уверит тебя не человек, а посланник Божий, апостол. «Если бы кто согрешил, говорит он, то имеем ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, праведника. Он есть умиловление за грехи наши, и не только за наши грехи, но и за грехи всего мира» (1Ин.2:1–2).

Грех не только обвиняет нас пред правдою Божией, но он испортил душу нашу; мы так расстроены им, что не способны творить волю Божию, как бы следовало творить. Только благодать Духа Святого может исцелить нас больных. И так после прощения грехов должны мы молить Отца небесного о даровании благодатной помощи душе нашей. *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей; не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего святого не отыми от Мене*. Так молился Давид; так должен молиться

каждый из нас. Велик дар Божий – благодать Духа Святого, а мы столько недостойны милости Божией! но и здесь в помощь нам вера в Господа Иисуса. Господь, идя на крестную смерть, говорил, *аще не иду, Утешитель не приидет к вам; аще ли же иду, пошлю Его к вам* (Ин.16:7). Он умер на кресте и послал людям Духа Святого после того, нет места безнадежно относительно благодати исцеляющей. Сын Божий, еще до креста знавший волю Отца небесного о Духе благодати, – говорил последователям своим, *просите и дастся вам. Аще вы, лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец, иже с небесе, даст Духа Святого просящим у Него* (Лк.11:13). И так просите благодати Божией, просите во имя Сына Божия, и она дастся вам, для исцеления душ ваших.

«Пока живем мы в теле, учит апостол, мы устранены от Господа (2Кор.5:6). Мы не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» (Евр.13:13–14). Коль скоро душа наша успокаивается тленными вещами мира сего и не стремится к вечности, она уклоняется на распутья греха, обояния мира запутывают ее в неправды и беззакония. «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим.7:24). Так взывал даже апостол. Это значит, что полная свобода от нападений греха последует только за гробом для самого подвижника Божия. Как же не воздыхать нам о вечности? *Вышних ищите*, убеждает нас слово Божие, *идеже есть Христос, – горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол.3,1–2). Так мы должны молить Господа, чтобы не лишил нас покоя в вечности. *Да приидет царствие Твое* (Мф.6:10), так повелел молиться Господь наш. Будем взывать с разбойником кающимся, *помяни нас, Господи, егда приидеши во царствии Твоем*.

Должны ли мы просить у Бога благ земных? К одному великому старцу пришли за наставлениями два брата, имевшие несчастье увлечься учением евхитов, тех, которые считали грехом заниматься чем либо, кроме молитвы о спасении души. Старец трудился с учениками, обрабатывая сад, когда пришли те молитвенники; он усердно продолжал копать землю и тогда, как те стояли, ожидая наставлений. Поработав довольно

времени, старец с учениками пошел в трапезу, ничего не сказав пришедшим. Говорили, что он великий старец, а он не знает и долга покоить странных, рассуждали между собою пришельцы, и неудовольствие свое на старца передали некоторым из учеников его. Простите меня, братия, сказал старец молитвенникам; я не пригласил вас в трапезу оттого, что вы все молитесь. Тогда пришедшие поняли свое заблуждение. Так, други мои, заботясь о спасении души, мы не должны оставлять в пренебрежении нужды земной жизни, а должны молить Господа и о благах земных. Земные блага нужны нам как способы для продолжения земной жизни и как средства для спасения души. Земную, телесную жизнь велено нам беречь, а не убивать ее; потому должны мы просить у Господа и способов к её поддержанию и продолжению. Земные блага оказывают нам различную помощь в спасении души, то, как средства для благотворения ближним и для внешнего богослужения, то, как успокоение в немощах наших, по временам слишком тяжелых и опасных для слабой души нашей. Все ли равно для нас, живем ли в такое время, когда благорастворенный воздух разливает жизнь в природе физической и в теле нашем, или тогда, как зараза кладет в гробы сотни братьев и сестер наших? Все ли равно, страдают ли от Голода дети и старцы, люди и животные, или обилие плодов земных вызывает из сердец благодарения Отцу небесному? Все ли равно, опустошает ли война города, села, страны, или под сенью мира люди покойно занимаются делами звания своего? Кажется, ответ не затруднителен. Сам Господь наш, вместе с тем, как велит нам молиться о прославлении имени Божия, об исполнении воли Его, о появлении царства небесного, наставляет нас так молиться, *хлеб наш насущный даждь нам днесь, и избави нас от лукавого*, или от всякого бедствия. Апостол Павел говорит, *молю прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, – да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте* (1Тим.2:1–2); апостол учит молиться о том, «дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте». поскольку же известно по опытам, что земные блага затрудняют нас на

пути ко спасению и это бывает особенно тогда, как их у нас много, то, испрашивая их у Господа, должны мы ограничивать желания наши необходимым и полезным для вечности; должны просить их, как просил мудрец Божий, *богатства и нищеты не даждь ми, устрой же ми потребная и самодовольная, да не насыщуся ложь буду и реку, кто мя видит? Или обнищав украду и клянуся именем Божиим* (Притч.30:8–9).

Отче небесный! да святится имя Твое во всех делах наших! Аминь.

Слово по освящении кладбищного храма, в городе Сумах

Дом Мой дом молитвы есть (Лк.18:48).

Благодарение благодати Божией, освятившей себе новое жилище! Как не радоваться о Господе, как не благодарить Его, когда, по Его милости, среди людей грешных водворяется Божий дом? Как не радоваться о Господе, как не хвалить Господа, когда для людей немощных и слабых открывается сокровищница благодати, храм милости и чудесных сил? И если молитве представлено подучать небесную помощь, а без помощи благодати мы ничего не можем делать доброго, как не радоваться, когда дается нам дом молитвы?

Где сей новый дом молитвы? На кладбище мертвых. Да воздаст Господь милостью своею строителям сего храма. Ибо где молящийся скорее может отрешаться мыслями от земного и легче возноситься с надеждами к небу, как не на месте смерти и тления, как не на гробах – безмолвных проповедниках о суете всего земного? Новый дом Божий, новый храм молитвы построен и освящен на кладбище мертвых, конечно, с видами и для умерших. Радоваться ли и о том нам? Вы понимаете, слушатели, что вопрос касается того, святы ли, законны ли молитвы за умерших? Займемся же решением сего вопроса.

Должно ли любить усопших? Свята ли любовь к ним, если бы она была в нас? Без сомнения, скажут все, должно любить усопших и – скажут правду. Ибо кто для нас усопшие? По вере во Христа, по происхождению от единого Творца, они братья наши. Один у нас с ними Отец небесный, одно отличие – образ и подобие Божие, один Спаситель наш – Господь Иисус, один воссоздающий Дух благодати – Дух утешитель, одно крещение, одна вера; все у нас с ними одно, точно так как и с живыми людьми. Как же не любить нам усопших, также как и живых? Возлюбити ближнего твоего, якоже сам себе, говорит заповедь. Заповедь не говорит, люби ближнего твоего, пока он живет на земле. Она не ограничивает любви нашей землею. Нет, любовь, заповедуемая заповедью Божией, безгранична и

всемирна, почему не исключает она из своей области и усопших.

Если же свята любовь к усопшим, то свят и лучший плод любви – молитва за усопших. Называем молитву за усопших лучшим плодом любви и не думаем, чтобы мог кто-либо оспорить справедливость мысли нашей. Знаем, что люди, которые отказываются от молитв за умерших, признавая святость любви к усопшим, в знак и выражение сей любви, приносят на гроба умерших цветы, ставят памятники и творят другое тому подобное. Но подумайте, – и вы согласитесь, что все эти плоды к ближним, все эти знаки уважения к ним очень бедны, чтобы не сказать пусты. Цветами осыпали гроба умерших и язычники; памятники над умершими ставили и язычники. Ужели христианство так бедно, что у него нет ничего лучшего, ничего более высокого и полезного для усопших в сравнении с язычеством? И как не согласиться с тем, что молитва сердечная, молитва веры далеко выше всех земных приношений, благоуханнее всех роз земных, дороже всех памятников мраморных? Отчего же, принимая малозначащие знаки любви к усопшим, отвергают более достойный, более значительный знак любви – молитву? Не потому ли позволяют себе эту странность, что слабо верят в жизнь преставших жить на земле? Да, при слабости веры в бессмертие, естественно, ставить памятники над умершими, как только память о былом. Точно также при живой вере в бессмертие преселившихся с земли не естественно ограничивать любовь к ним одною памятью о былом не естественно не дышать желаниями добра для них, не естественно возносить молитвы о их покое, о их счастье, о прощении грехов их. Итак, видите, слушатели мои, что молитва за умерших столько же естественна, душе нашей, сколько естественно нам любить ближних и только тогда молитва за умерших может быть чужда любящей душе нашей, далека от нее, когда в душе, с сознанием или без сознания, слаба вера в жизнь за гробом. Поймите же, какое странное, какое дикое положение души, не молящейся за умерших!

Угодна ли Богу молитва за усопших? Может ли она приносить им пользу? Прежде, чем станем отвечать на этот

вопрос, сделаем замечание на прежде сказанное. Мы допускаем святость молитвы за усопших, как святой плод любви к ближним. Потому мы простираем пределы молитвы за усопших дотолѣ, доколе может простираться святая любовь к ближним. Таким образом, если Спаситель сказал и о живых, *аще и церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь* (Мф.18:17), т.е. запретил иметь общение с преслушниками церкви, то и с умершими в таком положении, без сомнения, нельзя иметь общения любви, не законно приносить молитву за них. Свято ли – любить врагов Божиих? Нет. Потому не должно молиться за врагов Божиих, живут ли они на земле, или за гробом. Отселе понятно и то, что молитва за некоторых усопших, – за умерших во вражде с церковью и Богом, без упования на жизнь вечную, не может принести им пользы, как молитва противная Господу. Исключая же умерших такого рода, имеем ли мы право сомневаться в спасительном действии молитвы для умерших – в вере и покаянии? Где основание сомнению? В Боге? *Бог наш несть Бог мертвых, но живых, вси бо тому живи есмы* (Лк.20:38). Он благий всем желает спастись – и по благодати Своей, не отвергает смиренной мольбы нашей за других. В нас молящихся? – Сами по себе мы точно не в силах сделать доброе и для себя. Но, молясь за умерших, мы предлагаем пред правосудием Отца небесного крестную жертву Сына Его, всегда сильную и действенную; не ради наших молитв просим мы простить усопших братьев наших, а для вечного ходатая и Спасителя нашего. Почему же молитва наша за усопших не может иметь надежд на успех? Потому ли, что за гробом перемена участи невозможна? Сами умершие, конечно, ничего не в состоянии сделать – для себя, так как время подвигов для них кончилось. Но церкви воинствующей на земле даны дары благодати, для нее жив Искупитель со своею жертвою; и если слугитель тайны приносит эту жертву, то за себя ли, или за других, за живых ли или за умерших, приносит он ее, – она не может быть бессильною, она всесильна. Еже аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю (Ин.14:13) сказал Сын Божий.

Не понятно, говорят, как действие молитвы может простираться так далеко, из одного мира в другой, из видимого в невидимый? Но столько же не понятно для разума и действие молитвы человека живущего за другого живущего, однако, эта молитва несомненно оказывает свое действие. Не понятно и то, как молитва оказывает действие, когда приносится за отсутствующего на море или на суше, однако, она оказывает действие. Не понятно, как молитва наша не остается бесплодною, когда испрашиваем для другого духовных благ, – прощения грехов, укрощения страстей, преспеяния души в вере и благочестии. Однако мы верим и по опытам знаем, что эта молитва достигает своей цели. Две души, каждая со своею свободою, со своим образом мыслей, со своими склонностями, не два ли отдельные мира, тем более что ограждены они телами? Как же молитва одной простирает свое действие на другую? Если допускаем мы, что, не взирая на отдельное существование живых людей, молитва одного за другого не остается без действий, то не имеем права отвергать, что не взирая на расстояние мира видимого от невидимого, загробного, – молитва мира земного может оказывать действие свое над миром, отделившимся от земли.

Говорят, где заповедь о молитве за умерших? А мы спрашиваем, где запрещение молиться за умерших? Запрещения такого никто не полагал, ни пророки, ни апостолы, ни Спаситель. Если люди выдумывают от себя такое запрещение, не дерзость ли это преступная? Требуют заповеди о молитве за умерших? Что такое заповедь вообще? Заповедь Божия – тоже что воля Божия. Значит вопрос о заповеди иначе может быть выражен так, есть ли воля Божия на то, чтобы живые молились за умерших? Или угодна ли Богу молитва за умерших? В таком виде вопрос, очевидно, очень легок для решения. Если угодна Богу любовь наша к ближним, в том числе и к усопшим, то угодна ему и молитва за усопших, как плод чистой любви нашей к ним. Дело ясное! Требуется ли еще подкрепление вере в благоволение Божие к молитве за умерших? Указывает на то, что нам прямо заповедано молиться за других. Так апостол Иоанн пишет, *аще кто узрит брата*

своего согрешающа грех не к смерти, да просит и даст ему живот, согрешающим не к смерти. Есть грех к смерти, не о том глаголю, да молится (1Ин.5:16). Видите, апостол повелевает молиться за согрешающих грехами не смертными, не ограничивая молитвы живыми людьми. Видите, он запрещает молиться за некоторых. Но за умерших ли? Нет, – он запрещает молиться за грешника отчаянного и безнадежного, за грешника-мертвеца по душе, кто бы он ни был, живой ли или умерший. Видите, какой плод обещает он молитве за другого? Да просит, говорит он и даст ему живот. Молитва дает жизнь согрешающему не к смерти, кто бы он ни был, живой ли или умерший телом. Таково учение апостольское!

После сего понятно, что если предание Ветхого и Нового Завета учит нас молиться за умерших; то оно выражает только мысли божественного откровения. Таким образом сын Сирахов пишет, *благодать даяния пред всяким живым да будет и благодать над мертвецом не возбрани (Сир.7:36).* Что это значит? Если благодать даяния примем за дар алтаря, то слова: *над мертвецом не возбрани* – будут значить, принеси жертву за умершего. Если же благодать даяния означает благотворение бедному, то тогда сын Сирахов повелевает, подай милостыню, в память усопшего. В том и другом случае основная мысль одна и та же и именно та, что живущий может и должен творить полезное для усопшего. Книга маккавейская говорит об Иуде Маккавее, *преподобное и благочестивое помышление име, сотвори моление за умерших, яко да от греха очистятся (2Мак.12:46).* Это благочестивое помышление, это благочестивое дело не было частным делом благочестивого Иуды, предложение принести жертву за умерших было сделано Иудою начальником народа, сделано в сонме сподвижников его и выполнено всенародно. Следовательно, все лучшие современники Иуды, каковы были сподвижники Иуды, вся церковь иудейская того времени признавали молитву за умерших делом святым. Что касается до христианской церкви, то с того самого времени, как образовалось в ней общественное богослужение, т.е. с самых времен апостольских, молитва за умерших была существенною частью сего богослужения. Св.

Златоуст пишет, «не напрасно установлено апостолами, при страшных тайнах, творить воспоминание об отшедших из сей жизни, апостолы знали, что от сего бывает им великая польза» (Толкование на послание к филлипийцам, беседа 1). Св. Кирилл иерусалимский уже объяснял в чине литургии моление за усопших. «Потом воспоминаем, говорит он, и о преставившихся отцах и епископах и вообще о всех прежде нас почивших, веруя, что великая будет польза душам, о которых моление возносится тогда, как предлежит святая и страшная жертва. В этом хочу уверить и примером. Ибо знаю, что многие спрашивают, какая польза душе, с грехами ли или без грехов отходящей от мира сего, если понимается она в молитве? Если бы царь послал оскорбивших его в заточение, а ближние их, сплетя венок, принесли бы царю за наказываемых, не сделал ли бы царь облегчения в наказании? Точно так и мы за усопших, хотя они и грешники, приносим Богу молитвы и не венок сплетаем, а приносим Христа, закланного за наши грехи» (Поучение 5, § 9–10). Вот еще и соборное правило о том же. Карфагенский собор четвертого века грозит отлучением всякому, кто стал бы отказываться от приношений за усопших или творил бы их с неохотою (пр. 95).

Слушатели мои! приходите же чаще в храм сей для поминовения усопших. Вы тем будете творить дело любви, угодное Господу; вы тем будете приносить покой и облегчение душам братьев и сестер ваших. Совершая же дело любви к ближнему, вы и себе будете приобретать необходимое для вечности умножение любви к Господу и ближним, чистый взор на земное и на жизнь за гробом.

Бог живых и мертвых да славится во всех нас, во веки веков. Аминь.

Слово по освящении храма в честь Божией Матери, в Ахтырском монастыре

Тебе благодарение, благий утешитель наш, благоволившему освятить сей жертвенник для возношения молитв наших с земли на небо! Истинно высокая милость Божия для нас, слушатели, что мы немощные и нечистые можем приближаться к всесвятому с нашими нуждами и просить Его всесильного о помощи. Благодать Божия так велика к нам, что не только удостоивает нас чести беседовать с величием беспредельным, но благоволит и исполнять, чего просим мы в молитве. Если при том только молитве чистой и святой предоставлено получать, чего просит она, это весьма естественно. Но часто ли бывает у нас молитва чистая, достойная величия Божия? То чувствуем мы холодность к молитве и остаемся без молитвы в сердце; то совершаем молитву не с таким усердием, с каким надлежало бы совершать ее. Что делать нам бедным, чтобы была в нас молитва угодная Господу? Какие меры надобно нам принимать, чтобы возбуждать и поддерживать в себе богоугодную молитву?

О чесом помолимся, якоже подобает, не вемы, но сам дух ходатайствует о нас воздыхании не изглаголаннскими (Рим.8:26). Так учит учитель языков. Если бы св. Павел сказал, вы не знаете, о чем, и так молиться надобно, то еще можно бы было думать, не относит ли он слов своих к тем, к кому пишет свое послание, не изображает ли он только частного их состояния. Но он говорит, не вемы, о себе и подобных ему говорит печальную весть. Значит, что и самые лучшие, самые высокие в жизни духовной, люди, каков св. Павел, не знают ни того, о чем надобно молиться, ни того, как надобно молиться. Общие предметы молитв показаны в молитве Господней, но что из этих общих нужд более нужно для души подвижника Божия, в известное время, этого не знает он. Ап. Иаков сказал нам, что значит зле молиться (Иак.4:3). Но точно ли не обратится в пищу, страстей моих то, чего прошу у Господа, того не знаю; знаю, что искренним сердцем надобно молить Господа, но точно ли

искренно молюсь, не ведаю. Что ж остается делать нам бедным? Остается просить помощи свыше; остается просить того Духа Утешителя, который один может даровать нам Дух благодати способный ходатайствовать за нас вздыханиями неизглаголанными. При Его помощи, подобно ветке, питающейся соками лучшей виноградной лозы (Ин.15:10), можем изливать самые чистые моления пред Всевышним. Он есть Дух истины, способный наставить на всякую истину (Ин.14:26); Он есть Дух чистоты и святости, способный дать силы для всего святого; Он есть Дух благий, готовый на помощь к нам, при каждом вздохе нашем. Вот почему св. церковь всякое моление свое, утреннее и вечернее, всякую молитву о частных и общих нуждах, начинает молитвою к утешителю Духу. – «Царю небесный утешителю Душе истины, говорит она, прииди и вселися в ны и очисти ны от всякие скверны». Так прежде всякой борьбы с холодностью нашею к молитве, с нашим бесчувствием и рассеянностью, должны мы обращаться с молитвою к Духу Святому, дабы Он вдохнул в бездыханную душу дух жизни и силы, просветил темный ум наш светом своим, согрел холодное сердце наше теплотой своею, дал силу ленивой воле для молитвы искренней и чистой. Это первое дело, чем должен начинаться расчет с холодностью нашею к молитве.

Затем, начиная молиться, твердо помни, к кому ты приступаешь, к кому, являешься на лице, кого хочешь просить за себя. Молитва есть возношение мысли и сердца к Богу, есть беседа души с Богом. Итак, приступая в молитве, ты являешься пред неприступное величие Того, Коего имя велико и страшно (Пс.98:3); ты приближаешься к Тому, Кто есть *огнь поядаяй* для всего нечистого (Евр.12:29); ты входишь в общение со всесвятым и праведным – с Тем, Кто отвращается всякой неправды и лжи сердечной (Пс.5:5), гнушается *мужа кровей и льсти* и только кто богочец есть, того послушает (Ин.9:31). Как же явиться к Нему с душою полною суетности и нечистоты и без всякого страха за себя? Если бы ты был и ангел, по чистоте жизни, если бы ты, приступая к молитве, и ничего тяжкого не чувствовал на совести твоей, и тогда ты должен помнить, что

самые ангелы трепещут пред величием Божиим, и в них зоркое око Его видит нечто стропотное, а мы кто таковы? Грешники от колыбели до гроба. Бедный брат мой! ты, который так беспечноходишь в храм молитвы, опомнись, куда тыходишь? *Работайте Господеву со страхом и радуйтесь Ему с трепетом*, говорит нам неложное слово Божие (Пс.2:11). Тыидешь в храм, чтобы явиться предлице Божие и служить пред Ним. Опомнись, каков ты и каким должен быть! Мысль о безграничном в своей святости и силе не должна ли пробудить тебя от привычной твоей рассеянности, бесчувствия, беззаботности о себе, не должна ли заставить тебя трепетать и страшиться, пасть в смирении и сокрушении пред Ним – Богом правды?

Если и сего мало для черствого сердца твоего; если и мысль о величии Божиим не довольно располагает холодность твою к молитве, не довольно поддерживает усердие к труду не ленивому, подумай еще о том, чем остаешься ты, оставаясь без молитвы, и что может доставить тебе усердная молитва? Все мы – бедные грешники, ни к чему негодные, без благодати Божией; все мы грешники безответные пред судом правды Божией. Молитва – простертая десница, которою приемлем мы помощь свыше, силу против немощей наших, прощение, в неправдах наших. Что для тела свет солнца, то для души молитва. Несчастье для слепца, что не видит он солнца. Несчастнее душа христианская, когда не радит о молитве, чтобы молитвою призывать на себя свет Христов. Как тело без души мертво и, предаваясь гниению, смердит, так душа нерадивая о молитве бывает безжизненна и смрадна. Это не наши мнения; это наставления слова Божия. Чтобы сими мыслями сильнее возбудить душу свою к благодатней молитве, чаще повторяй себе точные слова откровения Божия о силе молитвы. Приводи себе на ум слова боговдохновенного царя, *благ Господь всем призывающим Его во истине* (Пс.144:9); *воззваша ко Господу, внегда скорбети им, и от нужд их избави я* (Пс.106:6); *волю боящихся Его сотворит и молитву их услышит и спасет я* (Пс.144:19); *не уничижи, ниже негодова молитвы нищего, ниже отвори лице свое от Мене и егда*

*воззвах к Нему, услыша мя (Пс.21:25). Особенно сильно пробуждаться может не чувство наше, когда будем повторять обетования Господа Иисуса Христа о дарах, готовых для молитвы. Не Он ли говорил нам, *вся, елика аще воспросите в молитве, веруяще, примете?* (Мф.21:22) Не Он ли уверяет нас словом своим, *еже аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отец в Сыне?* (Ин.14:13) *Бдите и молитесь, да не внидете в напасть, дух бо бодр, плоть же немощна* (Мф.26:41).*

Желаешь ли искренно учиться молитве богоугодной, не пренебрегай ничем, что может усиливать или ослаблять расположение души к молитве; не пренебрегай ни положением тела твоего, ни обстоятельствами внешними.

Различное положение тела вместе с тем, как служить выражением различных чувствований души, святых и грешных, может служить еще средством к пробуждению в душе молитвенного духа. Труды коленопреклонения и земных поклонов, располагают душу к смирению и умилению, к раскаянию и труду душевному; ослабляя грешную плоть, они позволяют душе возноситься к Богу, в сокрушении сердечном и в чистоте помыслов. Не много нужно ума, чтобы понять, что небрежное ограждение себя крестным знамением вместе с тем, как выражает бесстрашие души пред Богом, поддерживает и усиливает в ней помыслы легкомысленной гордости и невнимания к себе.

Легкомыслие осуждает всякую долгую молитву, но если бы усердно занялись долгою молитвою, то исцелили бы и от легкомыслия, и приучились бы к молитве богоугодной. Какое бы искусство ни захотели мы перенять, нужно время для изучения его. Более, чем для чего-либо другого, нужно время, чтобы ввести душу в состояние молитвенное и обучить ее постоянно молиться так как должно молиться. Особенно не надобно пропускать без молитвы те времена, которые освящены для молитвы св. церковью, так же как надобно посещать для молитвы храм Божий, где все располагает нас к благоговейной молитве.

Не много сказано нами о мерах к преспеянию в молитве; но пусть употребят сии меры, и не останутся без успехов в молитве. Аминь.

Слово по освящении возобновленного храма при архиерейском доме

Слава Божией благодати, обновившей для нас дом благодати! Храм христианский – чудная сокровищница чудных и дел Божиих. Чего нельзя получить в нем? Все, чего ни пожелаете, все можете получить, если только желаете согласного с волею Божией. – Храм христианский – училище благочестия, того благочестия, которое, по словам апостола, на все полезное есть, во времени и в вечности. Слава Божией благодати, обновившей для нас дом благочестия! Для чего и жить на земле, если не жить для благочестия? Что жизнь земная, если она не есть жизнь благочестия? «Что пользы человеку, если он приобретет весь мир и потеряет душу свою» нечестием? (Лк.8:36). Благодать небесная! Ты ничего так не ожидаешь от нас, как благочестия и благочестия искреннего. Ниспосли нам дух умиления и сокрушения, чтобы вполне чувствовали мы, как много теряем мы, оставаясь с тем, чего не желаешь Ты для нас, с благочестием не искренним.

Страшно, слушатели, состояние нечестия полного. Каждый готов говорить, избави, Бог, каждого от того. Но каково благочестие неискреннее? Его не пугаются, но справедливо ли? Рассмотрим действия и опасности неискреннего благочестия.

По милости неба, есть на земле благочестие искреннее. По милости людей, бывает в людях и благочестие неискреннее. Казалось бы, как людям не любить искренно благочестия, живительного для души, любезного небу? И, однако, есть неискренние в любви к благочестию. Неискренний христианин не совсем холоден ко Христу и христианству, но не тверд в выполнении правил христианских. Он делает много доброго, но очень часто делает и худое. Он хромает на оба колена, служит то Богу, то Ваалу. Он не хочет иметь неприятелем ни Христа, ни мира, ни Бога, ни велиара. Где он не надеется подвергнуться осмеянию за Христа, где не думает он потерпеть вред для чести, для значения в свете, для выгод, там он поступает как христианин. Но он боится и коснуться креста Христова, хотя в

кресте – спасение его. Он отдает сердце свое Господу Иисусу, но только в половину, и потому очень часто не отказывает себе в том, что льстит страстям преступным, что оскорбляет чистую совесть. С сознанием не ясным или и без сознания входить он в связи преступные, и когда увидит свою худобу, пожертвовать привязанностью сердца для Бога – для него тяжесть невыносимая. Он подобен человеку, который, отплывая в море, хочет одною ногою остаться на суше. Стремится мыслями к небу, но держится и мира. Жизнь его колеблется между добродетелью и пороком, между небом и адом. Когда говорят ему о превосходстве добродетели, о блаженстве праведных, о муке грешных, душа его исполняется то радости, то скорби, даже слезы льются из глаз его. Но все это до тех пор, пока нет *скорби или гонения за слово* (Мк.4:17), пока нет в виду злой насмешки со стороны мира. Иначе, он не прочь и от того, чтобы в обществе людей веселых посмеяться над верою и благочестием. Бывают люди, которые называют каждого христианина искреннего лицемером, святошей, ханжей. Испортив душу свою худыми привычками, они дошли до состояния беспечного раба, скрывшего дар Божий в землю – и хотят выдавать благочестие за дело невозможное. При взгляде на людей, которые бодро идут по пути благочестия, при встрече с тем или другим наставлением слова Божия, совесть обличает и мучит их, они тяготеют собою, тяготеют и благочестием других. Чтобы облегчить себя, они усиливаются заглушить упреки совести неверием в возможность благочестия, а бранью против ревнителей благочестия высказывают месть за муки совести. Они видят, что благочестие – вещь возможная, потому что видят его в опыте других, но эта очевидность дела только раздражает их и побуждает искать защиты себе, защиты в клевете и лжи. Состояние жалкое! Не искренний в благочестии не совсем близок к нему, но и не совсем далек от него; он близится к нему и по временам попадает в него.

Когда слугитель Божий видит в стране множество храмов Божиих; когда в его глазах толпы народа текут в дома Божии для вознесения благодарений и молитв Вышнему, он радуется и славит Господа за посещение людьми храма Божия и за

посещение людей благодатью небесною. Но как удержаться ему от скорби, когда толпы столько же, если не более, многочисленные спешат на зрелища, чтобы терять там стыд и скорбь и ловить пустоту? Как удержаться от скорби, когда далеко охотнее, далеко усерднее, чем в храм христианский, спешат христиане туда, где, как сами же говорят, могут «развлечься, рассеяться» и где чувственная любовь, обманы, мщение, и другие пороки не только показываются, но и могут быть перенимаемы душою, облакаемые в образы заманчивые? Такие поступки не улика ли в лицемерии наших христиан? Вот и в храме Божиим все ли стоят, как надобно стоять в храме Всевышнего? Что, если с теми же образами нечистыми, с теми же чувствами грешными, с теми же, желаниями преступными, которые вынесли из зрелищ, остаются и здесь, где лики ангелов в трепете предстоят престолу Вседержителя, грозного на всякую нечистоту сердца? Если бы сказали мы, что иные из нынешних христиан не считают нужным для себя храма Божия, это сочли бы за неправду, за оскорбление людей. И, однако, не те же ли иные говорят в ответ испрашивающим пособие храму, Бог дает! Сами они одеваются не по требованию нужды и приличия скромного, а как велит мода, как велит суетность разорительная, роскошь безрассудная, и это ни почем для них. Таково христианство их! Есть деньги для роскошного обеда, для пышного убора дома, для дорогих нарядов жены и дочерей, для бала и театра, но не для храма Божия, но не для бедных. Таково благочестие их! Сами судите, не черное ли это лицемерие? Не оскорбление ли имени христианина?

Глубоко, болезненно, почувствовал ты, брат мой, греховное состояние свое и тяжесть его для совести; ты прибег к покаянию сердечному, горькому и пламенному. Тем ты вступил на добрый путь. Ты возложил руку на рало, приближался к Богу и начал угождать Ему. Другой подобный тебе даже расторг связь с миром, чтобы все время и труд посвящать Богу в обществе рабов Христовых. Но что потом? Идете ли вы вперед? Храните ли чистоту души? Не возвращаетесь ли небрежно к расположениям и делам мира, которые осудили в покаянии?

Совершаетесь ли в благочестии и добродетели? Ах! благочестие ваше – временное, не искреннее, лицемерное!

Близки ли все таковые к царствию Божию, к спасению души? По их суду, не совсем далеки, потому что грубых пороков стыдятся. Но несчастье их в том и состоит, что не думают они о своей близости к гибели. Довольные тем, что не живут так, как по их суду, живут многие другие, они почивают на надеждах самолюбия слепого. Они воображают, что их кое-какая любовь есть уже истинная любовь и чем долее живут с этою мечтою, тем менее чувствуют несоответствие самой большей части дел своих с истинною любовью, тем более собирают на душу грехов, в которых вовсе не каются. Они не помышляют, что как бы порядочна ни была жизнь их, все же нельзя совместить служения Христу с служением велиару, любви к Богу с любовью к миру. Они пропускают мимо ушей, мимо души слова апостола Божия: *прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром вражда есть против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Божиим* (Иак.4:4). Самолюбие останавливает взор их на призраках добра, по временам являющихся в душе их, и заботливо удаляет от взора их мрачную картину грехов, ошибок, преступлений, беззаконий их. Вперед простираться на пути спасения они не думают. А между тем на пути к небу каждая остановка – шаг назад, каждое замедление – потеря многого. «Забывая заднее и, простираясь вперед, стремлюсь к цели», говорит о себе искренний христианин (Флп.3:13) и не может сказать неискренний, который день от дня отдаляется от цели остановками, недейтельностью. О, Боже мой! самолюбие обманывает меня, утешая порядочною жизнью, но не обманываешь Ты, который говоришь, «никто, взявшийся за соху и оглядывающийся назад не управит себя в царствие Божие» (Лк.9:62). Брат мой! что, если ты озираешься на Содом? Можешь превратиться в соленый столп. Что, если думаешь возвратиться в Египет? Можешь умереть в пустыне, прежде чем достигнешь обетованной земли. Без верной и искренней любви к Богу что значат самые добрые по предмету дела, пост, поклоны? «Горе вам лицемеры, что уподобляетесь гробам покрашенным, которые снаружи кажутся красивыми, а

внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф.23:27). Это сказал Верный и Истинный.

Что сказать о судьбе за гробом? Страшно заглянуть туда. Спаситель говорит, «если кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, то и Сын человеческий постыдится его, когда придет во славе Отца своего с ангелами святыми» (Мк.8:38). Вот решение Господа о будущей судьбе христиан лицемерных. Справедливость суда – очевидна. Христиане стыдятся Христа Господа, своего единственного Спасителя и Бога. Не справедливо ли, чтобы Он за стыд сочел признать их своими? Христиане отказываются быть искренними христианами из уважения к суду мира, мира грешного, нечистого, бездушного; из боязни к суду, который также пуст и ничтожен, как и пуст и ничтожен сам мир! Как же великому и правосудному не отвергнуть от себя с негодованием таких низких людей? К кому же прибегнуть, где найдут защиту те, которых отвергнет от Себя Христос Господь? Даже и тем, которые пророчествовали здесь, изгоняли бесов, творили чудеса именем Господа, но не исполняли воли Отца небесного, объявит Судия вселенной, «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф.7:21–23).

Слушатели мои! опомнимся, придем в себя, кто мы? каковы мы? куда готовимся? что ожидает нас? Не на краю ли пропасти играем мы, как дети с завязанными глазами? Чтобы отдалить себя от опасностей самообольщения, пусть каждый, как можно чаще, повторяет себе, «ты говоришь, что я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды; а не знаешь, что ты жалок и беден, и слеп, и наг» (Откр.3:17). Тогда почувствуем нужду крепко молиться Господу, чтобы подал Он белую одежду для прикрытия наготы нашей и помазал глаза наши мазью благодати, чтобы видеть свое состояние и волю Божию (Откр.3:18). Тогда будем понуждать себя любить искреннею душою благочестие и усовершенствовать себя со дня на день в добре. Аминь.

Слово по освящении храма в новом доме Харьковской семинарии

Велика любовь Твоя к нам, во Христе Иисусе, Отец наш небесный!

Вот пред нами новый опыт любви Твоей! Вот новый дом и в доме храм для образования служителей спасению душ человеческих! По воле Отца – царя нашего, щедротами правительствующего синода, готов с новыми удобствами покой для сирот, дом просвещения неземного. И когда же? В соседних странах, на всем западе, собственность и жизнь каждого, гражданский и государственный быт, христианство и христианские общества – также безопасны и прочны, как на kloкочущем вулкане. Отец небесный! награди за нас царя – Отца нашего, не знающего для нас покоя! под сенью его мудрости и твердости так безопасны мы. Умножь в нем мудрость его, укрепи твердость его. Его благоговение к святой вере хранит и украшает церковь Твою. Сохрани покой души его для земли и неба.

Наставники и юноши! дом образования готов, храм просвещения освящен. Остается учиться. *Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас* (Пс.33:12), так приглашает св. пророк Давид. Если, когда, то теперь особенно прилично обратить внимание ваше на приглашение св. Давида.

Приидите, чада. Что это значит? Ужели у св. Давида были ученики – юноши или дети? Ужели было училище? Правда во время пророка Елисея видим *сынов пророческих*, которые со вниманием слушают наставления Елисея (4Цар.2:3, 15). Но между этими сынами пророческими видим пятьдесят мужей сильных (4Цар.2:16–17). Следовательно, название сыновей пророческих зависело не от возраста юного. Почему же назывались они сыновьями? Или почему те, которых приглашает к себе св. Давид, чада его? Причина одна, наставник, каков св. Давид, каков пророк Елисей, был для наставляемых тоже, что отец.

Христианские наставники юношества! Вам ли не быть отцами для наставляемых вами юношей и детей? Что такое христианство? Любовь. Можно ли же христианским наставникам быть без любви? О, нет! Любите наставляемых вами любовью отцов нежных. Дорожите ими, как дорожить отец детьми. Заботьтесь передавать им все доброе, как заботится отец о счастье детей. Берегите умы и сердца их от всего неприязненного, как бережет отец детей. Это не значит, что надобно вам быть такими же к ученикам, каков был Илий к детям. Можно ли желать вам судьбы Илиевой? Ни любви, ни уважения не будут иметь к вам учащиеся, когда вы будете полагать их слабостям. Не благодарность к вам, а разве клятву на вас понесут они на суд Божий, когда ваша странная любовь сделает их несчастными на всю жизнь. Любите их, как отцы умные.

Юноши христианские! будьте детьми к вашим наставникам. Любите и уважайте их, как дети отцов. Это требовалось от учеников ветхозаветных, тем более требуется от учеников христианских, тем более требуется от детей и юношей христианских.

Приидите, чада. Для всего требуется труд. И мудрость требует, чтобы потрудились для нее. Если подает она голос о себе, нужно чтобы шли на голос её – искать ее. Если сама является она, как в сем освященном для неё месте, тем более не извинительно – праздно проводить время. Юноши и дети! дорого для всех нас время, за него все мы дадим ответ; еще более дорого оно должно быть для вас. Юность – самое удобное, самое благоприятное время для образования ума и сердца. Трудно старому, кривому дереву получать прямое направление. Как напротив легко молодому деревцу расти по направлению, какое даст ему искусный садовник! *Благо юноше, аще возьмет ярем Господень в юности его.*

Приидите, чада, послушайте мене. Вот и еще требование мудрости боговдохновенной, послушайте мене. Это значит, что надобно быть внимательным к тому, чему учат, надобно доверчиво принимать, что преподают, охотно исполнять, что заповедуют, терпеливо переносить, чему подвергают. Нужно ли

это? Небесная мудрость говорит, что нужно. А другая мудрость говорит, что не нужно. Небесная мудрость, когда предписывает, конечно, считает это и естественным, и достойным человека. Другая мудрость вопиет, это оскорбительно для достоинства человека. Кто прав, слушатели? Всмотримся ближе в дело. Если пришли, чтобы учиться, то как учиться, не слушая и не слушаясь того, чему учат? Если назвались учениками, то надобно быть учениками и на деле. Если вместо того, чтобы доверчиво принимать передаваемое наставником, подвергают злему суду каждое слово его, то это уже не ученики, а как будто учителя и даже что-то непохожее на учителей, а разве на строптивых судей. Где же тут естественность? Где сообразность одного с другим? Не трудно понять и то, что, когда ученик, перестает быть учеником, не быть ему с успехами доброго ученика. Нельзя успеть в том, чем не занимаются. Напротив, как жаждущая земля впитает в себя влагу небесную, так юное благопокорное сердце напаяется наставлениями мудрости. Как благоухающая роза растет и развивается оно, всегда открытое и для света небесного, и для влаги благотворной. С каждым днем ум растет в познаниях полезных, сердце расширяется в желаниях и чувствованиях благородных. Вот почему вообще в деле спасения требуют от нас веры! Скажут, пусть так в деле спасения, там наставник – Бог; а в учении человеческом? Здесь над наставниками есть начальники, обязанные поверять занятия их; а для не вразумляющихся советами начальников есть Господь, который, поверьте, умеет учить непокорных, так что горе тому, кто попадет под наставления судии наставника. Непокорности ни в ком не любят, точно так же как любят послушание, – послушание в деле спасения награждается благодатною помощью. И в деле учения оно, как дело христианское, низводит благословение Божие.

Послушайте мене, страху Господню научу вас. Что такое страх Божий, которому хочет учить св. пророк Давид? Страх Божий есть благоговейное опасение – оскорбить великого и правосудного Господа, чем бы то ни было, делом ли или словом, мыслью ли тайною или явным желанием, движениями ли в теле или чувствованиями души; это есть любовь к Богу,

проникнутая чувствами величия Божия и нашей немощи, так часто обнаруживающейся грехами. Нужно ли учиться такому делу? Правда, ничего нет естественнее для души нашей, как благоговеть всегда пред Господом. Цветок смотрит на солнце, душе нашей сродно смотреть на Господа. Но – смотрит ли она на свое солнце? Целую жизнь посвящали святые Божии на то, чтобы обучить душу – смотреть всегда благоговейно на Господа, да и то чувствовали, что еще не столько успели в деле своем, как надлежало бы успеть.

Но мудрость ли это – обучаться страху Божию? О, какая высокая мудрость! Начало всей мудрости Соломон указывал в страхе Божиим, *начало премудрости – страх Господень* (Притч.1:7). И точно тоже говорит отец его – пророк Давид (Пс.110:10). Заключением всех подвигов ума, целью всех трудов ученых Соломон поставляет изучение страха Божия, *Бога бойся, заповеди Его храни, сие всяк человек* (Еккл.12:13); или как говорит древний мудрец, изучивший Соломона, исполнение премудрости, еже бояться Господа (Сир.1:16). И подлинно не начинать познаний своих познанием Того, Кто всему есть начало, значит не начинать быть мудрым. Не заключать исследований своих благоговением к Тому, в Ком заключается решение всех возможных вопросов о мире и человеке, значит не достигать цели.

Отселе понятно, что напрасно опасаются не помешал бы страх Божий преспеянию в других науках, не послужил бы он препятствием счастью и совершенствованию на земле, отклоняя взор от земли к небу. Благоговейное знание Господа есть семя, из которого развиваются все прочные познания; и только тогда можно приобретать успехи в науках, когда ученые занятия сопровождаются благоговейным размышлением о Боге. Благоговейная вера не теряет из вида земли, пока она на земле, а только просветляет собою все земное; благоговейная вера, истребляя в сердце нечистые мысли и стремления, наполняя душу помыслами святыми, чувствованиями возвышенными, желаниями светлыми, развивает и совершенствует сама по себе силы духа нашего. Напротив, жизнь без Бога – не жизнь. Если при воспитании юношества

стараятся только просветить ум его и не думают об образовании сердца в благочестии, то несчастны юноши, несчастно и общество, для которого воспитываются они. Опыты веков доказали, что одно умственное образование, не соединенное с образованием сердца в страхе Божием, открывало только средства преуспевать в разврате и гибнуть в нем, – было язвою и для частных лиц, и для целых народов.

Св. Давид, приглашая учиться у него страху Господню, показывает далее, как благотворна наука его. *Кто есть человек хотяй живот, любяй видети дни благи?* спрашивает пророк. И спрашивает потому, что убежденный, как каждому из нас мила жизнь, как каждый из нас хочет наслаждаться днями счастливыми, спешить сообщить ожидаемую всеми весть о счастье. Не многого требует он для счастья. *Удержи, говорит, язык твой от зла, и устне твои еже не глаголати лъсти. Уклонися от зла и сотвори благо. Взыщи мира и пожени и* (Пс.33:13–15). По связи мыслей св. Давида мысль его такова, пусть страх Божий обуздывает язык твой, и он же располагает отношениями твоими к ближним, хотя бы они не любили мира, тогда увидишь ты мир в душе твоей, дни твои будут благи. Так страх Божий оказывает благотворное влияние на нравственность нашу, и такое же действие на наше счастье. Так кто всегда ходить пред очами Господа, с тем всегда и во всем Господь!

И так вот чему более всего надобно учить и учиться – страху Божию.

Наставники и наставляемые! примите урок не мой, а св. пророка Давида о наставлении и учении. Мое дело молить Господа, да благодатью Его урок боговдохновенного царя Давида окажется плодоносным в сердцах ваших. Аминь.

Слово по освящении храма в Николаевском девичьем монастыре

И еще храм освящен в новой обители. Как не благодарить Господа за благодать его, вложившую в открытые для нее сердца желание – употребить труды и средства в славу Его имени! Сколько душ, созданных по образу Божию, сколько сердец, купленных неоценимою кровью Сына Божия, будут искать спасения в сей обители, будут славить и молить Господа в сем храме! И во всем этом великом богослужении будут участвовать труды созидавших эту обитель. Какие спасительные труды!

Но не станем тревожить скромности служащих Господу в кротости. Обратимся вниманием от деятельности, столько плодоносной, к значению праздности, в деле спасения нашего, к праздности, так много любимой многими.

Для чего дано время? Для чего живем мы на земле? Для того, чтобы ценою временного труда купить вечный покой. Какую же потерю терпят, теряя время в праздности, без пользы для жизни загробной! Не возвратится к нам ни один из тех дней, которые провели мы беззаботно; не возвратится к нам ни один из тех часов, которые продремали мы или пропустили мимо глаз, без дела. Что прошло для нас без пользы, то потеряно навсегда. Повторяется ли путь жизни нашей? Нет! Улетели, промчались невозвратно лета цветущей юности, которые провели вы так неумно, тогда как могли посвятить их Господу. Не возвратятся к тебе счастливые лета мужества, когда имел ты столько сил трудиться для Господа и трудился для греха. Остановись же, чтобы не делать более потерь невозвратимых. Лови время, оно летит быстро. Каждое мгновение его быстрее молнии. Настоящая минута ускользает, следующая сменяет ее и также мчится мимо нас; неудержимый бег часов, дней, годов уносит все мимо нас; последний же час наш сталкивает нас в бездну, где душа с ужасом видит себя пред лицом Бога правды. Бедный брат мой! Бедная сестра! вы озабочены тем, как прогнать время, в праздности не скучной, а оно гонит вас, гонит

со всеми думами нечистыми, гонит с земли и куда же?.. Одумайтесь, – что вы готовите себе? И помимо страсти к беззаботной праздности, время течет так быстро, что с трудом ловят его внимательные к цене его. И помимо распоряжений праздности, долга ли жизнь наша, которую надобно добывать покойную вечность? А мы еще сокращаем дорогое для нас время праздностью! А мы еще ускоряем бег быстрого времени рассеянностью беспечною! Не дело ли это бессмыслия? Не дело ли преступного невнимания к своей участи? *Блюдайте, како опасно ходите, не якоже не мудрии, но якоже премудры, искупующе время, яко дние лукави суть* (Еф.5:15–16). Пользуйтесь временем (Кол.4:5).

Для праздности ли мы созданы Богом? И в рай человек невинный должен был трудиться. *И введе его в рай сладости делати и его хранити*, говорит бытописатель (Быт.2:15). Что ж думать нам о земном назначении человека падшего? *Проклята земля в делах твоих, в поте лица твоего снеси хлеб твой*, так сказано падшему человеку (Быт.3:19). Как же падшим людям хотеть жить покойно, в праздной неге, на земле проклятой? Не вызывают ли они таким желанием новое проклятие против себя за наглое пренебрежение воли грозного в правде, за глупое упорство против воли Всемогушего? «Умоляем вас, братия, усердно заботиться о том, чтобы быть в безмолвии, делать свои дела, и делать своими руками, как мы повелели вам». Такова заповедь апостола (Сол.4:11). И знаете ли, кому дает он такую заповедь? Тем, которые, под видом благочестия, не хотели заниматься телесными трудами. Он и в другом послании пишет о них, «слышим, что некоторые у вас поступают беспорядочно, ничего не делают, а обходят с лукавством. Таковых увещаем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом, чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб» (2Сол.3:11–12). Так считал апостол святым делом труд и так строго осуждать он праздность!

Люди, всего менее зная самих себя, не примечают, какое действие производит в душе праздность. Они думают, что провести несколько часов, провести день и два в праздной рассеянности ничего не значит. Но так ли это на деле? Сердце

человеческое не может быть праздным, душа наша не может быть без дел. Если не занят ум святыми мыслями, он занимается мыслями пустыми или вредными. Если не занято сердце ощущениями чистыми, небесными, оно дышит чувствованиями нечистыми, мутными, плотскими. Если не стремится воля к небу, к выполнению святой воли Божией, она идет путем греха, к аду. Не забудьте же при том, что расстроенная грехом душа далеко более расположена к деятельности превратной, чем к делам угодным Богу, и потому, оставаясь в праздности, со всею охотою предается жизни нечистой. В похотях есть всяк праздный, говорит премудрый (Притч.13:4). *Праздность научает многих – злобе*, говорит сын Сирахов (Сир.35:28). Сколько пороков черных, сколько преступлений грязных не было бы допущено людьми, если бы занимались делами звания своего! Не занимаясь тем, чем должно заниматься, занимаются веселыми пороками, игрою, нетрезвостью, развратом. Чем более привыкают быть без дел, тем менее любят останавливаться на мыслях о вечности, на заботе о спасении, и душа, пристрастившаяся к праздности, становится жилищем нечистоты. Все доброе кажется для нас неприятным, томительным, скучным и все худое – заманчивым. Воображение почти всегда наполнено нечистыми картинками, питающими дурные склонности. Страсть к развлечениям праздности – пагубная болезнь души! Отнимая дорогие часы у занятий должных, она рождает в душе отвращение от труда полезного и от занятий святых. Посмотрите на эту мать семейства, привыкшую гоняться за ветром. Дети её, как сироты, почти не видят её; за домом смотрят чужие и она в своем доме, как чужая; ей хорошо везде, только не с теми, которые любят ее святою любовью. Что это за жалкий образ матери? Таков же и отец семейства, привыкший жить праздно. Он – весел и рано утром и поздно вечером; а там является к нему такая нищета, которая скоро выгоняет его из дома, заставляет жить, как блудного сына без крова, без хлеба, без одежды.

Ленивая и праздная жизнь тоже, что праздная и невозделанная нива, на которой не растет ничего, кроме трав негодных. Для общества, для ближних не ждите от нее ничего

доброе. Не занимаясь, чем должно заниматься, занимаются пустыми толками, пересудами, клеветами, сплетнями. Сколько гнилых слов, сколько насмешек злых, сколько обидных для совести небылиц придумывает праздность! Те самые люди, которые клевету и ложь считают за низкие пороки, от нечего делать сыплют ложь и клевету. И часто какую клевету! Покой и честь, счастье и жизнь других отдают на казнь! Не праздность ли придумывает забавы соблазнительные, собирает общества нетрезвые, изобретает наряды разорительные? Не праздность ли развращает невинность, разрушает домашнее и супружеское счастье, портит настоящее поколение и передает порчу будущему?

Говорит ли о том, каков праздный в отношении к Богу? Тот, кто, им её силы трудиться, не трудится, а предаётся праздной неге, слуга негодный, зарывающий милость Божию в землю (Мф.25:18–20). После того, что сказано о его отношениях к себе и другим, естественно быть тому, что в сердце его часто не бывает ни искры веры и страха Божия; он предмет гнева Божия за совершенное забвение о Боге. О нем скажет судия вечный, *неключимого (ленивого) раба вверните во тьму кромешную* (Мф.25:30).

Конечно, нам нужен и отдых, нужен отдых для тела, отдых для души. Иначе, и тело изнеможет от труда непрерывного, и душа ослабеет от напряжения постоянного. И Спаситель, после долгой беседы, отдыхал (Лк.8:35). Но иное дело давать себе отдых после утомления трудами, другое – любить только покой или безделье; иное дело давать отдых душе переменю занятий, достойных души бессмертной, другое – наполнять время отдыха делами низкими, преступными. Чем занимают легкие люди мира свое время праздное? К изумлению, мир не знает, в кругу жизни своей, праздности. Он называет праздностью жизнь молитвы и благоговения уединенного. Люди мира не считают праздностью того, когда, оставляя в стороне необходимое для вечности, занимаются такими пустыми делами каковы карты, балы, наряды, сплетни, толки о новостях. Друзья мои! На суде Божиим будут судить нас не как угодно миру, а как угодно Господу. А воля Божия вовсе не сходна с желаниями

мира, это видим в писании боговдохновенном. Оставьте же мир с его мечтами жалкими. Подвизайтесь для Господа, такого подвига нет ничего выше и умнее. Для отдыха душевного, переменяйте занятия, но всегда с мыслями о Господе, со страхом Божиим. Не бойтесь ига Господня, оно – благо. Труды для Господа не истощают, а оживляют душу, таковы по свойству своему; таковы по благодатной помощи, без которой не совершаются они.

Богу нашему слава во веки веков. Аминь.

Слово по освящении храма в заштатном городе Нейдригалоуе

Яко нищи, а многих боготяше (2Кор.6:3).

Так говорит о себе апостол Павел! Дивиться ли тому в апостоле? В апостоле и чудесное естественно, потому что он – посланник Божий. Другое дело – сей храм величественный в таком малом граде. Такое великолепие, такое богатство – среди такой незнатности, не дело ли достойное изумления? Так по праву приветствую вас жители небогатого города, с высоким отличием апостольским. Вы по праву можете сказать с апостолом, *яко нищи, а многих боготяше*. Какое дорогое богатство доставляете вы прекрасным своим храмом многим тысячам тех, которые после вас будут жить! Христианский храм – сокровищница благодати и училище благочестия. Величественный храм сей – проповедь о едином на потребу. При взгляде на него как не сказать себе, вот чему прилично все величие, дому Божию! Иначе к чему служит богатство, когда не употребляют его в славу имени Божия? К чему деньги, если они – мертвый капитал, от которого нет пользы душе ни здесь, ни за гробом? Богатый храм небогатого города подает предмет для размышления, у христианина и бедность не бедна, а богата.

По-видимому, не завидев на земле жребий бедности. Она идет по тернистому пути. Сколько трудов тяжелых, сколько забот горьких возлагает она на плечи бедняков! Суровая нищета облекает бедняка в ветхие рубища, и люди, встречая рубища, говорят, вот печать гнева Божия!

Но не так смотрит на бедность свою христианин. И прежде всего, не считает он бедности за знамение гнева Божия.

Если бы бедность лишала чего-либо такого, что составляет существенное достоинство человека, тогда, конечно, и христианин назвал бы ее знаком негодования Божия. Но все, что возвышает человека над всеми земными творениями, все, что составляет славу и высокое значение человека, также дано бедняку, как и богачу. Не наделен ли бедняк такими же способностями ума и сердца, как и другие? Не питает ли и он

таких же надежд, не стремится ли и он к такой же высокой цели, как и другие? Не одинаковы ли отношения его к Богу? Не назначена ли и ему жизнь вечности? Когда и в ком бедность была препятствием для достижения блаженства за гробом? Если люди не умеют пользоваться бедностью, виноваты люди, а не бедность.

Господь убожит и богатит, Господь смиряет и высит (2Цар.2:7). О, как это одно сладко в смиренной доле бедности! Он, беспредельный в величии своем, занимается участью бедного странника земли. И как много занимается! Без Его воли не падает и волос с головы нашей (Лк.21:18). Он знает весь состав наш, все мысли и расположения наши; знает наше будущее, как настоящее, возможное как действительное; знает, что может быть нам полезно и что может обратиться во вред. Ни один отец и ни одна мать не заботятся так о детях, как Он заботится о людях. Он, благодать вечная, все делает для того, чтобы как можно успешнее совершилось в нас, вечное спасение души. Люди близоруки на земле, но и они еще на земле видят в последствиях премудрую благодать Божию, дивно разделяющую земные доли людям; а когда, после бурь земной жизни, откроется им лазурь чистого неба, когда явятся они по ту сторону гроба, о, как ясно, как полно узнают они пути премудрого и преблагого!

Бедность заставляет много трудиться и в поте снискивать себе хлеб. Но не с тем ли и живет человек на земле, чтобы трудиться? Известно решение суда Божия о падшем человеке. При этом решении, покой на земле – преступление, преступление, которое отворяет дверь порокам разным. И богатый – в заботах. Но за кем преимущество, за тем ли, кто несет труды, назначенные Богом, иди за тем, кто несет ярмо забот и трудов, налагаемое страстями? Бедному незнакомы многие радости шумного света. Но к чему жалеть о них, когда они так пусты? И о, если бы были они только пусты! Счастлива бедность. Она незнакома с губительными пороками и преступными страстями, которые так часто терзают душу роскошного богача. Пусть в пищу бедняка под час каплют слезы его. За то, когда сладкий сон посетит, уставшее от трудов тело,

он спит покойно и не знает призраков и сновидений грозных, которые мучат душу бесчестного богача. Богач есть и пьет сладко? За то бедность не утучняет грешной плоти, не питает страстей дикой чувственности. С другой стороны, считать ли за преимущество, что богач неумеренностью готовит расстройство телу своему? Когда в водосточных каналах непрестанно умножается нанос навоза, тины, трав и всякой гнили, грязь, долго сдерживаемая, вырывается наконец на поверхность и разливает смрад и зловонную заразу по окрестности. Не тоже ли самая роскошная жизнь богача и для его здоровья, и для окружающих его?

Зачем стыдиться нищеты, когда она не есть следствие порочной жизни? Бедность – не бесчестье, когда не зависит она от худых привычек и страстей. Богатство и нищета – случайности путника. *Господь ублажит и богатит.* Суд Божий отличает богача и бедняка, по их жизни, – по тому, выполняют ли или не выполняют они свое назначение. Правота души, чистота сердца – вот истинные достоинства человека, а их приобретают и богач, и бедняк одною ценою, ценою внимания к судьбе загробной, строгим наблюдением за движениями и желаниями сердца. Пусть люди легкие показывают холодность, даже презрение, к бедности, о них остается только жалеть, но уже вовсе не смущаться судом их.

Иногда говорят, как много можно было бы делать добра другим и благотворить храмам, если бы были средства к тому – деньги? Но это не голос искренней и умной любви к добру; тут желают денег голодные страсти. Искренняя любовь к добру, богата ли она, или бедна деньгами, всегда одинаково готова делать добро и делает его по мере средств. Бедность – не помеха ей. Евангельская вдовица, при всей бедности своей, принесла такой дар храму, какого не принесли богачи. Господь не требует от нас невозможного, а чего требует Он от нас, всегда мы можем выполнять, при помощи благодати. Господь, заповедуя нам благотворительность, не назначает суммы денег, которой нет у бедняка; Он ожидает только усердия к благотворениям, которое для каждого возможно; Он гнушается в нас скупостью, а ее прогнать от себя мы можем. О, если бы

богатство отверзало душу каждого богача для благотворений и любви! Тогда бедный имел бы право завидовать доле его. Но в опыте видим совсем другое. Богатство возбуждает в людях или жажду к деньгам или страсть к расточительности; а в том и другом случае оказывается, что великие жертвы людям и Богу приносит бедность.

Обыкновенный спутник богатства, гордость, заглушает в сердце богача и то малое благочестие, которое передано ему бедными родителями. Бедность же научается благочестием самую долю своею и крепко хранит веру отцов своих. Бедный скромно входит в храм Божий, послушный голосу пастыря своего, и молится с благоговением; а другой только оттого, что одежда его нарядна, присутствием в храме только оскорбляет святость храма. Твои взоры, о Боже мой, видят сердца наши; они с любовью покоятся на душе благоговейной, скрывающейся под бедным рубищем, тогда как в теле, одетом пышною одеждою, дышит душа, отягченная преступлениями – предмет праведного негодования Твоего!

Говорят, бедные набожны, но завистливы, падки на чужое, малодушны?

Дети Божии! если и не все правда, что говорят о вас, христианство не одобряет слабостей, как бы они малы ни были. Не допускай до души малодушия, друг мой, не тяготись бедною долею своею, будь доволен малым. Много ли нужно для тебя, если ты не будешь знать нужд, придумываемых страстями и прихотями? Отец небесный питает птичек, хотя они не сеют и не жнут. Забудет ли Он тебя? Он не пощадил для нас Сына Своего. Ты бываешь в тревоге за будущность свою и семьи. Напрасно. Кто тебя уверял, что для тебя будет будущность такая, которой трепещет малодушие? Зачем же тревожиться за будущность, которой, быть может, не будет для нас? Не лучше ли заменить эту тревогу сладкою надеждою на ту верную будущность, когда терпеливым дадут венец жизни и нищих духом введут в царство небесное? Не лучше ли твердо помнить, что тесный путь ведет в блаженство вечное, а широкими вратами входят в ад?

Не оскорбляй души твоей завистью к веселой доле других и еще менее позволяй себе мстить богатому тайною враждой против него. Зависть и вражда к богатому только нанесут вред душе твоей и ни мало, не переменят твоего положения внешнего; в очах Божиих они ненавистны, как плод гордого, мятежного, духа. Господь любит всех нас; и мы должны любить всех.

Особенно берегись, друг мой, употреблять преступные средства к облегчению своей бедности. Тяжелее греха ничего нет для души, грех может погрузить тебя в геенну. Пусть честный труд будет твоею помощью против горьких нужд; с этим спутником легко тебе будет явиться на суд Вечного.

Богу нашему слава во веки веков. Аминь.

Слово по освящении храма, во имя св. Николая в городе Купенске

Благодарение Богу, исполнившему давние ожидания благочестия! И храм, так давно ожидаемый, окончен. Да будет милость Божия над душою раба Божия, с такою ревностью потрудившегося при построении храма благодати! Да помянет благость Божия в царствии небесном душу усопшего начинателя храма! Уверен, что Отцом небесным не оставлена без внимания ни одна лепта, принесенная в пользу сего храма, и Он, Благий, заплатит каждому и за труд, и за приношение. Благословен Бог милости и щедрот!

Слушатели мои! Храм молитвы и благодати готов. Остается, чтобы, по каждому зову храма, готовы были вы посещать храм для своего освящения. О, когда бы исполнялась вами, как должно, заповедь небесная о посвящении Богу седьмого дня! Храм построен для освящения вашею молитвою в седьмой день. Думаете ли вы довольно внимательно о святости седьмого дня? Подумаем.

Кто заповедал нам посвящать день седьмой Господу? Сам Господь Бог. Еще в раю освящен день седьмой, как день покоя Божия и день хвалы и благодарения Творцу мира. Еще тогда, кик не было иудеев, а был только Адам – представитель рода человеческого, назначен день седьмой для Господа (Быт.2:2). Не ясно ли, что день седьмой освящен для всего рода человеческого? Во время Моисея повторена заповедь о седьмом дне, но основание освящения дня указано древнее. *Помни, сказано, день субботний святити его. Зане в шести днех сотвори Господь небо и землю и почи в день седьмый; сего ради благослови Господь день седьмый и освяти его* (Исх.20:11). В христианстве отменено празднование субботы (Кол.2:16), но не нравственная заповедь о дне хвалы и благодарения Творцу мира. Мало того. Для христианина заповедь о седьмом дне еще усилена новыми благодеяниями Божиими. Что такое день воскресный, заменивший ветхозаветную обрядовую субботу? Это – день, в который

спасение рода человеческого засвидетельствовано пред небом и землею торжественным воскресением Христа Спасителя; это – день, в который послан на землю Дух утешитель для преобразования сердец человеческих и для возобновления в них испорченного образа Божия. Итак, это день нового творения Божия. Как же такой день не освящать хвалами и благодарениями Богу? Св. Иоанн богослов, в своем апокалипсисе, называет воскресный день днем Господним (Откр.1:7). По деяниям апостольским видим, что в Троице «в 1-й день недельный ученики собрались для преломления хлеба и Павел, беседуя с ними, продолжил слово до полуночи» (Деян.20:7). К коринфянам апостол писал, «в 1-й день недели, каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние», для помощи бедным (Кор.16:2). «Те, которые, жив в ветхом порядке дел, писал ученик апостолов св. Игнатий, не чтят субботы, а живут днем Господа, в который воскресла и их жизнь чрез Него и Его смерть». Видите ли, происхождение заповеди о седьмом дне? Видите ли кого не слушают, не посвящая дня седьмого Господу? Не слушают Господа Бога, установившего день для хвалы и благодарений Ему. Не страшное ли это непослушание?

Если Господь Бог так ясно отделил для Себя один день недели, предоставив человеку шесть дней, то что значило бы в нас неисполнение сей воли Божией? Это означало бы более, чем кражу. Это означало бы кражу святыни Божией, похищение того, что принадлежит Богу. *День седьмой, суббота, Господу Богу твоему*, сказал Бог. А люди обращают седьмой день в свою пользу. Не похищение ли это чужой собственности? Не похищение ли это собственности Божией? С другой стороны, не хотел посвятить Господу один день недели, тогда как Он отдал нам в нашу пользу шесть дней, означает самую черную неблагодарность, самое преступное бесчувствие. Не имеет ли права Творец и Промыслитель наш требовать для Себя всей нашей жизни? Но Он, благий, по премудрому совету благодати Своей, уступает нам шесть дней и ожидает себе только одного дня. И, однако, мы не внимательны к такому совету благодати, мы присваиваем себе и этот день Божий. Какое бесчувствие

тупое! Какая дерзость наглая! Господь назначил седьмой день для того, чтобы возносили мы хвалы и благодарения Ему. Не установление ли это святое?

Как не хвалить и не благодарить нам столько милостивого к нам Бога? И тварь неразумная и тварь неодушевленная хвалят славу Творца своего. Чем же становится человек, отказывающийся хвалить и благодарить Господа? Он становится ниже бездушной твари. Какое унижение разумного существа! Какое оскорбление достоинству человека!

Для чьей пользы введено установление о седьмом дне? Для пользы самого человека. По высшему назначению жизни нашей каждый день нашей жизни должны мы употреблять в славу Божию. Прославлением имени Божия совершается спасение души нашей; а жизнь без Бога – расстройство, гибель жизни. Но люди слабы. Они окружены временными нуждами, и еще более сами себя окружают житейскими нуждами. Те и другие нужды развлекают их, занимают собою до того, что они теряют из вида назначение своей жизни, не помышляют о Боге – источнике жизни. Чтобы по мочь слабым людям в борьбе их высших стремление с волнами житейскими, Господь Бог назначил людям известное время, в которое они, оставив земное, могут заниматься одним небесным. Так день седьмой есть спасительная ограда душе против изнурительных сует жизни, живительная лечебница против ран, наносимых душе бедами и искушениями земными. Не замечаете ли вы сами по временам, – как, после усердной молитвы, в день воскресный, легко бывает на душе! Как, и тяжести суеты земной, и смущения горьких обстоятельств, и сомнения неразрешимые, спадают с души после теплой молитвы в храме! И ум становится ясен и зорек, и сердце весело, и воля готова на всякое добро. Итак, к кому же невнимательны невнимательные к назначению седьмого дня? Они беспечны о своей пользе, о своем спасении.

В каком положении представим себе людей, у которых все время проходило бы только в заботах о земном, в работах и трудах телесных? Чем могут быть те, которые лишены бы были покоя дня воскресного? Страшно сказать, а сказать надобно,

это были бы не люди, а звери, потому что жизнь их была бы жизнью зверей, а не людей. Ни вздоха о небе, ни мысли о цели высшей, ни заботы о жизни загробной не видно в их жизни, земля – предмет всех желаний и стремлений души. Неделя за неделей, месяц за месяцем, год за годом проходят только с заботами житейскими. Душа черствеет, более и более теряет расположение к добру. Не оживляемая повременным веянием духовного торжества и угнетаемая каждый день землею, она тупеет и мыслями, и чувствами. Почему признать таких людей за людей? Что в них человеческого? То ли, что день и ночь в трудах? То ли, что едят и пьют в известные часы? То ли, что издают звуки, как птицы певчие? Несчастные! Человек тем и может отличаться от зверей, если живет он жизнью духа, если служить Господу своему.

После сего понятно, какой будущности остается ждать себе презрителям заповеди о седьмом дне! *И сохраните субботу*, говорит Господь Моисею, *яко свята есть Господу и всяк осквернивый ю смертью умрет, всяк, иже сотворит в ню дело, потребится от среды людей своих* (Втор.5:14). Вот какая казнь назначена Господом нарушителям праздничного покоя! Во время странствования по пустыне один из евреев раз дозволил себе в седьмой день собирать дрова. Лишь только узнано было об этом, все пришли в ужас и преступника немедленно бросили в темницу. *И рече Господь к Моисею, смертью да умрет человек сей, да побиеете его камением весь сонм вне полка*. Не думайте слушатели, что, если ныне не выполняется смертная казнь над оскорбителями седьмого дня, правда Божия отменила суд свой по отношению к ним? Нет, правда Божия всегда одинакова в отношении ко греху, только она является не в одинаковом виде. То явно, то тайно, то в том, то в другом бедствии открывается и ныне суд Божий над нарушителями покоя дня седьмого. А за гробом гнев Божий разразится над ними во всей силе. Не будьте легкомысленны, Бог поругаем не бывает. Благоговейте пред волею Всемогущего о седьмом дне. Если своего нет ничего у нас; если благословение Божие низводится на нас богобоязливою молитвою, а молитва, усиливаясь от взаимного молитвенного общения, низводит

обилие благодати на всех участвующих в ней, то, когда, если не при молитве общественной, в день праздничный. ты можешь быть с надеждами на принятие благословений небесных? Не будь не рассудителен. Занимаясь работою или торговлею в воскресный день, ты надеешься на успех по надежде на твои силы; а оставляешь надежды на Бога, остаешься без упования на Всемощного и дерзаешь оскорблять святую волю Его. Умны ли, верны ли твои надежды? Не значат ли они менее, чем надежды на ветер? Не значат ли они слишком опасной борьбы с Богом?

Слушатели мои! свята заповедь о седьмом дне; опасно нарушать ее всякому. Особенно грозно положение тех, которые заведая волею других, обращают их седьмой день на службу своим выгодам или страстям. Если не легко отвечать за самого себя, когда оказываюсь я оскорбителем святого дня, как отвечать будут за злоупотребление свободою сотни, тысячи, христианских душ? Как отвечать будут на страшном суде Божиим, если, не допуская подчиненных посещать храм Божий в воскресные дни, доводят их до одичания, до грубости, до забвения своих высших обязанностей? Страшно святотатство в одном лице, каково же оно тогда, когда по твоей воле сотни совершают его! О, придите в себя, друзья мои!

Страсти людские придумывают разные предлоги нарушать покой седьмого дня. Заповедью о дне седьмом запрещены, говорят только тяжелые работы, – какова работа земледельца, а другие дела позволительно делать? Нет, заповедь о субботе запрещает нам всякое занятие, кроме занятия прославлением имени Божия. Ремесленнику запрещает оно ремесло, купцу – торговлю, судье – занятия по суду. Для всех земных занятий наших назначены шесть дней, а седьмой день – не наш, он принадлежит Господу.

После слушания службы Божией в храме, можно, говорят, и повеселиться в день воскресный.

Но заповедь не говорит святить час или два седьмого дня; она велит святить день седьмой. Если, побывав в храме Божиим, в остальное время дня вы вовсе не думаете о Боге и о спасении души вашей, освящаете ли вы седьмой день? Нет,

только тогда освящается он, когда утро его посвящено домашней молитве и за нею богослужению общественному, а после трапезы и отдыха время проводится то в размышлении о слышанном в храме, то в слушании книг назидательных или в беседе о нужном для вечности. Но вы, которые проводите большую часть дня седьмого в нетрезвости, в забавах, в безумии страстей, что вы делаете! Вы творите поругание над днем святым, вводите мерзости в святое время. Устрашитесь суда Божия.

Господи – Господи! вдохни в сердца наши святую ревность к служению Тебе, Богу нашему. Аминь.

Слово по освящении храма в честь Святого Духа, на торговой площади Харькова

На площади торговли освящен храм Всевышнему. Как не радоваться о таком храме? Не ясный ли это знак того, что дело торговли хотят совершать с призыванием помощи Всевышнего и для славы имени Его? Не знак ли это того, что все свое и себя поручают воле Божией и от нее ожидают всего? Не вдали от нас раздаются громы войны, и мы освящаем храм Богу мира. Что это значит? Господи! молитвы отцов наших творят нас сильными среди бед; по примеру отцов наших ожидаем мы всего от Тебя, всегда попечительного о нашем спасении. Создание и благоуукрашение храма сего – труды смиренной любви к Тебе; прими же жертву сию и ниспосли благословение Твое на возлюбивших благолепие дома Твоего, к славе пресвятого имени Твоего.

Все это прекрасно, братия мои! Но в ряду с этими добрыми расположениями не замечаете ли печальной болезни нашего времени – недовольства своим состоянием? Не замечаете ли, что торгующие и не торгующие, богатые и бедные, ученые и неученые, управляющие и управляемые, то в душе, то на словах, обнаруживают ропот на свое положение, не довольны тем, что имеют и тревожно домогаются большего? Болезнь печальная, болезнь опасная! Не скрывать, а лечить ее надобно.

Ожидание всего лучшего от Господа – дело святое, когда благоговейно оно пред волею Господа. Пусть другие видят во всем свой ум, свою волю, свое искусство, свои успехи, любясь только собою. *Сии на колесницах, сии на конях, мы же во имя Господа призовем*; мы ожидаем спасения от Господа. Не сомневаемся, что дарами Божиими надобно пользоваться, таланты данные Богом надобно усовершенствовать трудами, – из готовых, но грубых, способов жизни надобно извлекать более удобные и легкие. Но и прежде и после того надобно помнить, что всем располагает Бог, что не только все, что имеем, не наше, но и пользоваться не нашим можем мы с успехом только при помощи Божией. Кто есть Бог наш? Он не то, что бог

языческий, который спокойно сидит на небе, не думая о том, что происходит на земле. Кто есть Бог наш? Он не то, что бог необходимости, невольно покорный законам природы, без воли и свободы; Он есть Бог любви и мощи безграничной. *Он – Царь велий по всей земли (Пс.94:3)*. Помимо Его воли, помимо Его ведения, не спадет ни один волос с головы нашей. Им цари царствуют и от Него же ожидают себе пищи птенцы ворона. Пред величием Его все мало, а для любви Его и малое дорого. Он все видит; Он знает, к чему кто способен и что кому полезно *и овому дает пять талант, овому два, овому же един, комуждо противу силы его (Мф.25:15)*, каждому столько, сколько может принять без вреда для себя. Так святы наши молитвы к Господу благоговейные пред Ним. Святы ожидания наши всего лучшего от Господа, но покорные Его воле. То ли означает недовольство наше своим состоянием? Оно и надеждами обращено к нашим силам и тревогами восстает против воли Божией. Смирим его смиренною молитвою к Господу.

Думаете ли, что самая смиренная в глазах наших доля не может быть достаточною для нашего покоя? О, покой души не зависит ни от чего внешнего! Он зависит от расположения души к Господу. Тот, кто живет в Боге, говорит нам, *имуще пищу и одеяние, сим довольны будем (1Тим.6:8)*. А какой бедняк не может иметь пищу и одеяние, если только трудится он, как велеть Бог трудиться? Живи он со страхом Божиим, живи он в уповании на Бога и по Его воле он – счастлив. *Лучше частица малая со страхом Господним, нежели сокровища велия без боязни*, говорит мудрец Божий (Притч.15:16). К несчастью нашему, желания наши не знают предела, страсти наши не насытны; бездна никогда не скажет, довольно, – она все хочет поглощать, так и наши желания, устремленные к земным выгодам. И сколько неправд, сколько беззаконий дозволяет себе эта жажда большего, это недовольство тем, что дано! Иной доверие других обращает в средство торговли бессовестной и крадет чужое обеими руками, обнадеженный тем, что не видят. Как это низко, как это грязно пред совестью людскою! Другой доверием братьев пользуется для того, чтобы добывать

средства к мотовству, или к жизни не по состоянию. О, Боже мой! Какое глубокое забвение о Твоем суде грозном! Ужели опыты давно не сказали нам, что богатства, нажитые неправдами, низводят проклятие на дома и потомство. О, не будем неправдами нашими навлекать на себя гнев правды Божией! Пусть святые заповеди Вышнего полагают границы желаниям нашим; будем довольны тем состоянием, в каком поставил каждого Бог. В этом наш покой, в этом наше счастье, временное и вечное.

Апостол учит нас, «Бог расположил члены, каждый в составе тела, как ему угодно. Если бы все были один член, то, где было бы тело? Если все тело – глаз, то, где слух? Если все – слух, то, где обоняние? Глаз не может сказать руке, ты мне не надобна, или также голова ногам, вы мне не нужны. Так и в Христовой церкви» (1Кор.12:12, 17–19, 21). Видите, Богу угодно было устроить тело наше так, как оно устроено. И вместе с тем, как прекрасно устроено оно! Части тела не все равны, но каждая часть – на своем месте и выполняет назначение, полезное для всего тела. Хорошо ли было бы, если бы рука захотела быть глазом, нога – головою, а ухо – ногою? Точно в таком виде устроено духовное тело, царство духов свободных. Благодать Божия никому не отказала в том, что нужно для спасения и блаженства каждого. Пусть каждый выполняет свое назначение, тогда и каждый имеет значение высокое, для себя и других, и в целом – превосходный порядок. Если ты в составе таинственного тела назначен быть ногою, твое дело ходить и трудиться, а не смотреть за другими. Если тебе указано быть рукою, твое дело брать и передавать другим, а не рассуждать, или нежиться в покое. Если ты голова, управляй телом умно и заботься о его безопасности. Не жалуйтесь на то, что назначение ваше не высокое, при нем вы можете быть членами благородными и приобрести нужное для вас спасение. Будьте уверены, что ленивый и лукавый раб, что ни дай ему, употребит во зло себе и другим; но усердный и верный долгу своему и с малою частью имущества может быть богатым и счастливым. Ты не имеешь мудрости, но можешь иметь кротость, которая также дорога в царстве духовном, как и мудрость. Ты не

пользуешься здоровьем телесным, но постоянством в труде можешь избавлять себя от бедности. Ты не богат; но терпеливая бедность – не выше ли расточительной роскоши? Не умная мысль желает равенства для всех на земле. И на небе, в царстве славы, звезда от звезды разнится в достоинстве (1Кор.15:41). Умное дело наслаждаться тою долею света, которая дана Отцом светов. Ты улыбаешься, смотря на то, как дитя хочет казаться великаном. Осмотрись же, не более ли смешон ты, когда недоволен своим состоянием? При всем неравенстве дарований, мало ли получили мы от Господа, за что должны благодарить Его, а не роптать? Всякое дыхание хвалит Господа, каждая травка, каждое насекомое довольны своею судьбою. Мы ли неблагодарны будем пред Господом? Малость ли дары ума и воли? Мы все искуплены кровью Сына Божия; мы все наделены дарами Духа Святаго; всем нам готова блаженная вечность. Жизни земной слишком мало, чтобы за все то возблагодарить Господа.

Что приобретают недовольные ничем и ропщут на свою долю? израильтяне роптали на Моисея и на Бога и погибли в пустыне. Фараон, не признававший Бога израилева и требовавший только служения себе, погряз в волнах морских. *Не ропщите, братия, яко же неции ропташа и погибоша в пустыни,* увещевает нас апостол (1Кор.10:10). Дикое самолюбие, отторгшее себя от силы Божией, должно быть подавлено тяжестью своих немощей, – это неизбежно. Дух, известный ныне с именем сатаны, вышел из рук Творца ангелом света, лучшим из творений Божиих. Но недовольный своим состоянием, тогда как получил очень многое от Бога, он захотел выше звезд поставить престол свой и сравняться с Богом. Что же вышло из того? Нечестивая дерзость его страшно наказала его, отторгшийся от Бога гордостью ниспал в геенну. Вот верный образ судьбы всех недовольных своим состоянием. Кто ропщет на свое малое и гордо требует большего, тот, наверное, желает себе вредного. Ты горько жалуешься на бедность, но осмотрись, не одна ли бедность и может довести тебя до небесного царства? Ты жалуешься на то, что не в ряду людей чиновных и почетных. Но смотри, твоя лодочка безбедно плывет в свою

пристань, тогда как большие корабли погибают в волнах бурного моря; благодари же Бога за твою безопасность и вздохни о безрассудстве твоих же ланий.

По временам тяжело бывает смотреть на то, что творится на земле. Тяжело бывает видеть мир грешников, успех нечестивых, счастье тех, которые живут и действуют в угоду наглых страстей? Но – прежде должны мы осмотреть самих себя, должны узнать; правы ли мы во всем пред Богом, мы не довольные своими неудачами? Не заслужили мы того, чтобы торжествовали над нами нечестивые? Оставим другие дела наши, – каждое движение самолюбия нашего есть противление воле Божией; а сколько в нас таких движений! Каждый раз, когда хотим мы быть счастливыми по-своему, а не по усмотрению Божию; каждый раз, когда мы делаем дела без мысли о Боге, без чувства нужды в Его помощи, к славе своей, и вовсе не к славе имени Божия, не дерзко ли мы грешим пред Богом, не тяжко ли оскорбляем Того, кем движемся и существуем? Затем, несчастье ли для нас, если Отец небесный вразумляет нас неудачами нашими, как детей забывчивых? Несчастье ли для нас, если – Он судить нас, заставляет прийти в себя и обратиться к Нему со всеми немощами нашими и со всеми нуждами нашими? Несчастливы мы, если остаемся невнимательны к наставлениям Отца небесного. *О! буди имя Господне благословенно во веки! (Иов.1:21).* Грешны мы, Господи, пред Тобою; имеем нужду в наказаниях Твоих, твори с нами по усмотрению Твоему; только не лишай нас за грехи наши любви Твоей; помилуй нас по великой милости Твоей; пошли нам благодать Твою, просвещающую и исцеляющую нас! Пусть каждый из нас, братия, вопиет с Давидом, *не Богу ли повинется душа моя? От Того бо спасение мое. Ибо Той Бог мой, Спас мой, Заступник мой, наипаче неподвижуся (Пс.61:2–3).*

Что же до лукавнующих, не ревнуй им, *не завидуй творящим беззаконие, зане яко трава скоро исшут и яко зелие злака скоро отпадут.* До времени терпит их Господь, до времени позволяет им быть счастливыми. Он точен в правде своей; а нет нечестивца, в котором не было бы чего-либо

доброе. Потому за малое добро Господь платит нечестивому малым земным покоем. Если нечестивый избегает суда правды человеческой, если не тревожить его до гроба и суд Божий. Развязка всему – не на земле, полное оправдание судьбам Божиим – в вечности. Правда Божия откроется во всей силе своей – в другом кругу бытия. Там нечестивым заплатят за все их нечестие.

Братия мои! не жаловаться должны мы на свою долю, а благодарить за нее Господа. Чем бы ни посетил нас Царь небесный, какими бы путями ни повел нас в жизни нашей, Он всегда ведет нас к нашему вечному спасению. Наше дело благоговеть к Его воле и твердо помнить, что «всякому имеющему дастся и приумножится, а у не имеющего возмется и то, что имеет» (Мф.25:29). Аминь.

1837 год.

Часть 2-я

Отделение III. Слова на праздники Богородицы

Слово в день Рождества Пресвятой Богородицы

Сколько похвал, сколько дней праздненственных посвящает православная церковь рождшейся ныне Деве Марии! Ныне духовно торжествуем мы рождение Её. Потом прославляется день введения Её во храм, день Благовещения, день Успения. Каждый день церковь величает Ее, как честнейшую Херувим и славнейшую Серафим.

Если пример некоторых, называющих себя христианами, но не следующих православной церкви в прославлении Матери Божией, возбуждает в иных по временам недоумение о святости правила православной церкви, это не дивно. К чему не располагает пример других? Но надобно же узнать правду, чтобы не колебаться в любви к правде. Пусть будут светильником нашим слова Самой пресвятой Девы, *отныне ублажат Мя вси, роди.*

Праведная Елисавета, при встрече с Мариею, исполнившись Духа Святого, называет Марию Матерью Господа. И Мария, прославляя Господа, прославляющего Ее, говорит, *отныне ублажат Мя вси роди.* Что значат сии слова Марии? Простой ли это восторг души? Догадка ли это разума? или же, истинное пророчество? После того, как евангелист о состоянии праведной Елисаветы прямо сказал, *исполнися Духа свята Елисавета*, – не естественно предполагать, что последующая песнь Девы Марии, если бы она и не была особенною по содержанию своему, была только плодом естественного чувства радости. Евангелист не сказал, исполнися Духа свята Мария, только потому что Мария еще прежде названа благодатною, уже прежде приосенена была Духом Святым, тогда как Елисавета только при встрече с Материю Сына Божия исполнилась Духа Святого. И без слов евангелиста легко видеть, что слова св. Марии, *отныне ублажат Мя вси роди*, были не догадка разума. Что сказала пред тем Мария? *Призре на смирение рабы Своея.* Итак, Мария видит Себя только рабою, говорит только о смирении своем пред Господом. Как же при таком глубоком чувстве смирения

могло быть в той же Марии гадание разума о славе своей. Это значило бы, что в одно и то же время, в одной и той же душе, говорят смирение и гордость, самоуничтожение глубокое и самое мечтательное тщеславие. Согласитесь, что это совсем несовместимо в душе, сколько-нибудь внимательной к себе, тем более в благодатной Деве Марии. И на чем было основывать Марии догадку о будущей всемирной славе Своей? На том ли, что Она была от рода царей? Но слава рода Давидова давно кончилась, Мария была уже в числе самых неизвестных дочерей Израиля. Гадать такой Деве о всемирной славе своей слишком неестественно. Не основалась ли догадка о будущей славе на том, что Деве Марии предсказано о Её назначении быть Материю Мессии? Но, если Мария помышляла о сем не под влиянием Духа Божия, а только по духу своего времени, и только гадала *об устройении царствия израилева* (Деян.1:6), то, в сем духе, с чего могла Она ожидать Себе всемирной славы? Благословенна память Авраама, отца верующих; славно имя Давида, царя израилева; а имена матерей их известны ли кому-нибудь? Нет. Итак, несомненно, что не от собственного разума и сердца возникла в смиренной Марии мысль о будущей славе Её. Дух святой открыл Ей будущее и, по Его движению, Она изрекла о жребии, ожидавшем Ее во вселенской церкви Христовой. Если же так, если по вдохновению Духа Божия изречены слова о будущей славе Девы Мария, то чью волю исполняют ублажающие пресвятую Деву Марию? Волю Духа Божия. Кому не повинуются те, которые отрекаются чтить св. Деву Марию? Не повинуются Духу Божию.

Да, если иудей не ублажает Матери Господа моего, это понятно, – он не верует в евангелие, он не знает Духа, глаголавшего в евангелии. Но, если христианин не чтит благословенной, не знаю, как назвать его? Грустно, больно, тяжело видеть такого христианина!

Отныне ублажат Мя вси роди. Кого? – *Ту, от Нея же родися Иисус глаголемый Христос* (Мф.1:16). Иисус не простой человек, но Богочеловек. По учению евангельскому, в вочеловечении Сына Божия, человечество соединилось с личностью Сына Божия, соединилось подобно тому, как в нас

душа и тело соединены в одну личность. Человечество чистое, безгрешное, соединилось в утробе Девы Марии с Божеством истинным. Господь с Тобою сказал ангел Марии, Господь с Тобою – не только благодатным присутствием, но и существенным в Тебе вочеловечением. *Велия благочестия тайна, Бог явился во плоти (1Тим.3:16)*. Нет чести, и нельзя представить себе чести вышей той, какой удостоилась Она – Мать Богочеловека. Тот, Кого Отец родил прежде век, Единосущный Сын вечного Отца, Творца видимого и невидимого, Он приял во чреве Марии человеческое естество. Изумительно снисхождение Сына Божия! Чудно, несравненно величие Девы Марии! Истинно, Она честнейшая Херувим и без сравнения славнейшая Серафим!

Отныне ублажат Мя вси роди. И как не ублажать Ее всем родам, когда *вси роди* спасены Сыном Ея? Для чего Сын Отца вечного стал Сыном Ея? Для того чтобы обновить силою Божества растленное грехом естество человеческое; – для того, чтобы спасти человека от грозного проклятия правды, тяготевшего над человечеством; – для того, чтобы принести Отцу вечности вольную смерть Богочеловека в жертву за неповиновение человеков. Мария – Богоизбранное орудие спасения людей, орудие, вечным советом Божиим назначенное для дела Божия.

Если Дева Мария удостоена высочайшего избрания Божия быть Матерью Сына Божия и Спасителя мира, почему это сделано? По особенной благодати Божией? Не спору, это точно особенная благодать. Но благодать Божия может ли быть в противоречии с правдою Божией? Так, если Дева Мария, по благодати Божией, удостоенна высочайшего избрания, то, без сомнения, и без противоречия правде Божией. Превыше всех вознесена Она избранием, но потому, что выше всех была достойною избрания. Не пристанет корабль с сокровищами к берегу, если берег не имеет пристани. И тайна небесная возвратилась бы на небо, если бы Дева Мария не была достойною принятия сей тайны. Спаситель явился не прежде, как явилась Богоизбранная Мария. Думаете ли, что одно с другим не имело никакой связи и соотношения? В делах

человеческих обыкновенное дело – бессвязность дел; но не в путях Божиих. Не требовалось ли слишком многого, чтобы из среды людей грешных явилось достойное вместилище Бога-Слова? Не надлежало ли быть тому, чтобы человечество прошло долгий ряд очищения и освящения в сонме патриархов и всех святых мужей Ветхого Завета, пока могло явиться наконец в Марии на той степени чистоты и совершенства, на коей могло сделаться вместилищем Божества? Так, рождением Марии разрешилось неплодство не только Иоакима и Анны, но всего рода человеческого. Мария – чистейшего Агнца среди чистых агнцев Божиих, – мужей и жен святых.

Како будет сие, идеже мужи не знаю? – говорила Мария возвещавшему Ей о рождении от Нея Сына. Если не знает она мужа, хотя и была уже обручена с мужем; если не знает мужа до того, что не считает возможным рождение сына, то ясно, что это – Дева, обрекая Себя в невесту Единому Господу. Мария, по Её собственному сознанию, чистая Дева, Дева, посвятившая девство Свое Господу. *Дух Святый найдет на Тя и сила Вышнего осенит Тя*, говорил небесный вестник Марии. И так, и по свидетельству ангела, Мария – чистая Дева. По откровению вестника Божия, рождение Мариино – рождение беспрецедентное, единственное, рождение женою без мужа, рождение по действию Духа Божия. Возблагоеваем пред Девою беспрецедентною, возблагоеваем пред тайною Духа Божия.

Указывают на то, что евангелисты мало говорят нам о Марии. Можно ли сказать что-нибудь выше того, что говорит о Деве Марии благовествующий ангел? Он указывает в Ней ангельскую чистоту и непорочность; он говорит о Ней, как о сосуде Духа Божия, как о Деве – Матери Сына Божия. Если евангелисты говорят о св. Деве, как о исполненной самого глубокого смирения, то не говорят ли они тем самым, что вся слава дочери Царевой внутри, что величие Её духа тем особенно велико, что оно скрывалось в глубине духа? *Яко призре на смирение рабы Своея*, свидетельствует Мария пред лицом Божиим, в состоянии вдохновения Божия. И с этим согласна вся евангельская жизнь Её. Она не искала делить славу Сына Своего, когда народ славил Его за чудеса, когда

встречал Его с восклицаниями восторга, *Осанна Сыну Давидову!* Когда же ослепленные бесславят Сына Марии, кричат: *неистов есть*; тогда видим с Иисусом и Матерь Его (Мк.3:21,31). Она же стоит при кресте Его пред лицом ожесточенных врагов Его, стоит тогда, как самые близкие ученики Его оставили Его. Не путь ли это к славе небесной? Не более ли говорят молчанием своим евангелисты о высоких качествах Девы-Матери, чем могли сказать словами? В молчании соблюдала Она вся глаголы Сына Своего, Сына Божия (Лк.2:19). Прежде нежели чудесами *явил Он славу Свою и вероваша в Него ученицы Его* (Ин.2:11), Она уже столько веровала в чудодейственную силу Его, что убедила Его совершить первое чудо в Кане Галилейской. Так, ранее других и совершеннее других веровала в Него Матерь Божия и знала Его, – и, однако, оставалась со своим глубоким смирением мало заметной. Какое необыкновенное величие смирения!

Блаженно чрево, носившее Тя и сосца, яже если ссал (Лк.11:27), воскликнула в восторге духа жена, усладившаяся беседою Христовою. Что это значит? Ясная хвала Матери Иисуса Христа, и хвала, замеченная евангелистами! Конечно, никто не скажет, что слова жены, слушавшей Спасителя, не плод благочестивого сердца; никто не скажет и того, что эти слова не имеют значения назидательного в повествовании евангелиста. Напротив, соображая слова жены благоговейной с пророческим изречением Девы Марии о будущей славе Ея, видим в этих словах начало исполнения слов пророческих о всемирной славе Марии.

Итак, евангелисты не скрыли ни высоких свойств, ни славы святой Марии. Они по отношению к Матери Сына Божия, в точности исполнили волю Божию о Ней. Если Сын Божий считал нужным, чтобы до прославления в Нем человечества небесною славою не говорили о славе Его на земле, тем более тому надлежало быть и по отношению к Матери Сына Божия.

По преселении с земли на небо, естественно исполниться во всей полноте пророческому слову Марии, *отныне ублажат Мя вси роди*. Теперь, как не ублажать Ея, когда, пребывая в славе Сына Своего, Она ходатайствует за нас, как Матерь всех

верующих в Сына Ея? Она любит нас, как братьев во Адаме, как детей в Сыне Её – Иисусе Христе. Она ходатайствует о нас пред Сыном по праву Матери, молит Отца небесного по праву любви Своей и Его к бедным странникам земли. Сын любит Ее, как Мать. Он показал Ей любовь Свою и на земле, когда в самых болезнях крестной смерти заботился о Ней и сказал возлюбленному ученику, *Се Мати твоя* (Ин.19:27); Он исполняет прошения Её – как Матери, Коей повиновался и во днях плоти (Лк.2:51). Как же не быть Ей сильной ходатайницей за грешных на небе? Если ангелы молятся за нас, и молитвою преклоняют Господа ко услышанию наших молитв, то как ходатайству Матери Сына Божия не быть услышану пред престолом Божиим? О, как несомненно ходатайство Её за нас! Кто прибегал к Ней, и не был услышан? Кто не испытал на себе милостей Ея? Сколько знамений Её помощи небесной! Сколько икон, – орудий чудес Ея! Нет града, нет веси в православном отечестве нашем, где бы не славились благодеяния Ея, где бы в честь Её не были воздвигнуты храмы. В глубине севера, среди льдов, согревает Ола веру благодеяниями Своими; каждый день вера испытывает на себе помощь Ея, там или здесь, явно или тайно, в кругу семейном и в глубине уединенной души.

Обратимся убо к Матери нашей с верою теплою, с надеждою детскою. Матерь Божия – Матерь всех уповающих на Тя! На Тебя уповаем мы, немощные чада православия, – не остави нас во днях скорбей наших, спаси сильным предстательством Твоим. – Аминь.

1846 год.

Слово на день Введения Богоматери во храм

Поучительный пример представляет нам ныне св. церковь.

Праведные Иоаким и Анна приводят единственную Дщерь свою в храм, и посвящают Господу. То что было для них всего дороже, отдают Господу. Юное, единственное дитя, которого едва дождались во днях старости своей отнимают у себя самих, отторгают от объятий своих. Они хотят, чтобы воспиталось оно благочестием пред лицом Божиим, – и, ни возраст трехлетней дочери, ни то, что это была одна, долгожданная дочь их, не останавливает решимости их. Они уверены, что в храме Божиим, в сем месте присутствия Божия, юная отрасль их возрастет как нельзя лучше, и по душе и по телу, процветет как маслина, орошаемая влагою слышания закона Господня согреваемая теплотой молитвенного возношения к Богу. И – века знают, как величественно исполнились надежды их!

Отцы и матери! пример сей не учить ли вас вашим обязанностям к детям? Не показывает ли, как вам надобно быть внимательными к своему званию? Вместе с вами желаю размыслить о ваших отношениях к детям.

Сама природа говорит отцу и матери, что их долг не тем только ограничивается, чтобы рождать детей, – но им надобно кормить и пристроить детей по состоянию. Того, кто отказал бы в пище своему птенцу, общее чувство считает ниже зверя, и лютая львица кормит своего львенка, и птенцы хищного коршуна не бросаются без призора, пока не будут в состоянии летать и находить себе пищу. Ужели между людьми могут встречаться отцы и матери, которые бросали бы детище свое на волю судьбы, отвергнув от своего призора?

Сердце содрогается, когда подумаем, что есть дети, брошенные без крова, без пищи. Но – дело еще не в том, что юное тело обречено страданиям. Далекое более важно, что души гибнуть голодом. Далекое более страшно, когда вовсе не заботятся о сохранении души детей своих, оставляют ее в жертву гибели, даже сами содействуют гибели. И знаете ли, что особенно ужасно? Детей, которых души, хотя и не тела,

обрекаются гибели, так много встречаем, что трудно составить им исчисление.

А как дорог выкуп за душу? Она – дыхание Божие. Для неё Сам Сын Божий нисходил на землю; ей принес свет истины, для неё страдал, был распят, и умер в муках. Чем же платить будут там на суде – на суде страшном, если по легкомыслию, по рассеянности беспечной, по нерадению крайнему, не только ничего не делали для спасения юных душ, но были виною гибели их?

С какою нежностью Спаситель принимал к Себе детей! *Оставьте их приходить ко Мне, и не браните им, таковых бо есть царствие Божие (Лк.18:16)*. В купели крещения души младенческие посвящаются Господу, а вы, отцы и матери, самым именем своим обязываетесь хранить и возвращать их для Господа. Делаете ли вы это? Апостол говорит, спасется жена чадородия ради, т.е. если рожденные ею, по её заботливости, возрастут в вере и любви к Господу (1Тим.2:15). Следовательно, спасения ли может ожидать себе жена, когда она не знает и не хочет знать, что такое рождение духовное?

Что же надобно делать для спасения юных душ?

Что делает искусный садовник с молодым деревцом? Поливает, очищает, оберегает. Делайте и вы тоже с юною душою.

Да накажеша ими (заповедями) сыны твоя, и да возглаголеши о них сидя в дому, и идый путем, и лежа, и востая (Втор.6:7). Вот что заповедал Сам Господь родителям! Учить детей заповедям Божиим – вот самый важный долг родителей! Выше, нужнее, питательнее веры нет ничего на свете. Все другие знания имеют цену относительную временную, касаясь нужд души неважных и случайных, но с верою душа должна жить вечно. Вера – живой источник спокойствия, счастья заслуг для времени и вечности. Без веры душе жить нельзя; без неё в душе мрак, порча, расстройство, и жизнь её – мука. Вера с первым движением души обнаруживает права свои на душу и этих прав, хотя бы хотели, не могут отвергнуть, душа сама их освящает. И, после детского возраста нет, другого более способного и готового принимать от

родителей и наставников благотворные семена веры. Как страшно вам будет, беспечные родители, отвечать за детей ваших! Лишив их в юности спасительных семян веры, которые так легко и так глубоко могли бы пустить корни в нежных сердцах их, вы пускаете их в свет с пустотою, – и грешный свет свободною рукою наполняет эту пустоту соблазнами, пороками, заблуждениями самыми дикими. Не будут ли после того вапы собственные дети вопиять на вас пред судом Божиим? Да, они будут обвинять вас, как самых жестоких врагов своих.

Да возглаголеши о них сидя в дому, и идый путем и лежа, и востая. Так важны для души заповеди Господни, что о них надобно говорить очень часто. Но не слишком ли часто требуется говорить о них? Когда же обучат детей другим предметам? Слушатели мои! я не знаю, разумел ли Моисей все те предметы, которым многие обучают детей своих? Но не сомневаюсь, что для предметов, совместных с заповедями Божиими, он оставил так много времени, что не можете жаловаться.

Предлагаемый им способ преподавания и изучения веры, удивительно, как удобен по всему! Учить вере, по наставлению Моисея, означает, чтобы заставить дитя выучить памятью десятословие или члены символа веры. Нет, надобно говорить с дитятею о вере, как о предмете ежедневной жизни, как о предмете, который нужен на каждом шагу, и который нужно изучать на каждом шагу, *и идый путем, и лежа, и востая*. Надобно только уметь это делать, а уметь не трудно, потому что говорить о вере не трудно. Показывайте дитяти, что грех действительно вреднее всего на свете, что любить Отца небесного также нужно, также сладко, как любить мать, как любить отца, которых дитя видит. Говорите дитяти, что все мы получаем от Отца небесного, что без Его любви к нам не было бы у нас ни пищи, ни питья, ни одежды, ни цветов, что Он все видит, все слышит, все знает, даже мысли и намерения наши; что Он любит только добрых, и наказывает за худое; что любовь Его велика к нам, так велика, что Он Сына Своего Единородного послал с неба на землю для спасения нашего, и Сей Сын за наши грехи распался на кресте, чтобы мы видели, как грех

низводит на себя гнев Божий. Если бы так говорили с дитятею, такой язык, такой разговор, без сомнения, был бы понятен ему. Оно слушало бы вас со вниманием, само спрашивало бы вас о том и другом предмете с открытою душою. Вопросы о вере – основные вопросы в отношении к целому миру; решая их, решают или побуждают решать вопросы об окружающем мире. поскольку же нет ничего выше и животворнее предметов веры, то, питая юную душу верою, облагораживали бы ее, как нельзя более, расширяли бы силы её для труда, даже в тех случаях, где остается безуспешным всякое человеческое усилие. Так – вы можете запрещать угрозами делать худое; но думать о худом, желать худого запрещала бы дитяти мысль веры о Всеведущем Судие сердец.

О, если бы так беседовали с детьми отцы и матери! Но так ли беседуют? О том ли говорят с ними? Нет, не о Тебе, о Боже сердец наших, не о Тебе говорят в семействах; другими предметами занимают юные души, столько дорогие для Тебя; тысячи предметов, миллионы предметов разговора; не говорят только о душе и Боге! О имени Иисуса в иных домах едва ли когда и слышали; не слышали о Том покланяемом имени, которое дети должны бы были иметь во устах, как скоро лепетать начинают. К чему же готовят себя и детей эти люди? А еще жалуются, что дети не знают ничего существенно-доброего, не занимаются и не хотят заниматься дельным, ленивы и непокорны, капризны и непочтительны. Как же быть им иными?

Иже щадит жезл, ненавидит сына своего, любяй же наказует прилежно (Притч.13:25). Язвы и обличения дают мудрость (Притч.29:15). Так говорит древний мудрец. Наказания, говорят – жестокость. Не спорю и, следуя древнему мудрецу, оставляю на волю ненавидеть детей. Что? это еще жестче? Без сомнения. Послушайте же, други мои. Если есть болезнь, то нужно и врачевство, сообразное с болезнью. А наша беда в том, что все мы больны и болезни обнаруживаются в нас еще в детстве. Разность между нами в том, что, если лечат нас, бываем здоровее; не лечат, – болезнь застаревает. Наказания необходимы, как лекарство против зла, когда в питомце чувственность берет верх, или своеволие самолюбия выходит

из пределов естественной немощи. Напрасно мечтают иные, что любовь их возведена на высшую степень, если ни в каком случае не позволяют себе мер благоразумной строгости. Тут видна не полнота любви, а отсутствие разумной любви к человечеству. Тут видно только то, что не знают ни благих плодов той крепкой любви, которая любя наказывает, ни губительных следствий той слабой любви, которая, отвергая всякое наказание, дает простор всякому злу. «Он еще молод, он еще ребенок, говорят; с годами будет умнее». Правда, дети с годами становятся смысленнее; но худые наклонности, худые привычки, если не укротят их в самом начале, не только не ослабляются с годами, но растут и становятся сильнее. Угодно ли тебе, нежная мать, чтобы нежно любимый сын, который теперь так волен, в последствии обращался с тобою, как с последнею служанкою? Будет, непременно будет он таков, если не станешь вразумлять его строгостью, как требуют поступки его. Ты еще не веришь? Потрудись посетить смиренный дом; там увидишь опыты; там услышишь жалобы – в роде следующей, «если бы отец и мать наказали меня за первое худое дело, я не был бы теперь таким негодяем пред Богом и пред людьми».

Впрочем, да не подумают, что древний мудрец требует, чтобы да исправления виновных детей обращались к гневу, запальчивости, брани. Он требует обличений для того, чтобы приобреталась мудрость, а не для того, чтобы сеяли неразумие. Будьте строги, но спокойны духом, будьте тверды, но с твердостью любви; будьте внимательны, но к тому, чтобы доброе свободно росло в юных сердцах, пусть они видят, что вы обращаетесь к горькому лекарству только по нужде, и из любви к долгу. Иначе, дети будут бояться побоев, но не пороков; иначе пороки их, под влиянием несправедливости вашей, будут тайно умножаться и расти.

Ваш пример, отцы и матери, ваше поведение сильнее слов и наставлений действуют на юные сердца. Если худ пример, не ждите плода от наставлений; пример все погубит. Неопытное дитя идет по следам своих воспитателей; в нем более, чем в зрелом человеке, замечается охота и способность подмечать

все, что вы делаете, и обращать в правило для себя. Таково свойство души, в которой еще не развита деятельность мысли, а действуют память и наблюдательность чувственная. Не говорите ребенку неправды, и он будет стыдиться лжи. Если упрекаете его за резкость укоризн и жесткость слов, а сами за минуту пред тем делали выговор грубый, то вы бьете воздух. Вы учите сына страху Божию, а сами клянетесь без нужды, или с забвением Бога правды, поверьте, наставление ваше пропадет без плода. Вы говорите сыну, что надобно молить и благодарить Господа, а сами вместо храма идете туда, где вовсе не думают о Боге, где бесчестят Его делами, что вы делаете? Вы убиваете веру в сыне. Добрая мать! ты учишь дочь твою скромности, стыдливости, чистоте, и при ней же осуждаешь знакомых тебе, тревожишь языком честь и покой едва известных тебе, говоришь о том, о чем и наедине надобно только плакать, понимаешь ли ты, что ты делаешь? Нет, если вы хотите, чтобы дети ваши любили добро, показывайте делами, что добро достойно любви, а порок то же, что язва. Пусть жизнь ваша будет хвалою Господу и любовью к человечеству, тогда и ваши дети будут жить для славы Божией и для пользы людей. Как необходимо да вас, родители, быть благочестивыми! Гнев и благословение Божие переходят от вас к детям и внукам. Отчего это? Как это? Очень просто. Худой пример ваш научает худому детей ваших и – худые привычки, худые расположения, достаются по наследству детям вашим. Дикое дерево дает ли плоды вкусные?

Боже Благий и Всемогущий! Молитвами Преподобной Девы Богородицы подай сердцам нашим свет и силу да творим волю Твою святую. Аминь.

1843 год.

Слово в день Благовещения Пресвятой Богородицы

В месяц шестый, после того как праведная Елисавета, по благовестию архангела, зачала сына – Иоанна, послан бысть ангел Гавриил от Бога во град галилейский, ему же имя Назарет. Небесный посланник, явясь к обрученной Деве Марии, приветствовал Ее: радуйся благодатная, Господь с тобою, благословенна ты в женах. Необыкновенное приветствие смутило ту, которая ничего великого в себе не видела, ничего особенного для себя не ожидала. Она же видевши смутися о словеси его, и помышляше, каково будет целование сие, – размышляла, недоумевая, что это за приветствие? Тогда небесный посланник, исполняя поручение и, успокаивая смиренную Марию, возвещает ей, что Она родит Сына, которому наречет имя Иисус. И се зачнеши во чреве, и родиши Сына, и наречеши имя Ему Иисус (Лк.1:27–31).

Предмет настоящего празднества, братия, – благовестие о рождении Мариею Сына, Ему же имя Иисус. Итак, прилично дню празднества размышление о словах благовестника, *и наречеши имя Ему Иисус.*

Если есть свет чистый для омраченного странника земли, если есть сила для истощенной грехами воли его, если есть надежда на радости в вечности и в стране скорбей, то все это заключается в том имени, о котором возвещает ангел.

И наречеши Ему имя Иисус. Наименование имени, по первоначальному значению имени, не должно быть делом произвола; имя должно выражать свойства предмета, которому дается оно. Так нарекал имена первый невинный человек, в котором все происходило по закону совершенства, мысль выражалась в точном, соответственном ей слове, слово вполне соответствовало мысли. Только грехом нарушился такой порядок; грех ослабил в человеке способность познавать внутренние свойства предметов, и тем лишил его возможности нарекать имена, соответствующие сущности предметов. Но, чего сам не может более человек, то совершает Дух благодати,

наставляющий на всякую истину; сей Дух нарекал знаменитым лицам царства Божия имена, открывающие людям особенное значение, особенные свойства сих лиц. Так без сомнения, и в настоящем случае, когда самим Богом назначено имя Сыну Марии.

Что это за имя, которое наречет Мария в исполнение воли Божией, и которое должно открыть людям свойства Сына Ея?

Евангелист писал евангелие для тех, которым известен был язык греческий, и потому писал на греческом. Ангел благовествовал Марии, рожденной от дому Давидова, конечно, словами того языка, на котором говорили потомки дома Давидова. Таким образом, это приводит к той мысли, что значение слова – Иисус надобно искать в языке еврейском. И в самом деле, следует только открыть ветхий завет, и мы увидим там довольно лиц с именем, Иисус. Так – известен Иисус, сын Нуна, помощник и преемник Моисея (Исх.17:9, 24:13; Чис.13:16). Известен Иисус первосвященник, сын Иоседека (Зах.3:1; Агг.1:1, 12). Не говорим о других (Неем.8:17, 7:7; 1Цар.6:14, 18; 4Цар.23:8). Итак, Марии рожденной от дому Давидова, известно было слово языка, на котором говорил Давид. А для нас? Нам нужно испытать значение, если можем испытать, или же, положиться без испытания не знающих. По греческому произношению Иисус, по еврейскому сокращенно Иешуа, означает спасающего, или просто – Спасителя.

Представим объяснение более, нежели человеческое. Евангелист Матфей повествует, что, когда Иосиф, обручник Марии, заметив Марию, имеющую во чреве, возмущился сомнениями, ангел Господень явился ему во сне с успокоением, и говорил, *родит же Сына, и наречеши имя Ему Иисус, Той бо спасет люди своя от грех их* (Мф.1:18–21). Вот, и тоже имя и тому же лицу, о котором размышляем, и объяснение имени – и наречении имя Ему Иисус. Почему? *Той бо спасет люди своя от грех их*. И кто же, открывая, объясняет имя? Ангел Господень. И еще? Евангелист Христов. Два свидетеля небесный и земной, или точнее, оба небесные. Сего довольно для верности объяснения. Если состояние Иосифа было таково, что ему надобно было не только открыть имя Сына Марии, как

открыто оно и Марии, но надобно было объяснить и значение спасения в Сыне Марии, то сколько должны мы благословлять Духа благодати. Который, врачуя немощь одного, врачует немощи миллионов, притом более немощных, чем тот один, праведный Иосиф.

Итак, тем более нужно внимания к учению благовестников о значении имени Иисус.

Той бо спасет, это первое и существенное значение имени, Иисус. Но кого, и от чего спасет Тот, о Ком благовествует небесный посланник? Мы сказали, что довольно было лиц с именем Иисус; которые и делами более или менее соответствовали своему имени. Таков ли же Тот, о котором преподаются благовестия Марии и Иосифу? О, нет! Он столько превосходит всех спасающих, что слабая мысль наша не в состоянии вполне обнять открываемое о Нем ангелом. Много утешительного, много великого и в том, что Сын Марии – Спасающий. Но, сколько света, сколько силы, сколько утешения в том, кого и от чего спасет Он!

Той спасет люди своя. Народ Израильский был по преимуществу народ Божий; ему преимущественно даны были обетования, для него прежде всего надлежало явиться Христу. И вот небесный вестник благовествует о Сыне Марии, *Той спасет люди своя – Израиля*. Итак, Иисус есть Тот самый Спаситель, Которого так давно ожидал израиль, – есть Тот самый, *Которого желали видеть патриархи и не видели* (Ин.8:56), о Котором столько величественного прорекли пророки, на Которого надеялись, на Которого зрели издали все ветхозаветные праведники (Деян.2:3). *Той спасет люди своя*. Язык пророков, прорекая о Спасителе Израиля, возвещал вместе с тем о спасении всего мира. Мессия – слава Израиля, вместе и свет во откровение языков. *Людие ходящии во тме* должны были увидеть свет велий, и над живущими в стране мрака мертвящего, надлежало воссиять животворному сиянию, когда родится Отроча (Ис.9:1–2). Всем нужен был Спаситель, и для всех обещан Спаситель – *чаяние языков* (Быт.49:10). Тем же языком пророчественным возвещал и вестник небесный, *Той спасет люди своя*. И нет другого имени под небом, данного

человекам, которым бы надлежало нам спастись (Деян.4:12). Пред именем Иисуса-Христа должно поклониться всякое колено небесных и земных, и преисподних, и всяк язык – исповедовать в нем славу Бога Отца (Флп.2:10–11).

Той спасет люди своя от грех их. Израиль, к несчастью своему, в самое время явления Обещанного, терял из виду чистые понятия о Спасителе обещанном; люди обыкновенные; самая большая часть народа, ожидали избавления только от бедствий временных. Заботы о земле, об удобствах земной жизни, ослабляют, погубляют в душах святые помышления; они оставили в сердцах фарисейских лить мечты о временном счастье, о временной славе, о политической независимости народа. Но не таким спасителем должен был явиться Спаситель мира, по пророчествам. И не таким является Он. *Той спасет люди своя от грех мир.*

Иисус – Спаситель от бедствий духовных, – от бедствий, которые, начинаясь во времени, могут продолжаться целую вечность. Как тяжки, как страшны сии бедствия, и как они разнообразны.

Братия! грех омрачил зрение сердец наших; предметов самых необходимых для вечной жизни нашей, то вовсе не видим мы, то видим в полумраке, или в превратном виде. На что открыты глаза наши? Чем полны мысли наши? Землею, прахом. Что ж будет с нами, когда все земное кончится? Что за жизнь будет – жить целую вечность во мраке? О, какая это ужасающая жизнь! Братия! во Иисусе Христе *вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол.2:3). *Той бысть нам премудрость от Бога* (1Кор.1:30). Если не будем на Него взирать сердцами нашими, если от Него не будем просить света, если Его учением не будем просвещать души наши, если в Его законе не думаем поучаться день и ночь, верен Бог – другого просветителя душ, другого света Божия для нас нет и быть не может. Один есть *Свет истинный, Иже просвещает всякого человека грядущего в мир* (Ин.1:9). Он возвестил о Себе, *Аз семь путь, истина и живот* (Ин.14:6). Будем зреть на Него неуклонно, будем содержать Его имя в уме и сердце

непрестанно, да животворный свет Его просвещает умы и сердца наши истиною.

Грех как нарушение вечного закона Божия, подвергает нас вечному осуждению. А кто скажет о себе, что не грешен? Если мы многих грехов не сознаем на себе, если во многих случаях не чувствуем, как тяжело грешим пред Богом, то по той же причине, почему иной больной вовсе не чувствует, что он болен, хоть чрезвычайно опасно болен. *Вси бо согрешиша, и лишена суть славы Божия (Рим.3:23). По естеству мы чада гнева, как зачатые во грехе (Еф.2:3).* Одно средство для нас к примирению с Богом; это имя Того, о Ком благовествует ныне архангел Деве, *Той спасет люди Своя от грех их. – Се Агнец Божий, возмем грехи мира (Ин.1:29).* Никакие подвиги наши, никакие уставы внешние, ни старые, ни новые, не спасут нас от вечного осуждения без теплой, пламенной веры в Спасителя мира. *Аще бо законом правда, убо Христос туне умре (Гал.2:21).* Бог во Христе мир примиряет Себе, не вменяя нам согрешения наших (2Кор.5:19). Тяжек грех для души нашей, язвительны укоризны совести; никакие пожертвования не мирят с нами Бога, не равняясь тяжести оскорбления, причиненного правде Божией. Сладчайший Иисусе! Ты Единый промыслитель наш, Ты Единый Спаситель. Сила греха! Сколько не поражаешь ты меня каждую минуту, но я живу упованием на сладчайшего Иисуса. Обременен я неправдами и беззакониями, но, пришел в себя, иду ко Отцу с правдою Сына Божия, а она достаточна для того, чтобы доставить всегда и для всех грехов очищение (Евр.9:11–14). Молю Тебя, Твоею же беспредельною любовью умоляю Тебя, сладчайший Иисусе, да сохранится до издыхания моего в сердце вера во всемогущую силу искупительной жертвы Твоей! Апостол поучает нас, *чадца моя, пишу сия вам, да не согрешаете, и аще кто согрешит, Ходатая имамы ко Отцу Иисуса Христа праведника, и Той очищение есть о гресех наших, не о наших же точию, но и всего мира (1Ин.2:1–2).* Как не воссылать хвалы благодарной, как не поклоняться, как не служить нам, сладчайшему Иисусу во все дни странствия нашего земного? Как не остерегаться греха, когда столько сделано для нас Иисусом для избавления от греха?

Если теснят нас бедствия временные и колеблют дух наш в служении Богу сердец наших, защита нам – Тот же сладчайший Иисус. Он Царь наш, с тем чтобы защищать и спасать верующих в Него от всех врагов их. Ему дана вся власть на небе и на земле.

Но тогда, как столько утешает нас великое имя сладчайшего Иисуса, слышим, некие старые приносят на нас жалобу благочестивому царю, «Господу нашему Иисусу Христу спасенное Его имя, нареченное от Бога ангелом, переменили же?» И хотят думать, что они-то одни и спасаются именем спасенным (Челобитная соловецк. стр. 73).

Что это за жадоба? Как переменили «спасенное имя?» Конечно, разумеют то, что мы говорим и пишем, Иисус; а жалующиеся говорят и пишут, Иисус!

Но, любитель старины, подумай с смиренным вниманием, что значит, переменить имя кому либо, или чему-либо? Вот, например, когда святую церковь Христову, соблюдаемую благодатью Святого Духа, и соблюдающую силу благодати врученное ей сокровище веры, называют именами укорительными, хульными, согласишься, что в таком случае переменяют имя. И чему же переменяют? И кто переменяет? Рече Господь: *уже аще речет брату своему, рака, повинен есть сонмищу; а уже речет, уроде, повинен есть геенне огненной* (Мф.5:22). Вот и еще перемена имени. Осмотрись же боящийся Бога – любитель старины! Сообрази, то ли значит переменять имя, о чем ты думаешь, – сообрази и то, что, если так страшно переменять имя лицу частному и обыкновенному, как же ужасно давать другое имя целому собранию миллионов верующих!

«Господу нашему Иисусу Христу спасенное Его имя переменили же?» Пред целою церковью свидетельствовал и свидетельствую, что имя Господа моего есть имя единственного Спасителя мира, в Ком все утешение, все просвещение, все надежды жизни моей вечной. Молю и буду молить Самого же Спасителя Господа моего, чтобы для Его же имени сохранил во мне сию веру до гроба и за гробом. Желаю и надеюсь, что тем же признаешь Его для души твоей и ты, любитель старого. Ты и

я веруем, должны веровать, что Исус или Иисус, есть Искупитель наш, единственный Спаситель грешников, Ходатай Бога и человеков. Так, благодарение Господу, вера в Господа Спасителя у нас одна. А если вера в Него одна; из-за чего же ты не миролюбиво удаляешься от меня? За что твоя жалоба? За что жестокое негодование? За что укоризны?

Разность в том, говоришь ты, что мы по-старому говорим и пишем, Исус, а вы говорите и пишете, Иисус? Но – подумай, это разность произношения и письма, а не разность имени. Это разность языка, а не сердца, разность пожалуй скажу, чье-либо косноязычия, а не веры. Стоит ли все это того, чтобы ты раздирал ризу Христову так немилосердно и без опасения – относительно себя самого? Надобно ли для разности буквы вводить тебе раскол в церкви Христовой? Вот пример из евангелия, Преблагословенную Деву, Коей приносит ныне благовестие архангел, евангелист Матфей называет то Мариєю, обрученной убо бывши Матери Его Марии Иосифови, то Мариам, Иосифе, сине Давидов, не убойся прияти Мариам (Мф.1:18,20). Скажите, ужели надобно за эту разность отделяться от евангелиста Христова? Скажут ли Петру, Петер или Петр, назовут ли Ивана Иваном или Иоанном, ты понимаешь, что имя дают одно, и только произносят неодинаково, – и за эту разность никого не ведут в суд.

Если хотят, чтобы имя достопоклоняемое произносилось так, как произносилось оно в самой глубокой древности, пусть любят точность, лишь бы не вела она к раздору. Но зачем же не понимают, что ни Исус, ни Иисус, не есть самое древнее произношение достопоклоняемого имени? Мы видели, что архангел, благовествовавший Деве из дому Давидова, из племени иудейского, благовествовал на языке дома Давидова и, следовательно, «спасенное имя, нареченное от Бога ангелом», было Иешуа.

Если хотят знать, как евангелист записал сие имя, и как оно в первый раз написано в евангелии, т.е. с двумя ли гласными, Иисус, или, с одною, Исус, – приведу один пример, который, как думаю, может решить недоумение.

Варнава, муж времен апостольских, которого послание известно было уже во втором веке и было читаемо верующими с пользою для души, писал в своем послании, «Авраам, который первый употребил обрезание, предвзирая духом на Иисуса, обрезал дом, держася значения трех букв. Ибо сказано, и обрезал Авраам из дому своего десять и восемь, и триста мужей. Как же показано в сем ведение? I – десять, И – восемь, вот начало имени Иисусова!» «Так писал бл. Варнава. Нам с тобою дело только до букв, любитель старины. Итак, вот тебе первые буквы имени спасительного. Вот пример времен апостольских, где ясно можем видеть, что первыми буквами спасительного имени были буквы – ИИ, и что «спасенное имя» произносили и писали тогда – Иисус. На новость сей древности ты не можешь жаловаться, не можешь жаловаться и на то, будто букву прибавили здесь неверные, ибо ни прибавлять, ни отменять ее здесь нельзя; две начальные буквы входят в состав самого учения бл. Варнавы: числительным значением букв, ИИ, он учит, что имя Спасителя Иисуса было пред взором веры Авраама, Отца верующих.

Братия! спасение не в буквах старых или новых. Спасение в Иисусе Христе, а усвоится душою чрез веру, ту веру, которая за имя Спасителя готова отдать все, жертвует самыми любимыми склонностями сердца, самыми старыми привычками грешной души. Верую чистою, верую живою и действенною, будем благодарно славить Спасителя нашего, славя. Его со Отцом и Духом Святым. Аминь.

1844 год.

В храме Благовещения, что на московском форштате.

Слово в день Успения Богоматери

И живот предобручает смерть.

Все чудно в Матери Господа. Я по рождении Дева, и по смерти жива. Определением Вышнего положена смерть для всех детей Адама. Мария – дочь Давида и, следовательно, Адама. Но, в Ней смерть уступает место жизни. Гроб каждого веет тлением и мраком, смерть каждого так мрачна; так печальна. Одр Богоматери – светел, как брачный чертог; смерть Её является не страшною или печальною, но радостною и торжественною. За дверью гроба Её отверзается светлая дверь неба. Здесь смерть об руку с жизнью. Живот предобручает смерть. При одре Богоматери как бы нет и смерти, смерть преобразилась в успение, т.е. в успокоение, подобное мирному сну. Здесь только преставление, т.е. как бы легкое перестановление с места на место, от места в мире видимом в селение мира невидимого. Не воссиявает ли еще свет с светлого одра Богоматери, собственно, и для нас странников печальной земли? Мы торжествуем тридневную смерть Господню, как живоносную для всех нас. Показывая гроб Господень, с отваленным камнем с пеленами погребальными, апостолы говорят: *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1Кор.15:20). Не о том же ли проповедует и гроб Богоматери? Точно, о том же. Он говорит нам, вот и опыт, очевидный опыт того воскресения, которого Христос был началом. Пренепорочная так созрела на земли для неба, что и тела Её не могла удержат земля до общего воскресения. Так восхождение Богоматери с плотью на небо оставляет нам на земле мысль о преображении, которое последует некогда и с нашим телом. Если мы мало думаем о том, что будет с нами, с нашею плотью, это не служит к чести нашей. Как не думать о том, что непременно совершится с нами? Мы заботливы, мы предусмотрительны, относительно случаев земной жизни, которая, собственно, и не жизнь, а призрак, пар исчезающий. Как же не быть предусмотрительными, по отношению к жизни вечной, к жизни без перемен и без конца?

Нельзя желать, и никто не желает, чтобы в мире навсегда осталось все так, как теперь есть. Мы, к несчастью нашему, делаем худое, но и называем это худым, таким, чему не должно быть ни в нас, ни в других. Точно так разрушение, расстройство смерть – возбуждает только отвращение к себе в природе нашей. Не смерти, а жизни желаем мы. И это желание – не мечта, не произвол, а вдохнуто в природу Творцом нашим и Господом. Потому оно законное, такое, что рано или поздно будет выполнено. *Сущии в теле сем воздыхаем отягчаеми, но мы не хотим совлещися, а хотим только, чтобы смертное поглощено было жизнью (2Кор.5:4).* Грубое, больное, распадающееся тело тяготит дух наш, оно так много мешает ему в его стремлениях к небу. И, однако, к чему желать, чтобы уничтожилось это жилище духа? Нет, дух желает только, чтобы вместо тлеющего, земного жилища, дано ему было жилище небесное. *О сем воздыхаем, в жилище наше небесное облещися желающе (2Кор.5:2).*

Чистый взор видах во всей природе желание преобразования к лучшему, но не находит желания смерти. Все живущее, нисходя в свой гроб, оставляет в нем только прежнюю обветшалую одежду, чтобы явиться в новой, лучшей одежде. Червь строит себе паутинный гроб, чтобы воскреснуть крылатою бабочкою. Жизнь птицы погребена в яйце бездушном, и орлом воскресает из яйца бездушного. Безумием назвал апостол сомнение в воскресении мертвых. И он же указал безумию на самую смерть, как на свидетельство о жизни. *Безумне, ты еже сееши, не оживет, аще не умрет; и еже сееши, не тело будущее сееши, но голо зерно, Бог же дает ему тело, якоже восхощет (2Кор.15:35–38).* Для жизни зерна нужна смерть, в процессе тления его совершается процесс возрождения; брошенное в землю зерно гниет, а вместе с тем образуется из него росток, а из ростка – растение или дерево. Вот образ будущего возрождения тел наших! Прибавьте к тому другое глубокое наставление о природе, – наставление, какого не легко отыскать у философов мира. Вся тварь, говорит он, воздыхает, ожидая свободы чад Божиих, а вместе и своей, т.е. – борение жизни с смертью в природе видимой гораздо сильнее, гораздо

действительнее в природе; чем может замечать чувственный глаз наш, или ум, омраченный страстями.

У Бога правды нет неправды, и Бог благий благ для всего. *Всем бо явится нам подобает пред судищем Христовым, да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла (1Кор.5:10).* Тело вместе с душою покоилось или трудилось здесь; вместе с душою получит и воздаяние. Суетные помыслы, опасное обольщение, когда требуют от человека только духовных трудов, Христово учение того не требует. И лъзя ли требовать, когда человек – не ангел, а облеченный телом дух? Напрасно стал бы ожидать человек и воздаяний только духовных. *Многие не так ходят много раз говорил я о них и теперь говорю со слезами, что они враги креста Христова, их кончина погибель, их бог чрево (Флп.3:18–19).* Ни в чем, ни чем, и никто не преступит ни одной черты в законе Божиим без того, чтобы не заплатили ему сполна. Ты без страха и стыда творишь тело твое орудием греха; с рассеянной душою проводишь жизнь в неге и роскоши; пост, труд, вольное изнурение тела считаешь излишним. О! бедная душа, ты и не воображаешь, какая страшная участь ждет тебя! Не скорби и не думай, Христов труженик, что будто какой-либо труд тела твоего совершен без пользы для тебя в вечности. Все твое отдано тебе будет к твоей радости. Тело смирения, тело слабое, когда участвует в страданиях Христовых, когда носить в себе мертвость Господа Иисуса (2Кор.4:10), расцветет там жизнью вечною. Если мы под час бываем столько добры, что оказываем внимание и к малой услуге, небесный Отец наш – весь благодать. Чаша студеной воды твоей, щедрый мирянин, поданная во имя Христово, на памяти у Христа Господа. Слабо, немощно тело наше, но оно храм Духа Божия, по вечной любви Икупителя. Как же можно думать, чтобы храм Господа погиб? Нет, то, что возлюбил Господь, будет жить или для того, чтобы еще более открылась в нем благодать любви Божией, или для того, чтобы прославилась правда Божия.

Слушатель мой! если ты христианин в душе, для тебя невозможно сомневаться в воскресении почивших. Там нет веры Христовой, где нет веры в воскресение мертвых. *Аще*

воскресения мертвых несть, то ни Христос восста, аще же Христос не восста, тще убо проповедание наше, тща же и вера ваша (1Кор.15:13–14).

Для чего Сын Божий стал сыном человеческим? Для того, чтобы оживить умерших. Он – второй Адам для нас (Рим.5:17, 21), В первом Адаме все умерли, во втором все оживут; в первом Адаме не только дух растлелся страстями, но и тело подверглось болезням и тлению; силою второго Адама оживет тело, как оживает дух. Он – первенец, но не над мертвыми, а над живыми (1Кор.15:20). Он глава наша; мы члены Его. Жива глава, оживут и члены. Чистая плоть Его не видела истления; грешное тело наше подвергнется тлению, но не погибнет. Христос Господь *преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его, по действию, еже возмозгати Ему и покорити Себе всяческая* (Флп.3:21).

Не дивно, что смерть еще в мире. Жатва еще не приспела, мир – доселе еще поле, на котором еще сеется и растет все, терние вместе с пшеницею, любезное Богу вместе с неугодным Ему. Но все это – до времени. Пусть те, которые ходят по своим похотям, не говорят: *где есть обетование пришествия Его?* (2Пет.3:3–4), дождутся обещанного. До времени – скорби для души, до времени – воздыхания для мира. Те и другие Отец назначил для обучения детей своих. Кончится время обучения, – кончатся и скорби со смертью. И теперь остаются нетленными тела праведников, и даже больше творят сил и чудес, чем творила в жизни стихийной. Не веришь, как Фома? *Осяжи и виждь*. Ступай – смотри глазами, осязай своими руками; поверь известие историей. Истина православная не боится твоего испытания. Что же значит это нетление Святых, как не начало всеобщего воскресения, всеобщей победы Христовой над смертью? Теперь только начало. Будет время, когда торжество Христово откроется в полном виде. Вот почему вера в нетление Святых так необходима в составе чистого христианства! Христос – Царь столько же мудрый, сколько и могущественный. Будет время, когда и последний враг испразднится – смерть. *Подобает бо Ему царствовати, дондеже положит вся враш под ногама своими* (1Кор.15:25–26).

Чего не в силах теперь сделать для себя тварь, то совершит Творец. Человек мог внести смерть в состав свой, от его воли зависел грех. Но от его воли не зависит ввести жизнь в расстроенный организм телесный; не зависит оттого, что сама воля расстроенная отторглась от Источника жизни, откуда могли проливаться на человека потоки жизни. Еще менее способов у самого тела возвратить себе улетевшую жизнь. Даже вся природа, никаким процессом, не в состоянии совершить преобразования тела нашего в тело бессмертное; не говорим о соединении тела с душой. В целой природе едва достаёт жизни только для себя, для своих частей; она сама борется с смертью и воздыхает, от человека ожидая себе свободы. Но Тот, Кто принял на себя обновить и усовершенствовать человека и природу, Тот – Всесилен. *Он преобразит тело смирения нашего по действию, еже возмогати Ему всяческая.*

Иже преобразит тело смирения нашего, яко быти сему сообразну телу славы Его. Славно было воскресшее тело Иисусово, славно будет и тело верующего в Иисуса. Оно будет то же тело, которое здесь увядало для земли, но преобразится, как преобразилось тело Иисусово. Оно изменится и прославится. Сеется тленное, а восстанет нетленным, сеется немощное, восстанет сильным; сеется душевное, восстанет духовным (2Кор.15:42–44). Теперь оно грубо, мрачно, тяжело. Тогда будет тонко, легко и светло (Мф.13:43). Дух благодати, оживлявший здесь тело и дух праведника, там исполнит душу и тело его светом, миром, радостью и блаженством. По мере благодатного просвещения на земле, обновлены и прославлены будут дела для той жизни. Отселе различные степени прославления тел под новым небом и на новой земле. *Звезда бо от звезды разнствует во славе, такожде и в воскресении мертвых (1Кор.15:41).*

Иже преобразит тело смирения нашего, говорит апостол, имея в виду подобных ему страдальцев веры. Что же сказать о теле грешника? Оно не погибнет, как бы ни хотелось грешнику, по гласу Господню все оживут (Ин.5:28). Каково же оно будет? Коемуждо семени свое тело (1Кор.15:38), говорит апостол. Какова душа, таково будет и тело; иначе, каковое семя

образовала душа из своего тела, таков будет и плод. Тело грешника будет нетленным, но не на радость, а на муки и страдания. Дикие страсти души и здесь кладут печать свою на теле. Там эта печать будет виднее, так как тело лишится грубых частей своим. Здесь страсти души обнаруживаются страданиями тела, даже смертью. В вечности смерти не будет, но от того, тем страшнее страдания, которыми душевные страсти терзать будут тело. Для нетленного тела не нужна пища, но ненасытная страсть к роскоши, которую ты воспитал в себе, будет терзать и душу, и тело твое. Ни сладкого питья, ни вкусной пищи тебе потребуется там для тела, но голод и жажда страстей тем будут мучительнее для нас, что будем сознать бессмыслие воспитанных страстей, будем терзаться скорбью, но без пользы, – зачем губили и время, и силы на пустые удовольствия земли? зачем во зло употребляли дары Божии? зачем преступали известную волю Отца и благодетеля нашего? Тонок яд, но капля яду и – какая мука! Тело грешное будет тонко, все земное, грубое спадает с него. Но оттого-то яд греха, проникший тонкое тело, невыразимо страшными муками будет терзать его и душу. *Грядет час, в он же вси сущий во гробех услышат глас Сына Божия. И изыдут сотворшии благая в воскрешение живота, а сотворшии злая в воскрешение суда (Ин.5:28–29).* О, Господи, даждь ми помысл о грехах моих.

Слушатели! в вечности перемен не будет, но во времени мы можем переменяться, можем из сынов погибели соделаться наследниками неба, или из чад благодати низвести себя до безвозвратной погибели. Молитвами и заступлением Матери Твоей Господи, даруй всем нам окончить земной путь наш в покаянии и вере, с твердою памятью об ожидающей нас участи – за гробом! Аминь.

1847 год.

Слово в день Успения Богоматери

Отчего так ясен, так светел настоящий день в православной церкви? Представьте, на огромном пространстве России, в Европе, Азии, Америке весел, радостен настоящий день, как не многие другие. Отчего это? Оттого, что Матерь Христа Господа не умерла, а жива. Оттого, что на небе Та, которую слушал Сын Её на земле, – пред престолом Сына своего Та, которой Сын повиновался и во днях плоти. Сколько надежд нам на помощь живой Матери Господа! Сколько верных, твердых надежд на любовь живой Матери любви! Если Она, исполненная любви к Богу и нуждающимся. иудеям, много могла и на земле у Бога – Сына своего, то, без сомнения, более теперь, чем прежде, любит Она исповедников имени Сына Ея, – без сомнения, более во славе, чем сокрытая смирением, может испросить для нас у Сына своего. Какой свет просиявает из гроба Ея! Благодатная Дева уснула тихим сном, и скоро дослала для вечной жизни. Не верный ли это опыт того, что и все мы некогда воскреснем, что и наша плоть, как одинаковая человеческая плоть с чистым телом Марии, так же воздвигнута будет в жизни словом одного и того же всемогущего? А истина воскресения сколько света разливает для ума! Сколько утешительна она для сердца! Сколько назидательна для каждого! Так, настоящий праздник православия имеет высокое христианское значение, по отношению мысли о бессмертии к жизни нашей. Рассмотрим ближе это отношение – отношение мысли о бессмертии к нашей жизни.

Мысль о воскресении праведных в блаженную жизнь поучительна для ума. Если воскреснем мы в жизнь вечную, то воскреснем, без сомнения, в другом мире. Преобразованное тело потребует другого жилища, более способного для тонкого тела. Будет ли это совсем другая земля? Будут ли совсем новые стихии созданы? Нет. О создании другой земли и другого неба не говорит нам откровение. *Нова небеса и новы земли, в них же правда Божия живет, по обетованию Господню, чаем* (2Пет.3:13), говорит апостол. Заметьте, что апостол, ожидая для

себя и других новой жизни, ожидает вместе новой земли и нового неба. Заметьте и то, в каком отношении называет он ту землю новою, и то небо новым? В том, что на той земле, в том небе будет жить одна правда Божия. Итак, истребление будет относиться только к неправдам, только к грехам, а не к земле и небу; истреблен будет только грех, уничтожатся только нечистоты, которые оскверняют теперь землю. Земля и небо обновятся; в страшном огненном перевороте очистятся они, как в земном нашем огне очищается металл. Теперь вся тварь, вся видимая природа воздыхает вместе с нами, ожидая своего и нашего избавления от суеты, которой покорила ее суета человеческая. Эти воздыхания твари, эти живые надежды её, без сомнения, исполнятся, потому что они, как в них, так и в нас, насаждены Богом, потому что тогда, как исполнятся наши надежды на освобождение от суеты, нет причины, почему бы остались неисполненными надежды страдающей, по нашей вине, твари. Она освободится от рабства тлению и вступит в свободу славы чад Божиих (Рим.8:21). Так, вместе с воскресением мертвых, явится новое небо, новая земля. Итак, земля наша не будет страной проклятия. Она не будет более страной беспорядков, которые столько заслоняют от взора нашего совершенства созданий Божиих. Тогда мир Божий откроется в новом виде, в том прекрасном виде, в каком вышел он из рук Творческих. Теперь мы видим духовные предметы как в зеркале, постигаем их только догадками. Тогда увидим их лицом к лицу. Вот почему чистые умы не тревожатся любопытством, не волнуются сомнениями при встрече с затруднительными вопросами о мире и странных событиях земной жизни. Просвещенные мыслью о воскресении и будущем преобразовании мира, они знают, что и мимо наших забот откроются тайны Божии в определенный для того период бытия. «Возлюбленные, так говорит один из них, ныне мы чада Божия, – и еще не открыто, чем будем мы, но знаем, что, когда явится Он, будем подобны Ему, ибо увидим Его, каков Он есть» (1Ин.3:2). «Отчасти понимаем, говорит другой, отчасти пророчествуем, когда придет совершенство, тогда, то, что

отчасти, уничтожится. Ныне разумею отчасти, тогда же познаю, как и Он познал меня» (1Кор.13:9–12).

Истина воскресении в жизнь вечную утешительна для сердца. Как дороги сокровища той жизни! Как высоки красоты неба! Как несравнимы радости жизни за гробом! Никакие страдания земные не могут значить что-нибудь в сравнении с славой будущего века. Может ли овладеть душой, может ли коснуться души уныние, когда она сквозь мрак скорбей зрит на зарю бессмертия? Пусть, говорит она, грешное тело изнемогает в страданиях, если слабеют вместе с тем страсти его, – это одна из лучших услуг мне; если тлеет грубая земляность плоти, тем легче будет восход в жизнь нетления. Тело смирения, тело слабое, бренное, земное, когда носит в себе мертвость Господа Иисуса, будет преображено в светлое, славное тело, подобное прославленному телу Иисусову (Флп.3:21; 2Кор.4:10). Чего же больше? Бедность, низкое рождение, безуспешность в житейских делах, неправды людей держат вдали от благ мира. Но, что значат земные блага для жизни бессмертной? Менее, чем мечта мимолетная. И, о если бы – только это они значили! К несчастью, при всей пустоте их, душа незаметно уязвляется пристрастием к ним, и страсти переходят в ту жизнь на муку душе, на муку тем более страшную, что предметов страсти там не будет, а душа страдать будет только от жажды, ничем не утоляемой. О! дальше, дальше от опасных благ мира. Там, за гробом – блага нетленные, дышащие миром, несравнимые ни с какими земными сокровищами. Неверующий боится смерти. И как не бояться ему? За гробом все так мрачно для вето, надежд на покой нет ни одной; хотелось бы не верить, что придется еще жить, но и отказаться от желания жизни нельзя; жить надобно, но как страшно жить с грехами! И где жить? Только вера, живая вера в Господа Иисуса – победителя греха и смерти смотрит на смерть, как на краткий сон плоти в недрах земли, как на дверь в чертоги Отца небесного; она знает, что *верующий, еще и умрет, оживет* (Ин.11:25) для блаженной вечности, уготованной заслугами Господа Иисуса; она твердо знает, что близкие сердцу её, хотя оставили землю, не разлучились с нею, а живут у Господа живых и мертвых; знает, что в доме Отца небесного

много обителей, как неодинакова и готовность странников земли для тех или других радостей, для того или другого покоя. Пусть бренный состав тела разрушается, – в душе верующей царствует покой, так как она давно готова была к тому, так как она знает, что для нее будет другое, лучшее жилище. *Блажены мертвые умирающий о Господе* (Откр.14:13).

Апостол Петр, сказав о будущем воскресении тела и мира вещественного, говорит потом, *темже, возлюбленнии, сия чающе, потщитесь нескверни и непорочны тому обрестися в мире, и Господа нашего долготерпение считайте за спасение* (2Пет.3:14–15). Что это значит? То, что уверенность в воскресении требует от нас, побуждает нас, чтобы мы тщились, не кое-как думали, не кое-когда озабочивались, а употребляли все старание, заботились постоянно о том, чтобы явиться не скверными, незапятнанными нечистотой мира, и непорочными, свободными от всего, что может возбудить гнев вечного Судии. *Весть Господь, говорит апостол, неправедники на день судный мучимы блюсти, наипаче же во следа плотские похоти сквернения ходящие* (2Пет.2:9–10). Берегите сосуд Духа Божия – тело, дабы не воскреснуть ему для того только, чтобы гореть в геенне. Мысль о воскресения и суде требует, чтобы мы были в мире, не тревожили покоя совести нечистыми делами, а если и согрешим в чем, спешили бы возвратить повою покаянием и верою. Уверенность в воскресении требует забот, чтобы обрелись мы непорочными пред Тем – пред Господом нашим, а не казались бы непорочными только в глазах мира, ибо там будет судить нас не мир, который сам будет стоять под ответственностью; мало и того, если бы казались мы порядочными в глазах своих, пред своею совестью, ибо суд каждого о себе самом обманчив, подкупается самолюбием и разными страстями; если и не зазреть нам сердце, есть Тот, Кто больше сердца нашего, говорит апостол. Надобно, чтобы поставляли мы себя пред лицом Господа, и по Его суду поверяли жизнь свою; а как этот суд строг! Он осуждает и за нечистые мысли, и за мирские побуждения, и за тайное тщеславие, и за скрытую гордость, и за намеренные неправды, и за невольные движения досады. Чего еще требует от нас

уверенность в воскресении? Господа нашего долготерпение считайте за спасение. Не думайте, как думают учителя лжи, что, если доселе не явился Судия грозный, для суда над всеми, это будто значит, что и вовсе не явится. Нет, Он, по милосердию своему, медлит судом Своим, ожидая покаяния грешников, ожидая, чтобы как можно более явилось спасающихся скорбями о грехах; Он есть любовь и желает только спасения грешника, а не гибели. О, грешная душа моя! Не употребляй во зло долготерпения Божия, не употребляй на гибель себе милосердия Божия. Спешి спасаться от греха, как от огня, пока есть время для того; спеши сеять добрые семена в сердце твоём, пока не настала жатва.

Путем гроба низойдем мы, братия, в бессмертие по душе и телу, но на муки, или на радости, это зависит от того, какие посеем здесь семена. Матерь Божия! Милосердая Матерь Милосердного! Подай нам свет мысли и твердость воли, да мысль о блаженном бессмертии Твоем будет плодоносною в нас к славе Сына Твоего. Аминь.

1848 год.

Слово в день Успения Богоматери

О! дивное чудо, источник жизни во гробе полагается.
Стихира праздника.

Подлинно изумительное чудо! Пусть бы обыкновенная из дщереи земных возвратилась в землю, откуда взят телесный состав человека. Пусть бы персть, даже освященная благодатною жизнью, но быть может не довольно проникшаяся жизнью нетленною, заплатила дань тлению. Но Та, которая носила во чреве своем самое Начало жизней, превознесенная выше бесплотных духов святых, идет общим путем смерти! Изумительное чудо! Что ж это за закон, столько неумолимый ни для кого из живущих на земле? Как много горьких жалоб на него! Как много слез заставляет он лить! Бывает даже и то, что не хотят и плакать о печальной доле, а только издают глухой ропот на суровый гак смерти и даже касаются ропотом самого Владыки живота и смерти. О! ты, чья память приводит нас в трепет, поведай, как назвать нам тебя, врагом нашим, или другом? Скажи, отчего так неумолима ты ни для младенца невинного, ни для юности цветущей, ни для зрелого мужества, ни для украшенной сединою старости? Братия! на путях природы получаемые ответы на сомнения бывают как-то неясны. Поучимся у святой веры о значении неизбежной смерти.

Человеком грех в мир вниде и грехом смерть (Рим.5:12). Оброцы греха смерть, дарование же Божие живот вечный (Рим.6:13). Так учит апостол Христов. Значит, пока не входил грех в мир, не было смерти в мире и была только жизнь. Значит, если бы не преступил человек воли Божией, то он и не умер бы. Как же это так? Как стихийное тело могло быть неприкосновенным порче и разложению? Точно также, как будущее тело наше, тело воскресшее, будет нетленным и бессмертным. О! грех – страшный яд. Мы пьем его как воду; а каждая капля его вносит разрушение в состав наш. Если мир давно не превратился в развалину действием греха; то это не от бессилия греха, а от силы благодати Божией; – это от того, что

Бог дарит нам жизнь свою, призывая на покаяние, дарование Божие живот вечный.

Так нечему удивиться, что грешный человек умирает, смерть есть естественное следствие греха. Можно изумляться только тому, что и после того, как снисходил на землю Начальник жизни. Господь Иисус, смерть продолжает властвовать на земле. Но что, собственно, по званию своему совершил для нас Искупитель мира на земле? Принесши за нас жертву небесному Правосудию на алтаре крестном, Он отнял от греха силу вечного осуждения, которому подвергал грех грешника. Послав Духа Утешителя. Он даровать людям силу побеждать в себе порчу греха и быть сильными исполнителями воли небесного Отца. Таково великое дело Его для людей! Ожидать ли еще и того, чтобы вселенская смерть уничтожена была им во гробе Его? Ожидать сего значило бы тоже, что ожидать создания нового человека и уничтожения потомства Адамова. Ибо как иначе уничтожить за раз повреждение, произведенное в человечестве ядом греха? Разрушить же свое создание может человек, но не может Бог, которого все дела неизменны. Премудрый не переделывает того, что раз создал Он. Да и если смерть есть только действие греха, то Премудрому оставалось только дать силы человечеству для побеждения в себе греха, чтобы потом уничтожилось последствие греха. Так это и исполнено. Христос Сын Божий, вечная Премудрость, дав свободной воле средства исправлять, что испорчено его в Его создании, дает время распространяться жизни Его не большое число людей. Он ведет дела мира к тому, чтобы покорены были Ему все враги Его. Придет время, когда уничтожен будет *и последний враг, смерть* (1Кор.15:26).

Чудны дела Твои, Господи! Смерть, как следствие греха в людях, – враг наш, наш убийца. Но Ты и из врага нашего со делал нам друга.

Что такое жизнь земная для праведника? Цепь скорбей и страстей, борьба постоянная с искушениями внутренними и внешними. Он устремляет все силы к тому, чтобы хранить чистоту в чувствах, ясность в мысли, непорочность в желаниях; а между тем то та, то другая похоть оскверняет душу, к её

скорби глубокой. *Вси хотящии благочестиво жити гонимы будут*, сказал апостол. И с какою точностью исполняется это апостольское слово! Злой язык сыплет брань и укоризны на невинного. Клевета придумывает способы омрачить честь достойного. Лукавое око находит пятна в самой чистой добродетели. Упорная злость давит беспомощного, насмехаясь над всяким законом. Отягченный скорбями жизни, праведник ждет смерти, как ангела утешителя. *Вскуе пришельствие мое продолжися?* вопиет он пред Господом. Он желает смерти, не желая потерять какое-либо из сокровищ души среди грозных искушений жизни. Он желает смерти, по уверенности в готовом для него блаженстве за гробом. Какая разность для него быть со Христом Господом, которого любит он всею душою, и странствовать в печальной стране, вдали от Господа (1Кор.15:19). Какая разность зреть, как в тусклом зеркале, дела Божии, гадательно помышлять о них, под завесою мира вещественного, и видеть откровенным лицом премудрость Божию, яко же есть!

Скорбят и негодуют, когда смерть похищает милую душе юность. Вступают в борьбу с Господом, не желая расстаться с дорогим сердцу младенцем или юношей, похищаемым смертью. О! если бы внимательно изучали пути Господни, не давая пристрастиям воли над душою, как легко увидели бы, что не сокрушаться скорбью, а радоваться надобно о том, чья жизнь прерывается в младенчестве или юности. Лучше ли бы было, если бы пороки жизни покрыли грязными пятнами столько милое лице невинности? Лучше ли бы было, если бы лукавые страсти помрачили ум и сердце и завлекли на распутья жизни преступной? Если же, собственно, для себя, для своего утешения, желали бы видеть в живых дорогое дитя, то пусть себя и разбирают, стоят ли желаемого утешения, могли ли пользоваться им, как следует пользоваться?

И для кого, о Господи! смерть не составляет благодеяния, после того, как зло так глубоко проникло в духовный состав наш? Чем была бы жизнь земная для людей забывчивых о назначении жизни, если бы не прерывалась она смертью? Страшно представить себе жизнь порочную без конца. Не

радость – жизнь грешника после того, как выслушает он последний грозный приговор себе, но период неполной жизни его, какова жизнь без тела до суда всеобщего, подает еще надежды приятные на перемену участи его. А бесконечная жизнь грешника, который живет на земле только для того, чтобы умножать беззакония и возрастать в нечестиях сердца, – какая ужасная жизнь! Так, суд Божий грешникам, – смертью умрете, был судом правды Божией, но вместе и судом милости.

Почему же для многих смерть так страшна, что не хотят и думать о ней? Отчего образ её так грозен для иных, что смотреть на него кажется им тоже, что расстроить мысли свои надолго и повредить здоровью? Не оттого ли, что быть может дорожат жизнью, как поприщем для совершенствования духовного? О! нет, совсем нет! Жизнь земная, как урочное время для врачевания больной души, действительно составляет дар благодати Божией. Но о спасении ли души думают те, которые трепещут смерти? О нем они всего менее думают. Желают жить, желают долго жить; но для чего живут? Живут, как показывают дела, для того чтобы ругаться над даром Божиим. День и ночь заняты суетою, и им некогда готовиться к переходу в другую жизнь; засыпав себе очи прахом суеты, они не видят, не понимают назначения жизни земной. Им не хочется думать о смерти, потому что мысль о смерти будит их от сна, в каком проводят они жизнь. Им жаль, им больно расстаться с привычными делами страстей, а мысль о смерти невольно прерывает ряды дел суетных. Они дорожат суетою и боятся того, что в состоянии сокрушить идолы сердца их. Бедные! они называют расстройством мыслей, порчею жизни свое пробуждение от летаргического сна греховного, производимое благодетельною мыслью о смерти. Жалкий грешник! как ни грозною тебе кажется смерть, призывай к себе чаще образ её, он будет разрешать тебя от уз, которыми связал тебя грех на погибель твою.

Боже милости и щедрот! по ходатайству Владычицы нашей Богородицы сотвори, да памятью о неизбежной смерти нелениво поучаемся мы спасению грешных душ, к славе имени Твоего святого. Аминь.

В святогорском монастыре.
1851 год.

Беседа по случаю возложения драгоценной ризы на чудотворную озерянскую икону Богоматери

Телесное обучение в мале есть полезно,
а благочестие на все полезно есть,
обетование имущи живота настоящего и
грядущего (1Тим.4:8).

Приветствую вас с радостью, благочестивые жители города Харькова. Благочестие ваше украсило икону Богоматери дорогою ризою. Для кого это служит приобретением? Для вас, добрые мои харьковцы. Небесная Царице! чье усердие к Тебе осталось без награды? чьи вздохи пред Тобой не услышаны Тобой? Други мои! Она, Царица небесная – заплатит нам за усердие к Ней. Приношение наше, без слов, будет напоминать Ей о нас, где бы мы ни были, и здесь, среди искушений мятежной жизни, и там в вечности, где особенно нужен нам Её покров.

Благочестие христианское – великое благо для нас, странники земли. К сожалению, иные частью недовольно понимают важность благочестия, частью не искренно прилагают к сердцу требования благочестия. Обратимся вниманием к апостольским словам о значении благочестия для нашей жизни. *Телесное обучение, говорит ап. Павел, в мале есть полезно, а благочестие на все полезно есть, обетование имущи живота настоящего и грядущего.* Размыслим об учении апостольском.

Что разумеет апостол, говоря о телесном обучении? Обращаясь к тем временам, когда жил Тимофей, поучаемый апостолом, видим, что обучение телесное означало тогда преимущественно обучение тела ловкости и крепости упражнениями; это обучение составляло тогда весьма нужную принадлежность человека образованного, принадлежность, без которой нельзя было занять видное место в свете. Так телесное обучение того времени означало не только упражнение, нужное для укрепления здоровья, но и такое отличие видимое, которое давало права на преимущества в свете. Иначе, возводя частное к общей апостольской мысли, находим в телесном обучении

всякое занятие, относящееся к пользам земной, стихийной, жизни, как то, художества, военное искусство, агрономию, медицину, торговлю и тому подобное.

Какое же достоинство приписывает апостол телесному обучению? *Вмале есть полезно*, говорит он. Он не говорит, что телесное обучение вовсе ненужно, вовсе бесполезно. Нет, его рассуждение – не то, что рассуждение каких-либо мечтателей, по его рассуждению, для земной жизни нужны свои средства и – нет греха, когда приобретают эти средства. Если земледелец отыскивает лучшие приемы земледелия, это – не беда. Если купец ищет, как удобнее продать и купить; и – это в порядке вещей. Апостол сам занимался деланием палаток и строго осуждал тех, которые, под видом благочестия, не хотели заниматься никаким трудом. *Слышим некие*, писал он солуняном, *бесчинно ходящие у вас, ни что же делающие, но лукавно обходящие, занимающиеся пустыми разговорами. Таковым запрещаем и молим о Господе нашем Иисусе Христе, да с безмолвием делающе, свой хлеб ядят (2Сол.3:11–12)*. Так телесное обучение – полезно, но в какой степени полезно оно? *Вмале есть полезно*, говорит апостол. Почему же мало полезно? Мало полезно и потому, что все земное не прочно, ненадолго является и как пар исчезнет (*Иак.4:14*); мало полезно и потому, что далеко менее важно оно, чем все относящееся прямо к душе, к её вечному спасению. Что значат все земные науки, все стихийные приобретения в сравнении с бессмертной душой? Так, как бы ни было почетно твое стихийное занятие, как бы много ни доставляло оно тебе выгод для жизни земной; помни слово Апостола, телесное обучение *вмале есть полезно*. Занимайся телесным обучением, но не более, как мало полезным; берегись того, как бы, занимаясь более, чем стоит оно, не оскорбить достоинства души богоподобной, не подвергнуть опасностям вечной участи её. *Кая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит?* Все земное, как бы почетно оно ни было, кончится для тебя, пробежит, как волна быстрая, промчится, как ветер неуловимый, исчезнет, как пар неосязаемый. С чем же останешься ты? С душой, гонявшеюся за ветром. Какая бедная, как жалкая

участь! О! ищи занятия, о котором по праву сказал бы ты, оно не *вмале полезно*.

Апостол противопоставляет телесному обучению, мало полезному, благочестие и уже тем самым указывает на преимущество благочестия. Прямой отзыв его о благочестии таков, оно на все полезно есть. Какая обширная важность дается благочестью! Так ли судит мир о благочестии? Бедный мир! как он близорук! По суду апостола, для каждого состояния, для каждого звания, для каждого возраста, для людей всех времен и народов, благочестие составляет приобретение самое полезное – самое нужное. Апостол прилагает учение свое о важности благочестия к двум периодам или положениям жизни нашей, ко времени и вечности. *Благочестие на все полезно есть, обетование имущее живота настоящего и грядущего*, на все полезно, так как ему принадлежит все, что лучшего обещано для временной жизни и все, что ожидает нас радостного в будущей.

Так напрасно, несправедливо говорят, будто благочестие – не нужная, бесполезная вещь для мира. Нет, оно-то и есть самое лучшее, самое нужное сокровище даже и для земной жизни нашей. Оно составляет самую прочную опору для семейного и гражданского быта людей. Подумайте, чем держится мир весь? Законами Божиими, волею Всемогущего. Как же хочет человек устроить себе счастье, тогда как выступает преступною волею из границ, назначенных ему волею Божией, возмущается страстями против распоряжений Божиих? Слово Божие верно, очи Господни на праведные и уши Его в молитву их, лице же Господне, лице гневное, правосудное, на творящие злая, еже *потребити от земли память их* (Пс.33:16–17). Слушатели мои! если дорожите вы семейным счастьем, если милы вам дети ваши и их покой, богатеите благочестием, – оно низведет благословения Божии на вас, на дом ваш, на детей ваших, на их будущность. О Боже мой! кто же не видит горьких плодов греха? Что влечет за собою роскошь? Что следует за распутством плотским? Страсть к честям и славе чем наделяет? *Откуда раздоры и распри между вами? Не от страстей ли, воюющих в членах ваших* (Иак.4:1)? *Проклятие от Господа на*

дом нечестия (Притч.3:35), а дом праведника будет стоять, и куща его процветет долголетием (Притч.14:11). *Ищите прежде царствия Божия и правды Его и сия вся, все нужное для земной жизни, приложатся вам (Мф.6:23).* Вот учение откровения Божия! И тоже говорит нам опыт веков.

Земля – не рай; здесь на всех путях – горечи; а души благочестивые и по особенному распоряжению Божию бывают под гнетом бед. Но – дело в том, что нечестие не умеет пользоваться ни счастьем, ни несчастьем; а для благочестия страдание – радость. – «Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем – научился быть в сытости и терпеть голод, быть в обилии и в недостатке» (Флп.4:12), так говорит христианин и стоит выше переворотов судьбы. Вера научает предавать волю свою воле Отца небесного и спокойно смотреть на бури жизни земной. Чего бояться тому, кому нечего терять на земле, после того как все свое предал он Господу? *Аще Бог по нас, кто на ны?* Об одном забота у христианина – об усмирении страстей сердечных об исцелении души от греха. Но когда вздыхает он о немощах, плачет об ошибках, жаждет правды, которой нет у него, Бог, богатый милостью, подает душе уверение в усыновлении её небу чрез Христа Иисуса; – Дух благодати, нисходя во глубины её, утешает, наставляет, укрепляет, животворит ее для подвигов благочестия. И как сильна является душа, укрепленная Божией силою! *Кто ны разлучит от любви Божия?* говорит она. *Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? Во всех сих препобеждаем за возлюбльшего ны (Рим.8:35, 37).* То ли бывает во время бед с душами, необученными благочестием? Жалко бывает смотреть на эти бедные души. Вы видите сколько же низости, столько же малодушия в несчастии, сколько было у них гордости в счастье, столько же порывов отчаяния и безнадежной горести в беде, сколько были самонадеяния в светлые дни.

Суеты мирские, то бурные, то упорные не дают нам ни времени, ни ревности заняться вечною судьбою своею. И мы не думаем, мы не заботимся о том, что нужно нам в вечности, что

дороже всего будет для нас за гробом. Ах! братия! для жизни за гробом нужно нам одно благочестие христианское.

Страшно подумать (каково же будет терпеть), за гробом целая вечность мук для нечистого грешника. О! служите Господу, а не страстям; чем только можете, служите. У тебя есть избыток богатства? Не расточай его жизнью распутного сына, употребляй на славу Божию, иначе будешь гореть в огне без прохладном. У тебя нет достатка? Ты беден? Терпи бедность, терпи для Господа, не гневи Его желаниями чужего, или ропотом на свою долю; терпи, оплакивай грехи свои, которых так много. Облечен ли кто властью? Охраняй правду, защищай невинность притесненную, отирай слезы вдовы и сироты, не славь себя, а Бога. Иначе страшно тебе будет на суде всемирного Судии. Ты притеснен судом неправды? У тебя отняли твое? Не язви людей укоризной, отдай суд Господу, готовь ответ за свои дела. Дорожите, други мои, правилами благочестия. С земли не видно, как велико блаженство, готовое для благочестия. Но оно велико, как и несомненно, потому что благ и праведен Бог, потому что верен Тот, Кто обещает награды нам. *Возлюбленнии, ныне чада Божия есмы и не у явися, еще не открыто нам, что будем? Вемы же, яко егда явится, подобны Ему будем, ибо узрим Его, яко же есть (1Ин.3:2);* так говорит нам один тайнозритель. *Егда же Христос явится, живот ваш, тогда и вы с Ним явитесь во славе (Кол.3:4),* говорит другой вестник Божий. Видите, и то, что открыто нам о будущей славе жизни христианской так многозначительно, так важно, что, если бы размышляли мы о том, нам не пришло бы и на мысль гоняться за земными удовольствиями, столько пустыми и вредными.

Господи Иисусе! *отврати очи наши во еже не видети суеты.* Благий и Всемоощный! сотвори, да зрим мы на единую спасительную для нас волю Твою; сотвори, да сердцем искренним, до последнего вздоха повторяем слово твое святое, едино есть на потребу. Аминь.

1852 год.

Слово в день Владимирской иконы Богоматери

Бывайте же друг ко другу близи (Еф.4:32).

Так заповедал апостол христианам своего времени. Не должен ли и я сказать тоже христианам сей страны? Обязанный званием видеть на местах, капо пребывают братия в вере (Деян.15:36), с скорбью вижу, что есть нужда повторить здесь заповедь апостола, что надобно желать для пастырей и пасомых сего края, чтобы не было между ними напрасных жалоб, вражды и ссор. Дело не в том, чтобы обязанные надзирать за другими, или вопрошаемые о других начальством, скрывали действительные беспорядки и преступления. Неприличны, оскорбительны для совести христианской вражда и ябеда.

Какое прекрасное зрелище представляют собою люди, у которых одно сердце и одна душа! (Деян.4:32). И как возмущается чувство при виде тех, которые как будто для того и живут, чтобы враждовать между собою и ссориться! Сама природа, само сердце наше говорит нам, что вражда – состояние неестественное, состояние такое, которому быть не должно. Бог наш несть Бог нестроения и вражды. Он Бог мира и любви. Это говорит нам сама душа наша, и она же осуждает в нас всякую неприязненность к другому. Пророк Елисей каждый раз, как проходил чрез одно селение, был с любовью принимаем благочестивою женщиною и находил покой в её доме. Признательный к доброй жене пророк раз сказал ей, *се удивила еси нас всем попечением сим. Что подобает сотворити тебе? Аще есть тебе слово к царю или ко князю?* Что же, думаете вы, при таком вызове великого пред Богом и людьми человека, отвечала благочестивая жена? *Она же рече: несть, посреди людей моих аз есмь живуща* (4Цар.4:8–13). Какой прекрасный ответ! Не на что, говорит жена, жаловаться мне ни царю, ни князю, нечего и искать мне у того и другого, я живу среди людей народа Божия, которые все мне свои. Вот как думала, вот как говорила душа добрая. И может ли иначе думать душа добрая? Может ли она считать другого виновным

или способным на зло, прежде чем обвинить себя? Может ли искать себе преимущества пред другим, чувствуя свои немощи, свои грехи, свои недостатки разного рода.

Что заставляет тебя брать, мой, так жестоко, охуждать другого, так упорно домогаться возвышения для себя и унижения для другого! Чувство справедливости, думаешь ты. Напрасно думаешь. Ты обманут самолюбием. Самолюбие расширяет твои желания, простирает требования далее пределов справедливости, и, не получая удовлетворения, раздражается против других. Самолюбие возбудило в тебе мечты о твоих заслугах и недостатках другого, и ты смотришь на все сквозь стекло его, а не своими глазами. Дело известное, если смотрят в стекло синее, и вещи кажутся синими; если стекло красное, и предметы кажутся красными. Когда жалуешься на унижение свое и на несправедливость других, кто тебе сказал, что прав ты, а не другие? ты сам говоришь, твое самолюбие уверило тебя в том! Раздраженный мнимой несправедливостью других против тебя, ты потерял верный взгляд на вещи. Они окрасились от стекла, сквозь которое ты смотришь на них. Как легко, как скоро и как незаметно для нас самих страсть наводит туман на наше зрение, окрашивает пред нашим взором предметы, на которые смотрим! О! если бы ты смотрел на себя и на других в самосознании чистом, озаренном лучами небесного учения Христова, ты сказал бы о себе, где найду я такого грешника, каков я несчастный? кто более имеет нужду в снисхождении и прощении, чем я, покрытый неправдами с ног до головы? Мне ли жаловаться на других? Мне ли винить ближнего моего? Мне ли искать преимуществ себе?

Она же рече: несть, посреди людей моих аз есмь живуца. Так говорит добрая душа. Она думает о других, не иначе, как с самой лучшей стороны. Считает их родными себе, людьми народа Богом избранного и Богом хранимого, добрыми, богобоязливými, любящими закон и правду. Так ли ты судишь о других, брат мой. ты, который посылаешь донос за доносом в суд на другого? По твоему ошибочному мнению, и начальство твое несправедливо, и братья твои делают неправду за

неправдою; для тебя неправы все, кроме тебя одного. Остерегись, брат мой! Апостол признает тяжкими грешниками тех, которые пренебрегают начальства и злословят власти. Михаил архангел, говорит он, не смел и на диавола произнести осудительной укоризны; а сии злословят то, чего не знают (Иуд.1:10). Кто тебе сказал, что другие менее тебя дорожат правдою? Кто тебя уверил, что другие, даже и пользующиеся уважением в обществе, против совести не признают в тебе тех достоинств, которыми ты величаешься только по собственному твоему усмотрению? Ты считаешь себя правым, а осуждаешь других, которых вовсе не знаешь? Не странно ли, не жалко ли это положение, в которое сам ставишь себя? О себе ты думаешь, что ты человек чуть не святой, и усердный к Богу и заботливый о ближних; а другие, по-твоему, люди пустые, беззаботные о своей душе, лишенные благодати! Христианская ли совесть так рассуждает в тебе? Простая израильтянка осуждает тебя. Она не так рассуждала о других, как ты рассуждаешь. И о ком же так скромно, так осмотрительно, судила она? Об иудеях. А ты дерзко осуждаешь христиан и христианское начальство! *Кто озлобит вас, говорит нам апостол, благому подобницы будете?* (1Пет.3:13). Видишь, как апостол не допускает самой возможности того, чтобы другие захотели оскорбить нас, если только сами подражаем всеблаговому. Подлинно, кто захочет оскорблять того, кто на обиды отвечает любовью? Не почувствует ли готовый на оскорбления, что вся красота любви и кротости на стороне брата, а вся гнусность злобы на стороне его самого? Нет, не другие причиною тому, что ты ведешь непрестанные тяжбы и ссоры, – а твоя несчастная страсть, *огнище углию, и дрова огневи, муж же клеветлив в мятеж свара*, говорит премудрый (Притч.16:11). Это значит, что как для огня пищей служат дрова, так клеветнику пища – вражды и ссоры, без них он не живет.

Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, якоже возлюбив вы (Ин.15:12). Так говорит нам христианам Господь наш. Если кто, то особенно христиане должны любить друг друга, а не враждовать один против другого. Такова воля о них Господа! Они должны любить друг друга, как возлюбил их

Господь. А как возлюбил нас Господь? *Он возлюбил нас грешников сущих (Рим.5:8)*, возлюбил не праведников, а виновных во всем пред Отцом небесным. Значит, и мы должны любить других, хотя бы действительно они были не справедливы пред нами и пред Богом. Он так любит грешников, что и за распинателей своих молился на кресте, Отче, говорил Он, *отпусти им, неведя́т бо что творят (Лк.23:34)*. Значит, по воле Господа, и мы должны не только покрывать обиды других любовью, извинять несправедливости их немощью, неведением, но и молиться за них. Господь, подавая нам пример жизнью своею, *укорюемь не укоряше, стражда неперещаше, предающе же Судящему праведно (1Пет.2:23)*. Так велит Он и нам поступать. Он поведал *любить врагов, благословлять клянущих, добро творит ненавидящим (Мф.5:44)*, *молиться за творящих обиду (Лк.6:28)*, и *напасть (Мф.5:44)*. Христиане должны быть облечены, *яко же избранныи Божию и святии, во утробы щедрот, благодать, смиренномудрие, кротость и долготерпение, приемлюще друг друга и прощающе, яко же и Христос простил есть им, тако и они (Кол.3:12–13)*. Скажите же, други мои, есть ли в таких расположениях, заповеданных христианам, что-нибудь сообразное с духом вражды и ябедничества? Или есть ли в деле клеветника и ябедника что-либо похожее на христианство? Нет, и быть не может. *К сраму вам глаголю, писал апостол коринфянам, – тако ли несть в вас мудрый ни един, иже может рассудити между братий своих? Но брат с братом, т.е. христианин с христианином, судится и то пред неверными. Уже бо отнюдь вам срам есть яко тяжбы имате между собою. Почто не паче обидими есте? Почто не паче лишены бываете (1Кор.6:5–8)*. Видите, за что осуждает апостол коринфских христиан? Осуждает за то, что обижаемые, вместо того чтобы из среды себя избирать судей для решения взаимных неудовольствий, обращались к светским судьям. Осуждает за то, что не переносили терпеливо обид, возмущенных чувств не умиротворяли духом любви христианской; оскорбляли или христианина тем, что начинали тяжбу один с другим. Как же оправдаются пред судом

апостольским клеветники и ябедники, те, которые не только не переносят оскорблений и трубят о них везде, но говорят и пишут то, чего никто не думал делать им? О! они более, чем оскорбляют имя христианина, бесчестят имя христианина, они оскверняют его. *О сем познают вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*, сказал Господь (Ин.3:35). Отличием христиан, существенным признаком христиан служит любовь, любовь, которая покрывает грехи других, прощает оскорбления незаслуженные, забывает обиды; кто не имеет такой любви, тот не христианин истинный. Кто же тот который не только не забывает обиды, но приписывает на суде ближнему, чего тот вовсе не делал? Должно сказать, что он уподобляется исконному клеветнику на людей и Бога.

Пусть, оскорбляемый, не можешь ты устоять на высоте терпеливого самоотречения, не в состоянии перенести обиды любовью. Господь указал тебе суд не такой, какой ты избираешь. Господь сказал, *аще согрешишь к тебе брат твой, иди и обличи его между тобою и тем едином. Аще тебе не послушает, поими с собою еще единого или два. Аще же не послушает их, повеждь церкви* (Мф.18:15–16). Видишь, какой порядок установлен для суда христианского!

Первая степень христианского суда – вразумление виновного на едине. Ты обижен? Иди к тому, кто обидел тебя, иди не с чувствами досады и гордости, а в духе любви и кротости. Иди и обличи его. Пусть между тобою и обидевшем откроется суд братский, где свидетели – совесть, делопроизводство – вразумление духовное. Открой оскорбившему несправедливость его, покажи тяжесть греха для его души; напомни о суде всемирном. Объясни дело, как сознает его совесть твоя. Если бы и не примирился с тобою брат после того, и тогда еще не следует тебе явиться к начальству с жалобой, не следует выставлять брата на суд общественный. По наставлению Спасителя, тогда, как не послушает твоего вразумления согрешивший, *поими с собою еще единого или два*.

Пусть люди добрые, благочестивые, которых любовь к правде известна тебе и твоему брату, разберут твое дело с

братом пусть они покажут тебе и брату, кто из вас прав? Пусть к твоему голосу присоединится голос сторонних, чтобы сильнее подействовать на совесть согрешившего, успешнее обратить его на путь долга и любви. Пусть открыто будет для тебя и брата, что любовь к правде и брату заставляет тебя считать брата виновным, а не гордость оскорбленная, не другая какая-либо страсть твоя. Если же и суд совестей отвергнут будет братом, тогда можешь ты с спокойною совестью предать брата и суду общественному. Осмотри же на самого себя, так ли поступаешь ты, как повелел Господь!

Несправедливое обвинение, взводимое на брата пред судом, называется у нас ябедою. Какое выразительное название, созвучное с бедою. Для кого же в ней беда? Конечно, по намерению, для ближнего. Какое жестокое намерение! Какое зверство в человеке! Как смотреть на клеветника, если не как на человека страшного! Если он не страшен себе самому, то от того он еще более страшен. Клеветник – беда ближним. От него нет покоя ни начальству, ни соседям и знакомым; он возбуждает только тревоги и опасения, скорбь и страдания. Он – злокачественная язва общества. Ябеда грозит бедою не только другим, но и себе. Кому более всего не верят? Клеветнику, он подозрителен и тогда, как говорит правду. Кого боятся и презирают? Клеветника, он так низок и грязен в душе. Кто очень мало занят добрыми делами? Клеветник; он о том только и думает, чтобы нанести вред другому. Чей дом разорен, дети без хлеба, поля в запустении? У клеветника; ему некогда заняться ни домом, ни детьми. О ком отзываются дурно, добросовестные начальники? О клеветнике, как непримиримом враге общего покоя. Что за жизнь – жизнь клеветника? Мука. Прикрепив один конец дела к судьбе другого, другим концом связывает он себя, ему надобно непрестанно беречься, чтобы и другой не освободился, надобно беречь и себя, чтобы не попасться самому в беду невылазную. Дело начато с злорадною радостью, а продолжение его – ряд тревог и забот, скорбей и надежд обманутых. И как часто бывает, что *ров изры и ископа и, и впадает в яму, юже содела, обратится болезнь его на главу его и на верх его неправда его снидет* (Пс.7:16–17). И правда

человеческая обыкновенно назначает клеветнику то самое наказание, какому хотел он подвергнуть невинного.

Говорить ли о том, какие казни назначил Господь клеветникам? Аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный. Аще же не отпускаете человеком согрешения их, и Отец ваш не отпустит вам согрешений ваших (Мф.6:14–15), – так сказал Господь. Вы знаете, братия, и то, что мир благодатный посещает только сынов мира; если же где нет мира, а властвует дух вражды и злобы, то даже и тогда, как преподают мир служители благодатного мира, он возвращается к ним, не касаясь чада вражды. Чего же ожидать себе могут в вечности чада вражды, если они здесь остаются без благодати? Они – несчастные сыны геенны, тучные жертвы пламени адского. Это не наши слова. Судия вселенной говорит презрителям воли Его о любви: *идите от меня проклятии во огонь вечный, уготованный диаволом и аггелом его* (Мф.25:41).

Не срамляя вас, говорю сие, но яко чада моя возлюбленная наказую (1Кор.6:14). Бог любви и мира да будет со всеми нами. Аминь.

Отделение IV. Слова и беседы на дни воскресные

Беседа в неделю жен мироносиц, в Хорошевской женской обители

И время беседования – неделя св. жен мироносиц, и место беседования – обитель жен, посвятивших себя Господу, показывают, что весьма прилично теперь беседовать о женах мироносицах к назиданию слушающих.

Минувши субботе, Мария Магдалина и Мария Иаковля и Соломия купиша ароматы (Мк.16:1). Кто такие жены были Мироносицы? Св. Марк, между блаженными Мироносицами, указывает прежде всего Марию Магдалину, т.е. урожденную, из галилейского городка Магалы, ту самую, из которой, по его же повествованию, Иисус изгнал семь бесов (Мк.16:9). Итак, Мария Магдалина удостоилась особенной благодати от Господа; но она же, по известью евангельскому, платила за благодеяние особенную любовью Господу. Мария Иаковля, вторая мироносица, была, по словам евангелиста, мать Иакова и Иосии, или по выражению св. Марка была матерью Иакова малого и Иосии (Мк.15:40). Она вместе с Мариєю Магдалиною следовала за Спасителем до самого гроба (Мф.27:56). В повествовании об этом подвиге её у св. Иоанна называется она Мариєю Клеоповою, сестрою матери Иисусовой, – Клеоповою по супругу, который иначе назывался Алфеем. Иаков малый, сын её, один из 12 апостолов, называется Иаковом Алфеевым (Мф.10:3; Мк.5:18). Соломия, указываемая св. Марком между мироносицами, в повествовании евангелистов оказывается матерью сынов Зеведеевых, апостолов Иоанна и Иакова (Мф.10:2), знаменитых сынов громовых. По словам св. Марка (Мк.15:40) на распятого Спасителя смотрела вместе с Мариєю Магдалиною Соломия, а по словам св. Матфея (Мф.27:56), то была мать сынов Зеведеевых. Кроме Марии Магдалины и Марии Иаковлевой св. Лука указывает между мироносицами Иоанну и еще других, не называемых по имени. *Бяше же, говорит он, Магдалина Мария, и Иоанна и Мария Иаковля и прочие с ними (Лк.24:10).* Кто была эта Иоанна? Св. Лука пишет, что за Спасителем, обходившим города с проповедью и

чудесами, следовали не только апостолы, но и жены некие, яже *бяху исцелены от духов злых и недуг, Мария, порицаемая Магдалина, из неё же бесов семь изыде, и Иоанна, жена Хузаня приставника Иродова и Сусанна и ины мнози, яже служаху Ему от имений своих* (Лк.8:1–3). Итак, Иоанна была жена Хузы; домоправителя Иродова, человека богатого и почетного, и она же была из числа жен, исцеленных Господом; она также, как Магдалина, сопутствовала Спасителю во время проповеди Его и будучи столько же признательною, сколько и богатою, охотно употребляла свое имущество на служение Господу. По словам св. Луки не можем сомневаться, что Сусанна, бывшая в числе последовательниц Господа, была и в числе мироносиц, тем более, что, по словам св. Марка (Лк.25:40–41), жены, ходившие за Иисусом в Галилеи и служившие Ему, т.е. те самые о которых говорит св. Лука, были в Иерусалиме во время распятия Спасителя и с скорбью любви смотрели на распятого Благодетеля и учителя своего. Затем между прочими мироносицами с полною вероятностью можем поставить Марию и Марфу, сестер Лазаревых, столько любивших Господа. Итак, вот мироносицы, указываемые евангелистами, Мария Магдалина, Мария Иаковля, Саломия, Иоанна, Сусанна, Мария и Марфа сестры Лазаревы.

Какая общая черта и черта высокая открывается в сих женах еще прежде, чем принесли они дорогое миро Спасителю своему! Конечно, не малое значило и то, что они, по словам евангелистов, следовали за Спасителем по Галилее. Но за великим чудотворцем следовали и толпы народа и о некоторых из следовавших за Ним сказал Он Сам, *аминь глаголю вам, ищите Мене, не яко видесте знамение, но яко яли есте хлебы* (Ин.6:26).

Другое дело, когда видим тех же жен при кресте Спасителя, там, где позор и ужас смерти сокрыли от взора людей божественную славу небесного посланника. Пастырь поражен, в ужасе рассеиваются ученики Его; самый Петр, который обещался умереть с Иисусом, три раза отрекся от Него. Но благоговейные жены не оставили Иисуса и среди ужасов смерти. Они следовали за Ним на Голгофу, орошая путь Его

слезами сострадания. Они были с Ним и на Голгофе, не сводили глаз с возлюбленного Учителя; иные издали измеряли страдания Его чувством сострадательным, другие стояли у самого креста. Ни неистовство черни, ни злоба книжников и фарисеев, ни дерзости воинов не могли удалить их от божественного Учителя. Они смотрели потом, где Его полагаху (Мк.15:47) и сидели насупротив гроба (Мф.27:61).

Жены-подражательницы мироносиц! нежность любви, верность любви – преимущественная принадлежность вашего пола. Посвящайте же Господу отличие вашего пола, по примеру мироносиц. Не позволяйте унижать сердца вашего предметами недостойными любви. Будьте верными в любви к Господу. Не волнуйтесь помыслами малодушия при встрече с искушениями, болезнь ли посетит кого из вас, непривычные ли перемены быта встретят вас, будьте душою с Господом, которому вы уневестились. Храните сердце ваше обетами, данными Ему; не уклоняйтесь ни мыслями, ни желаниями, тем более делами, от служения, покорности, самоотречения, чистоты, которые обещались вы сохранять до гроба.

Купиша ароматы, да помажут тело Иисуса, или, по повествованию св. Луки, уготоваша ароматы и миро, – приготовили ароматы – сухие благовония, и миро – благовонную масть, то и другое весьма дорогой цены и на какое употребление? да помажут тело Иисуса, чтобы отдать почесть возлюбленному Учителю и Господу своему. Вот для кого надобно жертвовать всем дорогим. Жены мира! учитесь у мироносиц, на что вам надобно делать дорогие издержки. Благовония, дорогие масти, дорогие украшения полезны душе, когда они употребляются для славы Господа. Иначе чего ждут себе жены, когда благовония их отзываются зловонием страстей и дорогой убор открывает только безобразие души? Чего ждут себе, когда соблазнами губят души невинные, искупленные Господом? Пусть помнят, что сказал Господь о подобных женах Сиона, понеже исходиша с высокою выею и помазанием очес и ступанием ног, купно ризы влекущие и ногами купно играющие, Господь откроет срамоту их. И будет вместо

вони доброй смрад и вместо пояса ужем (веревкою) препояшешися (Ис.3:16–17, 23).

Обетные девы! не спросите ли, как можете вы подражать мироносицам, когда у вас нет ни ароматов, ни мира? Приносите плоды трудов ваших в храм Господний для поддержания и украшения его; оказывайте сострадание к больным и нищим, в лице которых является вам Христос; наконец приносите слезы сокрушения о грехах своих, отнимающих у вас те сокровища духовные, которые могли бы вы приносить в дар Господу. Вот приношения, каких ожидает от вас Господь.

И зело заутра, во едину от суббот приидоша на гроб, возсиявшу солнцу. Жены мироносицы столько были заняты заботою отдать почесть возлюбленному Учителю своему, что эта забота не давала им сна. Зело заутра и они уже идут на гроб. Самая бдительная из них даже не раз приходит ко гробу. Св. Матфей говорит, *свитаючи во едину от суббот*, т.е. на рассвете первого дня недели, когда мрак ночи только что уступал место свету, когда природа едва только пробуждалась от глубокого сна, св. жены уже спешат на святое дело хватыв Господу. Так бдительны были мироносицы для прославления Господа!

Как прилично, как полезно возвещать хватыв Господу в глубокое утро! Что такое человек? Он – царь, он глава видимой природы. Прилично ли спать царю тогда, когда низшие его уже совершают должную службу пред Царем царей. Не должен ли он предначинать хвалебную песнь Творцу, прежде чем начнет ее покорная ему тварь? И как легко молиться в полночь и утро! Мысли тогда чисты, ощущения живы, душа свободна от впечатлений тяжелой земли, покоящаяся природа не занимает и не развлекает собою, человек весь с собою и Господом. *В полунощи восстах исповедатися о судьбах правды Твоея*, говорит Давид пред Господом (Пс.118:62). *В полунощи же Павел и Сила молящися, пояху Бога*, говорит книга деяний апостольских (Деян.16:25). *Бе обнощь в молитве*, повествует евангелие и о самом Господе Иисусе (Лк.6:12). И св. церковь назначает для молитвы полночь и утро. И как опасно для каждого предаваться сну беззаботному! «Се жених грядет в

полунощи и блажен раб, его же обрящет бдяща, недостоин же паки, его же обрящет унывающа. Блюди убо душе моя, да не сном отяготишия, да не смерти предана будеши и царствия вне затворишия».

А что бывает у нынешних христиан? Да, иные, удивительно, как бодры на целую ночь, но для чего? Проводят время как язычники. И помину нет и мысли нет в голове, что вот-вот откроется суд для того или другого из них. О! несчастные! Взойдите в храм в утреннее молитвословие церкви, кого вы найдете там? Одних служителей церкви. Боюсь за посвятивших себя здесь служению Господу.

Сестры о Господе! видит Бог, страшно мне за вас. Вы дали обет посвящать время вашей молитве. Как же вы исполняете его? С чем явитесь вы на суд Господа? Как? Во время утрени и у вас храм пустой! Кто вы? Зачем вы в ограде святой? Или думаете вы, что можете безнаказанно смеяться жизнью своею над обителью молитвы? А вы смеетесь над нею, вы позорите ее, когда претворяете ее из обители молитвы в обитель служения прихотим плоти. «Как быть? говорят. Нужны же пища и одежда, нужно время для приобретения той и другой». А кто дал вам устав заботливых Марф? Что мешает предоставить двум – трем из вас совершать из послушания службы Марфы, чтобы всем прочим оставаться блаженными Мариями? Или били вы только воздух, когда давали обеты исполнять правила общежития и молитвы? Придите в себя, уstraшитесь положения своего, подумайте, что ожидает нарушителей данных Богу обетов. Боже мой! что за ослепление? Нравится всегда быть в услугах у своих прихотей. Кому же ад, как не рабам плоти и своеволия? Меняют беседу с Господом на беседу с мелочными предметами суеты. И еще думают быть близкими к Господу. Сжальтесь над собою. Будете взывать, Господи – Господи, отверзи нам двери, а Господь скажет: *не вем вас*.

И вшедше во гроб, видеша юношу, – одеенна во одежду белу и ужасошася. Он же глаголя им, не ужасайтесь. Иисуса ищите Назарянина распятого, восста, несть zde, се место, идеже положиша Его (Мк.16:4–8).

Верная любовь св. мироносиц не оставлена без награды. Они первые услышали весть о воскресении Господа; небесный вестник, озаренный славой чистоты духовной, явился им и открыл, что возлюбленный Учитель их, Которого распяли враги, уже не в числе мертвых. В повествовании св. Матфея видим еще более. Когда мироносицы шли передать ученикам слова ангела, «се Иисус встретил их и сказал, радуйтесь! Они приступили, ухватились за ноги Его и поклонились Ему. Тогда говорит им Иисус, не бойтесь; подите, возвестите братиям моим, чтоб они шли в Галилею, там они увидят Меня» (Мф.28:8–10).

Господи! Тебе все возможно, Тебе возможно оживить хладные сердца наши любовью верною и бдительною. Недостойны мы благодати Твоей, но по великой милости Твоей не лиши нас милости, да и мы встретим Тебя с избранными Твоими во славе Твоей. Аминь.

Слово в неделю 4-ю по Пасхе

Горе миру от соблазн, горе человеку
тому, им же соблазн приходит (Мф.18:7).

Горе соблазняющимся! Горе соблазнительям! говорит
Господь.

Слушатель мой! Не принадлежим ли и мы с тобою к тому у
или другому сословию несчастных? Или быть может, случается
нам попадать в то и другое звание несчастных? Горе, горе! Для
кого оно не страшно! Надобно же близко ознакомиться с теми,
кому возвещается горе, чтобы по возможности отклонять от
себя то и другое горе. На сей раз рассмотрим соблазняющихся.
Размыслим виновность соблазняющихся и средства спасти
себя от соблазнов.

*Мир мног любящим закон твой, Господи, и несть им
соблазна*, поет св. певец с опыта (Пс.118:165). Значит, если кто
соблазняется, тот показывает в себе недостаток любви к закону
Божью. Не любить закона Божия – как это преступно, как
оскорбительно, как пагубно для бессмертной души нашей! Когда
же и может быть порядок, мир, счастье в глубине души нашей,
как не тогда, как все в ней совершается по закону Божью?
Заповеди Господни свет, просвещающий и мысли, и чувства, и
желания, и дела наши. Кто истинно любит закон Божий, тот не
променяет его ни на какие уставы мира, ни на какие правила
духа времени и потому остается неприкосновенным для
соблазнов мира. И как быть иному? Когда дух времени не был
духом антихристовым? Напрасно говорят, что в мире все идет к
лучшему. От духа времени не ждите лучшего. Что такое дух
времени? Дух своеволия преступного. Таков он был прежде;
таков он теперь и иным быть не может. Дух времени – дух лжи и
обмана. Он лжет, выставляя новые, будто им открытые истины,
у него есть только мнения, а истина всегда одна, он лжет,
выставляя на показ свою ревность к истине, не истину, а свои
страсти, любить он. Ныне он хвалит то, завтра другое, над
правилами и мыслями, которые считал он образцовыми за 5 лет
пред сим, смеется он ныне, а спустя другие пять лет, если не

прежде, станет смеяться над теми, от которых в восторге ныне. Он никогда не знал и не любил чистой истины и только меняет приемы свои, чтобы вводить людей в обман. Говорить ли о духе нашего времени? Юное поколение о всем судит по-своему, на все дает свои решения, всему назначает свои порядки, не признает другой власти, кроме своей воли. Прогресс, прогресс, говорит оно, и не терпит ничего старого. Самые святые, самые непреложные истины подвергаются суду насмешливому и презрительному. *Чадо зло праведна себе судит, исхода же (поведения) своего не измы; чадо зло высоки очи имать, веждама же своими возносится*, говорит мудрец Божий (Притч.30:12–13). Не правда ли, что это описание, как нельзя точнее, изображает наших юных прогрессистов. А вот, если хотите, и дополнение к описанию, *чадо зло клянет отца, и матери не благословит* (Притч.38:11). Какова нравственность! Распутство – жизнь обыкновенная; даже не верят, чтобы можно было жить иначе. Изумительное ослепление! Как, казалось бы, не видеть, что улучшение людей – дело желаемое для всех, но оно может совершаться по законам Вечного, которые непреложны и неизменны! Как, казалось бы, не видеть, что модное своеволие неумно и преступно, когда так отважно, так дерзко пренебрегает уроками опытности, столько знакомившейся с применениями уставов Вечного к условиям времени и склонностям людей! Как бы, казалось, не заметит, что своеволие, столько гордое и себялюбивое, проповедует прогресс для своих видов, чтобы дать простор страстям своим! Таково свойство духа времени! Он обаятелен для людей времени, потому что они живут по воле времени и для времени. *Горе миру от соблазн.*

Пусть не легко идти против потока времени, не легко стоять против обаяний духа времени. Но – нравственное мужество составляет существенную принадлежность христианской добродетели; христианское самоотвержение требует всецелого жертвования собою, в случаях, когда добродетель встречает преграды или опасность падения. Потому соблазняющийся обличает в себе очень слабого христианина. Он увлекается худыми внушениями, теми, которые вносят в душу смерть. Он

кланяется то Иегове, то Ваалу, к лицу ли это ему? На несчастье, чем чаще он кланяется ложным богам, тем воля его становится слабее, тем более он унижает в себе достоинство человека, для которого один есть Бог. В соблазнах греха не ищите согласия и единства; тут непрестанные разноречия и противоречия; люди века, люди времени, также непостоянны в своих уставах, как изменчиво время, как изменчивы капризы страстей. И бедная воля, которая позволяет увлекать себя разноречивыми и противоречивыми соблазнами греха, терпит насилия и муки. Время от времени, ослабляя волю для добра увлечениями соблазнов, человек наконец доходит до младенчества для добра и низкой трусости пред всяким соблазном греха. Христианина искать здесь – не умный труд. Спрашиваем, человек ли это? Нет – это печальная тень человека. *Горе миру соблан.*

Соблазняющийся показывает в себе беспечность о спасении своем. Не беспечность ли ко спасению видна тогда, как все средства ко спасению готовы для нас, а мы ими не пользуемся и увлекаемся грехом? Не беспечность ли о душе своей показывают тогда, как не употребляют оружие веры для борьбы с соблазнами и опасностями душевными? Господь не допускает до человека таких искушений греховных, которых человек преодолеть не в силах; помощь Его всегда готова для нас, лишь только призовем ее молитвою искреннею. Потому, если при всех средствах побеждать соблазны, человек соблазняется и падает, падение его – плод его недеятельности, лени и нерадения. Лот не увлекся развращением своих сограждан. Авраам не следовал современным поклонникам идолов. Целомудренный Иосиф не увлекся нечестивым предложением жены Пентефриевой, а говорил, *како сотворю глагол злый сей и согрешу пред Богом?* (Быт.39:3). Св. Исидор Александрийский не взирая на то, что военная жизнь всегда шумна и окружена соблазнами, исполнял обязанности по службе и вместе с тем не оставлял поста, молитв и добрых дел, а потом запечатлел ревность о вечном спасении мученической кровью.

Блажен муж, иже претерпит искушение, зане искусен быв примет венец жизни, его же обеща Бог любящим Его

(Иак.1:12). Так учит апостол. Чего же ждать соблазняющемуся, который любит не Бога, а мир, который так слаб для добра и беспечен о себе? Дивно ли, что рано или поздно должен он понести наказание за свою любовь ко греху? Чего ждать от греха, кроме смерти и бедствия? Ахавы, увлекаемые женами к почитению идолов, Израиль, обольщаемый мадианитянками в разврат, ничего не могут ждать себе, кроме казни и гнева Божия. Ах! если Спаситель наш, который так был кроток и редко, редко восставал с угрозами против грешников, возвещает: *горе миру от соблазн*, нет сомнения, что это горе слишком опасно и страшно, нет сомнения, что оно простирается не на одну земную жизнь, а последует и в вечность. *Горе миру от соблазн!*

Как же спасти душу свою от соблазнов?

Бдите и молитесь, да не внидете в напасть, сказал Господь (Мф.22:45). Сердца наши – нивы, на которых легко могут быть посеяны плевелы, как скоро не будем иметь внимания к себе. Необходимо стоять на страже у своей души. *Трезвитесь, бодрствуйте*, учит апостол Петр (1Пет.5:8). *Бодрствуйте; стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь*, учит апостол Павел (1Кор.16:13). Две особенно мысли должны быть постоянно на страже при душе среди соблазнов, первая та, что зло не перестает быть злом от того, что оно многим нравится, и закон Божий не теряет своей власти над нами от того, что многие не выполняют его. Эта мысль будет рассеивать мглу соблазнов, то множеством своим устрашающих мысль нашу, то обольщающих воображение знатностью своих последователей. Затем надобно помнить, что как хорошо было бы, если бы на земле не было соблазнов, но так как в земной жизни все мы грешны, а иные из нас доходят до упорства во грехе; то до конца мира будут на земле соблазны, *нужда есть приити соблазном* (Мф.18:7), сказал Спасатель. Эта мысль, поставленная стражем при душе, будет прогонять печаль её о соблазнах и побуждать к тому, чтобы не увеличивать собою числа соблазнов. Бодрствование нужно и при таких стражах. Много, очень много мыслей и чувств возмутительных может вторгаться и проскользнуть в душу помимо этих стражей. Наши мысли и чувства определяют собою деятельность души. Не

обращая внимания на мысли, можем увлекаться худыми впечатлениями и падать. Точно также, не обращая внимания на чувства легко допустим им переродиться в страсти и худые привычки. Бодрствуя над самими собою, мы будем держать на страже совесть свою, и её голос, раздаваясь в душе нашей, будет удерживать нас от поползновений ко греху прогонять коварных врагов души нашей. *Аще бы бдел домовладыка, не дал бы подкопати своего дому (Лк.12:39).* «Бес, говорит св. Димитрий, трезвится и бодрствует, ходит как лев рыкающий, ища добычи. Будь и ты всегда трезв, бодрствуй и не засыпай, чтобы избежать сетей готовых для тебя. Будь всегда осторожен, всегда деятелен. Тебе остается или победит врага, или быть побежденным. Иному быть нельзя. Мира и покоя не ожидай в этом веке, тишина и свобода – не удел твой. Пока живешь здесь, будь всегда готов на брань и сражение. Ты идешь по льду весеннему, не будь беззаботен; ты на брани с миром, борись же».⁴

С бодрствованием надобно соединять молитву. Молитва избавляет душу от соблазнов и потому, что занимает душу святыми мыслями и чувствами и не дает в ней места чувствам и желаниям преступным. Молящийся затворяется в тайной клети души своей и здесь находит себе сокровища духовные, находит царствие Божие, которое внутри нас есть (Лк.17:21). Молитва, не позволяя молящемуся рассеиваться по разным предметам призрачного мира, служит по словам Лествичника, «надежным мостом для перехода по волнам искушений и соблазнов».⁵ Самая же сильная помощь молитвы против соблазнов зависит от того, что она вводит в душу силу Божию, которая в состоянии погашать все волны страстей и рассеивать обольщения плоти и мира.

Самый опасный враг для души – самонадеянность, особенно, когда надобно ей иметь дело с соблазном. Отчего пал Петр? От самонадеянности. «Если и все соблазняются о Тебе, я никак не соблазнюсь, хотя бы мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя» (Мф.26:33,35), так говорил он Господу и потом испугался женщины. Спасительное предлагает правило

св. Павел, «кто думает стоять, берегись, чтобы не упасть» (1Кор.10:12)

Много значат для души, в деле охранения себя от соблазнов, и средства внешние, каковы, удаление от всего, что может иметь опасные впечатления на чувства и, в частности, удаление от лиц, мест и предметов, поглажающих испорченной природе нашей.

Чувства наши, не оберегаемые от внешних соблазнительных впечатлений, легко могут вносить в душу соблазн. «Узрело око, говорит св. Амвросий, и превратилось в чувство, услышало ухо и изменилось намерение, повеял запах и остановилась добрая мысль, вкусили уста и отрыгнули преступление; сотряслось осязание и вспыхнул огонь нечестивый».⁶ Итак, для избежания соблазнов нужно избегать всего того, что соблазнительно действует на чувства. Так Спаситель запрещает похотливый взгляд на жену (Мф.4:27–28). И св. Димитрий внушает, «бегай взгляда на чужую красоту, как смертного яда, чтобы не впасть в глубину погибели; споткнувшись на этом, не останемся без скорби и тяжести».⁷ Царь Давид держал себя глухим, когда враги осыпали его клеветами; тем ограждал он душу от досады, гнева и мести (Пс.37:14–15). Строже, чем вкус и обоняние надобно держать в узде осязание, которое быв разлито по всему телу, быстро передает потрясения сердцу и легко возбуждает полоть.

В частности, берегись лиц соблазнительных для нравственности. Каждому внимательному к себе, собственная совесть скажет, что причиною искушений его была не столько естественная слабость, на которую так часто ссылаются, сколько нежелание удаляться от лиц, опасных для чистоты душевной. Израиль был верен Господу своему, пока не входил в общение с хананеями, но, когда, вопреки запрещению Божию, подружился с ними, – перенял от них и идолов и разврат языческий. *Аще око твое десное соблазняет тя, изми е, говорит Спаситель. Аще десная твоя рука соблазняет тя, усецы ю и верзи от себе* (Мф.5:29–30). Объясняя эти слова св. Златоуст учит, «Спаситель говорит здесь не о членах тела, а о друзьях и сродниках, по колику они вредны и вводят соблазны.

Спаситель как бы так говорит, если ты кого любишь, так что полагаешься на него, как на правый глаз, и если он соблазняет тебя, развращает твою душу, то такого человека отсеки от себя, – оставь его навсегда».⁸

Удаляйся и мест, в которых сеются соблазны то научением и советом, то насмешками и укорами. Напрасно Петр, понадеявшись на себя, вступал во двор Каиафы; твердость его подверглась здесь сильным искушениям. *Бежите, бежите, из среды Вавилона и спасите кийждо свою душу*, говорит пророк Иеремия (Иер.51:6). Премудрый учит: *на пути нечестивых не иди, ниже возревнуй путем законопреступным* (Притч.4:14). Как заразительный воздух вредить здоровью, так и соблазнительные места опасны для нравственности. Таковы театры и зрелища, против которых Златоуст гремит всею силою обличений и укоризн.

Каждая страсть питается своею пищей. Для скупца милы деньги, для честолюбца – почести наружные, для гордого – уважение к себе. Но каковы бы ни были предметы, ласкающие страсть, берегись их, чтобы не кормить в душе змеи. Склонность ко греху глубоко таится в душе нашей, и мы всякий раз питаем ее, как только сближаемся с предметами приятными для грешных склонностей. Грех еще не совершается, если отвращаемся его, но он уже успел связать нас невидимую силою при сближении с предметами страстей. Когда соблазнительные предметы у нас пред глазами, на первый раз мы бываем в нерешимости уклониться ли от соблазна, по потом совесть, обольщенная коварными внушениями страсти, уступает влечениям нечистого сердца. Так, кто сам ставит ногу в сеть соблазна, тот должен знать, что нога его будет задержана (Иов.18:8–9). Если нет возможности удалиться от предметов соблазнительных, приготовь себя к ним ясным сознанием всей опасности их, – это ослабит силу опасной встречи, если не совсем уничтожит ее.

Будем же внимательны к себе и тверды для добра; будем открывать чувства наши только для того, чтобы обнимать дела рук Божиих и славить Господа. Будем осторожны и деятельны, как мореплаватели; и как те не упускают из вида уроков

опытности, станем и мы неуклонно держаться заповедей Божиих, чтобы не сбиться с пути спасения. Аминь.

Слово в неделю 5-ю по Пасхе

Горе миру от соблазн. Горе человеку тому, им же соблазн приходит (Мф.18:17).

Казалось бы, с чего людям соблазнять людей? Грех так отвратителен для общего чувства! И, однако, соблазна приходит по милости человека. Как это бывает? Грех точно – вещь, не стоящая желаний. Однако люди любят грех и предпочитают его добрым делам, когда не делают доброго и делают худое. Одни не принимают на себя и труда подумать, что они делают худое; другие смутно и кое когда видят, что делают худо, но продолжают делать худое. Таким-то образом происходит, что в мире господствуют *похоть очес, похоть плоти и гордость житейская* (1Ин.2:16). Люди мира, предпочитая для самих себя худое добром, точно также поступают в отношении к другим. Отселе в мире не только пагубные примеры жизни, не только слова, сочинения, картины соблазняющие, но и домогательства вовлечь другого в грех то ласками, то насилием. Так приходит соблазн. Иные думают, что под соблазном разумеются только грехи грубые и всенародные, и так как сами они не творят подобных грехов, то ставят себя вдали от горя соблазнительей. Напрасно! Как бы ни мал казался грех, как бы ни незначительно было слово или действие не согласное с законом; но, если подает оно повод к греху, вызывает другого на грех, оно уже соблазн.

Братия! соблазн, угрожающий горем, не так далек от круга действий наших, как кажется, как хотелось бы иным. Потому в предостережение свое надобно обратить внимание на горе. возвещенное соблазнителью.

Горе человеку тому, им же соблазн приходит. И как быть иному? Делая вред другому, соблазнитель вредит себе, наносит пагубу своей душе. Проклят всяк, *прельщаяй слепого в пути* (Втор.27:8), говорит слово Божие. Если же проклят обманывающий слепого в пути его, или бросающий камни слепому под ноги, то не более ли тяжкому гневу Божию предает себя тот, кто ставит преткновения другому на пути вечного

спасения? Ахар строго наказан был за похищение одной золотой монеты из приношения посвященного Богу (Нав.7:20–25). После того страшно подумать, какой казни будут преданы те, которые похищают у Христа Господа души, купленные кровью Его. Для кого назначена геенна? Для соблазнителя дьявола. Если же так, то в геенне место и соблазнительям людям. Их нравственное омрачение, их нравственное расстройство подобны злости дьявола, они также вовлекают другого в гибель, также тешатся злом, как он. Потому и в вечности должна ожидать их участь дьявола. Страшно, но верно.

Страшно состояние соблазнителя. К бремени собственных грехов прибавляет он бремя чужих грехов. Какая ужасная тяжесть на нем! Если трудно отвечать за свои грехи, как устоят, как уцелеть пред судом правды Божией, когда еще лежит на нас ответственность за грехи чужие, содеянные при нашем участии? Давид в страхе и трепете молился пред Господом, *от чуждих пощади раба Твоего* (Пс.18:14).

Если что особенно грозит погибелью соблазнительям, то это часто встречающаяся невозможность исправить жизнь людей, соблазненных ими. Легко произвести пожар самый страшный, но не легко потушить его. Легко соблазнительям возбуждать в других пламя страстей; но не легко гасить его. Пусть пришедший в себя соблазнитель искренно желает обращения соблазненному, пусть искренно советует ему прийти в себя и остановиться на пути греха. Но легко ли увлеченные в грехи принимают к сердцу самые добрые советы? Ах! чаще всего обращаются спиною к добрым советникам, если только не восстают на них с ненавистью оскорбленного самолюбия. Прибавьте к тому, что лице развращенное соблазнителем, одичав в разврате, уже передало разврат свой другому и третьему лицу. Мало и того для муки соблазнителя. Бывает, что, когда он, придя в себя, рвется душою исправить зло, возратить к раскаянию погрязших во грехе, по его вине; те уже перешли и. другую жизнь, оставив детей, обученных одному разврату. После того естественно, что неисправленный грех, но грех разлившийся по земле в виде страшной заразы, наказывается

правосудием Божиим еще на земле. Соблазнитель Израиля погублены были в числе 24 тысяч (Чис.25:9). На детях Илия отяготела десница Божия, собственно, не за хищение, а за то, что поведением своим служили они соблазном для народа (1Цар.2:17). Дом Иеровоамов подвергся истреблению за вину Иеровоама. *Начальник рода согреси и введе в грех Израиля* (3Цар.15:30).

Особенно близки к гибели те соблазнитель, которые, по званию своему, должны заботиться о спасении других, а между тем губят других соблазнами. Как добродетели, так и пороки людей низшего сословия умирают вместе с ними и только всемирный суд откроет их пред взором вселенной. И – они соблазняют других, но не многих, и пример их не производить неизгладимого впечатления. Другое дело – люди высших сословий. Их дела переходят из уст в уста, из одного круга людей в другой круг, из одной страны в другую и третью страну. Их жизнь пред глазами общества со всеми мелкими её чертами. Никакая слабость их не укрывается от других. Своею знатностью и силою они придают блеск и силу своим порокам. Потому соблазны их производят разрушительные действия на общество, их окружающее. Часто по одному тщеславию низшие стараются подражать высшим, – даже в явных пороках. Люди низкие думают положить печать благородства на преступные поступки тем, что подражают они порокам лиц знатных. Какая печальная доля высших соблазнитель.

Так соблазнитель жестоки против самих себя, нарушают обязанности в отношении к себе самим и тем губят свои души.

Они же жестоки и в отношении к ближним своим. Вводя других в грехи, они показывают в себе сердца черствые, незнакомые с чистою любовью к ближнему. Возлюбленный ученик Христов говорит, *всяк любяй брата своего во свете пребывает и несть в нем соблазна* (1Ин.2:10). Значит соблазнитель не ходят во свете истинной веры и незнакомы с истинною любовью к братьям. Соблазняющие других возмущают и уязвляют совесть ближних своих, лишают их самого драгоценного сокровища – душевной невинности. «Нevinность души, говорит св. Василий, есть как бы

поверхность чистой и прозрачной воды. Брось в нее один камень, и ты приведешь в движение не только точку соприкосновения, но и всю окружность. Волнение распространится из круга в круг до самого края потока; а достигши до дна, камень подымает ил дотоле покойный, и, взволновав воду, вызовет на вид грязную и мутную лужу».⁹ Какое жалкое занятие соблазнителя! Это занятие дикаря. Соблазняющие других – похитители душевных сокровищ у братьев. «Похитителями мы можем назвать, говорит св. Григорий, не только тех, которые расхищают земные сокровища наши, но и тех, которые соблазнительным худым поведением, худыми примерами, отнимают у нас душевные приобретения и достояния.¹⁰ Мало того, соблазнителей надобно считать человекоубийцами, так как они отнимают у соблазняемых жизнь души, вливая в нее яд духовной смерти и губят того, за кого пострадал Христос Господь (Рим.14:15). Дьявол называется человекоубийцею, так как он сеет злое и убивает им человека. Не думай, чтобы и ты не был человекоубийцею, если ты подаешь худой совет брату; если склоняешь и доводишь его до греха, ты убиваешь душу его. Так тяжко грешат соблазнители против ближних своих!

Соблазнители нарушают обязанности свои и в отношении к Богу. Мы обязаны жить так, чтобы другие, видя добрые дела наши, прославляли Отца нашего небесного (Мф.5:16). Соблазнители своими делами бесчестят Бога, которого исповедуют устами. Они не только не показывают в делах своих благоговения пред Отцом небесным, но, увлекая других в грехи своею жизнью явно противятся воле Божией, столько заботливой о спасении всех и каждого (1Тим.2:9). Они нагло разрушают дело спасения человеческого, которое так дорого стояло Сыну Божию, – убивают людей смертью вечною, как бы насмехаясь над Господом Спасителем людей. Как ужасно преступление их! Не считают ли великим преступником того, кто осмеливается опустошать царский дворец? Человек – творение рук Божиих, некупленное кровью Сына Божия, здание, превышающее красотою и величием все, что ни есть в видимом мире чудесного и прекрасного. *Не весте ли, яко храм Божий*

есть вы, и Дух Божий живет в вас, учит апостол (1Кор.3:16). И этот, в высшей степени художнический, храм Божий оскверняют и опустошают соблазнитель. Какого гнева Божия не стоят они! Еще кто растлит храм Божий, говорит апостол, растлит сего Бог (1Кор.3:17).

Братия! страшно состояние соблазнитель! Как много надобно стараться о том, как много надобно трудиться для того, чтобы были мы беспреткновенны для каждого, даже до дня Христова (1Кор.10:32). Аминь.

Слово в неделю 6-ю по Пасхе

Горе человеку тому, им же соблазн приходит.

Если страшно горе, готовое для соблазнительей, как не заботиться о мерах, которые могли бы предохранить нас от такого горя? Какие же есть средства против сего горя?

Так как соблазняют других двояким образом, – или словом или делом, то и средства, предохраняющие от греха соблазнительей, также могут быть двоякие – в слове и в деле.

Чтобы не соблазнять других словом, будь осторожен в употреблении слова, – держи язык в узде. Представляй себе чаще те гибельные последствия, причиной которых бывает даже одно празднословие; помни твердо, что на страшном суде Божиим дадим мы строгий ответ в каждом пустом слове и – ты не будешь легкомыслен в употреблении дара слова ко вреду ближних твоих. Представляй себе чаще, как по милости шуток твоих, по влиянию твоих дерзких отзывов о предметах святых, твои братия то приблизились к неверию и холодности преступной, то потеряли чистоту души своей, и ты в ужасе будешь от легкомыслия в шутках, от твоей дерзости в приговорах всему, даже недоступному для тебя. Язык, по слову апостола, есть огонь, и скопище неправды, зло неудержимое, полный яда смертоносного (Иак.3:6). От него возжигается ненависть даже между друзьями. Итак, если станешь укрощать его, как много зла остановишь ты между людьми! Всякое слово гнило да не исходит из уст ваших (Еф.4:29). *Всякая нечистота ниже да именуется в нас, якоже подобает святым – и сквернословие, и бусловие или кощуны, яже неподобная* (Еф.5:3–4). *Отложите всякое хуление и срамословие от уст ваших* (Кол.3:8). *Слово ваше да будет всегда во благодати солью растворено* (Кол.4:6). Преподобный Памво, услышав раз слова Давида, *рех сохраню пути моя, еже не согрешати ми языком моим* (Пс.38:2), так был поражен ими, что после того во всю жизнь не произносил праздного слова и в разговорах был весьма осторожен. Когда спрашивали его о чем-либо из священного писания, или о деле важном, он редко прежде трех

дней давал ответ, а иногда не давал его и прежде трех месяцев. Так он боялся вводить других в ошибки и грех словами необдуманно. Падужай св. Памве и слово твое не будет соблазном для ближних твоих.

Чтобы дела наши не служили соблазном для других, надобно не только остерегаться грехов явных, но должно сообразовать поведение свое с нравственным состоянием людей, среди которых живем мы. Большинство людей, как известно, состоит из людей слабых, скорых на грех, мало знакомых с истинным благочестием; они часто судят о друзьях добродетели по себе, по-своему привычному образу мыслей и дел и легко вовлекаются в грех всяким поводом ко греху. Дело любви христианской – обходиться с младенцами о Христе с кроткою, но осмотнительною любовью. Имейте же любовь в душе и любовь не допустит в нашей жизни соблазна (1Ин.2:10). Чем слабее наши братья, тем большей они требуют заботливости о предохранении их от соблазнов. По слову апостола сильные должны носить немощи немощных, а не жить в свое удовольствие. Без сомнения не легко иногда переносить прихоти страстей брата, чтобы не раздражать его гнева отказом в услуге; но любовь покое брата, не думая о своем покое. «Не будем, наставляет св. Златоуст, отказываться для братий наших ни от каких унижательных дел. Хотя бы нам пришлось послужить человеку незнатному и бедному, хотя бы это сопряжено было с великими трудами, хотя бы нам надлежало для сего перейти горы и стремнины, все это должны мы переносить для спасения брата. Бог столько заботится о душе, что не пощадил Сына своего. Будем и мы заботиться о том, чтобы спасти брата от соблазна».¹¹ Щадя слабость людей, сам Бог применяется к их состоянию, чтобы не являть случая к соблазну. Тело Моисеево Бог скрыл для того, чтобы иудеи не обратили его в предмет обожания (Втор.4:6). Дабы распрями с Лотом не подать соблазна хананеям, Авраам отдал Лоту и часть земли, которую тот сам пожелал (Быт.13:7). Св. Киприан так изображает поступки Елеазара Маккавея, «Елеазар не только сообразовался с состоянием юношей, но и с состоянием старцев и с слабостью братий, дабы старость его не была

причиною соблазна и гибели для юности. Потому-то он лучше пожелал лишиться жизни в муках, чем быть для кого-либо соблазном». Святое соображение с недостатками немощных братьев требует того, чтобы мы являлись во всем чистыми, невинными, непорочными чадами Божиими (Флп.2:15).

В частности, будь осторожен для брата твоего при совершении дел безразличных. Действия, сами по себе безразличные, бывают по последствиям причиною соблазнов, *Добро*, говорит апостол, *не ясти мяс, ниже пити вина, ни о нем же брат твой претыкается, или соблазняется, или изнемогает* (Рим.14:21). Тем же, *аще брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса во веки, да не соблазну брата моего* (1Кор.8:13). Св. Златоуст объясняет слова апостола так, «апостол говорит, добро не ясти мяс, не потому, что это нечисто, а потому, что брат соблазняется и изнемогает. И что говорить о мясах? Воздерживайся, говорит, и от вина, и от всего, что только служит соблазном; потому что спасение брата не идет ни с чем в сравнение».¹² Для того, чтобы не подать случая к соблазну для обратившихся к вере иудеев, апостол обрезывает Тимофея (Деян.16:3), и потом сам остриг власы по обету (Деян.18:3).

Впрочем, признавая святость применения своих поступков к образу жизни других, не должны мы доходить до крайностей. Если из известного поступка может произойти более добра, чем зла от соблазна, не надобно опускать благотворного поступка. Тем более боязнь соблазна не должна удерживать нас от исполнения наших обязанностей. В таком случае. не мы подали бы собою соблазн, а его придумают другие. Распятый Иисус был соблазном для иудеев, но для апостола, но для всякого верующего Он – Божия сила и Божия премудрость и потому ничего так не желал знать, ничего так не желал проповедовать апостол, как Христа распятого (1Кор.1:23–25). Боязнь соблазна не должна доводить и до притворства в поведении. Только нечистый совестью имеет причину скрывать себя, а непорочному не для чего скрываться. Притворство его было бы грехом против совести его и, следовательно, соблазном для другого. Преподобный Феодор сидел у дверей кельи в

разодранной одежде, как пришел мирянин принять от него благословение. Ученик поспешил принести учителю другую одежду, но Феодор остался в прежней. Когда ушел мирянин, ученик сказал авве, что ты делаешь, авва? Человек приходил к тебе получить пользу, а не соблазняться? «И впредь приказываю тебе, отвечал преподобный, сказывать о мне всем сущую правду, а не поступать так, как поступают в мире. Когда ем, говори, что Феодор ест, когда сплю, говори, что Феодор спать. Только нельзя назвать совершенно чистым в душе своей, кто имеет причину скрываться».

Богу нашему слава во веки веков, аминь.

Слово в неделю всех святых, на кладбище, во Храме всех святых

¹³Случалось ли вам, слушатели, размышлять, что значит храм сей, в который собрались мы? Храм, посвященный всем Святым, стоит на месте усопших. Что за мысль такого храма? что за назидание? Не могу верить, чтобы без мысли строили св. храм, без цели тратились на украшение его. Теперь, когда мы собрались на духовный праздник в храм сей, прилично размыслить, если не размышляли, прилично возобновить размышление, если размышляли, о значении сего храма.

О чем говорят вере все Святые, которым посвящен храм сей? О том, что вера, которою веровали они, есть вера чистая и святая, и, следовательно, такая, которую и мы должны содержать и хранить. Одно уже то, что святые всех стран и народов, не одного, а разных веков, соблюдали одну и ту же веру, служить верным признаком того, что вера их – вера истинная. Ложь не может быть сама с собою согласна, а непременно противоречит себе самой, не ныне, так завтра, не в одном, так в другом или третьем случае; ловкость, соединяясь с упорством, успевает скрывать беспорядки лжи на время от некоторых, но не навсегда. Только истина везде верна себе верна себе самой, не смотря на то, что проста и безыскусственна. И потому вера святых, всегда и везде согласная, носить на себе печать истины. Далее, что значит прославление святых чудесами и знамениями? С одной стороны, это есть проявление благодати Божией, возведшей внутреннее освящение сердца до наружных действий, с другой – это есть видимая печать благоволения Божия о святых, поучающая благоговению к воле Божией. В ком, по слову Спасителя, может являться чудодействующая благодать? *Знамения же верующим сия последуют, именем Моим бесы ижденут, языки возглаголют новы, змия возмут* и т.д. Итак, в том, кто имеет живую, плодотворную веру, в ком вера благодатью Божией возведена до преобладающего начала жизни, до начала, освящающего все действия его, – в том могут

являться знамения. Итак, чудеса – видимый знак святости лиц чудодействующих, свидетельство о святости как их, так и того общества, или той церкви, где воспитан чудотворец. Вместе с тем, кто, собственно, может творить чудеса? Один Бог. Так, если святые творят чудеса, то это значит тоже, что в них и чрез них действует Бог, что они посланники Божии, подтверждающие чудесами возвещаемую ими волю Божию. Смотрите далее. Не правду ли, что подвиг целой жизни некоторых святых относился, собственно, к проповеди веры? Таков подвиг мучеников, исповедников, святителей и учителей веры. Итак, прославивший сих святых прославил для нас веру их, или, что то же, утвердил чудесами, что проповедь их свята, учение их чисто, благовестие их – благовестие не земли, а неба. А так как исповедание веры, которое содержали и проповедовали святые учителя, было то самое, которое содержала церковь, то прославивший святых прославил с тем вместе церковь их, или её учение. Так прославление святых чудесами есть печать Божия, полагаемая на церковь их в знамение её чистоты и угодности Богу.

Как же должны мы благодарить Господа, что родились и воспитались в святой православной церкви, прославленной и чистою жизнью святых и знамениями, совершающимися чрез них? Потому-то напрасно украшают себя пышными именами общества, отступившие от церкви, на них нет печати Божией, нет ни несомненно благодатной святости, ни знамений Божиих. Это – общества, созданные произволом человеческим, без благоволения Божия, творение людей, а не Бога. Вот недалекое от нас общество раскольников. Спросите, был ли кто-либо из святых в числе отступников от церкви, подобных им? Нет. Были ли святые чудотворцы между ними – раскольниками? Нет. Прославлен Господом Димитрий Ростовский, но он жестокими обличениями преследовал раскол. Прославлены святители – Иннокентий иркутский, Митрофан воронежский, но они подвизались за церковь, а не за раскол. Где ж прославленные между раскольниками? Правда, не раз случалось слышать и читать похвалы каким-то страдальцам соловецким. Но, что это за страдальцы? За что они умирали? За то, что бунтовали

против царя и отечества? Подлинно, святой подвиг совершили! Подлинно стоит имени страдальцев! А каковы были другие дела их? Товарищи их, по пребыванию в осаде Соловецкой, стыдились говорить даже пред судом гражданским о их мерзостях. И этих-то людей наглое бесстыдство выставляет невеждам, как страдальцев. Бесстыдство это простиралось так далеко, что даже указывало на нетление этих страдальцев. Тела бунтовщиков, пролежавшие зиму на льду залива, оно хотело выдать за нетленные. Это уже более, чем просто лгать, но лгать на Святого Духа, прославляющего святых. Вот что значит дело произволен!

Что говорят святые Божии для нашего назидания нравственного? От святых нельзя услышать другого урока, кроме урока душеспасительного. Они говорят нам, что без благочестия все отличия света, богатство, почести, слава – суета и ничтожество.

В самом деле, в честь кого празднуем мы ныне? В честь тех, которых мир или не знал, или знать не хотел – иначе, как разве гонением и злобою. *Камением побии быша, претрени быша, убийством меча умроша, лишени, скорбяще, озлоблени, в пустынях скитающиеся и в горах и в вертепах и в пропастях земных (Евр.11:37–38).* Таких людей прославляем мы ныне, после того как прославлены они Господом. Где ж знаменитости мира? Как не попали они в число прославляемых церковью и Господом? Да, не попали, если были не в числе святых. А как много было в мире людей славных и могущественных, от которых когда-то тряслись царства и народы! Как много было людей богатых, которые не знали счета своим богатствам! Как много было людей ученых, которые владели обширными, глубокими познаниями природы! И все эти громкие имена исчезли, или исчезают. Слава их промчалась, как звук мимолетный, или готова исчезнуть, как гул отдаленный. Что это значит? То, что земные отличия и преимущества, даваемые временем, временем и поглощаются, но совсем не составляют неотъемлемого достоинства человека; то, что для вечного бытия нашего необходимы совсем другие преимущества, – те, за которые убажаются святые. Эти преимущества суть

смирение, терпение, чистота души и тела, богобоязненность, любовь. Эти преимущества не изглаждаются временем, потому что мера и основа их – не мнения людей переменчивые, не случайности земли, все изменяющие, а вечная, неизменная воля Божия. Богатый этими отличиями пусть ничего не значит в мире, но он велик пред Господом; пусть он не учен, не красноречив, не рассуждает великолепно, пусть не знают его иначе на земле, как за бедняка простодушного, его знание Христа Господа узнают за гробом, его слава начнется там, – и слава, несравнимая ни с какою знаменитостью земною.

Вот урок, даваемый нам славою Святых!

И лежащие при храме сем не безмолвны для нас. И, что удивительно, они дают вере и благочестью тот же урок, что и святые.

Усопшие также говорят нам, что богатство, почести, слава – без добрых дел – суета. Спросите, кого угодно, из богатых, лежащих здесь, что взял он с собою, из сокровищ своих? Если благочестие не позаботилось сделать хотя малое употребление из богатства, сами видите, оно вовсе не нужно для мертвеца; нагим вышел он из чрева матери своей, нагим лежит и в могиле. Где красота лица, где стройность стана, которыми блистала юность дев, прежде чем легла здесь? Знаменитость сана и рода не оставила блеска своего на костях, сложенных в могилу. Пышность и нищета, как видите, ложатся здесь рядом, одинаково составляя из себя пищу червей, труп бездыханный, кости сухие. Юность! приходи, изучай здесь назначение краткой и бедственной жизни нашей. Старцы! могила говорит вам, исправьте проступки прошедшей жизни вашей; одно благочестие юности и старости переживет смерть, и только оно одно пойдет с нами туда – защищать нас на суде Божиим. Слушатель мой! поверь словам мудрого, *во всех словесех твоих поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши* (Сир.7:39).

Что нужно более всего, что более всего может принести пользу лежащим здесь братьям и сестрам нашим? Скажут, полезны дела милосердия, совершаемые в их имя. Не сомневаюсь, что они полезны усопшим; Бог любви и

милосердия любит дела милосердия; оказав помощь нищему и узнику, вы Мне оказали ее, – скажет Судия Господь. Но, братия, милосердными умели быть и язычники, – и они вовсе не были глухими к страданиям страждущих. Ужели же христианин ничего не может делать более язычника? Ужели христианство так скудно в средствах спасения? О, быть не может? Чем же можешь ты пособить умершим, как христианин? Есть пособие точно христианское, и пособие точно благотворное, лучше которого ничего нет на земле, это бескровная жертва тела и крови Христовой, приносимая святою церковью. Что все дела наши пред правосудием Божиим, не защищенные искупительною кровью Христовою? На чем можем мы основать надежду спасения своего и других, как не на примирительной смерти Христовой? Потому-то если бы вы могли слышать голоса братьев и сестер ваших с той стороны гроба, сколько благодарности живой и пламенной услышали бы вы за воспоминание имен их при жертве бескровной? А в то же время вы услышали бы голос любви их к вам о вас самих; дорожите, дорожите православною церковью и верою, в ней сокровища благодати для живых и умерших; жалеете о ваших несчастных братьях, избравших себе, вместо святой церкви, богатой дарами неба, худую, полуразвалившуюся храмину, молельню раскола; нечем, не чем защитить ей несчастных детей своих от грозного суда правды Божией.

Что значит, слушатели мои, что почившие лежат здесь при храме всех Святых? То, что они отданы и приняты под защиту святых неба. Говорю, приняты. Как же не принять Святым тех, которые во всем единовѣрны с ними, одного Господа искали, одним и тем же путем шли? Как не принять святым, когда они так любят Господа и братию свою? И какая верная защита – святые! Господь так внимателен к молитвам святых! Правда, и раскол призывает тех же святых на помощь, и он говорит, отче Николае, отче Сергие! Но дело в том, принимают ли их св. небожители за детей своих? Тогда как своевольные и упорные они бегут прочь от той святой Матери, которая родила и воспитала святых неба; тогда как наглость некоторых из них изрыгает даже хулы на святую Матерь всех святых – церковь

Христову, верно ли то, чтобы святые принимали с любовью голоса таких детищ, как бы часты, как бы громки они ни были? Верно то, что святые негодуют на раскол. Пусть же несчастные поспешать примириться с святыми прежде гроба.

Вот какое значение имеет храм во имя всех святых над могилами умерших! Будем пользоваться храмом сим во спасение, и в славу имени Божия, дивного во святых. Аминь.

1848 год.

Слово в неделю 2-ю по Пятидесятнице, при посещении города Дерпта

Не слышателие закона праведни пред Богом, но творцы закона, сии оправдятся (Рим.2:13).

Доведенный долгом до удовольствия в первый раз видеть град сей, – славный глубокою давностью пребывания в нем православного христианства, славный и новейшим просвещением, по чину церкви, встречаюсь с словами апостола, *не слышателие закона праведны пред Богом, но творцы закона, сии оправдятся*. Не уверен, чтобы встреча двух обстоятельств имела отношение только к граду, а не к посетившему град; но во всяком случае долгом обязываюсь предложить слово о словах, столько полезных для каждого.

Римские христиане, для которых писал помянутые слова апостол, обратились к христианству из иудеев и язычников. Иудеи превозносились пред язычниками тем, что им дан был самим Богом закон. Обратившиеся из иудеев ко Христу делала то же. Если смотреть только на то, что иудею дан был закон Божий и дан Самим Богом, то это преимущество иудея пред язычником действительно важно. И царственный пророк утешался тем, что *ведом во Иудеи Бог, во Израили велие имя Его* (Пс.75:2). Ни у одного народа древнего не было такого закона, каков был закон у Израиля; ни в каком народе древности не соединено было с законом столько великих дел, сколько совершено при обнародовании и подтверждении закона израилева. Как же было не иметь в виду такого необыкновенного преимущества? *Кий бо, язык, говорил сам Моисей, тако велий, ему же есть Бог, приближаяйся ему, яко Господь Бог наш во всех, в нихже аще призовем Его? И кий язык велик, емуже суть оправдания и суды правы, по всему закону сему, егоже аз даю пред вами днесь* (Втор.4:7–8). И апостол не молчал о преимуществе Сродников своих по плоти; и он говорил о них, они израильтяне, им принадлежат усыновление и слава, и заветы, и законоположение, и

служение, и обетования (Рим.9:3–4). И, однако, тот же апостол после того, как сказал, *елицы в законе согрешаши, законом суд приимут, говорит, не слышатели бо закона праведни пред Богом, но творцы закона, сии оправдятся*. Что это значит? Отчего это так, что слушание самого закона Божия еще не доводит до блаженства, знание самого прекрасного правила жизни еще не делает человека правым? Казалось бы, не великое ли дело, не высокое ли наслаждение, не счастливая ли доля – просветить ум познанием предметов возвышенных? Как много чувствуют себя выше других, когда становятся выше других по образованию ума? Не самое ли сознание говорит, что приобретают, а не теряют что либо, когда приобретают знания; возвышают, а не унижают душу, когда просвещают разум свой? И особенно когда познают дела Божия, когда вводят закон Божий в свое внутреннее знание, место ли сомнению, что это есть приобретение великое, наслаждение чистое?

Все это правда, братия; но такая правда, которой надобно указать границу. Будем внимательны к душе, – и мы откроем в душе нашей эту границу. Согласитесь, что не естественно для души, когда заставляют ее жить одною мыслью, или, когда допускают в ней преобладать такой силе, которая не имеет права на преобладание. Не одною мыслью назначено жить душе, но в ней есть и чувство, и воля, а воле принадлежит правительственная власть над душою. Представим себе, что в целом телесном организме жива и цела одна голова, а все прочие члены омертвели, или, по крайней мере, едва дышат жизнью. Чем назовете вы такой организм? Скажете, это что-то не в порядке; это что-то более, чем уклонение от порядка. Не то же ли означает и душа, когда в ней живет мысль на счет всего другого, когда указывают мысли беспредельное стремление вперед, а бедное чувство, а бедная воля, не говорим о прочих силах, едва получают на свою долю минуты кое-какой жизни, кое-какого действия? В таком случае душа мало по малу, постепенно, но неприметно, превратится в скелет мыслей, в сухой остов духовного организма. Дайте незаконный перевес какой угодно частя, каком угодно целом, самое превосходное целое расстроится. Другого следствия нельзя ожидать и тогда,

когда в душе преобладает знание без дел закона. Спору нет, что невежество – не блаженство; жизнь души, спасение души начинается познанием закона, разумением воли Божией. Но пусть тем и ограничится деятельность мысли, – разумением воли Божией, необходимым для правильной жизни душевной. Это будет законная деятельность, правильная деятельность, которая будет благотворною для всей души.

Братия! Странен был бы законодатель, если бы дан был закон с тем только, чтобы узнан был закон. Это означало бы, что, или дают такой закон, которым ничего нельзя привести в порядок, или дают закон с тем только, чтобы, увидя из него свои беспорядки, оставались с беспорядками. Прельщают себя, учит апостол, когда думают, что все сделано по отношению к закону, если бы *слышатели, а не творцы закона* (Иак.1:22). Не странно ли, не смешно ли видеть в зеркале неприличие своей одежды, нечистоту на лице, а ничего не поправлять в одежде, и не спешить смывать грязь с лица? Если же кто, говорит апостол, только слушает слово, а не выполняет; то такой походит на человека, видящего в зеркале лице свое, – увидел себя, отошел, и тотчас забыл, каков был (Иак.1:23–24). Закон Божий дан нам с тем, чтобы не только знали мы его, но и исполняли. И как строг закон Божий, как обширны требования его! Если кто соблюдет и весь закон, но согрешит в чем-либо одном, то обвинен будет во всем (Иак.2:10). Самоволие передвигает и портит границы закона, но Тот, кто дал закон, не оставит того без отмщения; за каждое праздное слово, за каждую праздную мысль потребует Он к ответу. Мы живем забывчиво, но это не значит, чтобы мы были вне опасности; мы беспечны в собственному положению, живем так, как будто бы не было никого над нами, но над нами бодрствует неумолимая правда, – она обличит самое малое отступление от святой воли Божией. Встань, грешник, проснись от губительного сна твоего, чтобы не застал тебя неготовым к отчету неумолимый страж твой.

Мнози рекут в день он, Господи, Господи, не в Твое ли имя пророчествовахом, не Твоим ли именем бесы изгонихом? И Господь скажет многим, николиже знах вас. Чего же мы себе ждем от одного знания воли Божией? Нет, знание воли Божией

не только не спасет нас от суда, но послужит только к осуждению нашему, если оно бесплодно в нас. Как бы великолепно и многосложно ни было знание наше, бесплодное знание – гибель. Раб, *ведевый волю господина своего, и не сотворивый биен будет много*. Так говорит истина. Страшно это слово для бедного иудея, знавшего из закона волю небесного Владыки. Гораздо более оно страшно для нас, христиане, для которых еще более известна воля Отца небесного. *Если глаголанное ангелами слово было твердо, и всякое преслушание получило мздовоздаяние, как мы убежим гнева, – нерадивые о таком спасении?* (Евр.2:2–3). Слово о нашем спасении возведено самим Господом, едиnorodным Сыном Отца небесного, передано очевидцами слова; в том и в другом случае Бог сосвидетельствовал слову знамениями, чудесами, различными силами, разделениями даров Духа Святого. Ужели все это напрасно? О, не напрасно! Земля, пившая много раз сходящий на нее дождь и произращающая только волчцы, есть земля негодная, близкая к проклятию; конец её – пожжение (Евр.6:7–8). Глагол Божий не возвращается тощ; он или обращается в слово жизни для выполняющих его, или становится огнем, потребляющим непокорных. Христиане! устрасимся участи более грозной для нас, чем для иудеев.

Правда, мы немощны для того, чтобы исполнить закон, и, следовательно, для того чтобы быть оправданными пред Богом. Но в немощи нашей не виноват закон, а мы сами; и потому не теряет он силы своей над нами оттого, что мы бессильны исполнять его; наше дело в таком положении сознать немощь свою, каяться во грехах своих, проливать слезы о том, что блудно расточили мы богатство Отца небесного, и в глубоком смирении молить о помощи. В небесной помощи нам не будет отказано. Просите и примете. Помощь нам готова, лишь бы мы были готовы для неё. Дух благодати ожидает только того, когда духом сокрушенным будем молить Его об исцелении немощей. Жалуются на совершенную неспособность нашу к добру, на недостаток самого произволения благого, самой молитвы о помощи. Но поверьте, братия, это не голос истинного

самопознания, а вопль лукавой беспечности, которой хочется только неги и покоя. Не то говорит о нас евангельская правда; она посрамляет самонадеянность, но не поблажает и нерадению, указывая на закон, воюющий в нас противу закона духовного, она показывает в нас и соуслаждение закону духовному по внутреннему человеку, и хотение доброго (Рим.7:18–24), указывает на дело законное, написанное в сердцах наших (Рим.1:19, 2:15). Жалуются на суету мира, на житейские заботы. Но от кого суета мира, как не от нас же самих, как не от нашего невнимания к своему спасению? Не наши ли прихоти заставляют волноваться мир? Не наши ли страсти порождают тысячи нужд и недостатков жизни? Сократите требования страстей, и не будет препятствий к исполнению воли Божией со стороны мира.

«Бог смотрит на веру, а не на дела наши». Да, Он требует веры живой и плодотворной, но бесплодному древу готов огонь вечный; бесплодному знанию, которое губит и время, и силы души в созерцаниях бесполезных, другого ожидать тебе нельзя, кроме осуждения вечного. Представлять себя сытым от одной мысли, что я сыт, смешно; то же значит говорить, довольно веры, а дела не нужны душе.

Блажени слышащий слово Божие и хранящий е. Аминь.

1843 год.

Слово в неделю 3-ю по Пятидесятнице

Не печытесь душою вашею, что ясте или что пиете, ни телом вашим, во что облечетесь (Мф.6:25).

Как не заботиться о нужном для земной жизни? Как не заботиться о пище и одежде? Наша одежда сама собой не шьется, наша пища сама собой не готовится; наши дома сами собой не отроются и не нагреваются в холоде. К тому же земные вещи могут быть обращаемы на пользу вечной жизни, ими мы можем служить ближнему в его нуждах их можем употреблять на службу Богу.

Каких же забот о земном не велит иметь христианину Господь наш?

Заботы о земном тогда преступны в христианине, когда он ищет земного без мысли о промысле Божиим. Тогда заботы его – заботы язычника, который не знал истинного Бога и не имел твердой веры в промысл Его. А как много и ныне есть тружеников земли, которые работают на земле без мысли о Боге! Хотя Бог не оставлял их поныне без пропитания и одежды; хотя он незримо и нечаемо подавал им помощь в самых крайних нуждах, однако, они все смотрят с беспокойством на будущее, как будто будущее зависит от их забот. Иной говорит, теперь у меня мало детей, и для них много требуется забот. Что же будет со мною, когда будет их много? Теперь дети еще малы, и на них так много выходит. Что буду делать, когда они подрастут? А что, если еще сделаюсь болен, или умру, кто будет кормить детей? Другой не имеет детей и также тревожится за будущность, я состарюсь и не в силах буду работать, – а детей нет, кто станет кормить меня? Судите, к лицу ли христианина такие тревоги? Тревожатся за участь того, чего еще нет, тревожатся так, как будто не мимо их забот и тревог идет все в мире. *Всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Отца светов (Иак.1:17)*. Кто от вас пекийся может приложить возрасту своему лакоть един? Неужели Он, всеблагий, тогда как дал бытие вашим детям, оставит умереть

их с голоду? Или Он, всемогущий, не знает, что старость бездетная имеет нужду в пище? *Весть Отец ваш небесный, яко всех сих требуете* (Мф.6:32). Трудитесь в мире совести, но не забывайте, что успех всякого дела зависит от Бога. Потому молитесь пред началом дела за его успех, молитесь по окончании, дела, благодаря за конец. Всякая забота наша о земном, без упования на промысл Божий, есть – грех и делает нас недостойными благословения Божия.

Далее, заботы наши о земном преступны еще тогда, когда хотим иметь земных благ больше, чем нужно для короткой жизни нашей.

Много ли нужно для человека на земле? Не слышим ли, как довольствуются дети природы слишком малым? И между нами мало ли таких, которых состояние ограничено и почти бедно, и, которые живут покойно? Отчего же тревоги других, которые наделены многим с избытком? Отчего, владея многим, говорят, мало нам? Оттого, что эти люди прихотливы, оттого что кроме нужд природы, они придумали или нажили себе множество своих нужд, нужд страстей ненасытимых. У них есть одежда, чтобы прикрыть тело от вредного влияния стихий; но им мало того, они хотят иметь богатую одежду, и не одну, а две и три. У них есть пища здоровая и свежая, но им не нравится пища простая, им надобна пища изысканная; у них есть и деньги, чтобы приобретать другие надобности жизни, но им давай много золота. Судите, прилично ли такое поведение христианину, которого желания должны быть умерены, потребности ограничены? Или не есть ли это поведение язычника, которого страсти необузданны, желания безграничны? Апостол предписывает христианам, *имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем* (1Тим.6:8). Желать земного более, чем нужно для земной жизни, может только страсть к земле. А стоят ли земные блага, чтобы питать к ним пристрастие? Все они так ненадежны, гниют и портятся, горят и тонут, похищаются и исчезают. Все они только на время забавляют душу, но не дают ей ни счастья, ни покоя; мало того, за минутные наслаждения ими, душа расплачивается тревогами совести, ощущением пустоты и скуки; а с иными бывает и того хуже, иных избыток

земных благ совсем отуманивает, доводить до забвения о Боге, до роскоши и беспутства, до гордости и высокомерия, до жестокости и бесчеловечия в отношении к другим. Печальное, жалкое состояние! Потому-то апостол говорит, *будьте пользующиеся миром, как бы не пользующиеся; преходит бо образ мира сего (1Кор.7:13)*.

Говорить ли о том, что заботы о земном крайне преступны, когда для приобретения благ временных, употребляются не честный труд, не служба совести, а средства преступные? В таком случае забота о земном не была бы одобрена иным язычником.

Труды чиновника государство награждает жалованьем и обеспечивает его на старость пенсией. Но иной, чтобы обогатиться, обманывает начальство, кривит дела правые, прикрывает виновного и подвергает невинного суду и осуждению. Дело ли это христианское? Иной торгующий, желая скорее нажиться, берет за товар и труды тройную цену против того, чего они стоят. Дело ли это совести христианской? Иной работник тайно обкрадывает своего хозяина, который платит ему за труды плату добросовестную, и без которого он, быть может, не имел бы хлеба. Не дело ли это худого язычника? Иные не хотят знать заповеди апостола, *аще кто не хочет делати, ниже да яст (2Сол.3:10)*; живут праздно, бегают труда и именем Господа обманывают людей, чтобы получать деньги на удовлетворение худых привычек. О! как строго осуждены они будут на суде Божиим. Все приобретенное неправдою будет пищей адского огня, который будет жечь делателя неправды. Единственное спасение от вечной беда несчастного – возвратить неправдою взятое законному владельцу; а христианство предлагает неправдою нажитое, после удовлетворения обиженных, раздать бедным.

Ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам, сказал Спаситель (Мф.6:33). Попечениям о земном должны предшествовать в нас попечения о небесном; пред заботами о доме и теле должны занимать первое место заботы о вечном спасении. Что дороже, – душа или тело, земля или небо? Если будем наблюдать законный порядок в желаниях

вечного и временного, то помышления о земном будут святы. Мало того, Господь так любит нас, что в таком случае берет на себя приготовить нам все нужное. Лишь только ищите вечного спасения души, нужное для тела будет подано. Потому-то тем более жалки, тем более несправедливы те, которые день и ночь трудятся для земли, а о небе не вспоминают и в воскресный день; и деньги и труды тратят, чтобы одеть и накормить семью прилично, а чтобы украсить себя и семью жертвою для храма, делом милостыни, того и на уме нет. Весьма верно называет их писание *сынами века сего* (Лк.16:8), они живут по духу времени и для времени, – гоняются за ветром, за известностью, за славой, а думать о вечности своей им некогда. Какое печальное положение! Что ждет их за гробом?

Братия, блюдите, *како опасно ходите, не яко же немудра, но яко же премудри, разумевающе, что есть воля Божия* (Еф.4:12). Живя по воле Божией, можем мы быть счастливы и на земле, и в вечности. Но гоняясь за земными благами не согласно с волею Божией, мы готовим себе только горе. Будем же умны, для своего покоя. Аминь.

1852 год.

В г. Волчанске.

Слово в неделю 6-ю по Пятидесятнице

Аз же глаголю вам, яко всяк гневайся
на брата всуе повинен есть суду (Мф.5:22).

Это слова Господа из пространной нагорной проповеди Его. В нагорной беседе Господь предостерегает от разных ложных мыслей, которые внушаемы были иудейскому народу книжниками иудейскими. В числе таких несправедливых мыслей была мысль, что будто довольно исполнить буквальное требование закона, о душевных же расположениях нет нужды заботиться. Так объясняли учителя иудейские и заповедь, не убий; они говорили, что заповедь запрещает насильно отнимать жизнь у другого и ничего более. Таким образом иудейские учителя учили только наружной честности и не заботились о внутренней чистоте. Сын Божий говорит своим последователям, *аще не избудет правда ваша паче книжник ни фарисей, можете внити в царствие небесное. Слышасте, яко речено бысть древним не убий. Аз же глаголю вам, всяк гневаяйся на брата своего туне повинен есть суду.* Осмотрим благоговейно учение Спасителя нашего о гневе.

Всяк, гневаяйся на брата туне повинен есть суду. Спаситель объявляет виновным гнев напрасный. Следовательно, не всякий вообще гнев осуждает Он. И точно не всякий гнев грешен. Когда Господь наш увидел, что в храме Божиим продают и покупают как бы на рынке, то Он взял бич и бичом выгнал из храма оскорбителей святого храма. Не делайте, говорил Он, дом Отца моего домом купли. Вот гнев и гнев всесвятого Сей гнев есть святая ревность о славе Отца небесного, которому посвящен был храм. В гневе на нечестие евреев, сливших себе тельца из золота и кланявшихся ему, как Богу, Моисей разбил скрижали закона, полученные от Бога. Ап. Петр с негодованием отверг дары Симона волхва, которыми тот хотел купить дары Духа Святаго. *Сребро твое*, сказал он, *да будет с тобою в погибель* (Дея.8:10). Ап. Павел хотел с палкой прийти к коринфянам, чтобы вразумить некоторых, как следует жить по-христиански. Так бывают случаи, когда не было бы

святостью не обнаруживать гнева. Справедлив, законен, свят гнева отца и матери на беспорядки и беспутства детей. Суд Божий пал бы на них самих, как и на их детей, если бы они смотрели сквозь пальцы на беспорядки детей. Вспомните Илию. Точно так каждый начальник обязан для удержания силы за законом действовать не только мерами кроткими, но и строгими. Счастлив он, если не имеет нужды изъяслять гнев на подчиненных, но несчастен, если, имея нужду действовать строго, действует слабо; он причиняет вред и себе и подчиненным. И каждый искренний христианин должен скорбеть и негодовать, когда увидел бы наглых хулителей святой веры, изрыгающих хулы на истину Божию, иначе холодность его была бы нечестием против Господа. Так гнев, основанный на законной причине, есть гнев святой и праведный.

Другое дело – гнев напрасный. *Всяк гневайся на брата всуе повинен есть суду.* Когда же гнев бывает напрасным? Ах, если смотреть на гнев, каков бывает он у людей, то придется поискать и не легко найдем, когда бывает он не напрасным. Гневаются, выходят из себя, на такие вещи, которые имеют все право на внимание признательной любви. Твой отец, твой друг, твой начальник говорят тебе о твоих ошибках с искренним желанием добра тебе. А ты на слова любви отвечаешь словами негодования и брани, осыпаешь возражениями, укорами, упреками, оскорблением. Прииди в себя, за что ты гневаешься? Зачем ты любовь святую топчешь в грязи диких чувств и мыслей твоих? Добрый Иосиф рассказывает отцу, как обижают его братья и они после того не хотят говорить с ним и решаются продать его в неволю к смертельному огорчению отца. Справедлив ли гнев их на Иосифа? Бывает, что гневаются на такие вещи, которые едва ли стоят и мимолетного взгляда. Гневаются на то, что потерян, пропал или уничтожился, предмет суеты земной, предмет преступного пристрастия, тогда как надлежало бы радоваться, что исчез с глаз соблазн пагубный. Стыдно говорить, а надобно сказать, что у иных гнев изливается даже на бессловесных, даже на вещи бездушные. Бывает и то, что гневаются на дело достойное гнева, но гневаются так как не надлежало бы гневаться. Не напрасный ли гнев, когда в гнев

употребляют такие меры против греха, которые только раздражают, а не умирят грех? Неосторожное, ненамеренное оскорбляющее слово, вместо того чтобы покрыть молчанием, или исправить словом ласки, преследуешь ты словами бранными, словами злоречия и злости иступленной, справедлив ли ты? Дитя твое сделало неважную ошибку, и ты выходить из себя, поднимаешь шум и крик. К чему это? Не думаешь ли ты, что дитя не заметит несправедливого в твоём гневе? Оно заметит твою несправедливость и оставит без внимания свои ошибки. *Гневайтесь и не согрешайте*, говорит писание (Еф.4:20), т.е. гневайтесь на дело незаконное, но так, чтобы не преступать границ справедливости.

Трудно ли после того видеть, как преступен, как виновен напрасный гнев?

Он оскорбляет в нас любовь к ближнему, столько святую для христианской души. *Любовь*, говорит апостол, *долготерпит, не ищет своего, не раздражается, не помнит зла, все покрывает, все переносит* (1Кор.13:4–6). И из истории святых видим, что пока не проникала в сердца их святая любовь, они были нетерпеливы, вспыльчивы, но становились кротки, мягки, когда овладевала сердцами их евангельская, благодатная любовь. Так не ищите, не найдете в напрасном гневе ни кротости, ни снисходительности любви; он не покрывает, а открывает, слабости других; он не знает извинений ошибкам ближнего. Он не дорожит не только покоем, не только честью, но и жизнью другого. От жестких слов, от оскорблений и обид доходят до убийства. *Муж ярый устрояет брани* (Притч.15:18). *Человек яр разжигает свар, и муж грешен возмнет друга и посреди мирных вложит клевету* (Сир.28:10).

Гнев преступен по источникам своим. В иных он – плод самолюбия, которое слишком дорожит простором своим и потому восстает с негодованием против самых пустых встреч, на против того, что не по вкусу подали чашку, или стул. В других гнев – плод гордости, которая высоко ставит свою личность и малое невнимание со стороны другого принимает за жестокое оскорбление для себя. Тому, кто живо помнит о своих немощах

и грехах, кто видит себя ниже всех по порче души своей, тому не до того, чтобы волноваться гневом на другого.

Гнев виновен по действиям, которые производит он в душе нашей. Что буря в воздухе, то напрасный гнев в душе, мысли, чувства, намерения, желания, все в беспорядке, все в расстройстве от гнева, так что света Божьего не видно в душе; душа разумная, душа с волею свободною, с силами богоподобными, превращается в духа злобы и неистовства. Сколько несправедливостей, сколько грехов вызывает за собою гнев напрасный!

И ложь, и неправда, – потоком бегут. Ни здоровью своему, ни чести своей, ни самой жизни нет пощады. Не бывает ли и того, что распаленный гневом произносить хулы на все святое? *Гнев правды Божией не соделывает (Иак.1:20)*. Ах! если бы гнев производил сильные опустошения только в душах слабых, это было бы печально, но не изумительно. Подвижники Божии дознали опытами, что и в их душах, допускаемый по немощи, гнев наносил сильный вред, удалял от них Дух благодати, который есть дух любви и мира.

Таким образом понятно, почему Спаситель произносит строгий приговор напрасному гневу. Он подвергает его осуждению, при том неодинаковому по степени гнева. *Всяк, говорит Он, гневаясь на брата туне повинен есть суду*. Это – приговор тому гневу, который кипит в душе, но еще не выразился в словах и поступках. *Иже аще речет, продолжает Спаситель, брату своему, рака, пустой человек, повинен есть сонмищу. А иже речет, уроде, бездушный человек, повинен есть геенне огненной*. Это означает, что кто выражает гнев свой в укоризненном наименовании брата, каково наименование пустым человеком, тот так виновен, как бы он судим был пред вышним судилищем человеческим. Если же гнев достигает крайней степени, так что гневный называет брата самым поносным именем, каково у иудеев было название бессовестным, бездушным, то это такой грех, который подвергает виновного геенне.

Братья и сестры! берегитесь гнева, как огня. Как спастись от него, особенно когда он частью зависит и от

раздражительности темперамента?

Представляй себе чаще и живее безобразие гнева. Для того поставляй себя на месте другого и спрашивай, каково было бы тебе, если бы другой за ошибку неважную осыпал тебя бранью? Поставив себя в положение ответственного лица пред гневным, ты скоро и ясно поймешь несправедливость и низость напрасного гнева, легко заметишь и то, как не много нужно для того, чтобы бесчиниями гнева не унижать собственной своей души.

Затем как можно чаще имей в виду образец небесной кротости, данный нам небом в лице Спасителя. *Научитесь от Мене, яко кроток смирен сердцем*, говорит Господь и учитель наш. И подлинно как велика, как божественна была кротость Его! Какими оскорблениями преследовали Его иудеи во все продолжение земного служения Его! *Беса имать*, говорили о Сыне Отца небесного; Он друг мытарям и грешникам, нарушитель св. субботы, кричали другие. А чего не перенес Он, когда предан был в руки врагов предателем учеником? И на все оскорбления, на все злословия, на все насмешки, на все побои, пощечины, заплевания – ни одного слова гневного, ни одного движения негодования. *Христос пострада за нас*, говорит ап. Петр, *нам оставь образ, да последуем стопам Его... Иже укоряем не укоряше*, страдая не угрожал, *предаяше же судящему праведно* (1Пет.2:21).

Наконец, как и от всякого греха, как и от всякой душевной болезни, нельзя исцелиться от гнева своими силами, без помощи благодати Божией. Потому молись, усердно молись Господу, дабы Он послал тебе дух кротости и терпения. Для того, чтобы дать силу любви к другому над силою гнева, – молясь в движении гнева за ближнего; говори от глубины сердца, «Господи! прости согрешения оскорбившему меня, – он человек, как и я». Поверь, молитва подаст мир душе твоей.

Бог благодати и милости да будет с нами. Аминь.

1851 год.

В г. Валках.

Слово в неделю 7-ю по Пятидесятнице

Побеждай благим злое (Рим.12:21).

Говорят скорбному сердцу, к чему скорбеть? В мире все прекрасно, на земле все в порядке; если есть неурейства, неправды, насилия, это только разнообразит картину, но не портит. Беспольное утешение! Не умное умствование! Сердце, пораженное скорбями, не верит ни утешению, ни умствованию, потому что опытом дознает несправедливость умствования, потому что чувствует, осязает не только действительность, но и едкую силу зла. Умное ли умствование, когда идет на перекор опыту? Земли проклятой не сотворят раем наши мнения; своекорыстной, злобной мудрости нельзя признать стоящего любви. Нет, вместо того чтобы скрывать от себя зло, надобно помышлять, надобно заботиться о том, как побеждать зло, чтобы оно не поглотило и нас и других. Где ж взять нам оружие против зла? Где научиться искусству – побеждать зло? *Побеждай благим злое*, учит апостол. Возможно ли это? Приведет ли это к победе?

Побеждай благим злое. Казалось бы, надлежало сказать, побеждай злом злое. Тогда победа как будто вероятнее. Испытайте, возьмитесь за оружие, с которым на нас нападают. Платите за клевету клеветой, за обиду обидой, за удар ударом. Что выйдет? Вместо одной клеветы – две клеветы, вместо одной обиды – две обиды, вместо одного удара – два удара. Пусть продолжают возмездие, что выйдет? Одно умножение обид, одно торжество зла. Одна сторона ослабевает и зло кончится? Нимало. Ослабевшая соберется с силами, и размножение зла продолжится. Одна сторона потеряет жизнь? И тогда зло не побеждено, потому что восторжествовало самое страшное зло – убийство. Таким образом, плата за обиду обидой не только не уничтожает зла, не только не останавливает хода его, но усиливает зло. Вот почему апостол говорит, *еще друг друга угрызаете и снедаете блюдитесь, да не друг от друга истреблены будете* (Гал.5:15). Не приведут к цели попытки исправлять согрешившего гневными словами,

бранью злости и ненависти. Согрешивший видит тогда в самом наставнике грех и неправду, и таким образом обращает все внимание не на себя самого, не на свои ошибки, озабочивается не тем, чтобы исправить себя, а тем, чтобы лучше рассмотреть неправду другого; мало того, несправедливым поступком другого он возбуждается только к гневу против неправого наставника, и таким образом к прежним ранам сердца своего прибавляет новые раны греха. Вот к чему ведет брань зла со злом!

Ты скажешь, желал бы победить зло добром, желал бы примириться с врагом; но он не хочет мириться? Но полно так ли? Полно, желаешь ли искренно того? Всмотрись в себя. Ты считаешь его врагом твоим, а он тебя считает врагом. Кто из вас прав? Осмотрись. Если и тем началось зло, что ошибочно понято твое доброе слово и тогда необходимо спокойное объяснение делу, а не злоречие, а не гнев. Но что, если с твоей стороны больше сделано? Что, если вражда началась тем, что он сказал несколько слов неприятных, хотя и справедливых, а ты за непонятую правду осыпал его, как градом, колкими упреками? Быть может, он, сказал неприятное, хотел потом загладить неумышленную неприятность ласкою любви, а ты оттолкнул его холодностью и даже презрением. Может быть, еще ты отозвался о нем обидно для его чести, незаслуженно по его делам и расположениям. Если все это так, то в ком надобно побеждать зло? В тебе самом. Побеждай же его сознанием своего проступка, спеши загладить его делами любви. Побеждай благим злом.

Ты говоришь, «ближний не примирим, к чему тратить слова для него?» Но с чего ты взял думать так обидно о ближнем твоём? С чего взял думать будто, только у тебя доброе сердце, что только ты великодушен, а другой вовсе не хочет быть добрым? Если ты не остаешься бесчувственным к бескорыстной любви, к безмолвному терпению невинного, с чего отказываешь ближнему в той же способности нравственной? Не приличнее ли для христианина ожидать лучшего от другого, чем от самого себя? Если гордость удерживает тебя сделать первый шаг к примирению с братом, христианин ли ты? Положим, враг не

легко примирится с тобою. Но подумай, что он – человек, и снизойди к немощи человеческой. Подумай, что доброе не дается даром. Победа не приобретается без подвига. Сей семена мира и не забывай, что надобно время, чтобы семя сперва дало росток, потом взойдет стебель, и за тем уже явится плод. Болезнь не вдруг уступает силе врачества; повторяй не раз возливать елей и вино на израненное сердце. Легко ли тебе заметить в себе ошибку? Легко ли, увидав ее, сознаться в ней искренно? Легко ли сознавшись, поправить ее? Почему же не прилагаешь ты того же к другому? Почему ты требуешь, чтобы другой был, или вдруг стал ангелом? Не требуй от другого более, чем ожидаешь от себя. Не забывай при том и того, что если ты худ, если ты молишь, чтобы Бог простил тебе грехи, чтобы Он сам научил сердце твое добру, так мало покорное добру, ты точно так же должен прощать другому некоторое упорство его; так же как за себя, ты должен молить за него Господа, чтобы смягчил сердце его? Где источник всякого добра? У одного и того же Господа, для тебя и для него. В тебе и в нем чистое добро совершает единая благодать.

Как же, подумает иной, зло может быть побеждено, когда оно действует наступательно, а христианин не любит позволять себе и оборонительного противоборства? Не только может быть побеждено, но и было побеждено, именно тем самым путем, который. считают столько неверным. Какое громадное зло сражалось против первенствующего христианства! И владыки пол вселенной были против него, и судьи, и жрецы, и толпы народные вооружались всем против него; политика и религия, философия и слепая чернь кричали, смерть христианству! А какое малое стадо было стадо учеников Христовых! Как бедно оно было внешними пособиями для борьбы с мудростью и силою озлобленного мира! «Бог избрал безумное мира, дабы посрамить мудрое, и немощное мира избрал Бог, дабы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего незначащее избрал Бог, дабы разрушить значащее» (1Кор.1:27–28). Как же побеждено крепкое немощным и знаменитое ничтожеством? Против гонения стояло терпение, против неверия – вера, против злобы мучителей безмолвно преклоняли

главы под меч. И язычество исчезло. И христианство овладело миром. Вы скажете, то были времена необыкновенных даров благодати, необыкновенного действия силы Божией? Правда; но зачем же забывать и то, что ныне не жгут на кострах за имя Христово? Между тем прекратилась ли благодать? Отнюдь нет. И Христос Господь обещался всегда пребывать с верующими. И Дух благодати неотступно пребывает в церкви. И молитве сказано, проси и приимешь. За чем же дело стало? За тем, что малодушны мы, за тем, что малодушием допускаем неверие в сердце свое. Иначе – когда же, Господи, не был Ты близок всем призывающим Тебя? Чья молитва осталась неизвестною Тебе всеведущий? Чью мольбу не выслушивал Ты, всеблагий? Какой помощи не могла подать всемогущая рука Твоя?

Положим, любезный мой, что враг твой слишком упорен в зле, чтобы сделаться добрым от твоей любви. Снимается ли тем с тебя обязанность побеждать благим злое? Нимало. Любовь Божия не престаёт изливать свою милость на злых, как и на добрых. Точно так поступай и ты. Победа и тогда будет оставаться за добром, так как вражда ближнего будет покрываться твоею кротостью, так как, не смотря на скорби, которыми будет стрелять в тебя неприязненность, ты будешь стоять твердо в вере и любви, не уступая ни пяди злу. Что сделает тебе враг твой своею враждой? Зла истинного, действительного, он не может причинить тебе, напротив – много может принести пользы. Друг твой столько любит тебя, что не видит всех твоих недостатков. Но стань пред лицом врага твоего, и никто подробнее его не опишет тебе слабостей твоих; он зорко на них смотрит, не упуская ни одного проступка, и говорит о них, не уменьшая их виновности. Итак, слушай врага твоего спокойно, внимательно, – и тогда к скольким победам над злом приведет тебя враг твой! Чем менее мы будем давать места греху в сердце своем, чем более внимательны будем к себе самим, чтобы скорбями очищать нечистое сердце свое и страданиями пользоваться для преспеяния духовного, тем любовь божественная выше и выше будет возносить нас над бедствиями мира и над злобою зла. Послушайте, что говорит о себе крепкая любовь к Господу? *Кто ны разлучит от любви*

Божия? Скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? Во всех сих препобеждаем за возлюбльшего ны (Рим.8:35–37). Видите, нет в мире зла, нет бедствий, которые могли бы победить любовь, над которыми она не торжествовала бы победы.

Еще один вопрос, если только благим надобно побеждать злое, как же будет наказан преступник? Но моей личности не давали права суда ни над кем. Если оскорблено одно лицо мое; предаю дело Господу, *Мне отмщение, Аз воздам, глаголет Господь (Рим.12:19)*. Если дело касается не одного лица, а общества; и тогда не мне судить об этом, – мой долг только сказать Божиему слуге, который не даром носит меч. Власть установлена Богом; ей вверено право сражаться с злом наказаниями. Но и самая власть, если она христианская, не желает мстить злом за зло; она только защищает невинного от зла, и предупреждает или пресекает злодеяние, чтобы не погиб злодействующий и не гибли другие. Она управляется не злом мщения, а благом человеколюбия и правды. Таким образом, если наказывается преступник, то не испытывает он зла мщения со стороны власти, а ему преграждает путь к злу человеколюбивая правда.

Бог мира и любви да укрепит в сердцах наших любовь, для временного и вечного мира. Аминь.

1848 год.

Слово в неделю 9-ю

Господи, спаси мя, погибаю (Мф.14:30).

Больному человеку нельзя не чувствовать боли, и естественно желать освобождения от болезни. Впавшему в беду естественно тяготиться бедою и искать избавления от беды. Какова бы ни была рана, живой хочет жить и отклоняется от всего, что грозит опасностью, вредом жизни. Так молился и апостол Петр, когда *начен утопати*.

Но, при различии бед жизни, естественно прежде и более всего желать избавления от такой беды, которая тяжелее других. Иначе, часто можно быть и малодушным. Узнать более или менее тяжкую беду, по-видимому, не трудно, что сильнее давит нас, то и тяжелее. Но как часто ошибаются! Как часто малодушествуют! Отчего же? Оттого, что не довольно верно понимают и помнят, какая угрожаемая сторона жизни более стоит того, чтобы мы берегли ее. Какая тяжесть, если не физически, то нравственно, сильнее может оскорблять нас?

Подумаем же внимательно, против какого бедствия надобно нам всего более просить помощи свыше? Какое в мире есть самое ужасное зло?

Какое множество бед встречает бедного странника земли! Ах! так много, что не легко составить им и разряды. Однако, как бы различить их? Пусть на первый раз, по двойственности нашего организма, разделим их на два вида, на одной стороне поставим беды, поражающие организм видимый, физическую жизнь нашу, на другой – беды, оскорбляющие душу. Что-ж? Признаем ли первые более тяжкими, чем последние? Если душа ценнее тела, дороже земли, то беды душевные, конечно, важнее бед жизни внешней. В самом деле, что все прочее наше в сравнении с душою? Душа – образ Божий; он составляет то самое, что возвышает человека над всеми видимыми тварями, что поставляет его в общении с самим Богом. Можно ли же беды душевные ставить наравне с бедами, поражающими видимую нашу жизнь, исчезающую как пар?

Однако, не каждое оскорбление душевное более важно, чем скорбь физическая. Так, если легкомыслие предпочитает оскорбление чести потере жизни, то не предпочитает – здравый смысл. Почему? Потому, что оскорбление чести бывает наказанием тайным грехам души, и, следовательно, может быть принято, как прекрасное врачество больной душе; а самовольная потеря жизни, не возвращая ничего грешной душе, составляет бессмысленное самоубийство.

Как же узнать нам, какое зло должно считать нам самым ужасным злом?

Не трудно согласиться с тем, что зло, которое составляет источник, причину всех других зол, важнее других зол. Удержите это начальствующее зло, вы заградите источник зол и останетесь спокойны от прикосновения всех других бед. Напротив, допустите до себя начальствующее зло, вы будете страдать не только от него, но к вам придут, как неминуемые спутники начального зла, все другие бедствия.

Что ж это за зло, начальствующее над всеми другими?

Это есть грех, братия! Откуда все бедствия в мире? Откуда болезни? От греха, породившего смерть и болезни. Откуда нищета и недостатки? От греха, до греха во всем было довольство. Откуда стыд бесчестия? От греха, согрешили и стали стыдиться, стыдиться, собственно, греха же, которого нет бесчестнее. Каков был человек, прежде чем согрешил! Он был покоен, здоров, весел, счастлив, без всяких нужд, без всякого горя. Согрешил, и земля стала приносить ему колючую траву, тварь начала вздыхать вздохами землетрясений, громов и бурь, в муках стали раздать детей, встретились с болезнями, дряхлостью, смертью. Отовсюду окружили и стали теснить человека беды, – беды на море и на суше, в пустыне и в городе, беды от своих и от чужих. Что приносит нам грех каждый день? Откуда расстройства семейной жизни? Откуда расстройства гражданской жизни? Не от страстей ли, воюющих в сердцах наших? Не указываю на те страсти, которые так очевидно лишают людей и здоровья, и имущества, и доброго имени. Самое тонкое злоупотребление сил сопровождается тонким, но едким злом. Гордость предается пьянству и убивает рассудок;

мудрость, не искусившаяся имети Бога в разуме, предается в *неискусен ум творити неподобная* (Рим.1:28). Корысть не столько наполняет дом богатством, сколько душу заботами. Коварство падает в яму, которую готовило оно другому. Стало быть, не будь греха, не было бы и бед в мире? Да, это так. Испытайте и уверитесь. Пусть не будет неправды в приобретении богатства. Сколько умолкнет жалоб и стонов! Тысячи будут одеты и сыты, оттого что жадность немногих не будет у множества отнимать хлеб и покой. Пусть прекратится роскошь. Вместо беспокойств и тревог водворится в доме довольство. Сколько предотвратите вы зол, удержав одно неудержимое зло – язык ваш! Что бы видеть, какую силу имеет жизнь святая над физическим злом, читайте историю святых. Им и яд не вредил, и звери лютые служили, их и огонь не жег, и вода не топила. О! грех – самое ужасное зло в мире. Бегите греха по крайней мере для того, чтобы как можно менее тяготели над вами бедствия земные. Молитесь всего более не о том, чтобы вы были богаты, здоровы, в чести и уважении, – молитесь о том, чтобы Господь помогал вам избавляться от страстей, от привычек худых, от греха.

Правда, в жизни временной нам не всегда бывает приметно, как грех собирает нам бедствия, как оброк свой. Даже случается видеть, что страдает на земле и праведник, тогда как неправедные успевают в предприятиях, *волове их толсты, несть им падения*. Но не тревожьтесь, – не завидуйте творящим беззаконие. Если не здесь, то там придет к ним доля их. Не смущайтесь страданием праведного. Временные лишения, потеря здоровья и богатства, неизвестность для людей служат тому, кто умеет ими пользоваться, только средством к приобретению лучших благ, к преспеянию в совершенстве духовном, без которого все прочее – ничто. Если же, и по земным опытам, видимые потери – только врачевство против греха и средства к совершенству, то, стало быть, и по земным опытам – зло в собственном смысле есть только грех. Что ж откроется за гробом? Чем явится там грех? Там ад и геенна покажут, что плата за грех не так мала и легка, как казалось легкомыслию до гроба. Там откроется, что скорби

добродетели приготовили для добродетели вечный покой, тогда как роскошному богачу негде взять и капли для прохлаждения жгущего его огня. О! тогда скажут люди, лучше бы вытерпеть тысячи смертей, чем гореть в геенне огненной; лучше бы кипеть в червях целую жизнь на земле, чем сносить, как точит червь неусыпающий; лучше бы гнить в ранах смрадных от колыбели до гроба, чем терзаться во тьме безотрадной целую вечность. Если бы могли мы, братия, представить себе страшную лютость мук геенских, брэнная жизнь ваша не устояла бы от страха. К горам будут взывать тогда грешники, чтобы пали и покрыли их от лица Седящего на престоле. Но горы не скроют от взора Его, и ярость гнева Божия будет поражать беззащитных, *и дым мучения их будет восходить во веки веков* (Откр.14:11). О, вечность, вечность! как грозна ты для несчастного грешника! Что значит самое продолжительное время скорбей земных, что – самое тяжкое страдание времени в сравнении с вечностью мук грешника? Год мучительной болезни кажется нам несносным. Но прилагайте тысячелетия к тысячелетиям, ряды тысячелетий к другим рядам и – все это еще не вечность, грозная для грешника. Умилосердись, умилосердись, Господи, над созданием Твоим; *спаси, спаси меня, имиже веси судьбами*, от погибели греха!

Скажут, «не каждый же грех так ужасен; есть грехи малые; они, конечно, могут уступать тяжестью грехам тяжким». Ах братия! Если и правда, что есть разность между грехами, но правда и то, что мнения людские о грехах во многом не согласны с истиною. Люди говорят, не важное дело солгать иногда, пошутить на счет другого, позабавить собою других. Важное ли дело не быть ныне или завтра в храме, не соблюсти поста, не молиться утром или вечером, и т.д.? Не будем разбирать, точно ли каждый из этих грехов легок и мал. Подумаем о том, что каждый грех, если повторяем его не раз и не два, но не очищаем ни разу покаянием, никак не может быть признан малым. Нет, в таком виде он так не легок, что может увлечь нас в геенну, как нераскаянных грешников. Считая то и другое малым, не доходят ли до того, что никакого греха не считают великим? Бросьте с вершины горы камешек, он

ударами своими увлечет два другие, а три – соединясь сталкивают и не малый камень; чем далее покатится камешек, тем более наберется число спутников, в том числе и очень великих. Точно тоже бывает в душе нашей от так называемых малых грехов. Осмотрись, бедная душа моя, сколько у тебя таких грехов, которые включены только в число малых, и сколько грехов вызвано теми малыми грехами! Сочти потом, сколько у тебя великих добрых дел, которых тяжесть могла бы удержать тебя от падения в геенну! Легкомыслие шутить грехом, а грех, как червь, более и более точит душу; легкомыслие смеется над набожностью и доходит до безбожной жизни; легкомыслие пренебрегает уставами церкви и скоро начинает пренебрегать христианством; легкомыслие считает за малость – не посвящать Богу дней воскресных и праздничных, и начинает проводить их не только в праздности, но и в разврате. О, Господи! спаси нас, погибаем.

Отчего же так мало чувствуем мы тяжесть греха, тогда как беды времени бывают невыносимы? Братия! каждому из нас, вероятно, случалось видеть или слышать, что пред самую смерть больные начинают чувствовать легкость. И в частном каком-либо члене болезнь бывает иногда так странна, что член готов отпасть от тела, а боли не чувствуется никакой. Да избавит Бог всякого от предсмертной бесчувственности по духу. Привыкая к крепким напиткам, замечают ли разрушительное действие их на организм телесный? А между тем – чем далее, тем более приближают они его к разрушению, к смерти. Привычка к греху точно тоже производит в душе нашей. Мы рождены во грехах, и лишь только начинаем пользоваться употреблением сил, начинаем привыкать ко греху. Привыкая к греху, мы начинаем пренебрегать действиями его на нас, а вместе с тем начинаем любить то, чего бы не должно любить. Таким образом мысли тупеют, чувства развращаются; великое становится малым и малое великим; временные блага, временный покой, временная честь, временное богатство становятся так важны, что за ними не видят ничего важного. Вот почему боятся потерей временных и не думают о грехе, поражаются, волнуются, выходят из себя, если лишаются

детской забавы, а ни мало, не озабочены тем, что не с чем явиться в вечность, на суд Божий. Потому-то так часто надобно слушать слово Божие, где показано значение временного и вечного. *Духа не угашайте*, а возгревайте его молитвою и добрыми подвигами.

Братия! пока есть время, пока в нашей власти способы спастись от греха, воспользуемся способами спастись себя от самого грозного для нас бедствия – от греха. Не будем малодушны, не будем малосмыслены при встрече с временными скорбями. Прежде всего и более всего будем молить Господа, чтобы дал нам силы спастись от греха, в славу святого имени Его – Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

1843 год.

Слово в неделю 11-ю по Пятидесятнице

Вся сия сказал вам, яко тако труждающимся подобает заступати немощные (Деян.20:35).

Так говорил апостол Павел ефесским христианам!

Если же апостол считал нужным напомнить христианам своего времени о долге помогать немощным, удивитесь ли, слушатели мои, что хочу напомнить вам о той же обязанности? Если бы и могли вы доказать делами, что хорошо помните и выполняете эту обязанность, и тогда служитель слова, изъявив радость о верности вашей долгу, пожелал бы вам более совершенствоваться в любви к немощным. Но что, если множество сирот, скитающихся без крова по улицам богатого города, множество бедняков, не знающих, где приклонить голову и чем прикрыть наготу, без слов говорит о нужде в напоминании о долге к бедствующим?

Не люди придумали закон, «люби ближнего, как себя самого». Этот закон начертан в сердце нашем, куда не касается рука человеческая; он дан нам Тем, Кто дал и мне и тебе одну душу, одно тело, с одними и теми же потребностями, так что, любя тебя люблю себя. Понятно, что этим законом обязаны мы любить не только близких к нам, по родству или племени, к которым влечет нас сродство крови, не только близких к нам, по состоянию одинаковому или высшему, которое располагает нас к взаимному сближению, но мы обязаны любить и тех, которых унизила пред нами нищета или болезнь. Они также люди подобные нам, с тем же образом Божиим, с теми же способностями и потребностями. Они также дети одного и того же Отца небесного. Они также назначены к одной и той же высокой цели. Если же должны мы любить их, как самих себя то, что это значит? Это значит, что мы должны жертвовать для них всем, чем жертвуем для себя. А чем мы не жертвуем для себя? Значит, этих одетых в рубища, страдающих от холода и зноя, мы так же должны защищать от стихий, как защищаем себя; этих сирот бесприютных, скитающихся без надзора, без воспитания, без приюта, должны мы приютить, наплатить,

образовать, как своих детей; этих больных и дряхлых также должны призреть как желаем, чтобы нас призрели в болезни и старости. Легко ли нам просить помощи у других? Поймем же, как тяжело состояние матери сирот голодных и нагих, которой стыд запечатлел уста, чтобы молить богатую гордость о помощи. Поймем, что в лице страждущего бедняка страдает собственная наша природа, которой страданий не чувствуем мы только потому, что не хотим понять.

Христиане! почему узнать нас, что мы христиане? *О сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*, говорит Спаситель (Ин.13:35). Любовь составляет отличительный, существенный признак христианина, любовь составляет душу христианского общества. Потому-то, в самое худшее время христианства, пред кончиною мира, за умножение беззаконий иссякнет любви многих. И обыкновенные общества, управляемые земными властями, по тесным связям, соединяющим членов их единством земных целей называются единым телом. Общество христиан по преимуществу есть тело единое и стройное; оно управляется единою Главою – Христом Господом, к одной и той же неземной цели – к вечному спасению, в духе одного и того же закона – бескорыстной любви. *Вы тело Христово*, говорит апостол, *а по частям вы члены* (1Кор.12:27). Если же мы члены единого тела, если любовь должна так крепко связывать нас между собою, то место ли между нами, равнодушию к бедным из нас? Место ли тому, чтобы имущие владели всем только для себя, и оставляли неимущих на произвол нищеты? Когда один какой-либо член страдает в теле нашем, то и другие чувствуют боль, тяжесть, ослабление. А когда иго бедности и несчастий давит ближних наших, мы – члены единого тела – остаемся равнодушными к страданию сочленов наших? Члены ли мы живые?

Глава наша есть Христос, Которому, естественно, должны мы повиноваться во всем. А чем ознаменована вся земная жизнь Господа нашего? Делами милосердия, делами благотворительности бедным, больным, расслабленным, скорченным недугами. Что значит самое нисшествие Сына Божия на землю? Опять любовь к страждущим, Сын Божий

принял на себя образ раба, дабы совершить спасение расстроенного грехом человечество. Посему-то так часты, так настоятельны были убеждения Его к подвигам милосердия. *Блаженны милостивии, говорит Он, яко тии помилованы будут (Мф.5:7).* Он учил, что нищие – братья Его (Мф.25:40); что чем меньше надежд для нас на уплату за услуга наши другому, тем лучше для нас, *егда твориши пир, зови нищия, маломощные, хромыя, слепыя, и блажен будеши, яко не имут ти что воздати, воздаст же ти ся в воскрешение праведных (Лк.14:13–14).* Заметим, братья, что Господь наш, требуя от богатого, по-видимому, самой бескорыстной любви к бедным, не оставляет его без надежд на плату. Да, те, которые, по-видимому, ничего не имеют, кроме слез и нищеты, много имеют, чем в состоянии поделиться с богачом. В теле Христовом иному быть не должно; здесь нет ничего бесполезного. Молитвы благодарной бедности – ценнее золота; они низводят благословение Божие на благотворительную любовь; они обогащают ее дарами бессмертного воздаяния.

Христиане! нам известно, что делает врач с бесполезным, гнилым членом тела. Он отсекает его. На жестокосердых христиан иного суда быть не может. Что значит в составе тела Христова христианин бесчувственный к страданиям братьев? Что значит христианин, непризнательный к благодетельной любви? Он не только бесполезный член, но и вредный, – бесполезный, потому что не оказывает пособия другим, вредный, потому что, не оказывая помощи сочленам, он умножает страдания всего тела, составляет тяжесть для него своим бездействием. Кто щадит жизнь свою только для наслаждения жизнью, тот потеряет все; таков суд Господа. *Иже аще хочет душу свою спасти, погубит ю (Мк.8:35).* Не дивитесь же, что христианское общество без христианской взаимной любви страдает и во времени разным расстройством. Это – суд Божий временный – предвестник страшного суда вечности над корыстью. *Идите от Мене проклятии в огонь вечный, уготованный дияволу и аггелом его. Взалкахся бо, и не дасте Ми ясти. Возжадахся, и не напоисте Мене,* так скажет Судия грозный сынам корысти на последнем суде (Мф.25:41–42).

Русь святая! Русь благословенная! за что ты так благословлена Отцом небесным? Тогда как на западе все страшно волнуется, ты стоишь спокойно, как мощный исполин. Отчего это? Оттого, что любовь святая, любовь бескорыстная, была и остается началом жизни твоего народа; оттого, что дети твои считают милостью Божией посещение бедного и странника, «милости просим, говорят они страннику; а твои бедные молились и молятся за благотворительную любовь твою. О! да сохранит в тебе Отец небесный святое наследие отцов!

Пусть по незнанию ли, или по гордости, богатые не считают себя в связи с бедными. Но и языческая совесть согласится, что все мы живем не иначе, как милостью Отца небесного, и Он каждую минуту делает для нас более благодеяний, чем мы можем оказать для других во всю жизнь. Посему, и одна признательность к благодеяниям Божиим обязывает богатого заботиться о бедном. Кто дал богачу богатство, которым владеет он? Труды богача? Если бы и подлинно трудился он для приобретения богатства столько, сколько стоит богатство его, и тогда кто дал ему силы для труда? Нет! *От Него единого богатство и слава, в Его руке крепость и милость возвеличить и укрепить вся* (1Пар.29:12). И так, богатство богача – не его собственность, а дар Божий. Богачу остается смиренно и искренно благодарить благодетеля Отца небесного, и изливать благодарность в делах блатворительности бедным. Вот жертва, которую может он приносить, и которой ожидает от него Господь! *Благотворения и общения не забывают, таковыми бо жертвами благоугождается Бог* (Евр.13:16) Если богатство богача дар Божий, то этот дар дан, без сомнения, с целью и с целью, достойною премудрого и святого Дателя. Для чего же дан дар богачу? Для того ли, чтобы богач удовлетворял своим прихотям и теснил слабого? Но для кого же приготовлен и ад с его муками если не для любодеев и плотоугодников, если не для притеснителей, слабой бедности? Для того ли, чтобы богач жил беспечно в праздном покое, для себя одного? Но ни одна пылинка в мире не существует для себя одной, без движения полезного для других. Или – с тем богач наделен богатством,

чтобы только передать богатое наследство детям и родным? Но если назначение богатых родителей ограничивается только тем, чтобы готовить детям и родным сокровища, истлеваемые тлею и похищаемые татями, а не касается потребностей нравственных, не входить в область духа, тогда какое же назначение самого богатства? Назначение бесполезной ветхости, которую должны перекладывать из рук в руки отец сыну и сын внуку, бережно и осторожно, отнюдь, не смея делать из неё какое-либо употребление. Цель слишком пустая, чтобы не сказать больше. Итак, что-ж? На что дано богатство? На то, чтобы делами благотворительности богач приобретал себе спасение вечное. *Сотворите себе други от мамоны неправды, да, егда оскудеете, приимут вы в вечные кровы* (Лк.16:9). Высокий образец предложен богатому – милосердие Отца небесного. Будьте милосерды, якоже и Отец ваш небесный милосерд есть (Лк.6:36). Как же много надобно трудиться богатому при употреблении богатства, чтобы приблизиться к высокому образцу!

Но если богатство дано богачу не для богача, а для бедного, то значит ли, что бедный, живя праздно, имеет право требовать себе часть из имений богатого? Совсем не значит. Богатство дано богачу, а не бедному. Пусть и богатый не более, как распорядитель чуждого дара, но для распоряжений дар дан ему, а не бедному. Пока не дадут бедняку богатства, он, если бы взял его, то с каким именем, по какому праву, взял бы его? С именем хищника, по праву грабителя, отнимающего данное другому. Где место хищнику, как не в аде? Богатый даст отчет в богатстве, и отчет строгий. Но бедный не будет отвечать за богатого в употреблении богатства. Пусть он готовит свой отчет. С него потребуют ответа, как переносил он бедность. Праздному богачу место в аде, но там же место и праздному бедняку.

Все сия сказах вам, яко тако подобает труждающимся заступати немощные. Аминь.

1847 год.

Слово в неделю 12-ю при первом посещении города Изюма

Да разумевшем друг друга в поощрении
любве и добрых дел (Евр.10:24).

Знакомясь в первый раз с благочестивыми жителями града сего, встречаюсь с мыслью апостола о христианском знакомстве. *Да разумеваем друг друга*, говорит св. Павел, *в поощрении любве и добрых дел*. Нельзя не обратить внимания на наставление апостола о знакомстве, когда невольно обращают на него внимание.

Да разумеваем друг друга в поощрении любве и добрых дел. Что это значит? Если тогда, как говорит апостол, разумейте посланника – Иисуса Христа, повелевает он нам обращать все внимание на посланника – Христа Иисуса (Евр.3:1), то и слова его, *да разумеваем друг друга*, означают, будем иметь в виду друг друга, будем узнавать и знать друг друга. Для чего же иметь в виду? *В поощрение любве и добрых дел*, для того, чтобы поощрять друг друга к любви и добрым делам, к любви, как оживляющему началу деятельности (1Кор.13:1), к добрым делам, как к плодам живой любви (Мф.5:16). Итак, главная мысль апостола есть мысль о взаимном содействии нашем в деле спасения.

Союз, которым соединяет нас вера Христова, более тесен и более свят, чем союз всякого другого общества. И члены гражданского общества соединяются в одно общество не с тем, чтобы каждый знал только себя, и жил для одной своей личности; напротив на каждом члене общества лежит обязанность содействовать благу сограждан; на каждом члене общества лежит долг предотвращать зло, опасное для членов общества. Под Главою Христом Господом все мы – члены одного духовного тела, все живем жизнью одного и того же Духа Утешителя, все идем к одной и той же цели – к вечному спасению, все должны идти одним и тем же путем – путем заповедей Божиих. Как же членам сего высокого, духовного, общества не заботиться друг о друге? Как не поощрять взаимно

друг друга к духовному совершенству? «Страдает ли один член, говорит апостол, страдают с ним все члены; славится ли один член, радуются с ним все члены; Бог уравнивает тело, менее совершенному, дав более чести, дабы все члены одинаково заботились друг о друге» (1Кор.12:24–26). Так побуждает апостол всех и каждого помогать друг другу в деле спасения вечного.

Что составляет отличие христиан? В чем состоит преимущество их? *О сем разумеют вси говорит Спаситель, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин.13:35).* И сию заповедь имамы от Него, говорит ученик и учитель любви Его, *да любяй Бога любит и брата своего; аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавижу, ложь есть (1Ин.4:20. 21).* Если же так свята, так необходима для христианина любовь к брату, то не свят ли и долг заботиться о духовном совершенстве брата? Иначе что была бы та за любовь, которая ничего не хотела бы делать для брата любимого? Любовь к ближнему, по общей уверенности, должна простираться на все, что относится к пользам его даже в земной, физической, жизни его. Не более ли она должна быть заботлива о его духовном совершенстве? Душа выше тела и блага духовные ценнее благ мира преходящего. Спасение души такое великое дело, что на служение ему готовы ангелы Божии. Как же человеку отказываться служить сему спасению, когда дело идет о спасении брата его?

Как часто апостолы напоминают христианам о долге поощрять друг друга в любви и добрых делах! Наставляйте друг друга каждый, *дондеже внес нарицается, да не ожесточится некто от нас лестью греховною (Евр.3:13).* Наблюдайте, *да не кто лишится благодати Божия,* чтобы горький корень, возникнув не причинил вреда и, чтобы от него не заразились многие (Евр.12:15). *Молим же вы, братие, вразумляйте бесчинные, утешайте малодушные, заступайте – поддерживайте немощные, долготерпите ко всем (1Сол.5:14).* С какою настойчивостью говорят нам о том же и отцы церкви! «Как? говорит св. Златоуст. Овца твоего соседа упала на дороге, и ты будто не скажешь о ней соседу? Менее ли стоить

внимания душа ближнего твоего, если ты видишь ее пораженною, или заблудшею? Пламень объял дом твоего согражданина, и ты не можешь равнодушно смотреть на это бедствие. Почему ж ни мало не трогает твоего сердца состояние другого, когда он объят пламенем страстей?»

Но скажут, разве надобно быть всем учителями? Что ж тогда будут делать учителя церкви?

Подлинно, апостол не дозволяет не только всем, но и многим быть учителями. *Не мнози учителя бывайте, братия*, говорит он (Иак.2:1). Апостольское учение учит, что Бог дал церкви своей иных апостолами, других пророками, одних благовестниками, других пастырями и учителями (Еф.4:11), а значит, не отдано каждому на произвол поставлять себя в учителя церкви. Как в органическом теле нога не берет на себя дел глаза или уха и рука не бывает головою, так и в церкви Христовой было бы беспорядком, если бы мирянин принял на себя звание учителя церкви. Но поймите, слушатели мои, что это учение апостольское запрещает не то, о чем говорим мы. Оно запрещает, во-первых, принимать на себя произвольно, без призвания Божия, должность общественного наставника веры и благочестия и во-вторых, указывая в церкви определенных учителей церкви, запрещает учить без их руководства и ведения, тем более вопреки постановлениям учителей церкви.

После сего очевидно, что апостольское учение, отделяя для пастырей церкви поле общественного служения церкви, оставляет за нами, братия, поле частного, домашнего, обучения благочестью. И как обширно это поле! Сколько представляется случаев каждый день к тому, чтобы, по заповеди апостольской, поощрять друг друга к любви и добрым делам! О! если бы жили мы так, как надобно жить истинным христианам, как много могли бы мы помогать друг другу в совершенствовании духовном!

Много людей мы знаем, со многими знакомимся, выдаемся, проводим время, но, как и для чего? О чем говорим? Что имеем в виду? С чем отпускаем друг друга? Сходятся друг с другом, чтобы поговорить о том и другом, но вовсе ненужном для души; говорят, чтоб поострить язык над недостатками ближних,

осмеять одного, осудить другого; повторить с прибавлениями безнравственное или глупое слово, слышанное от соседа; или что еще хуже, озабочены тем, как бы вовлечь душу неопытную в дело легкомыслия и щедро наделяют ее ношею грязных мыслей и чувств. Положа руки на сердце скажите, достойны ли такие знакомства, такие сношения имени христианина? А как легко заменять их знакомством вполне благородным и умным! Вместо того, чтобы говорить о пустоте дикой, скажите два, три, слова душе, любящей Бога; вместо гнилых слов злоречия и насмешек легкомыслия подарите знакомого вашего двумя, тремя, мыслями св. евангелия, это труд не тяжелый. Любовь – такое высокое, святое чувство. Отчего по её движению и в её духе не сказать незрелой молодости или забывчивой зрелости, остерегись людей, для которых так не дорога совесть; остерегись книг, в которых ничего нет кроме пустоты, или обольщений лжи и греха, дорожи теми храмами, где Бог и благодать Его? Как подобные слова были бы полезны и вам и другим! Отчего же не говорят их? Или труднее говорить слова благочестия, чем слова греха и беззакония? Там и здесь слова – из тех же букв. Зачем дело стало? За недостатком любви к брату? Ах! поспешайте пополнять этот недостаток, пока есть время. Если любим мы Господа, если благоговеем к святой воле Его, если дорожим спасением своим, то не только ни одного слова гнилого не должно выходить из уст наших, на соблазн других, но вся жизнь наша, все поступки наши должны быть хвалою Господу, а потому и назиданием другим в спасение.

Апостол пишет к галатским христианам, кто почитает себя чем-нибудь, тогда как он ничто, тот обольщает себя; каждый пусть испытывает свое дело (Гал.4:3–4). Этим он не исключает обязанности поощрять друг друга, к любви и добрым делам, а только учит, в каком духе должны мы выполнять эту обязанность. Исправляйте, говорит он, в духе кротости, но смотри и за собою, чтобы тебе не впасть в искушение (Гал.6:1–2). Апостол предостерегает заботливость о других от мечтательной гордости, от той гордости, которая, не понимая себя и своего дела, осуждает без снисхождения к немощи,

обличает с жестокостью, учит с надмением. Наставление апостола особенно идет к нашему времени. В наше время мало занимаются делами своей совести, гордо уверенные, что в душе их все хорошо, дела идут, как нельзя лучше; в наше время всякий, считая себя умным, судит о правительстве, о начальниках, о судьях, о пастырях; обсуживает каждое новое постановление, каждое новое распоряжение и нет никому и ничему пощады, все не так, все худо, все ни к чему не годно. Друзья мои! позаботьтесь наперед о себе, – так велит апостол; посмотрите ближе на себя, не придется ли увидеть запущенными и в страшном беспорядке дела вашей совести? не придется ли переменять и перестраивать все в вашей душе? не придется ли сознаться даже в том, что жизнь ваша – суцая зараза для общества? Затем, если совесть ваша все-таки будет тревожиться за беспорядки общественные, вы, конечно, не будете говорить и кричать о них с теми, для кого разговор о них не нужен и не может быть полезным, кротко и почтительно передадите вы свое мнение о них людям начальствующим, облеченным правом и властью изменять порядок дел общественных. В таком духе и в таком виде совершенное вами дело будет свято.

Господи милостивый и щедрый! одушеви нас духом кроткой любви, заботливой о спасении тех, которых Ты так любишь, дабы славилось между нами Твое святое имя. Аминь.

1849 год.

Слово в неделю 14-ю по Пятидесятнице

Друже, како вшел еси семо, не имый одеяния брачна? Он же умолча (Мф.12:12).

Он же умолча. Ах! как это молчание не молчаливо! Как оно страшно для тебя, бедная душа моя!

Он же умолча. Значит, гость – и без веселья на сердце. Гость и – с тяжкою думою в душе.

Он же умолча. От чего? От себя самого. Гостем явился к царю, и явился в одежде разодранной, измаранной нечистой.

Он же умолча. И что было сказать? Чем было защищать себя? Сказать, беден? Но сколько созвано других бедняков, а все другие одеты не так, как он. Беден? Но – бедность могла помешать одеться великолепно, но не мешала одеться опрятно.

Он же умолча. Да, чувствовал, что оправдаться нечем, а вина слишком велика. Вина оскорбляет царя, столько же великого по сану царскому, сколько и по милости, внимательной даже к бедному.

Он же умолча. А ты бедная душа моя, как часто хочешь извинять себя, и только увеличиваешь вину твою!

Единородный Сын Божий нисшел на землю, соединил Божество с человечеством, основал церковь, просвещенную светом учения Его, омытую пречистою кровью Его, освящаемую духом благодати Его, и, как невесту чистую, посаждает ее с Собою на престоле славы. Отец небесный, радуясь о любви Сына Своего к созданию Его, всех зовет, всех принимает к соучастью брачного торжества сего – земного и небесного, временного и вечного. И все мы, братия, званы к торжеству сему, все без различия, и бедные, и богатые, и великие, и малые.

В купели крещения омылись мы, и облеклись одеждою заслуг Христовых. Как прекрасна, как чиста, как драгоценна одежда, данная нам при купели крещения! Она соткана из заслуг Сына Божия, она убелена кровью вечного Агнца Божия. Но где она? Где эта драгоценная одежда? А нам даны еще благодатные средства украшать сию одежду. Нам даны

средства убелять ее, если и попадет на нее нечистота. Что-ж, если явемся пред лицом Царя небесного, не имея одеяния брачного? Что, если Царь земли и неба, в последний суд над землею и небом, *вшед видети возлежащих*, во мне или в другом из нас, увидит человека не оболчена в одеяние брачное? Христианин-грешник ничем не извинителен пред Богом.

Чем извинимся? Чем оправдаемся? Скажем ли, мы слабы, мы немощны, семя страстей оставалось в нас и после крещения? Но нам дана благодать, сильная в немощах. Ужели для меня она только бессильна? Сколько подобострастных нам человеков царствует на небе! Они носили ту же плоть, какая и у нас. Они чувствовали в себе те же немощи, какие и в нас; они также боролись с страстями, также обуревались помыслами греха, но победили. Илия, подобострастный нам, помолился, и на три года заключилось небо для земли. Отчего же не затворяются наши бездны, извергающие скверну грехов на землю? Отчего нет предела нашей жажде к золоту, нет конца нашему честолюбию, нет меры нашей нелюбви к братьям? День и ночь не сыты для греха, день и ночь пьем воду нечестия. Кто виноват в том? Вся, елика аще воспросите у Отца Моего во имя Мое, дастся вам, вот слова Господа, вот обещание верного в слове! Все, слышите, все, чего ни просили бы для спасения души своей, все дано будет нам, ни в чем не откажет нам Отец небесный. Зачем же мы не молимся? Зачем ни часа в сутки, ни минуты во дни, не посвящаем мы молитве? День – в заботах, ночь – во сне, будни – для земли, праздник – для страстей, и в гроб кладем гнилую душу с гнилою плотью. *Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь иматъ живот вечный (Ин.6:54)*. Кто же гонит нас от сего живота вечного? Кто мешает нам вкушать сие истинное брашно, сие истинное питье? Слабость естества нашего, при силе благодати, не только не отнимает возможности соблюдать светлую ризу крещения в чистоте её. Она не отнимает возможности и украшать ее благолепием добродетелей Христовых. Благодать Духа подает силы восходить от совершенства к совершенству, до полного образа небесной красоты – Христа Господа. *Вся могу о укрепляющем мя Иисусе*, говорит искренний ученик Христов. Не

останавливаясь на первых степенях совершенства, стремится он далее – к почестям высшего звания. Что ж скажем о себе?

Обстоятельства виноваты, говорят. И как много грехов оправдывают обстоятельствами!

Тот сдружился с обществом людей забывчивых, и с ним пьет чашу греха. Как можно, говорить, мне жить иначе, когда перемена жизни грозит мне столькими неприятностями! И тот из знакомых осудит, и другой оскорбится, и третий станет колоть насмешками, и родные будут смотреть как на чужего. Но, любезный! там, на суде вселенной, будут судить тебя, за дела твои, а не за дела знакомых; тебе скажут, *друзе, како вшел еси семо не имый одеяния брачна?* Что ты скажешь тогда? Тебе неприятны отзывы легкомыслия? Стыдись. Ты предпочитаешь общению с Господом общение с людьми грешными, отказываешься от любви Божией для того, чтобы пользоваться любовью человеческою. Думаешь ли ты, что готовишь ты себе? Кто стыдится Меня пред человеками, кто отказывается от Меня пред людьми, от того откажусь и Я пред Отцом Моим, говорит Господь. Дорога тебе связь сердечная, крепка и сильна она в тебе? Но, *аще око твое десное соблазняет тя, изми е, и верзи от себе. Лучше для тебя, чтобы погиб один твой член, чем все тело твое ввержено будет в геенну огненную (Мф.5:48).* Если бы и так тяжело, если бы и так больно было для тебя разорвать связь с лицом, или с обществом, с привычкою сердца и мысли, как больно тебе расстаться с правым глазом, ты должен разорвать связь, ты должен прекратить опасное дружество, чтобы не погибнуть на целую вечность.

Знают, чувствуют, что ложь и обман, неправда и присвоение чужего, грехи тяжкие. Но как все это хотят извинить в себе, как все это хотят прикрыть и украсить! Мое состояние, мои занятия торговые, мое положение в свете влекут все это с собою. Напрасно! Никакое состояние не заставляет ни лгать, ни красть, ни обманывать. Состояние заставляет трудиться и – только. Нужда, говорят не знает закона? Конечно, нужда, как необходимость физическая, не подлежит закону, предписанному свободе. Но бывает нужда, составляемая произволом свободы, и бывает нужда, преодолеваемая свободой. Надобно

осмотреться, какая нужда теснит тебя. Положим, что не страсти, не прихоти твои составили тебе твою нужду, однако, не они ли и мешают преодолевать нужду для Господа? Если бы искренно любили мы Господа, на что не решились бы мы для Него? Искренно любящие Господа жертвовали Ему не только довольством житейским, не только честью или денежною прибылью, не только покоем и лишним здоровьем, но самую жизнь. Не сказано ли нам, ищите, всего прежде, царствия Божия, а не земного покоя, а не прохлады в жизни? Не сказано ли и малодушию нашему, если будете искать небесного царства, вечного спасения души, то все прочее приложится вам? Что-ж? Ужели Бог может не выполнить Своих обещаний? Ваша совесть скажет вам, что Он не отказывал, когда молились Ему усердно; Он сам устроил дела ваши, когда на Него уповали. О! как мало помогут там извинения житейскими нуждами! Как обличена будет холодность ко всему небесному, прикрываемая нуждами житейскими! Как осуждена, как посрамлена будет несмысленная многозаботливость, пренебрегшая всеми дарами благодати и собственным вечным спасением для житейских нужд.

Извиняют себя незнанием закона Божия и неудобством знать волю Божию. Очень обыкновенное дело слышать подобное извинение от того, кто родился в простоте, вырос в заботах житейских; очень обыкновенное дело слышать от него слова, я книжной мудрости не знаю, я не имел ни времени, ни способов учиться закону; я человек темный, за что же и взыскивать с меня? О! нет, – и эта надежда не надежная! риза совсем не брачная, а темная. Любезный брат, ты жалуешься на незнание; следовательно, тебе известно, следовательно, ты сам чувствуешь, что незнание – дело худое. А заботился ли о том, чтобы приобрести познания, нужные для души твоей? Подумай; ты много, много узнал в жизни твоей, что, однако же, не нужно для вечности. У тебя достало времени и сил узнать бесполезное и даже вредное для души твоей, отчего ж так мало знаешь необходимое для вечности?

Ты не можешь читать книг? Но ты мог бы читать в душе твоей волю Божию, ты мог бы в совести твоей видеть грехи

твои. Что-ж? Совесть очернена; душа – вещь чужая, её вовсе не ведают. Ты жалуешься на незнание книг спасительных? Следовательно, тебе известно, что надлежало бы знать тебе содержание книг спасительных. Но разве не мог ты, не читая книг, слушать книги? Разве ты не мог бывать в храме Божиим, где каждый день оглашать тебя могли чтением и пением? А ты и мало бываешь в храме и, бывая, стоишь не в храме, а на торжище. Слушаешь слово Божие, как бы не слышал, слушаешь холодно, небрежно, рассеянно, так что ни одно зерно не проникает в глубину сердца. Подумай же, – извинит ли грехи твои невежество в законе? Ах! ничем не оправдается и то невежественное знание религии, которое имело все средства узнать религию, но обратилось к познаниям только земным. Не странно ли, не больно ли слышать разговоры о вере, обличающие грубое невежество по отношению к самым простым истинам веры? Не больно ли слышать – после того, как слышишь, что те же люди показывают большие познания о предметах, вовсе, ненужных для вечности? Сколько легкомыслия в суждениях! Сколько легкомыслия в жизни! Отчего? Оттого, что никогда не учились вере, как следовало бы учиться, никогда не размышляли о вере, как следовало размышлять о ней. Чем оправдаются эти люди на суде Божиим? Скажут ли, что виновато воспитание? Оно виновато, но было время исправить худые уроки воспитания. Много дел, много занятий? Тогда узнают, тогда почувствуют высокое достоинство истин веры, узнают, что истины веры важнее всех занятий жизни.

Мы еще не совсем худы, говорят другие. Не забываем храма Божия, не берем чужего, хотя и не даем своего; выполняем требования власти; живем трезво. Если есть слабости, если есть опущения долга, кто ж без слабостей? Но, так ли будут судить там этих людей, как они о себе судят? Оправдают ли их там, как они себя оправдывают? Принято ли будет одеяние дел наружной правоты их за одеяние брачное? Нет, совсем нет! Им скажут, что такую правотой одеты были и добрые язычники. А вы – христиане; вам дана была благодать для приобретения сердечной чистоты; вам дана была благодать

для совершения подвигов самоотречения. Где ж сердечная чистота? Где подвиги борьбы с страстями? Какое употребление сделано из даров благодати? Если иной язычник довольствовался гражданскою честностью, то боги язычника были слепы, а наш Бог зрит сердца наши, видит и осуждает своекорыстные желания наши. Если иудей увлекался наружностью служения своего Богу, и ему извинительно, когда столько требовали от него обрядов; а нам сказано, что ложные – те поклонники, которые не поклоняются Богу искренним духом. О, христиане! устрашимся невнимания нашего к великому имени, которое носим на себе. Узнает ли в нас Господь по делам нашим, что мы христиане? Наружное приличие жизни еще не христианство.

Ослабел я, расстроен привычками, говорит ленивый христианин. Знает он, что жизнь его соткана из грехов, а дел добрых нет у него; знает, что надобно готовить себе одежду брачную. Но, привычка ко греху держит его на одре лени, связала ему руки и ноги, и – он не делает ни шагу для спасения своего. Кто ж виноват? Сам полюбил грех, сам свыкся с грехом. Зачем было допускать грех до того, чтобы возобладали над душою, как полновластный господин? Зачем было не останавливать худой привычки, когда она была еще слаба. Но – пусть так; пусть стал ты рабом греха. Зачем же оставаться рабом? Зачем же искать свободы Божией? Прегражден ли путь к тому? Нет; *живу Аз, глаголет Господь, не хочу смерти грешника*. Господь не хочет, чтобы погиб во грехах грешник. Для каждого отворена, им дверь покаяния ко спасению. Зачем же стало дело? *Восстани спяй, и воскресни от мертвых*. Пробудись, соберись с силами, пока есть время. Ослабел я, повторяет ленивый христианин. Напрасно! силы есть, но не на то употребляются. Посмотрите, для денег или чести, для хлеба или веселья, много сил; отчего же не для Господа? Для земли и греха – много труда, много забот, много жертвований, отчего же не для спасения души? О! воздохни из глубины души о своем невнимании к спасению вечному. Решись оставить путь греха, не думая о привычке к нему. И мытари, и разбойники, и любодеи, омытые слезами покаяния, приняты в царствие

небесное. Иди вслед за спасшимися грешниками. Еще исправлюсь, говорит ленивый. Но что, если ты умрешь в грехах? Смерть, конечно, не дана тебе знать, когда придет к тебе. И чего ждешь ты? Разве не каждая минута греха будет осуждением тебе? Чего ждешь? Разве не все наше время должно быть посвящено Господу? Чего ждешь? Минут приближения смерти, когда не в состоянии будешь владеть собою? Какое же будет тогда обращение к Богу? О! *востани спяй*, восстань немедленно, или – ты погиб на вечность.

Братия! Всеблагий Бог говорит устами пророка: *и ныне живущие во Иерусалиме, и человеце иудины, судите между Мною и виноградом Моим. Что сотворю еще винограду Моему, и не сотворих Ему? занеже ждах, да сотворит гроздие, сотвори же терние (Ис.5:3–4)*. Пусть совесть христианская судить каждого христианина, что сделано им в сравнении с заботами о нем любви Божией?

Отче небесный! безответны, безответны мы пред Тобою. Спаси нас от грозного суда Твоего. По единой милости Твоей, не по делам нашим, спаси нас, к славе Твоей и едиnorodного Твоего Сына и животворящего Духа. Аминь.

1844 год.

Беседа в неделю 16-ю-ю

Того бо есмы творение, создани во Христе
Иисусе на дела благая, да в них ходим (Еф.2:10).

Ошибку легко допустить; но ошибка в вере весьма важная, так как имеет связь с судьбою человека за гробом.

«Если дело спасения нашего совершено благодатью, то нам нечего более делать; если же иные предписывают строгие уставы, налагают бремена на себя и других, то это – произвол человеческий, дело недоразумения или ложного разумения. Дело наше не в делах, а в вере». Так рассуждают некоторые и даже многие. Безошибочно ли такое рассуждение?

Апостол учит, *Того есмы творение, созданы во Христе Иисусе*. Вот часть того, что предлагают и некоторые, или многие. Подлинно, по жизни духовной, мы новое создание Божие, созданное в Иисусе Христе. Образ Божий, напечатленный в человеке при первом сотворении, помрачен, испорчен, расстроен первым грехом человека. Чтобы воссоздать его в человеке, Богочеловек ввел в человеческую природу новое начало жизни, живоносную благодать Святаго Духа. *Если кто не родится водою и Духом, не может внити в царствие Божие*, сказал Спаситель (Ин.3:5). Потому, каждый спасающийся спасается не иначе, как благодатью Христовою. *Благодатию вы спасены, и это не от вас, Божий дар*, – таково учение апостольское. Верует ли кто во Христа, или страдает за Него, начинает ли только жизнь духовную, или и преуспел в ней много, – это все зависит от благодати. *Вам дано не только веровать в Него, но и пострадать за Него*, говорил апостол филиппийцам (Флп.1:29). То же самое говорит он, говоря, *Того есмы творение, созданы во Христе Иисусе*.

Что же говорит далее апостол? То ли, что говорят некоторые? Из того, что мы новое творение Божие во Христе, выводит ли он заключение, что нам не нужно более ничего делать для своего спасения, что нам не нужны добрые дела? Нет, он говорит совсем другое. *Того есмы творение, созданы во Христе Иисусе на дела благая*. Видите, он целью самого

творения нового полагает дела благая. По его учению, мы для того и созданы во Христе Иисусе, для того и совершилось новое творение, чтобы творили мы добрые дела, а не худые. И странно было бы быть иному. Ужели для того страдал Христос Спаситель за нас, чтобы мы, купленные пречистою кровью Его, свободно утучняли тело свое, превращая его в жилище нечистых страстей? Ужели для того прияли мы в купели крещения благодать Святого Духа, чтобы дух гордости нашей оскорблял ее дикими порывами своими? Ужели неоцененные дары христианства даны нам с тем, чтобы мы ругались над ними недостойным употреблением их? А чего же хотят те, которые оставляют в христианине без благого употребления волю его? *Молим не вотще благодать Божию прияти вам*, молил апостол (2Кор.4:1). Что это значат? То, что не довольно – принять благодать Божию; надобно, чтобы принята она была не напрасно; надобно, чтобы не осталась она без употребления; надобно, чтобы она, как дорогой талант, была сохранена осторожно, и употреблена по её назначению, – для преспеяния во спасении. Каждому дан свой дар благодати, но каков бы он ни был, дар ли это благотворения, или дар терпения, дар ли служения другим, или дар уединенного служения Богу, мал ли или велик дар, – никому не позволено ненаказанно скрыть талант в землю. Благодать Божия принята, без неё – были без дара Божия, но горе нам, если не воспользуемся принятою благодатью. Нерадивых рабов ожидает тьма кромешная.

Грех испортил созданную по образу Божию духовную природу нашу. Но грех не уничтожил в нас образа Божия, дар Божий сильнее дела человеческого. Вместе с некоторыми понятиями о Божестве остается в человечестве некоторое, хотя и слабое, чувство добра, остается некоторое, хотя и слабое, стремление к святому. То, что можно знать о Боге, было известно и язычникам; не имевшие откровенного закона, по влечению природы, творили сообразное с законом Божиим. Если же так, если остаются и в падшем человеке некоторые силы для добра, как же христианину не пользоваться ими для спасения своего? Как оставить без употребления дар Божий? Не значило ли бы это оказывать пренебрежение и к дару, и к

Владыке дара? Если язычник по возможности умножал талант, данный при роде, христианину ли быть хуже язычника?

Думают, что возвышают благодать, предоставляя ей все делать в нас без нас самих. Нет, тем не возвышают, а унижают благодать. Благодать, как дар Божий, не может ни уничтожать, ни оставлять без употребления другого дара Божия – свободы. Иначе, то и другое оскорбляло бы мудрость и величие Владыки благодати и свободы. Напротив, укреплять ослабленную грехом природу человеческую – вот что вполне прилично и благодати Божией, прилично и свободе человеческой. И благодать совершает это в нас. Те же самые силы, которыми грешник противоборствует воле Божией, благодать направляет против греха, облекает силою для исполнения закона Божия, возвышает до торжества над порочными наклонностями и привычками. Те же члены, которые служили орудием нечистоты и беззакония, под влиянием благодати, становятся орудием правды и святости (Рим.6:19). Та же свобода, с которою человек творил волю плоти и гордости, освященная благодатью совершает подвиги умерщвления плоти и самоуничтожения, возвышается до высшего своего совершенства, до освобождения от рабства греху. *Идеже дух Господень, та свобода* (2Кор.3:17). Потому-то, благодатное возрождение называется обновлением человека (Еф.4:24), или сравнивается с брожением, произведенным в тесте закваской. *Царствие Божие, подобно закваске*, говорит Спаситель (Мф.13:33).

Если все дело спасения от благодати, как же случилось, что причастники самых высоких даров благодати подвергались падению? Конечно, никто не позволит себе той хулы на благодать, чтобы ей, а не воле человеческой, приписать эти падения.

Если все дело в благодатной вере, к чему же предписание любить Господа всем сердцем, всею душою, всею мыслью? К чему предписания подвизаться против греха до крови, исторгать из сердца страсть, хотя бы она была также дорога сердцу, как глаз, как правая рука? К чему предписание отречься от себя самого, и с крестом на раменах идти по следам Распятого за

нас? Нет, предъявления прав Божиих на нас не так ограничены, как мечтают.

И так – понятно, что не искреннее благочестие говорит, дело не в делах, а в вере. Нет, это не голос благочестия, а голос испорченной природы, лукаво уклоняющейся от пути Христова, помогающей оправдать чем-нибудь свое нежелание совершать христианские подвиги. Искренние подвижники благочестия не тому учили словом и делом. *Умерщвляю тело мое, говорил апостол, да иным проповедуя сам не останусь ленивым рабом (1Кор.9:27). Если живем духом, то по духу и ходить должны (Гал.5:25)*, т.е. если получили мы Дух благодати, то должны жить не по желаниям плоти, а по началам духовной жизни. Св. мученики и мученицы каким путем достигли неба? Они отдавали жизнь свою на муки и страдания, на поругание и смерть, чтобы только не изменить Господу своему. Святители Божии свободно говорили правду сильным земли, защищали истину против еретиков, жертвуя покоем, здоровьем, а иногда и жизнью. Преподобные отцы и преподобные матери терпели жестокие внутренние скорби, подвизаясь против страстей. Вот искренние последователи евангельского учения! Вот истинные проповедники христианского благочестия!

Вера без дел – мертва. Это – вера мысли, а не сердца, а не жизни. При такой вере, богослужение – бездушно, ничего не говорит ни сердцу, ни воображению, так как и вера не восходит далее одной мысли. При такой вере, скушают медленным богослужением, чтобы спешить на распутия земной жизни. Но, о Боже мой! если уже скушают беседою с Тобою, то что будет крест Твой? К чему же и именовать себя поклонниками Христовыми? При такой вере, не считают нужными подвигов самоумерщвления, подвигов поста. Но, слушатели! уже ли христианство в одном только имени? Уже ли не христианам предписано распинать плоть с её страстями? При такой вере, забота об одном, – о образовании ума. Скажите же, други мои, уже ли христианская жизнь – дело одной мысли, труд одного ума? Нет, она есть дело всей души нашей, всего человека; она есть подвиг всех сил наших, всего существа нашего. Если оставляют без пищи духовной какую-либо потребность

существа нашего, то не доведут души до неба, туда не пускают ни хромых, ни увечных. Веруют и бесы, а иногда и трепещут, но где им место? Потому, если раз сказали, что дело не в делах, а в вере, тут уже не ожидайте подлинной христианской жизни, подлинного христианского совершенства. Оскорбительно было бы для имени христианина открыто отказываться от слов Спасителя о том или другом долге нашем, и потому-то, повторяя буквы писания, говорят, надобно это делать, надобно так жить. А потом, под влиянием ложной мысли о вере, оставляют свою решимость, не доходят до конца подвига. Помня то или другое изречение писания, хотят жить христиански, начинают жить; а мысль о ложно-понятой вере ослабляет решимость, отнимает у души искренность любви к пути Христову. Вот почему так много говорят о живой вере, и не имеют живой веры! Вот почему никогда не встретите всецелой решимости жить для Господа, никогда не увидите жизни на той высоте совершенства, на которой стояли Антонии и Златоусты! Самое лучшее, что встретите на этом пути, это то, что доходят до половины дороги к небу. Иначе, страшно подумать куда заходят.

Братия! не отворяйте слуха внушениям противным учению православной церкви. Бог благодатью Своею да сохранит сердца наши в вере и любви для вечной жизни. Аминь.

1846 год.

Беседа в неделю 17-ю по Пятидесятнице

На Мф.15:21–28.

Ныне чтенное евангелие представляет нам образец того, как мы грешники должны просить Господа о помощи в скорбях и нуждах, если желаем быть услышанными. Объясним евангельскую повесть о жене хананейской.

И исшед оттуду Иисус, отыде во страны Тирские и Сидонские. И се жена хананейская от предел тех исшедши, возопи к Нему.

Кто является пред Господом Иисусом? Жена хананейская, уроженка Тира и Сидона.

Хананеи – тот народ, который искажил в самых основаниях законы природы. Это язычники, но язычники самые худые, самые нечистые. Из этого-то народа была жена, являющаяся к Иисусу, когда Он был на границах Тира и Сидона. Св. Лука, в означение её происхождения, называет ее сирскою финикиянкою или хананеянкою, жившею в сирской Финикии или Хананеи, а в означение свойств её народа, называет ее эллинскою, т.е. язычницею.

Откуда родилась в ней мысль прийти к Иисусу Христу? Евангелисты Марк, Мк.3:8, и Лука, Лк.6:17, свидетельствуют, что еще прежде случая с женою хананейскою, слух о чудесах Спасителя доходил до Тира и Сидона, и этот слух вызывал многих из жителей той страны приходить к Иисусу Христу, *слышавше, елика творяше, приидоша к Нему*; тот же слух привел к нему и жену хананейскую. *Слышавше жена о Нем, говорит св. Марк ея же дщи имеяше духа нечиста, пришедши припаде к ногам Его.*

Возопи к Нему, глаголюще, Иисусе Сыне Давидов, помилуй мя, яко дщи моя зле беснуется.

Трогательное зрелище! Жена является у ног Иисуса Христа мать умоляет о дочери, терзаемой страданиями, и не просит, а вопиет о сострадании, и не дочери, а себе просит помилования, так как страдания дочери терзали бедную мать, и были до того

страшны, что дочь не чувствовала их и тем еще более терзала сердце матери.

Он же не отвеча ей словесе! Что это значит? Тот, чьи уста источают столько любви и сострадания для всех, молчит для несчастной матери. Тот, который призывает к себе самых неблагодарных иудеев, наносивших ему столько оскорблений своим неверием, холодностью и даже явною ненавистью, не достаивает ответа ту, которая сама пришла в Нему с любовью, не зная ни закона, ни пророков. Поступок истинно изумительный! возмутились и ученики Христовы.

И приступльше ученицы Его, моляху Его, глаголюще, отпусти ю, яко вопиет в след нас.

Изумленные ученики не смеют просить прямо за жену, они просят, как бы за себя, яко вопиет вслед нас. И подлинно, тяжело было слышать вопль несчастной матери, а эта мать оставляется без помощи, даже без ответа. И ученики просят учителя по крайней мере отпустить жену.

Он же отвечав, рече, *несмь послан токмо ко овцам погибшим дому израилева.*

Чудная мудрость Спасителя! Смущенных учеников Он поддерживает в их недоумении. Для чего? Для того, чтобы горечью испытываемого ими чувства довести их до убеждения в несправедливости разделяемого ими мнения народного о язычниках, а вместе показать, до какой степени справедливо это мнение. Умоляющей жене не спешит подать помощь и усиливает тем её усердие.

Несмь послан, токмо ко овцам погибшим дому израилева. Прежде всего – воля Отца небесного. Христос – посланник Его, и должен исполнить волю пославшего. Воля Отца небесного о спасении людей такова, что Спаситель должен явиться между иудеями и для иудеев. Каковы бы ни были иудеи, – они народ, избранный Богом, к ним послан великий Пророк и Мессия; для них он должен совершить земной подвиг благотворений и учения. Вот отчего молчание его для язычницы! Пророки предвозвещали волю Божию и о спасении язычников? Так. От воли Божией все зависит, а не от заслуг людей, по её изволению должно открыться и спасение язычников; как бы ни

думали иудеи, но надобно ждать, когда и под какими условиями откроется эта спасительная воля.

Она же пришедши, поклонися Ему, глаголющи, Господи, помози ми!

Как ни решителен, по-видимому, отказ Спасителя в помощи, жена хананейская не престаёт просить Его о помощи. Прежде называла она Его Сыном Давидовым; теперь называет Господом. Прежде просила у Него, как у Мессии иудеев, но вот слышит и соглашается, что посланный к иудеям должен отказать язычнице в помощи, и она обращается за помощью к Господу. Ты Господь, говорит она; Ты сильный и могущественный, Тебя слушают и море, и ветры. Всесильный! помоги мне. Так вера её растет при встрече с препятствиями. Усиленная отказом скорбь её, раскрывает в ней более и более духовное зрение, и она видит в Иисусе более, чем просветителя иудеев, она видит в Нем Господа всех, Владыку неба и земли, властителя не иудеев только, но и язычников.

Он же отвещав, рече, несть добро отъяти хлеба чадом и повреши псом.

Язык иудеев называл язычников псами за их жизнь. И Спаситель говорит языком иудеев, сколько для учеников, еще не отрешившихся от мнений иудейских, столько и для жены хананейской к её смирению. Если, говорит Он, не хорошо отнимать хлеб у детей и отдавать его псам, то прилично ли тебе подать благодать, назначенную для иудеев?

Она же рече, ей Господи.

Она смиренно сознает, что суд Спасителя, как ни унизителен для неё, справедлив. Она сознает, что точно принадлежит она к псам, так нечиста душа её, и что она не стоит той благодати, какая назначена для иудеев. Тем не менее она не оставляет мольбы. В чем же её надежда на помощь?

Ибо и пси ядят от крупиц, падающих от трапезы господей своих.

В том самом, что положение её очень бедно, она открывает основание для надежд своих на помощь. Каковы бы ни были псы, говорит она, но, когда они голодны, они стоят под столом ласковых господ своих и на свою долю получают крохи,

падающие со стола. Так, Господи, я нечистая язычница, ничем не лучшая псов, но истомленная страданиями, измученная суетами жизни языческой, ожидаю Твоей милости, не той, какую пользуется избранный народ иудейский и которой я совсем недостойна, я ожидаю только той милости, чтобы не быть лишенною Твоей милости, ожидаю милости единственно от Твоей великой милости к самим грешникам.

Иисус же рече: о жено, велия вера твоя, буди тебе, якоже хочеши.

Вере обещаны блага царства благодатного. Что до того, что другие чада Авраама по плоти? Не чадам плоти, а чадам веры принадлежать все обетования. Твоя вера велика, воля Отца небесного о спасении язычников уже открывается на деле. Да исполнится же твое желание. И оно исполнилось, *исцеле дщи ея.*

Вот, братия, образец молитвы, услышанной Господом. Молитесь, как молилась жена хананейская, и молитва ваша будет услышана. Молитесь о нуждах, которые бы стоили внимания Отца небесного, как молилась жена хананейская, мать дочери страдавшей. Молитесь усердно, не прерывая молитвы вашей суетными мыслями. Молитесь, хотя бы видели, что молитва не тотчас исполняется. Советы Божии не то, что советы человеческие. Молитесь с покорностью советам Божиим, пусть исполнится воля Господа о вас, когда и как Он знает исполнить ее. Молитесь с глубоким сознанием грехов своих. Пока не будет в душе смирения, пока не будет глубокого сознания своих немощей, не сойдет на вас благодать, как бы ни было высоко ваше разумение Христа Господа и всех тайн веры. Веру хананеянки тогда назвал Господь великою и тогда назвал способною принять благодать Его, когда хананеянка признала нечистоту свою, признала ее не лучшею нечистоты пса, и не тогда, как назвала она Его Господом. Не прерывайте молитвы вашей чувством недостойнства своего. Напротив, чем более будете находить себя грешными, тем постояннее молитесь, как имеющие более других нужду в милости Божией. Меров грехов ваших измеряйте только свое смирение, ограничивайте гордость, но не измеряйте его милосердия Божия, которое

беспредельно. Вы слишком грешны? Взывайте к Господу, по беспредельной милости Твоей помилуй нас. Так молилась хананеянка и была услышана. Ей, услышаны будете и вы. Аминь.

1852 год.

В Харькове.

Слово в неделю 18-ю

Бысть же належащу Ему народу, да быша слышали слово Божие и Той бе стоя (Лк.5:1).

Прекрасное зрелище представлял народ, окружающий Господа на берегу Генисаретского озера! Необозримое множество людей окружает Его, и каждый спешит подойти к Нему ближе, каждый домогается не быть вдали от Него, – для чего же? *Да быша слышали слово Божие*. Без сомнения, здесь не мало было отцов семейств, у которых так много забот о жизни; много было жен, на которых лежат попечения о доме и детях; много рабов и рабынь, не зависящих от своей воли; много продающих и покупающих, у которых на душе тяжкие заботы о купле и продаже. Но – на сей раз всё и всеми было оставлено; на сей, раз спешили употребить время только на то, чтобы слушать Учителя израилева. Конечно, эти люди жили, как и мы, братия в различных связях с миром; увлекались человеческими мечтами и суетами; желали более, чем нужно желать. Но вот открылся случай слышать слово Божие, и сердца загорелись другим желанием. Окружили Господа, так что надо было сойти в лодку, несколько отступить от берега и отселе преподавать слово жаждавшим слышать учение. *И сед учае из корабля народы*.

Братия! Если бы кто сказал о ком-нибудь из нас, что очень не радив он о спасении: думаю, что такое слово опечалила бы его, если только и не оскорбило. И, однако, отчего это, что так мало мы слушаем слово Божие, слово, столько необходимое для спасения нашего? Как объяснить себе странность? *Блажени слышащи слово Божие и хранящи е*, говорит неложное слово (Лк.11:28). Но согласитесь, что очень мало ныне слушающих слово Божие; не говорю о творящих.

От чего же это? Отчего так мало желаем мы слушать слово Господа нашего?

Быть может, не оттого ли, что слово Божие слишком уже известно нам, так что нечего и слушать? Сомнительно, очень сомнительно, чтобы не сказать чего-нибудь более. Что, если

представляем себя много знающими, тогда как на деле слишком мало знаем? Еще чаще можно встретиться с такими из нас, которые точно много знают, и не знают малости – *единого на потребу*. Знают и то, что происходит на небе, за областями воздушными; знаете то, что скрывается в сокровенных недрах земли, не знает только того, какова их душа, жива ли она? Достаточно знают науку чисел, знают, как считать и вычитать, умножать у себя и отнимать у других, определять ряды вероятного и доходить несомненных выгод. Но не знают, не соображает, даже не думают, до какой суммы возросли душевные долги их, какою монетою придется платить за них на том свете, и как можно было бы расплачиваться за них здесь. Понимает науку жить с людьми, знают, через кого и как избавиться от неприятностей жизни, навлеченных их же грехами; а знают ли, как надобно спасать свою душу, о том не спрашивай; опасности жизни христианской, о которых так много говорит слово Божие, средства предостерегать душу от пожара страстей, о чем так часто и много учит слово Божие, участь нераскаянного грешника за гробом, которую в таком ужасающем виде изображает слово Божие, всё это – такие предметы, до которых едва ли когда касались они мыслью, тем менее сердцем. Какое несчастное положение! Нам сказано: *горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол.3:2); земные сокровища не пойдут за нами вечность, а если и пойдут, то, при наших страстях к ним, на нашу погибель. Достаточно ли все знают это, по крайней мере, столько ли, чтобы не жить для одной земли? Оттого ли же не слушают слово Божие, что оно без того уже слишком известно?

«Пусть так, говорят некоторые, что многие не оттого не слушают, но мы не слушаем слова Божия потому, что оно, как нам слишком известное, скучно». Боже мой! И Твое слово нам скучно! И Ты, Который весь сладость, весь свет, весь жизнь и особенно для нас, израненных грехами, и Ты изглаголал нам слово, которое скучно для нас! Где же после того утешения наши? Где свет для нас? Братия! ужели мы – христиане дошли до того, что не знаем, кто Бог наш? Или нас, как язычников, надобно доводить до сознания, что проповедуемое нам слово

есть слово самого Бога? Если мы, как христиане, приемля слышанное слово Божие, прияли не аки слово человеческое, но, якоже есть воистину, слово Божие (1Сол.2:13), то обдуманы ли слова, которые, произнесли уста, называя слово Божие скучным? Осмотримся, размыслим внимательнее. Правда, некоторые предметы занимательны бывают для нас точно только до тех пор, пока не известны. Но какие это предмета? Предметы мелкие, предметы маловажные, предметы пустые по содержанию своему. Очень естественно, что любознательность наша, в отношении в таким предметам, скоро теряется; естественно потому, что в них нечего узнавать; они так пусты, что стоит взглянуть на них и они проникнуты взглядом, их остается только бросить; скажем более – если такие предметы и занимают нас сколько-нибудь, то не потому, что будто доставляют живительную пищу духу нашему, а потому, что льстят воображению неустроенному, чувству испорченному. Пусть поверят это вниманием, пусть подумают, почему, например, с такою жаждою читают книги, так называемые, легкие? Положа руку на сердце, каждый читающий их скажет, что такие книги точно легки, т.е. совершенно пусты; пусты и при первом строгом взгляде на них, пусты и по отзыву опыта, потому что, прочтя раз, в другой уже не возьмут их в руки. И, однако, раз читали? Почему? Потому, что душа больна, и не почему более. Но скажите, чья совесть позволит сказать себе, что слово Божие не более важно, как и подобные книги? Слово Божие так важно, так высоко, так обширно по-своему содержанию, что разве вечности достанет для того, чтобы исчерпать содержание его. *Кто уразуме ум Господень, или кто советник Ему бысть? Мы же ум Христов имамы*, говорит апостол. А сей ум Христов, сей беспредельный ум Божий, не открыт ли нам в слове Божиим? Каких же истин, светлых для ума, отрадных для сердца, не откроет вниманию нашему слово Боже, если бы только внимали мы ему! Заключая в письменах своих ум Божий, какое неистощимое богатство сведений оно должно заключать в себе! Много требований от разных сторон духа нашего может быть предъявлено: но на все требования нашли бы мы ответы, наставления, указания в слове Божиим,

если бы только искали. Но, что важнее всего, в нем изображены истины та именно, которые необходимы для спасения нашего: в нем написано то самое, без чего духу нашему жить нельзя, в нем изображены основные законы самого духа нашего. *Глаголы, яже Аз глаголах Вам, дух суть и живот суть* (Ин.6:63), так говорил о своем слове сам Господь; глаголы Его сообщают жизнь, без которой нет и жизни; глаголы Его одушевляют духом, без которого дух наш – земля и плоть; глаголы Его приемлются духом, так как без жизни по духу человек и глух и слеп. В нем – в слове Божиим-источник утешений, истинно оживляющих сердце, за которые никогда не накажет нас сердце; в нем источник света истинного, который никогда не наведет какого-либо мрака на мысль нашу. *Коль сладка гортани моему словеса уст Твоих! Паче меда устом моим. Закон Господень чисть, пребываяй в век века, и, следовательно, никогда не может быть сочтен за ненужный. Заповедь Господня светла, просвещающая очи и, следовательно, всегда спасительна для омраченного взора нашего. Подумайте же, можно ли назначить предел изучению слова Божия, когда оно есть закон для беспредельного духа нашего? Подумайте, правду ли говорят, что слово Божие им слишком известно, и скучно оттого, что слишком известно? О! не правда, вопиющая не правда – и то и другое.*

Итак, вопрос наш остается еще нерешенным. Отчего, повторим опять, мало слушают слово Божие? Что ж это значит? То ли, что проповедники слова Божия не красноречивы? Или то, быть может, что это не те проповедники, которые назначены словом Божиим? Посмотрим на то и другое. Проповедники не красноречивы? Положим, что это и правда. Но правда ли, что от оттого не слушают слова Божия? Конечно, никто не отречется от того, что Павел апостол был проповедник сильный; проповедь его приобрела Христу миллионы язычников и весьма много иудеев. И, однако, ж тот же сильный проповедник не для всех казался способным проповедником; одна и та же проповедь его о кресте, которая для спасаемых была *премудростию Божией*, для многих казалась безумием; одна и та же проповедь его, которая для многих была *силою Божией*, для других была

соблазном (1Кор.1:23–24). Видите – проповедник самый лучший; а проповедь не всем нравится, от проповеди бежать очень многие. Дело очевидное – не виноват проповедник. Но, не виноват сей проповедник, виноваты другие, которые, быв неспособны сообщить проповеди занимательность, заставляют не слушать проповеди? Братия! не забудьте, что мы говорим о проповеднике слова Божия, а не о мировом ораторе. Не забудьте, что сила слова христианского в нем самом, в его силе и духе, а не в украшениях сторонних. Образец вам для слова христианского апостол Павел: *проповедь моя, говорит он, не убедительных слова человеческой мудрости, но в явлении духа и силы* (1Кор.2:4). Потому, ища красноречия в проповеднике вы ищите не существенного, и не ищите того, что прежде всего надлежало бы искать; слушайте слово Божие в том его виде и для той цели, в каком и для чего оно дано, и вы не останетесь без пользы. Чтобы показать вам, как мало оправдывает вас ваше извинение не красноречием проповедника, указываю на тысячи сердец простых, которые с назиданием глубоким слушают некрасноречивого проповедника, для которых самая простая песнь церковная много говорит и уму, и сердцу. Присовокупите к простоте простого сердца покорность верховному Вождю пастырей: тогда увидите, что не в проповеднике вина тому, что не слушаете спасительного слова Божия.

Что сказать для тех, которые жалуются на какую-то незаконность церковных проповедников слова Божия? Трудно давать ответы тому, кто, предлагая вопрос, не понимает сам, о чем спрашивает, чего требует. Слово Божие признает законными проповедниками своими тех, которые знают слово Божие. Апостол говорит с одобрением о Тимофее: ты из детства знаешь Священные Писания, которые могут умудрить тебя во спасение (2Тим.3:15). И сам предписывает ему: держись начертания здравого учения, которое ты от меня слышал, с верою и любовью во Христе Иисусе (2Тим.1:13). Церковь православная требует того же самого проповедников своих; она требует, чтобы имеющие быть служителями слова из детства изучили слово Божие. И само по себе понятно, что слишком

странно видеть проповедником слова Божия человека, который, вовсе, не разумея слова Божия, был знаком с какими бы лишь кое с какими преданиями, известными у апостола под именем басней. Милость Господа Иисуса хранит православную церковь от таких проповедников. Чего же не достаёт в церковных проповедниках для их законности? Того ли, что, быть может прияли честь, не быв призваны к чести Церковью? Да, и это требование необходимо. Апостол Христов сказал: никто же сам себе приемлет честь (Евр.5:4); а собор церковный, повторяя мысль апостола, определил: «аще кто кроме соборные церкви о себе собирается и, не радя о церкви, церковная творити хочет, не сущу с ним пресвитеру по воли епископа: да будет анафема» (Гангрский Собор, пр. 6). Господи! Дадь сердце смысловое уразуметь грозный суд церкви Твоей тем людям, которые самочинно так, с такою забывчивостью, распоряжаются делами церкви Твоей. Братия! По неложному слову Господа, церковь Его стоит и будет стоять до скончания века (Мф.16:18), и до скончания века Дух Утешитель будет действовать в ней будет чрез преемников апостольских. Итак, горе тем самозванным и самочинным проповедникам, которые приемлют на себя служение слову и Богу, не быв освящены к тому Духом Церкви, – Духом Утешителем! Церковь не знала и не знает других проповедников слова Божия кроме тех, которые назначены самым словом Божиим; она скорбит об обществе людей, которое непокорностью своею доведено до жалкой необходимости слушать людей, которых само оно по временам стыдится; она скорбит глубокою скорбью, потому что видит, как исполняется над обществом непокорных прещение Господа, грозившее лишить непокорных, не благ земных, но слышания слова Его: *и послу, говорил Господь, не глад хлеба, но глад слышания слова Господня* (Ам.8:11).

Где же причины тому, что мало слушающих слово Божие? Не в том ли, что слишком много дел земных обременяют жизнь нашу? Правда, жизнь земная много требует для себя забот, много отнимает для себя времени. Правда и то, что никто не должен считать незаконными занятия, требуемых знаний каждого обязанностями состояний. *Кийждо, в нем же призван*

звании в том да пребывает. Если Господь сердец наших найдет нужным для нас другое звание, которое даст более свободы для занятий духовных: Он, по молитве нашей, введет нас и в это другое звание. Все это – святая правда. Но правда ли то, что именно занятия званий препятствуют слышать слово Божие? Ужели в самом деле какое-либо занятие, освященное словом Божиим, не оставляет вовсе времени заняться словом Божиим? Ах, братия! Того быть не может. Быть не может, чтобы какое-либо дело доброе мешало другому доброму делу. Напротив, коль скоро оставляют дело доброе под видом тем, что представляют нужным заняться другим, то всего чаще бывает, что или дело, которым заменяют доброе дело, вовсе не было добрым, или по крайней мере, перестало быть добрым, делом. Всею время. *Шесть дней делай, а седмый Господу Богу твоему:* так сказал сам Господь еще тогда, как давал закон для иудейского народа. Один день отделил для себя Господь, и шесть оставил для дел житейских. Вот распределение времени, на которое не жаловался и не имел причин жаловаться даже жестокосердый иудей; седмый день – не прикосновенный день покоя. Что ж делают христиане в седмый день? Где они? Чем заняты? В храм ли, чтобы слушать чтение и пение священное? В доме ли Божиим, чтобы поучаться в законе Христовом? Как проходит у них время после времени богослужения? И одного дня в недели не хотят уделить для спасительно размышления о Господе! И один день отнимают у Господа и закона Его! Спрашивать ли после того, занимаются ли исповедующие имя Христово словом Христовым в минуты свободные, в продолжении шести дней? Некогда, говорят. Не правда. Спросите совесть, и она вам укажет на часы и даже целые дни, проведенные в праздности. в рассеянии, если не в чем-либо хуже того. Творить грехи достает нам времени, мы каждый час их творим; а врачевать душу, погибающую во грехах, нет времени!

Братия! не для чего выдумывать нам извинения грехам нашим. Ни слово Божие, ни проповедники слова, ни занятия жизни – не причиною тому, что так мало мы слушаем слово

Божие; причины тому в вас самих, в страстях наших, в нашем нерадении к спасению душевному.

Господи, *не уклони сердце мое (если и уклонилось оно) в слова лукавствия, не щевати вины о гресех!* Аминь.

1844 год.

Беседа в неделю 20-ю

(Лк. 7:11–16).

Ныне чтенное евангелие повествует нам о чудесном воскрешении сына вдовы наинской. В этом событии различаются у евангелиста три обстоятельства, встреча при входе в Наин, воскрешение юноши и чувствования народа.

Идяше Иисус во град, нарицаемый Наин, и с Ним идяху ученицы Его мнози и народ мног. Якоже приближися ко вратом града, и се изношаху умерша. Иисус шел с учениками в Наин, небольшой город галилейский, и, при входе в Наин, встречается мертвец. Казалось, встреча случайная, в которой заметить нечего. Так, по крайней мере, судят многие о событиях ежедневных и проходят мимо событий без внимания. Но правы ли эти люди? Они были бы справедливы, если бы в мире все шло так же без мысли, без ума, без порядка, как без мысли, без ума, без порядка идет жизнь их. Но оттого, что людям хочется жить, как случится, мир Божий не перестает идти по известным, определенным для него путям. Волос с головы нашей не падет без воли Отца небесного. И воробей не остается без надзора Всевышнего. Всеу назначено время, вес, мера; бурны волны океана, но и их движения – в воле Божией; желания грешной души не соответствуют воле Отца небесного, и оттого так не основательны, так безотчетливы, но и тем есть границы – карающее правосудие, и тем воля всевластная определяет конец, соответствующий её планам. Все мы живем под управлением Промысла, и каждый шаг наш известен Ему и Им рассчитан.

Се изношаху умерша, сына едиnorodна матери своей. Какая проповедь для следовавших за Иисусом! Умер юноша в цвете лет, и – юность не защитила его от холода смерти; напрасны были слезы матери, вдовы одинокой; ни друзья, ни знакомые, ни дальние, ни ближние не закрыли его от удара смерти. Как не задуматься при сей проповеди? Любезный собрат! думаем ли мы с тобою, что и нам придется умереть? Или – мы живем так, как будто никогда и не умрем? Наинский

юноша, как видно, не принадлежал к той молодости, которая беспечно расточает свежесть жизни, не занимаясь ни одною важною мыслью; и мать-вдова не была из числа тех вдов, которые пространно, питаясь живы умерли. О том и другой совсем другое показывает приближение к ним Господа. Но между нами – так ли? Между нами и старость, думает только о том, как бы пожить. Жизнь обманывает, нас каждый день, каждый час, и мы становимся осторожнее. Каждый день говорит нам о смерти; то там, то здесь перестают жить, когда думали только наслаждаться жизнью. Самая жизнь наша походит на смерть больше, чем на жизнь; ибо с каждым дыханием лишаемся мы частиц своей жизни. И однако ж думаем ли мы о смерти? Готовимся ли к переходу за предел гроба? Твердо ли помним, что ожидает нас за границею сей жизни? Жизнь на земле дана нам на приготовление к вечности, и лишь только переступим за гроб, потребуют у нас отчета за каждую минуту жизни на земле. Где же приготовление наше к вечности? Что будет со мною, Господи, если сей час будет последним моим часом на земле? О, «Господи! даждь ми память смертную и умиление». Братия! несомненно, что мы умрем, но, когда и как – не знаем. Зачем же мы так беззаботно живем здесь? О, если бы помнили мы о смерти! Как легко было бы нам жить на земле для вечности! Скорби о временном не тяготили бы нас таким бременем; удовольствия мирские не влекли бы к себе души нашей неудержимо; страсти плотские не доводили бы нас до безумия. Взгляд на кости сухие, оставшиеся после изнуренного земными заботами тела, показывал бы нам, как пусто все, что не приближает нас к Господу, как напрасны, как бесполезны труды наши для земли. Взор на тело согнившее сказал бы нам, что тело без духовного сокровища, без дел богоугодных менее, чем земля и пепел, что слишком безрассудны мы, когда для тления и смрада губим душу на вечность. Гроб-проповедник – наставлял бы нас, что удовольствия земли не на радость нам, если не пользуемся ими для славы Божией, для спасения грешной души, что все земное останется на земле и нам надобно явиться на суд Божий только со своими делами. Если бы помнили мы о смерти и суде, благодать Божия, как роса

небесная, нисходила бы на души наши, усмиренные мыслью о смерти. Помощь Божия нисходила бы к нам после каждой молитвы, одушевленной стремлениями к небу, а не к земле.

Нечаянная встреча каинская, нечаянна только со стороны людей, так как не от них зависит то, что случается в мире, но она не нечаянна со стороны небесного Владыки нашего; Он во всем показывает нам, что не желает смерти грешнику, *но еже обратится и живу быти ему*, все обстоятельства, и малые и великие, располагает Он так, чтобы возбудить в нашем сердце раскаяние и любовь к воле Его святой.

Посмотрите на мать наинского мертвеца, какую милость получает она при нечаянной встрече.

И та бе вдова, и народ от града мног с нею. И, видев ю Господь, милосердова о ней, и рече ей, не плачи. Горько было положение вдовы, одно было утешение у неё на земле, и то взято; один был сын, сын любимый, как только можно любить единокровного, и тот похищен смертью, она осталась одна на земле. Как печальна была судьба её, показывает и то, что народ из града мног был с нею, подвигнутый её скорбью. С горестью безотрадную следовала она за гробом сына. Мог ли кто-либо утешить ее так, как нужно было для души её? *Народ от града мног с нею*, но он не мог возратить ей радости сердца её. И вот, тогда как не было надежд человеческих, является сила Божия. Какая нечаянность! Какая чудная встреча! Смерть встречается с жизнью, безутешная скорбь с Источником всех утешений, беспомощная немощь с всеильною силою Божией. Так, близок в нам Господь со своею помощью и тогда, как теряем мы все на земле. Люди и счастье, богатство и известность в свете, природа со своими дарами, – все может оставлять нас, но не оставляет один Господь.

С какою любовью принимает участие в безотрадной вдове Господь и Спаситель наш!

И видев ю Господь, милосердова о ней, и рече ей, не плачи. Поймите сию чудную любовь Того, Кто есть Владыка миров видимых и невидимых. Царь и Господь всей вселенной обращается с вниманием к бедной вдове, принимает участие в её скорби и, тогда как та не произнесла ни одного слова

мольбы, Сам, побуждаемый любовью, поспешает утешить скорбящую. *Видев ю Господь, милосердова о ней.* И как милосердова? Вопль безотрадной матери Он слышит еще издали. Можно понять, каков был этот вопль, сколько было в нем тревоги душевной. Как роса небесная нисходит тихо на жаждущую землю, так утешает Господь страждущую мать. *И рече ей, не плачи.* Сколько кротости в этом участии, сколько нежности в этом утешении, сколько силы в этом успокоении! Какая возвышенная кротость, какая величественная простота, какая нежная власть! Не без намерения сказал евангелист, *Господь милосердова.* Точно, это есть дело Богочеловека.

Какого рода ни была бы скорбь твоя, сетующая душа, – думаешь ли ты, что к тебе не относится голос небесной Любви, *не плачися?* О не думай того. *Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы,* говорит небесная любовь. Слышишь ли? Всех обремененных зовет к Себе любовь, для всех готов у неё покой. Страсти наши обещают много развлечений, много приятностей, но, как скоро бедное сердце узнает, что слишком горьки удовольствия страстей! Ум человеческий строил много систем человеческого счастья, но, как непрочны оказались все построения ума, не проникнутого евангельским духом! Только сладчайший Иисус добавляет для всех горестей земных верные утешения. Ничье сердце не разверзается так пространно для страждущих странников земли, как открыто сердце Господа Иисуса. Никто не в состоянии так утешить растерзанную скорбями душу, как утешает Господь Иисус. Вдовы и сироты, больные и бедные, идите к Господу Иисусу! Он утешит всех вас, всем подаст помощь, как бы тяжки ни были скорби и бедствия ваши. Он знает наши немощи и болезни, ибо Он Сын человеческий; Он может подать всякую помощь, ибо Он Сын Божий, истинный Бог.

Посмотрите, что сделал Он для безнадежной вдовы?

И приступль коснуса во одр, носящий же сташа. Довольно было и того, что Христос коснулся одра, и несшие умершего поняли, что Он хочет творить что-то необыкновенное. И, точно совершилось необыкновенное. *И рече, юноше! тебе глаголю, востани. И седе мертвый, и начат глаголати; и даде его*

матери его. Здесь действует только глагол Его, востани. Чей же глагол может быть так могуществен, как глагол Его? *И рече, востани, – и седе мертвый.* Мертвый встал по одному слову. Только Владыка жизни и смерти может так действовать. Только Его слово дает небытию бытие. – Так, в наинском чуде, Христос Иисус торжественно показал, что всемогущество, которое одно может давать жизнь мертвому, существенно Ему, – что Он есть Сын Божий, Сын равный Отцу, как всемогущий, что Он, как и Отец, имеет жизнь в Себе и может даровать ее тому, кому захочет. Благоговей, душа христианская, пред Господом твоим! Если Он готов, по любви Своей, являть тебе помощь, то Он, по могуществу, может. Он – Владыка жизни и смерти. Мрачнее всего будущность за гробом. Того же самую силою Своею, коею возвращал Он жизнь расстроенным частям организма телесного, исцелял сухие руки, давал слышание глухим, зрение слепым, исцелял прокаженных, возвращал жизнь целому безжизненному составу телесному, – тою же силою, тем же глаголом, воззовет Он некогда к жизни мертвых целой вселенной.

Прият же страх всех и славляху Бога, глаголюще, яко пророк велий восста в нас, и яко посети Бог людей своих. Чувства народа, пораженные действием всемогущества, прежде всего выразились страхом; видели и чувствовали, что с ними всемогущий, с ними Бог Сам с Его могуществом, и – естественно было устрашиться. Кто, чувствуя близость Всемогущего, не исполнится священного трепета? Если мы, тогда как Бог всегда и везде присущ нам, так мало ощущаем страха пред Его великим именем, то это потому, что каждому из нас надобно молиться, «Господи! всели в мя корень благих – страх Твой в сердце мое». Свидетели чудотворного воскрешения, возбужденные благоговением, *славляху Бога.* Благодарным сердцем возносились к Богу, – Единому творящему чудная; к Нему относили то, чего никакая сила земная не могла совершить. Благодарно говорили, Пророк велий восста в нас, посети Бог людей Своих. Что разумели иудеи, говоря о явлении пророка? После того, как давно уже не было между ними ни одного пророка, приятно было встретиться

с мыслью о явлении, какого бы то ни было, пророка. Но иудеи ожидали тогда одного известного пророка. Они и предтечу Иоанна думали признать пророком не каким-либо обыкновенным, а пророком-Мессиею. Так и теперь они говорят не просто о пророке, а о пророке великом, *Пророк великий восста*. Так, нет сомнения, что они признают в Иисусе Христе того пророка, которого обещал Моисей Израилю, когда говорил, *пророка от братии твоя, якоже мене, составит тебе Господь Бог твой* (Втор.18:15). Сего-то пророка видят в Иисусе свидетели наинского чуда. Отселе получают особенный смысл и слова, посети Бог людей своих. Израиль видит, что наконец удостоил его Бог давно ожидаемого посещения, послал Мессию, которого желали видеть и не видели пророки и праведники.

И изыде слово сие по всей Иудеи о Нем, и по всей стране. Везде – во всей стране иудейской и в сопредельной ей Галилее распространилось известие о необыкновенном чуде и великом чудотворце; везде говорили с утешением духовным о великом посещении Божиим.

Для нас, братия, известно не одно чудо каинское. Нам открыто в полном свете, кто для нас Иисус Христос; не только чудеса евангельские, тысячи чудес в истории времен после Иисуса возвещают нам, что Христос Иисус есть Господь и Спаситель наш, единый достойный поклоняемый и славный. Но об имени ли Иисуса говорим мы между собою? К славе ли имени Его относятся вести, передаваемые нами каждый день? О чем ежедневные беседы наши? Беседа о любимом предмете – самая приятная беседа для любящего сердца. Подумайте же, сколько любви в нас к Господу Иисусу, когда у нас в немалом числе каждодневных разговоров едва ли найдется один о Спасителе и спасении! Мало того, ныне уже как будто стыдятся говорить с другими о вере и имени Иисуса; не признают за нужное освящать, по крайней мере, утро и вечер благодарною хвалою Господу Иисусу; не считают за нужное и того, чтобы иметь пред очами образ Спасителя своего и Господа; к чему, говорит, все это? О, как велика холодность наша к Тому, Кому должен быть посвящен каждый взор, каждый слух, каждое слово наше!

Братия! не будем легкомысленны в жизни нашей. Будем внимательны к путям Божиим. Будем признательны в благодеющему нам Господу, чтобы славить великое имя Его вкупе со Отцом и святым Духом. Аминь.

1843 год.

Беседа в неделю 21-ю

На Лк.8:4–15.

Во всем и по всему Господь наш Иисус есть лучший наставник. Во всем и по всему Он есть любовь и мудрость. Как легко учиться у Него истинам Божиим, вечному спасению! Иди в поле, иди в сад твой, там найдешь уроки спасения, которые предлагает Христос. Каждое поле, каждая нива скажет тебе, что ты такое и чем ты должен быть? Душа наша, для нас самих – тайна, а спасение её еще более глубокая тайна. Сколько мудрецов и сколько учений высокоумных предлагали о душе! А все далеки были и от души, о которой говорили, и от смысла тех, которым говорили. Спаситель предлагает простую, притчу, указывает на простой предмет и объясняет историю души, раскрывает самые глубокие её тайны.

Отчего так мало перемены в душе моей к лучшему? Отчего она остается тем же, чем была прежде, с грехами и привычками к греху? Так много наставлений, так много сильных уроков преподано мне в жизни, и я – тот же грешник, как и прежде, даже потерял много прежних желаний добра, начал делать то, чего прежде не делал, не чувствую ненависти к греху, которую когда-то чувствовал. Отчего это?

Господь объясняет притчею о семени.

Семя есть слово Божие. Небесное учение о царствии небесном – то же, что семя; а нива, на которой оно досевается, есть душа. Какова нива, такого и ожидай плода. Различие нивы представляет различные состояния сердца.

Изыде сеяй сеяти семене своего. И егда сеяше, ово паде при пути, и попрано бысть, и птицы небесные позобаша е. Таково же состояние некоторых людей. Таково состояние может быть в каждом из нас. *Всякому слышащему слово царствия и неразумевающу, приходит лукавый и восхищает всеянное в сердце его (Мф.13:19).* Семя, упавшее у дороги, не принесет плода. Земля на дороге так жестка, так утоптана, что семя остается на поверхности; легко заметить его птице и она унесет его. Чей это образ? тех, которые слушают и не понимают слова;

это образ людей легкомысленных, рассеянных жизнью мирскою. Сердце их открыто для всех прелестей мира; обычаи мира грешного утоптали их душу как дорогу. Сей, сколько хочешь на эту дорогу, ничего не вырастет. Они слушают без внимания, читают без желания понять; слушают, но не слышат. Божие слово, грозное ли, или отечески нежное, не доходит до сердца их; мысли их там и здесь, но вечность и спасение души мало обращают на себя внимание их; если слушают они слово Божие, то не как слово Божие; если стоят они в храме, то не как в храме Божиим. Память их может собирать много истин святых и высоких, но в сердце их нет истины, там ложь и мрак. *Потом же приходит лукавый и возьмет слово от сердца их, да не веровавшие спасутся.* Приходит, так как сами живут и дышат в той области воздушной, где его область. *Возьмет слово из сердца их,* потому что слово не было сокрыто в сердце их, потому что для лукавого утеха – погибель, а не спасение человека. Вот почему видна в них готовность смеяться над всем святым, отвергать истину очевидную, смеяться над людьми и их правилами добрыми, над честностью и добродетелью, смеяться бессмысленно, но только бы смеяться. О сих-то людях сказал апостол, они ходят *по веку мира сего, по князю власти воздушные, иже действует в сынех противления (Еф.2:2).* Жалкое, ужасное состояние! Быть без приемлемости для истин, быть без способности к вере – положение самое страшное; в нем нет даже начала добру, нельзя же жить душе без мысли, нельзя жить духовно без мысли духовной, без веры.

Что ж делать такому человеку, или в таком состоянии? Ужели нет и надежды на лучшее? О! Господь готов всех принять. Надобно только начать с того, чего не начинали; надобно собраться с мыслями, обратиться взором от мира к небу, от века погибельного к вечности грозной для грешника. Пусть верят и уверятся, что тогда, как все пройдет, не пройдет лишь слово Господа о суде страшном над грешниками. Пусть поставят себя пред Судьей вселенной, пред Тем, кто скажет некогда, *отыдите от Мене проклятии в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелом его.* Душа бедная! содрогнись, опомнись, пока есть время, – умягчи ниву твою слезами

покаяния, поражай ее сокрушением и воплем сердца. Спешి в храм Божий слушать лучший суд о себе, оставь мир погибельный с его бессмысленным развратом. Обращайся чаще к мыслям о смерти и аде, о тленности и пустоте всего, что остается на земле. Молись Господу, молись чаще, чтобы пробудил Он тебя от сна греховного. Он благ, как никто на земле, Он подаст тебе и слезы, если не имеешь их, и силы духовные, если они совсем расстроены. Он возвратит тебе веру спасительную. Не медли же обратиться к свету. Тебе много предстоит еще трудов.

А другое паде на камени, и прозяб, усше, зане не имеяше влаги. Вот образ состояний душевных иного рода! Семя падает на камень, который слегка покрыт землею; зерно скоро выходит прекрасною зеленью. Смотри на эту зелень, подумашь, какой богатый будет плод! Но вот восходит солнце, палит зноем, и зелень увядает; еще восходит солнце, и самый корень гибнет, потому что не был глубоко в земле, не имел нужной влаги. Так бывает с нашим благочестием, когда нет в нас глубины благочестия. Посеянное на камнях значит тех, которые, когда услышат слово, с радостью принимают; но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают. Если говорят о превосходстве добродетели, о блаженстве праведных, о муках грешников, о чудном промысле Божиим, слезы текут у иных из глаз, душа полна чувств то радости, то скорби, готовы жертвовать то тем, то другим, для добра. Зелень прекрасная! Благочестие – живое, пламенное, но до тех пор, пока нет искушения, пока нет *скорби или гонения за слово* (Мф.13:21; Мк.4:17). Но вот представился случай для терпения. Вот надобно преодолеть несколько препятствий к добру. Вот надобно перенести обиду незаслуженную, перенести горе неожиданное. Вот легкомыслие коварно улыбается над набожностью нашею, наглость позорит ее; тот, которому мы делали добро, платит изменою и оскорбляет нас. Приходится терпеть и – что же? Добра как не бывало в душе. Прежние восторги, слезы, обеты исчезли. Тому, кто обидел, отплатили обидою. Бедою отяготилась душа до малодушия, до ропота. Какая радость, какой восторг в народе иудейском, когда Господь

питает его хлебом чудесно, когда исцеляет больных его, поднимает словом с одра смерти. *Осанна!* зывали Ему, когда шел Он в Иерусалим, и ветви неслись по воздуху к ногам Его, одеждами устилалась дорога Ему. Но когда взят был Иисус врагами; тот же народ кричал, *распни, распни Его!* Страшно думать о таких людях. А как их много!

Братия! когда благодать Божия коснется сердца вашего, когда слово доброе, мысль святая прольет свет и теплоту в душе вашей, берегите добрые чувства, храните их как можно глубже в душе вашей, скройте их от взоров людских, от шума и разговоров света. Пусть доброе чувство, добрая решимость незримо ни для кого, растет в глубине души. Не доверяйте и себе самим. Не предавайтесь восторгам сердца. Пусть сокрушение или радость достигают большей силы. Они достигнут силы от того самого, что останутся в душе, не испаряясь из сердца. Путь долог, испытаний много; не тратьте сил безвременно, не будьте опрометчивы. Намерение доброе, решимость святую начинайте приводить в исполнение, не отлагая до завтра, но не с жаром, который скоро охладет. Чаще помните о слабости, которая может изменить вам, и просите у Господа твердости. Решились на добро? Делайте добро с твердостью, но без самонадеянности. Пусть дела, а не чувства одни, показывают, что вы стали другими людьми. Будьте чадами Божиими и в напастях. Луч солнечный – необходим, чтобы созрело зерно. А напасти для нас то же, что солнечный луч для растения. Под их влиянием в терпеливой душе образуются твердость воли, крепость любви, живость веры. Чтобы не погибло Божие растение, надобно, необходимо надобно, чтобы слово Христово нашло себе глубину в сердце, могло пустить корни. Если и так будет, и тогда еще довольно для него опасностей.

И другое паде посреде терния, и возрасте терние и подави е. Вот видите, – и, тогда как для зерна довольно глубины в земле, и, тогда как есть, где пустить ему корни, и оно пускает их, и тогда может случиться, что оно не принесет плода. С добрым зерном это несчастье бывает тогда, как вместе с его ростком растут дурные травы; дурная трава берет силу и

разрастаясь заглушает доброе. Точно также бывает с некоторыми людьми. Зерно, *падшее в терние, означает тех, которые слышат слово, но, когда отходят, тогда заботами, богатством и сластями житейскими заглушается оно, и плод не созревает.* Эти люди не так, как первые, не отвергают слова Божия; в них не так, как во вторых, для слова Божия есть место не на поверхности, а в глубине сердечной. Чего ж не достает в них? Плод не созревает. Отчего же?

На земле нельзя жить без забот. Но необходимые заботы о земном, как дозволенные волею Божией, не могут быть вредны ничему святому в нас. Не о тех заботах говорит Господь. Он говорит о тех заботливых, которые заботятся не с тем, чтобы было нужно для земли, но с тем, чтобы было им на земле, как на небе. Их заботам нет конца, нет отдыха. И днем, и ночью, и в будни, и в праздник, – тревоги и суета. При таком положении, как не заглохнуть в них святым мыслям, святым желаниям? Богатство – дар Божий, честь отдают нам другие, удовольствие – состояние чувства. Во всем этом нет худого. Но прелесть *богатства* (Мк.4:19), но *сласти житейские* – вот что составляет терние для спасения вечного! Прелесть богатства, честей удовольствий создает себе сама душа наша. В земле, какова нынешняя, есть хорошие семена, есть и дурные семена. Точно так – в почве души нашей. Несчастье для нас, что мы уже рождаемся с дурными семенами, с склонностью к чувственности, с склонностью к гордости. Но гибель является тогда, как воспитываем в себе эти семена, созидая и разнообразя обольщения богатства, честей, удовольствий. Оттого-то рождаются заботы сокрушительные, не оставляющие места и времени заботам спасительным. Честь, богатство, удовольствие становятся идолами сердца, для которых жертвуют всем святым. Страсти, возбуждая одна другую, увлекают душу в непроходимую дебрь грехов и навыков худых. Оттого тесный путь Христов становится путем страшным, на который и ступить боятся. Оттого желания хорошие не зреют; хорошие дела проникаются нечистыми мыслями и чувствами. Зло растет в душе, грехи со дня на день множатся. *Хотящийся богатится впадают в напасти, запутываются, как в сети, в*

желания несмысленные и вредные, которые погружают во всегубительство и погибель (1Тим.6:9) Иуда, Христов ученик, избранный без сомнения потому, что в нем было много доброго. Но, что сделала из него прелесть сребреников? Предателя. Тот, который спрашивал Господа, что сотворю, да живот вечный наследую, хранил все заповеди. Но, когда сказано было, продаждь имение и даждь нищим, он с скорбью отошел прочь, бе бо имея стяжания многа (Мф.19:16–22). Градоначальник Феликс охотно слушал проповедь Павла о правде, о воздержании и о будущем суде, даже глубоко поражен был проповедью. Но что ж затем? Теперь иди, – когда буду иметь время, позову тебя, сказал Феликс. Отчего же не теперь докончить дело? Оттого, что любил честь и деньги более, чем спасение (Деян.24:24–26).

Братия! не станем обманывать себя. Доколе питаем в себе ту или другую страсть, не созреем мы для жизни блаженной. Если поле заросло тернием, сей, сколько хочешь, все пропадет. Так или иначе, но надобно вырвать терние. Больно расставаться с страстью, но не больнее, чем вечно страдать. *Неудобь богатию внидут в царствие Божие, сказал Господь наш. Кто же может спасен быти?* спросили ученики. *Невозможная от человек возможна суть от Бога,* отвечал Господь. И может, и хочет спасти нас Отец небесный; дело за нами. *Радующиеся должны быть, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся. Ибо проходит образ мира сего (1Кор.7:30–31).* Вот и долг, и средство – исполнить долг! Умрем, и все останется здесь. Зачем же самим не оставить всего? Зачем тяготить душу тем, что так пусто, как ветер, так гнило, как пыль?

Бог благодати и щедрот да подаст нам силу и познавать, и любить, и плодотворить слово спасительное в славе имени Его святого. Аминь.

1843 год.

Слово в неделю 22-ю, на всенощном служении, о богатстве

Человек некий бе богат.

Ужели богатство – преступление? Ужели спасение – бедность? Богатый – в аду, бедный Лазарь – на лоне Авраама. Ужели оттого это, что первый – богат, а этот – беден? Богатые и бедные! дело идет о вечной участи вашей. Надобно уразуметь притчу Спасителя о богатом.

Человек некий бе богат. Спаситель не говорит, чтобы богатство богача сего было собрано беззаконием; не говорит, что он для обогащения своего отнимал у ближнего собственность, теснил, удерживал у наемника цену трудов его, приобретал чужое ценою обмана, лжи или насилий. Значит, этот богач был еще человек порядочный. Тем не менее он – страждет в аду. За что же?

Облачашеся в порфиру и виссон, любил одежду, придуманную не нуждою, а суетною роскошью. Порфира и виссон, в древнем обычае, была одеждою царскою. Отважная мода сделала эту одежду одеждою самых роскошных богачей. И наш богач не хотел оставаться в кругу обыкновенных; он хотел стать выше других, хотел казаться как можно блистательнее; ему нужна была одежда не многих, одежда моды разорительной.

Казалось бы, что за беда – одеваться прилично богачу, хотя и не так, как многие? разве одежда грех? Не грех, пока она – дело нужды, но грех, когда она – дело страстей; не грех, пока она охраняет стыдливость, но грех, когда показывает бесстыдство и губит чистоту. Не многое нужно, чтобы защитить себя от холода или зноя, но холод и зной не знают мод. Не многое нужно, чтобы одеться прилично состоянию. Но как безграничны прихоти света! Как неумолимо разорительны желания суеты! Не довольны одеждою своего состояния, чтобы разорить свое состояние. Не довольны одеждою, которую готовит Бог для каждой страны, и покупают одежду, изобретаемую корыстью далекой страны. Тратят деньги для

приобретения плодов легкомыслия, чтобы потом терзаться еще жалобою на бедность. Хотят одеваться, как не многие. К чему? Разве не каждая одежда – траур, которым покрыл нас грех? *Разумеша, яко нази*, тогда как согрешили. Тогда поспешили сотворить себе *препоясания*. К чему же разнообразят этот траур? Если есть люди, которые имеют низость, если есть много людей, которые имеют рабскую волю подражать примеру других на разорение своего дома, еще более оплачьте несчастных рабов. Но к чему же любить низости? Ужели к тому, чтобы разливать заразу нравственную на окружающих, раздражать гниение душ бедных, увеличивать струны души своей и величаться струнами? Сколько грехов, сколько страстей в этой страсти к одежде не многих! Легкомыслие и ветренность, тщеславие и гордость, пересуды и жесткость, соблазн и бесстыдство, расточительность и скупость, ложь и обманы, недовольство собой и зависть к другим! Это ли дела, нужные для вечности счастливой? Христиане! нам, последователям Христовым, всего менее к лицу одежды изысканные. Христос – глава наша, в яслях, на соломе. Нам ли стыдиться простого одра? Христос в нищете, обесславлен, оплеван. Нам ли думать о блеске, о пышности? Глава его – в терновом венце. К чему ж наряды на ваших главах? Он покрыт смертною бледностью. Нам ли домогаться красоты искусственной? Если язычники любили украшения плоти; если иудеи переняли наконец искусство язычников, как богач евангельский, стыдно нам вводить в свое общество жизнь языческую. Не будем льстить себя. Если станем идти вслед за язычниками, не увидать нам рая.

Богач веселился на всяк день семпла. Почему-ж, говорил и не жить весело, когда есть средства? Так и ныне рассуждает мир, и употребляет богатство на грех и разврат. Каких гнусностей не дозволяют себе оттого только, что все могут делать могут купить и продать, хотя бы ад. Но, о Боже мой! ужели богатство освобождает богача от какого-либо долга пред Тобой? Нет! Оно затрудняет путь к добродетелям, воздержанию, к умеренности, смирению, – прельщая на грех легкостью творить грех. Какое несчастье! Богатый тем, что богат, не

уполномочивается быть менее умеренным, или менее целомудренным, или менее внимательным к вечному спасению. Напротив, чем более опасностей для спасения в его изобилии, тем более нужно решимости для борьбы с опасностями, чем более искушений представляет ему жизнь его, тем более должен он страшиться своих немощей, своих страстей, своей плоти, тем более должен умерять желания, отсекаать волю, вести борьбу с собою и с соблазнами, чтобы не погибнуть. Скажут, почему ж не позволить себе нескольких часов веселых? Правда, если это желание приятных часов возбуждено мыслью о Боге, если веселятся для Бога, а не без Бога, кто станет порицать такую веселость? Но – жалко смотреть, когда молодой человек легкомысленно оставляет дом родительский и на стороне чужой тратит добро, которым наделила его любовь родительская. Он не чувствует, что расточает добро неблагодарно; он не видит, как близка к нему – легкомысленному горькая бедность. Братия! не такова ли бывает жизнь тех, которые увлекаются порывами жить на свободе веселой? Без внимания к правам Того, Кому должна быть посвящена вся жизнь наша, часы и дни, недели и годы проходят, как сон, легкомыслие тратит дары вечного, не думая о их назначении и своей будущности. И по наследственному праву мы странники на этой земле; а грехи каждого из нас еще далее удаляют нас от Господа; кому совесть не скажет, что мы скитаемся в пустыне страстей, безводной и холодной? Что ж приличнее для нас, беззаботная ли веселость, или важные заботы о себе? Ах! часто нам надобно плакать о множестве грехов наших; часто надобно лить слезы, чтобы орошать ими семена добра в душе нашей. *Благо есть ходити в дом плача, неже веселия.* Благо оттого, что окруженные веселостью мы забываем о своих слабостях, о своих грехах, и увлекаемся ими; а взор на скорби и горести, более или менее, смиряет нас. Куда завлекла веселая жизнь богача?

Тогда как сам он жил в неге и роскоши, ел и пил так вкусно, тратил для себя так много, – бедняк Лазарь умирал от голода и болезней. Каждый день богач мог видеть несчастного, лежавшего у ворот его, но он проходил мимо его холодно,

отвращался от него с презрением. Псы, но природе так не милостивые, были более сострадательны к страдальцу беспомощному, чем их господин; они приходили и лизали кровь, струившуюся из ран Лазаря, а богач гнушался этими ранами и не думал обвязать их. Какая жестокость! Какая черствость души! Отчего она? К несчастью богача, это – одно из тлетворных действий самой изобильной жизни его. Поставленный в независимое положение богатством своим, богач, мало по малу, теряет ясность мысли и живость чувства, чтобы понимать и чувствовать, как горька жизнь бедняка. Не встречая препятствий для себя ни в чем, он привыкает горю думать о себе, запинаясь только собою, живет для себя одного; ближний перестает существовать для него с его нуждами и горем; богач становится глухим к стонам больного и просьбам бедного; а когда слышит их, не верить в их искренность, презирает бедность, как порок. О! да избавит Бог от такого состояния души!

Чем пробудить эту душу, усыпленную самолюбием и гордостью? Чем подвигнуть ее к милосердию? *Взалкахся, и не даете Ми ясти, возжадахся, и не напоисте Мене, странен бех и не введосте Мене, наг, и не одеясте Мене*, – скажет Господь немилостивым на суде Своем. Странны покажутся эти слова надменным питомцам изобилия. Они привыкли думать о нищих не иначе, как о людях презренных, достойных отвращения. Как же догадаться, как понять им, что Господь Сам являлся им в лице нищих и молил их о милости к страждущим людям? Но их вразумят там, им откроют глаза на то, что их жестокосердие, оскорбляя создание, оскорбляло Создателя, что их жестокосердие к братьям было жестокосердием к Тому, Кто называется и есть Отец всех.

Каждому состоянию вверено Господом свое дело, судье – правда, пастырю – паства, богачу – делать милости. Милость – общий долг каждого, но преимущественно тех, кому даны средства творить милостыню. Милость преимущественный долг богача. Это его призвание, это его труд, на который определен он Господом.

Его занятия, его образ жизни затрудняют для него совершение иных добродетелей, например, совершение молитвы, поста и проч. Взамен того, ему предоставлено приобретать спасение должным употреблением посланного ему богатства. Взамен того, поручены ему нищие и больные, слепые и увечные, с тем чтобы, подражая любви Отца небесного, берег он их жизнь и покой. Как много богач приобретал бы для души, если бы твердо помнил свое призвание небесное! Если бы тогда, как созывает гостей-богачей на пир грешный, постарался он вспомнить, нет ли алчущих и истаивающих голодом, и поспешил бы накормить их, не был ли бы пир его умереннее, удовольствия чище, душа ближе к небу? Если бы тогда, как готов он тратить золото на роскошную одежду, подумал, нет ли собратий его нагих, не имеющих – чем защититься от холода, он умерил бы свою расточительность, обуздал бы страсть жить по моде. Видите, братия, одна добродетель приучила бы его к многим другим добродетелям. Не льститесь же, неверность богача своему званию, как и неверность каждого, не может быть оставлена без отлучения.

Так не богатство губит богатого, но употребление богатства.

Какая же бедность спасает бедных? Ответ не может быть предложен в беседе сей, и без того не короткой. Если любви вашей угодно выслушать, – он предложен убудет в следующей беседе.

Господи! да будет слово Твое во спасение рабам Твоим. Аминь.

1846 год.

Слово в неделю 22-ю, на литургии, о бедности

Нищ бе некто Лазарь.

В предшествовавшем слове говорили мы о том, кто из богатых не может спастись. В сем храме грешно было бы оставить без внимания бедность. Спаситель предпочел бедного Лазаря богачу, предпочел уже тем, что бедного назвал по имени, *нищ бе некто Лазарь*, – тогда как не назвал по имени богача, а только сказал, *человек некий бе богат*. Рассмотрим же, что это за бедность, которую так почтил Спаситель в лице Лазаря?

Нищ бе некто Лазарь. Бедность, на всех степенях своих, как ни представляется низкою для сынов века, не лишая нас одного из существенных преимуществ человека, много заключает в себе такового; чего должен бы пожелать для себя роскошный богач. Пусть все скорби земные – плод отступления прародителей от воли Божией. Но всеблагий и премудрый устроил так, что и горький плод греха может обращаться в здравие больной душе. По судьбам промыслителя, бедность представляет удобства для лучшей жизни, каких не имеет богатство. Скольких грехов, скольких соблазнов избавляет нищего нищета его, тогда как эти соблазны неизбежны для богатого! Разврат роскоши не известен для бедняка; бедность не утучняет плоти, не питает сладострастия. Тревоги славы и золота слишком шумны, чтобы помещаться в скромном углу нищеты. Если бедность лишает многих земных выгод, за то она же ведет вас по пути, свободному от многих опасностей. Правда, бедность еще не становится добродетелью оттого, что представляет удобства ко спасению. Но – пусть благодарно принимают эти удобства спасения, предоставленные промыслом бедным.

Нищ бе некто Лазарь. Лазарь терпел действительную нищету, нищету до того нагую, что рад бы был и крупичам, если бы упали они для него со стола богача. Итак, душа Лазаря не знала той бедности, которая сама себе строит бедность, не

будучи бедною средствами жизни или, по крайней мере, силами.

Преступна та бедность, которая, презирая бдительный над нею промысл Божий, предостерегающий ее от опасностей богатства, негодует на легкие недостатки жизни и бьется из всех сил, как бы вступить на недостойную для неё дорогу изобилия. Не имеем в виду той нетерпеливой бедности, которая употребляет средства к обогащению явно низкие – игру, обман и воровство. Да озарит свет небесный эту погибающую бедность, чтобы во время узрела она глубину гибели своей! Помимо сей бедности много между нами таких, которых состояние далеко от того, чтобы быть тягостным, но которые выказывают тревожное недовольство своим состоянием; не будучи бедными, считают себя, за угнетенных бедностью и готовы проклинать бедность. Отчего такое нетерпение? От страстей. Одних терзает страсть к деньгам; других – страсть к ветренности. Жалок, низок в общем мнении тот, кто по страсти к деньгам лишает себя необходимого для жизни. Грязна нищета, покрывающая себя лохмотьями за тем только, чтобы не истратить дорогой копейки. Но, поверьте, на суде Божиим столько же низки те души, которые тревожно вздыхают о блеске для них недоступном, о роскоши, которой не в состоянии иметь. Там и здесь живет та же земля, та же гниль. Нет стола прихотливого, нет одежды нарядной, – и кричат: мы бедны. Бог дает одежду простую, но удобную; посылает пищу не многосложную, но здоровую. Всем этим не довольны. Говорят, как это черно! Как это тяжело! О, если бы заглянули в свою душу! О, если бы прислушались к суду совести о себе самих! Тогда увидели бы, как черна неблагодарность их к Отцу небесному; как грязна душа их с её желаниями мелкими, низкими преступными. Тогда каждый сказал бы от полноты сердца, Господи! недостойно хожу я по этой земле; недостойно дышу я воздухом. Так велика виновность моя пред Тобой! Так далек я от того, чтобы быть достойным какой-либо Твоей милости!

Не увидят блаженства и все ленивые нищие, пока не расстанутся с ленью. Не с тем, чтобы осуждать братьев наших, но с тем, чтобы показать любовь к их спасению,

говорим, пусть придут в себя! Чтобы избавиться от бедности, им не достает только любви к труду. Тяжко будут они отвечать пред судом Божиим и за силы, оставляемые ими без упражнения, и за обманы людей, оскорбительные для совести. Думают ли, что Господь не видит лукавства сердец их? Думают ли, что, называясь братиею Христовою, дерзко оскорбляют они Христа Господа? Думают ли, что даны им силы и здоровье – не для того, чтобы истощать их на служение страстям?

Нищ бе некто Лазарь, иже лежаше пред враты, и желание насытится от крупы, падающих от трапезы богатого. Велика была нищета Лазаря; это не нищета, вымышляемая праздностью и страстями; это нищета действительная. Но включим ли мы Лазаря в число тех нищих, которых нищета бывает следствием порочной жизни их? В словах Спасителя ни слова, ни намек нет на то, чтобы Лазарь принадлежал к такому разряду нищих. Спаситель замечает в нем, кроме бедности, только болезнь страшную, и по всей вероятности, болезнь и была причиною нищеты его. Итак, нищета, порождаемая страстями, не ожидай себе участи блаженного Лазаря; лоно Авраамово принадлежит не этой нищете. Блудному сыну, расточившему богатство на стране чужой, остается начать дело спасения покаянием. Отец небесный готов принять его – кающегося. Горька участь его, если он не восчувствует своей виновности, если не поспешит возвратиться в дом отеческий. Бедняк, расточивший дары Божии на разврат, скитается в этой жизни как тень, и тает от голода. А там, если не покается, что ожидает его, кроме вечного, но бесполезного раскаяния, кроме мук, готовых для грешника? Тяжело ему здесь бороться и с бедностью, и с привычками худыми, которые нажил. Но, чтобы не страдать вечно, надобно терпеть временные страдания. Дело душевного спасения потребует от него многих подвигов, долгой борьбы, чтобы душа его очистилась от страстей, чтобы душа его созрела для блаженства Отца верующих. О, если бы только пришел он в себя!

Удар за ударом поражал Иова, но он ни в чем не согрешил пред Господом. *Господь даде, Господь отъял*, говорил он. Точно таково же было положение блаженного Лазаря. Одно

желание замечает в нем Спаситель, – желание насытиться от крупы. Но это желание пищи, этот вздох о крупах, вырывались из груди страдальца против его воли; они вызваны природою, требующею пищи для поддержания жизни. Этот вздох – не вздох зависти к роскошному богачу; этот вздох – не вздох недовольства неравенством своей участи с участью богача. Этот вздох – вздох самого голода. Дух Лазаря молчал, как ни велико было томление голода, как ни тяжела была болезнь телесная. Он молчал, покорный воле Промыслителя; он благоговел пред судьбами Того, Кто знает, чье сердце может быть близко к небу на пути страданий, и разделяет скорби и радости по нужде в них для жизни вечной.

Вот образец блаженной нищеты! Ни евангелие, ни смысл здравый не осудят тебя, страдалец жизни, когда, претерпевая во всем недостаток, пораженный болезнью тяжкою, ты чувствуешь по временам лишения нужного, чувствуешь боль. Все живое желает жить и отвращается того, что стесняет жизнь. В порядке природы нельзя быть тому, чтобы, когда режут тело, не чувствовать боли. Иные из мучеников были выше и этих страданий, даже радовались, претерпевая их. Но это было делом особенной благодати. Для нашей немощи довольно, если поражаемые бедствиями молчим мы пред судьбами Божиими, сознавая величие их и наши грехи. Для нас довольно, если переносим скорби и лишения, не возмущаясь страстями грешными, не допускаем до сердца горечи против братьев наших, которые стоят выше нас, не дозволяем себе судить кого либо, кроме самих себя. При этом надобно, чтобы покорность наша Господу была неизменная, чтобы обращение к Господу, вызванное скорбью, не было временным. *Претерпевый до конца, той спасется.* Душа, верная призвавшему ее к скорбям, возрастает в духовном совершенстве по мере терпения. Чем более она будет смиряться под крепкою десницею Божией, чем искреннее будет познавать низость и пагубу грехов и страстей, тем обильнее благодать Божия будет нисходить в глубины её, тем более будет приобретать силы любовь её к Господу. Если скорбью научаются терпению, то тогда-то рождается в душе духовное искусство, – умение отличать истинно-полезное от

вредного, ненужное от необходимого, обманчивое от действительного. Тогда-то понимают, что ничего не внесли мы в мир и ничего не вынесем, и потому остаются довольны, имея пищу и одеяние (1Тим.6:7–8). Тогда не услаждают зрения, не забавляют слуха, не пленяют сердца вещами исчезающими, как дым. Тогда-то искренно повторяют слова Господа, что пользы человеку, если и весь мир приобретут, а погубят душу свою (Мф.16:26). Если не останавливаются на пути терпения и искусства, если не возвращаются душою в мир суетный, за искусством духовным является упование, – высокая свобода духа, ожидающая всего от Господа. Тогда душа изливается в молитве к Господу, в молитве искренней, пламенной и вместе детской. Теряя из виду землю, она вся обращается к небу, ожидает силы от Господа, от единого Господа. И это упование – не то, что надежды мирские, не обманет, не составит в стыде. Ему подаются утешения, с которыми не сравниваются никакие удовольствия света.

Блаженны нищии духом, яко тех есть царствие небесное, сказал Спаситель (Мф.5:3). Блаженство нищеты духовной от того зависит и в том состоит, что нищий духом, имея Бога в сердце своем, имеет вместе с Ним все необходимое для духа бессмертного. Душа, смиряемая скорбями, не тяготится скорбями, потому что не считает себя в праве на радости земные, потому что живет надеждами на вечные радости, пред которыми ничего не значат все скорби земные. Огонь любви Божией, зажженный в сердце испытанием, пожигает в смиренной душе нечистые желания, навеваемые миром лукавым, и зовет душу жить для единого Господа. Кто без греха? И нищета духа плачет о грехах своих и слезами оmyвает скверну грехов; она живо чувствует оскорбление, наносимое грехом Богу, и глубоким сокрушением восстанавливает мир в совести и союз с благодатью. *Блаженны нищии духом.* Не сказано, блаженны нищие, но – *блаженны нищии духом.* Блаженство тогда следует за скудостью в вещах временных, когда скудостью смиряется дух. Тогда царствие небесное открывается в сердце и, по разлуке с землею, возносит душу в небесные селения святых.

Смиритеся убо под крепкую руку Божию, и Той вы вознесет, бедные братия мои! Земля отказывает вам в радостях своих; откажитесь и вы от неё. Тогда за обманчивые утешения вы утешены будете радостями самыми прочными и лучшими. Не обращайтесь сердцем вашим к миру, который изменил стольким друзьям своим. И верный Господь проведет вас коротким путем временной скорби к вечному покою. Будьте верны званию, к которому призвал вас Господь, и – Он, всегда неложный, исполнит над вами Свое слово, побеждающему дам сести со Мною на престоле Моем. Аминь.

1846 год.

Слово в неделю 23-ю

И моли Его весь народ страны Гагаринские
отъити от них (Лк.8:37).

Странный поступок жителей гадаринских! Господь исцелил собрата их, страдавшего ужасными мучениями, исцелил того, кто наводил ужас на всех их своим состоянием и поступками, кто рвал цепи как нитки, не жил в доме, а в гробах, и никому не давал проходить мимо жилья своего. И, однако, гадаряне молят Господа, дабы удалился из пределов их. Гадаряне слышат рассказ, как исцелен человек, в котором жил целый легион бесов; и этот опыт могущества нечеловеческого давал им видеть, что страну их посетил необыкновенный гость, *Иже проходит, благодетельствуя и исцеляя вся насилуванная от диавола* (Деян.10:38). И, однако, вместо того чтобы благоговейными и благодарными сердцами принять и удержать врача душ и телес, какого не видал еще мир, они просят, чтобы Он удалился от них! Что за странное состояние гадарян? Евангелист говорит, *страхом велиим одержимы беху*. Но что это за страх? Отчего он? Не тот ли это страх, который вынудил и бесов вопиять к Сыну Божию: *что нам и Тебе Иисусе, Сыне Божий? пришел еси семо прежде времени мучити нас*. Страшно подумать, а на деле было так. Гадаряне испугались, что лишились стада свиней, и в страхе, не лишиться бы и еще подобных сокровищ, просят Господа удалиться от них. Как груба неблагодарность гадарян! Как велико невежество омраченных сердец их!

Братия! Чтоб не пасть и нам в какое-либо искушение неблагодарности пред Господом, подумаем о долге благодарности.

Апостол поучает нас, *о всем благодарите, сия бо есть воля Божия о Христе Иисусе в вас* (1Сол.5:18). Воля Божия о нас такова, чтобы мы благодарили Его. Это не означает того, что Он имеет нужду в нашей благодарности, но означает, что благодарность пред Ним – дело правды и дело спасительное для нас.

Что такое благодарность? Благодарность есть то сладостное расположение любви к Богу, по которой душа благоговейная видит и чувствует различные благодеяния Божии, дорого ценит каждое благодеяние Божие и обращает их в славу Божию.

И так не естественно ли, имея глаза, видеть представляющийся глазам дар? Не естественно ли, имея чувство, чувствовать радость о получаемых дарах? Не естественно ли, имея волю, хотеть воздавать за дар? Да, и на суде людей неблагодарный считается человеком низким, менее чем человеком, – и справедливо; ибо судите, человек ли тот, кто, имея глаза не видит, имея уши не слышит, имея сердце не чувствует, имея душу не дышит? Нет, это истукан, подобие человека, а не человек живой. Если камень не принимает или мало принимает в себя воды, это в порядке вещей; если на твердой скале не растет и слабая травка, и брошенное зерно превращается в прах, это также в порядке вещей. Но Бог не создал сердца человеческого камнем, и та душа, какую Бог нам дал, дана со способностью приносить плоды под влиянием света и влаги Божией. Так низко, противно и Богу и природе – быть неблагодарным к кому бы то ни было.

Но сократилась ли для нас благодетельная десница Божия? Ужели не на что посмотреть, не на что порадоваться, не за что поднять признательной руки при мысли об отношениях к нам Бога? О! легче измерить пространства небес и поднебесья, и глубины бездн морских, – легче исчислить дыхания, выдыхаемые из сердца и вес вдыхаемой жизни, чем измерить и дознать величие и число благодеяний Божиих. Кто дал нам жизнь? И какую жизнь? Каким прекрасным созданием вышел человек из рук творческих! По образу и по подобию Своему сотворил его Бог, *умалил малым чим от ангел* (Пс.8:6). Как мы живем? Тот, кто не дал себе бытия, не в состоянии сохранить его. *Им и только Им всеблагим и вседействующим мы живем, движемся и есмы* (Деян.17:28). *От Господа исправляются стопы мужа.* Им зиждутся наши дома, наши города и царства. *Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми?* (Пс.115:3) Падшее создание я пред Тобою, Отче небесный! Чего мне ждать

себе, как не суда и осуждения? Возмездие за грех смерть (Рим.6:23). Но, о беспредельная благодать! Мы удалились от Тебя, а Ты ищешь нас и зовешь, Адаме! Где еси? Сыне Отца вечного! Ты обрел и взял на рамена Свои овцу погибшую. Сладчайший Иисусе! Лики ангелов изумляются любви Твоей, пожертвовавшей Собою для искупления нас грешных (Рим.9:33). И кто, как не Дух благодати, дух Христов созидает в человеках сердце чистое и дух правый? Братия! Каждый может знать и чувствовать, как расстроенная грехом душа наша тогда только и оживает для Бога, когда усердная молитва низводит на нее росу благодати; все. довольство наше от Бога.

Как же не благодарить нам Господа своего? Как тяжка, как чрезмерно велика неблагодарность наша, когда не благодарим Его. столько благодетельствующего нам! *Сия ли Господеви воздаете, людии буии и немудри* – укорял Моисей Израиля. *Не сам ли сей Отец стажа тя и сотвори тя и созда тя.* Мы. христиане, еще более, чем Израиль, получили даров от Отца небесного. Как же велико неразумие наше, как велика жестокость сердец наших, когда не сознаем благодарным умом и сердцем благодеяний Божиих! Душа христианская! внемли, как жалуется Отец небесный на неблагодарного Израиля; Он небо призывает в свидетеля и землю в слышателя жалобы Своей. *Слыши небо, внуши земле, сыны родил и возвысил; тии же отвергошася Мене.* Он обличает разумного нзраиля примером неразумного животного. *Позна вол стяжавшего его и осел ясли господина своего, Израиль же Мене не позна, и людие Мои отвергошася Мене* (Ис.1:2–3). Вол узнает хозяина своего потому, что тот с ним обходится как хозяин, осел угадывает господина по яслям, в которые кладет тот корм для него. А Израиль не признает Господа и по благодеяниям Его. Какая сильная укоризна Израилю! Душа христианская! не тягчае ли падает на тебя укоризна сия? Пробудись, восстань из унижения, в которое поверг тебя грех ожесточения сердечного. Исповедуй Господу несчастье твое и моли Его, да просветить ум и воспламенит сердце твое любовью благодарною.

Братия! целой жизни не достанет нам, всех сил души и тела слишком мало, чтобы достойно воздать Господу за благодеяния

Его к нам. Отчего же так мало чувствуем мы благодеяния Божия?

Благодарность зрит и признает благодеяния Божии, не опускает из вида того, что получено от Господа. Итак, если мы мало благодарим Господа, то, конечно, потому что не видим благодеяний Божиих. Как же это бывает с нами? Ум гордый сознает только в себе достоинства и себе приписывает, что имеет, даже и то, что только думает иметь. Можно ли же ожидать от гордости благодарного благоговения пред Господом? Гордость на многое, что получено свыше, вовсе не обращает внимания, как на малость, недостойную внимания, а при взгляде на другое утешается собою, это, говорит, приобретено моими расчетами, это доставило мне мое умение. Жалкое самообольщение! И беден, и нищ, и слеп, и наг я пред тобою, Господи! Душа христианская! Обличай в себе помыслы гордости размышлением о необозримой немощи нашей природы; повторяй себе слово апостола, кто тебя отличает от других? Что имеешь ты, чего бы не получил? А если получил, что хвалишься, как будто не получал? (1Кор.4:7).

Сильно и часто ослабляет в нас чувства благодарности пред Господом и то помышление человеческое, которое считает виновниками счастья людей великих по уму, по знатности, по власти. Но если все, и великое и малое – дар единого Владыки нашего, если и великие ни больше, ни меньше того делают для нас, что угодно даровать Отцу небесному, то не странно ли воздавать почесть слуге и забывать господина, или отдавать ту почесть слуге, которая следует господину? Не то же ли это значит, что творить себе кумиров на земле, изменять *славу нетленного Бога в подобие тленного человека? Ни насаждаяй есть что, ни напаяй, но возвращаяй Бог*, говорит апостол (1Кор.3:7). Нашею ли рукою, или рукою других брошено в нас семя добра; нашею ли рукою, или рукою других напоено посеянное семя? Если Бог не возрастит в нас доброго семени, напрасны все труды. Земледелец бросает зерно в борозду. Как многое надобно для того, чтобы явился зрелый колос! И это многое вовсе не во власти земледельца. Свет, теплота, влага, без которых зерно останется мертвым, во власти Владыки

природы. Точно так и в делах наших. Легкомысленная беспечность нашей гордости проходит мимо дел Божиих без мысли о Боге, с уверенностью, что это дела ежедневного порядка, вызванные нашими силами, или силами людей даровитых. Накормлены, напоены, одеты мы, но кем? Не знаем, кажется нам, тому надлежало быть и было. Мы пробуждаемся от бессознательности своей, мы скорбим и оскорбляемся только тогда, когда что-нибудь бывает не по нашим желаниям; тогда предъявляем мы в душе какие-то права в свою пользу, как будто кто-то обязался нам вести дела наши без нас, не обязав нас ни к чему; тогда открывается, что и мы готовы признать Бога подателем всего, только почему-то очень не довольны бываем на тот раз, как Он, кажется, забывает нас, – нас, которые до той минуты вовсе не думали о Нем. Какая легкомысленность дерзкая! Какое бессмыслие гордости!

Апостол Павел пишет о язычниках, *занеже разумевшие Бога, не яко Бога прославиша или благодариша, но осуетишася помышлении своими и омрачися неразумное их сердце, тем же и предаде их Бог в неискусен ум творити неподобная* (Рим.1:21, 24, 28). Вот путь, по которому нисходили до глубины нечестия и разврата. Неблагодарность здесь занимала слишком важное место. Народам древним известен был Бог. Но они не стали чтить Его достойно славы Его, не стали благодарить Его достойно благодеяний, которые получали от Него. Сердце их стало холодно к милостям Вышнего и любовь к Нему слабела, знание о Нем терялось; мрак и запустение, пороки и нечистота увеличивались; человек становился в ряд с бессловесным, которое ест досыта корм и ничем более не озабочено, как только грубым насыщением. Своевольное нечестие неблагодарности наказано наконец самую крайнюю нечистотой, которую полюбила душа языческая. Братия! То же самое происходит может и в сердцах христианских. Осмотритесь. Если Бог благ, чтобы изливать благодать и на безблагодатных, то Он же и правосуден, чтобы карать нечестие, презиращее дары благодати Его, беззаботное о том, чтобы приносить плоды достойные милостей Его. Иначе, казнь Божия есть естественный плод неблагодарности; потому что неблагодарность вносит в

душу духовное опустошение, заглушает в ней лучшие расположения её и поселяет в ней дикость. На оборот, душа благодарная, чем чаще обращается с благодарностью к Богу, тем более расширяется в любви к Нему, озаряясь животворным светом совершенств Его; а чем свободнее открывается она пред Богом, чем пространнее отверзается пред Ним, тем более становится способною к принятию даров благодати Его. Дело несомненное, что во всяком случае и должно и нужно отверзать сердце, чтобы принять что-либо свыше: *расшири уста твоя и исполню я*, говорит нам Бог. Бог – благ, Он ожидает только того, чтобы мы приближались к Нему за дарами, и Он не медлит дарить их нам. Так, неблагодарность наша только награждает нас нищетой, тогда как благодарность привлекает к нам свыше обильную росу новых милостей и щедрот.

Как нам не благодарить Господа? Или точнее, как нам благодарить Его достойно? Мы бедны, бедны во всем. Все, что имеем, не наше, – ни блага, ни силы, ни время. Но Он столько благ, что Его же дары принимает за дар благодарения нашего.

Он столько благ, что с любовью взирает и на наше сознание в своей немощи и в величии любви Его. Он столько благ, что упражнение сил и способностей, им же дарованных, и при Его же благодати упражняемых, благоволит принимать за благоугодную жертву нашу. Итак, желаешь ли быть благодарным пред Господом? Освящай силы твои служением Господу; не ленись, не отказывайся по зову храма приходить в храм для возношения хвалы и благодарения Господу; нужнее Господа ничего для тебя быть не может; не забывай Его. *Аще ясте, аще пиете, аще ино что творите, вся во славу Божию творите*. Желаешь ли не быть землею неблагодарною, определенною на погибель? Посвящай Господу то, чем благословил Он тебя; приноси Ему плоды трудов твоих, да ниспошлет Он вновь благословение на труды твои. *Имущему дано будет и преизбудет*. Желаешь ли быть признательным к любви Его? Твори Его волю и спеши заглаждать грехи покаянием, оставляй желания неугодные Ему. *Не пренебрегай богатством благодати Его и кротости, и долготерпения, как будто не знаешь ты, что благодать Божия ведет тебя к покаянию*

(Рим.2:4). Господь сам говорит нам, *понеже сотвористе единому сих братьев Моих меньших, Мне сотворимте* (Мф.25:40). Итак, вот и еще средство и средство самое близкое – изъяслять благодарность Богу! Надеясь брата бедного, чем можешь, в лице брата Господь примет от тебя дар твой, как благоприятную жертву благодарности к Нему.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа да будет со всеми нами (Рим.16:24). Аминь.

1845 год.

Слово в неделю 24-ю-ю

О Нем же всяко создание составляемо
растет в церковь святую о Господе, о
Нем же и вы создастесь в жилище
Божие духом (Еф.2:21–22).

Прекрасную картину представляет апостол. Он изображает церковь Христову в виде здания, стройно построенного из разных частей, и в виде растения, постепенно поднимающегося выше и выше. Так говорит он о целой церкви Христовой. Так он говорит и о каждом верующем! Силою Господа Иисуса все здание церкви, по слову апостола соединяемое из частей в одно стройное целое, растет в церковь святую для Господа, церковь чистую, непорочную, совершенную, какова церковь небесная. Сплоту того же Господа и вы, верующие, созидаетесь, приходите от совершенства к совершенству, чтобы быть вечным жилищем самого Бога.

Так, слушатели мои, пусть неравны силы у нас, пусть неравны обстоятельства земной жизни нашей; но каждый должен стремиться к почести высшего звания Божия, возрастая более в добродетелях христианских.

Будите совершенны, якоже Отец ваш небесный совершен есть (Мф.5:48). Кому это сказано? одним ли пустынникам? Одним ли девственникам? Одним ли членам клира священного? Нет, всем сказано; всем повелено возрастая в духовных совершенствах, чтобы приближаться качествами души к Отцу небесному. Будите совершенны, якоже Отец ваш небесный совершен есть. Совершенства Отца небесного – вот образец для нашего совершенствования! Какой это высокий образец! Кто же смеет думать после того, что он живет довольно хорошо? Как позволяют себе считать всякое напоминание об исправлении жизни несправедливостью против личности, всякий совет любви – оскорблением душе их? Будите совершенны, якоже Отец ваш небесный совершен есть. Почему? С одной стороны потому, что истинное совершенство наше состоит в сообразности наших действий с благою и

всесовершенною волею Божией, с другой стороны потому, что человек создан с способностями жить сообразно воле Божией. Человек, дотоле и человек, пока стремится к Богу своему. Иначе – человек ли он, когда выполняет только потребности бессловесного?

Слушатели мои! Апостол хвалил в язычнике добродетели языческие. Но он не хвалил и не хвалит языческих добродетелей в христианине. Христианину дано более сил и средств к совершенству, чем язычнику или иудею. Потому от него более и требуют. *Огня приидох вовреци на землю, и как Я хочу, чтобы он уже возгорелся!* говорил Спаситель наш. Видите, чего ожидает Господь Иисус от своих последователей! Он ожидает любви пламенной, любви неугасимой, ревности неизменяющейся, стремления постоянного к совершенствованию для вечной жизни. Для чего распялся пред очами нашими Сын Божий? Для чего пролил на кресте кровь свою Богочеловек? Ужели с тем, чтобы ругались своею жизнью над Его страданиями за грехи наши? Страшно подумать, что мы делаем, беспечно веселясь в упоении страстей, считая за малость грехи каждой минуты жизни нашей.

Богочеловек кровавыми страданиями испросил у Отца небесного Духа благодати, готового вести нас к ангельской чистоте, и при всей нашей немощи. Ужели все это понапрасну? Страшно нам будет на суде Божиим, если явимся туда только с честностью языческою. Нет, мы не свои здесь ([1Кор.6:19](#)). Мы не имеем права употреблять ни времени, ни сил на что-нибудь другое, как только на служение Богу нашему. Мы должны преуспевать со дня на день в любви к закону Божию, возрастать в благодати и познании Бога нашего ([2Пет.3:18](#)), усовершенствоваться более и более в добродетелях благоугодных Ему – Владыке нашему ([2Кор.3:11](#)). Вот почему и невинная любовь родителей к детям и естественное желание охранять свою жизнь и здоровье преступны – в нас, если для них замедляем или оставляем служение Господу. Вот почему тот, кто боится быть осмеянным за благочестие людьми легкомысленными и по ложному стыду не идет вперед по пути благочестия, покроется вечным стыдом на суде всемирном ([Мф.10:23](#)).

Говорят, «мы слабы, нам ли идти все выше? Пусть трудятся над тем те, кому даны силы, у кого есть желание жить только для Бога!» Нет сомнения, что кому дано больше сил, тот должен больше и трудиться. Но слабость наша никак не увольняет нас от обязанности стремиться к высшему совершенству. Напротив, если мы чувствуем свои слабости, то потому-то и должны бодрствовать над собою, чтобы одерживать победу над своими слабостями. Отчего грех, каждый час, каждую минуту берет над нами верх? Оттого, что даем ему волю делать с нами, что ему угодно. Несчастье наше не от того, что мы немощны; против немощей готова для нас сила Божия. *Все могу во укрепляющем мя Иисусе*, говорит апостол, такой же человек, как и все мы. Но мы оттого не подвигаемся вперед на пути спасения, оттого становимся хуже и хуже, что худо чувствуем свои немощи, веселы и покойны, как совсем здоровые, довольны собою, как ни в чем не имеющие нужды. *Богат есмь и обогатился и ничесоже требую*, говорит забывчивый грешник, тогда как он *и беден, и нищ, и слеп, и наг* (Откр.3:17). Требует ли пищи, кто не чувствует голода? Плачет ли тот, кто не ощущает никакой боли, или потери? Где же наши слезы о наших язвах душевных, если мы ощущаем их? Где наши вздохи, где стоны мытаря о грехах наших, если сознаем мы себя грешниками? Где молитвы о небесной пище, если ощущаем мы голод душевный?

Так слушатель мой, кто искренно чувствует свои немощи, тот при помощи благодати Божией, всегда будет идти по пути к совершенству. Он не остановится ни на какой степени совершенства, потому что знает, что очень много еще не достает в нем. Он не остановится ни на минуту, чтобы любоваться пройденным путем, оконченными делами, поскольку помнит, что берег далеко, а назади много ошибок. *Задняя убо забывая, в предняя же простираясь со усердием гоню к почести вышнего звания*, так говорил о себе тот, кто с земли восходил на небо. Грех не оставляет никого до гроба. Потому до гроба надобно бодрствовать, до гроба очищать свое сердце. Грех ослабляется в нас усильными трудами. Но дело освящения души не есть дело дня, оно есть подвиг целой

жизни. *Блаженни алчущий и жаждущий правды, яко тии насытятся (Мф.5:6)*. Тоже точно должно сказать и о каждой частной добродетели. Не может быть ни одного доброго дела в нас, которое не могло бы быть лучше, в котором не было бы недостатка или чистоты, или искренности. Если Бог дал тебе сколько-нибудь усердия к молитве, – приобретай еще более усердия к молитве, и никогда не думай, что ты порядочный молитвенник. Иначе ты будешь и несправедлив пред правдою и повредишь себе в подвиге молитвы. *Никто же возложь руку свою на рало и зря вспять управлен есть в царствие Божие*. Нельзя нам, нравственно нельзя, стоять на одной степени добра, если не простираемся вперед; поскольку, останавливаясь на сколько-нибудь для добра, мы живем уже для греха, не упражняя чувств и воли в добре, слабеем в любви к добру; не заботясь об употреблении талантов, данных нам, становимся преступниками. *Поминайте жену Лотову*. Беги, не оглядываясь назад, от соблазнов греха. Иначе грех обольстит душу, и вы пострадаете. Бегите от внушений страстей, чтобы поспешать к небесному отечеству, ожидающему вас. Возгревайте любовь к нему чувством страха окружающих нас опасностей.

Лень легкомысленная может увольнять себя от долга идти вперед по пути спасения. Но не увольняет от того святая воля Божия. Слово Божие ясно указывает нам «на обязанность нашу непрестанно возрастать в совершенстве духовном, когда представляет состояние наше на земле то в виде плаванья, которое должно продолжаться непрерывно, чтобы достигнуть цели; то, в виде растения, которое постепенно должно развиваться; то в виде брани, которая ни днем, ни ночью не должна затихать, в виду сильного в злобе и коварстве врага. Неумные девы заснули на несколько часов, как неожиданно зазвучал голос, *се жених грядет*. Бедные бросились покупать светильники; а жених уже в чертоге и им сказано у дверей затворенного чертога, поздно. Нам велят постоянно бодрствовать, постоянно возрастать в благодати и познании Господа нашего Иисуса Христа (2Пет.3:18). Совершенства духовной жизни – лестница, которой нижний конец на земле, а

верхний на небе. «Упражнение в добродетели, поучает св. Василий, подобно лестнице, той лестнице, которую некогда видел блаженный Иаков, которой одна часть близка была к земле, и касалась её, а другая простиралась даже выше самого неба» (Творения, I, 184). Не думают ли, что Господь может быть доволен кое какою теплотой служений Ему? Напрасная, преступная, мечта! «Поелику ты тепл, а не холоден и не горяч, то изблюю тебя из уст Моих», так говорит Он верный в своем слове (Откр.3:16).

Закljučаю слово – словом апостола, *сего ради приимите вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют, и вся содеявше стати* (Еф.4:13). Аминь.

1852 год.

Харьков.

Беседа в недели 26-ю

На Лк.12:15–21.

Жизнь наша – коротка. Но нельзя сказать, чтобы она не требовала забот о себе. Нельзя прожить без пищи, нельзя ч прожить без одежды. Значит, самая забота о жизни требует забот о пище и одежде. Но как легко человек переходит от забот о нужном к заботам об излишнем! Как легко не нужное становится для него необходимым! В ныне чтенной притче Спаситель, предостерегая от забот об излишнем, показывает нам опасность страсти к излишнему.

Блюдите и хранитесь от лихоимания, яко не от внегда избыточествовати кому, живот его есть от имения его (Лк.12:15). Так начал наставление свое о любостязании небесный Учитель! Смотрите, говорил Он, берегитесь желать иметь многое, более того что нужно. Слепец бредет, не видя ямы, в которую готов упасть и – голос любви говорит ему, берегись, не туда идешь. Так и любящий нас Господь с нежным участием говорит нам, берегитесь страсти к корысти, в ней опасность для вас. Мы близорукие думаем, богатство – не необходимо ли для жизни? Но Господь в оправдание предостережения своего говорит, жизнь не зависит от имения тленного, хотя бы было его и очень много. Где источник жизни? В Боге. Возьмете ли физическую жизнь организма телесного, или духовную жизнь души, в тон и другом смысле жизнь дает и поддерживает Бог. И так умно ли хлопотать о многом, когда ни от многого ни от малого, не зависит жизнь человека, а истрачивая силы на приобретение многого может погубить жизнь души?

Рече же притчу к ним, глаголя: человеку некоему богату угобзися нива (Лк.12:16).

Главную мысль свою о страсти к многому Спаситель объясняет в притче простой, близкой к понятию каждого, в примере богача владельца нивы.

«У некоторого богатого человека, говорит, оказалась нива с хорошим урожаем». Заметьте, слушатели. Спаситель не говорит,

что хороший урожай нивы зависит от трудов, употребленных для нивы. Агрономия богача, как и в наше время, без сомнения любовалась урожаем нивы, как плодом трудов своих. Но Спаситель не сказал ни слова благоприятного мечтам людской агрономии. И мог ли сказать? Господь повелел в поте лица возделывать землю. Но сколько ни изобретайте способов лучшей обработки земли, на ниве не явится и слабого урожая, если Бог не пошлет во время дождя на поле и не даст во время теплоты нужной. Богач наш забыл об этой истине опыта. И оттого не видно в нем и желания, не видно и помысла поблагодарить Бога за хороший урожай нивы. Многие ли и в наше время благословляемые обилием нивы или успехами торговли, благодарят Господа – подателя всех благ? О, братия! остерегитесь, неблагодарную ниву поражают гневом проклятия.

Хозяин нивы был богатый человек. От кого, как не от Господа, получил он богатство? Бог так благ к нему, что и еще умножает богатство его, посылает обильный урожай на ниву его. Для чего все это, если не для того, чтобы обилием благости смягчить жестокое сердце богача, возбудить в нем чувства благодарности к милостям незаслуженным, пробудить сокрушение о грехах, призывающих гнев Божий? И – богач остается без внимания к благости Божией.

И мысляше в себе. О чем бы, казалось, много думать богачу при счастливом урожае? О чем заботиться? Хлеба у него много, как видит и сам он; всевозможные нужды его дома могут быть удовлетворены, даже и при будущем неурожае, житницы его полны; а они построены, конечно, так, что вмещают далеко не менее того, что нужно для богача. О чем же думать ему? Над чем задумываться? Если хлеба более, чем нужно для богача, то долг ли раздать не нужное беднякам? И дело это легкое и оно же избавит от ненужного, которое так тревожит богача. К тому же должен и богач платить долг души. Бедные – такие же люди, как и богач. Если жаль ему себя, как не пожалеть и бедняка? Ужели человеку не жаль человечества? Моисей велел оставлять для бедных снопы на поле, велел помогать бедному в его нуждах. Все мы – дети одного Отца небесного. Если богач безжалостен к бедняку, то он оскорбляет не одного брата, а

вместе и общего Отца небесного. Между тем раздача ненужного сколько доставит радостей нуждающимся! Как они будут благодарны богачу! Ясное дело – отдать бедным не нужное не только легко, но и очень приятно и спасительно для души. Но – святые, покоящие мысли, святые желания далеки от души богача, изгнаны из нее суетными заботами. Он в задумчивости. Он мучится. Бедный богач! он мучился и тогда, как у него мало было хлеба, мучится и теперь, когда его слишком много; он мучился на счет возможности неурожая, мучится и при самом счастливом урожае. Не ясно ли, что покой души, счастье жизни, вовсе не зависит от того, мало ли или много кто имеет благ земных?

И мысляще в себе, глаголя, что сотворю, яко не имам, где собрати плодов моих?

Вот чем занят богач! У него много лишнего, не нужного для него, но и с тем не хочет он расстаться; он хочет собирать больше и больше. Житницы его полны, и он в заботе о том, куда собрать лишний хлеб? это человек *богатяйся удержанием и скупостью* (Сир.11:16). Он собирает и не нужное ему лишь бы собирать. Какая жалкая жадность – жадность ненужного!

Се сотворю, раззорю житницы моя и больша сих созижду, вот что выдумал надумавшийся богач! Разорять житницы для него мудрость! Строить новые, чтобы запереть в них не нужное, – счастливая находка ума! Подлинно стоило, о чем подумать!

И соберу ту вся жита моя и благая моя.

Несчастный! Он уже прямо, он уже без стыда называет богатство полей своею собственностью, а не даром Божиим. Жита моя говорит, благая моя, а не даяние Божие. Какая наглая неблагодарность пред Подателем благ! Богач, конечно, слышал слова премудрого, *богатство и нищета от Господа суть* (Сир.11:14). Он, конечно, слышал и слова пророка, *еда хитростью твоею или смыслом твоим сотворил еси себе силу и притяжал еси сребро и злато в сокровищах твоих?* (Иез.28:4). Но гордый тем, что удалось ему получить в свои руки, он забыл Того, от Кого получил все.

Соберу ту вся благая моя. Плоды полей – вот в чем благая скупца. Другого блага он уже не знает. Здесь *вся благая моя*,

говорит он с восторгом, смотря на сокровища житниц! О! до какого унижения дошла эта несчастная душа! Вечность и вечные блага пренебрежены; дары благодати отвергнуты; нужды бессмертной души брошены без внимания. Что будет с этою душою, по ту сторону гроба, куда не перейдут её тленные сокровища, а из нетленных благ у нее нет ни нитки и есть только нечестие сердца?

И реку душе моей, душе, имаши многа блага, лежаща на лета многа, – почивай, яждь, пей и веселися.

Что ни слово то улика в бессмыслии, что ни шаг, то шаг вперед на пути безумия! И реку душе моей – с рассуждением ли здравым? Посмотрим. *Имаши блага* – как будто и точно *имаши*, будто и точно властелин их? *Имаши блага многа, лежаща*, кто ж уверил тебя, что не поднимет их на воздух буря или огонь, не расхитят воры? *Лежаща на лета многа*, а долгие годы куплены тобою? Они – неотъемлемая твоя собственность? *Реку душе, почивай*. Значит, она бедная дотоле не знала покоя? Значит, дотоле она только страдала? Отчего же? Что мешало её покою? Жадность корысти! Но полно, прекратится ли эта жажда? Бедняк сам чувствует, что покоя не будет, и потому-то заставляет душу быть покойною, – будь покойна, говорит. О! не заставить ему души быть покойною при жизни столько несогласной с её вечными потребностями. *Реку душе, яждь, пей, веселися*. Как? – Душа может есть и пить? Это слова чистого бессмыслия! И какого еще бессмыслия! *Душе, яждь, пей, веселися*, не слова ли это безбожного бессмыслия, для которого нет ни вечности, ни суда за гробом? *Дух наш разливается, яко мягкий воздух. Приидите убо насладимся настоящих благих. Везде оставим знамение веселия, яко сия есть чаша наша* (Прем.2:3, 6, 9). Вот как рассуждает наконец богач! Вот до чего довела его страсть к земным благам! Сперва забывал он о Боге и о нуждах бессмертной души. Теперь он потерял и веру в Бога и веру в жизнь загробную! Он уже живет только жизнью бессловесною. Какое ужасное состояние?

Рече же ему Бог, безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал еси, кому будут?

Рече же ему Бог, безумне! Безумный богач потерял из вида права Божии на его душу. Но правда Божия не теряет прав своих на нее. Правда Божия громко требует от души отчета, так что слышит голос её и безумие.

Безумне! в сию ночь душу твою истяжут от тебе. Что богач дошел до безумия, – это уже мы видели. Безумие его приняло огромные размеры. Раскрывать пред ним все безумие его – ненужный труд. Довольно указать на ту сторону безумия его, которая близка быть может и к его взору. Он говорил, что много годов будет он жить и наслаждаться благами. Но вот смерть, которой он вовсе не ждал, говорит ему, что бессмысленно обещал он себе долгие годы. *Безумне! в сию ночь душу твою истяжут от тебе.* Вот смерть, которой ты не ждал и смерть такая, о какой ты не думал. Вот потребуют души твоей не зовом любви кроткой; но волею строгой правды Божией, голосом мощного Владыки и грозного Судии твоего, так давно тобою забытого. У Него, у Господа неба и земли, есть на то слуги; они душу твою истяжут от тебе. Ты дотоле не знал или не думал о них, но они знают свое дело и не забывают его. Об ангелах смертоносных знал еще мудрый друг Иова (Иов.33:23). Слушатели мои! жизнь загробная в последнее время растления не только забыта была нечестивым богачом, но она была осмеяна, отвергнута, как мечта. Но пред взором смерти грозной загробный мир открывается душе с поразительной ясностью, она видит теперь то, о чем прежде не думала, чему не хотела верить, видит не только ожидающую ее вечность, но и мир духов, принадлежащих к миру вечности. И все это лишь к ужасу нечестивого.

Безумне, в сию ночь душу твою истяжут от тебе, а яже уготовал если, кому будут? Какая резкая улика в безумии богача! Он собирал богатство для себя; собирал целую жизнь и с такими мучительными тревогами; собирал, чтобы наконец насладиться плодами трудов своих. А вот смерть является к нему в те минуты, когда только что думал наслаждаться благами. К чему же все труды жизни его? Что значат они теперь, как не дела бессмыслия? Кому достанутся богатства богача? Пророк давно вразумлял людей, *погибнут и оставят чуждым*

богатство свое (Пс.48:11). Даже мудрый Сирах говорил, собирая от души своея иным собирает и во благих его инии наслаются (Сир.14:4). Богачу не хотелось верить этому. Но теперь и против воли должен верить; милые блага его, дорогие для него сокровища – теперь уже не его. Теперь во благих его инии наслаются. Кто ж эти иные? Если это люди худые, распутные, как скоро исчезнут у них бережно хранившиеся сокровища богача! Как легко они оценятся ими! Если это будут люди довольно добрые, но отуманясь неожиданным счастьем испортятся им, еще хуже для неразумного богача. То ли было бы с богачом, если бы, следуя голосу любви, роздал он хотя бы часть сокровищ своих бедным? А теперь столько милые сокровища только мучат богача.

Тако собирали себе, а не в Бога богатея! Такова участь каждого собирающего себе, а не богатеющего в Боге, говорит в объяснение своей притчи Спаситель. Заметьте, слушатели, как изображает каждого корыстолюбца Спаситель! Собирали себе. Всю жизнь он только собирает себе, копит груды ненужного около себя, не пользуясь ничем для бессмертной души. Среди богатств, среди сокровищ мира душа его не имеет ничего, – она пуста и нага, томится голодом и жаждою. Корыстолюбец беден в душе, потому что не богатеет в Боге. Богатою быть может душа только тогда, как живет она в Боге, богатея день от дня и благодатью и добрыми делами (1Тим.6:18); когда по заповедям Божиим любить она ближнего как себя, а всего более Бога и все, что ни делает, делает для славы Божией, тогда она цветет как древо при потоке вод. После того вполне понятно, что каждый корыстолюбец истлеет, погибнет, как безумный богач.

Слушатели мои! будем твердо помнить наставление Спасителя об опасности пристрастия к земному. Будем сильно беречься сего злого духа. Если, стоя на молитве, если, стоя в храме Божиим, вы думаете о доме, о хозяйстве, или о ходе торговли, остерегитесь – дух корысти, если не завел, то хочет он завести гнездо в душе вашей; поспешите прогнать от себя злого духа силою наставления Спасителя. Если мольбы нищего о помощи не довольно трогают душу вашу, не заставляют охотно подать ему ненужное для вас, содрогнитесь

душою, пагубный дух корысти хочет осилить сердце ваше, а беда страшная, если осилит.

Благодать Господа Иисуса Христа да будет со всеми нами.
Аминь.

1857 год.

Харьков.

Беседа в неделю 27-ю

На Лк.13:10–17.

В ныне чтенном евангелии представляется нам исцеление одной несчастной женщины. Исцеление замечательное по болезни и по действию исцеления и особенно по последствиям исцеления.

Бе же уча во едином от сонмищ в субботу. И се жена бе имущи дух недужен лет осмнадесят, и бе слуга и не могущи восклонитися отнюд (Лк.13:10–11).

Какое жалкое состояние бедной больной! Она была слуга – скорчена и никак не могла подняться, чтобы стоять прямо. Потому не могла ни прямо ходить, ни свободно лежать; не могла видеть в лице никого из проходящих, пригнутая к земле. Сколько насмешек легкомыслия должна была она перекосить за свое положение! Сколько других неприятностей! И целые 18 лет оставалась она в таком положении. Конечно, не было без того, чтобы не пыталась она помочь себе средствами врачебными. Но положение её не изменялось. Болезнь её была особенного рода, которой не облегчают человеческие лекарства. Она была «одержима недугом от духа», говорит евангелист. Её «связал сатана», свидетельствует Господь (Лк.13:17). За что же это так? Не в наказание ли за грехи? Но Спаситель, исцеляя ее, не сказал, *отпускаются тебе грехи*, как говорил Он при исцелении страдавших от грехов; Он сказал только, ты свободна от недуга твоего. Он даже называет ее дщерию Авраама и, конечно, не по одному плотскому происхождению от Авраама, а по качествам души её. Самые те, которые не мирно смотрели на её исцеление, не сказали ничего не выгодного о её жизни; а эти праведники не преминули бы выставить на показ всем пятна её жизни, если бы они были. Не оставьте без внимания и того, слушатели, что Спаситель нашел ее в синагоге слушающею субботнее богослужение. Значит, при всем страдальческом состоянии, она усердно посвящала день субботний молитве и слушанию слова Божия. Так, нет сомнения, что эта больная телом не была больна какою-либо

душевною страстью, и, следовательно, болезнь её не была казнью за грехи. И, однако, она была связана сатаною целые 18 лет! Как объяснить положение её? Положение её – положение Иова. За грехи ли Иова Господь дозволил сатане поразить Иова и страшною болезнью и рядом разных бед? Нет, в сатана не смел указать в Иове какие-либо тяжкие грехи. Он только говорил, будто Иов благочестив оттого, что счастлив; пусть, говорил он, позволено будет испытать его несчастьями, – тогда увидят, будет ли он благословлять Бога? И Господь дозволил испытать раба своего к его славе. Таково же было положение жены, страдавшей от духа. Тяжкая болезнь послана ей только для испытания любви её к Богу, для того чтобы скорбями усовершенствовалась душа её, возросла и укрепилась в добродетелях. И она терпеливо несла испытание целые 18 лет. Блаженная дочь Авраамова! Слушатели мои! нам нередко случается видеть больных разного рода, как и других несчастных. Остережемся произносить укорительный суд над их жизнью. Быть может неприятный на вид страдалец, мимо которого мы проходим с презрением, есть избранный любимец неба и тайно за нас молится. Ни в каком случае не ошибемся мы в отношении к несчастным только тогда, когда с смирением в сердце и с участием любви искренней будем смотреть на несчастных.

Видев же ю (больную), Иисус пригласи и рече ей: жено, отпущена еси от недуга твоего. И возложи на ню руце, абие прострися.

Сколько любви в Спасителе нашем! Едва увидел Он страждущую, как первый взгляд Его на нее был взгляд любви сострадательной; Он сказал, чтобы больная подошла к небесному врачу. «Бедная жена! говорит Он ей, ты освобождаешься от недуга твоего». Какая величественная простота в действии Всемошного! Это слова Слова Творческого. «И возложил на нее руки. И она тотчас выпрямилась». Для чего, думаете, нужно было возложение рук на больную? Что оно значило? Слово Сына Божия само по себе – слово могущественное. Но для того, чтобы мирно перешло действие Его на больную, надобно было принять это действие тихою

верой болящей; а действие слова для кроткой души было грозно и принятие его затруднялось трепетом души. Потому-то Господь присоединяет к действию силы действие любви Своей – возлагает руки на больную. Тогда-то, а не вслед за словом Всемошного, выпрямилась страждущая. Любовь вечная и начинается, и оканчивает свое дело любовью.

И славляше Бога. Отвечав же старейшина собору, негодуя, зане в субботу исцели ю Иисус, глаголаше народу, шесть дний есть, в няже достоит делити, в тые убо приходяще целитесь, а не в день субботний.

Вот одно и тоже дело Спасителя – исцеление больной одною душою принимается с благоговейною признательностью, а начальником синагоги – с негодованием. Станные сердца человеческие!

И славляше Бога исцеленная жена. И как было не славить Бога? Дело, совершившееся над нею, было дело Божие. Та, которая 18 лет страдала болезнью неизлечимую, исцелена одним словом, не дело ли это Всесильного? Не посещение ли благодати небесной? Кто бы не упрекнул исцеленную, если бы осталась она не признательною к неожиданному благодетелю Божию? Исцеленная была благодарна, она славил Господа вслух всех. Она славил Спасителя своего и в синагоге, хотя знала, как синагога неприязненна к Иисусу. Такова искренняя благодарность!

Но старейшина синагоги – в сильном негодовании. Он, как показывает, оскорблен тем, что больная исцелена в субботу. Нарушен покой субботы! И где же! В синагоге, где он начальник, в синагоге – пред его глазами! Можно ли ему стерпеть это? Он обращается с наставлением к народу. Но почему не обращается он с обличением к Иисусу? Если покой субботы нарушен исцелением, то нарушил его Врач; с Ним и имей дело. Совесть прямая, совесть чистая, говорит о вине прямо самому виновному. А начальник синагоги говорит об ошибке Иисуса в чужие уши. Видно, ревнитель правды чувствовал, что совесть его не чиста. И смотрите, как странно наставление его народу. Он повторяет слова закона о субботе верно (Исх.20:3,10). Но как прилагает их к своему делу! *В тья дни, говорит,*

приходяще целитесь, а не в субботу. Что это значит? Больные должны оставаться дома в субботу? Они не должны быть в синагоге для слушания закона? За что такая немилость к больным? В тые дни приходяще целитесь. Но разве от воли больного зависит быть исцеленным во второй или четвертый день недели? И если больной исцелился в субботу, по заповеди учителя синагоги он должен говорить, нет, я еще не исцелен, только завтра могу я славить Бога. Нельзя не сказать, что иудейский учитель говорит бессмыслицу. Жалко!

Отвеща ему Господь и рече, лицемере, кождо вас в субботу не отрешает ли своего вола или осла от яслей и шед напаяет? Сию же дочь Авраамову, юже связа сатана се осмоенадесято лето, не достояние ли разрешиться ей от юзы сея в день субботний?

Спаситель обличает защитника покоя субботнего его собственными поступками. Если, говорит, закон о субботе не мешает вам оказывать сострадание скоту, позволяет поить в субботу осла или вола, когда те томятся жаждою, не следовало ли оказать сострадание больной женщине, которую 18 лет мучит сатана? Заметьте, слушатели, что Спасителю никто не говорил, как давно страдает больная; а Он говорит о том с такою определенностью, «вот семнадцать лет тому, как связал ее сатана». Он знает и необыкновенное происхождение её болезни – «ее связал сатана». Так народ, вслух которого говорено было обличение ревнителям закона, должен был признать в Иисусе и великого чудотворца и дивного прозорливца, от которого не сокрыто прошедшее и пред которым открыт мир духов.

И сия ему глаголющу, стыдяхуся вси противляющиеся Ему, и вси людии радовахуся о всех славных, бывающих от Него.

А народ – люди простые сердцем и искренние в благочестии принимали учение Спасителя открытым сердцем и радовались торжеству Его, Самые врага Иисуса стыдились своей неправды, чувствуя непреодолимую силу слов Его, но надолго ли?

Обратимся еще раз к начальнику синагоги. *Лицемере!* говорит ему Иисус. За что такое название? Он ревновал о

законе, о славе Божией. Пусть он ошибался, неправильно понимал закон о субботе. Но за ошибку смысла довольно было сказать ему, ты, друг, ошибаешься. За что же он лицемер? Видите, слушатели, Господь сердцеведец. Ему видно было, что происходило в душе начальника синагоги? Там скрывалось зло, как и у людей подобных ему. Начальник синагоги досадовал не за субботу, а за себя; ему горько было, что за величию Иисуса, не видно было имя его – учителя иудейского; под ревностью его о законе скрывалась зависть к славе назорейского Учителя. Как нередко бывает тоже и между нами! Как и начальник синагоги, иной выходит из себя, указывая на ошибки другого. Как, говорит, терпеть подобные дела? Это – вопиющая несправедливость! Это – соблазн! И иные, слушая, думают, какой благородный человек! как он смело защищает правду! Но – на деле наш защитник честности стоять не за честность, а за себя; он хлопочет о своем имени. Бедный, он и сам не видит, что у него в душе; а если подчас и заметит, закрывает глаза, чтобы открыть их на приятное для самолюбия. О! Зачем оскверняют правду нечестием сердца? Зачем неволят душу, заставляя ее служить греху под личиною добра? Как портят, как губят тем душу! Могут дойти до того, что она совсем потеряет вкус к правде и станет принимать за правду только то, что угодно той или другой страсти. Зависть – самое тонкое и самое тревожное самолюбие. Сколько разливает она яда вокруг себя! Сколько погибели строит другим! Не понимая себя, не понимая тайных движений своей души грешной, преследуют дарования полезные для общества, чернят поступки благородных сердец, гонят невинного, и иногда до того, что тот, истомленный душою, ложится в могилу. Не понимают, что в их мнимой ровности – брань с добром и истиною, и, следовательно, брань с Богом, источником истины и добра. Ты, который так негодуешь на неправды других, осмотришь, не больше ли ты стоишь негодования других? Осмотришь, не должен ли ты сказать о себе, *лицемере!* Название – неприятное, но поверь, оно полезное лекарство больной душе твоей; принимай его чаще, повторяй себе о себе, *лицемере!* Тогда не будешь ты увлекаться тщеславием и завистью, чтобы оскорблять невинность. Тогда и

при встрече с действительными ошибками другого, ты или покроешь их молчанием снисходительным, или скажешь несколько слов нужных с любовью кроткою, с участием осмотрительным. Тогда не только не станешь стоять за себя при защите правды, но для правды охотно потерпишь неприятное.

Господи! охраняй сердца наши от завистливого самолюбия. Пусть как струны стройной псалтыри поют они хвалу дивным делам Твоим. Аминь.

1856 год.

Харьков.

Слово в неделю 28-ю

И начаша вкупе отрицатися вси (Лк.14:18).

В притче о гостях, *званных на вечерю велию*, Господь Иисус показал, в каком расположении были иудеи к царствию Божию, открывшемуся с явлением на земле Сына Божия. Богатые люди, старейшины народа, учителя закона, которые должны были служить примером добра для других, отказались вступить в царство благодати. Царствие Христово было царство не мирское; а их сердца привязаны были к земле. В ответ на звание небесное один говорил, «я купил поле, мне нужно осмотреть его»; «а я купил пять пар волов, мне некогда», отвечал другой. Иные увлекались ветренностью мирскою и не слушали благовестия, «я взял за себя жену» говорил представитель их. Печальное положение! Нельзя сказать, чтобы все эти люди не сознавали своего долга, и не признавали важности нового звания. Нет, указавшие на покупку поля и волов говорили, «извини нас пред господином; чувствуем, что надобно бы идти, – но мешают дела». Это еще более жалко. Сознают долг и не выполняют его.

Вечеря Божия готова и для нас, слушатели. И нас приглашают к ней слуги Сына Божия. Господь так любит бедных людей, что не престанет приглашать их на вечерю Свою до скончания мира. Но – не отвечают ли и ныне одними отговорками на звание Божие? К сожалению, многие, признавая святость, благочестия, сознавая долг свой пред Богом, пренебрегают благочестием под разными предлогами, отрекаются от него, каждый по-своему. Каковы же отговорки нашего времени от звания Божия?

«Мы не прочь от христианского благочестия, говорят одни, но заботы по хозяйству, по торговле, по службе отнимают у нас все время, нам некогда заниматься благочестием».

Не трудно заметить, что эти отговорки очень похожи на отговорки, слышанные в притче. Так говорят, «я купил поле, мне нужно осмотреть его; а я купил пять пар волов, мне некогда». И,

однако, думают, что с отговорками нашего времени могут попасть в царствие небесное?

Занятия торговли, хозяйства, службы сами по себе занятия законные, и, следовательно, сами по себе они не могут мешать благочестию. Выполняйте их с страхом Божиим, с мыслями о суде и вечности, выполняйте без зависти и гнева, без обманов и лжи и – они будут благочестивы. Занимайтесь ими столько, сколько позволяет мысль о первом и важнейшем долге вашем, – о долге Богу, прекращайте их, когда зовут вас на служение Богу и идите служить Богу, тогда занятия звания и дома будут святы. «Мы подавлены нуждами», говорите вы. Но кто подавляет вас ими, как не вы сами? Кто снял с вас нужду служить Богу и возложил на плечи вам нужды служить только по дому или торговле? Разве не сказал вам Сам Господь, *ищите прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам?* (Мф.6:33). Вы озабочены покоем домашних, успехом по службе, счастьем торговли? Но не сказано ли вам, если станете искать царствия Божия, спасения душевного, то все прочее приложится вам? Это не обещания человеческие, так обманчивые; это обещание Божие; а Бог разве не может, или не захочет исполнить то, что обещал? Но вы, не доверяя Богу, принимаете на себя заботы о всем – и что из того выходит? И отнимаете время у благочестия и ловите ветер, плоды незаконных трудов ваших гибнуть в ваших глазах, или проматываются детьми вашими. Нет, не заботы законные мешают благочестию, а незаконная заботливость, не знающая меры. Кто приучил себя располагать временем и трудами согласно с заповедями Божиими, а желаниям сердца полагает меру евангельскую, у того довольно времени для благочестия. В покойном уповании на Того, Кто дает пищу и птицам небесным (Мф.17:26–30), он не мучит себя заботами о земном. Приобретает трудами нужное для жизни, но плоды трудов своих не только не называет малыми, а уделяет из них часть нуждающимся. Напротив, жадность к благам временным всегда недовольна. Дают ей нужное? Не знает покоя, чтобы приобрести больше. Посылается более, чем нужно? Строит здания, чтобы запереть в них все в пищу тлению. Привязавшись к земному, не

думают ни о чем, не тревожатся ничем, не любят ничего, кроме земли. Жена, торговля, отличия – вот все их сокровище; тут же и сердце их. Жалуются на недостаток времени? А в чем проводят время? Встают, убираются, гуляют, едят, осмеивают, злословят, передают друг другу нечистоты.

О! зачем клеветать на веру Христову, будто она, предписывая благочестие людям должностным и семейным, требует от них невозможного? Если были люди семейные и должностные, которые угодили Богу благочестием своим, ясно, что не требуют ни от кого невозможного, требуя благочестия. Ты ремесленник и имеешь на своем попечении семью? Иосиф был плотником; но удостоился быть обручником пресвятой Девы и стал в лике святых за свою праведную и богобоязненную жизнь. Ты богат? Но едва ли богаче Авраама или Иова? Будь же по примеру их ласков к странникам, корми сирот и вдов, помогай несчастным и – твои богатства отворят тебе вход в небесные жилища Авраама. Ты судия? Самуил был судьей целого народа Израильского и, когда, слагая с себя звание судьи, вызывал всех, чтобы сказали, не обидел ли он кого-нибудь, то все благословили за него Господа. Вот пример, как можно быть судьей приятным для Господа и людей!

«Я женился и потому не могу прийти», говорил третий званный на вечерю, и не счел нужным даже попросить извинения. Такова молодость ветренная!

«Молодость, говорят, любит повеселиться; зачем отказывать ей в том? Она успеет помолиться. Мы – люди светские, говорят другие под стать молодости; нас свет осудил бы, если бы пошли мы в храм; нельзя идти против общего мнения».

Если молодость – легкомысленна, это не значит, что она права. Но если и зрелость мужеская идет вслед за молодым легкомыслием, это – жалко.

Христиане стыдятся быть христианами? Можно ли ожидать сего? Или понимают ли, чего стыдятся? Обыкновенно стыдятся нечистого, низкого, презренного. Итак, понимают ли, что, стыдясь быть благочестивыми, показывают тем, что признают благочестие христианское за низость, за предмет презрения?

Какое страшное нечестие в христианине против христианства! Стыдятся поклонятся Творцу неба и земли? Стыдятся с ликами ангелов славословить Бога, с херувимами благоговейно стоять пред страшными тайнами Христовыми? Стыдятся быть в собрании последователей Христовых и в общении с небожителями? Стыдятся ограждать себя крестом Господа Иисуса, тем крестом, который составляет силу и славу христиан? Стыдятся поведения христианского, без которого жизнь на земле – мрак и гниение, а по смерти – мука? Что же после того остается для них почетно и достойно уважения? Ужели жизнь распутства языческого? О! люди, любящие считать себя образованными! Не хотите ли вы любить и хвалить жизнь бессловесной дикости, когда стыдитесь жизни разумной?

«Нас осудят за набожность», говорят. Кто осудит? Если евангелие Христово тебя одобряет, то никто из тех, у кого ум и сердце на месте, не осудит тебя; напротив радоваться будут пред Господом за твою жизнь, достойную человека и христианина. Кто ж тебя осудит? Если осудят поклонники суеты, люди, которых жизнь – оскорбление здравому смыслу и бесчестие имени человека, ужели ты можешь по совести дорожить судом их? Осмотрись, чего не осуждают эти люди? Когда ветреность проводит ночь за картами и проигрывает последнее достояние жены и детей, они не осуждают. Они не осуждают и в себе ни мотовства, ни глупого тщеславия. И жизнь нетрезвая и жизнь нечистая и жизнь обманов и плутовства много, много, если вызовет на их уста улыбку; но никак не презрение, никак не отвращение, никак не скорбь глубокую, напротив они сами делят эту жизнь. И ты можешь по совести дорожить судом таких людей? И ты можешь считать себя христианином, дорожа судом подобных людей? О! вспомни грозный приговор Господа, *уже аще постыдится Мене и моих словес в роде сем прелюбодейнем и грешнем, и Сын человеческий постыдится ею, егда приидет во славе Отца Своего со ангелы святыми* (Мк.8:38). Нет сомнения, люди, дышащие миром, сочтут в тебе за преступление и то, что ты будешь жить не по их правилам, не по правилам мира грешного, а по правилам Христовым. Им будет очень не по сердцу, что

твои поступки не будут походить на их поступки; твоя жизнь без слов будет обличать их беспорядочную жизнь и будет служить укором для совести их. Но ужели любовь людей, кто бы они ни были, должна быть для тебя дороже благоволения Божия? Ужели ты захочешь пренебрегать волею Божией, заповедями Христовыми, чтобы только не терпеть неприятностей от людей, хотя бы близких к твоему сердцу? Кого тебе надобно слушаться более людей, или Бога?

«Все же, говоришь ты, лучше жить так, как живут многие. Зачем идти наперекор всех?» Если дорого тебе вечное спасение твое, то, как ни больно, а надобно идти наперекор миру легкомысленному. Путь, по которому идут толпы миролюбцев, ведет в ад; а путь к царствию небесному – путь узкий и по нем идут не многие. Это сказал нам сам Господь, Которого каждое слово – ей и аминь. Много званых, а мало избранных, говорил Он и в заключение притча своей о званых. Надобно следовать примеру не многих, а святых. Когда люди благочестивые не уклонялись от общения с миром грешным? Ной отделился от нечестивых современников. Авраам оставил отечественную землю и во всю остальную жизнь был странником. Лот убежал из Содома. Скажут, ныне – времена христианства? Но дух мира и ныне – тот же, что был при Аврааме и Лоте; он изменил только кое-что в одежде своей. Ныне нет поклонения идолам, *но похоть очес, похоть плоти и гордость житейская*, создавшие и умножавшие идолов, заведуют миром по-прежнему. О! оставь многих. Что тебе за дело до них? Многие не спасут тебя от суда за твою жизнь. Каждый сам за себя будет отвечать там. Благодарю Господа, если Он помогает тебе исправлять больную твою душу. Если многие живут худо, ад просторен. Бойся, чтобы не попасть и тебе туда.

«Жена, говорят, молодая; как отказать ей и себе в удовольствиях?»

Ах! любовь супругов – дело святое, но выше всего – любовь к Господу. Бессмертная душа создана не для жены, а для Господа. Не жена, а Господь – все для нас – и Творец и Промыслитель и Спаситель и Судия. Прежде всего и больше

всего должны мы любить Господа. Кто всем сердцем любит что-либо кроме Бога, тот тяжко грешит, тот отвечать будет за то страданиями вечности. Иному быть нельзя.

Ныне считают за правило распалять плотскую любовь романами; легкие книги – приятные книги, говорят.

Пагубное легкомыслие! Не понимают, что плотская любовь – открытый враг любви к Господу, не понимают, что эта любовь, так деятельно питаемая и разжигаемая – враг и здоровья души нашей и связи супружеской и общественного блага; не понимают, что приятное для них питье – яд.

Молодость говорит: «придет старость, – успею помолиться. Молодость любит веселиться. Зачем ей в том отказывать?»

О! юность! – юность! понимаешь ли ты, чего ты хочешь? Ты хочешь принести Богу только изможденную летами и страстями старость? Ты хочешь душу чистую, живую, непорочную отдать греху, а душой – измаранною в грязи жизни, охладевшею, обессиленную думаешь жертвовать Богу? Тело непорочное и с силами юными, по-твоему, должно принадлежать греху, а дряхлое и болезненное, совсем не способное к трудам – часть Божия? Умно ли ты рассуждаешь?

Кто тебе сказал, что закон Божий писан только для стариков? Кто тебе сказал, что жить духом, а не плотью, человечески, а не скотски, – прилично только старости? Чего ты желаешь? Ты хочешь отдаться на волю страстям? Что с тобою будет? И телесный организм твой расстроится и душою ты ни к чему не будешь способен. Что вносят в семьи и общество юноши своевольные, увлекаемые страстями? Неповиновение, дерзости, оскорбления, неисправность во всем, нетерпимое расстройство всякого порядка? Что они для церкви? Дети почти погибшие, для которых потеряны труды её без пользы; о них плачет она, плачут ангелы. Напротив, отечество увидит в тебе слугу полезного, семья – отраду и честь, ты сам – покой и довольство, небо – милый ему дух чистый, когда с юности ты будешь воспитывать в себе благочестие.

И как легко учиться благочестью в твоём возрасте! Воля твоя – гибка; долго ли дать ей направление ко всему благородному и высокому? Сердце твое – нежно, как воск; на

нем без усилия напечатлеются наставления страха Божия. Душа – живая, неиспорченная правилами света; – как она восприимчива для прекрасных правил и истин святой веры!

«Успею, будет еще время», говоришь ты. О! нет, не будет того прекрасного времени, которое теперь в твоём распоряжении. Тяжело под старость учиться благочестью. Грешные расположения не проходят, а растут с годами; худые привычки застаревают в душе; страсти, воспитанные в юности, срастаются с сердцем. Грех – горный поток, который чем далее бежит, тем более увеличивается. *Благо юноше, аще возмет ярем в юности его.* Да и кто тебя уверил, что доживешь ты до старости, чтобы каяться в грехах молодости? Слово Божие учит нас, да опыт тоже говорит: *страх Господень прилагает дни, лета же нечестивым умаляются* (Прем.10:27).

Господь благодатью да утвердить в сердцах наших искреннюю решимость жить свято, до гроба. Аминь.

1857 год.

Харьков.

Беседа в неделю 30-ю

О богатом князе (Лк.18:18–29).

Для всех Спаситель наш был любовью; всех принимал к Себе, всех выслушивал, всем предлагал нужное для души; принимал с радостью добрых; утешал кротостью грешников; свободно подходили к Нему бедняк и дитя малое; не отвергал Он и богатых, искавших духовного богатства. Когда из Галилеи пришел Он в пределы иудейские, то приступили к Нему фарисеи с вопросами о разводе, и Он решил их вопросы; потом привели к Нему детей, и Он благословил их. Затем приступил к Нему некий князь, и Господь вступил с ним в беседу. Повествование о приеме сего человека тем более заслуживает внимания, что в евангелии чаще видим мы близ Иисуса бедняков, чем богачей.

И вопросы его некий князь, глаголя, учителю благий, что, сотворив живот вечный наследствую? так повествует св. Лука, и ниже замечает о сем князе, *бе богат зело*; а св. Матфей называет того же человека юношей. Итак, это человек замечательный, он и князь, и к тому же молодой человек, и еще же человек, весьма богатый, а спрашивает о том, *что сотворив, живот вечный наследствую?* Мы оскорбили бы свою совесть, если бы подумали, не с тем ли только предлагал князь важный вопрос, чтобы искусить Господа. Евангельская история ничем не дает нам права быть такими судьями князя. Напротив, св. Марк говорит, что князь с полною искренностью и благоговением подошел к Иисусу, *притек некий и поклонься на колени Ему, вопрошаше Его*. Ясно, что это не был человек легкомысленный; при всем том, что молодой и богатой князь – он занимается предметом важным и занимается с душевным участием, с благоговейным вниманием к важности предмета. Не правда ли, что на него с утешением можно указать не только старцам Израиля, но и христианам нашего времени? Подумайте; занимает ли нас всех, как его, важный вопрос, *что сотворю, да живот вечный наследствую?* Не проводят ли иные из нас целые дни в расчетах, как бы быть богаче? Не отнимает

ли сна у других забота, как бы стать выше другого ступенью? А между тем нам говорит евангелие, горе богатым! Нам известен суд на домогающихся первых мест в собраниях. Итак, не стыд ли нашему времени молодой богатый князь Израиля?

Рече же Иисус что мя глаголеши блага? Никто же благ, токмо един Бог. Молодой князь, хотя был добрый князь, хотя искренно искать нужного для души, но он не совсем еще отрешился от круга подобных себе, не был еще свободен и от мнений современных, по примеру большей части современников он видел в Иисусе только простого учителя и говорит языком светского человека, Учителю благий! И Спаситель обличает слова светской учтивости, если ты, говорил Господь, признаешь меня только за простого учителя; то зачем называешь Меня благим? Зачем и спрашиваешь Меня о том, что делать тебе, чтобы приобрести жизнь вечную? Никакой простой учитель не может знать, что может ввести тебя в царство? Еще менее может такой учитель называться благим, в Боге источник благодати и мудрости, – Он только один благ. Говоря это, Спаситель не отвергает того, что Сам Он, как Сын Божий, есть всеблагий; напротив Он приближает князя к сей самой мысли. Он как бы говорит ему, или не называй меня благим, когда считаешь Меня только за человека, или будь внимательнее ко Мне и не суди о Мне по примеру толпы. Вот урок для людей так называемого высшего тона! Они за правило считают осыпать людей названиями великолепными, встречать их словами, которые, по внутреннему сознанию их, вовсе не относятся к тем людям, но которые относят они к ним из так называемой учтивости, из приличия, из того, чтобы сказать приятное слово; льстят самолюбию и льстят с сознанием, и однако ж говорит, так надобно; – дают больной душе яд и говорят, так должно! Братия! совсем не так должно, за каждое праздное слово дадим мы ответь Господу; слова наши должны быть верны истине Божией, слову Божию.

Заповеди веси, говорит Спаситель юноше, не прелюбы твори, не убий, не укради, не лжесвидетельствуй, чти отца твоего и мать твою. Он же рече, вся сия сохраних от юности моя. Или, как полнее передает св. Матфей, аще ли

хощеши внити в живот, соблюди заповеди. Глагола ему, кие? Иисус же рече, еже не убиеши и т.д. Глагола Ему юноша, вся сия сохраних от юности моея; что есмь еще не dokonчал? (Мф.19:17–26). Иисус же, присовокупляет св. Марк, воззрев на нъ возлюби его (Мк.10:21). Добрый юноша делал добро и готов был делать добро. Лишь только Спаситель напоянул о заповедях, нужных для вечной жизни, лишь только сказал, аще ли хощеши внити в живот, соблюди заповеди, – он быстро спрашивает, какие? Смотря на дела свои со внешней их стороны, он думал, что исполнил заповеди, однако, предполагал, что для приближения к Богу, для высшего совершенства, для того чтобы войти в новое царство, нужен какой-либо подвиг более возвышенный, что есмь не dokonчил? Не видите ли, что у этого молодого человека не только много добрых дел, но есть и некоторое смирение, – начаток, собственно, духовной жизни? Он не только на пути спасения от вечной смерти, но и на пути к духовному совершенству, к царству Христову, хотя и не вступил еще в царство. Потому-то Господь взором любви показал ему Свое благоволение, Свою любовь. На вопрос его, какие заповеди нужны для жизни вечной, Господь отвечает, что это те заповеди, которые даны были на Синае. Молодой князь думал, что для вступления в новое царство едва ли нужны прежние заповеди. Но Господь ветхого и нового завета говорит, что как тогда – в Ветхом завете, так и в новое время, необходимо повиновение заповедям Божиим, в них выражена воля Божия для того, чтобы удостоиться блаженной вечности. Пусть закон дан для обуздания страстей Израиля, но разве христианин без страстей? Разве он не чувствует в себе другого закона, воющего в членах его, даже до гроба? А что нужно для того, чтобы стать наконец на степень совершенства высшего, чтобы облещись в полный образ Христов? Нужно наперед пройти многотрудный путь разных искушений; нужно укротить страсти повиновением заповедям, бичующим страсти. Истинно счастливы те, которые вместе с евангельским молодым князем могут сказать, что они от юности старались хранить заповеди. От них можно надеяться много в будущем – для высшего

совершенствования их. Но сколько между нами найдется подобных людей? Где между нами юность невинная? Где зрелый возраст без созревших пороков? Где старость, не одряхлевшая от грехов? Знают ли ныне дети, чувствуют ли в душе возрастные, что такое страх Божий? Изучают ли жизнью заповеди, поверяют ли по ним жизнь свою?

И рече ему, еще единого не dokonчал еси, вся, елика имаши, продаждь и раздай нищим, и имети имаши сокровище на небеси, и гряди во след Мене. Молодой князь потому, что исполнял заповеди, был достоин любви Спасителя. И однако, по суду Спасителя, ему еще не доставало одного, именно того, чтобы раздать имение нищим и идти вслед за Иисусом. Почему же Спаситель говорят, что князю не доставало для полного совершенства именно того, чтобы раздать имение? Ужели каждый, кто только имеет собственность, обладанием его лишается совершенства духовного? Как это понять? Как представить себе состояние юноши и требование Спасителя? Дело в том, что князь не только имел стяжания многа, но и любил стяжание; болезнь его духа, от которой не доставало ему совершенства, была та, что он пристрастен был к богатству. Иначе, он без сомнения исполнил бы требование Спасителя, доброты его достало бы для того, чтобы раздать имение беднякам; ибо он любил ближних. Итак, то, чего требует Спаситель от молодого князя, при всей частности, выражает такое всеобщее требование, отрекись любезного, дорогого сердцу твоему, ради Господа твоего. Не слишком ли много требует Господь? Ах! чего же не в праве требовать от нас Господь сердца нашего? Все ваше Ему принадлежит, Ему должно быть и посвящено. Иной скажет, «где мне взять сил для таких пожертвований? Я обессилен грехами. Но кто виноват, что обессилил ты себя грехами? *Будите совершенни, яко же Отец небесный совершен есть*, это всем сказано. И эта воля столько же блага, сколько справедлива, ибо чего лучшего желать человеку, как не того, чтобы он приближался в совершенствах к Господу своему? Пусть скорбит грешник, что лишился сил по своей заблудшей воле, но пусть знает и то, что права Божии на него от того не потеряны. Иное дело, что не от каждого Бог

особенным званием требует пожертвований особенных. Он, сердцеводец премудрый, всегда требует того, что нужно требовать, и что мог бы понести каждый, по состоянию духа. Так Он требует от юноши того именно, чего недоставало ему для полного совершенства, и что мог он выполнить, если бы преодолел себя. Чтобы облегчить ему подвиг, Господь предлагает ему и побуждение, сообразное с положением души его. Для молодого человека дорого было богатство. Господь не отнимает у него богатства, а только переносит его в безопасное место на небо, не разоряет его, а только переменяет для него сокровище тленное на нетленное. *И имети имаши сокровище на небеси. Гряди вслед Мене*, прибавил Спаситель. И это не новое требование, а прежнее; только представлено оно с другой стороны, и опять в облегчение юноше. Сняв худую одежду, нельзя же оставаться нагим; отказавшись от любимой вещи, естественно полюбить лучшую, для которой отказались той; отказавшись от себя самого, от своей воли, от своей страсти, остается идти вслед за Господом. Молодой князь, привыкши считать себя счастливым при богатстве, не знал еще, как быть довольным без богатства, Господь предлагает ему, что этому он научится из примера и учения Его. *Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой, и последует Ми* (Лк.9:23). То, что слышит князь, без сомнения, не слышал он ни от одного иудейского учителя, не читал ни у одного языческого мудреца. Так возвышенно учение Господа, хотя в месте с тем совершенно просто.

Он же слышав, прискорбен бысть, бе бо имея стяжания многа. Как это жалко! Один остался шаг к совершенству высшему, и добрый князь скорбит, не хочет сделать сего шага. Все заповеди хранил от юности, и не хочет исполнить одной, самой лучшей. Мысль что надобно лишиться всего стяжания, так, отяготила его, что не может он решиться на исполнение воли Господа.

Вот что значит, братия, страсти ваши! Пока не требуют от нас того, что дорого сердцу, мы кажемся себе и другим людьми добрыми, потребуй отречение от идола сердца, – ни шагу вперед; требуйте, чего хотите, только не отречения от любимого

предмета, тогда все сделают; но коснись идола души, совсем другое. Как больно смотреть на душу христианскую, душу, желающую себе добра, но которая запуталась в сеть страсти! *Сребролюбие есть идолослужение*, говорит апостол. И это истина очевидная. Но скажи о том сребролюбцу; тебя же обвинит он. Довольно с меня, скажет, я не пьяница, не обижаю другого, напротив – много делал для общей пользы, нес ту и другую должность; чего же еще хотят от меня! Вот почему так тяжки для нас бывают потери! Вот почему изнемогаем мы, посещаемые десницею Божией! Господь, знающий болезни наши, наши тайные страсти, которых иногда сами не замечаем в себе, отнимает у нас то, что питало ту или другую болезнь вашей души, что служило пищей страсти. Оставалось бы благодарить врача душ наших. Нет мы еще ропщем.

Видев же его Иисус прискорбна бывша, рече, како не удобь имущии богатство в царствие Божие внидут, удобее бо есть велбуду сквозь иглине уши проити, неже богату в царствие Божие внити. Спаситель говорит это не относительно участи доброго юноши; участь его неизвестна; может быть, скорбь его, его борьба с собою перешла в скорбь раскаяния, и он переменялся в жизни. Возрев Иисус, повествует св. Марк, *глагола, како неудобь* и т.д. (Мк.10:23), т.е. Господь обратил судящий взор свой на других с подобными же расположениями сердца, и сказал, что слишком трудно богатому войти в царствие Божие; более трудно, чем вельблуду пройти в иглиные уши. *Ученицы же ужасався о словесех Его.* Самые искренние ученики, поскольку еще не введены были благодатью Духа в тайны духовной жизни, были изумлены, даже уstraшены приговором Спасителя о богатых. Иисус же, *паки отвещав, глагола им, чада како не удобь уповающим на богатство в царствие Божие внити?* (Мк.10:24). Бог здесь; вместо слов, *имущий богатство*, сказано, *уповающим на богатство* трудно войти в царство. Итак, Спаситель говорит не просто о людях богатых, но о людях, уповающих на богатство, – о людях, которых все надежды, все радости заключены в богатстве. Да, можно иметь слишком не многое и однако ж быть в душе с желаниями многого; можно быть бедняком круглым и носить в

душе жажду к деньгам, опору жизни полагать только в деньгах и тогда скажут, как и богачу, трудно тебе войти в царство, так трудно, как вельблуду пройти в иглиные уши. Тем более, братия, легко, имея богатство, привязаться сердцем к богатству; редко богатые могут без скорби расставаться с богатством. Вспомните, кто были избранные ученики Господа? Бедные рыбаки. Кто были учениками апостолов? *Не мнози премудры по плоти, не мнози сильны, не мнози благородны*, свидетельствует апостол (1Кор.1:26). В рядах мучеников, добровольно отдавших жизнь свою за Господа, сколько видим мы богачей, сколько сильных именем и почестями? Не много! *А сеянное в тернии, се есть, слышай слово, и печаль века сего и леть богатства подавляет слово и без плода бывает* (Мф.13:22). Обольстительные выгоды богатства, печаль и заботы, какие влечет за собою богатство, подавляют в душе добрые желания. А сколько зла вносит в душу обаяющее богатство! Сколько несправедливостей делают для того, чтобы приобрести богатство! ложь и обман, зависть и ненависть сменяются в душе поочередно, а делам добрым нет ни места, ни времени. И чем больше приобретают, тем больше жаждут приобретать, а с тем вместе еще более отягчают душу грехами. Вот почему евангелист говорит просто, како не удобь имущий богатство в царствие Божие выйдут.

Реша же слышавший, то кто может спасен быти? Он же рече, невозможная у человек возможна суть у Бога. По словам евангелиста Матфея (Мф.19:25), вопрошали о том Господа апостолы, и св. Марк повествует: *ученицы же ужасохуся, они же излиха дивляхуся* (Мк.10:25–26). Что же заставляло апостолов ужасаться и вопрошать, кто может спасен быти? Апостолы были бедны; казалось бы, за себя страшиться им было нечего при грозном приговоре о богатых. Но апостолы думали, что, если вход в царствие так тесен; если для входа в него надобно отказаться от всего, трудно найти бедняка, который бы не имел чего-нибудь, что может помешать ему войти в царство; они утрастились мысли о великости пожертвований, которые надлежит делать для небесного царства, надобно отказаться от всего, помышляли они, как это тяжело, как это странно! Так

думали апостолы, пока умы и сердца их еще не очищены, не просвещены были Духом утешителем. *Воззрев на них Иисусу глагола.* Господь уразумел помышления их и кротким взором успокоил волнующиеся мысли. *Невозможное у человек возможна суть у Бога,* сказал Он. То, чего не в состоянии сделать по себе человек слабый, расстроенный грехом, ослабевший от привычек худых, то может совершать в нем сила Божия; он не может освободиться от слепоты духовной, чтобы ясно видеть грехи и немощи свои; не может преодолеть слабости воли своей, чтобы с полной верою вступить в подвиг самоотвержения и дойти до конца подвига. Кто бы ни был этот человек, богач ли или бедный, образованный ли или необразованный, для каждого невозможно самому собою достигнуть духовного совершенства. Но невозможное для человека возможно для Бога. Пусть немощный обратится с молитвою к Всесильному, и Всесильный по благости Своей подаст ему все; сила Божия укрепит его для борьбы с страстями. Пусть повергнет свои немощи пред Господом, в безнадее на себя самого; верен Бог – помощь будет послана. Господь с клятвою уверяет нас, что не хочет смерти грешника и готов подать все нужное для нашего спасения.

Братия! не забудем добрых свойств молодого князя, не забудем и того, до чего не допускало его богатство. Аминь.

1847 год.

Слово в неделю 81-ю на всенощном служении, против злословия

Не лжите друг на друга, совлекшеся
ветхого человека с деяньми его (Кол.3:9).

В свете считают за приятное занятие, за удовольствие невинное – поострить на счет другого, позлословить, посплетничать; и – тот, кто более других в состоянии злословить, считается более других приятным человеком. Но так ли смотрит на это занятие христиан христианское учение? Христиане! Надобно поверить учением христианским столько обыкновенное занятие многих.

Не хотелось бы говорить неприятное людям, которые любят слушать приятное для них. Но св. писание ни слова не говорит приятного о злословии. Оно изображает злословие красками самыми темными, как порок самый темный. Гортань злоречивых называет оно отверстым гробом (Пс.5:20); язык их – жаром змииным (Еккл.10:11); яд аспидов, говорит, под устнами их (Пс.139:4). *Износящие укоризну безумнейшии суть*, по суду Соломона (Притч.10:18). Апостол Павел помещает злословие между пороками самыми гнусными, каковы пьянство, воровство и другие (1Кор.6:3, 10). И он же учит, *не лжите друг на друга, совлекшеся ветхого человека с деяньми его* (Кол.3:9), т.е. убеждает не лгать друг на друга потому самому, что клевета и злословие – дело ветхого человека, чуждого благодати, или, как в другом месте говорит он о злословии, оно – дело язычника (Рим.1:30). *Не оклеветайте друга, братие, увещевает* ап. Иаков (Иак.4:4). *Не судите, да не судими будете*, говорит сам Спаситель; Он, как видите, угрожает судом грозного Судии за злословие.

Чтобы вполне понять и строгий суд писания о злословии и отношение злословия к чистому христианскому духу, обратим внимание на отношение злословия к христианской любви и справедливости.

Любовь – отличие христианства; любовь – необходимость христианина. Мирно ли, или враждебно злословие с любовью,

необходимую принадлежностью христианина? Приятное занятие многих также дружно с любовью, как вода с огнем. Любовь хочет делать другим только добро; а злословие? Любовь, повелевая любить других как себя, велит делать для них то самое, чего себе желаем, а злословие? Оно поступает совсем напротив.

Как изображает нам писание любовь христианскую? Любовь, говорит ап. Павел, терпелива, милосерда; любовь не завидует, не превозносится; она простодушна и не помнит зла; она не радуется ошибкам другого, не смеется над ними, а скорбит о них; она снисходительна, не осмеивает немощного брата, а жалеет о нем; она радуется в ближнем только истине и добру (1Кор.6:4–7); если хочет поправить ошибку другого, то говорит о ней другому в духе кротости, с участием нежным (Гал.6:1). Ап. Петр прибавляет, что любовь не только не обнаруживает слабостей другого, напротив старается скрыть их от взоров каждого, даже и от себя, под покров доброты, хотя и заботится обратить сбившегося с дороги на путь прямой (1Пет.4:8).

Так ли поступает злословие? Не говорим о грубом злословии. Оно слишком явно оскорбляет нежную любовь к ближнему, и слова, и тон, и приемы его так нагло обидны, дыша гневом неистовым. Такого злословия, конечно, не любят в свете благородном. Злословие, которое допускают люди образованные, на взгляд, очень любезно. Но по духу добрее ли оно грубого злословия? Увы! оно далеко злее его! наносит раны незаметно, но впускает в них яд самый жгучий (Пс.56:5). Оно бросает стрелы издали, но стрелы самые острые, пронзающие насквозь (Пс.58:8). Оно шутит и, шутя убивает покой и жизнь другого. Оно не столько говорит, сколько дает догадываться, но одно слово, одно движение, одна улыбка сильнее язвят, чем болтливая брань. Вы не верите; вы думаете, что светская любезность робка для того, чтобы быть слишком жестокою к другому. Остерегитесь. Там, где нужно, она очень отважно мешает ложь с истиною, догадки выдает за события, подозрения обращает в приговоры, смелою рукою изменяет действительность, разливая на все цвет черной души своей и –

покойно убивает честь и счастье другого. «Вы не можете представить себе, говорит любезный человек, как мне больно, что о том-то говорят то и то (а о нем еще никто другой не говорил худого); готов бы я все сделать, чтобы закрыть историю его; но – она уже гласна» (т.е. чрез него же) и начинает историю с тем, чтобы украсить ее новыми вымыслами, против того, как рассказана она прежде. Если нужно, любезный клеветник сперва опишет уважаемое лицо блистательными красками и потом бросит несколько теней, но с самым резким контрастом всему светлому. Это, что называется, украсить жертву цветами, чтобы потом заколоть. Сколько хитростей, сколько приемов, сколько изобретательности – и все для того только, чтобы нанести вред другому! Это ли не жестокость? Это ли не оскорбление любви христианской? И еще довольны своею любезностью, тогда как в ней также много любви христианской, как и в демоне. Други мои! что у кого на сердце, то льется и с языка. Если бы любовь жила в сердцах наших, то и язык наш был бы выражением любви. А в наших обществах о чем говорят? Только и разговоров, только и слов что рассказы, как тот дурно живет с женою, как та унижает себя бесстыдством; как тот или другой чиновник не способен к делам, или тот и другой начальник слеп, или как еще иной разорился на балы. Только и слышны там и здесь пересуды, насмешки, язвительные слова, коварные намеки, притворное сожаление. О! Боже мой! и это в обществе христианском, обществе, которое должно жить только любовью!

Христианская справедливость требует, чтобы не делали мы зла ближнему и запрещает замышлять против него что либо, чего себе не желаем; она требует от нас такой же правдивости, такой же верности слова делу, в отношениях наших к другому, какой желаем мы от других в отношении к себе; она требует не присвоят себе ничего чужого.

На сколько злословие верно справедливости? На столько же, на сколько и любви. Начнем с нрава говорить о другом худо. Кто дал нам власть над добрым именем брата? Пусть брат ошибся, пусть брат согрешил. Судья над ним Бог, дела его подлежат рассмотрению начальства. С чего берет на себя

непризванный судья судить и осуждать брата помимо суда законного? И на чем ты основал злые рассказы свои о другом? Так говорили другие! А если другие лгут, и тебе надобно лгать? Если другие лгут, тебе надлежало поверить слова их с действительностью, прежде чем повторять ложь. Но отчасти и сам я видел то, что говорю о другом. Друг мой! если ты не видал души брата, то ты можешь сатану темного принять за светлого ангела и наоборот. Ты справедлив, черня злословием брата? Вовсе нет. Справедливость требует от тебя не касаться доброго имени брата, так как требует она не касаться никакой собственности его. Как назвали бы тебя, когда бы похитил ты вещь, принадлежащую соседу? Вором? Не прогневайся же что назовут тебя этим именем, когда не стыдишься ты публично отнимать у ближнего его собственность – честь. В твоём злословии мужество оказывается дерзостью, кротость слабостью, набожность ханжеством, осторожность притворством, простодушие глупостью, справедливость жестокостью. И ты не думаешь, чтоб был несправедлив ты. О! Боже мой! как ослепляет людей страсть! Отчего это бывает, слушатели, что те, которые любят терзать злословием имя ближнего, очень не любят, вспыхивают гневом и негодованием, когда злословие касается их самих? Положим, что в нетерпеливости их, с какою принимают они раны злословия, участвует и самолюбие. Но – надобно быть справедливыми и к ним, они оскорбляются злословием и по чувству справедливости. Так собственный опыт их показывает им, что несправедливы и они к ближнему, когда дозволяют себе язвить его злословием. Пусть же, чтобы искреннее почувствовать несправедливость своих насмешек, ставить себя чаще под выстрелы насмешек над их слабостями. Пусть выслушивают, не давая места гневу, как станут обвинять их в дурных делах, о которых, они не думали, давать поступкам их значение, которого не соединяли они с ними. Тогда-то, сравнив свое положение с положением других, увидят, что надобно им умерить страсть свою к насмешкам, надобно признать несправедливость своего злословия. Заметьте, слушатели, еще черту злословия – трусость. Клеветник язвит обыкновенно

только отсутствующих, язвит в те минуты, когда, как видит, не будут отражать нападки его злости. Если наш остряк заметит, что в обществе есть друг, который не позволит ненаказанно чернить друга, или есть не друг лица, а добродетели, который не преминет заступиться за оскорбляемую невинность, клеветник – безмолвен, как рыба. Что это значит? Это – новая улика в его несправедливости. Он – низкий трус оттого, что только справедливость не боится ни врагов, ни друзей, и смело говорит об истине. Он несправедлив до того, что гнусен и сам чувствует свою гнусность.

Так злословие есть порок, потому что осуждается писанием оно есть порок, потому что оскорбляется им любовь христианская; оно есть порок, потому что оскорбляет справедливость. Но оно есть еще порок страшный, но пагубным действиям своим.

Мудрый сын Сирахов говорит, *язва бичная струпы творит, язва же язычная сокрушает кости. Мнози падоша острием меча, но не яко же падший языком (Сир.28:20–21)*. Ты, который не задумываясь даешь свободу злему языку твоему! подумал ли когда-нибудь, сколько бед и страданий наносишь ты людям, сколько слез горьких заставляешь лить? Там сдается горестью невинный, которого очернил ты в глазах его начальства, страдает целая семья, оставаясь без хлеба, оттого что питавший ее потерял должность, оклеветанный тобою. Здесь томится в бедности купец, которого лишил ты кредита; без дел и в нужде остается слуга, для которого твои наговоры и подозрения заперли вход во все дома. В другом месте молодая девица убита горестью, цвет девственной непорочности её завял в мнении света, сожженный жгучим языком твоим; а там без средств к жизни сидит достойный учитель, которого за строгость его к лени и порокам описал ты как человека злого и бездарного. Думаешь ли ты, несчастный, что небесное правосудие не видит того, чего не видит земное правосудие? Думаешь ли ты, что столько зол и несчастий, причиненных тобою, останутся без отмщения всевидящим Судиею? Ты здесь не видишь, а за гробом покажут тебе весь огромный объем бедствий, производимых злословием твоим. Ап. Иаков

сравнивает язык злого с огнем, который тем быстрее распространяется, чем более находит пищи и наконец опустошает целый лес. *Се мал огонь, говорит он, и коль великие вещи сожигает. И язык – огонь, лепота, скопище неправды* (Иак.3:5). Подлинно одно слово злое, молва, пущенная из одних ядовитых уст, переходя из дома в дом, из общества в общество, какие страшные следы оставляет за собою! Эти супруги связаны были узами нежной любви и взаимного доверия и утешались детьми своими, заботясь один пред другим о их покое и воспитании, а ядовитые наговоры людей услужливых образовали в сердцах их яд ненависти, они живут в соблазнительном разделении, дети без надзора отца, или матери, родные их дома – в тревогах и вражде. Эти братья, эти родственники, эти друзья, которые так искренно любили друг друга и своею любовью соединяли целые семейства в круги счастливые и довольные, теперь не только сами стали врагами друг другу, но несколько обществ явилось враждебных между собою. Отчего такое бедствие? Увы! несколько речей злого языка, долетевших к ним, произвели страшный пожар. Дафана и Авирона нет нужды до того, что от их злословия и клевет против правителей заграждается непокорность между подчиненными, останавливается ход дел общих, страдают тысячи невинных. *Страшен в граде своем муж язычен! Он возмает други и посреди мирных вложит клевету* (Сир.9:23, 28:11).

Други мои! пусть разговоры наши будут таковы, чтобы не отвечать нам за них муками в вечности. Аминь.

1856 год.

Харьков.

Слово в неделю 31-ю, против злословия

Не лжите друг на друга, совлекшеся
ветхого человека с деяньми его (Кол.3:9).

И еще хочу говорить с вами, возлюбленные, о злословии. Грех злословия так тяжек, что не скоро взвесишь тяжесть его. А между тем иные хотят извинять себя в этом грехе. В настоящем случае взвесим тяжесть злословия по его началам и рассмотрим извинения, которые выставляют, чтобы оправдать себя в злословии.

Если злословие по действиям своим, есть преступление тяжкое, то таково же оно и по началам своим.

Главный источник его испорченное самолюбие. поскольку же самолюбие является в нас в разных видах или в разных частных грехах, то и злословие является плодом то того, то другого вида самолюбия.

Гордость, первое отродье самолюбия, довольная собою, не довольна бывает, когда её мыслям является высший или равный, которого достоинства теснят и давят ее собою. Положение неприятное! Искреннее признание своих недостатков могло бы облегчить смущенную душу. Но гордость обращается к недостаткам другого и начинает потешаться вслух других на счет оскорбительного величия, сыплет насмешки и остроты, за недостатком действительных выдумывает ошибки и погрешности, выставляет в смешном виде даже благонамеренные поступки другого; словом изображает неприятного человека так, что другие смеются над бедною жертвою, а жрец доволен собою. Казалось бы, чем тут быть довольным? Тем ли, что у себя не чуют бревна, а указывают на сучок в глазу другого? Или тем, что сатанинскую гордость потешили в себе до того, что разродилась она злостью насмешек, оскорбительных для одного брата и соблазнительных для нескольких?

Страсть властвовать над другими также вооружается злословием и клеветою, когда видит, что другие готовы способностями своими приобрести власть, если не высшую, то

равную. Вспомните Амана. Он оклеветал целый народ пред царем и целый народ готов истребить, за то только, что Мардохей не хотел унижаться пред ним. О! как страсть плодovitа на всякие клеветы, на самые гнусные неправды, при дворах царских, в домах вельмож, в палатках военачальников! И где не является она с тлетворным дыханием клеветы? И в обществах сельской простоты сколько страдают от споров о власти, разражающихся злостью злословия!

Тщеславию хочется отличаться чем-нибудь пред другими? хочется блистать какими-нибудь преимуществами, хочется занимать собою других. И вот оно выступает на ловлю ветра! Как же поймать его? Пред высшим легкое средство отличиться – лесть высшему; и – вот, чтобы понравиться высшему, злословят пред ним о том, кто не нравится высшему. На что не решаются, чтобы приобрести благосклонность высшего? Чем обратить на себя внимание общества? Позабавить на свой счет общество очень можно, предметов довольно, но прибавишь ли себе блеску? Говорить о дельном – не достает средств, мало смысла. Всего легче выставить пред обществом смешное в другом. И вот откуда явился ум, которого нет на дельное! Два, три, подобных остряка подали помощь. И пошла потеха. Едва брошена одна шутка, как посыпался град насмешек язвительных, клевет самых едких и злых. Какова эта забава, слушатели! О! если бы посмотрели в глубину души своей, как жалки показались бы себе самим, гоняясь за ветром и из-за ветра нанося столько ран душе своей!

Бывает еще злословие бедной лицом зависти. Терзаясь счастьем и славой других, завистник хотел бы уничтожить это счастье и эту славу. Но средства насилия или невозможны или опасны для него. Оружие легкое вредить другому – злословие, бросать его может самая трусливая рука. И завистник беспощадно поражает им все, что тяготит его. Как бы ни была чиста жизнь высокого лица, зависть покрывает ее гадкою краской, намерения представит в черном виде, поступкам даст вид, по-своему усмотрению. Пример тому святейший из святых Господь наш Иисус Христос. Во все время служения Его людям жизнь Его была шествием к Голгофе, под градом стрел, бросаемых

книжниками и фарисеями. Ни высокое учение Его, ни чудеса, ни святость жизни не укротили завистливой злобы; она только раздражалась более и более против Него. Клеветы, злобно размноженные и коварно расположенные, приготовили, устроили и совершили наконец то злодеяние, от которого дрогнула земля, и потемнело солнце.

Ненависть, овладевая сердцем человеческим, погашает в нем всякое чувство любви и справедливости. Она изливает желчь свою на ненавистного в самых бессовестных клеветал. Человек, по недостатку способностей и дурной жизни лишившийся места, вместо того, чтобы обратить негодование против себя, тем только и занимается, что осуждает начальников в несправедливости и разных слабостях, подчиненных – в низкой лести и происках, с языка его льются злословия потоком, он находит удовольствие в том, чтобы лишать других уважения, какого сам не может заслужить. Отверженная и превратившаяся в ненависть любовь осыпала целомудренных Иосифа и Сусанну самыми несправедливыми обвинениями. Женщина, обратившая жгучую ревность в ненависть, становится сатанински злобною. Нет убеждений, которые утешили бы её клокочущую ненависть, нет просьб, которые смягчили бы ее, нет услуг, которые бы тронули ее. Чтобы погубить в общественном мнении лице ненавистное, она не останавливается ни пред чем, преследует предмет ненависти со всею хитростью и осыпает его всеми едкими клеветали.

Вот причины, располагающие людей к злословию! Все они, как видите, нечисты, грязны, гнусны. И такое-то занятие называют приятным!

Как ни странно, но люди и такое занятие оправдывают в себе, или по крайней мере хотят извинить его.

«Злословие светское, говорят, не плод намерения, вредить ближнему, им хотят только оживить разговор, приятно занять общество».

Но не будем говорить о том, что хотеть забавлять людей пустотою – желание не высокое; не будем говорить, что по наставлению апостола из уст христианских должно исходить

только слово полезное для назидания в вере, способное доставить благодать слушающим (Еф.4:29), а по слову Спасителя за каждое праздное слово дадим мы ответ. Не будем допрашивать тех, которые хотят забавлять других злословием, действительно ли злословят они без намерения дурного? Пусть совесть их отвечает им самим: не *коварствуют* ли они, по словам премудрого, *над своими други, егда же увидени будут, глаголют, яко играя содеях?* (Притч.26:19). Мы скажем только, что коль скоро не наблюдать над своим сердцем, трудно, чтобы та или другая страсть не высказалась в слове. Положим, что не хочешь ты насмешкою вредить ближнему. Но злословие твое теряет ли от того свои злокачественные действия? Перестает ли оно вредить ближнему? Нет, от твоей язвительной насмешки вовсе не легче другому, тогда ты шутя бросаешь стрелы в него. Шутка твоя – не забава для брата, когда она лишает его дорогой собственности его доброго имени. И каково твое сердце, которое способно забавляться насчет бедствий другого, наслаждаться страданиями его! Извини, если твою забаву назовут сатанинскою.

«Конечно, говорят, клевета – гнусна, но виновен ли приятный рассказ о действительной слабости другого?»

Но ты, который злословишь ближнего, скажи, положи руку на сердце, точно ли все что говоришь ты худого о другом, действительно было так, как представляешь? Всякая прибавка в действительности, – ложь, – это правда, против которой сказать нечего. А цветы, которыми украсил ты рассказ свой, преувеличение веса ошибки, допущенное так или иначе, две, три, черты, которыми увеличил ты объем события – все это обратило мнимо невинный рассказ твой в клевету. Не говорю уже, что ты – не сердцеводец и потому не в состоянии знать расположений, с какими сделано то или другое ближним.

«Ужели же не следует говорить худое о другом, если не для его пользы, то в предостережение другим?»

О! говори полезное для других, но не преступай законов правды и любви. Христианская ревность печется о спасении ближних, но не о бесславии их. Если она говорит о проступке ближнего, для пользы других, она указывает на темный образ

порока, не терзая чувства едкостью и грязью красок, говорит о слабости осторожно, чтобы не изменить правде и любви, говорит не столько о личном грехе брата, сколько о святости общего долга любить добро, наконец говорит, как нужно говорить. Если же тогда, как грех брата был тайною и известное тебе о нем не вполне дознано тобою, ты, обязанный беречь честь брата, выставляешь его на показ другим; выполняешь ли ты долг свой в отношении к себе и другим? О! ты грехи, мертвые для людей извлекаешь из их мрака и смрадом их заражаешь сердца невинные, соблазняешь слабых и губишь непорочных.

«Не от меня первого вышла клевета, если это клевета; я передал то, что слышал», говорит иной в свое оправдание.

Но оправдывает ли это тебя, друг мой? Если другой был не скромн, это не сняло с тебя обязанности быть скромным. Если другой увлечен был злостью страсти, разве надобно тебе следовать примеру его? Ты должен делать свое дело. Дошло до слуха твоего оскорбительное для чести ближнего, пусть оно умрет в тебе (Еккл.19:10). Иначе, разглашая его, ты подвергаешь себя ответу за все последствия. Ты слышал то и другое, но твое дело поверить слышанное, чтобы и для себя не принять басни за правду, тем более не выдать басни в виде правды вслух других.

«Виновен ли я, говорит еще иной, что передал я другому за тайну неприятную весть, а тот разгласил ее?»

Но ты, любезный, сам сознаешь, что известного тебе о другом не следовало пересказывать, а сам пересказываешь, не обвиняешь ли ты сам себя? Ты сознаешь, что не надобно вредить чести другого, а сам чернишь ее? Ты просишь, чтобы другой сохранил тайну, оскорбительную для брата. Не значит ли это говорить, чтобы другой был более снисходителен к брату, чем ты сам, был менее несправедлив, чем ты сам? Ты извиняешь себя слабостью, не сохраняя тайны? Но почему тогда, как сознаешь себя слабым, не хочешь думать о том, что другой и третий будут не крепче тебя и передадут другим оскорбительное для брата, в виде более оскорбительном, чем ты передал? Почему мысль о неприятных последствиях твоей

нескромности не удержала тебя от нескромности? Что, если, прося другого сохранять тайну, хотел ты только отнять тем у обвиняемого все средства к оправданию, чтобы терзали честь его ненаказанно? Это уже не только преступление, но преступление самое черное по намерениям.

О! Ты, имеющий судить за каждое праздное и за каждое вредное слово! Прости нас, если от необдуманных слов наших потерпело доброе имя собратий. Подай нам твердость, чтобы не лгали мы друг на друга, после того как совлеклись мы ветхого человека с деяниями его. Аминь.

1856 год.

Харьков.

Беседа в неделю о Закхее

На Лк.19:1–10.

Промните ли, слушатели, что говорил Спаситель о богатых, когда богатый юноша отказался следовать за Спасителем? *Удобнее есть, говорил Господь, вельбуду сквозе иглине уши проути, неже богату в царствие Божие внити.* Но, присовокупил Спаситель: *не возможная у человек, возможна суть у Бога* (Лк.18:25, 27). И вот в оправдание последних слов Господа представляется нам пример Закхея. Сей пример показывает именно то, что и богатый может быть в числе чад Авраамовых. Как же это может случиться, послушаем евангельское повествование о Закхее.

И вшед (Иисус) прохождение Иерихон. И се муж, нарицаемый Закхей; и сей бе старей мытарем, и той бе богат. Закхей был не только мытарь, что значило откупщика государственной пошлины, но старей мытарем – главный откупщик сборов. Иерихон, где жил Закхей, был богатый город; торговля пальмовым лесом и бальзамом делала его славным и цветущим. Потому не удивительно, что главный откупщик таможенных сборов в торговом Иерихоне был богатый человек.

И искаше видети Иисуса, и не можаше от народа, яко возрастом мал бе. И предъитек возлесе на ягодичину, да видит, яко хотяше мимо её проути. Слух о чудесах и учении Иисуса возбудил в Закхее веру в Иисуса; вера возбудила желание видеть Иисуса. Закхей ищет счастья видеть Иисуса. Но вот препятствия, *возрастом мал бе.* Малый рост мешает видеть Иисуса в толпе народа. Что делать? Протесниться сквозь толпу, чтобы приблизиться к Иисусу? Известному богачу, человеку с таким значением в свете, толкаться между людьми всякого рода, – щекотно. При том Закхей, как приметно, не считал удобным, без предварительного знакомства, вступить в сношение с Иисусом. Что ж делать? Хочется видеть Иисуса, но как увидеть? Искать высокого места, высокого дерева? Очень щекотно. В виду многих лезть на дерево? В виду всех оставаться на дереве? Это значит выставить из себя цель, куда

посыплются насмешки молодежи, колкости остряков, говор толпы. Очень понимает, очень чувствует это Закхей. И, однако, решается на все, чтобы только видеть Господа. Прекрасная решимость! Закхей решается на неприятности, на унижение, чтобы только исполнить святое желание, для Господа вступает в борьбу с светом и его мнениями, вот подвиг достойный высокой души!

Не легок для богача такой подвиг; но, если он необходим для спасения, надобно избрать его. *Доколе храмлете на оба колена?* говорил пророк Илия Израилю. Если Бог Израилев – Бог ваш, зачем не оставляете беззаконных желаний ваших? Зачем вся душа ваша не служит Ему – истинному Владыке и Богу вашему? Ты чувствуешь худое положение твое, чувствуешь нужду в перемене жизни; но ложный стыд мешает тебе начать другой образ жизни, но тщеславие удерживает тебя на пути, который так верно ведет к гибели. Сжался над собою. Представь себе тот стыд, которым покроешься, выставленный на суде всемирном. Представь себе ту скорбь нескончаемую, которая терзать тебя будет за твою измену Господу, за твое безумное обречение себя на гибель для мира гибельного. Трудно идти против обычаев, принятых светом? Тяжело выставлять себя на позор миру? Но если известный оборот денежный обещает нам выгоды; если есть надежда получить за труд славу, на что не готовы бывают для денег? Каких трудов не несут для честей? Отчего же нет такой решимости, нет такого постоянства в нашей любви к собственному, вечному спасению? Зачем для денег больше жертв, для честей больше трудов, чем для Господа? Дело в том, что и не начинают добра, не приступают к нему, чтобы обратиться в смиренной молитве за помощью к Господу. Если ты уверен в святости предприятия, в нужде его для души, помолись Господу и иди бодро своею дорогою; не унижай души твоей пред грехом. Пусть люди не понимают тебя! Знает и покрывает тебя Бог. Потеряешь здесь славу? Там возвратят. Осмеют здесь люди? Утешит здесь и там Господь. Хотя бы довелось тебе за добрый подвиг терпеть насмешки, клеветы; не

отступай назад; без сражения не бывает победы, а победителю венец, – *претерпевый до конца той спасется.*

Решимость Закхея на неприятность для добра не осталась без награды. Закхей считал за счастье только что взглянуть на Господа; а Серцеведец, видя расположение Закхея, утешает его неожиданною радостью, – посещает самый дом Закхея. За то и Закхей не остановился на одном первом подвиге. Согретый, воспламененный любовью Господа, он тогда, как неразумие ропщет на любовь Господа, посетившую дом грешного мужа, делами показывает, что в сердце его произошла чудная перемена, делами свидетельствует благодарность свою к посетившей его любви Господа.

Господи! говорит он, *се пол имения моего дам нищим.* Отчего же Закхей, благодарный Господу, обращается с благодарною любовью к бедным? Это оттого, что богатый Закхей мог делать доброе именно благотворением ближнему, – оттого, что от богатого прежде всего требуется, чтобы он жил не для себя только, а для бедных. Богатство дано богачу не для него одного; богач – поверенный Божий, человек, которому поручено сделать распоряжения, достойные благоразумия, достойные воли Божией; на его отчете состоят и бедные. Такова воля Божия о богаче! С бедного взыщут за недостаток терпения, за ропот на бедность; богатому напомнят о Лазаре, если он оставлял того перед воротами в ранах, без куска хлеба, а сам роскошно ел и пил. *Бог любви есть (Ин.4:16).* Он хочет, чтобы бедность подкреплялась щедростью богатых, а богатый находил утешение в благодарной молитве бедных. Для отца семейства самое приятное удовольствие, когда делают удовольствие детям его. Точно также и для Отца небесного. *Взалкался и дасте Ми ясти, возжадахся и напоисте Мя, в темнице бех и посетисте Мене. Господи, когда Тя видехом алчуща или жаждуща или странна? Понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе,* говорит Господь (Мф.25:34–40). Кто холоден к страданиям бедности, равнодушен к стону нищеты; тот напрасно уверяет себя, что он любит Господа. Если не любим мы ближнего, которого видим, как мажем любить Бога, которого не видим? Ближний мой носит

образ Отца моего небесного, как же не помочь ближнему, как не разделить с ним того, что есть у меня? Вы, которым дал Бог средства благотворить ближним! Творите волю Божию о вас, чтобы было с чем явиться в ту жизнь, питайте алчущего, одевайте нагого, утешайте печального, посещайте заключенного в темнице. *Блажен милуяй нища и убога, в день гнева избавит его Господь (Пс.40:2). Иже замыкает ушеса своя, еже не послушати немощного, и той призовет, и не будет послушали его (Притч.21:13).*

Половину именина назначаю я бедным, говорил Закхей Господу, а половину удерживаю у себя, но и ту не для себя; ее удерживаю я с тем, чтобы платить обиженным мною, *аще кого чем обидех, возвращу четверницею.*

Если Закхей и другую половину оставил не для себя, почему не раздает он ее бедным, как роздал первую? Это потому, что чужим нельзя располагать по-своему произволу, чужое надобно отдать, кому принадлежит оно. *Чти Господа от праведных твоих трудов, и начатки давай Ему от твоих плодов правды,* говорит премудрый царь (Притч.3:9). Закхей нажил богатство так честно, как наживают его многие. Одна половина без спора пред совестью признана собственностью честности его и из другой половины только четвертая доля полагается несправедливо нажитою. И, однако, было и у Закхея несправедливо нажитое. Да и легко ли избегают греха, наживая богатство? Не самую ли большею частью приобретают его ценою неправды? Не чаще ли платят за него обидою ближнему то тайною, то явною? Если же так, то что значила бы милостыня из такого богатства? Не тоже ли, что милостыни хищника? Нет, пусть хищник-богач отдаст отнятое тому, у кого отнято, правда требует, чтобы заглаждана была неправда удовлетворением правде. Иное дело, когда нет возможности загладить неправду. Тогда обратиться к помощи милосердия.

Аще кою чем обидех возвращу четверницею. Закон Моисеев говорил, что если кто уличен будет в краже, он платит за овцу четыре овцы; если же сам он объявит о краже, то с него брать вдвое (Исх.22:1). Закхея никто не уличал в хищении.

И, однако, он налагает на себя ту пеню, которая взыскивалась законом с уличенного хищника. Такова кающаяся любовь! Она не только платит правде, но платит такую платою, которой и не требовала правда; она исполняет не только букву закона, но и то, о чем не говорит буква. Она хочет страдать, чтобы принести Господу плоды, достойные чистого покаяния; подвергает себя наказанию, чтобы как можно более смирить себя, как можно глубже почувствовать свою виновность и неправду.

Итак, второй подвиг кающегося богача должен состоять в подвиге благодарной любви. Надобно, чтобы раскаяние оправдало себя делами. Прежняя жестокость к нищему брату должна быть заменена щедростью. Богатство досталось не без греха? Необходимо наказать себя за неправду открытым сознанием в неправде. Правда требует, чтобы все чужое возвращено было по принадлежности, а любовь ожидает, чтобы вознаграждение было не только полное, но и умноженное до избытка. Жаль расстаться с земным? Но, если не расстанется, не увидит богач вечных благ, мало того – поплатится вечною мукою за неправды. Чтобы надеяться на евангельские награды, надобно творить евангельские добродетели. И язычник любил любящего его, платил долг по требованию правды. Христианину надобно делать более, надобно вознаграждать обиженного вдвое.

Бог благодати и милости да вразумит всех нас во спасение, и подаст силу творить дела спасительные. Аминь.

1847 год.

Отделение V. Слова и беседы на дни святых и на торжества

Слово в день поклонения веригам апостола Петра, в храме Харьковского тюремного замка

Бе Петр спя между двема воинами,
связан железнома ужема двема, стражие
же пред дверьми стражаху темници (Деян.12:6).

Петр – верховный апостол, образец пылкой веры и искреннего благочестия, сидят в темнице, связанный двумя оковами, охраняемый стражею. Не странное ли это явление?

Странно и то, что мы, по голосу церкви, собрались творить поклонение Петровым веригам. Что за радость целовать оковы темничника? И где собрались мы? В доме узилищном. Не творим ли мы посмеяния над страждущею невинностью, которой место, как кажется, совсем не в темнице, хотя и видим ее здесь в лице Петра?

При том, как известно нам великое лице Петра, поклонение Петровым веригам очень естественно и странны были бы те, которые не стали бы считать их достойными уважения. Если каждая вещь, принадлежащая великому лицу, обращает на себя общее внимание, то вериги верховного апостола, конечно, достойны благоговейного уважения, тем более что все величие Петра было делом великой благодати Божией. В книге деяний апостольских видим мы опыт тому, что самые неодушевленные вещи, бывшие в употреблении апостолов, проникались силою благодати Божией. Там читаем, что и *головотяжцы* Павла, т.е. головные повязки его, источали исцеление для больных при прикосновении к ним веры. Точно таковы же были и вериги св. Петра.

Сего довольно об уважении вериг. Рассмотрим ближе, нужны ли темничные страдания для праведных, или для грешников?

Оковы и темница кажутся нам несовместными с мыслью о невинности. А святые Божии целовали оковы свои и радовались в страданиях. Отчего такая разность во взгляде на один и тот же предмет? Оттого, что святые Божии выше всего ставили волю Божию и по опыту знали, как спасительна для них сия

воля. Чтобы очистить золото от разной примеси, нужен огонь. Так нужны и для святых Божиих болезненные испытания. Эту истину глубоко сознавали святые Божии, хорошо знавшие самих себя и прославляли суды Божия. *Судими от Господа наказуемы, да не с миром осудимся*, говорил св. Павел (1Кор.11:32). Временные бедствия, в том числе оковы и темница, стесняя плоть и её желания, не стесняют свободы духа, а раскрывают ее и облегчают восхождение души к Богу. Потери и скорби открывают внимательным непостоянство и суетность благ мирских, которые без того могли обольстить собою душу. Страдания временные, очищая дух от нечистых желаний самолюбия, придают ему твердость терпеливую, сообщают духовное искусство, научают упованию, которое не остается в стыде. *Радуюсь во страданиях*, говорит св. Павел, *ведяще, яко скорбь соделывает терпение, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит* (Рим.5:3). Только трудные обстоятельства жизни очищают, возвышают, укрепляют, обнаруживают любовь истинную к Богу, без того являются только временные порывы благочестия, чаще же силы спясть и в бездействии слабеют. *Господи, с Тобою готов, есмь в темницу и на смерть идти*, говорил пылкий Петр, не испытанный скорбями (Лк.12:33). Но опыт показал, что он еще не готов был для того. Ему надобно было очиститься слезами раскаяния, потом переносить неприятности и огорчения в проповедании Христа иудеям, постепенно отрешаться от своей воли, пока другой не поведет, куда захочет, затем уже взошел он на высшую степень любви, мужественно понес заключение в темнице и оковах, с радостью терпел раны и бесчестие и бестрепетно принял мученическую кончину.

Заключенные в сем узилище, но предназначенные к свободе Христовой! Не сомневаемся, что между нами могут быть невинные Иосифы и правосудие человеческое, собственно, потому, что для него недоступны сердца человеческие, наверно причисляет иных из вас к татям и разбойникам. Но это не значит, что кто-нибудь из вас в праве роптать на свое положение. Помните, что святые Божии считали оковы и темницу за дело любви Божией. Невинный Иосиф пал ли духом

под тяжестью бед, постигших его? Восставал ли он с негодованием против суда человеческого или против немощи братьев? Нет, напротив он говорил братьям, *не вы посласте мя семо, ко Бог* (Быт.45:8). Страдающие невинно! славьте Господа, пославшего вас сюда. Любя невинность Он ожидает преспеяния её в любви к Нему, усовершенания в раскаянии о слабостях, в терпении, в молитве, благодарности и самоотречении. Не благая ли это воля Его о невинных?

Если временные скорби нужны для праведников, что сказать о грешниках? Для них оковы и темница – дело правды Божией и вместе дивной любви Божией. Правда Божия не может оставить без отмщения нечестий человеческих, Бог не может не отвращаться от греха. Особенно же, когда грехи и нечестия разливают свою заразу на других и приводят в беспорядок дела целых обществ, правительствующая правда Божия не может не восставать на защиту нравственного порядка. Раскаяние кающихся до известной степени выполняет в себе дело суда Божия, поражая себя скорбью за содеянные грехи и стараясь по возможности исправить допущенные беспорядки. Но что делать с душами необузданными в страстях своих и не чувствующими своего заблуждения? Карательная правда Божия объявляет по отношению к забывчивым грешникам свой голос в приговорах суда человеческого, в разных скорбях и лишениях временных, в темнице и оковах. Счастливы те из них, которые покорно выполняют приговор правды вечной во времени и умеряют желания страстей страхом суда Божия, если и не совсем возвращаются к путям высокой христианской жизни. Иначе страшна вечность, ожидающая нераскаянного грешника. Что значат всевозможные временные скорби пред грозными муками вечности? Удары лозы, наносимые рукою нежной умной матери. Когда у кого-либо из нас оказывается на теле крайне опасная, заразительная рана, все признают за благодеяние, если оператор вырезывает ту рану с её корнями; операция бывает болезненная, но она спасительна. Точно также, когда Господь посылает страдания и скорби для вразумления забывчивых грешников, не видна ли в том мудрая любовь Его к грешникам?

Заключенные в сем узилище правдою человеческою! осмотритесь, кто вы пред правдою Божией? Вы сами в своей совести, при свете евангельском, хорошо можете знать, кто вы таковы? Что, если самая большая часть из вас действительно виновны в преступлениях, в которых обвиняет вас человеческое правосудие? Что, если гораздо более соделано вами нечистых дел и беззаконий, чем мог обличить недальновидный глаз человеческий? Что если тайные нечестия души вашей, подведомые одному суду Божию, до того умножились, что вызывают против себя суд Божий более строгий и грозный, чем могут быть приговоры правды человеческой? Что остается вам делать? О! повторяйте чаще исповедь благоразумного разбойника – мы терпим достойное дел наших. Эта исповедь будет славить правду Божию, а раскаяние, возбужденное ею, будет привлекать на вас милосердие Божие. В голосе правосудия человеческого звучит для вас голос правосудия Божия, внимайте ему и кайтесь в нечестиях души вашей. Страшиться того наглого бесчувствия, с каким висел ошуюю Господу другой разбойник. Как близок был сей несчастный к Спасителю и Господу своему! Но он не познал себя, потому не узнал и Господа своего. Он не сознал гнусности преступлений своих; глух остался и к напоминанию о них, сделанному судом правды человеческой и потому не искал милости небесной. Страшиться такого положения. Молитесь, чаще молитесь молитвою благоразумного разбойника, *помяни нас, Господи, егда приидеши во царствии Твоем*. Кающийся разбойник не терзался скорбью о том, что висит он на кресте и умирает позорною смертью; он сокрушался только о грехах своих и молил Господа о прощении. Грехов на мне много, думал он, грехи мои тяжки; я под гневом Божиим и не стою я ничего более, но Ты – Господь милостивый и сильный; много будет значит для меня, если Ты вспомнишь о мне грешнике в царствии Твоем. *Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствии Твоем*. Друзья мои! Поступайте и вы по примеру умного разбойника. Не позволяйте исторгаться из сердец ваших ни одному звуку ропота на жребий ваш; переносите благодушно участь свою; ведите себя кротко; чаще приводите на мысль

грехи прошлой жизни своей, грехи молодости ветренной, грехи мужества самолюбивого, грехи дней и ночей, грехи против своей души, грехи против своих ближних, грехи против Господа. О! если бы вы пришли в себя! Как много увидали бы в себе грехов! Тогда за счастье признали бы свое заключение и спешили бы приносить плоды достойные покаяния, – смирение, чистоту душевную и телесную, незлобие, покорность, послушание, правдолюбие, пост, молитву.

Боже всемогущий и преблагий! Пребуди благодатью Твоею в дому сем, да будет он училищем святой воли Твоей, везде для нас премудо-благодой и спасительной. Аминь.

Беседа в день архистратига Михаила

Откуда убо имать плевелы? (Мф.13:27).

Как не редко, смотря на события мира грешного, приходится предлагать себе вопрос, откуда эти плевелы? Вот, например, события дней наших – как они дивы! Два христианские народа стали под знамя лжепророка Магомета и, следовательно, врага Христова и упорно домогаются унижить, обессилить христианский народ, чтобы поддержать народ лжепророка. Не странное ли это явление? Откуда эти плевелы? Кроткий Авель и кровожадный Каин, покорный Иаков и жадный до корысти Исав – какие крайности! Что за смешение зла с добром, злобы с добротой ангельскою? Давно стал трудиться и долго трудился ум человеческий над решением вопроса о происхождении зла в мире. И как не завидны плоды трудов его! О! как не дорожить нам учением Твоим, небесный Учитель наш! Ты и вопрос о судьбах мира, который так долго решали и не решили отвлеченные созерцания философов, решаешь притчею близкою к понятию каждого поселянина, притчею о плевелах.

Слушатели мои! притча о плевелах предложена нам в ныне чтенном евангелии. И будьте уверены, в день празднования ангелам не без заботы и о расположениях наших к ангелам предложена эта притча.

Рассмотрим же ближе притчу Спасителя о плевелах.

Ину притчу предложи им, глаголя: уподобися царствие небесное человеку, сеявшему доброе семя на селе своем (Мф.13:24).

Человек посеял доброе семя, ничего более, кроме чистого, свежего, хорошего семени не бросал в землю. *Не доброе ли семя сеял еси*, говорят и близко знающие (Мф.13:27). Посеял на селе своем – на своем поле, обработанном своими руками, где все сделано для доброты поля. Это – образ! Кто ж этот сеятель? Что значит поле? Спаситель сам объясняет то и другое. *Сеявый доброе семя есть Сын человеческий, а село есть мир (Мф.13:37–38).* Он – воплощенная благодать Божия, Он, которого самое воплощение есть чистое пшеничное зерно

для человечества (Ин.12:24). Он один есть сеятель добра. Не прерывая труда, сеет Он семя – с самого начала мира. Он посылает и слуг своих для сеяния слова Божия, но и истины небесные – Его собственность и слуги действуют по Его воле и Его силою. Он – свет истинный, который просвещает всякого человека, грядущего в мир (Ин.1:9). Кто бы ни был истинно просвещенный, Он просвещен Им; кто бы ни был воодушевлен любовью к добру, Он воодушевлен Им; кто бы ни возросл до полного духовного совершенства, он возвращен Им. Он – Слово вечное, Им сотворено и держится все; Он Бог и – от Него ничего кроме добра (Ин.1:2–3). *А село есть мир.* Поле Его, на котором Он сеет – вселенная, а не какое-либо общество именующихся чистых людей, не какое-либо общество святых душ. Весь мир – нынешнее царство Его на земле, за которым последует небесное царство Отца, как жатва с поля переходит в житницу.

Таково происхождение всего доброго в мире!

Спящим же человеком, прииде враг Его и всея плевелы посреди пшеницы и отыде. Егда же прозябе трава и плод сотвори, тогда явишася и плевелы. Пришедше же раби господина, реша, господи, не доброе ли семя сеял если на селе твоём? Откуда убо имать плевелы? Он же рече им, враг человек сие сотвори (Мф.13:25–28).

Какое глубокое учение о происхождении зла!

Егда же прозябе трава и плод сотвори, тогда явишася и плевелы. Когда хлеб взошел и стал колоситься, тогда явились и плевелы. А до того их не было видно. Восточные плевелы по виду очень похожи на зерна чистой пшеницы, так что трудно и отличить их, а между тем это растение одно из ядовитых, от него кружится голова и сильно тошнит. Не такова ли история и всего худого в нас? Скоро ли узнаем мы в себе действие страстей? Иуда, конечно, думал быть бережливым, а не страстным до денег, когда стал носить ковчежец; он даже и тогда, как уже был в душе вором, говорил, *можаше миро сие продано быти и датися нищим*. Несчастный не видал себя. Только тогда, как стал предателем Господа своего, увидел, кто он таков и – повесился. О! «Господи! просвети очи мои, да не когда усну в смерть, да не когда речет враг мой, укрепился на

него». Други мои! Зло не кажется нам злом в начале. Возьмите, какую угодно, страсть, она сперва бывает не заметна или является под каким-либо видом добра; лишь разрушительные последствия открывают ее нам. Если нечистые помыслы свободно входят в сердце твое, страшишься ли ты их? Ты считаешь это за малость. Но что будет потом? Когда Давид смотрел нечистыми очами на Вирсавию, ему не думалось, что за тем последует прелюбодеяние с намеренным убийством, и, однако, последовало. Такова история каждого греха!

Диавол сеет плевелы, говорит Господь, спящим человеком. Итак, не надобно спать. *Трезвитесь, бодрствуйте (1Пет.5:8)*. Наблюдайте за своим сердцем, осматривайте чувства и влечения свои, поверяйте их словом Божиим, писаниями отеческими, опытами духовными. О! если бы мы были внимательны и осторожны, как много худого не было между нами. Иначе смотрите, какой ныне надзор у родителей за детьми! Или ничему не учат, или учат многому, но не страху Божию, позволяют читать книги самые пустые и сторонятся от одной – самой нужной. Что перенимают в обществе? Образованность европейскую, отвечают полусонные, и не посмотрят, что это не более, как язычество, язычество ветренное, легкомысленное, жадное лишь к удобствам земным и вовсе беззаботное о своей судьбе загробной. О! проснитесь, добрые люди!

Враг человек сие сотвори. Вот начальное происхождение зла! Вот начальный виновник грехов! Враг человек сие сотвори. Не Бог виновник зла. От Него лишь одно добро; Он все сделал для нашего спасения. Если бы кто стал искать в Боге хотя бы повод к злу, он поступил бы против доброй совести; он говорил бы против Христа Господа, тогда как не только учение, но и самое явление Богочеловека в мире есть живая улика всякому предположению о общении святости с злом. Хозяин поля говорит о плевелах, не я их сеял, враг человек сие сотвори. Как не знать хозяину, что делал и чего не делал он на поле? Сын Божий говорит, *а плевелы суть сынове неприязнении, а враг, всеявший из, есть диавол (Мф.13:38–39)*. Как не знать Сыну Божию того, что происходит в мире? Он – Творец мира и Он же

держит все глаголом силы своей (Евр.1:4). Люди не донимают силы дьявола, – они выдают его за плод воображения. Но люди не понимают и себя. Иначе долго ли увериться, что в учении Сына Божия, Того, кто сшел с неба, чтобы учить только истине, мысль о дьяволе решает вопрос о происхождении зла в мире? Дьявол отличается здесь от злых людей, он – сеятель плевел, а они плевелы; в нем начало зла, а они – произведение. *Враг человек сие сотвори*. Есть и в нас, склонность к злу; еще в юности она открывается в вас, *прилежит человеку помышление на злая от юности его* (Быт.8:21). Но откуда в нас эта склонность к злу? От дьявола, испортившего человечество в самом корне его. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, потому что истины нет в нем (Ин.8:44). Он не переставал и не перестает питать и развивать в людях склонность к злу. Он, как голодный лев ходит, *иский кого поглотити* (1Пет.5:8). Не любя истины и добра для себя, он не любит их ни в ком другом и любя ложь и нечестие в себе он сеет их между людьми, на их пагубу. Он – враг Бога и всего Божьего.

Спаситель оправдывает не только Творца мира, но и промыслителя о мире в отношении к злу.

Рабы же реша ему, хочещи ли убо, да шедше исплевем я (плевелы)? Он же рече, ни, да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно и пшеницу. Оставьте убо расти обое купно до жатвы (Мф.13:29–30).

Тяжело верным рабам смотреть на то, что вместе с верными читателями имени Божия живут безопасно нечестивцы и теснят их. Как благоговейные рабы, они благоговейно спрашивают воли Божией о нечестивых и – Господь открывает им свою волю.

Чего же хочет Господь в отношении к нечестивым? Не хочет ли Он того, чтобы мы равнодушно смотрели на зло, на грехи и нечестия? О! нет! Он благоугодно выслушивает рабов своих, когда с скорбью говорят они о плевелах и называют их своим именем. Он гневается на то, когда принимаем мы черное как белое и белое наравне с черным (Ис.5:20). Не осуждается ли им строгость гражданских властей, наказывающая злодеев или

отражающая мечем меч бессовестного соседа? И того нет, Господь говорит с служителями церкви своей и учит тому, чему должно и чему не должно быть на духовном поле Его, а не в гражданском обществе.

В чем же состоит воля Его?

Благоговейные рабы спрашивают Господа, нет ли воли Его на то, чтобы нечестивые истреблены ими, как истребляют сорную траву на поле? И Господь отвечает, нет! Точно также двое учеников Его, огорченные жестокостью самарян, предлагали Ему, *хощеши. ли, речем, да огонь снидет с небесе и потребит их?* И Господь запретил им (Лк.9:54–55). Итак, вот в чем воля Его! Нет, сказано решительно и ясно на вопрос об истреблении грешников с земли. Духовное поле – не то, что обыкновенное поле, на котором вырывают траву сорную. Рабы не засевали этого поля, не видали того, как посеял на нем плевелы враг Божий. Не им и решать последнюю участь духовных плевелов; это дело хозяина. *Оставьте расти обое купно до жатвы.* Господу угодно, чтобы и добрые, и худые оставались на земле до последней развязки всему.

Да не когда восторгающе плевелы, восторгнете купно и пшеницу. Господа так добр к рабам Своим, что объясняет им почему они не могут полоть духовного поля, и почему угодно Ему оставить вместе с пшеницею и плевелы до жатвы? Верные рабы, рабы умные, хорошо отличают на поле созревшую пшеницу от созревших плевелов. Но пока поле покрыто только зеленью, и они могут принять пшеницу за плевелы и вырвать растения добрые. Что значит земная жизнь подвижников благочестия? Борьба с грехом и борьба до гроба, совершенство же их на небе. Мало ли бывает между ними таких, которые в течении жизни переходят по духу из зрелости в детство и из детства в зрелость, или же среди пути испытывают падения? Мы, пожалуй, и их примем за плевелы. Между тем искушения мира дела лукавых людей, их злоба и лесть, только очищают душу, только помогают ей яснее и яснее видеть свои немощи, глубже и глубже чувствовать виновность свою и мало по малу ослаблять в себе силы греха. Золото очищается огнем от примеси. Смешение людей добрых и худых в мире доставляет

первым тысячи случаев, усовершенствоваться в добре, приобретать терпение, кротость, смирение, незлобие, любовь. Как дозволить рабам полоть плевелы? Корни плевелов так переплетены в земле с корнями пшеницы, что и самые усердные рабы, выдергивая плевелы, ненамеренно испортили бы много дорогих растений. Жизнь праведных на земле тесно связана с жизнью людей грешных, и узами родства, и сходством расположений души и обстоятельствами внешними, так что и легкое потрясение в участи одних не обходится без потрясения в жизни других. С другой стороны, Бог благ и к худым. Он не хочет смерти грешников, а желает, чтобы уразумели они истину и спаслись. Теплотой благодати своей, живительными лучами любви своей Он желает размягчить ожесточившие сердца их и возбудить в них жизнь новую (Рим.2:2–6). Он поставляет в виду их примеры благочестия в своих избранных, как улику их лености, как уроки их невежеству, как обличение их худой жизни. И один ли Савл сделался Павлом? Как много беззаботных язычников обратилось в пламенных исповедников веры при взгляде на самоотвержение и твердость мучеников! Хвала и слава Тебе, дивный промыслитель наш! Малое, как и великое растение, слабый, как и сильный, чтитель добродетели – на твоём попечении. Ты столько же благ, сколько и мудр. Кто, кроме Тебя знать может, когда настанет пора великой жатвы Твоей? Кому, кроме Тебя может быть известным, когда созреют все предназначенные для блаженства рабы Твои и исполнится мера беззаконий людских. О! любовь вечная! дай нам силу и ревность, быть хотя слабыми пшеничными растениями, только бы не оказаться плевелами.

И во время жатвы реку жателем, соберите первее плевелы и свяжите их в снопы, яко сожещи я, а пшеницу соберите в житницу. А жатва кончина века есть, а жатели ангелы суть (Мф.13:30, 39).

Нельзя быть всегда плевелам вместе с пшеницею. Хозяин поля разборчив и правдив. Настанет кончина века и – правда Божия откроется во всем её величии.

Чего не поручил Господь земным рабам своим, то поручит Он Ангелам. Пусть не мечтают, что ангелы – мечта. Это –

действительность грозная, как действительны земные слуги Господа; знающим мир духовный они известны в виде духов ведения высокого и сильного могущества. Ангелы, по воле Господа, *соберут от царствия Его вся соблазны и творящие беззаконие*, соберут нечестивцев со всей вселенной и не ошибутся ни в ком, соберут соблазнитель и соблазненных, учеников и учителей нечестия и – как страшно будет там видеть друг друга! Как страшно будут они мучить одни других упреками и проклятиями! Свяжите их в снопы, грешников разделят на ряды, соединят гордых с гордыми, рабов гнусной плоти с подобными им, на муки обманутых надежд, умножаемые очевидностью их. И не озарит нечестивых ни один луч небесной надежды, небо скроется от них. Но не в том одном мука нечестивым. *Плевелы сожещи, нечестивые ввержени будут в пещь огненну (Мф.13:42)*. Там и здесь – огонь. И, конечно, огонь геенны не будет тоже, что огонь, питаемый плевелами, но будет огонь и огонь тем более страшный, тем более жгучий, что не будет огнем нынешнего мира. Ту будет плачь и скрежет зубом. Какое страшное изображение! Внутри холод, а совне огонь; внутри отчаяние и ужас, а совне жгучий пламень. *Страшно впасть в руки Бога живого (Евр.10:31)*, так страшно, что на нынешнем языке и изобразить того нельзя. Вы, которые творите жизнью соблазны, не думая о вечности! Одумайтесь, осмотритесь, как не долго стоять вам плевелами среди пшеницы. Кругом вас ходит жнец и жнет старца и цветущего юношу, сильного мужа и слабого младенца. Дойдет он и до вас. И где вы окажетесь? Творящие беззаконие ввержени будут в пещь огненну. О! кайтесь, пока есть время для покаяния; исправляйте жизнь, пока есть средства для исправления.

Тогда праведницы просветятся яко солнце, в царствии Отца их (Мф.13:43). Подвижники правды и благочестия! тяжела жизнь ваша на земле, жизнь, чернимая клеветой и поношениями, но там озарит вас слава, как свет солнечный; там ждет вас блаженство, которого здесь и понять нельзя.

Имеяй уши слышати да слышит, сказал в заключение Господь, давая знать, что слишком твердо надобно помнить притчу Его о плевелах.

О! лики небесных духов – исполнители будущей грозной воли Всевышнего! Теперь еще время благодати; помолитесь за нас, да ниспошлется нам сила употребить во благо время благодати, к славе Троицаго Бога. Аминь.

1855 год.

Слово в день святителя Николая в Николаевском женском монастыре

К одному старцу, опытному в жизни духовной, многие приходили с желанием получить от него полезное для души. Каждый спрашивал старца, о чем считал нужным спросить по душе. И каждому отвечал добрый старец, никому не отказывал в ответе. Но один из посетителей ни разу ни о чем не спрашивал его, а был усердным посетителем его. Старец наконец спросил не похожего на других посетителя, что это значит, сын мой, что ты ни о чем не спрашиваешь меня, а ходишь ко мне? Для меня довольно, отче, сказал молодой человек, что я смотрю на тебя.

Вот мы, братия и сестры, теперь у святителя Николая. Не отвергаю возможности того, что иной, если спросит о чем либо, святитель Николай подаст и ответ на вопрос, вера и молитва усердная все могут получать. Но – еще легче для нас слабых, по примеру кроткого юноши, учиться добру из жизни святителя. Святой лик святителя пред нами. О чем говорит нам сей лик небесный? Чем ярче всего сияет жизнь святителя? *Нас бо дея явился еси чудотворец изящный, предивный и милостивый*, поем мы ему. Так лик его небесный – небесная любовь готовая на помощь каждому. Вот о чем говорит он нам без слов!

Подлинно святитель и на небе – в трудах для земных братий и сестер. Зовут его на море? Он там является с помощью. Молит его притесненный судом? Он и к нему спешит. Плачет горькая бедность о беспомощной своей доле? Он и бедность наделяет нужным. Где не является он, призываемый на помощь?

На земле он был охранителем чистоты, теснимой нуждами. И на небе он – дивный любовью к нуждающимся.

Пусть же и для нас любовь к другим будет делом святым, на сколько можем по немощи вмещать дело святое.

Любовь к другим – какое это высокое чувство! какое это дивное совершенство для того, кто имеет его! Сам Бог называется любовью. Бог любви есть, говорит апостол Иоанн

(1Ин.4:16). Как же много значит для человека, когда он украшает душу отличием самого Бога! *Пребывая в любви в Боге пребывает, и Бог в нем пребывает (1Ин.4:16)*, говорит еще апостол. Чего больше желать человеку, когда Бог обитает в нем? А любовь к другим низводит Бога в сердце. О! прости нам, Отец небесный, слепоту нашу! мы так мало ценим любовь небесную. Мы оскорбляем Тебя, оскорбляя в себе любовь к братьям и сестрам. Ты возносишь нас с земли на небо. Ты приближаешь нас к Тебе, который весь любовь, Ты жаждешь для нас высшего совершенства, желаешь им самого высшего счастья, требуя от нас любви ко всем; а мы куда идем, в слепоте своей? Спешим с земли к духу злобы, к тому, кто сам мука себе и всему близкому к нему. Какое жалкое ослепление!

Сия заповедаю вам, говорит Сын Божий, да любите друг друга (Ин.15:17). Вот и еще голос Божества, призывающий нас к любви! и какой сильный, какой убеждающий голос! Голос не воли Всемошного, а голос любви беспредельной. Сын Божий желает, Сын Божий дает завещание нам, как детям своим, чтобы любили мы друг друга. *О сем разумеют вси, яко ученицы мои есте, аще любовь имате между собою (Ин.13:35)*, говорит Он в объяснение своей воли. Любовь взаимная столько приятна Ему, столько высока в очах Его, что по ней только, а не по знамениям и чудесам, и могут отличать в нас учеников Его. Ужели же можно не желать быть учениками Сына Божия? Или и голос любви Божественной, призывающий к любви, может не действовать на душу нашу? И ученики Христовы повторяют нам ту же волю Господа. *Прежде же всех друг ко другу любовь прилежну имейте*, говорит нам ап. Петр (1Пет.4:8). *Не яко заповедь пишу тебе нову, пишет св. Иоанн к избранной госпоже, но юже имамы исперва, да любим друг друга (2Ин.1:5)*, ту заповедь предлагаю, которая современна евангелию Господа вашего. Ап. Иаков называет любовь к ближним заповедью царскою, совершением закона (Иак.2:8).

Братия и сестры! Считаете ли вы необходимостью любить Бога? О! это – дело самое святое, скажете вы. Но – не станем обманывать себя, не любя друг друга не можем мы быть с любовью к Богу. Давно сказал нам посланник Божий, *аще речет*

кто, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть (1Ин.4:20). Это верно, как верен сам Бог. Если не в состоянии мы преодолеть в себе самолюбия оскорбленного, чтобы не преследовать злобою близкий к нам и малый образ Божий, как можем мы столько расшириться в любви, чтобы свято любить Того беспредельного, чей образ напечатлен на брате нашем? *Любяй рождшего любит и рожденного от Него (1Ин.5:1).* Все люди – дети Божии по созданию и еще более по возрождению во Христе Иисусе. Кто любит отца, тому милы и дети его. И кто пренебрегает детьми, кто злится на детей, в том, конечно, нет ни любви, ни уважения к отцу. Это так просто, так естественно. Оскорблять того, кого так любит Бог, оскорблять ближних, за кого, как и за меня распялся Сын Божий, кому, как и мне предоставлены высокие дары благодати, не значит ли оскорбить самого Бога?

Что ми множество жертв ваших? глаголет Господь. Ниже приходите явитися Мне. И аще принесете Ми семидал, всуе; кадило – мерзость Ми. Поста и праздников и новомесячий ваших ненавидит душа моя. Аще умножите моление, не услышу вас. (Ис.1:11–14). Что это значит? За что такой гнев Божий? Отчего так отвергает Бог и самое служение Ему, которое установил чрез раба своего Моисея? *Научитесь, продолжает Господь, добро творити, взывайте суда, избавите обидимого, судите сиру и оправдайте вдовицу (Ис.1:16–17).* Итак, вот за что гнев Божий! вот, за что отвергает Господь и приношения, и молитвы, и посты! За неправды против ближнего, за холодность, за жестокость, за злость против брата и сестры. Убойтесь же, други мои, оскорблять в себе чем-либо любовь к ближнему, чтобы иначе дела любви вашей к Богу не были отвергнуты с негодованием.

Желали бы, говорят, быть верными заповеди о любви, но у нас так мало способов выполнять ее. У меня нет здоровья и для себя, говорит один, как могу служить другому? У меня нет денег, говорит другой, что подам я бедному? Я такой малый человек, говорит третий, чем могу я быть полезным для других?

Но слова ли это душевной искренности? Нет, иначе они не выставлялись бы в извинение холодности в любви, а служили

бы возбуждением к делам любви. Церковь, учит апостол, есть тоже, что правильный телесный организм, где каждому члену назначено свое дело и каждый член не обходится без услуг другого; глаз делает свое дело и служит руке и ноге; ухо выполняет свою службу и полезным оказывается не одной голове; каждому персту, каждому составу, каждому нерву, каждой нити крови назначено свое дело и каждый приносит пользу организму и частям его. Бесполезным или и вредным бывает только омертвелое, испортившееся, гнилое. Так если я и ты, слушатель мой, не хотим быть бесполезными, гнилыми членами церкви Христовой, должны мы трудиться для других, каждый по мере сил и способов своих. Невозможного не требуют от нас. Но каждый может и каждый должен служить другим. Честь ли быть гнилым членом в теле? Или не страшны нам слова Каина, *еда страж брату моему есмь аз?* (Быт.4:9).

Братия и сестры о Господе! если душа живет любовью Христовою, как много оказывается у нее сил и способов для дел любви! Каждый поступок, каждое занятие её, разливают вокруг себя мир и покой. К старшим почтительность, к равным привет и услужливость, печальному участие в печали. Согрешил ли другой? Любовь покрывает грех. Злится иной? Не замечает того. Упал ли кто? Поднимает, сколько может. Ослабел ли от труда? Помогает слабому. Чтобы оградить покой другого и особенно высшего, любовь жертвует своим покоем. Пусть нет у нее ни здоровья, ни дара слова утешающего, она молится за другого, а молитва, вы знаете, сильна. Любовь отца, любовь матери говорит иногда слово строгое, но в этом слове не звучать ни гнев, ни злость; оно мирно и покойно и, исходя из сердца любящего, доходит до другого сердца, как елей врачующий.

Что на деле сжимает сердце наше для дел любви? Самолюбие и его плоды – гордость, своекорыстие. Как я могу служить низшему меня? говорит гордость. Как я отдам другому, что мне самому нужно? говорит своекорыстие; платят ли мне как должно, за мои услуги? Как мне не беречь своего покоя и здоровья и тратить силы для других? говорит самолюбие. Братия и сестры! редко вслух других, но точно так оправдываем или извиняем мы себя в холодности к другим. Хорошо ли это?

Нет, к чему называть худое добрым? Надобно открывать пред своею совестью, худое во всей наготе его. С такими началами жизни, с самолюбием и его плодами горькими, не попадем мы в царствие небесное. Любя так слепо себя, мы только губим себя. *Аще кто хочет быти в вас первый, да будет всем слуга, вот воля Божия, спасительная для нас. Всяк возносяйся смирится, смиряяй ж, себе вознесется,* сказал Господь. Не для себя, а для славы имени Божия, должны мы жить. *О сем познахом любовь, яко Он Сын Божий по нас душу Свою положи, и мы должны есмы по братии души полагати. Чадца! возлюбим не словом или языком, но делом и истиною* (1Ин.3:16. 18). Таково наставление апостола о любви! Мы узнали, говорит он, любовь из того, что Он – Сын Божий положил душу Свою за нас. Посему и мы должны полагать души за братьев. Видите, по наставлению апостола, мы не должны жалеть для других ни сил, ни здоровья; только в таком случае мы будем учениками и последователями Сына Божия. Любовь на словах, а не на деле – обман; мы должны делами показывать, что есть в нас любовь к другим.

О! будем же охранять сердце свое от гибельных путей самолюбия, своекорыстного и гордого.

Святитель Божий, сильный любовью к ближним и сею любовью сильный пред Господом! испроси у Господа елей милости для бедных сердец наших, – любовь к ближним, не охлаждаемую дыханиями самолюбия, да радуясь о делах любви твоей вкупе славим Господа любви и жизнью нашею. Аминь.

1856 год.

Слово в день рождения Иоанна Крестителя

Велик был тот, кого сама истина нарекла самым великим из рожденных женами.

С самого рождения и еще до рождения знамения небесные показывают в нем необыкновенного посланника Божия. Каково-то примут люди сего чрезвычайного вестника Божия! Как-то воспользуются тем, что будет он открывать им для их же спасения! Как-то будут совершать, что повелит он им совершать, как спасительную волю неба! Как воспользовались люди проповедью крестителя и Предтечи, мы уже знаем, слушатели, и что знаем, не радуется души за людей времени Предтечи. Но не будем осуждать тех людей; обратимся к себе самим.

Крещение Иоанново было великим даром Божиим для людей. Но несравненно важнее то крещение, которое установил для нас Христос Господь. Крещение Иоанново было крещением покаяния, призывало людей к сокрушению о грехах, но не давало сил начать и совершить жизнь новую. Крещение Христово, как крещение не одною водою, но и духом, совершает в человеке духовное возрождение, облакает силами, нужными для исполнения благой и совершенной воли Божией. Крещение Иоанново было крещением в грядущего Спасителя мира; потому-то и спасения, потому-то и благодати полной оставалось еще ожидать. Крещение Христово есть крещение пришедшего Спаса мира.

Если же так важно крещение христианское, то, без сомнения, необходимо и строгое внимание к обязанностям, какие возлагает на нас это крещение.

При первой мысли о крещении нашем легко приходит и мне и тебе, слушатель, имя, которое носим мы со времени крещения. Как крещенные Христовым крещением, мы называемся христианами. Что ж это за имя, запечатлевшее нас? Ужели это только голос, которым хотят отличать себя в житейском быту? Ужели это слово придумано для нужд земной жизни? Нет, это имя, указывая на совершившееся в нас дело

Христово, указывает и на дела, которые обещались мы исполнять до гроба. Это имя показывает в нас не граждан земли, а сожителей неба, зовет нас жить не для мира, а для Господа, не для времени, а для вечности. Приняв его в купели крещения, мы возложили на себя великие обеты, важные обязанности.

Первый обет, который мною и тобою, слушатель, дан при святом крещении, есть обет чистой веры. Крещающийся христианским крещением крещается, по слову Господа, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Это означает, что крещающийся обязуется быть исповедником имени Отца и Сына и Святого Духа, обязуется знать и твердо содержать в душе то великое Имя, которое благоволило открыть Себя в новом откровении, верить в сие Имя искренно, всею душою и так, как благоволило Оно явить Себя, а не так, как захотелось бы представлять помыслам гордого ума, мечтам своевольного воображения. Важна для каждого эта вера. *Иже имеет веру и крестится, сказал Господь, спасен будет, а иже не имеет веры, осужден будет.* Так как крещение есть дверь в царство Христово, то церковь, заботливая о спасении всех, не позволяет себе допускать, чтобы кто-либо остался, не вступив в эту дверь спасения; она сообщает благодать крещения детям верующих при самом вступлении их в мир, и тогда же посвящает их вере в триединого Бога. Святую же обязанность – поучать крещаемых детей вере Христовой возлагает она на восприемников. на пастырей, более же всего эта обязанность лежит на вас, отцы и матери рожденных вами чад! Вашей любви к детям, вашей заботе поручает она участь детей ваших. Дороги ли вам дети ваши? Дорога ли вам судьба их временная и вечная? Тот, Кто благословил вас именем родителей, ожидает от вас более, чем заботы о жизни физической. Строго взыщет Он с вас за нерадение о христианском образовании детей ваших. Вы заботитесь об устройении временного счастья детей ваших, печетесь, суетитесь, тревожитесь, как бы дети ваши не принуждены были вести жизнь бедную, без денег, без известности, и стараетесь облечь их блеском житейского воспитания. Не осуждаю этой заботы, пока она не выступает из

своего предела. Но заботитесь ли вы, хотя столько же, о том, чтобы дети ваши знали Христа Господа, чтобы они не были по душе язычниками, незнающими Бога и дел Его для нас? Нежная душа дитяти сама по себе так легко принимает мысли о святом и вечном, так как святое составляет назначение самой жизни нашей, так как святое дано Святым вместе с жизнью, а умножено возрождением в купели крещения; оставалось бы воспитывать это дорогое, не оцененно-дорогое семя Божие в душе дитяти. А между тем спешат, и как еще спешат, заглушать это семя терниями мирских мыслей, земных дел. Что ж выходит из души богосозданной, из души, возрожденной Духом Святым? Земное, ничтожное, создание рук человеческих.

Но не прежде ли должно спросить вас, родители, как вы успеваете в вере? Да, быть не может, чтобы родители, чувствующие достоинство святой веры, её необходимость для времени и вечности, были равнодушны к состоянию веры в детях своих. Значит, зрелые родители походят по вере на несмысленных детей? Какой стыд! Вы, которые еще в детском возрасте посвятились имени Божию и столько лет прожили, ужели не имели времени, ужели не имели способов для благоговейного изучения истин христианских? И силы зрелы, и времени было много, и способы открыты каждому, чтобы не только узнать, но и принять сердцем Христово учение. Для кого из вас затворены двери храмов Божиих. где каждый день возвещается вера то в простых, сладких песнях, то в поучениях отцов и учителей церкви, то в самом богодохновенном писании? Обыкновенно ссылаются на занятия свои, на дела земной жизни, чтобы извинить себя в неведении высоких предметов веры. Ах! если бы не отступили сердцем от Христа, подобные отговорки не пришли бы и на мысль. Кроме того, что всему – свое время, для размышления о вере всегда готово время. Что мешает носить имя Божие в уме и сердце, чем бы ни заняты были руки? Мешать только может страсть к земле. Говорят, что изучать истины веры – дело учителей веры, а не людей простых. Но позволь, любезный, спросить тебя, христианин ли ты? Если ты – христианин, как же ты слагаешь с себя обязанность знать Христа? Если ты христианин, как же не

хочешь знать Того, Кого знать обязался клятвою при купели крещения? Где твои клятвы? Где твои обеты? Если ты не хочешь даже знать Христа; каких дел остается ожидать от тебя? Служитель слова обязан знать, но для чего? Чтобы разрешать твои вопросы. А ты и не думаешь о чем-либо спрашивать, ты и не считаешь нужным касаться того, о чем бы он хотел говорить. О! вспомни грозные слова Господа, *иже не имеет веры осужден будет.*

Или не весте, яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо ему крещением в смерть, да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем (Рим.6:3—4). Апостол считает известным для христиан своего времени, что христианское крещение то же, что погребение себя со Христом. *Или не весте?* А знают ли это христиане нашего времени? Тот, кто крестился во Христа – начальника веры, тот вместе с тем, как погружался в воде крещения, вместе с умершим Христом своим погребался в воде, как мертвый, и потом вместе с воскресшим Христом возвратился к жизни, чтобы жить новою жизнью. Что ж это за жизнь, с которою расстался он? Это жизнь ветхого человека, тлеющего в похотях греха; это жизнь гордого и своенравного самолюбия; это жизнь роскошной и сластолюбивой плоти; это жизнь темных страстей. Потому-то, пред погружением в купель крещения, отрекаемся мы от сатаны и всей гордыни его и всего служения его. Ничего нет ужаснее греха; плод его – смерть вечная, гибель, пред которой ничего не значат все временные бедствия. Как не желать не жить для греха? Возрождающая купель крещения ослабляет живущий в нас грех и облекает силами для исполнения святой воли Божией. И благодарность к благодати, возражающей для неба, и ужас греха, готовящего смерть вечную, заставляют дать обет быть мертвецом для греха и живым для единого Господа. Итак, вот и еще значение имени христианина, принимаемого при купели крещения!

Помним ли мы, братия, этот обет? Исполняем ли его благоговейно и верно? Мы живем в забывчивости часто так, как бы не были христиане. Какими слезами мы оплачем несчастное

положение наше? Мы клятвопреступники. И пред кем? И в чем? Если бы помнили мы. слабые христиане, обет крещения, он был бы верным стражем сердца нашего в борьбе с прелестями греха, он много помог бы нам в деле победы над слабостями нашими! Искушает ли кого нечистая плоть? Пусть вспомнит, что он мертвец для греха, что похоти плоти – скверна для христианской ризы его. Обольщает ли тебя блеск золота, великолепие богатства? Скажи себе, мертвецу не нужны деньги, а нужное готово для него. Теснят ли тебя бедствия земной, страннической жизни? Вспомни, что мир по крещению для тебя чужой; а чужой может ли любить не свое? Вспомни, что по крещению ты наследник Божий; не будь же малодушен пред миром тлеющим. После того, что получили мы в купели крещения, после того, что каждый день получаем мы от Христа Господа, стоит ли что-нибудь нашего внимания? Люди страшны? По крещению Всесильный Отец с нами. Друзья не верны? Верен Господь Иисус – Он ни на минуту не оставляет нас. Грех силен? Помолись Господу, и благодать Его укрепит тебя. Выходя из купели крещения, вступили мы в союз с небом, в общение со святыми, с сонмами ангелов. Они готовы помогать нам, как братьям своим, в борьбе ли с бедами житейскими, в борьбе ли с нашими страстями. О! сколько помощников нам! сколько защиты против опасностей, каких бы-то ни было! Заснувшая в грехах душа христианская! Опомнись, к чему ты приготовила себя. Ты попираешь дар благодати крещения, какой суд навлекаешь ты на себя! Ты прелагаешь благодать Божию в скверну, увлекаемая страстями греха, геенна ждет тебя! Что ж делать? говоришь ты. Каяться, каяться никогда не поздно, пока мы не в гробу. Начни снова, что сделано было в крещении, дай твердый обет быть мертвецом для греха. Одна победа над собою облегчит для тебя другую, – решимость воли привлечет на тебя обилие благодати, благодать будет укреплять слабую волю, возрастая по мере верности твоей к ней. Дело Христово не легко, до поверь, оно соединено с такими утешениями, которых не даст тебе ни мир роскошный, ни плоть нечистая. Ободришь, с нами Бог – Отец всякие утехи и милости.

Великий крестителю Иоанне! Ты друг жениха Христа Господа. Помолись о нас к любящему тебя Господу, да подаст Он нам силы оживать в сердце и исполнять на деле святыя обеты крещения нашего, во славу Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

1848 год.

Слово в день святых апостол Петра и Павла

Молю вы братие, Господом нашим Иисусом Христом и любовью духа, споспешествуйте ми в молитвах о мне к Богу, да избавлюся от противляющихся во Иудеи (Рим.15:30–31). Так писал ублажаемый ныне апостол Павел христианам римским.

Что ж это значит? Ужели апостол имел нужду в молитвах чужих? Ужели он, сосуд благодати, ожидал помощи молитвенной от людей? Ужели считал он не лишним ходатайство за него других? Ужели не видел он ничего несообразного с духом христианским в том, что, по его примеру, будут молить его самого о ходатайстве за других? Братия, мы собрались в храм сей вознести молитвы к святым апостолам о помощи за нас грешных. Не остановили бы и нас вопросом, христианское ли дело творите вы?

Соединим же с размышлением о молитве апостола размышление о наших молитвах ко святым, *Молю вы, братие, споспешествуйте ми в молитвах о мне к Богу*, Апостол просит, апостол молит, чтобы молились за него. Откуда такое расположение в апостоле? Чтобы понять апостола, возьмем другие слова его о себе самом. *Окаянен аз человек, восклицает он, кто мя избавит от тела смерти сего?* (Рим.7:24). Так сознавал он в себе немощь плоти, бессилие природы человеческой для добра, и не надеялся избавиться от немощей прежде гроба. В чувстве сей-то немощи, в сознании сей-то слабости молился он за себя, молил и других молиться за него. Он был исполнен дарами благодати! но сии дары всегда оставались дарами Божиими, собственностью чужою, а не его самого; они оставались во власти Того, Кто даровал их, – Духа Утешителя; Тот мог уменьшить или увеличить их, удержать или усилить их действие. Да, братия, на какой бы степени духовного совершенства ни стоял кто, сознание немощей неизбежно, чувство нужды в помощи необходимо для каждого; падения наши с того и начинаются, что мы не видим грехов своих, не

видим ран и болезней своих; не видя их, мы не просим помощи, – не прося помощи, слабеем час от часу более и доходим до изнеможения, до глубины греха.

Вот основание молитвам нашим ко святым, основание в самой глубине христианского духа! Без сознания немощей христианин – не христианин; а сознавая немощи, он обращается за помощью к другим, тем более к святым. Странны люди со своими мнениями! В иное время они резко говорят о человеческой немощи, говорят даже, что человек не способен ни к чему доброму. А в другом случае они же проповедуют совсем другое, считают себя в силах возноситься прямо к Богу, оскорбляются, как унижением, когда предлагают нам искать помощи где-нибудь ближе, просить пособия у братьев, богатых дарами благодати Божией. Согласитесь, что тут – или сознание в немощах не искренно, или отречение от молитв ко святым неуместно. Если беден я, если чувствую бедность мою, не естественно ли мне искать помощи, где только можно получить помощь? И наоборот, если я, покрытый рубищами бедности, упорно отказываюсь искать помощи, не значит ли это, что я упорно горд? Да, иначе нельзя мне думать о себе; иначе думать значит только обманывать себя в угоду тайной гордости. Апостол не тому учит нас своим примером. Апостол просит, апостол молит даже земных странников, далеко более слабых, чем он сам, молиться за него. Вот дух апостольский! Вот сознание искреннее своих немощей! Восходивший до третьего неба просил о молитве за него тех, которые жили еще в борьбе со грехом, сражались с немощами плоти. Как же не считают иные за гордость – не преклонять колен пред святыми Божиими, прославленными не небе и на земле?

Святая правда, что Христос Иисус есть истинный и единственный ходатай наш. Но эта вера не только не мешает мне молиться святым, напротив требует, чтобы молился я возлюбленным Божиим. Почему? Так поступал апостол. Кто чаще прочих, кто сильнее прочих проповедовал о вере во Иисуса – ходатая перед Богом? Павел. И тот же Павел апостол умоляет о том, чтобы молились за него другие. Пусть, если могут, осудят апостола за несообразность с самим собою. Тогда

охотно поставлю себя в числе осужденных. Посмотрим ближе на предмет. Осуждает ли кто себя за то, что молится за себя? Как можно, говорите, осуждать за дело евангельское? Справедливо, как нельзя более. Но прошу еще ответа, что делают, когда молятся за себя самих? Не ходатайствуют ли за себя перед Богом? Вы просите прощения грехов, молитесь о помощи в беде житейской, изливаете молитву об утешении в скорби, не то ли же это значит, что вы ходатайствуете за себя перед Богом, поставляете между бедностью своею и Божией благодатью посредником молитву вашу? Да. Это так, скажете вы. Если же так, то почему надежды на свое ходатайство не считают грехом, а надежду на ходатайство святых признают за грех? Отчего ходатайство ко святым означает оскорбление ходатайству Христову, а доверие к себе, к своей молитве не есть оскорбление ходатаю Христу? Как угодно, но тут есть неверность себе самим, тут есть противоречие своей совести, хотя и не хотят понять того, или точнее, не хотят сознаться в том. Вы молитесь, вы ходатайствуете за себя потому самому, что уповаете на силу ходатайства Христова, – верите, что без ходатайства Христова не услышана была бы молитва ваша, как молитва грешников; вы молитесь для того самого, чтобы в молитве принять дары юности Божией, отверстой заслугами Христовыми. Значит, молитва ваша о себе самих не унижение, а хвала ходатайству Христову. Почему же молитва святых Божиих не имеет той же силы? почему она служит не к славе, а к оскорблению единого ходатая Христа? Ужели можно думать, что святые Божии хуже нас понимают и ценят силу ходатая Иисуса? Можно ли думать, что, тогда как надежда на свою молитву не оскорбляет славы ходатайства Христова, надежда на ходатайство святых менее может быть благоговейною к Тому же ходатаю? Святые Божии целою жизнью проповедуют мне о сладчайшем Иисусе; вся жизнь их была в Иисусе; они жили и живут только Иисусом. Итак, первый молитвенный вздох мой к Святому есть вздох к Господу Иисусу, славному во Святых Своих. Молю верховных апостолов, как проповедников благодати Иисусовой. Молю преподобных, молю святителей, молю мучеников, как живших, так и живых для Христа Иисуса и

Христом Иисусом. Молитва моя ко святым есть исповедь в немощах моих, и хвала единому Ходатаю Бога и человеков. Нет, скорее тогда, как полагаются на свою молитву, могут доходить до самообольщения. до забывчивости о едином Спасителе, чем, тогда как, не надеясь на себя самих, обращаются к молитве святых.

Но для чего не обращаться с молитвою прямо к Богу или Господу Иисусу? Для чего нужно обращаться к посредству святых? Если чистый луч света пропускают сквозь зеленое или окрашенное стекло, он не доходит до нас светлым, – он кажется нам зеленым или окрашенным; но ни вера моя в светлость света не уменьшается, ни свойство света не изменяется оттого, что нечистое стекло кажет его мне нечистым, возьмите чистое стекло и до глаза вашего дойдет чистый свет. Так точно, если хотите, чтобы небесный луч благодати Божией дошел до вас во всей его светлости, пусть проходит он сквозь чистые мольбы святых; а моя и твоя молитва, возлюбленный брат, легко быть может, покажет нам его совсем в другом виде, оттого что она не чиста. Вот почему столько чудес благодати Божией испытывают на себе по молитвам святых Божиих! Молитва ко святым соединяет нашу душу с чистыми проводниками благодати Божией, и через них низводит на душу лучи света благодатного. Грехи мои удаляют меня от Бога моего, служат преградою между моими ранами и Его благодатью. Братия мои о Христе близки к Господу, чистые души их с Ним и в Нем живут. Что мне остается, чтобы душа моя грешная не оставалась лишенною благодатного света, чтобы не потеряла наконец и самого вкуса духовного к сладостям неба? Остается средство верное – обратиться к святым Божиим, да милость Его к ним станет между Богом и мною, и через них излиет елей свой на израненную грехами душу мою.

«Станет ли дитя, любящее отца, обращаться к посредничеству лица стороннего с просьбою о заступлении пред отцом?» О! без сомнения, станет, если оно доброе дитя, и провинится. Если же не станет, то тем самым покажет, что оно дитя не доброе, дитя упорное, на которое мало надежд в будущем. Обращаясь ко святым, мы выражаем недоверие не к

Богу, а к себе самим, свои грехи признаем препятствием к общению нашему с Богом и Бога с нами. Может ли такое расположение души оскорблять Бога? Напротив, если что не угодно Господу, если что может оскорблять Его, то всего более дерзкая гордость. Если бы молитва ко святым была несовместна с благостью Божией, то и молитва к Богу была бы тем же, и она также была бы недоверием к милосердию Божию.

Не скажут ли, «апостол молиться за него просил римских христиан, которые жили на земле; а другое дело – молиться ко святым?» Что это значит? Не то ли, что сомневаются молить Святых потому, – что сомневаются в бессмертии душ? Сомнение в бессмертии души точно может остановить руку, готовую на молитву ко святым. Иначе, так как у Бога нет мертвых, а все живы, то апостол, молящий земную братию за себя, то же для меня, как бы молил он о молитве за себя отшедших отселе.

Говорят, «верим в бессмертие душ, но знают ли святые на небе о наших земных молитвах к ним?» О! пусть не тревожатся ни за знание Святых о земле, ни за любовь их к нам – земным странникам. Во Христе Иисусе соединены небо и земля союзом самым тесным. Во Христе Иисусе земные странники суть сожителя святым, сущим на небе, сограждане Иерусалиму небесному, церкви, торжествующий в славе Божией, и тьмам ангелов Божиих. Так сказано нам в откровении Божиим (Еф.2:19; Евр.12:22–23). А, при такой близости небожителей к странникам земли, как не слышать первым молитвенного гласа последних? Святые Божии и на земле столько были прозорливы, что прозирали в тайные помыслы человек, видели сокровенные чувства и желания ближних, зрели отдаленное пространством и временем. Вспомните, как апостол Петр видел тайные расположения и дела Анании и Сапфиры. Вспомните, как пророк Елисей верно видел происходившее в сердце ученика его Гиезия, и то, что тайно замышлял сирский царь. Что же сказать о небесном зрении святых Божиих? Здесь говорит апостол, видим мы отчасти, – там вполне; здесь смотрим на предметы духовные как бы в зеркале, – там будем видеть их лицом к лицу, в самой сущности их (1Кор.13:9, 12).

Любовь Святых на небе, без сомнения, полнее и чище, чем была на земле. Если они на земле готовы были отказаться от собственного спасения для спасения братьев, готовы были считаться чуждыми для Христа, лишь бы были своими Христу чуждые Его, чего же не готовы они делать на небе для спасения тех же братьев? *Кто изнемогает, говорил Павел, и не изнемогаю за него? Кто соблазняется, и аз не разжигаюсь любовью в нему? Сердце наше распространяюсь, не тесно вмещаетесь вы в нас (2Кор.11:29, 6:11–12).*

Прииде ангел, говорит тайновидец, и ста пред олтарем имеяй кадильницу злату, и даны быта ему фимиами мнози, да даст с молитвами святых на олтарь злотый сущий пред престолом. И взыде дым кадильный с молитвами святых от руки ангела пред Бога (Откр.8:3–4). Что показывает тайновидец? Прежде всего ангела, служащего пред престолом Вышнего в храме небесном; потом – молитвы святых, возносимые к Богу при посредстве ангела. Казалось бы святые, как близкие к Богу, сами могли предложить молитвы на алтаре небесном, но видно, на небе не так как на земле; там не место своеволию и дерзости, там всему порядок, всему постепенность; низшие являются пред Богом при посредстве высших. Судите же, каким духом руководятся те, которые, живя еще на земле и во грехах, считают себя в праве не нуждаться в посредстве высших, святых? Обратите еще внимание на то, что это за молитвы святых, благовоново возносящиеся к Богу? О чем, и о ком они? Конечно, каждый согласится, что святые, сущие на небе, получили, чего желали, достигли цели, к которой стремились. О чем же они молятся? О том, о чем остается молиться любви к братьям, о спасении ближних. Святые изливают мольбу пред Агнцем вечным за тех, которые борются с бедами и напастями, с страстями и грехом на поприще земной жизни. Иначе, они мольбою своею делают внятнм и чистым наш молитвенный лепет, столько слабый и грешный, вознося его к небесному престолу. Итак, вот откровение неба о молитве святых!

В книге Иова читаем, если есть за него (за человека) ангел посредник, один из тысячи, Он, Господь всех, умилоствует

над ним (Иов.33:23–24). Оскорбленный дерзостью Авимелеха Бог повелевает ему просить Авраама, чтобы тот помолился за него. Почему же? *Пророк есть, и помолится о тебе, и жив будешь* (Быт.20:7). Вот как законна и сильна молитва праведника за грешника пред Богом! Пророку, а не грешнику, прилично являться прямо к Богу с молитвою, и молитва его за грешника спасает грешника от заслуженной казни. Неосторожные друзья Иова прогневали Бога своими, человеческими, мнениями и рассуждениями. Казалось бы, оставалось возвестить им, чтобы принесли слезное покаяние пред Богом. Но приказание отдано другое. *Идите, сказал Господь, к рабу моему Иову, и сотворит жертву о вас, понеже точию лице его прииму, аще бо не его ради, погубил бых убо вас* (Иов.42:8). Наконец, как часто слышим в слове Божием моление Израиля, да помилует его Господь ради Авраама, Исаака и Иакова.

Принесем, с полным упованием, молитвы наши ко святым апостолам Христовым, да их ради явит и на нас милость свою Господь Бог, да сподобимся купно с ними достойно славить на земли и на небе великое имя Агнца вечного. Аминь.

1847 год.

Слово в день апостолов Петра и Павла

Беды в реках, беды от разбойник,
беды от сродник, беды от язык, беды
во градах, беды в пустыни, беды в мори,
беды во лжебратии (2Кор.11:26).

Изобразил так земную жизнь свою ублажаемый ныне учитель языков! Так, или почти так, изобразил бы свою жизнь и другой ублажаемый верховный апостол, если бы имел случай изобразить ее!

Какая, скажут, мрачная картина! Страдать и страдать! Страдать на воде, страдать и на суше, страдать в городах, страдать и в пустыне уединенной; страдать от чужих, страдать и от своих кровных; страдать от врагов, страдать и от тех, которые называются братьями! Зачем такой ряд страданий? Зачем страдать тем, которые столько любили Господа своего, и к которым без сомнения был близок Господь со своими милостями? Отчего путь угождающих Господу усеян скорбями различными?

Может ли быть, чтобы свет и тьма жили в дружбе? Нет! Свет утренний гонит тьму ночи; мрак приближающейся ночи гонит свет дневной. Точно так мир ненавидит праведных, потому что дела их, их свойства, их стремления противоположны, как свет и тьма. Для мира укор – самая жизнь праведника. Пусть праведник, по обету смирения, не говорит ни слова миру о делах его темных; пусть, по обету любви, употребляет он все, чтобы сохранить мир со всеми, быть не может, чтобы мир остался навсегда доволен праведником. *Мир возненавиде их, яко не суть от мира (Ин.17:14)*, говорит небесная Истина о любезных учениках своих. Мир ненавидит учеников Божиих, по тому самому, что они ни по чему не принадлежат, или не хотят принадлежать миру; ему свое дорого, а это все есть то самое, что отвергают друзья Божии, так как оно не угодно Богу, так как Господь требует совсем другого в заповедях своих. *Мир во зле лежит*. Не верите? Посмотрите на опыт и особенно при свете Божиим. Это больно, говорите вы. В мире – братья наши, в

мире искушенные вместе с нами Господом нашим. Как не помочь им? Как не сказать им о их беде, о гибели, ожидающей их и во времени, и в вечности? Как не сказать, что спаслись от греха? Вы правы, ваши мысли, ваши чувствования – благородны, святы! Но посмотрите, что вы хотите делать? Вы хотите, чтобы свет Божий гнал тьму, правда выгоняла из сердца неправду, благочестие заступило место нечестия! А это значит тоже, что вы объявляете войну. Сердце не легко расстается с тем, что полюбило оно; понравился грех, стал правилом жизни? И за него война. Понравилось ложное мнение, ошибка сроднилась с душою? И за то война. И какая война! Пусть ясна, как свет Божий, та истина, которую выставляете, чтобы прогнать заблуждение, заблуждение ни на шаг от сердца; заблуждение бросает в вас тьму заученных слов, чтобы отстоять себя; вы говорите, все эти слова – бред невежества жалкого, но заблуждению до того дела нет; за него стоит сердце, полюбившее его и все его создания. Вы говорите скупцу; скупость – низость, а он отвечает, нет, и ставит себя в праве бранить щедрость. Вы говорите бессовестному судье; побойся Бога вспомни о суде за гробом; он, не чувствуя, что такое страх Божий, наделяет вас презрением и угрозой, и выполнит над вами угрозу, если не теперь, то завтра. Свет гонит тьму, а тьма гонит свет. Вот объяснение тем печальным, но частым случаям, что не только не принимают доброго слова, но мстят за добро; не только не исправляются обличением, но чернят обличающего; не только не любят правды, но стараются выставить ее неправдою. Любезный брат! Твою кротость называют притворством, твое братолюбие – ласкательством, твое благочестие – лицемерием, твою любовь к бедным – исканием звуков людских, твою любовь к правде – упрямством, не удивляйся, тем более не сетуй, а говори в душе своей, свет гонит тьму, а тьма гонит свет; для тебя довольно, что ты любишь свет. Так, страдания неизбежны для праведника в мире, пока существует сей мир грешный. *Вси хотящий жити благочестно гоними будут* (2Тим.3:12). Не любить сей истины праведнику нельзя потому, что нельзя не любить братьев, хотя бы и грешных нельзя не любить ближних, хотя бы и врагов, нельзя не

любить всех, когда и Господь долготерпит и ждет, *да вси в покаяние приидут*.

Тем не менее больно сердцу терпеть неприятное. Жизнь любит жить, а не страдать. Если и все в мире страдает, если и вещественная природа испытывает землетрясения, наводнения, бури, от того не легче сердцу. Где правда Божия, которая, без сомнения, не хочет допускать, чтобы страдала невинность?

Этой тайны не разрешила языческая мудрость, но разрешает учение христианское и – к полному утешению сердца. Язычник-мудрец говорил, «терпи охотно; иначе невольно терпеть будешь». Христианская мудрость говорит, «терпи охотно, потому что страдание – плод греха нашего». В самом деле, когда вошли в мир болезни, нужды, печали? Вслед за грехом. Смерть – оброк греха. Смерти не сотворил Господь Бог; Он сотворил жизнь, Он сотворил все в лучшем порядке, чтобы все наслаждалось жизнью. Этого не могла не принять, и языческая мудрость и принимала. Итак, правда Божия – права в путях своих. Остается праведнику быть внимательным, чтобы оправдать себя. Как же оправдывает он себя? Какой праведник может признать себя неповинным пред строгою правдою Божией? Ах! только один был такой праведник? Это Тот, который принял на Себя неправды всех человек, который изъязвлен был за грехи наши и измучен за беззакония наши (Ис.53:5). Иначе, все мы – грешники, начиная с Адама, пока только странствуем по земле. Иначе, праведники только на небе, но не на земле. Кто похвалится иметь чистое сердце перед Господом? (Иов.14:4) Если бы кто и стал говорить, *яко греха не имам*; о том со всею уверенностью надлежало бы сказать, себя прельщает, истины нет в нем (1Ин.1:8). И праведник падает седмижды на день (Притч.24:16). Сыны Божии, начинающие предвкушать благодатную свободу духа, откровенно признаются в немощах своих; они до гроба воздыхают об избавлении от докучливой плоти и до гроба молятся о прощении грехов (Рим.7:15–20). Между тем в новый Иерусалим не войдет никакая скверна (Откр.21:27). Туда допустят только тех, которые явятся в одеждах белых чистоты и невинности (Откр.3:18), в брачном одеянии святыни (Мф.22:12–

13). Вот почему праведники и тогда, как казалось бы, уже преуспели в любви к Господу, поражаются скорбями! Правда Божия здесь наказывает в них слабости и немощи, чтобы там явились они свободно к её престолу для получения венцев. *Судами от Господа наказуемая, да не с миром осудимся* (1Кор.11:32), говорят они сами.

Подивимся же не только правде Божией, всегда правой в стезях своих, но и премудрости Божией, открывающей в самом зле средство к добру. Что такое бедствия временные для чад Адамовых? Это не только казнь за грехи, но и врачество против греха.

Если и тогда, как мир наделяет всех нас горестями, мы все, более или менее, любим мир; если и тогда, как земля колет нас терниями и волчцами, мы, более или менее, льнем к земле, что было бы с нами тогда, как земля и мир не отталкивали бы нас от себя? Как пользуются благами земными, сколько делают употребления из них для своего спасения! Бог дает тебе богатство, изобилие течет к тебе рекою. Обращаешься ли ты с благодарностью к Тому, Кто ниспосылает тебе счастье? Чувствуешь ли, как милостив Он к тебе не по делам твоим? Бедный богач! Богатство наполнило собою душу твою и – вот не стало ни времени, ни расположения для благодарных молитв, для благодарного служения Господу. Но если уже забывают Бога, которого не видят, по крайней мере, помнят ли, знают ли ближнего, которого видят, уделяют ли охотную душою из достатков нищему, готовому умереть от голода? Нет, – и того нет. Горького бедняка наделяют только наставлением – трудись и не будешь беден, или провожают уверением, о котором так худо помнят сами, «Бог даст». Между тем, своим страстям ни в чем нет отказу; рады, что есть средства утучнять их, тратят богатства на роскошь, на тщеславие, на нечистоту, не думая об отчете, какой должно дать в вверенном таланте. То ли было, пока душа не имела *блага многа?* (Лк.12:19). То ли случилось, когда встречались с нуждами или с бедою? Да, тогда нужен был Бог; тогда спешили к Нему с слезою на глазах, или, по крайней мере, со вздохом сердечным. О! Боже мой! Какой нужен гром гнева Твоего, чтобы образумить бессмысленные сердца наши!

Како не удобь имущии богатство в царствие Божие внидут (Мф.19:23). Точно то же бывает у людей со всяким земным даром, с честью, с властью, с знатностью. Человек в чести сый не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им. Обилие счастья расслабляет самую боголюбивую душу, обращается ей во вред, как пшенице – слишком тучная почва, как воде – непрерывный покой. Окруженный покоем внешним и праведник может по временам думать, будто свободен от опасностей душевного спасения, может предаться беззаботному покою и говорит: в обилии своем, не подвижуся во век (Пс.29:7); а между тем грех тогда-то свободно и войдет в душу его, когда так мало думают о нем. Заботы о многом для того, кто владеет многим, если и не отвлекут праведника совершенно от единого на потребу (Мф.10:41), по крайней мере, будут делить сердце его между миром и Богом, будут мало по малу ослаблять любовь к Тому, Кого надлежало бы любить всею душою, всем сердцем. Как это горько, далеко более горько, чем всякая потеря земная! Вот почему мудрый молит Господа, не даждь ми богатства, да не насыщся ложь буду и реку, кто мя видит (Притч.30:8–9).

Премудрый врач небесный посылает бедствия тогда, когдаripeвает время им, и в той мере, в какой могут принести пользу. Оставленные миром, униженные людьми, мы невольно начинаем чувствовать, как напрасно мы искали всего у мира, и забывали Бога, не забывающего верных своих; невольно смиряемся – дотоле гордые и самоуверенные; невольно сокрушаемся о грехах – дотоле не видевшие и почувствовавшие беззаконий своих. Сперва невольно разлученные бедствием с предметами страсти, мы мало по малу начинаем и волею расставаться с ними; скорби внешние, подавляя чувство услаждения предметом непозволенным, ослабляют, обессиливают в нас и самую привязанность преступную, дают свободу уму рассмотреть ничтожество и вред нашей страсти, и подкрепляют тем благую решимость жить для Господа. Испытал на себе сию истину тот, кто благодарно взывал пред Господом, *благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим*. Что же? Ужели нам лучше жить

покойно во грехах, чтобы потом они низвели нас в геенну негасимую, чем терпением временных скорбей очистить душу для вечных радостей? Нет, пусть страсти под гнетом скорбей временных; пусть поводе или неволе отторгают от сердец наших все дорогое; пусть сладость греховная поглощается горечью потерь, болезней, нужд! Это не страшно, а радостно. Страшно слово апостола, *аще без наказания есте, убо прелюбодейчици есте, а не сынове*. Страдания – очистительный огонь для христианского дела. Если дело без примеси земных побуждений, оно, ничего не теряя от огня испытаний, приобретает более крепости и чистоты. Если же к нему так или иначе примешалось тщеславие, гордость, или корысть, то, как в огне сгорает сено, тростник, сгорит в искушении то, что казалось, но не было, твердым добром и останутся частицы добра истинного. Искушаемая вера ценнее золота тленного; она-то доставит похвалу и честь, и славу в откровении Христа Иисуса (1Пет.1:7). *Блажен муж, иже претерпит искушение, зане искусен быв приимет венец жизни (Иак.1:12)*. Побеждающему дам сести со Мною на престоле Моем, говорит верный и истинный.

Тот, Кто Сам Себя предал на смерть за нас, не может довольствоваться ни кратковременными чувствованиями, ни чувствованиями, возбуждаемыми только счастливою природою, сколько бы ни были добры по предмету эти чувствования. Истинная любовь к Господу – ряд дел твердости и мужества. Сколько надобно перенести борьбы с самим собою, чтобы приобрести твердость и мужество, достойные Сына Божия! *Аще кто любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин*, говорит Господь. Попытайтесь исполнить сию волю Господа во всей её обширности. Сколько мучительных сомнений, сколько тревог заставит вас испытать естественная привязанность к крови! Сколько огорчений заставят вас вытерпеть люди, которые будут судить вас по разным своим побуждениям! *Иже аще не отвержется себе, и не возмет креста своего, и в след Мене грядет, несть Мене достоин*, говорит Господь. Надобно отречься от себя, как это тяжело! Немного труда стоит быть кротким тогда, как не раздражают нас, любить то, что любить

призывает природа. Но довести себя до того, чтобы, не обращая внимания на плоды природы счастливой, полюбить то, что совсем не по душе, обратить в правило жизни то, к чему слишком мало склонности в сердце, быть примером смирения и послушания, тогда как в характере столько упругости и своенравия, о, сколько нужно для того вытерпеть борьбы с собою! Если любите любящих вас, что в вас особенного? И язычник любил друзей своих. Христианство истинное, совершенное требует, чтобы любили мы врагов. А как это не легко! Как много надобно перенести и внутренних и внешних огорчений, чтобы наконец любить осыпавших нас бранью! «Бог даровал все к наслаждению на земле», говорит праведность обыкновенная и пользуется всем с благодарением. Христианская праведность говорит, по тому-то самому, что столько благ к нам Господь Бог приношу в жертву Ему мое отречение от благ временных, – и какой жертвы, какого приношения не достоин Он всеблагий! Потребуется ли жизнь принести? Все Ему, ничего для себя! Кто может любить нас, и кто так достоин благодарной любви нашей, как Тот, который пострадал за нас на кресте, чтобы возвратить нам любовь Отца небесного? Может ли христианин считать какой-либо подвиг тяжелым для себя после того, как Господь и Спаситель прошел все скорбные подвиги земли, чтобы ввести нас в царство Отца своего? Братия! хотите быть истинными христианами, с венцами истинных последователей Христовых? Терпите скорби отречения от себя, от всего дорогого сердцу. Не хотите? Останетесь с языческою правдою, и с языческою наградой.

Итак, братия, если сияет для нас счастье, будем мужественны, чтобы не обольститься обманчивым блеском его и не слабеть в добре от соблазнительной теплоты его, со *страхом содеяв спасение свое* (Флп.2:12); будем помнить, что земля – не место покоя, а болезней и труда для вечности, не будем алкать и жаждать земного покая, земного счастья, покой на земле нам не приличен, он вреден нам. Если же посетят нас скорби, не будем малодушествовать. Примем с покорностью, если не с радостью, наказание Отца небесного, как знак того, что мы Ему принадлежим, как знак призвания к исправлению

от грехов наших, как знак побуждения к преспеянию в любви совершенной и чистой. Путем скорбей достигли царствия убажжааемые ныне апостолы; тем же путем, при помощи молитв их, достигнем и мы того же, и будем вечно в радости и веселии славить со всеми святыми всесвятое имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

1845 год.

Беседа в день святых верховных апостолов Петра и Павла

Подвигом добрым подвизахся, течение
скончах, веру соблюдох (2Тим.4:7).

Так говорит о себе святой апостол Павел!

Если бы нужно было для кого-либо из предстоящих здесь доказывать, надобно ли, достоин ли чествовать святых, то мы могли бы указать на то, что говорит о себе Павел. Ибо не произносит ли апостол хвалы, не воздает ли чествования подвигам, какие совершила в нем и чрез него благодать Христова, когда говорит, *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох*? Не говорит ли он этою хвалою, что истинное христианство не отказывается отдавать уважение подвигам людей Божиих, подвизавшихся для Бога? Но, благодарение Господу! множество празднующих в память святых апостолов, радостное, благоговейное торжество, каким чтят тысячи великих проповедников славы Христовой, – само собою показывает, что не имеем нужды обращаться к словам апостола за мыслью о чествовании святых. Между тем и без того слова апостола представляют так много назидания, утешения, поучения, что опасаюсь, могу ли объяснить все содержание их, если решусь на это. Вашими молитвами, верховные апостолы, да подастся свет и сила разумению и слову моему!

Подвигом добрым подвизахся, говорит апостол. Жизнь свою, свою деятельность апостол сравнивает с деятельностью борца. И сколько трудов, сколько борьбы испытал учитель языков! Сколько опасностей перенес он! Какое изумительное зрелище страданий представляет нам жизнь его! «в трудах я был многих, так повествует сам он, в ранах, в темницах, многократно при смерти. От иудеев пять раз дано мне по сорока ударов без одного; три раза били меня палками, однажды камнями побивали; три раза терпел я кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской. Много раз был в путешествиях, испытал беды на реках, беды от разбойников,

беды от единоплеменников, беды от язычников, беды в городе, беды в пустыне, беды в море, беды между лжебратиями. В труде и изнурении, часто во бдении, в гладе и нужде, часто в посте, на стуже и в наготе» (2Кор.11:24–27). Мужья браней! кто из вас представит подобный список службы, в котором было бы столько бед жизни, сколько подвигов против смертей?

Да, братья! жизнь истинного христианина – жизнь ежедневных страданий, страданий часто неожиданных, и страданий тяжких. Не от нас зависит дать другой вид жизни во Христе, вид более приятный, более легкий, нежели каков он есть. Если угодно, вы можете избрать другой путь, путь, который называется и есть путь широкий, путь гладкий, путь без страданий и скорбей; только можете быть уверены, что этот другой путь поведет вас не иначе как в ад. Выбирайте тот или другой путь, это от вас зависит; но свойств и следствий избранного пути не пытайтесь переменять, труд не принесет пользы. Лазарь лежал на гноище, потому что он решился быть праведным Лазарем; богач каждый день веселился, потому что хотел быть роскошным богачом; один отдал душу воле Божией и – страдал; другой предан был страстям и – жил весело, доколе жил только телом. Перечтем лики святых Божиих, кто из них жил так, как жил роскошный богач? Прославлены Господом патриархи, но они были странниками и пришельцами на земле, во всю жизнь искали грядущего града; в здешнем же мире не знали, где и на чем остановиться душою. Прославлены пророки, но какова была участь их? Люди жестоковольные, говорит апостол Стефан к иудеям, кого из пророков не гнали отцы ваши? Они убили предвозвестивших пришествие праведника (Деян.7:51–52). Во времена христианские, за апостолами следовали мученики и исповедники. И ужас обнимает душу, когда читаем, каким лютым терзаниям, и с каким зверством подвергали их враги имени Христова. А ваша жизнь, преподобные, Божии святители, человеки блаженные, ваша жизнь не была ли также жизнью борьбы и подвигов? Кто из вас не скажет о себе, позором мы были для света; свет забывчиво веселился и нежился; то спал он и дремал в беспечной неге, то пробуждался для того только, чтобы искать, как говорит он,

развлечения; а нам спать было некогда, нам покоиться не доставало времени; и свет, улыбаясь, называл нас странными, если только не гнал нас злобно. Утешься же бедный странник земной! если другие на твой счет питаются прохладно, а твоя жизнь полна скорбей, знай, что на тебе лежит печать Божия, его же любит Господь, наказуем. Знай, что крест есть знамение последователя Христова, – знамение, с которым открыть для тебя вход в вечное блаженство.

Впрочем, апостол говорит не просто о подвиге, о трудах, о неприятностях жизни; он говорит о добром подвиге, *подвигом добрым подвизахся*. Предписывая тот же добрый подвиг ученику своему Тимофею, он яснее определяет, что это за подвиг, которым и сам он мог утешаться в душе, и который предписывал другим, подвизайся, говорит он, *добрым подвигом веры, емлися за вечную жизнь (1Тим.6:12)*, т.е. подвизайся тем добрым подвигом, который имеет в предмете своем веру Христову, стремись к вечной жизни, трудись для вечной истины, для вечной святости, а не для времени.

Так, братия, не важно еще. если мы только трудимся, но не понимаем, для чего трудимся, чего домогаемся. Несчастный корыстолюбец не спит ночи, измучен дневными заботами, весь занятый корыстью, но к чему труды его изнурительные? Страшно подумать, – на погибель. Ибо можно ли ждать другого? Забыта вера, забыто человеколюбие, забыт страх Божий в заботах о деньгах. И ты, бедный страдалец честей и власти, каких мук не терпел, смотря на возвышение другого! Тебе нет покоя среди происков, которыми ты подкапываешься под доброе имя и честь другого. И к чему все это? Только для того, чтобы несколько лишних колебаний воздуха, несколько звуков, пробегающих отозвалось в душе твоей тревожными волнениями. Какой суетный труд! какой неблагодарный подвиг! Но, если учитель языков говорит о своем подвиге, как о добром подвиге, то, имея в виду недобрые подвиги других, без сомнения, более всего имеет в виду недобрые подвиги недобрых учителей. Кто же это такие учителя?

Прежде того, как сказал он Тимофею, *подвизайся добрым подвигом*, писал он, *ты же, о человеке Божий, бегай сих*

(1Тим.6:11). Кого же сих? людей, говорит он, которые страдают страстью к состязаниям и словопрениям, порождающим зависть, распри, злоречие пустые споры (1Тим.6:4). *Бабьих басней отрицайся, сия воспоминай засвидетельствуй пред Господом не словопретися, что не служит ни на куюже потребу, а на разорение слышащих* (2Тим.2:14). Вот преимущественный предмет обличения в апостольском слове о добром подвиге. Совести каждого предлагаю на суд, не относится ли это обличение апостольское к тем братьям нашим, которые ведут споры, отделяются от церкви, лишают себя таинств из-за слов? Ревность к отеческому преданию – дело доброе. Но ревность бывает и неразумная, осуждаемая словом Божиим. Подумай, любезный мой, стоит ли предмет твоей ревности того, чтобы из-за него добровольно отлучал ты себя от церкви и благодатных даров её? Не имею нужды пока говорить тебе, что твое глаголемое отеческое предание не так древне, как ты думаешь, – уверяю тебя только словом апостола, что ни отцы не хотели, чтобы ты питал вражду из-за слов, не заключающих особенной мысли. Подумай осмотрительно, с заботою о своем спасении, в чем состоит спасительная вера? В чем состоит спасительное благочестие? В предметах ли твоего словопрения? Прочитай евангелие, прочитай учение апостолов, найдёшь ли ты там хотя одно слово о том, о чем идут споры между твоими братьями? Нет! и так следуешь ли ты здоровым словам Господа нашего? следуешь ли учению, которое *по благочестию*? Или же, не состоит ли все дело твое в бабьих баснях? Осмотрись, не люди ли, которые обращают благочестие в средство к прибуткам, поддерживают тебя в неразумном ревновании, отчуждающем тебя от церкви? Осмотрись? – дело идет о спасении души твоей; дело идет о том, что весь твой подвиг жизни может остаться подвигом недобрым, подвигом *ни на куюже потребу, а на разорение тебе и слышащим*. По любви к твоему спасению воспоминаю тебе сие и, следуя апостолу, заклинаю не словопретися.

Апостол, продолжая в наставление другим изображать свою жизнь, говорит, *течение скончах, веру соблюдох*, – законный подвиг мой кончился, верность Господу соблюдена.

Когда говорит это апостол? Он видит пред собою мученическую смерть свою: *аз уже жрен бываю (2Тим.4:6)*; видит себя при самом конце жизни, время *моего отшествия наста*. И вот в какое время обращает он взор на свое прошедшее, на дела своей жизни. Прежде того он говорил, *задняя забывая, в предняя же простирался, со усердием спешу к почести вышнего звания (Флп.3:13)*. Прежде того он не хотел смотреть назад – на путь, пройденный им в славу имени Христова, а весь занят был только тем, чтобы идти вперед, ближе и ближе становиться к цели путешествия. Жизнь его и прежде была такова, что он мог бы говорить, на ней нет пятна. Но, прежде чем окончен был путь, апостол заботливо помышлял, что дела его еще не кончены, что цель еще не достигнута. что почеть, обещанная высшим званием, еще не дана.

Так, братия, апостол примером своим учит нас тому же, чему поучал Господь в откровении ангела ефесской церкви: *буди верен даже до смерти, и дам ти венец живота (Откр.2:10)*, тому же, чему поучал Он же ангела фиатирской церкви, *побеждающему и соблюдающему дела мои даже до конца дам власть на языцех (Откр.2:26)*. Надобно подвизаться до гроба; и только при дверях гроба можно, если кому дано будет благодатью, говорить душе, подвиг кончился, теперь время успокоиться. Многие превосходно начинают путь спасения, и потом живут совершенно иначе, совсем – не во спасение. Как горько смотреть на такие примеры! Конечно, не многим, очень не многим дается свыше оставаться всю жизнь с неизменным пламенем в душе; со многими из благочестивых случалось временное ослабление в ревности к добру, временная сухость в чувствах, временные ошибки и довольно значительные. Чем же предохранять себя от того ослабления, которое решает собою гибель души? Не позволяй себе засматриваться на добро, которое, при помощи благодати, успел ты сделать; иначе оттого ты и ленив к трудам, – оттого ты и занять собою. Заметил за собою лень? Понуждай себя к трудам, не прощай себе ошибок, а обличай их в себе строго. Воздыхай о немощах, молись о помощи небесной, и таким образом возгревай в себе любовь к Господу. Пагубно

останавливаться на пути с уверенностью в своем совершенстве; пока не кончен подвиг, не время покою, или же это будет покой погибельный. Только тогда приближаемся мы к цели, когда идем к ней, не останавливаясь; для каждой минуты жизни нашей назначено свое дело; следовательно, если остановился и на минуты в покое, то много потеряю для вечности. *Бдите и молитесь*, сказал Господь. Иначе нельзя надеяться на успех. Духовное бодрствование не допустит до бедственного сна греховного, молитва будет низводить благодать, необходимую для нас слабых.

Молитвами верховных апостолов благодать Господа нашего Иисуса Христа да укрепить, да утвердит нас во всяком деле благом. Аминь.

1842 год.

Беседа в день преподобного Сергия

Аще живем духом, духом и да ходим (Гал.5:25).

В день духовного торжества о славе подвижника духовного церковь предлагает и чтение апостольское о духовном жительстве. *Аще живем духом*, слышали мы ныне заповедь апостола, *духом и да ходим*. С призыванием имени Господня, в простоте сердца, посвятим минуты духовного торжества на уразумение сих слов апостола о духовном делании.

Аще живем духом. Апостол предполагает, что можно нам жить духом; можно пользоваться и наслаждаться употреблением сил, живя духом. Что же это за состояние, в котором живем мы духом?

По разумению апостола, две жизни в человеке-христианине, жизнь плоти, и жизнь духа; и закона в нем два, закон греховный, воюющий во удох, и закон ума. *Вем бо, говорит он, яко не живет во мне, сиречь в плоти моей, доброе. Вижду ин закон во удох моих, противувоюущь закону ума моего, и пленяют мя законом греховным, сущим во удох моих* (Рим.7:18, 23). Какое же из сего составить нам понятие о жизни по духу или духом? Можно, во-первых, подумать, что, по разумению апостола, все худое в нас есть следствие противоположного состава нашего – духовного и телесного, что зло это есть необходимое положение при переводе нашем из вещественной, телесной жизни в чисто-духовную, бестелесную. Далее, надлежало бы положить, что жизнь духовная значит у апостола то же, что жизнь душевная, отрешенная от союзов вещественного, – жизнь та, когда, уединяясь во внутреннее души своей, человек отрешается от мира вещественного, от самого тела, живет весь в созерцании мира умственного и в чувстве услаждения сим созерцанием; или же жизнь духовная есть тоже, что жизнь разумная, управляемая требованиями ума, в коей и требования вещества не оставляются без внимания. Но то ли подлинно значит у апостола – жить духом? Нет! Наученные словом истины знаем мы, что мы не живы, пока Дух Божий не оживотворит умерщвленной грехом души нашей; мы

мертвы, и все члены души и тела нашего мертвы, пока не изливается и не действует в нас Дух жизни Божественной; посему предаемся ли мы влечению чувства внутреннего, или водительство разума, конец один – жизнь греховная, или, что согласнее с писанием, смерть; потому что и чувство и разум сами проникнуты грехом, сами слепы; – а слепец слепцу плохой вожатый. Посему-то Господь наш Иисус Христос говорит, *подобает родиться свыше (Ин.2:7)*. То правда, что жизнь человека, как естественная, так и благодатная, начинается в душе его, и из души переливается во все члены состава его, но надобно, чтобы была сила, которая начала бы жизнь в душе мертвой по естеству. Таким образом, сам апостол противопоставляет жизни духовной, собственно, не жизнь телесную, и животворным началом первой поставляет не одно отрешение от требований вещественного состава, или покорение уму, он действующим началом жизни плотской полагает превратную любовь нашу к самим себе; а жизни духовной – любовь к Богу, возбужденную и питаемую Духом Божиим. Так говорит он о себе: *живу не ктому аз, но живет во мне Христос*, – как бы так сказал, не я сам, не моя воля, де мой разум управляет мною, *живет во мне Христос*; Он составляет начало новой и лучшей жизни во мне; Он управляет мыслями, чувствованиями и хотениями моими. В другом месте тот же богоизбранный муж говорит о себе: *закон духа жизни, о Христе Иисусе свободил мя есть от закона греховного и смерти (Рим.8:2)*, – называет начало жизни новой законом духа жизни или силою Духа Божия, поколику Дух Божий производит в сердце человека благодатное порождение новой жизни. Но, да не подумаем мы, что сие высокое состояние обновленной природы есть преимущество только апостола или апостолов. Учитель языков говорит ко всем верующим: *вы несте со плоти, но в Дусе, понеже Дух Божий живет в вас. Аще кто Духа Христова не имать, присовокупляет он, сей несть Егов (Рим.8:9)*. Вот что значит, по разумению апостола, жить духом, и вот как свойственна должна быть верующим жизнь сия.

Верующие слушатели! Чувствуем ли мы в себе приискреннее общение с нами Духа Божия? Или мы дошли до

того, что не знаем иначе, как понаслышке, *кто есть Дух святой* (Деян.19:2). Если мы никогда не ощущали в себе, коль благ, коль близок к нам Господь, то горько, горько нам надобно плакать о своем состоянии; ибо мы не ощущали жизни своей. Но если мы слишком злы в себе самим, оставаясь в нерадении о своей жизни, то благ к нам Отец небесный. Не вотще предал Он Сына Своего на смерть крестную; Он предал Его для того, чтобы мы жили жизнью Сына Его, чтобы мы приняли Духа жизни, Духа животворящего, которого Сын Божий исходатайствовал у Отца для нас. Он подает нам сего Духа, тогда как погружаемся мы в воде крещения; Он укрепляет вас сим Духом, когда помазуемся мы таинственным миром. И – *еще кто не родится водою и Духом*, сказала Истина, *не может внити в царствие Божие* (Ин.3:5). Мы приемлем сего Духа, когда приобщаемся тела и крови Христовой. Но, о Боже, милостивый к нам грешным! И когда Ты не готов подать нам Духа Твоего? Когда десница Твоя сокращалась, чтобы оставить нас голодных и жаждущих, без пищи и питья духовного! *Во сне, в поучении ночью*, говорит один богомудрый, *отверзает Он ухо людей, и виденьми страха устрашает, чтобы отвести человека от неправды* (Иов.33:14–17). *Дух, идеже хочет, дышит, говорит сама Истина, и глас Его слышиши, но не веши, откуда приходит и камо идет, тако есть всяк человек рожденный от Духа* (Ин.3:8). Итак, отчего же, слушатели многие из нас мало ощущают в себе присутствие сего Духа? Как это бывает с нами, что мы не замечаем в себе действий Святого Духа? Чтобы объяснить себе это, припомним столь часто встречающееся в писании сравнение души нашей с землею, а благодатного действия Духа – с семенем, бросаемым в землю. Не часто ли бывает, что и небесная роса, и обильный дождь напояют землю, принявшую в себя семя, и однако ж земля не награждает трудов сеятеля желанными плодами? Отчего-же? Или от того, что в той же земле слишком много худых семян, которые разрастаясь заглушают семя доброе; или оттого, что земля слишком камениста и не дает семени укорениться в себе. То же бывает с нами. Ибо, как благодатному семени не остаться в душе нашей как бы мертвым, когда столько забот столько сует

земных тяготят ее? Как не остаться ему без всякого действия, когда прелести мира, любочестие, корыстолюбие наполняют собою сердце наше, или, когда мы принимаем семя жизни без глубокого чувства, без внимания должного, оставляя оное на поверхности души? Отселе-то происходит, что мы, быв обновлены Духом, не чувствуем в себе действий обновления; быв возрождены, не ощущаем, чтобы в нас действовало новое начало жизни, жизни Божественной.

Впрочем, семя живота вечного – не нетленно. Оно, если и долго лежит в сердце нашем без действия, может дать плод, когда употребим мы свое внимание к тому. Под сим-то условием апостол предписывает нам, аще живем духом, духом и да ходим. Он предлагает нам средство сохранять и плодотворить в себе семя благодатное. Если дух, говорят он, составляет начало нашей жизни внутренней, то и внешняя жизнь должна соответствовать сему внутреннему состоянию; наши отношения к другим, вся наша жизнь должна выражать в себе внутреннюю оную жизнь; наши дела должны быть не делами плоти, а духа. Божественная благодать, после того как производит решительную перемену в душе грешника, возбуждая в нем новые мысли, новые чувства и желания, дает ощутить близость свою, после сего как бы оставляет человека собственным его силам; она извещает его по временам о своем присутствии в нем, но и скрывается от него, дабы новорожденный младенец укреплялся сам в своих силах, навыкал сам ходить твердою стопой по стезям заповедей; её сила пребывает в нем, и сею-то только силою он и может действовать, но благодать ожидает от него, чтобы он укреплялся сам в её силе, чтобы он исправлял немощное, исцелял больное в себе сообщенным ему началом жизни; а это требует того, чтобы он соблюдал верность званию благодати, или, чтобы обновившись в духе; духовно и жил. Вот средство, которое премудрая благодать Божия подает нам для того, чтобы мы не угасили в себе духа её, средство спасительное и вместе легкое, – легкое, потому что странно, если хорошее дерево приносит плоды худые; странно, если обновленное благодатью сердце не творит ни мыслей, ни дел, достойных сего обновления. Жизнь души обнаруживается в

действиях, и действиями внешними подкрепляется внутренняя сила её. По сему-то можно упрекать нас в самообольщении, если мы, думая, что живем по внутреннему человеку жизнью новою, ведем себя так, как будто бы и не знали, что такое жизнь духовная. Если, именуя себя христианами – людьми с чувствами святыми, с желаниями чистыми, мы оказываемся на деле такими, что как будто бы и не знали мы Христа и Христовой благодати, не унижаем ли мы, не бесчестим ли собою христианства? Само по себе понятно, что мир не в праве упрекать тех из нас, которые, приняв на себя иго юродства Христова представляют столько отступлений от общей жизни нашей. И – о, когда бы он мог видеть между нами только таковых! Но прольем горькие слезы о нашей бедности, много в нас еще такого, что по истине служит в бесчестие имени, которое носим мы; воздохнем, поскорбим от глубины души, что так небрежны мы к сокровищу внутреннему, данному нам. Господи Боже наш! Единый милостивый! Помяни милость Твою, уже соделал еси нам во днех юности нашей и, ради сей милости, дай нам видеть несообразность путей наших с Твоею милостью.

Не будем, слушатели, столько несправедливы к себе и к благодати Господа нашего! Обратимся к делам своим и испытаем, так ли мы ходим, как благоугодно Богу нашему и Его благодати? Если бы дела наши были плодом обновленной благодатью души нашей, они были бы выражением одной искренней, простосердечной любви к Господу и ближним; ибо *плод духовный есть любви*. Ни взглядом неприступной строгости, ни словом жесткой самонадеянности не печалили бы мы близких нам; ибо *плод духовный есть радость*. Смотря на возвышение равного иль низшего, мы не волновались бы помышлениями рвения, зависти и ненависти; ибо *плод духовный есть мир*. Мы не оскорблялись бы, или не теряли бы верности самим себе, когда слабый брат наш наносил бы нам обиду, ибо *плод духовный есть долготерпение*. Мы снисходили бы недостаткам подчиненных наших; ибо *плод духовный есть благость*. Мы были бы сострадательны к скорбям ближних наших, не истязывали бы за долги должников наших; ибо *плод*

духовный есть милосердие. Доверчивы, неподозрительны были бы мы на счет искренних наших; ибо плод духовный есть вера. Мы не искали бы председаний в собраниях, не услаждались бы почестями на торжищах, и не надмевались бы гордым самодовольством; ибо плод духовный есть кротость и смирение. Мы не отягчали бы сердец наших объядением и пьянством, роскошью и негою; ибо плод духовный есть воздержание. Нечистота, вражды, рвения, ярость, пьянство, бесчинны кличи, по суду апостола, дела плоти (Гал.5:19,23); посему они не должны быть делами нашими, если мы духом живем и по духу действуем, сущий по плоти, плотская мудрствуют; а иже по духу, духовная (Рим.8:5). Чтобы возбудить к добру ленивую на добро душу нашу, вспомним, слушатели, что свят и праведен Господь, давший нам благодать свою. Он спросит нас о талантах Духа нам вверенных. Он потребует строгого отчета в употреблении даров Его. Или – думаем, что мы вечно пренебрегать можем благостью Его? Содрогнемся ожидающей нас участи, нас, оскорбляющих благодать. Кому много дано, с того много взыщется. Нам верующим во Христа, много дано. Глад, язва, меч, огонь разили древнего Израиля, когда пренебрегал он земными благословениями Господа, како мы убежим о толицом нерадевшие спасения? Не убежим мы, слушатели, от гнева Господня. Он карает нас. Увы язык грешный, сынове беззакония, семя лукавое! Оставьте Господа. Земля ваша пуста, гради ваши огнем пожжены, страна ваша опусте низвращена от людей чуждых (Ис.1:4,7). Так говорил пророк к древнему Израилю! А мы что видим над собой? Суд! суд пока временный; а есть, есть суд, который осудит презрителей благодати на целую безотрадную вечность.

Угодниче Божий! Друзе Христов Сергей! Моли о нас Господа Сил, да, *аще живем, духом и да ходим.* Аминь!

1842 год, июля 5 дня.

Беседа в день Феодосия Печерского

Приидите ко Мне вси труждающиися и обременении, и Аз упокою вы (Мф.11:28).

Так призывал к Себе некогда иудеев Господь Иисус! Каждый раз, когда только торжествуем мы память преподобных, церковь повторяет для нас сие звание Спасителя в каждое общее моление верных к преподобным она приглашает нас сим гласом к неложному в своих обещаниях. И ныне, в память успокоенного по сему гласу преподобного отца нашего Феодосия, мы слышим сладкий сей глас, *приидите ко Мне оси труждающиися и обременении, и Аз упокою вы.*

Идем ли мы на глас зовущего? Ищем ли облегчения для отягченных сердец своих там, куда приглашают нас? Ищем ли отдохновения для измученного духа у Того, Кто Сам изъявляет желание успокоить нас? Или мы и не чувствуем, что отягчены бременем несносным, трудами безотрадными; не сознаем, что имеем нужду искать отрады и утешения по гласу Божественному? Знаем ли, что это за бремя, от которого хотят освободить нас? что это за покой, которым обрадовать нас обещают?

Может быть, многим, привыкшим слушать лишь приглашения льстивого мира, не доставало ни времени, ни случая внятно слышать Божественное звание небесного Утешителя. Может быть, настоящее, внимание к сему званию откроет, при помощи благодати, полноту значения слов Господа.

Приникнем убо ко гласу зовущего, *приидите ко Мне.* Кто это зовет к Себе? Вечный Сын вечного Отца, для нашего спасения соделавшийся Сыном человеческим.

Великим делом считают, и справедливо, когда земной царь, вместо того чтобы силою власти заставлять повиноваться себе, приглашает самых противников своей власти к общению в дарах, любви своей. Царь неба и земли чего не властен требовать от рабов Своих? К чему не силен Он принудить тех, которые о Нем едином живем и движемся и семы? (Деян.17:28). Но нас зовет к Себе благодать непостижимая. И как зовет?

Мало того, что Творец промыслитель в чудном творении Своем говорит нам о Своей воле. Видимая природа дивным строением своим зовет нас к прославлению Творца своего (Пс.18:2), и нестроением служения суеи возбуждает воздыхания о покорении её и человека суеи (Гим.8:21–22). Происшествие жизни человеческой то говорят о карающем суде Божиим, то возбуждают к хвале и благодарности Вышнему (Пс.5:12, 77:34). Обратимся ли к собственному сердцу нашему? Здесь также дает видеть Себя Бог разумов, здесь начертан закон Божий, здесь слышим суд Божий о нас (Рим.1:19–20, 2:15). Но мир не уразумел Бога своего премудростью. *Глаголющеся быти мудри обьюродеша.*

Благодать Божия возвестила Свою волю в непосредственном откровении. Говорила с людьми чрез патриархов и праведников. Повелела Моисею начертать закон в письменах. Проповедовала чрез пророков. И, однако, должна была жаловаться на непокорность людей Своих. *Людие мои, что сотворих вам? Или чим оскорбив вас? Или чим стужих вам? Отвещайте Ми* (Мих.6:3).

После того как многократно и многообразно глаголет Бог чрез пророков, в последние дни глаголет Он в Сыне Своем, которым и века сотворил (Евр.1:1). О! как велика, как непостижимо-велика любовь Отца небесного, пославшего Сына Своего! Как необъятно-велика любовь Сына Божия, нисшедшего к чадам греха и тления, для проповедания воли неба! Братия! если глаголанное ангелами слово было твердо, и всякое преслушание против него поражаемо было праведным мздовоздаянием; то, как убежим от гнева Божия, если будем не внимательны к Сыну Божию?

Чего требует от нас любовь вечная? *Приидите ко Мне*, говорит она. Ко Мне обратитесь, и не ищите другого. Не найти вам другого, кто бы заменил вам Меня. Никакая человеческая мудрость не отыщет вам, кто мог бы быть тем, чем Я могу быть для вас. Страсти людские могут обещать нам, слушатели, многое; но не ожидайте от них ничего, кроме скорбей; мудрость людская может строить обольстительные мечты счастья и покоя, может, принимая вид набожный, уверять, вот здесь или там-то

Христос. Но не верьте, вас хотят обмануть обманутые мечтами. Внимайте единому Господу.

Приидите ко Мне, говорит Он. Не многого требует от нас Господь. Ни в гору самарийскую, ни в Иерусалим не зовет он для совершения служения Богу (Ин.4:21). К Нему везде можно быть близким, поскольку Он Сам везде. Ни пустыня, ни город не приблизят и не отдалят нас от Него, если сердце наше не отдалить вас от Него. *Покайтесь и веруйте во евангелие*, – вот чего требует от нас Господь, чтобы приблизиться к Нему. Искренняя, кающаяся вера в единого Спасителя, – вот тот путь, по которому надобно идти всем и каждому. Сему поучал Господь в продолжение всей земной проповеди; это подтверждал Он всеми великими деяниями своими – чудесами и пророчествами. Апостолы повторяли то же учение. Без покаяния и веры нельзя быть близким к Господу. Покаяние есть осуждение всему дорогому для самолюбия нашего; вера есть стремление души в Спасителя душ. Покаяние отрекается от себя; вера влечет душу к Господу. Нельзя быть вере в душе, пока не будет покаяния, поскольку нельзя искать помощи в небе, пока не отречется душа от надежд на себя или на что-либо земное. Покаяние без веры также напрасный труд, поскольку без надежды на Искупителя оно будет только мукою душе, тогда как кающаяся вера совершает то самое, чего требует Господь гласом своим, *приидите ко Мне*.

Кто ж те, которых с такою кроткою любовью призывает Господь? *Приидите ко Мне*, говорит Он, *вси труждающиеся и обремененнии*. Трудящихся и отягченных бременем призывает Он. Но кто сии труженики и обремененные, которых отзывают от трудов их? Не те ли это обремененные, которые труждаются по состоянию или званию своему? Нет, те и другие исполняют волю Божию. Тяжки труды житейские, но легкая праздность – просторный путь к аду. Тяжело иго обязанностей звания, но Господь никогда не слагал с нас сего ига. Господь зовет тех обремененных, которые еще не возложили на себя ига Его, *возьмите иго Мое на себе*, говорит Он далее им. А труд земледельца, труд торгующего, труд служащего отечеству сами по себе не мешают ни возлагать на себя ига Христова, ни

носить его. Низка доля земледельца, – особенно, когда отягчен он бедностью. Но что до того? Это не мешает спасению его, напротив сближает его с путем истинного христианина, с путем смирения и добровольной нищеты. Он должен еще благословлять Господа за свою смиренную долю, так как иным богачам слишком трудно отказываться от богатства, чтобы идти смиренным и тесным путем Христовым. *Кийждо в звании, в немже призван бысть, в том да пребывает*, говорит апостол. *Рабом ли призван? не печалься, но аще и можеша свободен быти, больше поработи себе. Призванный бо о Господе раб свободник Господень есть* (1Кор.7:20–22). Учение Христово не отменяет земных состояний; оно изменяет только нравы людей.

Итак, кто же те труженики и обремененные, которых зовет к Себе Господь? Кому надобно переменить свое бремя, свою ношу тяжелую, на легкое иго Христово?

Если бы сказали мы, что Господь призывает к себе иудеев, отягченных игом закона и предрассудков, то мы сказали бы мало. Хотя положение иудеев было жалко, хотя Христос Иисус был послан прежде всего к погибшим овцам дома Израилева, но Он есть Спаситель не одних иудеев. *Бог Отец послал Его Спасителем миру* (1Ин.4:14). Пусть же идут к Нему все обремененные, которым надобно заменить бремя свое благим игом Христовым.

Какая тяжелая ноша, которую возлагают на нас привычки и страсти! Обычаи и правила, которые заставляют рабов своих наблюдать мир, не бремя ли томительное? Блистательны мечты мудрости человеческой, как и мечты книжников; но чего они стоят? Между тем хорошо было бы, если бы они оставались только мечтами. *Ад и похоть не рекут, довлеет*, говорит мудрый (Притч.30:16). Страсти мучат душу ненасытностью и упорством. Каждая из них, быв удовлетворена, лить только более раздражается, большую возбуждает жажду, большее томление. Между тем, чего стоит удовлетворить какой-либо страсти? Пронырства, хитрости, притворное унижение пред высшими, вражда с равными – неизбежны на пути честолюбия. То ошибки и неудачи непредвиденные, то враги сильные, вооружаемые нашим же счастьем, то сомнения об успехе при

встрече с препятствиями, иногда только мнимыми, то здоровье, истощенное трудами и порывами ревности, – вот обыкновенные спутники к предметам каждой страсти! Если, привыкая ко греху, не чувствуют его бремени изнурительного, легче ли от того? Дикое животное несется с возложенным на него ярмом по стремнинам, и чем кончит бег свой? Или упадет в пропасть и погибнет, или падет истощенное в силах. О! если бы вовремя остановился несчастный труженик страстей!

Одни реже, другие чаще, но каждый чувствует тяжесть виновности своей по обличениям внутреннего судии – совести. Самый рассеянный грешник иногда в самом рассеянии, а еще, чаще в часы уединения, приходя в себя, отягощается мыслями о соделанных грехах. Случается, что совесть до того начинает поражать его укорами, что хотел бы он бежать сам от себя, – но куда бежать? Раненый елень бежит по лесу гонимый болью от раны, но рана остается в нем. Эту тяжесть совести носят даже и те, которые стараются очищать душу свою. Ибо кто из нас без греха? Разность в том, что чем более очищают сердце свое, тем яснее видят грехи и слабости свои, тем живее и чаще ощущают свою виновность. Вот почему сильный царь израилев изнемогал, подобно страждущему болью в костях, от тяжести сознания грехов? *Несет мира в костях моих, говорил он, от лица грех моих, яко беззакония моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготеша на мне (Пс.37:4–5).* И с этою ношею ничего не остается делать, как идти на голос призывающего, *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии.*

Достигнуть совершенства добродетели нельзя без скорбей. Путь идет в гору, узок и тернист. То плоть тревожит давними привычками и движениями нечистыми, или, не выдерживая напряжения бессмертной души, ослабевает и изменяет духу; то самолюбие искушает, внушая душе льстивые мысли о себе, прельщая благами мира, или поражая скорбью о лишении их; то устрашают гонения мира, неизбежные для решившихся жить благочестиво; то примеры и льстивые внушения века помогают увлечь за собою. Вот почему и св. Павел говорил о себе, *не живет во мне, сиречь в плоти моей, доброе. Вижду ин закон, во удех моих, противуюющ закону ума моего. Окаянен*

аз человек! Кто мя избавит от тела смерти сея? (Рим.7:18, 23–24).

Наконец, сколько между нами томимых бедствием, страданием, скорбями! Они живо чувствуют, что находятся в числе труждающихся и обремененных, – даже столько живо чувствуют, что желалось бы, чтобы чувствовали легче, слабее.

Аз упокою вы, говорит небесная любовь ко всем обремененным. Обещание верное! Ибо говорит Господь.

Иисус Христос облегчает отягченных бременем греха. Если кровь козлов и тельцов не могла очистить совести людской, это естественно. Но, когда Сын Божий добровольно приносит Себя – непорочного в жертву за грешников, жертва вполне соответствует своему назначению. Она, как дело беспредельной любви, выше всех подвигов воли сотворенной. Она как дело любви Сына Божия, достойна оскорбленной правды Божией. Она, как дело добровольной любви, без сомнения с любовью принята Отцом небесным. Никакая тяжесть грехов твоих, бедная душа, не может превышать цены подвигов Сына Божия.

Господь Иисус есть покой для беспокойных, беспорядочных, стремлений духа нашего. Тогда как тщетно блуждают по предметам мира, ища успокоения в мятежном мире и шуме страстей, тот, кто приходит к Иисусу, обретает в Нем и мудрость Божию и силу и утешение. *Аз есмь путь и истина и живот,* говорит Он. *Грядый ко Мне не имать взалкаться, и веруяй в Мя не имать вжаждатися никогдаже (Ин.14:6, 6:35).*

Господь Иисус успокаивает труждающихся под игом закона, на тернистом пути добродетели. Упорство страстей, непреодолимое для сил человеческих, побеждается силою, посылаемою Сыном от Отца; скорби, невольно чувствуемые в борьбе со своенравными прихотями плоти и самолюбия, услаждаются утешениями благодати. Любовь, возбуждаемая сплюю Духа, не находит тяжкою никакой заповеди. Вот почему тот самый, который вопиял, *окаянный я человек,* – восклицает в восторге духа, *благодарю Бога моего Иисус Христом Господом нашим.* Бессильный сам по себе, он вопиет, *вся могу о укрепляющем мя Иисусе Христе (Флп.4:13).*

Кто терпел такие лютые страдания, какие терпели мученики Христовы? Но не видим ли, что они то радовались среди страданий своих, то мгновенное получали исцеление истерзанным членам своим? Кто ж действовал в них? Господь Иисус, за которого страдали они. Так, Господь Иисус есть покой наш среди всех бедствий видимых. Он, как Всесильный, может отворотить или пресечь несчастье, уничтожить причины страданий и водворит мир. Он как победитель смерти и всякого зла, может среди самого бедствия открыть в человеке чувство благополучия и самое страдание растворить удовольствием. Надежда на Него не останется в стыде (Рим.5:5)

Приидите ко Мне, взывает теперь ко всем обремененным Господь наш. *Приидите – Я упокою вас*. Но всегда ли, братия, звать нас Он будет, а мы не слушать? Всегда ли голос любви Его долготерпеливой будет оглашать нас, а мы не внимать ему? Нет! теперь говорит Он, *приидите ко Мне*, а там скажет некоторым, отойдите от Меня проклятые в огонь вечный. Теперь обещает успокоить, а там возгремит, приготовьте червь и смрад, огонь и геенну для непослушных рабов.

Итак, последуем лучше призыванию любви Господа нашего; приидем, приблизимся к Нему, чтобы в неуклонном пребывании с Ним наслаждаться покоем Его и славить святое имя Его, во веки. Аминь.

1842 год. Августа 14 дня.

Слово в день Иоанна Богослова

Иисус видел Матерь и ученика стояща, егоже любяше, глагола Матери: Жено! се, сын Твой. Потом глагола ученику: се, Мати твоя (Ин.19:26–27).

Горестно было для единственной Матери-Девы лишиться единого и единственного Сына. Тот, на которого возложены были не только надежды Матери, но надежды всего Израиля, висел перед очами её на кресте, и Она оставалась только с горестью. Сколь же было для Неё сладостно среди такой горести вдруг обрести верного друга и сына, каков был ученик, еюже любяше Иисус! И последняя отрада получена при кресте, со креста истававший в болезнях смертных Иисус с заботливостью взирает на сетующую Матерь, и в неутешной Её горести, подает Ей в друге Своем нежного друга и сына. *Стояху при кресте Иисусове Мати Его и сестра Матери Его (Ин.19:25). Иисус же видел Матерь и ученика стояща, егоже любяще, глагола Матери: Жено! се, сын Твой.*

Тот, его же любяше Иисус, лишенный единственного наставника и благодетеля, преданного злобою и завистью на позорную смерть, что чувствует, взирая на последние вздохи небесного друга своего? При кресте, как и Матерь распятого, стоял он – обремененный горестью. И чего мог он ожидать там, где видны были ужас и смятение, поношения на святыню, торжество злобных врагов, ненависть к кротким овцам пораженного пастыря? Но здесь-то, при кресте Иисусове, Иоанн, в самой глубокой горести, получает сколько неожиданное, столь же единственное утешение слышит сладкий глас; сладчайшего Иисуса, всыновляющий его Матери Господа. *Потом глагола ученику, се мати твоя.*

Так при кресте и со креста распятого Господа Богоотроковица и Иоанн получают внезапное облегчение скорбей своих. Необычайное утешение сих высоких друзей Иисусовых! Но сладчайший Иисус, среди собственных страданий призревший на страждущих при Его кресте Матерь и

верного ученика, не презирает и ныне тех, кои среди всех бедствий и скорбей спешат искать облегчения при кресте Его. Он благоволил навсегда утвердить крест Свой пред лицом вселенной, как древо благословения для уязвленных скорбью сердец. И сколь многообразны сии утешения, кои подает с креста Своего распятый Иисус скорбным последователям Своим!

Всего естественнее рожденным во грехах помышлять и скорбеть о своих грехах. Как тяжки бывают эти помышления! Мысль о бесчисленных заблуждениях ума, о необъятно-великих и разнообразных преступлениях воли подавляет грешника тягостью, которой не облегчает никакая радость земная; страх грозного на нечестие правосудия Божия приводит в трепет и содрогание все кости его. Всякая неудача, всякая беда, всякое падение и преткновение кажутся для сокрушенного грешника стрелою гнева Божия, знамение карающего правосудия небесного. Напрасно он стал бы придумывать средства к успокоению себя; целые тысячелетия искал он покоя совести и не нашел ни в каких своих средствах. Но, один взор на распятого Иисуса и – страждущая душа возвращается от уныния к спасительной радости. Крест Иисусов, говорит вера душе, сетующей о своих грехах, – вот жертвенник очищения (Исх.30:30), престол благодати, от коего каждый приемлет милость и благоволение Божие! зри распятого на нем Господа. Се любовь вечная, смертными страданиями умиловляющая раздраженную правду Божию! Се единый праведник, на коем все неправды и беззакония, все злодеяния и преступления! Се Тот, Кто испил чашу ярости Божией за всех презрителей вечной правды! Так, жестокие казни мира более не составляют для нас грозных казней мстительной правды Божией, довольно, – они были орудиями казни для сего распятого; они вполне излили на Него ярость мщения Божия, вполне наказали в Нем наши преступления. Итак, здесь, пред сим древом благословения, доселе смущенная чувством виновности своей душа ищет себе помилования; здесь восторженная чувствами упования; восклицает, *помяни мя Господи, егда приидеши во царствии Твоем*, и слышит со креста сладкий голос сладчайшего Иисуса,

аминь глаголю тебе, днесь со Мною будеши в раи (Лк.23:42–43).

Но жестокие искушения крестного пути неизбежны и для оправданных в Иисусе. Часто самые твердые последователи Христовы, забирая сладость правды распятого Иисуса, приходят в неизъяснимое уныние; они чувствуют себя как бы оставленными, без сил, без помощи, отверженными от лица Божия; *воды скорбей* до того умножаются в душе их (Пс.58:2), что как бы готовы поглотить их. И здесь-то преимущественно взор веры на распятого Господа исполняет утешением скорбные сердца. Сколько надежд на помощь небесную возбуждает сей взор! И как крепки сии надежды! Отец небесный дал нам Сына Своего, чего же после этого Он не даст нам? Сын Божий понес все наши страдания, откажется ли Он подкрепить нас в оставшихся для нас скорбях? Сей кроткий Ходатай, пришедший исцелить сокрушенных сердцем (Ис.61:1; Лк.4:18), *утешать малодушных умом, укрепить руки ослабленные и колена расслабленные* (Ис.35:1–4), положивший душу Свою за спасение людей, – ужели не поспешит утешить скорбных детей Своих? Неужели Тот, который Сам искушен был по всяческим, Сам испытал всю немощь сил человеческих, всю жестокость искушений, отречется и *искушаемым помощи?* (Евр.2:18). *Что убо речем к сим?* Тот, который Сына Своего *непощаде, но за нас всех предал есть Его, како убо не и с Ним вся нам дарствует?* (Рим.8:31–32) Нет! мы не такого имеем первосвященника, который бы не мог или не хотел спострадать *нашим немощам, но искушена по всяческим* подобно нам, разве греха (Евр.4:15). Наш Ходатай сколько могуществен; – как Слово Отчее, как Слово-Бог – столько же милосерд; болезнует о наших немощах, призывает к Себе всех труждающихся и обремененных, и их упокоивает (Мф.11:28). Если не пойду, говорил Он пред смертью, Утешитель не придет к вам; но Он пошел к Отцу Своему, и Отец пошлет утешение и помощь. Отец небесный не откажет в помощи просящим помощи, когда не отказал Он нам в Сыне; не откажет, когда Сей самый Сын ходатайствует за нас. Подлинно, что значат все прочие блага, что значит всякая другая помощь в сравнении с тем

неоцененным благом, какое подано нам в распятом за нас Сыне Божиим? Пусть мир и все враги креста Христова умножат жестокость гонения своего, раб Христов, взирая на распятого Господа своего, не только не боится зла, не только не ослабевает от страха врагов и бед, но паче исполняется ревностью и твердостью, готовится на все мучения.

Здесь, при подножии креста Христова, христианин видит, что на древе крестном все претерпел от грешников (Евр.12:2) Тот, Который возлюбил нас до смерти; можно ли не любить сего Спасителя и Господа? можно ли, любя, не сообразоваться во всем с возлюбившим нас Иисусом, не приобщаться самым страданиям Его? Пусть ужасы скорбей и бедствий поражают дух верного раба и друга Христова, он видит в страданиях Иисусовых свои собственные и в своих собственных страданиях и язвы Господа Иисуса, видит – и ничем столько не услаждается, как сим общением страстей Христовых (Флп.3:10). Для плотских помышлений даже непонятно, до какой степени в святых мучениках и исповедниках возвышались восторги сердца, услаждавшегося ощущением скорбей Христовых. Они забывали все свои страдания, спешили, как жаждущий елень – на холодные потоки, на жестокие скорби и, среди мук, изъятые, истерзанные, от ног до главы покрытые ранами, в восторге сердца вещали, сии раны – раны Господа нашего, сии стрелы злобных врагов – стрелы, пронзившие Господа нашего, сии члены истерзанные и сокрушенные; члены закланного Агнца Божия, прободенного Господа нашего. Какой славы, каких сокровищ, каких утешений желать, когда с нами и в нас распятый Господь Иисус? Так, все гонимые за правду, – все коих преследует мир, за то только, что они не от мира, находят сладостную отраду при кресте Христовом.

Взирайте, увещевает апостол ослабевающую в скорбях братию свою, *взирайте на Начальника веры и совершителя Иисуса, уже вместо подлежащие Ему радости претерпе крест, о срамоте нерадив, одесную же престола Божия седе* (Евр.2:2); взирайте, таково шествие подвигоположника нашего, – с Голгофы Он восшел на небо и сел одесную величества Божия, – взирайте и зрите к утешению вашему в крестном пути

Христовом путь к вечному блаженству вашему. Подлинно, если совершитель веры и спасения нашего благоволил испытать жесточайшие страдания – поношения, поругания, заушения, раны и язвы гвоздинные, позорную смерть, – и после сего одесную престола Божия седе; если видим Иисуса – подвигоположника спасения за *принятие смерти славою и честью венчанна* (Евр.2:9), то идти по крестному пути Его не значит ли идти по безопасному пути спасения – к вечной славе? И если *Начальнику спасения* надлежало *страданиями* войти в славу Свою (Евр.2:10), то всякой другой путь к совершенству, какой дерзает предписывать себе плоть, любящая покой и негу, или кичливый разум, поставляющий одного себя целью всех своих забот, – всякой другой путь, несообразный с крестным путем Христовым, не есть ли путь гибельный? Так тем, которые шествуют по скорбному пути Иисусову, подвигоположник дает сести с Ним на престоле, и они на земле уже радуются *яко и в явлении славы Господа своего возрадуются* (1Пет.4:13); верно слово, говорит с полною уверенностью апостол, *аще с Ним умрохом, с Ним и оживем, аще терпим, с Ним и воцаримся* (2Тим.11:12). *Аще умрохом со Христом, веруем, яко и живи будем с Ним* (Рим.6:8). И презрит ли Отец небесный тех, которые отреклись от себя и всего мира, ищут единого – Его воли в Иисусе, ищут – страдать и умереть вместе с Тем, Который искал только славы Отчей? Презрит ли Сам прославленный Сын тех, кои пребыли с Ним в Его напастях? Он завещал им царство, которое завещал Ему Отец для общения блаженства с Его присными! (Лк.22:28–29). Тяжко не видать в жизни ничего, кроме скорбей и бед; тяжело отказывать себе в утешениях, какие можно бы находить не на пути крестном; тяжело повторять себе только об одном, страдай и терпи. Холодный разум никакими советами не утешит души, истерзанной страданиями жизни. Только взор веры на распятого Господа славы открывает для крестоносца небо, готовое принять его с земли. Взор веры на страждущего Искупителя разрешает тяжкую тайну земной, скорбной жизни. Утешься, крестоносец Христов! для тебя есть радости верные; утешься и *не ревнуй спящему* здесь в пути своем, *человеку творящему*

законопреступление (Пс.36:7). Он спеет среди радостей для вечной гибели, а ты спеешь среди скорбей для вечного блаженства.

Верные рабы Христовы, вы, которые идете по крестному пути Христову и не всегда находите отраду себе! вам принадлежит сие слово, – как слово утешения, как скудная капля росы духовной для оживления истомленного скорбями духа вашего. А тем из нас, которые при каждом встречающемся бедствии спешат почерпать утешения только в кладенцах сухих, ищут утешений от мира и плоти, тем пусть будет сие слово словом обличения и наставления, да обращаются и они к кресту Христову, когда постигнут их скорби; да научатся и они вкушать только те утешения, которые нисходят с древа благословения – с креста Христова. Аминь.

1844 год.

Слово в день святителя Николая и тезоименитства государя Императора Николая Павловича

Радуйтесь, яко имена ваша написана
суть на небесех (Лк.10:20).

Два праздника совершает ныне святая церковь. Празднует память великого угодника Божия святителя Николая, и празднует день помазанника Божия благочестивейшего императора Николая Павловича. Отчего это совмещение? Вопрос сей, как видите, вызывает другой вопрос, что значит, что при крещении нашем церковь дает нам имена?

Если общество людей дает свое имя человеку, это означает, что человек получает право принадлежать к сему обществу. Если монарх украшает мужа брани или слугу правды почетным именем, это означает, что муж брани или слуга правды стал ближе к престолу монарха, ближе к его любви и славе.

Подобное сему бывает в церкви Христовой. Она дает имя младенцу или возрастному, это означает, что младенец или возрастной начинает принадлежать церкви, начинает иметь права на преимущества церкви Христовой, начинает быть любимым рабом царя Господа Иисуса. Церковь Христова одна и на земле, и на небе; что совершается на земле властью церкви, совершается и на небе; права имени, данного на земле, утверждаются на небе. Судите же, как много значит приобрести имя в церкви Христовой? Вы, стяжавшие себе имя на поле чести! вы знаете, как лестно, как приятно – приобрести себе имя на поле чести земной. Но, извините; ваша радость не так лестна, как радость об имени христианском. *Обаче о сем не радуйтесь, рече Господь.* Как ни велика, как ни славна честь земная, она принадлежит земле; мало того, она более возбуждает страх, чем радость, так как легко увлекает за собою слабое сердце наше, и отвлекает от Бога и святого закона Его. *Обаче о сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются.* Много значит, даже в духовной жизни, иметь власть над духами злыми, но и этой великой власти не надобно радоваться, чтобы не забыть подателя всякой власти, чтобы не остановиться только

на одном себе. *Радуйтесь, яко имена ваша написана суть на небесех* (Лк.10:20). Радуйтесь тому, что вы вписаны в число принадлежащих Господу Иисусу, в число искупленных кровью Агнца вечного. *Радуйтесь*, говорит Сам Господь. И как не радоваться? Ни на небе, ни на земле нет имени выше имени Иисусова; а кто получает имя в церкви Христовой, новое имя открывает тому права на славу, приобретенную Иисусом. Что значит слава, что значат почести и богатства времени, в сравнении с вечною славой, с вечным блаженством? А та книга, куда переносится из церкви земной, имя христианское, называется *книгою жизни* (Откр.3:5), так как записанных в ней ожидает вечная блаженная жизнь; она называется *живою книгою Агнца* (Откр.13:8, 21:27), так как в нее внесены искупленные для вечного блаженства вечно-живым Агнцем Божиим Христом Господом. *Радуйтесь, яко имена ваша написана суть на небесех*. Здесь забывают величие имени христианина, но вспомнят там – за гробом и, о! когда бы не в первый раз. Бедный собрат мой! Люди не дорожат твоим именем; они уважают другие имена, другие отличия в себе и в других. Жаль, очень жаль их. Чем менее уважают они это великое имя, тем тяжелее осуждены будут. Им не дороги права имени христианского; им дороги права богатства, права почести земли. Оставим их с землею, – тебе принадлежит небо.

Имя христианина, даруя человеку многое, многого и требует от него. Обязанности, возлагаемые именем христианина, весьма обширны, разнообразны и высоки. Чтобы облегчить для немощи нашей приложение их к жизни, церковь Христова, церковь православная, обширные обязанности последователя Христова предлагает в примере частном, одного новым именем обязывает подражать ап. Петру, другого Николаю, третьего Антонию великому и т. д. О, если бы каждый Антоний был тем же, чем был тот древний, истинно великий Антоний! Антонии и Павлы фивейские всю жизнь свою посвящали на то, чтобы высокий образ христианина, как можно, полнее отразился в их жизни. И как блистательно, как величественно сияет он в их жизни! А жизнь святителя Николая была подвигом самой пламенной любви к ближним; миловать, спасать, утешать,

вразумлять – вот что было предметом трудов его и при свете дня, и во мраке глубокой ночи. Опыт близок к смыслу каждого; пример ставит пред глаза незримые мысли высокой жизни христианской; нужно только смотреть и – поймешь. К чему проповедовать отвлеченные истины, когда их не понимает большинство людей? *Подражатели мне бывайте, якоже и аз Христу*, писал Павел (1Кор.11:1); пример жизни моей – вот вам близкое, самое доступное училище! Любезный собрат! прекрасная для тебя проповедь – имя святого, которое ты носишь. По степени образованности, на которой поставлен ты, быть может, не имеешь ты обширного рассудка, чтобы размышлением обнимать и усвоят высокие истины христианства, но у тебя, без сомнения, есть память. Затверди же памятью жизнь твоего святого. После того тебе останется плакать над жизнью своею, так как в ней много непохожего на святую жизнь ангела твоего. Пусть высокие добродетели твоего святого будут святынею сердцу твоему, пред которою и стыдно и тяжело было бы являться тебе с грехами твоими. Примерами, которые окружают тебя, примерами, мира грешного и изобретательного на грех, ты можешь извинить или и оправдать в себе каждую слабость, каждую наклонность худую, каждый грех. Но не оправдает, не извинит тебя жизнь твоего святого. Одна мысль о нем покажет тебе, куда должны стремиться желания твои, куда приведет тебя широкий путь мира, по которому идут толпы. Мысль о строгости святого подвижника к себе самому обличит твою беспечность для добра, довольство его немногим умерит твои желания многого и пустого, пример его одушевит тебя желаниями единого на потребу. Возобновляй же чаще в памяти твоей подвиги твоего святого и – тебе будет дорого спасение души твоей, и не будет дорог век лукавый и погибельный.

В церкви иудейской давили детям имена родственников. Без сомнения, приятно скреплять и предъявлять именем своим союз с родством, дорогим сердцу. Но если таким образом скрепляется один союз родства плотского, согласитесь, что это только плоть и кровь. Положим, что вместе с тем имеют в виду поддержать союз с великими по вере и благочестью. Но и в

таком случае дух смешивают с плотью, это и не совсем чисто и не совсем безопасно. Какая разность, когда скрепляют именами только союз духовный! Какая разность, когда настоящее соединяют с прошедшим только по духу, именами великими в жизни духовной, – одной достойной человека! Какую прекрасную картину представляет христианство православия! *О сем познают вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*, сказал Господь. И эта печать учеников Христовых, эта любовь, связующая сердца, разделенные пространствами времен и мест, лежит на православии. Оно то же теперь, чем было за 16 столетий, те же в нем имена, а имена вызывают ту же жизнь; и – ряды веков неразрывно скреплены именами и жизнью; любимое за 13 и 18 веков никогда не преставало, не престаёт и теперь быть предметом любви.

Жизнь земная – горька; а также жизнь для христианина – жизнь крестных страданий. Одним из сладких утешений страннику земли служит надежда на покой в вечности. И, в подкрепление сей надежды, православие указывает опять на имена прославленные. Сколько чудес совершили святые Божии по смерти своей! Сколько дел великих совершено ими пред глазами тысячей тогда уже, как они оставили землю! Итак, дела их и опыты чувств наших показывают, что они живут и за пределом тления, что они – благоугодные слуги Господу, прияли венец правды за подвиги веры и благочестия. Вот доказательство жизни, действующей за гробом! Это не вывод умозрения ненадежного для каждого, недоступного для простых сердец. Нет, здесь говорят дела, – дела, которых не могут творить люди, не уполномоченные властью Божией. Тверда сия опора сладкой надежде на блаженную вечность праведника. Итак, благодари Господа, брат мой; самое имя, которое ты носишь имя святого, прославленного Господом, может утешать тебя надеждою на блаженную вечность. Итак, когда под бременем напастей времени станет тебе и грустно, и тяжело, вспомни, что праведник, которого имя на тебе, также был человек, также чувствовал скорби, также чувствовал нападения страстей; но он молился и терпел, надеялся и просил, и теперь – на небе. Молись же и терпи и ты, плачь и уповай и ты, и для

тебя все горькое кончится, и тебя встретит там покой, и ты скоро будешь радоваться о скорбях, какие переносил здесь для Господа. Дорожите сим утешением, дорожи заботою церкви о твоём покое. Как приблизила к тебе отраду любовь её! Имя, самое имя, которое ты носишь, защита тебе от сомнений и скорбей. Без того, положим, твой предок, по отзыву всех знавших его, был человек добрый, честный, достойный лучшей участи за гробом. Но подумай, и ты согласишься, что суд Божий не то, что суд человеческий. По суду человеческого твой предок – праведный человек. Но чем ты уверишь себя, что точно таков же он по суду Божию? Чем ты уверишь себя, что он свободно взошел к престолу Божию, не удержанный в темной стране тайными влечениями грешного сердца? Братия мои! верно, непререкаемо-верно только то, о чем сам Бог говорит словами или делами.

Еще более значат имена церкви для надежды на помощь небесную. Если любовь не умирает; если на небе лучше видят и любят, чем на земле; если брэнная одежда духа – плоть наша только стесняет силы духа, то нет сомнения, что мольбу мою скорее выслушают, скорее примут к сердцу, скорее выполнят братия мои на небе, чем на земле. Это так просто, так естественно. как нельзя более. Церковь, давая мне имя святого, поручает меня покрову и молитве сего святого, верная и сладкая вера церкви! Те, которые, обитая там – на небе, составляют с земною церковью единую церковь Христову, без сомнения, разделяют и выполняют желания земной церкви, особенно же выполняют, когда к надежде церкви я и ты присоединяем свои усердные молитвы. Потому-то собрались мы в храм сей молить святителя Христова Николая о соименном ему благочестивом царе нашем. Земля и море – свидетели чудных благодеяний святителя Христова. Это так же несомненно, как несомненно то, что я и ты видим и слышим, осязаем и чувствуем.

Царю царствующих и Господи господствующих! Услыши молитву рабов твоих о благочестивейшем императоре нашем, на котором лежит святое имя святого угодника Твоего. Все

наше, имена и дела наши, да принадлежат славе Твоей со
Отцом и святым Духом Твоим. Аминь.

1843 год.

Слово в день коронования Государя императора Николая Павловича

Бога бойтесь, царя чтите (1Пет.2:17).

Благодарение любви к нам Господа Иисуса! В сем священном храме служитель слова с миром в совести может на деле видеть исполнение апостольского слова: *царя чтите*. Одни долгою службою на поле брани, другие верною службою в суде, правды, иные усердною и всегда готовою платою повинностей государственных верно свидетельствуют, что им известна заповедь апостольская о почитании царя. Не сомневаюсь, что каждый из предстоящих здесь знает даже и то, как обширна эта заповедь, как не внешние только действия, но и самые помыслы, самые тайные чувства и желания наши покоряет она себе и царю нашему, как заставляет она страшиться даже того, чтобы мыслью возглаголать стропотное против Помазанника Божия или не оказать повиновения ему принадлежащего, – знает твердо слова апостола, *весть Господь неправедники на день судный мучими блюсти, наипаче же о господстве нерадящия, продержателе, иже славы не трепещут хуляще* (2Пет.2:9–10). Так с миром в совести служитель слова может считать исполненным здесь апостольское слово, *царя чтите*.

Но так ли выполняется другое слово апостола, *Бога бойтесь*? Не дивитесь, что так думаю о сем известном апостольском слове, – считаю его как бы не довольно известным и признаю за обязанность служителя слова часто предлагать о нем слово. Я думаю, – если есть между нами не довольно успевающие или ослабевающие в благочестии, то это, между прочим, и оттого, что они не имеют должной боязни пред Господом; также как, если многие другие идут с успехом по пути спасительному, то их облегчает в их подвиге чувство благоговения к Господу. Бог почему и вашей любви хочу я предложить слово о апостольском слове, *Бога бойтесь*.

*Увы мне, погиб я, яко человек сый и нечисты устне имый
посреде людей нечистые устне имущих аз живу, и Царя*

Господа Саваофа видех очима моима. Так восклицал пророк, пораженный ужасом при мысли о своей нечистоте и о святости Господа, пред которым узрел он себя. Не все пророки, чтобы видеть очима своим Господа Саваофа. Но все ли могут пред очами Господа указать только на одну нечистоту устен своих, на пребывание с людьми, нечистые устне имущими, и на то, что они только человеки? Дозволит ли кому из нас добрая совесть поставить себя на одну степень с Боговидцем Исаией? О! кто начислит грехи и беззакония наши? Кто укажет нам глубину нечистоты, в какой мы повержены? Совесть легко прощает тебе слабости общие для всех людей, хотя не простила она сей слабости пророку. Но, как много грехов, как много беззаконий, которые пьем мы, как воду, повторяем по привычке нашей к ним, не чувствуя страха, не чувствуя даже и слабого смущения в душе своей? Грехи к грехам, беззакония к беззакониям прилагаем мы ежедневно. И, однако, все мы живем пред очами Господа мстителя неправдам нашим, ревнителя святости и чистоты, страшного во гневе на грешников. Мы не видим Его во свете видения пророческого; духовное око наше омрачено грехами. Но это должно ли умалять страх наш пред Ним? В слепоте своей мы усугубляем нечистоты свои, не думая о том, что будет с нами. Теперь мы не видим Господа святости, но некогда увидим, и – тогда огонь святости Его потребит грешников. *Потребит Господь вся делающие беззакония (Пс.100:8). Потребит всякого любодееущего от него (Пс.72:27).*

Если царство Христово, к которому по благодати Христовой принадлежим мы, преимущественно есть царство любви, то да не думаем, чтобы любовь Христова к нам освобождала нас от страха пред Богом. Св. апостол говорит, *приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, и помощью её будем служит благоугодно Богу, с благоговением и страхом (Евр.12:28).* Апостол с чувством благодатного обладания дарами любви Христовой поставляет в необходимой связи чувство страха и благоговения. Так, Христос не для того страдал за нас, не для того умер за нас, чтобы мы безбоязненно творили грех, чтобы жили по воле незаконных желаний сердца

нашего. Нет – Он искупил нас от страха казни, которой сами избежать мы не могли, но с тем, чтобы мы, верою объемля Его – Спасителя нашего, и любовью не отпадали от Него и от святого закона Его; Он приобрел для нас всю любовь Отца небесного, которую потеряли мы грехами, но предоставил воле нашей, при помощи благодати, удержав сию любовь и усвоят дары её. Если мы не внимательны к толикой любви Христовой, то тем усугубляем виновность нашу пред грозною правдою Божией. По истине, *како мы убежим гнева, о толиком нерадивии спасении?* Братия во Христе! кому больше дано, с того больше взыщут. Мы больше, чем отцы наши ветхозаветные, получили даров благодати Божией; больше и страшиться должны правды Божией. Мы больше, нежели другие, осенены благодатным покровом благодати Божией. Устрашимся столь близкого общения с нами святого и правосудного Бога нашего! Бог поругаем не бывает! Возможно ли, чтобы столько даров Божиих могли мы безнаказанно расточать, не употребляя их по их назначению? Благодать Божия, конечно, не до того простирается к нам, чтобы оставить без строгого суда и наказания наше пренебрежение к её щедротам.

Не думаем ли мы, что любовь христианина к Господу своему может позволить нам проводить время свое без страха Божия? Любовь к дивному в совершенствах Своих не может быть без чувства благоговения. Любовь истинная постоянно размышляет о величии Бога своего, неуклонно зрит на беспредельную славу имени Его и не позволяет себе ни одного движения, в котором бы могло обнаружиться невнимание к высокому предмету её помыслов и желаний. И потому-то самая радость её о Боге никогда не бывает без трепета и ни одно дело служения её Господу не бывает без страха. *Работайте Господеву со страхом и радуйтесь Ему с трепетом (Пс.2:11).*

Совершенная любовь изгоняет страх, говорит апостол любви (1Ин.4:18). Это значит только то, что любовь на высшей степени своего совершенства сама по себе, без нашего усилия, исключает страх рабский, трепещущий одного гнева Божия, но не означает того, чтобы совершенная любовь исключала смиренное сознание своего недостойнства, или благоговение к

Богу великому и святому. Заметьте, что апостол говорит о высшей степени любви, о любви очищенной опытами скорби, о любви укрепленной, подвигами самоотречения, а не о временных восторгах души, еще не узнавшей ни всей нечистоты своей, ни трудности восхождения к Богу. Сей-то любви присволяет он свободу духа, но такую же, какую может иметь достойный сын в отношении к доброму отцу. Добрый сын любит отца своего нежно, и свободно открывает ему свои мысли, желания, нужды. Но он не был бы уже добрым сыном, если бы подходил к отцу с дерзостью, без уважения к нему, – если бы стал требовать от отца того, на что не имеет права по-своему положению. Точно так, истинно боголюбивая душа, если приближается к Богу с дерзновением и любовью, то вместе с тем остается справедливою к себе и Богу своему. Она не позволяет себе забывать своей удобопреклонности к падению, своих грехов и преступлений, которые столько раз повторяла она; не перестает зреть в Боге сердца своего Бога святости, который благоугождается только жизнью святою и не может не отвращаться от нечистых сердец наших. Вот почему говорится и святым, *бойтесь Господа вси святии Его* (Пс.33:10). Так для истинной любви свят и спасителен страх Божий!

Кому же и почему не нравится страх Божий? Тайной гордости нашей, потому что он обуздывает её движения, смиряет её замыслы, велит ей молчать в нас. Потому-то, желая избавиться от тяжелой власти, она увлекает неопытную душу в самоволие. Остерегайтесь тайкой гордости, остерегайтесь особенно тогда, когда вы только что вступили на путь спасительный. Ей приятно, ей очень хочется любоваться собою. Потому, она не только скрывает нашу виновность пред Богом, не только побуждает смотреть, долго смотреть, на доброе, что удалось нам сделать, но выставляет нас пред нами в лучшем виде. Отселе, едва только совесть начинает представлять сознанию нашему наши грехи, наши привычки дурные, едва только начинает успешно действовать страхом суда Божия на исправление жизни, – самомнение спешит успокоить едва пробудившуюся душу мыслью о нашей довольно исправной жизни, об общей слабости природы нашей, украшает

воображением дела юности духовной, ослабляет решимость воли чувством успехов некоторых. С гордостью не совместен страх Божий. Она мало по малу старается ослабить его в нас, изгладить его в душе; а ослабляя страх Божий, укрепляет за собою власть над душою нашею и возрастает в ней.

Там нет истинной любви к Господу, где не обращают внимания на честь и славу Единого – достойного любви и славы. Там обыкновенно уважают вместо Бога себя, вместо воли Божией – свою волю. Не станем прельщать себя, что мы стоим на высокой степени духовного совершенства, когда ощущаем в душе своей восторги любви к Господу, приближаемся к Нему в молитве с чувством утешения, если эти восторги духа не сопровождаются чувством благоговения, они не только не святы, но даже опасны. Они не святы потому именно, что в них нет святого страха Божия, а есть тайная гордость, тайное самоуслаждение. Они опасны и страшны потому, что, быв возбуждены тайным самомнением духа горделивого и, усиливая взаимно собою сие самомнение, приближают душу к глубокому падению.

Теряя страх Божий, теряем и внимательность к своему спасению. Вспомним братия, те дни и часы, когда, по милости Бога нашего, мы сознавали от всей полноты нужду исправления и жизни спасительной; вспомним, как глубоко проникнуты мы тогда были страхом Божиим, с какою искренностью внимали мы себе и воле святого и праведного Бога, и – как страх Божий пробуждал нас от небрежности и возбуждал к делам покаяния. Пока полна душа благоговением к Господу, она хранит себя от греха и старается освящать желания и действия свои волею Того, пред кем благоговееет она, – волею Того, чью волю она считает святою и непреложною, чью власть – властью всемошною и вседействующею. Она страшится, как бы не оскорбить своими неправдами Бога сердца своего, как бы не сделать чего-нибудь неугодного Тому, кто Господь её во времени и в вечности. *Блажен муж бояйся Господа, в заповедех его восхощет зело* (Пс.111:1). Встречается искушение, искушение льстивое и сильное, но которому велит

противостоять закон Божий? Благоговейная душа говорит себе, *како сотворю глагол сей и согрешу пред Богом?* (Быт.39:9).

И сим помыслом, пробуждая в себе осторожность, она побеждает искушение. Не вооружись она сим оружием, – наслаждение греховное своею сладостью увлечет ее в волю греха. Страх, по естественному своему действию, гонит покой и лень греховного наслаждения; страх сам по себе есть движение души беспокойное, которое, возбуждаясь грозною мыслью о предстоящей опасности, гонит из души мир, столько необходимый для состояния наслаждения. Для того, чтобы он совершенно препобедил возбудившееся чувство преступного удовольствия, нужно только, чтобы он был сильнее сего последнего. Страх Божий точно также действует на душу, и преимущество его спасительное для нас, состоит в том, что по свойству своему он сильнее всякого другого чувства может потрясать душу нашу. Страх Божий, предохраняя душу от падений, побуждает ее умудряться во спасении, замечать, какие спасительные средства более могут быть полезны ей по её расположениям внутренним, по обстоятельствам знания и состояния, что надобно ей употребить в одном случае, чем воспользоваться в другом. Страх Божий, умудряя во спасении, ведет душу от подвига к подвигу и утверждает на спасительном пути; он не позволяет оставлять без скорби сердечной грехов и проступков, и порождает в душе ненависть ко греху и любовь к чистоте и святости. Вот почему премудрый называет страх Божий источником жизни, хранителем души от зла, залогом крепости. *Страх Господень*, говорит он, *ненавидит неправды* (Притч.8:13). *В страхе Господни упование крепости. Страх Господень источник жизни, творит же уклоняться от сети смертные* (Притч.14:26–27). Если страх Божий поведет вас в храм Божий, как легко, как скоро вы явитесь и как прилично будете предстоять в нем; он не позволит вам здесь блуждать мыслью и взором по земле, не позволит беседовать с людьми, кто бы они ни были; он устремит и ум, и сердце, и слух и взор к единому Господу. Подобно сему, он будет располагать желаниями и поступками вашими в вашем семействе, в вашей жизни общественной и частной.

Если страх Божий не оказывает в нас такого действия своего, то это оттого, что мы прогоняем его от себя то страхом человеческим, то желаниями покоя земного. Как быть страху Божию в сердце нашем, как производить ему спасительное действие на нас, пробуждать от беспечности, возбуждать к покаянию, когда мы то волнуемся страхом бед житейского моря, то отягчаем сердца наши удовольствиями века сего? Если бы мы входили чаще в сердце наше с мыслью о суде Божиим, если бы реже открывали душу для опасений земных, если бы постоянно умеряли в себе желания довольства земного мыслью о мздовоздаянии, какое правда Божия готовит для веселых века сего, то, конечно, мы не замедлили бы на стезях лукавства и обольщения духовного, конечно, поспешили бы только дальше бежать от греха, но более и более преспевать в добродетелях, в молитве, в посте, в верности званию, в отсечении своей воли. Ибо, зачем бы тебе, душа моя, медлить искренним, глубоким раскаяньем? Зачем отлагать со дня на день обращение и оставлять в себе терния греховные, когда бы ты постоянно помышляла, какой чистоты, какой святости требует от тебя святость Божия, и какой огонь готов поаясть нечистоты твои в вечности. Зачем бы тебе столько нерадеть о молитве, о посте, о делах звания твоего, зачем предаваться сну и беспечности, когда бы размышляла и чувствовала ты, что время земного твоего подвига коротко, а в вечности нерадивого раба ожидает огонь, и тьма, и муки нескончаемые? Зачем бы тебе так дорожить желаниями воли твоей, которые и сама ты иногда признаешь несправедливыми, – и тем не менее скорбишь и досадуешь, если они остаются неисполненными?

Господи, Господи! утверди в сердцах наших страх Твой – святой и спасительный, да им охраняемые сохраним любовь к Тебе и не уклонимся от закона Твоего. Аминь.

1848 год.

Слово в день коронавания Государя императора Николая Павловича

Аз есмь свет миру! (Ин.8:12).

Как говорит Господь Иисус вслух народа иудейского, в слух всей вселенной. Какой, необыкновенный отзыв о себе! «Я свет миру», говорит Христос Иисус. Прежде меня искусные законодатели, умные учителя нравственности, великие и малые мыслители, искренние и неискренние друзья бедного человечества трудились над образованием народов, но успех их был очень мал, последствия далеко не отвечали обещаниям и трудам. Я пришел рассеять мрак сердец человеческих, положить в них семена новой жизни, оживотворить их теплотой моих лучей. Какой великий по значению отзыв! Кто произносить его? Тот, кто всегда был образцом смирения и кротости. Дымящегося льна не гасил Он и надломленной тростя не сокрушал. И, однако, подает столько высокие голос о Себе. Какое твердое убеждение слышно в этом голосе. По всему дивный голос привлекает внимание к себе.

Слушатели мои! вы знаете, повелитель народов Европы, Азии и Америки благоговеет пред святостью сего голоса. Он недавно заставил молчать противохристианские мятежи Европы, он недавно повторил свидетельство Христова вслух всей империи своей, вслух всех университетов и учебных заведений. Мы ныне празднуем священное венчание государя нашего на царство. Потому думаю, достойно почтим торжество о великом христолюбивом монархе, если взойдем в размышление об одном из благотворных действий христианского учения, о благотворном влиянии его на благосостояние государства.

Веками дознано, что для благосостояния общественного необходимо, чтобы государственная власть была священной, неприкосновенною для всех, важностью. Только тогда подданные будут иметь к власти государственной не только уважение, но и благоговение, не только страх, но и любовь; только тогда государство безопасно будет от мятежей и

беспорядков, от своеволий и самоуправства дикого. Без того никакая теория государственной безопасности не поставит государства в безопасность. Во всякой другой теории безопасность государственная, как основанная на человеческих началах, будет в полном распоряжении произволов человеческих, всегда своекорыстных, всегда меняющих мысли и желания по прихотям страстей. Что же говорит Христово учение о власти государственной? Оно говорит, чего не смела решительно проповедовать никакая религия разума, она говорит, *несть власть, аще не от Бога, сущие же власти от Бога учинены суть. Тем же противляйся власти Божия повелению противится* (Рим.13:1–2). Оно говорит, что начальник есть слуга Божий, есть представитель карающего и милующего промысла Божия, *отмститель злое творящему* (Рим.13:4), и готовый награждать делающих добро (1Пет.2:14). Первым предметом внимания после Бога поставляет оно государя: *Бога бойтесь, Царя чтите* (1Пет.2:17). Оно внушает, что первую молитвою нашею должна быть молитва за царя и власти. *Молю, пишет апостол, прежде всех творите молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за царя и за всех, иже во власти суть* (1Тим.2:1). По учению откровения лице царя есть лице неприкосновенное. *Не прикасайтесь помазанным моим* (Пс.104:5). Итак, вот величие, на которое возводит христианское учение царей и власти. Вот опоры, на которых оно утверждает престолы царей и права правителей! Вот почему истинный христианин не может быть возмутителем или неверным подданным. Для него распоряжения, правительства суть распоряжения Божии и мятежник против государства есть мятежник против царства Божия, мятежник против самого Бога. В первые века христианства, столько известные по бунтам и мятежам Римской империи, когда, например, в 8 лет являлось 39 императоров, история не отыскала ни одного возмущения, в котором принимали бы участие христиане. А какие это были века страшные для христианства! Гражданские власти были тогда до крайности несправедливы и бесчеловечны против христиан. Что удерживало христиан от порывов негодования и от сильного

противодействия, при виде ужасающих несправедливостей? Их вера, вера, которая предписывает «оказывать повиновение властителям не только добрым, но и суровым», вера, которая учит, что приятно Богу нашему, если «кто, помышляя о Боге переносит скорби, страдая несправедливо» (1Пет.2:18–19).

Христианское учение вместе с тем, как столько возвышает силу государственной власти, внушает правителям отеческую любовь к подданным. Оно требует, чтобы власть их была властью не только справедливою, но и благодетельною для подданных. Оно говорит им, творите волю Божию от души, не забывая, что и над вами есть «на небесах Господь, у которого нет лицепрятия» (Еф.6:9). Оно внушает им, «от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много, вверили, с того больше взыщут» (Лк.12:48). По его наставлениям все люди суть дети Отца небесного, который одинаково всех любит и одинаково требует от всех любви взаимной, дает власть одним над другими, но с тем, чтобы сильные носили немощи немощных, а не себе угождали; христианское учение не терпит ни самолюбия нетерпеливого и своекорыстного, ни гордости неприступной, ни тщеславия легкомысленного, в ком бы они ни были. Так христианское учение дает правительственным лицам силу и могущество, но смягчает эту силу чувствами любви благотворительной; дает им власть прочную, но умеряемую страхом суда Божия и таким образом служит новою опорой благосостоянию государства.

Христианское учение не только преследует явные пороки – язву обществ человеческих, но очищает самые глубины сердец человеческих и одушевляет их самою бескорыстною любовью к людям. Известное дело, религии языческие освящали множество пороков человеческих, самых пагубных для благосостояния государств; пристрастия к порокам, укоренившиеся в душе и обратившиеся в общие правила жизни, не давали людям ясно видеть пагубных действий зла на общества. Христианская вера не терпит пороков, не терпит даже чувств и расположений порочных. Известное дело, что как бы деятельны ни были правители обществ, множество пороков и злодеяний ускользает от их внимания и власти. Насилия и

кражи, совершаемые без свидетелей, хитрые обманы, обыкновенные особенно в торговле, роскошь и распутство – проводники нищеты для семейств, многие другие пороки, незримо для суда людей, разливают яд в обществе и доводят государство до расстройств и падения. Только вера чистая и святая, какова вера христианская, управляя совестью людей, противодействует злым началам, незримо разрушающим общества. Никакая религия не простирает так далеко власти своей над сердцами людей, как простирает христианское учение. Оно судит нас за самые тайные мысли преступные, за самые невинные по виду чувства и желания. Оно требует самой строгой чистоты жизни. «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершен», говорит оно. Христианское учение, показывая в Боге Отца всех, заповедует самую нежную и самую бескорыстную любовь к людям и при том к людям всех званий и состояний. Язычество не знало этой всеобщей и самоотверженной любви. Язычники Рима и востока не могли надивиться, как христиане, не составляя особого политического общества, соединены были между собою тесным союзом на пространстве целого тогдашнего мира. Они изумлялись той заботливости, с какою христиане помогали бедным, призревали больных, посещали заключенных в темнице, воспитывали сирот, ухаживали за страдавшими от заразы, с явной опасностью для себя. Они сознавались, что вера, которая так благодетельна для бедного человечества, есть вера неземная, есть вера Божественная и что никакая человеческая религия не предписывает столько высокой любви к другим и, следовательно, не возвышает столько благосостояния государства. «Что вол для бедного, то раб для богатого», говорил знаменитый языческий философ и он же причислял жен к разряду неудачных произведений природы. Судите же о состоянии рабов и жен в языческом мире. Христианская вера учит заботливой любви к рабам и женам, указывая в них духовную природу. Пусть составят себе самый высокий идеал полезного члена государства и пусть проведут свой идеал по всем ступеням государственного быта, тогда на всех ступенях увидят только христианина. Нет звания, нет занятия истинно

полезного для государства, которых бы не освящала и не возвышала своими мыслями христианская вера, и никакое занятие, никакое звание не может быть истинно полезным для государства, коль скоро оно не согласно с чистым христианским учением. Так никакая другая вера не может так легко избавлять государство от бед и возвышать благосостояние его, как это совершает христианская вера. Она приносит небесное благословение в хижины низших и во дворцы знатных людей, ограждает общественную безопасность, уважение к законам, права каждого состояния и звания. Блаженство на небе, а на земле неизбежны с грехами неудачи и беды. Но вера и против неизбежных зол – лучшая и верная помощь, внушая терпение и преданность благодати небесной.

О! свете истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир! да нисходят животворный свет твой в глубины сердец наших! Да оплодотворяет он бесплодную пустыню душ наших делами чистыми и святыми, спасительными во времени и вечности. Слушатели мои! будем усердно молиться, чтобы быть нам истинными христианами. Если будем искренними христианами, истинно будем мы тогда самыми полезными, членами государства. Аминь.

Слово пред избранием судей

Если, когда, то особенно ныне приятно видеть вас в храме Божиим, мужи сословия благородного? Вы желаете избрать из среды вашей достойных представителей прав ваших пред престолом царским, достойных защитников вашего покоя. И прежде, чем совершаете сие дело, являетесь в храм Божий. Это ясно говорит о благоговении вашем к небу; это ясно показывает, что, по вашему убеждению, прочность учреждений и дел земных, не исключая и благородных, зависит от неба и ничего не может быть великого на земле без высоких мыслей веры. Согласно с волею монарха приступая к избранию людей по сердцу вашему, вы считаете должным пред алтарем Господа господствующих торжественно обязаться клятвою постучать в деле избрания по совести чистой, не по увлечению страстей. Как не радоваться такому союзу благородных сердец с верою!

Благородное сословие! радуясь благоговейной любви вашей к вере, по долгу звания моего должен напомнить, что прекрасного союза не следует разрывать, святую клятву надобно исполнять свято.

Что есть клятва? Клятва уверяет Богом всеведущим и грозным в правде, что в том или другом деле поступать будут по строгой правде. Итак, что ж делают, когда не поступают по клятве? Или не верят, хотя и говорят, что Бог всеведущ и страшен в правде, или верят, но не смотря на то лгут пред Ним. Не верят в Бога правды и могущества? Как это возможно? Рече безумен в сердце своем, несть Бог. Если же верят, но не поступают, как требует вера, много ли это легче дела безумия? Пусть осмотрятся. Если и во всяком случае делать неправду означает творить неугодное Богу правды, то делать неправду с призыванием Бога правды не значит ли оскорблять Бога в лице? Не значит ли это нагло не уважать ни Его величия, ни Его грозного суда? Призывают в свидетеля и помощника Бога святости, а творят беззаконие, как будто Он может благоволить и помогать беззаконию или лицемерию. Для чего призывают великое имя Божие, когда не хотят творить приятное Богу? Для

того, чтобы великим именем закрыть от взора людей нечистую душу свою, для того чтобы обмануть людей; не так ли? О! сколько в таком поступке нечестия против Бога! как назвать это иначе, если не осквернением имени Божия? Так и называет преступление клятвы сам Бог. *Не клянитесь*, говорит Он, *именем Моим в неправде, да не оскверните имени святого Бога вашего (Лев.19:12)*. До чего могут забываться люди? Рабы боятся господина, подданные благоговеют пред особою государя своего. Того ли, кто в мгновение может возвратить в ничтожество миры, без опасения оскорбляют в лице? Серафимы не смеют взирать на Вседержителя, стоят с покрытыми лицами пред Его престолом и благоговейно возносят хвалу: *свят, свят, свят, Господь Саваоф*. Чем же, великий Боже! должны быть пред Тобою люди, люди столько слабые и нечистые?

Пророк Божий видел *свиток летящ, в долготу локтей двадесять и в широту десяти локтей*. В объяснение видения ему сказано, что это *клятва, находящая на лице всея земли, зане всяк клянущийся во лжу от сего до смерти отмститися. И внидет (клятва) в дом клянущегося именем Моим во лжу и вселится посреде дому его и скончает его и древа его и камене его (Зах.5:1–4)*. Какое страшное определение! Не скажут ли, что это только угроза, или и казнь, но для одного преступного Израиля? Други мои! возблагодарим Бога, что Он сам сказывает нам, до какой степени не терпит Он преступления клятвы. Но надобно иметь слишком мало ума, чтобы и собственным смыслом не оправдывать невозможности того, чтобы Бог благоволил к преступнику клятвы. Если же с преступным Израилем так грозно поступлено за преступление клятв, христианин-преступник клятвы пусть ждет себе более грозного мщения. *Не очистит бо Господь Бог твой приемлющего имя Его всуе*. Это сказано иудею. Но как должен жить христианин? По закону евангельскому жизнь его должна быть так верна правде, так чиста и свята, что одно слово его, «да» и «нет» должно бы быть порукою в его неизменной верности. Если же между христианами оказываются такие христиане, которых самая клятва не удерживает от измены

правде, какой гнев призывают они с неба на свои измены правде! О! христиане! как вы отвечать будете за себя, когда, получив столько благодатного света, столько благодатных сил, явитесь на суде всемирном не лучше иных иудеев, или даже не лучше иных язычников?

Что означает клятва по отношению к обществу людей? Это есть защита общему покою людей. Что значит нарушение клятвы по отношению к тому же покою людей? Это есть язва, это есть бедствие обществ. Когда по несчастью эта язва распространяется между многими, становится правилом жизни многих, чего ожидает себе может целое общество? Того самого, что возвещено чрез пророка, *и вселится клятва и скончается его и древа его и камене ея*. Тот, кто играет клятвою, не только нарушает покой других, но потрясает основание общественного покоя – доверенность к совести человеческой, веру в возможность честности между людьми. Ибо если лгут пред Богом, как верить, что верны будут пред людьми? Если не боятся обманывать Бога, не принято ли за правило обманывать людей? А это не значит ли, что союз между людьми расторгнут и общество распалось на личных врагов счастья общего?

Впрочем, еще одно слово. Поступать в исполнении клятвы по убеждению своему не всегда значит поступать верно правде. Случается, что действуют отнюдь не против убеждения и, однако, поступают с оскорблением правде и порядку; поступают по убеждению, и после видят сами в поступке печальные ошибки. Как это бывает? Очень просто, за голос совести чистой принимают внушения страстей незнанных, самолюбия неусмотренного, своекорыстия необнаруженного и доверчивые к себе обманывают самих себя. *Яко чадо света ходите*. Чтобы не ходить во мраке затемненных страстями мыслей своих, надобно освещать свои мысли, свои убеждения, размышлением евангельским, надобно поверять расположения и чувства свои заповедями Господа; особенно же надобно испрашивать просвещение у Господа, который один есть свет чистейший и источник света чистого.

Свет небесный, просвещающий всякого человека! церковь молит Тебя за всех и всегда; ныне же особенно молит за

готовых святить имя Твое клятвою. Утверди сердце их в любви к правде и истине, да и мыслями и делами освящаем святое имя Твое. – Аминь.

Слово при первом свидании с харьковскою паствою

Что скажу вам, братия, при первом свидании с любовью вашею? Простое желание предлагаю, да благословит вас Господь Бог от Сиона. Не смею считать желания моего, как желания человеческого, важным. Как не знать того, что тот не начинал быть христианином, кто не сознает в себе немощей и грехов? Не считаю, однако, нужным умолчать, что в подкрепление немощным силам моим, на долгом пути к вам, обращался я с молитвами к великим печерским угодникам. А вы знаете, как они много могут у Господа.

Так, благословения Божия желаю вам, юные дети! Сам Спаситель наш с такою любовью благословлял вас. О! да сохранит в вас благословение Божие те прекрасные качества сердца, за которые так любит вас Спаситель и Господь наш! Да сохранит оно в сердцах ваших простоту и невинность, столько милые для земли и неба! Да вдохнет оно в вас святую боязнь оскорблять в себе чем-либо то, что любезно в вас для Господа!

Благословения Божия желаю вам, отцы и матери, для вашего семейного счастья, для вашего домашнего покоя. Для того и другого необходимо оно, то и другое невозможно без него. Давно сказал Давид, если не Господь построить дом, напрасно трудятся зиждущие. И другому быть нельзя, если поручили вы постройку только силам и способам времени, чего ждать от времени? Дунет ветер, и постройка ваша рухнет. Не ждите ничего от времени, кроме перемен и разрушения. Только Вечный содержит в деснице своей прочность и порядок. Он благословлял застаревших в неплодии Аврама и Сару, Он благословлял Исаака и Иакова; и – вы знаете, как все расцвели они счастьем. Кто из вас самих не испытал, хотя раз в жизни, как в самом безнадежном положении испрошенное молитвою благословение Божие восстанавливало счастье и покой в семье и доме? Кто не испытал, как, после всех испытанных средств – помочь семейному или домашнему горю, искренний вздох к

небу привлекал благословение, неожиданно возвращавшее мир и радость.

Благословения Божия желаю вам, продающие и куплю деющие. Ваше счастье особенно изменчиво; потому особенно имеет нужду в благословении. Ваше счастье зависит от воли Божией. Благоговейте же пред волею Божией. Она свята и любит только святое и честное. Пора узнать, века учат, что неправда не богатит, а разрушает дома. Да охранит вас благословение Божие от всякой неправды, от всякой неумеренности желаний, от всякого вида лжи и обмана!

Благословения Божия желаю вам, правящие и управляемые, судии и судимые! Великий владеет всеми и всем; Он же один и законодатель всему. Что могут живущие на земле тления, если не от Него примут благословение на намерения и дела свои? О! запад, запад! что приготовила тебе гордость, надменная успехами сил своих и забывшая о вседействующей силе Божией? Каждый хочет повелевать и никто – повиноваться, каждый хочет судить, чтобы ненаказанно обижать и грабить других. Шумят о равенстве прав, чтобы отнять нрава у других, а не уступить по-христиански свои другому. О! да сохранит Всевышний в правящих благоговейное повиновение к законам Его! Да сохранит Он в управляемых смиренную покорность властям, поставленным от Него! Да сохранит Он в первых столько же любви к человечеству и душевного благородства, сколько в последних смирения и кротости, заповеданных евангелием!

Благословения Божия желаю учащим и учащимся. Столько веков, столько опытов учат нас, что без страха Божия не дается нам мудрость истинная. Столько веков, столько опытов учат нас, что помимо благоговейного расположения ума и сердца не входит ни в ум, ни в сердце премудрость Божия. Где источник мудрости? В Господе. Как переходит она в нашу душу? Не иначе, как путем согласным с Его волею. Можно ли быть иному! Судите сами.

Если кому, то вам особенно желаю благословения Божия, служители алтаря Божия. Служение ваше так трудно, так много требует сил ума и сердца. Пусть благодать священства остается

в вас неиссякаемым источником благословений неба, – ваше дело быть усердными раздаятелями даров благодати тайно действующей. Страшитесь при том, не оказаться бы вам нечистыми сосудами святой благодати Божией. Не забывайте и того, что ваши собственные расположения могут усугублять для других благословение небесное, а ваше звание требует, чтобы более и более нисходила чрез вас на других благодать Христова. Не забывайте, что пример жизни – самый сильный учитель для тех, кого вы должны учить. Трудно переменять сердца человеческие, они столько же своевольны, сколько и настойчивы в своем. Сейте слово Божие терпеливо. Ваше дело сеять, ваше дело передавать людям не слово человеческое, а слово Божие. Кто знает, не падет ли завтра или после завтра дождь небесный и твердая земля размягчится и брошенное в нее семя даст плод. Сейте и молитесь. *Благодатию Божией есмь, еже есмь*, говорил о себе и апостол.

Всем сущим в христолюбивой харьковской пастве желаю благословения Божия. Но для всех присовокупляю, что принять или не принять благодать Божию зависит от расположений каждого. Аминь.

Часть 3-я

Отделение VI. Слова и беседы на святую четыредесятницу

Слово в неделю мытаря и фарисея

Несмь, якоже прочии человецы, хищницы, неправедницы, прелюбодее, или якоже сей мытарь (Лк.18:11).

Так говорил фарисей.

Если верить фарисею, то он был человек очень порядочный, даже такой, каких не скоро найдешь. По словам его, он гнушался многих пороков, которых не гнушаются многие, не любил неправды, не любил присвоить чужое, не любил дел плоти. Мало того, – он не только не поблажал похотям плоти, но еще старался умерщвлять ее. *Пощуся*, говорит он, *дважды в субботу*, т.е. два раза в неделю, чего не требовал и закон. Он не только не брал чужого силою или обманом, но отдавал свое в пользу храма. *Десятину*, говорит он, *даю всею, елико притяжу*. Мало ли это, часто ли это встретить можно, десятую долю из своей собственности жертвовал Господу?

Не смотря на все это, фарисей унижен на Божием суде пред мытарем. Не смотря на все это, безответный, смиренный мытарь оправдан, а фарисей осужден. *Сниде сей оправдан в дом свой паче онаго*.

Отчего это? За что осужден фарисей? За то, что гордо осуждал других. *Несмь, якоже прочии человецы, несмь, якоже сей мытарь*, говорил он. Он не только возносил себя пред другими, но злословил мытаря, порицал мытаря с гордостью.

Поучимся, братия, не осуждать других, поучимся тем более, тем внимательнее, что с нынешнего дня св. церковь начинает готовить нас к воздержанию духовному и телесному и, начиная приготовление, предлагает нашему вниманию фарисея – строгого судью дел чужих.

Тогда как вопль развратных жителей Содомы и Гоморры дошел до престола небесного, призывая мщение на них, послано ли тотчас мщение Господом? Нет. Господь милостивый и правосудный говорит: *сошед узрю, аще по воплю их, грядущему ко Мне, совершаются, аще же ни, да разумею* (Быт.18:21). Сердцеведче Господи! Ты ли не знаешь, что

отягченная грехами содомскими земля не напрасно возносить к престолу правды вопль свой? Братия! Он знает все, не только, что сделало, но и что сделают, или что способны сделать люди. Но Он показывает нам, что никакое око не в состоянии заметить в судах Его строгость излишнюю, но всегда может, всегда должно видеть, что суд Его одушевлен всею снисходительностью любви праведной. Видите, как осуждению Его предшествует внимательное рассмотрение дел, как замедляется приговор Его строгою проверкой дела с законом, как видно желание не отягчить, а облегчить участь виновного. Так поступает с ними грешными Господь наш! Так поступать должны и мы в отношении к другим. Так и поступает человек с совестью доброю, чистою, святою. Если и призовут его свидетельствовать о проступках другого, не иначе, как с неохотою, с сожалением станет он говорить о грехе другого, он будет говорить только о том, о чем спрашивают его, показывать будет только то, что знает он, что, наверное, видел, или, наверное, слышал; не только не допустит он до души и слов своих – досады, преувеличения, злости, но он страдать будет внутренно за другого, будет томиться желанием, чтобы не обвинен был обвиняемый. А ты, брат мой, как поступаешь, рассеивая пересуды и злословия? Ты говоришь о ближнем, когда никто тебя не спрашивает, обвиняешь его, когда никто тебя не вызывает на то; рассказываешь то, чего не знаешь, рассказываешь с гордою уверенностью в себе, тогда как эта уверенность – плод одной легкомысленности; говоришь всего чаще то, чего вовсе не бывало, говоришь только то, что слышал, во не видел; и говоришь с язвительною злостью. Какая несправедливость черная!

Если уже принял ты на себя, брат мой, дело судии над совестью другого, тебе надлежало бы подумать о законном производстве суда. А как поступаешь ты? Не выслушав ни свидетелей, ни сторон – защищающей и обвиняющей, без исследования, без очной ставки, не имея другого доказательства, кроме вестей и слухов, ты судишь так смело, осуждаешь так решительно. Одумайся. Ты говоришь, «мне сказано то и то, я ничего не выдумал». Пусть так! Но достойны

ли веры лица, которых слова ты повторяешь? Можешь ли ты, положив руку на сердце, сказать, «они ничего не прибавили, они не обманулись, они не были обмануты, они никакой страстью не были заняты, когда говорили то и другое?» Можешь ли свидетельствовать все это пред Господом? Нет! Как же ты, жалкий человек, взялся быть судьей другого, когда не в состоянии ничего доказать на него?

Но позволь спросить тебя, брат мой, кто дал тебе право быть судьей над другим? Господь Иисус прямо запрещает тебе судить ближнего, *не судите, да не судами будете* (Мф.7:1). Апостол Христов дал заповедь оставлять дела человеческие будущему суду Христову, *темже прежде времени ничтоже судите, дондеже приидет Господь* (1Кор.4:6). Откуда же взял ты право осуждать другого? Какой пророк облек тебя этим правом?

Един есть законоположник и судия – Господь Бог, творец и промыслитель наш; Его мы все; Им дан для всех закон; Ему принадлежит и право судить всех. Итак, ты присвояешь себе право Божие, похищаешь честь Божию. Как это дерзко! Как это нагло! Ближний – не подсудимый тебе, он брат твой; как брата, обязан ты любить его, защищать его, щадить его, а не язвить насмешкой и бранью. В обществе братском один брат учится от другого добру. Мы можем, мы должны изучать жизнь других, для собственного назидания, но это не то значит, что осуждать других. Смотри на душу брата, как на живую книгу; читай и изучай эту книгу. Но помни, что сочинитель этой книги – Всевышний, которого каждая мысль, каждое дело – предмет благоговейной хвалы и изумления для сонма ангелов. Страшись презирать то, что хранит Бог. Что касается до дел и жизни брата, повторяй в душе чаще, Судия над ним, как и надо мною, – Господь. *Ты кто еси судяй чуждему рабу? своему Господеву стоит или падает. Ты кто еси судяй брата твоею? Все бо предстанем судищу Христову* (Рим.14:4, 10).

Над кем предоставлено тебе право суда? Над самим собою. Себе *искушайте, аще есте в вере, себе искушайте* (2Кор.13:5). Вот предмет, о котором и можешь и должен судить ты со всем вниманием, со всею строгостью. Здесь ты можешь,

если угодно, сыпать и насмешки едкие, и укоризны жесткие. Сколько пищи остроумию твоему! Другое дело – судия начальник, наставник, родители. Самое звание обязывает их рассматривать и ценить поступки подведомых им лиц. Но и тем надобно смотреть за собою, как бы не допустить чего-нибудь более, чем позволяет звание. Иначе, *дело свое да искушает кийждо* (Гал.4:4). Каждый из нас должен дать отчет за себя Богу, и какой строгий, какой полный отчет! Надобно же приготовиться к отчету. Что-ж? Поверял ли ты себя? Смотрел ли в глубину души твоей? Обозрел ли, обсудил ли себя по строгой правде? Придется же показывать все тайные движения сердца твоего – и злость, и зависть, и желание чужого, и похоти, – все и темное, и грязное. Известны ли тебе все тайны твои? О, Боже мой! Что мы делаем? Мы для себя – чужие, а чужие – предмет неутомимого суда нашего. Своя душа и слепа, и бедна, и покрыта ранами. А мы занимаемся чужими делами! *О, Господи! даждь ми зрети моя согрешения и не осуждати брата моего.*

Как нам быть судьями ближнего? Душа наша может быть известна нам, а как знать нам, что в душе брата нашего? Мы судим других по наружности, и грубо ошибаемся. Фарисей судил и осуждал мытаря по званию его, а оказалось, что сердечное смирение мытаря перевесило все посты фарисея. Заклей был старшина мытарей, и народ роптал на Господа, *яко ко грешному мужу вниде витати*; а Закхей так оказался велик духом, что привлек благодать не только на себя, но на целый дом свой. Самый близкий и самый печальный пример ошибочного суждения людского представляет тебе, христианин, суждение иудеев и эллинов о кресте Спасителя твоего. Не соблазнялся ли этим крестом иудей, не насмехался ли над ним язычник, тогда как в кресте Божия сила и Божия премудрость? (1Кор.1:24) Люди судят о намерениях по внешности? Но грех, лишь только явился на свет, придумал способы закрывать себя самую красивою одеждою. Оттого и случается, что думают видеть ангела светлого, а на деле это – сатана темный. Судят о глубине душевной по поверхности? Какое легкомыслие! *Кто весть от человек, яже в человеке, точию дух человека, живущий в нем?* Бывает, что и сам человек не все знает, что

приготовило его к такой, а не к другой решимости. Благодать Божия движет сердцем, не всегда сказываясь сердцу, еще менее людям. Очень возможно, что тогда, как презираешь ты в человеке то, что видишь, в незримой тобою глубине души его это имеет другое значение. Одно и тоже дело в одном положении может, быть извинительно или похвально, в другом преступно или едва простительно; одно и тоже дело может иметь и произвольные и непроизвольные побуждения, и чистые и нечистые намерения. Как же брать на себя судить и осуждать другого, не зная другого? Ты осуждаешь брата за проступок, тогда как дело брата, быть может, есть следствие одного только недоразумения, или оскорбляет одно приличие, но не закон, или, если и есть проступок, но уже прикрыть смиренным раскаянием, как проступки мытаря. За Спасителем следовал на распятие разбойник. Но через час этот разбойник был исповедником Христа, и послан Господом в рай. Что если презираемый мною грешник повторяет в глубине кающейся души молитву благоразумного разбойника? Как тяжек будет грех мой!

Откуда происходит страсть злоречить и осуждать другого? Что заставляет нас говорить о других худо? Когда язык покрыт желчью, это признак, что желудок расстроен. Когда язык говорит дурно, верно, расстроена душа. Чем же? Гордостью, самолюбием, братия! Самолюбию приятно считать себя выше других; самолюбию приятно думать, что другие становятся ниже нас, самолюбию приятно так думать, приятно так и говорить о других. Потому-то с удовольствием выставляют на вид ошибки других. Унижая других возвышают себя. Видите, как болезнь души обнаруживается на языке. И какая болезнь! Болезнь самая опасная, болезнь столько отвратительная для Господа, – гордость. Ты говоришь, «я не считаю себя лучше других, но мне не хотелось бы, чтобы упрекнули меня в таком же деле». И думаешь, что оправдался? Совсем нет. Кто заботлив о том, чтобы не казаться худым, а не о том, чтобы не быть худым, – не о том, чтобы не допускать до души несправедливости ни пред Богом, ни пред ближним, не дурное ли самолюбие живет в том? Ты не считаешь себя лучше других, но верно не считаешь себя

и хуже других; а это что, как не гордость? Посмотри ближе на себя. Ты любишь навык находить в себе все хорошее, а в других дурное, извинять свои проступки и ничего не щадить в другом. В глазу другого замечен тебе и сучек; а в своем не чуешь и бревна. Что это, как не гордость? Гордость наша бывает лукава. На людей, сделавших большое преступление, она не обращает едкого взгляда; напротив готова сожалеть о них; ах, как несчастен он, говорит она. Отчего эта доброта? От того, что не хотят идти в сравнение с явно дурными людьми, оттого что сострадание к участи людей признается за признак доброй души. За то, никакой нет пощады обыкновенным слабостям.

Гордость является подчас и с синим лицом зависти. И вот тогда новая мука счастливому ближнему. Заслуги ближнего бросают тень на честь другого, его добрая слава в тягость другому, его светлые качества открывают своим светом темные пятна других. И – досада волнует желчь, злость кипит в душе, как в аду, счастливому соседу готовы растерзать. Как, почему, отчего так счастлив он? Он вовсе не таков, как кажется, он совсем не тот, чем видят его. И – начнут описывать! Сохрани вас Бог попасть, когда-нибудь на этот язык проклятый. Он припишет вам такие намерения, которых вы никогда не имели, покроет поступки ваши такою гадкою краской, что вам станет тошно. Это низко, сатанински низко, но таково дело злобной зависти

Не многим лучше становятся, когда тщеславие заставляет судить и пересуждать других. А это бывает, и очень часто. Тщеславию хочется блеснуть чем-нибудь, хочется приятным быть в беседе, забавлять общество острою, занимать других собою. Но как это сделать? Поострить над собою, на свой счет? Это не значило бы прибавить себе блеска. Для других предметов не достает как-то остроты, или точнее, смысла. Лишь заговорит и – видят, что скучен и пошл. И вот ближний стал жертвою страсти. И Боже мой, откуда является ум, которого не достает на другие вещи! А если случатся три, четыре остряка; тогда прощай доброе имя брата. Едва брошен первый камень в него, – как посыплется град насмешек язвительных, укоризн

самых едких и злых. Извини, слушатель мой, что назову эту забаву бесовскою.

Мутен, черен, грязен исток, откуда выходит страсть судить других. Но ищи, сколько хочешь, – лучшего не найдешь. Потому-то сказал апостол: *язык злоречия полон яда, и есть скопище неправды (Иак.3:6, 8).*

Братия! будем внимательны к себе самим, к своим грехам. Тогда не будем осуждать других; – тогда не достанет на то и времени, не достанет и охоты. Тогда окажется, что много надобно сил, чтобы нести свое бремя; тогда научимся лучше ценить и других. А – что всего выше, смиренным Господь дает благодать, – подаст и нам грешным. Аминь.

1846 год.

Слово в неделю мясопустную

Святая церковь посвящает настоящую неделю воспоминанию последнего суда Божия. Заботливая о нашем спасении, она желает пробудить в нас раскаяние в грехах наших и подкрепить слабое усердие наше к подвигам спасительным. Последуем её голосу. Выслушаем слова Божии о суде великом, о суде страшном. Подвигнем сердце наше к сокрушению. О, как велик сей день – день греха и отмщения Божия!

Пусть не обольщают себя мечтами, пусть не питают в душе греха своевольными помышлениями о несбыточности грозного – будущего. На пагубу себе говорит своеволие, «где есть обетование пришествия Его?» Неверно слово человеческое, но верно слово Божие, придет день страшного явления Христова, день откровения суда Божия, день великий, день последний, после которого не будет дней (Рим.2:5; Мф.13:40, 49). Пусть не спешат грешить, а поспешат каяться. Жизнь – поле, где растёт пшеница, растут и плевелы. Не вырывают плевелов по осторожному снисхождению. Придет время жатвы, тогда не пощадят плевелов (Мф.13:39–40). Не медлит Господь исполнением обещания; Он только терпит и ждёт, не придут ли люди в себя, не одумаются ли, не решатся ли оплакать грехов своих горькими слезами раскаяния? Будет суд. Бог сказал о том. Небо и земля пройдут мимо. Не прейдет слово Божие. Пророки Божии возвещали о суде всеобщем (Ис.34:1–6, 66:16–21; Иоил.3:7–17; Дан.7:9–10; Мал.3:14–18). Псалмы поют о суде вселенной: *Той судити иматъ вселенней в правду* (Пс.9:9, 93:23). Апостолы проповедовали: *всем явитися нам подобает пред судищем Христовым* (2Кор.5:10). Сам Сын Божий, столько полный любви и милости к нам, повторял много раз: *приити иматъ Сынъ человеческий со ангелы Отца своего со ангелы своими, и тогда воздаст комуждо по делам его* (Мф.16:27, 10:15).

Страшен будет сей день для всех, страшен особенно для отвергших Христа или не исполнивших верности своей Ему. Кто будет судиею на том суде? Господь наш Иисус Христос – Он,

Который пролил за нас кровь Свою, вытерпел столько мук за грехи наши, чтобы мы более не жили для греха, Он, которому обязались служить мы от купели до гроба. О, как страшно будет предстать пред Него нам, столько неблагодарным к Нему! Каково бы то ни было явление Его, оно уже само по себе будет грозно обличать бесчувствие христиан. *Тогда явится знамение Сына человеческого на небеси, и тогда восплачутся вся колена земная (Мф.24:30). Воззрят нань, егоже прободоша (Ин.19:37; Зах.12:10).*

Пришествие Господа Иисуса на суд будет уже не то, что пришествие Его на землю для спасения нашего. Оно будет величественное и грозное, так что смятенная ужасом вселенная примет новый вид. Сын Божий явится, окруженный сонмом ангелов, в полном величии славы Сына Божия. *Узрят Сына человеческого, грядуща на облацех небесных с силою и славою мною (Мф.24:30), во славе Отца своего со ангелы своими (Мф.16:27). И видех, говорит тайновидец, престол велик был, и Седящего на нем; от лица Его бежали небо и земля, и не нашлось им места (Откр.20:11).* Цари земные и вельможи, наравне с последними рабами, с ужасом и воплем обратятся к горам и камням, и возопиют: *падите на ны и покройте ны от лица Седящего на престоле, и от гнева Агнца, яко прииде день великий гнева Его, и кто может стати (Откр.6:16–17).* Други мои! Может ли мысль обнять славу Бога, являющегося в грозной правде своей? Может ли сердце тесное вместить весь ужас, которым дрогнет вся вселенная от явления сей славы Беспредельного? Покайся, омойся слезами, бедная душа моя; обратися ко Господу Богу твоему, да правда сокрушенной веры поддержит тебя бедную в день гнева и откровения суда Божия.

Какой суд! Какой всеобъемлющий суд! От земли до ада область его; от людей до духов отпавших все явятся выслушать последнее изречение о вечной, неперемняющейся вечности (Иуд.1:6; 1Кор.6:3). Живые и мертвые, язычник и иудей, верующий и неверный, – люди всех времен и всех стран предстанут дать ответ в делах своих (Мф.25:22; Рим.2:6–12; Деян.10:42, 17:31). Как много здесь между нами таких, которые

согласятся лучше умереть, чем вынести обличение в грехе перед подобными себе! Какой же ужас поразит этот лицемерный стыд, или точнее, это нечестивое самолюбие, когда перед целой вселенной откроются дела темные? Смирись, бедная душа моя, открой искренно посреднику между тобой и Богом грехи твои, чтобы не подвергнуться тебе позору всемирному.

Содрогается сердце, трепещет внутренность, когда представим, что там обнаружены будут все тайные и явные дела наши. А это будет, несомненно будет. Предметом суда будут все дела наши, добрые и худые, *да примет кийждо, яже с телом содела, или блага, или зла (2Кор.5:10)*, и каждому воздастся по делам его (Рим.2:6). Злость, обман, ненависть, гнев, хищение, пьянство, нечистоты плотские, гордость, тщеславие – все будет предано позору. Сколько льется из уст наших слов праздности! Их принимают даже за милые шутки. Там не так будут смотреть. Там, за каждое слово праздное, придется давать ответ (Мф.12:36). Все тайные мысли, все тайные намерения, все движения сердечные, все желания, бережно хранимые от глаз другого, все будут открыты, как бы они ни были черны, как бы ни были грязны, все подвергнутся обличению и суду. *Приидет Господь, иже во свете приведет тайная тмы и объявит советы сердечные (1Кор.4:5)*. Как не плакать, как не рыдать нам о такой ужасной, угрожающей нам будущности? Сколько лицемерия скрывается здесь в наших делах! Сколько притворства, сколько лукавства в замыслах! Гнусные дела прикрывают самую красивую наружность, и на цену нечестия сердечного покупают одобрение людей. О! там снимут с дел и намерений наших эту маску нечестия, и их гнусность откроется в точном, безобразном их виде. Там откроется, что эти моды времени, эти наряды изысканные – не только суета, но и грязные следы грязных похотей сердца. Отец неразумный! мать легкомысленная! сын века забывчивого! товарищ рассеянный! Сколько вы сеете соблазнов на пагубу сердец! сколько уроков нечестия даете вы душам незрелым и неосмотрительным. О! остановитесь. Жена суетная! понимаешь ли, видишь ли ты, что твои уборы, твоя роскошная одежда, твоя красота придуманная – сеть человекоубийцы диавола, если не

по твоему намерению, то по твоему легкомыслию. Как ты будешь отвечать там за гибель душ соблазвившихся, от твоего ли намерения, или от твоего легкомыслия? *Иже аще соблазнит единого малых сих, лучше ему, если бы повешен был на шею его жернов, и он потонул в море (Мф.18:6).* Настанет время, – ангелы Божии соберут *вся соблазны и творящих беззаконие, и ввергнут их в пещь огненну (Мф.13:41–42).* Сокрушайся, душа моя, пока есть время небесплодного сокрушения, сокрушайся о всех дарах, которые приняла ты от благодати Божией и растеряла! Грозный ответ отдашь ты за таланты, вверенные тебе. О! горе мне грешному, прижавшему так много и от промыслительной руки Божией, и от благодати Христа моего Иисуса. Что принесу, что возвращу Тебе, Владыко мой щедрый! Лениость моя и нерадение держат меня на покойном ложе греховном, в праздности и суете. Горе мне, осквернившему чистую одежду крещения! Сколько раз, Владыко мой, возбуждал Ты меня к покаянию и болезнями телесными, и скорбными встречами жизни! Едва просыпался я от сна моего, как опять засыпал Спасителю мой! прежде суда Твоего страшного, обрати сердце мое к Тебе – Богу моему, не отрини мене уклоняющегося от Тебя, не остави Мене, оставляющего Тебя, Боже Спасителю мой!

Не думаете ли, други мои, что там затруднятся испытанием всех дел и всех народов земли? Тайновидец говорит нам: *И видех мертвецы малые и великие, разных состояний, стояща пред Богом, и книги разгнушася, и иная книга отверзется, яже есть животная, и суд прияша мертвецы от написанных в книгах по делом их (Откр.20:12).* Что это за книги разгнутые, по которым судятся мертвецы? Что за книга иная, называемая книгою жизни? Это – знаки всеведения Божия, не имеющего нужды в книгах, для которого известны все наши дела. Всегда праведный и всеведущий – Он строго отличает дела праведников от дел грешников. Всегда благий – Он не оставляет без внимания ни одного подвига повиновения Его воле, не сокрыта от Него ни одна слеза раскаяния, известна Ему чаша студеной воды, поданная во имя Его; Он уже назначил награду жизни любящим Его. Но, увы! Как не много

праведных, как много неправедных значится в Его праведном всеведении. Первых одна часть, одна книга; последних много частей, много книг. По сему-то всеведению, праведному и благому, Он будет изрекать последнее решение о вечной участи людей и племен. И совесть каждого покажет там каждому дела его. Если она здесь у нас темна, если здесь многое забывает, многого не досматривает, омрачаемая страстями и суетами, там просветится. Свет правды Божией рассеет мрак её. *Приидет Господь, иже во свет приведет тайная тмы, и объявит советы сердечные* (1Кор.4:5). Озаренная сим светом совесть покажет нам все ряды прошедшего, ряды мыслей, движений, желаний и дел. Не забудьте еще, тогда как настает великая жатва для поля дел мира, – *жателями будут ангелы*, которые отделят плевелы от пшеницы, нечестивых от благочестивых.

Пробудимся – спящие в грехах, восстанем от сна самоугождения, *да осветит нас Христос*, прежде того страшного озарения правдою (Еф.5:14).

Как строг, до какой точности справедлив будет суд последний! Если Господу все известно, если Он столько же справедлив, сколько и мощен, то как грозен будет суд Его! В пламенеющем огне совершит Он отмщение над незнающими Его и не покоряющимися благовествованию Господа нашего Иисуса Христа (2Сол.1:8). Не будут смотреть там на лица, Судия будет святой и праведный (Рим.2:11). Никто и ничто не защитит нас на этом суде, – ни друзья, ни сродники, ни те, которым льстили мы в надежде на силу их, каждый из них за себя будет отвечать (Еф.4:9). Повелитель народов будет стоять там, как и последний подданный, в трепетном ожидании приговора. Там каждый будет значить столько, сколько значат его добродетели. Мы привыкли покоить беспечность свою надеждою на благость Божию. Там сретим одну правду, – она отличит в нас святую надежду от надежды беспечной и хульной. Откроет нам и меру сил наших, и меру немощей наших; примет в расчет меру способов, и нищету нашу. Горе и беда всякой души, делающей зло, но прежде иудею, потом еллину (Рим.2:9), – прежде христианину, потом незнающему Христа. Много

взыскано будет с меня несчастного, которому дано больше, чем другому (Лк.12:47–48).

Други мои! смотрите же за собой, чтобы сердца ваши не отягчались объядением и пьянством и заботами житейскими; бдите во всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих, и предстать пред Сына человеческого (Лк.21:34–36). Не дано нам знать, когда настанет страшный, день, но то открыто, что он несомненно настанет, – и мы все предстанем судищу Христову. Запасемся же елеем добрых дел, чтобы светильники наши не погасли тогда, как негде будет взять елея (Мф.25:7).

Припадаю к Тебе, Господи мой Иисусе Христе, Сыне Бога живого! Не воздай нам по делам нашим, и да не прогневают Тебя дела наши. Помилуй нас по милости Твоей; даруй узреть Тебя в мире и веселии, хотя бы в числе самых последних рабов Твоих, к славе Твоей и единосущного Тебе Отца и святого Духа. Аминь.

1845 год.

Слово в неделю сыропустную

На реках вавилонских тамо седохом и плакахом (Пс.136:1).

Так говорят несчастные пленники – иудеи, лишившиеся любезного, священного отечества. Как листья плакучей ивы, склоняясь над реками Вавилона, вздыхали и плакали они о родном Иерусалиме. Гордые враги, смеясь над несчастными, говорили им, *воспойте нам от песней сионских*. Как нам петь, отвечали, песнь Господню на земле чужой? Песни родины, песни Господу, прилично ли петь на земле не родной? Полный грустью горькою, скорбью неотразимою, каждый давал обет неизменной памяти о Иерусалиме дорогом, *аще забуду тебе, Иерусалиме, забавна буди десница моя, прилепи язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего*.

Что значит, братия, что церковь в эти недели повторяет нам плачевную песнь пленников вавилонских? Ужели это с тем только, чтобы напомнить нам о былом иудеев? Правда, это бывшее было горько, примерно горько. Но какая нам нужда до чужого прошлого, если оно прошло и не касалось нас? Нет, не об иудеях заботится мать наша – св. церковь, а о нас – детях своих. Нас призывает она плакать, о себе плачем пленников вавилонских.

Кто мы на земле этой? Что значит для нас мир? Вся тварь воздыхает, стонет, ожидая свободы чад Божиих. Бури разрушительные, землетрясения, разрывающие горы и города, голод, язвы – это стоны природы. Земля – кладбище; смерть и смерть на каждом шагу! Куда ни оглянись, везде горе, везде скорби. Сколько бед, сколько болезней, сколько смертей! Но это – не все. Кому нравятся скорби? Кто может любить скорби? Мы плачем, мы стонем под тяжестью бед, которыми гнетет нас мир. Но, есть беды в мире, которых не только не боятся, но которые считают за счастье, которые любят, за которые отдают всю жизнь свою и губят себя на целую вечность. Что значит мир в глазах миллионов? Им не нарадуются. От него приходят в восторг. Но не таков суд Божий о мире. По суду Божию, мир –

Вавилон великий, мать блудодейцам и мерзостям (Откр.17:5). От мира сего – все, еже в мире, похоть очес, похоть плоти, гордость житейская (1Ин.2:16). Сын мира не слышит, не чувствует, не хочет знать голоса святого о мире. Вихрь света, блеск золота, обольщения честей, сласти похоти увлекли его, обаяли ум его. Ни о чем не думая, спешить он напиться вод Вавилона до сытости. Ах! пусть остановится, пока есть время. Суд над Вавилоном – над миром грешным изречен и – не переменится. Блага, которыми утешается мир, – цветы погребальные, украшающие путь к гибели. Радости его отравлены ядом греха. Свет обольстителен? Но в том-то и пагуба его. Сколько беззаконий оправдано судом света! Сколько нечестия в его взгляде на жизнь людей! Дела самые преступные, низкие, гнусные скрашены именами слабости невинной, греха простительного. Чтобы жизнь веселая была еще веселее, чтобы жизнь беззаконная была еще беззаконнее, мир составил свои законы, при которых забыт не только Христов закон самоотвержения крестного, распятия похотей плоти и духа, но иногда забываются и внушения естественной совести. *Горе тебе, Вавилон великий – мать мерзостей!* Как нам не плакать на реках Вавилона – мира пагубного? Он так настойчиво, и так незаметно для нас ловит души наши в погибель. Сколько веков проповедуют нам, *не любите мира, ни яже в мире, аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем? (1Ин.2:5).* А люди, как и прежде, любят губящий их мир. *Отврати очи мои, Господи, еже не видети суеты. Постави рабу Твоему слово Твое в страх Твой (Пс.118:37–38).* Плачь, грешник, пока есть время. Время летит и уносит с собою спасение от Вавилона. Оплакивай и радости и горе твое. Оплакивай радости, в них много безумия, ужасающей гибели; оплакивай горе, в нем много малодушия непростительного.

Плачь, грешник, странствуя вдали от родины, от небесной отчизны твоей. Где наше отечество? Где наш Иерусалим? Люди так полюбили мир, что позабыли о своей родине. Как это ужасно, особенно для христианской души! Она искуплена кровью Сына Божия не для мира, а для вечности. Где наша родина? Там – на небе, *не имамы зде пребывающего града, не*

грядущего взыскуем (Евр.13:14). И, о когда бы мы искали его, как искали все праведники! Как велика потеря наша – потерявших нашу родину! Если бы богач вдруг лишился всех сокровищ своих, потеря его ничего не значит с потерей неба. Соберите все земные потери, соберите все несчастья времени, они ничего не значат с потерей небесной отчизны. Плачут о потере чести; плачут о потере какого-либо золота, плачут о потере родных по плоти. Что значит этот плач? Детский плач! То ли дело, что мы странствуем вдали от небесного Отца, изгнаны от Его пресветлого лица? Мы потеряли то, без чего и богачи света, и славные, и умные мира так бедны, так ничтожны, как нельзя более. О чем ухо не слыхало, чего глаз не видел, что на сердце человека не всходило, чего ум представить себе не в состоянии, – таких благ, таких сокровищ, таких радостей лишились мы, изгнанные из вечной родины. Дети, удаленные от родителей, обливаются слезами. Как же нам не обливаться слезами горькими, нам, которые удалены от истинного Отца нашего? Чем стала душа наша, вкусив первый грех? Она была прекрасна, как образ самого Бога. А теперь? Гнусна и безобразна. Невинность, правота, помыслы высокие и чистые потеряны. Грех покрыл ее струнами страстей. Безобразен вид мертвеца, гораздо хуже душа грешная. Красота, ткани, камни, уборы разорительные – ты думаешь – красят душу? Золотят гроб, – еще хуже, увеличивают безобразие, умножая струпы души. Приклони Господи, ухо Твое, и услыши мя, яко нищ и убог есмь аз. Пресельник аз есмь у тебе и пришлец, якоже вси отцы мои. Не скрый от Мене заповеди Твоя (Пс.38:13, 85:1, 118:19). Плачь, грешник, потеряв небесный Иерусалим твой. Повторяй обет святой пленного иудея, аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя.

Кто мы на этой земле? Пленники плоти, рабы греха. Примечаем ли мы, что, когда хотим сделать что-нибудь доброе, то это для нас крайне трудно? Отчего эта трудность? Отчего эта неохота, эта леность делать доброе? Ужели это естественно? Быть не может. Горе нам грешным! Греху служим мы от юности; во грехах рождены мы. Вдвое горе нам от нас самих. Мы воспитали в себе страсти, и они полновластно владеют нами.

Один с молодых лет и до гроба питает в душе страсть к деньгам, другой – злость, тот – суетность мирскую, иной – гордость. По временам приходит нам на мысль вечность, посещает душу, как гость, страх суда Божия. Но, то скажут, ах, теперь не время, – тем и тем заняться надо; то, совершив кое-как молитву, потревожив душу кое-какими воспоминаниями о своих неправдах, принимаемся опять грешить. О, горе нам, грешным! Грехи так овладели нами, что мы стали, как дети слабые и несмысленные, боимся отказать в чем-нибудь привычкам нашим. Нам даны были благодатные силы для добра, но мы их расточили или расточаем. Повторяя вчера и ныне грешные мысли, грешные чувства, грешные желания, мы укрепили в душе навык к греху и – ослабили, обессилили благодатную решимость творить закон Божий. Откладывая день за день раскаяние, мы потеряли и искреннее желание каяться. В нас остается чувство добра, воздыхание о добре, да и то слабое, да и то бесплодное, да и то, время от времени, реже открывается. Что жизнь наша? Ряд сует, ряд грехов. Заботы о пище, заботы о доме, заботы по торговле или званию, сменяют одна другую. Таким образом, бессмертная душа наша в постоянной службе тлению. Где ж достоинство, по которому человек *умален малым чим от ангел?* (Пс.8:6) Мы прилагаем *скотом несмысленным* (Пс.48:13), живем теми же желаниями, теми же наслаждениями, как и они. О, плачь, грешник – пленник страстей и греха! Омывай слезами несчастный плен свой греховный, моли Вышнего о возвращении тебе свободы чад Божиих. Он не откажет; с любовью примет тебя кающегося и облечет новыми силами для подвига против греха.

Рано ли, поздно ли, нам надобно возвратиться на свою родину. Рано ли, поздно ли, скитальческая жизнь наша по земле кончится. Как же мы возвратимся в дом Отца нашего? С чем явимся пред лице Его? И, во-первых, каков будет наш выход из этой жизни? *Смерть грешников люта* (Пс.33:22). И как не быть ей лютою? Совесть, дотоле усыпляемая суетою теперь, когда исчезают суеты, начинает терзать душу грешную. Пред ней открывается геенна, о которой дотоле не хотела она думать. Пред ней открывается вечность с её муками для грешника, – о

чем легкомысленно забывала она. Пред ней – необходимость явиться к Судие грозному и нелицеприятному, которого законы поруганы. О, плачь, грешник, пока не прошло время бесполезных рыданий! Умоляй со слезами Господа о кончине мирной, какова кончина верного христианина!

Иначе, горько будет вступление твое в вечность, еще бедственнее вечная жизнь. Жизнь временная дана тебе только с тем, чтобы искушенный, очищенный страданиями жизни, ты возвратился в дом Отца твоего – как сын умный, с любовью твердою к Господу, с мудростью опытною в добре. Что-ж? Каким ты готов предстать к Господу твоему? Где подвиги твои для добра? Где добродетели? Где целомудрие? Где воздержание? Где кротость? Где слезы о грехах? Где борьба со страстями? Какую слабость победил ты в себе? С каким грехом сражался до крови? Не думаешь ли, что так же легкомысленно будут судить о делах твоих там, как судишь ты здесь, или, как судит век лукавый? Там суд не по страстям твоим, а по закону справедливости; не по мнениям людским, а по вечной правде Божией. Там обличены будут все тайные движения сердца твоего, откроют все помыслы гнусные, скрываемые здесь под разными покровами дня и ночи.

И – целая вечность будет вечностью мук грешнику. О, вечность, вечность! Как необъятно продолжение твое! Как неизмерима долгота твоя! Слагаю ряды веков, прибавляю тысячи лет к тысячелетиям и – все это не вечность. И все это не конец мукам грешника.

Отец Небесный, к Которому возвратиться я должен из страны далекой! Укрепи слабого странника на путях заповедей Твоих! Вразуми, утверди меня в страхе Твоем! Подай мне источники слез, да омою ими грехи мои, да, сея со слезами, с радостью пожну плоды мои в вечности! Страх судов Твоих да проникает меня до самого мозга костей моих, рассеивая пред очами моими соблазны Вавилона – мира грешного! Твоя есть сила, Тебе слава во веки. Аминь.

1846 год.

Слово в четверток 1-й недели Великого поста

Беззаконие мое познал, и греха моего не покрых (Пс.31:5).

Вот пример покаяния – кающийся Давид!

Братия! все мы грешники пред Господом; грехи наши множатся каждый день; каждый день преступаем мы волю Божию, исполняем прихоти сердца, идем вслед за помыслами страстей. Куда же приведут нас грехи наши? Что ждет нас со беззакониями нашими? Что готовит нам беспечное нечестие наше? Или – огонь геенский нам не ужасен? Вечность мук невыразимо-лютых не страшна? Впасть в руки Судии грозно-правосудного – ужели малость для нас? О, как бы это было пагубно! Что-ж? Или же, выход из бездны греха нам закрыт? Прегражден путь к небу? Затворены для нас двери милосердия Божия? Нет! Чего же не достает нам, чтобы спастись нам от грехов? Не достает покаяния, того самого, что было в душе Давида, когда взывал он, беззаконие мое познать, и греха моего не покрыть.

Что нужно прежде всего, чтобы обратиться на путь жизни от пути погибели? Прежде всего нужно увидеть, что мы не там, где надлежало быть нам. Если путник идет не по своей дороге, ему надобно опомниться, сознать, что это не его путь, что путь, по которому он должен идти, совсем другой и – только тогда может почувствовать необходимость возвратиться на свою дорогу. Как нам идти путями спасения, когда не сознаем мы доселе, где ходим, когда не видим, что мы на пути погибели? Как желать нам искренно, пламенно, жизни вечной, жизни по воле Божией, когда доселе не сознали, что живем во мраке грехов, в похотях сердца? Если бы пленные сыны Израиля так же прилепились мыслями и сердцем к Вавилону, как дети Вавилона, стали бы они плакать о Сионе, лить горькие о нем слезы, стремиться сердцами к родному городу? Горе нам, когда мы остаемся в горьком плену Вавилона, работаем без отдыха страстям и миру погибельному, не думаем о возвращении в Сион небесный и забыли о вечном граде Божием, как будто его нет для нас.

Что может быть страннее – иметь глаза и не видеть грязи на одежде, нечистоты на руках, беспорядка на всем теле? О, Боже мой! куда девалась светлость очей моих? Кто отнял зрение у мысли моей! Весь покрыт нечистотой, – и не вижу нечистоты моей. Все расстроено, все обезображено в душе моей, – и я не вижу расстройства моего. Кто изобразит глубину падения моего? Бессловесному дано видеть земное, – и оно видит землю; а моя душа, которой дано зреть красоты неба, не видит ни небесных благ, ни безобразия земной своей жизни. О, Господи! Ты просвещал очи слепцов, разгонял греховный мрак в душах заблудших; просвети очи сердца моего, да узрю свет заповедей Твоих, и мое погибельное удаление от них!

Братия! Худо мы видим грехи наши. Но будем смотреть на них, и мы увидим более, чем теперь видим; отвратим взор наш от суетного мира, не будем смотреть на предметы мятежных страстей наших; соберем рассеянные мысли наши, остановим, удержим их на одном – на памяти о себе и своих грехах. Если мы решились узнать себя, свои грехи, то необходимо, чтобы на себе самих остановили мы все внимание наше. Иначе, никогда не узнаем мы себя. Как узнать, как рассмотреть себя, когда пред нашими глазами мир с толпою прелестей его, когда мысли наши заняты, наполнены суетами, заботами, впечатлениями земными? Ты, который говоришь, что готовишься принести исповедь в грехах своих пред Господом, а в то же время волнуешься заботами житейскими, расчетами по торговле, хлопотами по дому, или помыслами страстей, что ты делаешь? Себя ли ты хочешь обманывать или Бога? Первое безрассудно, последнее страшно. Опомнись! Вот в целом году церковь назначает тебе несколько дней, чтобы ты собрался с собою, посвятил часы молитвы на обзор дел твоих; а ты и это не многое занимаешь. Бог знает, чем. Мир с его суетами и обольщениями расстроил тебя, рассеял, осквернил душу твою, ужели не довольно того, чтобы бросить его, хотя на несколько часов? О пагубное ослепление! *Беззаконие, мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну* (Пс.50:5). Так познавал себя кающийся Давид. *Выну* – постоянно, не уклоняясь ни к чему другому, смотрел он на грех свой. – и тогда-то узнал его, как

должно было узнать. И беглое ли внимание нужно, когда дело идет о спасении, или гибели души? О! нет, не спеши отклонять взора от греха твоего, всмотрись в него прилежно. Сознал ли в себе грех осуждения? Рассмотрим, что такое ты сделал? Взвесь тяжесть греха твоего. Ты увидишь, что восхитил ты себе право Судии всех Бога; будучи грешником, принял на себя лице безгрешного, безумно блуждал мыслью за делами другого и оставил себя самого во власти грехов; гордость, или суетность заставила тебя судить другого, и твой суд оскорбил его, твой суд навел его на грех недовольства тобою, а, может быть, и гнева. Вот как много грехов в одном грехе осуждения брата! Достаточно ли беглого внимания, чтобы рассмотреть и обсудить несчастную плодотворность одного греха?

Ты сказал мыслью или словом, грешник я, – и тем доволен и тем кончил исповедь. Нет, исповедь еще не кончена, даже и не начата. Подумай. Ты не доволен был бы судьей, если бы он не с полным вниманием вошел в дело преступника; ты сказал бы, суд строгой правды требует, чтобы судья силою законов побудил преступника изложить все обстоятельства преступления, открыть место, время, побуждения, соучастников преступления; ты сказал бы, это необходимо, – обстоятельства дают больший или меньший вес преступлению, – и ты был прав в отношении к другому. Как же ты не хочешь быть справедливым в отношении к себе самому? Нет, не будь легкомыслен; ты стоишь пред судом Божиим. Покаешься? – Будешь жив. Кайся же. Ты сказал, грешник я. Но в чем? Сколько раз? В каком расположении? Что заставило тебя сделать грех и грехи? Осмотри дела твои, перечти одно за другим преступления твои, дай отчет перед судом Господа, поверь жизнь по всем заповедям. Тут не место небрежности. Ты не был ленив на грехи. Не ленись же каяться; понуждай себя к дознанию грехов твоих, припоминай, каков был ты на молитве, каков в доме? Каков к оскорблявшим тебя, каков к любящим тебя? Каков по обязанностям звания, каков по своей охоте? Каков был в счастье, каков в несчастье? Как смотрел на свое горе, как на чужое? Каков был по влечению давней слабости, каков по новым привычкам? Воздерживал ли тело?

Воздерживал ли язык? Воздерживал ли душу от гнева, от страстей? Пройди в памяти все не прямые пути, по которым блуждал ты, пересмотри различные места, которые были свидетелями падений, размысли о всех обязанностях совести, которые пренебрегал ты. Вспомни, сколько раз давал ты обещания исправить и переменить жизнь твою и сколько раз нарушал их? Сколько благодатных званий к покаянию в обстоятельствах жизни твоей оставил ты без внимания? Трудно невозможно дать отчет во всех делах своих? Так. Но это не значит, что надобно довольствоваться общим, глухим, беспечным отзывом о себе. Что это за познание себя? Испытаем, дознаем в себе грехи все, какие можем дознать, вот что требуется от нас!

Беззаконие мое познах, и греха моего не покрых. По сему образцу Давидова покаяния, испытание грехов наших должно быть искреннее. Не скрывай себя от себя и Бога. Скроешь здесь? Откроют там, и к безотрадной скорби. Скроешь от себя? Не скроешь от Бога, и к более тяжкому осуждению. Мы все твердо признаем святость обязанностей христианских, но коль скоро прилагаем их к самим себе, тотчас начинаем ослаблять их строгость; коль скоро начинаем судить себя за неисполнение их, тотчас уменьшаем виновность свою разными предлогами, разными извинениями. Охотно признаем всеобщность правил, но себя самих помещаем в исключение. Самолюбие действует в этом случае и усердно и искусно; оно так успевает прикрывать самые тяжкие измены долгу, что они кажутся малыми недостатками. Но какой это страшный богопротивный труд! Что делает в таком случае самолюбие? Оправдывая вас преступников, оно восстает против суда Божия объявляющего нас преступниками. Сокращая пределы власти заповедей Божиих над нами, оно нагло оскорбляет власть законодателя – Бога. И преступно, и безрассудно, и пагубно желание наше уменьшать вины свои. Грех ищет защиты себе в душе твоей. Вот что значит твоя неискренность в сознании грехов своих! Грех ищет твоей гибели. Если теперь, когда ты собрался изгнать его из души покаянием, ты сам прикроешь его в душе, после он более будет иметь силы над тобою, более и сильнее

будет растлевать душу твою. Молись Господу, *не уклони сердце мое в словеса лукавствия, непищевати вины о гресех* (Пс.140:4). Страшись придумывать извинения грехам. Не уклоняй взора, например, многих, идущих широким путем, в ад будет место и многим. И многие погибающие не защитят тебя от гибели. Они дадут ответ за себя точно так, как с тебя потребуется особый отчет. К чему обращаться к примеру многих грешников? Тебе повелело следовать примеру святых, а не грешников. К чему обращаться теперь к многим? Дело идет не о многих, а о тебе, о твоих грехах; суд над твоими делами, в них требуется отчет. Не ссылайся и на слабость. С слабостями были и святые. Как и всем верующим, тебе дана была благодать, сильная в немощах, что же ты делал? У тебя доставало сил проводить дни и ночи за делами житейскими, или и того хуже, за делами пагубными, а не доставало сил для поста. У тебя доставало терпения терзаться злобою и гневом, а не доставало духа перенести неприятное слово от другого, или легкую потерю собственности. Не прикрывай виновности худой жизни твоей благодатью Божией. Бог милостив? Но благодать Его не указывает ли на твою неблагодарность к ней? *Он милостив, не взыщет?* Напротив – моли Его, чтобы Он взыскал, здесь и простил там, наказал здесь нечестие сердца твоего, дабы не погибнуть тебе там. *Не взыщет, долготерпелив!* Но горе нам, если пребудем нераскаянными грешниками, не воспользуемся долготерпением Его; тогда останется только для нас суд правды грозной. Как бы ни было тяжело расплачиваться за грех, по долгу искреннего покаяния, расплатись. Тяжелее будет казнь нераскаянному грешнику. По степени и свойству болезней душевных, употреби врачество, как бы горько оно ни было. Если чувствуешь холодность в душе твоей, поражай ее ударами обличения строгого; покажи ей реку огненную, червь не усыпающий, смрад вечный чтобы пробудить ее от беспечности, заставить разорвать связь с грехами, дорогими для неё.

Итак повторяю, для вечного спасения нашего необходимо сознание грехов; необходимо покаяние полное и искреннее. Бог благий и милостивый да дарует нам милость совершать покаяние угодное Ему. Аминь.

1846 год.

Слово в пяток 1-й недели Великого поста, на утрени

Святая церковь призывает нас ныне к исповеди. Она желает, она требует, чтобы мы не только пред лицом своей и совести каялись в грехах своих, но принесли покаяние и пред служителем Божиим. Полезного ли для нас требуют от нас? Необходимое ли дело возлагают на нас?

Для чего исповедь пред подобным нам человеком? Конечно, не для Господа. Он знает грехи наши даже и тогда, как скрываем их не только от других, но и от самих себя. Он знает наши тайны сердечные. Но знает ли каждый, что кроется в сердце его? В состоянии ли каждый дать подробный и верный отчет в делах своих? А покаяние необходимо требует полного и верного осмотра не только делам, но и побуждениям нашим. Правда, кому ближе знать себя, как не самому себе? Но нужно ли говорить, что целые тысячи между нами таких, которые слишком мало способны входить в себя, мало знают закон Божий, а еще менее способны поверять себя законом Божиим? Кто ж им покажет их самих, как не служитель Божий? А не должен ли каждый сознаться, что слишком много обманываемся мы в себе самолюбием; многое видим в себе не в надлежащем виде, а многого худого совсем не видим. Итак, благодарение Господу, что Он дает нам помощника, при испытании нашей совести.

Почему тебе не хочется говорить другому о грехах своих? Стыдно? О, если бы это было так! Тогда оставалось бы сказать, потому-то и должен ты открыть все священнику, не исключая никаких дел, чтобы в душе твоей мог пробудиться спасительный стыд, которого ты дотоле, быть может, и не чувствовал, или чувствовал, но не столько, сколько заслуживают дела гнусные. Потому-то и должен ты исповедовать все служителю Божию, чтобы стыд, который пробудится в тебе при исповеди, мог послужить вперед стражем душе твоей против низких дед. Но стыд ли, или, один ли стыд удерживает тебя открыть священнику грехи твои? Будь искренен к себе, гордость живет во всех нас; это – общая наша собственность. А, по её милости,

не любим мы думать о себе низко, не любим казаться даже себе, не только другим, в черном виде. Согласитесь же, может ли быть приятно для гордости нашей исповедь? Если так, то исповедь – дорогое, неоцененное лекарство, когда она смягчает самую опасную болезнь души нашей – гордость. Смирение – основа добродетелей; без неё совершенство духовное в человеке – мечта, и мечта пагубная. Исповедь, заставляя нисходить в глубину души и извлекать на свет один за другим пороки и нечистоты сердечные, сокрушает гордость нашу и засеивает в душе смирение.

Земные власти могут класть оковы на руки и ноги; у них есть темница, заточение, но все это связует ли душу? Нет. Гордость не ставит выше себя ничего человеческого. Другое дело – власть не земная, а небесная. Злодеи, которых не могли исправлять никакие казни, пред смиренным служителем Божиим приходили в глубокое сокрушение, и раз навсегда отказывались от прежней жизни. Хищник возвращал чужое, непримиримый враг мирился с врагом, тяжущиеся прекращали тяжбу, ссорившиеся супруги забывали ссору, по внушениям служителя Божия, – потому что он не слуга человеков, а слуга и посланник Божий. О, мудрость земная! как слепа она, отвергая помощь неба, столько полезную даже для земли!

Рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви (Пс.31:5), так говорит кающийся Давид. Что это значит? Означает ли только сердечное сознание в беззаконии своем? Но об этом он уже сказал, когда сказал пред тем, *беззаконие мое познах и греха моего не покрых*. Если говорит Давид, *исповем на мя беззаконие*, то, и по значению слов, он говорит не о сознании греха в своей совести, а о поведении, обнаружении беззакония пред другим. Поверим слова песни Давидовой историей Давида, и найдем тоже. Пророк Нафан обличал Давида в грехе с Вирсавией, и Давид не ограничился тем, чтобы сознать грех в душе своей; он исповедал беззаконие пред Нафаном, сказал в слух его: *согреших ко Господу (2Цар.12:13)*. Заповедь Божию о исповеди видим еще в законе Моисеевом; там Бог повелел возвестить Израилю, *Муж или жена, иже аще сотворит от всех грехов человеческих, и презирая презрит Господи, и*

преступит душа она, да исповест грех, егоже сотвори, и да отдаст преступление истое (Чис.5:6–7). Известны различные жертвы за грехи; принося их, исповедовали над ними грехи свои в присутствии жреца, который молился, дабы, для веры в будущую всемирную жертву, не взыскано было за согрешения (Лев.4:1–26). Предтеча Иоанн крестил во Иордане только тех, которые, приходя к нему, исповедали грехи свои. Он давал при том особенные наставления мытарям, особенные воину, и особенные людям простым (Лк.3:10–15; Мф.3:6); а эта частность наставлений, конечно, сообразна была с тем, что неодинаковые открываемы были грехи, или неодинаковое положение душ открывалось исповедью. Что исповедь пред Иоанном не была делом произвола человеческого, о том ясно сказано. Фарисеи не хотели исповедовать Иоанну грехов своих и креститься от него, – и слово Божие говорит о фарисеях, *совет Божий отвергоша о себе, не крещеся от него (Лк.7:29–30).*

Не понятно, как могут сомневаться в святости исповеди, когда не сомневаются, что покаяние в грехах должно быть искреннее? Если ты искренно каешься, если душа твоя полна скорби о грехах, при таком состоянии чего естественно ожидать от души твоей? Вопли и стон, горькие жалобы на потери, вот что льется само собой из души скорбной! По крайней мере, тогда как свято чувство души, не может быть грешным выражение чувства; когда свята скорбь о грехах, свято и исповедание скорби о грехах. Напротив, нежелание открыть грех есть признак того, что грех еще нравится душе, что к нему не чувствует она отвращения, что скорбь о нем еще неискренна, неполна и неглубока.

Кто может оставлять грехи, токмо един Бог? В Его деснице – жизнь и смерть наша, пред Ним мы грешники. Он только и может простить, или не простить нас. Согрешил ты пред человеком? В его воле или предать тебя во власть суда, или примириться с тобою. Точно то же пред Богом. Кайся, сколько хочешь, но, пока не скажут тебе, что ты прощен, ты остаешься под ответственностью; если ж скажешь сам себе, что прощен ты, это будет новая дерзость, которая не останется без

наказания. Правда, и в ветхом завете говорено было, что Бог готов простить кающегося грешника. Но решительный ответ на исповедь зависел тогда от будущего времени, от времени явления Примирителя. Тогда, как явился на земле Сам Сын Божий для примирения правды Божией с виновным человечеством, тогда Сын Божий возвестил людям, что Он, как Бог и примиритель, имеет право прощать грехи, и в Своем же лице Он передал Божественную власть своим рабам. *Приимите Дух свят, сказал Он апостолам, имже отпустите грехи, отпустятся, и имже держите, держатся (Ин.20:22–23).* Поймите, как установление особенной власти прощать или не прощать грехи людей всего мира соответствовало времени самого полного откровения любви Божией к людям, самой полной близости Бога к человечеству. То, что передано было апостолам в отношении к грехам людей, передано было всем преемникам их, так как не для одного апостольского времени учреждал церковь свою Христос Господь, и так как не для одних апостолов дарован был Дух святой, действием коего должно совершаться разрешение или не разрешение грешника. И в писаниях апостольских видим, что апостолы Христовы заповедуют преемникам своим продолжать дело примирения грешников с Богом, вручают им власть вязать и разрешать совести, с наставлением о употреблении сей власти. Вспомните, например, как не доволен был святой Павел пастырями коринфскими за их слабость в отношении к открытому грешнику (1Кор.5:2). Итак, вот кто из людей имеет власть прощать, или не прощать грешника. Это те, кому передана сия власть самим Богом, искупителем – Сыном Божиим. Что же сказать о тебе, не призванный пастырь раскола, который сам на себя принимаешь власть Божественную, облакаешь себя правом, которого тебе не дали? Горе слепой дерзости твоей! А спасете ли и тем, которые ожидают от тебя того, чего дать ты им не можешь? Так – преступно, страшно пренебрегать богоустановленною властью, не обращаться к ней за выслушанием приговора грехам своим! Нет, идите к приравшему власть над совестью вашею, идите не как на суд человеческий, но как на суд Божий. Не человек будет

произносить приговор вам; он – только слуга Божий, которому поручено именем Бога прощать, или не прощать грешника.

Служитель Божий, прияв власть прощать, или не прощать грехи, не может располагать этою властью ни по-своему произволу, ни по произволу людей; он должен будет дать строгий ответ в употреблении сей страшной власти. Потому, он должен, во-первых, внимательно осмотреть, достоин ли, или недостоин грешник прощения грехов?

Дать благодатное прощение недостойному означало бы подвергнуть себя осуждению; да и не означало бы спасения для того, кто примет благодать недостойно. Если же священник должен видеть, достоин или недостоин прощения грешник, а как человек, он может знать это только тогда, как открыто ему будет самим грешником, при пособии испытания, внутреннее состояние души грешной, её дела, её мысли, её расположения, то исповедь пред священником столько же сообразна с волею Божией, сколько несомненно Божественное установление власти прощать грехи. Итак, исповедь пред священником есть установление Божией воли. Страшись, грешная душа, скрывать дела свои пред служителем Божиим, он принял власть от Бога быть судиею всех дел твоих. Если ты и успеешь обмануть его, как человека, в положении души своей, то не обманешь Бога, Который, зная все тайное, не оставит без грозного наказания твоего дела, не оставит потому, что ты оскорбляешь, собственно, не человека, а Бога и Духа Святого, действующего чрез Божьего служителя.

Служитель Божий приял власть над совестью, для спасения грешника от греха; он врач и учитель грешника. Смотря по состоянию душевной болезни, должен он подать и врачевство; смотря по ошибкам и недостаткам, он должен преподавать и наставления. Если же так, то искреннее желание грешника исцелиться от душевных болезней, искреннее желание идти прямым путем к спасению должно побуждать его искренно исповедовать грехи свои пред душевным врачом и учителем; точно так, как больной телом, искренно желая исцеления от болезни, сам рассказывает врачу о состояниях болезни. Итак, скрывать от священника грехи свои означало бы, кроме

дерзости против воли Божией, слепую вражду против своего спасения.

Нужно ли после того говорить, что в первые времена христианства исповедь была святым делом для всех? Ах! разве для того, чтобы обличить нашу холодность к святому долгу? Так как тогда сердца всех горели любовью к Господу, то имевшие несчастье впадать в грехи исповедовали тогда грехи не только вслух служителя Божия, но и вслух целой церкви, и исповедовали их не один час, но по несколько недель выставляли себя пред всеми, между кающимися. О, Боже мой! как далеки мы от лучших рабов твоих.

Словом апостола заключаю, *час уже нам от сна востати. Отложим убо дела темная, и облечемся во оружие света* (Рим.13:11–12). Аминь.

1846 год.

Слово в понедельник 1-й недели и поста

Благодарение Господу! Вот мы вступили в подвиг святого поста. Говорю, благодарение Господу! Ибо как не благодарить Бога за то, что начинаем дело святое – пост? Знаю, что за стенами сего храма многие не так думают о посте. Что ж? Вольному воля! Только не от этой воли зависит, чтобы то или другое было святым. До своеволия тех, которые не принадлежат к нам, мы и не коснулись бы, если бы их воля не смущала слабых из братий наших. Итак, для утверждения в подвиге поста рассмотрим святость поста.

Что такое совершенство духовное? Чего оно требует от нас? Оно есть плод самого полного самоотречения; оно есть подвиг, совершаемый для Того, Кто смирил Себя для нас. Если же так, то скажите, какой жертвы не требует от нас духовное совершенство, или христианство истинное? Если же есть полное самопожертвование, то требования его простираются и на нашу плоть; оно предписывает нам – не льстить и пожеланиям плоти; смирять лишениями тело, как требует обуздывать гордость духа и другие душевные грехи. Если станем отрекаться от душевных наслаждений греховных, но дадим полную волю страстям чувственным, это не будет полное самоотречение, это будет служение Господу неискреннее, лицемерное. Христиане! чего не сделал для нас грешных Господь и Бог наш? Он смирял Себя во днях плоти простотой жизни, лишениями телесными. Что же мы за рабы Его, когда живем на всей свободе чувственных желаний и прихотливого тела? Нет! Одно из двух, или мы христиане истинные, и тогда не станем думать, что не для нас дана заповедь о посте, или вовсе напрасно считаем себя евангельскими христианами, если отвергаем пост. Если и в раю нужна была заповедь о посте; если и там для совершенства духовного требовались лишения телесные; если и тот, в ком тело так покорно было духу, не мог обойтись без поста, то легко понять, что духовное совершенство без подвигов телесных не доступно для человека, как самая невозможность.

Что такое человек в настоящем положении? Весь – сосуд греха. Грех живет не в одной душе нашей, он живет и в теле. Он воюет в членах наших, волнует кровь нашу, сотрясает нервы наши. Ласкаемая плотью предается праздной лени, губящей плоды духа, то мятется движениями несмысленными, готовыми повергнуть душу в ад. И с такою ли плотью думают попасть в рай без поста? Нет, зачем ласкать плоть и без того воющую против духа? Если дорого нам спасение наше, то нельзя дорожить плотью потому самому, что она исполнена греха. Для неё необходимы строгие точные правила воздержания, правила поверенные и оправданные опытами. Для неё необходим пост, как дело святое и как средство к святости. Пост – дело святое, потому что обуздывает силу греха, живущего в теле. Пост – средство к святости, потому что невоздержание отворяет дверь разврату помыслов и дел, потому что воздержание сообщает мыслям свет, чувствам чистоту, духу свободу и крепость. «Если какой царь, говорит один опытный муж, захочет взять неприятельский город, то прежде всего удерживает воду и съестные припасы, и неприятели, погибая от голода и жажды, покоряются ему. Так бывает и с плотскими страстями. Если человек будет жить в посте и голоде, то враги, ослабев, оставят его душу».¹⁴ Св. Златоуст учит, «кто постится, тот гасит злые страсти. Кто постится, тот молится с бодрым духом».¹⁵ Пост делает душу бодрю, облегчает крылья её, возносит её выше земного, ведет к мыслям о небесном».¹⁶ Так говорят о посте люди опытные в духовной жизни!

Сам Спаситель назначил для учеников своих пост. Его спросили некоторые, «для чего Иоанновы и фарисейские ученики постятся, а твои ученики не постятся?» Он сказал в ответ, «могут ли брачные гости поститься, когда жених с ними? Придут дни, когда отнимется от них жених, и тогда будут поститься в те дни» (Мк.2:18–20). Так, по словам Господа, кто искренно любит Его тот, кто берег душевное участие в Его великом деле, как брачные гости делят чувства жениха, тот будет сокрушаться, будет поститься, когда Господь их взят будет на страдания и смерть; тот будет освящать время разлучения с Господом постом умиляющим. Так должно быть по свойству

любви учеников к учителю, рабов к Господу. Так и поступает доселе православная церковь, освящая время страданий Христовых постом особенным.

Евангелие повествует нам, что Сам Господь постился сорок дней. А не служит ли жизнь Его примером для нас? В делах Того, Кого послал нам Отец, не каждый ли шаг свят для нас? Жизнь Его, как и Его учение, – закон для нас, закон веры и благочестия, закон предписываемый и любовью к возлюбившему нас и благоговением к посланнику Сыну Божию. Так и сорокодневный пост Его не может не быть для нас неперменным правилом, если только не напрасно носим мы имя последователей Христовых.

Братия мои! кто из святых проповедовал пресыщение, хвалил невоздержание? Никто. Святые любили пост. «Во всем являем себя, говорит апостол, слугами Божиими в изгнаниях, в трудах, в бдениях, в постах» (2Кор.6:4–5). «Порабощаю тело мое, пишет он же, чтобы иным проповедуя, самому не быть нерадивым». Пророки любили пост, мученики любили пост, преподобные изнуряли тело постом. Св. Василий Великий пишет, «все святые соблюдали пост, как отеческое наследие, передаваемое от отца к сыну, так что это стяжание по порядку преемства сохранилось и до нас».¹⁷ После того, кто же, слушатели мои, говорит против поста? Кто эти проповедники, которым так не нравится воздержание? С какого времени и откуда они явились в христианском мире? Если это не святые, то, конечно, люди другого разряда, кто эти люди? Осмотритесь и увидите. Это люди, для которых Бог чрево, но за то и кончина их – погибель (Флп.3:12).

Позволь спросить тебя, брат мой, кто ты такой? Сын православной церкви! Прекрасно! Но где же дела, которыми принадлежал бы ты к православной церкви? Осмотрись. Если ты считаешь себя в праве пренебрегать уставами церкви, согласишься, – св. церковь еще более в праве отказать тебе в своем общении, тебе никто не дал права переменять уставы св. церкви по-своему вкусу; а ей дано право Господом изгонять из своего общества непокорных ей. Известно ли тебе, что говорит вселенский собор несоблюдающих поста четырехдесятницы? Он

говорит, «если не будут соблюдать, клириков извергать (из клира), а мирян отлучать (от церкви)».¹⁸

Апостол говорит, «если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса во век» (1Кор.8:13). Вот дело души истинно христианской! любовь к ближнему дорожит спасением ближнего, как своим собственным. Она не позволяет себе ни одного поступка соблазнительного для других; она отрекается от того, что может повредить слабому и все делает, чтобы содействовать спасению его. Где ж ваша любовь к ближнему, вы, которые заражаете самый воздух невоздержанием во дни св. воздержания? Где ваши дела назидательные для ближнего? «Горе миру от соблазн», но вдвое «горе тому, кем соблазн приходит». Сильные должны немощи немощных носить, а не себе угождать. Они виновнее слабых, когда примером своим увлекают слабых в соблазн. Не сам ли Господь сказал о соблазняющем брата, лучше было бы ему, если бы с камнем на шее бросили его в воду (Мф.18:7–9).

Говорят, «царствие Божие внутри нас». Святая правда! Но понимают ли, как вселяется внутрь нас царствие Божие? Понимают ли, в чем открывается действительное присутствие его в нас? Хотят переселить царство Божие во внутренность полную смрада плотского. Не пойдет никогда. Хотят на почве, пропитанной нечистой влажностью, видеть благовонные плоды ангельской, чистой, жизни. Сметная мечта! Нет, не обманывайтесь, братия, кто сеет в плоть свою, от плоти пожнет тление (Гал.4:8).

Говорят, «правила поста стесняют, оскорбляют свободу христианскую». Но разве христианская свобода совместна с жизнью произволов чувственных? С чего вздумали выдавать рабское служение плоти за свободу духовную? Что это за твердость духа, которая не может устоять против пара мяс и котлов египетских? «Вы, братия, призваны в свободу; только свобода ваша не должна служить к угождению плоти» (Гал.5:13), говорит нам св. апостол. Христианская свобода не означает жизни без правил, без повиновения закону; напротив она есть строгое служение Богу, смиренное повиновение предписаниям закона и власти». Поступайте, как свободные, не

употребляя свободы для прикрытия порока, но как рабы Божии (1Пет.2:16), учит св. апостол Петр.

«В пост, говорят, и службу слушаем мы со скукою и молимся неохотно и в досаде на утомление ни к чему доброму не чувствуем расположения. Отчего это? Не от поста ли?» Нет, лучшие люди не видели в себе таких плодов поста. Если вы чувствуете, поищите в себе причину тому. Подумайте и найдете. После того, как каждый день поблажали вы прихотям плоти, после того как каждый день и ели вы сладко, до пресыщения, и спали, когда и сколько хотелось, не естественно ли что изнеженная плоть досадует на вас за отказ в любимых вещах и привычках? После того, как в целый год не заставляли себя ни разу молиться, как следует молиться, не естественно ли, что в говение скучаете и утомляетесь на молитве? Согласитесь же, что в той худобе, в той неохоте к добру, какие замечаете в себе во время поста, виноваты вы сами, ваши дурные привычки. Прибавьте еще, что если во время поста замечаете в себе худое, чего прежде не видели, за то благодарить должны вы пост. Что за тем остается вам делать? Бороться с худыми привычками, терпеливо обучать себя добру, но уже вовсе не порицать пост.

«Пусть пост дело святое, говорит еще другой, но я опасаюсь за мое здоровье, мое сложение слабо и расстроено, и потому не могу соблюдать поста». Какая нежная заботливость о себе, но только не законная. От какого святого правила не увольняют себя под предлогом слабости? Не можешь поститься, сколько бы хотел, постись, сколько можешь и тогда увидишь, что можешь гораздо более, чем думаешь. Оставь леность, она опасный друг. Спасение души твоей стоит труда. Если бы и так было, что твое здоровье несколько потерпело бы от поста, но, когда за эту жертву получишь ты здоровье души, согласишься, это много значит для тебя. Ужели душа твоя так мала в глазах твоих, что не стоит и нескольких капель лишней крови, несколько частиц грешной плоти? Как противоречат себе, бедные! Сегодня боятся за здоровье свое, если убавят от стола несколько блюд вкусных и несколько минут времени; а в другое время не милосердно отягчают тело свое, мучат его

невоздержанием крайним, неумеренностью несмысленною. Что это значит? Не обман ли, не насмешка ли над самими собою? Это ли заботливость о своем здоровье? Нет, если жизнь невоздержная и страсти не расстроят твоего здоровья, святое воздержание не повредит ему. Воздержание – необходимое лекарство для расстроенного здоровья. Как ни прочен наш организм телесный, от непрестанной работы органы питания утомляются и ослабевают, расстраиваются и причиняют расстройство; кровь и соки, худо переработанные, портятся; отседе сотни припадков болезненных. Пост все поправляет. Органы пищеварения, не получая нового материала, потребляют прежний, тяготивший их своим избытком; соки за излишеством, остававшиеся без употребления и гнившие, перерабатываются и обращаются в пользу; кровь, дотоле густая и неровная в обращении, становится чистою, тонкою и покойною. Новейшая медицина уверилась наконец и в том, что растительная пища питательнее для тела, чем пища мясная и что эта последняя, прибавляет много крови, но тем сильно разгорячая организм, подвергает нервы скорой порче. Итак, если вам жаль брэнного состава вашего, вашего слабого сложения, призовите на помощь святой пост. Он – надежный врач, и верный помощник.

Бог любви и благодати да подаст нам силу на совершение подвигов поста, молитвами пресвятой Богородицы и всех святых Аминь.

1848 год.

Беседа I. На притчу О блудном сыне, во вторник 1-й недели поста

Святая церковь, желая пробудить в сердцах наших раскаяние, представляет нам притчу Спасителя о блудном сыне.

Какая это дивная притча! Каждая черта её дышит жизнью и силою. Каждая черта, при простоте и естественности, полна мыслей глубоких. Как живо и полно представлен в ней грешник на путях его заблуждения! Как трогательно изображено раскаяние грешника! В каких поразительных образах показана любовь Отца небесного к преступным делам его!

Притча сия предложена Спасителем тогда, как фарисеи и книжники винили Его, что Он с грешниками есть и пьет (Лк.15:1–2). Им-то Он показывает, как явный грешник, когда искренно обращается к Богу, принимается Отцом небесным, и как тот, кто мечтает о своей праведности, оказывается несправедливым пред Богом.

Намереваясь последовательно объяснить эту дивную притчу Спасителя, на первый раз представим картину грешника.

Человек некий име два сына. И рече мнейший от них отцу, отче, даждь ми достойную часть имения. И раздели им имение.

И рече юнейший. Почему же не старший? Спаситель, в этом случае хочет удержать за мнимым праведником, любимым фарисеями, преимущество, преимущество первенства. В таких мыслях выставляет Он молодого человека, который прежде времени хочет казаться зрелым и нетерпеливо ждет смерти отца.

Отче, дождь ми достойную часть имения. Молодой человек, хочет отделиться от отца, который смотрит за его жизнью; ему хочется быть на своей воле, хочется располагать своею жизнью, по-своему усмотрению. Добрый, нежный отец дает ему все нужное для него; но он мечтает о свободе.

Как у отца есть право, так указывает и сын на свое право. Зачем сыну не жить только любовью к отцу вместо того, чтобы

жить по правам? Не ослабляет ли он в себе чувства сыновней любви, когда заменяет их в себе другими побуждениями? Или добрый отец не мог дать сам часть сыну, когда бы то счел нужным?

Сын ищет себе свободы. Вот начало, вот первый шаг отступления души от Отца небесного! По-видимому, ничего нет преступного, когда желают пользоваться свободой, как даром Божиим. Но эта жажда свободы, это настойчивое требование её есть уже дело своеволия, гордости, присваивающей себе то, что не принадлежит вам. Что значит истинная свобода ваша? Истинная свобода, какова свобода святых, есть безмолвная, добровольная покорность воле Отца небесного. Когда же ищут себе свободы, значит тяготеют быть под властью Божией, хотят жить не по воле Божией, дозволяют располагать свободой своевольно. Гордость оскорбляется чужою властью, и по её внушению тайному, составляют себе правила, несогласные с любовью к Богу, плодят в себе мысли, восстающие на веру, Богом данную нам, умножают желания, оскверняемые дыханием то гордости, то нечистоты плотской. Так, со своею волею первый шаг наш не только бывает шагом преступным, но шагом, который влечет нас от преступления к преступлению. Вот почему христианство так решительно требует от нас отречения от своей воли!

И раздели има имение. Отец мог отказать сыну в его прихотливом желании и заставить его жить под законною властью отца, но какой отец захочет держать сына на положении раба?

Так и Отец небесный, каких благ не дал нам в наше распоряжение! Божие имение есть все, что получаем мы, являясь на свет, и ум, и сердце, и свобода, и блага внешние. И все, что имеем в жизни духовной, есть дар благодати Божией. Наша собственность есть только ничтожество, по выражению блаженного Августина, и, что хуже ничтожества, – грех. Отец небесный не препятствует нам располагать собою по нашему произволу. Он – Отец правды и любви. По требованию правды, Он не принуждает нас делать добро против воли и награждает свободно служение Ему. По требованию любви, Он

предоставляет данной Им свободе действовать по её изволению, но в самых уклонениях её от закона, дает ей разные вразумления. Таковы дела Божии! Они – святы. Но грешны мы, когда на то, что получаем от Господа, перестаем взирать как на дары Божии, а смотрим Лак на свою собственность; когда с самоуслаждением думаем, это наши способности, это наши познания, это наши достоинства, это наши богатства, это наши заслуги. Жалкое, опасное самообольщение!

И не по мнозех днех, собрав все мний сын, отыде на страну далече, и ту расточи имение свое, живой блудно. На несколько дней совесть еще могла удержать своевольного сына в доме отца, который так любит его. Но потом страсти, тайно побуждавшие просить наследства, повлекли его на страну дальнюю.

Многие ли из нас, заметив в себе движения преступного своеволия, останавливаются на том, чтобы не идти далее по пути греха? К сожалению, стоит только раз поскользнуться слабой душе, как уже спешно идет она и уходит в страну далекую. Выступив из-под управления Духа Божия и предавшись влечению испорченного сердца, она идет от преступления к преступлению, от порока к пороку, все дальше и дальше от Бога. Бог везде; но грешник удаляет от себя мысль о Боге, теряет его из виду, погружаясь во мрак пороков. Бог везде; но в сердце грешника не проникает благодатный свет Его, встречая препятствие в пристрастиях души к греху. Предавшись стремлению страстей, грешник становится далеким от жизни Божественной, и благодать Божия удаляется от него, гнушаясь нечистотами его.

И ту расточи имение свое, живой блудно. Грешник! посмотри на себя, не растерял ли ты даров Божиих жизнью преступною? Посмотри на себя, чем ты был, и что ты теперь? Тебе дан был ум, способный возносить тебя к созерцанию тайн Божиих. Но как ты унизил, как испортил дар Божий, употребляя его на служение страстям! В чем он ищет себе пищи? Ему не нравится книга жизни вечной – святое евангелие; он находит себе отраду в книгах или безбожных, или нечистых, или тех, где говорят только о выгодах земных. Тебе дано было сердце

доброе, богобоязливое, способное раскрываться для впечатлений небесных, а теперь оно у тебя и черство, и злобно, и все проникнуто нечистотами похоти. Совесть твоя, которая была так внимательна, разборчива ли теперь по-прежнему в отношении к доброму и худому, или она уже не стала и тревожить тебя за худое? А где девались неоценимые дары благодати, которые должны быть приумножены? Где одежда чистоты и невинности, которою облечен ты был в купели крещения? Что доброго осталось в душе твоей? Там ничего нет, кроме страстей грешных, там дышит то страсть к известности земной, то страсть к рассеянию, то страсть к богатству тлеющему.

Изжившу ему все, бысть глад крепок на стране той, и той начат лишатися. Безрассудный сын думал, что он, живя на своей воле, будет всегда жить весело, будет жить так, как душе его угодно. И вот мечты его рассеялись. Он страдает от нищеты.

Была ли когда-нибудь страна заблуждения и порока, та область, где живет душа рассеянная, была ли когда-нибудь страну изобилия и довольства? Ах! в ней всегда нищета и бедность, всегда крепкий голод. Дело только в том, что грешная душа, в чадуге страстей, долго не замечает своего положения; долго не чувствует что теснит ее нищета, изнуряет ее крепкий голод. Если же начинает она видеть свою бедность, то это всегда по тайному действию благодати Божией, призывающей заблудшую к возврату в дом родной. *Начат лишатися*, как много сказано сим о внутреннем состоянии грешника! Несколько времени жил он в упоении чувств и не понимал себя. Но вот начинает чувствовать, что не хорошо на душе его; начинает чувствовать скуку, томление, пустоту.

И шед прилепися единому от жителей той страны. И той посла его на села своя пасти свиния.

Сын богатого отца, сын, тяготившийся и такую нежную властью, какова власть отца, от нужд нищеты отдает себя в рабство чужому человеку, и тот посылает его пасти свиней. Какое унижение! Зачем же несчастный, теснимый нищетой и нуждою, не возвращается к отцу, нежно любящему его? Зачем

вместо того, чтобы обрекать себя на низкую долю, не спешит он в дом родительский, богатый и покойный?

Не то же ли бывает и с грешною душою? Почему бы ей тогда, как по милости Божией чувствует она пустоту жизни своей не спешит возвратом к Отцу небесному? Нет, своеволие влечет ее далее на распутие греха. Грешник пытается наполнить пустоту души грубою вещественностью и отдается в рабство греху. *Прилепися единому от житель тоя страны.* Жители страны, далекой от дома Отца небесного, это – души, которые живут в забвении о Боге и предана превратному уму, чтобы делать непотребства (Рим.1:22). Душа заблудшая, но еще чувствующая себя и свое положение, пока не в числе погибших. Но несчастная, чтобы заглушить свою тоску по отчизне, она начинает вести жизнь самую низкую. И ум, и сердце, и воля её порабощены греху. По временам ум хочет освободиться от власти чувственности и бедное сердце вздыхает по свободе святой, но уступает силе навыков и прелестям греха; и несчастный пасет и питает чувственные скотские похоти, которых гнусность так отвратительна. Жалкое состояние!

И желаше насытити чрево свое от рожец, яже ядяху свиния, и никтоже даяше ему.

Распутный сын, покрытый позором, лишенный насущного хлеба, всеми оставлен наконец; мучимый голодом, он желает насытиться хотя тем, чем питаются нечистые животные. Но и в том ему отказывают с презрением. Какая печальная картина!

Мир – жестокий господин. Он не щедр к поступающим к нему на службу; он и в самом начале обещает новому слуге не более, как должность пастуха свиней, но потом начинает явно пренебрегать тех, которые сами унизили себя нравственно. Особенно мир оказывается к ним жестоким тогда, как оставляет их счастье. Но мир делает свое, а благий Промысл имеет в виду свое. Отец небесный, незримо для нас располагающий ходом дел человеческих, поставляет развратного грешника в безвыходное положение для того, чтобы дать ему очувствоваться. Растворяя суд милостью. Он подвергает грешника напастям, потере средств к жизни, болезням,

бесчестью, с тем чтобы болезненными опытами смягчить ожестовшее сердце его и привести его в самого себя.

Слушатели! мрачна картина заблуждении грешника. Для чего изображена она? Не для того ли, чтобы души благочестивые утвердить в благочестии страхом бед, навлекаемых на нас грехом? Не для того ли, чтобы имевшие несчастье впасть в положение заблудшего сына образумились страшною картиною заблудшей жизни?

Господи, Господи! Низведи свет Твой в глубину сердец наших, чтобы озаренные им, трепетали мы пред грехом, как пред самым страшным бедствием! Аминь.

Беседа II. О блудном сыне, в среду 1-й недели поста

В прежней беседе о блудном сыне рассмотрели мы историю своеволий блудного сына. В притче Спасителя за историей своеволий следует история обращения блудного сына (Лк.15:17–20). Теперь, когда св. церковь ожидает и нашего искреннего обращения к Богу, прилично нам иметь во внимании, как несчастный сын возвращался к отцу своему.

В себе же пришед, рече, колико наемником отца моего избывают хлебы, аз же голодом гиблю.

Когда распутства довели распутного сына до крайней нищеты, он очуствовался, пришел в себя.

О! когда бы каждый грешник научался скорбями жизни самой близкой к нему истине, что предназначенному для неба не может быть радостей на земле! Сего-то ожидает, сего-то желает от нас Отец небесный.

В себе же пришед. Первое действие, которое должно совершиться в каждом обращающемся грешнике, есть самосознание. Грешник, пока остается грешником, живет вне себя и не знает себя. Многие знают ему, что окружает его, но не известен ему он сам. Желания и мысли грешника рассеяны по предметам страстей его; жизнь его – сон; мечты бродят в сердце его. Он не знает, куда идет? Не знает, что совершается в нем? В каком положении душа его? Все ли в ней цело? Все ли на месте? Нет ли порчи, нет ли расстройства в организме её? Он не думает об этом, потому что смотрит не на себя. Ничего нет ближе к тебе, как ты сам, человек! И ты не знаешь себя. Какая странность! Не думать о себе, не заботиться о себе – какое жалкое положение! Взгляни на себя, грешник! Посмотри на свое настоящее, подумай о своем прошлом, брось взгляд на будущее, ожидающее тебя. Вспомни, что ты человек.

В себе же пришед, рече, колико наемником отца моего избывают хлебы, аз же голодом гиблю.

О! как страшно положение, в каком находит себя грешник, коль скоро приходит в себя. «Я умираю с голоду», говорит он. Да, чем питался он доселе? Пищей бессловесных. Как же жить

такую пищей? А пищи небесной, которая одна в состоянии насыщать душу бессмертную, приобрести не на что и нечем. Силы расстроены грехом, навыки к добру давно потеряны, дары благодати расточены. Расслаб я, изнемог я от греха, Господи! Нет ни одной твердой мысли, из которой развивались бы желания добрые; нет ни одной доброй решимости, из которой образовалось бы какое-либо доброе настроение.

Горько, очень горько смотреть грешнику на свое положение, когда при том вспомнит о благодати Отца небесного, когда вспомнит, *колико наемником в доме его избывают хлебы*. В доме Отца небесного с избытком достает пищи для всего человечества. Он и самых последних рабов, людей самых обыкновенных наделяет благодатью своею. Он пробавляет в довольстве дни жизни человеческой, которые, беспечность людей давно бы сократить могла. Он и для язычников не оставил себя неизвестным, *с небесе дожди дая и времена плодотворна, исполняя пищею и веселием сердца их* (Деян.14:17); Он и им открыл себя в законе не писанном, в законе сердца их. А сын Его, столько дорогой сердцу Его, а сын Его, Которому Он явил столько любви Своей чрез отцов и пророков, которому Он послал для спасения Сына Своего едиnorodного, остается в рубищах и борется с голодной смертью? О! христианин грешник! как горька твоя бедность! как безрассудно твое самоволие, от которого зависит вся твоя бедность!

Встав, иду ко отцу моему и реку, отче согреших на небо и пред тобою, так размышлял в себе блудный сын. Он видит теперь, чего прежде не видал, что глубоко оскорбил он отца своего, когда неблагодарно пренебрег заботливою любовью его и пожелал жить на своей воле. «Согрешил я», говорит он и не извиняет себя ни молодостью лет, ни пылкостью страстей; «согрешил я», говорит он, и ничем не думает оправдываться.

Нужно ли говорить, слушатели, что каждый грех наш есть оскорбление Отцу нашему небесному, как пренебрежение прав величия Его, как бессмысленное презрение благодати Его? Что же сказать о жизни, которая есть цепь грехов? Грехи ваши восходят на небо, говорит священное писание. Грех, нарушая святую

волю Божию, оскорбляет и небожителей, которым так дорога воля Божия; грешник нарушает мир небожителей, нарушая порядок, установленный для вселенной.

Надобно каяться и каяться так, как раскаивается блудный сын, искренно, от всей души. Самолюбие наше внушает нам извинять в себе грехи наши разными предлогами, и мы, если и каемся, каемся в половину. Но Боже мой! ты будешь судить меня не потому, как говорит мне самолюбие мое, но как говорить будет правда Твоя. К чему же слушать мне самолюбие? И как несправедливы отзывы его о мне! Самолюбие извиняет в нас грехи наши то немощами природы, то примером других, то благодатью Божией. Но немощи наши мешают ли нам быть сильными в грехе? Немощи природы помешали ли святым Божиим соделаться святыми? «Не стать же жить наперекор многим? И почему не жить, как живут многие?» Так говорят иные. Но многие погибающие не спасут ни нас, ни себя, от гибели. Нам велено смотреть не на пример многих, а на пример святых. Если бы и пришлось жить наперекор многим, живи, чтобы не погибнуть. Бог милостив? Но как строга и правда Его к нераскаянному грешнику! О! *Господи! не уклони сердце мое в словеса лукавствия непщевати вины о гресех.* Не попусти мне по нечестью сердца моего, чтобы придумывал я лукавые оправдания грехам моим. Иначе, к чему это послужить мне? Только к большему осуждению. Грех извиняемый свободнее будет расти в сердце моем; а между тем страшно допускать грех до души и еще страшнее называть грех правдою, последнее есть дело сатаны.

И уже несмь достоин нарещися сын твой, сотвори мя, яко единого от наемник твоих. Так говорил кающийся блудный сын.

Покаяние, если оно таково, каковым быть должно, непременно должно быть смиренное. Грешник искренно кающийся, сознается и чувствует, что он грехами потерял права на милости отца к сыну, потому что жил не как сын. Потому он считает за милость, если дозволят ему быть в доме отца в числе слуг. Испытав горечь греха, узнав низость беззаконной жизни, он готов занять самое последнее место, лишь бы это

было место в доме Божиим; признает за величайшее счастье находиться при вратах сего дома, лишь бы не жить в чертогах нечестия, как бы блистательны они ни были. Ах! Братия! Когда вы приступите к покаянию, не опасайтесь того, что вы слишком унижать себя будете в мнении. Это опасение было бы делом опять самолюбия нашего, которому страшно видеть себя в настоящем своем виде, в виде грязном. Что такое грех? Хуже, чем ничтожество! Где грешнику место? Ему нет места в царстве Божиим; ему место – в аду. Поймите же, что как бы низко ни думал о себе грешник, какую бы незавидную долю ни назначал он себе, ниже того не будет он, как унижен он грехами.

Восстав, иду к отцу моему. Очувствовавшийся блудный сын не довольствуется тем, что искренно сознает низость положения своего и его виновность, но решается возвратиться к оскорбленному им отцу.

Перемена, какая должна совершиться в кающемся грешнике, не должна ограничиться одним обзрением бедственного положения его; она должна совершиться и в воле его. Он должен решиться, твердо решиться на то, чтобы расстаться с путями, которыми доселе шел он. Он должен решиться избегать всех случаев, которые могли бы пробуждать в нем ту или другую страсть его. Он должен определить себя на то, чтобы употреблять все меры к погашению в себе худых привычек. Тяжки, болезненны эти меры, но он должен избрать их. Иначе грех, оставшийся в колеблющейся воле, опять возобладает им; привычки к любимым слабостям опять возьмут верх над временными желаниями добрыми. Ах! как не мало встречается людей, которых путь усеян добрыми намерениями, но добрые намерения остались неисполненными и путь их склонился к аду. Истинное покаяние не есть перемена одного образа мыслей, оно есть перемена всей души. Вся душа жила для греха. Вся душа должна и обратиться от греха к Отцу небесному. Стыд пред нищетой своею, отвращение пред гнусностью дел своих, трепет пред правосудием Божиим должны наполнять кающуюся душу и направлять волю её к новой жизни, к новым делам, к подвигам для Господа. Кающийся грешник должен свидетельствовать перемену

мыслей и желаний переменою самых дел. Потому решимость его на добро должна быть твердая, непреклонная ни пред какими внушениями ложной дружбы, ни пред какими советами лукавого века или испорченной природы.

Где взять твердую решимость на добро?

Много твердости и у человека, который для мирских выгод решается на все труды и опасности. Еще больше её у Господа, не отказывающего никому ни в чем, когда смиренно просят Его.

Братия! путь, по которому душа грешная должна возвратиться к Отцу небесному, открыт самим небом. С сердцами благодарными вступим на путь сей, в славу Отца и Сына и св. Духа. Аминь.

1852 год.

Беседа III. О блудном сыне, в субботу 1-й недели поста

Многие из нас в сии дни исповедали грехи свои. Многие удостоиваются причаститься святых тайн. Знаете ли, как это и много значит! Знаете ли, как надобно радоваться как надобно благодарить благодать Божию! Мы видели только то, что совершилось на небе? О! какая дивная, какая величественная тайна – примирение грешника с небом! Только сшедший с неба Сын Божий мог сказать о том, что совершается на небе при примирении грешника с небом. Послушаем, как Спаситель описывает принятие возвращающегося грешника Отцом небесным.

Еще же ему далече сущу, узре его отец его и мил ему бысть. Когда блудный сын был еще далеко, увидел его отец его и сжалился над ним; виновный сын еще не явился к отцу, еще не просит прощения, а отец уже увидел его взором любви и сжалился над ним.

Так принимает и Отец небесный кающегося грешника. Всеведение Его видит и любовь Его жалеет еще прежде, чем грешник является к Нему. Зоркое око любви Его видит грешника еще в бедственном его положении, еще при первом его сознании своего бедствия, еще при первой мысли его о возвращении с несчастного пути греха. Любовь Его всеведущая еще прежде, чем взывает к Нему грешник о помощи, уже спешит к грешнику с помощью. Почти всегда только нужды, только бедствия заставляют грешника вспоминать об Отце небесном, а не любовь, какую он должен бы иметь к Нему, но любовь небесная не удерживает тем милости своей к грешнику. «Он довольно наказан, он наказал себя сам», говорит она и жалеет о несчастном грешнике.

И тек паде на выю его и лобыза его. Тревожимый стыдом и страхом виновный сын робко шел к отцу. Нежный отец побежать к нему, кинулся на шею и целовал его.

О любовь небесная, любовь непостижимая! Мало того, что не слышно ни одного упрека её неблагодарному грешнику.

Какой прием делает она грешнику! Она обнимает его. Гнусные одежды грешника не отталкивают ее от грешника. Запах скотской пищи, которым проникнутся грешник, питавшийся ею, не удерживает её. Пред сонмом чистых духов она лобызает смрадного грешника. О! грешник! И ты еще можешь помнить о чем-нибудь, кроме любви небесной? И ты еще можешь дорожить чем-нибудь, кроме любви небесной?

Рече же ему сын, отче, согреших на небо и пред тобою и уже несмь достоин нарецися сын твой. Бывают и такие дети, которые тогда, как отец, не взирая на всю виновность их, принимает их со всею любовью, говорят в себе, «дела идут, как нельзя лучше, о чем задумываться? Заживем, как жили прежде». Да избавят Бог каждого родителя иметь таких детей.

Грешник, милуемый Отцом небесным! Как бы ни велика была в тебе любовь Отца небесного, не забывай, что ты грешник. Не забывай взывать к Нему, *Отче! согреших на небо и пред Тобою, несмь достоин нарецися сын Твой.* Подумай – при твоём недостойнстве, чем больше оказывается к тебе любви со стороны Отца небесного, не яснее ли, не тяжелее ли становится твоё недостойнство? Потому-то велят нам радоваться не иначе, как со страхом и трепетом. Иначе забвение о грехах уже само по себе есть грех, и оно же влечет за собою новые грехи, а тем заграждает к нам доступ благодати. Точно так памятование о грехах, смиряя и умягчая сердце наше, отверзает в него вход новым и большим дарам любви небесной.

Рече же отец к рабom, изнесите одежду первую, и облецыте его и дадите перстень на руку его и сапоги на нозе.

При первой встрече с сыном отец ни слова не сказал сыну, но самым приемом сказал ему слишком много. Теперь он не только благословляет, но осыпает его дарами.

Три дара, которых удостоивает Отец кающегося сына, по общему и, следовательно, справедливому объяснению, означают полный ответ кающемуся грешнику, тот ответ, что Отец небесный принимает его, как милого сына, с щедрою любовью нежного отца.

Что значит одежда для полунагого бедняка? То, что срам его прикрыт, наготы его не видно, ему уже более не стыдно

людей. Полунагой, бедный грешник, но грешник кающийся, точно так же получает одежду, т.е. оправдание; срамота грехов его прикрывается милостью Божией (Пс.84:3), нечестие сердца его предается забвению (Пс.31:5), и он без стыда может явиться в сонме ангелов. Любовавшемуся собою ангелу Лаодикийской церкви Господь говорит в откровении, *совещаю тебе купити от Мене одеяние бело, да облечешися и да не явится срамота наготы твоя* (Откр.3:18). Вот объяснение нечеловеческое одежды, которую получает кающийся грешник!

Кающемуся сыну дается перстень на руку. Перстень у древних носили только благородные и не смели носить рабы. (Иак.2:2). Так Иосиф получил от Фараона перстень, как самое высокое отличие (Быт.41:42, 38:18). Итак, если кающемуся грешнику дается в награду за раскаяние перстень, это значит, что он получает свободу, дух всыновления, что он уже не раб греха, не сын грешной земли, а сын неба, сын царства небесного, что он уж не томится страхами казней, как невольник и невольник преступный. *И сапоги на ногу его.* Быть обутому в сапоги означает на языке писания иметь готовность и силу служить евангелию мира (Еф.6:15). Грешник сам по себе слаб, расстроенный грехом, он не умеет свободно ходить по путям заповедей. Кающемуся грешнику дается сила для шествия по заповедям Божиим. Отец небесный говорит ему, «я озабочен и тем, чтобы ты в родительском доме ходил не как рабы, без сапог, – будь покоен, все готово для тебя, ты будешь ходить как сын неба, твердою, свободною, стопою».

И приведше телец упитанный заколите и ядше веселимся, яко сын мой сей мертв бе и оживе, изгиб бе и обретется, и начата веселитися.

Сын пришел к отцу голодный. Отец не только поспешил утолить голод его, но устроил великолепное торжество.

К кому это обращается Отец небесный, призывая делить радость Его о кающемся грешнике? Откровение говорит нам, что *радость бывает на небеси, пред ангелы Божиими, о едином грешнике кающемся* (Лк.15:7, 10). Тоже без сомнения должно разуметь и о святых Божиих, переселившихся с земли на небо.

И так видите, какое торжество о грешнике кающемся! Радуетя грешник, радуются ангелы и святые, радуется Бог.

Радуются ангелы и святые. Ибо видят непостижимую благодать Божию, видят, что брат их, который стоял на краю гибели, помилован и вместе с ними будет славить Господа. Радуетя Бог. Ибо Он не хочет смерти грешника и вот грешник спасен. Легко отрадно бывает и нашему сердцу, когда мы успеваем сделать доброе дело для других, помочь бедняку, спасти погибавшего. Но что значит наше благорасположение к другим в сравнении с любовью Отца небесного.

Если же радуются святые и ангелы, радуется Бог о кающемся грешнике, как же не радоваться самому грешнику? Он радуется. Ибо принят так, как нельзя было ожидать. Позор снят, свобода дана, силы укреплены. Мало того, – о нем в торжестве небо.

Как велика радость о грешнике кающемся! Она так велика, что и описать ее нельзя. Это такая радость, о которой можно говорить только сравнительно, гадать приблизительно, но которой изобразить нельзя, так как для небесных вещей нет слов на языке земном. Сам Спаситель объясняет торжество неба о грешнике кающемся только сравнениями. Как имеющий сто овец, говорит Он, и потерявший одну из них, оставляет девяносто девять и идет искать пропавшую, а найдя берет ее на плечи и созывает друзей и соседей, порадитесь, говорит, со мною, я нашел пропавшую овцу, так и на небе радуются о кающемся грешнике (Лк.15:4–7). Как бедная женщина, имевшая десять драхм и потерявшая одну, зажигает свечу, метет комнаты и ищет заботливо потерянную драхму, а когда находит, созывает подруг и соседок, идите, говорит, повеселитесь со мною подруги, я нашла потерянную мою драхму, так бывает радость у ангелов Божиих о едином грешнике кающемся (Лк.15:8–10).

Из притчи о сыне погибшем и найденном видим, что отец созывает весь дом свой к веселию, *веселимся*, говорит он. И потом сказано, *и начаша веселитися*, начали петь и ликовать. Небо огласилось песнями радости, хвалы, благодарности о кающемся грешнике. Чудное торжество! Чудная радость! Душа

кающаяся, облеченная плотью, может отчасти ощущать эту радость, так как предмет её она сама, но знает ее только небо.

Ап. Иоанн в откровении своем видел торжество брака Агнчего с церковью. Торжество началось, как показывает он, голосом, исшедшим от престола, *пойте Богу нашему еси раби Его и боящиеся Его, и мали и ведици*. За тем слышен глас народа многа, *яко глас вод многих, и яко глас громов крепких глаголющих, аллилуия, яко воцарися Господь Бог Вседержитель. Радуемся и веселимся и дадим славу Ему, яко прииде брак Агнчий и жена Его уготовала есть себе* (Откр.19:5–17).

Таково торжество Агнчего брака с церковью! Подобное же торжество бывает о союзе грешника с Богом! Ибо благодать Божия такова, что милости, изливающиеся на целую церковь, повторяются для каждой души, обращающейся к Богу.

О! как не воскликнуть с провидцем Божиим, *блажени, ихже оставишася беззакония, ихже прикрывшася грехи. Блажен муж, емуже не вменит Господь греха. Рех, исповем на мя беззаконие мое Господеву и Ты оставил еси нечестие сердца моего. За то помолится к Тебе всяк преподобный* (Пс.31:2–4).

Если же кто из каявшихся грешников скажет, я каялся, но не ощущал подобной радости, такому следует сказать, виноват в том ты сам, друг мой! У твоей исповеди не доставало многого, от того и радости у тебя не было. Послушай, что говорит нам неложное слово Божие. *Приблизитесь к Богу и приблизится к вам. Смиритеся пред Господом и вознесет вы* (Иак.4:8, 10). На небе радуются по мере того, как каются на земле.

Слава и благодарение неизмеримой любви Твоей, Отец наш небесный! Аминь.

1852 год.

Слово в неделю православия, в начале обряда православия

Что хотим мы делать, братия? Не такое ли что-нибудь, чем, быть может, оскорбятся некоторые? Не такое ли что-нибудь, за что, быть может, осудят нас некоторые? Правда, суд человеческий не очень важен, суд человеческий может быть далек от истины. Тем не менее надобно заботиться, чтобы не оскорблялась совесть братий нашими поступками, надобно показать, что не мы ошибаемся, а другие. Итак, несколько минут на размышление, что хотим мы делать? что за суд, который хотим повторить?

Спаситель наш Господь Иисус, подавая исцеление больному, прежде чем исцелил его, сказал, *отпускаются тебе греси твои*. Фарисея и книжники, услышав слова Его, сказали, сей хулит, *кто может отпущати грехи*? Книжники были люди ученые; они поняли, и справедливо поняли, что Христос Иисус, усвоив себе власть прощать грехи, усвоит себе то, что принадлежит единому Богу. Сей хулит, богохульствует, говорили они, берет на себя не принадлежащее ему и принадлежащее единому Богу, иначе – похищает власть у Бога. В чем была ошибка книжников? Чего не поняли люди ученые? Они не поняли или не хотели понять, что Христос Иисус есть Сын Божий, также всемогущий, также вседержущий, как и Бог Отец. Дела Его показывали, что Он более, чем сын человеческий, что Он всеведущ и всемогущ, как Бог. Но люди были слепы от действия страстей и не видели того. *Отец не судит никому же, но весь суд даде сынови*, учил еще Сын Божий. Власть судить, власть вязать и разрешать принадлежит Богу, но она же принадлежит и Сыну Божию. Вот кому первоначально принадлежит суд над совестью людей.

Принадлежит ли он еще кому-нибудь? Без сомнения может принадлежат тому, кому даст Сын Божий. Дана ли власть Сыном Божиим кому-либо на земле? Дана. О том говорит сам Сын Божий. *Аще и церковь преслушает, учил Он, буди тебе, яко же язычник и мытарь* (Мф.18:27). Что это такое? Спаситель

говорил, что если ты увидишь согрешающего брата, то скажи ему о грехе его на едине. Если не послушает, возьми другого брата. Если и после того не исправится, *повеждь церкви*. Если же и церкви не послушает, буди тебе яко же язычник и мытарь, да будет он для тебя тоже, что язычник и мытарь, да будет он для тебя человеком, с которым ты более не должен иметь никакого общения, он отверг церковь, отвержен и церковью, и ты, который состоишь в связи с церковью, потому самому не должен быть в связи с тем, который более не принадлежит церкви. Вот точное учение Сына Божия! *Елика аще свяжете на земли, говорит в тоже время Сын Божий, будут связаны на небесех, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех*. Это еще яснее и сильнее. То, что вы разрешите на земли, будет разрешено на небе. Кто вы? Прежде дал власть вязать и разрешать церкви; теперь говорит, вы свяжете, вы разрешите. Кто же вы? Можете видеть, что власть передается не всей церкви, а известным лицам. Кто же эти лица? Не одни ли апостолы? Но Спаситель сказал, что передает власть церкви, следовательно, уже не одним апостолам, следовательно, каким-нибудь лицам, которые имели быть в церкви после апостолов, которые имели быть преемниками апостолов. Да и почему передает Он великую власть свою? *Аще согрешишь к тебе брат твой*, говорит Он. Что это значит? То, что власть передается по той причине, что возможны согрешающие. Представьте же себе, если во время апостолов возможны были грешники, требовавшие власти вязать и разрешать, что же сказать о временах последующих?

Братия! терпят ли в обществе человеческом непокорных? Нет. И оно подвергает их наказанию. Какому? Иных даже исключает из своего общества, велит умирать смертью политическою? По какому праву? *Несет власть, аще не от Бога*. Скажите, с чего хотят, чтобы общество духовное могло терпеть у себя непокорных? Как думать, что такое высокое общество, которого члены, живя на земле, живут на небе, не было уполномочено властью отсекал от себя непокорных, или что тоже, предавать анафеме.

В церкви коринфской один человек сделал грех тяжкий грех такой, какого, как писал апостол, не слышно даже у язычников, но коринфяне не обратили на то судебного внимания. И апостол писал, *во имя Господа нашего, собравшимся нам и духови вашему, предати такового сатане. Пожените злого от вас самех* (1Кор.5:1–5). Вот пример тому, что при апостолах была судебная власть, исключавшая тяжкого и нераскаянного грешника из чистого общества христианского! Вот опыт того, что не себе только апостол усвоял власть поражать грешника наказанием, но говорил, что бы в коринфской церкви предали грешника сатане.

И так церковь произносит суд на некоторых потому, что суд сей дан ей сыном Божиим.

После того, что сказано о происхождении суда церковного над упорными грешниками, кто посмеет отнимать у церкви право анафемы? На то могут отваживаться только люди, которые *влагаются и скитаются всяким ветром учения во лжи человечестей, в коварстве козней льщения* (Еф.6:14). Церковную терпимость ересей и расколов допускали и могут допускать только люди, для которых истина и ложь, нечестие и благочестие – одно и то же, люди, которые колеблются на каждом шагу, не имея ни в уме, ни в сердце твердой веры; называются христианами, а в душе кланяются то Магомету, то Далай-Ламе. Иначе те, которые знают и любят истину, не могут стоять между истиною и заблуждением. Они, не колеблясь, говорят, это – истина и не может быть ложью; это истина и ее готов я защищать моею кровью; или, это ложь и не может быть истиною; это ложь, и я ни за что не соглашусь преклониться пред нею.

На кого произносить церковь анафему?

Она предаёт анафеме не признающих бытия и промысла Божия. Но таких людей осуждали и язычники.

Она поражает гневным судом тех, которые утверждают, что Бог не есть Дух, а плоть, или подобный нам человек. И таких людей осуждали лучшие из язычников; а между христианами приближались к ним темные суеверы, полагавшие образ Божий в бороде и усах человека.

Она предаёт анафеме тех, которые не признают единосущие Сына Божия и Духа Святого с Богом Отцом и отвергают св. Троицу. Но дело решенное, эти догматы – отличительные догматы христианского откровения.

Она анафематствует тех, которые утверждают, что пришествие Сына Божия в мир, Его страдание и смерть – не нужны; осуждает тех, которые говорят, что искупление Сына Божия не есть единственное средство к оправданию нашему пред Богом. Но люди, которые не чувствуют нужды в спасении людей Богом, не имеют в себе даже начальных чувств христианской жизни и хуже язычников, сознававших свою виновность.

Она предаёт анафеме тех, которые не признают безмужного зачатия Сына Божия и почитают Христа Иисуса простым человеком. – Но это слепые иудейские книжники.

Она осуждает тех, которые утверждают, что пророки и апостолы писали свои писания не по вдохновению Духа Божия и Дух Святой не действует в сердцах верующих; осуждает тех, которые не принимают св. таинств. Но это опять люди, не понимающие ни себя, ни истории человечества и довольные языческой правдой.

Наконец она осуждает не считающих грехом бунтовать против государей. Но это враги человеческие и Божии.

Таким образом церковь поражает анафемою таких людей, которые осуждены откровением Божиим. Послушайте, что пишет возлюбленный ученик Христов Иоанн? *Всяк дух, говорит он, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, сей от Бога несть и есть антихристов (1Ин.4:3).* Послушайте, что проповедует ап. Павел? Он учит, *аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят (1Кор.16:2).* *Аще мы, или ангел с небеси, благовестит вам паче, еже благовестихом вам; анафема да будет (Гал.1:3).*

Что скажут еще против суда церкви? Страшно, говорят, подумать, какой грозный суд произносит церковь, – церковь, которой глас, казалось, должен быть гласом одной любви? Да, братья, страшно; страшно потому, что суд церкви есть суд Божий, суд Сына Божия. О! это даст нам трепет Иеремии,

трепетавшего за Иерусалим, поражаемый гневом Божиим? Кто даст потоки слез, которые проливал пророк Божий, оплакивая участь Израиля нечестивого? Но что говорю я о трепете и слезах Иеремии? Такой ли трепет, такие ли слезы, такая ли скорбь необходимы нам, когда слышим суд Божий, осуждающий грешника на вечные муки? О! братия! *страшно впасти в руке Бога живого*. А суд церкви, повторяем, есть суд Божий.

Но зачем он – не суд любви? Затем, братия, что нераскаянный грешник не понимает, не принимает суда любви, тогда как церковь одного и желает для всех – спасения вечного. *Самолюбивы, величавы, горди, хульницы, нагли, напыщени, сластолюбцы, имущий образ благочестия, силы же его отвергшиися* (2Тим.3:2–5) не внимают никаким внушениям любви и, по гордости своей, ставят себя выше церкви, отделяются сами от нее.

Пусть так, говорят, пусть Арий, пусть Македоний поражены анафемою, к чему же повторяется она теперь? Да, если бы мы были столько внимательны к себе, чтобы не было между нами Ариев и Македониев, церковь не повторяла бы грозного суда своего. Не несчастные мы! Сколько между нами является Ариев и Македониев, даже более дерзких в богохульствах, чем были и те и нагло проповедуют ложь! Сколько людей, которые отлучались, как отлучился гордый Новат, от общения с церковью и употребляют меры увлекать вместе с собою многих других! *Не разумея яже глаголют*, не понимая, чего хотят, о чем говорят, что видят в обветшавшей грамоте, они упорно уклоняются от тех, которые хотели бы и могли бы сказать полезное душе, уклоняются сами и отклоняют других. Что остается св. церкви в таком положении? Не сама ли любовь обязывает ее поражать суемудрие страхом и бесславием анафемы? Гордость суемудрия находит себе пищу в том, что думает жить ненаказанно по-своему. Пусть же слышит она, что есть суд на гордое суемудрие, суд, произносимый на земле и повторяемый на небе. Врач не от жестокости, а по мудрой любви, отнимает заразившийся член тела, он желает тем спасти прочие члены тела от заразы. Тоже самое делает и св. церковь. Страхом суда на непокорных предостерегает она неосторожных

от общения с людьми непокорными; предавая позору заблуждение, она спасает умы простые от общения с заблуждениями. Так заповедал поступать апостол Божий, еретика человека, если он по первом и втором наказании, вразумлении не исправится, *отрицайся, удаляйся* (Тит. III. 10). *Молю вы, братие, блюдитесь от творящих распри и раздоры и уклонитесь, удаляйтесь, от них* (Рим.16:17).

Нет, не суд, чуждый сердцу матери, выражает собою суд церкви. Вы увидите, вы услышите, как она со всеми чадами преклонит колена пред Господом за спасение заблуждающих. Вы увидите, вы услышите, как будет она умолять Господа Иисуса заслугами Его, дабы он дал дух раскаяния тем, которые подвергают себя анафеме. О! когда бы сами заблудшие тронулись слезами матери, которые проливает она за них пред Господом и пред всеми святыми Его! Прославляя поборников православия, чего желает церковь, как не торжества для истины, как не славы для того имени, которое одно достойно славы?

Слава Отцу и Сыну и св. Духу, ныне и во веки. Аминь.
1850 год.

Слово в неделю православия

Грозный суд, который вы вскоре услышите, слушатели, относится, между прочим, к «отмещущим вся таинства святые, церковью Христовою содержаемая». По благодати Божией, все мы, принадлежащие к православной церкви, твердо содержим святые таинства; не смеем и думать, чтобы можно было отметить их. Но близ нас довольно таких, которые не боятся отказываться и от такой тайны, какова тайна святой евхаристии; не боятся даже произносить иногда и страшные хулы на сию страшную тайну. Не для чего скрывать болезни и некоторых из нас, братья. Довольно между нами таких, которые, хотя не отмещут языком святой тайны, и однакож не участвуют в ней по разным предлогам. Приблизимся к смыслу суда церковного на отмещущих тайны размышлением о том, как нужно нам всем приобщаться святого таинства евхаристии, и как неосновательны предлоги, по которым многие не приобщаются сего таинства.

Кто установил таинство святой евхаристии? Сам Сын Божий, Господь Иисус. *Приимите, ядите*, говорил Он ученикам, сие есть тело Мое, за вы ломимое. *Пийте от нея вси, сия есть кровь Моя нового завета*. Слышите ли, Господь Сам повелевает: *пийте от нея вси*. Повеление решительное, повеление, относящееся ко всем без исключения, повеление самого Господа. Чего больше? послушаем другого свидетеля о том же. *Аз бо приях от Господа*, говорит апостол, *еже и предах вам, яко Господь Иисус в ночь, в нюже предан бываше, прием хлеб, и благодарив преломи, и рече, приимите, ядите, сие есть тело Мое, еже за вы ломимое; сие творите в Мое воспоминание. Такожде и чашу по вечери, глаголя, сия чаша новый завет есть в Моей крови. Елижды бо, присовокупляет апостол, *аще есте хлеб сей и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет* (1Кор.11:23–25). Что может быть яснее слов сих? Апостол с точностью повторяет волю Господню, *приимите, ядите*. Апостол передает волю Господа в словах, совершенно ясных и определенных; для всех*

принадлежащих к новому завету, говорит он, установлена сия вечеря, сия чаша новый завет в крови Моей; все, которые хотят помнить Господа, должны участвовать в сей вечери, сие творите в Мое воспоминание. Апостол присовокупил еще и свои слова о смысле слов Господних; дотоле, говорит он, имеет совершаться сия вечеря, пока приидет Господь на суд, т.е. до скончания века, *елижды ясте хлеб сей и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет*. Теперь спрашивая, нужно ли исполнить волю Господа? Без сомнения, нужно; ибо горе не покоряющимся воле Господа. Нужно ли исполнять такую волю Господа, которая простирается на все времена? Еще более нужно; ибо в этом случае горе каждому, кто бы он ни был, и когда бы он ни жил, если только презирает он эту волю. Итак, подумайте, нужно ли приобщаться вечери Господней, когда она установлена самим Господом, установлена на все времена, установлена для всех?

И что такое предлагается на вечери Господней? *Чаша благословения*, поучает апостол, *не общение ли крове Христовы есть? Хлеб, его же ломим, не общение ли тела Христова есть?* (1Кор.10:16) Итак, на трапезе Господней предлагается под видом хлеба самое тело Господне, и под видом вина животворящая кровь Господня. Скажите же, от чего удаляются, удаляясь от вечери Господней? Чем пренебрегают, пренебрегая вечерею Господнею. Страшно подумать!

Какие действия совершает евхаристия в причащающихся её? Чего лишаются отступающие от нея? *Ядый Мою плоть и пий Мойю кровь, говорит Господь, во мне пребывает, и Аз в нем* (Ин.6:56). Вот первое действие великой тайны! О, таинство чудное и славное! Приобщающийся тайны евхаристии соединяется с самим Господом. О дивная, непостижимая благодать Божия! Братия! Укажите мне, какого блага – более высшего мог бы желать человек после сего неизмеримого блага? Брение соединяется с Создателем! Грешный соединяется с Всесвятым! Бедный, немощный, полумертвый – соединяется с Животворящим и Всемоощным! Чего желать еще человеку? И чего нельзя надеяться ему от такой милости?

И подлинно, послушайте слова Господа, *сия есть кровь Моя*, говорил Он, *за вы и за многая изливаемая во оставление грехов* (Мф.26:28), т.е. в сей чаше кровь Моя, та кровь, которая изливается во оставление грехов; пейте же ее, – она прощает грехи грешникам, она освящает грешников. *Ядый Мою плоть и пий Мойю кровь, иматъ живот вечный* (Ин.6:54), говорит Господь. Итак, вот и еще действие тайны! Она дарует жизнь вечную. Ты страждешь по душе и телу? она – врачевство оживляющее. Ты изнемогаешь в борьбе со страстью? Приступи к святой евхаристии, – она дает новые силы. Кто исчислит все действия чудной тайны, когда она есть тайна жизни? Ощутительный плод вкушения её является верующим то светом в уме, то радостью в сердце, то покоем сладким в душе, то живейшим ощущением любви к Господу, то ревностью к подвигам духовным.

Если же святая евхаристия есть хлеб жизни, дарующий и прощение грехов, и силы духовные, то с чем остается человек, лишая себя сего животворного хлеба? С грехами и страстями. Какое опасное положение!

Но не гадание ли это человеческое? Нет, братия; дело спасения нашего основано не на гаданиях, а на верном слове Господа. *Аще не снете плоти Сына человеческого ни пиете крове Его, живота не имате в себе* (Ин.6:53). Кто говорит слова сии? Сам Сын Божий, Сам Господь наш, Коего каждое слово ей и аминь – верно, непреложно так, как ничто более на свете. Что же значат слова сии? Они очень ясны, кто не хочет причащаться тела и крови Господней, как иудей, не может быть тот живым. Христианин родился в воде крещения; вода крещения, напоенная силою Духа Святого, образовала в нем нового человека, это духовный младенец. Представьте же себе, если бы вы младенцу не давали пищи и питья, остался ли бы он жив? Нет! Сила благодати, приемлемая в крещении, конечно, сильнее, чем сила жизни, сообщаемая младенцу при рождении; она однажды дана и не истребляется. Но вы знаете, что значит земная жизнь для христианина? Знаете, сколько искушений, сколько болезней, сколько опасностей испытывает душа; и по отрощении в воде крещения. До какого изнеможения могут

доводить ее грехи и страсти! Где же подкрепление для неё слабой, где пища для неё голодной, где утешение для неё, поражаемой скорбями? И до чего может дойти она, изнуряемая грехами и страстями? Случалось ли вам видеть бедного младенца, борющегося с смертью, терзаемого муками разлучения тела с жизнью? Вы видите – он еще не мертв; но какая это ужасная жизнь! Вы закрываете глаза, чтобы не видеть страшной борьбы жизни с смертью. Уверьтесь же, что это точный образ той души, которую много лет, или и всегда, оставляют без пищи небесной. Она именуется живою, она еще не умерла, но страшно положение её! Смерть духовная терзает ее. Жизнь духовная в ней неразвита, остается в младенчестве; а страсти и грехи иссушили, истерзали, довели ее до совершенного расстройств. Истинно слово Господа, *еще не снесли плоти Сына человеческого, не пьете крове Его, живота не имате в себе.*

Чем же люди оправдывают уклонение свое от таинства евхаристии? «Мы верим, говорят одни, что святая евхаристия – дело великое, но где она ныне?» Это означает, что ныне, как говорят эти люди, нет у нас церкви, нет и тайны. Несчастные – они враждуют и на церковь Христову, и на страшную тайну. Ослепленные не видят, какая страшная участь ждет их – мятежников. Их ожидает та же участь, какая постигла мятежных ангелов, низверженных за мятеж с неба в геенну, – та же самая, какая ждет всех *врагов креста Христова* (Флп.3:18–19). Нет церкви? Кто это говорит? Не возмутитель ли против самого Господа? В ином виде, хотя и хотел бы, не могу представить его. Ибо Господь сказал нам, церкви Его не одолеют *и врата ада* (Мф.16:18); она стоит твердо, так как непобедим глава её Господь; она *есть столп и утверждение истины* (1Тим.3:15). Говорят, мы верим в тайну. Но, где же та тайна, в которую веруют? Тайна Христова должна быть на земле; она должна совершаться здесь, дондеже придет, т.е. до скончания века, это слова, это воля Господа. Кто же может отменить волю Господа? Кто может уничтожить определение вышнего? Не одно ли своеволие, не одна ли вражда богоотступная? *Тиру и Сидону отраднее будет в день судный* (Мф.11:22), нежели людям,

которые знают волю Господа, и нагло попирают ее. К кому воззовут они о помощи в день суда? Ко Христу? Но они отвергли Его, отреклись от тела и крови Его; не знаю вас, скажет Он им, как вы не знали Меня. К церкви святых? Но над нею ругались они, изгоняли ее из мира, бегали от неё, как от греха. К крови ли Ходатая, очищающей грехи и оживляющей мертвых нас? Они его не запечатлены, никогда не питались ею. Несчастные! Никто и ничто не защитит их, но все восстанет против них – и Господь и церковь Его, и кровь Его и слово Его! Твердят слепцы, «старцы говорят, что можно спастись без причастия». Старцы говорят? *Аще мы или ангел благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет.* Слышите ли? Если бы и ангел благовестил противное учению апостола, а его учение о евхаристии вы слышали, анафема! Говорят, мы идем по следам подвижников, пребывавших в пустынях без причастия. В чем же подражают они подвижникам? Те жили как ангелы, а они? Те жили в пустынях по обету, а они? Те за блаженство считали для себя, когда могли приобщаться, а они? Ужели отвергать святую евхаристию по упорству в заблуждении, как они отвергают, и не принимать святой евхаристии по глубокому смирению и вследствие обета, означает – одно и то же? После того, не станут ли утверждать, что хула на святыню тоже, что хвала святыне?

Братия! Свято чувство смирения, оно необходимо для каждого; оно – печать истинного христианина. Имейте смиренномудрие всегда, тем более тогда, как приступаете к страшной тайне. Вы приступаете к Господу страшному в величии, грозному в правде. Пусть будет и то, что чувство смирения, чувство недостойности своего, на несколько времени, удержит вас, вместе с мытарем, вдали от святилища Божия; не дозволит вам дерзновенно приступить к святой тайне. Но помните, что истинное смирение не дозволит себе заменять тайну Господню своим вымыслом, оно удерживается на время от тайны только для того, чтобы лучшим образом исполнить волю Божию о тайне. Бывает, что и сатана преобразуется в ангела святого (2Кор.11:14). Бывает, что под покровом смирения скрывается только лукавство греха.

Надобно поверять себя; надобно поверять дела свои, дела ли они истинного смирения? Смирение оказывает себя покорным власти, себя признает ниже всех, плачет о грехах, подвизается в посте и молитве, страшится суда Божия. Да избавит Бог каждого от смирения лицемеров! Но, не для ангелов учреждена тайная трапеза, а для людей, для людей немощных, слабых склонных к греху до самого гроба. Будь твердо уверен, что если бы ты был и так чист, как чисты ангелы святые, – и тогда ты не должен считать себя достойным причастником тайны. Ты омыт водою крещения, ты очистил себя слезною исповедью, вот твоё приготовление к тайне! Ты не перестаешь чувствовать себя грешником? Приступи к трапезе, учрежденной во оставление грехов; она попалит терние грехов твоих. Ты холоден и мрачен, сухость тяготит дух твой? Но, если ты таков и тогда, как касаешься источника жизни, что ж будет с тобою, когда ты будешь лишать себя общения с жизнью вечною? Нет, по тому-то самому, что чувствуешь нищету души твоей, спеши обогатиться богатством Христовым.

Другой говорит, совесть обличает меня в тяжких грехах, удерживает грозным судом от трапезы Господней. Если так, слова нет, – удержишься на время от трапезы; омой грехи покаянием, очистишься слезами сокрушения. *Ядый бо и пияй недостойне суд себе яст и пьет (1Кор.11:29)*. Но, удержишься от страшной тайны для того только, чтобы приготовить душу к тайне покаянием, а не за тем, чтобы мыслью о недостойнстве прикрывать беспечность о душе своей; не за тем, чтобы творить волю страстей в забвении о вечности. Примеры спасения для тебя показаны. Спеши вслед за плачущею блудницею к пречистым стопам Господа; спеши собрать слез, сколько можешь, – страха, сколько найдешь в душе, и лобызай ноги Господа; прикоснись к очистительному огню плоти и крови Его. Тяжки грехи твои? Но скажи, Господи! не требуют здоровые врачи, а больные; болен я, гноятся струны грехов моих, от ног до головы нет во мне целого места; исцели, очисти меня. Врачу душ и телес! уголь тела Твоего да очистит скверны мои, животворящая кровь да оживит меня, умерщвленного грехом.

Но вот и еще отговорки от священной тайны, «я занят заботами по дому, по долгу, говорит иной; когда причащаться?»

Никто не станет осуждать усердия к обязанностям службы. Но разве не поставляется у нас в обязанность каждому служащему приступать к святой евхаристии? Много занятий по службе? *Божия Богови, и кесарева кесареви* (Мф.12:21). Много трудов по службе? Но, если труды больше для честей, чем для службы, умерь трудолюбие, а пища небесная, к которой зовет тебя церковь, подкрепит силы твои для верного служения отечеству земному. Припомни и то, сколько убито времени, сколько истрачено сил для страстей и пустоты, остановись же хотя на неделю для отдыха душе.

Ты занят заботами житейскими? что ты говоришь? Ждет тебя Господь, а ты ссылаешься на заботы о земле. Одумайся. Разве вечная жизнь не стоит твоей заботы? Разве вечные нужды меньше для тебя, чем нужды земные? Разве голод, от которого может погибнуть душа твоя, не страшен тебе? Иначе – с чем ты явишься туда?

Братия! Прославим неизреченное милосердие Сына Божия к нам грешным; устрашимся быть презрителями неизглаголанного дара Его. Аминь.

1843 год.

Беседа IV. О блудном сыне, в первую неделю поста

Третью часть притчи о блудном сыне составляет история старшего сына (Лк.15:25–37).

Здесь изображен – грешник самонадеянный, грешник, обольщенный мечтами о своей приличной, честной, жизни. Отношение к нему Отца небесного дополняет печальную картину его, печальную тем более, что сам грешник не понимает значения её. Евангельское изображение такого грешника, грешника скрытного, должно быть изучаемо с особенным вниманием, так как без того легко ли нам узнавать его?

Бе же сын его старей на селе, и яко грядый, приближися к дому, слыша пение и лики, и призвав единого от отрок, вопрошаше, что убо сия суть?

Если старший сын отца трудился на поле, это служит к чести его. Но вот что не подает доброй мысли о нем, отчего добрый отец не послал за ним при приеме младшего брата его? Отчего тогда, как созваны все слуги делить радость о найденном сыне, не приглашен к тому же старший сын дома? Верно сын не любил поступать так, как хотел отец, а – как хотел он сам и – его оставили при его воле. Такая мысль о нем оправдывается последующими поступками его. Вот он, едва возвратясь с поля, едва подошел к дому, открыл себя, в каких расположениях был он к дому. Услышав, что в доме веселятся, он вместо того, чтобы с сердечною простотой идти в дом радующегося отца, останавливается и спрашивает, что это такое? Он изумлен тем, что без него веселятся. Как будто в доме отца, помимо его воли, помимо его решения, ничего не должно быть! Как будто отец его не в праве веселиться без него! И от кого же узнает он о происходящем в доме? От отца? Нет, он вызывает к себе одного из слуг. Как это неприлично! Не прилично тем более, что подряд с гордостью является низость.

Он же рече ему, яко брат твой прииде и закла отец твой тельца упитанна, яко здрава его прият. Слуга говорит о деле, как оно есть. Видно, что это был слуга добрый, простосердечный. А как много есть слуг другого разряда! Слуга

доброго господина не только говорит правду, но говорит с добрым намерением. *Брат твой прииде, отец здрава его прият*, говорит слуга. Эти слова не только выказывают правду, но и доброе намерение – успокоить смущенную душу молодого господина.

Разгневався же и не хотяше внити. За что разгневался? Чем так оскорблен? Ему сказали отрадную правду, а он разгневался. Бесчувственный сын! Бесчувственный брат! Дикая душа его волнуется страстями дикими, – завистью, гордостью! Он терзается тем, что веселятся в честь другого; в гневе за то, что оказывают любовь другому. Он считает себя униженным оттого, что обращено внимание на другого.

Отец же его изшед моляше. «Какой кроткий, какой добрый отец, восклицает блаженный Иероним; он упрашивает сына принять участие в домашней радости». Да, редко можно найти такого отца между отцами христианскими, людьми благодатствованными, но никогда между людьми обыкновенными. Эта кроткая любовь – любовь небесная. Она выходит на встречу к грешнику, стараясь привлечь его к себе; она знает его строптивый дух и не смотря на то дышит на него кротостью, ласкою, нежностью сердобольною и снисходительною.

Он же отвечава, рече отцу, се толико лет работаю тебе и николиже заповеди твоя преступив и мне николиже дал еси козляте, да со други своими возвеселился бых.

Не смягчился строптивый сын словами небесной любви, а лишь раздражился и начинает счет с отцом, счет, которым он думал обвинять отца, тогда как каждое слово его улика ему самому. *Се толико лет работаю тебе!* Что же особенного, если сын трудился в доме отца? Ужели же добрый сын только имеет право гулять и терять время в праздности? Ужели тот, кому труд в тягость, человек порядочный? Нет, более чем слугу, унижает праздность детей доброго отца. *Николиже заповеди твоя преступив.* А как будто тот и добрый сын, который нарушает волю доброго отца. *Николиже заповеди твоя преступив.* Но правда ли это? Как же могло случиться, что этот почтительный сын так глух даже к мольбам нежного отца? Как

же могло случиться, что сын, почтительный к отцу, так холоден и жесток к брату? *Аще кто речет, яко люблю Бога, а брата своего ненавидит, ложь есть (1Ин.4:20). Глаголяй себе во свете быти, а брата своего ненавиждь, во тме есть доселе (1Ин.2:9).* Таково учение небесной истины! И николиже дал еси козляте. Как? Добрый сын считается с отцом? Добрый сын требует платы от отца за любовь к отцу? Сын ли это? Нет, это наемник, а не сын. Ах! сын потерял любовь сыновнюю, даже живя в доме отца. Не хуже ли он брата, потерявшего ту же любовь вдали от отца? *Да со други моими веселился бых.* Вот и еще отличие сына доброго! В том, что живет он вместе с добрым отцом, не находит он радости, не находит он радости и в выполнении заповедей отца, тогда как они доброму сыну слаще меда и дороже камней драгоценных (Пс.18:11). Он ищет других радостей, других друзей. Что же это за друзья его? Конечно, если бы они похожи были на доброго отца его, то не заменяли бы они отца в его душе. Жажда веселостей, которою томится он в доме отца, показывает, что ищет он друзей греха, веселостей распутства. Чем же разнится он от младшего блудного брата? Разве тем только, что выставляет из себя человека жизни приличной, поведения непорочного.

Егда же сын твой сей, изъядый твое имение с любейцами прииде, заклал еси ему тельца питомаго.

Домогаясь выставить, как можно резче, несправедливость отца, строптивый сын указывает ему на отношение его к брату.

Егда же сын твой сей прииде. Не называет и брата братом; он так презирает его, что считает за оскорбление для себя называться его братом. Такова гордость! *Сын твой прииде* – стрела злости и в сердце отцу. Ты, говорит он отцу, хочешь этого распутного признавать сыном своим, пусть он сын твой, любуйся им, только я не знаю такого брата. Тогда как прожил, он твое имение с блудницами, ты принимаешь его так, как не был я никогда принят тобою, это твое дело! Какая злость в сердце гордом! Забыто уважение к отцу, забыта любовь к брату снисходительная. Мало и того, гордость не только беспощадна к известным слабостям брата; она выдумывает слабости. С чего этот милый братец говорит о брате, промотал имение с

блудницами? Откуда он узнал это? Добрый слуга, встретивший его, не говорит ему ничего подобного. Ах! как часто бывает, что, будучи сами худы, думают худое и о других! Будучи сами расположены к тому, чтобы делать то или другое грязное дело, переносят ту же грязь и на других. Кто не узнает в этом гордом брате иудейских фарисеев и книжников, представителей самонадеянной праведности, нередко блистательной по наружной жизни, но отвратительной по сердечным расположениям! Гордых людей дело – мечтать о себе, что они не как другие люди, не грабители, не обидчики, не прелюбодеи, а люди жизни строгой (Лк.18:11). Они не простят брату ни одного проступка, тотчас заметят в глазу его сучец, а у себя не видят и бревна. Они похожи на гроба окрашенные, которые кажутся снаружи красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты (Мф.23:27).

Он же рече ему, чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя – твоя суть.

Фарисейская гордость сама осудила себя, когда только открылась в словах. Любовь небесная не судит ее, а продолжает дружески вразумлять и пристыжать ее. Чадо, сколько нежности в этом слове. И какой отец говорит это слово? Отец, осыпанный грубостями сына. Как терпелива любовь отца! Сын ни разу не назвал отца своего отцом, а отец говорит: *Чадо!* как сильно это слово, при всем том, что мягко! Оно так сильно, как никакое жесткое слово! Оно идет прямо к сердцу сына! Оно говорит ему, сын мой! говоришь ли ты со мною, как сын? Ах! приди в себя. *Чадо, ты всегда со мною еси, и вся моя твоя суть.* Ты не имеешь причин жаловаться на мои отношения к тебе. Не смотря на твои не сыновние расположения ко мне, которые ты сам обнаружил теперь и, которые мне были известны, любовь отца всегда была открыта для тебя. Как же тебе желать *козляте*? Как тебе искать других друзей, кроме друга – отца? Ужели какие-нибудь мои блага дороже тебе, чем сам я? Впрочем, *вся моя твоя суть.* Все, что принадлежит мне, принадлежит и тебе, лишь только оставайся сыном моим; и все это, конечно, стоит больше, чем могли бы стоять твои труды.

Возвеселитижеся и возрадоватися подобаше, яко брат твой сей мертв бе и оживе, изгиб бе и обретесе. Вразумление строптивому сыну об отношениях его к брату! Если брат дорог сердцу брата, то возвращение его потерянного, конечно, должно быть предметом радости для брата. И если брат не радуется о здоровье брата, если счастье погибавшего брата оскорбляет, терзает брата, то в таком брате нет души братской, он убил в себе чувства брата, он оскорбил, унизил, обидел жестоко не брата, но себя самого. Добрый отец препирался с строптивостью сына. Чудная борьба любви с самолюбием гордым! Родители! Вот как вы должны обходиться с худыми детьми! Наставники и пастыри! Вот с каким терпением надобно вам выполнять свое дело. Во-первых, виновность наставляемых вами не должна вас останавливать в исполнении вашей обязанности к ним. Как бы много худого ни видели вы в них, вы должны учить их добру, должны наставлять их словом евангельским. Ваше дело сеять семена. Сейте, не теряя времени в праздности. Что выйдет из того? Взойдет ли что из посеянного вами? Не беспокойтесь о том, будущность не в ваших руках; в вашем распоряжении настоящее. Вы можете только желать, чтобы посеянное возшло. Молитесь Тому, Кто посылает благотворную влагу и тепло плодотворное. Затем смотрите еще на отца, вызвала ли строптивость сына хотя одно жесткое слово из его сердца? Нет, евангельский отец тем больше оказывает нежной кротости сыну, чем больше грубостей высказывает сын. Поступайте и вы, как поступает любовь терпеливая. Грубость и брань в ответ на грубость только раздражает грубого. Если нежность отца не всегда может смягчать злое сердце сына, то злость и шум столько же могут утишать его, сколько масло пламень. Будьте благоразумны по крайней мере для успеха в своем деле. Будьте кротки, хотя бы для того, чтобы не унижать себя пред злыми детьми. Если они заметят злость вашу, если заметят неумеренность или несправедливость гнева вашего, вы останетесь в глазах их злыми и несправедливыми, к их злой потехе, но наставления ваши пройдут без пользы для них и даже незамеченными. «Раб Господа не должен ссориться, говорит апостол о христианском

учителе, должен быть приветлив ко всем, учите лед, незлобив, с кротостью должен он наставлять противников, не даст ли им Бог обращения к истине» (2Тим.2:24–25).

Наконец изображение гордого сына – картина поучительная для всех и каждого. Как опасно гордое самолюбие для спасения нашего! Как опасно оно особенно тогда, как ведет себя прилично между людьми, чтобы не слышать упрека себе, – допускает грехи тяжкие, но тайно от людей и потому видит уважение к своей наружной честности, к своей видимой праведности. Как много надобно иметь внимания к себе, как строго надобно наблюдать за собою, чтобы смирять в себе гордую мечтательность о своей праведности! Мечтательность гордости так тонка, так хитра, так неуловима, при своем обаянии приятном. Как открывать ее в себе? По её действиям. Если при известии об успехах ближнего в делах Божиих, ты чувствуешь холодность к нему, видишь в себе готовность унижать его, если не на словах, то в мыслях твоих о нем; вместо благодарной хвалы Богу за брата чувствуешь едкую неприязнь, тайную вражду, злость и зависть к брату, будь уверен, что в тебе много страшной фарисейской гордости. Страшись ее и смирай самоукорением, молись не иначе, как молитвою мытаря, *Боже, милостив, буди мне грешному*.

Господи – Господи! даждь ми зрети моя согрешения. Аминь.

Беседа I. На псалом 50, во вторую неделю поста

Помилуй мя Боже, по велицей милости Твоей.

Кто это так трогательно молит Бога о помиловании? Кто стеснен такою нуждою в помощи небесной? Чья душа изливает такую скорбь о себе пред Господом? Это молится царь и пророк Давид! Пророк и – исповедует свой тяжкий грех пред Богом? Царь славный не только в своем царстве, но и у соседей и – составляет песнь о своем падении, чтоб все слышали ее. Начальнику певцов песнь Давида, *внегда внити к нему Нафану пророку, егда вниде к Вирсавии жене Уриевой*, так говорит надпись псалма. И тоже показывает содержание псалма.

Не правда ли, что этого уже довольно, чтобы обратить все внимание на эту песнь покаянную? Не правда ли, что грешникам (а кто же все мы, как не грешники?) надобно изучить псалом Давида, чтобы уметь молиться его молитвою? И когда приличнее всего изучать эту молитву, как не во дни, назначенные для покаяния, каковы нынешние дни?

Обратимся же с полным вниманием к молитве Давида.

В покаянном псалме Давида две молитвы, одна молитва прошений о себе (Пс.50:8–14), другая – молитва благодарение за исполнение прошений (Пс.50:15–21).

В молитве прошений о себе кающийся Давид кратко выражает просьбу о помиловании (Пс.50:3–4), выставляет причины прошения (Пс.50:5–8), затем изливает моления, сперва о прощении грехов (Пс.50:9–11), потом о возвращении даров благодати (Пс.50:12–14).

Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое.

Наипаче (по премногу) омый мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя.

В каком состоянии, в какое время изливает сию молитву Давид?

Страшное дело – грех. Кающийся Давид с высоты царе-пророческого достоинства падает в нечистоту плотскую, и не останавливается на том, проливает кровь Урии и невинных его

товарищей, защитников отечества. Проходят дни, месяцы, проходит год; Давид не чувствует грехов своих. Он не оставляет других прежних правил своих. Он молится, выполняет обряды богослужения, занимается судьбою подданных и все не сознает своего положения, все не видит того, куда завлекло его несчастное сердце, в какие грехи пал он. Уже родился плод греха. Давид покоен. Является пророк, говорит царю о богаче, похитившем у бедного единственную его овцу, и просит приговора богачу. Давид смело говорит – смерть ему, и не чувствует, что себе самому произносит приговор. Тогда пророк Божий открывает ему одну сторону положения его, *ты еси муж, сотворивый сие*, говорит он. Тогда-то Давид видит все. И благодарение Господу, что видит! Другие, что ни говори, когда ни говори им, остаются глухи и бесчувственны. Давид сознает свое положение и столько поражается им, что едва может выговорить слова, *согреших ко Господу*. Пророк видит, что Давид всею душою почувствовал свое состояние, всею душою затрепетал пред грехами своими и потому объявляет ему, что бедствия, какие имели обрушиться на главу его, на весь дом его, на все потомство его, более не коснутся его кающегося, умрет только плод преступления.

Давид оставляет тогда все. У него тогда не кончена была война с аммонитянами (2Цар.12:29), но он отлагает все дела царские, все величие царя и обращается к покаянию. Слагает венец, забывает трапезу и ложе, отделяется от всего мира, как прокаженный грехом. Молится день, молится два, молится целые семь дней. И взыска Давид Господа о детище (2Цар.12:16). В живом чувстве упования на милость Божию, он с глубоким раскаянием к грехам своих соединяет молитву о пощаде невинного плода греха. Молитва высокая в том отношении, что выражает живое упование на Бога, но не чуждая привязанности к земному, всегда недальновидной в делах духовных. Дитя умерло. Давид, свободный в душе от всего земного, *вошел в дом Божий для поклонения Господу* (2Цар.12:20). И вот теперь-то, являясь лицу Бога, столько благодеевшего ему и так оскорбленного им, Давид не мог, снова не повергнуться пред Богом, не мог снова не восчувствовать

глубины падения своего и слезы полились рекою из глаз его, и он вопиет из глубины сердца, *помилуй мя Боже, по велицей милости Твоей*.

Помилуй! сжался над бедным грешником, которого грех лишил даров Твоих, так что он не узнает сам себя. Давид не смеет уже назвать Бога Богом своим, как называл он Его невинный и чистый душою. Он едва позволяет себе коснуться Его имени и выставляет только свое положение. Давид с счастливыми способностями природы, Давид богатый и в почестях царских, Давид счастливый во всех войнах с соседями и с Саулом, но к чему все это, когда он грешник? Истинно блаженны только те, которые боятся Господа (Пс.3:1). Давид глубоко оскорбил Бога. *Помилуй мя, вопиет он, по велицей милости Твоей*. Я такой грешник пред Тобою, что мало просить милости у тебя. Слишком тяжек грех мой, слишком велико беззаконие мое. Потому нужна великая милость Твоя, нужны великие щедроты Твои, чтобы простить меня. Так кается искренно кающийся! Живое чувство грехов своих отвергает взор его на величие милости Божией. И чем живее, чем искреннее чувствует грешник величие грехов своих, тем яснее, тем живее представляет он себе, что благодать Божия велика, как Сам Бог. И потому не чисто, не искренно, каялся Каин, когда говорил, грехи мои более велики, чем Ты можешь простить их. У Бога не может быть недостатка в милости для помилования грешника; если же грешник не получает милости Божией, то это от того, что не достает в нем желания, не достает приемлемости для принятия милости.

По премногу *омый мя от беззакония моего и от греха моего очисти мя*. Люди считают грехи малостью, называют их то невинным увлечением, то извинительною слабостью, то другими мягкими именами. Но не так смотрит на грехи слово Божие. Грех есть скверна, говорит оно; и жалок, неразумен, несчастен тот, кто не спешит избавиться от этой скверны; он – предмет отвращения для Бога святого и праведного. *В нечистоте твоей укроп, понеже осквернялся еси ты и не очистихся от нечистоты твоя, и что будет, аще не*

очистишися по сем, дондеже ярость мою в Тебе исполню? (Иез.24:13).

Омый мя от беззакония моего, очисти мя от греха моего. Чем? Благодатью, проливающею воды слез на грешника. Слезы – дело милости Божией; они не льются из души черствой, ожестевшей от грехов; они не очищают души сами по себе, но очищают благодатью, источающею их, очищают, когда не составляют только плода мягкосердечия природного, а растворяются глубоким сокрушением о бедности души, соединяются с испытанием скорбей. Чувствуя тяжесть грехов своих, Давид просит обильного омовения, многократного очищения, готов терпеть много скорбей, принести много жертв, лишь бы возвратилась в нему вполне милость Божия.

Яко беззаконие мое аз знаю, и грех мой предо мною есть выну. Тебе единому согрешит и лукавое пред Тобою сотворить, яко да оправдишися во словесех Твоих и победиши, внегда судити ми. После мольбы Давид выставляет основания своей мольбе. Указывает сперва на то, что он глубоко чувствует виновность свою и потому в состоянии принять милость Божию.

Помилуй мя, – яко беззаконие мое аз знаю. Не опасайся приближаться ко мне своею милостью, она уже не будет сопровождаться во мне самозабвением и не чувством, ни возвратом к прежнему; нет, я уже не тот, что прежде. Было несчастное время, что я многое видел, кроме себя самого; ослепленный страстью не понимал, не чувствовал, что делаю беззакония. Но пророк Нафан открыл мне меня, а совесть моя еще сильнее Нафана обличает меня; Нафан простил меня, но совесть неумолимее ко мне Нафана, она не прощает, грех мой предо мною всегда, стоит как грозный призрак и не дает мне покоя. О! сжался надо мною, Господи, милостивый к страждущим. Слово Божие говорит нам, *покрываяй нечестие свое не успеет в благая, поведаяй же обличения возлюблен будет (Притч.28:13).* Тот, кто скрывает свои беззакония, не получит от того выгоды, а кто открывает и обличает их, получит помилование. Грех не престаёт быть грехом и тогда, как сознаешься в нем, но сознание грехов – непременное условие для того, чтобы Бог простил нам грех, – почему? Потому, что

грешник, сознавая свой грех и чувствуя всю низость его, становится лицом к пути благому, отверзает сердце свое для правды и добра и заключает для греха, открывает душу для приятия даров Божиих. Не сознавая же себя грешником, как пожелает он быть праведником? Как пожелает оставить путь погибели, по которому шел дотоле? Бог знает нас без нас. Но нам разве не надобно знать самих себя? Для того ли дан нам смысл, чтобы мы знали все, кроме самих себя? Или не для того ли всего прежде, чтобы мы знали, кто мы таковы? Куда нам идти надобно и по каким путям ходим мы?

Как глубоко, как основательно было Давидово разумение греха своего, показывают слова Давида. *Тебе единому согреших*, говорит он, *и лукавое пред Тобою сотворих*. Грех мой тем мучителен для меня, что, оскорбляя ближних моих, в лице их оскорбил я Тебя, Владыку миров и единого законодателя для всех, Тебя, Отца в благодетеля моего, от которого со дней юности видел столько любви и покровительства ко мне. Не говорит ли закон Моисея, не говорит ли закон сердец наших, что и люби Бога в Нем Самом и во всех тех, которые носят на себе образ Его? *Проливай кровь человеку, в ея место, его пролиется, яко во образ Божий сотворих человека*, говорит Сам Бог (Быт.9:6). Да, все святое потому только и свято, что оно есть воля Божия, и то только свято, что есть воля Божия. Един есть законоположник и Судия. Права человеческие святы, но потому, что они освящены Богом. Потому-то страшен каждый грех, как оскорбление Богу. Он страшен, хотя бы законы человеческие и не преследовали его, или преследуя, не в состоянии были уловить его. От всевидящего ока Судии грозного не укроется он и счастье грешника, если он наказывается на земле за грех. Иначе и без того, что значат казни человеческие в сравнении с местью мстителя небесного врагу своему?

Яко да оправдишия во словесех Твоих и победиши, внегда судити ти. Давид представляет себе суд Божий, который произнес над ним Нафан и глубоко сознает, что как ни грозен был тот приговор, но согрешивший Давид вполне заслужил его, так что должен был сказать, согрешил ко Господу (2Цар.12:9—

13). *Яко да оправдишися* – показывается следствие того, что *Тебе согреши*. Связь мыслей та, что человек может грешить много и долго, не понимая себя; ослепленный страстью может считать себя правым в делах своих наперекор суда закона Божия, может грешить и не видеть греха своего, как и было с Давидом, но все это окончится только славой суда Божия, который рано или поздно откроется над человеком, как открылся над Давидом. Иначе, Божия слава никогда не теряет прав своих над нами; если живем мы праведно, она является в нас любовью и благодатью; если живем мы нечестиво, она является в нас грозным правосудием. Бог не заставляет грешника грешить, но, когда грешник грешит по своей воле, правда Божия вступает в права свои и является в величии нелицеприятного и точного суда над грешником.

Тебе, Господи, слава, нам же стыд. Аминь.

1849 год.

Слово в неделю 2-ю святого поста

Вскую испаде лице твое?

Предлагая в сии дни историю первых времен мира и людей, святая церковь недавно читала нам и печальную историю Канны и Авеля. Подлинно, мрачная история! О, если бы нам оставалось только воскрешать в памяти такие печальные примеры прошлого! К несчастью, они не далеки и от нашего времени, от нашей жизни. Что это за дикая страсть, пролившая в первый раз кровь человеческую на землю и что ужаснее, кровь брата своего? Зависть, зависть к преимуществам брата! Так как нельзя нам сказать, чтобы эта страсть не являлась между нами, остановимся на ней размышлением.

Что такое зависть? Это скорбь, которую чувствуют, смотря на счастье ближнего; это душевная мука, которую испытывают при взоре на благополучие другого. Ближнего хвалят, радуются благополучию его; а другой ближний на то досадует. Ближнего позорят, ближнего унижают; а другой ближний радуется тому. Вот положение зависти. Труды, таланты, успехи, богатство, чести, добродетели другого – предмет муки для завистливого. Действительное ли, или только воображаемое, настоящее ли, или еще будущее возвышение ближнего, но оно тяготит, терзает душу завистливую. Скорбят при взгляде на высших, не видя себя равными им; томятся при виде равных себе, желая преимуществ пред ними; грустят при взоре на низших, опасаясь, чтобы они не сравнялись с ними, или даже не превзошли их.

Вскую испаде лице твое? говорит Бог Каину. И как не предложить этого вопроса завистливому? Невоздержный, сладострастный, мстительный – увлекаются приманкой удовольствия. Скупой, убийца, вор прельщены корыстью. Каждая другая страсть обещает какую-нибудь приятность, хотя и ненадежную, хотя и преступную; зависть только мука для души. *Моль костем сердце завидливое*, говорит премудрый (Притч.14:30). Часто сравнивают зависть с адом. И точно, для

человека завистливого она есть предварительный ад. Она на земле для людей завистливых есть то чувство, которое терзает демонов в пламени. Видеть и завидовать – вот их мука. Зависть не позволяет наслаждаться тем, что имеет, потому что терзается желанием того, чего не достает. Горесть и досада терзают, как коршун добычу, душу завистливую. Пожалей себя, брать мой; зависть – лютей враг твой; лишая тебя покоя, она делает тебя неспособным устроить твоё счастье, дела твои, чувства твои встревожены, мысли помрачены; ты не в состоянии ни обдумать дел твоих, ни выполнить их, как следует. К чему так жесток ты к себе самому? Превращать в бедствие для себя счастье чужое – это варварство безумное!

Вскую испаде лице твое? Честолюбие, гордость, самолюбие – вот главные причины зависти! Честолюбец, домогаясь возвышения, считает врагом каждого, кто отличен вниманием других; он скорбит, видя успех другого. Гордый считает одного себя способным ко всему; каждый должен стоять ниже его, так по его суду о себе! Странно ли, что ненавидит он того, кого возвышают другие? Самолюбивый любит только себя, занят только собою; для ближнего он не желает ничего и, если ближний получил то, чего он желал, – это удар для самолюбия. Как это низко!

Вскую испаде лице твое?

Я не имею того, что имеет другой. Другой богат и в почестях, у меня нет ни того, ни другого; мои труды не награждены, труды другого отличены вниманием, – говорит в душе своей завистливый. Остановись, несчастный! Понимаешь ли, чувствуешь ли ты, против кого восстаешь ты! Ты восстаешь против Господа Бога. Богатство, почести, красота, добрая слава, добродетели, таланты – не дары ли Божия? Не Он ли разделяет их по своей воле? Не Он ли наделяет одного тем, другого другим? Он печется о благе, о спасении ближнего твоего; а ты хочешь разрушить счастье и спасение ближнего. Не враг ли ты Божий? Не возмутитель ли ты против дела Божьего? Ужаснись положения, в какое ставишь себя. Тяжело видеть, что не всех одевают поровну? Выслушай ответ евангелия на твой ропот. Работавшие в винограднике завидовали плате, какую

получил один из них. Что сказал им хозяин виноградника? отвечает Господь, что за обида вам из того, что даю я вашему брату? Вы получили свое, получили, что следует за труд; будьте же спокойны. Или вы имеете право распоряжаться моею волею, моею собственностью? *Или несть ми леть сотворити, еже хочу в своих ми?* Если твое оно лукаво, не хочет доброго другому, я хочу быть благим (Мф.20:13–15). Дары земные, дары духовные разделяются не поровну. Но дивись благой мудрости раздаятеля. Прекрасен организм оттого, что самая малая часть его выполняет свое назначение. Ах! если бы ты чаще думал о себе самом, ты нашел бы для себя другой предмет скорби. Выполняешь ли ты твое назначение, умножаешь ли ты данный тебе талант, трудишься ли ты по мере сил и способов в винограднике Божиим? Что, если ты слуга самый худой, – что ни прикажут тебе, делаешь не так, а еще не доволен распоряжениями Господа? Что, если ты не умеешь распорядиться и малостью, данною тебе, а терзаешься тем, что другому дано назначение великое? Не безумие ли – твоя зависть? Не безумие ли – твой тайный ропот на Господа?

Вскую испаде лице твое? Заповедь Божия говорит, *не укради*. А завистливый глаз алчет похитить чужой покой, чужую честь, чужое имущество. Скажи, пожалуй, на чем ты основываешь права на собственность ближнего? Чем виноват пред тобою тот, к кому пылаешь ты злобою? У него больше отличий, больше преимуществ, чем у тебя? Но он не отнимает у тебя твоих. Он богаче, он счастливее тебя в торговле? Но он не лишает тебя твоей собственности. Твои труды не успешны? Если и так, это – твое дело, а не дело брата. Он наделен прекрасными талантами? Но не берет у тебя твоих. Он не стоит того места, которое занимает? Положим, что и правда, пожалуй о нем, что возложили на него тяжесть, которой не снести ему; а зачем горечь в сердце твоём против брата? Но, правда ли, что не по нем место? Припомни расположение к этому брату, какое имел ты, прежде чем зависть вкралась в сердце твое. Ты уважал его, ты любил его, находил в нем прекрасные качества; а теперь? Не перечтешь, сколько находишь ты в нем пороков. Его любовь к благу общему – стала честолюбием; осторожность

– притворством, благочестие – лицемерием, бережливость – скупостью. Отчего это? Он весь тот же, он ни в чем не переменялся. Отчего же перемена в твоих отзывах, в твоём взгляде на него? Зависть надела на глаза твои зеленые очки, и твой брат кажется тебе не в прежнем виде. Кто же виноват? Одна зависть, которой нечем и извинить своего заблуждения.

Спаситель говорит, *аще любите любящия вы, кая вам благодать есть?* А зависть не только не имеет любви ко врагу, не имеет любви и к любящим. Она готова терзать и терзает, если может, того, кто осыпал ее благодеяниями. Она разрывает самые крепкие узы, – узы родства, вооружает братьев против братьев, родственников против родственников. Какая низость души! Какое помрачение смысла! Ты, который называешься христианином и завидуешь ближнему, понимаешь ли что ты ниже язычника? Если бы ты пролил кровь врага твоего, Господь не оставил бы её без отмщения, свойственного убийце. А ты высасываешь каплю за каплею кровь не сделавшего тебе никакого вреда? Чего ты ждешь себе?

Идеже зависть и рвение, ту нестроение всяка зла вещь, говорит апостол Иаков (Иак.3:16). Сколько бед, сколько слез, сколько разрушения вносит в мир зависть! Это – страшная язва для счастья семейств, для счастья обществ. Из неё возникают эти ядовитые растения, заражающие мир, жалобы, вражды, клеветы, вероломства, которые, перерождаясь в ненависть, опустошают честь, покой, жизнь людей. До чего довела она сыновей Иакова? Невинный, юный брат Иосиф брошен в добычу зверям, отец растерзан скорбью! Там, где следовало бы быть союзу искренних, простых сердец, увидите людей, которые почти тем только и заняты, что наблюдают друг за другом, отыскивают недостатки друг в друге, следят за каждым шагом, за каждым словом другого и, лишь заметят одно пятно на платье другого, разводят пятно желчью, разбавляют клеветой, и обливают другого грязью.

Чем врачевать эту страшную болезнь? Первое средство – смотреть на все земные блага, как велит смотреть св. евангелие, как велят смотреть самые блага. Что значит земное богатство? Гниль и прах. Что слава земная? Звук в воздухе. Что

красота земная? Цвет полевой. К чему же столько скорбей о земном? Умрем, и все земное останется на земле; ничего не возьмем с собою во гроб; только дела наши пойдут с нами. Не цените же мишурного блеска выше того, чего стоит он, и он не станет тревожить покоя вашего. Где наши блага? На небе. Где наша честь? У престола Судии вселенной. Забудьте же землю и помните небо!

Бог раздает дары по планам Своей премудрости. Твое дело смотреть за тем, что тебе дано. Не озирайся же на чужое, не мешайся в чужое дело. Много надобно тебе труда, много надобно сил, чтобы быть достойным даров, не заслуженных тобой.

Покой, счастье внутреннее может доставить тебе любовь. Старайся приобрести ее. Любы не завидит. Любовь соединяет все, что разделяет зависть. Просите любви у Господа любви. Уничтожайте искушения зависти мыслями любви. Брат утешен счастьем. Благодарите за него Господа и желайте ему большего счастья. Вам хочется говорить о его недостатках? Смотрите на хорошие качества его и на свои грехи. Вам представляется случай нанести ему вред? Воспользуйтесь случаем принести ему пользу. Если имели несчастье уступить движениям страсти, не прощайте себе того, просите прощения у Господа и спешите загладить вину пред ближним делами любви. По той мере, как укрепляться будет любовь в вашем сердце, зависть будет слабеть и исчезать.

Бог мира и любви да соблюдает сердца наши. Аминь.
1843 год.

Беседа в 3-ю неделю поста

Иже аще хочет душу свою спасти,
погубит ю, а иже погубит душу свою Мене
ради и евангелия, той спасет ю (Мк.8:35).

Странное, по-видимому, учение предлагает нам Господь Иисус в ныне чтенном евангелии. Кто хочет, говорит Он, спасти душу свою, тот погубит ее и кто погубит ее Мене ради, тот спасет ее. Отчего это так? Почему нельзя, не погубляя души, спасти ее и, спасая ее, не погубить? И как это так? Спасая душу погубляешь ее, а погубляя спасаешь? Не наоборот ли? Кажется, что тот, кто решился спасти душу, кто решился употребить все способности к её сохранению и преодолеть все препятствия, какие только могут встречаться ему, тот рано или поздно достигнет цели, – сохранит душу.

Чтобы не быть в недоумениях, которые иногда могут оканчиваться ложными убеждениями, вредными для душевного спасения, рассмотрим внимательно, что значат слова Спасителя, произнесенные для нас ныне при кресте Его, *Иже бо аще хочет душу свою спасти погубит ю, а иже погубит душу свою Мене ради, той спасет ю.*

О какой душе говорит здесь Спаситель? Не имеет ли Он в виду только временную жизнь, требуя её пожертвования для Его имени пред гонителями имени Его? Такой смысл прост и слова Спасителя в таком случае мало касались бы нас, которые живем не во времена открытых гонений за веру. Но подлинно, одно ли пожертвование жизнью понимает Спаситель? Если бы было так, тогда надлежало ожидать, что все возлюбленные Христовы умирали бы не иначе, как смертью мученическою; а вместе с тем награда за подвиг мученический была бы не очень значительна, возвращение жизни физической за пределами гроба. Сколько первое несогласно, между прочим, с повелением Спасителя – удаляться из того места, где не принимают верного ученика Христова, столько второе несовместно с благостью небесного Отца.

О какой же душе говорит Спаситель? Всмотримся ближе в слова Его. *Иже бо аще хочет*, слова показывают, что слова сии имеют связь с предыдущим. Что же сказано прежде того? *И призвав народы со ученики своими, рече им, иже хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет. Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю.* Итак, Спаситель сперва предлагает заповедь о самоотвержении, о несении креста своего, и последовании за Ним; и потом представляет побуждение к тому – то, что кто хочет душу свою спасти, тот погубит ее. Скажешь ли теперь, что заповедь о самоотвержении и несении креста надобно соблюдать потому, что иначе, сберегая жизнь телесную, можно погубить ее? Но не ясно ли, что побуждение, принимаемое в таком смысле, касается силою своею только случаев, когда надобно жертвовать жизнью, что же побуждать нас будет к самоотвержению, к несению креста, к последованию за Иисусом во всякое другое время, т.е. во всю жизнь земную, исключая опасностей смерти? Притом, в таком случае побуждение слишком слабо было бы в сравнении и с одною заповедью о самоотвержении. Что значит сохранение жизни телесной, хотя бы и самой долгой, в сравнении с подвигом самоотречения? Что значит тоже приобретение в сравнении с таким подвигом, каков подвиг терпеть во всю жизнь, терпеть скорби, страдания, лишения разного рода? Напротив, и сила побуждения, и естественность смысла слов вполне открываются для нас, когда скажем, что слова, *иже хочет душу свою спасти, погубит ю*, – означают то, что кто хочет беречь себя для себя, тот наверно погубит себя. Тройственная заповедь о самоотречении, о несении креста, о последовании за Иисусом, по содержанию своему, есть одна заповедь о полном самоотречении. Надобно выполнять эту заповедь, надобно вполне отречься себя – почему? Естественный смысл Спасителя ответа тот, иначе поступая погибнешь, а – поступая по заповеди, спасешься; или, кто захочет беречь себя, погубит себя, а кто погубит себя для Господа, спасет себя. Итак, не отрекаться от себя и беречь душу свою одно и тоже. Спаситель каждый раз, говоря о спасении или погублении души,

прибавляет к слову о душе, слово, – *свою*. Кто хочет душу *свою* спасти; иже погубить душу свою. Что же это значит? То, что в человеке, каков он ныне, две жизни, одною жизнью живет он для себя, для своих желаний, для своих страстей, для своих влечений; а другая жизнь та, которую он живет и дышит для Господа. Живя одною первою жизнью, он до такой степени может прилепляться к своему телу, что из всего состава его выйдет только *плоть*, как и называется такой человек в писании (1Кор.15:50); или – до того может обольщаться гордостью, самомнением, что приблизится к положению духа отверженного, *разгордевся в суд впадет диавол*. Другая жизнь – совсем другого рода; она живет не для плоти, она только смиряет себя, воздыхает о грехах, плачет о немощах, молит о помощи и – вся в Господе. Нет ничего в мире, нет ничего в желаниях и расположениях сердца, чего бы не готова была она принести Господу своему, так как Господь Сам все сделал для нее, отрекся от славы Сына Божия и в образе раба предал Себя на крестную смерть. В одном и том же человеке эти два рода жизни остаются до гроба, но в ином преобладает жизнь для Господа, и только по временам обнаруживается жизнь для себя; в другом преобладает жизнь для себя, и едва заметна жизнь для Господа. *Есть ин закон во удех моих, противовоюющ закону ума моего, и пленяющ мя законом греховным* (Рим.7:23), исповедует о себе небожественный Павел.

Теперь понятно, почему спасая душу свою, мы можем погубить ее, а погубляя спасать? Пусть жизнь для себя будет жизнью для плоти, что выйдет из того? Смерть души, вечная гибель. Не льститися, Бог поругаем не бывает; *еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет, яко сеяй в плоть свою, от плоти пожнет тление* (Гал.4:7–8). Беспечность может жить для плоти в совершенной забывчивости о последствиях такой жизни; наглое нечестие может даже говорить: *где обетование пришествия Его?* (2Пет.3:4). То и другое как бы в сонной дремоте говорит, все пройдет, и мы проживем спокойно. Но – пусть беспечность и нечестие не обольщают себя пустыми мечтами. Законы вечного непреложны и правда Его назначила каждому должное. Кто сеял семена дел на почве плоти, получит

и жатву плоти – тление, погибель. Врагам креста Христова кончина – погибель (Флп.3:19). Пусть жизнь для себя будет жизнью ослепленной гордости, тщеславия, любочестия, какой конец будет такой жизни? Другому быть нельзя, кроме того, какой постиг дух гордыни. Бог гордым противится. *Мерзость пред Господом всяк горделивый*. Гордость живет вне Бога; чему же быть вне Бога, кроме ада и геенны? Тайная гордость защищает иных от низких поступков, заставляет решаться даже на дела великодушия, бескорыстия видимого, честности. Но верен Тот, кто сказал, *аще не избудет правда ваша паче книжник и фарисей, не внидете в царствие небесное* (Мф.5:20).

Вся ваша суть, вы же Христовы, Христос же Божий (1Кор.3:23), учит св. апостол. Вот связь всего существующего! Все для нас готово, и средства к жизни земной, и средства в жизни вечной. Кто измерит беспредельную любовь Божию к нам грешным? Вся ваша суть, но с тем, чтобы вы были Христовы, тогда как Христос есть Божий, от Бога посланный Спаситель, спасающий всех грешников. Если Христовы мы, если все наше приносится в жертву Христу Господу, то Его жизнь становится нашею жизнью, Он вселяется в сердца наша; а со Христом – в чем мы можем нуждаться? Самопожертвование, которого требует от нас Господь, есть прежде всего умерщвление греха в себе и всех греховных похотей; а грех и смерть нераздельны, так же как правда и жизнь. *Отселе, елико внешний наш человек тлеет, толико внутренний обновляется по вся дни* (2Кор.4:16). Отсекая волю свою, мы даем место в душе воле Господа; умирая для самих себя, живем для Господа; погубляя жизнь самолюбия, жизнь ничтожную, низкую, ты приобретаешь вечную жизнь благодатью животворящего Духа Утешителя; не без болезней сей подвиг, но сила Христова совершается в немощах, *Дух спослушествует духови нашему, яко есмы чада Божия*. За подвиги крестного, но временного, самопожертвования готовятся вечная радость и мир на небе. *Побеждающему дам сести со Мною на престоле, глаголет верный и истинный*.

Темже убо, братие, должны есмы не плоти еже по плоти жити. Аще бо по плоти живете, имате умрети, аще ли духом деяния плотская умерщвляет, живи будете (Рим.7:12–13).

Братия! не будем беречь души земной, плотской, жаждущей наслаждений чувственных. Иначе, жестоко обмануты мы будем, она, питаемая и раздражаемая нами, доведет нас до гибели. Обуздаем ее постом, охладим её похоти строгим воздержанием. Будем бдительны, она лукава, прикрывает свои требования то немощью нашею, то мыслью о неважности телесного воздержания; не верьте ей, а верьте неложному слову, – *царство Божие несть брашно и питие, но правда, и мир и радость о Дусе святе (Рим.14:17–18)*. Будем твердо помнить об участии богача, веселившегося здесь светло и там напрасно просившего одной капли воды для охлаждения языка своего (Лк.16:24–25).

Душа земная алчет богатств; ей мало необходимого для жизни, она требует серебра, золота, со дня на день больше и больше, и делает тысячи несправедливостей, оскорблений, беззаконий, обид. О, как губительна для нас эта ненасытная алчба! Братия! спешите обуздывать в себе эту жажду, чтобы не обратилась она в геенну. Спешите погашать ее делами милосердия, мыслями о грозной участи ненасытных богачей мира. Повторяйте, чаще повторяйте себе слова апостола Христова, *приидите ныне богатии, плачитесь и рыдайте о лютых скорбех ваших, грядущих на вы. Богатство ваше изгни, и ризы ваша молие поядоша. Злато ваше и сребро изоржаве, и ржа их во свидетельство на вас будет, и снесть плоти ваша аки огонь, егоже снискасте в последние дни (Иак.5:1–3)*,

Возлюбленный брат! Если придет тебе помысл гордости мирской или духовной; если душа твоя начнет мечтать о себе, утешаться тою или другою собственностью, превозноситься пред тем или другим братом; если начнет она скучать, что не достает тебе той или другой почести, что унижен ты между другими, поспеши вспомнить, что это – шептание змия, ищущего твоей гибели. *Будете яко бози*, говорил он невинным прародителям, и чем стали они? А с твоею душою, и без того

израненною грехом, а с твоею душою, которой бедность столько оплакивать тебе надобно, что будет от дыхания дракона древнего? О! не щади в себе самолюбия! обличай его, унижай, посрамляй, поражай мыслью о бесчисленных грехах твоих, дабы иначе оно не низвело тебя во огонь вечный, назначенный духам отверженным.

Если слишком больно нам перенести неприятное слово брата, насмешку острую, укоризну меткую, будем уверены, братия, что и это внушение того же погибельного духа гордыни. Кто же может оскорбить меня, как оскорбил, изранил я себя грехами? От главы до ног все в язвах; время ли думать о том, что говорит о мне брат мой? Время ли гневу на других, когда столько нужно негодования против себя самого? И что мне может сделать слово брата, если несправедливо оно? А если справедливо, не должен ли я быть благодарным за обличение в несправедливости моей, которой, быть может, не видал в себе по гордости?

Ничего не доставит нам слава мира, которой так домогается самолюбие наше, ничего не доставит, кроме раскаяния в потере славы пред Господом. Зачем так слепы «мы в своей суетности? К чему это домогательство блистать тем, чего не дают нам ни силы, ни средства наши? Зачем безжалостны мы к собственной душе нашей, тревожа ее такими ничтожными желаниями? И однако ж мы думаем беречь ее тогда, как губим!

Братия! Живя для себя, мы только губим себя, с какой стороны ни посмотрим на такую жизнь. Итак, не заставляет ли нас самая нужда посвящать, как можно более дел, как можно, более дней, как можно, более собственности нашей, для Господа нашего? Больно нам расставаться с страстями сердца нашего, а что значат скорби времени, в сравнении с радостью вечною, или же с муками бесконечными? О! скорее, скорее к Господу нашему. *Возжада душа моя к Богу крепкому, живому. Когда прииду и явлюся лицу Божию? Вскую прискорбна еси душе моя, и Вскую смущавши мя? Уповай на Бога, яко исповеся Ему, спасение лица моего и Бог мой.* Братия! не легко бороться нам с грехами нашими. Но – несколько мужества, несколько терпения! Еще мало, еще мало и подвиг

окончится, и венцы славы даны будут нам. Не сладко ли, не отрадно ли жертвовать Господу всем, когда все готов Он дать нам, что только можем принять? Ему, Ему единому приносить будем наши труды, наши воздыхания, наши болезни и лишение. О Нем будем радоваться и скорбеть, Его именем освящать наши вечер и утро, полуночь и полдень. Ему отдавать будем, кто что может. У Него ничто наше не пропадет, даже чаша студеной воды, даже лепта убогой вдовы. Он все наше возвратить нам. Для нас же Он требует от нас нашего. Для нас же Он требует от нас – нас, чтобы дать нам Себя Самого. О, как беспредельна Его милость к нам! Не принадлежим ли мы Ему и по зависимости бытия нашего от Него? Но Он хочет, Он убеждает, чтобы мы и по воле своей принадлежали Ему, – и для чего же? Только для того, чтобы обогатить нас благодеяниями и времени, и вечности; только для того, чтобы за кратковременной подвиг самопожертвования наделить нас щедротами, непостижимо великими и нескончаемыми.

Распеншийся за нас, Господи Иисусе! благодатною силою креста Твоего укрепи наши *руце ослабленные и колена расслабленная* (Ис.35:3). *Влецы нас вслед Тебе и потечем* (Песн.1:3), чтобы здесь и там славить имя Твое со Отцом и святым Духом. Аминь.

1847 год.

Беседа II. На псалом 50 в неделю 3-ю неделю

В прошедшей беседе покаяние Давида остановилось на исповедании глубокой скорби о грехе, которою он преклоняет Бога на сострадание к себе. Затем Давид выставляет другую вину моления своего.

Се бо в беззакониях зачат есмь и во гресех роди мя мати моя. Се бо истину возлюбил еси, безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси (Пс.50:7).

Как понять Давида? Обвиняет ли он мать, что она родила, будучи грешницею? Или говорить о себе, что еще тогда, когда выходил он на свет, он уже был грешником?

Если бы и допустили мы первое объяснение, мы не должны бы были забыть того, что Давид рожден от законного брака, и потому он не мог обвинять мать в незаконном рождении сына. Таким образом и при этом объяснении мысль была бы та, что Давид говорит о наследственной порче природы нашей. При этом объяснении он говорил бы тоже, что говорил Иов, «кто может выйти чистым от нечистого? Никто» (Иов.14:4). Тем не менее страшно было бы соединять со словами *в беззакониях зачат есмь*, ту мысль, что рожден я матерью оскверненною грехом, когда Давид не говорит здесь о матери; странно было бы обвинять одну мать в нечистоте и не обвинять отца. Итак, остается так понять Давида, уже при зачатии моем, уже при рождении моем я был осквернен грехом; с беззакониями я зачат и с грехами родила меня мать моя. Давид говорит здесь тоже, что говорил Моисей, *прилежит помышление человеку на злая от юности его, сердце человека зло с юности его (Быт.8:21)*. Прежде, чем человек начинает различать добро от зла, прежде чем при свете сознания начинает действовать воля его, грех уже живет в нем, склонность к злу обнаруживается недовольством собой и другими, расстройство открывается в душе и в теле его. Что выражает вопль его при появлении его в свет? Страдание природы, страдание от внутреннего, прирожденного расстройства, от нечистоты и виновности. Итак, Давид, умоляя Бога о помиловании; выставляет, после

бедности дел воли его, бедность самой природы человеческой. Если бы и остался я таким, говорит он, каким рожден я, и тогда что осталось бы мне, как не просить о милости и благодати Твоей? Что мы все пред Тобою, Господи? я, как и каждый, зачат со грехом и рожден в нечистоте.

Се бо истину возлюбил еси, безвестная и тайная премудрости Твоя явил мя еси.

Истина, которую любит в себе и в разумных созданиях своих Бог, не есть одна холодная теоретическая истина; это истина, оживляющая дух, проникающая в сердце и обнаруживающаяся благими плодами; это истина противоположная, и лжи, и мечте, и суетности. *Бойтесь Господа, работайте Ему во истине и всем сердцем вашим* (1Цар.12:24), заповедуется и людям. Не может сказать человек, что так как от природы он испорчен, ответственность во лжи жизни его не лежит на нем. Нет, злое начало не сильнее благого в мире. Бог не престаёт изливать свет свой на мир и людей. Он любит истину и открывает познания об истине людям. И язычник не откажется от того, что он знает истину и добро. Смеет ли Давид сказать, что он оставлен во мраке безысходном? Нет! Бог открыл ему тайны премудрости Своей, какие неизвестны были другим. Он открыл ему самые спасительные для человека тайны о грядущем Спасителе мира, о Его страданиях искупительных за мир, о Его благодати, простирающейся на народы, и открыл в таком свете, что, например, Псалом 21 есть как бы евангельская история страданий Христовых. Так Давид, сознавая немощь природы своей, сознает и величие милости Божией к нему, чтобы славить Ее и, прославляя дивную благодать Божию, помнит о своей бедности, чтобы молить о милости. Слава любви Твоей, Отец небесный, что озаряешь меня бедного своим светом! Но тогда, как Тебе хвала, мне один стыд. Ум мой богат познаниями, а душа бедна добром; знаю я много, а что делаю? Воля моя ленива на добрые дела; она то лукава и уклончива от труда доброго, то готова на труды, но по побуждениям нечистым, для денег, для чести, для говора толпы. О! Боже мой! если не помилуешь, если не подашь

помощи, погиб я. Убожество мое – мольба за меня пред Тобою, благодать Твоя – единственное у меня право на Твои милости.

Окропиши мя иссопом и очищуся, омывши мя и паче снега убелюся. Слуху моему даси радость и веселие, возрадуются кости смиренные. Отврати лице Твое от грех моих, и вся беззакония моя очисти (Пс.50:9–11).

Что Давид выражает словами: *окропиши мя, даси радость*, – сердечные желания свои, это показывают слова его: *отврати лице Твое от греха моих*.

После того, как показал он основания мольбы своей, он еще сильнее начинает молиться о прощении грехов и показывает разные нужды свои, как последствия греха.

«Соверши же надо мною очищение иссопом, и я буду чист, омой меня, и я буду белее снега».

По закону Моисееву коснувшийся мертвеца считался нечистым и должен был, для очищения, окроплен быть кедром и иссопом, омоченными в воде, смешенной с пеплом (Чис.19:18). Подобно сему прокаженный очищался кроплением иссопа и кедра, омоченных в крови (Лев.14:51). Иссоп был символом снисходительной любви Божией, кедр – символ величия Божия. Давид сознает себя нечистым и прокаженным и глубоко чувствует нужду в духовном окроплении. Он живо представляет себе грозный суд Божий над нечистотой греховною: *человек, иже аще осквернится и не очистит себе, потребится душа та от среды живых (Чис.19:20)*. Так молитва Давида об окроплении и омовении включает духовную мысль об осенении души всемогущою любовью Божией, пред которою отступают человеческие нечистоты.

Далее Давид молится, «дай мне услышать радость и веселие и воспрянут кости, которые так сокрушены Тобою».

Позволяем себе спросить, отчего Давид доселе не имеет радости? Пророк Божий Нафан сказал ему, что он прощен. Как бы не радоваться тому? Или он не верит пророку? Этого быть не может. Скажете, совесть не давала покоя? Но отчего же совесть не имела мира, когда уже ей сказано, что грех прощен? Видите, благодать Божия не вдруг дает все. Сперва она извещает душу о прощении, но еще не дает прочного мира;

потом дает мир, но еще не дает веселия сердцу; а наконец дает и радость душе. И все это она соразмеряет с степенями подвигов души, или точнее с тем, как время от времени искренним подвижничеством покаяния расширяется приемлемость души. Пока в огне скорбей душевных не перегорят привязанности нечистые, бесполезно, а иногда и вредно, было бы для души кающейся награждать ее миром небесным. Потому-то св. апостол, возбудив в коринфянах, и страх, и смятение, и скорбь о грехе, явившемся между ними, радовался такому состоянию их. *Ныне радуюся, не яко скорбны бысте, но яко оскорбистесь в покаяние. Печаль бо, яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделывает, а сего мира печаль – смерть соделовает* (2Кор.7:9–10). Итак, Давид просит себе пока только прекращения страданий духа и возвращения покоя.

А как велики были страдания кающегося Давида! *Возрадуются кости смиренные*, кости, которые так сокрушены Тобою, говорит Давид. Страдания кающейся души его были так велики, что самый состав телесный был весь расслаблен, самые кости его были как раздробленные; так мысли о гневе Божиим, так чувства виновности своей пред Богом поражали и томили душу и тело Давида! Это тоже самое состояние, что выражает Давид, когда говорит, *несть исцеления в плоти моей от лица гнева Твоего, несть мира в костях моих от лица грех моих* (Пс.37:4). Таково было положение кающегося Давида! Так совершалось покаяние его!

Спрашивать ли, таково ли покаяние нынешних грешников? Или ныне мало грешников? О! грешников ныне довольно! Нельзя сказать, чтобы каждый не говорил, я грешен. Но не говорят ли того одним языком? или если говорят и мыслью, но говорят ли сердцем? если же говорят и сердцем, говорят ли составом своим, как говорит Давид? О как многого не достает в нас, чтобы каяться, как каялся Давид!

Отврати лице Твое от грех моих, и вся беззакония моя очисти. Давид молит, чтобы Бог не только предал забвению, оставил без наказания грехи его, но, чтобы изгладил их, как бы написанные на пергаменте или на доске, так чтобы никто не мог

их более видеть. Исполнилась ли эта молитва Давида? Исполнилась со всею точностью. Тот же пророк Нафан, который объявлял грозное обличение Давиду еще не кающемуся, послан был к Давиду раскаявшемуся возвестить о рождении сына законной любви. И какой милости удостоен был этот сын Давида! Пройдите за тем мыслью все, что говорит св. писание о Давиде после его покаяния, найдете ли хотя намек на падение его? Нет. Напротив, о Давиде говорится там только, как о муже праведном, о муже любезном Богу, избраннике достойном высокой чести Его. В книгах царских, в книгах Паралипоменон, в книгах пророков Давид – ангел Божий, муж по сердцу Божию, отец народа, образец царей. Разительный пример тому, как не поминаются у Бога неправды наши, после искреннего раскаяния в них.

Слава Тебе всеблагодарному и милостивому! Аминь.

1849 год.

Беседа III. На псалом 50, в 4-ю неделю поста

Мы видели, что кающийся Давид просил у Господа очищения нечистот своих, возвращения спокойствия сердцу, полного забвения вины его. Но чем долее молится кающийся Давид, тем более возвышается душа его, тем более высшего касается она в молитве. Теперь он молится,

Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоею и Духа Твоего святого не отыми от Мене. Воздаждь ми радость спасения Твоею и духом владычним утверди мя (Пс.50:12–14).

Давид не молит, чтобы слабое сердце его подкреплено было кое-какою помощью. Нет, он знает, он чувствует, он исповедал, что грех глубоко проник в природу нашу. Потому видит и чувствует, что для исцеления больной души нужна великая помощь Божия, необходимо такое действие Божие, которым бы перерождена была душа наша, воссоздана в ней чистота небесная. Доколе сердце ветхо, дотоле все усилия исправить жизнь останутся напрасными, дотоле они могут производить в душе нашей только некоторые исправления, да и те далеко неполные. Давид молит о том же, о чем говорит сам Господь у пророка, *и дам им сердце ново и дух нов дам им (Иез.11:18)*. И, однако, Давид не молит о создании сердца, а о создании чистоты сердечной. Это означает, что не простирает он душевной порчи нашей до уничтожения сил душевных, или что тоже до уничтожения всего доброго в душе нашей, всякой способности к добру. Нет, молящийся Давид ни в себе, ни в других не питает ни гордой самонадеянности, ни лукавой лени.

Духа прав обнови – дух верный, постоянный, твердый среди всех искушений, противоположный тому духу, о котором говорил сам Давид, *сердце их не бе право с Ним*, и они не были верны в завете Его (Пс.77:37).

Словами, *не отвержи мене от лица Твоего*, Давид напоминает себе о печальной участи Саула и сознает, что и он сам достоин был той же участи; он сознает и исповедует, что

грехами своими заслужил он, чтобы, Бог по правде своей, отверг его от себя, как отверг он Саула. Содрогаясь пред этою участью, он молит Господа, не лишай меня близости к Тебе, которую пользовался я так долго, не отвергай меня от лица Твоего, во свете коего зрел я свет истины и наслаждался таким счастьем; я не достоин того, но по милости Твоей не лишай меня милости.

И духа Твоего святого не отыми от Мене. Нет сомнения, что говоря это, Давид имеет в виду также участь (Саула, о котором сказано, *и отступи Дух Божий от Саула* (1Цар.16:14). Как снишел Дух Божий на Давида, об этом говорит книга царская. *И прия Самуил рог с елеем и помаза его среди братии его и ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне и потом* (1Цар.16:13). Как потеря благодати Духа Святаго Саулом не ограничивалась одною потерею царской власти, а сказано, *и отступи Дух божий от Саула и нападе на него дух лукав,* так и Давид, когда молится, чтобы не лишен он был Духа Святаго, имеет в виду не одну потерю царского достоинства. Царским достоинством кающийся Давид не мог дорожить, напротив, в глубокой скорби своей о грехах, он готов был отказаться от всего земного величия, и отказывается. Нет, он опасается более важной, более близкой к душе его потери; он опасается потери благодатных даров разумения воли Божией и творения закона Божия, боится быть оставленным Божией силою и остаться с одним злом. Давид падением своим оскорбил Духа Святаго (Еф.4:30) и в следствие того лишился некоторой части даров Духа Божия, почему молился о возобновлении в нем духа верности и твердости. Состояние его могло наконец дойти и до совершенной потери духа благодати, если бы он остался нераскаянным. Но в таком случае не возвратился бы к нему и Дух благодати, по слову апостола, *невозможно вкусивших дара небесного и отпадших паки обновляти в покаяние* (Евр.6:4–6). Да избавит Бог каждого сего страшного состояния! Молитва Давида о не лишении Духа Святаго находится в соответствии с молитвою о не отвержении его от лица Божия. Как там он молится о том, чтобы возвращена ему была прежняя близость его к Богу, прежняя любовь Божия к

нему; так здесь молит о том, чтобы не только новою изменою не потерять ему Духа Святаго, но и возвратить ему все прежнее изобилие любви к нему Духа благодати.

Воздаждь ми радость спасения Твоего. Вот и здесь молитва о радости. Но это не та радость, о которой молился он прежде, когда говорил, *возрадуются кости смиренные*. Там было веселие о прощении грехов, так было возвращение мира совести, покоя душе, взволнованной и истерзанной сознанием виновности пред Отцом небесным. Здесь же молитва о радости более высокой, более важной. Здесь молитва о радости спасения Божия, т.е. о радости полного исцеления души, возможного только для Бога, того исцеления, которое совершает Дух Святой. Казалось, за тем, как просил и, конечно, испросил себе Давид возвращения Духа благодати, сама собою, без молитвы Давидовой, должна последовать радость о восстановлении душевного благоустройства. Но видите, о всем надобно молиться, всего надобно испрашивать у Господа, чтобы молитвою очищать душу в сосуд чистый для благодати, чтобы без молитвы возникшая на место молитвы нечистота сердечная не воспрепятствовала благодати продолжать дело её.

И духом владычным утверди мя. Благодатный плод исцеления души есть радость духа и могущество духовное, когда только появление плода сего вызывается духом молитвенным. Утверди меня, молится Давид, духом царственным, могущественным, который бы управлял всеми мыслями, всеми чувствами, всеми желаниями моими, направляя их к Твоей воле. Давид просит себе того духа любви, который, по слову апостола, могуществен и силен наперекор всем бурям жизни земной, который не ищет своего, не раздражается, радуется истине, все прикрывает, всему верит, всего надеется, все переносит (1Кор.13:4–7), который и в радости и в горе верен себе, и в радости не увлекается рассеянием и мечтами о себе, и в горе не дает места в душе безнадежной скорби, – а поет хвалы Богу, все строящему для спасения нашего.

Так Давид в пламенной молитве своей прошел все степени, на которых предложены людям дары милосердия Божия, и взошел на самый высший, коснулся самого престола благодати, где полная любовь Божия дается избранникам Господним. О как благ Господь к ищущим Его сердцем искренним!

Грешники! молитесь молитвою кающегося Давида. Молитва его все доставить вам. Аминь.

1849 год.

Слово в 4-ю неделю Великого поста

Приближается, душе, конец, приближается,
и нерадиши, ни готовишия (Тропарь великого канона).

Ныне ли еще будут считать проповедь о смерти неблагоприятною? Ныне ли еще будут уклоняться от этой вести? Ныне ли еще будут считать слишком тяжкою, слишком мрачною мысль о кончине, никого не минующей? Если и ныне, в дни покаяния и плача, хотят только легких мыслей, легких занятий, как опасно, как страшно такое состояние! О! перестанут ли люди, хоть на время, быть легкомысленными? *Приближается, душе, конец, приближается, и не радиши, ни готовишия.* Вот песнь, которую велит нам повторять в сии дни св. Андрей.

Приговор о смерти есть приговор суда Божия над падшим человеком. Но, о Боже, непостижимый в благодати Своей! Самый приговор правосудия Твоего есть милость Твоя к нам; самый глагол осуждения Твоего над нами есть вместе голос, спасающий грешника.

Посвятим, братия, несколько минут на размышление о нужде памятования смерти.

Когда не было греха в мире, не было и смерти; не было, казалось, и нужды думать о смерти. Однако ж Сам Бог заповедал невинному первенцу помышлять о смерти; Сам Бог еще тогда, как ввел человека в рай сладости, сказал, «плодов древа познания добра и зла не ешь; ибо в день, в который ты вкусишь их, смертью умрешь». Что бы это значило? Почему и самому невинному, бессмертному, надобно было не забывать о смерти? Почему и тот, кто еще не имел в душе своей ни одного помысла греховного, должен был иметь в виду грозу тления? Конечно потому, что человек, как тварь, всегда может иметь нужду в страхе, конечно, потому, что угроза смертью может иметь действие доброе там, где не успевает любовь, или обещание жизни. Прекрасное дело, если бы человек мог слушаться Господа своего по побуждению любви, если бы всегда свободно и легко мог он идти путем заповедей к Богу

своему, но свобода включает в себе возможность колебания и падения; свобода имеет потому нужду в подкреплении сильным, которое могло бы остановить колеблемость и удержать от склонения к злу, а таков страх смерти. Пока он стоял стражем при мыслях первого человека, человек оставался в невинности, в раю сладостей. Когда же дух злобы склонил его удалить от себя мысль о смерти, *не смертью умрете (Быт.3:4)*, человек пал. Так и тогда, когда еще не было греха и смерти, уже нужно было не забывать о смерти. Не более ли нужно памятовать о смерти, когда вошедший в душу грех соделал ее склонною к непрерывным падениям? Надобно слишком мало видеть, чтобы не видеть того, что человек, ежеминутно преклоняющийся ко греху, не может без подкрепления спасительного быть тверже против искушения, чем тот, который стоял и мог устоять против греха.

Грех обнаруживается в нас в двояком виде, то является он, как дух гордости, то, – как дух плотоугодия. В том и другом случае мысль о смерти служит врачевством против яда греховного.

Гордость заставляет нас мечтать о себе много; в иных доходит она до того, что их поступки говорят, как будто нет, для них и правил, которым они должны повиноваться; будто нет никого, кому должны мы все отдать отчет в своей жизни; доходят до невнимания к закону Божию, к судьбам и распоряжениям Промысла; о всем дают свой суд, все решают по-своему, всему дают свой порядок.

Как нужно этой заносчивости ума гордого напомнить, что мы земля и в землю пойдем! Как нужно этому величию указать на неширокую могилу, в которой вместится оно и нехотя! Как нужно этому надмению сказать, что величавые замыслы его сокрушатся о гроб и его независимость ограничится пространством трех шагов земли! Что значит сила нашего духа, что значат все наши знания, когда мы не можем ни увидеть, ни отодвинуть предела, которым должно окончиться все земное, – когда за этою доской гробовой целая вечность необозримая, в которой – ни одной точки ясной для ума, оставленного себе самому?

Гордость надмевается почестями, пороною, богатством, она различает людей не по их добродетелям, а потому, что один богат, другой беден; один в чести, другой в низкой доле; один в рубище жестком, другой в мягкой и пышной одежде. Но так ли смотрит смерть на нас? О! она всех одною дорогою провожает на суд грозной правды. Она всех равняет в хладной могиле и без миллионов, с одною душою представляет к правосудному. Посмотрите на жилище мертвых, там все равны; суетность пашет на камне, или металле, но слова без смысла, хвалы без значения; ставить на земле имена, титла и в громких словах высказывает одно только то, что все это пустота, что все это было и теперь нет, все это миновалось, как сон, как мечта. Одна земля приняла и богача, и бедняка и – все стало землей. Под грудями камня, если угодно искать, найдут только труп смрадный, груду костей согнивших, прах легкий, как легкомысленна гордость людская!

Гордость славолюбива. Смерч разрушает мечты величия, за которыми так неумоимо гоняются. Пока еще живы, нам удастся по временам вынуждать чем-нибудь похвалы и уважение. По смерти похвалы умолкают, или даже превращаются в хулу. По смерти скоро забудут нас, даже, может быть, обрадуются, что мы не будем докучать своими притязаниями на славу. Одни – по равнодушию, другие – по неблагодарности, но и друзья и знакомые, и близкие и дальние потеряют нас из вида. Все, что мы сделали не в намерение угодить Господу, подобно праху развеется. *Отыдет же величание ваше равно пепелу*, говорит Иов (Ив.13:12).

Гордость безрассудна в предприятиях своих. Сколько у нас замыслов обширных, сколько предположений странных, сколько легкомыслия тогда, как не думаем о смерти! Мы откладываем заботу о душе со дня на день. Завтра, думаем мы, покаемся; завтра начнем мы лучшую жизнь. Но, кто дал нам это завтра? Нынешнее утро кому ручается за вечер? Вечер вчерашний ручался ли за нынешний день? Сколько в нынешнюю ночь уснуло сном вечным! Сколько в нынешнее утро простилось на веки со временем! Сколько в этот час, в который беседуем мы, оставляют землю? Какой Исаия придет и скажет нам: *устрой о*

дому твою, умиравши бо ты, и не будешь жив? (Пс.38:1) Послушайте вы, которые говорите, сегодня или завтра пойдем в такой-то город и пробудем там год; знаете ли, что случится завтра? Что жизнь наша? Пар, который на малое время является, и потом исчезает (Иак.4:13–14). О! зачем мы не повторяем себе часто, умрем, умрем и, может быть, в одну из тех минут, в которую менее всего думаем умереть? Мысль о внезапности смерти, как искра, пробегая по душе, пробуждала бы нерадение наше. Тогда мы не стали бы тратить дорогое время на напрасные мечты, или на слепую беззаботность. Как мы будем жалеть, при последнем часе, о днях и часах, проведенных без пользы, убитых в мечтах и рассеянности! Как мы будем жалеть, что не употребили данного нам времени на занятия важные, спасительные для души! Мудрено ли, что тогда, как мы будем звать при дверях спасения, чтобы нам отворили их, нам скажут, о! *блажени раби тии, ихже пришед Господь обрящет бдящих* (Лк.12:37). *Бдите, яко не весте дне, ни часа в он же Сын человеческий приидет* (Мф.25:13).

Другая жестокая страсть, которая мучит душу, есть страсть к наслаждениям и богатству. Но если бы мы чаще вспоминали о смерти, эта страсть также слабее и реже возмущала бы душу нашу.

Юность особенно резва и игрива; для наслаждения пренебрегает она образованием ума и сердца. И, при самом образовании, ищет средств развить только страсть к наслаждениям, читает книги, слушает разговоры – только что легкие и игривые, которые оставляют в душе одну пустоту. И в зрелом возрасте престают ли гоняться за удовольствиями? Ищут рассеянности, ищут веселостей и скучают, что не находят на земле рая. Отчего же так неумеренны в страсти к наслаждениям? Оттого, что не измеряют жизни мыслью о смерти. Ах! почему бы не посмотреть на могилу? Почему не вспомнить, что есть гроб, а за гробом другая жизнь, для которой надобно готовиться в этой жизни? Почему не думать, что есть смерть, и эта смерть обращает землю в страну плача и тления. Почему не размыслить, что если и дозволены нам удовольствия в этой жизни, то такие, в которых бы нельзя было раскаиваться

по смерти, пред судом Божиим. О, юность беспечная! О, старость с умом юношеским! Зачем бежишь ты мыслью прочь от гроба? зачем с усилием удаляешь от себя мысль о смерти? Гроб может научить тебя мудрости, которой ты не имеешь; смерть может вразумить тебя в цене жизни временной, которой ты не понимаешь.

Что мне делать? – вопиет еще один докучливый голос в душе нашей; – что мне делать? Мне некуда собрать плодов моих? Вот что сделаю, сломаю житницы мои и построю пространнее, и соберу туда все мое доброе; а скажу душе моей, душа! много у тебя лежит добра; покойся, ешь, пей и веселись. Это, братия, голос корыстолюбия. Что ж говорит владеющий жизнью и смертью? Бог сказал, безумный! в сию ночь душу твою, возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил (Лк.12:28–20)? Вот какой приговор сам Бог произносит корыстолюбцу! Корыстолюбец безумен. Отчего? оттого, что не помнит о смерти; оттого, что, не думая о близости кончины, думает не о душе, а о богатстве, которое не пойдет за ним на тот свет. Сокровища обманчивые, блага непостоянные, богатство тлеющее! Как мне любить вас при взгляде на гроб? Как дорожить вами, как искать вас с усилиями и тревогой, когда прежде, чем овладеваю вами, вы можете исчезнуть для меня, или если и достигну вас, расстанусь с вами против желаний и надежд? К чему ж тревоги? Пусть буду употреблять, что дано мне, не оставляя надежд отрадных за гробом. Жизнь моя – странствование, так показывает смерть, – и смерть велит мне смотреть на сокровища земные, как на путевой запас и притом обременительный, когда его более, чем нужно для пути, – опасный, когда не употребляю его на то, на что он назначен.

Так, память о смерти спасительна душе нашей; но она же и сладка может быть для нас, во время скорбей.

Кто из нас не терпел горя в жизни? И как часто терпят такое горе, которого себе не ждали, которое не спросясь посещает и как будто хочет теснить нас до гроба? Мало того. Путь самой добродетели усеян терниями. Путь Христов – путь скорбей крестных. Между тем путь нечестивых не редко спееется. Так не напрасно ли я очищаю сердце мое, взывает праведник, смотря

на благоденствие нечестивых? Не напрасно ли омываю невинностью руки мои, терплю раны всякой день и страдание всякое утро (Пс.72:13)? И долго ли страдать и томиться? Долго ли терпеть от греха и грешников?

Не долго, не долго, отвечает вера и указывает на смерть, а за нею на суд.

Так, смерть прекратит страдания земные; смерть препроводит христианина в блаженную вечность. Утешься, гонимый судьбою путник земли! Скоро ты сложишь с себя тяжелую ношу и успокоишься. Утешься изможденный крестоносец Христов! Скоро страдания твои кончатся, и ты соединишься со Христом твоим, Которого ищет душа твоя. Ужели у Бога неправда? Нет! там за гробом Он рассудит каждого из нас; каждому отдаст свое, смотря по делам нашим. Тому, кто веселился каждый день здесь, скажут там, ты принял благая в жизни твоей; довольно с тебя; твое сердце пресытилось веселостями; теперь другая доля тебе. А тот, кто вместо хлеба питался здесь слезами, кого жизнь поила токмо горечью, кто с юности до самого гроба не видал дня светлого, отрет там слезы. «Не ревнуй лукавнующему; не завидуй делающему беззаконие. Еще мало, – и не будет грешника, а праведники наследуют землю» (Пс.36:21–22). Те, которые с слезами сеяли, с радостью пожнут. Смерть снимает с праведника тяжелые узы, которые тяготят над ним во всю земную жизнь; она разрешит его от тела греховного, которое не дает ему покоя до гроба, воздвигая в нем брани и бури. Смерть рассеет сомнения о странствовании земном. Она откроет нам и цель земных трудов, и значение непонятных обстоятельств жизни нашей. Становясь на краю могилы, христианин как бы становится на возвышенном холме, с которого ясно различает пройденный путь, видит и то, что страдания временные ничего не значат в сравнении с славой, которая ждет его там – за гробом; гроб показывает, как ничтожны дети людей, работающих для мира, и как отрадна, как высока участь тех, которые служат Господу. Так, сладко христианину вспоминать о смерти; она радостна для него, как ангел мира, он желает скорее расстаться с телом докучливым, с миром коварным и злым, с людьми

забывчивыми и легкомысленными в их рассеянности. Здесь грех и скорбь преследуют его на всех путях. Там у Господа – мир и спасение.

Не думайте, что христианский страх смерти помешает вам в каком-либо добром деле, удержит вас от какого-либо благого намерения. Нет, страх смерти, какой питает в себе Христианин, растворен упованием живым и сладким; и потому не стесняет, а раскрывает он душу для подвигов великих; не приводит ее в смятение, не производит в ней беспорядка, а вводит порядок и гонит то смятение, какое вводят страсти в душу. Христианин встречает смерть не как грозное страшилище, но как вестника мира. Смерть приходит к нему не для того, чтобы разлучить его с Иисусом Христом, который исполнил за нас правду закона, но для того, чтобы соединить с Ним. Если же не так представляют себе смерть, это значит, что не знают другой жизни, кроме жизни земной, других благ, кроме благ временных, другого Бога, кроме богов века сего. В таком случае, несчастна душа, которую не хотят пробуждать от сна её страхом смерти; несчастны люди, которые заботятся о том, как бы не дотла до ушей их весть о смерти. Это значит то же, что у утопающего в волнах отнимают последнюю доску, на которой он мог бы спастись.

Впрочем, чтобы мысль о смерти могла быть назидательною, она должна быть живою и твердою в душе нашей. Надобно быть глубоко проникнутым мыслью о нашей смертности, живо чувствовать, что бренный состав будет перстью, а дух возвратится к Богу; и тогда это живое чувство тленности и смерти будет оживлять душу нашу для деятельности ревностной, укрепить силы наши для подвигов самых трудных. Чем более смерть будет устрашать нас, тем скорее исчезать будут обаяния греха; тем более дорожить будем талантами, врученными нам от Бога. Правда, никто из нас не говорит о себе, что не увидит смерти. Однако ж, не многие ли так живут, как будто вовсе не думают умереть. Всем нам известен приговор правды вечной, наши знакомые, наши друзья в глазах наших исполняют его на себе. Однако ж, не так ли мы ведем себя, что до нас этот приговор как будто и не касается? Мы провожаем других на тот свет; а готовим ли себя в тот же путь?

Напротив, мысль о смерти не так ли близка душе нашей, как гость постылый, которого и холодно принимаем мы и сбываем с рук как можно скорее? Не так ли редко западает она в душу нашу, как холодно принятый знакомец посещает угрюмого знакомого? Если так, то нечему удивляться, что так мало живем мы для добра.

Чтобы мысль о смерти могла иметь свое спасительное действие, надобно жить и действовать с мыслью о смерти. Мы, живя умираем; стало быть, ничего нет естественнее, как живя помнить, что умираем. А ждать для приготовления к смерти того времени, когда уже смерть взойдет в твой дом, приблизится к твоему одру и станет разрушать бранный состав твой, сообразно ли с благоразумием? Кроме того, что смерть никому не дает наперед знать о времени своего посещения, какое приготовление к смерти может быть в душе твоей, когда душа твоя будет вся занята ужасом самой смерти? Какое обращение к Господу, какое раскаяние в прошлом, какая любовь к Спасителю могут быть тогда, когда страдания тела, терзаемого смертью, или оставят тебя вовсе без сознания или, при слабом сознании, без всякого мужества и силы? Нет! готовься заранее к смерти. Тогда и лучше будешь вразумляться мыслью о смерти, и больше соберешь плодов для вечности. Тогда-то будем мы располагать жизнь свою так, что нам никогда не страшно будет перейти в вечность. При каждой встрече с искушением сильным, пред грозным взором смерти, будет погасать огонь страсти и чистый пламень любви к Господу будет гореть, не погасая. *Во всех словесех твоих поминай последняя твоя и тогда во век не согрешиши*, сказал опытный мудрец (Сир.7:39). Тогда пусть посетит нас внезапная смерть, она не приведет в смятение духа нашего; мы встретим ее с признательностью, как благодетельного друга нашего.

И в жизни, и в смерти нашей, да будет славно имя Твое, Боже наш! Аминь.

1847 год.

Беседа в неделю 5-ю Великого поста

На Мк.10:35—45.

Не веста, чесо просита. Какой жестокий ответ на просьбу! Какой резкий приговор достоинству моления! А этот ответ, как слышали мы в ныне чтенном евангелии, сказан апостолам Иакову и Иоанну. Чем менее имеем мы прав думать о себе, что лучше понимаем предмет своих просьб, чем апостолы; тем более должны вникнуть в положение апостолов и суд Спасителя, чтобы быть осторожными в желаниях.

И пред Него приидоста Иаков и Иоанн, сына Заведеова, глаголюще, Учителю, хоцева, да еже аще просива, сотворити нама. Он же рече, что хоцета, да сотворю вама? Она же реста ему, даждь нам, да един одесную Тебе и един ошуюю Тебе сядева во славе Твоей.

Иаков и Иоанн были избранные между избранными учениками Христовыми. Целые тысячи были то явными, то тайными слушателями небесного учения Христова. Между ними двенадцать были приняты в число любимых учеников Христовых и названы апостолами. И между сими избранными Иаков и Иоанн были самые любимые, самые приближенные апостолы. Ибо им и Петру оказано то высокое преимущество, что были они свидетелями славного преображения Христова. Они же с Петром были свидетелями тяжкого подвига Спасителя в саду Гефсиманском. При такой близости любимых учеников к своему Учителю не естественно ли было желать им особенного для себя, когда так добр их Учитель ко всем? И заметьте, с какою скромностью предлагают они желание свое? Не прямо приступают с требованием того, чего желают. Учитель, говорят они, нам хотелось бы, чтобы исполнил Ты, чего желаем мы. Что ж это за предмет желания их? Дай нам, говорили, сесть у тебя одному по правую сторону, а другому по левую в славе Твоей. Сидеть по правую и по левую сторону царя означает участвовать в почестях царских, быть первыми из тех, на кого изливаются любовь и милости царские. Сидеть по правую и левую сторону Христа означает участвовать в его

славе, как это и выразили ученики, упомянув о славе. Желание Иакова и Иоанна не выражает ли веры в величие Христово? Не выражает ли любви их к Нему, которая не думает о почетных местах во дворе Ирода, не добивается какого-либо значения в службе могущественного кесаря? И, однако, что говорит им Господь? *Иисус же рече има, не веста, чесо просита*. Как это так? Ученики, которые около трех лет неразлучно пребывали с единственным Учителем своим и внимательно слушали глаголы жизни вечной, не знают, чего просят? Не от того ли, что не все им сказано? Нет, вот близка минута, когда Господь скажет им: *вся, яже слышах от Отца моего, сказах вам (Ин.15:15)*. Что ж это значит? То, что пока не нисшел на них Дух Утешитель, они не понимали всего, что говорено им было, и пока сила вышняя не укрепила их, они ошибались в желаниях своих. В чем же ошибочно было желание Иакова и Иоанна? Они, как сказали мы, желали быть с Господом своим, а не с славными мира грешного. Тут нет ошибки. В чем же ошибка? В том, что желали быть первыми в земной славе Христа, тогда как царство Христово, как говорит им Господь, не принадлежит к миру, тогда как только что пред тем возвестил Он им о земной участи своей, *се восходим во Иерусалим и Сын человеческий предан будет архиереем и книжником, и осудят Его на смерть и предадут Его языком и поругаются Ему (Мк.10:33)*. Итак, понимали ли они, чего просили? Просят первых мест в славе Его, тогда как Он идет на поругания и смерть!

Если же Иаков и Иоанн осуждены за желание чести тогда, как они желали участвовать, хотя и в земной славе, но все-таки в славе Христовой, что сказать о тех желаниях чести, где во все не имеют в виду Христа, а только один мир, одну землю? понимают ли эти люди, чего просят? Если не смерть, то презрение, говорят, тому, кто коснется нашей чести пред человеками. И думают, что понимают, чего желают. Дорожат честью пред людьми, тогда как вовсе не люди, а Господь – Судия дел наших. Дорожат честью пред людьми, а не дорожат ни покоем, ни жизнью другого, неприкосновенными уже и потому, что они чужая, а не наша собственность. Что такое земная слава? Колебания воздуха. Есть же, о чем помышлять

заботливо. А между тем, для этой-то славы, какой не творят неправды? Чтобы достигнуть чести, дозволяют себе все бесчестное: подкуп и обманы, лесть и неправду. И думают, что понимают, чего домогаются?

Можете ли пити чашу, иже Аз пию, и крещением, им же Аз крещаюся, креститися? спросил Спаситель искавших первенства. Чаша, на которую указывает Христос, есть та самая, о которой Он молился в саду Гефсиманском: *Отче, аще возможно, да мимо идет от Мене чаша сия* (Мф.26:39). Крещение Христово есть крещение кровью, совершившееся на кресте. Итак, спрашивая искавших первенства, могут ли они пить чашу Его и креститься крещением Его, Спаситель побуждает их испытать самих себя, в состоянии ли они участвовать в страданиях и кресте Его? Для чего же это испытание своих сил? Для того, что ежели бы предмет желаний был не по силам, то и при всей его святости, желать его, значило бы не понимать, чего желаешь. К чему домогаться того, чем не могу я пользоваться? Иаков и Иоанн на предложенный вопрос отвечали, *можева, можем пить чашу, можем креститься*. Но если они и хорошо поняли слова вопроса, то ответ их был также поспешен, также не основан на точном самоиспытании, как и обещание Петра следовать за Иисусом на самую смерть.

Чашу убо, юже Аз пию, испиете, сказал Господь. Это значит, что будет время, когда Иаков и Иоанн выпьют чашу страданий за Христа, но только не теперь они способны к тому; Он уже готов к чаше Своей, *чашу убо Аз пию*, но они еще будут готовиться к ней. Вот Он стоит в молитве пред чашею Своею, а они что делают? Спят, бессильные и для того, чтобы провести один час во бдении. Иудеи берут Его и ведут на страдания, а они все *оставльше Его бежаша* (Мк.14:50).

Ты, который так недоволен своею долею и так нетерпеливо ищешь другой, тревожно домогаешься занять высшее место, высшее значение в кругу людей! Испытал ли ты себя? Узнал ли, что это место по тебе? Что если ты слишком мал для места? Над тобой будут смеяться. Нет, говоришь ты, я знаю себя, знаю свои силы; но, тогда как другие хуже меня и давно занимают видные места, я все остаюсь на прежнем. Друг мой!

со согласишься ли ты с тем, что ты по крайней мере не лучше Иакова и Иоанна, не крепче Петра? Если же они могли ошибиться в себе, по человеческому самолюбию, и вовсе оказались не тем при встрече с искушениями, чем представляли себя прежде того, как же тебе не наложить молчания на говорливое самолюбие свое? Как же тебе не сказать себе, точно ли я хорошо знаю себя? Точно ли не пал бы я, если бы вступил на путь, к которому так стремлюсь? Теперь я живу покойно, хотя и не окружен блеском, а что, если блеск будет раздражать только мои нервы и не даст мне покоя до гроба? Что если страсти, найдя себе пищу, повлекут меня от одного порока к другому и доведут к самому аду? Нет, да будет воля Твоя с рабом Твоим, Боже мой! Каждая должность, каждое занятие требует особенных познаний, особенных способностей. Пусть же каждый, прежде нежели решится приняться за то, или другое занятие, испытает себя, по силам ли оно его? Только легкомыслие стремится неудержимо к честям и званиям, обольщаясь наружным блеском их. Но мудрый говорит: *высших себе не ищи* (Сир.3:21). И людям виднее бывают слабости того, кто стоит выше других. Если же видное место есть место власти: какой ответ, о, Боже мой, надобно давать на суде Твоем! Сколько своих грехов, а потребуют отчета и по делам подчиненных. Чем настойчивее кто ищет высшей должности, чем смелее садится на первом месте, тем вероятнее заключение ваше, что он или не испытывал себя и вовсе не знает себя, или испытывал, но обманулся при испытании, и потому горько ему будет, когда неожиданно столкнут его.

И слышавше десять, начата негодовати о Иакове и Иоанне. Вот и еще плод домогательства первых мест! Пока не было между апостолами желающих первенства, не видно было между ними неприязни. Показалось желание первенства, явились и негодующие. На Иакова и Иоанна сердились прочие за то, что тогда, как все двенадцать оставили равным образом все для Иисуса и потому всем обещаны престолы, двое домогаются особенных почестей. Смотрите, братия, и между апостолами дух превозношения нарушает мир общества их, чего же ждать для наших взаимных отношений, для нашей

любви? Между нами дух превозношения, конечно, не так тих, как между апостолами. О! как он бывает дик у нас! Мало того, что бурно стремится он к своей цели, он, в порывах своих, намеренно оскорбляет ближних, сталкивает с пути, встречающихся на пути, бросает в других брань и клеветы, мстит как за оскорбление за то, что другой стал выше других. Тут ли место любви? Если же трудно быть оскорбляемым и не чувствовать оскорбления, то представьте, сколько досад пробуждает дикая страсть к первенству? Сколько ссор, сколько вражды, сколько волнений ненависти! Так духов гордости и любочестия иссушается любовь.

Иисус же призвав их, глагола им, *весте, яко мнящий владети языки соодолевают им и велиции их обладают ими, не тако же будет в вас.* Новое побуждение не искать первенства! Домогаться преобладания над другими свойственно только язычникам, превозноситься и властвовать – дело грешного мира. Это их печальное отличие. Отчего же так? Тем, которые не знают славы Божией, ни достоинств духа бессмертного, остается искать только славу человеческую; тем, которые не имеют твердых надежд, что взойдут на небо, остается тешиться земным величием. Между же христианами, которым известна слава небесная, этому не должно быть. Как же свойственно поступать христианину?

Иже хочет в вас вящий быти, да будет вам слуга. Кто хочет быть большим между вами, будь вам слугою. Спаситель не говорит, что между христианами не должно быть властей и начальников. Напротив, Он прямо учит, что между христианами должны быть вящие, большие, только не со свойствами первенствующих языческих. Между христианами, если кто хочет быть великим, не иначе достигнет величия, как произвольным смирением; если кто выше других по власти, по званию, любовь к званию велят ему быть слугою других, жить не для себя, не для своего покоя, а для пользы вверенных ему; от того-то рабом ли кто остается, рабство не унижает его, потому что он служит Богу, независимо от людей (1Кор.9:19); по христианскому учению начальник *Божий слуга есть во благое*, как Его же слуга и раб (Рим.13:4),

Ибо Сын человек не прииде, да послужат Ему, но да послужит и даст душу свою избавление за многих. Если бы не легко казалось христианину смиряться пред подобными себе, особенно же первому по власти не увлекаться мечтою о первенстве, то вот пример самый поучительный для смирения, убеждение самое непререкаемое. Если Сын Божий, являсь на земле в образе сына человеческого, не требовал себе услуг, а с тем и явился, чтобы служить людям и положить жизнь Свою за их спасение, то кто из людей имеет право отказываться от служения людям? Какой христианин может быть христианином, не следуя стопам Христа Господа своего, отказываясь подражать смирению Его?

О! Господи Иисусе! дай нам силы смирять докучливое самолюбие наше, да Ты один будешь славен в делах наших! Аминь.

Беседа IV. На псалом 50, в 5-ю неделю поста

Молящийся Давид вслед за тем, как излил мольбы о прощении грехов его, приносит и жертвы благодарения Господу! Такова молитва живого упования на Бога! Она уверена, что Бог слышит желания её и благодарит Его. Таково покаяние кающегося праведника! Оно – не покаяние бесплодное, оно спешит доказать делами, что намерения его изменить жизнь – тверды.

В последней части покаянного псалма своего Давид изливает благодарность свою к милующему Господу сперва от своего лица (Пс.50:15–19), потом изображает благодарность целой церкви.

Говоря о своей благодарности, показывает, какую благодарность признает он достойною благодетеля своего (Пс.50:15–17) и какую не считает угодною ему и потому не приносит (Пс.50:18–19).

Научу беззаконные путем твоим и нечестивии к Тебе обратятся

Пути Божии, которым кающийся Давид обещается научить беззаконных, по его расположению, суть те пути, которые известны ему по собственному его опыту, те пути, на которых является Бог грешникам, показывая им благодать свою и вызывая благодатью к раскаянию в своем нечестии пред нею. Это пути милости и истины, о чем и пел Давид, *вси путие Господни милость и истина* (Пс.24:10). Это пути верной защиты Божией для уповающих на Бога, о чем и проповедовал Давид, «верен путь Божий, слово Господне чисто; Он щит всем уповающим на Него» (Пс.17:31).

Давид дает обет учить беззаконных путям Божиим, воле Божией. Это было делом признательности помилованного грешника, который не может не прославлять милующую руку и, по признательности к Благодетелю небесному, не может оставаться холодным к дерзости тех, которые нераскаянностью оскорбляют небесного Отца. Для Давида забота о грешниках естественна была и потому, что, по словам пророка Нафана,

Давид своим преступлением *поощряя поощрил врагов Божиих*, дал им повод клеветать на правду Божию, как будто по лицеприятию оставляющую без наказания преступления Давида, или как будто бессильную воздать каждому по его делам (2Цар.12:9–12). Давид обещает устранить опасный соблазн подвигами в обращении грешников к раскаянию, обещает показать грешникам, что Бог остается праведным, воздавая кающемуся грешнику прощением за его покаяние – и силен отмстить упорным нечестивцам за их упорство.

Как блистательно исполнил свое обещание Давид! Не говорим об устных наставлениях его. Покаянный псалом его не есть ли самая превосходная проповедь к грешникам о покаянии? Он отдал его, как сказали мы. Начальнику певцев для пения в собраниях Израиля. Церковь христианская, церковь православная, по примеру ветхозаветной, каждый день повторяет нам покаянную песнь Давида, научая его беззаконных путям Божиим, путям милости и истинны. И сколько тысяч грешников проливали слезы раскаяния, при повторении покаянной песни Давидовой! Сколько забывчивых рабов греха обращено его на путь спасительный! Надобно, чтобы слушающие покаянный псалом Давида были слишком рассеянны, слишком черствы душою, чтобы не умиляться трогательными звуками его. Так Давид не напрасно ручался за благотворное действие своих наставлений, не напрасно говорил, *и нечестивии к Тебе обратятся*.

Избави мя от кровей, Боже, Боже спасения моего. Возрадуется язык мой правде Твоей. Господи, устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою.

Давид, продолжая изливать обеты благодарности своей говорит, если Ты избавишь меня от наказания за кровь, пролитую мною, то возрадуется язык мой о Твоей правде; если Ты откроешь уста грешнику прощением грехов его, то эти уста будут только петь Тебе хвалы.

Избави мя от кровей. В живом чувстве правосудия Божия Давид представляет кровь, пролитую им, в виде врага, который преследует его. Он вспомнил слова Господа к Каину: *глас крове брата твоего вопиет ко мне от земли* (Быт.4:10); живо

представил себе грозный приговор правды Божией каждому убийце: *проливаяй кровь человеку в ея место его пролиется* (Быт.9:6); при мысли о прошлом своем снова отозвались в ушах его слова Нафана: *Урию Гефееянина убил еси мечем. И ныне не отступит меч от дому твоего до века* (2Цар.12:9.10). И в сознании неотъемлемых прав правосудия Божия, он невольно возбуждается к молитве о прощении греха; в чувстве неизменяемой ничем виновности своей снова ожидает себе спасения только от Того, кто есть спасения его, кто один может даровать ему спасение (Пс.24:5). При всем том, что живо сознает Давид тяжесть греха своего, он твердо надеется на благодать Божию и как бы уже услышанный дает обет Богу, возрадуется язык мой правде Твоей. Когда простишь меня, весело язык мой возвестит правду Твою. Какую же правду обещает возвещать Давид? Ту правду Божию, которая отдает каждому свое, – нераскаянному грешнику заслуженную им казнь, а тому, кто с чистым искренним, раскаянием обращается к Богу, прощение грехов. О сей правде говорит и возлюбленный ученик Христов: *аще исповедаем грехи наша, верен есть и праведен, да оставит нам грехи наша и очистит нас от всякие неправды* (1Ин.1:9). О сей правде, по прозрению, Давида, должны проповедовать вследствие страданий Того. Кому пронзят руки и ноги (Пс.21:17, 32).

Господи отверзеши уста моя. Давид твердо помнит грозную волю Божию о грешнике, *грешнику же рече Бог, Вскую ты поведавши оправдания моя, восприемлеши завет мой усты твоими?* (Пс.49:16). И сознавая себя грешником, чувствует, что и его уста запечатлены для прославления Божия, не должны касаться великого имени Божия. Было время, думает он, когда свободно пел я хвалы Господу! А теперь? Теперь моим ли рукам, обагренным кровью, бряцать псалмы хвалебные? Моим ли устам, оскверненным нечистыми лобзаниями, возвещать оправдания Божии? Но благий и милостивый! Ты внимаешь молитве кающегося грешника, снимаешь печать молчания с уст его. И благодарный грешник дает обет отверзать уста свои только для прославления благодати Твоей.

Яко аще бы восхотел еси жертвы, дал бых убо. Всесождения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит

Давид оправдывает обет свой – славить благодать Божию и тем, что по его сознанию нечем больше и благодарить Господа.

Яко аще бы восхотел еси жертвы, собственно, жертвы заклания, которая приносилась Господу в благодарность за Его благодеяния, также как жертва всесожжения приносима была в ознаменование посвящения себя Богу благодетелю. Как же Бог не хочет от Давида жертв заклания и всесожжения, когда Он Сам установил их в законе? Уже ли неуютны Ему собственные Его учреждения? Богу не угодно все то, что совершается не сообразно намерениям Его; Ему неуютны жертвы, когда приносились они без мыслей веры, без сердечной любви, так как Он учреждал их не в этом бездушном виде. Ему неуютны жертвы без веры и любви, так как такие жертвы уже не Его учреждения, а дело произволов человеческих. Еще чрез Моисея сказал Бог нечестивым, *не обоняю воню жертв ваших* (Лев.16:31). поскольку же жертвы имели важность только в связи с верою и любовью, то значит, вера и любовь, собственно, и уютны Господу. Сие то и выражает Давид, когда говорит, жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит.

Дух сокрушенный, сердце сокрушенное и стесненное означает глубокую, но тихую печаль. Дух сокрушенный соединяется у Давида с скорбью сердца и в других случаях (Пс.146:3, 33:19). В настоящем случае предметом печали, благоугодной Богу, служат у Давида грехи. С чего же Давид считает печаль о грехах уместною после того, как прощены грехи его, после того как сам он радовался о спасении? Видите, радость о благодатном спасении не исключает печали о нашем собственном деле – о грехе. Напротив, самая хвала Богу, милостивому и щедрому к грешнику, необходимо заключает в себе мысль о грехе и виновности грешника. Ибо, прославляя Бога за то, что Он, по благодати своей, простил грехи мои, как отрекусь я от памятования о том, что прощено? Нет сердце сокрушенное есть точно благодарная жертва Богу. Сознвая

себя грешниками, мы не станем приписывать что-либо себе, а будем относить все к Богу, будем за все благодарить только милость Божию. Потому мера памятования нашего о грехах, мера печали нашей о заблуждениях сердца будет мерою благодарности нашей пред Господом за прощение грехов.

Итак, исключая жертвы и всесожжения из дел примирения нашего с Богом и поставляя на их места сердце сокрушенное и смиренное, кающийся Давид возвышается до апостольского учения об условиях примирения нашего с Богом. Так кающееся самосознание, по-видимому, унижает человека до крайней степени, лишая его всех надежд на личность свою, но на деле оно, унижая, возвышает человека, так как поставляет его под всеильную защиту могущества Божия. *Близок Господь к сокрушенным в сердце и смиренным духом спасает (Пс.33:19).* Возвышенный смирением Давид не только сам поет благодарность Богу, но и поет хвалу от лица целой церкви.

Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона и да созиждутся стены иерусалимские. Тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожегаемая. Тогда возложат на олтарь Твой тельцы

Если бы не прощен был грех Давида, если бы исполнилась угроза Нафанова о предании мечу всего дома Давидова за грех Давида (2Цар.12:10), тогда что последовало бы за тем? Потрясение всего царства израилева, смятение и волнение, война и разорение для всего народа Израильского, тем более для столицы царской Иерусалима. Одно было бы последствием другого. Грех плодovit, он производит гибель и разрушение во всем, окружающем нас. Люди считают грехи малостью, но от грехов наших стнает вся тварь; от грехов наших – беды для ближних наших, для общества, в котором живем, для государства, к которому принадлежим, для церкви, с которой соединены мы духовными узами. Вот почему Давид с покаянною заботою о своей судьбе соединяет заботу о Сионе и Иерусалиме и обеты благодарности за свое помилование не ограничивает своею личностью.

Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона. Если на мне, Господи, оставляет без отмщения грех мой, то тем более

не отвращай лица Твоего за грехи мои от царства израилева, продолжай благоволения свои к нему. Дай совершиться намерениям моим о Иерусалиме; пусть не только твердыми остаются стены его, едва неразрушенные грехом моим, но да растут они в непобедимую твердыню.

Тогда, как услышишь Ты молитву мою, молитву о полном забвении грехов моих и по отношению ко мне и по отношению к царству моему, тогда благоволиши, жертву правды. Тогда благоугодны Тебе будут жертвы правды, возношение и всесожжение; тогда народ благодарный за милости Твои с радостью принесет Тебе все, что может. Жертвы правды – такие жертвы, которые приносятся с расположениями и мыслями праведными, согласно с намерениями Божиими. Такие жертвы приятны Богу; они различны от жертвы духа сокрушенного только по виду, а не по значению своему. Так сердца, пламенеющие любовью к Тебе, души, приносящие себя всецело служению Твоему – вот что принесет Тебе церковь Твоя, Господь милостей и щедрот.

Таким образом плодами покаяния Давидова были, а) твердый обет его учить беззаконных путям Божиим; б) обет возвещать правду Божию, воздающую каждому свое; в) обет прославлять величие благодати Божией; г) постоянная память о грехах – как хвала величию благодати, наконец д) хвала и благодарность целой церкви.

Братия! по заповеди церкви и мы приносим покаяние. Не скажу, чтобы церковь не благодарила и за то Господа. Но осмотритесь, что скажет совесть ваша о вашей исповеди? Такова ли исповедь ваша, как была исповедь Давида? Таково ли раскаяние ваше, каково было раскаяние Давида? Давид не остановился на том, что принес искреннее, пламенное, горькое раскаяние в грехах? Он сопровождал раскаяние свое новыми подвигами, как естественными последствиями искреннего раскаяния его. Где же ваши плоды раскаяния? Или для вас довольно посмотреть в зеркало закона Божия на безобразие души своей и отойти прочь спокойно? Стыдитесь. Что ж делать, скажете вы? Поступайте так, как поступал Давид. Пусть каждый заглаживает грехи свои, чем могут заглаживаться грехи его.

Ленивый на молитву ходи в храм Божий; скупой твори милостыню; любящий поест и попить сладко, держи пост; жалкий слуга страсти плотской трепещи пред судом за гробом; ты, который любишь судить и осуждать другого, займись собой, бросай насмешки и упреки в себя самого. О! как благодарен был Давид за прощение грехов его! Он не только решился раз навсегда вести жизнь чистую, святую, но сколько обетов высоких принесено благодарным сердцем его! Почему бы каждому из вас не положить на себя того или другого обета, хотя бы легкого? Сколько жертв приносят миру и греху! И за что? За то, что тот и другой губят святое в душе. А для Отца небесного, столько благодетельного, нет жертв? Для вечного спасения нечего дать? Для Бога мы бедны, стеснены и не урожаем и торговлею плохую. Какая простодушная искренность! Какой расчет умный! От Бога ожидают всего, и милости для души, и денег и хлеба и честей. А Ему что дают? К Нему с чем являются? О, братия, если мы не хотим по воле жить здесь для Господа, то там против воли будем исполнять волю Его, но какую? Он скажет, отойдите от Меня проклятые в огонь вечный. И пойдем, нехотя.

О! Боже, – Боже спасения нашего! даждь нам сердце сокрушенное и смиренное, не для нас, которые ничего не стоим, а для милости Твоей. Аминь.

1849 год.

Беседа в 5-ю неделю поста, на литургии, о жизни Марии Египетской

Святая церковь предлагает в сия дни покаяния пример и молитвы подвижницы Марии египетской. Читали ли вы, слушатели, историю сей жены, дивной покаянием? Повторите, если читали, тем более послушайте, если никогда не читали и не слушали. Читают же историю беззаконий, часто самых бесстыдных беззаконий. Как же не послушать историю покаяния историю дивных подвигов для вечного спасения? Ужели кому-либо больше нравятся зловония греха, чем благовония добродетелей? Если так, худо очень худо. Пусть поспешать исправить испортившееся обоняние, чтобы совсем не потерять его. На сей раз предложу вам одну часть жития чудной Марии.

Семнадцать лет жила Мария для одного греха, в богатом торговом городе Александрии; семнадцать лет вела жизнь самую нечистую, утопая в любодеянии; семнадцать лет была сосудом диавола, отвратительным для Господа. Называю жизнь теми именами, какими именовала ее сама Мария, будучи святою. Пожалуй, люди найдут другие названия этой жизни. Чего не бывает у людей! У них есть и невинные слабости, и грехи, чуть не равные добродетелям. Но *не льститесь братия, говорит нам апостол, не льститесь братия, ни блудницы, ни малакии царствия наследити не могут.*

Мария, по побуждениям греха, отправилась в Иерусалим на праздник поклонения кресту Господню. По примеру других, она пошла и в иерусалимский храм. Но неудержимая на путях преступной жизни она никак не могла переступить порога святилища. Три, четыре раза покушалась она войти в храм. Но каждый раз тайная, незримая сила не допускала ее в храм Божий. Неукротимая грешница в первый раз задумалась, чувства взволновались, в совести раскрылась мрачная картина протекшей жизни. Она увидела наконец, что есть Всевышний, которому гнусны дела её; увидела, что нет общения между его – сосудом мерзостей и храмом Всесвятого, нет общения между ею, которая погубила столько душ, и тем, Кто положил душу

Свою за спасение душ, нет общения между его – вместилищем нечистоты, и тем крестом, на котором пролита кровь пречистого Агнца и Сына Божия. Горькие слезы полились из глаз её; она поражала грудь свою ударами, в безнадее. Терзаемая скорбью, взглянула и увидела она на стене притвора икону Богоматери! и луч надежды блеснул в мрачной душе её. Она обратилась к Пресвятой Деве с мольбою – явить ей бедной грешнице милость, вознести молитву её к Сыну Господу и открыть доступ к животворящему кресту Его; она произнесла твердый обет не жить более для греха, а посвятить себя Господу, на раскаяние и слезы. Молитва была услышана. Новое усилие войти в храм не было остановлено. Она вошла и, пораженная милосердием приемлющего такую грешницу как она, поверглась пред животворящим древом, орошая землю ручьями слез. Еще раз, поручив себя защите Богоматери пред Её образом, Мария отправилась за Иордан на трудный подвиг покаяния. Так произошла благодатная перемена в бывшей грешнице!

Много мыслей возбуждает сокрушенная Мария. Во глубине греха была она. Но отвергнута ли небом? Нет! Преклонилась к слезам её Мать Божия и преклонила к ней Сына Своего. Грешник! как бы глубоко ни паль ты в бездну греха, смотри на грешницу Марию, не отвергнутую небом. Не допускай до души отчаяния. Обратись в сокрушении сердца к Господу. Провел ли ты большую часть жизни в забвении о Боге, в рассеянной, нечистой жизни? Вспомни, Мария не скоро образумилась; пришедшая в себя – принята небом. Будет ли тебе дано знамение о готовности принять тебя или нет, о том нет нужды заботиться. Слово Господа верно, как и дело. *Живу Аз, глаголет Господь – не хочу смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему.* Для людей вернее всего, когда слово запечатлено клятвою; и Господь снисходит к этой людской немощи; с клятвою уверяет, что не хочет Он смерти грешника. Будь же уверен, грешник, что Господь только ждет твоего обращения. Смиряться в душе пред Господом, становись вместе с мытарем на задней стороне храма, считай себя недостойным взирать на небо и тайны святыя; но будь с

упованием на благодать неба. По примеру Марии, моли преблагословенную Деву, моли молитвенников неба, дабы они предстали за тебя недостойного пред престол великого Бога и испросили тебе милость Его. И это смирение – будь уверен – принято будет, как лучшая жертва.

Мытари и любодейцы прежде вас входят в царствие Божие (Мф.21:31), сказал Спаситель фарисеям и книжникам. Это слово исполнила на себе Мария. Благодать Божия коснулась её сердца не напрасно; искра Божия, явившаяся в мрачной душе её, ре потухла; пробужденный голос совести не замолк. Быть не может, слушатель мой, чтобы и нас с тобою, в то или другое время, не касалась благодать Божия. Искупитель, призвавший к Себе Марию, и ныне Тот же пастырь добрый, ищущий заблудших овец; Он и ныне ударяет в двери сердца нашего разными случаями, то неудачами нашими в делах или болезнями, то благословением путей наших. Но что же? Мы – беспечные, или пропускаем без внимания прикосновения благодати, или, хотя и трогаемся ими, но скоро забываем их. Как много надобно нам плакать, чтобы Господь не поразил судом праведным нашей невнимательности к Его попечению о спасении нашем!

Во дни Спасителя притекали к Спасителю великие грешники – мытари, блудницы, разбойники, но фарисеи, люди соблюдавшие, по наружности, законность и приличие, редко, весьма редко обращались к Нему с искреннею душою. Так и ныне люди, знатные праведностью своею, не думают, что им должно каяться. Они говорят, «в чем нам каяться? Слава Богу, – мы не разбойники, не блудники, не воры; а малых грехов Бог не взыщет». Несчастные! они не видят, не чувствуют, что цепь дневных, ежечасных, так называемых, малых грехов их стала уже так длинна, что давно конец её висит в аду; они не видят, что эта цепь, скрепляемая ими каждый день, каждый час, повторением, грехов, так крепка стала, что им не разорвать ее холодными бездушными молитвами. Други мои! самое страшное состояние души – это состояние гордой бесчувственности и самонадеяния беспечного.

Молитва мытаря оправдала его, от того что она была молитвою сокрушенного сердца, молитвою души, полной чувства виновности пред Господом. А надменному фарисею не помогли даже пожертвования в пользу храма. Молитесь, други мои, усердно молитесь, с сокрушением души, как грешники. Ибо все мы грешники пред Господом. Все мы должны принадлежать Ему, как Его создания; все в нас должно служить Ему, а не греху. Он так благ, что все сердце должно служить Ему, и все кости наши должны исповедаться Ему. Потому-то, кто ни тепл, ни холоден, тому глаголет Он, *имам изbleвати тя от уст Моих*. Устрашимся холодности к вечному спасению. Присмотримся к себе внимательно; испытаем себя совестью строгою. Пересмотрим жизнь нашу по всем заповедям, поверим с законом все действия, все отношения наши. Перечтем преступления, не оставляя ни одного без правдивого суда. Не станем извинять себя ни общею слабостью, не помешавшею святым быть святыми, ни примером многих; в аду будет место и многим, если не покаемся все. Не станем ссылаться на благодать Божию, которая блага не для того, чтобы мы были грешниками, неблагодарными пред нею. Будем судить себя, как бы стояли мы пред судом Господа, грозного в правде. И тогда-то покаяние наше может быть так же животворно, как покаяние св. Марии.

Приглашая любовь вашу выслушать продолжение истории св. Марии, в следующую литургию, молю Господа Иисуса, да ниспослет Он свет Свой в сердца наши, чтобы узрели мы, по примеру Марии, множество грехов наших и прославили благодать Его, долготерпевшую нам. Аминь.

Говорена в домово́й церкви.

1848 год.

Беседа в 5-ю неделю поста, на утрени, о жизни Марии Египетской

Мы оставили в прошедшей беседе св. Марию на пути её в пустыню, куда удалилась она для подвигов новой жизни. Посмотрим теперь на жизнь её в пустыне.

Когда преподобный старец Зосима увидел в первый раз Марию в глубоко-дикой пустыне, он до того поражен был её видом, что думал – пред глазами его не человек, а дух. Так измождена была плоть её! От солнечного зноя она вся почернела; волосы были белы, как волна. Приняв ее потом за многолетнего пустытника, Зосима просил ее, бежавшую от него, остановиться для пользы души его, и услышав ответ, «авва Зосима! я жена, – брось мне твою мантию, чтобы прикрыла я наготу мою». Изумленный тем, что называют его по имени там, где никто не мог знать его, он уже не сомневался, что Бог открывает ему необыкновенную рабу свою. Когда он спросил о пустынной жизни её, она отвечала так, «если не ошибаюсь, – сорок семь лет, как оставила я св. город Иерусалим, и ни с кем с того времени не видалась. Сперва питалась я хлебами, которые принесла с собою, пока не вышли они, – потом растениями пустыни. Когда одежда моя изнасилась, много терпела я от зноя солнечного и от стужи. Часто до того ослабевала я, что не могла держаться на ногах и падала». Старец спросил о внутренних подвигах её. Она отвечала, «этот вопрос приводит меня в трепет, лишь подумаю я о тех страшных опасностях, которым подвергалась я, о тех нападениях, которые вытерпела я от испорченного сердца моего. Целые семнадцать лет испытывала я жестокие и непрестанные искушения. Когда начинала я есть, чувствовала, что мне хочется есть мяса или рыб египетских. Сильно хотелось мне пить вино. В миру я очень любила это питье, так что часто напивалась до излишества, а в пустыне не всегда имела и капли воды, чтобы утолить мучившую меня жажду. Мои беспорядочные страсти влекли меня и ко многому другому. Тогда я начинала рыдать и терзать мою грудь. Я предавала себя

Матери Божией и вспоминала обеты, которые давала я пред Её изображением. Когда я долго таким образом плакала, поражая тело мое ударами, то внезапно свет озарял меня и покой возвращался в сердце мое. Часто мучения старых страстей моих, казалось, гнали меня вон из пустыни. Тогда бросалась я на землю, орошала ее слезами, возносила сердце мое к Пресвятой Деве, и Она никогда не отказывала мне в защите». Так говорила Мария.

Не правда ли, други мои, – страшны были искушения Марии? Жестоки подвиги её? Чудна помощь, посылавшаяся ей с неба?

Страшны были искушения Марии оттого, что слишком раздражены были страсти долгою жизнью в грехе. Как надобно нам страшиться, други мои, чтобы не раздражать в себе страстей долговременным снисхождением к их алчности! Счастливы юные души, если со дней юности начнут покарать себя игу заповедей Христовых. Иначе, чем долее живут по воле страстей, тем тяжелее возвращаться на путь спасительный. Страсти, удовлетворяемые в течении лет, чем далее, тем более становятся дики, неукротимы, разрушительны. Отсекайте в себе дурные пожелания, укрощайте худые наклонности, в самом их начале, пока они еще не окрепли в душе. Часто утешают себя мыслью, что та или другая слабость маловажна, что в том или другом грехе еще успеют исправиться. Проходят годы, начинают чувствовать, что жили худо, решаются отказываться от давней слабости. Но слабость так возобладала душою, что не чувствуют себя в силах преодолеть ее, и то, что в начале так легко было победить в себе, теперь требует подвигов жестоких.

Невыразимо – жестока была борьба, которую вытерпела Мария, со страстями. Но путь к царствию Божию и для каждого тернист. Худые привычки увеличивают тяжесть подвигов для подвижника спасения. Но кто бы ты ни был, друг мой, на небо нельзя взойти без труда. Просторная дорога, гладкий путь, веселая жизнь ведут в ад. Царство Божие, говорит Спаситель, берется с силою (Мф.11:12). Итак, выбирай одно из двух – вечное блаженство и здесь труды, или покой на земле и вечные муки за гробом.

Итак, благословляй Господа, когда Он посылает тебе скорби и бедствия, отнимая пищу у страстей и налагая на них узду против твоей воли.

Впрочем, если путь к царствию Божию труден, то это не значит того, что жизнь подвижников благочестия беспомощна и безотраднa. О, нет! Близок Господь ко всем призывающим Его искренно. Помощь Его готова для каждого, кто просит помощи. Смотрите на св. Марию. Господь не медлит подкреплять и утешать рабов Своих, когда это нужно. Как бы ни были сильны страсти, как бы ни была жестока борьба, воздвигаемая ими; просите помощи свыше, – и помощь подана будет. Чем сильнее восстанет буря греховная на душу, тем неотступнее просите и примите; – получите желаемое, когда, оставив всякую надежду на себя, повергнете пред Господом и свои грехи, и свои немощи; когда воззовете из глубины души, Господи! беден я, грешен я. погибаю, спася меня Спаситель мой! И он подаст спасение, утешит, подкрепит, обрадует, так что забудете все горечи и исчезнут все препятствия. До какого торжества над немощами нашей природы, до какого торжества над самою внешнею природою возвышала благодать Божия подвижников благочестия! Посмотрите на св. Марию, эту утопавшую некогда во грехе грешницу.

Св. Мария, говорит история её, просила старца Зосиму принести ей в великий четверток будущего поста тело и кровь Спасителя. В начале поста, сказала она ему: «ты не сможешь выйти из монастыря». И точно в следующий пост Зосима лежал болен, когда братия пошли за Иордан для уединенных подвигов. Когда приблизится великий четверток, Зосима уже выздоровел и пошел на берег Иордана с телом и кровью Господа, которую нес в чаше, взяв и корзинку плодов. Вечером он увидел святую на противоположном берегу. Она ознаменовала воду крестом и пошла по ней, как по твердой земле. Подойдя к старцу, она, по выслушании символа веры и молитвы – Отче наш, причастилась святой евхаристии и, воздев руки на небо, произнесла в слезах, «ныне отпускаеши рабу твою, Владыко, по глаголу Твоему с миром; поскольку видели очи мои спасение души моей». Обратясь к Зосиме, она сказала,

«прости меня за труд, который причинила я тебе, но не откажи мне еще в милости – в следующий пост приди на то место, где в первый раз говорила я с тобою». В следующий пост Зосима с прочими братьями пошел в пустыню. Первою заботою его было отыскать святую и спросить об имени её, что доселе забывал он сделать. Когда пришел он на место, нашел ее уже мертвою. На теле её лежала надпись, которая говорила, что усопшая называлась Мариєю, а вместе означен был день, когда почила она. Зосима похоронил ее в могиле, которую выкопал посланный Богом лев.

Так подвизалась и почила в пустыне св. Мария.

Позволят ли мне ублажить пустыню, воспитавшую для неба св. Марию? Да, блаженна пустыня, возвысившая до такой чистоты такую грешницу. Чем была Мария, живя в шумном мире! Гнусною грешницею. Чем стала Мария, подвизаясь в пустыне? Ангелом на земле.

Но скажут, к чему эта похвала пустыне? Разве нельзя найти спасения в мире?

Не сомневаюсь, друга мои, что и в городах, и в селах находят спасение рабы Божии. Не сомневаюсь, что на всяком месте можно и должно благословлять Господа. Но, подумаем и о том, зачем Мария, начавшая покаяние в городе Иерусалиме, удалилась доканчивать покаяние в пустыне? Ужели ошиблась она? Ужели допустила дело ненужное, бесполезное для души? Конечно, не скажете, что легче могла ошибиться св. Мария, чем мы, грешные. Мария испытывалась в пустыне, и испытывала пустыню сорок восемь лет. А согласитесь, опыт – великий учитель, это не то, что мечты людей, которые говорят о духовных предметах только понаслышке, и потому знают о них столько же, сколько слепые о цветах. Послушаем и другого учителя, ни для кого непререкаемого, – слово Божие. *Бе отходя в пустыню и моляся*, говорит евангелие о Спасителе (Лк.5:16). *Сидите ту, дондеже шед помолюся тамо* – на пустынной горе, говорил Спаситель пред крестною своею смертью (Мф.26:36). Что значат сии действия Спасителя? То, что чистая молитва требует всевозможного отлучения души от всего сотворенного, чтобы всецело быть с Господом, – то, что

для совершения совершеннейшей молитвы и самый чистый дух, каков дух Богочеловека, имел нужду в пустынном удалении от мира. Вот одобрение пустыне в непререкаемой жизни Богочеловека! Если же сам Господь Иисус находит пустыню нужною даже для Себя, то что сказать нам немощным о себе? О, Боже мой! как мы легкомысленны во всем, что относится к спасению нашему! Мы представляем себя так крепким, что считаем для себя соблазны мира ничем. А на деле и легкая скорбь до того возмущает дух наш, что мы совершенно теряемся; на деле и пустые забавы мира до того занимают собою, что мы бегаем за ними точно, как дети. Нет, не будем обманывать себя. Кроме того, что мир разнообразием предметов, нужд, забот развлекает внимание наше, в нем целые толпы образов, раздражающих ваши слабости, страсти, похоти. Считите тысячи прихотей, развлечений, приличий, необходимостей дома, семейства, общества, придуманных тщеславию, роскошью, страстью к деньгам. И измерьте взором сердце ваше, – не отзывается ли оно более или менее, чаще или реже, на каждое прикосновение предметов и принадлежностей века грешного? Не забудьте и того, что измерить все слабости сердца, увидеть все язвы, наносимые ему грешным миром, почувствовать всю цену духовной чистоты, возможно не иначе, как при озарении сердца светом благодати. О! как не сказать после того, блаженна пустыня, воспитавшая св. Марию для неба! Те, которым открывал Господь всю немощь их и возбуждал жажду служить Ему без развлечений, не находя в себе сил противоборствовать миру, бежали из мира, как Лот из Содомы, чтобы повторять с апостолом, *не имамы зде пребывающего града, но грядущего взыскуем* (Евр.13:14). Другое дело, по сознанию немощей своих, по недостатку сил, нужных для пустыни, но отваживаться на подвиги пустыни; это прилично христианскому духу смирения; это значит, что христианская жизнь имеет свои степени совершенства, как и в дому Отца небесного много обителей. Потому не опасайтесь, не позову я всех в пустыню. Желая только, чтобы все сознавали свои немощи; желаю, чтобы страшились, все страшились обольщений грешного мира.

Владыко Господи! молитвами святыя матери нашея Марии
сохрани умы и сердца наши от губительных стрел мира и
страстей. Аминь.

1848 год.

Отделение VII. Глас Божий к грешнику

Беседа на слова Сыне человек, в стража дах ты дому израилеву

Сыне человек, в стража дах ты
дому израилеву. Егда реку грешнику,
грешниче, смертью умреш и не
будеши лаголати, еже сохранитися
нечестивому от пути своего, той
беззаконник в беззаконии своем умрет,
а крове его от руки твоея взыщу (Иез.33:7–8).

Так говорит Господь пророку своему!

Не тоже ли говорит Он и всем пастырям своим?

Не каждый ли пастырь обязан верно чередовать слово Божие пастве своей? Не каждый ли пастырь должен благовременно и безвременно обличать, убеждать уговаривать грешников, заставляя оставить погибельные пути нечестия и вступить на путь спасительный? Не каждый ли пастырь отвечать будет на суде Божиим за каждую неверность долгу своему? О! какая пастыря!

Братия! приятно ли, или неприятно вам слышать слова, но служитель слова Божия обязан повторить вслух. Это – долг его. Тяжко и жестко слово Божие о грешнике. Но оно – слово Божие, и вы должны слушать его; оно – слово Божие и, без сомнения, нужное для вас, более нужное, чем всякое слово человеческое.

Грешник должен обратиться или он погибнет; кто бы он ни был, он погибнет, если не оставит грешных путей своих. Так говорит Бог пророку о грешнике! Такова воля Божия о грешнике! Таково положение грешника!

Что сказал Бог устами пророка Иезекииля, то говорил и чрез других проповедников своих, то провозвестил и Сам едиnorodный Сын Божий. Устами Иеремии говорил Господь грешнику: *накажет тя отступление твое и злоба твоя обличит тя, и увеждь и виждь, яко зло и горько ти есть, еже оставити мя* (Иер.2:19). У Исаии Он говорит преступным чадам Израиля: *обратитесь ко мне и спасетесь* (Ис.45:22). *Возвратятся грешницы во ад, еси языцы, забывающий Бога*

(Пс.9:18), говорит св. царь Давид именем Божиим. Не мягче ли говорится о грешнике, в новом завете, где так много благодати Божией? Св. апостол учит: *по жестокости твоей и непокаянному сердцу собравши себе гнев в день гнева и откровения праведного суда Божия, иже воздаст комуждо по делом его* (Рим.2:5–6). *Аще во плоти живете, имате умерети* (Рим.8:13). *Кроме святыни никтоже узрит Господа* (Евр.12:14). Спаситель поучает: *иже не имет веры осужден будет* (Лк.24:47). *Аще соблазняет тя рука твоя, отсецы ю, добрее ти есть без руки в живот внити, неже обе руке имущу внити в геенну, во огонь неугасающий, идеже червь их не умирает и огонь их не угасает* (Мк.9:43–44). Довольно ли сего? Не ясно ли, что не воля человеческая, не толкование людей, а воля Божия говорит грешнику, выбирай одно из двух, или возвратись с путей греха на путь спасительный, или жди себе погибели вечной?

Если так говорит о грешнике Сын Божий, Который сошел с неба и знает всю истину, если так говорит Бог, может ли быть иным положение грешника? После того, если бы и ангел с неба говорил вам что-либо другое о грешнике, он не был бы ангелом света, а духом лжи. И точно, только отец лжи может говорить грешникам, вы спасетесь, оставаясь грешниками. Бог возвестил праотцам в раю, умрете, если вкусите от древа познания добра и зла. А диавол уверял, не умрете, – напротив вам отверзнутся очи, вы будете как боги. Так и ныне уверяет он бедных грешников, не тревожьтесь, страх ада – вымысел людей суеверных; будьте выше толпы. И бедные люди поверили ему в раю. верят ему и теперь, верят, хотя опыт праотцев должен бы предостеречь их. Жалкие люди! Какое унижение, какая слепота верить диаволу и не верит Богу.

После того, как ясно определено Богом положение грешника, что означало бы усилие человека выставить положение его в ином виде? нечестивую борьбу с Богом! хотят, чтобы суд беспредельного соответствовал их земным, узким, понятиям. Думают быть правдивее вечной премудрости и правды, какая дерзость! какое нечестие! Не правда ли, что до очевидности бесполезен труд их, что незванные судьи слишком

поздно явились в мир, чтобы переменять законы, так давно данные миру?

Бог милосерд, говорят, и не осудит нас. Да, Он милосерд. По милости своей Он и объявляет грешнику, покайся, или ты погибнешь. Не милость ли Его – это спасительное предостережение грешнику? Не благодать ли Его – эта проповедь нечестивому? Если же грешник не слушает благодати Божией, кто виноват в том? Не сам ли грешник? Плоды неповиновения его горьки, последствия губительны, но они плоды его воли. Если кто жесток к грешнику, то только он сам к себе; он не принял благодати Божией, по-своему произволу.

Бог благ, и не осудит нас. Но понимают ли, чего ожидают от благого Бога? Ожидают, чтобы благодать Божия благоволила к греху, любила грех! Какое безумное ожидание! Благий Бог щадит грешника, но не может любить грех. Грех, предмет отвращения и негодования Его. Если люди считают ни за что грехи свои, если они так равнодушны к делам нечестия своего, не хула ли на Бога думать, что и Он Всевсвятый может благоволить к греху? О! пока грешник останется грешником, грехи его будут предметом гнева Божия. Иному быть нельзя.

Хотят, чтобы нечестивые были в раю. Что им там делать? Им и рай будет адом. Дадут ли им покой их преступления, там, где гнусность и безобразие их были бы озарены светом праведных? И как быть нечестивым в раю? В раю любят Бога, любят все святое, а нечестивые не любят ни Бога, ни всего святого. Как быть им там, когда их желания, их навыки, их мысли влекут их в ад, а не в рай?

Ужели, говорят, не противно правде Божией наказывать за временные грехи вечною мукою? Если вечные награды за временные добрые дела согласны с правдою, отчего же хотят считать вечную муку несогласною с правдою Божией? Пусть лучше поймут, о чем не думали. Пусть поймут, что как в добром деле цена его зависит не от продолжительности его, а, собственно, от его сообразности с волею Божией, так точно низость и греховность преступления человеческого состоит в его противоречии с волею Божией, в его отношении к богосозданной душе.

Грешники! вместо того, чтобы препираться с Божиим словом о грешнике, смиритесь пред ним, покоритесь ему, поспешите выполнить, чего ожидает оно от грешника для его счастья. Покайтесь, чтобы не погибнуть, обратитесь, чтобы быть целыми. Поймите, почувствуйте всю грозную опасность своего положения. Вы погибнете на вечность, если не покаетесь. Такова участь ваша! Вы можете удалять от взора вашего эту участь, но ненадолго. Она выполнится над вами во всей грозной полноте своей и против вашей воли. Грешникам не хочется верить, чтобы это было так. Им хочется жить весело, не задумываясь, тогда как голос Божий возбуждает душу от греховного усыпления. Что же? Голос Божий не изменит ли своего значения, не изменит ли самому себе от того, что хотят того грешники? О! грешники! не будьте так легкомысленны в отношении к самим себе! Придите в себя. Зачем ожидать того, чтобы бесполезно каяться в безумной забывчивости здешней! Зачем не каяться здесь, где так спасительно покаяние!

Любящий негу и покой! Ты боишься самой малой неприятности; ты не доволен, что указывают тебе на грозную будущность беспечного грешника; а между тем готовишь себе страдания вечные, муки неизмеримые. Посмотри – ты стоишь над бездною огня. Невидимая рука, доселе удерживающая тебя, выпустит тебя, и ты низринешься в эту бездну. О! содрогнись. Еще ты цел и благодари Бога. Никакие подвиги, никакие труды, не должны быть для тебя тяжелы, лишь бы не попасть тебе в геенну с твоею беспечностью. Как бы ни были тяжки подвиги, которым остается тебе подвергнуть себя по предписаниям духовного врачевания, они – подвиги временные, которые ничего не значат в сравнении с вечностью мук, готовых для не исцеленного грешника!

Грешники! не удаляйте от взора вашего мысли об аде. Чем менее вы способны служить всесвятому по чистому побуждению любви, тем крепче держитесь страха, благодетельного для вас. Страх грозной вечности – верный страж против грехов. Что все прелести греха, что все приманки чарующих страстей пред вечностью мук, готовых грешнику? Вы, которые делаете из греха шутку, содрогнитесь; – тяжела, страшна там ответственность за

грех. Вы любимцы счастья! не теряйте из виду конца, к которому приведет вас злоупотребление благ земных и – вы станете употреблять их на то, на что даны они вам.

Отче небесный! да святится имя Твое нами!

Беседа на слова: грешниче, смертью умреши

Грешниче, смертью умреши (Иез.33:8).

Грешник! о твоей участи идет дело; тебе грозят смертью вечною. Не правда ли, что дело – стоит всего твоего внимания? И, однако, грешнику холоден, грешник равнодушен к своей вечной участи. Все мы заботимся, как сберечь, как поддержать в себе жизнь телесную; думаем, хлопочем, берем меры, как оградить покой её, как сохранить ее от неудобств, лишений, болезней, скорбей. Не тем ли более надобно заботиться, как спастись нам от вечных мук? Что время пред вечностью? Мгновение! И однако, если уже Господь признал нужным возвестить грешнику, *грешниче, смертью умреши*, верно, сам грешив худо помнит о том, мало заботится о своей вечной участи. Отчего же такое невнимание грешников к своей участи? Чем начинается и чем сопровождается оно в грешниках?

Жизнь будущая сама по себе – предмет незримый, предмет далекий от нас. Чтобы приблизить его к душе, нужна вера. *Вера обличение вещей невидимых*, она осуществление ожидаемого (Евр.11:1). В ком есть живая вера, тому близка, тому присуща, тому ясна и будущая жизнь с её тайнами. Нет живой веры в душе, тогда душа видит и знает только то, что поражает её чувства; живет в круге вещей, попеременно являющихся ей; жизнь земная с её волнениями и переменами доставляет ей радости и горе, скорби и веселье. Это присутствующее, это осязаемое заслоняет для неё все, что выше земного и видимого. Прирожденная мысль о вечности слишком темна, слишком слаба в душе, поврежденной грехом. Если же вера начинается от слышания, а слышание от слова Божия (Рим.10:17), то как быть вере, как быть живой мысли о будущности, когда не читают и не слушают слова Божия? Чем занимаются грехолюбивые? Читают и слушают только легкие, т.е. пустые книги; смотрят только на забавы страстей человеческих. То и другое, говорят, очень приятно, очень весело. И с таким весельем гуляют весь век свой. Друзья мои! умели жить весело и язычники. Но страшно за ваше

легкомыслие языческое! Хотят явиться на суд Божий с языческим невежеством, с языческим незнанием духовной жизни, неба, ада, с языческими страстями! Иные, пожалуй, знают многое, знают, что на море и за морем, что на небе и в глубоких недрах земли. Но так как ни в глубинах моря, нив глубинах земли, нельзя узнать, что придется им видеть за гробом, то и являются на тот свет чужими. Так равнодушие грешника к своей загробной участи прежде всего есть следствие недостатка в нем живой веры, той веры, которая начинается от слышания слова Божия.

Представьте же грешника, занятого суетами мира. Скоро ли мысль о вечности дойдет до души его сквозь густую и шумную толпу забот его? И ум, и сердце бедных тружеников суеты полны житейскими хлопотами. Как усовершенствовать хозяйство? Как поставить промысл в лучшее состояние? Как и где дать движение торговле? Как увеличить доходы с имения. Как ускорить работы? Вопросы за вопросами роятся, в душе и ждут ответов.

Решением этих вопросов заняты днем и ночью, во сне и наяву. На эти предметы обращена вся изобретательность ума, вся сила воли. Точно тоже – у искателей чести и славы. Чтобы приподняться от земли повыше на две или на три ступеньки пред другими, чтобы выиграть выгодное о себе мнение людей, достать видное место у высших, сколько хлопот о том, сколько трудов для того! Где ж тут думать о вечности? Нет времени. И что выходит из того? Заботы житейские, не давая времени заниматься вечностью, превращают бедного труженика в жалкого поденьщика суеты. По той мере, как эти заботы изглаждают в душе заботу и мысль о вечности, они сами становятся более и более бессмысленными и наконец человек оказывается чем-то в роде рабочего животного. Ибо как иначе назвать человека, который день и ночь в работе, но без всякой мысли о небе и Боге? Жизнь его слилась с тем, что исчезает как дым, рассыпается как песок, пробегает как волна. В каком состоянии будет это бедная душа по переходе её в вечность? Мир вещественный, с которым и которым жила она дотол, исчез. Что ж она такое? Привычки её с нею, желания её с нею,

жажда труда с нею; а ничего такого, чем жила она, чем питалась, над чем трудилась, нет более с нею. Несчастной остается жить только с мыслями и желаниями, которых пустота очевидна, но которые потому самому, что пусты и неисполнимы, будут томить и мучить ее, не давая отдыха. Страшная жизнь!

Представьте еще душу больную, душу, зараженную страстью или страстями. Дика страсть к корысти, но как она сильна бывает в душе! Страсть к чувственным наслаждениям – грязна, но и её предметами тешится душа ненасытно. Гордость слепа и тем хуже от неё душе. Мысль о вечности, как яркий луч солнца, открывает больной душе состояние её; при её свете в виду бездна, в которую готова упасть несчастная душа, в виду гнев Божий, страшно карающий нечестивые страсти её. Дозволит ли страсть, возобладавшая душою, свободно подходить к такой мысли? Приятно ли ей знакомиться с такою мыслью? Ах! нет и нет. Она поспешит занять душу приятными видами кое-каких добрых дел её и скажет душе, те неприятности не до нас касаются, займемся другим. Если же как-нибудь встревоженная совесть станет говорить, не правда, об нас идет дело, тогда откроется самая печальная картина. Мысль о вечности будет гнать нечистых духов вон из души, а они, не желая расстаться с приятным жилищем, восстанут против мысли о вечности и будут внушать душе, все – мечта!

Грешник! как жалок ты! ты трепещешь вечности, ты хочешь скрыться от неё! и как тебе не бояться вечности? Там встречаешься ты и с тою душою, которую ты преследовал клеветали злости твоей, встречаешь и бедного брата, которого в гордости попирали ты как червя, встречаешь и ту душу, у которой отнял ты невинность, встречаешь всех, которые лили от тебя горькие слезы, призывая на тебя суд Божий. Страшно грешнику смотреть на вечность! Но – зачем же он тогда еще, как зарождалась в нем та или другая страсть, как можно чаще не обращался к спасительной мысли о вечности? Тогда для души его, не совсем еще расстроенной, мысль о вечности не была так болезненна и ему не трудно было её влиянием ослабить, обессилить в себе пагубную страсть. Теперь – не то и в лучшие минуты его, в минуты отрезвления духовного. Мысль об аде

заставляет исправить многое в жизни заставляет восстать особенно против господствующей страсти; но – эта страсть стала так близка к душе, так срослась с ней; трудно, очень трудно бороться с собой. И вот обессиленный грешник говорит мысли о вечности, «теперь иди, когда буду иметь время, позову тебя» (Деян.24:25). Грешник! чем реже ты будешь встречаться с мыслью об аде, тем положение твое будет хуже и хуже. За отсутствием спасительного страха нечистые страсти будут располагать тобою по уставам безумия; ты дойдешь до того, что сострадательная душа с скорбью будет говорить о тебе, *человек, в чести сый, не разуме, приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс.48:13). Как слепой, идя по краю пропасти, не видит своей грозной опасности и глухой не слышит, когда предостерегают его от ожидающей его беды, так объятые страстью идут к аду беззаботно, не видя ада, не думая о нем. Закрыты глаза у гордого, и он не видит, как часто по судам Божиим повторяется еще здесь казнь над нечестиво-высящимся, *мимо идох, и се не бе, взысках, и не обретеса место его* (Пс.36:36). Таково свойство страстей!

Так скрывается от грешной души вечность её! С такими последствиями удаляется она от взора её!

Братия! чтобы не коснеть мне и вам во грехах, надобно помнить об аде; надобно читать и слушать слово Божие, его верное учение о вечности праведных и грешных. Среди сует мира надобно часто обращаться к тому, что мир оставит нас, если мы его не оставим; надобно мыслью о вечности рассеивать мглу сует земных. Если, к несчастью, зародилась в душе какая-либо страсть, тем настойчивее надобно обращаться к мысли об аде, готовом для грешников, тем чаще надобно освещать его будущность нашу. Вечность – вечность! как много надобно думать о тебе, как твердо надобно держать тебя в мысли. *Блажен бдяй и блюдый ризы своя, да не наг ходит и узрят срамоту его* (Откр.16:15).

Беседа на слова: грешнике, смертью умреши

Ясна воля Божия о грешнике, он должен покаяться, иначе ждет его страшная вечность. Но грешник в иное время тревожится вечностью, чаще же спит с мыслью, не близка эта вечность. Проснись грешник, – вечность твоя не так далека от тебя, как кажется тебе. Осмотрись, и ты увидишь, что грех еще здесь на земле начинает в тебе пагубу, которая в страшном своем виде откроется за гробом.

Как любовь соединяет нас с Богом, так всякий тяжкий грех удаляет от нас Бога и Его благодати. Грешник, совершая беззакония, оставляет Бога своего, и Бог оставляет его себе самому. Чем более беззаботен он о себе в дремоте греховной, тем более отдаляет он от себя благодатную любовь Божию. *Не людие Мои вы и Аз несмь Бог ваш*, говорил Господь преступным чадам Израиля (Ос.1:9). Тому быть нельзя, чтобы Бог благоволил к греху. *Бог не хотяй беззакония Ты еси, не приселится к Тебе лукавнуяй; ниже пребудут беззаконницы пред очима Твоима, возненавидел еси вся делающие беззаконие*, – поет Давид (Пс.5:5). Пророк Божий, отвечая на жалобы Израиля, привлечшего на себя тяжкие беды грехами, говорит: еда не может рука Господня спасти? Или отягчил есть слух свой, еже не услышати? Но греси ваша разлучают между вами и между Богом и грех ради ваших отврати лице свое, еже не помиловати (Ис.59:1–2). Грешник! И в счастье, и в несчастье ты считаешь малостью грехи твои, ты готов шутить и иногда шутишь ими. Нет, грехи не малость, они – стена твердая между Богом и грешником, преграда, которая препятствует благодатной силе Божией нисходить на тебя. Что же такое грешник, отдаливший себя от Бога? В Боге – жизнь наша, а без Бога – смерть. Грешник, нераскаянный грешник, который пьет грехи, как воду, на земле представляет из себя осужденного за гробом; он – живой мертвец.

После сего не удивляйтесь, если скажут вам, что грех производит страшное опустошение в душе грешника.

Что такое грех для ума нашего? На что смотрит ум грешника? Он обращен к земле, а не к небу, к предметам страстей, а не к Богу. Дивно ли, что тогда, как ум грешника совсем отклоняет взор свой от неба, и свет небесный, свет беспредельный перестает освещать душу грешника? Так грех наводит на ум грешника мрак, мрак духовный, пред которым ничего не значит мрак, замечаемый телесным взором. На место света чистого, небесного, в уме грешника являются только блуждающие огни гниющей жизни; на место небесной мудрости является плотская мудрость, та мудрость, которая умеет придумывать приятное для испорченной природы, но не думает о духовном и не понимает ничего из жизни благодатной. *Сущий по плоти плотская мудрствуют (Рим.8:5). Душевен человек не приемлет, яже Духа Божия, юродство бо ему есть и не может разумети, зане духовно востязуется (1Кор.2:14).* Если он и знает закон Божий, то знает, как событие историческое, но не как закон души своей; он не знает, в каком состоянии находится душа его в отношении к воле Божией. Вот почему образованный науками грешник, коль скоро приходит в себя, со вздохом говорит, что у него в душе темно, – темно, а между тем так много знает он. Это значит, что и тогда, как много знает он, в душе его нет света Божия, грех навел мрак на душу, удалив от неё свет благодатный, который один показывает верные пути к небу. Вот почему люди без всякого образования, но подвизающиеся на пути благочестия знают и видят то, чего не могут знать другие. В их душе, очищаемой от греха, почиет свет благодатный, открывающий юг и тайны царствия Божия. Что представляет собою ум человека, поработленного страстям? И опыт людей обыкновенных говорит, что, по действию страсти, предметы являются уму не в своем виде, получают цвет то зеленый, то красный или вовсе темный, смотря по свойству чувства и страсти. Грешник по внушению страстей, готов чернить все чистое, подвергать сомнению всякую истину, осуждать даже святыню и нет той лжи, которой бы не стал он защищать коль скоро это нужно той или другой страсти; по временам видите в нем не только равнодушие, но и явное нерасположение к истине. Не думаете ли, что он действует так

странно с полным самосознанием? Ах! Нет. Как быть там полному самосознанию, где мрак осязаемый? Грешник, объятый страстью, – тоже что больной горячешный. Душа под влиянием страстей не видит себя, не понимает, что не её голос велит ей считать истину ложью, а голос страсти; не слышится совесть в шуме суеты и страстей. Представьте же, что целые годы грешника проходят в служении страстям, что целая жизнь его – только жизнь страстей, чем явится пред вами ум его? Вследствие долгой борьбы ума с истиною, вследствие долгого упражнения в превращении истины в ложь, вследствие долгих занятий только мечтами и пустотой должно открыться наконец полное ослабление самосознания, полное расстройство познавательных сил, полная тупость ума для всего святого и духовного. Мудрость, *не искусившая имети Бога в разуме, предается в неискусен ум творити неподобная* (Рим.1:28). Вот состояние, близкое к загробному состоянию грешника по уму!

Если же грех наводит слепоту на ум, то естественно, что вместе с тем портит он и волю.

Грех отторгает волю нашу от воли Божией, в том сущность греха и здесь же порча воли. Отторгая от воли Божией, он уклоняет свободу человека от источника её силы и могущества и оставляет слабую, испорченную жизнь раскрываться из самой себя, по её влечениям неправильным. Он дает воле совершенно превратное направление. Вместо того, чтобы всеми желаниями стремиться к Богу своему, она стремится к тому, как бы делать приятное самолюбию. Является ли это самолюбие как похоть плоти, или как похоть очес или же в виде гордости житейской, в душе место Бога занимает идол. Что должен был делать человек для Бога, то делает он для идола души. Какое унижение души, созданной для того, чтобы любить и чтить Бога своего! Грех, по-видимому, дарит грешнику полную вольность и независимость. В чем состоит грех? В том, чтобы не слушать воли Божией и быть самому для себя началом и целью поступков. *Будете, яко бози*, говорил обольститель первым людям и первые люди поверили. Также мечта независимости, также надежда стать выше препятствий для воли увлекают каждого грешника. Переходя от одного недозволенного

удовольствия к другому, от одного своеволия к третьему и десятому, грешник готов наконец сказать о Боге вместе с фараоном: *кто есть, его же послушаю гласа* (Исх.5:2)? Какой это страшный обман греха – мечта независимости! *Всяк, творяй грех, раб есть греха* (Ин.8:34). Это – необходимость. Истинная свобода человека состоит в том, чтобы любовью приближаться к первообразу свободы вашей – Богу, и тем раскрывать в себе жизнь лучшую, подобную жизни Божией. Коль же скоро грех есть уклонение от воли Божией; то он уже есть и оскорбление свободы, тем более, что вводимое им служение идолу души скоро становится невольничеством. Грешник в начале видит и чувствует незаконность службы своей кумиру и по временам готов бывает разбить свой кумир, но потом, чем долее остается в службе кумиру, тем рабство становится тягчее, так что и силы и время заняты бывают только тем, чтобы угождать кумиру. Омраченный страстью ум со своей стороны является к услугам греху, чтобы укрепить власть его над волею. Он выставляет идола души в заманчивом виде, скрывая ничтожество его. Для похоти плоти чувственные удовольствия оказываются невинными, для гордости житейской надменность означает благородную важность, а смирение – оскорбление достоинств; для похоти очес то скупость – умная расчетливость, то роскошь – благотворительная щедрость. Так воля развращается более и более. При невольнической службе любимому греху невозможным наконец становится ни одно чисто-доброе дело, ни один подвиг для единого Господа, так или иначе в него вмешивается служение кумиру. Воля до того развращается наконец, что ни в каком случае не останавливает стремления своего к греху. В таком греховном состоянии остается грешник за гробом!

Говорить ли о том, что грех еще на земле готовит в душе адские мучения? Он закрывает в ней приемлемость для духовных удовольствий и необузданностью в наслаждениях преступных расстраивает чувства до безотрадного томления (1Пет.2:3); *несть радоватися нечистивым*, глаголет Господь. (Ис.48:22).

Друзья мои! Грех – самый жестокий враг наш. Необъятно зло, которое наносит он нам. Как много слез надобно лить нам за легкомыслие, с каким смотрим мы на грех. *Постраждите, и слезите, и плачитесь; смех ваш в плач да обратится и радость в сетование (Иак.4:9).* Небесная мудрость верна в своем слове, она говорит нам: *блажен человек, иже покушает Мене. Обретаяй бо Мене, обрящет живот. Согрешающий же в мя нечествуют на своя души, делают несправедливость, душам своим, и ненавидящий Мя любят смерть (Притч.8:34–36).* Господи! просвети души наши Твоею благодатью, да видим и чувствуем мы, как сладко служить Тебе и как горько удаляться от Тебя.

Беседа на слова: не хочу смерти грешника

Рцы им, живу Аз, глаголет Адонаи
Господь, не хочу смерти грешника, но
еже обратится нечестивому от пути своего
и живу быти, обращением обратится от пути
вашего злаго и Вскую умираете, доме израилев?
(Иез.33:11).

Как упорен грех в человеке! Когда говорят грешнику: обратись, или ты погибнешь, и грешник начинает чувствовать пагубу греха. Но грех, отстаивая себе место в душе грешника, говорит грешнику, *вящшая вина твоя еже оставитися* (Быт.9:13), ты слишком много грешил, чтобы быть прощенным, остается тебе жить, как живется. В другой раз грешник,отягченный горькими последствиями грехов своих, жалуется на свою участь, тайно обвиняя в ней Бога, а сам идет по-прежнему путем греха; «все кончено для меня, говорит он, Бог оставил меня, несчастья, плата за грехи мои, выше сил моих». Осмотрись, грешник! Кто желает твоей гибели? Осмотрись, и ты увидишь, что Бог одного желает для тебя, чтобы ты был жив, желает одного спасения тебе.

Что значит, что ты еще живешь на земле? Грехи твои не осудили ли тебя давно на гибель? Совесть твоя не говорит ли тебе, что по множеству нечестий сердца твоего, по множеству тайных и явных грехов твоих, ты бремя земле. И, однако, ты наслаждаешься дарами жизни земной. Когда увлекался ты гордостью до безумия, тщеславием до потери смысла, гневом и яростью до неистовства, осквернялся нечистотами плоти до потери сознания, сколько раз Господь Бог мог поразить тебя среди нечестий твоих? И ты еще жив. Когда ты, ослепленный страстями, не только сам не видал безобразия своего, но не доволен был и укорами дружбы, с гневом защищал в себе дела тьмы и касался хулою святых истин, чего стоило правосудному в мгновение представить тебя на суд свой с хулами на устах, с борьбой против правды в сердце твоём? Но ты еще жив. Эту плоть грешную, которую ты так нежишь, оскорбляя Бога твоего,

этот состав гнилости, пред которым ты так унижаешь бессмертную душу твою, праведный гнев Его не мог ли давно отдать в пищу червям или зверям хищным? Не менее ли значит для всемогщего низвергнуть тебя с земли в ад, нежели тебе сдвинуть пылинку? Как легко Он может связать язык нечестивого хулителя, усмирить самого дерзкого из врагов своих! Один посланный Им истреблял тысячи грешников. Так, если ты еще жив, грешник, если на тебя, как и на праведников, льются лучи жизни и наравне с ними ты пользуешься столькими дарами земными и небесными, духовными вещественными, как дерзаешь ты думать, что Бог оставил тебя? Как дерзаешь ты не признавать над собою благодати Его? Как позволяешь себе быть неблагодарным пред твоим Отцом небесным?

Рцы им, живу Аз, глаголет Адонаи Господь, не хочу смерти грешника, но еже обратится нечестивому от пути своего и живу быти. Народ Израильский, долго оскорблявший Бога своего то повременным служением идолам, то разными другими преступлениями, наконец предан за нечестие свое жестоким казням. Под гнетом бедствий он чувствует наконец виновность свою, сознает, что он под гневом Божиим за грехи свои, но, не расставаясь с грехами, досадует на тяжелую участь свою; ропщет на то, что нельзя ему оставаться по-прежнему с грехами без того, чтобы не терпеть бед. *Прелести наша, говорят отступники, и беззакония наша в нас суть, лежат на нас, как бремя, и мы в них таем и како нам живым быти?* (Иез.33:10). На эти-то слова отвечает Господь. О! Благодать непостижимая! Она попускает грешникам досадовать на участь свою, в которой они сами виновны, высказывать ропот на Господа своего, как будто немилостивого к ним. Мало и того. Она препирается с упорными грешниками; старается победить упорство их клятвою. Клятвою уверяет грешников, что не хочет гибели их и желает им только добра. Прочь мрачное уныние, мятежное против Бога, покорное одному греху! Между людьми всякому спору полагает конец клятва. Клятва Божия должна положить конец и всем сомнениям грешника о себе, если только не хочет он быть с сомнениями сатаны. Бог верен в своем слове. Если Он сказал, что желает одного спасения грешнику,

готов не только простить грешника, но и подать ему все нужное для лучшей жизни, слово Его свято. Он строго запретил людям клясться в делах неважных. И потому, если Сам клянется, что не желает смерти грешника, очевидно дело спасения грешников – дело важное в очах Его. И как часто открывал Он такую волю свою о грешнике! *Бог наш, Бог спасений наших, Бог, еже спасати (Пс.67:20–21). Да оставит нечестивый пути своя, и муж беззаконный советы своя и обратится ко Господу, и помилован будет, яко по премногу оставит грехи ваша (Ис.55:7). Беззаконник, аще обратится от всех беззаконий своих, яже сотворил, и сохранит вся заповеди моя, – жизнь поживет и не умрет, вся согрешения его, елика сотворил, не помянутся ему и в правде своей, юже сотворил, жив будет (Иез.18:21–22).* Вот воля Его, объявленная чрез пророков! И не оправдана ли она опытами? Пред нами примеры помилованных грешников – Давид, Ахаав, Манассия. Ахаав, столько творивший зла пред Богом, как никто из современников. Манассия, *наполнявший весь Иерусалим беззаконием.*

Для чего Сын Божий нисходил на землю? Для чего вечную славу Сына Божия скрывал Он в уничиженном образе раба? Для чего смиренное естество человеческое принял в состав ипостаси божественной? *Прииде Сын человеческий взыскати и спасти погибшего (Лк.19:10).* *Не приидох призвати праведные, но грешники на покаяние,* так говорил сам Он, вечная и всегда верная себе истина. И какою любовью к грешникам дышали все поступки и слова Его! В каких ясных, в каких поразительных образах представляет Он нам благодать Божию, готовую принять кающегося грешника. Вот преступный сын расточает имение родительское на стране далекой; но едва решается возвратиться к отцу, отец сам встречает его, обнимает его и говорит, скорее – новые одежды, скорее заколите тельца упитанного, сын мой, считавшийся потерянным, нашелся, будем веселиться. Вот пастырь оставляет стадо и идет искать одну заблудшую овцу, найдя возлагает ее себе на рамена и несет в стадо. О любви Отца небесного к грешникам проповедовал Учитель небесный и сам жил и умер любовью к ним. Он, который будучи Сыном Божиим, носит все глаголом силы своей,

не имел, где главы приклонити, переносил голод и зной, жажду и утомление. Судия живых и мертвых стоял как агнец пред судиями самыми несправедливыми, выслушивал их насмешки и оскорбления, терпел заушения и раны, оплевания и биения. Начальник жизни, истерзанный страданиями, умер позорною смертью, на кресте. Для чего все это? Не для того ли, чтобы примирить правосудие Отца небесного с виновным человечеством? Кто же может после того заграждать людям вход в царствие Божие? *Тако возлюби Бог мир, яко и Сына своего едиnorodного дал есть, да всяк, веруяй в Онъ, не погибнет, но имать живот вечный (Ин.3:16).* Сын Божий, говорит св. апостол, в звании первосвященника со своею собственною кровью вошел единожды в святилище небесное и приобрел вечное искупление, Он – первосвященник, искупитель для всех времен (Евр.9:12). Пусть смущенная совесть грешника не говорит того, что оправдание Сына Божия не относится к такому грешнику, каков он, оно принадлежит избранным, достойным того по жизни. Правда. Сын Божий пострадал за нас не для того, чтобы беспечно жили мы во грехах; но посланники Божии учат нас, что кто бы ни грешил и какими грехами ни отягчил бы свою совесть, цена заслуг Сына Божия – беспредельна, не ограничивается ни лицом, ни временем. *Чадца мои, пишет апостол Иоанн, сия пишу вам, да не согрешаете, и аще кто согрешит, ходатая имамы ко Отцу Иисуса Христа праведника. И той очищение есть о гресех наших, не о наших же точию, но и всего мира (Ин.2:1. 2).* Кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха (Ин.1:7). Ап. Павел поучает: *благовествование Христова сила Божия есте во спасение всякому верующему (Рим.1:16).* И не сам ли Сын Божий установил навсегда в церкви своей власть прощать и не прощать грехи? Не по Его ли воле каждому кающемуся у алтаря Господня отпускаются грехи? Не по Его ли воле учителя веры всенародно и на едине показывают грешникам, что нужно для того, чтобы получить разрешение духовное? «Обитающие на земле, учит св. Златоуст, допущены управлять тем, что на небе, получили такую власть, какой не дано ни ангелам, ни архангелам. Ибо тем не сказано, елика аще свяжете на земли

будут связана на небеси, и елика аще разрешите на земли, будут разрешена на небесех. Что священники делают долу, то Бог определяет горе, и Господь утверждает мнение рабов своих» (О священстве, слово III).

Итак, кто бы и каков бы ни был грешник, двери милосердия небесного открыты для него. Как бы глубоко ни пал человек, как бы ни были тяжки грехи его, как бы ни было велико число их, Бог желает спасения его, потому что благ, и может спасти, потому что всемогущ. Это несомненно, особенно для тебя, христианин, пред взорами которого преднаписан распятый за грехи людей Сын Божий.

Подумайте, же, грешники, кому приятно видеть вас грешниками? Кто желает гибели вашей? Бог не желает того. Это верно, как святая правда. Все, кто только любит Бога, по Его примеру, также желают вам всего лучшего. Кто же желает гибели вашей? Отец лжи и нечестия без сомнения рад вашей гибели, он истинный враг наш и Божий; любя одно зло, он употребляет все меры, чтобы завлечь людей в грех и обманутых вести от преступления к преступлению до погибельной нераскаянности. К чему же нам тешить собой диавола? Есть и еще, бедная душа моя. опасный враг твой, который строит тебе погибель – это испорченная грехом природа твоя, именуемая в писании плотью. Плоть непрестанно воюет с духом, и воюет весьма хитро. Она любит нежиться, жить просторно и весело; любит похвалы и почести. И очень не любит ни трудов, ни подвигов; не любит ни поста, ни покаяния, ни молитвы, ни смирения. Дивно ли, что, не желая ни трудиться, ни каяться, она внушает тебе клеветы на Бога твоего, будто слишком строгого к себе, будто неготового ни прощать тебя, ни подавать помощи? Зачем же слушать врагов наших, ищущих гибели нашей?

О! скорее припадем к Богу благому и милостивому. Прольем пред Ним скорбь нашу о ранах души нашей. Он подаст благодать, оживляющую все омертвелое в нас. Он – жизнь для всего.

Беседа на слова: обратитися от пути вашею злаго

Рцы им, обращением обратитися от
пути вашею злаго, и Вскую умираете доме
Израилев? (Иез.33:11).

Изумительное упорство в человеке-грешнике. О его счастье, о его участи вечной заботятся; ему говорят, остановись, – ты идешь к гибели. И он, не слушая, идет путем прежним. Кого же не слушает, кого оставляет он без внимания своего? Господа неба и земли. Солнцу повелел Господь совершать путь свой, и оно в точности выполняет волю Его. Тысячи светил небесных, не уклоняясь совершают течение, назначенное волею Владыки своего. И бурные моря не смеют выступить из пределов, положенных изволением творческим. Духи бесплотные, сильные умом и волею, покорно служат Господу своему, и в исполнение воли Его служат даже нам грешным (Евр.1:14). Грешникам говорит Господь: *обратитесь от пути вашего злаго*. И грешники не слушают. О! грешники! придите в себя, подумайте, кому вы противитесь? Положение ваше еще более окажется страшным, непослушание ваше еще более представится преступным, когда размыслите, с какою любовью зовет вас Отец небесный к спасению вашему. В каких видах является зовущий глас Его к вам!

Если бы грешник не развлекался так часто и так много суетами мира, если бы волнение страстей не занимало так часто и так много деятельности души его, как часто он слышал бы в душе своей глас Божий, зовущий его к лучшей жизни. Но и при всем шуме сует и страстей не слышится ли по временам его глас, обличающий нечестия путей его? Что значит эта пустота, которую ощущает он в себе, пресыщенный благами мира? Что значит это томление души, это недовольство её ни собой, ни всеми, что за час перед тем так утешало ее? Ах! Души, назначенной для жизни вечной, нельзя напитать прахом и гнилью земля; после часов преступной забывчивости она сама вопиет грешнику, «не здесь мой покой, не здесь жизнь моя, – чем более расширяют для меня область произволений,

кажущихся и легкими, и веселыми, тем более удаляется от меня дорогая отчизна моя, страшно мне в чарующем шуме грехов». Грешник! Если ты спешишь заглушать в себе этот беспокойный голос души шумом страстей и волнениями суеты, ты согрешаешь тяжко. Берегись. Голос души твоей, как запечатленной подобием Бога твоего, выражает тебе голос неба, который ты тем более должен уважать, что, заглушив его, ты останешься с именем человека, без истинного достоинства человеческого. Что разум твой, если не видит он самого великого? Что разумного в жизни твоей, если вся она служение страстям и суете? Не то же ли душа твоя, что душа бессловесная, если питается она только землею? Так, пока есть еще жизнь в душе твоей, не может она не вопиять тебе, обратиться к Господу твоему – и не свое говорит она тебе, она говорит от имени Бога своего, создавшего ее Себе ради.

Небеса поведают славу Божию и о делах рук Его вещает твердь; миры далекие прославляют могущество Его; мириады звезд возвещают Его славу и мудрость дивную. Шествие светил по определенным путям говорит о могуществе и мудрости Творца их и этот голос повторяется в отдаленнейших краях. Песни миров, с шумом стремятся, как волны. День дни переливает слово и ночь ночи передает знание. Нет языка и наречия, на котором бы не слышан был голос их, на котором бы нельзя было понять их проповеди (Пс.18:2–4). Как не соединиться тебе, человек, с хвалами чтобы славить дела великого Творца? «Господи Боже! когда взираю на небеса Твои, дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые ты поставил, что значит человек, что Ты помнишь Его?» (Пс.8:4–5). О Боже мой! сколько преступна гордость моя! От чего страдает прекрасная природа – дивное создание рук Твоих? От чего вздохи её, слышные в землетрясениях, громах и бурях опустошительных? Ах! это грозное обличение заблуждениям человека. Его неверность Творцу своему произвела беспорядки в природе; человек – владыка её, покорившись суете, покори́л тому же и подчиненную ему тварь. В скорбных страданиях тварь ожидает свободы своей и жалуется Творцу на человека, жалуется тем

более, что человек продолжает неумоимо работать суете, умножая её страдания (Рим.8:21–22). О! век много попечительный! ты хвалиться своими изобретениями. Но заставляя так много, как не бывало прежде, служить тварь изменчивым прихотям страстей человеческих, не должен ли ты горько плакать над изобретениями твоими?

Посецы ю, Вскую и землю упражняет? (Лк.12:7). Так говорит хозяин садовнику о бесплодной смоковнице. Братия! жизнь наша так полна благоденствий Божиих. Все, чем живем мы, все, чем наслаждаемся – пища, питье, одежда, дом, свет дня, покой ночи, богатство, известность, – все Его. О нем живем, движемся и есмы (Деян.17:28). Не вызывают ли нас дары благоденствия небесной быть признательными к ней? Как нам не помнить сего звания, когда и вол знает стяжавшего его и осел ясли господина своего? Кто пользуется удобствами жизни, без всякой мысли о благодетеле своем, кто употребляет дары Его вовсе не по Его намерениям, не подобен ли тот смоковнице, о которой было сказано, *Посецы ю, Вскую и землю упражняет?* Каждое благоденствие Божие – Божия проповедь вам о близости к нам, Бога, Бога благого ко добрым чадам своим, но гневного к чадам дерзким преслушным. И не слышим ли мы гневный глас Божий в неприятных переменах жизни нашей? Болезни, потери, смерть близких нам, огорчения по службе и дому улики грехам нашим, призыв к покаянию и смирению. Богач неожиданно лишается богатства своего, которое было. кумиром сердца его; другой подвергается бесчестью, тогда как, для возвышения своего пред другими, забывал многое священное; неумолимая смерть лишает третьего супруги и детей, для которых он не подвиг о небесной родине своей. Что все это, как не признание забывчивых грешников к самоиспытанию? Когда утехи людей покрывают мглой своею целые области земные, когда нечестия и беззакония становятся господствующими правилами для целых стран, целые города и царства неожиданно испытывают страшные потрясения войны губительной, голода и мора. Что это, как не суды гневного Бога над народами, забывшими Его? Что это, как не гром Божий, которым будят неразумных, заснувших под обаянием грехов? И если он слышен даже и в

отдаления, как оставаться нам беззаботными, как не сокрушаться о грехах наших?

*Многочастне и многообразне древле Бог глаголавый Отцом во пророцех, в последок дний сих глагола нам о Сыне (Евр.1:1). Итак, каждый из пророков есть живой глагол Божий, каждый из праведников древнего времени есть орган Господний. Представьте же, сколько слышите вы гласов Божиих, начиная с Адама и до Христа! О! неистощимая благодать Божия! когда грешники переставали оскорблять ее своим невниманием, когда не оказывали пренебрежения к небесному Владыке своему? А благодать небесная, никогда не умолкая, говорит им, грешники! обратитесь с путей погибели на путь спасения. Применяясь к свойствам и духу времен, она пременяет глас свой, говорить многообразно, но мысли и требования её одни и те же, одного ожидает она от грешников – обращения их. Сам Сын Божий, сошедший с неба, возвестил им, *покайтесь, приближися бо царствие небесное!* Если глаголы Божии, раздающиеся в душе человека и в природе видимой не всегда внятны бывают для грешника, котя и по вине самого грешника, то в св. писании со всею ясностью и полнотой открыта воля Божия о грешнике. После такого внятного звания Божия, каково звание откровения Божия, грешник не покорный безответен. Особенно же звание новозаветного откровения, где столько любви и света небесного для грешника, с какою совестью может быть оставляемо без внимания? *И сие ведяще время, поучает св. апостол, яко час уже нам от сна востати, ныне бо ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом. Ночь убо преjde, а день приближися. Отложим убо дела темная и облечемся во оружие света. Яко во дни благообразно да ходим, не козлоглосовании и пьянствы, не любодеении и студодеении, не рвением и завистью, но облечытеся Господом нашим Иисусом Христом и плоти угождая не творите в похоти* (Рим.13:11, 14).*

Братия! слышите ли? Нас ищут, нас зовут, к нам льется с разных сторон глас милосердия Отца небесного: *обратитесь ко мне и обращусь к вам* (Мал.3:7). Долго ли нам не слушать? Долго ли испытывать терпение Божие? Не всегда же нас звать

будут. Нельзя быть тому, чтобы непокорность наша осталась ненаказанною. Премудрость вечная говорит: *понеже звах и не послушасте и простирав словеса и невнимасте, но отметасте мои советы и моим обличением невнимасте, убо и аз вашей погибели посмеюся, порадуясь же, егда приидет вам пагуба* (Притч.1:24:26). Да не будет того с нами, братия!

Беседа на слова: Вскую умираете, доме Израилев?

Бог не желает смерти твоей, грешник! Он желает твоего спасения! Имеешь ли ты причины не желать своего спасения? Ах! чего же и желать тебе более, как не своего спасения? О чем всего более тебе надобно заботиться, как не о вечном спасении своем?

Что всего нужнее нам, как не спасение души? Для чего живем мы на земле? *Избра нас Бог прежде сложения мира быти нам святым и непорочным пред Ним (Еф.1:4)* Бог – цель существования нашего! Эта цель назначена свыше. Потому должны мы выполнять ее. Другой цели не имеем мы права назначать себе; потому что не зависим от себя. Мы созданы для того, чтобы представить душу Владыке её в виде достойном Его святой любви. О том прежде всего и более всего и должны мы заботиться. Каждое существо в мире прежде всего обязано быть тем, чем быть создано. И каждый человек прежде всего обязан быть человеком, разумным и верным слугою Бога своего. Грех испортил в нем душу; богоподобный дух его должен, при помощи высшей, исправлять испорченную жизнь и вести ее к совершенству. *Ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам (Мф.6:33)*. Вот как важно устройство царствия Божия в душе! Все другое, что нужно нам только на время, для земного пути нашего, подается нам Господом прежде прошений наших, если только заботимся о спасении души. И тело, и окружающие нас предметы назначены служить спасению бессмертной души. И так первая забота наша не о них, а о душе; на них остается смотреть только, как на средства для души. Спасение души – существенная потребность каждого, не удовлетворять этой потребности значит не жить и даже хуже, чем не жить. *Добро было бы, аще бы не родился человек той,* сказал Спаситель об Иуде предателе, погубившем себя (Мф.26:24). Вот в какой связи находится существование души с её спасением. Если теряется спасение её, то её существование – бытие без цели, вопиющее оскорбление премудрому и благому, осуждение себе самому. Поймите же после того, что

мы созданы не для случайных условий жизни, – не для того, чтобы быть богатыми и знатными, мы созданы не для торговли, не для промышленности, не для делания земли, не для искусств, не для наук. Пусть все это нужно для земной жизни; но прежде всего и более всего нужно спасение души. Из тех занятий одно нужно для одного, другое для другого, третье для третьего. Спасение души нужно для всех. Господин ли кто или слуга, воин или земледелец, богатый или бедный, художник или ученый, все вы пользуетесь жизнью с тем, чтобы в первую половину бытия, оканчивающуюся гробом, старались вы быть благочестивыми и святыми, и тем приготовить себе счастье в жизни загробной. Так жили все лучшие люди! Они все стремились к почести высшего звания (Флп.3:14).

Душа наша так высока, по своим свойствам, что все земное в сравнении с нею очень бедно. Христос Иисус, вечная истина, противопоставив человеческую душу видимому нами миру, с его красотами и разнообразием, изрек, что весь мир не может вознаградить собою человеку потерю души его, *какая польза человеку, если мир весь приобретает, душу же свою отщесит?* (Мф.16:26) В самом деле, как не быть высокою душе нашей, когда она носит на себе образ Божий, образ ума всесовершенного и воли с высшею свободою и мощию? Она крепка и сильна в сравнении со всем видимым уже и потому, что бессмертна. А её разум, как много может обнимать собою! Её свободная воля чего достигнуть не может? Душа может умом своим обнимать не только мир созданный, но и познавать Бога своего, Бога миров и вечности. Она сердцем своим может беседовать в молитве с Господом и вносить в мир чудодейственную силу молитвы. Любовью своею она может приближаться к Господу своему и низводить благословение Божие на тварь видимую. Силою Искупителя своего она может быть могущественною, как и Он. *Веруяй в мя, сказал Господь, дела яже Аз творю, и той сотворит и боляша сих сотворит* (Ин.14:12). Грех испортил в душе многое, но за то, как возвысила ее благодать Духа Святаго! *Не весте ли, яко храм Божий есте и Дух Божий живет в вас?* (1Кор.3:16). Как же нам не заботиться всего более о нашей душе, когда она так высока

по дарам небесным? Как не беречь, как не охранять в себе храма Божия? Как ставить заботу о теле и о земных вещах наравне с заботой о спасении души? Обладание целым миром не может вознаградить» потери души. А люди меняют душу/на блески золота, на улыбку сильных земли, на удовольствие гнилой плоти! Какое ослепление! Какое преступление неразумное!

Сердце сжимается грустью, когда смотришь на несчастную чету, которая в источнике счастья своего, в союзе супружеском, нашла для себя родник неисчислимых горестей. Томительное горе лежит на сердцах этих людей, призванных к любви и радостям, они связаны для взаимного вспоможения и утешения, а вместо того отравляют жизнь свою своим союзом. Не твой ли это образ, бедная душа моя? Ты дала обет любви Господу при самом творении твоём, повторила его с клятвами при крещении. Какой это – высокий союз! Со стороны Господа все тебе дано и дается. Что же в тебе происходит? Какие это мучительные дни бывают, когда внутренняя пустота и недовольство собой, спутники преступных забав – томят душу тоской, хуже всякого горя, когда освободившаяся от насилия страсти совесть начинает подрывать одну за другую основы влечений ко греху и терзать душу раскаянием жгучим. Развлечения, рассеянность, веселости, чувственные наслаждения не удовлетворяют, не питают, не покоят бессмертного духа. Не от земли ли это, на которой, живешь ты, наследница неба? Нет, совсем нет. То ли бывает с душою, когда она все употребляет, чтобы хранить верность Господу своему, или что тоже, заботится о своем спасении? При мире совести, она свободно возводит взор к небу, к Отцу щедрот и милостей, хвалит и славить благодать Его к ней. Какая стройность, какая живая деятельность во всей внутренней жизни её, при заботе о спасении! Мысли её ясны, чувства мирны, желания умеренны, страсти, враги покоя и здоровья её, молчать. Каждый труд дня, каждое занятие, даже и неважное, облечено значением важным. Дела звания, которые в другом случае кажутся тяжестью, выполняются легко и свободно. Препятствия, искушения, огорчения, не смотря на то, что вызывают душу на борьбу и

подвиги, побеждаются без утомления. Душа знает, она убеждена, что неприятности временные ничего не значат в сравнении с славой, которая должна открыться в ней по совершении дела спасения её (Рим.8:18). Пусть, говорит она, тлеет, пусть под тяжестью трудов и подвигов слабеет и теряет силы испорченная природа моя, которая так противится спасению моему, лучшее во мне то, что вышло из рук Творца моего обновляется со дня на день (1Кор.5:16). Забота о своем спасении дарит душе независимость от всего временного. Тревоги времени не беспокоят того, кто занят, спасением души своей. Перемены времени, говорит он, не касаются до меня, до спасения бессмертной души. О чем мне печалиться? Не о богатстве ли? Не о деньгах ли? Не о честях ли? Не об известности ли? Все временное проходит, все земное тлеет. Стоит ли крушиться о том, что пробегает, как волна, исчезает, как дым, теряется, как звук? О други мои! Даже и для времени мы бываем только врагами себе, врагами своему покою, врагами своей жизни, когда теряем из виду спасение души своей.

Вечность, – вечность! И забывчивый язычник не всегда забывал о тебе; и его по временам тревожила ты собою. Как же нам, христианам, забывать о тебе, нам, которым описана ты так ясно, так живо, так убедительно? Как же мы вступим в твой круг, беззаботные о спасении души своей? Каково будет жить нам в бесконечном течении твоём? Ничего нельзя сказать против справедливости приговора, *что сеет человек, то и пожнет* (Гал.4:8). Свят Бог, святы и Его слова, «каждый получит плату по-своему труду» (1Кор.3:8). Никакой суд пристрастий не опровергнет того, что «если кто и подвизается, не будет увенчан, когда незаконно будет подвизаться» (2Тим.2:5). Настанет время жатвы, когда посеянное тобою вырастет, и ты увидишь, как и что сеял ты. Если на почве души твоей сеял ты только грехи и беззакония, о какие горькие плоды придется тебе вкушать там! Настанет время наград. Чего же ждать тебе, если жизнь твоя – сон беспечный? Бог – правда вечная, за каждый подвиг для добра заплатить радостью, но и не оставит без воздаяния ни одной мысли преступной, ни одного слова

праздного, тем более гордости, тщеславия, неги, роскоши. Будь осторожен здесь. И добрые подвиги, совершенные по намерениям нечистым или не в свое время, не дадут тебе венца. Будь на страже при твоём сердце. Не давай ему обольщаться грехом, за который тяжела ответственность за гробом. Чтобы оживить в себе мысли о твоей вечности, представь себе состояние умерших. Почести, богатство, пышность, роскошь нужны ли им теперь? Ах! Они для иных более, чем бесполезны, за то, что ими не умели пользоваться здесь, за то, что ими воспитали в себе страсти и испортили душу, грехолюбивые владельцы их страждут *в пламени* (Лк.16:24). И тебя ждёт или вечность блаженная, или вечность мук, смотря по тому, к чему готовишь ты здесь душу свою. Нет тех трудов, тех подвигов, которых бы не стоило спасение души от вечных мук. Если бы правая рука или правый глаз подвергали опасности чистоту и здоровье души твоей, лучше лишиться их, нежели погубить душу на вечность.

«Душе моя, душе моя! Востани, что спиши? конец приближается, имаши смутиться. Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый и вся исполняй».

Беседа на слова: и Вскую умираете, доме Израилев?

И почему вы хотите умереть? – так Господь вопрошает грешников. Итак, грешники желают умереть? Возможно ли такое желание? Как желать себе смерти? Все желают жизни, все берегут жизнь. А грешники хотят умереть! Правда ли это? Ах! Суд Господа не может быть неверным.

Грешники хотят умереть! Страшно, но верно. Если грешники идут путями, ведущими к аду, чего желают они себе, как не гибели? Им сказано, куда ведут пути, по которым идут они; но они идут ими. Они полюбили грех и ни за что не расстанутся с ним. Они нечестивы и хотят быть нечестивыми. Они пристрастны к миру и хотят быть пристрастными. Напрасно говорят им, *любых мира сего вражда Богу есть, иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает (Иак.4:1)*. Приидите чада, говорит нам Дух святой, *послушайте Мене. Кто есть человек, хотяй живот, любяй видети дни благу? Уклонися от зла и сотвори благо (Пс.33:12–15)*. Как давно начал повторяться этот призыв вслух людей! Что же грешники? Творили и творят злое. Не ясно ли, что не любят они *видети дни благу?*

Правда, ни один грешник не скажет о себе, что хочет он погибнуть. За то дела его показывают другое. Если бы боялся он гореть в аду, то не зажигал бы он адского огня грехами своими. Если бы желал не быть в геенне, не творил бы дел, за которые назначена геенна. Грешник говорит, что не хочет он погибнуть, а остается грешником. Это тоже, что говорить, я пью яд, но не хочу умереть; хочу броситься с горы в бездну каменистую, но не хочу разбиться; хочу зажечь дом, но не хочу сожечь его. Грешники! К чему вам обманывать себя? Кто не избегает средств к гибели, тот не выбирает ли самую гибель? Если не отказываетесь вы от того, что любите грех, если вы по временам даже хвалитесь грехами, то не отказывайтесь и от того, что вы любите свою гибель, желаете

себе смерти. Страшно последнее? Удержитесь от первого. Иначе желания ваши не переменят свойств греха.

Кто не хочет поддерживать жизнь пищей, что бы ни говорил он, он не хочет жить. Кто упал в воду и не хочет выйти оттуда, не позволяет и другому извлечь его из глубины, тот, конечно, хочет утонуть. Что же делают грешники? Не отвергают ли они средств к спасению своему? Не отвергают ли всего, что могло поддержать и оживить в них жизнь духовную? Сколько борется с ними благодать, чтобы извлечь их из глубины греха, они упорны против благодати, отвергают все пособия её. Друг Божий и друг людей показывает им опасность положения их, с скорбью в душе объясняет им тяжкие ошибки их, с любовью предлагает верные средства против грозной опасности, ему или говорят, пусть каждый знает себя, или холодно поблагодарят и отпустят ни с чем. Служитель евангелия Христова желал бы на едине показать им долг их, и то, как много оскорбляют они себя и Господа грехами. Но они считают себя слишком умными, чтобы иметь нужду в его наставлениях, и слишком высокими, чтобы низойти до состояния смиренных учеников слова Божия. Мало зная дело спасения душевного, совсем незнакомые с тайнами духовной жизни, люди развращенные в негодовании глумятся над самым благочестием, над самою верою святою. Итак, поступают не тогда только, когда стали бы объяснять им глубокую истину христианства, малодоступную для неопытных в вере, но и когда предлагают им простые правила жизни христианской. Вот, например, заповедь, *помни день субботний еже святити его*. К сожалению, иные не только делают и заставляют делать в воскресный день, что назначено делать в простые дни, но еще сквернят святой день нечистотами своими. Кто сказал бы им, это грешно, это богопротивно; тому ответят наглою насмешкою, или даже имя того пронесут между людьми, как имя человека дерзкого. Не очевидно ли, что грешники хотят своей гибели?

Грешники хотят умереть! Страшно, но верно! Человеку предоставлено на выбор любить доброе или худое; ему дана свобода; и он может идти, куда хочет, к Богу ли ближе, или от Него. Совершенство человека возможно только при общении с

Богом, все лучшее ожидает его, когда он любит Бога, свобода его тогда раскрывается более и более, жизнь Божия полнее и полнее открывается в нем. Но, если человек, по-своему произволу, не любит воли Божией, это тоже, что желает он умереть, так как без Бога жизнь невозможна. Он во зло употребляет свою свободу; но это его дело. Это несчастное желание смерти особенно легко стало открываться в нем после того, как испорчена грехом чистая природа его. С того времени, омраченный грехом ум содействует тому, что человек желает не спасения, а гибели своей. Этот отуманенный ум видит обманчивую сторону греха, обольстительную и приятную, и не видит той стороны греха, которою он губит нас. Он видит разнообразные движения змеи, красивый перелив цветов её на солнце, и как дитя, уверяет, что змея красивое животное, её стоит держать в руках, у своего сердца. А того, что жало змеи наполнено ядом, он не помнит, не имеет в виду. Таковы мысли его о грехе. Представьте же, какое действие могут иметь на волю, и по себе склонную к греху, такие мысли ума о грехе? Что должно выйти из соединения обольстительных мыслей о грехе с склонностью воли к греху? Выходит то, что грешник любит грех, тогда как он губит его. Не удивительно, что и яд может казаться сладким на вкус, быв смешан с сахаром. Но если говорят, что это разрушительный яд, хотя и сладкий; надобно не быть в уме, чтобы принять его. Несчастный грешник действует как бы без ума. Сколько говорят ему, что грех – подслащенный яд, но он принимает его. Сколько говорят, что удовольствия греха обманчивы, что они льстят только испорченной природе нашей, чувственной и гордой, а губят все лучшее в нас, что последняя греха смотрят во дно ада, омраченный страстью грешник поступает, как желает страсть, а не как говорит здравый смысл, не как повелевает слово Божие. Таков произвол грешника!

Грешники! Поймите, что делаете вы с собою? Вы оскорбляете в себе и ум, и совесть, и желание жизни. Прелести греха ослепили очи ваши и притупили чувства ваши, и вы не видите, вы не чувствуете, как страшно быть виновным в своей гибели. Но за пределами гроба, где зрение ваше осветится

светом правды Божией, будет не то. Там мысль о виновности вашей в своей гибели будет палящим огнем в душе вашей. Здесь любовь небесная предлагает на ваше решение вопрос, Вскую умираете? Тот, кто все знает, конечно, не имеет нужды спрашивать вас о чем либо, – он знает вас и без вас. Он дает вам знать, что этот вопрос должны вы, как можно чаще, предлагать себе самим; он выставляет вам на вид страшное положение ваше, чтобы ужаснулись вы его и, потрясенные ужасом, поспешили выйти из него.

Грешник сам губит себя. Какое страшное преступление! Боже благий и милостивый! Спаси нас от нашей слепоты. Отче светов! Просвети очи наши, чтобы видели мы опасности греха и творили святую волю Твою.

Беседа на слова: обращением обратитися от пути вашего злого

Обращением обратитися от пути
вашего злого. И Вскую умираете доме Израилев?

Если Господь спрашивает грешников, почему они лучше желают умереть, нежели обратиться в Богу своему, то это означает, что основательных причин тому нет и быть не может, а каковы те причины, которыми увлекаются грешники, предоставляя судить здравому смыслу человеческому.

Что же это за причины, которые выставляют грешники в оправдание того, что не обращаются они к Господу?

«Мы люди слабые, говорят грешники, обращение наше зависит не от нас, а от силы Божией».

Нет, если грешникам Бог говорит, обращением обратитесь, то это значит, что обращение их зависит и от них самих. Невозможного Он не требует. Правда, грех испортил природу человеческую, так что сама по себе она не в состоянии побить и творить чистое добро; ей необходима помощь благодати. Но повреждение природы наследственным грехом не до того простирается, чтобы в ней не осталось никакой приемлемости для добра, чтобы она вовсе была неспособна ни в чем добром. Апостол Павел говорит о язычниках, что они, не имея откровенного закона, по естеству творят сообразное с законом, и что *разумное Божие яве есть в них; Бог бо явил есть им* (Рим.1:18, 2:22). Пусть же грешники употребляют оставшиеся в них силы для добра, а не ждут в преступной праздности наития силы Божией. Пусть вступают в подвиг покаяния. За помощью благодати дело не станет. Господь благий и милостивый, как видели мы, клятвою уверяет, что Он готов подать все нужное для оживления грешника! Братия мои! Страшно подумать, сколько зла внесло с собою в христианский мир лжеучение не званых преобразователей веры о решительной неспособности человека к добру. Люди и без того не любят подвигов христианской жизни, но их леность хотели возвести на степень правды. «Спите и почивайте, говорят, под сенью благодати,

живите, как живется». Нет, грешники, не клеветайте на благодать. Она готова подать вам все нужное для душевного спасения; но она не может спасти вас без вас самих. Приблизьтесь к Богу, и Он приблизится к вам. Делаете ли вы что-нибудь для приближения души к Богу? Сказано, *просите и примете, ищите и обрящете, толцуйте и отверзется вам. Всяк просяй приемлет, ищай обретает и толкущему отверзется* (Мф.7:7–8). Видите, не дозволяется спать и ждать беспечно наития силы высшей, а повелевается просить, искать, толкать в дверь милосердия. Если бы вы искренно сознавали слабость свою, если бы искренно и глубоко чувствовали нужду в помощи небесной, то вы слезно просили бы о помощи, и она была бы подана вам. Но когда в вас нет ни искреннего сознания немощи, ни искренней молитвы; когда сердца ваши, по выражению св. апостола, – облака безводные (Иуд.1:12), кто виновен в том, что вы тлеете в грехах? Нет, ваша неспособность к обращению есть не более, как нежелание оставить пути греха, которое не извиняет, а увеличивает виновность вашу пред Богом.

«Мы люди слабые, а подвиг спасения тяжел», говорят грешники.

Правда, мы слабы, но всесильна благодать Божия, всегда готовая для нас. При содействии благодати немощь природы не препятствует не только начинать дело спасения, но и достигать самых высоких степеней совершенства. Святые Божии были подобные нам люди. Самые первые из апостолов были с слабостями, как и прочие, Петр отрекался от Христа, Павел гнал церковь Божию. *Аще речем, яко греха не имамы*, говорит Иоанн, *себе прельщаем и истины несть в нас* (1Ин.1:8). И однако, каких высоких степеней совершенства духовного достигли они! Чего не перенесли святые Божии для Христа Иисуса, для святой воли Божией! Они жертвовали покоем и здоровьем, терпели бесчестие и потерю имуществ, страдания душевные и телесные. Грешники! Посмотрите вокруг себя, и вы среди вас найдете людей, которые, как в вы, облечены немощами плоти, но с помощью благодати, подвизаются для добра, не лгут и не обманывают, не жадны до денег и

равнодушны к известности мирской, обиженные переносят терпеливо обиду и твердо хранят чистоту души. Отчего вы не таковы? Вы слабы? Нет, вы не слабы. Сколько трудов переносите вы для выполнения грешных желаний своих! Для иного тяжело пробыть два, три часа в храме на молитве; а не тяжело провести ночь в шумном веселии. Каким тревогам, каким мукам подвергаются искатели честей и славы! На то, чтобы удерживать в себе порывы гнева, волнение нечистоты, не достаёт ни ума, ни воли, а в делах греха хитры, решительны и упорны. Если просят пожертвования храму, или бедному, то оказываются недовольно недостаточными; а для роскоши в одежде, пище, в доме – нет недостатка. Каким изнурительным трудам подвергает себя, кто хочет богатеть более и более! Ах! Если бы для благоугождения Господу подвергались таким же трудам, каким подвергают себя в угоду страстям; то какой высоты совершенства духовного достигли бы!

«Требования евангелия слишком высоки, повторяют, и несоразмерны с силами».

Но разве Бог не знает ни меры силам нашим, ни веса требованиям Своим? Разве Он – ум бесконечный, имеет нужду поверять дела свои по замечаниям умов блуждающих? Грешники! Вам мало вашей непокорности к Богу, – вы еще не доверяете Ему, столько щедрому в дарах своих. «Требования несоразмерны с силами?» Где же свет самый чистый для ума нашего, если не в евангелии? Где все лучшие, все самые высокие потребности бессмертного духа находят себе пищу и покой, если не в законе Христовом? Не оживляет ли, не возвышает ли всей природы нашей евангелие Христово? В христианстве – закон духовный, обнимающий все случаи жизни и побуждения к выполнению его разнообразны и сильны. *Вся нам божественные силы, яже к животу и благочестью, подана*, говорит св. апостол. (2Пет.1:3). Чтобы узнать, трудно ли служить господину, надобно испытать службу или спросить о ней у тех, которые знают ее по опыту. А из тех, которые отказались от мира и от страстей своих, посвятили себя благочестью и ведут жизнь христианскую, из тех каждый скажет с апостолом, *заповеди тяжки не суть* (1Ин.5:3). Каждый скажет,

иго Господа благо и бремя Его легко есть (Мф.11:30). Все лучшие в христианстве показали это и делами. Они радовались в страданиях (Кол.1:21); «находили удовольствие в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа» (2Кор.12:10). Кто ны разлучит от любви Божия, говорит св. ап. Павел, – скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или меч? Во всех препобеждаем за возлюбльшего ны (Рим.8:35–37). Вся могу о укрепляющем мя – Иисусе Христе (Флп.4:13).

Пусть же грешники не клеветают на человеческую природу, будто неспособную понимать и выполнять высокие требования христианства. Павлы и Иоанны оправдали примером своим, пред целым миром, и природу человеческую, и закон евангельский. Если только грешники не выполняют евангелия; пусть о себе и говорят они, пусть в себе и ищут причины тому, пусть себя и винят. О! если бы грешники вошли в самих себя, с каким благоговением пали бы они пред евангелием Христовым!

«Мы живем порядочно, говорят другие; не берем чужого, выполняем требования властей, наблюдаем приличие во всем. Чего ж еще? За что осуждают нас?»

Но, друзья мои, наружное приличие жизни еще не есть христианство; оно не есть еще и полная нравственная жизнь. Добрая нравственность должна обнимать занятия и действия духовных сил. И добрые язычники сознавали, что иное дело – гражданская честность, другое – верность внутреннему закону. И они не довольствовались тем, чтобы быть добрыми гражданами, а желали быть в мире и со своею совестью. Христианин должен стоять выше язычника. Понятия его выше, чище и обширнее мыслей язычника, убеждения его в духовности нравственного закона тверды и ограждены от всех сомнений. Ему сказано, что каждая мысль его, каждое движение сердца, каждое склонение воли должны быть служением Богу духов и разумов. Как ему увольнять себя от такого служения, когда и Дух Божий благоволит осенят дух его и содействовать, духовному служению его? Как ограничивать себя внешним приличием жизни, когда крепкий Дух благодати готов вести дух его от совершенства к совершенству, до полного образа

небесной красоты Христовой? О! Если ты грешник доволен собою тогда, как живешь не лучше порядочного язычника, то это оттого, что так же худо ведешь себя, как и слабый язычник. Иначе ты ужаснулся бы твоей нищеты духовной, затрепетал бы пред виновностью и из глубины души воззвал бы, *Господи! И слеп я и беден, и нищ, и наг* (Откр.3:17); подай мне помощь милосердия Твоего! Други мои! С фарисейскою праведностью нельзя войти в рай. Злоба, зависть, ненависть, гордость, блуд не перестают быть великими грехами от того, что совершаются не на виду людей; лучше было бы для нас, грешники, если бы видели их люди и подвергали вас заслуженным неприятностям. Ни гордость, прикрытая смелым видом откровенности, ни осуждение ближнего, закрытое ревностью к славе Божией, ни честолюбие, под видом благородства душевного, ни скупость, под защитою бережливости, ни расточительность, под маской щедрости, не укрывают своей гнусности пред Богом, как скрывают от людей. Вы успокаиваетесь тем, что замечаете за собою только грехи малые. Но прежде всего надобно помнить, что и тогда, как чистая совесть не зазирает нас в грехе, есть Бог, Который более видит, нежели совесть наша. Затем, что такое малые грехи ваши? За каждое праздное слово придется давать ответ на суде Божиим. Малость ли это для нас? Всякий грех против Бога велик, как оскорбление великой святости Божией. Всякий грех велик, когда не обращают на него внимания; даже тем грех опаснее, чем он не приметнее. Невелика искра, но пропущенная мимо глаз небрежностью, превращает целый город в пепел. Миллионы песчинок – гора.

А сочтете ли вы число малых грехов ваших! Истинно раскаявшийся сказал о себе, «умножишася беззакония моя паче песка морского». Подумайте же и согласитесь, что легкие грехи ваши, неоплаканые покаянием, легко могут увлечь вас в ад.

Есть и такие, которые говорят, «в свете так много путей, так много вер, что не знаем чего держаться; покойнее всего идти путем, на какой попал кто». Эти люди равнодушные, которые если не всегда говорят прямо, то думают, что для них все равно, как ни веровать в Бога.

О! да избавит Господь каждого из нас от этой страшной нравственной болезни! В ней столько же нечестия, сколько помрачения душевного; столько же оскорбления всему святому, сколько и обиды уму.

Путник жизни! Если здравый смысл покажет тебе, что путь, которым шел ты доселе – путь недобрый; ужели ты будешь и далее идти тем же путем, от того только, что попал на него случайно? Если бы ты, возвращаясь из чужой стороны в страну родную, заметил и уверился, что дорога, по которой ты идешь, не доведет тебя до милой родины, и ты попал на нее по жалкой ошибке, или заведенный другими, как бы поступил ты? Тебе встретилось на дороге несколько перекрестных дорог, что тебе делать надобно? ужели идти, куда попало? «Как можно, говоришь ты, надобно остановиться и подумать, и если по всем соображениям откроется, что только одна дорога ведет до цели, а прочие ведут в чужие края; то надобно избрать ту, которая ведет к цели». Если же ты уважаешь здравый смысл, в случаях земной жизни, как же ты не хочешь быть рассудительным в деле крайней важности, от которого зависит участь вечная, при встрече с разными верами? Ты не знаешь, чего держаться? Отчего такой мрак в мыслях твоих? От недоверия к смыслу человеческого? Это обидно для ума твоего, тем более что ты очень уважаешь ум твой, и, следовательно, оскорбляешь его противоречием себе самому. Подумай, в каком ты положении? Что ты делаешь с собою, освещая мысль о безразличии вер? Ты оскорбляешь в себе природу человеческую. Ты требуешь от неё, чтобы для неё было все равно – истина и ложь, произвол страстей и святая воля Божия, путь жизни и путь гибели. Берегись оскорблять душу, созданную Богом, она создана для того, чтобы искать истину и любить добро.

Для Бога – ума беспредельного, для Него – благодати вечной не все равно, идешь ли ты путем спасения, или путем лжи и заблуждения. Не послал ли Он Сына Своего на землю возвестить людям волю Свою и показать путь на небо? Не послал ли Сын Божий избранных учеников проповедовать евангелие Его всей вселенной? Не учредил ли Он на земле церкви своей в столп и утверждение истины? Ты указываешь на

множество вер? Но что такое многие веры, после той веры, которую открыл сам Бог? Мнения человеческие, составленные произволами людей, мнения более или менее ложные, более или менее вредные душе, как плоды людских произволов. Вера истинная и спасительная может быть одна, потому что истина всегда верна себе самой. Вера истинная и спасительная не может быть несогласною с тою, которую открыл сам Бог, так как Бог всегда верен себе самому. Еще при апостолах были люди, которых самолюбие заставляло вводить в церковь свои мнения, или что то же, свои веры. Но что сказал апостол? Он сказал раз навсегда: *аще мы или ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет (Гал.1:8)*. Видите, как грозен суд на отступников от единой, свыше открытой веры!

Господи – Господи! открой очи наши, да разумеем чудеса закона Твоего.

Беседа на слова: и Вскую умираете, доме Израилев?

Надобно бы исправиться во многом, надобно бы жить иначе, нежели как жили. Но как жить не по правилам света? Пример завлекает, да и нельзя идти наперекор всем. Так говорят грешники и коснеют в грехах.

Что же сказать об этом? Христиане опасаются жить по-христиански из угождения миру! Молодость стыдится не быть похожею на людей, пользующихся известностью; зрелый возраст остерегается обратить на себя неблагоприятное внимание людей мира. И старость, даже старость, в виду которой гроб, ловит людское мнение, как дитя. Жалуются на соблазн, и сами же, по желанию блистать пред миром, спешат выставить из себя самый нескромный пример соблазна.

Христиане-грешники! Понимаете ли, чувствуете ли вы, как слабость ваша богопротивна?

Боятся начать жизнь лучшую, христианскую, чтобы только не возбудить против себя мнения людей? Чувствуют, сознаются, что надобно жить иначе, но живут по-прежнему оттого, что другие живут, как и они. Чьи же мнения ставят так высоко? Людей ли, которые отличаются зрелостью мыслей, чистотой души, правилами жизни высокими? Поклонники света не знают таких людей. Их взоры обращены на людей иных, как будто на свете нет других людей, кроме тех, которые также легкомысленны, как и они? Какая ложь! Други мои! Посмотрите вокруг себя, и вы увидите не мало таких, которых мнением должны вы дорожить, которых примеру должны вы следовать и по голосу совести вашей, и по голосу смысла здравого. Есть и начальники, для которых выше всего христианское благочестие. Есть и богатые, которые богаты не благами тленными, а добродетелями высокими. Есть и жены, которые подают собою пример добрых супругов, добрых матерей семейства, добрых христианок. Есть и девы, которые скромны и чисты, добры и строги к себе, умны и рассудительны, как невесты Христовы. Не правда ли, что такие люди стоят всего внимания, всего

уважения вашего? И вы на них не смотрите! И оттого, что не смотрите, не дорожите их суждениями. А их отзывы, как отзывы ума светлого, ясного, отчетливого, должны бы возбудить в вас страх за себя, страх столько же справедливый, сколько и спасительный. Между тем кого вы боитесь? Кого отличаете вниманием и уважением? Людей легкомысленных. Уважаете тех, которых неодобрение должно бы утешать вас. Согласитесь, что отзыв легкомыслия стоит лишь улыбки; а брань развратного – похвала честности. Поймите же свое положение. Тех самых, на которых вы так зорко смотрите, признаете вы людьми порочными и хотите быть похожими на них; вы ставите их ни во что и домогаетесь их одобрения, презираете их и домогаетесь их одобрения, презираете их и, однако, подчиняете совесть и жизнь свою их влиянию.

Кто решается жить порочно и думает заслужить похвалу от людей; тот смешон. Мир не делает добрых дел; но и не ставит добродетели наравне с пороком, – делает дела темные, но не хочет казаться порочным, а презирает порок. И вы, которые так малодупшы для добра, вы, которые так легко изменяете совести своей из страха пред людьми, вы составляете неистощимый предмет насмешен его. Он презирает вас за то самое, что вы хотите угодить ему; он смотрит на вас, как на людей слабых. Не то было бы с вами, если бы вы были тверды для добра. Мир боится тех, которые смело противятся ему. Он почтителен пред добродетелью, которая отказывает ему в том, чего не в праве он требовать, и презирает пресмыкающихся пред ним.

Кто ищет угодить миру, тот не может угодить Богу. Может ли Он смотреть без негодования на двоедушие таких людей? Они то чувствуют уважение к святости закона Его, то творят дела нечестия, то сознаются, что пороки отвратительны, то оскверняются пороками света; то благоговеют к святой вере, то показывают малодушный стыд за нее пред миром; то любят Бога, то делами отменяются от Него. Нет, не обольщайте себя надеждою на мир с Господом. Он сказал, «кто отречется Меня пред человеками, от того отрекусь и Я пред Отцом Моим» (Мф.10:33). Вы ищете благоволения мира? Но любовь к миру

влечет за собою вражду с Богом, и стать другом настоящего века значит тоже, что стать врагом Божиим (1Ин.4:4). Мир отвергнул Христа Иисуса; мир преследовал апостолов, мучеников, преподобных, святителей, а вы уважаете мир. Борьба с миром – отличие христианства; оно ведет с ним открытую брань, которая продолжится до конца мира. Где же находятся покорные слуги мира, если не в стане врага святой веры? Раболепствуя пред миром, не отдают ли они преимущество врагу Божию? Может быть, это нечестивое сравнение высочайшего существа с нечестивым миром не ясно представляется уму их; может быть иной уверен, что Бог всегда занимает первое место в его сердце. Но это обман. Бог предписывает свои законы, мир предлагает другие, и вы, слуги мира, следуете уставам мира. Бог зовет Своею благодатью, мир завлекает своими удовольствиями, и вы идете к миру. Бог угрожает своими казнями, мир страшит своим осуждением, и вы благоговесте пред миром. Бог обещает вам вечную славу, мир льстит вас своею ласкою, и вы бегаєте за ласкою мира. Нет, не обманывайтесь, – мир идол вашей души, вы кланяетесь ему, посвящаете ему и чувства, и мысли, и дела.

«Трудно, говорят, не уважать суда многих? Трудно не увлекаться примером многих?»

Но если бы в мире было и больше худых людей, нежели сколько их есть, и тогда добродетель выше всего мира, и тогда она стоит всей любви нашей. Пусть золото лежит в грязи, оно не перестает быть золотом. Божий закон не изменен. Если многие не уважают его, теряет ли он от того силу? Нет, в свое время он взыщет свое с них. Как Бог свят и неизменен, так святы и неизменяемы законы веры святой.

Путь в царствие небесное тесен и тернист, но за то он путь в царство вечной радости и покоя (Мф.7:13–14). От того, что в ад придут многие, никому не будет лучше; напротив больше будет шуму, больше крику, больше укоров больше брани, и ненависти, и, следовательно, больше мук для всех.

Пусть же здесь в мнении многих ты будешь странен за твое благочестие, зато как легко, как весело тебе будет с твоим благочестием там на суде всемирном! *Блажени есте, егда*

*поносят вам, сказал нам Господь наш (Мф.5:11). В настоящей жизни, где все мы ошибаемся, и одни стараются исправлять ошибки, другие же коснеют во грехах, соблазны неизбежны. Нужда есть приити соблазном (Мф.18:19) сказал Спаситель. Долг совести чистой остерегаться соблазнов, а не увлекаться ими, стараться, чтобы их было меньше, а не умножать своим примером число их. Трудно, говорят, устоять против соблазна, трудно стоять против пересудов. Но разве вы не знаете помощи Божией? Бог обещал вам, а слово Его свято, обещал, что не допустит вас подвергнуться такому искушению, которое выше сил ваших; Он подаст вам свою помощь, с которою выдержите искушение (1Кор.10:13). *Аще Бог по нас, кто на ны? (Рим.8:31).* Или думаете, что благодать Божия не простирается на вас? Бросьте это сомнение, оно нечестиво.*

*Други мои! Не будьте слабы, не будьте малодушны, не бойтесь начать жизнь лучшую, христианскую. Слабость вашу все осуждает. Твердость для добра – объемлет Бог любовью; боязнь людей – мечта, а спасение, ожидающее твердых, верно. Господь говорит вам. *Не бойтесь укорения человека, и похулению их не покоряйтесь. Яко же бо риза снедена будет временем и яко сукно изъясется мольми,* так мнения нечестия, правда же Моя во веки будет и спасение Мое в роды родов (Ис.51:7–8). Богу великому и дивному во святых слава.*

Беседа на слова: и Вскую умираете, доме Израилев?

Не жалуйтесь, друзья мои, что и еще повторяю вопрос, предложенный Господом грешникам. Не хотел бы, но хотят того грешники. Они еще думают продолжать прение с Господом. Они еще хотят оправдать себя пред Ним. У них еще есть ответы в извинение своей непокорности пред Ним. Что ж это за оправдания новые? Лучше ли они прочих?

«Как, говорят, совместить заботу о спасении души с делами звания? Когда нам заниматься молитвою или благочестием?хлопоты по службе, по дому, по торговле занимают собою все время. И сколько грехов влекут за собою эти хлопоты?»

Друзья мои! По воле Господа обязанности христианина не отделены от обязанности гражданина и члена семьи. Их отделяет сам человек, занимаясь не в порядке, не по мере делами, не совсем важными, или и пустыми, и забывая самое важное дело – служение Богу. Всякое звание само по себе заставляет нас только трудиться, а не заставляет ни лгать, ни красть, ни обманывать. Всякое звание само по себе почтенно, и заключает в себе побуждения быть благочестивым и святым. Без Твоего благословения, Боже мой, напрасно *трудятся зиждущии*, как бы кто не устраивал свое счастье; а Твое благословение почивает только на боящихся Тебя. Души слабые боятся и бедности, и голода, которых еще и нет; теряют дух и пред незримыми бедами и допускают до себя толпы грехов. Но и против видимых бед сказано нам, «если прежде всего будете искать небесное царствие, все прочее устроится для вас само собою» (Мф.6:33). Грех друг ли счастья нашего? Деньги, нажитые ложью, обманом, кражею еще не вносили с собою ни в один дом прочного благосостояния. Жалуются на нужды жизни, – что это за нужды? Будьте искренни, друзья мои. У вас нужды составлены желаниями страстей алчных, жаждою корысти или чести, или пустых удовольствий. Осмотритесь, из-за чего допускаете вы отягчать душу грехами так называемой нужды? Грешили и грешат, желая поймать ветер. Оправдаетесь ли вы

на суде Божиим, если скажете, Господи! Мы не обратились к Тебе от того, что гонялись всю жизнь за суетою?

Да, находят же для себя нужды и такие люди, у которых нет никаких дел ни гражданских, ни семейных. Чем занято время их? Чем полна жизнь их? Встают, пьют, наряжаются, посещают знакомых, гуляют, и так далее. Не правда ли, что эти занятия мелочны, пусты? Но им приписывают, важность, ни одного из них нельзя, говорят, отменить, ни отстрочить, ни совратить. О! Боже мой! Нам нужно и все пустое, и все лишнее и даже вредное душе нашей. Нам как будто некогда заниматься делами Твоими, делами хвалы и благодарения за благодеяния Твои, делами молитвы и покаяния, а достаёт время для выполнения прихотей сердца. Дела ждут, нас, когда хотим мы удовлетворять потребностям тела, часто и прихотливым; а нельзя будто им ждать нас, когда надобно бы идти в храм Божий и напитать душу, истомленную голодом и жаждою, измученную суетою! После трудов жизни общественной проводят ночь за чтением книги пустой, но не за чтением книги назидательной, проводят другую ночь в забавах самых утомительных, но тоже сделать для молитвы – никак нельзя! Несчастное ослепление! Или вечность не дорога? Или дух не выше тела? Для денег, для чести, для удовольствия проводят ночи без сна, забывают даже о пище. А когда дело идет о долге, который наложил на меня Сам Бог, о главной цели, для которой дана мне самая жизнь, у меня не достаёт времени для занятий этим долгом! О! прости Господи лукавому сердцу моему – лукавства его! Друзья мои! пока сердце наше не увлекается пристрастиями к земному и временному, дела, налагаемые на нас званием и состоянием, – не препятствие спасению нашему. Наши страсти и пристрастия – вот творцы грехов наших! Господь сказал; *никто же может двема господином работати (Мф.6:24)*. Это означает, что если житейское попечение одинаково уважается тобою, как и воля Господа твоего, то ты – не раб Божий, не раб Того, кого сердце твое должно чтить выше всего. *Идеже сокровище ваше, ту будет и сердце ваше (Мф.6:21)*. Если твое сокровище, то, чем дорожишь ты, о чем страстно печешься, находится на земле, то и сердце твое уже на земле, а не на небе, не у Бога. И так храни

сердце твое среди дел житейских, берегись, чтобы не привязывалось оно к предметам земным. *Да будут требующий мира, яко не требующий*, вот заповедь апостола (1Кор.7:31).

У грешников еще одна отговорка в душе, если не на устах. «Еще исправимся», думают они.

Почему же *исправимся*, а не *исправляемся*? или спасение души нашей нужно нам после, и не нужно теперь? Или одно время – собственность Божия, а другое – законная жертва страстям? Или какую-либо часть сил наших можем мы ненаказанно тратить по прихотям сердца? Ни то, ни другое, ни третье. И спасение души нашей стоит того, чтобы заботиться о нем каждый час, и все время со всеми силами нашими должны мы посвящать Богу. Каждый шаг своеволия – оскорбление Господу, каждая минута греха – осуждение нам, каждое движение наше, если оно не сообразно с волею Божией, – вред душе. Дом начал гореть; а хозяин говорит, усну и потом потушу. Что грех, как не огонь? Бог зовет грешника к себе, Он готов на помощь к нему с Своею благодатью; а грешник говорит, успею пойти. Не дерзость ли это нечестивая? *Или о богатстве благодати Его и кротости, и долготерпении Его нерадиши, не ведый, яко благодать Божия на покаяние тя ведет?* (Рим.2:4). Боже мой! Боже мой! Так ли живут рабы Твои, как я? Они день и ночь в подвигах для Тебя; дев и ночь в борьбе с разными движениями греха. Если и случится, что прелесть греха увлечет душу с стражи духовной, как спешат они стать на прежнее место! Сколько горя, сколько скорби перенесет душа их за допущенный грех! Нафан обличил Давида в грехе, и Давид в тот же час стал лить слезы раскаяния. – Иона явился в Ниневию с вестью о гневе Божиим, и ниневитяне в тот же день облеклись во вретисце и посыпали пеплом главы свои. Закхей, лишь только посетил его Господь, отдает половину имения нищим и платит за обиды в четверо (Лк.19:1–11). Один взгляд укоряющей любви на Петра и – *Петр изшед вон плакася горько* (Лк.12:61–62). Вот что значит искренно желать исправления своего! Бедная душа моя! Дорого ли тебе блаженство вечное? Если дорого, зачем тратишь без пользы себе время, ценою которого

могла бы купить большую меру блаженства? Зачем не готовишься к нему как можно лучше? Что ждет тебя?

Исправимся после! Но кто нас уверил, что нам дадут это – *после*? Какой пророк открыл, что путь жизни вашей еще долго продлится? Знаем ли, что случится с нами завтра? Знаем ли, что ныне же к вечеру не положат нас в гроб? Молодость лет, цветущее здоровье обещают еще не мало дней? А будто не случилось нам видеть или слышать, что и крепкие юноши расставались с жизнью и свежую молодость косила смерть, как траву? Мечты наши не замедлят в нас жизни. На том ложе, на котором составлялись планы на несколько лет деятельности, мечтатель заснул сном беспробудным. И желание жизни не даст нам жизни. Закрывались глаза на веки и среди такого счастья, где все заставляло желать жить. Можем ли считать собственностью то, что вовсе не принадлежит нам? Времена и годы – во власти вечного Владыки. Он дал нам прошлое, дает настоящее время, – это Его дар; Он дает настоящее с тем, чтобы исправились мы в грехах прошлого времени. Пользуйся же тем, что дано. *Ходите, дондеже свет имате, да тьма вас не имет* (Ин.12:35).

Исправимся после. Когда же? В старости? Не значит ли это, что исправимся мы тогда, как силы души и тела еще более испорчены будут грехом, и не исправляемся теперь, когда еще много жизни в душе и теле? Преуспевание в грехе совершается в нас и без усилий наших. Злые мысли, преступные желания, вредные похоти плодятся сами собой на худой почве души нашей. Бездействие для добра открывает им свободу и дает усиливаться со дня на день. Не истреби худой мысли, рождается дурное желание; оставил без внимания грешное желание, является дело черное; а там смотри, является и склонность к греху, а там и привычка к нему, – привычка, которая так легко становится второю природою. Всякий грех без противодействия ему возрастает с годами и собою ослабляет силы души. Что же значит, исправимся в старости? Больной говорит врачу, «оставьте меня, успею принять лекарство, когда мне будет очень тяжело». Исправимся в старости? Ах? если не исправляемся теперь, застаревшие привычки к греху также

трудно будет исправлять, как трудно выпрямлять самое кривое дерево. *Благо мужу, егда возьмет ярмо в юности своей* (Плч.3:27). Он счастлив уже и потому, что вместо ярма греховного возложат на себя ярмо святое и отклонил от себя ряд грехов, готовящихся для него; он счастлив тем, что с ранних лет начал борьбу со грехом, не усилив зла потворством ему, не подавив семян добра, посеянных благодатью. Старость постоянна в правилах, зрела в мыслях, не любит рассеянности, не занимается пустым, заботлива о молитве и вечности; но все это тогда, как лета юности и мужества прошли с страхом Божиим в сердце, с благоговением к святой вере в душе. Иначе она гниет в грехах. «Исправимся в старости!» Это тоже, что жизнь тощую, гнилую, больную от грехов посвятим мы Богу. О! Боже праведный! Ты негодовал на приносивших Тебе в жертву слепое, хроное, недужное (Мал.1:6,9). А вот люди еще не приносят, а только обещают принести, такую же жертву, – слепую, хромую, недужную старость! *Доколе же, Господи, раздражит Тебя грешный?* (Пс.9:25).

«Исправимся – и впереди время!» Но кто говорит это? Кто обещает себе жизнь впереди? Грешник, которого жизнь съедена грехами; Какое жалкое легкомыслие! Нет, если для кого, то для нечестивого нет времени впереди. *Страх Господень прилагает дни, лета же нечестивых умаляются* (Притч.10:27). *От плода правды древо жизни прозябает, отъемлются же безвременно души беззаконных* (Притч.11:30). Да слышит беззаконный, что говорится о нем. Вот рухнет дерево твоей жизни, оно все испорчено тлею грехов, изъедено ядами страстей. Не пророк я, но и не свое говорю; говорю то, что давно сказал Бог. Удар и – все для тебя кончится. *Спеши собраться в дальний путь, спеши устроить, сколько можешь, дела души твоей, умиравши бо и не будешь жити* (Ис.38:1). Суд Божий против тебя. *Уже бо и секира при корене древа лежит. Всяко убо древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и в огонь вметаемо* (Мф.3:10).

Грешники! Вам остается плакать пред Господом, – чаще представлять смерть и страшный суд Божий, легкомыслие и без того много губило вас; надобно расстаться с ним. Страсти

испортили и ум, и сердце, и желания ваши; надобно разорвать связь с ними. – Время перестать быть врагами себе самим. *Блюдайте, како опасно ходите, искупующе время, яко дние лукави суть* (Еф.5:15–16).

Беседа на слова: покайтесь, приблизися бо царствие небесное, (Мф.4:17)

Так проповедовал на земле Сын Божий! Так начал Он проповеди свои и грешным чадам земли! И как действенна была тогда проповедь Его! Какую перемену, какое сильное движение произвела она в слушателях! Сам Он, свидетель верный, Сын Божий, говорит, «от дней Иоанна крестителя до ныне царствие небесное силою берется, и усиленные искатели достают оное» (Мф.11:12).

Грешники наших времен! Проповедь Сына Божия звучит и в вашем слухе. Сколько раз вы слышите ее в храме! Сколько раз повторяют вам ее ваши духовные пастыри! Ужели и эта сильная проповедь оказывается без действия на вашу душу? Не потерялась ли сила её от времени? Быть не может, слово вечного Бога останется вечно сильным словом. Если же не сильно оно для вас, это может зависеть только от вас самих, от вашего невнимания к себе и слову Божию. Когда же конец невниманию вашему? Когда конец холодности к вашему опасному положению и к глаголу Творца вашего? Грешники! Вам говорит Сын Божий: *покайтесь, приблизися бо царствие небесное*. Страшно не слушать Сына Божия. Чего же Он ожидает от вас?

Если путник идет не по своей дороге и ему говорят о том, ему надобно прийти в себя, сообразить, какая дорога ведет к цели его и какою он идет? *Покайтесь*, внушается грешникам, перемените путь ваш. Итак, грешник должен прийти в себя, должен осмотреться, кто он таков, каким путем идет и куда должен идти? Казалось бы, не трудное дело видеть и знать, там ли мы идем, где должны идти, в чем жизнь наша не согласна с данными правилами, в каких отношениях душа уклонилась от воли Божией – вечного и непреложного закона для всего. Кто ближе к нам, чем мы сами? Как же не знать нам самих себя? Но от того-то далеко и уклонились мы от воли Божией, что не понимаем самих себя. То ли было бы, «если бы мы судили сами себя?» (1Кор.11:31). Теперь же не легко, трудно узнать себя.

Столько лет проведено в забытии о себе, в суетах и развлечении, в хлопотах непрерывных о всем, за исключением души своей? Как знать себя? Как не встретить затруднений при первом опыте самоиспытания? Вот чада мира являются к духовнику на исповедь – и не знают, что сказать им о себе? Они многое знают о том, что около их, но мало из того, что происходило в них самих; знают дела чужие, даже дела тех, которых никогда не видали, но не довольно знают свои дела, свои грехи; они знают считать деньги и взвешивать личные обиды, но не умеют они ни сочесть, ни взвесить своих беззаконий. Печальное состояние! Грешники! Худо вы видите себя, а видеть надобно. Что же остается вам делать? Прежде всего внимательно смотреть на себя. Отвратите взор ваш от суетного мира, соберите рассеянные суетою мысли, остановите, удержите их на одном – на самих себе, на своих грехах, ошибках, преступлениях. Пока мысли и сердце ваше заняты делами, вещами, впечатлениями земной жизни, нельзя вам рассмотреть самих себя. Теперь вы худо видите себя; но чем долее, чем внимательнее будете смотреть на себя в верное зеркало закона Божия, тем более, тем яснее будете видеть себя.

Входя в самих себя, прежде всего должны мы обзреть тяжкие грехи свои, но не с тем, чтобы оставить без внимания малые грехи. Чем опаснее, чем важнее грех; тем более должны мы бояться его, тем скорее должны освободиться от него. Грехи против Бога и Христа Господа без сомнения важнее, чем против ближних наших. Грехи против личного звания и состояния нашего строже взыщутся с нас на суде Божиим, чем те, которыми оскорбляются обязанности общие для нас с другими. Грехи те, которые мы повторяем часто без угрызения совести, без тревоги в душе, опаснее для души, чем другие, так как показывают собою ослабление, духовной жизненности, духовное омертвление. Преобладающая страсть – самая опасная страсть, самый тяжкий грех, из неё, как из корня, возникают целые ряда грехов. Пересмотрите же внимательно, какие важные обязанности нарушены вами, отыщите, какой грех господствует в душе вашей, вызывая за собою многие другие

грехи; рассмотрите действия привычных грехов на душу вашу. Суд Божий определяет награду и за малые добрые дела, например, за стакан холодной воды, поданной во имя Господа. Но он же потребует ответа и за малые грехи, например, за праздное слово. Глаголю вам, учит Спаситель, *яко всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадят о нем слово в день судный* (Мф.12:36). Потому, испытывая совесть свою, должны мы осмотреть и все те проступки, которые казались малыми, тем более что может быть на деле иные из них окажутся не так малы, как мы думали, может быть, в общей сложности число их окажется так велико, что страшно нам станет за них.

Верный закону и совести судья входит с полным вниманием в дела преступника. Он не довольствуется общим признанием в преступлении, а силою закона вынуждает преступника изложить все подробности, все обстоятельства преступления, спрашивает о месте о времени, о участниках, о средствах, преступления, о всех обстоятельствах, которые дают более или менее веса преступлению. Поставим и мы душу свою пред зеркало совести и закона Божия, и с тем же вниманием разберем все обстоятельства преступных дел наших. Потребуем ответа у самих себя, где, когда, в каком виде учинен нами тот, или другой грех? Праздное слово в доме и праздное слово в храме – не одно и то же. Насмешка над делом человеческим и насмешка над верою или словом Божиим – вещи разные. Невоздержание в простой день и невоздержание в пост, уставленный церковью – не одинаково важны. Ты сознаешься, что завидуешь ближнему. Разбери, какого вида твоя зависть? Печален ли ты только от того, что не имеешь блестящих его качеств и успехов? Или ты желаешь неприятной перемены в судьбе его? Или может быть ты делал опыты и тому, чтобы подорвать счастье его происками? Зависть первого рода не так тяжка, как зависть последняя. Совершен грех, тяжкий сам по себе; но, если он совершен в виду другого, им заразился другой. Рассмотря еще, не хвалился ли ты тем же пороком пред многими? Не рисовал ли соблазнительную картину греха пред другими, тогда как те заняты были благочестивыми мыслями и

упражнениями? Если так, ты отравлял их мысли, чувства, воображение, душу. Чем обширнее влияние примера нашего на других, тем хуже для нас от наших грехов.

В сознании грехов наших должны мы быть вполне искренни. *Горе глаголющим лукавое доброе и доброе лукавое (Ис.5:2)*. Какая надежда на исцеление души, когда она видит худые дела, но хочет дать им вид сносный, если не совсем приятный? Какая надежда на исцеление души, когда она не признает всей красоты добродетелей небесных и ставит в ряд с ними свои дела, очерненные намерениями преступными? *Господи, не уклони сердце мое в словеса лукавствия непщевати вины о гресех (Пс.140:4)*. От чего мы бываем неискренни в признании грехов своих от самолюбия, от того самолюбия, которое составляет постоянную вражду человека с Богом и, следовательно, есть самое страшное зло в нас. Самолюбию тяжело видеть безобразие наше. Потому оно выдумывает разные извинения грехам нашим. То указывает на слабость нашу, как будто святые не были такими же людьми, как и мы с тобою, брат мой. То увольняет нас от ответа за опущения и проступки, по множеству дел и забот, тогда как назначено всему время, тогда как самая большая часть наших забот принята на себя только в угоду страстям. То ссылается в извинение наше на связи житейские, как будто не сами же вступили мы в эти связи, как будто держали нас в этих связях, как в цепях. Кающийся грешник! Ты стоишь пред Богом; он видит все движения души твоей. К чему же закричать грехи свои извинениями? Ты не скроешь их ничем от Всевидящего и только прибавишь к ним новый грех – лукавство самолюбия, враждебного Богу. Страшись самолюбия и дел его. Самолюбие любит покой и лень, и оно-то не хочет допустить нас до того, чтобы, выставляя грехи свои без всякого покрова, тревожились мы гнусностью их и ссорились с самими собою. О! Надобно много иметь внимания к себе, чтобы самолюбие не ослабляло в нас решимости на искренний суд о самих себе. Если ты оклеветал другого, не позволяй самолюбию таить от себя и то, что к тому побудила тебя оскорбленная гордость или зависть к преимуществам другого. Не позволяй самолюбию закрывать от

тебя грехи, но строго отыскивай в душе причины грехов, выставляй их пред собою, как бы отвратительны они ни были. Надобно иметь мужество, чтобы поражать гордость свою нещадным раскрытием грехов. Не думайте, что вы слишком увеличите мрачность дел своих темными красками. Поверьте, самолюбие успеет скрыть от вас много черного в делах ваших, успеет бросить краски свои в ваше изображение дел и изменить вид их. Тяжело вам видеть себя в поносном виде? Не отстраняйте от души этой тяжести. Поверьте, самолюбие много облегчает тяжесть вашу. Зачем вам действовать за одно с врагом души своей? Искреннему покаянию нашему будут радоваться на небе и Отец небесный с светлым лицом встретит возвращающегося к Нему сына.

Господи! Посли помощь Твою нам для совершения полного и искреннего самоиспытания, в славу имени Твоего Святого.

Беседа на слова: покайтесь, приблизися бо царствие небесное

Для достойной исповеди необходимо, как видели вы, полное и искреннее признание грехов своих. Но все ли дело исповеди состоит в сознании греховности своей? Нет, не все, далеко не все. При сознании грехов необходимы еще сердечное сокрушение о грехах, соединенное с верою в Искупителя, и твердая решимость жить свято.

Необходимо сокрушение о грехах. Кто искренно и вполне сознает греховность свою, быть не может, чтобы не почувствовал тот скорби о грехах. Холодность, равнодушие к своему состоянию в грешнике означает, что он не сознает себя грешником, не видит своего положения. Иначе можно ли быть равнодушным при ясном взоре на опасное свое положение? Что такое грех? Преступление закона Божия, оскорбление величия Божию, Но, оскорбляя всеблагото Бога, нашего Творца и Промыслителя, нашего Спасителя и Утешителя, столько соделавшего для нашего вечного спасения, разве можем мы оставаться спокойны; не раскаянны? Что такое грех? Это яд души, это – разрушение высокого создания Божия, нет зла, нет несчастья, нет бедствия; которое было бы губительнее греха. Что такое грех? Безобразен вид мертвеца, гораздо хуже душа грешная. Грех грабит нас, лишает даров Божиих, покрывает душу гнойными струнами, истомляет ее страстями, наполняет зловонием нечистот. *О! блажен бдяй и блюдый ризы своя, да не наг ходит и узрят срамоту его (Откр.16:15).* Чего ждем мы от грехов в будущем? Там – за гробом целая вечность мук ожидает грешника. И грешник не трепещет, и грешник не стонет, и грешник – покоен. О! Это – не в порядке природы, этому быть нельзя, пока жива душа. Будите душу свою, если спит она, – будите, пока не заснула сном мертвым. Доколе тело живо, оно чувствует каждое прикосновение стороннее, тем более удары, тем более раны. Точно также доколе жива душа, она должна чувствовать скорбь при потрясении её грехами, при нарушении её грехами, при нарушении её порядка беззакониями. Если же

не чувствует того, страшно положение её. Вот почему Бог внемлет к слезам души о грехах своих. Душа, плачущая о грехах, еще не вышла из порядка богосозданной природы. Потому-то положение того, кто радуется о грехе, вы понимаете, кого разумею я, – совершенно безнадежно.

Что свидетельствует нам священное писание о тех, кто приносил истинное покаяние? Кающийся Давид, поражаемый наказаниями за грехи, вопиет: *услыши молитву мою, Господи, и моление мое внуши, слез моих не промолчи, яко пресельник есмь аз у тебе и пришлец, якоже еси отцы мои. Ослаби мя, да почию* (Пс.38:13–14). К чему призывал Бог иудеев, возвращая их от путей греха? Он говорил им: *обратитесь ко Мне всем сердцем, в посте и в плачи, и в рыдании и расторгните сердца ваша, а не ризы ваша* (Иоил.2:12–13). Вспомните грешницу, как обливала она слезами ноги Спасителя и отирала власами главы своей (Лк.7:33). Вспомните, как Петр, поколебавшийся в твердости любви своей к Спасителю, *исшед вон, плакася горько* (Мф.26:75). Вспомните, как мытарь приносил покаянную свою молитву. *Мытарь же, издалеча стоя не хотяше ни очию возвести на небо, но бияше перси своя глаголя, Боже милостив, буди мне грешнику* (Лк.13:13). Так, братия мои, совершается искреннее покаяние. Не довольно говорить словами, грешен я; надобно, чтобы говорило это сердце, говорило стонами и вздохами, говорило полным самоунижением своим. Потому все похожее на возвышение себя пред другим, все похожее на вражду с братом не имеет места в кающейся душе; она полна скорби о своих грехах и не знает, кто мог бы обидеть ее, для которой самая жизнь – милость незаслуженная. Такое покаяние – верное врачевство душе. В этом уверяет нас своим словом ап. Павел. *Печаль бо, яже по Бозе, говорит он, покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2Кор.7:10). т.е. печаль ради Бога производит неоплакиваемую перемену во спасение. И сам Господь говорит: *за грех мало что опечалих его и видех, яко опечалися и поиде дряхл и исцелил пути его* (Ис.57:17).

Скорбь христианина о грехе его должна быть соединена с верою. *Покайтесь и веруйте во евангелие*, так говорит Господь

наш. Без веры евангельской, без веры христианской скорбь приведет ли ко спасению? Нет. Она может даже перейти в отчаяние, в ожесточение души, состояние самое пагубное. Без веры она – не оправдание нам. Что значит скорбь самая тяжкая пред тяжестью оскорбления, какое наносим мы грехами своими величию Божию? Все лучшее её ограничивается тем только, что она есть плод сознания грехов наших. А где же жертва, которую повинен принести грешник оскорбленной правде и святости Божией? Так, други мои, не подвиги нашего покаяния доставляют нам прощение грехов, но та жертва, которая принесена на кресте Спасителем Господом Иисусом. Бесценная кровь Агнца Божия очищает нас от всякого греха. Без твердой надежды на заслуги Икупителя не ожидайте прощения себе, ни исцеления духовных немощей своих. *Иже не имеет веры, осужден будет (Мк.16:16)*. Так взирай, неуклонно взирай, кающийся христианин, на распятого Спасителя твоего. Пред Ним проливай слезы раскаяния о твоём невнимании к благодеяниям Отца небесного, о нечестии сердца твоего, блуждающего по распутиям греха, о том расстройстве души твоей, какое причинили грехи твои. При взоре на распятого Спасителя скорбь твоя о грехах глубже проникнет в сердце твое, а вместе она будет скорбью живительною для души. Скорбящая о грехах душа видит, кем пренебрегала она, исполняя желания страстей нечистых, Она пренебрегала Сыном Божиим, купившим её кровью своею для дел святых; она не исполняла воли распятого Господа, она не внимала внушениям духа благодати. О! велика вина твоя, грешник, пред Спасителем твоим. Но Он и после того Спаситель твой. Цена крови Его, пролитой на кресте, простирается на все времена; на все века, на всех людей. *Чадца, моя, говорит нам св. апостол Его, да не согрешаете, и аще кто согрешит, ходатая имамы ко Отцу Иисуса Христа праведника. Он очищение грехов наших и не наших только, а и всего мира (1Ин.2:1–2)*. И другой апостол учит: *Сей, зане пребывает во веки, непрестанное имать священство. Темже и спасти до конца может приходящих чрез Него к Богу, всегда жив сый, во еже ходатайствовати о них (Евр.7:24. 25)*. Итак, вот твой защитник пред правдою Отца

небесного, кающаяся душа. Тяжки грехи твои, но есть Ходатай за тебя пред правдою Божией, есть Ходатай не только за наши с тобою грехи, но и за грехи целого мира. Молись и плачь пред крестом Его. При таком Ходатае, какого имеем мы, быть не может, чтобы слезные молитвы наши остались бесплодными. Вера в Искупителя, пробужденная скорбью о виновности души твоей, низведет на тебя благословение неба, отверстого заслугами Искупителя.

Господь Иисус, небесный врач души и тела, при встрече с больным иерусалимским, страдавшим 38 лет, прежде, нежели осенял его целебною силою, спросил, «хочешь ли быть здоровым?» Больной отвечал, «хочу, Господи» (Ин.5:6–7). И стал здоровым. Так, братия мои, и при исцелении больной души необходимо с нашей стороны твердое желание быть здоровыми по душе. Нужно беспристрастное рассмотрение дел наших, нужна скорбь о грехах, одушевленная верою. Но нужна также, необходимо нужна, и твердая решимость не грешить более. Если бы не было этой решимости в кающемся, это значило бы, что в нем нет ни искреннего убеждения в пагубе греха, ни искренней скорби о виновности своей. Одно с другим в связи необходимо. Грехи наши – страшные язвы наши, от которых хочет исцелиться кающийся грешник. Если не лжет он, то надобно, чтобы готов он был принять самые горькие лекарства, согласен был даже на отсечение члена; он должен решиться прервать все связи с грехом, чего бы то не стоило ему. Спаситель сказать, *Никтоже, возложь руку свою на рало и зря вспять, управлен есть в царствие Божие* (Лк.9:62). По отношению к кающемуся это не означает того, что будто он, при всей немощи природы, в последствии не может подвергаться ошибкам; а то, что во время раскаяния необходимо должно быть в нем твердое желание не повторять прежних грехов. Если мы в тоже время, как обращаемся к Богу, озираемся душою на идолов сердца нашего; если во время раскаяния в нас чувствуется не охота, не искренняя решимость расстаться с преступными привязанностями души, с обольстительными приманками греха, положение наше худо, мы не на пути к царствию Божию, в нас нет искреннего раскаяния. Если грехи

наши – предмет правильного гнева Божия, то желая примириться с Богом должны мы отречься от них со всею твердостью, как бы они ни были приятны нам. Что сказали бы вы о виновном сыне, когда бы он, в виде раскаивающегося, говорил отцу, «я жестоко оскорбил тебя, родитель, но огорчение; нанесенное тебе так приятно заняло меня, что не отказываюсь и вперед причинять тебе неприятности?» Не правда ли, что это была бы дерзость, а не сознание в вине? Как же ты, грешник, являясь с раскаянием пред Богом, можешь говорить, «я не могу, я не думаю расстаться с грехами?» Не то же ли это значит, как сказал бы ты, «виновен я пред Тобою. Отец небесный, много оскорблял я Тебя делами своими, но не прочь я от того, чтобы и вперед оскорблять Тебя, так как это доставит мне приятное развлечение; а мне жаль расстаться с приятным». Бойся душа моя, суда Божия! Жена Лотова за то, что озрелась на города, обреченные погибели, превращена в столп соленый. – Посмотрите, други мои, как каялся Закхей, наживший богатство не без греха. Господи, говорил он: *се пол имения моего дам нищим и еще кто чим обидех, возвращу четверицею (Лк.19:18)*. Вот твердая решимость жить для Бога, а не для греха! Так необходимо, чтобы в глубине кающейся души раздавался голос, хочу я, Господи, здрав быти, хочу сбросить с себя греховное рабство, в каком был доселе; отвращаюсь дел тьмы и разврата; хочу быть хотя бы в числе последних рабов Твоих, но Тебе служить; готов переносить лишения и скорби, только бы не быть в дали от Тебя, надежда и Владыко мой! Подай мне, Боже мой, силу побеждать искушения греха и хранить святые заповеди Твои. Такою твердою решимостью заключается дело обращения от греха к Богу и должна начаться новая благодатная жизнь.

Отче небесный! Да приидет царствие Твое. Аминь.

Отделение VIII. Слова, во время холеры о загробной жизни и на погребение умерших

Слово I. О загробной жизни в день успения Пресвятой Богородицы

Дивное зрелище представляет духовному взору успение Богоматери. Собор апостолов собирается из разных стран к смертному одру Её. Лики ангелов приветствуют небесными песнями восход Её на небо. Сам Сын Божий приемлет на руки Свои пречистую душу Её. Какая дивная слава для Той, которая во все время земной жизни считала Себя не более, как смиренною рабою Господа! Как свет славы божественной, независимо от желаний человеческих, сам собою, озарил Ту, которая уготовала Себя в пречистый сосуд Божества! Зрелище дивное и поучительное!

Братия! если и апостолам, зревшим восход Господа Иисуса на небо, ангел сказал, *что стоите, зряще на небо?* и обратил их взор на будущность, важную для них и для всех, тем более нам, при созерцании восхода Богоматери на небо, надобно заботливо помышлять, как будет совершаться наше переселение из сей жизни. Путь смерти – путь неизбежный для всех детей Адама. Кто бы ты ни был, странник земной жизни, скоро и твоей и моей душе придется расстаться с землею. Мысль эта так естественна, особенно в то время, когда губительная болезнь так неожиданно провожает с земли в другой мир. Но думали ли мы довольно, что встретить нас по ту сторону гроба? Какие духи предстанут нам в незримой области духовного бытия? Если доселе не думали, или недовольно думали, подумаем теперь.

Конечно, для людей подобных саддукеям нет ни духа, ни бессмертия душ. Потому им странен и вопрос о духах, имеющих встретить нас за гробом. Но честь ли не только христианину, но и человеку, быть саддукеем? Честь ли кому-нибудь ставить свое бытие на степень бытия бессловесных? Другое дело слушать учение Христово, которое так возвышает дух наш, которое так расширяет зрение наше на все, в том числе и на загробную судьбу нашу. Что же говорит нам св. писание о переходе души в незримую область жизни загробной?

Бысть же умрети нищему и несену быти ангелы на лоно Авраамле (Лк.16:22), так говорит Спаситель о Лазаре, спасшем душу свою терпением. Пусть это слова притчи. Но и приточные лица изображаются чертами действительного бытия. Смерть и погребение богача суть черты действительности. Почему же несение ангелами умершего Лазаря не есть черта действительности? Это есть действительность, только незримая телесными очами, но созерцаемая духовно; это есть действительность, потому что в откровении Божиим нет места вымыслу и мечтам пустым. Это есть действительность, которую показывает божественное писание и в других наставлениях своих.

Ангелы, по словам апостола, суть службнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение (Евр.1:14). Видите, воля Всевышнего назначила ангелам служить спасению людей. Если же переход из настоящей жизни в жизнь загробную, не может не возбуждать опасений и в душе богобоязненной, уже по самой особенности и неизвестности беспредельного мира загробного, то добрые духи, назначенные служить спасению душ, без сомнения не оставляют без своего охранения душ благочестивых, во время перехода их в вечность. По словам псалмопевца, Бог так благ к любящим Его, что заповедует благим ангелам охранять их на всех путях их, видимых и невидимых (Пс.90:10–11). С другой стороны, ангелы, по писанию, радуются и обращению грешника на путь спасительный. Как же не радоваться им, как не сопутствовать с торжеством, при переходе в вечность тех душ, которые уже окончили подвиг спасения? После сего понятно, что неложное слово Божие служит оправданием видениям избранных людей, зревших восхождение того или другого праведника с земли на небо, в сопровождении св. ангелов. И эти же видения, как дела опыта духовного, объясняют со своей стороны краткое учение св. писания о незримом бытии загробном.

Так тих, покоен, радостен переход душ святых в жизнь загробную, потому что огражден защитой добрых ангелов. Верна надежда праведника на Господа, когда тот говорит: *еще и*

пойду посреди сени смертные, не убоюсь зла, яко Ты со мною еси (Пс.22:4).

Таков ли переход грешных душ в жизнь загробную? О! грешники! вы беззаботно живете до гроба, не думая о том, что ждет вас за гробом. Одумайтесь, не навела бы на вас бед самая беззаботность ваша о жизни загробной.

По сию сторону гроба вещественный мир стоит пред нами стеною, закрывая от нас светлое царство небесное и отделяя от нас мрачное царство адское. Но и в этой духовно-вещественной жизни более или менее ощущаются нами влияния преисподней тьмы, достигают до нас насилия духов злобы поднебесной (Еф.6:12), и потому нужны, очень нужны нам вспомоществования духов света и благодати. Что же будет, когда душа грешная, отрешась от тела, переступит за преграду вещественного мира и войдет в непосредственное соприкосновение с миром духовным? Не угрожает ли ей открытое нападение темных сил? Св. апостол говорит нам, что супостат *наш диавол со своими слугами яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (1Пет.5:9). Если же таков он в отношении к людям здесь на земле, где так много защиты нам против него, где так много противодействующих мер со стороны обильной благодатными дарами церкви Христовой, каков он будет для грешных душ, когда, разлучаясь с землею, разлучатся они с духовно-вещественными пособиями благодати! Мало того, что они беззащитны там против злобы его, они своими расположениями, своими наклонностями, своими навыками еще на земле ввели себя в область тьмы, где полный властитель диавол. Бедные! здесь они с охотою, с наслаждением, жили *в похотех плоти*, думая находить во мраке счастье, тогда как подчиняли себя власти самого страшного врага, того, кто был и есть князь злобы, отчаянный противник Господу и святой Его церкви (Еф.2:23). Естественно, что эти несчастные питомцы мрака с радостью будут встречены там духами злобы, как ожидаемые жертвы. Грехи и беззакония кладут на душу печать свою, отчасти понятную и людям; а духи злобы, по свидетельству писания, постоянные искушители наши и участники в беззакониях наших (1Сол.3:5; 1Ин.3:8). Их лукавое

око с зорким вниманием следит пути человека на земле, они знают его немощи, помнят колебания и падения его на пути. Потому им известны дела грешной души. Если же злость их против людей страшно велика, то не радость ли, не торжество ли для них будет возмущать бедную душу, при вступлении в новый мир, мрачными картинами нечистых её дел, представлять её взору толпы забытых его грехов, вычислять случаи и обстоятельства противления её добру? *Достойные слуги клеветника братии нашей* (Откр.12:10), они не только не опустят обличить ни одной действительной вины, но готовы взвести на душу и вины небывалые.

После сего поймете вы, слушатели, что когда св. Кирилл александрийский и другие изображают нам истязания души на мытарствах, то они говорят согласное с св. писанием, которое показывает нам как страшную злость духов злобы против людей, так частный суд грозного правосудия Божия над каждой душой. Надобно только помнить наставление, какое преподал ангел Макарию александрийскому, начиная говорить о мытарствах, «земные вещи принимай здесь за самое слабое изображение духовных». Это значит, что рассказ о мытарствах представляет нам переход души грешной в вечность в таком виде, в каком только он может быть понятен для чувственно-духовного разума нашего. Само по себе понятно и то, что истязания души грешной духами злобы различаются по различию душ грешных. От того-то встречаем некоторую разность в изображении мытарств в видениях частных.

«Господи мой, Господи, даруй ми слезы умиления... яко да ими Тя умолю, очистится прежде конца от всякого греха. Страшно бо и грозно место имам прейти, тела разлучився и множество мя мрачных и бесчеловечных демонов срящет» (Молитва по 4-й каф.)

Братия! Кто из святых не молился такою или подобною молитвою? В таких мыслях молились св. Златоуст,¹⁹ Афанасий,²⁰ Ефрем Сирский,²¹ Максим Исповедник²² и другие. Как же нам не молиться в страхе и трепете за будущность загробную? Св. Макарий учит, «если душа виновна в грехах, то приходят полчища демонов, злые ангелы и темные силы, берут

ее и увлекают на свою сторону. Сему никто не должен удивляться. Ибо если человек, будучи еще жив, находясь еще в сем мире, покорился, предался и поработился им, то не более ли они будут обладать им и поработать его, когда он выйдет из сего мира? Что касается до другой, лучшей, части людей, то с ними происходит иное. При святых рабах Божиих еще и в сей жизни находятся ангелы; духи святые окружают их и хранят. А когда души их разлучаются с телом, то лики ангелов принимают их в свое общество, в светлую жизнь и таким образом приводят их к Господу». ²³ «Молитесь, увещевает св. Ефрем Сирин, молитесь, чтобы душа умирающего отошла с миром; молитесь, чтобы получила она место успокоения; молитесь, чтобы встретила ангелов сострадательных; молитесь, чтобы обрела Судию милостивого; воскуряйте фимиам – она видит присутствующих ангелов; молитесь, – она в тяжком томлении». ²⁴

Мати моя и братия моя – сии суть слышащие слово Божие и творящие е (Лк.8:21), сказал нам Спаситель. Какая это великая милость к нам сладчайшего Спасителя нашего! Он поставляет в родство с собою и, следовательно, в родство взаимное всех слушающих и исполняющих слово Его. Воспользуемся этою милостью, будем внимательно слушать и заботливо выполнять волю Божию. Тогда войдем мы в родство с небом. Тогда жители неба, а не духи злобы, примут нас, как своих, при исходе из этой жизни. Тогда они милостивые покроют душу нашу миром и безопасностью.

Да приидет царствие Твое, благий Отец небесный, и для нас немощных. – Аминь.

Слово II. О загробной жизни

Се тайну вам глаголю, вси бо не
успнем, вси же изменимся, скоро,
во мгновении ока (1Кор.15:51).

Смерть нередко – событие мгновенное. А что следует за смертью? Необозримая умом вечность, – вечность, в которой придется жить всем нам. Как не думать, как не думать много о том, что последует с нами после смерти? Мы говорили о вступлении души в вечность, о том, что встретит ее в мире духов. Что же потом? Что это будет за состояние, в котором должна находиться душа, разлученная с телом? Во время земной жизни душа наша и возбуждается к деятельности телом и чрез тело обнаруживает свою деятельность. Во время сна, когда чувственные органы остаются без действия, незаметна и деятельность души. Не есть ли это указание на то, что, по разлуке с телом, душа будет в состоянии неопределенном, бессознательном, бездейственном, до нового соединения с телом – орудием своей деятельности? *Вси бо не успнем*, говорит апостол, говоря, что не всех застанет умершими последний всеобщий суд. Не показывает ли тем апостол, что состояние души, разлученной с телом, есть состояние похожее на сон? Точно так и представляли себе некоторые состояние души за гробом до суда всеобщего, признавая неуместным и суд частный. Но справедливо ли это?

Пусть душа наша имеет нужду в органах чувственных для принятия впечатлений со стороны мира вещественного. По отношению к жизни загробной это значит только то, что душа, отрешившаяся от тела, не будет более принимать впечатлений со стороны вещественного мира. Но потеряет ли она там впечатления и мысли, которые собраны во время земной жизни, хотя бы относились они к миру земному? Потеряет ли она способность заниматься впечатлениями земной жизни, оставаясь сама с собою? При неотъемлемости самосознания души не может быть ни той, ни другой потери. Еще менее разлука с телом может препятствовать тому, чтобы душа жила в

мире мыслей духовных. Мысли о божестве, мысли о духовной жизни души, мысли о нравственном бытии образуются и действуют в душе независимо от чувственных органов; они живут в душе, действуют на чувствования и желания души, раскрываются и усовершенствуются в душе без участия деятельности организма телесного или только с слабым участием, получая извне поводы к переменам. Потому с телом или без тела остается душа, это для деятельности души в мире духовных её мыслей, – все равно, или почти все равно, и, следовательно, разлука души с телом ни по чему не может остановить жизни души в мире мыслей духовных. Вообще самосознания ничто не может отнять у души. Это – неотъемлемая принадлежность её духовного бытия; без того она не была бы духом и стала бы в ряд неразумного бытия. Пусть болезненный разрыв её с телом, на короткое время, наведет мрак на её сознание, как это бывает в жестоких болезнях; но пройдет это короткое время и самосознание придет в свою силу и снова беспрепятственно будет продолжать свою деятельность, как ничем и никем неотъемлемая собственность души. Не забудем при том тех весьма многих опытов, когда душа, в самые последние минуты земной жизни, оказывает такую живость деятельности, такую ясность мыслей, такую свежесть чувств и желаний, какие вовсе не отвечают погасающей жизни телесного организма. В таких опытах не в полном ли свете выставляется на вид независимость души и её самосознания от телесного организма, или еще более, господственная власть души над самым разрушающимся организмом? Если же так, если самосознание – неотъемлемая принадлежность духовного бытия души, то душа, по разлуке с телом, не может долго оставаться в состоянии неопределенном, ей необходимо дойти до положения известного, до того, которое определится состоянием нравственного бытия её, т.е. до состояния или блаженного покоя, или муки, как последствий нравственной её жизни. Все лучшие расположения, все святые желания, все высокие мысли, все, чего человек достигал усиленными стремлениями и само принуждением во славу Божию, – неотъемлемая собственность духа и с известного

момента, смотря по состоянию души, должно воскреснуть в самосознающей душе, к её вечному покою. Точно также сознание душевных и чувственных грехов начнет собою, в душе грешной, ряд мук и томлений. Так должно быть, по неотъемлемости самосознания, в душе бессмертной.

С другой стороны, быть не может, чтобы премудрый правитель духов дозволил душе оставаться в состоянии неопределенном целые тысячелетия, до суда всеобщего. К чему бы было такое состояние души? Нельзя указать ему цели ни в самой душе, ни в чем-либо другом. Премудрый назначает состояния, сообразные со свойствами создания и никогда не действует вопреки своим советам о тварях. Дав душе нравственный закон, Он не захочет остановить действий его в ней по переходе в вечность; действия закона в душе должны открыться в душе, как непременная воля Божия, с полною свободою, тем паче, что не будет более препятствий к тому, поставляемых здесь толпою разных житейских развлечений. – Пусть же не обольщают себя мечтою, будто за смертью еще не скоро последует расчет с грешником. Если на всеобщем суде правда Божия должна оправдаться пред вселенною, в отношении к судьбам человечества, то она же оправдает себя наперед и пред каждою душою в её земной участи; она скажет там нечестивому, «ты наслаждался счастьем земной жизни, не заботясь о правах правды вечной, – теперь тебе другая доля»; она скажет и страдальцу земной жизни, «ты не знал покоя на земле, выполняя волю Бога твоего, – теперь успокойся».

Вси бо не успнем, вси же изменимся. О каком успении говорит св. апостол? Об успении ли души по разрешении её от тела? Нет. Он называет сном смерть телесную. Смерть – сон. Какое прекрасное название! И его могло дать только христианство, которое так ясно показывает в будущности пробуждение телесного состава к новой жизни. Тогда как смерть есть всеобщее наследство детей Адама, также как воскресение есть дар нового Адама – Христа Господа, апостол, по отношению к людям последнего времени не допускает действия смерти. *Вси бо не успнем, вси же изменимся*, или как он же говорит, *мы живущии оставшии – восхищени будем*

(1Сол.4:17). Отчего ото? Это тайна говорит он. *Се тайну вам глаголю*. Тайну составляет то действие, которое совершится над людьми живыми последнего времени, силою воскресения. Действие воскресителя обнаружится в них особенным явлением, изменением живого телесного организма, которое прострется до того, что измененное тело восхищено будет на облака. Итак, апостол открывает нам тайну, но не тайну бытия души, отрешенной от тела.

Обратимся к другим наставлениям св. писания за разрешением нашей тайны.

Что такое жизнь до гроба и жизнь за гробом по учению писания? Жизнь до гроба есть сеяние, а жизнь за гробом есть жатва. В жизни земной повелено нам трудиться для добра; а в той жизни указывают нам воздаяние за труды. Настоящее и будущее поставлены между собою, как семя и плод. *Еже бо аще сеет человек, тожде и пожнет*, говорит апостол. *Сеяй в плоть свою от плоти пожнет истление, а сеяй в дух от духа пожнет живот вечный (Гал.4:6–7) Сеяй скудостью, скудостью и пожнет, а сеяй о благословении (щедро) о благословении и пожнет (2Кор.9:6). Кийждо свою мзду приимет по-своему труду (1Кор.3:8)*. Видите, не долго ждать награды за труд; не долго ждать воздаяния за жизнь земную. Жатва или награда явится вслед за тем, как смертью окончится посев или труд. Значит, вслед за смертью последует определенное состояние души, сообразное с жизнью её до гроба, состояние или скорбного томления духовного, или жизни радостной, состояние или обильное утешениями, или печальное и горькое. Откровение изображает нам смерть как бы пришествием мздовоздаятеля; так близко поставляет оно награду за жизнь к мгновениям смерти телесной. *Держающе убо всегда и ведяще, яко живуще в теле отходим от Господа, верую бо ходим, а не видением, держаем же и благоволим паче отыми от тела и внити ко Господу (2Кор.5:6–8). Мне еже жити, Христос и еже умрети приобретение есть... Одержим есть от обою, желание имый разрешитися, и со Христом быти, много лучше паче (Флп.1:21–23)*. Видите, святые Божии ожидают переселения ко Господу вслед за смертью своею; они потому и

предпочитают смерть продолжению странствования земного, что за смертью ожидает их блаженное пребывание с Господом. Точно так роскошный богач вслед за смертью попал в ад и бесполезно просил оттуда Авраама о облегчении его участи; братья его еще были живы, а он уже терзался муками (Лк.16:22, 25). *Лежит человеком единою умереть, потом же суд*, учит св. апостол (Евр.9:27). Он не полагает промежутка между смертью и судом, и указывает на суд частный, неизбежный для каждого, как неизбежна смерть.

Точно так учили св. отцы церкви. «По отшествии из здешней жизни, учит св. Златоуст, мы предстанем на суд, дадим отчет в делах своих... Вступим же на путь добродетели, да с упованием, приличным христианину, предстанем на тот суд и получим обещанные блага.²⁵ Если ты поносил кого, если сделался врагом кому либо, примиришься до судилища, все разреши здесь, чтобы тебе без скорби увидеть то судилище».²⁶ «Совершенно справедливо и очень спасительно верование, говорит блаженный Августин, что души бывают судимы, как только исходят из тел, прежде, нежели явятся на суд, где они будут судимы уже в телах воскресши.²⁷

Так, други мои, вслед за смертью последует суд для каждого из вас, блаженство или мука будет участью нашею. *Тем же убо дондеже время имамы; да делаем благое ко всем* (Гал.4:10). Пока длится время подвигов и заслуг, будем подвизаться по воле Божией. Пока идет время труда, не будем беззаботны о своей душе. Грешники! много грешили мы. Поспешим каяться, поспешим исправить, что можно. Мало добрых дел у нас? Поспешим молить благодать Божию, чтобы дала нам силы прибавить что-нибудь нужное для вечности, например, дух смирения, дух милосердия. О! други мои! пусть евангельский образ богача, бесполезно молящего в аду о облегчении мук своих, как можно чаще является взору нашему. Пусть как можно чаще повторяется душою нашею ответ праведника богачу, *между нами и вами пропасть велика утвердися* (Лк.16:26). Пусть страх суда Божия, грозного для грешников, будит беспечность нашу, гонит от нас прелести золота и честей, оберегает душу от порывов гнева и гордости.

Если же на долю нашу пришлось терпеть клеветы и поношения людские, потерпим, чтобы было, с чем туда явиться потерпим, терпеть здесь не долго, а долго жить там. Аминь.

Слово III. О загробной жизни, в храме слободы Бурлука

Не веруяй в Сына не узрит живота,
но гнев Божий пребывает на нем (Ин.3:36).

Или спасение за веру живую, или ад за неверие, – вот что представляется нашему выбору, слушатели! В нашей воле выбирать то или другое, но избежать одного из двух не зависит от нас. Путь нераскаянности, путь неверия, если мы идем по нему, непременно приведет нас в ад.

Грешники! неприятна для нас эта истина; не хочется нам слышать о ней, потому что она, принятая сердцем, сильно будит нашу негу греховную, сильно тревожить покой любимых страстей. Как современники Исаии, мы хотели бы, чтобы нам говорили только приятное, хотя бы и ложное (Ис.30:10). Но к чему это ведет нас? Что это значит в нас? Друг ли нам тот, кто скрывает от нас правду, хотя бы и неприятную? Друг ли нам тот, кто видит готовую для нас опасность и не предостерегает от нее? Он – лицемерный друг, если только не коварный враг.

Так, как бы неприятна ни была вам мысль о грозной участи, готовой для грешника за гробом, не будем удалять ее от взора нашего. Размыслим о тех муках, которые будет испытывать грешная душа за гробом до всеобщего суда. Страх грозной будущности грешника оживить нас для лучшей жизни, а не принесет вреда.

Не веруяй в Сына не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем. Гнев Божий – тоже, что отвращение всесвятого от того, что достойно отвращения Его; это тоже, что удаление грешника от лица Божия. Итак, первый источник мучений грешника за гробом – чувство удаления его от Бога. Во время земной жизни Бог звал к себе грешную душу, но она убегала Его. За гробом она будет искать Его, но не найдет. Бездна, изрытая неверием и грехами, будет отделять грешную душу от Бога, и она созданная для Его созерцания будет мучиться сознанием удаления своего от Бога.

Грешники! вы не понимаете теперь, вы не чувствуете, как тяжка эта мука. Не чувствуя в себе ни стремления, ни любви к Богу, вы не постигаете несчастья быть отлученными от Бога. Вам известны только радости земные, приятности чувственные, удовольствия жизни суетной. Оттого все небесное далеко от вашей мысли, далеко от вашего сердца, далеко от ваших желаний. Для вас счастье, которым гордитесь вы, – это неверные блага времени; одна мысль о потере их приводит вас в трепет. Дар Творца духов – стремление к Богу – заглушено, подавлено в вас земными страстями. Самые благочестивые души не могут здесь вполне понять, как велико несчастье быть удаленным от Бога. Душа земного странника, облеченная грешною плотью, то тяготится её бременем и развлекается её нуждами, то рассеивается впечатлениями, переходящими из мира чувственного. Оттого не в силах она возвыситься до ясного, полного, живого уразумения того счастья, какое заключается в общении с Богом, также как и несчастья быть в удалении от Бога.

Представьте себе душу, отделившуюся от тела и оставленную самой себе. Ни плоть, ни предметы мира, которые во время земной жизни столько отвлекали внимание её от главного предмета жизни её, теперь более не занимают ее. Забавы, почести, богатство, все земные блага, исчезли. Она видит только себя, видит и чувствует неодолимое стремление свое к Богу сердца своего, а Он так далек от нее. Видит, что все, что считала она великим, истлело, погибло для нее, и что велик только Бог, которого ищет сердце – её, а Его великого, Его всеблагого, нет с нею. Видит, что Бог – жизнь её, и без Бога нет ни света для ума, ни радости для сердца, ни добра для воли. О! Как страшно ей без Бога! Видит, что искавшие Бога нашли Его – благодать беспредельную, нашли свое блаженство, видит Лазаря, вполне счастливого и веселого на лоне Авраама, видит и сильно желает, чтобы по крайней мере одна каша небесной радости охладила томительную её жажду, но и та не падает, потому что *не веруяй в Сына не узрит живота, но гнев Божий пребывает на нем.*

Бог для осужденной грешной души не есть Бог благодати и милосердия, но Бог правды и святости, Бог гнева и мщения. Она трепещет Его, потому что грехи её поставили её в отчуждении от Бога святости. Она бежит от Него, потому что влекут её прочь от Него нажитые страсти. Братия мои! думаете ли, что преступные привязанности души к земным предметам, к лицам, деньгам, честям, замолкнут в нас там, когда все земное более не будет действовать на душу? Нет, они не замолкнуть там, но как голодные псы станут рваться к предметам своим и, не находя их, только будут терзать душу свою ненасытимостью; они не ослабнут и не исчезнут там, потому что посеянное здесь – в бессмертной душе, взойдет там, а не умрет. Они-то, гнусные и нечестивые, и будут выставлять душу предметом гнева и отвращения для Бога; они-то и будут заставлять её трепетать при одной мысли о Боге святости и чистоты. Как это тяжело, как это мучительно! Эта мука еще удвоится от того, что трепещет Бога правды по греховности своей, грешная душа вместе с тем неодолимо влечется к Нему, как к дели бытия своего. Страшная борьба раздирает её. Бог для неё – предмет невыносимого ужаса и Он же – предмет пламенных стремлений. Она влечется к Нему, как к Богу сердца, как к высочайшему благу и спешит удалиться от Него, как от огня истребляющего. Влечение к Богу, есть действие богосозданной природы её, стремление скрыться от Него есть действие греховной жизни её. Какое страшное противодействие влечений и чувств в несчастной душе!

Страдания грешной души становятся еще ужаснее, страшные муки еще нестерпимее – от сознания, ничем неизгладимого, что сама она призвала на себя гнев Божий.

Совість – судия дел наших и на земле; она мститель за неправды и в этой жизни. Тем назначил ей быть Творец души нашей. И так как она есть дело Божие в нас, то не истребляет её в нас никакое нечестие души, не уничтожает никакое усилие зла; она переходит с нами в вечность. Она переходит туда, но с какою страшною разностью для грешной души! На земле внушения её, как ни строги и грозны, остаются делом благодати Божией к грешной душе. За гробом они будут только местью правды Божией. На земле они убеждают уклоняться от дел

нечестия, за гробом они только укоризна в нечестии. На земле они, как тайный голос неба, дают знать душе, что есть ад за гробом, там они сами часть адских мук. Грешники, вы, которые закрываете здесь слух от сего строгого, но благодетельного судии, считаете мукою укоризны его, тогда как они врачевство больной душе, судите сами, как страшна должна быть кара сего обличителя, когда он останется для вас только мстителем. Ах! просите здесь у подателя благ, просите, как великой милости, чтобы голос совести как можно громче раздавался в глубине души вашей, как можно строже преследовал пути греха в лукавом сердце вашем. Это спасет вас от многих мук за гробом.

За гробом совесть будет показывать грешной душе грехи и преступления, какие когда-либо были допущены ею; будет выставлять ей всю низость каждого проступка, являвшегося на земле, в образах обольстительных. Вот, скажет она душе, исчезли прелести греха, земные удовольствия, земные выгоды, земная слава – где теперь? А без них каков грех! Страшен, лют, как смерть. И для него-то пренебрежены дары благодати Божией, – для него-то потеряно дорогое время, для него-то оставлены без внимания средства к вечному спасению. Чем оказывается теперь жизнь, прожитая в грехе? Бессмыслием. Чем извинить себя в такой жизни? Нечем. Неотразимы, слушатели, укоризны совести. И как долго, думаете, она будет там повторять их? Укоры совести, как *неумирающий червь* (Мк.9:44), будут непрестанно точить душу грешную, не давая ей отдыха. Нажитые грешные привычки, порывая душу к предметам преступных страстей, будут доставлять ей неистощимый запас для её укоризн, обличений и казней.

Как ни тяжело чувство удаления от Бога, как ни едки угрызения совести, бедственное состояние грешной души до суда всеобщего еще не есть состояние решительное; полное и беспредельное мучение грешных душ, как и духов злобы, настанет по определению всемирного Судии (Мф.25:46). Значит, к тяжкому положению грешных душ за гробом прибавляется еще томительное ожидание грозной будущности, или как говорит апостол, *страшное некое чаяние суда и яростный огонь, готовый пожрать противников* (Евр.10:27). Ожидание

мучительное, как потому что, при ужасе грозной будущности, нельзя отвергнуть её действительность, так и потому, что, слишком много надобно терпения для безграничного ожидания. Геенна будет в виду для душ, заключенных в аду; тайновидец давно открыл и то, что после всемирного суда, *и смерть и ад ввержени быша в озеро огненное* (Откр.20:14). Итак, иметь в виду море огня и ждать пока, это море поглотит самых зрителей своих, – какое страшное мучение.

О! Господи! всели в мя корень благих, страх Твой, в сердце мое. Аминь.

Слово IV. О загробной жизни, говоренное в соборе города Волчанска

И смерть, и ад даша мертвецы
своя, и суд прияша по делом своим.
И смерть, и ад ввержени быша в озеро
огненное, се есть смерть вторая (Откр.20:13–14).

Если грозная болезнь (холера), вновь посещающая край сей, сразит того или другого из нас, слушатели, будет ли это неожиданность? Что значит земля, нами обитаемая, как не кладбищное поле? Сколько знакомых и незнакомых скрылось с глав наших в мраке могильном!

Пусть те, о которых не дошла до нас память, мало занимают нас собою. Но отец, осиротелый после смерти любимых детей, может ли не спрашивать, где они? Что с ними там? Мать, потерявшая единственного сына, супруга, лишившаяся любимого супруга, тоскливо спрашивают, где они? Каково им там? Боже праведный! благоговеем пред правдою Твоею; исповедуем неприступную святость Твою. Участь тех, которые прияли благая в жизни сей, без благодарности к подателю блат, не может быть там покойною. Тяжело это для сердца немощного, но – непереложно.

Но Ты благость вечная! Откажешь ли в каплях благодатного утешения тем, которые скорбят пред Тобою о печальной загробной участи забывчивых братий и сестер? Или грозная участь грешника неизбежна там для всех грешников? Ужели никогда и никак не может быть ни избавления, ни облегчения от мук ада? Грешники! более, чем кому либо, нам надобно узнать верный ответ на вопросы о вас! И где же услышим его? Опасно полагаться на разум, он может ввести в ошибки. Обратимся к неложному учителю? что ренет о мне Бог, в своем откровении.

И смерть, и ад даша мертвецы своя, и суд прияша по делом своим. И смерть, и ад ввержени быша в озеро огненное, се есть смерть вторая. Так видел тайновидец Иоанн. Что это за видение? Что показывает оно нам? По сему видению ад должен выслать своих обитателей на суд всемирный, как и

смерть своих жертвы, и потом ад и смерть обрушатся в геенну. Следовательно смерть и ад представляются здесь в одинаковом положении. Значит, как смерть не есть необходимая принадлежность природы человеческой, а есть случайное явление, есть оброк греха (Рим.8:10; 1Кор.15:36); как для смерти есть победитель смерти, силою коего и мертвые возвращаются к жизни, так и ад еще не есть решительное состояние грешников, в котором невозможна бы была перемена. По видению тайновидца решительное, неизменно бедственное, состояние грешников – есть геенна, которая примет жителей ада после суда всемирного. Таким образом это видение, показывая состояние грешников в аде состоянием нерешительным, подает мысль о возможности перемены в участи грешника до суда всемирного.

Учитель языков в одном послании говорит (Еф.4:9–10), что Христос Иисус нисходил *в дальнейшие страны земли и пленил там плен*, а в другом (Флп.2:10.11) учит, что пред именем прославленного Иисуса должно преклоняться *всякое колено небесных, земных и преисподних*. Сличая то и другое наставление видим, что дальнейшие страны земли и жители преисподней – не то, что жители неба, куда взошел Спаситель с земли, и не то, что жители земли, между которыми пребывал Он временно. По самому значению преисподней в других местах писания (Пс.62:10; Сир.51:9), её жители – те, которые не достигли блаженства. И о них-то св. апостол говорит, что колена преисподних, подобно свободным поклонникам небесным и земным, преклоняются пред именем Иисуса Христа, приемлют дары Его и выводятся из плена. Апостол не говорит нам того, что все обитатели преисподней преклоняются пред Иисусом и выводятся из их темницы; напротив известно, что тогда, как в этой темнице иным духом проповедуется с пользою для них, (1Пет.3:19), для других, каков богач, невозможен выход из неё (Лк.16:23). Апостол ясно показывает то, что в преисподней есть души не то, что нераскаянные, укоренившиеся в зле и потому неспособные к принятию даров благодати Христовой, но души способные к другой лучшей жизни, души такие, для которых возможен переход в состояние покоя и радости. Иначе, апостол

дает видеть, что как на небе, соответственно нравственному состоянию праведных душ, есть *обитатели многи* (Ин.14:2), так и в аде, соответственно неодинаковому нравственному состоянию грешников, находятся неодинаковые обитатели; и между ними есть такие, для которых возможен переход в состояние полного покоя. Другая мысль о преисподней у апостола та, что возможность избавления душ из ада есть дело нисходившего в ад; он не поставляется в зависимости от деятельности узников, а относит спасение их единственно к силе и воле Христа Господа.

На сие бо Христос и умре и воскресе и оживе, да и мертвыми и живыми обладает (Рим.14:9), учит апостол. С тем и восстал из мертвых Христос Иисус, чтобы быть Владыкою и живых и мертвых; благодатное владычество Его не ограничивается областью живых; животворная сила Его простирается и на царство мертвых, и здесь она может оживлять и спасать, прощать и возвращать свободе.

Имам ключи ада и смерти, говорит Сам первый и последний тайнозрителю Иоанну (Откр.1:18). После такого отзыва нельзя сомневаться в том, что пока ад не низринут в геенну, двери ада может отворять Господь Иисус, может выводить оттуда узников, точно также, как может воскрешать мертвых. После такого отзыва понятно и то, что слова Авраама богачу, «между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти – оттуда к нам не переходят» (Лк.16:26), означают только то, что переход из ада в рай не зависит от воли узников ада.

Итак возможность, избавления грешников из ада не подлежит сомнению. Несомненно и то, что переход грешников из ада не состоит в их власти, а возможен только силе Господа Иисуса. Остается узнать, как, чрез какое посредство, живительная сила Господа Иисуса переходит на несчастных обитателей ада?

Что такое воинствующая Христова церковь? Она есть тело Христово, в котором живет Христос своим могуществом и благодатью. Ей, имеющей ключи царства небесного, дал Он многообразные средства ко спасению. В ней совершается

жертва бескровная за *грехи мира* (Евр.7:23–25); преломляется тело Искупителя за *живот мира* (Ин.6:5), проливается кровь Господа во *оставление грехов* (Мф.26:26–28). В ней молитва во имя Господа Иисуса может получать все согласное с волею Отца (Ин.14:19). Итак, вот где проводник жизни Божией для людей!

Св. апостол Иоанн учит, *аще кто узрит брата своего согрешающего не к смерти, да просит и даст ему живот, согрешающим не к смерти, есть грех к смерти, не о том глаголю, да молится (1Ин.5:16)*. Заповедь апостола велит молиться за согрешающего грехом не смертным, и эта молитва, по словам св. апостола, может быть так действительна, что сообщит жизнь грешнику. Апостол не простирает ни заповеди о молитве, ни обетования о силе молитвы только на согрешившего смертным грехом; но не исключает из круга заповедуемой молитвы и её силы умерших без грехов смертных. Мысль апостола яснее становится для нас при сличении слов его с словами Спасителя, Спаситель говорит: *уже речет на Духа Святого не отпустится ему ни в сей век, ни в будущий (Мф.12:32)*. В соединении с сим наставлением Спасителя апостол говорит нам, есть грехи, за которые молиться бесполезно, – молится ли о них сам согрешивший, или молятся другие, они не простятся ни в этой, ни в той жизни, тогда как молитва за содежавшего грех не смертный, кто бы он ни был, живой или умерший, может подать ему исцеление. Итак, видите ли, други мои, по учению неложного слова Божия, молитвы земной церкви Христовой могут оказывать помощь умершим грешникам, коль скоро они не грешники нераскаянные.

Так всегда веровала истинная церковь Христова! Так рассуждали все великие учителя церкви! Св. Златоуст писал, «не напрасно узаконено апостолами поминать умерших при страшных тайнах. Они знали, что великая бывает от того польза для усопших, великое благодеяние».²⁸ Видите, кому приписывает св. Златоуст мысль о возможности перемены в загробной судьбе грешников, при посредстве церковной молитвы? Святым апостолам. Им он усволяет и установление молитвы за усопших в христианской церкви. Точно также делом

апостолов называли поминовение умерших св. Афанасий,²⁹ Григорий Нисский,³⁰ Дамаскин,³¹ блаженный Августин.³² Св. Дамаскин учит, «таинники и самовидцы слова, ученики Спасителя, божественные апостолы установили творить воспоминание о почивших в вере пред святыми, страшными, животворными тайнами. Это установление их святая, апостольская и повсемственная церковь Христова с того времени и по ныне содержит твердо и несомненно и будет содержать до кончины мира. Это установлено имя и принято церковью не без основания и причины; христианская вера, чуждая заблуждений, никогда не принимала ничего пустого и бесполезного; она постоянно хранила только полезное, угодное Богу, плодоносное и спасительное».³³

Великие учителя церкви всех времен проповедовали вслух всех о том, что возможна перемена участи усопших до суда всеобщего. «Есть возможность, рассуждает св. Златоуст, облегчить наказание умершего грешника. Если будем творить частые молитвы за него и раздавать милостыню, то хотя бы он был и недостойн сам по себе, Бог услышит нас. Если Он, ради апостола Павла многих, и, ради одних щадил других, то как не сделать того же самого и для нас?»³⁴ Св. Кирилл иерусалимский рассуждает, «если бы царь послал оскорбивших его в ссылку, а их ближние принесли бы ему венок за подвергшихся наказанию, не облегчил ли бы он наказания? Воссылая к Богу молитвы за усопших, хотя они и виновны, мы подносим не венок, а Христа, закланного за грехи наши, умиловляя за них и за себя человеколюбивого Бога»³⁵ Блаженный Августин поучал, «не надобно отвергать того, что души умерших получают облегчение от благочестия живых, когда приносится за них жертва Ходатая, или раздается милостыня для их пользы, но такие дела благочестия приносят пользу только тогда, когда умершие заслужили, чтобы те были полезны... Подлинно, есть образ жизни, который не столько чист, чтобы не требовал помощи по смерти и не столько худ, чтобы не послужило ему это в пользу по смерти... Кому молитвы полезны, то полезны или столько, что бывает полное отпущение грехов, или столько, что сноснее бывает

осуждение...³⁶ Не сказано бы было о некоторых, что им не отпустится ни в сей век, ни в будущий, если бы не было таких, которым если не в этом, то в том веке будет прощение».³⁷ Св. Ефрем Сирин так объясняет силу молитвы живых за усопших, «смотрите, вот зреющие грозди винограда в поле и выдавленное вино в сосудах. Когда зреют ягоды на виноградной лозе, тогда вино, стоящее в доме, начинает волноваться, как будто хочет убежать. Есть также растение, которое, находясь в доме, дает отпрыски, когда другой сучек его, посаженный в поле, начинает расти. Если же и растения имеют между собою тайное сообщение, то не более ли для умерших понятны молитвенные приношения (живых)?»³⁸

Много могли бы мы представить опытов тому, что усердная молитва за усопших избавила усопших от состояний мучительных. Для краткости ограничимся одним, но убедительным по всем отношениям. Это – опыт, исполненный и описанный св. мученицею III века Перпетуею, следовательно, опыт древних, лучших времен, опыт верный по святости лица, высокий до вдохновения. «Однажды, пишет мученица, в темнице, во время общей молитвы, я нечаянно произнесла имя умершего моего брата Динократа. Пораженная нечаянностью, начала я молиться и воздыхать о нем пред Богом. В следующую ночь было мне видение. Вижу, будто из темного места выходит Динократ, в сильном жару и измученный жаждою, нечистый видом и бледный, на лице у него рана, с которою он помер. Между им и мною была великая пропасть, так что мы не могли приблизиться друг к другу. Подле того места, где стоял Динократ, был полный водоем, которого край был гораздо выше, чем рост моего брата и Динократ вытягивался, стараясь достать воды. Я жалела, что высота края препятствует моему брату напиться. Тотчас после сего я проснулась и познала, что брат мой в муках. Веруя, что молитва моя может помочь ему в страданиях, я дни и ночи молилась в темнице, с воплем я слезами, чтобы он был мне дарован. В тот день, в который мы оставались связанными в оковах, было мне новое явление, место, которое прежде видела я темным, стало светлым и Динократ чистый лицом и в прекрасной одежде

наслаждается прохладой. Где у него была рана, там вижу только след её, а край водоема теперь был вышиной не более, как по пояс отроку, и он мог без труда доставать оттуда воду. На краю стояла золотая чаша полная воды. Динократ, подошедши, стал пить из неё, и вода не убавлялась. Тем видение кончилось. Тогда разумела я, что он освобожден от наказания».³⁹ Блаженный Августин, в пояснение сего рассказа, говорит, что Динократ просвещен был св. крещением, но увлекаясь примером отца язычника не был тверд в вере и умер после некоторых, обыкновенных в его возрасте, грехопадений; за такую неверность святой вере терпел он страдания, но по молитвам святой сестры избавился от них; и муки и покой его представлены были св. Перпетуе в образах.⁴⁰

Итак, слушатели мои, прославим благодать и могущество Господа Иисуса. Пока остается на земле воинствующая церковь Его, участь умерших грешников еще может изменяться на лучшее пособиями св. церкви. Как много утешений для скорбного сердца, как много света для недоумевающего ума в чистом христианстве! Лучи света льются из него и в мрачное царство мертвых.

Слушатели мои! Благодать Спасителя нам предоставила средства облегчать участь умерших братий, не будем невнимательны к воле благодати небесной, не будем жестоки и к ближним нашим. Если бы в глазах наших брат наш тонул в волнах или погибал от огня, и мы не сделали бы ни шагу для его спасения, жестокость наша была бы чудовищна. Подумайте же, не далеко ли более виновна жестокость наша и пред Господом, и пред ближними, и пред совестью нашею, когда ничего не делаем мы для умерших братьев и сестер наших? О! будем творить для них возможное для нас, – будем молиться за них молитвами св. церкви, будем подавать за них милостыню. Если не для них, то для себя самих, будем к ним милостивы. Будет ли к нам милостив там Господь наш, когда мы немилостивы к искупленным кровью Его? Будем ли мы христианами, когда не будем творить дел любви? Нет! Аминь.

Слово V. О загробной жизни, в день покровы Божией Матери

В цареградской Влахернской церкви св. Андрей, Христа ради юродивый, видит чудное видение. Дивная царица Богоматерь, окруженная сонмами пророков и апостолов, святителей и мучеников, преподобных и праведных; с омофором на руках молится за христиан к Сыну и Богу своему. «Видишь ли, брате, Ходатаицу мира?» спрашивал св. Андрей Епифания. «Вижу, святой отче, и ужасаюсь», отвечал ученик. Чудное видение! Св. церковь особым празднеством оживляет в душах наших сие видение. Как оно сладко для сердца, оскорбляемого землею! Как много в нем света для ума, созерцающего жизнь загробную. Напрасно ли после того праведник терпит здесь скорби и гонения? Напрасно ли подвижник благочестия борется день и ночь с страстями испорченного сердца? О! нет, еще не произнесен приговор Судиею вселенной, а святые Божии уже наслаждаются жизнью у Бога жизни, те, у которых духовное око открыто для мира духов еще с земли видели жизнь небесную и исполнялись восторгом от созерцания того блаженства, которым наслаждаются святые. Что же это за жизнь, что это за блаженство, которое дано в удел святым еще до суда всемирного?

Тайновидец Иоанн видел *под алтарем души избивенных за слово Божие, видел и то, что даны быша коемуждо их ризы белы и речено бысть им, да почуют еще время мало дондеже скончаются и клеветы их и братия их, имущи избие ни быти, якоже и тии (Откр.6:9, 11)*. Что это за видение? Что показывает оно относительно избивенных за слово Божие? Оно показывает во-первых, что страдальцы веры еще прежде, чем могли пострадать сотрудники и братия их за истину Христову, уже получают покой, т.е. венчаются дарами любви Божией вслед за неповинною своею смертью. Что потом означают ризы белые, которыми облачают их? Ангелу сардийской церкви сказано, что у него есть несколько таких, *уже не оскверниша риз своих*, и которые в остальное время по примеру Господа своего, будут

жить чисто, на зло миру нечестивому, *ходить имут со Мною в белых*; потом о награде их сказано, *побеждаяй той облечется в ризы белые* (Откр.3:4–5). Итак, белая одежда – символ чистоты душевной и символ славы. Значит, облачение страдальцев веры в белые одежды означало то, что они пред лицом Божиим признаны невинными и чистыми, что в сердцах их и чистое око Божие не видит ничего нечистого и эта невинность их блистает славою небесною. Что ж это за совмещение невинности с славою, деяния с наградой? Ах! мы, которые пьем нечестие как воду, мы не понимаем и не чувствуем, что значит грех для души нашей; но не таким он является для душ высоких, для душ, ревнующих о жизни небесной. *Окаянен аз человек, кто мя избавит от тела смерти сея?* взывал св. Павел. Души благочестивые! Души, ревнующие о чистоте небесной, тяготятся, томятся, страдают и от тех грехов, которые по временам являются в душе, по действию растленной природы, а не по их воле. Они знают, что грех есть дело не только преступное, оскорбляющее совесть, по и дело нечистое, лишаящее душу славы небесной. Они знают, что пока остаются они на земле, пока пребывают в испорченной плоти, им не избавиться и от страха правды Божией, грозной против всякой нечистоты. И потому тоскуют, вздыхают они по том времени, когда смерть разорвет связь их с испорченною плотью. Поймите же, какова будет радость их, когда они более не будут видеть и чувствовать опасностей и бед со стороны растленной плоти. Как отрадно им будет видеть и сознавать, что Бог правды и святости не видит более в них нечистого, что Он признает их угодными для Него, зрит на них оком благодати и любви, и они видят себя в свете небесном. Это-то состояние душ святых – страдальцев веры показывает тайновидец, когда говорит о облечении их *в одежды белые*.

Так блаженство душ святых за гробом будет состоять в сознании и чувствовании совершенства духовных сил души, восстановления того образа Божия, с которым создана душа Творцом её.

Ум в душах святых там раскроется, озарится светом первозданной чистоты и ясности. Ныне, говорит св. апостол,

отчасти разумеваем, знаем не целостью; егда же приидет совершенное, когда начнется новый образ бытия совершеннейшего, тогда же отчасти упразднится. Егда бех младенец, яко младенец глаголах, яко младенец мудрствовав, яко младенец смыслях, егда же бых муж, отвергох младенческая. Между здешним и будущим состоянием ума святых такая же разность, как между младенцем и мужем. Видим убо ныне якоже зеркалом в гадании, тогда же лицом к лицу (1Кор.13:9–12). Как много света пролито на ум человеческий христианством! Как высоко поставлено знание наше наставлениями небесного Учителя! И, однако, земное знание лучшего христианина все еще остается неполным, неясным загадочным. Там будет совсем другое. Там, за гробом, святые Божии, на место образов, увидят действительность, получат познание во всем близкое, ясное, полное. Одна разлука души с телом, которое как мрачная завеса закрывает от души мир духовный, с телом, которое вместо того, чтобы быть орудием для расширения познаний высших, обременяет ее образами низкими и пустыми, а испарениями страстей помрачает и часто извращает все начала ума, одна, разлука с телом откроет душе святой целый мир невидимых дотоле предметов и облегчит её стремления к вечной истине, к умственному её возвышению. Тяжкие недоумения, которые по временам томят здесь благочестивые души при взгляде на мир грешников и на искушения, встречаемые на пути совершенствования духовного, там все подобные сомнения разрешатся для нее. Дорога душе богоподобной небесная Истина. Счастье она для нее, когда внутреннее бытие её настроено по законам самой истины. Не для истины ли создана душа? За гробом в святых Божиих раскроется жизнь ума, бывшая на земле только в зародыше и будучи жизнью правильною составит источник блаженства.

Если же жизнь ума возвысится там в святых Божиих для их блаженства, то без сомнения возвысится и деятельность воли и тем возвысит блаженство их. Деятельность ума в точном смысле не отдельна от деятельности воли, как истина и добро, в сущности, одно и то же. Чем возвышеннее, чем светлее, чем

обширнее мысли ума о Боге; тем глубже, тем сильнее должна быть в душе любовь и ко всему святому. Так по крайней мере должно быть по предначертаниям Божиим. И так бывает в святых Божиих, которых жизнь есть жизнь по предначертаниям Божиим. За гробом вместе с тем, как раскроется ум их, любовь их к святому возвысится, расширится, окрепнет. *Любы николиже отпадает, аще пророчества упразднятся, аще ли языцы умолкнут, аще разум испразднится*, так говорит св. апостол, с земли восходивший на небо (1Кор.13:8). Загробом любовь к святому будет чище, возвышеннее, сильнее и от того, что не будет для нее препятствий, полагаемых здесь испорченною плотью и миром лукавым. Ни прелести вещей земных, ни. примеры развратных людей, ни ненависть мира гордого не будут там тревожить и развлекать души; греховное начало плоти, оставшись вместе с плотью в земле, также не будет подавлять стремления души к небу. Душа, любящая Господа, всем существом своим устремится ко всему возвышенному, доброму и прекрасному, или, точнее, к самому источнику всего высокого, доброго и прекрасного. И каким блаженством будет наполнять ее эта любовь святая! Что приносит душе грех, как не томление и муку? Нравственное совершенство или святость есть условие блаженства, столько же необходимое, как благоустройство и целостность телесных членов есть условие здоровья. Следовательно, без нравственного совершенства блаженство души невозможно, также как при нем оно есть неотъемлемая собственность души. И чем выше, чем сильнее любовь души к святому, тем выше, тем чище, тем обширнее блаженство её. *Блажени мертвии, умирающие о Господе отныне, ей глаголет Дух, да почуют от трудов своих, дела бо их ходят в след с ними* (Откр.14:13). Вот что говорит Дух истины! Блаженны те, которые не щадят ни трудов, ни самой жизни своей для Господа. Тяжела для них земная жизнь; но за гробом ждет их блаженство, блаженство покоя ничем не возмущаемого и блаженство воздаяния за дела их; кратко, за гробом ожидает праведников то небесное утешение, которое будет доставлять им самая деятельность их. Иному быть нельзя. Воин, с честью окончивший службу на войне, возвратясь

на родину, с удовольствием, с восторгом, воспоминает об опасностях, которые миновались, о трудах и ранах, которые перенесены им, о мужестве, которое много раз оказано им в боях. Труженик жизни бедной, успевший трудами честными преодолеть бедность, с радостью обращает взор свой на прошлые труды и скорби. Так и воин жизни духовной, труженик Божьего дела, до конца, сохранив верность Господу своему, за гробом становится свободен от всех тяжелых дум и с покойным радостным сердцем смотрит на свое прошлое и настоящее. Как отраден для него покой после подвигов целой жизни, после борьбы, не прекращавшейся до гроба! Он отраден, он восхитителен и от того, что каждый подвиг воли для добра проливает в сердце его мир и радость, каждое дело святое отзывается к душе счастьем и блаженством. *Дела бо их ходят в след с ними.*

После того понятно отношение души чистой за гробом к миру ангелов и святых Божиих и к самому Богу; понятно и то, чем должно отзываться в ней это отношение. «Многие, говорит Спаситель, приидут и возлягут вместе с Авраамом, Исааком и Иаковом в царствии небесном» (Мф.8:11), показывая тем, что блаженство души святой за гробом будет зависеть и от общения её со всеми святыми. А тайнозритель Иоанн видел еще две особенности относительно состояния душ святых за гробом. Он видел *народ мног, стоящий пред престолом и пред Агнцем и сзывающий, спасение сидящему на престоле Богу нашему и Агнцу. И еси ангели, продолжает он, стояху окрест престола, глаголюще, аминь* (Откр.7:10–12). Видите, святые Божии стоят пред престолом и престол Божий окружают ангелы; святые Божии возносят хвалу Агнцу, и ангелы одобряют согласием своим хвалы святых. Следовательно, святые Божии человеки и ангелы Божии находятся в общении между собою. Видите, святые Божии стоят пред престолом Божиим в, совершая служение, славят Бога и Агнца. Следовательно, занятие их – занятие для Бога и это занятие так приятно для них, что сопровождается чувствами восторга. Заметим еще, что так как видение тайновидца относится к обстоятельствам разрушения Иерусалима с его иудейством (Откр.6:13, 12:3) и о святых

говорится: *сии суть, иже приидоша от скорби великие* (Откр.7:14), то ясно, что тайновидец показывает нам то состояние святых, которое следует за окончанием скорбных земных подвигов, еще до суда всеобщего. Так приятно и на земле быть в союзе дружества, когда сердца соединяются узами любви чистой по побуждениям святым. За гробом святые, не только знаемые в здешней жизни, не только те, которых соединяла здесь любовь, но и все неизвестные, отделенные друг от друга временем и другими условиями земной жизни, составляют одно общество и между собою, и с ангелами Божиими. И как это дружество, как это общение взаимное, выше, чище, отраднее всякого земного! Там ни одна страсть, ни одно движение греховное, столько неизбежные на земле, не касаются ни чьего покоя. Самое же высшее, самое чистое блаженство сего союза истекает из того, что все члены общества небесного славят Господа, пребывая вблизи источника света и радости. Сего-то блаженства ожидал Павел, когда желал скорее расстаться с жизнью. *Дерзаем и благоволим паче отыти от тела и внити ко Господу* (2Кор.5:8). Он показывал тем, что праведные души, души такие, какова душа Павла, вслед за тем, как разлучаются с телом, переходят ко Господу.

Пусть блаженство святых до суда всеобщего еще не есть блаженство полное; пусть только после суда всемирного *праведницы, просветятся яко солнце во царствии Отца их* (Мф.13:43). Но ожидание полного блаженства не только не составляет для них скорби, но служит новым источником блаженства. Оно дает им предвкушать то, чего ожидают они надеждою твердою и мирною, ожидают в благодарном благоговении пред мудрою благостью Всевышнего.

Блаженна участь праведных за гробом. Земной ум не в состоянии вполне постигнуть блаженства их. Довольно и того, что может постигать он. Что значат пред славою небесною все радости земные, за которыми так гонятся люди? Что значат все скорби земные, которых так боятся люди, не боясь воли Божией? *Благословение и слава Богу нашему во веки веков аминь* (Откр.7:12)

Слово VI. О загробной жизни, в день св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, в семинарском храме

И видех мертвецы, малые и великие,
стояща пред Богом; и суд прияша мертвецы
от написанных в книгах по делом их (Откр.20:12).

Что это открывают нам? Суд за смертью каждого? Но суд *прияша мертвецы*, а не мертвец; *видех мертвецы малые и великие, стояща пред Богом*; целые сонмы мертвецов разного состояния пред Богом, а не тот или другой из умирающих. Если же верно, что и за смертью каждого бывает суд, к чему еще суд для всех мертвецов; Бог есть ум совершеннейший, для Него ошибки и замешательства невозможны и проверка суда Своего не нужна. Если однажды осужден им грешник, на суде частном, то не значит ли, что осужден он верно и непреложно, осужден на вечность, и, следовательно, не для чего быть суду другому, суду всеобщему? Смелый произвол, не задумываясь при том, идет далее и говорит, не есть ли суд всеобщий только мнение людей известного времени и известного разряда?

Торжествующие память св. Богослова! Отличием св. Иоанна от прочих апостолов служит и то, что он по преимуществу пророк нового завета. Он видел и показал нам тайны незримой будущности; видел тайны решения последних судеб мира. Чтобы почтить память тайнозрителя, приблизимся к разумению открываемых им тайн разрешением вопроса о нужде суда всеобщего после частного.

Нужен суд всеобщий после частного, во-первых, для окончательного распределения наград добрым и наказания злым.

После частного суда награждается или наказывается душа, но не весь человек. Между тем не участвовало ли тело в добрых подвигах праведника и в преступной неге нечестивого? Не оно ли томилось от поста и трудов у подвижника? Не оно ли млело в похотях у грешника? Не оно ли страдало в пытках и темнице у исповедника веры, или у жертвы несправедливого суда

человеческого? Не оно ли веселилось каждый день у беззаботного богача? Пусть тело орудие души; но и для орудия есть свой устал, нарушение которого не должно остаться без возмездия. Пусть преимущество деятельности остается в человеке за душою; но есть деятельность и в теле, и в нем грех может или властвовать без границы, или смириться до бессилия, и тело немощное может носить в себе *мертвость Господа Иисуса* и участвовать в страданиях Христовых (2Кор.4:10), или быть открытым врагом креста Христова (Флп.3:18). Как же правда Божия оставит без внимания деятельность тела, оставит без суда столь важную часть организма человеческого? Нет, пусть не обманывают себя мечтами, *весть Господь неправедники на день судный мучимы блюсти, наипаче же во след плотские похоти сквернения ходящие* (2Пет.2:9–10). Нет, надобно и телу явиться на суд вместе с душою, чтобы совершилось полное воздаяние деятельности человека за дела души и тела. *Всем явится нам подобает пред судищем Христовым, да примет кийждо, яже с телом содела, или блага или зла* (2Кор.5:10).

Правда Божия точна. Она не может не отдать каждому своего. Думаете ли, слушатели, что душа по разлуке с телом остается без действия? Все мы верим, что и по разлуке с телом душа живет. Если же живет она, то и действует. Жить и не действовать нельзя. Св. писание говорит нам, что души святых, находясь у престола Божия, служат Богу и Агнцу, славят величие и благодать Божества (Откр.7:9–10). Божественное писание говорит нам, что святые молятся за бедных странников земли по любви к ним, и молитвы, возносясь к Богу, как благовонный фимиам, низводят дары Божии на землю (Откр.8:3–5). Не новые ли это дела святых Божиих? Не новые ли подвиги святой любви их? Души нечестивые, по разлуке с телом, также продолжают свои дела, умножают свои преступления. Они здесь любили грех, и там его любят; нажитые страсти – ненависть, злоба, гордость, тщеславие не спят в душах и за гробом; здесь они были непризнательны к Богу; там в ярости за свою горькую судьбу они хулят Бога, винят Его в несправедливости и строгости. Не новые ли это нечестия

нечестивых, призывающие суд строгой правды? Не новые ли дела беззакония, требующие возмездия? Не забудьте еще и то, что сеятели нечестия и на земле продолжают действовать после своей смерти. Люди развратные, враги чистой веры и истины, примером жизни, учением, писаниями образуют общества последователей и действуют на погибель, людей, по разлуке с землею. Апостолы и пророки по ныне созидают церковь Христову; святители Божии, учителя благочестия поныне остаются отцами-воспитателями духовной жизни. Точно так Арии и Магометы, Лютеры и Вольтеры доселе действуют во вред церкви Христовой, носятся как зараза над землею и губят сердца человеческие. За все эти дела суд частный не воздал должного делателям правды и беззакония. Они ждут себе приговора и приговор правды Божией объявлен будет на суде всемирном.

О! будет суд всемирный после суда частного; будет и для оправдания судебных Божиих пред вселенною.

Печальна на земле участь любящих Господа. *Вси хотящий благостно жити о Христе Иисусе гонимы будут*, сказал св. апостол (2Тим.3:12). И это выполняется по ныне, так или иначе, но выполняется. *Позор быхом миру и ангелом, и человеком, яко же отребим миру быхом, всем поправление*, говорит апостол от лица всех подобных ему (1Кор.4:9,13). Такая участь благочестивых тем более печальна, тем более составляет предмет недоумений для самих благочестивых и предмет злостной радости для душ худых, что люди дурные, люди, не уважающие ничего святого, являются в земной жизни счастливыми, богаты и веселы, в почете и известности. Даже и Давид, муж по сердцу Божию, по временам смущался земною долею грешных и праведных; и он говорил, «вот эти нечестивые счастливыцы умножают богатство; так не напрасно ли я очищаю сердце и омываю невинностью руки мои?» (Пс.72:13). Пусть на суде частном каждый получает воздаяние за дела свои и правда Божия оправдывается пред благочестивою душою в её земной судьбе. Но соблазн, возбуждаемый земною долею грешных и праведных, простирается далеко; он касается всего мира, и духов бестелесных и людей немощных. Не стоит ли

необходимость, чтобы судьбы Божии оправдались пред целою вселенною? Праведные были зрелищем для ангелов и людей на земле, были предметом презрения и насмешек для мира нечестивого. Быть не может, чтобы пред теми же ангелами и людьми не явились они в славе, достойной подвигов их? Мир нечестивый должен будет наконец и против воли своей признать, что верховный Владыка столько же мудр и благ к благочестивым, сколько строг и правдив к нечестивым.

Не только по отношению к людям, но и по отношению ко всему миру решение тайн Божиих заключается в спасении мира Сыном Божиим. Здесь, в Сыне Божиим – Спасителе вселенной, слава Божия открылась в дивном величии. Но признает ли мир эту чудную славу Божию? Признает ли он Иисуса Христа тем, чем надобно признавать Его? Мир нечестивый не хочет признавать Иисуса Господом; упорство его еще не побеждено. Хотя власть духов злобы и стеснена именем Иисуса на земле; но еще не совсем прекращено влияние их на людей. Против греха даны Спасителем человечеству благодатные силы, и виновность греха принята им на Себя; но смерть – плод греха еще царствует в мире. Не воздыхает ли и вся тварь о свободе, которой лишил ее человек? Уже ли все это так и должно остаться навсегда? О! нет, зло физическое и зло нравственное, при мысли о Творце мира, показывают собою, что слава Божия когда-либо оправдается пред вселенною в их земном существовании. Для благочестивых эта слава Божия видна и на земле в Сыне Божиим. Остается быть тому, чтобы вся вселенная и против своей воли признала славу Божию в Сыне Божиим; остается, чтобы все враги Иисуса признали в Иисусе воплощенную любовь Божию. И это будет. *Узрят Сына человеческого, грядуща на облацех с силою и славою многою (Мф.24:30).* Вся вселенная, смятенная ужасом, почувствует силу Его. От земли до ада прострется суд Его, от людей до духов отверженных все выслушают приговор Его и выполнят с точностью. *Тогда и последний враг упразднится, смерть (1Кор.15:25–26).* Как верным Христовым не ожидать откровения славы Господа своего? *Понеже приобщаетея Христовым*

страstem, радуйтесь, яко и в явлении славы Его возрадуется веселящеся (1Пет.4:13).

Так кто может считать мечтою людей будущий суд всемирный? *Ругатели, по своим похотех ходяще*, отвечает св. апостол (2Пет.3:3). Люди наглые, для которых нет ничего святого, которые живут по наклонностям испорченного сердца и уважают лишь то, что льстит нечистым страстям их; вот какие люди могут отвергать суд всемирный. Значит, никакой порядочный человек, у которого не испорчен смысл и сердце на месте не может идти против суда Божия. Значит, все те, для кого дорога истина и свято благочестие, всегда были и всегда будут против отзывов людей – ругателей. Таков суд апостольский о суде всеобщем. Вслух мудрецов язычества сказано, что только безумие может не верить всемирному правосудию (1Кор.15:36, 52). Членам знаменитого ареопага объявлено, что «назначит Бог день, в который будет судить вселенную праведно, посредством предопределенного Им мужа» (Деян.17:31). Правда, иные отказались слушать эту проповедь (Деян.17:32); но сколько дело этих людей не служит к их чести, столько дело апостола говорит о всемирной важности его проповеди. И пред язычниками, и пред иудеями, и пред верующими, и неверующими, и пред детьми, и пред зрелыми в жизни духовной повторялась проповедь о суде всемирном; мысль о сем суде поставлена апостолами в числе даже начальных истин христианства (Евр.6:2). Значит, это есть мысль для всех святая, как для всех свята должна быть истина.

В смирении сердец наших молим мы долготерпеливую благость Твою, Господи, молитвами тайнозрителя Твоего, даруй нам дух сокрушения о грехах наших, чтобы явились мы на суд Твоей правды без стыда за жизнь свою. Аминь.

Слово при погребении генерал-аншефши М. Д. Дуниной

Блаженни мертвии, умирающи о Господе,
ей, глаголет Дух, да почиют от трудов
своих (Откр.14:13).

Вот и гроб пред нами! А при том так легко душе; потому что на мысль приходит не тление, а жизнь, не персть холодная, а благодать небесная. При нем хочется не плакать, а благодарить Господа душою мирною. Не правда ли, слушатели, что при ином гробе страшно душе, темно бывает, как в могиле? А при этом гробе живительный свет небесный льется в сердца.

Прежде всего хвала и благодарение Тебе, Господи, которым живут рабы Твои, проливая радостный свет Твой на земле. Твой свет зрим мы в жизни рабы Твоей.

Матери семейств! Вот вам мать, у которой есть, чему поучиться. Вот вам мать, которая была матерью не по имени и не по земным только узам. Сколько у неё детей, внуков, правнуков! Как вы думаете, легко воспитать и пристроить столько чад? Легко ли дать образование, нужное не для одной земли, а и для неба? Шесть дочерей и один сын остались на руках у неё, когда умер супруг её. И все дочери воспитаны и счастливо выданы в замужество.⁴¹ Двадцать четыре внука и семьдесят шесть правнуков родились и воспитались в её доме. О! сколько забот сколько скорбей надобно было ей испытать! Мало и того, – она же была матерью и для сестер, и для племянниц своих; и о них заботы лежали на её же душе и их она же выдала в замужество. Кто же дал ей силы для стольких трудов, для стольких забот и скорбей? Поверьте, одно благочестие христианское. Без него и самая материнская любовь оказывается слабою пред силою бед земных и неумною в счастье земном. Ах! чего ожидать от греха? Он вносит одно расстройство и в дома, и в семьи, и в умы, и в сердца. Боярыня Мария была дочь благочестивого отца, того отца, которого честность, любовь к правде, глубокая набожность очень

известны по управлению здешним краем. Потому она с юности обучена была благочестью.

Другие матери семейств, или другие отцы получают от родителей имения богатые, устроенные лучшим образом, так что оставалось бы жить до гроба без вздоха. Проходят пять, много десять лет, и уже богатство утекло, как вода, рассеялось ветром суетности, исчезло в пожаре страстей. Пусть же видят в примере сей рабы Божией, как благочестие на все полезно, и для временной, и для вечной жизни. Пусть с уважением подойдут ко гробу той, которая, оставшись вдовою с имением расстроенным, умела не скупостью, над которою добродушно улыбалась она, а христианскою умеренностью сохранить детям богатое наследство.

Иные жалуются, что тяжело содержать дом прилично званию своему. Не носила ли почившая раба Божия очень видное, очень почетное звание в свете? Она – супруга полного генерала, и генералы называли ее своею матерью. Отчего же она умела и жить прилично высокому званию и не тяготиться своим положением? Оттого, что держалась не правил света легкомысленного, а уроков ума христианского, оттого что не позволяла мечтам суетности ветренной волновать её сердца и повелевала воле держаться путей закона Божия. По любви материнской, по любви общительной со своими и чужими, она готова была отдать все, чтобы были довольны в её доме, но прежде всего занята была тем, как бы суетностью тщеславною не оскорбить долга, назначенного ей Промыслом, как бы за удовольствия пустые не платить тревогами досадными, раскаянием поздним, как бывает с неосторожными.

Сколько заботь, сколько хлопот у иных, чтобы почетно было имя их между людьми! А имя их все-таки остается незаметным между людьми, а если и замечают его, далеко лучше было бы, когда бы никто не знал его. Отчего это? Пусть поучатся у сей рабы Христовой. Она без усилий умела внушать уважение к себе, едва не благоговейное.

И как было не уважать её? Если бы и не знали мы, что она делила с супругом своим труды очаковской войны, польской войны, пражской битвы; если бы и знали мы, что ее уважали

такие люди, каковы были Румянцев, Суворов, Потемкин, глубокое уважение возбуждала в каждом высокая её личность, при первом с нею знакомстве. Её благородство – было благородство христианское; её правила жизни – были правила чистые, высокие, неземные; её ум был светлый, ясный, просветленный светом Христовым. Один у неё оставался сын – юноша прекрасный, образованный, добрый, самая радостная надежда вдовства её, и того отдала она отчизне. На бородинском поле получил он назначение состоять при главнокомандующем армиями. Назначение лестное! Ему было только 19 лет. Что же он отвечал? «Полк мой идет в сражение, и я, сын израненного генерала, должен быть с полком; я адъютант – после сечи». Так отвечал он, и – пал в сражении. Не правда ли, что такой сын мог быть не у всякой матери? И не правда ли, что тяжело, очень тяжело было матери лишиться такого единственного сына? Боярыня Мария и потерю такого сына перенесла с христианским благодушием.

Внимательная к значению бессмертной души своей, она была внимательна к себе, внимательна к другим, как к почетным земли, так и к бедности земной. При общем уважении к её имени, при высоком звании своем оскорбляла ли она приближающегося к ней бедняка взглядом презрения или даже холодности? Нет, она спешила утешить горькую бедность ласкою и приветом, не забывая того, что земное величие без душевной доброты – пустота обильная. При средствах, не всегда богатых, когда отказывала она нуждающимся в помощи? Никогда. Она всегда помнила слова Господа, подав помощь бедному, вы подаете ее Мне. Прислуга не тяготилась ею, никогда не встречая в ней ни взыскательной гордости, ни тяжелой власти. Всегда спокойная, всегда умеренная в движениях души, она в обхождении с подчиненными соединяла ласковость с чувствами принадлежащего ей достоинства, и была умною матерью для них.

Высокими кажутся люди, пока величие земное окружает их, пока слава и богатство с ними, пока здоровье и красота сияют на их лицах, пока ум и связи земные отворяют им дверь каждого дома. Но как мал человек, как слаб, как незначителен, когда

смерть лишает его всего земного, а небесного не приобрел он ничего! Душа христианская! ты твердо помнила, что все земное – суета, и для жизни вечной нужна только благодатная вера в Господа Иисуса. Светильник твоей жизни теплился чистой любовью к Богу. И вот в чем самое прочное величие твое! Вот почему особенно так благодарим мы за тебя Господа! *Блаженни мертвии, умирающи в Господе, ей, да починут от трудов своих.*

Ныне иные позволяют себе пренебрегать уставами св. церкви. О! горько будут каяться в том, когда оскорбленный в лице церкви своей Господь отвратит от них милостивый взор Свой на суде своем. Благословенна боярыня Мария в путях её! Она жила, как искренняя дочь матери церкви. Пока ходили ноги её, не отказывалась она посещать храм Божий, не опасаясь ни холода, ни мокрой погоды. Каждый воскресный день и всякий праздник встречала она в доме молитвы и с благоговейным вниманием следила за церковною службою. Её щедростью построен храм Божий. Ах как важен этот памятник, воздвигнутый тобою, раба Христова! Это – памятник любви твоей ко Господу. Мирские памятники приносят ли пользу тем, в чье имя воздвигаются они? Нет, это бесполезные памятники суеты людской. А в храме, тобою воздвигнутом, всегда, всегда будет приноситься бескровная жертва о покое души твоей, о прощении грехов, неизбежных ни для кого на земле. Рано или поздно люди забудут тебя, это верно. А церковь? О! святая церковь никогда не забудет тебя и за создание храма и за ту любовь, с какою покоила ты служителей храма Божия.

Скорби неизбежны на земле. И счастливы те счастливцы мира, которым Господь посылает скорби особенные, чтобы не забывались они, чтобы очищались они от праха мирской суеты. Господь явил в тебе любовь свою, раба Христова, искупив тебя разными скорбями. Более 80-ти лет прожито тобою на земле, и из них прожила ты 16 лет сиротою после матери и 48 во вдовстве. В последние твои годы были у тебя такие скорби, каких и не ожидала ты. Блаженна твоя доля, особенно потому, что ты не была невнимательною к урокам посещавших тебя

скорбей; мало того, ты алкала и жаждала правды Божией, благодарила, когда сказывали тебе значение уроков небесных.

Единый святой и безгрешный! Несть человек, иже поживет и не согрешит. Прости грехи рабы Твоей боярыни Марии, желавшей творить волю Твою святую. Упокой душу её там, где упокоишь Ты возлюбших Тебя. Аминь.

Слово при поминаении генерал-лейтенанта Воина Дмитриевича Задонского

Благий рабе и верный! вниди в радость Господа своего.

Герой веры и отчизны! Время ли тебе покоиться здесь? Время ли тебе спать, когда на страже и в тревоге вся отчизна твоя? Кто же, как не ты, испытанный в боях и муж совета нужен теперь для родины? Господи! да не продлится гнев Твой над нашими грехами! Так мало ожидаемая смерть его – потеря для отчизны его.

Что сказать в облегчение скорби столько любящих его – супруги и чад? Ты всесильный, Ты любовь вечная! пролей утешение в сердца, осиротевшие и пораженные потерей его. Чей голос, как не Твой, в состоянии рассеять мрак тяжелой скорби их?

Благий рабе и верный! вниди в радость Господа своего! Вот голос любви неизъяснимой. И не Он ли призвал друга нашего от нас? О! кто же другой, как не Господь наш располагает днями жизни нашей? Он полагает предел странствию земного путника, по усмотрению своей любви беспредельной; выбирает время и вид смерти самые лучшие для высшей дети нашей.

Благий рабе и верный! вниди в радость Господа своего! так говорит Он верному рабу своему.

А сколько понес трудов, сколько показал подвигов раб Божий Воин в службе бранной!

Он обучался военному ремеслу на службе трудовой. С 7-ми лет в рядах воинов, 17-ти лет прапорщик, он в битвах с дикими горцами Кавказа провел более 10 лет. И какие нес труды! С сухарем в котомке и не всегда с рублем в кармане не чувствовал он ни усталости, ни нужды, в переходах по горам. Являлся с подвижниками там и такими путями, где летают только орлы; в один год пять кровавых сражений с дикарями гор внесено в число блистательных дел его. В страшную войну Наполеона при селе Бородине стоял и действовал он в центре

кровопролитного сражения и не замечал, что сильно контужен был в грудь; пропускал мимо глаз, что под ним убиты были две лошади, – до конца сражения бился с врагами с мужеством и храбростью бестрепетными. Таким же был он при Тарутине и Малом Ярославце, при Вязьме и Красном. От границ России до стен Парижа сколько смертей детали над главою его! Под Люценом, Бауденом, Дрезденом, Кульмом, Лейпцигом летал он на боевом коне среди огней и палашей вражеских. В стране неприятельской храбрость и отвага его выросли. Под Труа с одним эскадроном он мчался на три эскадрона, рубил, топил, и гнал врага, пока остатки его не скрылись за стенами города. Монарший взор отличал Воина нашего. Вот он начальник уже не одного полка. Под его наблюдением дивизии воинов, корпус поселян военных. Каким он был в этой службе, хорошо знает целый край наш. Блистательные награды монархов пред нашими взорами.

При гробе христианского воина нельзя не вспомнить, что без чинов и отличий предстанем мы на суд Божий. Вельможный и земледелец, увенчанный на брани и незамеченный никем воин одинаково явятся пред престолом Вечного. Земные отличия останутся на земле.

Но что же? Значит ли это, что земные подвиги и заслуги бесполезны для вечности? Значит ли это, что напрасно тратят время, напрасно переносят труды и лишения, напрасно подвергают опасности здоровье и жизнь в службе земной? О! нет! подвиги полезные для земной отчизны не забыты будут там, в небесной родине. Не Божия ли воля назначает на земле каждому особое звание. Звание воина, как и звание земледельца, – устав Божий. Воин и земледелец оба станут на суд Божий, но как с земледельца не потребуют отчета в делах воина, так и воин получит все, что заслужил он верностью званию своему. Предтеча Христов сказал воинам о их пути спасения, *никого же обидите, ни оклеветавайте и довольны будьте оброки вашими* (Лк.3:14). А наш воин не только благодарил Господа за себя, не только не обижал сам в продолжении 40-летней военной службы, но умел убеждать и других – не обижать никого. Благодарение благодати Твоей,

Господи! По твоим дарам, наш Волн был воином с юных лет. Твоею силою выполнял он столько лет служение воина честно и свято. И счастливая доля! Твоею помощью имел он мужество принести и последние силы природному званию своему, по голосу отчизны.

Чего не выполнил он? Он был образцом воина христианского. И он же был образцом христианского гражданина, когда обстоятельства склонили его стать в положение гражданина.

Кто, как он, был самым точным исполнителем всех требований гражданского порядка?

Говорить ли о том, что ни один сосед, ни самый бессильный и бедный, не терпел тесноты от великого богатства его? О! он был благороден в самом лучшем, христианском, значении сего слова.

Дети редкого отца! вы еще не долго живете на свете., вы проживете 40 и 50 лет, но и тогда едва ли найдете многих детей, у которых был бы такой нежный и такой умный отец, как ват отец! Он долго жил, но не для себя, а для вас! Как он любил вас! Дети! Любовь не умирает, любовь за гробом становится сильнее и чище, её зрение дальновиднее там земного взора. Будьте же уверены, что добрая жизнь ваша – первый залог загробного покоя для вашего нежного отца.

Как он попечителен был о своих подручных? Самуил, расставаясь с званием правителя народного, говорил народу, *се аз, отвещайте на мя предо Господом еда кого от вас насильствовав, или кою утесних?* Как Самуилу, тысячи подручных скажут пред Господом от полноты души и сему господину, *не обидел еси нас, – ниже утеснил еси нас (1Цар.12:4).* Да, благосостояние крестьян его пред глазами всех. Он заботился о их доброй жизни, о их покое и довольстве, как умный отец. Други мои! и бедный и достаточный из вас знает по опыту умную любовь к вам покойного. Будьте же признательны, молитесь за вашего умного отца-пана, который столько лет заботился о вашем покое. Ваша признательность к нему призовет благословение и на вашу будущность.

Святая церковь особенно молить Господа о спасении создателей и благотворителей храмов. *У Отца моего обители многи суть*, сказал Спаситель (Ин.14:2). И нет сомнения, что один из этих повоев назначен создателям храмов, за которых так усердно молится церковь. Как не назначить покоя тому, кто создал и украсил не одно селение для славы Господней? Верен Бог в своем слове. Он сказал: *прославляющих мя прослаблю*, и выполнит свое слово; выполнит и потому, что храм – лучшее училище благочестия и, следовательно, самое лучшее благодеяние для ближних наших. Так не по-своему произволу, но по наставлению св. церкви, по слову Самого Господа, верим от полноты души что сему рабу Христову, усердному создателю храмов, скажет Господь: *благий рабе верный, вниди в радость Господа своего*. Ты не расточал данных тебе богатств на жизнь забывчиво-веселую, ты употреблял их в славу Божию. *Вниди в радость Господа своего*.

Господи! Благодать Твоя беспредельна. А кто из людей не грешен пред Тобой? Верный воин и раб Твой болярин не без грехов. Беспредельную милость Твою молим, прости грехи его; не помяни их на суде Твоем. Упокой душу его в селениях праведников Твоих. Аминь.

Слово при погребении графини Лидии Сиверс

Кто ждал того, что видим? Юность свежая, юность, благоухающая делами добрыми – в гробе. Кому же жить после того? Владыко жизни и святости! Ты желаешь, чтобы жили мы на земле для святости Твоей. Как же это так, что этот цветок, радовавший всех приятными надеждами, завял так неожиданно? Как же это так, что супружество, отражавшее в себе небесную тайну с её святыми свойствами и действиями разорвано так скоро, а неоперившиеся птенцы остались без нежной матери?

Супруг юный и нежный! падем в благоговейной покорности пред волею Владыки вечного. Мы не видим, мы не знаем, как смерть, столько неожиданная, может быть полезною и нужною для вечного спасения оставшихся; но не можем сомневаться, что Отец небесный все направляет к благу детей своих. Он – Отец и любит нас так, как не любят нас земные родители. Он любит осиротевших птенцов твоих и сбережет их. Он – Отец мудрый и дальновидный, там, где для нас один мрак и горе, Он разливает свет и жизнь. Где же и быть свету и жизни, если не у Него? Для нас по временам темно здесь, жизнь земная даже и тогда, когда не есть жизнь греха, полна сомнений и скорби. Из одной точки льются на темную землю лучи небесного света, из храма христианского, да и то света не полного. Свет полный озарить, и жизнь людей, и жизнь народов, и жизнь миров – там, пред престолом Вечного. Пусть же молчит ноющее сердце, пусть молчит готовый на мятежи ум пред волею Господа. Тяжко душе под тяжестью скорбей неожиданных; но для христианской души скорби – врачевство, страдания – печать любви Господней. Пусть в огне страданий перегорает все нечистое души нашей! Душа ближе станет к Господу.

Братия и сестры! гроб без слов моих говорит, чего надобно бояться. Долгая жизнь – не для всех знак особенной любви Божией. Для иных она – последняя милостыня нищему. И как страшно, если несчастный безумно промотает последнюю поданную ему лепту. Благодарение благодати Твоей, Отец

небесный, если немногие года жизни, при помощи благодати Твоей проведены в чистоте и внимании к себе, в делах милосердия и любви кроткой. О! как дорог там будет для нас и один день, проведенный согласно с животворными заповедями Господа. Еще более счастливы девы умные. Они всегда готовы встретить жениха своего. Светильники их горят с довольным запасом елея. Неожданного нет для них, придет ли Господь их в полночь или вечером, среди дня трудового, или в раннее утро. Так хотел было я жаловаться на то, что Господь так скоро берет тебя от нас, возлюбленное чадо о Господе! Но для тебя ранняя смерть – не потеря. Тебе пришло время принять воздаяние за твою нежную любовь к ближним, за твои заботы и труды для бедности, за твою любовь к Господу. Благословен Бог о тебе и в тебе.

Мы тебя уже не видим более, любимое чадо! Что-то еще лежит пред нашими глазами; но это уже не ты, а только хижина твоя, печально разрушающаяся. Бог, источник всякой жизни, да даст этой храмине принят в свое время жизнь новую, полную, совершенно цветущую, никогда не прекращающуюся и блаженную. Так должны мы молиться, братия и сестры, и не скорбеть по примеру не имеющих упования. Придет время, когда и молодость, и старость «услышат в гробах своих глас Сына Божия и услышав оживут». Это так верно, как верно то, что брошенное в землю семя не пропадает, а воскресает к жизни новой.

Да, мертвые оживут, но почему не оживают теперь! Почему живые не остаются живыми навсегда?

Здесь много знающих природу. Лучше, чем мне, известно им по опытам, что в большей части тяжких болезней сон есть одно из первых условий для возвращения сил. Даже и не врачи, а рыбаки, сказали о Лазаре, *аще успе, спасен будет* (Ин.11:12). Так давно известна целительная сила сна. Подобное врачевство нужно для телесного организма нашего, в другом виде. Грех произвел сильное расстройство в природе нашей. При всех благодатных средствах необходимо глубокое и продолжительное усыпление, дабы в продолжение сего сна расстроенные грехом силы могли прийти в первобытный

порядок, могли успокоиться и начать первосозданную жизнь. Плоть и кровь – не наследники царствия Божия – и тление не наследует нетления. Вся тварь воздыхает, ожидая свободы чад Божиих, так как должна возвратиться к свободе своей, когда возвратит себе свободу покоривший ее суеде.

Печальная мысль и еще мятется, и еще говорит, «если так дорога жизнь телесного организма, почему так рано похищаются некоторые, как похищена почившая? Так много в виду радостей, которых не вкусила она!»

Но что это за сожаление о радостях земных, которых недовольно вкусили? О! благодарение благодати Твоей, Господи, что не допустил Ты почившую породниться с счастьем земным, от которого так плачут невольно и за которое еще более должны бы плакать. Долго ли нам слабым до того, чтобы лесь обольстила и увлекла за собою душу нашу? Где наша радость? В Боге. Где наши надежды? В правде и милости Божией, сочетавшихся в Спасителе нашем. Скорее, скорее – к Отцу небесному. Здесь мы странствуем в дали от Него. Здесь грех поит нас скорбями и готовит еще более скорбей за гробом. Отчего так дорожат земными радостями? Оттого, что сердца пристрастны ко многому, вместо того чтобы любить одно; оттого, что зрение ума испорчено ложным блеском земных благ. Мечты суетности мирской, мечты желаний неумных закрывают от нас Господа сердца нашего; толпы обольстительных призраков жизни, теснясь в уме, препятствуют видеть ясно назначение жизни нашей. Увлеченное пристрастиями сердце и во время скорби также грешить, как грешило и в радостях. Ба кого мы походим, не помышляя о том, для чего живем на земле? На пловцов, увлекаемых стремлением бурных волн, на странника неумного, который идет, не зная куда идет, и идя не по дороге, каждую минуту близок к беде попасть в невылазную бездну. Остановимся, осмотримся. Поспешим взять книгу, где так верно, так ясно, так полно показаны и назначение жизни нашей и опасности заблуждений сердца нашего. Мы больны; книга жизни исцеляет нас.

Господи! если и почившая не без язв греха, Ты – один безгрешный. Прости грехи её. Кровью Агнца, закланного за

грехи всего мира, молим, упокой дух её.

Любящий супруг! молись за любимую почившую, но не отягчай себя скорбью. Молитва много будет значить для почившей; она же поможет и тебе в твоей скорби.

Богу нашему слава. Аминь.

Слово при погребении графа Николая Васильевича Орлова-Денисова

Вот и муж силы и крепости сражен смертью! Давно ли эта жизнь, свежая и сильная, как редкость, обещала многие годы? Сын великого отца обещал отчизне подвиги героя – отца, военный орден, рано украсивший грудь его, говорил, что этот сын может напомнить врагам о великом отце. Промысл поставил его в особый круг жизни и этот круг сиял лучами приятными, также знакомыми в примере отца. Кто не знает, как почивший был добр ко всем? Гостеприимство его изумляло гостеприимную Москву. При знаменитости имени своего он был ласков и доступен каждому, хотел только утешать других, но никого оскорблять. Не все платили ему тем же, но зла он не помнил. Простота, отзывавшаяся простотой лучших времен человечества, была душою чувств и дел его. Господи! Ты любишь сердца простые и его сердце известно Тебе. Покрой любовью простое сердце его, прости грехи его, ни для кого из нас неизбежные.

Братия! что жизнь наша на земле? Путешествие, путешествие недолгое, хотя бы продолжалось и многие годы. Здесь, при этом гробе, со всею живостью является нам эта мысль. А как мало помнят о ней! как мало пользуются благотворною мыслью!

Пресельник аз есмь у тебе и пришлец, яко же еси отцы мои, говорит Давид (Пс.38:13). И он же молится, *пришлец есмь аз у тебе, не скрый от меня заповедей Твоих* (Пс.118:19). Царь славного царства, – царь, утвержденный на царстве особным благословением небесным, считает себя не более, как путником земли, таким же путником, как и отец его Иессей, человек простого, скромного звания. Как же не быть после того буквальной истине, в том, что и я, и ты, слушатель мой, не более как странники и путники земли? Если мы забывчивы в отношении к значению земной жизни; если иные живут на земле, как будто никогда не должны расстаться с нею; значение жизни временной от того не изменяется. Человек, который

отправляется за море, чтобы составить себе состояние и потом возвратиться на родину, не считает ли себя странником и путником? Какая же разность между им и нами? «Мы не имеем здесь постоянного города, но ищем будущего», говорит нам один из лучших людей, умом которых должны мы жить (Евр.13:14).

Возрасты жизни нашей тоже, что страны, по которым лежит путь странника. В каждой стране есть свои особенности; тоже и в возрастах наших; а общий характер – переходчивость.

Возраст детства – страна приятная. Там воздух чист и небо ясно; там нравы невинные, приемы простые, язык добродушной откровенности, дни и ночи без забот; о страстях, которые бы омрачали или оскверняли сердце, не знают. Но как быстро проходить счастливый возраст! о нем знают только по воспоминанию, или, точнее, по наблюдению других.

Является юношество, это жаркий пояс жизни, страна пламенная. Земля усеяна цветами, но каковы цветы? Они заражены ядом, под ними кроются шипы и змеи. Как много юношей спешат неосторожно рвать цветы жизни своей; а те до того пронзают их колючками, что раны не заживают до гроба! не оплакивал ли Давид безумия юности до гроба? (Пс.24:7). Не относил ли Иов несчастий своих к погрешностям молодых лет? (Иов.13:26). Юность резва; она мчится по пути не оглядываясь. Но что выходит? Годы промчались и на встречу нищета во всем нищета.

Мужество – возраст зрелых сил, но за то и самых опасных страстей. Здесь пороки прикрыты видом добродетелей, корыстолюбию дано имя бережливости; честолубие и тщеславие считают за понимание своего достоинства; здесь наставления самолюбия незаметно обманывают ум, а ум обманывает человека. Путник наш уверяет себя и других, что он день и ночь занят важным делом, а он гоняется за мотыльками. Между тем солнце в быстром течении угнало месяцы и годы и путник вдруг, не замечая того, вступает в последний возраст жизни, в возраст старости.

Старость печальна. Ум притупился, память изменяет, воображение холодно, все силы ослабли. Остается об одном

думать, о чем не думали, о могиле.

Вот и вся жизнь самая долгая! что она, как не путешествие и очень недолгое?

К чему же нужно это размышление? Не в тому ли, свяжут, чтобы оставить все и думать только о гробе – предмете странствования? Нет, братия, нет. Учение умное, учение евангельское оживляет все и гонит только смерть, – наши глупости и страсти. Св. ап. Павел осуждает гнушающихся какими-либо земными благами, *зане, говорит он, всяко создание Божие добро и ничто же отменно с благодарением приемлемо (1Тим.4:4)*. Он учит пользоваться благами, но так, как бы не пользовались ими: *да радующийся, яко и не радующеся будут, и купующии яко не содержаще, почему? – преходит бо образ мира сего (1Кор.7:29–31)*. Видите, какое следствие выводить он из мысли о нашей страннической жизни на земле!

На чужой стороне не долго путнику сбиться с дороги, ошибкой принять путь не в страну родную за свой путь. Точно так легко ошибиться и путнику земной жизни. Давид молился, «я странник и переселенец, не скрой от меня заповедей Твоих». Кто так знает, как знает Господь, назначение жизни нашей и путь, ведущий к назначению? Воля Божия о нас, изображенная в св. писании, указывает нам дорогу к цели нашей, предостерегает нас от разных опасностей, говорит о пособиях пути. Надобно нам дорожить св. писанием. Только не надобно забывать и того, что лукавое, испорченное сердце наше может объяснять нам писание по своим видам грешным и потому надобно молиться, чтобы свет небесный прогонял от души обманы греха и показывал волю Божию в точном её виде.

У странника ничего нет с собою, кроме необходимого для пути. Так должен жить и христианин. *Имуще пищу и одеяние, сими довольна будем (1Тим.4:8)*. К чему тревожиться? Бог даст все необходимое для тебя. Не предваряй времени, не ускоряй течения его беспокойными желаниями, оно и без того течет быстро и увлекает нас с собою. К чему хлопотать о лишнем? Не для того ли, чтобы запутывать душу в беды и огорчения, питать в ней желания безрассудные и вредные? Верно слово апостола,

хотящий богатится впадают в напасти и сети, и в похоти многи несмысленны и вреждающие, яже погружают человека во всегубительство и погибель (1Тим.6:9). Пристрастие богача к богатству, пристрастие честолюбца к честям, пристрастие роскошного к роскоши к чему послужат за гробом? К осуждению грозному. Сколько тревог! и для чего? Слепцы – слепцы! мы не видим, мы забываем, что, переходя в родную нам страну, мы оставляем все, чем здесь обладали. Наши дома, наши поля, наши доходы – дорожный скарб путника, которому вовсе не нужен он в доме. *Ничто же внесохом в мир сей, яве, яко ниже изнести что можем (1Тим.6:7).*

Надобно дивиться тому, что люди могут огорчаться не от того, что может сделать их несчастными в другом виде. Тебя обидели, очернили твое имя, лишили имения, или здоровья. Значит ли это что-нибудь? Все это скоро кончится. Что такое слова людские? Слабый ветер, минутно касающийся путника, или крик животного, который пугает странника нечаянностью. Положим, что против тебя явная злость людей. Что ж? Чего тебе ждать в стране чужой для тебя? *Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы, сказал Господь (Ин.15:19).*

Путник непрестанно помышляет о цели странствования, непрестанно идет вперед, чтобы достичь милой родины. Если встречаются неприятности, которые служат к тому, чтобы увеличить будущее благосостояние его, считает ли он их неприятностями? Но не тоже ли внушает св. писание всем верующим? Что значат, говорит оно, временные скорби в сравнении с вечною радостью, ожидающею страдальцев? И верующие озабочены только тем, как бы быть достойными сынами вечной родины, как бы приготовиться к жизни покойной за гробом. *О сем воздыхаем, в жилище наше небесное облещися желающе,* говорят они с св. апостолом Павлом (2Кор.5:2). Если даны им избытки земные, они, видя, что скоро лишатся всего, спешат променивать земные блага на другие, прочные и неоценимые на земле, щедро раздают, что имеют, нуждающимся и обращают тленные имущества в нетленное достояние, в славу Божию.

Почивший братъ наш! странствование твое кончилось. Ждали, что оно еще продлится. Но главное не в том, долго или недолго странствуют, а как странствуют. Благодарение Господу, в душе твоей было много доброго; страдания последних лет очистили душу твою. Господи! повторяя исповедание, что каждый из нас не без греха, повторяем молитву, упокой душу почившего раба Твоего в стране мира вечного, прости грехи его, единый безгрешный! Даруй и всем нам незабывчиво идти к концу жизни нашей. Аминь.

Часть 4-я

Отделение IX. Беседы о молитве Господней

Беседа I. О молитве Господней

Сице молитесь: Отче наш, иже еси на небесех (Мф.6:9–13).

Мы не знаем, о чем и как нам должно молиться (Рим.8:26). Так говорил даже апостол. Что сказать нам о себе, о слепых грешниках? Как же драгоценна должна быть для нас та молитва, которую преподает нам Сам Господь! Он, – Сын вечного Отца, знает волю Отца Своего, и потому, если предлагает нам известную молитву, то предлагает такую молитву, которая услышана будет Отцом небесным, с которою не будем в стыде пред Богом за недостойный предмет молитвы. И какая это чудная молитва! Она дышит простотой детскою. И она же – неисчерпаемое море мыслей возвышенных, чувств святых, желаний небесных. Не напрасно св. Киприян называл молитву Господню сокращением евангелия. Не напрасно св. церковь предписывает нам так часто повторять молитву Господню.

К сожалению, не редко произносят ее уста, без участия мысли и сердца. По недостатку ли внимания, по действию ли привычки, по холодности ли души, дети и возрастные, молодые и старые повторяют молитву Господню, не только не соглашая движений сердца с движениями уст, но часто и не понимая слов. Согласитесь, что это не умно, что это опасно для нас. В таком расположении ума и сердца мы не только лишаемся благословений, которые могла бы низводить на нас молитва Господня, но мы как бы пренебрегаем его и подвергаемся опасности быть предметом гнева Божия. Что если скажет нам Господь в негодовании: *приближаются ко людие сии усты своими и устнами чтут Мя, сердце же их далече отстоит от Мене?* (Мф.15:8).

Размыслим внимательно о молитве Господней.

Отче наш! Чудное призывание! Бога называем Отцом нашим. Философы, законодатели, великие и лучшие мира языческого, если и возвышались иногда до мысли о Боге высочайшем, называли Его отцом богов и царем людей. Не

говорим уже о том, с кем разделял клать свою Отец богов; не говорим, что – то были существа не высокого ума и сердца, существа порочные. Высочайший Бог был только грозный властитель мира, совсем недоступный для людей. Сами евреи – народ, избранный Богом, взирали на Бога только как на создателя и Владыку своего. Во всем Ветхом завете не видим ни повеления, ни позволения израильскому народу именовать Бога Отцом своим. Там Бог является Господом, коего воля – непреложный закон, и страшно было оказаться преслушником сего закона. Правда, Бог явил благодать Свою людям в создании человека. Он призвал человека из небытия в бытие и даровал ему душу разумную, устроенную по образу Божию. Он – Отец благодати для человека и по созданию. Но с той минуты, как пал человек, имел ли он право называть Бога Отцом? Ах! с той минуты он должен трепетать Его, как Бога правды и мстителя за нечестие. Вот почему пророки только там, где изображают отдаленную будущность Мессии, только тогда, как имеют в виду будущего Избавителя людей, дозволяют себе говорить о сыновних отношениях людей к Богу. Но вот явился, наконец, давно ожидаемый Мессия. Кто Он? Сын вечного Отца! Мог ли ум человеческий мечтать, что Сам Бог низойдет на землю для преступного человека? О! это – благодать необозримая, неизмеримая! Это – то, что на бедном человеческом языке называется благодатью Отца. «Бог predetermined усыновить нас себе Иисусом Христом, по благоволению воли Своей» (Еф.1:5). Сын Божий самым явлением Своим на земле показывает, что Бог точно Отец людей, – благодать безграничная. Сын Божий принял на Себя естество наше; следовательно, соделал нас братьями своими и детьми Богу (Евр.2:14,17). *Все вы сынове Божии верою о Христе Иисусе: елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал.3:26–27), говорит апостол верующим. Так мы – преступники, безответные пред Тобою, Боже наш! Но любовь беспредельная, любовь Отца и Сына к человечеству, доставила нам смелость называть Тебя Отцом своим.

Отче наш! Каких обещаний верных не заключает в себе это имя? Чего не можем мы надеяться, чего не можем получить от

Бога, Отца нашего? *Аще вы, лукавы суще, умеете даяние блага даяти чадома вашим, кольми паче Отец ваш небесный даст блага просящим от Него (Мф.7:11).* Так говорит нам, нашему маловерию, Господь наш. Не дивно, если земные отцы, хотя и любят детей своих, не всегда дают детям доброе, они – то сами не хорошо понимают доброе, то удерживаются от помощи нравственною слабостью, то не могут подать помощи по невозможности. Не таков – Отец небесный. От Него всегда можем подучить *милость и благодать во благовременну помощь (Евр.4:16).*

Отче наш! О, как много покоя и твердости льет в сердце это имя среди скорбей жизни. Ты трудишься день и ночь и все не знаешь, чем прокормить детей; а ты лишился надежной подпоры – нежных родителей; тот оклеветан невинно злостью, другой ограблен в суде, все вы идите к Отцу небесному; скажите от глубины сердца, *Отче наш!* и Он все нужное подаст вам. Если Он и оставляет нас иногда в скорбях, то для нашей же пользы, для нашего исправления (*Евр.12:5–6*). Худо для нас тогда, как остаемся вовсе без наказания, это означает, что мы стали такими худыми детьми, что и вразумления не могут принести нам пользы.

Отче ниш! Как безгранично должно быть повиновение наше Богу, если Он – Отец, а мы – дети. Добрые дети любят отца своего, дорожат каждым словом его, спешат предупреждать желания его исполнением и всего более боятся сделать что-нибудь неугодное ему. Таково должно быть и наше отношение к Богу, святые заповеди Божии должны мы ставить выше всего и выполнять их со всею любовью, со всею верностью, чего бы это ни стоило нам. *Имеяй заповеди Моя и соблюдали их, той есть любяй Мя (Ин.14:21).* Так говорит Сам Бог.

Отче наш! Горько должно быть раскаяние наше пред Богом в преступлениях, если Он – Отец, а мы – дети Его. Упорное непризнание виновности своей, холодное равнодушие к преступному поведению своему, означало бы в нас детей негодных, неспособных ни к чему доброму. О! да не будет сего с нами! Со слезами раскаяния будем произносить слова, *Отче*

наш, когда совесть зазирает нас в недобрых делах; с сокрушением искренним будем говорить, Отче наш, прости нас!

Отче наш! Почему наш, а не мой? Потому, что сын Божий особенно ожидает от нас, чтобы везде имели мы в виду не себя одних, а и ближних; Он желает, чтобы любили мы ближнего как себя, чтобы были мы братьями между собою в желаниях и делах. Мы должны молиться Богу не за себя только каждый, – нет, это неприятно было бы Богу, который любит всех нас и желает, чтобы мы любили всех. Слово, *наш*, осуждает в нас всякое движение своекорыстия, всякое желание самолюбивой ревности и завидливой вражды; оно требует, чтобы желали мы счастья, покоя, мира для всех, как и для себя; оно потушает в нас всякую неприязнь к нанесшему скорбь и одушевляет желанием добра для каждого. *Молитесь друг за друга яко да исцелеете*, учит ап. Иаков (Иак.5:16). Потому-то в молитвах церкви молимся мы «о спасении душ наших», а не своей только, молимся и за властей, и за путешествующих, недугующих, пленных. Такова была всегда молитва христиан. «Когда молимся, говорит св. Киприан, молимся не за одного, а за весь народ, поскольку весь народ – одно». Так пусть и тогда, когда молится кто-либо на едине, молитва его будет не за себя только, а и за других. Такова воля Господа нашего! И как приятно для души, любящей молиться за всех! Многим ли можем мы помогать деньгами, или хлебом, или одеждою? Иные не могут и одному. Но каждый может молиться за всех, каждый может выпрашивать у Отца небесного нужное не только для земной жизни, но и для вечной. Какое великое дело – молитва христианская!

Иже на небесех, прибавляет Спаситель. Это не то значит, что будто Бог истинный только на небе, Он – везде. Но небо – указание на недостижимую высоту и славу Божества (Пс.10:4, 102:11); небо – образ того неприступного света, в котором обитает Бог (1Тим.6:16); небо – жилище духов чистых и святых; небо – и наша отчизна, куда должны мы возвратиться, если только земная жизнь наша будет чиста (1Пет.1:4). Так слова: *иже на небесех*, обращают ум и сердце молящегося от земных дел и сует к жизни вечной и славе Божией. Выше всего

видимого возносится тем душа молящаяся. Она ищет света, которого нет на земле; покоя, которого не находит ни в чем созданном; силы и крепости, которых не видит ни в себе, ни в других; потому парит в небесную отчизну, в селения святых и славы Божией. *Иже на небесех!* говорит она; у Тебя – все; и истина, и мир, и сила, и вечное блаженство; от Тебя ожидаю всего!

Видите, братия, как многому научает нас самое начало молитвы Господней. Здесь выражается весь дух христианской веры; здесь дышит любовь всею полнотой своею; здесь дышит любовь Божия к людям, любовь людей к Богу, любовь людей друг к другу, – любовь, забывшая о всем земном и вознесшаяся к престолу славы Божией.

Буди благословен Ты, небесный учитель наш! Только Ты можешь, и никто другой, учить нас так молиться. Слава Тебе со Отцом и св. Духом! Аминь.

Беседа II. Сице молитесь, да святится имя Твое

Вот первое прошение наше, по наставлению Господа! Слова простые, знакомые по буквам, но легки ли для разумения? Не совсем. Да благословит Господь Бог размышление наше о значении их!

Да святится имя Твое.

Святить – означает на языке писания, или освящать, делать чистым и святым, когда, например, говорится, святой да святится еще, или признавать святым и чистым. Первое значение, конечно, неуместно в отношении к всесовершенному и остается принять последнее. Имя Божие нередко употребляется в писании для означения Самого Бога. Итак, да святится имя Твое – означает да признают Тебя святым, о Боже! да поклоняются и славят Тебя, великий!

Таково первое прошение, первое чувство, ожидаемое от нас Господом! Это и естественно; это необходимо для души нашей. Если мы дети Отца небесного, то для нас ничего не должно быть дороже, ничего выше имени Отца нашего небесного. Как не благоговеть нам пред Тем, Кем созданы небо и земля? Посмотрите на миры небесные, как они громадны и в каком стройном порядке! Кто только имеет смысл и чувство, не может без изумления, без благоговения, без трепета думать о том чьею мощью все это создано и существует. И Творец человека не достоин ли хвалы благоговейной? *Господи, что есть человек, яко помниши его или сын человек, яко посещаеши его? Умалил еси его малым чим от ангел, славою и честью венчал еси его, вся покорил еси под нозе его.* Забывчивые сыны земли! Станьте на краю могилы своей; в ней – тление и прах, а за нею – вечность, за нею – суд правды неумолимой. Не правда ли, что легкомыслие жизни вашей – безумие? О! Боже мой! Вот пред очами нашими распятый Сын Твой. Он – пример тому, как строга правда Твоя, она не пощадила Сына Твоего; Он распят за наши грехи. Он распался за нас, с тем чтобы мы святили великое имя Твое.

Чадам ветхого завета было сказано, *не приемли имени Господа Бога твоего всуе*. Чада нового завета молятся, *да святится имя Твое*. Там запрещалось всякое неуважение в имени Бога, как-то, употребление имени Божия в пустом, нескромном разговоре, в ложной клятве, в хуле. Здесь ожидается прославление имени Божия. Такова разность служения Моисеева и христианского! Христиане! высоко звание наше; многого ожидают от нас!

Имя Божие святится и прославляется в словах наших, когда мы не только удерживаем язык наш от празднословия, злоречия и лжи, но и употребляем в орудие славословия Господу и в назидание ближних.

Оно святится в наших мыслях, когда, поставляя себя в присутствии Божиим, не только остерегаемся осквернять ум преступными, дерзкими мыслями, но упражняемся в благоговейных размышлениях о делах Божиих и явлениях святой истины Божией. Помните, *мерзость Господеви помысл неправедный* (Притч.15:26).

Оно святится в нашем сердце, когда, не допуская его до ощущений плотских и нечистых, оживляем его радостью о чудных делах благодати Божией и печальными чувствами о своих немощах и грехах. *Господа Бога освятите в сердцах ваших*, учит апостол (1Пет.3:15).

Оно святится в делах наших, когда мы, удаляя от себя преступные желания, *позвавшему ны святому и сами во всем житии будем* (1Пет.1:15). Тот, для кого дорога слава Божия; кто благоговееет пред Господом своим, каждый раз, как только звон колокола зовет его в храм Божий, не говорит себе, я пойду в церковь в другой раз, теперь у меня другие дела, – теперь и душа не к тому расположена. Нет, он оставляет все дела, чтобы совершить самое великое дело – славить Господа; он идет в храм Божий, чтобы оживить черствую душу свою животворными словами Божиими; он идет и понуждает себя славить Бога, исповедует немощь и грехи свои, и молитвою низводит на себя благодатный дух сокрушения.

Так, братия, когда произносим мы прошение наше, *да святится имя Твое*, пусть весь состав ваш говорит, *не нам,*

Господи, не нам, но имени Твоему дождь славу (Пс.63:9). Не допусти нас, чтобы лукавое самолюбие склоняло нас кланяться себе самим, а не Тебе – Богу нашему, искать славы своей, а не славы Твоего имени, которое одно должно славиться во всем.

Да святится имя Твое.

Дети, крепко любящие отца своего, не только сами высоко чтут имя отца своего, но желают, чтобы чтили его и другие. Так и мы, дети Отца небесного, должны поступать в отношении к Отцу нашему. По любви к Отцу небесному, мы должны желать и просить, чтобы имя Его прославляемо было всеми. Ах! если не в нас только грехи не дают распространяться свету славы Божией, но тоже видно и в других, как не скорбеть о том, как не молиться, да святится имя Божие везде? Этому должно быть и по любви нашей к братьям, которых счастье и блаженство невозможны без славы имени Божия; по любви к другим, должны мы напоминать им, чтобы они благоговели пред Богом. Оставим, говорят, в покое другого, зачем тревожить других! Но покоя ли желают в таком случае другому? Счастье ли готовят ему? Нет, желают гибели его, как и своей. На чем основывается покой наш, временный и вечный? На чем держится благоденствие обществ человеческих? На благоговении пред именем Божиим. Без того, страсти людские все разрушают. Кто не уважает Владыки вселенной; для того все ни почем, и законы, и власти, и покой, и жизнь других – он приносит в жертву страстям своим. Оставим, говорят, другого в покое. Но безопасны ли сами от того? Не отделять зараженного чумой от общества людей значит покушаться на безопасность и жизнь целого общества. Оставим, говорят, каждого со своею совестью. Нет, не так рассуждают лучшие люди, которые хорошо знают, как ошибается совесть людская, к несчастью своему и других. Пророк говорит: *ревность дому твоего снеде мя, поношения поносящих ти нападоша на мя (Пс.68:10).* Так принимал он близко к сердцу своему неправды, вносимые на Бога своего! Он считает дело дома Божия за свое дело и жарко отстаивает неприкосновенность дома Божия. Апостол с скорбью писал об известном обществе людей, «все ищут своего, а не того, чего желает Христос Иисус» (Флп.2:21). Кто так полон любви, как

Спаситель наш? И, однако, Он бичом выгнал из иерусалимского храма торговавших в нем. Почему? Только по свободной ревности к дому Отца небесного. Кто, из боязни людей, из ложного стыда пред людьми, равнодушен будет к оскорблениям имени Божия, холоден будет к нему и Отец небесный в вечности. Если же мы здесь будем славить Отца небесного вслух людей; если здесь будем бестрепетно обличать хулящих имя Бога нашего, Он прославит нас там, на небе, пред сонмом ангелов своих (Мф.10:32). Отцы и матери семейств, начальники и наставники! На вас особенно лежит долг не допускать, чтобы кто-либо из ваших говорил непочтительно о вере, о св. писании, о богослужении, о Боге. Поберегите себя, поберегите других, от гнева правды Божией. Мы все должны желать, *да святится имя Божие* в людях. Молитва и здесь – первое дело наше. Незримая сила Божия, низводимая с неба молитвою, даже без слов наших, в состоянии обратить дерзкие сердца к благоговению пред именем Божиим; особенно, надобно, обращаться с просьбою только к Богу, когда просьба к людям остается бесполезною. Бог всемогущ, а мы что? Слабы мы, слепы мы, не зрячи и другие, в отношении к духовным предметам. Потому и в отношении к другим, как в отношении к себе, должны мы испрашивать помощи небесной для прославления имени Божия.

Да святится имя Твое, Отец небесный, и в нас, и в братиях наших! Аминь.

Беседа III. Да придет царствие Твое!

Второе прошение в молитве, переданной Господом: *да приидет царствие Твое*. Предлагают молиться о чем-то великом и высоком, о царстве Божием. Надобно быть внимательными к предмету молитвы.

Что это за царство Божие?

Бог царствует в мире с самого создания мира. Он сохраняет мир и направляет его к целям, назначенным для него. Без Его ведения, без Его воли здесь ни что не движется, ни что не происходит. *Господь на небеси уготова престол свой и царство Его всеми обладает*, поет священный певец (Пс.102:19). Но это царство давно началось и непрерывно продолжается. Следовательно, это не то царство, о котором просим, да приидет.

Есть еще царство Божие – царство благодатной свободы, из которого должно раскрыться царство славы. Он в отношении к каждому из нас, как и в отношении к известному народу, точно ожидаемое царство. О нем-то Господь заповедует молиться, *да приидет*.

Благости небесной угодно было создать нас разумными и свободными. По силе свободы, мы можем быть и любезными детьми Божиими, к счастью нашему, и быть непокорными Богу нашему, к нашему несчастью. Бог желает нам счастья, одного счастья. Зачем же дело стало?

О! как необходимо для людей вселение благодати небесной в сердцах их? Что человек без благодати? Жилище греха, расслабленный, расстроенный организм, где все части действуют неправильно и повреждены неисправимо; организм по начальному устройству прекрасный, но тем более жалкий после расстройства своего. Напрасно самые лучшие люди, самые умные люди, употребляли разные меры поправить этот организм, никакие труды не достигли своей цели. Только благодать небесная в состоянии исправить все. Её мощью возвращается духу человеческому и здравие, и целость, и лучший порядок бытия. Её мощью является в душе царство

Божие, или, как описывает это апостол, *правда и мир радость о Дусе святе* (Рим.14:17).

Да приидет царствие Твое! К кому? К нам? Не сказано того. Да и молитва обращена к Отцу не одних нас. Так как Бог – Отец всех людей, то не за себя только, но за всех молимся, да *приидет царствие Божие*. И как много между детьми Отца небесного таких, к которым еще не пришло царство благодати! Язычники не знают истинного Бога и кланяются разным мнимым богам. Какое в них царство Божие? Иудеи отказались от Христа Господа и остаются с нечестием против Бога отцов своих. Какое в них царство Божие! Магометане чтут лжепророка и грубую плотскую жизнь. Разве тут можно подозревать царство Божие? Сын Божий приблизил к нам царство небесное (Мф.4:7), основал церковь святую и освящающую. Но во всех ли христианских сердцах царствует Христос? Царствует ли Он в еретиках и раскольниках? Нет. Что общего у истины Божией с ложью человеческою? Царствует ли Христос во всех православных христианах? Увы! Нет. Если многие и очень многие служат страстям, то в них *царствует грех* (Рим.6:12), а не Христос. Если многие хлопочут о том только, чтобы устроить как можно более удобную, как можно более веселую жизнь земную, то нам сказано, что путь неумеренных желаний земного – не путь к царству небесному, а путь к аду (Мф.7:15). Было время, когда христианство, со всеми его небесными сокровищами, считали ненужным, его гнали, его топили в крови человеческой и на место его вводили религию разума. Но потом увидели, что, изгоняя христианство, изгоняли нравственность, правление, правду, домашнее счастье, счастье общественное, и водворяли господство зверских страстей; увидели и с ужасом отступили от пропасти всепоглащающей. Прошли десятки лет, урок забыт. И вот снова принимаются за прежнее, правда, не с прежнею дерзостью, но не с прежнею ли настойчивостью? По-прежнему только и хвалят разум, по-прежнему холодны, равнодушны, под час и презрительны к небесной вере. О! Боже мой! сколько великих дел Твоих напечатлено на вере Христовой! Сколько веков говорят о бессилии человеческом! Бедное человечество!

О! будем молить Бога, да придет царствие Его и к неверующим, и к верующим. Молиться за неверных и заблудших подает нам пример св. церковь, которая молится «о соединении всех».

Царство благодати приходит, когда ум, дотоле омраченный страстями, озаряется светом небесным, познанием учения евангельского, и воля со всею твердостью стремится жить по закону Христову. Это царство Божие приходит неприметным образом и, основываясь в душе, раскрывается духовно, незримо. *Не приидет царствие с усмотрением. Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк.17:20.21), сказал Господь. Оно не вдруг и не скоро водворяется в человеке, грех, царствующий в испорченной природе нашей, долго не уступает своего места для благодати. Потому надобны усилия, необходимы подвиги для того, чтобы водворялось в нас царство Божие (Лк.16:16). Тесен путь и узки врата, которыми надобно входить в царство Божие (Мф.7:14). Даже и без поблажек наклонностям худым, даже и без намеренного приготовления пищи для слабостей природы нашей не легко ввести в душу порядок Божий, царство уставов Божиих. Что же думать о той бедной душе, у которой двери сердца отворены для всех нечистот? Сам апостол Павел не надеялся, чтобы прежде гроба греховная природа перестала тревожить его (Рим.7:24). Потому до гроба прежде всего надобно искать царствия Божия и правды Божией (Мф.6:33). До гроба надобно повторять молитву, *да приидет царствие* Отца небесного. Каждый день и до гроба надобно молиться молитвою церкви, «Царю небесный. Утешителю. Душе истины, иже везде сый и вся исполняя, сокровище благих и жизни подателю, прииди и вселися в ны и очисти ны от всякие скверны и спаси, Блаже, души наша».

Так как грех не перестает до гроба наносить скорби душе о благодатствованной, то естественно, что она молит, да придет царствие то, которое должно открыться за пределами гроба. Она желает того тем более, что на земле не видит ничего приятного для себя, а напротив, встречает беды и скорби, гонение и ненависть, со стороны своих и чужих. «Желаю разрешиться и быть со Христом, ибо это для меня гораздо

лучше», так говорил апостол (Флп.1:23). *Желает и скончается душа моя во дворы Господни (Пс.8:2). Вскую пришествие мое продолжися? «Зачем долго длится странствование мое?»* Так вопиет Давид. Люди Божии, хотя, живя на земле, не знают вполне, каково будет блаженство святых за гробом, но они столько знают его, чтобы стремиться к нему всею душою. «Возлюбленные, пишет св. Иоанн, мы уже дети Божии, но еще не знаем, что мы будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, ибо узрим Его, как Он есть» (1Ин.3:2). Рабы Божии не видят с земли полной славы небесной, но знают, что там все слезы их осушатся, все страдания кончатся, всякий мрак скорби заменится светом радости и веселия, подвиги заменятся торжеством, смирение славою, вера видением, надежда обладанием. Бедная душа моя! ты должна вздыхать о царствии небесном; о царствии славы святых, по крайней мере для того, чтобы не привязывалось сердце твое к суетным благам земным, чтобы не скорбело оно тогда, как против воли отнимают у него прелести времени. Ты должна вздыхать о небесном царстве и вместе с рассудительным разбойником взывать, *помяни мя Господи, егда приидеши во царствии Твоем.*

Так, братия, с словами, *да приидет царствие Отца небесного*, должны мы соединять желания и мольбы, да озарит свет благодати умы неверующие и заблуждающие, да раскроется в душах верующих жизнь благодатная, да сподобимся участия в наследии вечной славы! Аминь.

Беседа IV. Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли

Никто не знает так сердца нашего, как Господь Иисус. Он открывает и то в душе нашей, чего она сама не видит. Как легко обольщаемся мы собою! Не бывает ли с нами, что в восторге мы бываем, думая, что там и здесь святится делами нашими имя Божие? Но Господь повелевает нам осмотреться, точно ли настало меж нами царство благодати Божией? Мы думаем иногда, что вот-вот явилось царство Божие меж людьми. Но Господь еще велит молиться Отцу небесному, *да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли!*

Пока улыбается нам счастье земное, пока дела и обстоятельства жизни нашей располагаются по нашим желаниям, мы бываем и веселы, и даже добры, – делаем и то и другое по заповедям Вышнего. Но когда является переворот в жизни нашей не по надеждам нашим, не по желаниям нашим, куда девается благородство души нашей, которого, казалось, у нас так много? Куда девается верность званию высокому? Ах! братия, Господь не ожидает от нас того, чтобы были мы бесчувственны в скорбях жизни, не ожидает и того, чтобы мы не брали мер охранению себя от бед. Но Он желает, чтобы мы не ставили упорно своей воли на место воли Божией, чтобы мы как можно менее, полагаясь на себя, передавали себя воле Божией.

Зачем мы забываем, что Бог есть верховный Владыка всех? Затем забываем, что за ним неотъемлемое право, дабы все покорялось воле Его! Сам Сын Божий, действуя на земле в образе Сына человеческого и в лице посланника небесного, говорит: *не могу аз о себе творити ничесоже. Яко же слышу, сужду. Не ищу воли моея, но воли пославшего мя Отца (Ин.5:30)*. Как же нам не умолять Отца небесного, чтобы он не попускал нам располагать своею жизнью по нашей, а не по Его воле, в оскорбление прав Его?

Чего может желать нам Отец небесный? Он *хочет всем нам спастися и в разум истины прийти (1Тим.2:4)*. Он желает

всем и каждому только совершенства самого прочного, спасения вечного. Зачем же нам отклонять от себя столько благодетельную волю? Зачем, напротив, не молить от всего сердца, да совершается она над нами, к счастью нашему?

Или мы думаем, что сами мы лучше умеем устроить счастье наше, чем благий Промыслитель наш? Согласитесь, что это была бы мысль дикая. Он, премудрый Отец наш, видит не только настоящее и прошлое наше, но и самые отдаленные последствия возможного и действительного настоящего. Он – ум безграничный. Нам не приятно, нам тяжело настоящее наше? Но мы не видим, а Он видит, как нам полезно это тяжелое настоящее. Нам кажется, что, если бы исполнились наши желания, все было бы прекрасно. Но мы так думаем оттого, что не видим отдаленного будущего, которое Он видит. «По всем расчетам ума нашего так было бы хорошо», повторяют люди. Ах! напрасно слишком полагаются на свой, и вовсе неумно хотят по ступить, ставя свой ум выше ума Божия. Пусть, не отрекаясь от своего ума, предоставят как можно более места в своей жизни уму Промыслителя. Это – другое дело. Тогда освободясь от тревог докучливого самолюбия, лучше увидят и цену дельных мыслей ума своего.

Нас пугает, после настоящего тяжелого, еще более тяжелое будущее? Но если это будущее и не мечта малодушие, зачем нам быть опять с недоверием к богатому и Премудрому? «Верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил; но при искушении даст и облегчение так что вы будете, в силах перенести» (1Кор.10:13). Так говорит нам апостол Божий, у которого ум Христов.

О! будем молить Отца небесного, да будет воля Его с нами. Под защитою этой воли, ей, будем безопасны.

Люди дорожат своею волею. Никто, говорят, не в праве отнимать у нас воли.

Но что такое воля моя, а не воля Отца небесного? Собственная воля каждого, рожденного в грехах (Пс.50:7), стремится вовсе не к тому, к чему должна стремиться, желает худого, ищет порицаемого совестью, делает несообразное с законом. Прирожденное омрачение ума увеличивает беспорядки

воли, и человек от юности и до гроба – пленник страстей (Быт.6:5), то живет только для чувственности, то услуживает гордости и тщеславию. К чему же такая воля, какова ныне у человека? Для гибели его... Уже ли надобно нам дорожить своею гибелью? Отец, небесный, просвети нас!

Богосозданная свобода воли человеческой состоит в том, чтобы любить святую волю Божию, как источник света, добра и блаженства вечного. Всякая другая свобода – не свобода, а рабство греху и пагуба. Воля Божия – образец совершенства для всех разумных существ. Воля Божия желает освящения для всех и каждого (1Сол.4:3:7). Исполняя волю Божию уславляются во всяком добром деле (Евр.13:21). *Творяй волю Божию пребывает во век* (Ин.2:17). Один спрашивал Господа Иисуса, что я должен делать, чтобы наслаждаться блаженною вечностью? Господь отвечал: *еще хочешь внити в живот, соблюди заповеди* (Мф.19:17). Так лучшее, высшее, совершенство воли нашей состоит в том, чтобы воля наша охотно, с любовью выполняла волю Божию и покорялась заповедям её.

Хотите ли поверить это опытом? Можете поверить и опытом своим и опытом других. Прочтите летописи сердец человеческих. Бы увидите там, как многие, вырываясь из среды безумного пира страстей, повергаются в слезах пред слугою Божиим, признавая, более чем пустою, пагубною – прежнюю жизнь свою, жизнь не по воле Божией. Прислушайтесь к шуму современному, вы легко заметите, как в болтовне умников света, в их сочинениях вырываются там и здесь крики скорби и разочарования, высказывается исповедь, счастье не вне путей Божиих. Присмотритесь к себе самим, когда чувствуете вы в душе тихий покой, довольство собою? Не тогда ли, как удастся вам поплакать о грехах своих, оказать услугу другому, укротить в себе тот или другой порыв страсти? Видите, и опыт учит, что совершенство наше в воле Божией.

Странное противоречие людей себе самим. Знают очень много, а делают слишком мало; по познаниям – ангелы света, а по делам – духи тьмы. Отчего это? Оттого, что не творят воли Отца небесного, оттого что творят только свою волю, тешась

только собою, кланяясь только себе. Ах! мало говорить, Господи, Господи! Чтобы войти в царствие Божие, надобно исполнять волю Божию (Мф.7:21). Что пользы в обширных познаниях, не говорю о мирских делах, даже о деле душевного спасения, если не творим воли Божией? Не только нет пользы, но большее горе, потому что строже накажут знающего, чем незнающего. «Раб тот, который знал волю господина своего и не был готов и не делал по воле его, бит будет много» (Лк.12:47).

Да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли.

Небо – мир духов чистых, ангелов святых; земля – мир людей слабых. Ангелы в писании называются ангелами небесными, обитателями неба (Мф.24:36; Мк.12:25). На земле самые лучшие из людей те, которые, дорожа всего более волею Божией, стараясь со всем самоотвержением исполнять заповеди Божии, говорят о себе, *аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем и истины нет в нас* (1Ин.1:8). Только на небе, в мире духов святых, постоянно и неуклонно выполняется воля Божия (Пс.102:21). Там царствует любовь святая, любовь смиренная, покорная, любовь заботливая более о других, чем о себе (Евр.1:14; Лк.15:10). «Там нет того, говорит св. Златоуст, чтобы в ином оказывали Господу послушание, а в другом не оказывали; ангелы во всем повинуются и покоряются божественной воле, ибо сказано о них, крепкие силою исполняют слово Его, повинуются гласу».⁴² Так Господь желает для нас высшего совершенства. Он желает, чтобы жили мы на земле, как живут на небе. О! Благодать вечная! мы столько худы пред Тобою, а Ты все заботишься о нас, Ты все хочешь извлечь нас из темной земной жизни в назначенную нам область. Да, не для грязной жизни определен человек, он назначен для жизни светлых духов. Пр. Касьян пишет, «не может быть молитвы выше той, которою просим, чтобы земное удостоилось сравниться с небесным. Ибо слова, *да будет воля Твоя, яко на небеси, и на земли*, что другое значат, как не то, что да будут люди подобны ангелам, и как те исполняют волю Божию на небе, так и все живущие на земле да творят не свою, а Его волю».⁴³ Подлинно высок предложенный образец нам для подражания – жизнь ангелов. Но для нас готова сильная

благодать Божия, с которою на земле достигали жизни равно ангельской. Наше дело желать, просить, молить, искать, толкать. Тому, кто просить, все дадут. Будем же молить Отца небесного, дабы могли мы творить святую волю Его с тем же чистым усердием, с тою же неколеблющеюся твердостью, с какими выполняют ее жители неба; да водворится и между людьми тоже единомушие, таже любовь взаимная, тот же мир, какими наслаждаются святые ангелы.

Да будет воля Твоя, Отец небесный с нами! Аминь.

Беседа V. Сице молитесь, хлеб наш насущный даждь нам днесь!

В первых трех прошениях молитва Господня относилась к предметам высшим, духовным; молилась о славе имени Божия, о царстве благодати, о воле Божией. В последнем прошении – низвела она взор наш с неба на землю, *да будет – яко на небеси, и на земли!* За тем обращает заботу нашу на нужды земной жизни, и, во-первых, говорит о хлебе.

Хлеб насущный дождь!

Евангелие не учит мечтам. Оно возводит взоры и заботы наши до самых высоких духовных предметов, так необходимых для нас. Оно же заставляет человека помнить о его телесной жизни. По его мыслям, пока живем мы на земле и носим земное тело, вам нужна пища земная, чтобы могла продолжаться жизнь телесная до предела, назначенного Господом. Оно не только не позволяет по произволу прекращать жизнь, хотя и умерщвлять страсти, напротив, велит заботиться о продолжении бытия, предписывает молиться о ниспослании нужного для телесной жизни.

Хлеб насущный, по значению народного выражения, не означает одного хлеба, но и другие средства жизни, – питание и одежду (Притч.30:8; Мф.6:31). И, однако, Господь не распространяет таких наших желаний земного, как мы распространяем их. Что такое насущный? По словам Златоуста, «хлеб, нужный для состава телесного и способный поддерживать его».⁴⁴ «Повелевается нам, говорит св. Григорий Нисский, искать достаточного для сохранения телесного существа».⁴⁵ Так Господь велит молиться о ниспослании необходимого и достаточного для жизни временной. А у людей сколько заботь и о золоте, и о землях, и о камнях, и о честях, и о власти, и о славе! Как странно ненасытны желания людей! Сперва хотят достатка, потом богатства, потом роскоши, затем жаждут почестей, власти, шума! Бедные мучат себя и не знают для чего. *Имуще пищу и одеяние, сими довольны будем* (1Тим.6:8). «Будьте нравом не сребролюбивы, довольствуясь

тем, что есть» (Евр.13:5), так учит апостол. *Богатства и нищеты не дождь ми, устрой же ми потребная*, иначе, «питаю меня хлебом, потребным для меня» (Притч.30:8), так молился премудрый. Вот умные правила жизни! Как они легки для сил наших. А служение суете вдвойне тяжело. Оно источает жизнь телесную трудами, незнающими отдыха. И оно же расстраивает бессмертную душу заботами самыми неумными, тревогами, вредными для духа.

Хлеб насущный дождь днесь!

Вот и еще урок для неумной заботливости! *Ныне* подай, говорит; учит заботиться только о нынешнем дне, а не о завтрашнем. Ах! знаем ли, что доживем мы до завтрашнего дня? Кто уверил нас, что бренное тело наше не загниет в эту же ночь? Если же так, в чему докучать Отцу небесному о нуждах, которых быть может не будет для нас? Будущее не в нашей власти; будущее во власти Божией. Предадим же с детскою простотой нужды завтрашнего дня в руки благого Отца нашего. Так велит нам жить Господь наш. «Не заботьтесь, говорит Он, о завтрашнем дне. Ибо завтрашний день сам будет заботиться о своих нуждах. Довольно для каждого дня своей заботы, и Отец ваш знает, что вы во всем том имеете нужду» (Мф.6:31–32). Ах! есть у нас нужды, более важные, более настойчивые, чем нужды телесные – есть нужды бессмертной души. О! как много нам надобно готовить, приобретать, работать для вечности нашей! Когда же заниматься не важными нуждами завтрашнего дня?

Да и Отец небесный столько благ к нам, что принимает на себя заботу о неважном, оставляя нас с заботами о важном. *Ищите*, говорит Он, *прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (Мф.4:32).

Хлеб наш – даждь! Спаситель, не одобряя излишних забот о жизни, желает, чтобы был у нас свой хлеб, а не чужой. Он не желает, чтобы был у нас хлеб какой-либо неправды, обмана, лжи, лени, праздности; не желает, чтобы питались мы на счет других. Апостол строго осуждал даже тех, которые, под видом благочестия, не хотели сами трудиться; а переходя из дома в дом с вестями, по-видимому, назидательными, кормились на

счет других. *Аще кто не хочет делати, ниже да яст (2Сол.3:10)*, писал он. *Молим вы, братия, деяти своя и делати своими руками, яко же повелехом вам (1Сол.4:11)*. Премудрый говорит: *сладок есть человеку хлеб лжи, но потом исполняет уста его камения (Притч.20:17)*. Это значит, что хлеб, приобретенный неправдою, приятен, как доставшийся без труда, но он бывает тяжел для души по последствиям, когда встают совесть и закон.

Хлеб насущный дождь! Спаситель поставляет нас в положение просителей милостыни. Так Он велит нам помнить зависимость нашу от Отца небесного даже в земных вещах. Человеческая агрономия обещает людям огромные доходы хлеба всех родов; нужен только труд ума, и соберешь кучи золота, говорит она, гордая своими изобретениями. Но вот беда в чем, для растений необходимы теплота и свет солнца, необходим дождь современный; а всего этого не доставляет агрономия. И оказывается, что необходимо стать на колена пред Отцом небесным и просить милости. Мастерской ли кто или поденщик, каждое утро чувствуют они нужду желать, чтобы послана им была работа, без того ни мастерство, ни силы не доставят им хлеба. Болезнь, отнимает у ученого здоровье, нужное для труда, а иногда и силы ума, как же не молиться Ему о помощи высшей? Ты богат и думаешь, что не имеешь нужды просить? Напрасно. Гордость твоя в один час может лишить тебя всего. Берегись! *Еще брашну сушу во устех их и гнев Божий взыде на ни и уби можайшие их (Пс.77:31)*. Когда представим мы перевероты, случающиеся в мире столько неожиданно, когда представим разрушение состояний, вполне обеспеченных, падение домов, самых богатых, низвержение людей, так высоко стоявших, как не верить, что вполне зависимы мы от высшего правителя!

Законы природы, говорят, непреложны; к чему же молитва наша о хлебе? Если бы она необходима была только как дело покорности и смирения пред виновником законов природы, и тогда она уже дело святое и спасительное для души. Но ни мир не есть машина, а сочетание свободы с необходимостью; ни Промыслитель мира не есть только художник, наблюдающий за

правильным ходом машины, а Отец благий и мудрый, образующий свободные существа переменами случайного. Потому мольбы добрых детей о нужном для жизни Отец небесный выполняет, не стесняясь порядком природы; потому капризные дети, которые не хотят сказать, что им нужно, остаются холодными и голодными, иногда, и вопреки надеждам на порядок дел. О! будем умными детьми Отца небесного.

Дождь нам, а не мне. Мы должны просить у Отца небесного нужного не для себя только, но и для всех братьев наших, для всех детей Отца небесного. Того желает общий наш Отец. Брат мой! тогда как я и ты имеем все нужное для жизни в изобилии, сколько есть таких, у которых нет ни куска хлеба, ни самой бедной одежды, а у них еще куча детей, холодных и голодных. Не было ли бы жестокостью преступною, если бы мы даже не вздохнули за них пред Богом? По наставлению Господа, хлеб выпрашивается не мне, а нам. Следовательно, если тебе и мне дан хлеб в избытке, то дан он не для меня одного, как и не для тебя только. Зачем же удерживать у себя ту часть, которая дана не для меня? Не вернее ли, не лучше ли для меня будет, если возвращу данное не для меня тем, для кого дано? Пророк говорит, *раздробляй алчущим хлеб твой и нищие бескровные введи в дом твой, аще видиши нага – одей.* Что из того выйдет, если выполню совет пророка? Тогда, говорит пророк, *разверзется рано свет твой, слава Божия обымет тя. Тогда воззовеши, и Бог услышит тя и еще глаголющу ти речет, се приидох* (Ис.58:7–9). О! какая милость Божия за желание жить не для себя одного! Так, братия, у нас, как в одной семье, не должно быть разделения, что дано одному в избытке, не должен он удерживать у себя. У нас не должно быть зависти, если одному дано больше, чем мне, я должен радоваться за него, должен благодарить за него Отца небесного, как за себя. У нас не должно быть узкого своекорыстия, мы должны просить покоя и счастья для других, как и для себя.

Отец небесный! *хлеб насущный дождь нам днесь!* Аминь.

Беседа VI. Сице молитися, и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим

Свята забота наша о жизни земной, ее освятил для нас Господь наш. Но что мы встречаем в жизни своей? Тревоги совести. И Тот, Кто знает и жизнь, и сердца вслед за прошением о хлебе указывает молиться, и нам долги наша.

О! как много у нас долгов пред Богом! Мы грешники неоплатные должники пред Богом. Чего не получили мы от Бога? Он дал нам разум, дал совесть, дал чувства и свободную волю. Он дал нам закон свой, дал благодать для выполнения закона. Дары его должны мы употреблять в славу Его; мы должны *не вотще принимать благодать Божию* (2Кор.6:1), но с её помощью *жить целомудренно и праведно и благочестно* (Тим. 2:12). Много, очень многое должны мы делать. Но выполняем ли свой долг? Так ли живем мы, как должны жить? не поступаем ли против внушений разума и совести? Не нарушаем ли закона Божия каждый день, каждый час? Пробужденная земными нуждами деятельность наша не переступает ли пределов должного, не является ли источником прихоти, развлечений сует и страстей? Как внимательны мы к духу благодати? Не погашаем ли его в себе мыслями, желаниями, делами нечистыми? О! как много долгов на нас! Спаситель, сравнивая долги наши пред Богом с долгами ближнего пред нами, оценивает последние в 100 динариев, иначе в 10 рублей, а долги наши пред Богом в 10 тысяч талантов, иначе в 20 миллионов серебра. Какой страшный долг! Что будет с нами, когда Бог потребует от нас уплаты долга, потребует отчета в употреблении даров Его? Чем уплатим Ему? У нас ничего нет кроме растленного сердца, кроме крайней нищеты. Что же остается нам делать, как не пасть пред Отцом небесным и молить, *остави нам долги наша!*

Остави нам. Но имеем ли мы право говорить это? Ах, долги наши так велики, что они лишают нас смелости просить о прощении долгов. Но кто велит нам говорить, *остави нам?* Сын Отца небесного! Он знает волю Отца своего, Он един ходатай

между Богом и людьми, предавший Себя в искупление за всех (1Тим.2:5). Так с мыслью о Нем, с верою в Него, смело повторяем, *остави нам долги наша*. Совесть наша бывает слишком отягчена тяжестью виновности нашей; она готова бывает говорить, *вещная вина моя, еже оставитися*. Но вот принявший на себя грехи человечества Сын Божий! Он наша защита пред правосудием Вечного, по Его воле свободно, с упованием молимся, *остави нам долги наша*.

Странное дело! Как ни естественно, как ни законно для человека грешника чувствовать нужду в прощении грехов, и, однако, каждый ли из нас искренно чувствует эту нужду? Каждый ли искренно признает себя грешником? К сожалению, нет и нет! К сожалению, многие повторяют, если не устами, то сердцем слова фарисея, благодарение Богу, мы не воры не прелюбодеи, не убийцы, мы не то, что тот или другой из знакомых наших. Иной даже оскорбляется, если напомнят ему о долге покаяния; в чем, говорит, мне каяться? Отчего это так? Отчего такое печальное состояние сердец? Оттого, что не понимают ни себя, ни воли Божией, по милости гордости. Гордость скрывает от нас наши пороки и выставляет добродетели, в которых слишком мало доброго; для гордости тяжело видеть нас в худом виде, и она то извиняет нечистоты наши, то вовсе пропускает их мимо глаз. Она потемняет взор наш на наши отношения к Богу и на Его святость. Соединяясь с суетностью и тщеславием, в шуме мирских забот, она не слышит укоров совести или считает те и другие проступки малостью. Друзья мои! если бы и чистая совесть наша, не омраченная страстями, не зазирала нас в тех или других грехах, вспомним что есть Тот, кто больше сердца нашего, есть ум всевидящий и правда беспредельная. О! когда поставлены мы будем пред судом правды вечной, свет правды Божией откроет глубины сердец наших и все нечистоты их. Тогда увидим мы в себе, к нашему ужасу, и гнусные пожелания похоти, и жадность корысти, и тайные беснования тщеславия; тогда сознаем мы всю силу того, что ненавидящий брата есть человекоубийца. Тогда те, которые считают себя людьми честными, признают себя и хищниками, и убийцами, и любодеями. Братия! за гробом

призвание грехов своих будет неистощимым источником мук для нас. Здесь тоже сознание, по милости Спасителя нашего, – исцеление для души нашей. Будем же здесь каяться. Будем здесь гнать от себя обаяния гордости страхом суда Божия. Будем здесь искреннею душою говорить, *остави нам долги наша.*

Остави нам – якоже и мы оставляем должником нашим.

По наставлению Господа, вместе с тем, как просим мы прощения грехов наших, мы признаем себя обязанными не помнить о долгах ближнего.

Что такое долги ближнего? Долги наши пред Богом суть грехи наши пред Ним. Точно также долги ближнего пред нами, грехи его против нас, – обиды, клеветы, обманы, вражда и прочее. При другом случае Спаситель прямо заменил слово, *долги*, словом, *согрешения*, – *аще отпускаете человеком согрешения их*, говорит Он, *отпустят и вам*. Не разумеются ли здесь и денежные долги? Дела гражданские Спаситель предоставил разбирать властям гражданским. *Кто Мя постави судью или делителя над вами?* сказал Он (Мф.12:13–14). *Царство мое несть от мира сего* (Ин.18:36). Так Он, заповедуя нам не помнить долгов ближнего, имеет в виду, собственно, долги совести ближнего; ожидает от нас того, чтобы прощали мы обиды и неправды ближнего.

Остави нам, якоже и мы оставляем. Не требуется ли от нас, чтобы мы столько же грехов прощали ближним, сколько Бог прощает нам? Нет, невозможного не требуют от нас. От нас требуют только того, чтобы подражали мы благодати Божией, прощающей грехи наши. «Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и Я тебя помиловал», говорит Господь жестокосердому, беспощадно потребовавшему взноса с должника – брата (Мф.18:33). Ему прощено десять тысяч талантов; а долг брата его состоял только в 100 динариях. В цене огромная разность между тем и другим долгом. Но ожидалась только готовность прощать. «Надлежало тебе помиловать брата, как и ты помилован». Пусть долг брата очень мал в сравнении с твоим долгом; о том – ни слова; но ты виноват в том, что тогда, как снисхождение оказанное тебе,

обязывало тебя быть снисходительным к другому, ты был беспощаден к нему. Так объясняет нам слова свои Спаситель!

При другом случае Господь, показывая нам обязанность нашу прощать других, говорит: *аще отпускаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш небесный, аще же не отпускаете человеком согрешения их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших* (Мф.6:14–15). Вот как нужно, по словам Господа, прощать другого! Если мы не простим брата, то и нас не простит Отец небесный. Отчего это так? С одной стороны оттого, что Бог любви требует от нас любви, и как любовь, не может благоволить к духу злости. С другой оттого, что душа, злобящаяся на другого, как душа нераскаянная, не может принять прощения от Бога. Если бы живо чувствовала она тяжесть грехов своих пред Богом, могли бы удержаться в её памяти неважные грехи брата? Ах! ей было бы не до чужих грехов. И что значат грехи брата пред нею в сравнении с её грехами пред Богом? Они так малы, и даже они – не оскорбление, а уроки в добре. Нет, если бы осталась в ней какая-либо мысль об обиде, это значило бы, что еще не погасла в ней строптивая гордость, столько неугодная Господу. Так находит душа искренно кающаяся. Но не так думает душа злобящаяся. Самолюбие не дает ей видеть всю виновность её пред Богом; оно наполнило ее мечтами о своих преимуществах, о своих заслугах и бедная ока в гневе на брата, коснувшегося её личности. Судите же, как простит ей Бог грехи её, когда о прощении их она не просит, когда считает себя чуть не праведною? О! будем прощать грехи ближнему, чтобы прощены были наши грехи. Апостол учит нас: *не сетуйте, братия, друг на друга, чтобы не быть вам осужденными* (Иак.5:9), *молитесь без гнева* (1Тим.2:8).

И однако, скажут, трудное дело – прощать обиды. Да, точно, трудно. Это видно и по опытам. Что видите вы в летописях дел человеческих? Длинный ряд черных дел злобы и мщения. Печальная действительность! Но евангелие Христово тем и отличается от грешного язычества, что любовь – закон его. *О сем познают вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*, сказал Господь. Евангелие с тем и низведено с

неба на землю, чтобы возвышать людей на небо, а не усыплять их в их слабостях. Трудно прощать обиды, но не то, что не естественно. Когда вы видите, что ближний ваш подает руку врагу своему и, вместо мщения, обнимает его нежно, как это прекрасно, как это благородно, говорите вы! Значит, вы одобряете, высоко чтите дело любви; значит, вы не только не видите ничего оскорбляющего природу, но сознаетесь, что этот поступок возвышает душу. Если же и за тем не легкое дело забыть обиду кровавую, для христианина готова благодатная помощь, которая ставит его выше слабостей природы. Помолитесь, и вам дана будет эта помощь.

Что делать, если ближний не хочет мириться с нами? От нас требуют, чтобы мы не воздавали злом за зло, чтобы в нашей душе не было вражды к другому, не было ничего похожего ни на досаду, ни на холодность, и если нарушен нами долг любви, наказали бы себя за то раскаянием чистосердечным. Совесть же брата, не в нашей власти, предоставим ее Господу любви. Апостол учит: *аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте (Рим.12:18)*. Со всеми, говорит, живите в мире, сколько это зависит от вас. Следовательно, если мы хотим, но другой не хочет быть в мире, за этот не мир не взыщут с нас.

Так, прося у Бога прощения грехов, мы должны погашать в душе всякое неприятное чувство против ближнего. Как бы ни была тяжка обида, нанесенная нам, мы должны забывать ее с детским простодушием. Того желает от нас Отец небесный; Он хочет возвысить нас тем до Своей доброты, озаряющей лучами милости и добрых, и недобрых. Будем же детьми Его, чтобы со свободою душою говорить пред Ним, *остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим!* Аминь.

Беседа VII. Сице молиться: и не введи нас во искушение

Не окончились ли наши нужды испрошенным примирением нашим с Отцом небесным? Да, если бы грех составлял одну виновность в нас. Но кроме опасности обойденной, в грехе есть опасность, угрожающая впереди, есть *искушение*. Потому надобно еще молиться, как указал Господь, *и не введи нас во искушение*.

Что значит искушение в словах молитвы?

Если Господь повелевает молиться об избавлении от искушения, то, конечно, это не есть искушение доброе, испытание в добре, а искушение злое или прельщение на грех. Это такое же искушение, какое наводил диавол на Спасителя в пустыне, и *скончав искушение диавол, отыде от Него*, говорит евангелие (Лк.4:13). Это тоже искушение, о котором говорил Спаситель ученикам, *молитесь да не внидете в напасть* (Лк.22:40:46), или в искушение.

Апостол учит нас: *никтоже искушаем да глалолет, яко от Бога искушаем есть*. Бог как сам не искушается злом, которое недоступно естеству Его, так и не искушает никого на зло, как благий для всех. *Кийждо искушается от своя похоти, влеком и прельщаем* (Иак.11:13–14).

Если же в словах молитвы под искушением разумеется прельщение на грех, а такое искушение не может происходить от Бога, то ясно, что с словами, *и не введи нас во искушение*, совсем не должно быть соединяемо той мысли, будто Бог может когда-либо вводить в обольщение злое. Не введи нас во искушение означают, не попусти нам увязнуть в обольщениях греха. Спаситель при другом случае говорит: *молитесь, да не внидете во искушение* (Мф.26:41), предостерегает от того, чтобы свободным произволением не вошли в греховное состояние, чтобы по воли своей не дали победы над собою греху. Отселе слова, *не введи нас во искушение*, означает, не попусти, чтобы произволом увлекались мы в обольщение греха;

иначе не допусти нас до той глубины искушения, чтобы мы лежали побежденными.

Искушения, увлекающие к греху, находят на нас от плоти, от мира, от диавола.

Плоть, под которою разумеется весь состав поврежденной природы человеческой, волнуется греховными движениями и влечет человека – к греху. *Плоть похотствует на духа*, плоть желает противного духу, говорит апостол (Гал.5:17). *В членах моих вижу другой закон, который воюет против закона – ума моего* (Рим.7:23).

Мир, иначе общество людей живущих не по духу Христовой веры, склоняет ко греху, то обольстительными советами и примером жизни своей, то злостью против подвижника благочестия; не понимая себя ни своих дел, он ласково приглашает делить его веселости, облекая их в обольстительные образы; но если жизнь ваша, даже без слов, обличает собою ничтожество и вред людей века, они отвечают на то негодованием, платят ненавистью, клеветою, оскорблениями, докажем, говорят, что мы правы, а не он.

Самый же опасный искушитель на злое, по словам откровения, *есть змий великий, змий древний, порицаемый диавол и сатана, льстяй вселенную всю* (Откр.12:9).

В том, что есть прельщающие нас на грех или злые искушители, нет нашей вины; нет вины и в том, если чувствуем, что тот или другой искушитель, так или иначе, искушает нас. Напротив, воину вменяют в заслугу, если твердо стоит он пред лицом врагов, принимает и отражает их удары; точно тоже относится и к христианину, которого апостол называет воином и подвижником Христовым (2Тим.2:3). *Блажен муж, иже претерпит искушение* (Иак.1:12), говорит апостол Иаков. Беда наша в том, если не побеждаем прельщения греховного, а побеждаемся им, творим грех по внушению ли плоти, или по советам мира, или по настоянию диавола. Беда наша в том, когда обольстительный образ не только принимаем мыслью, но утешаемся им, – мало того, усвояем его желанием и того мало – переводим его в круг дел наших. Об избавлении от сей-то

напасти повелевает Господь молиться, *не введи нас во искушение.*

При нашей немощи, при порче духовной природы нашей, как необходима нам благодать Божия, чтобы побеждать обольщения греха! Ах! и великие праведники, оставленные самим себе, подвергались тяжким грехам. Давид допустил один за другим два греха. Соломон, увлеченный страстью к женам, впал в идолопоклонство. Апостол Петр, по излишней надежде на себя, отказался от Христа Господа. Потому-то так необходимо взывать в Отцу небесному о благодатной помощи против искушений злых. *Бдите и молитесь, да не внидите в напасть, дух бо бодр, плоть же немощна (Мф.26:41).* Так говорил Спаситель ученикам своим пред наступлением опасного времени страданий своих. Нам немощным еще тверже надобно помнить эти слова Спасителя. Нам еще более надобно опасаться надежды на твердость свою и крепче молить об укреплении благодатном.

О! Отец небесный! Тебе видны сети, раскинутые на путях наших; Тебе известны наши немощи. Озаряй нас светом Твоим, чтобы призрачное добро не обманывало нас собою и обманчивые случаи не увлекали нас от путей Твоих; подкрепляй волю нашу в борьбе с грехами жизни.

Братия! если Господь повелевает нам молить Отца небесного об избавлении от искушений злых, то это тоже значит, что помощь Отца небесного против них готова для нас, лишь бы мы молились искренно и усердно. *Призови мя в день скорби твоя и изму тя (Пс.49:15),* говорит Господь. Как бы сильно ни было злое искушение, не предадимся унынию, будем твердо помнить, что благодать Божия сильнее всякого зла. Чем сильнее искушение, тем крепче, тем настойчивее будем молить Отца небесного, *не введи нас во искушение,* не попусти нам быть побежденными грехом; Ты един всесильный и святой даруй нам победу над грехом.

Братия! если мы слабы и искушения легко могут побеждать нас, то необходимо нам самим стараться отклонять от себя случаи, которые могут завлекать слабую душу в грех. Если мы искренно молимся о сохранении нас от искушений, то не

должны сами приближаться к ним, прежде чем постигают они нас. Мы молимся, да не поработит нас плоть, зачем же заботливо питаем и греем сего врага и обслуживаем ему как другу?

Молим, да не очарует нас мир, а не открываем ли сами сердца нашего для обаяний его? Что значит в таком положении нашем молитва об избавлении от искушений? Низкое лицемерие и суд над самими собою! Остережемся. Искушения, горькие оскорбления, несчастья – сами отталкивают нас от себя. Не таковы искушения обольстительные. Они приятны кажутся нам, но тем более опасны. Иная неопытность сама идет на встречу таким искушениям. Бедная неопытность! чешуя змеи играет разными переливами света на солнце, но беги от змеи, отвага не спасет тебя от действий яда её.

Не введи нас во искушение, Отец небесный. Аминь.

Беседа VIII. Сице молитися: но избави нас от лукавого

Последнее прошение молитвы Господней: *но избави нас от лукавого*.

Доселе предметами прошений были, хлеб, долги, искушения. В соответствии тому в последнем прошении ожидается не личное что-либо, а лукавое, зло, и тем более, что об избавлении от искушений лукавого уже молились мы. В древнем славянском переводе читали, «избавя ны от неприяни». Так это тоже самое прошение по-своему предмету, какое возносил Спаситель за учеников своих: *не молю, да возмеш их от мира, но да соблюдеши их от неприяни*, – от зла (Ин.17:15). «Мы просим, скажем словами православного исповедания, о избавлении нас от всех зол, которые человек с трудом переносить может, каковы голод, язва, война, пожары и другие подобные. Просим человеколюбие Божие отворить все сие от нас». Разность сего прошения от предшествующего в том, что там молились мы об избавлении от опасностей греха, здесь просим избавления от видимых бед жизни.

Нет сомнения, что покой и счастье без всяких неприятностей, невозможны на земле проклятой. Нет сомнения и в том, что неприятности жизни оказываются полезными для души как мера отеческого вразумления Божия (Евр.12:10). Тем не менее тяжелы беды жизни для странника земного; немощная природа наша невольно содрогается при их приближении; и тем более, что для слабых душ они могут сопровождаться вредом нравственным. Потому то не можем мы не вздыхать о избавлении от тяжких бед жизни. С другой стороны, как ни неизбежны беды земные для земного странника, но они случайное явление в мире Божиим, они печальное последствие греха. Должно же наступить время, когда упразднится и последний враг – смерть, когда весь мир обновится и откроется полное царство Божие. Этого желает Отец небесный, пославший в мир Спасителя мира. Как же не желать того же, как не молить о том же детям Отца небесного? Так святы молитвы

наши, когда мы молимся, по наставлению церкви, о избавлении «от глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, от нашествия иноплеменник и междоусобные брани». По тяжести скорбей жизни должны мы молиться о облегчении сей тяжести, а по опасности их для нравственности нашей должны мы испрашивать крепости сердцам нашим против сей опасности. *Избави мя от клеветы человеческие и сохрани заповеди Твоя*, молился Давид, молившийся в других случаях и об избавлении от других бед. Христе Иисусе! во всем Ты и Сын Божий, и Сын человеческий. И тогда, как учишь нас молиться, обращаешь взор на скорби земной жизни нашей, сострадаешь нам, как Сын человеческий, но учишь с мудростью небесною. Земная мудрость горда на словах, она говорит, стоит ли обращать внимание на случайности земные? И она же, когда приходится ей терпеть горечи жизни, спешит избавиться от них мерами преступными. Не таково Твое учение. Ты даешь нам видеть жизнь земную, какова она есть и указываешь защиту против нее там, где защита сильна и живительна для духа.

Не надобно забывать, братия, что бедность, болезни, бесславная жизнь не редко бывают последствием наших же грехов. Если таковы беды, испытываемые нами, то справедливость требует, чтобы молитва наша об избавлении от бед не возносима была лукавым сердцем, чтобы не скрывали мы ни пред своею совестью, ни пред Богом того, что эти беды наши дела грехов наших. Иначе тот истощил телесное здоровье нечистою страстью, а горько жалуется на свою болезнь, как на незаслуженную. Другой кричит об оскорбляющих его, как о гонителях невинности, а о том ни слова, что сам вызвал против себя оскорбления, то раздражительностью нескромною, то тайными делами самолюбия пронырливого. Третий жалуется на нищету, тогда как приглашена она в дом его расточительною жизнью, или леностью. Не значит ли все это умножать грехи свои? Не значит ли призывать на себя новый гнев Божий? Молчаливое терпение во всяком случае – долг наш. Когда же сами мы виновны в страданиях своих, тем более надобно терпеть. Тогда надобно каяться и каяться. Тогда надобно, если страдания доходят до глубины души, смиренно говорить пред

Богом, Господи! страдания мои – дело грехов моих, но Ты знаешь немощь мою, научи меня терпению, подай помощь израненному, облегчи заслуженное наказание.

Еще одно слово о зле, братия! Один Господь знает то время, когда нам полезно и нужно освободиться от того или другого зла. Он один видит сердце наше, как не видим мы сами. Он видит, как не видим мы, исцелевает ли душа наша, врачуемая скорбями, или еще нужно продолжать лечение? Он один знает, какое бремя можем мы поднять и какого не в состоянии сдержать, а падем под тяжестью его, если не будем подкреплены десницею Его. Потому молясь об избавлении от зла. должны мы предавать себя в волю Божию; молясь, должны говорить, да идет мимо нас чаша страданий, но не наша, а Твоя святая воля да будет Отец небесный.

И так будем смиренны при встрече с скорбями жизни, с сознанием слабости своей, с раскаянием в грехах своих, но покорные Отцу небесному будем говорить, избави нас от неприязни.

Беседа IX. Яко Твое есть царство и сила и слава во веки веков, аминь

Таково заключение молитвы Господней. Если не более света и силы, чем начало, то и не менее может заключать оно, как слово Господа. Внимание благоговейное, по-прежнему!

Точно ли это слова Господа? Да! со славословием читается молитва Господня в евангелиях сирском и готском, в постановлениях апостольских и у Златоуста. Мало того – уже апостолу Павлу известно было это славословие, только оно приводится им в сокращенном виде (2Тим.4:18). Так и не иначе может оканчивать молитву душа благоговейная. Без славословия молитва не имеет достойной полноты, оставаясь голосом чего-то похожего на себялюбие гордое. Потому и апостол предписывает, во всем: *молитвою и молением со благодарением прошения ваша да сказуются* (Флп.4:6); т.е. поставляет в обязанность соединять с прошениями славословие.

Так молитва Господня возносила нас на высоты духовные и нисходила с нами во глубины земной жизни и вот повергает нас в уповании и благоговении пред Всевышним. Вот Отец твой, говорит она; ты можешь просить Его как сын, можешь просить Его о всем нужном для неба и земли, для времени и вечности, но прежде, чем окончишь молитву, подумай, кто Он и преклонись пред Ним.

Чудная связь заключения с молитвою. В нем и основание надежд молитвы и благодарная хвала Отцу небесному.

В нем основание надежд. Все, о чем просили мы Отца небесного для себя – собственность единого великого, сильного и славного. Как не исполниться молитве? И мы сами и все наше существование – в Его власти и силе и назначено для славы имени Его. Если просили мы о прославлении имени Его, о явлении царства, о исполнении воли Его в нас, то потому, что Ему принадлежит царство. Если просили о хлебе, то не потому ли, что Его сила? Если молили о сохранении от греха и бед, то слава Ему единому. Надежды наши – в Нем; они тверды. «Что

смущаешься, душа моя? Уповай на Бога. Он – спасение лица моего и Бог мой» (Пс.41:6). Прочь недоверие! Прочь малодушие!

На Тебя уповаем и Тебя славим, Отец небесный! Уму нашему не объять величия Твоего, беспредельный! Кто Ты Сам в себе, не в состоянии понять мы. Называем Тебя так, как сам Ты открыл себя. «Я Иегова» – Сый, сказал Ты (Исх.3:14). *От века и до века Ты еси* (Пс.89:3). *Камо пойду от духа Твоего? И от лица Твоего камо бегу? Аще възду на небо, Ты тамо еси. Аще сниду во ад, тамо еси* (Пс.138:7). Пред кем же благоговеть, если не пред тем, кто один существует по себе? Пред кем трепетать, как не пред Вечным и везде сущим? Кого и славить, как не Того, для Кого все существует, находя совершенство и блаженство в Его славе? Тебя о Боже, славят миры небесные. Как их много на тверди небесной! И все они исполняют слово Твое. Они подобны необозримым стадам, повинующимся голосу пастыря своего. А миры духов незримых: херувимы, серафимы, начала, власти, престолы, господства совершают разные служения пред Тобою и тем блаженствуют. Тебя славят лики пророков, апостолов, мучеников, святителей, преподобных, блаженных. Тебя славит земля с её стихиями. Тебя славит церковь во всех концах вселенной. *Достоин еси, Господи, прияти славу и честь, и силу, яко Ты еси создал всяческая и волею Твоею суть и сотворены* (Откр.4:11).

Братия! что значат пред Богом все великие мира – ученые, богатые, сильные, цари и вожди народов? И скудельные создания осмеливаются восставать против воли Создавшего? Несчастные! Что значите вы, которые так дерзко пересуживаете дела Беспредельного и ропщете против промысла Его? Черви земные! слушайте голос Иеговы: *где был еси, егда основал землю? Возвести ми, аще веси разум. Кто положи меры её? Или кто наведый вервь на ню? Заградих море враты, – рех ему, до сего дойдеши и не преjdeши* (Иов.38:4–5, 11). Что вы такое пред Богом? Жизнь ваша – сон, богатства – мечта, знание – мрак, слава и власть – пустота. Но когда люди отдают Богу сердца свои, когда подчиняют волю свою святой воле Его, когда становятся *едино с Ним* (Ин.17:23), о! как тогда они велики! Они

больше значат, чем солнце вселенной. Путники земли! «видите, какую любовь оказал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими» (1Ин.3:1).

И надежды, и благоговейную хвалу запечатлеваем словом: аминь, что значит, «истинно так», или «да будет».

Все глубины молитвы Господней не исчерпать нам, это не по силам нашим. Но как много пищи уму и сердцу и пищи самой лучшей и – тогда, как коснулись поверхности её. О! когда бы молились мы так, как научает молиться Господь! Сколько света, сколько утешения, сколько благочестия было бы в душе нашей! Родители! учите детей ваших молитве Господней; объясняйте им значение слов чудной молитвы. Это – лучшее, что может дать им любовь ваша к детям.

Отец щедрот и Бог всякого утешения да будет с нами, ныне и всегда. Аминь.

Отделение X. Слова о пришествии Мессии

Слово I. О пришествии Мессии

В тот день, как празднуем введение пресвятой Девы во храм, церковь оглашает нас и песней: *Христос рождается, славите!* Это значит, что указывают нам в посвящаемой Господу Ты, Которая назначена быть Девою-Материю Христа. *Христос рождается, славите*, повторяет церковь и в продолжении пяти недель, прежде чем наступит самое торжество о рождении Христа. В последние предпраздненственные дни воспоминаются праотцы, жившие верою в ожидаемого Мессию. Так св. церковь желает, чтобы мы поставили себя в благоговейное созерцание великого события, каково явление Спасителя мира. Она желает, чтобы обзрели мы пути промысла Божия, приготовлявшего людей к такому событию.

Последуем же указанию св. церкви, посвятим предпраздненственные недели размышлению о том, как благодать небесная в течении веков готовила людей к явлению Спасителя мира.

Мы имеем побуждение в тому и в состоянии края. Здесь так много жалких иудеев. Называем их жалкими, потому что они в толкотне суеты земной и людских мнений потеряли истинный смысл откровения Божия, данного отцам их. Любовь к человечеству, любовь к небесной истине заставляют нас желать им света небесного. О, когда бы они вместе с нами беспристрастно, с чистым желанием узнать св. истину, рассмотрели, о ком говорили посланники Божии, и с благоговением привяли Того, кого ожидали все древние праведники.

На первый раз рассмотрим первое обетование Божие о спасении людей.

Нет нужды повторять здесь печальную историю падения праотцев наших. Довольно сказать, что первый период жизни человеческой, краткий период райской жизни, остался в памяти всех народов. Во все времена и у всех народов видно воспоминание о бывшем золотом веке на земле. К сожалению,

если с одной стороны слышится справедливый плач об утраченных благах, с другой вздыхают совсем не о существенных, самых важных, потерях. Воздыхали и вздыхают о том, что на земле было когда-то обилие плодов земных и телесная жизнь не знала никаких нужд. Но то ли одно потеряно нами с потерей рая? Необозримо великая утрата человека в том, что потерял он Господа, удалился от общения с Богом, источником света, мира и блаженства вечного. Поставим же на эту точку созерцания печальную судьбу человека и выслушаем, что возвестит Бог прародителям падшего человечества.

И вражду положу между тобою и между женою. Так говорит Господь Бог вслух Адама и Евы, змию-обольстителю, нарицаемому диаволу и сатане, по изъяснению тайновидца (Откр.12:9). Для змия это – приговор осуждения, для человеков – начало милости Божией. Праотцы были вовлечены в грех другим. Это не избавило их от вины, потому что грех все-таки был делом воли их. Но это облегчало вину их пред правосудным, особенно же открывало путь для милости Божией, когда обманутые принесли, хотя не совсем искреннюю, но сердечную, исповедь в грехе (Быт.3:8). Вот почему вместе с тем, как правда Божия назначает наказание виновным, благодать Божия вносит в открывшееся сердце их животворные лучи веры и упования. Господь Бог, поражая проклятием главного виновника греха, преподает обещание спасения обольщенным. *И рече Бог змию, яко сотворил еси сие, проклят ти... И вражду положу между тобою и между женою.*

Вражду положу. Несчастные обольщенные видели пред собою смертельного врага своего. Прежде они не распознали его, явившегося в виде советника о счастье невиданном. Когда же зло совершилось, когда стоял пред ними Судия правды, они не могли не узнать врага своего и, узнав, почувствовали ненависть к нему, отвращение от самого вида его. Ах! не так ли бывает с нами и по ныне? Пока не совершен грех, он кажется нам даже приятным. Но не то чувствуем, когда уже допущено зло. Тогда оно мучит нас собою. И, однако, обращается ли это в постоянную вражду ко греху? Увы, *всяк творяй грех раб есть греха* (Ин.8:34), и сам в себе не имеет силы освободиться от

унизительного рабства. Потому то Сам Бог полагает вражду между обольстителем и обольщенными. Здесь начало преобразования духовной природы человеческой.

И вражду положу – между семенем твоим и семенем тоя – новая светлая черта обетования. Милость Божия простирается не только на самых падших, но и на их потомков. И как нужно было это утешение для обольщенных! Могли ли без плача и горя подумать прародители о том, что лишили они рая не только себя, но и свое потомство? Могли ли без скорби и ужаса видеть, как и их дети будут страдать и умирать? Но вот благодать небесная озаряет будущность лучом света своего. Не ясен этот свет, но всеживителен. Вражда со злом полагается всеильною волею и для потомства обольщенных.

Той твою сотрет главу, и ты будешь блюсти его пяту. Вот предрекается уже не только вражда со злом, но и сокрушение зла. Очевидно, это – самая важная часть обетования, самая утешительная весть! Семя иногда означает одно лице в потомстве. Так Сиф назван семенем Адама (Быт.4:25). Итак, поразит змия кто-то, имеющий родиться от жены. И чудная особенность! Семя жены, а не мужа, сотрет змия. Значит, это будет потомок необыкновенный, которого рождение совершится вовсе не по обыкновенному порядку природы. Так и поражение главы змия-дьявола и необыкновенное происхождение мощного победителя показывают, что обетование относится к великому благодетелю человечества, к Спасителю людей, к Мессии. И как такое значение обетования согласно с состоянием обольщенных! Нравственное положение их не исключало возможности принять высокое обетование. А как оно нужно, как оно утешительно было в их горькой участи!

Как понято это обетование прародителями? Последующая история праотцев показывает, что они приняли это обетование за утешительное обетование о перемене своей участи. Адам вскоре после того, как произнесен грозный суд Божий над виновными, наименовал жену свою, *жизнь* (Быт.3:20). Без мысли об ожидаемом спасении это имя – насмешка над Евою и её детьми. Высокое упование праотцев слышится также в

именах Каина (Быт.4:1) и Ноя (Быт.4:21). Если слова Евы о Каине будем понимать только так, «приобрела я человека от Иеговы», тогда как они могут означать, «приобрела я человека Иегову», и тогда Ева, не имея надежды на Спасителя, должна была заменить их совсем другими словами, – должна была сказать, несчастная мать, которая должна родить сына скорбей для одних скорбей. Еще непонятнее без мысли об Искупителе надежды Ламеха на успокоителя Ноя, когда он ожидает покоя не только для себя, но и для всей проклятой земли. Подобное должно сказать о жертвах, которые приносились первыми людьми (Быт.4:3.4). Жертва – плод упования на Бога; а упование без веры в Искупителя недоступно да человека-грешника, когда он сколько-нибудь понимает себя.

Можем ли считать неважным то, как понимали обетование, возвещенное праотцам в церкви иудейской? Нет, голос предания важен в деле объяснения писания. Что ж находим в иудейской церкви о первоевангелии? Знаменитые таргумы (Ионафана, Онкелоса, иерусалимский) принимают это обетование за обетование о Мессии. Рабби Иойхинон (в толковании Бытия) говорит, «хотя и явится Спаситель человеков, который победит диавола, по диавол не перестанет искушать людей. Потому и сказано о нем, блюсти будет пяту». Иудеи в своем символе исповедовали, «верую верую полною в пришествие Мессии, который обещан нам изначала». Такая вера видна и в переводе 70 толковников. Они словом: *Той*, несогласным в грамматическом отношении со словом: *семя*, дают разуместь, что признают в семени жены лице.

Для нас христиан самый несомненный руководитель при объяснении Ветхого завета – откровение новозаветное. А св. Павел называет Христа Иисуса – *рождаемым от жены* (Гал.4:4), т.е. показывает исполнение пророчества о семени жены в Христе Иисусе. Апостол Иоанн учит, что сын Божий *явился, да разрушит дела диавола*, т.е. чтобы исполнить обетование о сокрушителе главы змия (1Ин.3:8). Сам Спаситель говорил: *ныне князь мира сего изгнан будет вон* (Ин.12:31), опять наставление о том, как надобно понимать обетование о победителе змия.

Итак видите, братия, где началась заря нашего спасения. Видите, как рано промышляет благодать небесная о нас. О! Боже мой! Ты так давно начал свои заботы о моем спасении. А моя грешная душа так мало занята делом спасения моего. Несмысленная, бесчувственная душа моя! Приди в себя. Сколько у людей забот во всю жизнь! Сколько хлопот и трудов об удобствах жизни земной, – о лучшем земледелии, о лучшей торговле, о лучших машинах! А мысль о душевном спасении разве только изредка; разве только как гость, и то постылый, посещает душу? В порядке ли это вещей? Господи, Спасителю наш! Посли благодатный свет твой, да озаренные им будем понимать, что все удобства жизни земной без цели высшей – суэта разрушительная и нам надобно ценить ваше всего вечное спасение души! Аминь.

Слово II. Христос рождается, славите!

Отец небесный, определив спасти человека жертвою Сына своего, назначил временем выполнения совета своего конец веков (Гал.4:4), времена последние (1Тим.4:1); а до того времени положил вести людей к цели их ожиданием Икупителя. Это чаяние Он питал и укреплял в избранных и избранном народе пророчествами и преобразованиями, в которых тайна искупления постепенно объясняема была людям, сообразно с их состоянием (Евр.1:1; 1Пет.1:11).

Так было с Авраамом и Иаковом! Так было с Моисеем!

Высокое обетование дано было Аврааму, когда повелевал ему Бог оставить свою родину и дом. Ему сказано: *благословятся в тебе все племена земные* (Быт.12:3). Это обетование повторено было еще два раза, при чем в один раз (Быт.18:18) благословение отнесено также к народам земли, – в другой (Быт.22. 12) источником благословения поставлен не Авраам, а его семья. Исааку (Быт.26:4) и потом Иакову (Быт.28:12) подтверждено тоже обетование в последнем его виде.

Разберем сперва составные черты обетования. Слово, *барах* в той форме, в какой оно здесь употреблено, не означает желать себе счастья, а значит быть счастливым, благословенным (Втор.29:18; Пс.11:17; Иер.4:2). Первого значения и потому нельзя допустить здесь, что иначе слова заключали бы странное преувеличение, которому не было бы никакого основания в действительности; т.е. тогда слова значили бы, все племена земные будут желать себе счастья, подобного Авраамову. Когда же это было? И что за счастье странника земли чужой, кочевавшего до гроба в сопровождении скорбей разного рода? Далее, нельзя слова *земля* ограничить мыслью об одной стране ханаанской и слова, *племена* или *народы* – мыслью об одних обителях Хананеи. Жители Хананеи могли ожидать себе от потомства Авраамова не благословения, а истребления. Такова была воля Божия о них! (Быт.15:18–19). Так видим и по истории! Итак, смысл обетования Божия о

семени Авраамовом – тот, от Авраама чрез Исаака и Иакова произойдет великий потомок и он будет источником благословения для всех народов вселенной.

Очевидно, это обетование, по самому величию своему, может быть отнесено только к Спасителю мира. Мало показали бы в себе смысла, если бы отнесли это обетование к какому-нибудь обыкновенному лицу.

Так объяснено это обетование в новозаветном откровении Божиим. Ап. Петр говорил собранию иудеев пред храмом иерусалимским, «вы сыны завета, который постановил Бог с отцами вашими, когда говорил Аврааму, семенем твоим благословятся все племена земные» (Дея. 3:25). Ап. Павел поучал, «писание провидя, что Бог верою оправдывает язычников, предвозвестило Аврааму, в тебе благословятся все народы» (Гал.3:8).

Очень известно, что предание иудейской церкви признавало в обетовании, данном Аврааму, обетование о Мессии.⁴⁶ Как понимали лучшие потомки Авраама, всего яснее показывает собою достойный внук его Иаков.

Полный надежд на благословение небесное, ожидаемое в будущности, Иаков на одре смертном исполняется духа пророчесственного. Потомствам других сыновей, кроме Иуды, назначает он разные благословения земные, и каждому свое особенное; Иуде говорит он, «Иуда! тебя восхвалят братья твои. Не отнимется скипетр от Иуды и законоположник от чресл его, пока не придет спасающий (Шилог) и Ему – покорность народов».

Пророчество о Шилоге – величественное, которого нельзя приложить ни к кому другому, кроме Мессии. К кому из обыкновенных потомков Иуды могут быть отнесены с какою-либо вероятностью слова, «Ему покорность народов». К Давиду не относятся они уже и потому, что еще долго и после Давида не отнимался скипетр от Иуды. Далее, значение спасающего усвоят слову *Шилог* и производство слова (от шалах – быть спасительным) и самаритянский текст и известность подобных форм, например, шалом мир в значении умирителя (Мих.5:5;

Ис.42:6). А кто же спасающий, если не Тот, Кто будет сокрушителем главы змия?

Предание иудейское постоянно принимало слова патриарха Иакова за пророчество о Мессии. В самаритянском тексте читают, «пока придет Умиритель». Даже Ярхи писал, что древняя иудейская церковь признавала в Шилоге Мессию. Онкелос переводил, «пока не придет Мессия, которому принадлежит царство и Ему покорятся народы». Почти тоже читается в иерусалимском таргуме. В талмуде читают, Р. Иоханон спрашивал о Мессии, как имя Ему? Ученики Рабби и Иллил отвечали, Шилог – имя его, ибо сказано (Быт.49:10) пока придет Шилог».⁴⁷

В новозаветном откровении Мессия изображается победоносным львом колена Иудова (Откр.3:5).

Таким образом в пророчестве Иакова видим следующие черты Мессии, Он произойдет от колена Иудова; придет в то время, когда Иуда будет терять значение отдельного и правительственного племени; соберет под свою власть народы и будет спасителем людей.

Моисей, приближаясь к смерти, в утешение народу своему говорил, что Господь воздвигнет подобного ему пророка и того надобно слушать. *Пророка от братии твоея, яко же мене, воздвигнет тебе Господь, того послушайте* (Втор.18:15). Это обещание повторяет от своего лица сам Бог (Втор.18:18) и присовокупляет, что из уст пророка будут свободно слушать слово Иеговы, но отмщено будет непокорным слову пророка (ст. 18:19).

Не сонм пророков, тем менее Иисус Навин или Иеремия разумеется здесь под именем пророка, а только Мессия. Так показывают самые слова о пророке. *Нави* обыкновенно означает пророка, как лице неделимое, и если бы показывалось в нем имя собирательное, то сказано бы было, навим, а не нави. С другой стороны, целый сонм пророков, тем более Иисус Навин, не был тем, чем долженствовал быть пророк Моисея. Сей пророк должен быть равен Моисею по близости к Богу, по значению законодателя, по кротости духа; но вместе слово его

будет столько важно, что непокорные тому будут предметом мщения Божия.

Предание иудейской церкви заметило, что после Моисея – *не восста к тому пророк во Израили, яко же Моисей* (Втор.34:9–10) и сохраняло веру в пророка, предсказанного Моисеем, как в Мессию. Так верила древняя синагога.⁴⁸ Такую веру в необыкновенного пророка высказывает Филипп при встрече с Нафанаилом (Ин.1:45) и жена самаринская, которая говорит, «знаю, что придет Мессия, т.е. Христос; когда Он придет, то изъяснить нам все» (Ин.4:25). Отзыв самарянки особенно важен, потому что это есть отзыв предания, принятого еще до плена вавилонского, после которого самаряне уже не общались с жидами (3Цар.17:27).

В новозаветном откровении ап. Петр, указывая в Иисусе Мессию, приводит слова Моисея о пророке. *Моисей убо ко отцам рече, пророка вам воздвигнет Господь* и т.д. При этом отличает он сего пророка от других пророков и говорит о нем, как о лице неделимом: *аще пророка оного не послушает, истребится* (Деян.3:22–24). Первомученик Стефан пред целым сонмом иудейским поучал, что Моисей предсказывал о Мессии, указывая в отдаленной будущности великого пророка (Деян.7:37).

Итак, по пророчеству Моисея, Мессия будет пророком столько близким к Иегове, как близок друг к другу; будет ходатаем завета и законодателем; будет столько кроток, что при Нем люди безбоязненно будут беседовать с Иеговой.

Слава премудрой благодати Твоей, Отец небесный!

Верно слово посланника Твоего, «все они (патриархи) умерла в вере, не получив обетований, а только издали видели их и радовались и сказывати о себе, что они странники и пришельцы на земли» (Евр.11:13).

Слово III. Христос рождается славите!

Кто бы ни слушал древние пророчества о Мессии, иудей ли или христианин, слабый ли или сильный в вере, эти пророчества – отрадный свет для души. Твердых в вере они вызывают благоговеть пред благостью и премудростью Божией и питают в них высокие надежды. Слабым в вере они – опора в вере; они, как светильник, разгоняют мрак сомнений и недоверий о тайнах спасения нашего и как осязаемые опыты попечения Божия о людях – защита уму и сердцу против колебаний малодушия. О! как не изучать пророчества о Мессии!

Возьмем книгу псалмов. В ней много пророчеств о Христе. Здесь Мессия изображается то в величественном виде, то в виде смиренном, но так, что одни псалмы изображают Его преимущественно в славном виде, не опуская указать, что Он же терпит унижение; другие говорят преимущественно о смиренном состоянии Его, но вместе указывают на славу Его. Из числа первых рассмотрим подробно второй псалом, из числа последних – 21 псалом.

Певец второго псалма зрит восстание народов и князей на Бога и Его помазанника Христа, (Пс.2:1–3). Слышит гнев Иеговы и глас Его, нарекающий помазанника царем сионским, (Пс.2:4–6;) слышит голос самого Помазанника, возвещающего славное определение о себе, (Пс.2:7–9). Обращаясь к народам, повелевает благоговеть пред Ним, (Пс.2:10–12). Таково содержание псалма. Он начинается указанием на униженное состояние изображаемого лица и подробно изображает славу того же лица.

Предание иудейское постоянно видело в сионском царе Мессию. Кимхи и Ярхи признавались, что, в древнее время, иудейская церковь знала одно мнение о втором псалме, то, что это есть проповедь о Мессии; но, прибавляет Ярхи: «для противоборства еретикам (т.е. христианам), лучше относить его к Давиду». Не правда ли, что прибавка Ярхи – наивна и много значит для святой истины? Прибавим к тому, что в квите сохар часто изображается Мессия словами второго псалма. «С

Мессиею беседует во втором псалме Иегова», говорит берешит рабба. Тоже видим у Маймонида, Иоханана и в разговоре иудея Трифона с св. Иустином.⁴⁹

Новозаветное откровение указывает во втором псалме Мессию. Апостолы, словами сего псалма, жалуются пред Богом на восстание людей против Мессии Иисуса. «Ты устами раба Твоего Давида сказал, что мятутся язычники?» и т.д. Так исповедуются они (Деян.4:25.26). Ап. Павел, представляя полноту славы, в какой св. певец показывает Мессию словами, «Ты Сын Мой, я ныне родил Тебя» (Пс.2:7), объясняет этим то воскресение Мессии Иисуса (Деян.13:33), то превосходство Его пред ангелами (Евр.1:5), то славу Его, как великого первосвященника (Евр.5:5).

Псалом, самым содержанием своим, показывает, что он относится только к Мессии. К Давиду не относится он уже и потому, что Давид не помазан на Сионе; к Соломону и потому, что Соломон не воевал ни с кем. В тексте читаем, «Иегова сказал мне, Сын мой, Я ныне родил Тебя» (Пс.2:7). Если выражение «ныне» в устах вечного и не указывает на вечность, и если рождение примем здесь за осуществление предмета в мысли, и тогда рождение Сына вечным Отцом будет означать то, что Отец небесный открывает людям неведомого для них Сына, и что сей Сын есть собственный Сын Иеговы (Деян.10:12. Рим.1:4). «Почтите Сына, чтобы не прогневался и вы не погибли. Блаженны все уповающие на Него» (Пс.2:12). *Накаш* означает, собственно, оказывать благоговейное почтение (3Цар.13:18; Иов.31:27). А в Ветхом завете строго запрещалось оказывать благоговение кому либо, кроме Бога (Пс.117:9, 145:3; Иер.17:5–7; Мих.7:5–7). Следовательно, если повелевается благоговеть пред Сыном, то тем указывается в Сыне лице божественное. Нужно ли прибавлять, что таким может быть разве только Мессия? Помазаннику сионскому Иегова полагает дать в наследие народы и концы земли. Словами *эфсей гаарец*, по обыкновенному значению их, указываются крайние пределы земли, а не Палестина (Пс.18:5, 45:10; Ис.40:28). *Гоим* уже и потому, что стоит во множественном числе, не может означать Израильского народа, а, по употреблению, означает языческие

народы (Иер.6:10; Иез.23:30). Какой же сионский царь был властителем пределов вселенной и народов языческих?

Содержание 21 псалма таково, страдалец молится пред Иеговою о помощи, и в молитве изображает наглости врагов и жестокие страдания свои (Пс.21:1–22). Услышанный Иеговою, благодарит Его и участниками благодарной жертвы своей выставляет израильтян и язычников (Пс.21:23–32).

Самые слова псалма показывают, что в нем изображается Мессия. В псалме страдалец говорит о своих скорбях пред всеведущим и святым; следовательно, изображение страданий и скорбей не может быть увеличенным. Между тем, слова (Пс.21:15–16) представляют страдальца в таком положении, что как бы самый состав телесный рассыпался у Него от страданий. Вместе с тем видим здесь такие частные черты страданий, такие подробности мучения, которые, сами по себе, свидетельствуют о своей исторической действительности. Но такого жестокого страдания и с такими частными обстоятельствами нельзя указать ни в жизни Давида, ни в жизни кого-либо другого из ветхозаветных праведников. В псалме читаем, *каари иадай ве раглай*. 70 толковников, сирский переводчик, Вульгата переводят, «пронзили руки мои и ноги мои». Иначе нельзя и перевести. Если будем читать так, «толпа злых ходит вокруг меня, как лев вокруг рук и ног», выходит странность. Лев ходит возле рук и ног – небылица! Между тем *кур*, вместо *каар*, значит «пронзать». Подобное слово, с тем же значением, есть в арабском языке. И раввины замечали, что в лучших списках читается, *каару*. – И так страдальцу пронзают руки и ноги. Но такая казнь вовсе неизвестна была во время Давида и его преемников; она принята была у римлян в позднее время. Обстоятельства, последовавшие за избавлением страдальца от бед, таковы, что они принадлежать только истории Мессии, (Пс.21:28). «Вспомнят и обратятся ко Господу все концы земли; поклонятся пред лицом Его все племена язычников». Здесь «все концы земли» соответствуют всем племенам язычников. Следовательно, смысл тот, что народы языческие всех стран будут служить Богу истинному. Но обращение язычников к Иегове – принадлежность времени

Мессии. *Яко Господне есть царствие и той обладает языки* (Пс.21:29). Точнее, «Иегове принадлежать будет царство, и Он будет владеть язычниками». Но уже по пророчеству Иакова видели мы, кому покорятся народы.

По всегдашней вражде против христианства, особенно, когда 21 псалом есть почти история распятого Христа Иисуса, надобно бы думать, что новые иудеи никак не допустят в нем мысли о Мессии. Однако известно, что даже поздние еврейские толкователи принуждены соглашаться на пророчественное значение псалма и на отношение его к Мессии. Например, даже Ярхи на слова (Пс.21:27), «будут вкушать нищие», замечает, «во время избавления нашего во дни Мессии». Не только Пс.21:24, 27, 29, 32, но даже Пс.21:8–9, 16 в еврейских толкованиях объясняются о Мессии.⁵⁰ Без сомнения это было всего более в следствие уважения к преданию отцов, которое слышим в иерусалимском таргуме, в сохаре и в талмуде.⁵¹

В новозаветном откровении Иисус Христос повторяет на кресте слова псалма, *Боже мой, Боже мой, почто Ты меня оставил!* (Мф.27:46; Мк.15:34). Апостол Иоанн, говоря о том, как воины делили одежду Христа Иисуса, присовокупляет, так сбылось сказанное в писании, разделили ризы мои по себе, Ин.19:22–24. Ап. Павел объясняет о Мессии слова: *возвещу имя Твое братии моей*, Евр.2:12.

Мы могли бы привести еще псалмы 44, 109 и 15. Песнь о браке царя с царскою дщерию в псалме 44 не только Парафраст халдейский и другие древние, но даже Абенэзра и Кимхи объясняют о Мессии; не говорим об апостоле Павле, (Евр.1:8–9; Псалом 109) о царе-первосвященнике, которому Иегова говорит: *седи одесную Меня*, содержанием столько ясно говорит о Мессии, что иудейские книжники ни слова не могли сказать против такого объяснения его, высказанного Христом Иисусом, (Мф.24:41–46); да и против них было бы тогда предание иудейское, признававшее в псалме песнь о Мессии. В Пс.15:8–11 умирающий праведник говорит, что плоть Его не увидит истления; а этого нельзя отнести к Давиду, которого плоть истлела, и апостолы показывают выполнение сих слов в истории Мессии Иисуса, (Деян.2:25–29, 13:35–37).

Но довольно сказанного.

По книге псалмов, Мессия – потомок Давида; против Него восстанут сильные земли; Он вытерпит невиданные страдания и крестную смерть; низойдет во ад и воскреснет; язычники узнают от Него о Боге истинном; Ему покорятся народы вселенной; Сын Божий по естеству, Он соединит в Себе царскую и священническую должность.

Вот чем полна была душа царственного пророка! Вот на кого указывал Он в отдаленной будущности! Царь славный, царь, торжествовавший столько побед над соседями, учил ожидать счастья только от Спасителя мира; озаренный Духом Божиим, он пел славу и унижение Его, величие божественное и страдания необозримые.

О! падем с тем глубоким благоговением пред Царем Сиона, с каким учил поклоняться пред Ним Давид. Сыны Израиля, ныне еще усерднее, чем при Моисее, кланяются тельцу золотому. Несчастные, «почтите Сына, чтобы Он не прогневался, и вы не погибли в пути вашем». Это говорит вам пророк Давид, а не мы! Аминь.

Слово IV

После того, как с Иеровоамом десять колен отступили от истинного Бога и нечестие начало более и более распространяться в избранном народе, весьма нужно было предохранить веру в Спасителя и спасение особенною помощью. И Господь посылал пророков – вестников своих. Говорили ли пророки о Мессии? *Вси пророцы*, говорит новозаветное откровение, предвозвестиша дни сия – Мессии (Деян.3:24, 10:43).

Рассмотрим некоторые пророчества Исаии, Иеремии и Иезекииля.

Самое замечательное пророчество Исаии, о Мессии есть пророчество его о рабе Иеговы (Ис.52:13, 53:1–10)

Прочтем это пророчество, в точном его виде.

13. Се раб Мой будет действовать умно⁵²

Высок будет, прославится и будет весьма велик.

14. Как отвращались тебя многие, (обезображен более, нежели у человека,⁵³ вид его и образ его хуже, нежели у сынов человеческих),

15. Так окропит,⁵⁴ Он народы многие.

Цари затворят на счет Его уста свои,

Поелику они увидеть то, о чем им не рассказывали

И услышат то, о чем никогда не слыхали.

Псалом 53

1. Кто верит слышанному нами? И мышца Иеговы кому открылась?

2. Взошел Он как отрасль⁵⁵ пред Ним, как отпрыск корня из земли сухой.

Ни вида у Него, ни красоты, а мы смотрели на Него, ни образа, а⁵⁶ мы желали Его.

3. Презрен⁵⁷ и оставлен людьми, Муж скорбей, знакомый с болезнями;

Он как человек, от которого отвращают лице,⁵⁸ Мы презирали, ни во что ставили Его,

4. Он наши язвы понес, и наши болезни подъял. А мы думали о Нем, что Он поражен, измучен, наказан Богом.

5. Но Он пронзен за наши грехи, и избит за наши беззакония, наказание на Нем для нашего мира, Его ранами мы исцелены.

6. Все мы блуждали как овцы, каждый шел своею дорогою. Иегова возложил на Него Грехи всех нас.

7. Мучим был, и Он терпел и не отверзал уст своих; как агнец, которого ведут на заклание, как овца пред стригущим ее безгласная, Так Он не отверзает уст Своих.

8. В тесноте суд Его совершился.⁵⁹ А род Его? Кто помышляет, что Он ссекается с земли живых, и приведен на смерть⁶⁰ за нечестие народа моего?

9. С нечестивыми назначают Ему гроб, а у богатого могила Его. Он не делал обиды

И в устах Его не было лукавства.

10. Иегове угодно было, чтобы сокрушила Его болезнь. Когда же Он предаст душу Свою в жертву за грех, Он узрит семя, будет долгоденствовать, и воля Иеговы рукою Его исполняться будет успешно

11. После труда души Своей Он насладится, насытится ведением Своим, многих оправдает Он, праведник, раб мой. И вины их на Себе понесет.

12. Посему я дам Ему великих в удел, и сильных будет делить как добычу. Это за то, что Он предал душу Свою на смерть. И причислен был к преступникам; А Он понес на Себе грехи многих. И за беззаконных представил Себя ходатаем.

Кто этот раб Иеговы?

Все черты Его таковы, что, без оскорбления здравому смыслу, не могут быть приложены ни к кому, кроме Мессии.

Некоторые хотели видеть здесь лице собирательное – народ иудейский или лучшую часть его, другие – Исаию или Иеремию.

Но лица собирательного нельзя здесь признавать уже и потому, что лицу собирательному не приписывают души личной (Ис.53:10–11); нельзя его хоронить во гроб (Ис.53:9); нельзя называть мужем скорбей (Ис.53:2). К тому же раб Иеговы

страдает за народ и, следовательно, не есть самый народ. Исаию или Иеремию нельзя видеть в рабе Иеговы уже и потому, что ни тот, ни другой не выходил тощею отраслью из земли сухой (Ис.53:2), первый по преданию родился от царского рода, еще сильного тогда; последний был священник, потомок рода Ааронова, пользовавшегося тогда своими правами. Затем и все прочее у пророка приложимо только к Мессии и ни к кому другому. Никто из людей не страдал так жестоко и в страданиях своих никто не был так кроток, так покоен, как спокойно терпит муки раб Иеговы (Ис.53:7). Например, самый Иеремия, теснимый скорбями, проклинал день рождения своего (Иер.20:7–10, 14–18; 15:19–21). Не только о народе иудейском, всегда своевольном и мятежном, но и ни о ком из этих лучших людей пророк не мог сказать, что в устах его не было лжи и он не творил никакой неправды, (Ис.53:9), что он – праведный раб Иеговы (Ис.53:11). И пророку, и его современникам известно было, что все люди грешны и рождаются с греховными наклонностями (Быт.8:21; Иов.14:14; Пс.50:7). Раб Иеговы страданиями своими искупляет людей от наказаний за грехи и примиряет с Богом. Это такая черта, которая существенно принадлежит Мессии. И эта черта так ясно изображена в пророчестве о рабе Иеговы, что все усилия изгладить ее останутся напрасными. У пророка читаем (Ис.53:5), *Он пронзен за наши грехи и избит за наши беззакония; наказания на Нем для нашего мира, ранами Его мы исцелены. Ис.53:6: Иегова возложил на Него грехи всех нас. Ис.53:8: Он приведен на смерть за нечестие народа Моего.* Не вполне ли ясно и определенно говорит пророк, что раб Иеговы страдает за людей и страданиями доставляет им покой? Но пророк говорит еще: *Он предаст душу свою в жертву за грех (Ис.53:10).* Ашам, собственно, значит грех, потом жертву за грех. Потому как жертва за грех, приносившаяся, по закону Моисееву, освобождала приносившего от наказания, определенного законом, так смерть раба Иеговы есть очистительная жертва пред судом Иеговы.

Предание иудейское принимало пророческую речь Исаии о рабе Иеговы за пророческое изображение Мессии. «Как имя

Мессии? спрашивает талмуд, и отвечает, болезненный, как сказано, Сей грехи наши несет и за нас болезнует».⁶¹ Раввин Мойше Гершен, объясняя Бытие 1, пишет: «Господь святой и благословенный сказал, Мессия! праведник мой! грехи людские наложат на тебя тяжелое иго, очи твои не увидят света, уши твои услышать ужасные поругания.... Согласен ли Ты на все это? Если нет, истреблю людей грешных. Мессия отвечал, с радостью принимаю все страдания, с тем чтобы Ты воскресил всех, начиная с Адама и спас не только их, но и всех, которых Ты предложил сотворить. Святой и благословенный Бог согласился. Тогда Мессия с радостью принял на себя все страдания, как написано: *Той зане озлоблен бысть, не отверзает уст своих (Ис.53:7)*». Размышление, замечательное в высшей степени! Здесь видим и веру предания о рабе Иеговы как о Мессии; видим и то, что вера лучших древности иудейской не мечтала о земном славном царстве Мессии, а видела в Нем страдальца Искупителя, согласно с вещаниями пророка. Ту же веру о рабе Иеговы видим в других памятниках иудейского предания.⁶² После того очевидно, что мнения Кимхи и подобных ему о рабе Иеговы – не более, как плод упорной вражды против истины, и потому только жалки.

Новозаветное откровение ясно учит нас, что пророчество о рабе Иеговы есть пророчество о Мессии. Господь Иисус, говоря о том, что Ему надобно пострадать, свидетельствовался словами пророка. *Должно, говорил, исполниться на Мне, и сему слову писания, и к злодеям причтен (Лк.22:37; Исаия 53:12). Должно исполниться*, это выражение гораздо определеннее и сильнее того, когда говорится, да сбудется, оно прямо показывает, что страдание Иисуса совершилось в исполнение воли Божией о Мессии, возвещенной пророком. Ибо то, прибавил еще Господь, *что предсказано о Мне, приходит к окончанию (Лк.22:37)*. Говорят, что евангелист Марк (Мк.15:28) приводит слова пророка не от лица Господа, а от своего имени и при другом случае. Но ослабляет ли это силу доказательства? Напротив, усиливает. Это значит, что и евангелист показывал в пророчестве Исаии предсказание о Мессии. Апостол Филипп, на вопрос евнуха, о ком говорит

пророк, как овца веден был на заклание, отвечал благовествованием о Христе Иисусе (Деян.8:32–36). Точно также объясняют пророчество о рабе Иеговы апостолы Петр 1Пет.2:22–25 и Иоанн Ин.12:38.

Таким образом в пророчестве Исаии о рабе Иеговы: а) кроме проповеди о Мессии, как о духовном владыке народов, б) самым ясным образом говорится о Нем, как об Икупителе рода человеческого. Также, как у Давида, описаны в этом пророчестве унижение Мессии в мнении людей, страдания и смерть Его. Но прежде Исаии никто не изображал изумительного терпения и кротости Мессии. Особенно же никто так ясно и так прямо не поставлял страданий Мессии в связи с спасением людей. Когда Он предаст душу свою в жертву за грех, то увидит семя (Ис.53:10). Следовательно, размножение последователей и их жизненная сила состоит в зависимости от смерти Мессии. Какое чудное значение страданий Мессии! я дал ему великих в удел и сильных делит Он будет как добычу; это – за то, что Он предал душу свою на смерть (Ис.53:12). Итак, вся история христианства есть плод смерти Христовой, в) Частная черта Мессии здесь черта происхождения его. Взошел Он как молодой росток, как отпрыск корня из земли сухой (Ис.53:2). Другая черта, более поразительная своею частностью, есть следующая, с нечестивыми назначают гроб ему, но у богатого могила его, (Ис.53:9).

Пророки Иеремия Иезекииль жили тогда, как нечестие иудеев призывало и призывало на них гнев Божий – плен вавилонский.

У пророка Иеремии читаем, *вот наступают дни, говорит Иегова, когда Я заключу с домом израилевым и с домом иудиним новый завет (Иер.31:31)*. Ясно, что ветхий завет заменится новым. Далее говорит Иегова, *я начертаю закон мой во внутренности их и напишу на сердце их (Иер.31:33)*. Ясно, что обрядовый закон отменится и заменится духовным. Еще сказано, что тогда все будут знать Иегову, без помощи наставника и грехи будут забыты Иеговою, (Иер.31:34). Это пророчество читаем у пр. Иеремии и в другой раз, (Иер.32:37–40). Оно же два раза возвещено Иезекиилем (Иез.11:17–20). У

Иеремии Иегова говорит, дам им смысл один и путь один, чтобы боялись Меня во все дни (Иер.32:39). У Иезекииля, дам им сердце одно и дух новый вложу в грудь их (Иез.11:19). Это изменение пути жизни – очевидный плод того, что закон начертывается на сердце?

Что это за новый завет?

Уже известно нам, что обильное познание Иеговы и прощение грехов – принадлежности времени Мессии, (Пс.109:26: Исаия 53:6, 8). Затем от кого и ожидать, как не от Мессии, полного перерождения души. От кого и ожидать, если не от Мессии, постановления нового завета Бога с человеком? После плена вавилонского до времени Христа Иисуса нельзя остановиться ни на какой эпохе иудейской, к которой, с какой-либо вероятностью, можно бы было применить высокие надежды пророков. Царство Израильское не восстанавливалось более после его разрушения; да и сказано, что это – завет не такой, какой заключен при Моисее, следовательно, дело идет не о политическом бытии народа. Итак, пусть не питают мечты будто обрядовый закон есть закон вечный, не отменимый. Пусть твердо знают, что по воле Божией во время Мессии обрядовый закон заменится духовным.

У пророка Иеремии еще читаем обетование Божие: *вот идет время, говорит Иегова, когда возвращу я от дома Давидова лучшую отрасль, он будет господствовать как царь, будет мудр и владеть правом и правдою. Во дни его Иуда будет со спасением и Израиль будет жить безопасно. Сие имя, которым назовут Его, Иегова правда наша* (Иер.33:15).

Напрасно стали бы искать между властителями иудеев, к кому могли бы быть отнесены слова пророка. После плена вавилонского только правитель Зоровавель был потомком Давида, но он не был царем, и при нем иудейский народ не пользовался ни счастьем, ни обилием правосудия. Следовавшие за тем правители не были и потомками Давида. Остается признать здесь Мессию. Так и верило иудейское предание. Парафраст халдейский так переводит первые слова пророчества, «вот идут дни. говорит Иегова, когда я воздвигну

Давиду Мессию правды». *Медраш Тегиллим* на псалом 21 говорит: «Мессия называется именем Божиим; ибо написано, сие имя Ему, которым назовут Его, Иегова праведный наш».

Прославим Отца небесного, столько милостивого к людям! Тогда, как люди только оскорбляют Его рассеянностью, забывчивостью, простирающеюся до потери смысла; тогда как люди строят себе на земле богов, к своей гибели, Он, благодать вечная, не престаёт им повторять, где счастье их, где мир, где свет. Слава и хвала Тебе, Боже наш! Аминь.

Слово V. О пришествии Мессии

Христос рождается, славите.

Во время плена вавилонского, воздыхания искренних читателей Иеговы о спасении усиливались от тяжести скорбей времени. Иудеи невольно спрашивали, когда же, Господи, придет так давно ожидаемый Мессия? И вот пророку Даниилу предоставлено было преимущество зреть и открывать время выполнения давно ожидаемых событий. Избираем для рассмотрения нашего пророчество его о седминах.

Когда Даниил, в посте и сокрушении (Дан.9:3), возносил к Богу молитвы, дабы не медлил Он избавить свой народ от плена (Дан.9:19–20), является ангел Гавриил и показывает времена спасения.

Ангел говорит пророку, *семьдесят седьмин сократишася (нехтах – отсечено, определено) о людях твоих и о граде твоём святем, яко да скончается грех и запечатаются греси (скроются как буквы в запечатанном письме Иер.32:11, 14; Иов.37:7; Дан.12:4) и загладятся неправды и приведется правда вечная и запечатается видение и пророк и помажется Святым святым. И увеси и разумевши, от исхода словесе, еже отвецати (о восстановлении) и еже соградити Иерусалим даже до Христа (Мессии) старейшины седьмин седьм и седьмин шестьдесят две, и возвратится (восстановится) и соградится стогна (обстроится площадь) и забрала (стена) и истощатся лета (но в тесноте времен). И по седминах шестидесяти двух потребится помазание (Мессия) и суд не будет в нем (но не за себя). Град и святое рассыплется со старейшиною грядущим (и город и святилище опустошить народ вождя, который идет) и потребится яко в потоке и до конца рати сокращенные чином погибельми (и до конца войны определено опустошение). И утвердит завет мнозем седмина едина, в пол же седмины отыметя жертва и возлияние (приношение) и во святилища мерзость запустения будет (у Росси в одном списке «убехекол иегце шикоц» и в храме будет мерзость; по обыкновенному чтению, на крыле*

(храма) мерзость опустошения) и даже до скончания времени скончание дастся на опустошение (и даже до меры полной и определенной прольется (гнев) на опустошаемое место).

Нельзя оставить без краткого обзора времени, показываемого у пророка.

Сказав вообще, что должно произойти в наступающие 70 седми́н (Дан.9:25), архангел в частности отделяет 7 седми́н для восстановления Иерусалима; пройдут еще 62 седми́ны и «истреблен будет Мессия». Последняя седми́на утвердит новый завет и за тем последует совершенное разорение храма, города и народа. Началом счисления седми́н назначается исход словесе о восстановлении Иерусалима, т.е. обнародование указа царского о том (1Ездр.1:1–3). Что разумеется у пророка под седми́нами? У древних иудеев известны были седми́ны двоякого рода – седми́ны дней (Дан.10:2–3; Иез.45:2) и седми́ны лет (Лев.25:8; Быт.29:28). Поздние иудеи прибавили к тому седми́ну седмилетий, оканчивающуюся юбилейным годом. В рассматриваемом пророчестве нельзя разуме́ть седми́ны дней. В продолжении 7 седми́н дней или в 49 дней нельзя было обстроить площади и стен города, тем более в промежутке 70 седми́н дней или в 490 дней не могли уместиться все те события, о которых говорит архангел. К тому же, когда седми́ною означаетс́я неделя, то называется она прямо седми́ною дней (Дан.10:2–3). Напрасно поздние иудеи, в защиту себе от обличений христианских, придумали для Даниила седми́ны седмилетий, в таком случае второму храму их надлежало бы строиться 323 года, чего на деле вовсе не было. За тем, остаются для пророчества Даниилова седми́ны лет. По пророчеству, для построения храма назначены семь седми́н, следовательно, 49 лет. По книге Ездры и по истории Флавия известно, что соседние народы усиленно препятствовали иудеям в построении храма, то клеветами при дворе персидском, то даже вооруженною рукою; потому естественно, что не прежде 49 лет окончилось построение второго храма. По пророчеству от начала седми́н до истребления Мессии старейшины 69 седми́н, следовательно, 483 года.

Кто разумеется под Христом старейшиною? Имя Помазанника-Мессии (Дан.9:25–26) есть обыкновенное имя Того, Кого так давно ожидали, оно усвоено Ему Давидом, (Пс.2:2; Ис.11:1) Имя старейшины или князя также давно стало именем обещанного Спасителя, (Пс.2:5; Ис.11:10, 55:4). Святым святых называется у пророка не часть храма, так как весь храм назначается к разрушению, а не к освящению, Дан.9:27: и назначать освящение только для одной части храма было бы странно. Напротив, это наименование есть собственное имя того, кто по словам Исаии, не творит неправды и лжи, (Ис.53:10, 12:6). По пророчеству, старейшина истреблен будет, (Дан.9:26), т.е. насильственной смертью (Зах.13:8–9), смертью нечестивых (Пс.36:9; Притч.2:22). Это такая черта, какою отличена смерть Мессии у Исаии, (Ис.53:7–9). Старейшина умрет, *но не за себя*, следовательно, смертью искупителя, как и говорил Исайя (Ис.53:5, 8). Время старейшины – время потребления нечестия и приведения правды вечной. Это относил к Мессии Исайя (Ис.53:5–6, 10). Со смертью старейшины соединено установление нового завета и отменение жертв и приношений Дан.9:27. Пророк Иеремия также соединял со временем Искупителя установление нового завета, (Иер.31:31; 32:40). За смертью старейшины следует опустошение города Дан.9:26. Давид и Исаия угрожали гневом Божиим возмущающимся против Мессии, (Пс.2:2, 4, 9, 12; Ис.8:9–10). Вместе с тем, как изгладится грех, запечатаются видения и пророчества. Это естественно для времени явления Мессии, к которому относились все пророчества.

Так понимали пророчество Даниила в древней иудейской церкви. Это замечал в свое время св. Иероним.⁶³ Один из раввинов (Манассий) ясно сознается, что соплеменники его относили Даниилово пророчество о седминах к Мессии, и что эту уверенность разделяли все те иудеи, которые при Веспасиане подняли оружие против римлян.⁶⁴ Р. Иозе сказал, «семьдесят седьмин проходят после разрушения первого храма до разрушения второго».⁶⁵ Мозес сын Нахмана говорит, «святый святых есть Мессия, освященный из сынов Давида».⁶⁶ Толкователь псалмов пишет, «тайны и дела Мессии

проповедуются в законе, пророках и агиографах, *в пророках*, например, у Ис.42:1, в агиографах, например, Пс.109:1,4; и у Даниила Дан.7:13». ⁶⁷ Поздние раввины придумали уверять себя и других, что пророчество Даниила запечатано для людей, т.е. смысл его не известен. Напрасное лукавство совести, когда ангел прямо говорил молившемуся Даниилу, *приидох возвестити тебе*.

Новозаветное откровение показывает выполнение пророчества Даниилова во времена Мессии Иисуса (Мф.24:15; Лк.21:20–21).

Итак, в пророчестве о седминах частью объяснены прежде известные черты Мессии, частью указаны новые. Ясно изображены высокие принадлежности Мессии – искупление людей от грехов и установление нового завета. В первый раз сказано, что с пришествием Мессии кончится прозрение в спасение будущее. В первый раз с точностью указаны обстоятельства, имевшие последовать в народе еврейском за насильственной смертью Мессии, – разорение Иерусалима и храма, уничтожение политического бытия иудеев, прекращение обрядового богослужения. Наконец, в первый раз определено время пришествия Мессии счетом годов.

По возвращении народа из плена вавилонского, Иегова продолжал укреплять откровениями веру в грядущего Искупителя мира.

Оставляя пророчества Захарии о входе Мессии в Иерусалим (Зах.9:9), об оценении его в 30 сребренников, (Зах.11:4–14), об излиянии духа благодати на верующих в прободенного, (Зах.12:10–14); оставляя пророчество Аггея о славе второго храма Агг.2:6–10 – остановимся на пророчестве последнего пророка Малахии.

Тогда как Иаков жалуется, «все, которые делают неправду, приятны Иегове», живя счастливо (3, 7, 4, 2), Иегова говорит,

Се аз посылаю ангела Моего и призрит на путь пред лицом Моим (уравняет путь предо Мною) и внезапно приидет в церковь свою Господь, Его же вы ищете, и ангел завета, его же вы хотите, (Мал.3:1). Далее говорится, что ангел завета, как плавильщик, очистит избранный народ, истребит суеверия

и неправды (Мал.3:2–5), а вестник, готовящий пути, называется еще Илиею фесвитянином (4, 5).

Самые слова пророчества ясно говорят, что пророк возвещает о Мессии. Тот, кого посылает Иегова, называется Господом и ангелом завета, это – имена Мессии. Даниил предсказывал, что Мессия установит новый завет (Дан.9:27). По словам Малахии, это тот ангел завета, которого иудеи желают и ищут. Кого же ожидали иудеи, как не Мессию? Не Он ли был предметом желаний не только для иудеев, но и для всех народов? Господь, ожидаемый в храме своем – не какой-либо царь земной, наделяющий подданных земною славою и удобствами жизни, Он наставник истины, истребляющий ложные мнения людей, и вестник его Илия фесвитянин, ревнитель истины и святости. В таком виде изображали Мессию и прежние пророки, (Ис.2:2–4, 49:6; Иер.31:31–35). Господь внезапно придет в храм свой в тот, который существовать при Малахии. Пророк Аггей еще яснее и выразительнее говорил, что храм, в котором явится ожидаемый всеми народами Агг.2:8, будет последний, «велика будет слава храма сего последнего, более, чем первого» Агг.2:10. Итак, если, не смотря на то, что желают видеть Мессию, не узнают и не примут его неожиданно являющегося в последнем храме своем, то напрасно будут ждать еще Мессию после того, как уже не будет второго храма. Такое ожидание – жалкое заблуждение умов и сердец, преступная борьба с волею Божией.

Пусть поздние силы Израиля не пропускают сего мимо глаз и ушей, если дорожат спасением вечным.

Благословен еси Господи Боже отец наших, хвально и препрославлено имя Твое, во веки (Дан.3:26). Аминь.

Слово VI. Христос рождается, славите

О! как не славить Отца небесного, если Христос раздается! Кто для нас Христос? Он – все, и свет, и радость, и блаженство вечное. Все, что нужно для высших, духовных потребностей наших, все, чего не могли доставить людям ни лучшие философы, ни лучшие законодатели, ни лучшие служители религий древних, – все подает Христос. Как же не петь хвалы, если Христос рождается!

Но вот и в нашей стране известны чада Израиля, которые упорно повторяют, еще не родился Христос.

Во славу небесного Отца, поучимся из откровения Божия, родился ли Христос?

От кого надлежало родиться Христу?

Пророк Божий Исаия предсказывал, *возникнет ветвь от пня Иессеева и отрасль от корней его изнесет плод. И почиет на Нем дух Иеговы, дух премудрости и разумения, дух совета и мужества, дух ведения и страха Иеговы (Ис.11:1–2)*. Затем, пророк видит во время потомка Иессеева необыкновенный мир и повсеместное знание Иеговы (Ис.11:6–9), благоговейные надежды язычников на Него (Ис.11:10), собрание рассеянных чад Израиля (Ис.11:11–13), необыкновенные победы его над народами (Ис.11:14–16).

Как видите, здесь все черты царя и царства таковы, что их нельзя приложить ни к какому царю земному, и они принадлежат только одному Мессии. Самый Давид, муж по сердцу Божию, не имел тех высоких качеств, какие пророк видит в своем царе. От какого земного царя можно ожидать такого чудного мира, чтобы волк жил вместе с ягненком и дитя играло с аспидом? И этот мир поставляется еще в связи с повсеместным распространением познаний о Иегове и с победами духовными над народами. Земные властители никогда не дадут такого мира. Некоторые черты сего потомка Иессеева те самые, которыми обыкновенно изображался Спаситель мира в откровении Божиим. Поражение нечестивого напоминает о сокрушении главы древнего змия Быт.3:14–15. Иаков и Давид

также говорили, что Мессия – надежда язычников и предмет благоговейного поклонения. Предание иудейское также признавало в этом пророчестве Исаии – Мессию; например, древний иудейский катехизис говорил, «Бог пошлет Мессию... Мессия будет от семени Давида, отрасль Иессея вифлеемлянина». Итак, по пророчеству Исаии, Мессия будет потомком Иессея, или что тоже – царственного дома Давидова. И заметьте, в каком виде пророк выставляет царственное племя Иессея при рождении Мессии. *«Возникнет ветвь»* не от живого, сильного, цветущего ствола, а от *«пня»*, – от дерева, срубленного до корня. На такое происхождение указывает и второе полустиише, отрасль от корней его понесет плод. Итак, царственное племя Давидово, которое во время пророка было столько славным и сильным, в то время, когда родится от него Христос, будет в крайнем унижении и бессилии. Теперь сличите это пророчество с историей Иисуса, сына Мариина. Евангелисты сохранили для нас поколенную роспись предков Иисуса. У нас слушают чтение её со скукою, почтя с неудовольствием. Напрасно! Это – ответы на голоса пророков о Мессии. Здесь видим, что как Мария, так и Иосиф были потомки Давида. Но какие это бедные потомки? Предки сильные – цари, а Иосиф – плотник и Мария – неизвестная Дева. Видите, с какою точностью исполнилось слово пророка в лице сына Марии. Какая же совесть, какой смысл могут говорить после того, что Христос еще не родился?

Послушаем еще пророка.

Пророк Божий говорит: *се Дева зачнет и родит сына и наречет имя Ему, Эммануил (Ис.7:14)*. Самое имя младенца. Эммануил, показывает, что предсказывается о рождении лица необыкновенного, каким мог быть только Мессия. Эммануил означает, с нами Бог; следовательно, это такое лице, в котором Сам Бог имеет жить с людьми, иначе – которое будет и человеком, и Богом. Самые обстоятельства, при которых возвещено о рождении Эммануила, также говорят, что идет дело о Мессии. Два царя, сирский и израильский, восстали на иудейского царя Ахаза, с решительным намерением истребить дом его, царственный дом Давида, и возвести на престол

династию другую (Ис.7:6). Это привело в ужас Ахаза и всех иудеев (Ис.7:2). Пророк уверяет именем Божиим, *не пребудет совет сей* (Ис.7:7). И предлагает Ахазу просить у Бога, какого угодно, знамения. Но Ахав надеялся всего от людей, а не от Бога. Пророк обращается к народу и говорит, *«Сам Господь дает вам знамение, – се Дева во чреве приимет и родит сына и наречет имя Ему: Эммануил»*. Знамение, вполне утешительное и убедительное, если указывается на рождение Мессии. Это значит, что и дом Давидов будет еще цвести и все лучшие надежды Израиля тверды, покоясь на Мессии. Но никакого нет утешения, никакого нет даже смысла в словах пророческих, если разуместь их о рождении обыкновенного лица. Мало и того, пророк сам объясняет нам Эммануила. В последующем пророчестве (Ис.8:1–9) он изображает потомка Иессеова властителем Иудеи вместе опять называет его Эммануилом (Ис.8:8). Потом говорит: *родится нам дитя, дан будет сын, на раменах которого владычество и наречено будет имя Ему, чудный советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира* (Ис.9:6). Какая величественная личность! Скажите, у кого ум на месте, придет ли на мысль видеть в этом лице царя земного? «Бог крепкий, Отец вечности» – ужели это человек? Так несомненна истина, что пророк предвозвещает рождение Мессии. От кого же, как родится Христос? *Се Дева во чреве приимет и родит*. Еврейское название раж дающей (алма) означает не женщину замужнюю, а, собственно, деву, деву чистую, непорочную. Таким именем называются девы тимпанницы (Пс.77:26), юная и до смерти девственная Мариам (Исх.2:8), девы, любящие жениха – Христа (Песн.1:2). Такою представляется мать Эммануила и по цели пророчества. Пророк указывает на знамение, на событие, не принадлежащее к кругу действий обыкновенных, совершающихся по порядку природы, но на действие чудесное, ознаменованное печатью непосредственного присутствия силы Божией. Так Дева непорочная, чистая, зачнет и родит Эммануила. Не исполнилось ли и это пророчество в рождении Христа Иисуса? Иисус родился от Девы непорочной, не познавшей мужа. *Како будет сие, говорит Дева Мария, идеже мужа не знаю? И отвечав*

ангел, рече ей, Дух Святой найдет на тя и сила Вышнего осенит тя (Лк.1:34–35). Рождение Иисуса есть чудо из чудес, ибо Бог является во плоти. Более великого чуда, более сильного знамения нельзя и представить в уме. Велия благочестия тайна – Бог явился во плоти (1Тим.3:10), говорит апостол. Самый небесный вестник объяснял возможность рождения Иисуса только тем, что не изнеможет у Бога всяк глагол (Лк.1:37). Как же не говорить вместе с евангелистом, все это было так, как предсказал пророк, се Дева во чреве приимет и родит сына и нарекут имя Ему Эммануил, что значит, с нами Бог (Мф.1:22–23).

Пророк Михей, современник Исаии, предсказал, а ты Вифлеем Евфрафа! ты мал, чтобы быть тебе в ряду с тысячами Иудиными, но из тебя произойдет мне тот, кто будет владыкою израиелевым, которого происхождение из начала от дней века (Мих.5:1).

Уже одно то, что описываемый владыка, вместе с тем, как произойдет из Вифлеема, имеет еще происхождение предвременное, вечное, показывает в нем вовсе не лице обыкновенное. Дела царственного владыки также таковы, что могут быть только делами Мессии. Он, по словам пророка, соберет рассеянного израиля и распространит славу Иеговы до пределов земли (Мих.5:3–5), он истребит между израильтянами все суеверия и совершит суд над народами (Мих.5:10–15). Показывая время, когда будет совершаться собрание рассеянных, св. Михей говорит, «Он (Иегова) предаст их, доколе не родит имеющая родить». Кто не видит, что св. Михей указывает на ту, которая, по словам Исаии, будучи Девой, зачнет и родит Эммануила? И древние иудеи твердили, что пророчество Михея относится к Мессии. Ионафан, живший до рождества Христова, слова пророка, «из тебя мне произойдет старейшина», переводил так, «из тебя мне прозойдет Мессия». Представители церкви иудейской, первосвященники и книжники, на вопрос Ирода, где должно родиться Христу? отвечали, в Вифлееме иудейском, и сослались на слова пророка Михея (Мф.2:4–6). Итак, Мессия должен родиться в Вифлееме. Где родился Иисус, которого в последствии называли назарейским

учителем? В Вифлееме иудейском. И что еще замечательно, обыкновенным местом пребывания Иосифа был Назарет; там пребывала и обрученная Мария. Но вот неожиданно, по случаю новой переписи, Иосиф, не без отягощения для бедного своего быта, идет в Вифлеем, потому что был из дома и рода Давидова; Мария прибыла вместе с ним в Вифлеем. И здесь родила сына-первенца (Лк.2:6–7). Не ясно ли, что все это совершалось так, как надлежало быть по пророчеству св. Михея о Мессии?

Итак, Христос рождается, славите; Христос с небес, сретайте. Воспойте людие, яко прославися. Аминь.

Слово VII. О пришествии Мессии

Христос рождается, славите.

Дорога истина для бессмертного духа. Как не искать ее! Как не просвещаться ею! Поучимся и еще у пророков и истории, родился ли Христос?

По пророчеству Иакова (Быт.49:10), Мессия-Христос должен прийти тогда, как племя Иудово перестанет иметь своих законодателей и потеряет значение самостоятельного народа. В каком состоянии были иудеи, когда родился Христос Иисус? У них уже не было своих царей. Иноплеменник Ирод, родом идумеянин, владел иудеями. Послушный слуга власти римской, он смеялся в лице иудеев над самим человечеством. Еще несколько времени – и народ иудейский перестал быть политическим народом. Не ясно ли, что пророчество Иакова о времени явления Шилога выполнялось со всею точностью в лице Христа Иисуса! Присовокупите еще черту пророчества о Шилоге: Шилогу «покорность народов». Не открылось ли при самом рождении Иисуса осуществление этой черты Шилога? Зачем волхвы востока явились в Иерусалим? Чего ищут они? Они спрашивают, «где новорожденный царь иудейский? Мы видели, говорят они, звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему». Итак, едва родился в неизвестном Вифлееме младенец Иисус, уже идут к нему с востока поклоняться; лучшие представители языческих народов приносят Ему дары, Ливан, смирну и золото. Не ясно ли, что это есть Шилог, которому начинают покоряться народы? Бедные иудеи! Смотрите, Иисусу покорны неисчислимые миллионы народов. Не дождаться вам более Шилога, если не покоритесь Шилогу-Иисусу.

По пророчеству Даниила, 70 седьмин. иначе 490 лет, должно пройти до истребления Мессии *от исхода словесе*, или от царского указа о восстановлении второго храма и города, а за тем должно последовать страшное опустошение Иерусалима и прекращение обрядов. Что видим в истории? За 455 лет до рождества Христова выдан был царский указ о восстановлении

города, разрушенного Навуходоносором. Христос Иисус на 30 году своей жизни земной вступил в торжественное служение свое (Лк.3:23). *От исхода словесе* это было в 484 году, иначе – спустя 69 седмиц пророка. Бог утвержден и новый завет Бога с человеком кровью праведника, вот и грех заглажен и правда введена в мир добровольною жертвою Богочеловека (1Тим.2:15). Вот и вместо жертв вещественных приносятся жертвы духовные! Что далее? Пусть скажет нам о том иудеянин и очевидец Иосиф Флавий. Он пишет: иудеи «привели в исполнение пророчество против отечества своего. Было древнее слово, что в это время взять будет город и святое сожжено будет, по праву войны, если откроется возмущение и руки иноземные осквернят святилище Божие. Зилоты не верили тому, и, однако, представили самих себя в служебные лица».⁶⁸ Не продолжаем повести Флавия. События сами говорят: спросите иудеев, которых вы видите, где храм их? Где жертвы? Где первосвященник? Спросите, почему, упорствуя считать себя читателями закона Моисеева, не выполняют они предписаний Моисея о жертвах? Бессильные пред волею Всемогущего, чтобы воскресить умершего мертвеца, – обрядовое служение храма, они выдумывают свои обряды, приносят петуха и курицу, наказывают себя ремнем, совершают другие мелочные обряды, о чем вовсе не говорил Моисей! Не жалкая ли это борьба своеволия против воли Божией? Сколько раз иудеи покушались изменить грозную волю Божию о них, высказавшую Даниилом! Богоотступный Юлиан, думая насмеяться над галилеянином, употребил все меры императорской власти, чтобы восстановить иерусалимский храм, по желаниям иудеев. И что же? Усилия произвола нечестивого разрушены страшным гневом Божиим. Сын израилев! Если ты заботлив о душе своей, пойми волю Божию, чтобы не бороться с нею на погибель себе. Учители твои говорят, что храм разрушен гневом Божиим и народ рассеян гневом Божиим, но не говорят тебе, за что этот гнев Божий. Подумай же сам о том. Бывало время, что отцы твои оказывались рабами соседних народов. За что? За поклонение идолам. За тоже были 70 лет в плену вавилонском. Во время римлян не служат они идолам. И, однако, Тит и его войско так

разрушили храм и город, что не осталось камня на камне. За что такой страшный гнев Божий? Иудеи не кланяются и ныне идолам, и, однако, вот уже 18 веков, как они рассеяны по вселенной. За что такой страшный гнев Божий? Ты не знаешь, сын израилев? Напомню тебе приговор отцов твоих, *кровь Его Иисуса на нас и на чадах наших*, сказали они Пилату. Видишь, отцы твои истребили Мессию, как предсказывал Даниил, и сами произнесли приговор себе и потомкам своим. Вот за что тяготее гнев Божий, предсказанный Даниилом! Пойми же, что пока не раскаются в грехе своем, пока не примут Того, кого ожидали все праведники, гнев Божий не престанет тяготеть над убийцами Мессии.

Историю Христа Иисуса можем мы описать словами пророков. Так исполнилось над Ним все, чему надлежало быть с Мессиею по пророчествам.

Кроме того, что Иисус родился, согласно с пророчествами, от девы чистой, из племени Давидова, в Вифлееме иудейском, предтеча Иоанн, ангел по строгой жизни, Илия по ревности к славе имени Божия, приготавлиал людей к принятию Его проповедью покаяния и говорил о Нем вслух всех, *се Агнец Божий, взявляй грехи мира* (Ин.1:29). Точно так и надлежало быть по словам пророков (Мал.3:1; Ис.40:3; Лк.1:14). Даже иудеянин Флавий писал, «святой Иоанн – второй Илия, и Иисус имеет в нем предтечу, которого, по пророчествам, должен иметь Мессия».⁶⁹

Жизнь Христа Иисуса, согласно с древними вещаниями, была скромна и не видна для людей века (Ис.53:1). Он был столько кроток и полон любви к другим, что надломленную трость остерегался сокрушить и голоса Его не слышно было на распутьях (Ис.42:2–3; Мф.11:29). Вместе с тем Он был Сын Божий, облеченный могуществом и вечностью Божества, как и говорили пророки о Мессии (Ис.9:5; Пс.2:7, 109:4; Мф.22:43–44; Ин.1:1–4). Божественное величие Его открывалось в делах и учении Его. Он творил чудеса, исцелял больных, возвращал зрение слепым, слух глухим, ноги хромым, жизнь умершим (Лк.7:29; Ис.35:5–6, 53:4). И очевидцы великих чудес Его говорили, «это истинно тот пророк, которому надлежало прийти

в мир» (Ин.6:14). Он был пророком, подобным Моисею (Втор.18:15) не только по чудесам, но и по учению. Страна Завулонова и страна Нефалимова – страны людей, погруженных в мрак суеверий, первые увидели свет небесного учения Его, – по пророчествам (Ис.9:1–2). Учение Его было в высшей степени чисто и духовно, сильно и поразительно, так что даже слуги врагов Его говорили, никогда не говорил человек, как говорит этот человек (Ис.11:1–9; Ин.7:46). Жизнь Его вполне соответствовала святому учению Его: *беззакония не сотвори, ниже обретется лесть во устех Его* (Ис.53:9). Кто из вас обличить меня в грехе? говорил Он свободно иудеям (Ин.8:46). Апостолы, свидетели истины и жизни Его, говорили тоже (Ин.23:5; 2Кор.5:21; Евр.7:27). Он входит в Иерусалим, как царь, сдвигаемый восторгами народа, но в виде смиренном, сидя на осленке, как предсказывал пророк (Зах.9:9). Не видел храм иерусалимский такой славы, какую исполнил его Христос Иисус, совершивший столько великих дел и являвшийся в нем, будучи Сыном Вышнего, не видел ни прежде, ни после Иисуса, так, как это был последний храм (Агг.2:1).

Обстоятельства смерти Иисусовой те самые, которые предначертаны были пророками, и до того, что самые частные черты её как бы взяты были у пророков. Его оценивают в 30 сребренников, и эта цена переходит из храма в руки горшечника, как говорил Захария (Зах.11:2). Князья языческие и старейшины иудейские восстали против Него (Пс.2:1). Обвиняют Его бессовестно, но Он молчит (Ис.53:8). Плюют на Него, бьют Его по щекам, и Он терпит (Ис.53:6). Как овца, обреченная на заклание, не отверзет уст своих (Ис.53:7). Причисляют Его к людям нетерпимым и осуждают, как злодея (Ис.53:9, 12; Лк.22:37). Пронзают Ему руки и ноги на кресте (Пс.21:17; Мк.15:25). Мечут жребий об одежде Его и делят по себе (Пс.21:9). Он истаивает в муках, и враги ругаются над Ним (Пс.21:8). С насмешкою богохульною говорят о страдальце, «Он положился на Господа, пусть спасет Его» (Пс.21:9; Мф.27:43). Народ делает из Него зрелище (Пс.21:5). В муках вопиет Он: Боже мой, Боже мой, почто Ты оставил Меня! (Пс.21:1). Ему дают в пищу желчь, и в жажде поят уксусом (Пс.68:22).

Прободают Ему бок (Зах.12:10). Назначают гроб Ему с нечестивыми, но у богатого находит Он себе могилу (Ис.53:9). Люди думают, что «Он поражен, измучен, наказан Богом, но Он был изранен за наши преступления, поражен за наши беззакония, наказания на Нем для нашего мира» (Ис.53:4–5). «Мессия потребляется, но не за себя» (Дан.7:26). Даже Пилат не находил в Нем никакой вины, жизнь Его чиста и свята от яслей и до гроба. Он первосвященник вечный, по чину Мелхиседека, принес Себя за людей (Пс.109:4; Евр.5:6, 10).

Что происходит по смерти Его? Бог Отец не мог оставить Его во власти тления, Иисус воскрес (Пс.15:10; Деян.2:27). Воскресший воссел одесную Бога Отца (Пс.109:1–2, 7). И вот закон начертывается на сердцах людей, в Пятидесятницу Дух Божий нисходит на апостолов и возвещает сердцам закон благодати (Иер.31:7, 31–37; Иез.36:11). И вот ведение о Иегове распространяется по всей вселенной (Ис. 9:1–3, 11:6–10). О семени Авраамом благословляются все народы земли (Быт.12:3, 22:18).

Так пророчества указывают в Иисусе Мессию Спасителя мира! Так Иисус Христос есть Тот Самый, о Котором говорили все пророки, Которого обещал послать Бог на землю для спасения людей.

Царь и пророк говорит иудеям, «почтите Сына, чтобы Он не прогневался, и вы не погибли в пути вашем поклоняйтесь Тому, которому «даны народы в наследие и пределы земли во владение» (Пс.2:8, 12).

Но иудеи не слушают и хотят погибнуть. Несчастное ослепление! Чего не придумывали иудейские учителя, чтобы держаться и держать учеников своих в несчастном заблуждении о Мессии Иисусе? По неприязни злостной к Мессии Иисусу, отклоняясь от предания древней церкви иудейской о Мессии, они должны были дойти и дошли до самых странных, до самых неумных толков о Мессии. То уверяют они, что вера в Мессию дело не важное, не стоит и говорить о Мессии.⁷⁰ Но так ли верили пророки и праведники Божии? Не значит ли это совсем отказываться от веры отцов своих, от веры в возможность спасения? То боясь ясных пророчеств о времени пришествия

Мессии, произносили, проклятие на тех, которые будут вычислять время пришествия Мессии.⁷¹ Не улика ли это упорству против истины? Не насилие ли это обличительному голосу совести? То ожидают Мессию, как царя земного и могущественного, который силою оружия заставит все народы быть рабами иудеев.⁷² Но какой пророк говорил им о таком Мессии? Мессия пророков, властитель умов и совестей, победитель суеверий и заблуждений, и царство его – царство любви и мира нерушимого (Ис.11:6–10). То толкуют они о двух Мессиях и при том разное, по одним толкам два Мессии по земной доле, – один бедный сын Иосифов из колена Ефремова, другой славный потомок Давида; а по иным толкам Мессии два по назначению – один для язычников, другой для иудеев.⁷³ Но пророки знали одного Мессию, смиренного потомка Иессеева, но покоряющего все народы своему учению; они знали Мессию потомка Иудова, но никто из них не знал Мессии колена Ефремова. То внушают легковерным, что Мессия пришел, но Он в саду эдемском связан волосами жены, или Он пришел; но скрывается в Риме между прокаженными, ожидая, пока Илия объявить его в достоинстве Мессии.⁷⁴ Судите, не басни ли это, оскорбляющие и здравый смысл и учение пророков? Нет, говорят другие, Мессия еще не пришел, и оттого, что не хранится суббота, не соблюдается обрядовый закон. Но что же после того значат проповеди пророков? Ложь! Обман! О, пусть не богохульствуют. Определения Божии, столько раз и с такою точностью назначившие и время Мессии, и обстоятельства жизни Его и великие дела Его, не могут отменяться, особенно же по причинам ничтожным, какова несохранение обрядов иудеем, особенно же когда Мессия назначен не для одних иудеев, но для всей вселенной. И какому пророку возвещено о перемене совета Божия относительно Спасителя мира? Раввину? Пусть тешится он, если хочет, своим вымыслом; но зачем он губит души легковверные нечестивым вымыслом? Так иудеям, если хотят они быть искренними учениками пророков, остается признать Иисуса за Мессию. Иначе толки их о Мессии – хаос произволов, обличающий сам себя в нечестия, сброд мнений, не только несогласных, но и противоречащих между

собою. Иначе пусть они или представят верную весть пророка – почему не исполнилось определение Божие о Мессии, или покажут – в ком, если не в Иисусе Христе, исполнились пророчества о Мессии? Но ни того, ни другого они не в состоянии сделать, не оскорбляя здравого смысла. Они не могут представить удовлетворяющих причин – почему не признают Иисуса за Мессию. Если скажут они, что Иисус не был облечен величием земным, то таковым надлежало быть Мессии по пророчествам, и, следовательно, они не принимают Мессии пророков. Скажут ли, что Иисус не обнародовал нового закона, в отменение обрядового, с такою же торжественностью, с какою дан закон на Синае? Но это не правда! В виду обитателей всех стран мира, собравшихся к празднику в Иерусалим, снишел Дух святой на апостолов, которые затем, по Его наставлению, возвестили вселенной о законе благодати. Они не могут оправдать себя в том, что на место учения Христова приняли талмуд. Божественное происхождение первого видно и по высокому содержанию его, и по внешним знамениям – чудесам и пророчествам. А что такое талмуд? О том ни слова, что в пользу талмуда не было ни чудес, ни пророчеств, в нем слишком много оскорбляющего здравый смысл и чистую совесть. Например, по талмуду Бог каждый день проводит по три часа в изучении талмуда и столько же забавляется игрою с левиафаном; каждый день плачет о разрушении Иерусалима, готовит для Мессии пир из римских птиц и вин; ни один иудей не будет в аду более 12 месяцев; грозный суд Мессии поразит одних не иудеев; иудей может и обманывать, и обкрадывать, и убивать не иудея, и прочее.

О Истина вечная! Если люди не принимают Тебя, то это оттого, что им нравится все свое – и вымыслы самолюбия, как и пороки; они не хотят ни в чем отказаться от своей воли. Благодать безграничная! прости упорство самолюбия нашего, посли силу Твою, дабы покорять нам злую волю свою святым уставам Твоим. Аминь.

Слово VIII. О пришествии Мессии

Аз имам свидетельство более Иоаннова (Ин.5:36).

Жалко ослепление людей, которые не хотят признать выполнения древних пророчеств в лице Христа Иисуса. Истина не теряет от того своей твердости. Теряют от того многие люди. Но будем снисходительны к людям. Пророчества, как очертания отдаленной будущности, по самому свойству своему, не могут быть так ясны для людей, как повествования истории, и тем более, что, возвещаемые по разным нуждам и обстоятельствам, они затрудняют уразумение их самою связью с теми обстоятельствами. Но на одном ли ветхозаветном откровении покоится вера христианина в Христа Иисуса, как в Спасителя мира? О, нет! Как ни искренно уважение христианина к ветхозаветному откровению, у него есть другое, высшее откровение, – откровение Сына Божия (Евр.1:1). И оно-то несомненно показывает ему в Христе Иисусе Того, кто так нужен для падшего человечества.

Спаситель наш свидетельствовал пред иудеями, *Аз имам свидетельство более Иоаннова; дела, яже даде мне Отец, да совершу я, дела, яже творю, та свидетельствуют о мне, яко Отец мя посла.* По словам Господа, не являлся между людьми, кто был бы более Иоанна. Итак, по учению Господа, и патриархи и пророки уступают в величии величию Иоанна крестителя. Иоанн был самый высший посланник Божий; свидетельство его было самое важное свидетельство из всех земных свидетельств, бывших до него. И, однако, о том, что Иисус Христос есть посланник Божий, есть еще более важное свидетельство, чем свидетельство самого Иоанна, тем более свидетельство пророков, что же это за свидетельство? *Дела, говорит Спаситель, яже даде мне Отец, да совершу, дела, яже творю, та свидетельствуют о мне, яко Отец мя посла.* Да, сколько чудес совершено Спасителем нашим в земной жизни! И какие чудеса! В один раз Он насытил семь тысяч народа несколькими хлебами, в другой наплат пятью хлебами пять тысяч народа. Он словом укрощал бурные волны озера;

брением открывал зрение слепо-рожденному; воскрешал мертвых и Сам воскрес из мертвых. Истину чудес его признавали сами враги его. «Что делать нам? говорил иудейский синедрион. Этот человек много чудес творил» (Ин.11:47). Только слепые страсти могут относить эти чудеса или к нечистой силе, или к искусству человеческому. Сама небесная истина говорила устами Спасителя, когда говорил Он, «горе тебе Хоразин! горе тебе Вифсаида! ибо ежели бы в Тире и Сидоне были явлены силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись» (Мф.11:21). Все, что говорил Спаситель о будущей неверности учеников – все, что говорил о близкой участи Иерусалима и Израиля, все, что говорил наперед о своих страданиях и воскресении – исполнилось с изумительною точностью. А как высока, как свята была жизнь Его! Между людьми не было никогда праведника, подобного Ему. Он говорил правду людям и проповедовал небесные истины только для славы Божией. «Моя пища, говорил Он, творить волю пославшего Меня и совершить дело Его» (Ин.4:34). В небесном происхождении учения его каждый может увериться собственным опытом, лишь только начни он жить по лучшим требованиям духа своего. «Кто хочет творить волю Его», Отца небесного, «тот узнает – от Бога ли мое учение, или Я сам от себя говорю», говорил Спаситель, и опыт каждого оправдывает слова Его. Апостолы Христовы также доказали чудесами, пророчествами и жизнью свое небесное посланничество.

После же того не с полным ли благоговением должны мы принять свидетельства Христа Иисуса и Его апостолов о том, кто таков для бедного человечества Христос Иисус? Свидетельство Христа Иисуса о самом себе, свидетельство непререкаемое, Он знал, откуда и для чего пришел Он в мир; а слава и дела Его показывают, что Он мог говорить только истину. Точно тоже должно сказать о свидетельстве апостолов, как посланников Божиих.

Что же проповедуется в новозаветном откровении Божиим об отношении звания Мессии к Иисусу?

Самарянка говорит Спасителю, «знаю, что придет Мессия, т.е. Христос; когда он придет, то изъяснит нам все. Это – Я, который говорю с тобою», отвечает Спаситель наш (Ин.4:25–26). Иоанн посылает учеников спросить Иисуса, «ты ли тот, который должен прийти, или ожидать нам другого? Иисус сказать им в ответ, подите, возвестите Иоанну, что слышите и видите, слепые презирают, хромы ходят, прокаженные очищаются, глухие слышат и нищим благовествуется» (Мф.11:2:5). И вопрос говорит о Мессии и ответ доказывает чудесами, что Иисус есть Мессия. За кого вы почитаете меня? спрашивал Спаситель учеников своих. Петр отвечал, «Ты Христос, Сын Бога живаго». Блажен ты, Симон, сын Ионин! потому что не плоть и кровь открыли тебе то, но Отец мой, сущий на небесах, говорил Спаситель. Видите, вера в Мессию Иисуса не есть плод человеческого наставления, а дело Божие в сердцах человеческих. Иудеи настойчиво допрашивали Иисуса; «долго ли тебе томить души наши? если ты Христос, скажи нам прямо». Иисус отвечал им, я сказал вам и не верите, дела, которые творю Я во имя Отца моего, свидетельствуют о мне. Вы не верите, потому что вы не из моих овец (Ин.10:24–25). И в молитве пред Отцом небесным исповедует Он, что совершил дело, возложенное на Него Отцом (Ин.17:4–5). И на вопрос кровожадного Каиафы, ты ли Христос сын Божий? отвечал утвердительно, и в доказательство говорил, отныне узрите сына человеческого, сидящего одесную силы Божией и грядущего на облаках небесных» (Мф.26:63–64). Не раз Он и народу, и апостолам прямо говорил, что Он есть тот, о ком говорили пророки. Так он учил до своей смерти (Мф.26:54; Мк.9:12; Лк.18:81–33; Ин.6:32). Так говорил и по воскресении. «О, несмысленные и медлительные сердцем в веровании тому, что предсказывали пророки. Не так ли надлежало Христу пострадать и войти в славу свою? и начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о нем во всем писании», так поучал воскресший эмаусских путников (Лк.24:25–27).

Иудеи соединяли с именем Мессии понятие о царе земном, который должен восстановить политическое значение народа иудейского, и если будет учителем, то только для иудеев

(Ин.6:14–15; Мф.21:6, 9). Евангелисты не скрывают того, что такую веру разделяли с прочими самые приближенные в Иисусу ученики, пока не были просвещены Духом Божиим (Мф.20:20–21; Лк.24:21; Деян.1:6). Очевидно, что это мнение человеческое очень приятно было самолюбию человеческому, кто только ласкал самолюбие. Но небесный свидетель истины, искавший только славы Отца небесного, скрывался, когда хотели объявить Его царем, и при каждом случае обличал несправедливое понятие о Мессии и в народе и в учениках своих (Лк.17:20–21, 13:29; Ин.6:15, 18, 32–38, 10:16, 4:23–24; Мф.21:43). Особенно же утешитель Дух истины открыл во всей ясности апостолам, что Христос Иисус есть Спаситель всего рода человеческого, а не одних иудеев. И в учении апостолов имя Мессии Иисуса стало после того именем единственного просветителя мира и Спасителя души. Например, ап. Петр говорит иудеям о Иисусе, «нет другого имени под небом, данного человекам, которым бы надлежало нам спастися» (Деян.4:12). «О Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его» (Деян.10:43). Ап. Павел «переспаривал иудеев, живущих в Дамаске, доказывая, что Иисус есть Христос» (Деян.9:22). И он же пред царем Агриппою и Фестом свидетельствовал, «пророки и Моисей говорили, что Христос должен был пострадать и, восстав первый из мертвых, возвестить свет сему народу и язычникам» (Деян.26:22–23). Ап. Иоанн заключает евангелие свое так, «сие написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос Сын Божий, и дабы, веруя, имели жизнь во имя Его» (Ин.20:31).

И кроме апостолов, лучшие из современников Иисуса получали озарение свыше, и наставляемые небом признавали Иисуса за Мессию. Таковы были восточные мудрецы (Мф.2:1) и вифлеемские пастыри; последние слышали песнь ангелов небесных, славивших младенца Иисуса, как Спасителя мира (Лк.2:10). Захария, отец предтечи Иоанна, «исполнясь Духа Святого, говорил, благословен Господь Бог израилев, что посетил народ свой» и посылает Спасителя ему; и о сыне своем говорил как о предтече Мессии. Чудо, разрешившее язык

Захарии, подтверждало верность пророческой речи его (Лк.1:54–60). Праведному Симеону обещано было, что он не увидит смерти, пока не увидит Христа Господня и он, увидав младенца Иисуса, радовался о нем, как о свете для язычников, как о славе для Израиля, а вместе назвал Его камнем преткновения для многих (Лк.2:26–28). Иоанн предтеча, когда иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить, кто он? объявил прямо, что «он не Христос». Кто же ты? спросили Иоанна посланные. Он отвечал, «я глас вопиющего в пустыне; исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия». И потом прибавил, «я крещу в воде; а стоит среди вас, которого вы не знаете. Он-то идущий за мною, но Который первенствует предо мною». На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит, «се Агнец Божий, который берет на себя грех мира... Я не знал Его, но дославший меня крестить в воде сказал мне, на кого увидишь Духа Святого, сходящего пребывающего на нем, тот есть крестящий Духом Святым» (Ин.1:21–23, 26–33).

После таких свидетелей о Мессии Иисусе, после столь громких и вразумительных свидетельств неба, могут ли значить что-нибудь мнения человеческие, чьи бы они ни были? Если иудейские власти не признали в Иисусе ожидаемого Мессию и предали Его на распятие, важно ли это для веры в Мессию Иисуса? Нет, ни сколько. Говорить ли против веры в пророков, как в посланников Божиих то, что иудеи гнали и убивали пророков? Ах! это говорит только о том, что это были люди худые, жалкие. А порча иудейского народа во время Христа Иисуса, по свидетельству истории, была так велика, как не была прежде того. Чего было ожидать от первосвященников, которые за деньги покупали и продавали власть первосвященника, от фарисеев и книжников, мечтавших только о земных выгодах, от народа, испорченного предрассудками и примером высших. Не укажут ли еще на нынешних иудеев? Дети опередили отцов, но в чем? Деньги и деньги – вот все, о чем заботы деток. За деньги они и теперь дают друг друга, не только христианина. О! Боже мой! отчего и мы, христиане не живем всею душою по вере в Христа Господа нашего? Оттого, что любим землю, а не небо.

Вечный свет вечного Отца! озари сердца наши светом Твоим, чтобы мы узнали Тебя всею полнотой ума и всею душою любили пути света! Аминь.

Отделение XI. Слова и беседы на разные дни и случаи

Беседа в неделю 3-ю по Пасхе

Чудное событие – событие с Савлом на пути в Дамаск! Много поучительного и назидательного представляет оно собою.

Синедрион иудейский, желая прекратить дело евангелия Христова, посадил апостолов в темницу и потом объявил строгое приказание – не говорить ни слова о воскресшем Иисусе (Деян.4:1–5, 17–40). Когда же ученые иудейские, вступив в спор с Стефаном, раздражены были победою Стефана над ними, и взволновав народ, предали Стефана суду синедриона (Деян.6:9–14); когда Стефан доказал синедриону, как велика вражда иудеев против Бога израилева, Стефан по решению синедриона, побит был камнями за городом (Деян.7:59). Это была первая жертва фанатической злобы! Савл был при том, и не только ободрял убийство невинного Стефана, но смерть мученика зажгла в нем фанатическую ревность против Назорянина (Деян.7:58, 22:20). Савл положил кончить дело ненавистного учителя, во чтобы то ни стало. Он стал гнать даже до смерти последователей учения Иисусова (Деян.22:4). «Терзал церковь иерусалимскую, входя в дома, влача мужчин и женщин и, отдавая в темницу» (Деян.8:3). Не довольствуясь кровавыми делами в Иерусалиме, он выпросил у синедриона полномочие и людей, чтобы также преследовать христиан и в Дамаске. С такою душою, с такими расположениями шел Савл в Дамаск (Деян.9:1–2, 22:5).

Когда он, сопровождаемый служителями, приближался к Дамаску и христиане Дамаска были в страхе за свою участь, «внезапно осиял его свет с неба и, пав на землю, он услышал голос, Савл, Савл! что ты Меня гонишь? Он сказал, Кто Ты, Господи? Господь же сказал, Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна» (Деян.9:3–5).

Какой чудный свет! Апостол сам говорил, «в полдень внезапно с неба озарил меня великий свет» (Деян.22:6); и при другом случае свидетельствовал, «свет с неба светлее сияния солнечного озарил меня» (Деян.26:13). Свет полудня уступил сиянию света небесного; сияние солнца тускло было пред

сиянием небесным. И какого полудня свет? Полудня восточного, палестинского, полудня самого ясного и светлого! Итак, это – не блеск молнии. Ученый Савл очень знал атмосферическое явление и не мог назвать его чужим именем. Тем более это не призрак воображения. Явление сопровождалось очевидными физическими изменениями. Так это – свет Божий, это – слава Божества. В таком свете явился Иисус, преследуемый Савлом. И Анания (Деня.9:17), и Варнава (Деян.9:27) говорят, что Павлу явился на дороге Господь Павел видел Иисуса в прославленном человечестве. В земной жизни Иисуса видим одно такое же явление. На горе Фаворской Иисус преобразился; лице Его сияло как солнце, ризы Его были белы, как снег. Петр, Иаков и Андрей в восторге смотрели на эту славу, и приведенные в смятение – пали. На Савла видение навело ужас, и он пал слепой. Какова слава Господа Иисуса! Каково же величие, в котором явится Он для совершения суда над вселенною! Как разнообразны будут действия славного явления того на людей!

Савл не только видел свет, но слышал слова Господа, предлагал вопросы и получил ответы. Спутники его, по словам Луки, «стояли в оцепенении, голос слыша, а никого не видя» (Деян.9:7); по словам Павла, «свет видели и пришли в страх, но слов Того, Который говорил, не слышали» (Деян.22:9). Это значит, что сияние света до того поразило их, что они стояли иступленными, слышали голос, но не понимали слов. На столько они были вразумлены, чтобы понять и передать необычайность события. Сияние света небесного было в полдень, это – не призрак! Поражение света испытали спутники Павла до того, что приходили в иступление. В их глазах зрячий Савл стал слепым. Чудо осязаемое и особенно для Савла. Явление Господа было, собственно, для Савла, а не для спутников его Они – только свидетели.

«Савл, Савл! что ты Меня гонишь?» говорил голос Савлу. Савл, так низко думавший о Назорянине, вовсе не думал, чтобы явившийся в такой славе был Иисус. Кто ты, Господи? спрашивал он и услышал ответ, «Я Иисус, которого ты гонишь». Савл преследовал верующих. Но Христос – живет в верующих,

кто преследует их – преследует Его. Он одно с ними. Он глава – они члены; в страданиях членов принимает участие и глава. Савл преследовал Иисуса и потому, что по неведению. по ослеплению ревности, ненавидел все дело Иисуса, Его учение, Его жизнь, Его дела. Как должны страшить душу христианскую те люди, которые примером жизни и словами неразумия своего отклоняют от Христа Господа души, искупленные кровью Его. Они, делая зло душам христианским, гонят Самого Христа Господа.

«За какое доброе дело хотите вы убить Меня? спрашивал Иисус иудеев. Точно так спрашивает Он теперь и Савла. Никакая злоба врагов не может отыскать пятна ни в жизни, ни в учении Иисуса. Напротив, Он так свят, так покорен воле Отца небесного; Он дышит такою любовью к людям, что только благоденствует им; учение Его – такой чистый небесный свет, какого не видала вселенная. «Савл, Савл! за что же ты Меня гонишь?» Спрашивает, дышащий любовью.

Бедное человечество! Бедная душа моя!

Савл гнал Иисуса по неведению. Он знал Его только в том виде, в каком изображали Его заклятые враги добра – фарисеи и книжники. Злостные толки худых людей увлекли пылкую душу его на худой путь. Думая быть человеком Божиим, он оказывался врагом Божиим.

Сохрани Бог от того состояния, когда душа, увлекаясь страстями, начинает любить грех до того, что ей ненавистным становится добро.

«Трудно тебе идти против рожна». Пастырь гонит стадо овец, с длинным и острым шестом в руке. Может ли овца идти против этого шеста, которым гонят ее? Если бы стала бороться с острым жезлом, то изранила бы только себя. Точно так напрасна, неумна борьба против учения Христова, явная ли она, или тайная. Напрасны гонения, воздвигаемые одним, многими, всеми. Все это будет только несчастьем для гонителей. Невер, нечестивец, сколько бы ни восставали против истины и благочестия, ничего не сделают истине и благочестью. Ясна, светла истина, как свет Божий; тепло, живительно благочестие, как жизнь Божия. Невер и нечестивец, ненавидя

их, преследуя их, наносят только себе бесчестие и пагубу, потому что оказываются врагами того, что всего дороже для человека, врагами высокого, чистого, святого, без чего человек – не человек. Так показывает и история церкви христианской! Так показывает и история лиц!

«Встань и иди в город, и сказано будет тебе, что надобно делать» (Деян.9:6). Так сказал Господь, по сказанию Луки. Но св. Лука опускает здесь кое-что. По повествованию самого Павла, переданному св. Лукою в другом месте, Господь сказал ему и свою волю о его служении церкви. «Встань и стань на ноги твои. Я для того явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем тому что ты видел и что открою тебе, отторгая тебя от народа иудейского и от язычников, к которым ныне посылаю тебя открыть им глаза, дабы они обретались от тьмы к свету и из под власти сатаны к Богу, и верою в Меня получили прощение в грехах и часть наследия с освященными» (Деян.26:16–18). Таково было общее очертание деятельности Павловой в отношении к другим! Павел в последствии говорил галатам, «я и получил евангелие и научился ему не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа» (Гал.1:12). Все, что надлежало проповедовать другим, Павел узнал от Самого Господа; а что ему надлежало делать с собою, о том он должен узнать в Дамаске, тому научит его Анания.

Когда Савл понял, кто говорит с ним, он «в трепете и ужасе» спрашивал, «Господи! что повелишь мне делать?» (Деян.9:6). Явление Господа произвело потрясающее действие на Савла, сопровождавшееся решительно переменою его; он уже не гонитель Иисуса; он трепещет пред Ним; он ожидает только воли Его, готовый выполнять ее, во что бы то ни стало; он решился на все, что угодно Господу; своей воли он более не хочет знать и отдает всего себя Господу. Когда привели его слепого в Дамаск, то три дня «не ел он и не пил» (Деян.9:9). Он горько раскаивался теперь в прошлом заблуждении. Эта скорбь так была искренна, так была глубока, так сильно терзала душу его, что ни пища, ни питье не шли на ум Савлу. Он долго, долго и после того помнил – помнил до гроба, что был он «хулитель и гонитель, и обидчик» (1Тим.1:13), что гнал он церковь Божию

(1Кор.15:9). Он ничем не извинял вины своей пред Господом; признавал себя врагом Божиим, достойным всякой казни. Терзаемый покаянием, «он теперь молится», как говорил Господь Анании (Деян.9:11). О чем молится? О том, чему научало раскаяние, о прощении грехов, о том, на что указывало небесное явление, — о ниспослании сил, необходимых для лучшей жизни, чтобы любить и проповедовать то, что дотоле гнал он. «Я покажу ему, сколько он должен пострадать за Меня» (Деян.9:16), так говорил теперь Господь Анании о Савле. Господь видел, что кающийся и признательный Савл готов страдать за Него, и обещает Савлу свою всемогущую помощь, с которою не сокрушать Савла никакие страдания. Высоко звание, к которому призван Савл, но на кого возлагает Господь более тяжести, чем на других, тому посылает и более сил. «По мере как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше» (2Кор.1:5), так говорил сам Павел. Каких страданий не перенес Савл за Господа Иисуса! И краткий перечень, какой он делает страданиям своим (2Кор.11:20–32, 12:9–12), изумителен.

Брат мой! Если ты особенным образом возбужден на подвиги благочестия, если получил ты довольно света и теплоты душевной с неба, будь верен призванию небесному, чтобы идти путем тернистым и тесным. Кого взыскал Господь милостью своею, не имел ли Он права ожидать от того искренней готовности переносить скорби и нужды за славу имени Его? Не довольствуйся первыми чувствами раскаяния, оно свято, но еще должно принести плоды, достойные любви искренней. Не смущайся и горечью бед готовых, Тот кто призвал тебя, даст тебе вытерпеть столько, сколько и не думаешь. Опыт научит тебя, что значит терпение; по опыту узнаешь, что «от терпеливости происходит опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает» (Рим.5:3–4).

Савл обращен был одним явлением Господа! Как это так? В глубине души Савловой было доброе и прежде того, он любил закон Божий. Он ошибался, допускал увлечения и страстность человеческую, но зерно души его было доброе. Без того – пусть говорят ангелы, пусть воскресают мертвые пусть является

Господь в громах и молнии, нечестивец содрогнется и останется нечестивцем. Если бы Савл не верил в Моисея и пророков, дивный свет и обличение Господа приняты были бы также, как приняты испорченными фарисеями чудеса Господа, «если Моисея и пророков не слушают, то хотя бы кто из мертвых воскрес, не поверят» (Лк.16:31).

Не говори, Бог милостив, дождусь чуда, и тогда иной буду. Иным тебя без тебя не сделают. Делай свое дело, пользуйся тем, что дано тебе; не пропускай мимо глаз милостей Божиих; исполняй волю Божию, открытую о тебе в писании. О, Боже мой! если я, такой грешник, и еще живу, и еще каждый день и каждый час лютуют на меня дары твои, не чудеса ли это благодати Твоей? И я остаюсь холоден к ним, не благодарю за них, не каюсь в моем недостойнстве, не приношу плодов покаяния! Чего же жду я себе? Брат мой! пренебрежением к дарам Божиим мы призываем на себя гнев Божий, а не милость Божию. Удобряй почву сердца твоего покаянием и страхом Божиим, чтобы семена слова Божия могли укрыться в глубине души твоей и дать после ростков стебли с зерном; призывай молитвою росу и дождь благодати на засеянную землю, без того явится засуха и погибнет все.

Молясь, молитва все даст тебе. Савл молился, и чего не получил! И язычники, и иудеи, и свои, и чужой, были против Савла; но с благодатью Божией, данною по молитве, он победил все, – победишь и ты.

Слово в неделю 4-ю по Пасхе

Аще Сын вы свободит, во истину свободны будете (Ин.8:36).

Свобода. свобода – чарующее слово! Кому не дорога ты, свобода? И как много ныне хлопчут о свободе! Венки летят на голову, лишь только проронит кто слово о свободе, хотя бы слово и не умное. Что же ты такое, милая для всех свобода.

Если скажем, что свобода есть независимость от всего оскорбляющего лучшую природу человека, скажем ли не согласно с здравым смыслом? У кого ум и сердце на месте, ничего не скажет он против такой мысли о свободе. Да, если в жизни ничто не останавливает правильного хода жизни, если жизнь духовной природы нашей развивается по её лучшим требованиям; если воля определяет свою деятельность чистыми, духовными требованиями природы, известными с именем нравственного закона, не есть ли это истинная свобода, какой только должен желать человек?

Быть свободным, говорят, значит не подчиняться ни чьей сторонней воле, жить и действовать так, как хочется, поступать всегда и во всем по своей воле, по чувствам и влечениям своего сердца. Но – это не свобода, а своеволие; это не свобода, оживляющая человека, а произвол, губящий жизнь человека; это – не мир природы, ограниченной с Творцом безграничным, а война против Бога и брань человека с самим собою. Кто внес в общество людей такую мысль о свободе? Тот, кто сказал первым людям, *будете яко бози*. Нечего сказать, надежный учитель! Свобода есть независимость, до от чего? От несообразного с духовною природою.

Истинная свобода есть тоже, что любовь ко всему лучшему, любовь чистая к Богу и человечеству, тоже, что добровольное и охотное подчинение своей воли закону Божию. *Хождах в широте, яко заповеди твоя взысках* (Пс.118:45), говорит с восторгом один из лучших людей. И как быть иному? Всеведущий законодатель знает природу человека, как никогда не может знать ее сам человек, при всех пособиях умозрительной и опытной мудрости своей. Потому закон,

даруемый Богом, человеку, есть самое верное, самое полное выражение лучших потребностей человеческой природы, есть полный и живой образ деятельности, вполне сообразной с существенными нуждами человека, есть самое лучшее, самое счастливое, самое живительное развитие жизни человеческой.

Беда наша вот в чем, закон духовен, *аз же плотян есмь*. Где взять силы исполнять закон? Где взять мощь, чтобы развивать в себе жизнь по лучшей оживляющей норме жизни? *Аще Сын вы свободит, во истинну свободны будете*, говорит Сын Божий (Ин.8:36). Истинно только тогда и является свобода в человеке, когда он начинает жить под влиянием незримой благодати Христовой; всемогущая благодать Божия исцеляет испорченный душевный организм и дает силы развивать жизнь по лучшему образцу жизни. *Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененной, и Аз упокою вы* (Мф.11:29), говорит Сын Божий. О! какой это сладкий голос! Какой это добрый призыв! Под сенью благодати Христовой душа точно находит себе покой, какого нигде не может найти; под незримым, но мощным, правлением силы Божией жизнь её течет самым широким потоком. *Праведнику закон не лежит* (1Тим.1:9), потому что поступать по закону Божию для него, тоже, что жить и действовать по влечениям своего чистого сердца, потому что он выполняет гораздо более, чем могут сказать все земные уставы.

Посмотрите на жизнь истинных последователей евангелия. Жизнь их запечатлена характером той чудной свобода духа, той самостоятельности и независимости, которой не найдете ни в одном ученике философских школ человеческих. В числе святых Божиих видите вы царей и подданных, пастырей и пасомых, богатых и бедняков, старость и юность, мужчин и женщин, но при всем различии пола и возраста, званий и отличий общественных – один и тот же дух евангельской свободы одушевляет всю их жизнь. Без гордости и самохвальства они говорят истину евангелия как безгласным, так и голосистым земли, обличают пороки и растление людей, не смотря на опасности для себя. Они не гонятся за ветром духа времени, не заискивают его благосклонной улыбки, не

льстят его наклонностям, если он прямо идет против закона Божия, они говорят ему о том в глаза, если он прикрывает ложь кое-каким добром, они отдают честь добру и выводят на свет ложь. Один страх Божий пред их глазами, но ни каких людей не боятся они, ни ученых, ни невежда, ни фанатиков, ни индифферентных, ни Неронов, ни Аманов, ни демагогии, ни олигархии. Во время общественных бед, войны опустошительной, язвы всепогубляющей, когда все другие теряют голову и падают духом, они с свежою мыслью отыскивают меры против зла и являются ангелами утешителями. При самых внезапных переворотах счастья, при самых тяжких ударах жизни, хотя страдают они, но страдают молча; в темнице и оковах также мужественны и тверды, как и под венками почестей. Если владеют богатством и отличены вниманием общим, не допускают до себя ни гордости, ни роскоши, щедро разливая покой и довольство на других. Такова жизнь истинных христиан!

Творяй грех раб есть греха (Ин.8:34). Идеже дух Господень, ту есть свобода (2Кор.3:17). Какие это глубокомысленные изречения! Где грех, там рабство! Грех не сроден нашей душе, – она создана для Господа и живет только в воле Божией. Грех налагает оковы на душу, стесняет деятельность её, расстраивает её жизнь, убивает ее. Рыба не в воде, птица не в воздухе умирают, точно также душа в чуждой для нее атмосфере греха. Посмотрите поближе, что делает грех с душою? Благо призрачное, обманчивое, ядовитое предпочитает она истинному благу; стесненная в порывах к небесному, томится она в мраке, скрывающем от нее светлый образ истины; а сердце, погрязшее в низких наслаждениях, изнуряет тоской о небесной отчизне; воля теряет энергию для добра, как невольник с цепью на шее. Своеволие греха не долго пользуется даже тем ничтожным остатком произвола, который дает возможность переходить от одного порока к другому. Предавшись одной страсти, человек теряет удобства отравлять себя другими, не смеет переменить предмета наслаждений. Вот от чего бывает, что скупец томит себя голодом, слуга плотской похоти расточает миллионы отцовские, тщеславный делает

тоже для пустого звука известности. Страсть поработывает все себе, и ум в услугах у нее и сердце бьется лить ею, вся деятельность, внутренняя и наружная, определяется её капризами. Бывает, что голос совести с силою восстает против деспотизма нажитой страсти, но сила страсти одолевает все умные рассуждения и – оказывается на деле жалкий раб греха.

Так евангельская, духовная, свобода – не одно и тоже со свободой гражданской; духовная свобода может быть собственностью царя и подданного, раба и господина, вельможи и бедного ремесленника. В каком же отношении находится духовная свобода к гражданской?

Без влияния свободы духовной свобода гражданская – печальное преимущество. В таком положении свобода гражданская – для одних средство к угнетению ближних, для других – предлог к своеволию и буйству.

Начальствующий по праву звания пользуется большею свободой гражданской, чем подчиненные ему. Представьте же, что не хочет он, и знать требований духовной свободы; представьте, что он – невольник самолюбия и своеволия, для которых все готов делать, чем он тогда будет для подчиненных? Мучителем. Он требует не того, чего требует закон, а что внушают ему злые страсти его; не исполни воли его преступной и – тебя заставят страдать. Напрасно вы будете, взывать к правосудию, к начальству высшему, к голосу соседей, изворотливый ум сильного доведет вас до положения более печального, более горького, чем было до жалоб. Напротив, если дух евангельской свободы одушевляет начальника, он стоит выше самообольщения, выше гордости и тщеславия; как бы ни были обширны права его; он не только не оскорбит вас неправдою, но благодушием и благодеяниями усладит для вас и власть свою. Он носит меч в своей руке, но только против разврата и буйства, – не он, а закон, подвергает наказаниям обманщика, вора и убийцу.

Ныне нередко называют законную власть деспотизмом. Это ошибка, печальная ошибка. Самый жестокий, самый бесчеловечный деспотизм, это дикий произвол подчиненных, тот произвол, которому вовсе незнакома истинная,

христианская свобода. Вредно бывает для благосостояния общественного преобладание сильных лиц, злоупотребляющих своею властью. Но своеволие и буйство народа, разжженного страстями, – страшно, по самому большинству лиц; в слепоте невежества оно в состоянии предать все разрушению, порядок, законы, власть, быт семейный и самую религию. Припомните, не эта ли пагубная свобода в стране гордившейся образованностью ниспровергла все священные права семейные и общественные, погасила науки, осквернила храмы, совершила не слыханные зверства и жестокости, предала сотни тысяч людей невинных разным смертям? Там, где нет свободы христианской, свободы ума и сердца от страстей, там свобода гражданская если при напряженных усилиях и явится между людьми, то на короткое время и не в точном виде, а за тем сменится ужасами бесчеловечия; буйство страстей, свергнув узы призрачные, наложит действительные, свергнув благотворные и необходимые, наложит лишние и губительные, свергнув благое иго порядка и человеколюбия, беспощадно отягчит безначалием и тиранством. Воры и убийцы – не тоже ли, что люди, не стесняющие себя законами гражданскими? Такова свобода гражданская без христианской свободы!

Духовная, христианская свобода, как живая любовь во всему доброму, поставляя человека выше страстей и расчетов своекорыстия, заставляет его действовать в обществе гражданском с полным самоотвержением для блага других. Так она действует при уничтожении рабства в государстве, она не оскорбляет при том ничьих прав собственности, а располагает любовь христианскую принести посильную жертву для блага ближних; она не ищет при том себе простора и покоя на счет других, а желает только покоя другим. Она усовершенствует известный порядок гражданский, более и более приближая его к духу евангелия, изменяя к лучшему постепенно, мирно и тихо, не нарушая ни в ком деятельности истинно – разумной и свободной. Возьмем ли свободу печатного слова? Не следует, говорят, налагать никаких оков на слово, слово – дар Божий, данный для всех. Но прежде всего напрасно принимают печатное слово за дар Божий, оно – собственность не многих,

добытая трудом их. Пусть поставят его на его месте, на месте ремесла, благородного во власти благородной души, и пошлого в руках пошлого человека. Если бы печатное слово было только словом болтуна, оно не было бы к его чести, а для других было бы только скучно. Но печатное слово может быть и словом клеветника изворотливого, готового измучить вас в инстанциях суда. Оно может быть словом желчной злости, для которой отрада – страдание целых обществ, словом тщеславия, беспощадного к покою миллионов. Тогда, как устное слово, как бы оно гнило ни было, очень недолговечно и ограничивает действия свои тесным кругом людей, печатное слово, если оно гнилое слово, будет плодить гниль в сердцах людей целые века и, тогда как устное слово есть – дар Божий, данный для всех людей, печатное слово – занятие редких. Что же после того печатное слово? Деспотизм немногих над целыми миллионами и над целыми поколениями, деспотизм самый оскорбительный, если деспотствуют люди пустые, а между тем он самый мощный и самый опасный из всех деспотизмов, он налагает свои мысли и заблуждения, свои страсти и предрассудки дикие на общества и не одного века, а ряда веков. Никакая власть, никакое правление не может устоять против разрушительного действия печатного слова. Слова нет, это – деспотизм очень приятный для самолюбия деятелей, но тем более опасный для душевного здоровья и общего блага и одобрять его могут только люди, которым не дороги ни совесть, ни смысл здравый. Христианская свобода, как свобода любви, слишком дорожит здоровьем душ человеческих и их независимостью; безгранична область, где она может действовать, разливая свет знаний плодотворных, но она не дозволит себе говорить, а тем более печатать, слова гнилые и, если другие заметят проскользнувшую в словах её гниль, с благодарностью воспользуется этим замечанием. Такова истинная свобода!

Вы на свободу званы бысте, братия точию да не свобода ваша в вину плоти, но любовью работайте друг другу (Гал.5:13). Живите яко свободны, а не яко прикровение имуще злобы свободу (1Пет.2:16). О! если бы каждый из нас сознавал и чувствовал превосходство духовной свободы, дарованной

Христом Иисусом человечеству! Он и не подумал бы о ложной свободе, о которой мечтают иные. Свобода истинная, свобода христианская, устрояет и на земле царство мира, счастье семьи, общества, государства. Ложная свобода или своеволие страстей вводит с собою расстройство, напасти и беды, слезы и горе в семейство, общество, государство.

Будем молиться, дабы силами благодати явилась в нас животворная свобода, в славу Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Слово в неделю 5-ю

Отдадим справедливость новой философии. Самонадеянная прежде, она в недавнее время стала искать помощи у христианства, стала признавать нужду христианской заповеди о любви для блага обществ. Считающиеся представителями людей умных согласны ныне с тем, что любовь и братство, проповеданные Господом Иисусом, составляют лучшее врачевство для недугов общественных. По требованию любви христианской желают, чтобы человеческие законы были снисходительны к несчастным преступникам. Во имя той же любви желают, чтобы люди, не смотря на различие сословий и званий, были равны пред законом, и чтобы бедность и не знатность рода не лишали человека гражданского значения. Во имя той же любви требуют, чтобы добытое трудом человека принадлежало трудившемуся, а не было присвоено другим лицом, не бравшим участия в труде. Все это прекрасно! Все это вино новое, чистое, свежее!

Но вот о чем забывают, новое вино не надобно лить в мехи ветхие, как говорит Спаситель наш ([Лк.5:37](#)). Если новую заповедь Спасителя думают осуществить только средствами человеческими, это ветхие мехи. Какие средства человеческой природы могут преобразовать враждующий, завистливый, разделенный страстями, мир людской в одну семью братской любви? В человеческой природе нет их, двигатели её – своекорыстие и самолюбие гордое. Или думают, что людям стоит только пожелать, чтобы действовать в духе любви христианской, и преобразование людей кончилось? Желания еще не дают того, чего желаем. Один из лучших людей говорит за себя и за всех, «желание добра есть во мне, но, чтобы сделать его, того не нахожу» ([Рим.7:18](#)). Ни наука, ни самый высокий ум не дают нам сил для осуществления высоких идеалов. Время увериться в том опытами тысячелетий. Ни философы, ни законодатели, оставившие образцовые теории, не подарили ни себя, ни других ни золотником новых сил. Как ни умничай, а надобно согласиться с словами Спасителя

нашего, «рожденное от плоти есть плоть» (Ин.3:6). Все происшедшие от Адама не могут сами по себе стать выше наследственной природы. Грех – начало всех несчастий, а от него не освободиться человеку самому по себе. Потому грех и несчастье всегда будут сопутствовать человеку на путях жизни его и станут разрушать лучшие планы его.

Одна возможность для человека исполнять высокие идеалы – помощь небесная, принятие и усвоение благодати Божией. Для того, чтобы осуществить в себе новую заповедь Христову, надобно родиться свыше (Ин.3:7), надобно преобразоваться силою Духа Святого (Ин.3:6). Можно усвоит себе умом философию Гегеля, философию Платона, всякую другую философию человеческую, но, чтобы усвоить себе философию Христову, для того мало быть слушателем этой философии. Думают, что могут усвоить евангельское учение о братской любви, помимо помощи Христовой? Напрасная мечта! Во Христе Иисусе, победителе греха и смерти, человечество имеет второго Адама, духовного, животворящего (1Кор.15:45,47). Если не от Него начинается поколение людское, то это ветошь, ни к чему негодная. Только Он своим Духом может обновить печальное существование человека.

Новое вино в ветхих мехах – потеря доброго вина и порча самим мехам. Такова судьба тех обществ, которые пытаются осуществить в себе христианское учение о братской любви без полного, духовного обновления, без живой и возрождающей веры в Господа Иисуса. Сердца ветхие, своекорыстные, гордые, самолюбивые проповедуют любовь для других, но сами не знают её, сами ничего не сделали для неё, не пожертвовали ей ни одною страстью, ни одною привычкою. И что выходит? Перевороты разрушительные, потрясения, ниспровергающие существующий порядок и не созидające ничего, прочного. Отчего это отсутствие устойчивых начал общежития, эта тоска, это недовольство настоящим, эта неуверенность в будущем, эта робость при выполнении прекрасного? Не от того ли, что новое вино льют в ветхие мехи? «Прогресс, прогресс», кричат. А на деле оказывается только ломка старого – и ничего дельного; на деле, по-прежнему, невинного теснит сильное богатство, и

счастливый нечестивец распоряжается судьбою людей честных. Тратят силы, тратят средства – и все без пользы, занимают людей работами – и все работы только ослабляют людей бедных, знакомя их с новыми нуждами, с новыми бедами, тяжелыми уже по самой новости. Был давно, очень давно философ-царь, который понял философским умом важность любви христианской для общества языческого, заставил язычников построить больницы и дома милосердия, но долго ли стояли между язычниками заведения Юлиана? Они рассыпались подобно карточным домикам, при первом дуновении ветра. Вот наглядный опыт того, что не удержать ветхим мехам вина нового!

Нет, надобно иметь не одно знание учения Христова. Надобно глубоко чувствовать испорченность свою, и этим чувством привлекать на себя благодать Христову, чтобы с её помощью воплощать в себе новую заповедь Христову. Прежде всего, надобно как можно менее мечтать о себе, о своих силах и совершенствах, и как можно искреннее молить Вседействующего и благого о Его милосердии к бедным людям. Заповедь о любви, без мысли о самоотречении, – менее, чем иудейская заповедь и уже вовсе не Христова заповедь. «Покайтесь и веруйте в евангелие», тем начал проповедь свою Спаситель; тем начинается и жизнь христианская.

Пусть неотступною будет на всех путях наших уверенность, что мы – ветхие меха, и Он, только может переделать эту ветхость заново. Надобно всем молиться за себя и за других, дабы свет небесный озарил глубины сердец человеческих, и они приняли бы новое вино с расположениями новыми, достойными вечности счастливой. Тогда одни осудят в себе своекорыстие, волнующееся против нового закона, другие поймут, что свобода Христова есть отречение от всякого преступного самоволия, от всякой животной страсти, и любовь, покорная святым заповедям Божиим. Дух Христов, и только Он один может преобразовать сердца людей.

Слово в неделю 2-ю по Пятидесятнице

Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные (Мф.7:15).

Лжепророки, в словах Спасителя, тоже, что лжеучители, или такие учителя, которые, под видом истины, передают ложь и, под видом добра, наделяют пагубою.

Берегитесь, говорит Господь, таких учителей, как берегутся яда, который может скрываться и в красивом цветке; берегитесь, как берегутся змеи, которая, укрываясь в кустарнике или под листьями, может нечаянно напасть на вас и нанести смертельную рану.

Нельзя не удивляться тому, что оказываются охотники быть в числе учителей лжи. Согласитесь! что это не великая честь им... Истина дорога для каждого; а люди изобретают ложь. Странно. Но не думайте и того, что эти люди действуют по твердому убеждению. Убеждение можно иметь только в действительном, а ложь – вымысел, призрак, ничто. Ложь не может иметь силы убеждения для того, кто изобретает и распространяет ее. Основание её для души только в самой душе, в её порче. Апостол убеждает держаться *благой совести, юже нецыи отринувше, от веры оптадоша* (1Тим.1:19). Видите, под каким условием можно отказаться от истины и принимать ложь? Под условием отречения от благой совести. Бессовестность вот основание лжеучителей! Печальное состояние!

Что касается до нас, проповедники лжи, как и всякое другое зло/ попускаются с тем, чтобы мы не спали, если не хотим потерпеть вред от зла. Итак, наше дело быть зоркими.

Как узнать лжеучителя?

Бог истина и он один источник истины. Потому то, что возвещено Им для нас, есть несомненная правда. Все же мысли происхождения земного, человеческого, непорочны, перемешаны с недоумениями, с ложью и неправдою. Итак, не может быть истиною то, что несогласно с истинами

созерцательными и практическими, открытыми в слове Божиим и проповедуемыми церковью. Вот главная мера для проверки всех учений! Потому не слушай тех учителей, которые или льстят страстям человеческим или под видом новых открытий передают мысли несогласные с догматами церкви. *Хотя бы мы или ангел благовествовал вам не то, что мы вам благовествовали, да будет анафема (Гал.1:8)*. Так говорит апостол Божий.

«Так говорит Иегова воинств, не слушайте слов пророков сих. Огорчающим меня твердят, мир будет у вас, и всякому ходящему по упорству своего сердца говорят, не придет на вас зло» (Иер.23:16–17).

Ныне говорят, «у нас есть судья в голове, следуй ему; на что тебе еще другой закон? Ты не ребенок, чтобы ходить в школу, т.е. в церковь и учиться у людей, которые не имеют ни образования, ни звания света». Так говорят называющие себя людьми просвещенными.

Понимаете ли, что это голос ложных пророков? Понимаете ли, что этим учением вовсе отвергается откровение Божие? Ах! внутренний закон ваш уже давно стал потемнен и бессилён. При нем одном чем были бы мы и по ныне? Тем же, что и предки наши – язычники; мы были бы людьми, ходящими во мраке (Ис.9:2); жили бы в похотях своей плоти и были бы безбожными в мире (Еф.2:3, 12). Ужели этого желать надобно? Избави, Боже, от такого страшного ослепления! Нет с одним законом внутренним, с одним разумом нашим, нельзя быть безопасным даже и при руководстве слова Божия. Тогда каждый будет понимать писание по-своему, и слово Божие превратится в игрушку страстей, как это и видно на опыте. Потому-то Отец небесный *дал есть овы апостолы, овы же пастыри и учителя, к совершению святых в дело служения, дондеже достигнем еси в меру возраста исполнения Христова (Еф.4:11–13)*. Потому-то *церковь есть столп и утверждение истины (1Тим.3:15)*. Пусть, по примеру вавилонян, поднимают на смех сионские песни. Не тревожьтесь, они погибнут по примеру вавилонян.

Разум, говорят, по естественному развитию своему, дойдет до истин высших, самых чистых, к чему откровение? Разум дойдет ... но ныне не дошел! А сколько времени прошло, как начал он идти? Более 7000 лет... Есть же надежда на то, что дойдет. Чтобы рассеять мечты свои, пусть посмотрят на действительность пусть зорко рассмотрят, до чего успел дойти разум, по естественному развитию своему, в продолжении 5000 лет, до пришествия Христова? «Надобно ждать, говорил лучший мудрец того времени, надобно ждать, пока возведено будет, как должно вести себя в отношении к богам и людям». Алкивиад спрашивал, «когда же это будет, Сократ, и кто будет этот наставник? Со всею радостью последовал бы я ему, кто бы он ни был».⁷⁵ Лучший теоретический ученик лучшего практического мудреца рассуждал, «благодарностью учить никто не в состоянии, если не будет предшествовать сам Бог, как вождь и наставник».⁷⁶ Вот лучшее, что находите вы в долгой жизни язычества! Разум дойдет... Требуют веры в слова и обещания! Но как же это? То говорят, что вера дело неумное; то требуют веры. И кому же доверяют велят? Людям! Когда? Тогда, как не велят доверять Богу. Пусть извинять, но заносчивость доходит до нелепостей.

Апостол Петр пишет, «были и лжепророки в народе (иудейском), как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами себе скорую гибель» (2Пет.2:1).

По этому наставлению апостола, если бы пришлось вам слушать человека, который стал бы отвергать нужду в искупителе, Христе Иисусе, или учить о Нем, несогласно с словом Божиим, отвергая Его божество или человечество, будьте твердо уверены, что это учитель пагубной лжи, которого не следует слушать. Пусть он владеет даром слова, пусть он умен и с познаниями обширными, не обольщайтесь тем, — участь его решена апостолом, он погибнет.

Тот же апостол возвестил, «знайте, что в последние дни появятся наглые учителя, которые станут поступать по собственным своим похотям и говорить, где обетование пришествия Его?» (2Пет.3:3).

Не слышите ли ныне таких, которые говорят, «добрым человек бывает тогда, когда для того, чтобы получить приятное себе, делает приятное другим». Иначе это значит, что надобно жить только в свое удовольствие; другого начала жизни нет, как удовлетворение влечениям природы; пока жив, пользуйся жизнью наслаждайся всем, чем и как можешь. Не правда-ли, что это те люди, на которых указал апостол, как на учителей наглых, забывших и об уме, и о совести? Это люди, для которых нет ничего высокого, ни честности бескорыстной, ни жизни загробной, ни духа свободного, ни Бога.

Апостол Иуда писал: *вкрались некоторые люди, давно предназначенные к осуждению, плоть оскверняют, начальства пренебрегают и злословят высшие власти* (Иуд.1:4, 8, 11).

Итак, встретятся ли вам люди, для которых ни почем все власти, ни почем законы, для которых свобода означает необузданную вольность жить, как кому угодно, твердо помните, что это люди, назначенные к осуждению, которым давно возвещено горе. Ныне нередко проповедники такой свободы. Как и в давнее время они «злословят то, чего не знают» Иуд.1:10 и хвалят то, чего вовсе не понимают. Не слушайте их и помните слова апостола, «начальники не страшны для добрых дел, а для худых» (Рим.13:4).

Ап. Павел писал: *Дух ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, слушаясь духов обольстителей, запрещающих жениться* (1Тим.4:1, 3).

Итак, если услышите, что будто ныне нет благословенного брака и будто дозволительно вооружаться железом против плоти, не отказываясь от её похотей, твердо знайте, что это говорят духи-обольстители, отступники от веры, проповедники учения бесовского.

Дух лжи изворотлив, в разные времена является в разных видах и всегда прикрывая пагубный дух свой наружностью приличною и даже обольстительною. «Приходят к вам, говорит Господь, в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». Иногда не легко узнать лжеучителя по содержанию учения его. Почему же узнать, что под овечьею шкурою скрывается волк? «Но плодам их узнаете их», говорит Господь (Мф.7:16). Это

значит, что, если не узнаете их по содержанию учения, можете узнать по их делам. Дела на языке писания не редко называются плодами, например: *сотворите плоды, достойные покаяния*, т.е. дела (Мф.3:8). Узнайте лжеучителей по делам их, частью тем, которые сами они делают, частью по последствиям учения их. Ложь не может внести успокаивающего света в нашу жизнь, потому что в ней самой нет света, она мрак. Таковы же плоды учителей лжи. Мысль свою Господь объясняет далее так: *собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?* (Мф.7:16). По общему правилу, всякое растение или дерево приносит свои плоды, репейник репы, а не виноград, и виноградная лоза виноград, а не репы. Точно так дела учителей лжи непременно пагуба. Собственные дела их или гордость сатанинская, или разврат; последствия учения их таковы же. Если они успевают закрыть от глаз людских свои нечистые дела, следствия учения их откроют их. *Дела плоти, говорит апостол, известны, они суть блуд, нечистота, вражда, ссоры, пьянство и тому подобное* (Гал.5:19,21). Если не все вместе, то многие из дел таких непременно украшают жизнь учителей лжи, или являются следствиями учения их. Так описывает лжеучителей и апостол, «люди, говорит, самолюбивые, сребролюбивые, гордые, злоречивые, клеветники, невоздержные; враги добра, преданные более сластолюбию, нежели Богу, имеющие вид благочестия, но силы его отрекшиеся» (2Тим.3:1–4). Итак, «по плодам их узнаете их». Учители лжи говорят, мир, мир! но это только слова. Они говорят, что желают общего блага. Но это только слова. Смотрите на дела их, они ищут только своего (Флп.2:4). Разделяют людей в мыслях, поднимают их друг против друга, заводят войну, доводят до сцен кровавых и печального расстройства. Так всегда было! Так всегда и будет!

Еще одно слово о нас самих. Берегитесь лжеучителей, говорит нам Господь... Я не отвечаю, говорит иной, за те понятия, которым научен, в которых воспитан; мое дело быть верным этим мыслям, а за неверность их даст отчет Богу тот, кто сообщил мне их. Да, лжеучитель будет строго отвечать за передачу ложного учения. В этом нет никакого сомнения. Но

несомненно и то, что не оставят в покое и того, кто принимал ложь. Тебе дан смысл, чтобы отличать истину от лжи? Дан. Тебе дана любовь к истине, чтобы отречься от лжи и принимать чистые, святые мысли? Дана. Как же ты считаешь себя не подлежащим ответу за то, что держишься лжи, принятой от другого? *Слепец слепца водит, оба в яму впадут*, сказал Господь (Мф.15:14). Слышите, оба будут в яме, а не один. Апостол говорит, *истины не прияша, во еже спастися им. И сего ради пошлет им Бог действо лъсти, во еже веровати им лжи, да суд примут еси неверовавшии, но благоволивший в неправде* (2Сол.2:10, 13). Страшные слова! Появление учителей лжи вызывается не одною их волею, а волею слушающих, они являются с их пагубою оттого, что не хотят принимать истины, любят неправду, благоволят к нечестью. Как же нужно беречься! Аминь.

Слово в неделю 3-ю по Пятидесятнице

Он же (Фома) *рече им, аще не вижу*
на руку Его (Христа Господа) *язвы гвоздинные*
и вложу перста моего в язвы гвоздинные
– не иму веры (Ин.20:25).

Простота веры – прекрасное дело, с нею так покойно душе. Но не один ап. Фома не довольствуется простым доверием словам других. Многие также, как и Фома, не прежде хотят верить, как испытают и дознают. Грех или не грех – пытливость?

И тем, и другим быть может.

Разум – дорогой дар Божий. Пренебрегать им грешно надобно усовершенствовать его, надобно питать его приличною пищей – познаниями, надобно расширять деятельность его упражнением. Вот главное оправдание пытливости! Но разум есть ли в нас высшая способность, или же служебная? Без сомнения воля выше разума, она располагает всю деятельность души, а, следовательно, и деятельностью разума. Итак, пытливость не должна быть целью для самой себя. Потому-то она может быть и делом святым и делом грешным. Потому-то апостол не с похвалою отзывался об афинянах, «в том только и проводили время, что говорили или слушали что-нибудь новое» (Деян.17:20).

Когда домогаются испытывать не открытое в откровении о Боге, не грех ли это? Зачем касаться того, о чем не сказано там, где сказано все нужное для спасения нашего? Не значит ли это не доверять благодати Божией? Не значит ли это увлекаться, сознательно или без сознания, мыслью, будто разум наш может проникнуть глубже и взойти выше, чем мудрость слова Божия, чем ум Божий? Так грех и грех допытываться ответов на вопросы, что творил Бог, прежде чем сотворил мир? Как Христос Иисус преподается в тайне евхаристии всем и везде весь? Сколько потрачено времени и сил на разрешение подобных вопросов! И все понапрасну, все без плода для души, или точнее со вредом для нее, потому что за бесплодный труд и трату времени будут взыскивать с нас.

Грех допытываться будущей судьбы своей, далее предела положенного. Нам сказано в писании и говорит здравый смысл, что хорошо нам будет, если будем жить хорошо и худо, если станем жить не по воле Божией. Вот открытая судьба наша! Допытываться более подробных ответов – дерзость никогда не безвредная, как оскорбление доверия к промыслу Божию, и как пустая трата времени. Чтобы узнать будущую участь, обращаются к картам, к цыганам, к ворожеям, к магнетизерам, к вызывателям духов, или к стологаданию. Что все это значит? Грешное малодушие, на минуты дерзкое. *Да не обрящется в тебе волхвужа волхвованьем и чаруяй и птицеволшебствуяй, есть бо мерзость Госпovedи Богу твоему творяй сия* (Втор.18:10–12). Вот ясная воля Божия!

Грешна любознательность, жадно читающая книги опасные для души. Кто званием своим обязан узнавать пути лжи и нечестия, например, учитель веры, наставник юношества, тот, хочет или не хочет, читай подобные книги; да и он может безвредно читать их, частью потому, что у него уже готовы против яда лекарства, частью же потому, что помощь Божия обещана служителю Божию. Но к чему всем другим читать опасные книги? Для того, чтобы предостеречь себя от падений самым знакомством с низостью лжи и нечестия? Но в таком случае необходимы твердость ума и твердость воли, чтобы лукавое изложение лжи не увлекло за собою слабой мысли, и обольстительные картины греха не завлекли воли в смрадную грязь. Есть ли у вас твердый ум и твердая воля? Пусть не оскорбятся, если скажем, что самая большая часть страстных охотников и охотниц до книг опасных развратом и пустотою вовсе не знают себя, что они такое, дети ли слабые, но по крайней мере простодушные, или дети, довольно уже испорченные капризами страстей? Если допускаете первое, то надобно согласиться, что безбожно грязнить чистые детские души всякою нечистотой людских глупостей, тем более что так нужно нам время для занятий лучших. Предположим второе? Тогда должны согласиться, что бесчеловечно отравлять больное дитя снадобьями вредными. Хотят лечить себя? Почему же не посоветоваться с доктором, вместо того чтобы глотать, не

понимая, что глотают? «Не будьте детьми умом, говорит нам апостол, будьте на злое младенцами; а по уму будьте совершеннолетними» (1Кор.14:20).

Не умна, не честна, пытливость, когда стараются узнавать тайны ближних своих, не быв обязанными к тому званием. У иных пытливость эта доходит до того, что подкупают служащих у соседа деньгами, ласками, обещаниями, чтобы выпытать то и другое. Отчего это? Отчего эта хлопотливость о другом? Оттого, что о себе вовсе не думают, если бы занимались своею душою, если бы узнавали свои грехи, свои душевные болезни, свою нищету, то не взошло бы и на ум узнавать о соседе. Когда свой дом горит, спешат спасти в нем, что можно, если нельзя спасти всего; не время хлопотать о соседе. Далее, к чему эта пытливость о другом? Для того только, чтобы узнанное недоброе о соседе разгласить везде, передать и другим соседям и каждому встречному. Подобные люди большею частью бывают болтливы и пусты до того, что неспособны говорить ни о чем полезном. Иные же и еще того хуже, дознают о тайнах соседа, с тем чтобы иметь способы вредить ему. Это – уже злость сатанинская.

Свята любознательность, направленная к открытому нам в писании о Боге. *Се же есть живот вечный, да знают тебе истинного Бога и Его же послал еси Иисус Христа (Ин.17:3).* Жизнь вечная – в том, чтобы знать Бога и Спасителя нашего. Как важно для нас такое знание! Для всех ли? Без сомнения для всех. Для кого же не нужна вечная жизнь? Хочется или не хочется нам, вечность ждет каждого и вечность не одинаковая, – покойная для истинно и искренно знающих Христа, знакомых с ним не одною мыслью, а полною душою, – и очень беспокойная, страшная, для не желающих знать Христа. Итак, чего хотите? Без сомнения, покойной вечности! Узнавайте же Христа искреннею душою. Умный христианин не пропускает дня, если не мешают другие обязанности, чтобы не выслушать или не прочесть св. книги, проповедующей о Боге и Христе. Слушать или читать слово Божие – для него самая питательная пища. Для иных скучно, не питательно слово Божие? А что значит, когда и хорошая пища не принимается желудком? Желудок

засорен, – надобно поправить его. Итак, полечите душу вашу покаянием и вам слово Божие покажется райскою пищей. Иначе встретитесь с судным приговором Господа, «люди более возлюбили тьму, нежели свет; потому что дела их были злы» (Ин.3:19).

Свята пытливость допытывающаяся тайн души своей, для её спасения. Дороже душевного спасения, конечно, нет ничего для нас. Но не зная себя, можем ли спасти себя? Нет. Как лечить больного, не зная, что за болезнь у него? Какие поражены его части? Какова степень её? От каких причин явилась она? Надобно узнать все это и надобно потом сообразить, какие и в какой мере дать лекарства. Так многое надобно нам узнать о себе самих. Душа наша больна и при том у каждого своею болезнью, у иных весьма сложною и весьма мудреною, так что много надобно употребить времени, чтобы допытаться до полного значения болезни. Как долго надобно всматриваться в свое сердце, чтобы дознать свои склонности и свои страсти! Надобно доведаться, что в нас есть и чего не достаёт, какие есть добрые качества и каких нет, как охранять в себе доброе и как ослаблять худое. Казалось, так как никого нет ближе к нам, как мы сами, то легче всего нам узнать самим себя. Но беда в том, что от верного самосознания заслоняет нас наше самолюбие с его отпрысками, ему очень не хочется видеть нас в нашем подлинном виде, весьма ненарядном, и оно всячески закрывает нас от нас самих, пороки наши выставляет в виде слабостей извинительных, сомнительные дела называет подвигами геройскими и чего – чего не творить оно с нами! Извольте допытаться правды.

Не грешна любознательность наша и тогда, когда стараемся собрать познания нужные по нашему званию. Если ученый новыми исследованиями усовершенствует свою науку, художник – свое искусство, ремесленник – свое ремесло, это – занятия добрые. При таком занятии каждый из них служит своим дарованием людям и Богу, уменьшает нужды бедного человечества и себе доставляет честным трудом средства жизни. Премудрый говорит, «мудростью строится дом и умением

укрепляется... Прошел я по полю ленивца и по винограднику глупца, и вот все наполнено дурною травою» (Притч.24:3, 30).

Само по себе понятно, что познание предметов нужных и полезных для жизни временной имеет важность очень ограниченную. Дни нашей жизни – коротки, а предметы не грешной пытливости – не одинаково важны. Не умно не только наполнять голову сведениями пустыми и вредными, но и не делать выбора между полезными.

Каковы бы ни были предметы нашей пытливости, надобно полагать меру пытливости. Если жажде пытливости хотят удовлетворять столько, что не хватает времени выполнять другие обязанности, например, обязанность молитвы, обязанность звания, это – уже дело страсти и, следовательно, не дело святое, а грешное. Надобно всегда помнить, что мы живем не для себя, не для своих прихотей, а для Господа Бога. Апостол говорит, «если имею дар пророчества и знаю все тайны и имею все познания и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, я – ничто» (1Кор.13:2). Значит, без святой любви самые блистательные познания – ничтожны. После того нет нужды говорить о том, что грешно жаждать познаний только для земной известности или для земной корысти. Гоняться за ветром занятие неблагодарное, пустое до досады.

Будем жить так, чтобы жизнью нашею славилось великое имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Слово в неделю 4-ю по Пятидесятнице

Ни во Израили толики веры обретох (Мф.8:10).

Чудное явление! Римский сотник и, следовательно, с детства язычник, удостоен такого высокого одобрения со стороны Господа. «Истинно говорю вам, и в Израиле не нашел я такой веры», так сказал Господь о сотнике капернаумском окружающим Его. Без сомнения Спаситель не имеет здесь в виду таких людей, каков был богоприимец Симеон и не многие подобные ему. Но если и большинство Израиля, большинство тех, которым даны были обетования, возвещены пророчества, предложены наставления в вере истинной, не имели такой веры, какую имел римский сотник – не унижение ли это Израилю? не честь ли сотнику? не явление ли это необыкновенное и достойное изучения? Так капернаумский сотник вполне заслуживает того, чтобы рассмотрели мы качества его, для нашего назидания.

Старейшины иудейские, повествует св. Лука (Лк.7:4–5), свидетельствовали о сотнике, «он достоин того, чтобы ты оказал Ему милость, *любит бо язык наш и сонмище той созда нам*». По такому отзыву, сотник столько был внимателен к вечным потребностям души своей, что не смотря на положение свое в свете языческом, не смотря на невыгодные отзывы язычников о иудействе, признал достоинство откровенного учения, – признал искреннею душою, так что построил на свой счет дом молитвы и изучения закона Моисеева.

Да, холодность к вере, равнодушие к Богу, источнику всего доброго и прекрасного, как бы ни были блистательны дарования ума и сердца, показывают в человеке не человека, а что-то близкое к животному или к духу отверженному. Ибо тогда в человеке нет жизни человеческой, также как живой дух человеческий, отличие и украшение человека, не может не любить Бога своего и Его истину. Сообразите после того, что значат христиане, для которых вера лучшая, вера самая чистая и самая высокая, какова вера христианская, – предмет самого холодного внимания, если только не презрения? О земной

жизни, о её удобствах, о её удовольствиях заботы днем и ночью, а о религии святой, если говорят, то вовсе не для нее самой; о церкви Божией, где должны воспитываться и усовершенствоваться все высокие потребности духа, поминают лишь для того чтобы блеснуть умом, в сущности мелким, и отпустить колкости злости на счет служителей её. Любовь к святой вере называют фанатизмом. Если хотите, можете услышать и широкие толки о вере, но о какой? О всякой, только не о преданной откровением Божиим; о всякой, какую кому захочется призвать по расчетам страстей, по произволу ума, состоящего на службе у своеволия. Это называют правом свободы, правом совершенствующегося человечества. О Боже мой! что скажешь Ты на суде Твоем этим христианам? Кровь Сына Божия, пролитая за людей, ни во что вменена. Евангелие, возвещенное в сопровождении стольких чудес, оказалось не нужным, оно заменено торговыми книгами или произведением ума, опьяневшего от своеволий. Напрасно были посланы апостолы во вселенную; напрасно воспитаны св. Духом отцы и святители церкви! Братия! люди заставляют природу духовную считать за одно и тоже истину и ложь, святость и нечестие, путь жизни и путь погибели, но природа, оскорбленная насилием, грозно отмстит людям за себя в свое время. Это так верно, как верно то, что мы существуем. Это так верно, как верно то, что есть Бог правды, Бог всемогущий и грозный против нечестия.

Другая черта, указываемая евангелием в капернаумском сотнике, это его сердечное сострадание к больному служителю своему. Он просит старейшин иудейских упросить Врача о помощи (Лк.7:4), поручает передать Господу Иисусу просьбу его, «слуга у меня лежит дома расслабленный и жестоко страдает» (Мф.8:6). Какая нежная любовь к слуге звучит в этих словах! Сколько забот о больном рабе!

Братия! Апостол говорит христианам, «если кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (1Тим.5:8). Что это значит? Отчего такой строгий приговор не милосердому христианину? Оттого, что отличие христианской веры – любовь. *О сем познают вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою*, сказал

Господь наш. Потому если христианин не имеет любви заботливой о счастье другого, он не христианин, в нем нет существенного отличия христианина. поскольку же и лучшие язычники оказывают сострадание к несчастным, то несострадательный христианин – хуже и язычника. Так христианский начальник, христианский господин, христианский хозяин дома должны заботиться о здоровье и счастье служащих и подчиненных, должны помогать им в их нуждах, сколько могут. Они должны твердо помнить, что подчиненные их – братья им по природе и во Христе и что милосердый Господь усвоит себе то, что сделано будет для этих невидных людей. «Алкал я, скажет Он на суде, и вы не накормили; жаждал и вы не напоили был наг и не одели; был странником и не приняли Меня; болен и в темнице был и не посетили Меня.... поскольку не сделали вы сего одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Мф.25:42–45). О! худо будет душам черствым и холодным, мухам и слепым для скорбей братьев своих!

Сострадание к больному слуге заставило сотника искать помощи для него. Но где взять помощь? Он слышал о чудесах галилейского Учителя и вероятно сам был очевидцем некоторым из них. Душа его уже признавала в Нем чудотворца. Любовь сострадательная, заботливая о больном слуге, расширила веру его в Чудотворца. «Господи, говорит он Иисусу, слуга мой лежит дома расслаблен и жестоко страдает». – Можно бы принять воззвание, «Господи», за выражение почтительной учтивости, но не в устах сотника благоговейного и верующего. Он считает довольным сказать о сильной болезни слуги и уже уверен, что без просьбы его благий Господь примет участие в больном и мощный Чудотворец исцелит его. Вера его в Иисуса так была высока, уважение его к Нему так было велико, что по его вере стоит Господу Иисусу сказать слово и слуга его будет здоров. «Хотя я и подвластный человек, говорит он, но имея подчиненных, скажу одному, поди и идет, и другому, приди и придет, и слуге моему сделай то и делает» (Мф.8:9). Твое ли слово не выполнится? Скажешь больному, будь здоров, и будет здоров. Сотник признает в Иисусе всемогущего властителя над природою, Того владыку, которому все покорно.

Христиане! зачем мы жалуемся, что нас тяготят скорби не облегчаемые, несчастья неотвратимые? Если бы молились мы с такою же вседушевною верою, с такою же глубокою искренностью, как молился сотник, не тяготили бы нас скорби. «Не сотворил там (в своей отчизне) многих чудес по неверию их», свидетельствует евангелист (Мф.13:58). Мы столько же малодушны бываем в несчастьи, сколько самонадеянны в счастье, а то и другое от того, что нет в нас искренней, благоговейной веры в Господа. Гордость наша столько же труслива бывает в бедах, сколько заносчива в часы покоя, вере святой, надежде, обращенной к Господу, нет в нас места. Слово Господа непреложно; если имеете веру с зерно горчичное, то скажите горе сей, двинься с места и сдвинется. Все, чего ни попросите у Отца Моего с верою, дастся вам». Так будем молиться искренно Господу, будем молиться всею душою и – всемогущая благодать подаст все нужное нам для времени и вечности. Будем молиться, как молился сотник. Господи! Тебе все возможно и, если благоугодно мудрой благодати Твоей, последи помощь Твою. И помощь будет послана, в том или другом виде.

Евангелие указывает еще высокое качество в сотнике – глубокое смирение, качество всего более нужное для нас грешных. Сотник был лицом почетным по званию своему; а римский сотник в Иудее значил очень много, участь города была в его руках. Капернаумский сотник снискал себе и другое величие, кроме величия власти, за его услуги, за его благодеяния местные иудеи высоко уважали его. И при такой силе власти, при таком общем уважении сотник понимал духовную свою бедность, как очень немногие. Когда Господь Иисус сказал, «Я приду и исцелю слугу», сотник отвечал, «Господи! не трудись; я не достоин, чтобы Ты вошел под кров мой». Так мало он о себе думал! Так смирение его не земное вошло в спор с благодатью небесною, признавая себя не стоящим посещения её.

О! Боже мой! и я, приступая к великому таинству Твоему, говорю устами, «несть достоин, да под кров мой внидеши». Но это говорят уста, а сердце? Ох! оно холодно и немо. Оно не трогается, оно не содрогается от мысли о безграничном величии

Твоем и о недоступной святости Твоей. Оно не трепещет от ужаса пред тяжестью грехов и беззаконий моих. *Боже! Милостив буди мне грешному!* Друзья мои! когда приступаете вы к св. причастью, будите душу свою от бесстрашия, старайтесь восчувствовать гнусность грехов и нечестий своих; трепещите пред величием Того, кто идет под кров души вашей. Кто мы и кто Он? Если бы и не было у нас грехов более, чем волос на головах наших, кто мы пред Беспредельным? Что у нас своего, кроме грехов? Дарования ли ума? Доблести ли воли? Почетные ли звания? Богатство ли? Здоровье ли? Красота ли? Все, все – не наше. И к тому же за все это должны мы дать отчет Господу; должны отвечать, так ли, на то ли употребили бы данные дары, на что даны они? Как же не безумна в нас каждая мысль гордая? Как не преступно каждое движение самоуслаждения? У каждого из нас страдает болезнью расслабления душа его, которая выше всех благ мира. Господь хочет войти в дом души его, готов внести жизнь и силы в расстроенный организм. Надобно только, чтобы душа искренно сознала, живо чувствовала свою немощь, сокрушалась о грехах своих. Тогда душе сказано будет, *яко же веровал еси, буди тебе.*

Усвоим себе качества капернаумского сотника, одобренного Господом. Усвоим любовь к святой вере, любовь к несчастным братьям, веру живую и смирение святое. Тогда и каждому из нас скажет Господь в вечности, *яко же веровал еси, буди тебе.* Аминь.

Слово в соборном храме

Приидите, чада, послушайте мене,
страху Господню научу вас.

«Мы будем развивать умственное и нравственное образование в детях; до религиозного нам дела нет». Так сказал кто-то недавно из числа молодых педагогов.

Если новый педагог только не считает себя довольно сведущим в истинах святой веры, чтобы быть наставником веры, признание его – дело умное и доброе. Смешно учить тому, чего сам не знаешь. Или нет, не смешно, а страшно, дело идет о вечном спасении или вечной гибели людей. Ответ за неуспех в таком случае не может быть легким. *Горе глаголющим лукавое доброе, и доброе лукавое (Ис.5:20)*. По любви христианской нельзя желать, чтобы кто-нибудь явился в разряде тех учителей, *ихже, по суду апостола, подобает уста заграждати, иже вся дома развращают, учаще, яже не подобает, скверного ради прибытка (Тит.1:11)*. Учить благочестью – не легкое дело. Напротив, легко быть может, что вместо благочестия научить нечестью, если не словом, то примером. Один из искренних священников, умирая, говорил, «если бы знал я, что такой строгий ответ надобно давать за прихожан, согласился бы быть до гроба, пастухом овец, а не принял бы на себя сана священства». Так в этом смысле слова педагога прекрасны.

Но если он думает, что можно давать правильное образование, умственное и нравственное, без веры, он ошибается, во вред себе и других. Где свет для ума, если не в вере? Где прочные начала для жизни, если не в христианском учении? Французская революция показала на деле, что без святой веры люди становятся зверями; бьют и режут людей, также спокойно, как и животных. В опытах видели, что для людей без веры не святы ни семейное счастье, ни гражданский порядок, ни закон, ни правительство. Да и как быть иному? Кто не боится Господа Бога, в ком нет ни капли страха Божия, может ли тот уважать что-нибудь на земле? Он и собою дорожить не

более, как червем. Да, познание веры, воспитание в духе святой веры необходимо для каждого, без него невозможно никакое совершенство человека. ни умственное, ни нравственное. Без Бога немыслимо ничто, и без жизни для Бога невозможна правильная жизнь ни ума, ни сердца. Образование ума и сердца, без воспитания религиозного, мало назвать мечтою, *это – несчастье для человека и общества. Общества, которые допускают педагогов-безверов, – жалкие общества.* Там, где вся забота устремлена не на связь человека с Богом, а только на связь его с миром, может образоваться только человек мира, человек времени, человек земной, но не тот, который создан по образу Божию. А стоит ли такой человек имени человека? Безбожие мертвит, убивает дух человеческий, а вера, и только одна вера, животворит его, соединяя его с Богом, источником всякой жизни. Нравственные внушения людские, без веры, сухи и холодны, непрочны и изменчивы, как все временное. Только вера нисходит в самое сердце человека и возбуждает в нем готовность, одушевляет его твердостью – жертвовать всем для добра. Потому воспитание религиозное должно начинаться никак не позже умственного или нравственного.

Говорят, «мысли о Боге и Его откровении слишком высоки для дитяти; оно еще слабо, неспособно понимать эти мысли. Пусть приводят человека к Богу тогда, как разовьется ум его».

Но те, которые считают веру недоступною для души дитяти, не понимают своей души и её отношения к вере. Давно сказано одним учителем веры, «душа наша – по природе христианка». Жизнь религии начинается вместе с жизнью души. Первое пробуждающееся в человеке чувство есть пробуждение в сердце религии. Первые ощущения привязанности его к отцу и матери – явления религиозные. Развивайте эти начала религии, воспитывайте эти семена благие, посеянные самим Творцом, и вы увидите пред собою дитя умное и доброе. Ум дитяти не может усвоить себе истины веры на столько, чтобы давать в них отчет само мыслительный. Но в нем живы память и воображение чтобы усвоят себе начала веры. Разум дитяти слаб, но за то свободен от тумана, наводимого предрассудками

и страстями; потому в его мыслях отражаются образы веры в их чистом и целом виде, вера принимается не столько умом, сколько сердцем. Чистые сердцем зрят Господа. Сердце дитяти чисто, как зеркало, нежно как воск, и потому оно легко принимает наставления веры. Справьтесь с опытом; опыт скажет вам тоже. Добрые отец и мать молятся после обеда, или пред сном; ребенок, смотря на них, делает тоже. Мало того, он спрашивает отца или мать, кто такой Бог? Добр ли Он к нам? Если родители умны, как легко им нежную любовь ребенка к ним самим возвышать до любви к Отцу небесному! Как легко им простые вопросы ребенка о владельце дома, села, обращать в ответы о Владельце неба и земли! Дитя с наслаждением слушает такие разговоры родителей, они близки к уму и сердцу его; оно и спрашивает о таких предметах с любовью и слушает ответы с радостью. Зачем же хотят делать насилие влечениям доброй детской души? Почему отказываются развивать добрые семена, посеянные Творцом души нашей?

Другие говорят, «какие за детьми грехи? От чего остерегаться их?» Правда, – детский возраст – возраст невинности, в сравнении с другими возрастами. Но так ли он невинен, как кажется иным? Отцы и матери не налюбуются детьми своими, но не слишком ли много они любят? Присмотритесь к нравственному миру юной молодежи? Нет ли в нем побегов зла? Не заметите ли в детских шалостях подготовки к крупным преступлениям? В юных возрастах не видно ни пьянства, ни воровства, ни дикого насилия и т.д. Но если мальчик привык часто ссориться с другими за безделицу, а под час и поколотить их, думаете ли вы, что в зрелых летах он не отделает так своего соседа, что попадет и под суд? Точно тоже должны вы сказать о других семенах ала. А как ловко умеют дети притворяться, скрытничать, лицедействовать? К каким сложным хитростям прибегают они, когда хотят обмануть мать или отца? А капризы своенравия, а упрямая стойкость в своем – добрые плоды души? Как же вы, любя детей, хотите оставить их без того воспитания, которое так зорко смотрит за всеми, самыми малыми, движениями зла?

Откладывать религиозное воспитание человека до позднего времени – значит подвергать его крайним опасностям. Это значит предоставлять свободу развиваться в нем злым семенам и еще под влиянием самого возраста, столько незрелого для добра. Всего легче соблазнить душу дитяти, она так проста, так восприимчива. Дитя не знает по опыту пагубных последствий заблуждения, и порока; оно не подозревает ни в ком обмана и отдается каждому впечатлению. Потому, если сердце его не ограждено страхом Божиим – оно легко может увлекаться влияниями зла. Вступая в свет, оно встречается и с людьми худыми, и с предметами, возбуждающими худое в душе. Что спасет его от падений, если не посеяны в нем истины святой веры, не воспитаны чувства благоговения пред Всевышним? Не увидите в нем Иосифа, твердого пред лицом соблазна, Иосиф с детства проникся любовью к Богу, и потому отвечал соблазну, *како сотворю глагол сей злый и согрешу пред Богом?* (Быт.39:9). Если в детском возрасте усердно посеяны в душе человека семена благочестия, – пусть в лета бурной молодости он по временам и будет увлекаться на сторону зла, но, когда ум его начнет зреть и неприятные встречи жизни станут приводить его в себя, с какою силою заговорят в душе его наставления, слышанные в детстве! Как разовьется в нем жизнь прекрасная, дотоле ослабляемая порывами легкомыслия! Но не ожидайте ничего подобного от того несчастного юноши, который с детства своего ничего не слышал и не знал о святой вере, а семенами злого мира щедро был засеваем. Надобно заботиться о том, чтобы в самом первом возрасте не были внушаемы нежным душам какие-либо мысли, не совсем согласные с чистым учением христианским, иначе на доброй почве возрастут засеянные плевелы, и когда будет сеяться слово Божие, оно может остаться бесплодным; дорогие, небесные ростки его подавлены будут прежде выросшими терниями заблуждения и греха. Слишком позднее, или в дни детства небрежно преподанное наставление в вере не имеет верного, спасительного действия надушу. Не свыкшись с истинами веры, она легко падает под первыми нападениями дерзкого сомнения. Чтобы проникнуться высочайшими

истинами, душа должна теперь бродить по тернистым путям сомнений и мучиться над решением вопросов пытливого ума. А если бы в сердце её с детства жила благоговейная любовь к предметам веры, эта любовь облегчала бы для ума решение вопросов его; он легко находил бы подтверждение верованиям сердца в истории человечества, в книге природы, в устройстве души нашей. Без того ум принужден испытывать борьбу с неизвестностью, чтобы дойти до покоя; должен повторять ошибки, давно признанные ошибками на носить раны душе, чтобы лечить ее; а бывает, что, измученный трудами, становится он добычей уныния, и для развлечения отдается на волю чувственных веселостей и наслаждений низких, и является полное одичание души. Печальная картина!

Кого нам слушать надобно? Людей или Бога? Наука самых умных людей – не надежна. Такова она во всех случаях! Такова она в отношении к воспитанию детей! То ли дело – наука Божия? Люди считают детей неспособными к принятию уроков веры. Обманываются они. Высший наставник наш, Господь Иисус, всеведущий и мудрость вечная, не только не считает детей неспособными к усвоению внушений веры, напротив говорит, *таковых есть царство небесное* (Мф.19:14). Чему велит учить детей откровение Божие? *Отцы, внушает апостол, воспитывайте чад в наказании и учении Господни* (Еф.6:4). *Без пророческого учения не обуздан народ, а храня закон блаженствует* (Притч.29:18). Так говорит боговдохновенный мудрец.

Отцы и матери! если вы любите детей (а как вам не любить их?), прежде всего и более всего заботьтесь, чтобы они с ранних дней своих воспитывались в страхе Божиим. От того зависит их счастье, временное и вечное. От того же зависит и счастье отчизны вашей, которым должны вы дорожить. Если вы любите самих себя (а как не любить себя?), бойтесь пренебрегать религиозным воспитанием детей ваших. С кого взыщется гибель ваших детей? С вас. С вас взыщет Господь, если дети ваши, за которых пролита кровь Сына Божия, по вашему небрежению о них, погасят в себе искры святой веры и явятся свирепыми дикарями в христианском обществе. Горе, горе вам!

Там, за гробом, собственные дети ваши будут призывать на вас
мечь правды Божией.

Слово в Топальском храме

Аще кто в слове не согрешит, сей совершен муж (Иак.3:2).

Дар слова – высокое отличие человека. Но люди так незадумчиво обращаются с этим даром, что нельзя не усомниться, ценят ли достоинство этого дара, или же употребляют его, как попало. Апостол Иаков признавал делом только совершенного человека не грешить словом, *аще кто в слове не согрешает*, говорил он, *сей совершен муж*. Так важно правильное употребление высокого дара слова.

Как же надобно пользоваться даром слова?

Для чего дан нам дар слова? Неуместное, говорят, дело допытываться, для чего дан? Мы видим, что дан – и только.

Жаль, что не видят более того. Уже давно отсылал Господь подобных мудрецов поучиться у бессловесных. *Позна вол стяжавшего его и осел ясли господина своего, Израиль же Меня не полна* (Ис.1:3), так говорил Господь Израиллю. Да, стыдно человеку стоять ниже бессловесного; стыдно не признавать того, что дар слова, как и все дары Божии, нам дан для славы имени Божия. Всеведущий не имеет нужды в том, чтобы мы открывали Ему мысли и чувствования в словах; но мы имеем в том нужду. Слабые чувствования наши становятся сильными, когда возбуждаем их словами, и за словами хвалы имени Божию идет в след и сердце со своею хвалою. Да и одною ли душою должны мы служить Господу? *Вся кости моя рекут, Господи, Господи, кто подобен Тебе? Душа, полная мыслей о величии Божиим, говорит: хвалите имя Господне, хвалите раби Господа* (Пс.134:1). О! как можно иначе говорить о Боге, как не с благоговением глубоким, как не словами хвалы и благодарений? И какое занятие более достойно человека, как не прославление имени Божия? Согласитесь же, что если людей, посвящающих себя молитве и хвале Божией называют людьми пустыми, то это не менее, как печальное оскорбление здравому смыслу. Ныне много охотников говорить и устно, и письменно. О! если бы все эти страстные охотники до слова и

гласности страстно любили славу Господа своего! Если же большая часть слов рассыпается вовсе без мысли о Господе, вовсе без страха Божия в сердце, пусть извинят за слово не мягкое – эти потоки звуков не выше, не умнее мычаний бессловесного. Презрительные возгласы против веры, насмешки над святым, обличают более, чем непонимание веры, – обличают потерю человеческого вкуса.

Мы хотим, говорят, очистить веру от старых предрассудков; а на деле у них заботы только о нуждах страстей грязных. Не жалкое ли это извращение души бессмертной? Другие, для того чтобы оправдать бессильную неправду, призывают Бога во свидетеля, клянутся во лже, как будто Всесвятой защитник лжи и грехов их. Не хула ли это имени Божию? Не призывают ли тем гнева Божия на нечестивую голову свою? Иные веселы до забывчивости, пока улыбается им счастье; но теряют голову в несчастии, и поднимают ропот на провидение Божие, изрыгают хулы на Бога и Его распоряжения. Пусть удержат нечестивый язык свой. Пусть придут в себя. Также как иные несмысленно говорливы к бесславию имени Божия, другие становятся немыми, когда слава имени Божия требует слова их. Ложный стыд, человеческий страх, апатия к добру налагают молчание на уста, тогда как надлежало словом правды остановить легкомыслие, обуздать наглость в их хулах имени Божию. Молчат и молчанием подписывают свое согласие с нечестием. Боятся за себя, боятся неудовольствий со стороны бессмыслия, и становятся на сторону бессмыслия. Как это низко! Как это преступно! Кто постыдится Меня и Моих слов, того постыдится и Сын человеческий, когда придет в славе своей. Так говорит нам Господь.

Язык – средство передавать наши мысли и чувствования другим; в распоряжении разумного существа, назначенного для вечности, он средство – служить другим для вечности. Язык средство – открыть ближнему неизвестную истину, укрепить слабого в добре, предостеречь ошибающегося, утешить печального. Все совершенство, все счастье наше и ближних зависит от выполнения воли Божией в нас. Слово наше – могущественное пособие выполнению всесвятой воли Божией в

нас. Как много, как часто, может каждый делать доброе другим словом своим! Каждый день являются случаи удержать другого от опасностей греха, облегчить его беду, умножить его радости. Но так ли бывает между людьми?

Язык должен доставлять утешения ближним; а как часто придумывают остроты, чтобы как можно больнее уязвить другого. Грабитель отнимает у других имущество, дело черной души. Более ли красивы, более ли человечны дела клеветы, которая отнимает у другого доброе имя, а иногда и счастье всей жизни? Пусть же помнят, что, по суду апостола, *клеветники царствия Божия не наследят* (1Кор.6:11).

Горе сшивающим возглавийцы под всякий локоть руки и сотворяющим покрывала над всякую главу всякого возраста, еже развратити души. Так говорит Адонаи Господь (Иез.13:18). Что делают, как не развращают души, когда тяжкие грехи, гнусные грехи, представляют в таких образах, что те оказываются чуть-чуть не добродетелями, когда преступления, вопиющие на небо, называют не более, как слабостями извинительными? Не значит ли это вести других за руку в ад? Простодушная невинность гибнет от слов жалкой слепоты людской. Апостол говорит: *язык – не великий член, но делает великие вещи; вот небольшой огонь, который, однако, истребляет весь лес, и язык – огонь* (Иак.3:5–6). Какой это язык? язык страстей. Слепой эгоизм, погоня за ветром мирским, жадное своекорыстие, не понимая ни себя, ни других, поднимают шум, чтобы расстроить все связи мирной жизни, ослабляют законное повиновение родительской власти безглазому дают права зрячего и губят счастье тысяч. *Всяко слово гнило да не исходит из уст ваших, но точию еже есть благо, к созиданию веры, да даст благодать слышащим* (Еф.4:29). Гнилое слово – плод гнилого сердца, и оно может вносить в сердца только гниль и порчу.

Самое печальное злоупотребление языка – обман, ложь с целью воспользоваться ошибкой другого. Есть люди, которые хвелятся тем, что умеют обманывать. Есть люди, которые считают ложь дозволенным делом для некоторых случаев. Жалкие дела! Христиане лучшие, христиане первых времен,

были не таковы, они не допускали, они не терпели, ни для каких случаев, ни лицемерия, ни коварства и никакой-либо лжи. Бог – истина, и Им созданы мы для истины. Все несообразное с истиною и правдою – предмет отвращения Божия. Совесть, чувство внутреннее, говорит каждому против лжи, лжец невольно стыдится, когда уличают его во лжи. Для какой бы высокой цели ни допускали ложь, она всегда преступна. Так учит откровение Божие. *Лживые уста – мерзость пред Господом (Притч.12:22)*. Ложь от диавола. Он не устоял в истине, *ибо нет в нем истины, когда говорит ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи (Ин.8:44)*. *Не лгите друг на друга, совлекшись ветхого человека с делами его (Кол.3:9)*. *Оставив ложь, говорите каждый правду другому (Еф.4:25)*. Ложь – сильное препятствие для вселения благодати в сердцах наших. Дух святой, источник благодати, не терпит лжи, Он Дух истины и любит только истину. Потому ложь также несовместима с благодатью, как тьма со светом. Пусть ложь допускается по нужде, во все она вражда против благодати. Пусть ложь не наносит чувствительного вреда другому; но она в душе, допускающей ложь, производит вред, ослабляя любовь к истине. Так будьте правдивы и искренны в слове, во всяком случае. Слова изысканные, притворно-любезные, притворно-почтительные приятны на вид, но не фальшивы ли они? Они вводят в обман, одурают других. И они же, как ложь, едкий чад, который удаляет от души благодать Святого Духа – Духа истины.

Люди сыплют слова, не думая о том, что делают. Апостол говорит: *аще кто мнится верен быти в вас и не обуздывает языка своего, но льстит сердце свое, сего суетна есть вера (Иак.1:26)*. Это значит, если кто не удерживает языка своего, но тешится словами своими, обманываемый движениями самолюбия, тот напрасно думает видеть в себе что-нибудь доброе. Какое тут благочестие, когда с языка потоком льются из нечистого сердца глупости и нечистоты? Господь говорит, «добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе; а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от полноты сердца говорят уста его»

(Лк.6:45). Пусть говорливые уста и не движется испорченным сердцем, но сколько льется из них пустых, бесполезных слов! Они никому не вредны? Не вредны тому, кто слушает их, но вредны тому, кто говорит их. Так судит Тот, Кто будет судить всех нас. «Сказываю вам, говорит Он, за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда. Ибо от слов твоих оправдаешься и от слов твоих оудишься» (Мф.12:36–37). Каждое пустое, бесполезное слово, которое не служит ни к славе Божией, ни к пользе ближнего, подвергнется суду, за него придется давать отчет и выслушать осуждение. Это подтверждает Господь и в последующих словах, если, говорит, слова твои не были пустыми, а служили к славе Божией, они доставят тебе радость; иначе же ожидай вечного горя, слова – дела твои, в твоей воле говорить или молчать. Содрогнемся же за самих себя.

Один подвижник сказал о себе, «каждый раз, как разговаривал я с другими, находил себя худшим, чем был наедине». Конечно, это – частный опыт; но он повторяется гораздо чаще, чем думают люди; все мы склонны к худому и каждый по-своему. Потому-то во всяком случае надобно поверять себя, что вынесли мы из разговора с другими, и, если беседа была злая, нанесла вред душе, должны уклоняться от таких бесед.

Надобно приучать себя к тому, чтобы, прежде чем говорить, увериться, следует ли говорить и как говорить; надобно поставлять себя пред судом Божиим и дознавать, не будем ли осуждены им за слова свои. При таком испытании не будет места болтливости и наглой дерзости; при нем будем говорить только святое и полезное.

Бог благодати да дает нам служить словом в Его славу и в спасение свое и ближних. Аминь.

Топал, июня 17.

Слово в день святых апостолов Петра и Павла

Всем бых вся, да всяко некие спасу (1Кор.9:22).

Так подвизался прославляемый ныне апостол Павел! Полный любви ко всем, пламенея желанием привести ко Христу как иудеев, так и язычников, он обращался с иудеями, как иудей, с язычниками, как язычник, с немощными, как немощный. Всем быть вся, говорит он, да всяко некие спасу. Чудная широта любви Павловой!

И эту-то любовь, снисходительную ко всякому для его спасения, иные хотят признавать за одно с равнодушием к вере! Странные мечты времени! Говорят, нетерпимость в вере – оскорбление человечеству; пусть каждый верит по-своему! Терпимость в вере – дело умное и благое. О том ни слова. Но равнодушие к вере – нечестие.

Проповедники безразличия в вере выдают себя за поборников счастья и совершенствования общего – за друзей человечества. Напрасно, они гасители света, враги общего счастья.

Ни счастье общее, ни нравственное совершенство невозможны на земле, когда предоставляют каждому жить по желаниям испорченной природы. Чего ожидать для людей, когда снимают с страстей самую прочную узду – правила святой веры? Вера – душа народа. Когда гаснет она в народе, то он превращается в безжизненный труп, быстро разлагающийся, предающийся тлению. При равнодушии к вере, ум, неодушевленный высокими побуждениями, лишенный твердых оснований да деятельности душевной, будет идти не вперед, по прямому пути истины, а станет блуждать по разным распутиям, не понимая, где он бродит, и куда идет.

Возможно ли тут совершенствование? Возможно ли заботиться лишь о неприкосновенности свободы каждого, без понятия и без заботы об истинной свободе? Это значит требовать совершенного равнодушия к счастью и несчастью ближних, полного равнодушия к их судьбе. Это ли любовь к другим? Если бы я спокойно смотрел на то, как огонь

истребляет дом соседа моего, а ни шагу не сделал, чтобы спасти из дому его что-нибудь, уже ли и тогда я друг соседа моего? Что же значат заблуждение ума и страсти сердечные для бедного человечества, как не пожар, самый страшный? И к этому требуют равнодушия? Нет, не сердечное желание счастья и совершенства для других, а холодный эгоизм, бездушное своекорыстие, нечестивая жажда жить только самому покойно и весело, хотя бы другие гибли, вот тайные, но подлинные учителя безразличия в вере! Пусть не обманывают ни себя, ни других нарядом чужим; любовь истинная, любовь чистая к другим не ограничивается ни местом, названием, ни народностью – она обнимает иудея и язычника, магометанина и последователя Христова, но почему? потому, что любить и уважать в каждом образ Божий. Отселе понятно, что любовь истинная не может уважать в человеке то, что вошло в него не от Бога, что оскорбляет в нем Господа, что губить самого человека. Любить и лелеять последнее, значило бы желать пагубы другому и это возможно только для индифферентиста, но не для друга человечества, любовь к ошибающемуся брату заставляет меня скорбеть о его печальном положении, заставляет изыскивать средства вывести его из заблуждения, не быть холодным к его положению. Дорог душе падший брат мой, и потому-то говорю ему, встань, брат, иди к Отцу, ожидающему тебя.

Говорят, живи хорошо, и всякая вера будет хороша. Нет, нельзя жить хорошо, если вера плоха. Если в вере нет сильных побуждений к святой жизни, то жизнь не будет святою, а слабою и худою. Если вера говорит, не нужны подвиги, а нужна только вера, нужно рассуждение ума, великих Павлов, великих Антониев – не ищите в истории этой веры; их не было и быть не может. Если вера освящает леность и боготворит самость, чего ожидать от жизни, как не пороков своекорыстия и плотоугодия? Жизнь язычника была грязна от того, что боги его были грязны. Не ожидайте ничего другого для людей и их обществ, кроме расстройств и бед, если ум испорчен мыслями ложной веры. Ум – начало жизни душевной, и с его порчею неотразима порча всей души. Жизнь душевного организма начинается мыслью,

мысль пробуждает чувства и располагает волю. Если мысль твоя ложна, то и чувства, и расположения воли будут нечисты и неверны; по тому, чем чище мысли веры, чем духовнее помыслы о Боге и человеке, тем и жизнь совершеннее. Потому требование, «живи хорошо, прежде чем узнаешь веру», требование, лишенное смысла, требование ума темного, не дающего себе отчета в словах.

«На земле, говорят, так много вер, так много путей, что не знаешь, чего держаться, покойнее всего идти путем, на какой кто попал».

Как? Вечное спасение свое предоставляют на волю случая? К чему же дан смысл человеку? К чему дана рассудительность? или ум наш – звук без значения? В вещах житейских пользуются им и получают от него много услуг, отчего же не пользоваться им в деле вечного спасения? Обдумывают же и с успехом, что может быть полезным, или вредным, для здоровья, для чести, для счастья! Как же не хотят быть рассудительными в деле крайней важности, от которого зависит вечная участь? Святые не рождаются на земле, а они образуются подвигами самоиспытания, занятиями усильными ума и воли. Родятся люди язычниками, рождаются иудеями; но странно думать, что рождение язычника от язычника обязывает его оставаться язычником до гроба; странно забывать, что размышление дает правила для жизни, достойной человека, а добрая воля принимает и выполняет их (Рим.1:19, 28, 2:14).

Освятят безразличие вер? Понимают ли, что делают с тобою? – оскорбляют в себе природу человеческую. От нее требуют, чтобы для нее было все равно – истина и ложь, святость и нечестие, путь жизни и путь гибели. Это уже слишком много; это насмешка над смыслом человеческим, покушение отнять у человека всякий смысл. Почему не быть одинаковым к той и другой стороне? Оттого, что это невозможно. Одно из двух, или душа моя на стороне веры, на стороне истины, или она против веры, против истины, там и здесь быть мне нельзя. Проповедники безразличия в вере тоже показывают своим опытом, своими делами. Не находясь душою на стороне веры, они восстают против преданных вере не

только дерзким словом, но и делом насилия и жестокости; безразличие у них только на языке, а в душе – презрение и ненависть к истине и святой вере. Присмотритесь ближе к делам их, и дела покажут, что у них на душе, у них не достает спокойного терпения и на столько, чтобы оставить без резкой, без злостной выходки два три слова, сказанные вами в защиту истины и в обличение ошибки их.

Если и возможно равнодушие к истине и лжи, то не иначе как болезнь души, болезнь страшная. Больному всякая нища кажется безразличною, и кислая, и сладкая, и горькая, и соленая, отчего это? не от того, что пища такова, а оттого, что бедняк потерял вкус, у него расстроен желудок, его пожирает огонь. Таково же состояние души индифферентиста. Преобладание страстей чувственных, жажда жить весело на земле расстроили душу его, и она потеряла вкус к сладостям небесным. Пусть же он пригласит врача духовного исцелить болезнь его, но ненормального состояния своего пусть не желает для других, если есть еще в нем совесть.

Говорят, «высшие истины, – истины, служащие предметом веры, доступны ли для ума? Если нет, то для чего поднимать из-за них споры?»

На первый взгляд – умилительное смирение ума; но всмотритесь ближе, и откроется гордое лицемерие. Не к тому приводит искреннее сознание того, что у нас есть и чего нет. Опыт говорит нам, что в человеке есть непреодолимая потребность решать вопросы веры. И тот же опыт говорит, что хотя не достает в нас сил решать все высшие вопросы веры, но есть приемлемость к решениям готовым, есть возможность усвоить себе наставления неба. Если же так, то что остается нам делать? Остается не заглушать в себе холодностью и небрежением стремления духа к решению высших вопросов. Нет, искреннее сознание в слабости ума заставляет нас искать помощи у неба, побуждает дознавать наставления истинного откровения Божия, изучать подлинную волю Божию о нас, со всем благоговением и ревностью. Вот что значит искреннее, истинное смирение ума! Искренно ли говорят о слабости разума проповедники безразличия в вере? Нет! – вовсе не то у них на

уме, не то на душе. Они только прикрывают в себе желание гордого своеволия – не принимать ни чьего закона и живя так, как хочется; а жить им хочется и живут они только по влечениям животной природы, без мысли и заботы о вечности и Боге. В другое время они прямо говорят, «только то и должно быть признаваемо истинным, что оказывается таким, по моим соображениям, полезным для моей личности». Помощи небесной они не ищут и не желают, они довольны собою, как нельзя более. Судите же, не отвратительно ли это лицемерие гордости, одетой личиною смирения?

Равнодушие к вере святой, оскорбляя все лучшее в душе нашей, означает страшное нечестие души против Господа. Только нечестивое неверие может думать, будто для Бога, ума чистейшего и благодати вечной, все равно, идешь ли ты путем лжи и нечестия, или путем чистой святости. Не послал ли Он Сына своего на землю показать людям верные пути к небу? Не послал ли Сын Божий избранных учеников проповедовать евангелие Его всей вселенной? Не установил ли Он на земле церкви своей *в столп и утверждение истины*? Вот где воля Божия о людях! Испытайте писания, в них жизнь вечная. Испытайте писания, но не без руководства опыта, не без руководства церкви. Вы плодите множество производив с именем вер. Это дело вашего произвола. Бог не того желает, Он открыл волю свою спасающую. Он – един, и вера Его – одна. Если не все люди принимают высокое средство ко спасению – открытую небом истину, кто виноват в том, кроме самих людей? Они не принимают его, от того, что не хотят принять; а не хотят оттого, что нажитыми привычками, вековыми страстями подавляют в себе приемлемость к высшему добру. Пусть же не хулят благодати небесной, желающей для всех спасения.

Одобрено ли безразличие в вере в откровении Божиим? Нет. *Иже несть со Мною, на Мя есть, и иже не собирает со Мною, расточает* (Мф.12:30), сказал Господь наш. *Аз семь путь, и истина, и живот, и никтоже приидет ко Отцу, токмо Мною* (Ин.14:6), сказал Он же. Возможно ли более ясное учение о необходимости одной веры для спасения, именно веры, возвещенной Им? Он допускал сообщение с самарянами,

которых иудеи считали врагами своей веры и отвращались. Ученики его, еще не вполне знакомые с духом учения Его, хотели низвести огонь на самарян, не принявших Учителя их. Но Господь удержал их от того и сказал, *не весте, коего духа есте* (Лк.9:55). И, однако, не показывают ли нечестия в холодности к вере грозные обличения, которые изрекал Он на неверующие грады? (Мф.11:21–22). *Если и церковь преслушает брат твой, пусть будет он для тебя то же, что язычник*, говорил Господь наш. Точно так же учили и поступали апостолы. По их наставлениям, ни чего нет общего между Христом и велиаром (2Кор.6:15), между христианством и язычеством. *Аще мы или ангел благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал.1:8), говорит святой Павел. Вот как нужно единство в вере! Вот как страшно безличие в выборе веры! *Будьте все едино тело, един дух*, поучает апостол Божий (Еф.4:4), *да не бывает ктому младенцы, влающиеся и скитающиеся всяким ветром учения, во лжи человечесстей, в коварстве козней льщения* (Еф.4:14). Что значат по суду откровения вводители новых вер? *Злые делатели* (Флп.3:2), *посланники лжи и сосуды клятвы, сквернителю и слуги страстей* (Иуд.1:4, 12). Стоят ли же они того, чтобы слушать их?

Возлюбленные, не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть (1Ин.4:1). Аминь.

Слово в сельском храме

Что стоите весь день праздны? (Мф.20:6).

Есть два рода людей праздных. Одни не любят запинаться ничем дельным; другие бывают заняты, но не делом.

Первые не любят вовсе труда; бродить без дела из дома в дом; предаваться забавам и разговорам пустым, есть и спать – вот любимый круг их занятий! Таковы бывают люди, которым худое воспитание внушило полагать благородство в бездействии; таковы бывают многие ремесленники, которые часто чувствуют слепую скуку – заниматься работою, и увлекаемые мечтами о своих способностях обращаются от работы к безделью; таковы же бывают поденщики, занимающиеся делом, пока смотрят за ними; таковы бывают земледельцы, которым ни почем жена и дети, лишь бы им было весело.

Гораздо более встречается праздных второго разряда. Эти люди, вместо того чтобы усердно делать должное по состоянию и званию своему, по времени и обстоятельствам, в которых находятся, занимаются или вовсе сторонним для них, или пустым, недостойным имени человека христианина.

Что стоите весь день праздны?

По общему чувству, праздность – вещь неприятная, состояние неправильное, незаконное, чего отвращается душа, жизнь требует движения, а праздность – походит на смерть. И для земной жизни необходим труд, ни чести, ни денег, ни пищи, ни платья не добудешь праздностью. И в раю должен был трудиться человек, ему надлежало усовершенствовать душу свою, чтобы приближаться к образцу её Всесовершенному. Грех вызвал человека на труд покаяния. Крещение приглашает трудиться для приобретения высоких добродетелей христианских.

В конце жизни, совесть и Бог, конечно, не многих, или не очень многих, осудят за праздность в отношении к земным занятиям. Но значит ли это, что все земные труженики – святы? Заниматься не делом – праздность преступная, как и та,

которая не любить вовсе труда. Все мы призваны трудиться в винограднике Божиим; награды раздаются тем, которые работали в саду Божиим. Что это значит? Это значит, что все труды наши должны быть посвящены славе имени Божия, и что они должны совершаться под влиянием неба.

Одна мысль о Боге возвышает душу, как же высока жизнь, когда вся она посвящена Ему. Он – источник совершенств, и только то, что стремится к Нему, может быть совершенным, по мере приближения к Нему. Где наш покой? Где свет? Где радость? В Нем одном, в связи с Ним. Так «едите ли пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию» (1Кор.10:31). Что труды, неосвященные именем Божиим – гниль и ветер.

Только крайнее неразумие, только вражда против самих себя могут удерживать нас от труда для Бога нашего, от служения Ему искреннего. Он так благ, награждает более, чем стоят труды наши. Самая малая работа для Него не остается без платы! И стакан воды, поданный бедняку для Него, и каждый вздох сердечной молитвы не забываются Им. Он сам облегчает своею благодатью своих тружеников, подает им помощь при встрече их с препятствиями, утешает в скорбях и все делает, чтобы работа их шла успешно.

Пророк говорит, «сеяли много и получили мало; ели и остались голодны; пили и не напились, оделись и не тепло вам; кто получил награду, бросил ее в дырявый мешок» (Агг.1:6). Таковы труды для одной земли, для одного времени. Мир – жестокий господин, требует многого и дает мало, очень-мало. Обещает горы богатства, и зараз лишает всего; обещает веселости и удовольствия, а посылает скуку и томление; почести его – дым, слова – звук. Отчего так? Души бессмертной не насытят тленные блага, и мир, хотя бы и хотел, не в состоянии успокоить желаний вечной души.

Как же слепы мы, Боже мой, столько трудясь для земли, которая питает только скукою! Как слепы мы, проходя мимо Того, Кто в состоянии так осчастливить нас!

Трудно угождать Господу? Трудно успевать в добре? Нет, гораздо легче, чем воображает лень праздная. По её

милости, тяжело делать добро и очень легко творить грехи, как будто там и здесь не мы одни трудимся. «Теперь же, если хочу, могу я быть близким к Богу», говорит блаженный Августин. Да, если хочу, каждое слово, каждая мысль, каждое Занятие будут служением Богу. Пусть душа моя и мыслями, и желаниями обращена будет к Богу, она, освящая себя, будет совершать угодное Ему. Правда, привычки к греху не легко побеждаются. Но благодать небесная! когда и кому отказывала Ты в помощи? какая привычка не была побеждена при твоём пособии душою, искренно ревновавшею о добре?

Христианство возлагает на верующего труд непрерывного упражнения сил и способностей, данных ему от Бога, – труд не для себя, а для славы Божией. Сущность сего труда – беспощадная критика человека самому себе, всему, что он думает, чувствует, делает, и непрестанное стремление приближаться в совершенствах к Отцу небесному. Христианство предоставляет человеку полную свободу – выбирать себе вид труда и занятий внешних, по его наклонностям и способностям. Для него все равно, будет ли христианин ученым, художником, ремесленником, земледельцем, лишь бы живо чувствовал свое отношение к Отцу небесному и ходил достойно небесного признания. Оно не насилует природы; напротив, помогает природе, освящает каждое дарование и дает свои пособия развивать каждый дар Божий. За что же жалоба на тяжесть труда в винограднике Божиим?

Нам не переменить значения жизни временной, оно определено свыше. Это стайте праздны? говорит нам каждый день, указывая на вечность. Пусть капризное самолюбие недовольно этим напоминанием. От того дело не переменяется. Жизнь временная – время сеяния, а жатва – за гробом. Умный земледelec не пропускает времени, когда следует пахать землю и засеивать ее семенами, иначе он остался бы без хлеба. Умный христианин не пропускает жизни земной мимо глаз, без труда и занятий усиленных, тем более что очень высоко значение труда его. Он возделывает землю сердца своего сокрушением, засеивает душу подвигами любви к Богу и ближним, испрашивает молитвою благодатный дождь на почву

свою. Так трудится он до гроба и переходит в ту жизнь с надеждами на покойную вечность. «Да не унываем, делая добро, говорит нам апостол Божий, ибо в свое время пожнем, если не ослабеем» (Гал.6:9).

Ах! надобно трудиться, пока есть время. Кто знает, настанет ли для нас завтрашний день, чтобы провести его с пользой после убитого в праздности нынешнего дня? Жизнь рассеянная, жизнь без мыслей высоких – ни в каком случае не радость душе. Она – предмет гнева Божия. Если теряем данную благодать от бездействия, надеясь получить новую, безрассудная надежда! За пренебрежение к благодати Божией, за равнодушие к милости небесной должны мы ожидать воздаяния правды Божией, а не дара благодати. «Возьмите у него (у ленивого) талант и отдайте имеющему десять талантов, а не потребного раба выбросьте во тьму внешнюю» (Мф.25:28, 30). Вот какой приговор готов да нас!

Неприятно, тяжело писать печальную картину дед праздности. Праздность наделяет расслаблением сил душевных. Чем менее упражняются в добре, тем более слабеет добрая воля, так что наконец душа как бы поражается параличом не движется да добра, даже не думает о добром. Есть насекомые, которые охотно держатся в грязи. Такова душа праздная. Воображение её наполнено нечистыми картинками, от которых воспаляются грязные страсти. Пиршества, гулянья, забавы, дела гнусные – вот что на уме её! Не станет средств да жизни бессмысленно веселой? Принимаются за средства преступные, обманы, игру бессовестную, воровство и, пожалуй, за убийство. С языка праздных людей льются речи грязные потоком, о добром они не умеют и говорить; быв испорчены сами, они разбрасывают нравственную порчу во все стороны. Несчастливы семейства, в которые попадают эти люди, юность, невинность, супружеское счастье, семейный покой, гибнут от них, как от чумы. Страха Божия не доищитесь в душах их, – они давно потеряли его. Праздный – блудный сын!

Да избавить Бог каждого от несчастья быть с страстью к праздности. Аминь.

Слово в гамалеевской обители

Мир вам (Ин.20:21).

Мир возвестил и даровал воскресший Спаситель ученикам своим. Желанием мира начинаются и оканчиваются послания апостолов. *Мир Божий*, говорит апостол, *превосходяй всяк ум да соблюдает сердца ваша и разумения ваши о Христе Иисусе* (Флп.4:7). Среди мира, волнуемого столькими переворотами, с сердцами столько доступными для малодушия и движения разных страстей, мир душевный – истинно великое благо да людей.

Желая всего благого для живущих в обители сей, и я желаю ей мира. Мир вам, сестры о Господе!

Чем выше, чем нужнее нам благо Божие, тем более должны мы дорожить им, тем искреннее должны принимать меры для сохранения сего блага. Храните, сестры о Господе, мир в сердцах ваших, спокойствие духа, довольство души. И для того, чтобы сохранялось в вас это великое сокровище неба, примите к сердцу три совета пастырской любви моей, не вмешивайтесь в чужие дела, не будьте слишком чувствительны к неприятным случаям, храните чистоту совести.

Не беспокойтесь о делах, не касающихся до вас.

Отец и мать семейства должны надзирать за поведением детей своих и всех живущих в доме их. Это – святая обязанность. Начальник гражданский, начальник военный собирают сведения о поведении подчиненных им, принимают меры против увлечений страстей людских, наказывают или одобряют других. Они на то поставлены и, если бы не делали того, общества страдали бы от воров и людей дурных. Точно так пастырь должен зорко смотреть во все стороны по кругу паствы своей. Точно так начальник и начальница обители должны заботиться о спасении вверенных смотрению их; они должны узнавать пути сердец их и то духом кротости, то родительскою строгостью направлять души к жизни духовной. С них взыщет Господь, если они не делают того.

Но какая совесть одобрит, если человек занят целый день только тем, что до него не касается; если рассказывает и даже выдумывает вести о пятом и десятом, с утра до вечера толкует и беспокоится о том, что делает такой-то, что делает такая-то; если переходить из дома в дом, из кельи в келью, чтобы дознаться и передать другим новости оскорбительные для сестры и брата, судить и рядит о делах, которых вовсе не понимает? Согласитесь, что такие люди вредны и себе самим, вредны и другим, не могут иметь мира ни с самими собою, ни с другими. Они не могут иметь мира с самими собою, не только потому что много тревожатся за других, но особенно потому, что, оставаясь с самими собою наказываются совестью за неразумную страсть свою. Бедная душа! так говорит совесть такой душе; тебе сказано, внимай себе, смотри за собою, оцений дела твои, готовь ответ за себя Судии вечному, спеши творить дела добрые нужные для твоего спасения. Сколько же успела ты в добре? Увы! о своем положении, о своей участи вечной и заботы нет на уме; все были хлопоты о других. Сколько грехов положено на душу в этих хлопотах! И пересуды, и смех неумный, и ложь, и клевета, и пустые речи, и жестокость к сестре и брату и бесстрашие пред Богом. И все это только по милости пустоты душевной. Сколько искушений, сколько греха внесено тобою в сердца, слушавшие тебя! Что ожидает тебя от других за твое пустословие и злословие? Те, которые оскорблены, твоим легкомыслием и оскорблены, конечно, вовсе незаслуженно, если узнают о твоём злословии, по праву станут удаляться от тебя, как от змеи; если же и не узнают, какими глазами будешь ты смотреть на них? Будешь лицемерить? Это новый сатанинский грех. Несчастливая страсть! Пагубная страсть!

Сестры и братия! если под влиянием любви благожелающей будет беспокоить кого мысль об ошибках другого, пусть призвав помощь Божию скажет тот наедине другому об ошибке его, или скажет о том старшей или старшему, но не вслух многим. Такое дело будет делом святой любви. Принесет ли или не принесет пользу слово его другому, пусть о том он не беспокоится. И слово Божие не каждому из нас приносит пользу. И Господу не нравятся наши худые дела,

но Он терпит. Храпи и ты молчание, когда слова не принесли пользы. Лучшая помощь больному – молитва. Молись за больную душу. Молитва может низвесть благодать Божию на больного, а что ближе к молящемуся, низведет свет и покой на самого молитвенника.

Величайший враг нашего покоя есть самолюбие наше. Эта слепая любовь к себе не видит в нас худого, а хочет видеть одно доброе. По её милости нам хочется, чтобы хвалили нас за все, даже и за то, что при случае и сами мы не одобряем в себе. По её милости мы очень чувствительны, легкая похвала надмевает гордость нашу, легкий укор оскорбляет нас; тем более, когда говорит нам неприятную правду прямо о нас, выходим мы из себя, вступаем в споры и брань. Самолюбие наше оскорбляется и тем, когда хвалят другого, это кажется унижением нашей чести, наших достоинств. О! любите смирение, чтобы сохранять мир в душе. Зачем нам служить самолюбию, когда оно и слепо к нам и завлекает нас в грехи? О тебе говорят неправду? Полно так ли? Напротив, не более ли в тебе грехов, чем указывает глаз человеческий? Нет, скажи в душе твоей спаси, Господи, сестру и брата, они напоминают мне о немощах моих, о которых я так худо помню; а как много у меня грехов! спаси меня, Господи, молитвами брата и сестры. Тогда ты почувствуешь тихий покой, который хотело нарушить в тебе самолюбие слепое. Если по Божью попущению, для обучения тебя терпению и смирению, злой человек постоянно будет преследовать тебя клеветой и бранью, тогда особенно нужно быть глухим к крику самолюбия, а так как это бывает трудно, очень трудно, надобно молить Господа о помощи, об умирении волнений самолюбия. Иначе в таких случаях от самолюбия ничего не услышишь кроме неправды, ничему не научишься, кроме гнева, вражды, злоба и бедное сердце твое будет страдать, терзаемое грехом; тогда особенно помни о множестве грехов твоих, которые нужно очищать раскаянием и скорбями и смирение будет низводить за собою в душу твою ясность мыслей и тишину чувств.

Самолюбие тревожить нас не только при невыгодных отзывах о нас, но оно же вступается и за все близкое к вам, как

за собственность дорогую. Оно дорожит и здоровьем нашим, и пищей, и одеждою, и деньгами. Потому поднимает оно в нас бурю, когда отнимают это дорогое для него. Но почему оно дорожит всем тем? Только потому, что находит в том пищу для себя пищу для гордости, тщеславия, неги рассеянной, беззаботной, жизни. Уже это показывает нам, как должны мы быть осторожны при потере или недостатке средств жизни земной, чтобы не малодушествовать по одному внушению греха. Имущество, пища, здоровье, конечно, нужны для жизни, но все же жизнь наша во власти Божией. Будем благодарить Господа, когда Он посылает нам утешения жизни. Но благословим Его и тогда, как отказывает Он в чем либо, по Своему благу усмотрению. Будем довольны тем, что дают. Много ли нужно для жизни? Ах Святые Божии довольствовались очень не многим. То малое, что дано нам, составляет роскошь, изобилие излишнее, в сравнении с тем, чем жили святые. Устыдимся же преступного неразумия своего.

Одна только есть святая причина душевного беспокойства, тревога совести, оскорбляемой грехом. Этого беспокойства не следует нам и бояться. Напротив ничего нет печальнее, ничего нет несчастнее души, в которой совесть заглушена привычками к греху. Да избавит Бог каждого от такого состояния! Но печаль, возбуждаемая совестью, желается только при существовании греха. Кто же может желать себе самых грехов? Грехи яд души, расстраивающий ее на целую вечность. Они мука для души во времени и вечности. Так старайтесь о том, чтобы не допускать до души грехов и особенно тяжких. Оберегайте сердца ваши от дыханий греха, во всех его видах; охраняйте чистоту совести. Если и при борьбе вашей с грехом грех коснется души вашей, у вас есть врачевство – искренняя исповедь. Не скрывай своих искушений. Многие из святых подвергались искушениям и освобождались от них, как скоро открывали их другим. Князь тьмы боится света; он ночью ищет добычи и с появлением дня скрывается. Как отец гордости, он бежит от тех, которые в кротости сердца, открывают раны души. Бывает, что сильно тревожатся грехами неважными и не тревожатся важными. Открывайте всю душу вашу духовному отцу или духовной

матери и что скажут они, тому следуйте в мире совести. Оберегая таким образом душу от греха, вы будете наслаждаться покоем тихим, миром благодатным. Тогда не только здесь будете мирны, но покой ваш земной будет залогом покоя вечного. *Мир мног любящим закон Твой, Господи.*

Бог мира да пребудет с вами (Флп.4:9). Аминь.

Беседа в неделю 13-ю

Притчу слышасте человек некий бе домовит, иже насади виноград (Мф.21:33).

Притча о винограднике произнесена вслух иудеев, для их вразумления. *Притчу слышасте*, как говорит Господь иудеям, обращая внимание их на значение назидательной притчи. *Притчу слышасте*, говорит Он и нам, братия. Для того и записана притча в св. евангелии, чтобы мы слушали ее. Для того повторяет ее вслух нам святая церковь, чтобы поучались мы из нее спасению. Если мы благоговейные слушатели Христовы; надобно слушать притчу Христову.

Человек некий бе домовит, иже насади виноград и оплотом огради его и ископа в нем точило и созда столп и вдаде и делателем и отыде (Мф.21:33).

Человек домовитый или хозяин дома означает Бога владыку всего мира. Виноград – иудейский народ, избранный Богом. *Оплот* – ограда, *точило* – яма, которую выкапывали в винограднике, чтобы выдавливать в ней вино из ягод; *столп* – башня, которую ставили для наблюдения за целостью сада. Все это – образы попечения Божия о иудеях. Ограда закон, данный иудеям; точило – жертвенник, на котором источалась кровь жертв прообразовательных, указывавших на лучшую жертву Икупителя мира. Башня – скиния, замененная потом храмом. Делатели виноградари – первосвященники, учителя и вожди народа. Ах! как много сделано благодатью небесною для иудеев! Св. Лука говорит о господине виноградника: *отыде на лета многа*. Что это такое? *Отыде* – дал время для развития насажденного виноградника и принесения плодов, под заведыванием приставников. Господь не стесняет свободы человеческой, а предоставляет пользоваться его по усмотрению. Иудеям предоставлено было по воле их принять заповеди и обетования Божия и служить Богу свободно, к счастью своему. Чего желает для людей благодать небесная, как не того, чтобы свободным произволением устроили счастье

свое вечное? *Лета многа* обнимают время от Моисея до появления первых пророков, о которых говорится далее.

Егда же приближися время плодов, посла рабы своя к делателем, прияти плоды его. И емше делатели рабов ею, ового убо биша, ового же убиша, ового же камением побиша. Паки посла ины рабы множайшие первых и сотворити им такожде (Мф.21:34–36).

Плоды, каких ожидал Бог от иудеев, – суть дела благочестия и чистой веры. Рабы, посланные к иудеям, были пророки. Они должны были видеть с утешением в иудеях высокие добродетели достойные забот Божиих, но видели пороки языческие и обличали их. Они должны были вести иудеев к высшему совершенству и озаряли умы их новыми и более ясными наставлениями о Спасителе мира, но встречали со стороны иудеев упорство и ненависть. Неблагодарность и злоба иудеев были так велики, что они поступили с посланниками Божиими, как с преступниками общественными. Иных из них били и заключали в темницу, как Ананию (2Пар.16:17–20) и Михея (3Цар.22:24, 27); других побии камнями, как Азарию (2Пар.24:20). Бог посылал рабов своих пророков одних за другими. Но с новыми послами поступали, как и с прежними. За обличения платили им побоями и смертью. Спаситель в другой раз прямо говорил иудеям, «вы дети тех, которые избили пророков». И потом прибавлял сердечную жалобу свою, «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе» (Мф.21:31, 37). Апостол Павел так изображает судьбу рабов Божиих, «иные замучены были; другие были подвергаемы посмеянию и побоям, также узам и темнице; камением побиваемы были, перепиливаемы были, от меча умирали» (Евр.11:35–37). О! вожди – вожди народа! тяжка ваша ответственность пред Богом. Если иные злодеяния совершает народ и без вашего непосредственного участия, без ваших соизволений на то, и тогда суд Божий возлагает на вас вину, потому что вы должны были воспитать в народе благочестие, а воспитали в нем нечестия и жажду крови невинных.

Последи же посла к ним Сына своего, глаголя, усрамятся Сына Моего (Мф.21:37).

Терпение небесного Владыки не истощалось злыми делами людей. После того, как иудеи то прогоняли, то убивали посланников небесных, Отец небесный открыл пред лицом иудейского народа самый поразительный опыт любви своей. После рабов послал Он для вразумления людей Сына Своего, или как передает св. Марк, «имея одного Сына любезного, напоследок и Его послал» (Мк.12:6). Св. Лука дополняет картину любви словами, «что Мне делать? Пошлю Сына Моего возлюбленного» (Лк.20:13). Потрясающая картина любви небесной! Притча говорит: *посла к ним Сына, глаголя, усрамятся Сына Моего*. Всеведущий знает все, что есть и что будет. Но любовь небесная как бы не хочет знать того, что люди не воспользуются новыми опытами благодати её и продолжает являть благодать; любовь небесная желает, чтобы люди поняли величие новой благодати её и выставляет пред ними это величие; «указывает, что должны они были сделать, потому что им должно было устыдиться».⁷⁷ Сын Отца небесного является в притче как свидетель истины Божией, как небесный и самый великий учитель. Христос Иисус точно начал служение свое людям призыванием к покаянию и вере.

Покайтесь и веруйте во евангелие, так проповедовал Он. И какой обильный свет небесный принес с собою на землю Сын Божий! Какое чистое, какое высокое, какое всеобъемлющее учение предлагал Он людям! Как сильны были наставления Его! «Никогда не говорил человек, как говорит сей человек», признавались даже некоторые из иудеев. И чем же все кончилось?

Делатели же, видевшие Сына, реша в себе, сей есть наследник, приидите, убием его и удержим достояние его. И евши его изведоша вон из винограда и убиша (Мф.21:38–39).

Здесь притча переходит в пророчество и в пророчество такое, которое открывает не только будущие дела, но и самые тайны сердец. Господь изображает ту печальную действительность, которая открылась спустя несколько дней после беседы. По повествованию св. Иоанна, вот что было

спустя дня три. Первосвященники и фарисеи в собрании составили совет о Иисусе, «что делать? Говорили. Этот человек творит много чудес. Если оставим Его, то все уверуют в Него и придут римляне и завладеют и местом нашим, и народом». Каиафа решил: «лучше нам, чтобы один умер за людей» (Ин.11:48–50). Видите, что было на сердцах? Боялись того, что великий чудотворец привлечет всех к себе. Боялись, что потеряют они значение свое в народе, лишатся столько дорогой для них чести и власти, останутся без первенства в винограднике Божием. Господь видит, что происходит в сердцах врагов Его, видит яснее и далее, чем видят они сами. Они прикрывают тревоги самолюбия кровожадного видами любви к отчизне, но Господь открывает им, что, собственно, происходит в глубине сердец их. Он говорит им, что только по своекорыстным видам они решаются на убийство, *убием Его, да наше будет достояние* (Лк.20:14). И на уме нет того у этих людей, чтобы вспомнить, сколько уже пролито святой крови св. пророков. Вместо того, чтобы из жизни отцов поучаться страху Божию, они решаются убить величайшего из пророков, Того, Кого сами же признают чудотворцем. Изумительное ослепление! Слова, *удержим достояние его*, – без сомнения слова не умные. Умно ли думать, что господин виноградника или Отец небесный оставит не наказанною смерть Сына Своего, или не в силах отнять собственность из рук похитителей наглых? Но разве страсти наши могут говорить и поступать умно? Их обыкновенное дело отуманивать ум и доводить нас до глупостей. Враги же Иисуса, как открывал Сам Он, действовали под влиянием князя тьмы, открытого врага власти Божией (Ин.14:30; Лк.22:31, 23:53). Так страшное решение произнесено, и оно выполнено, как предсказано в притче. Преданный Пилату, как враг кесаря, Иисус выведен из города на место, *нарицаемое лобное* (Лк.23:33) и там распят. Апостол Петр говорил иудеям об иудеях, что они не знали, что делали, распиная Иисуса (Деян.3:17). Да, они не понимали тайны примирительной смерти Христовой и не признали в Иисусе Мессии (Деян.13:27). Но все это отчего? Оттого, что заняты были только одною землею и не думали о духовном, ожидали от Мессии только земного

величия, земного счастья, земной власти. Оттого-то хотя и видели по временам духовное величие Иисуса, но увлеченные страстями земными убили Начальника жизни (Деян.3:15). О! земля – земля! как пагубно обаяние твое для духа бессмертного!

Егда убо приидет господин винограда что сотворит делателем тем? Глаголаше ему: злых зле погубит их и виноград предаст иным делателем, иже воздадят Ему плоды во времена своя (Мф.21:40–41).

Если бы вопрос Спасителя предложен был самым несправедливым, самым несовестливым судиям, и те, по крайней мере из опасения показаться худыми людьми, отвечали бы, злодеев предаст смерти, а виноград передаст другим. Так поступили и книжники. Враги Иисуса произнесли приговор самим себе, конечно, не поняв на первый раз, что дело идет о них самих. Св. Лука замечает, что некоторые прибавили, *да не будет (Лк.20:16)*. Это значит, что эти поняли, к кому относится приговор правды и ужаснулись. Ужаснулись всего более того, что виноградник отнят будет из рук их и передастся другим стражам, другим начальства м.

Он же возрев на них, рече, несте ли чли николиже в писаниих: камень, егоже небрегоша зиждущии, сей бысть во главу угла... Сего ради глаголю вам, яко отыметя от вас царствие Божие и дастся языку творящему плоды его (Мф.21:42–43).

Людям, занятым землею, не хотелось видеть в смиренном Иисусе Мессию и потому не хотелось допустить, чтобы относился к ним грозный суд Божий. Но Спаситель обличает их словами псалма и произносит решительный приговор о их участи. Псалом 117 сами иудеи признавали за пророчественную песнь о Мессии и его церкви. «Народ предшествовавший и сопровождавший», встречая Иисуса как Мессию в Иерусалиме, повторял в восторге слова псалма, «благословен грядущий во имя Господне! Осанна в вышних!» (Мф.21:3). Апостол Петр говорит в синагедрионе о Иисусе, «Он есть камень пренебреженный вами зиждущими, но сделавшийся главою угла» (Деян.4:11). Так пусть фарисеи и книжники отвергают

Иисуса, но они тем самым выполняют над Ним пророчество о Мессии. Они бросают Его как камень ни к чему негодный, но по воле Божией Он оказывается в основании здания, при соединении двух углов. После того, что ожидает иудеев? Отнято у них будет царствие Божие и передастся народу, который приносить будет плоды. Так с твердостью сказал Господь вслух иудеев. Несчастные иудеи! они и поныне бродят ни всему свету, рассеянные гневом Божиим за смерть Сына Божия.

Притча о виноградарях прямо относится к иудеям, но косвенно касается она всего рода человеческого и каждого человека в особенности. Войди в себя, кто бы ты ни был. Не вложил ли Бог и в твое сердце семя любви к благочестию? В детстве служили тебе оградой родители, родственники, учителя. Ты живешь в обществе христианском. Сколько тебе уроков для добра! Пред тобою слово Сына Божия. Ты читал и чувствовал, как оно животворно. Пастыри и учителя церкви – стражи нового винограда Христова, они по долгу заботятся, чтобы сад Божий был с плодами ожидаемыми. Не думай, что безнаказанно могут пренебрегать их наставлениями. Любишь ли ты Господа Иисуса, как требует любовь Его к тебе? Христианам дано более средств для выполнения воли небесной, чем иудеям. О! не объять уму человеческому всей широты и высоты любви Божией, излившейся на нас во Христе Иисусе. Но тем страшнее быть неблагодарными пред такою любовью. Иногда ты вовсе забываешь о своем Господе и живешь умом и сердцем по своим прихотям, как отступник и мятежник. Сказать ли тебе, что из того будет? Если все станешь идти этим путем, участь твоя будет подобна участи иудеев. Все лучшее умрет в тебе; чувство добра и благочестия, которое услаждало тебя, притупится. Страшись страсти иудейской к земным выгодам, распявшей Сына Божия! Иначе можешь дойти до того, что *отнимется у тебя царствие Божие*.

Пожалуй, и ныне в след за ложными пророками говорят, мир, мир меж нами! Но на долго ли это? Что значит эта жажда разнузданности для страстей, закутывающаяся именем гуманности, человечности? Не ею ли дышали избивавшие пророков? Ложные пророки улыбались новизнам развратного

язычества, которые жадно перенимаемы были у соседей народом иудейским. Не видно ли того же и ныне? Там и здесь раздаются возгласы против отсталости в мыслях, против обветшалой веры, против византизма; там и здесь требуют новой веры, новой жизни, – жизни и веры по уставам материальных порядков. Но не смущайся тем, читатель истины Христовой! *Кто упадет на камень сей – разобьется, и на кого он упадет – того раздавит*, так сказал Господь наш и – слово Его не изменится. Слово Его исполнилось над иудеями, исполнилось над другими врагами Христовой истины, исполнятся и над каждым новым врагом. Истина Христова, при всем том, что нападали и нападают на нее, не переменит своего места, она камень неподвижный; она неизменима и незаменима; она вечна, как вечен Бог. Ничего, кроме замешательства в мыслях, кроме жалких противоречий себе самим и вечным законам правды не найдете в словах людей, которые восстают против Христовой истины, чем более, чем упорнее они восстают на нее, тем очевиднее становится их слабость и несостоятельность. Они – жалки. Сын Божий после того, как убит был людьми, явится еще раз, только в виде Судии и тогда преступных людей.

Братия! долг каждого из нас хранит виноградник Христов, святую веру и её установления. – Дороже святой веры ничего нет для нас на земле. Оберегайте ее от вольномыслия и вольнодумства, за ними вслед идут мрак и пагуба. Не доверяйте учителям лжи, они могут говорить красно, но в словах их яд для умов и сердец; это волки одеты в овечью шкуру. – Повинуйтесь пастырям церкви, им вверены слово Божие и таинства; кто слушается их, слушается не людей, а Бога.

Долг каждого из нас возделывать виноградник Божий, приносят плоды, ожидаемые Господом. Пользуйтесь благодатными средствами спасения. Как не дорожить спасением вечным? Жизнь коротка, а вечность беспредельна. Ходите достойно звания, в которое призваны вы небом, со всяким смиренномудрием и кротостью (Еф.4:1–3). Звание

христианина высоко, много надобно трудиться, чтобы выполнять его.

О! да продлится над нами милость Твоя, незаменимый Спаситель наш! Аминь.

Беседа в неделю 15-ю, на кая заповедь больши есть в законе?

(Мф.22:35–46).

Низка философия саддукейская, в её взоре также ничтожна душа человеческая, как и жизнь червяка; желания её, как и желания червяка, ограничиваются только тем, чтобы есть и пить. Не дай Бог видеть между нами саддукеев!

Но и те, которые хотят и мыслить, и жить не по саддукейски, могут еще не быть в царствии Божию. Так показывает ныне чтенное евангелие.

Законник некий приступи ко Иисусу, искушая Его и глаголя, кая заповедь больши есть в законе?

Законник слушал ответы Спасителя саддукеям и утешался основательностью ответов. Так говорит свят. Марк (12:82). Потому если св. Матфей говорит о законнике, что он приступи, искушая Его, не будем объяснять это в невыгоду законнику. И по одобрению, какое дал законнику Спаситель (Мф.22:34), видно, что законник приступил к Спасителю не с намерениями врага. Испытание его было, собственно, дознанием истины; он желал разрешить свои недоумения, утвердить свои догадки голосом великого Учителя. Если, так думали современники законника и он с ними, если Моисей дал 365 запрещений и 244 повеления, всего 613 правил, то в таком числе правил, конечно, не все равно важно. Какая же заповедь важнее всех других? Мнения учителей о том неодинаковы, одни заповедь о приношении Иегове жертв считали первою заповедью; другие очень чтили субботу, третьи – обрезание. Тем более настает нужда узнать верное. И вот законник хочет узнать отзыв о том великого Учителя.

Иисус же отвеща ему, яко первейши всех заповедей есть, – слыши, Израилю, Господь Бог твой Господь един есть, – и возлюбити Господа Бога твоего всем сердцем... Сия есть первая заповедь (Мк.12:29).

Чтителей закона поучает Спаситель точными словами самого закона (Втор.6:5). Чем начался закон Божий? Как Бог

един, так Его прежде всего и более всего надобно любить. Вот начало закона! Нет предмета для любви выше Бога. Бог – высочайшее благо и благо единственное. Он – начало и конец всего. Им существуем мы и для Него существуем, так что без Него жизнь наша – пагуба. Потому Его должны мы любить более всего. Должны любить Его всем существом своим, должны любить всем сердцем, всеми движениями чувства, всею душою, всеми стремлениями воли, всею мыслью, всеми действиями ума, и всею крепостью, всею душевною и телесною деятельностью. Вот первая по порядку и большая по важности заповедь! (Мф.22:38) Она потому и первая в ряду заповедей, что есть самая важная по достоинству содержания. Итак, к чему же столько споров о важных и неважных заповедях? Закон в руках законников.

Вторая же подобная ей, возлюби искреннего твоего, яко сам себе.

Вторая заповедь, люби ближнего твоего, как самого себя. Эта заповедь ниже первой по предмету своему, там – Бог, здесь – человек. Но она важна по связи с первой; не любя ближнего, не может любить Бога. Ближний – прекрасное создание Божие; высокие качества его, ум, свобода, господство над природою – пред нашими глазами. Кто не уважает этого высокого создания Божия, кто преследует его ненавистью, в том нет места для любви Божией; пренебрегая созданием, он оскорбляет Создателя. В сущности, кто искренно любит Бога, тот не может не любить ближнего. Потому кто понимает и принимает сердцем заповедь о любви к Богу, для того не нужна заповедь о любви к ближнему. Но для людей с черствым сердцем и с грубым умом, для людей, которые уверяют, что любят они Бога, тогда как ненавидят брата, надобно объявить, что есть вторая заповедь, люби ближнего. Люби ближнего как самого себя. Вот мера для любви к ближнему! Себя любим мы, это – дело жизни нашей. Но почему должны любить себя? Потому что жизнь нам не нами дана, потому что мы – создание Божие. Точно так должны мы любить другого, как создание Божие, но рукотворенное в человеке, его страсти, его заблуждения стоят только сожаления нашего. Люби ближнего, как себя. Умеряй порывы себялюбия

любовью к ближнему. Не делай и не желай другому того, чего себе не желаешь. Больно тебе, когда смеются над тобою, не насмехайся же над другим. Тяжело тебе, когда никто не хочет разделить с тобою горя твоего, спеши же делить горе ближнего твоего. Старайся делать для другого все то, чего себе желаешь.

В сию обою заповедью весь закон и пророцы висят. «В сих двух заповедях состоит весь закон и пророки».

Все, чему учат книги Моисеевы, называвшиеся на языке иудеев законом, все, чему учат книги пророков, сокращенно содержится в двух заповедях, любя Бога, люби ближнего. Никакая мудрость иудейская не найдет там больше того. Все частные предписания и запрещения закона, все увещания и поучения пророков – раскрытие заповеди о любви святой. Любовь к Богу и ближнему – корень всякой святости и без нее невозможно духовное совершенство. Так это объяснено и для христиан. Апостол говорит, *аще имам пророчество и вем тайны вся и весь разум и аще имам всю веру, яко и горы преставляти, любви же не имам, ничтоже есмь. И аще раздам вся имения моя и аще предам тело мое, во еже сожещи е, любви же не имам, никакая польза ми есть* (1Кор.13:2–3).

По повествованию св. Марка, законник, выслушав ответ Спасителя, сказал, «хорошо, учитель! истину сказал Ты, что любить Бога и ближнего – есть больше всех всесожжений и жертв».

Законник не только с восторгом одобрил слова Спасителя, но прибавил, что и по его разумению любовь к Богу и ближнему выше всех жертв, хотя иные и не так думают. *Иисус же видево яко смысленно отвеща, рече ему, недалече еси от царствия Божия* (Мк.12:33–34). По суду всеведущего, законник отвечал разумно, и он не далек от царствия Божия. Он разумный человек и близок к царствию Божию по своим расположениям, потому что ценит любовь выше жертв. Это не мало значило для законника. И, однако, он только не далек от царствия Божия, но еще не в царствии Божиим. Что такое значит? Чего недоставало законнику? Это показывает Спаситель в разговоре с другими книжниками.

Собравшимся же фарисеем, вопросы их Иисус, глаголя, что вам мнится о Христе? Чий есть сын? Глаголаше ему, Давидов (Мф.22:42).

Фарисеи собрались около Иисуса, без сомнения, с тем чтобы каким-нибудь вопросом поставить Его в затруднение, как уже не раз обнаруживали они это намерение. Сердцеведец видит сердца их и не только разрушает ковы их, но ставит их самих в безвыходное затруднение, показывает им заблуждения их. «Что вы думаете о Христе? спрашивает Он их. Чей Он сын?» Спаситель предлагает вопрос, любимый иудеями, – вопрос о Мессии; предлагает вопрос важный не для одних иудеев, на который надобно было отвечать почтительно. Спаситель знал, что будут отвечать Ему фарисеи. Общая вера иудеев ожидала Христа, как потомка Давидова. В этом вера их и не ошибалась. Так говорили о Мессии пророки. Во иудеи такие, каковы были фарисеи, видели в Мессии не более, как сына Давидова, царя земного и не понимали, что вместе с тем Он будет вечный царь и Сын Божий. Эту ошибочную веру разделяли даже и некоторые из добрых иудеев, каков был одобренный Спасителем законник. В этом-то заблуждения и хочет обличить их Спаситель. Как ожидал Спаситель, так и отвечали на первый вопрос Его фарисеи. «Мессия – сын Давида», сказали они.

Глагола им, како убо Давид Духом Господа Его нарицает, глаголя, рече Господь Господеви моему, седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножие ног Твоих. Аще убо Давид нарицает Его Господа, како сын ему есть? (Мф.22:43–45)

Признавая ответ фарисеев справедливым, Спаситель предлагает им сличить мнение их о Мессии царе земном с словами Давида. Вы правы, говорит Он; Мессия – сын Давида. Но почему же Давид духом, или как передает св. Марк, Духом Святым, следовательно, не по-своему мнению человеческому, а как пророк, глаголющий по вдохновению Духа Святаго, называет Христа Господом? *Рече Господь Господеви моему, седи одесную Мене*, говорит Он. Сказал Иегова, Бог истинный; сказал Господу моему, Адонаи, что также означает Владыку неба и земли, Бога истинного. Так самое название Мессии Господом вселенной показывает, что Мессия – не сын только

человеческий. Мало и того. Сказал Иегова, седи одесную Мене. Это значит тоже, что Мессия призывается к участию в славе и власти Иеговы. С кем же Иегова может делиться властью, как не с равным Ему? Итак, напрасно книжники и фарисеи с неистовым негодованием называли Иисуса богохульником за то, что Он *Отца своего глаголаше Бога, равен ся творя Богу* (Ин.5:18). Господь Иисус говорит о себе, как о Христе, то самое, что говорит о Христе Давид. Виноваты сами фарисеи и книжники, если, читая так часто Давида и пророков не хотели понять Давида и пророков. Виноваты они, что земные помыслы, гордые мечты их о земном царстве Мессии и об участии их в этом земном величии закрывали в их взоре учение пророков о вечном, духовном, царстве Мессии и Его божественном величии. Виноваты они, что ограничивали желания и надежды свои только землею, жили для одной земли, и потеряли из виду духовное. Спаситель в обличение их мог указать на многие другие изречения пророков, показывавших в Мессии Сына Божия. Он мог указать на слова Михея, который говорит, что исходы Мессии *от дней века* (Мих.5:1); на слова Исаии, называвшего Мессию Эммануилом (Ис.7:14), Богом крепким и Отцом вечности (Ис.9:15); на Иеремию, по словам которого Мессия – Иегова – правда наша (Иер.23:6). Но Спаситель указывает на такие слова Давида, где Мессия является и Сыном Давида, и Сыном Божиим, – и при том грозным Судиею. Для чего это? Чтобы пробудить в гордых душах фарисейских страх Божий, заставить их содрогнуться за самих себя; Он повторяет слова Давида о Мессии, как властителя вселенной, грозном для врагов Его. Иегова говорит Адонаи Мессии, *седи одесную Мене, дондеже положу враги Твоя подножия ног Твоих*. Пусть же знают враги Мессии, что они не останутся ненаказанными, что они будут доведены до самого печального до самого горького, унижения.

И никтоже можаше отвечаати Ему словесе, ниже смеяше кто от того дне сотворити Его ктому (Мф.22:46).

Слова Спасителя поставили врагов Его в такое затруднение, что они не смели сказать ни слова в ответ на вопрос Его о Христе сыне Давида. На этот раз они чувствовали

справедливость обличения Его и молчали. Они сознались, что более не в состоянии уловить премудрого Учителя в словах Его и потому отказались от попыток вступить с Ним в спор. Не правда-ли, что этого довольно для славы истины Христовой? Но довольно ли для любви Христовой? Ах! она желала бы большего от них, для них самих. Она желала бы не временного сознания в ошибке, а полного исправления их, полного раскаяния в нечестиях сердца и смиренной веры в Спасителя душ; но этого не было в черствых душах их. Св. Марк говорит при том, *и мног народ послушаше Его в сладость* (Мк.12:37). Это без сомнения облегчало скорбь Господа Иисуса о нераскаянных фарисеях.

В заключение беседы нашей повторим содержание осмотренных наставлений Спасителя. Любовь к Богу и ближнему, любовь искренняя и полная, вот что должно дышать во всех поступках наших, во всей жизни нашей! Но где нам взять такую любовь? Господи Иисусе? Ты – Сын человеческий и потому знаешь наши немощи. Ты – Сын Божий и потому можешь подать нам все, чего нет у нас. Ты ожидаешь, Ты требуешь, чтобы обращались сердца наши к Тебе, как к Сыну человеческому и к Сыну Божию. Упорны сердца наши; сокруши их страхом Твоим. Спаси нас, Спасителю наш! Аминь.

Беседа в неделю 16-ю

Верный в мале и о мнозе есть верен (Лк.16:10).

Обыкновенно думают и говорят, не важное дело грешить в делах не важных, лишь бы в великих быть верным воле Божией. Что, например, за важность сказать неправду или обмануть при продаже? Великое ли дело не соблюдать поста? Так многие говорят и так многие поступают!

Но не так учит евангелие. «Верный в малом, говорит Господь, верен и в великом; а неверный в малом неверен и в великом» (Лк.16:10).

Не приучись верности в малом, нельзя устоять в верности тогда, как потребуются больше сил и больше твердости, в делах великих встречаются и препятствия великие, да и помимо препятствий они требуют сил великих. А есть ли у нас большой запас сил? Мы еще и не узнали, как много у нас сил; а мечтаем о делах великих! Надобно в точности испытать свои силы, надобно много раз поднимать тяжести незначительные, надобно приучиться к верности и ловкости при подъеме камней невеликих, после того будем поднимать и тяжесть большую. Если же не начинали делать первого, то под тяжестью большою надорвем свои силы. Точно так и в жизни нравственной, в жизни духовной.

Надобно сперва приучиться порядку и труду в жизни обыкновенной, домашней. Тогда и жизнь духовную можно начинать с надеждою на успех. Если в тесном семейном кругу жили на несчастье себе и другим, все и всех расстроили, можно ли ожидать добра от заведывания делами великой общественной области? «Кто не умеет управлять своим домом, тому, как пещись о церкви Божией?» (1Тим.3:5). Странно надеяться увидеть себя на самой высокой ступени лестницы, когда еще не поднимались на три первые ступени. Не высоки добродетели язычника, но без них нельзя остановиться христианину. Иначе скажут, «из-за вас хулится имя Божие у язычников» (Рим.3:24). Те, которые берут на себя дела великие, оказываясь каждый час не верными в малом, обманывают себя

и других мечтами. Чем оказывается на опыте нравственность шумных людей, подобных Лютеру? Обманчивым светом. Таково христианство лучших протестантов! На словах – ангелы, на деле – поклонники золотого тельца.

Как много охотников до высоких должностей, до почетных званий, до видимых мест! но если бы верно отправляли малые должности, узнали бы меру сих своих, узнали бы, что едва кое-что и кое-как делают они и в тесном кругу своем, а от больших трудов – избавь Боже! Зачем без сил и умения браться за дела мудреные? Уже ли для того, чтобы позорить себя и вредить другим? Неумно, преступно высокою должностью губить себя и других, до милости неспособности своей.

Песчинка мала, но миллионы песчинок составляют гору. Что составят повторяемые каждый день малые грехи?

К чему ведет постоянная неверность наша в малом? При ней привыкают пренебрегать и великими обязанностям, и начинают жить, как бы вовсе нет для нас закона и суда; укоры совести, сперва довольно резкие, со временем притупляются, и её голос замолкает в душе; наступает состояние страшное, состояние нечувствия и бесстрашия. Так, нарушая святость поста, не забывают ли со временем вовсе о долге распинать плоть со страстями и похотьми? Не живут ли наконец так, как бы не было у нас других потребностей, кроме животных? А в таком случае к чему и называться христианами? Не стоят названия и человека.

Кто в духовном быту, как и в мирском, умеет пользоваться малыми случаями, рано или поздно соберет большое богатство. Для великих дел не часто выпадают случаи, тогда как каждый день, каждый час перед нами проходят невеликие вещи, но которые требуют постоянной деятельности нашей. С виду это встречи мелкие, но присмотритесь и увидите, что они имеют значение не малое для нас. Присмотритесь и увидите, что мелкие встречи дня вызывают нас на борьбу то с ленью и негою, то с гордостью и тщеславием, то с завистью и своекорыстием, то с нечистою плотью. О! как много дорогих вещей можем собирать в свое сердце, если будем соблюдать верность воле небесной во всех случаях дня! Любовь не

должна дремать, она должна быть постоянно доброю, и любовь живая, деятельная обращает, в свою пользу каждую минуту. Не только в часы молитвы она всею душою при Господе своем, но с Ним же она и в поле, и в доме, и на ложе ночном и в разговоре с другими, и за трапезою любви. Так то, пользуясь всеми случаями, верная душа собирает большое богатство духовное. Так-то снискав твердую верность Богу своему в случаях дня, она оказывается верною и в великих подвигах.

Спаситель наш своим примером показал нам, что не должны мы пренебрегать делами малыми. На Нем лежало величайшее дело, какого никто не совершал от начала мира – спасение всего рода человеческого. И, однако, Он исполнил закон обрезания; живя в доме воспитателя – Иосифа, был в повиновении обязанностям семейным (Лк.2:51); велел Петру заплатить дань за себя и за Него (Мф.17:24). Фарисеям говорил Он, «сие надлежало делать (суд и милость) и того не оставлять» (десятины с мяты и ониса) (Мф.23:23). Допускал ли Он когда-нибудь ложь? О, нет! Кто уличит меня в неправде? говорил Он врагам своим. Лжецов называл Он детьми духа тьмы. За всякое праздное слово дадут люди ответ в день суда, говорил Он. Жизнь его – обличение всем мечтателям.

Будем же стараться выполнять по совести, со всею точностью, не великие поручения, дела не важного звания. Тогда жизнь наша окажется полною хвалы Божией и прославляемый нами Бог удостоить нас славы и здесь и там. Аминь.

Слово в день рождения Иоанна Предтечи

Час уже нам от сна востати (Рим.13:11).

Так говорит нам апостол! Так говорит в нынешнем чтении, когда празднуем память великого подвижника пустыни – святого предтечи. Почтим же и апостола, и предтечу размышлением о словах апостола.

Час уже нам от сна востати.

Что это за сон, от которого хотят освободить нас? Это сон нерадения о спасении души. Если совесть молчит, разум не видит нужного для вечности, воля – без действия для добра неизменяющегося, не сон ли это души? Пьют грехи как воду и множат нечестие каждую минуту, а думают, что все в порядке и беззаботно проводят время, не сон ли это пагубный? Пусть душа друга земли, интересов материальных, занята образами времени, пусть толпы образов сменяются в ней толпами, но и во сне телесном то же бывает с нами; здесь мечты и грезы, не тоже ли там? Душа бессмертная живет тогда, когда живет для вечности, когда выполняет волю Господа своего. Если же нет того с нею, самые усиленные труды не более как горячечный бред. Пусть другие не опьяняются грехами, но не отличают себя и ни одною добродетелью; ленивые и робкие на зло столько же ленивы и нерешительны на добро. Не сонные ли это люди? *Час уже нам от сна востати.*

Проснись, грешная душа моя! Пора делать дела Господни, пора трудиться для душевного спасения. Дорожи временем, дорожи каждым часом. Коротка жизнь земная, но не для того, кто наполняет ее благими делами; она коротка, она исчезает у тех, которые тратят ее бессмысленно, в развлечениях и трудах не в славу Божию. Дорожи временем. Оно уходит неудержимо. Сколько уже прошло его без пользы или и со вредом для тебя! Дорожи часом. Если пройдет он, то уже не возвратится к тебе. Если настанет другой час, это будет другой, а не прежний. Дорожи часом, все время жизни земной должно быть наполнено делами согласными с волею Божией. *Не призва нас Бог на нечистоту, но для святости* (1Сол.4:7). Ни одной минуты нет у

нас, которую бы в праве были мы употребить по прихоти сердца. Мы – не от себя и не для себя. «Не будьте бессмысленны, но узнавайте, что есть воля Божия» (Еф.5:17). Дорожи каждым часом. С каждым часом ты приблизишься к смерти, к пределу, которым оканчивается время купли и заслуг. Время дорого, им покупается блаженная вечность. Как пропускать его мимо глаз, беззаботно? Если бесконечное будущее зависит от сна или деятельности, необходима осторожность, чтобы не предаться даже дремоте. О! «да не спим, как язычники, но да бодрствуем и трезвимся» (1Сол.5:6).

Час уже нам от сна встати. В побуждение к тому апостол говорит: *ныне ближайшее нам спасение, неже егда веровахом* (Рим.13:12). Ныне, во время христианского откровения, легче нам спастись, чем иудеям и язычникам. У нас и более благодати, и более познаний, и более побуждений ко спасению, чем было прежде. Ужели оставим все это в небрежении? Проснись, душа христианская! Отец небесный для нашего спасения не пожалел Сына Своего. О! мы будем губить себя сном греховным? Сын Божий нисходит на землю, чтобы возвестить волю Отца небесного, открыть лучшие, самые верные, пути ко спасению. Ужели и после того люди станут жить, как жили язычники? «Если ангелами возвещенное слово было твердо и всякое непослушание получило праведную казнь, то как мы избежим, вознерадев о толиком спасении?» (Евр.2:23). Для того, чтобы открыть для нас небо и низвести на нас воды благодати, необходимой для исцеления расстроенной души нашей, Сын Божий смирил Себя даже до смерти, смерти же крестные (Флп.2:8). Ужели все это понапрасну? Ужели мы будем пренебрегать столько дорогою милостью неба? Ужели станем презирать страдания и смерть Сына Божия? О! Это было бы страшное нечестие! *Молим, не вотще благодать Божию прияти, говорит нам апостол* (2Кор.6:1). Пусть, когда была ночь невежества языческого, пусть, когда был мрак гаданий, перемешанный с мраком суеверий иудейских, люди творили дела темные и спали во грехах. Но братия-христиане! не к лицу нам христианам жизнь языческая; не к лицу нам «пирования, пьянство, сладострастие, ссоры и драки»

(Рим.13:13). «Спящие спят ночью и упивающиеся упиваются ночью. Мы же, будучи сынами дня, да трезвимся, облекшись броней веры и любви и шлемом надежды спасения» (1Сол.5:7–8). Не к лицу христианам простирать попечения об удобствах земной жизни до страсти (Рим.13:14). Как ни хвали жизнь материальную, как ни выставляй в красивом виде успехи её, это не жизнь христианская. Не того ожидает от нас божественный Основатель веры нашей. *Огня приидох вовреци на землю*, говорит Он, *и как хочу Я, чтобы он возгорелся*. Господь желает, чтобы в сердцах наших горел огонь ревности к подвигам благочестия, к выполнению воли Божией. «От дней Иоанна крестителя царствие небесное входят насильно и усильные искатели достают его» (Мф.11:12). Таково отличие христианской жизни?

Не станем говорить, что дело спасения слишком тяжело для нас. Ленивый говорит, лев на пути и не трогается с места. Будем толкать ленивого. Не бредь, скажем ему. И по устройству Вечного душа любит добро вечное, есть в ней и знание Бога, есть и отвращение от греха и тления. А для христианина сколько пособий благодатных! Близ боящихся Его спасение Его (Пс.84:10). Лев на пути, говорит ленивый. А когда зовет куда страсть, нет никаких препятствий. Для чрева, для чести, для корысти каких не предпринимают трудов, каких не преодолевают опасностей! К чему же это лукавство? Отважны и сильны для дел греха, а слабы для добрых подвигов! Мы слабы для добра всего более оттого, что по милости лени увеличиваем в своих глазах слабость свою и принимаем на себя, в обессиление себя, труды и подвиги для греха, по требованию страстей. Бедный человек! ты боишься трудов, оживляющих тебя, и выносишь труды и скорби, убивающие тебя. Что жизнь твоя? Мука. Живешь, как случится, в мятежной суеде; желания дикие терзают душу, нет покоя от них ни днем ни ночью; мысли, чувства, желания черные теснят, давят душу, так как по неотразимому суду совести они низки, преступны, недостойны бессмертной души, – так как для того, кто живет в забвении о вечности не светит ни один луч отрадной надежды.

О! братия! час уже нам от сна востати. Придем в себя, прогоним лень, понудим себя к подвигам благим.

Нерадение о спасении души в христианине – тоже, что небрежение о благодати Божией; а как страшно пренебрегать благодатью Божией! Что ожидает такую душу? Отступление благодати. *Врачевахом Вавилона и не исцеле, оставим (Иер.51:9). Ждах, да сотворит гроздие и сотвори терние, оставлю виноград мой и ктому не обрежется, и облеком заповем, еже не одождити на него дождя (Ис.5:1–6).* Суд Божий одинаков и для народа, и для частного лица. Если душа оставляет в небрежении заботы о ней неба, то и небо оставляет ее. Бог не посылает на нее более росы благодати, и она становится сухою землею, на которой не растет ни былинка. Страшное состояние, по неизбежное! Смерд грехов удаляет от нерадивой души благодать небесную; бесчувствие закрывает ее от прикосновений благодати Божией. Она слышит слово Божие и не трогается им; видит примеры добра и не увлекается ими, наряду с другими терпит наказания и получает благодеяния, но не становится лучшею. Страшное состояние! Грешник не видит его и оттого-то состояние его еще более страшно. О! грешник! гони от себя нечувствие страхом суда Божия. Трепещи пред мыслью, что бесчувствие удаляет от тебя благодать.

Там, за гробом, пробудят нас, если здесь сами не пробудимся. Пред светом правды Божией там и нехотя увидят себя грешники в подлинном виде и не пустят там в места покоя ни любодеев, ни убийц, ни любящих лжу (Откр.22:15). Там пробудят и пастыря нерадивого о душах, купленных кровью Сына Божия; пробудят и властителя, жившего по прихотям самолюбивой и гордой души; пробудят и судию, торговавшего правдою; пробудят и родителей, обучавших детей не страху Божию, а путям греха; пробудят и слуг лукавых, питавшихся обманом и воровством; пробудят и купца, богатевшего всеми неправдами. *И ввергнут их в пещь огненную и ту будет плач и скрежет зубов (Мф.13:42).* Такова правда Божия! Нам не переменить ее. Все готово для спасения нашего по эту сторону гроба; а там плата за ту или другую жизнь. Здесь время каяться

и нераскаянность – самая грозная опасность для нас, самое величайшее бедствие.

Отче небесный! Ты не требуешь ничего свыше сил детей Твоих. Если в ином холодность и неподвижность – дело духовного организма, Ты не осудишь независящего от воли его. Ты осудишь только нерадение о высшем совершенстве, осудишь невнимательность к последствиям сонливой лени.

Прости мне столь частые опущения долга моего, благий и милостивый! Подай мне помощь Твою исполнить с ревностью то, что дозволяют мне силы мои. Твоя есть сила и става во веки. Аминь.

Слово в единоверческом монастыре

Молю же вы, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, да тожде глаголете вси и да не будет с вас распри, да будете же утверждены в том же разумении и в той же мысли (1Кор.4:10).

Какою кротостью и какою сладостью дышат слова апостола!

Он не пишет: приказываю вам, хотя и имел право приказывать, как посланник Божий. Он пишет, умоляю вас. Мало и того, он и смиренную просьбу предлагает не от своего имени. Он умоляет именем самым великим и самым сладчайшим, умоляет именем Господа нашего Иисуса Христа. Как не послушаться такого увещания! Как не покориться такому внушению, хотя бы и не хотелось того капризному самолюбию!

О чем же просит апостол? О том, чтобы христиане одинаково веровали и по одинаковым правилам жили. Будем ли мы непокорны апостолу? Да не будет того с нами!

В области человеческой мудрости обыкновенны споры и несогласия в мнениях. По самолюбию здесь каждый хочет думать по-своему – и каждый хочет, чтобы его мнение было принято другими. Каждому хочется если не выдумать новую мысль, то по крайней мере одеть ее в новую одежду и не желательно, чтобы другие осуждали этот наряд, придуманный, быть может, не очень удачно. Отсюда споры и перебранки личных самолюбий. Да и помимо самолюбий, где общий, безошибочный, руководитель? Разум? Он точно прекрасный дар Божий, которого надобно бы слушаться, как голоса Божия. Но каков он у человека? У каждого свой разум, не одинаково настроенный, а что печальнее всего, послушный страстям, к тому же неодинаковым. Дороги идеи ума прирожденные, они даны свыше. Но если на них одних основывать систему мыслей, легко завлечься в умозрения тонкие, но бесплодные и ложные, особенно под неуловимым влиянием воображения мечтательного. Если принять за руководство один опыт, то дойдешь до умения жить довольно приятно, но ничуть не выше умного животного, да и то еще только для себя. Опыт – дело

личности, очень ограниченной, по разности положений наблюдающего и наблюдаемого он дает сведения очень несогласные между собою. Поверять ли умозрения опытом? И здесь оказывается несогласие, один дает более важности опыту, другой – умозрению. Таким образом в области мудрости человеческой слышим непрестанные споры, не умолкающий шум мнений, борьбу убеждений и сомнений.

Но с чего быть разностям мнений относительно членов святой веры? Один у нас учитель веры Христос Иисус; один истолкователь учения Дух Святой; одно основание верований – откровение Божие. *Божий Сын Иисус Христос не бысть ей и ни, но в Том ей и в Том аминь* (2Кор.2:20); Дух святой есть Дух истины и всегда один и тот же (1Кор.12:11). Откровение Божие верно, как верен сам Бог, за 6 и за 2 тысячи лет говорит оно одну истину спасительную для людей. Оно является нам как писание и предание, но там и здесь объясняет одно и тоже, передает одну веру и в одном духе. Можете сказать, что писание – тоже, что умозрение в философии и предание – тоже, что там опыт. Но то и другое здесь – не человеческое, а Божие и потому самое верное. Не говорим о писании, предание церковное есть опыт, составившийся под влиянием Духа Божия, дело духовной жизни, длившейся века, жизни, которая вся есть плод Духа Божия. Итак, пусть с умом, жаждущим истины святой изучают писание и предание, пусть с чувством духовным образуют по этим началам верование свое, что может выйти из того? Тогда будут жить жизнью Божией, тогда будут становиться един дут с Господом (1Кор.6:17); здесь нет места ни спорам, ни сомнениям, как нет места ни разноречиям, ни противоречиям в уме Божиим.

В области знаний разума разнообразие и перемена мыслей считается движением к совершенству, стремлением к единству. Это и естественно. Здесь истина не дана, ее только ищут. Оттого одна система мыслей сменяется другою; приемы ума, в известное время громкие, забываются в другое. Умы сильные увлекают за собою целую толпу умов слабых, из которых иные, не успевая следовать за быстрым полетом чужих мыслей, вызывают в зрителе улыбку своими падениями. Вот является

мыслитель с новыми мыслями и за ним устремляется толпа, забывая того, за кем бегала пред тем с изумленным взором; здания прежнего гения ломаются без пощады, на потеху зевающих; новое здание вызывает и удивления, и восторги. Но это также не на долго, до появления другого счастливого человека природы, в сущности, не так счастливого, как это кажется на первый взгляд, потому что и его ждет печальная участь предшественников его. Кажется, область знаний расширяется усилиями даровитых людей. Но достигли ли покоя? Нет. Жажда лучших знаний не утолена. Много новых знаний; а человечество ни на волос не лучше. Что такое – самое восхождение по степеням знания? Горькая насмешка над слабостью ума, тем более оскорбительная, что это восхождение по степеням оказывается явлением частным, явлением в том или другом народе, а не явлением в целом человечестве. И вот вся философия человеческая, вот все движение мысли к истине! Печальная картина, но ею тешатся, за неимением лучшей.

Не так в области верования святого. Здесь разность мнений вовсе не есть движение к совершенству; напротив составляет отступление от истины Божией. Здесь истина дана, искать ее не нужно, а нужно только усвоить ее умом и сердцем. Здесь самое малое отступление к произволу есть измена святой вере. Здесь не нужны многие учителя, один здесь учитель – Господь Иисус, Сын Божий. О самом Духе св. сказано, *не от себе глаголати имать, но елика аще услышит; глаголати имать* (Ин.16:13); т.е. Он будет объяснять не что-либо новое, а те же самые истины, которые уже возвещены Христом Иисусом. Так вера истинная – одна. Апостол строго осуждает всякое мнение несогласное с благоговествованием раз на всегда возвещенным. *Аще мы или ангел благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал.1:8). Что же это значит? говорят. Остается повторять одно и тоже? Как это скучно, как это недостойно ума человеческого! Напротив ничего нет достойнее ума человеческого, как сродняться более и более с истиною Божией. Не так, ли? Думают, что легко усвоить себе данную истину Божию? Напрасно. Много надобно времени, много надобно труда, чтобы изучить во всей обширности одну

какую-либо мысль откровения Божия. *Широка заповедь Твоя зело*, исповедался Давид. Есть степени веры святой, они ни в каком случае не исключают знаний начальных, но чем выше восходят, обогащают душу верующую большим утешением, большею силою воли. Скучно ли это для бессмертного духа? О! в этом счастье его!

После того что могут значить распри в вере? Что значат расколы и ереси? Ересь – явная борьба с истиною откровенною и, следовательно, со своим спасением вечным. *Не веруяй уже осужден есть*, говорит Господь (Ин.3:18). В расколе, в распре о обряде, на первый взгляд, не много опасного. Но не то на деле. Блаженный Иероним говорит, «нет ни одного раскола, который бы не выдумал себе ереси, чтобы уверить, что он совсем отступил от церкви»⁷⁸. В самом деле возьмем русский раскол, раскол для букв. На первый взгляд, это не более, как жалкая бедность смысла. Но каких дерзостей, каких нечестий против святой веры не говорил Аввакум? И в нынешнем виде своем не оскорбляет ли раскол таинства священства, таинства св. евхаристии? А это уже не произвол в обряде, а произвол в вере. Возьмем раскол Лютера. Казалось, в начале Лютер только отклонился от ошибок, от своеволий папизма, которых, конечно, не одобряет не только христианский дух, но и здравый смысл человеческий. Но подняв споры, Лютер сделал шаг, один шаг от веры, но за которым уже последовал необозримый ряд отступлений от веры. В озлоблении против высокомерия римского он отказался со всем от суда церкви, поставив на месте его суд разума. После же того если св. писание каждый в праве объяснить по-своему разумению, доверять своим умом, то откровенная вера останется известною только до имени, на месте её будет гулять произвол разума. Так это и оказалось в протестантской церкви, произволы за произволами являлись в ней, ересь за ересью, пока в последнее время не дошли до решительного отступления от Христа Господа. Чем еще опасны расколы? Блаженный Августин поучает, «раскольникам ни к чему не служат ни хранение девства, ни дела милостыни. Все эти дела приобретают заслугу в св. церкви, но бесполезны для раскола оттого, что он расторгает единство церкви и святую

любовь».⁷⁹ «Ничто так не оскорбляет Бога, поучает св. Златоуст, как то, если кто производить разделения (в церкви). Хотя бы мы совершили множество добрых дел, подвергнемся осуждению не меньше тех, которые терзали Христа, если будем расторгать целостность церкви».⁸⁰

Откуда могут происходить разделения между христианами по делам веры? Святая вера не допускает разделения в вере. Откуда же являются они? Апостол пишет, *молю же вы, братия, блюдитесь от творящих распри и раздоры кроме (против) учения, емуже научитесь, и уклонитесь от них. Таковии бо Господеву нашему Иисусу Христу не работают, но своему чреву* (Рим.16:17–18). Апостол Иуда говорит об отделившихся от церкви, *суть телесни, духа не имущи, по своим похожем ходяще* (Иуд.1:18–19). Итак, вот источник ересей и расколов – самоволие, которому хочется жить по похотям нечистых страстей, самоволие гордое, удалившее от себя Дух благодати! Какой нечистый источник! Не думаете ли, что найдете другой, более чистый источник? Не трудитесь, не найдете. Апостолы хорошо знали сердце человеческое, видели все тайные изгибы его, как никакой мудрец не в состоянии видеть. Опыты веков подтвердили справедливость суда их о происхождении ересей и расколов. Во все времена все так называвшиеся преобразователи веры заклеены одною печатью: *суть телесни, духа не имущи, Господеву не работают, но своему чреву*; вместо духа благодатного дышат духом самолюбия гордого, неуступчивого, раздражительного, тщеславного, мстительного и суетного.

Так братия, будем по наставлению апостола и мыслить, и исповедовать одинаково о святой вере, прославляя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Слово в неделю 19-ю

Не мнози учителя. бывайте, братия,
ведяше, яко большее осуждение приимем,
много бо согрешаем вси (Иак.3:1).

Что запрещает этими словами апостол? Звание ли учительства, или самовольное принятие на себя высокого звания?

Обратимся за объяснением прежде всего к наставлению Господа Иисуса. Спаситель говорил о фарисеях, *любят зватися от человек, учителю, учителю*. И потом, обратясь к народам и ученикам своим, сказал, *вы же не нарицайтесь учителя, един бо есть ваш учитель Христос, вси же вы – братия* (Мф.23:7–8). Спаситель не говорит, пусть не будет между вами учителей, но *не нарицайтесь учителя*. Без учителей нельзя быть в церкви, если должны в ней учиться истине и благочестию, то должны быть и учителя. Апостол Павел прямо писал, что Бог *положил в церкви учителей* (1Кор.12:28). Не только показывал он существование в церкви учителей, но говорят, что учителя от Бога. Не люди сами по себе придумали в церкви учителей, учителей церкви поставляет Бог, Бог положил учителей. Равенство братий по любви и смирению не исключает звания учителей и учеников. Спаситель осуждает в фарисеях самолюбивое величание их званием учителей; их страсть к учительству, самовольно принятому. Тоже самолюбие гонит Он и из общества учеников своих. *Не нарицайтесь*, говорит, *учители*. Не восхищайте себе звания учителя сами по себе, не вызывайтесь учить других, когда не призваны к тому; а когда и призваны, не возносите званием, которое принадлежит вам только по дару благодати небесной, так как первоначально и существенно *един есть ваш учитель, Христос*.

После сего, открывается смысл слов апостола. Фарисейская страсть к учительству прокралась с перешедшими в христианство иудеями и в христианскую церковь. Об этом прямо говорил ап. Павел, «ты, говорит, считаешь себя

путеводителем слепых, светом для тех, которые, во тме, наставником невежд» (Рим.2:19–20). Против сей-то беды пишет и апостол Иаков, *не мнози учителя бывайте, братия моя*.

Мы не верно поняли бы мысль апостола, если бы подумали, что апостол не желает видеть великого числа учителей. В церкви христианской как бы ни было велико число способных учителей, оно не может быть излишним. В училище премудрости Божией есть, чему учить и учиться; в целую вечность не изучим всего, что открыто Сыном Божиим. Только за грехи людей, только по нежеланию их изучать мысли вечной премудрости, премудрость посылает или не очень великое, или даже весьма малое число способных учителей. О чем же говорит апостол? Истинно-духовные учителя, доколе могут, скрываются от людей, закрывая смирением и от себя, и от других способность к учительству. Когда призывают их к званию учительства, они умоляют с Моисеем: *избери могущего иного, его же послещи* (Исх.4:13); или говорят с Иеремиею, *не вем глаголати*, не умею говорить, не вижу в себе способностей наставника (Иер.1:6). Так существенное отличие истинных учителей не искать учительства, а уклоняться от него. Потому, если являются *мнози учителя*, если многие спешат торопливо занять или самовольно сами себе ставят кафедру учительства, дело плохое. *Не мнози учителя бывайте*, своевольное искание. учительского достоинства не путь истинных учителей, не путь рабов Божиих; ужели же желают не быть рабами Божиими? Сохрани Бог! Так апостол осуждает самовольное принятие на себя высокого звания учителя.

Усиливая предостережение свое, говорит он, *не мнози учителя бывайте, ведяще, яко большее осуждение приимем, много бо согрешаем вси*.

Побуждение сильное не искать учительства, учитель подлежит более строгому осуждению, чем ученик. *Большее осуждение приимем*. Апостол говорит не по примеру ораторов, которые включают себя в число слушателей на словах, выключая из них в душе. Нет, он говорит по искреннему убеждению в том, что кто бы ни был учитель евангелия, он подвергается опасности тяжкого осуждения за свое дело и

должен приступать к званию учителя со страхом и трепетом. Если же так думал о себе апостол, что должны думать о себе обыкновенные учителя? «Говорю, что думаю и чувствую. Не думаю, чтобы нашлись между священниками многие, которые спасутся, напротив, гораздо более таких, которые погибнут, и это от того, что дело требует великой души», так говорит св. Златоуст.⁸¹ Учитель должен отвечать не только за себя, но и за учеников своих, с него спросят, не ввел ли он кого учением своим в ошибку и заблуждение? Не сказал ли лишнего? Не опустил ли нужного? Во время ли поспел на помощь? Не проповедал ли себя вместо Христа? Не был ли примером соблазна, вместо того чтобы быть примером добродетели? Он в сильной опасности тем более, что все мы, сколько бы ни были внимательны к себе, слабы, много грешим. *Если говорим, что не имеем греха, то обманываем сами себя, и истины нет в нас (1Ин.1:8).*

Если же и те, которые поставлены в учителя самим Богом, если и те, которые очищены избирающею благодатью Его и ограждены повиновением закону избрания, должны быть в сильном страхе за себя, как же те, которых не посылал Бог учить, дерзают выставять из себя наставников церкви? Как они без всякого страха и опасения принимают на себя право, не данное им? Как они до того самонадеянны, до того горды, что вовсе не думают о своей человеческой немощи, о своей склонности к ошибкам, заблуждениям, грехам? Долго ли им бедным до того, что своими нечистотами внесут они порчу в служение учительства? О! почему бы им не помнить, что гордость, облекшая их званием учителей, не обещает им ничего доброго? Удержится ли она от того, чтобы не вступать в споры о своей важности с учителями правимыми волею Божией? Самый темный невежа, но полный гордостью, считает себя умником первого сорта и других ставит ни во что. Гордость самозванного учителя в состоянии разделять, а не соединять, чад церкви, составлять себе своих учеников, а не руководить учеников Христовых, заводить соблазны, смятения, расколы, ереси, к скорби церкви Божией и в оскорбление Господа, столько

заботливого о единстве стада своего. Таковы были, таковы всегда будут дела самодельного учителя!

Апостол Иоанн пишет, писан церкви, но первенстволюбец их Диотреф не приемлет нас. *Сего ради аще прииду, воспомяну его дела, яже творит, словесы лукавыми укоряя нас и не доволен бывая о сих, ни сам приемлет братию и хотящим возбраняет и от церкви изгонит* (3Ин.1:9–10). Смотрите, каковы подвиги страсти к первенству! Диотреф, о котором не известно, была ли в нем искра здравого понятия о вере и церкви, не принимает Иоанна, любимейшего ученика Христова, зрителя тайн Бога слова, великого пророка о судьбах церкви новой! Диотреф не уважает того, что писал избранный между апостолами, осыпает его укоризнами, выгоняет из церкви учеников его и запрещает другим принимать их. Видите ли, до чего может доходить гордость человеческая? Понимаете ли, какие бессмысленные беспорядки, какие богопротивные дела, какие нелепые нечестия совершает в церкви желание быть первым по собственному счету? Вот что значит гордость довольная собою! Она не желает быть в зависимости от наставников, определенных Богом, кто бы они ни были!

Не правда ли, что надобно твердо помнить заповедь апостола, *не мнози учителя бывайте*.

Вот оставленные в звании учеников, вместо того чтобы принимать всякое слово учения, как земля принимает всякую каплю воды, отважно допытываются, так ли говорит учитель? Кстати ли говорит? Не слишком ли строго? Не слишком ли мягко? Зачем о том, а не о другом, говорит? Судите сами, ученики ли это слушают учителя, или судьи его полномочные? Друг мой! Не вступайся не в свое дело; не учи учителя, как ему учить; смотри на себя самого, добрый ли ты ученик? Смотри на твое сердце, каково оно? Добрая ли земля, способная принять семя в глубину, или камень, едва прикрытый землею, или дорога утопанная, или же и рыхлая земля, но засоренная дурными травами? Вот о чем надобно тебе заботиться! Довольно для тебя труда, ездь займешься собою, как следует.

Ныне говорят, ты не ребенок, чтобы ходить тебе в шкоду, т.е. в церковь. Кого там слушать? Людей без образования и

знания света?

Но в том-то и беда наша, что мы любим считать себя умными и зрелыми, любим *зватися, учителю*, но не любим быть учениками. Не того ожидает от нас Христос Господь.

Не нравятся учителя? Диотрефу не нравился и апостол, но кто был виноват в том? Пусть осмотрятся, не находятся ли в числе Диотрефов? Если, осуждая учителей за незнание, разумеют незнание светских приемов, тогда стоят и ниже Диотрефа, тогда не понимают, какое просвещение нужно для учителя церковного. Тогда не окажется ли, что очень немногие понимают, что должен знать ученик?

Ныне много является учителей и много недовольных отцами и учителями церкви! По духу мира, по духу гордости житейской это естественно, там столько же учителей, сколько голов, кое-как мыслящих. За то каких басней, каких лжей не услышите там? Какому нечестью не научитесь, если достанет охота? И это, пожалуй, назовут поступлением вперед, просвещением и расширением ума. Сохрани Бог каждого от такого просвещения, это не просвещение, а омрачение ума. Возможно ли совершенство без помощи Христа? В мире христианском, где только и возможно усовершенствование, велят изучать истины Божии при руководстве опыта, велят прислушиваться к голосу лучших людей, людей просвещенных и светом слова Божия, и светом благодати. Не того же ли требует и здравый смысл, требуя проверки мыслей опытом? И как полагаться на себя, когда знаешь немощь свою? Так в мире христианском немного учителей, за то они все надежные, все знают одну истину, учат одной истине, идут и ведут по одному пути. Какое счастье быть учениками таких учителей!

Пусть так, скажут, но ужели христианство позволяет только избранным для звания учителей наставлять других? Нет, скажем и мы, следуя апостолу. Апостол учить, «вразумляйте друг друга псалмами, славословием и песнями духовными» (Кол.3:16). Только, как видите, это вразумления частные и братские, необлеченные правом власти, а внушаемые только любовью. Этими вразумлениями предполагаются другие вразумления, с

которыми надобно им сообразоваться, чтобы не быть вразумлениями своеволия.

Почему, говорят, не признают за учителями раскола прав учителей церкви? Станный вопрос! Станный потому, что он сам себя разрешает. Если это учителя раскола, то вовсе не учителя церкви. Иначе церковь была бы и учительницею истины и единства, и учительницею раскола и заблуждения. Иначе церковь была бы и церковью единою и церковью разделенною, приняв в состав свой учителя раскола. Те, которые хотели бы стоять за Диотрефа, стояли бы не за апостола, и наоборот, кто за апостола, тот против Диотрефа. Пусть выбирают одно из двух, Диотрефа или апостола, раскол или церковь. Так говорит здоровое размышление!

Почему церковь, отказываясь от учителей раскола, не отказывается от детей раскола, не перестает учить их? Потому что церковь, по высшему определению, обязана учить, Бог поставил в церкви учителей. Пусть люди не хотят слушаться установления Божия, но не может не слушаться его церковь Божия. *Горе мне, аще не благовестую (1Кор.6:16)*. Пусть *первенстволюбец Диотреф* не приемлет нас; пусть не принимают жалкие слушатели его, это их дела; за свои дела они расплатятся на суде Божиим, не мягком для всякого самоволия. Церковь по долгу любви молит, дабы свет небесный просветил сердца, омраченные гордым самоволием. Она, по долгу звания, увещевает их к раскаянию, придите в себя, говорит, расстаньтесь с гордостью, которая и высших духов претворила в духов тьмы, отверженных Богом. Не свои слова говорим, говорим им слова апостола, что они «поступают по своим нечестивым похотям, отделяясь от единства веры» (Иуд.1:18).

Таково учение апостольское об учителях! Аминь!

Беседа в неделю 24-ю

Апостольское учение об антихристе, предлагаемое во втором послании к солунянам весьма важно, оно касается мирового события; им решается загадочное смешение добра со злом в мире. Личность антихриста, имеющего сосредоточить себе зло, действующее ныне по частям, показывает собою значение частных явлений зла, так нередко обманывающих собою многих. При таком значении предмета не дивно, что начиная с первых времен христианства, очень много трудились над уяснением откровенной мысли об антихристе. Не дивно и то, что многие попытки объяснения были не удачны. С XVI века реформация пустила вход мысли о папе-антихристе; в отечественной церкви с XVII века распространены самые дикие толпы раскольничьи об антихристе.

В предостережение от толков своеволия, рассмотрим не человеческое, а боговдохновенное, учение ап. Павла об антихристе, предложенное во 2 послании (2Сол.2:1–17).

Содержание апостольского учения кратко может быть выражено так, апостол предостерегает солунян относительно дня Христова (2Сол.2:1–2); указывает на времена великого дня – на предварительное появление антихриста (2Сол.2:3–7); представляет судьбу антихриста и его слуг (2Сол.2:8–12); прилагает учение свое к жизни христиан (2Сол.2:13–17).

Молим же вы братие, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем к Нему собрании не скоро подвизатися вам от ума, ни ужасатися ниже духом, ниже словом, ниже посланием, аки от нас посланным, яко уже настоет день Христов. Да никто же вас прельстит ни по единому же образу (2Сол.2:1–3).

Солуняне в след затем, как приняли евангельское учение о крестном пути ко спасению, подверглись кровавому гонению со стороны язычников (1Сол.2:14). На земле все восстало против них. Им оставалась только вечность. В таком положении желания и надежды их обращены были к небу, они ждали утешения только от Господа Иисуса. Апостол во время

пребывания своего у солунян утешал их мыслями о пришествии Христовом, грозном для нечестивых и отрадном для праведных (2Сол.2:5); и в первом своем послании к ним много говорил о том же (1Сол.1:10, 2:19, 3:13, 4:13–17, 5:1–4, 23). Но при тяжести скорбей, тяготевших над солунями, – они стали нетерпеливо ждать пришествия Христова; а иные перетолковывали учение апостола во вред себе и другим; уже настал день, говорили некоторые, переходили с этою вестью из дома в дом, возбуждали волнения и не занимаясь делами звания кормились на счет труда других. «Слышим, говорит апостол, что некоторые у вас поступают беспорядочно, ничего не делают, а суетятся» (2Сол.3:11). И вот апостол успокаивает возмущаемых людьми пустыми.

Молим же вы братие. Не смотря на несомненность будущего пришествия Христова, заклиняем вас тем же пришествием и всеобщим собранием к Нему. Таково значение здесь слова *молим*. И в первом послании к солунянам (1Сол.4:1) молим – Ερωμεν употреблено в значении усиленного прошения, заклинания.

Напрасно некоторые хотели понимать под пришествием Христовым суд над Иерусалимом за кровь Христову. *Приидет прославиться во святых своих*, сказал пред тем апостол (2Сол.1:10), что очевидно относится к последнему пришествию Христову, и никак не может быть приложено к суду над Иерусалимом. В 1 послании он соединяет пришествие Христово с воскресением мертвых (1Сол.4:15–16). Ясно, что это есть последнее пришествие Господа.

Молим о пришествии Господа и нашем собрании о Нем. Апостол в первом послании своем сказал, что все истинно верующие, как восставшие от мертвых, так и оставшиеся до того времени живыми, все вместе *восхищены* будут в сретение Господне на облацах на воздусе и с *Ним* останутся неразлучно (1Сол.4:17). Их-то разумеет апостол, когда говорит, о нашем собрании. Для них такая блаженная судьба – предмет пламенных желаний. И этим-то упрощает апостол солунян. Побуждение сильное, напоминание о предназначении блаженном.

Не скоро подвизатися вам от ума, σαλευσθαι – колебаться, как бывает с кораблем во время бури (Лк.21:25). Живое, картинное, изображение состояния солунян! Возмущаемые и своими мыслями и особенно внушениями людей не твердых в вере солуняне обуревались и колебались подобно кораблю, так что от робости и неопытности подвергались опасности гибели. Апостол умоляет не волноваться до того, чтобы теряться в уме, от ложных толков, будто уже наступает день Христов, предавая так скоро забвению наставление апостола.

Ни ужасатися ниже духом – не приходить в ужас от духа (Мф.24:6). Здесь разумеется ложное учение выдававших себя за вдохновенных людей, так как истинное пророчество не может говорить несогласного с откровением Божиим. Это тот же дух, о котором говорит ап. Иоанн, не всякому духу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть, яко мнози лжепророцы изыдоша в мир (1Ин.4:1–3). Св. Тимофею апостол Павел указывает на духов льсти (1Тим.4:1). Солунян возмущали такие люди, которые говорили, будто им по вдохновению известно, яко уже настоеит день Христов; возмущали духи обольстители, о которых апостол говорил, да никто же вас прельстит.

Ни словом, ни писанием, аки от нас. Обольстители старались подкреплять свою ложь словесным, вымышленным ими, наставлением апостола и даже посланием, которое будто бы писал апостол. В предостережение от такого обмана апостол показывает, как отличать подлинное послание его от подложных.

Таким образом апостол, не ослабляя ожидания Судии все ленной, удерживает солунян от доверия толкам суемудрия, будто уже настает день Христов.

Яко аще не приидет отступление прежде и открыется человек беззакония, сын погибели и т.д. (2Сол.2:3) Апостол дает при сем самым читателям подразумевать слова, день Христов не наступит, пока и т.д. подобная умолчания (Лк.13:9; Рим.5:12). Что разумеется у апостола под отступлением? Ныне легко понять, что напрасно относили это к отступлению от власти римской.⁸² Она давно пала без всякого значения для времени антихриста. Но принимая здесь духовное отступление мало

видеть в нем одно уклонение ума от правых мыслей веры. Отступление по библейскому употреблению означает уклонение от веры и благочестия, иначе нечестие всей души (2Пар.29:19; Иер.2:19). И Спаситель говорит о последнем времени, «по умножению беззакония охладет любовь многих» (Мф.24:12). Следовательно, напрасно протестанты усиливались частные своеволия папизма возвести в значение отступления последних времен. Принимают это отступление за одно с отступником. Но это значило бы без всякой нужды, по произволу, отступать от буквального значения слова. Сам апостол говорит, что сын погибели увлечет за собою не веровавших истине (2Сол.2:10–11). Следовательно, неверие людей, или что тоже отступление, предполагается предшествующим явлению и обольщениям сына погибели; и отступление относится не к отступнику, а к другим лицам. В послании к Тимофею апостол писал о последнем времени: *в последние дни настанут времена люта, будут бо человецы самолюбиви, сребролюбцы, величавы, горды, хульницы, родителям противящиеся, сластолюбцы, паче, неже боголюбцы, имуще образ благочестия, силы же его отвергшиися* (2Тим.3:1–2). Таким образом апостол указывает в будущем времени, во времени пред появлением антихриста, зарождение полного отступления от веры и благочестия, которое к явлению антихриста раскроется в ужасающем размере.

И открытсѧ человек беззаконїя. Как о Христе Спасителе говорится, что Он, действующий ныне между верующими и в их сердцах невидимо, некогда явится видимо для суда всеобщего, так и человек греха, ныне незримо действующий в людях грешных, в свое время явится видимо.

Кто этот человек беззакония?

Блаженный Августин видит в сыне погибели «не одно какое-либо лице, но всю область тьмы, борющуюся с истинною церковью Христовою» (De civi Dei). Подобную мысль принимали некоторые из наших раскольников беспоповцев.

Но вся связь мыслей показывает, что у апостола Павла человек беззакония – лице неделимое. Он не только человек беззакония сын погибели, но он явится в лице Христовом и

будет действовать как лице сильное. Апостол говорит, что этот человек в известное время откроется. Но дух антихристианский действовал уже при апостолах, ап. Павел говорит о врагах креста Христова (Флп.3:18–19); апостол Иоанн, прямо сказал, *и ныне антихристы многи быша* (1Ин.2:18). В своем описании сына погибели апостол отличает сего человека погибельного от других погибающих, которых он будет главою.

Не есть ли этот человек беззакония сам диавол? Но апостол называет его человеком; и, следовательно, это не диавол в образе человека и не воплощенный диавол. Апостол Иоанн в откровении своем говорит, *и сотворит вся малая и великия, богатые и убогия, свободные и работные, даст им начертание на десней руке их или на челе их, да ни кто же возможет ни купити, ни продати, токмо кто имат начертание или имя зверя или число имени его* (Откр.13:16–17). По этому описанию антихрист будет каким – то властителем земным, который в звании царя, будет выдавать законы и управлять людьми.

Последуем за изображением его у св. Павла. *Человек беззакония*, по изъяснению св. Иринея, «орган,местилище греха, величайший грешник, какому не было и не может быть подобного» между людьми; иначе раб и творец греха (Притч.6:12; Ис.55:71).

Сын погибели – определенный на гибель и виновник гибели многих (Откр.17:8, 11).

Противник – кому? Последующее показывает, что антихрист будет противиться Богу и всему священному (2Сол.2:4); Спаситель говорит, что он будет выдавать себя за Христа (Мф.24:5).

Превозносятся паче всякого глаголемого Бога или чтилища. Гордость его будет так велика, что он будет ставить себя выше всякого Бога, верно ли или не верно признаваемого за Бога. *Чтилище* *σεβασμα* то, что считается за предмет священный и чтится благоговейно. Для антихриста ничего не будет священного, кроме его самого. Тайновидец говорит о звере, *и даны ему уста, говорящие гордо и богохульно* (Откр.13:5).

Яко же ему сести в церкви Божией аки Богу, показующу себе, яко бог есть. Что это за храм (ναος) Божий, где будет гадиться антихрист? Храм Божий, но самому названию, не есть храм глаголемого бога, а храм Бога истинного. Итак, можно разуместь или храм иерусалимский, который назывался и был храмом Бога истинного, или общество верующих так как апостол говорит, *не весте ли, яко храм Божий есте вы* (1Кор.3:16), или храм христианский. Но не следует понимать здесь первого, так как апостол знал печальную участь иерусалимского храма, предсказанную Спасителем, а мы и из истории знаем, что все попытки восстановит этот храм были бесполезною борьбой с решением неба. Да и если бы антихрист воздвиг в Иерусалиме храм, это был бы храм антихристов, а не Божий. Если же понимать под храмом Божиим верующих, то в таком случае у апостола слова, *показуя себе яко бога*, были бы напрасным тождеством; тогда надлежало бы выразить мысль апостола так, будет являться в виде Бога между верующими и будет показываться богом. Одно из двух изречений – лишнее. Да и собрание верующих тогда не было бы храмом Божиим, а сонмищем сатаны. После сего остается разуместь под храмом Божиим храм христианский. Правда, христианский храм нигде в нов. завете не называется храмом (ναος) Божиим, но он называется *церковью Божией*, собранием Божиих людей (1Кор.11:22), что по смыслу одно и тоже с храмом Божиим (1Кор.3:16). Подтверждением тому, что у апостола под храмом Божиим разумеется освященное здание, служить и то, что, по его словам, антихрист будет ставить ниже себя всякое чтилище. И так антихрист будет садиться в храме христианском как бог, и обольщенные им будут по его требованию поклоняться ему, как Богу. Иначе он будет вытеснять из храмов христианских служение Христу Господу и введет поклонение ему антихристу как Богу. Тайновидец говорит, *и отверз он уста, чтобы хулить Бога, хулить имя Его и жилище Его и живущих на небе... И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни у Агнца закланного от создания мира* (Откр.13:6, 8).

Может ли это быть? Ужели такой грубой лжи и нечестия не отвергнут с презрением читатели единого Бога? И когда же? Тогда как верующие будут обогащены опытами времен прошедших, когда познания их о истине могли бы быть и обширнее, и чище.

В объяснение этой странности апостол говорит, что антихрист будет *показуя себе, яко бог есть*. Чем же? Знаменами и чудесами, о которых говорит далее 2Сол.2:9. Но так как эти знаменания и чудеса, по словам самого апостола, будут ложные, то все еще остается сомнение, как могут люди – христиане дойти до такого ослепления, что станут поклоняться ложному богу? Путь к тому откроет в душах их нечестие сердечное. *Любве истины прияша*, говорит апостол, *сего ради послет им Бог действо льсти, во еже веровати им лжи, да суд приимут еси неверовавшии истине, но благоволишии в неправде* (2Сол.2:10–11). Вот психологическое объяснение явления странного и страшного! По благоволению к неправде, по отвращению от истины принимают самую грубую ложь. В известной мере тоже явление оказывается и ныне. Сколько гениев сколько полубогов, создано уже в христианском мире! Не видим ли, до какого странного и страшного самообольщения доходили даровитые люди, под влиянием забывчивой гордости? Не говорим о сильных военачальниках, о великих государях. Вот известный Аввакум! Человек, пред взором беспристрастным, – образец самого печального невежества. Как, казалось, такой осязаемый невежда мог казаться себе и другим человеком не пошлым? И, однако, гордость его была непомерная, он выставлял себя и учителем непогрешным, провидцем Божиим, таким, пред которым все современное должно падать в прахе. Нечестие ума и сердца идет вперед.

Не помните ли, яко еще живой у вас, сия глаголах вам? (2Сол.2:5). Уже и тогда, как апостол устно проповедовал солунянам истины небесные (Деяния гл. 17), он говорил им о втором пришествии Господа и о событиях, которые должны предшествовать ему. Почему говорил о том апостол? Конечно, по тому случаю, что какие-нибудь учителя иудейские, не расстававшиеся с мечтами о царстве Мессии, сообщили

солунянам неправильное толкование пророчеств; апостол, проповедник чистой истины, передал солунянам верное наставление о пришествии Христовом. Но, как видно, не все солуняне воспользовались учением апостола.

И ныне удерживающее весте, во еже явитися ему в свое время (2Сол.2:6). Удерживающее – то, что сдерживает, что препятствует (Рим.1:18; Лк.4:42). Что же такое препятствует явиться антихристу? По словам Феодорита это есть отступление всех язычников от идолопоклонства; тогда только явится антихрист, когда откроется царство Христово; а царство Христово откроется по уничтожении идолопоклонства. Феодорит, очевидно, поставляет в соотношении удерживающее с отступлением; он в этом справедлив, но у апостола показывается отступление от веры, а не отступление от идолопоклонства. Потому надобно, найти другое явление, соответствующее отступлению. Отступление отворяет двери антихристу, удерживающее не пускает его. Итак, удерживающее с характером и свойствами совершенно противоположными отступлению. Там холодность к истине, – здесь должна быть любовь к истине; там нечестие, здесь благочестие живое. Так не трудно было понять солунянам, не трудно понять и нам, что препятствием появлению антихриста служит искренняя любовь христиан к чистому евангельскому учению, видная и в опыте. Пока христиане держатся евангельского учения, не взирая на гонения со стороны мира, пока любовь их к Господу жива и плодотворна; это сдерживает власть злодействующего в мире; это не допускает ему усиливаться до того, чтобы открылся человек беззакония. «Когда настало время, Бог послал Сына своего» (Гал.4:4), так и для явления антихриста есть свое время. С какого года начнется это время, знает только Бог. Дело христиан твердо помнить, что живое благочестие – твердая защита против антихриста.

Тайна бо уже деется беззакония, точию держай ныне дондеже от среды будет 2Сол.2:6. Тайна беззакония вызывает на мысль *тайну благочестия* (1Тим.3:16). Хотя беззаконие и благочестие противоположны одно другому, но в действии того и другого есть сходство. Тайна благочестия начинается в

человеке, в народе, в человечестве с малого и незримо достигает разных возрастов. Точно так тайна беззакония началась еще во времена апостолов, с людей, смешивавших в душе своей светлые христианские мысли то с оземленившимся иудейством, то с грубым язычеством; это беззаконие непрерывно действует в истории мира, являясь то в том, то в другом виде и время от времени растет незаметно (1Тим.4:1, 7; 2Тим. 2:14, 17; 1Ин.2:18–19, 4:2–4). Не дивно, что люди успехи беззакония считают за прогресс человечества. Рационализм и материализм не принимаются ли за прогресс человечества, тогда как первый есть прогресс гордости духа, а второй – прогресс скотской жизни. Беззаконие не так легко высмотреть, как кажется другим, оно прикрыто своею тайною, обольщающею видимостью добра, истины, пользы. На деле все это только видимость, а не действительность, но легко ли узнать это? Казалось, не трудно понять, что самолюбие и жизнь животная – основные нечестия в человеке и человечестве и потому успехи их – успехи беззакония. Но первое дело, и самолюбие, и жизнь животная, наша собственность, как не защищать их, с сознанием и без сознания? Затем, чего не говорят, чего не делают, чтобы дать полный простор тому и другому? *Тайна беззакония* деется с успехом.

Дондеже от среды будут εκ μεσε γενται. Это выражение употребляют о лицах и вещах, которые сходят со сцены действия, так что более не выказывают своей силы. Да *измется от среды вас содеявый сие* (1Кор.5:2), значит, пусть в вашем обществе не будет деятелем соделавший такое беззаконие. Изыдите из среды их (Кол.2:14), живя в мире будьте мертвыми для мира, не участвуйте в его делах нечестивых. И так слова, *дондеже от среды будут*, значат, пока не перестанет обнаруживать свою силу.

О ком же это говорится? Кто этот держай? Прежде всего несомненно, что *удерживающее* и *держай* – не одно и то же. Апостол ясно и определенно отличает одно от другого, показывая в одном событие, в другом лице. Златоуст и другие понимали под удерживающим власть римской империи. Но давно уже очевидно стало, что эта власть не была страшна для

антихриста, она пала очень давно, а антихрист против ожиданий давних не явился. Странно понимать под удерживающим властителя земного, какого-либо верховного представителя власти и порядка человеческого. Будто человек, кто бы он ни был, и может с успехом противодействовать такому страшному лицу, каков антихрист! Будто представитель всей возможной власти человеческой и может сдерживать того, кто действует заодно с сатаной! Нет удерживающий антихриста должен быть с силами более, нежели человеческими, должен быть с помощью Божества. Таким образом остается видеть под удерживающим Духа Утешителя. Это так должно быть и потому, что и удерживающее антихриста – любовь к истине и святости возможна в людях только при действии Святого Духа. Следовательно, как скоро есть любовь святая в людях, то это значит, что в них есть Дух святой. «Если бы он говорил о Духе, то говорил бы не обинуясь, но ясно», замечал Златоуст. Напротив, он потому и говорит не прямо, что каждому истинному христианину известно, кто противодействует злу в человечестве, кто оживляет грешного человека. *Не весте ли, яко храм Божий есте и Дух Божий живет в вас (1Кор.3:16)*, говорит апостол.

Итак, антихрист явится тогда, когда любовь к истине и святости охладет в людях и грехи людей заставят Духа Утешителя предоставить их собственным их силам.

И тогда явится беззаконник, его же Господь Иисус убьет духом уст своих и упразднит явлением пришествия своего (2Сол.2:8).

Апостол не ограничился тем, чтобы показать солунянам явление страшного антихриста. Любя их, он к утешению их открывает и участь этого страшного врага Божия и человеческого.

Убьет духом уст своих. Это предсказал еще пророк Исаия в пророчестве об отрасли Иессеевой, *Мессия поразит землю словом уст своих и духом устен убьет нечестивого (Ис.11:4).* В этом пророчестве дух устен отвечает слову уст. Итак, и у апостола дух устен тоже, что слово Господне. уст в значении силы сокрушающей сравнивается с сильнейшею бурей (*Иов.4:9*;

Прем. 5:23, 11:20). Таже мысль и здесь. Господь Иисус так легко и всецело низложить антихриста, что дунет на него и он исчезнет, иначе скажет слово и его не будет. *Убьет*. В апокалипсисе Иоанна говорится, что антихрист живой снизойдет в ад (Откр.19:20). Соединяя одно с другим, получаем такую уверенность что антихрист словом Господним определен будет на гибель неизбежную; и так как он будет человек, а переселение человека с земли в другой мир невозможно без преобразования организма телесного; то нисшествие антихриста в ад соединено будет с мгновенным изменением тела его, к увеличению его мучений.

Упразднит: отнимет силы для деятельности, с уничтожением порядка дел его (1Кор.15:24, 26; 2Кор.3:7); иначе прекратит беззаконное преобладание антихриста. Чем же? *Явлением пришествия Своего*, величием и славою, с какими явится Он да суда над вселенною, так как это будет *явлением славы великого Бога* (Тит.2:13), единого могущественного Господа господствующих (1Тим.6:15).

Его же есть пришествие по действию сатанину, во всякой силе и знамениях и чудесах ложных и во всякой лести неправды в погибающих 2Сол.2:9. Связь с предыдущим такая: упразднит, хотя сила антихриста будет страшная. Пришествие по действию сатанину означает ли только появление, рождение по действию сатанину? Хотя известно, что и в самом рождении существа скрывается зародыш будущих способностей, имеющих развиться в последствии, но, если бы одно рождение антихриста совершилось под влиянием сатаны, он был бы человеком незаконным, но не мог бы назваться человеком беззакония, равносильным самому беззаконию, в нем могло бы оставаться еще кое что человеческое. Итак, пришествие антихриста по действию сатанину означает всю вообще земную жизнь его, устрояемую под влиянием сатаны. По откровению Иоанна «дал ему (антихристу) дракон (сатана) силу свою и престол свой и великую власть» (Откр.13:2). По объяснению Дамаскина, «всякое дело сатаны примет он на себя, и вся мощь диавола соединится в нем».

Во всякой силе и чудесех ложных. Слова эти иногда бывают в писании синонимическими и только служат оттенками необыкновенного явления. В круге дел антихриста будут дела необыкновенные и разного рода, которые будут казаться чудесами, но это – не истинные чудеса, возможные только для Промыслителя вселенной и Его посланников; это будут ложные чудеса, иначе явления необычайные, которые несправедливо будут считаться чудесами, – каковы были дела Елимы волшебника (Деян.13:8–9) или знамения лжехристов и лжепророков (Мф.24:24). Дела антихриста соединены будут «со всякими обольщениями погибающих». Вот объяснение тому, почему необычайные дела антихриста будут знамениями и чудесами. Знание сил природы, очень возможное для ученика сатаны, соединяться в нем будет со всеми обольщениями, на какие только способен любимый сын сатаны, обманы ловкие и наглые, десть бессовестная, обещания и угрозы громкие – все будет пущено в ход.

Зане любви истины не прияха, во еже спастися им. И сего ради послет им Бог действо лъсти, во еже веровати им лжи, да суд приимут вси не веровавшие истине, но благоволившие в неправде (2Сол.2:11–12). Дальнейшее объяснение страшного явления! Слушатели антихриста будут люди, которые *любви истины неприяша*, люди не возлюбившие истины, погибающие, не захотевшие верить истине (2Сол.2:12), открытой Христом Господом (Гал.5:7; Рим.2:8) и худо известной им из другого источника. Следствием такой холодности к небесной истине будет то, что по Божию попущению они полюбят вместо истины ложь и верить будут обману, примут от всей души вместо истинной ложную религию. *Послет действо лъсти* – равносильно выражению, *предаде их* (язычников) *Бог в неискусен ум творити неподобная* (Рим.1:28). Бог никогда не хочет ни того, чтобы грешник обманывался, ни того, чтобы погибал он. Но так как грешник хочет обманываться, то Бог попускает исполняться воли грешника. За то, что люди благоволили к неправде и не верили истине, откроется над ними суд правды Божией; за то, что не хотели они верить истинным чудесам, поверят они ложным. И как это легко бывает

с гордостью человеческою, на её посрамление! Считают ни почем великие дела Божии; – и падают в страхе пред ловким обманщиком. Не ходят в храм Божий и идут к ворожее.

«Мы же всегда должны благодарить Бога за вас, возлюбленные Господом братия, что Бог от начала чрез освящение Духа и веру истине избрал вас ко спасению. И так братия, будьте постоянны и сохраняйте предания, которым вы научены или словом или посланием нашим. Сам же Господь наш Иисус Христос – да утешит ваши сердца и утвердит вас во всяком слове и деле благом» (2Сол.2:13–17). Так апостол прилагает наставление свое о антихристе к солунянам! Люди, которые уславливают собою явление и силу антихриста, показаны вам (2Сол.2:10–12). Таковы ли вы, чтобы смущаться за себя и волноваться мыслью, что настал день Господень? Вовсе нет. За ваше положение надобно благодарить Господа. Вам остается быть только твердыми в учения неба, переданном вам словесно ли или в послании (1Кор.15:3). Помощь небесная для вас готова. С радостью молю Господа о новых успехах ваших. Так говорил апостол.

Если бы после сего спросили мы себя, не явился ли уже между нами антихрист? Не настал ли день Господний? С твердою уверенностью сказали бы мы, нет. И сказали бы не от себя, а следуя наставлению апостола. По его наставлению, явлению антихриста, должно предшествовать отступление от веры и благочестия и уже за явлением антихриста последует день Господень. А по милости Господа Иисуса в церкви русской искренно любят веру и св. благочестие. В ней благоговейно чтут слово Божие, не допуская произволу каждого толковать изречение его по-своему. В ней очевидны действия Духа Утешителя – различные чудеса и дарования духовные, те действия, при которых невозможно явление антихриста. Пусть некоторые холодны к вере и благочестию; но это плевелы среди пшеницы, а когда же не было плевелов? Пусть люди темные и своевольные блуждают по производим сердца и не хотят соединиться с св. церковью. Такие были еще и при апостолах, и еще больше их было после того – кафары, новатиане, донатисты и т.д. Да приведет их Бог в познание истины! Нам

остается, как и солунянам, быть твердыми в вере, преданной нам Богом и возрасть в совершенстве христианском в любви к Богу и братьям.

Да подаст нам сладчайший Спаситель наш силы для преспеяния во всяком деле благом! Аминь.

Слово в день венчания на царство государя императора Александра Николаевича

Сие есть живейшее желание наше, – свет спасительной веры, озаряя умы, укрепляя сердца, да сохраняет и улучшает более и более общественную нравственность, – сей верный залог порядка и счастья. Так говорил благочестивейший государь наш при начале своего царствования! Вера и жизнь по вере – вот основы благоденствия общественного, говорит царь обширнейшего царства. Так ли это на деле? Если размыслим о том, думаем, лучшим образом почтим нынешнее торжество.

Нужно ли говорить, что без Бога мы нищи и мертвы? Могут мечтать о себе, как о начале всякой жизни, научной, художественной, государственной, но мечта остается мечтою, а жизнь в нас не от нас. Счастье наше зависит от выполнения воли Божией. В чем состоит эта воля для нас? В открытых для нас теоретических и практических мыслях.

Так первое условие благоустройства нашего – хранение святой веры, той, которая открыта для нас небом. Исказать эту веру, оскорблять ее холодностью и небрежением, – страшно. Это значило бы оскорблять Бога; это значило бы лишать себя света живительного, не заменимого ничем другим. *Се же есть живот вечный, да знают Тебе, единого истинного Бога и Его же послал еси Иисус Христа (Ин.17:3). Веруяй в Мя имать живот вечный (Ин.6:47).* Так говорит Сын Божий!

Слышно, говорят, «вера – дочь неба, а мы – земные; нам до неё дела нет, пусть же и она не мешается в наши дела; нам нужны граждане, а не жрецы, деятели общественные могут терпеть веру, как дело не худое, и не столько нужное, чтобы дорожить ею».

Ужели правы эти люди? О! нет и нет. Вера чистая, святая, открытая небом, дорога не только по отношению к вечной жизни, но и к жизни временной. Религия Господа Иисуса, при всей её возвышенности и духовности, содержит в себе живительные начала для всех отраслей жизни земной, до того, что всякое отклонение от этих начал влечет за собою

расстройство жизни. Сколько ни строили теорий общественного строя, все лучшее в них оказывалось собственностью христианства и всякое несогласие с началами христианскими оказывалось ложью вредною или суетою отяготительною для хода дел. Вера чистая, небесная, не мешается насильно в дела обществ земных, она кротка и мирна. Но худо бывает обществам земным, когда они гонят ее прочь от себя, когда они думают жить без её услуг. Бедное самолюбие людское! Оно боится за власть свою над людьми, тогда как не только не хотят отнять ее у него, а хотят усилить. Поразительное явление и его пропускают мимо глаз, даже члены разбойничьей шайки для успехов общего дела своего связывают себя клятвою. Так нужна религия для прочности обществ человеческих! Так непрочны все связи общественные без связи религиозной! И это даже тогда, когда у людей религия не самая лучшая, не самая живительная, какова религия христианская. Без внушений веры святой, без христианского благочестия люди служат государству до тех пор, пока государство служит им, иначе они служат вовсе не государству, а себе самим, своим видам личным; юстиция, финансы, торговля, искусства, науки – в услугах лицам и повертываются на все лады и виды по расчетам самолюбия личного. Все беспорядки общества можно уничтожить переменою учреждений, увеличением или уменьшением прав? Нет пока деятели плохи, дела всегда будут выходить плохие. А деятелей способных лучших, образует только христианство. Потому лишь легкомыслие забывчивое, или своекорыстие нечестивое могут выставлять святую веру делом неважным для общества. Потому не друзьями общественного блага, а людьми вредными, врагами и злодеями человечества, должны быть признаваемы те, которые оскорбительно говорят об отношении веры к государству. Да сохранит Бог Россию от влияния подобных людей!

Слышно, говорят другие, «веруй, как хочешь, только будь честен; пусть храм и мечеть, синагога и капище стоят одно подле другого; только бы не мешали друг другу и не возмущали общественного порядка; в государстве все веры – под одним уровнем и нет преимущества ни для одной».

Что это такое? Ужели ложь и истина – одно и то же? Ужели нет разности между чистою истиною и истинною, перемешанною с грезами больной души? Или можно одинаково любить и уважать как истину, так и ложь? Или ложь может быть благодетельна для общества, как благотворна истина? Если так, пусть откажутся от здравого смысла; пусть не выставляют в себе и друзей человечества. Тот, кто хочет одинаково уважать все верования, уважать и любить только себя, свои летучие мнения, а не человечество, развивающееся по законам данным свыше; он человек без характера и определенных мыслей; он по слабости смысла и воли неспособен ни на какую жертву для добра и человечества, самый пустой и лишний человек в обществе, – *верь как хочешь, только будь честен*. Легко сказать бессмыслицу, но не легко оправдать ее. Если талмуд говорит еврею, обманывай и обкрадывай христианина, как же еврей будет честен? Если вера душителя говорит ему, как можно больше убивай людей, и душитель – полезный член человечества? Если язычество греческое освящает гнусности, истребляющие род человеческий, и питомец его примерный деятель общества? Легко сказать, «будь честен», но на чем основать в душе честность? Будь честен, говорили и языческие философы, а вместе учили и лгать, и обманывать, и красть, и мстить, и отнимать жизнь у себя и детей. Отчего это? От недостаточных религиозных мыслей. Чем чище, чем святее, чем возвышеннее вера, тем лучшие являются граждане, тем крепче и счастливее общества человеческие. Так говорит опыт веков! Так говорит здравый смысл! Отделять веру от строя государственного может только борзописец на бумаге, но не отделяет их жизнь народов.

Терпимость вер – умное дело, но она не означает безразличия в вере. Умная терпимость искренно любит и благоговейно чтит веру, открытую небом, ревнует о её целостности, радуется успехам её, открывает все способы для её славы и отклоняет все препятствия, мешающие быту её. Того требует от нее уважение здравого смысла к истине, уважение сердечное к прекрасному, любовь души к возвышенному и святому. При таком отношении к чистой, святой, небесной вере, умная

терпимость дает место и мнениям человеческим, иначе верам, смешанным с ложью, дает место по снисхождению к слабостям человеческим. Она знает цену им и отнюдь не ставит их в уровень с верою небесною, но терпит их по любви к слабому человечеству. Оставьте расти и куколь, и пшеницу до жатвы, сказал Господь наш. Послушное голосу его общество христианское так и поступает, не теснит, не гонит, не преследует заблуждающихся. Оно не опускает случая с любовью указывать им на их ошибки, предлагает свободе выбирать лучшее и, если не слушаются, не берется за меры принуждения. Такова истинная, святая, умная терпимость вер! При такой терпимости небо благословляет общество благословениями земли и неба.

Фанатизм вредит для обществ человеческих? Это правда, но он столько же несовместим с чистою любовью к святой вере, сколько близок к душе безразличной. То и другое известно из опыта. Вспомните, как проповедавшие о равенстве общем, в угоду своей воли рубили несогласным с ними головы на эшафотах, гласили просвещение, оскверняли храмы Божии, лили потоки крови человеческой. Молитвами рабов своих да избавит Господь Россию от страшных людей, каковы фанатики – индифферентисты!

Неправильное направление деятельности народа, его желаний, забот, трудов или как говорят, неправильное развитие стихий народной жизни – вот причина пагубы для народов и государств! Общество или государство в своем составе – тоже, что человек. Как в человеке есть видимое и невидимое, телесное и духовное, так в жизни государственной есть своя духовная и вещественная сторона. В человеке дух знает Бога, благоговеет пред Ним, стремится исполнять волю Его, готовится к вечности; а тело просит пищи, одежды, жилища, покойного житья и т.д. В государстве духовную сторону составляет святая вера с её учреждениями, а вещественная сторона его – все приемы видимой жизни, земледелие, промыслы, торговля и т.д. Закон нормального развития жизни в человеке и народе требует, чтобы каждая сторона жизни развивалась по её требованиям и относительному значению. Человек становится животным, когда живет только животною жизнью; он тогда теряет значение

человека и губит себя. Точно тоже бывает с государством, – и оно расстраивается и гибнет от преобладания вещественного над духовным.

Пусть в каком-либо государстве, в глазах народа, составляется предприятие за предприятием и все в видах благоустройства одного внешнего быта, являются планы за планами, книги за книгами то о земледелии, то о путях сообщения, то о мануфактурах и торговле и т.д. равно в обществе только и будет речей, что о том же вещественном быте, как будто кроме жизни проходящей ничего нет для человека более и помимо земного нечего ему желать и ожидать. Пусть к тому же все порядки семейной и гражданской жизни не напоминают ни о чем духовном, напротив бросают тень на светлый лик святой веры, колеблют любовь к святому, охлаждают сердце для всего высокого, мертвят дух. Что тогда произойдет в народе и государстве? Тоже что в человеке, когда он питает и греет только животную жизнь свою, извращение и расстройство жизни, пагуба; народ мало по малу превратится в труп смрадный и отвратительный, и люди и небо отвернутся от него. Вещественное, какую бы красивую форму ни давали ему, без силы и духа рассыпается; оно держится только незримыми началами жизни. Когда погасает в народе дух веры, народ становится непотребным пред лицом Божиим и отвергается Богом; а отверженному Богом чего ждать кроме гибели? И все это оттого, что неправильно стали развивать стихии народной жизни, забыв, что в человеке и народе, кроме тела, есть дух.

Бога бойся и заповеди его храни, яко сие всяк человек (Еккл.12:13), сказал древний мудрец. И никакая мудрость не отыскала и не может отыскать другой нормальной жизни для человека и народа. Отказаться человеку от данных ему законов вечных – тоже, что отказаться от жизни или уверять себя, что бытие – мечта. В бреду горячки, как и в бреду страстей, это бывает, но кто ж горячку назовет желаемым состоянием? Человек, как и государство, живет лишь тогда, когда благоговеет всею жизнью пред Господом.

Так благочестие искреннее, живое, христианское – твердая и незаменимая опора государству. Оно смиряет в нас все

движения самолюбия – страсти к корысти, к власти, к наслаждениям, эти источники всех бесчиний и бед людских, этих разрушителей государственного строя. Любовь христианская всемогуща, на какие жертвы не готова она для других? Кто нас разлучит с любовью Божией? говорит она. Благоговеющая пред Богом, она служить отчизне с усердием полным и намерениями бескорыстными, приносит в жертву все свое. Законы государственные для нее не тяжесть, она для Господа. своего совершает более, чем требует закон. Ни обиды людей, ни низость звания, ни тяжесть трудов не ослабляют её энергии для добра. Если вера Христова владеет сердцами людей, то и при несовершенстве гражданских учреждений в обществе обитает правда и с правдою покой общий, каждый заботится о другом и уменьшаются нужды общие; со временем же несовершенные учреждения гражданские преобразуются советом любви бескорыстной. Такова любовь христианская!

Будем молиться, чтобы Господь всем участвующим в правлении отечественным кораблем даровал и очи видеть и твердость миновать подводные камни на пути его плавания. Будем молиться, да во всех нас выполняется желание помазанника Божия – хранить основы государственного строя, во славу Божию. Аминь.

Слово в день воздвижения креста Господня

Нет человека на земле, который не хотел бы владеть благом, услаждающим все горести души. А как много скорбей на земле! Они неизбежны здесь ни для кого. Где найти защиту против скорбей времени? Путешествуют по морям и суше, тратят труды и издержки, стараясь найти желаемое счастье. И как часто концом всех трудов бывает одно крушение духа! Где же течет светлая и чистая струя счастья для души нашей? Нигде более, как при подножии креста Христова.

Тяжело терпеть потерю богатства, добытого трудом, особенно если не находят потом помощи в вопиющей нужде и у тех, которые могли бы помочь. Но лишаясь утешения человеческого не находят ли утешения у подножия креста Христова? Кого видим мы на кресте? Видим Господа нашего, Который служа спасению людей не имел, где главы приклонить, с Которого нечестивые сняли последнюю одежду и оставили нагим. Которого в жажде поили желчью и уксусом. Для чего терпел Он все это? С тем, чтобы доставить в вечности покой и довольство тем, которые терпеливо переносят нищету, голод и жажду. *Весте, яко вас ради обнища богат сый, да вы нищетою его обогатитесь (2Кор.8:9).* Помните эту благодать великую и утешайтесь в нищете своей все нищие Божии. Вы лишены временного и тленного богатства, а на кресте возвращается вам вечное богатство. Вас не окружают почет и довольство, которыми окружает богатство, но вас окружает честь земной участи Господа вашего. Вы не блистаете среди знати земной, но вступили на дорогу знати небесной. О! благословляйте Господа за долю свою.

Тяжело переносить клеветы и незаслуженно терять доброе имя. Это несчастье тяжелее потери богатства. Но кто терпел такие поношения, какие терпел Господь наш? Он Господь славы – на кресте позорном? небесная святость распят среди злодеев. «Кто обличит меня во грехе?» смело говорит Он врагам своим и за земную, человеческую, жизнь свою. И, однако, вот Он обесчещен, обесславлен, оставлен землею и

небом. О! как тяжелы скорби бесславия Его! Что значит пред этим бесславием вносимое на меня грешного бесславие? Грешнику разве прилична слава? Не бесславие ли – законная доля его? Пусты, несправедливы люди приписывая мне грех, которого по милости Божией не имею я, по сколько других грехов на мне! Сколько нечестий и беззаконий, которых не видят люди и видит Бог мой! Так крест Христов – учитель и утешительной. Он говорит мне о моих беззакониях, за которые распялся Господь мой и велит смириться волнуемой гордости мой. Он говорит мне о славе, в которую взошел со креста невинно страдавший Господь и решает меня надеждою, что и меня ошибкой поносимого не забудет Господь во царствии своем. Апостол Христов учит нас, «так как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь... Если за имя Христово злословят вас, то вы блаженны; ибо Дух славы, Дух Божий, на вас почивает» (1Пет.4:13–14). Пусть другие незаслуженно пользуются славой, а тебе достается в удел темная неизвестность, *не ревнуй успевающему здесь в пути своем, не завидуй творящему законопреступление* (Пс.36:7). Он спеет среди радостей для вечного страдания, а ты спеешь среди скорбей для вечного блаженства.

Как не страдать, если тело покрыто ранами жгучими, или организм со всем расстроен, от неправильного ли обращения крови, или от другой какой причины? Страдание тяжелее становится, когда искусство врача напрасно истощается в средствах прекратить страдания больного. Где же найти облегчения страдальцу? В участии друзей? Если друзья не умные будут развлекать больного пустыми разговорами, это не облегчение больному, а новая тяжесть на совесть его. Другое дело, если укажут ему на крест Христов. Да, страдание распятия – самое страшное страдание и как же переносить его Христос Иисус? Молча, ни словом, ни движением, не обнаруживая какой-либо нетерпеливости. После того нам ли, грешным рабам Его, быть нетерпеливыми в своей болезни? Господь терпит муки за наши грехи, а наша болезнь – не плод ли грехов наших? Он страдает для того, чтобы в свое время преобразить *тело смирения нашего* и облечь его в славное

бессмертие (Флп.3:21). Пусть же гниет грешное тело наше, нам дано будет тело лучшее, тонкое, светлое, облеченное красотой небесною, лишь бы мы очистились здесь от грехов покаянием. «Верно слово, говорит нам с полною уверенностью апостол Божий, верно слово, если с Ним умерли, то с Ним и оживем. Ежели терпим, то будем и царствовать с Ним» (2Тим.2:11–12). Болезнь телесная, переносимая в виду креста Христова, очищает тело от порчей, внесенных в организм грехом, очищает душу от движений самолюбия и молитвою низводит в нас крепость небесную.

Тяжела потеря близких сердцу, отнимаемых у нас смертью. Потеря супруга или супруга, потеря детей милых, потеря отца или матери, сестры или брата невольно исторгает горькие слезы. Не утешают в этой потере ни богатства, ни чести, а еще более увеличивают горечь её, выставляя бессилие всего земного. Где помощь этой скорби? Безотраднa скорбь язычника на гробе близких сердцу его, он теряет их навсегда. При кресте Спасителя скорбь о смерти растворяется сладкою надеждою на жизнь бессмертную. *Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1Кор.15:20). Жив начальник наш, наша глава, с Ним живы и все подчиненные Его, все члены тела Его. Не скорбите об умерших, говорит нам апостол, если мы знаем, что «Иисус умер и воскрес, то также и умерших во Иисусе Бог приведет с Ним» (1Сол.4:13–14); мы соединены на веки с теми, которых смерть разлучила с нами на время. Грех ввел в мир смерть. Христос, удовлетворивший за грех правде и ниспославший дух жизни, ввел в мир жизнь. – Не все мы умеем пользоваться здесь жизнью Христовою; тоже могло быть и с отшедшими от нас. Итак, нам остается молиться пред крестною жертвою за отшедших от нас, да покроет она собою грехи их. Так говорит нам крест Христов!

Тяжки, очень тяжки, для души – муки пробудившейся совести. Взор на необозримые заблуждения ума, на необъятно – великие преступления пред святостью Божией отзывается в сердце тягостью, подавляющею грешника. Пока спит совесть, грешник покоен, но чем долее сон её, тем мучительнее пробуждение её. Тогда всякая неудача в жизни, всякое падение

легкое кажутся стрелами гнева Божия. Куда деваться? Где найти покой? Каяться в грехах? Но что значит наше покаяние пред винами нашими? Беспредельная правда оскорблена; а последствия грехов разве в нашей власти? Будем ли приносить жертвы за грехи, милостыню, дары храмам Божиим? Но все доброе – постоянный долг наш, а прежние долги остаются не оплатными. Где же покой для угрызений совести? На кресте Спасителя и нигде более. Только взор веры на распятого Сына Божия возвращает душу от безнадежного уныния к спасительному покою. Крест Иисусов, говорит вера душе, вот жертвенник очищения всемирного. «Если бы кто согрешил, учит апостол, то мы имеем ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, праведника. Он есть умилоствление за грехи наши и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1Ин.2:1–2). Так беды жизни и разрушительные явления природы более не страшат собою грешника, не кажутся казнями мстительной правды Божией, правда Божия примирена с нами на кресте. Пред крестом душа кающегося восклицает, *помяни мя Господи, егда приидеши во царствии твоем* – и слышит со креста сладкий глас сладчайшего Иисуса, *аминь глаголю тебе, днесь со мною будеши в раи* (Лк.23:42–43).

Внутренние скорби не оканчиваются скорбями покаяния. По временам самые твердые последователи Христовы, забывая сладость правды распятого Иисуса, приходят в неизъяснимое уныние; искушения, задерживающие совершенствование духовное, ослабление жара ревности о благочестии поставляют их иногда в такое состояние, что они чувствуют себя как бы оставленными небом, без сил, без помощи, отверженными от лица Божия; воды скорбей до того умножаются в душе их, что как бы готовы поглотить их. И здесь-то особенно взор веры на распятого Господа исполняет утешением скорбные сердца. Надежды, возбуждаемые этим взором, прочны и безграничны. Отец небесный дал нам Сына Своего, чего же после того не даст Он нам? Сын Божий испытал немощи наши, как же не поспешит Он со своею благостью подкрепить нас в оставшихся для нас скорбях? Испытанный во всем, за исключением греха, Он с любовью принимает участие в наших страданиях

(Евр.4:15) и, если оставляет на время нас одних, но с тем только, чтобы живее чувствовали мы свое бессилие и искреннее звали Его на помощь. Он Сын Божий, столько же мудрый и благий, сколько и мощный, придет время, и Он подаст помощь, – не устоят против Его силы никакие силы ада, никакие искушения греха.

Так для всякой скорби нашей утешение прочное, утешение сладкое – в кресте Христовом. «Поклоняемся страstem Твоим, Христе и славим славное твое воскресение». Аминь.

Слово по освящении храма в Рыхловской пустыне

В дом Господень пойдём (Пс.121:1).

Помяни, Господи, любовь рабов Твоих в славе имени Твоего, создавших и воссоздавших храм Твой! Люди не всегда внимательны к услугам или же скоро забывают их. Благость вечная! и лепта, брошенная в храм Твой, замечается Тобою и бури времен не заглаждают в Твоих мыслях ни одной жертвы, принесенной Тебе. Твердо верим, что дом Господний давно построенный и ныне вновь украшенный и в вечности будет ходатаем за рабов Твоих. Тебе подобает слава, а для нас слава Твоя – блаженство.

Собравшиеся в храм сей! довольно ли мы чувствуем цену храма Божия? *Возвеселился о рекших мне, в дом Господень пойдём*, говорил царь и пророк Давид. Чувствует ли радость сердце наше, братия, когда зовут нас в дом Господний?

В дом Господень пойдём. Храм Божий – храм учения и просвещения. И какого учения? Не человеческого, столько обманчивого, а учения Божия. Как высоко ценил учение Божие лучший человек! Оно мне дороже золота, говорил он, оно слаще всякого сота устам моим. Нигде нет такой пищи для всех высоких потребностей души нашей, как в слове Божиим. Здесь врачевство для всех болезней души нашей; а как их много у нас! Здесь решение на все сомнения пытливого ума. Здесь утешение для всех скорбей бедного сердца. Как же жалки люди невнимательные к слову Божию, предлагаемому в храме! Жадно пьют гнилую воду книг людских и пренебрегают водою свежую, живительною, дающею вечную жизнь. Платят деньги и деньги дорогие за изделия нечистых сердец; а церковь предлагает небесное учение даром и её не хотят слушать. Сколько есть не умеющих читать! Сколько умеющих читать, но не умеющих понимать! И для всех в храме готовы услуги, лишь приходи и слушай. Здесь истина и правда говорят открыто, не взирая на лица, хотя и не касаются ни чьей личности по личным капризам. Здесь слушают истину пред лицом Божиим и каждый сам, по голосу строгой правды, поверяет состояние души своей.

Никакая школа, никакая кафедра, не имеет такого права на внимание к себе, какое принадлежит храму Божию. И как благотворны слова храма Божия! В церковь, говорит св. Златоуст, влетает коршун и вылетает голубь, входит волк, а выходит агнец. Безумные страсти утихают, больные пороками исцеляются, когда слушают церковные поучения о вечности и о назначении нашем, о том, для чего мы созданы, куда идем и что ожидает нас за гробом.

В дом Господень пойдем. Дом Господний – дом хвалы и славословий Господу. *Позна вол стяжавшего его и осел ясли господина своего, Израиль же Мене не позна.* Так жаловался Господь на неблагодарных иудеев. Христиане! Мы более были бы преступны, если бы и в нас относилась эта жалоба. Далеко более оказано нам благодеяний, чем Израилю. Отец небесный послал к нам не пророков, а Единородного Сына Своего. По ходатайству Сына Он послал нам и Духа благодати. За тем не говорим о том, что все, чем пользуемся мы в земном быту, здоровье, воздух, пища, платье, дом, дети, друзья, все подается нам Отцом небесным. Как же не пойдем мы в дом Господний воздать хвалы и благодарения за необозримые милости Божии к нам?

В дом Господень пойдем. Дом Господний – дом прошений и молитв, возносимых Господу. Кто скажет, что ему не о чем просить Господа? Мы и нищи, и слепы, и наги. Если же так, не странно ли, что мало посещают дом молитвы? В храме Божиим совершается такая молитва, какой нет и не может быть ни в каком другом месте. Здесь возносится бескровная жертва Сына Божия, повторяется крестная молитва Его пред Отцом небесным за людей преступных. Сие творите в мое воспоминание, заповедал Он сам и в исполнение воли Его повторяется жертвоприношение Его за людей. Поспеши же присоединить твое имя к именам, воспоминаемым при возношении сей величайшей жертвы. Вера в крестную жертву Сына Божия творить чудеса. Христиане первых времен, христиане – предки наши дорожили тем, чтобы имена их были поминаемы во время святой литургии.

В дом Господень пойдем. В храме Божиим все вызывает на молитву и хвалу. Здесь лики святых Божиих, дышащих и одушевляющих благоговением небесным. Здесь общество подобных нам; но на их лицах и в их очах то восторги хвалы Богу, то умиление сердца кающегося. Здесь все, на что смотрит око, все, чем может поражаться слух, располагает к благоговению и молитве. «В храме стояще, на небеси стояти мним». Дивно ли, если и тот, кто приходит в храм холодным и рассеянным, невольно поражается чувством умиления, при взгляде на красоту Господню и на благоговейно молящихся, при слышании молитв церковных, простых и поразительных.

Странно, а говорит иной, я помолюсь и дома, и нейдет в храм. Брат мой! предоставляю твоей совести поверять, сколько ты молишься дома, развлекаемый шумом мыслей и дел суеты земной. Но подумал ли ты, что одно пренебрежение твое к дому бескровной жертвы Сына Божия, одно предпочтение простого дома дому Господнему – уже грех нелегкий? Что такое храм Божий? Святилище, из которого Бог, Отец щедрот, проливает токи благодати, святилище, освященное благодатью. Как же пренебрегаешь ты домом благодати? В доме молитвы многих молитва двух или трех искренно молящихся низводит благодать и на всех собравшихся в храм. Господь сказах, «где два или три собраны во имя Мое, там и Я среди их». Слово его непреложно. Будь же добр к тебе самому, не лишай себя благодати храма. Будь осторожен, не забывай заповеди апостольской. Апостол предписал, «единодушно едиными устами славьте Бога в Отца Господа нашего Иисуса Христа» (Рим.15:16).

В дом Господень пойдем. Тот, кто понимает высокие преимущества дома Господнего, кто светлым взором духа смотрел на отношения свои к Богу, как любил дом Господний! Он желал не только часто посещать дом Господний; Он желал жить в доме Господнем во всю жизнь свою. *Едино просих от Господа, то взыщу, еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего* (Пс.26:4); так говорил царь Давид. После того понятно, что счастливы вы, братия обители пустыней, вы каждый день славите Господа в Его доме; с радостью каждый из вас может повторять с Давидом, *благо мне прилепятся*

Богови, паче неже жити в селениях грешничих. Но Господь снисходителен и к живущим в миру. Житейским заботам предоставил Он шесть дней в неделе и оставил для Себя самого только один день. Страшиться же быть непризнательными и наглыми пред милостивым. Не отнимайте у Господа недельного дня. Идите в дом Господень служить Всеблагому в день седмый. Пусть по крайней мере один день будет памятником того, что вы дети не дурные пред Отцом небесным. С скорбью говорю вам, что, занимаясь работами в воскресный день вы только собираете гнев Божий на свои головы, рано или поздно правда Божия откроется в грозном виде и взыщет свое с вас. Берегитесь похищать собственность Божию и, если касались её. покайтесь.

Отчего не любят ходить в дом Божий? Оттого, что не любят Господа Бога, а любят грехи. Любя Бога, нельзя не любить дома Божия. Точно так любя все, кроме Бога, естественно быть холодным к дому Божию. Для одного деньги стали идолом сердца, как же ему служить двум богам? У другого вся душа занята предметами другой страсти, так что в ней нет и места для Бога и служения Ему. Что делает страсть с душою? Предмет страсти – преступный, но душе хочется наслаждаться любимым предметом, – он ей дорог. Потому избегает она того, что пробуждает укор за преступное наслаждение. поскольку же совесть всего скорее пробуждается в храме Божиим, где так многое будит душу от сна преступного, то душа, полюбившая грех, всячески уклоняется от храма и богослужения его, а для облегчения своего придумывает разные предлоги к уклонению. С усилением греха, в душе нерасположение к дому Божию доходит даже до дикой ненависти к храму и его богослужению. О! Боже мой! дай нам видеть глубины преступного сердца нашего.

Други мои! долго ли нам остается на земле ходить в дом Господний? Как уже много времени потеряно нами! Будем дорожить оставшимся, будем ходить в дом Божий, как можно чаще, будем пользоваться благодеяниями храма, к временному и вечному счастью нашему. Аминь.

Слово в неделю 26-ю

Блюдайте, како опасно ходите, не яко же не мудрии, но яко же премудрии (Еф.5:15).

Так заповедует апостол!

Не заповедуется ли нам то умение жить на свете, которое извлекает выгоды да земной жизни из всего, с чем встречается, из людей, из обстоятельств, из вещей? Много ума требуется и для того, чтобы угадывать и выбирать, что может быть полезно для нашей временной личности, чем и когда можно отклонить от себя опасности да чести, для кармана, для самолюбия. Да, много задают подобной работы прекрасному дару Божию. Но стоит ли выгода трудов? Достойна ли работа дара Божия? Нет, апостол не низводит высокого учения своего в низкий круг жизни. «Поступайте как чада света», говорит он (Еф.5:8). Иначе – поступайте, как просвещенные благодатью Божией, которая дается для приобретения вечной жизни. «Не имейте общения с делами тьмы» (Еф.5:10). Не допускайте греха ни до желания, ни до мысли, «плотская мудрость»: мудрость заботливая только о покое плоти – «смерть, а мудрость духовная – жизнь и мир» (Рим.8:6).

Так апостол требует осмотрительности в жизни духовной, в делах душевного спасения. Здесь нужно, по его суду, умение жить. Если бы внутри нас не возникало так много влечений, чувств, мыслей, в сущности, не согласных с волею Божией; если бы и около нас не было ничего враждебного или опасного душевному спасению, конечно, тогда не много нужно было бы надзирать за собою. «Посылаю вас как овец в средину волков; будьте мудры как змии, и просты как голуби» (Лк.10:9). Так говорил Спаситель апостолам. Да, чем дороже блага, которые могут быть отняты у нас злыми встречами; чем важнее всего временного вечная душа, которой могут нанести вред те или другие случаи, или принести пользу те или другие меры, тем более нужна нам духовная осмотрительность.

Мудрость духовная умеет находить средства для отклонения опасностей духовных и выбирает лучшие пособия

для успеха в добре. Значить ли это, что она когда либо, для целей прекрасных, может допустить средства бесчестные оскорбительные для чистой совести, каковы ложь и обман? О! нет, никогда. Жизнь христианина, по всем отношениям, должна быть чиста и свята. Для цели высокой, святой, христианин пожертвует жизнью, но не дозволить себе ни лжи, ни обмана и ни чего подобного. Отец лжи – диавол. Как же ставить себя под влияние такого страшного отца? Путями ада не попадешь в рай. «Не прельщайтесь, Бога не обманете» (Гал.6:7). Мирское благоразумие неразборчиво в средствах, но духовная мудрость – другое дело. И опыты показали, что незаконные средства, употреблявшиеся для дела святого, доставляли такой же успех делу святому, какой доставляют делам житейским, призрачный и временный, которого конец – стыд и дозор. Таковы были успехи деятельности иезуитов в Китае и в других местах! Мудрость духовная располагает только средствами чистыми и святыми.

Духовная мудрость не предлагает младенцу той пищи, которая питательна для возрастного и вредна для дитяти; она назначает занятия, сообразуясь с силами. Пылкая юность нипочем считает идти на встречу опасностям и берет на себя тяжелые подвиги. Но опытная мудрость говорит ей, не спеши выпускать из души жар, путь долог, и не надейся на свои силы, они обманчивы; иди тише и дальше уйдешь. Неопытность, сколько горячая в начальных подвигах, столько же бывает малодушна при встрече с искушением, с временным охлаждением души. «Что мне делать, отец, – одолела меня беспечность?» Так жаловался один авве. Старец отвечать, «это – болезнь душевная. Для больных глазами, когда болезнь сильна, и малый свет кажется резким. Так и малодушные тотчас смущаются и малою беспечностью, и думают, что они уже крайне беспечны, тогда как крепкие духом более радуются в искушениях».⁸³ Опытная мудрость знает, какие лекарства нужны для какой душевной болезни и какие питательные средства прибавляют силу организму в том или другом состоянии его. «Каждому предприятию, говорит св. Василий Великий, должно предшествовать рассуждение; без него и то, что кажется

добрым, обратится в грех, если делается не в свое время или без сохранения меры». Да, и в духовных вещах всему свое время и своя мера. Как земледелец испытывает почву земли и замечает время, чтобы не бросать семян понапрасну; как хозяин дома осматривается кругом, чтобы выбрать случаи и способы устроить свое хозяйство лучшим образом, так христианин пользуется временем и способами для умножения духовного богатства своего.

Против уклонений мысли от истины, духовная мудрость употребляет поучение в законе Божиим и поверку себе самому. «Священные писания, говорит апостол, могут умудрить нас во спасение, при вере во Христа Иисуса» (2Тим.3:5).

Против ослаблений воли нужно возобновлять в себе решимость воли жить для одного добра. «Напоминаю тебе, чтобы ты разжигал дар Божий», говорит апостол ученику своему Тимофею (2Тим.1:6). *Трезвитесь, бодрствуйте*, пишет ап. Иаков (Иак.5:8). Бодрствование – необходимое средство да преспеяния в жизни духовной. Оно зорко смотрит за желаниями, так часто несогласными с законом, за воображением и внутренними ощущениями, нередко вмешивающими нечистое в дела чистые; оно же не уступает шагу пред нападениями греха (1Кор.16:13).

Стремления чувственности нашей незаметно наклоняют душу нашу к нечистоте. Похоть плоти нипочем да мира, но не так понимают ее люди духа Божия (1Ин.2:16). Потому христианская мудрость велит обуздывать чувства и чувственные влечения, налагает на тело воздержание. Иов говорит, «я положил завет с очами моими, чтобы и не думать о девах».

Христианская мудрость рассуждает о лицах и вещах по их существенной стоимости, не обольщаясь наружностью их. Как ни красива наружность, она не существенна, потому и обманчива, вместо радости – приносит горе. Сообразно с тем, мудрость располагает и своими отношениями к вещам и людям.

Мудрец Божий говорит, «кто обходится с умными, и сам будет умен; а товарищ глупцов попадет в беду» (Притч.13:20). Связи с другими могут доставлять нам много приятного и полезного, но могут быть и вредными. Наш образ мыслей, и

наши правила жизни могут подучать одностороннее направление, если мы останемся только с самими собою и не слышим советов и рассуждение опытности. Умный и искренний друг может предостеречь нас от многих ошибок, навести нас на лучшие мысли и усилить любовь к добру. Потому «мудрый слушает советы» (Притч.12:15). Только надобно быть осмотрительным в выборе товарищей и друзей. Не бывает ли, что приятная наружность, прекрасный дар слова, образованный ум увлекают в сообщество с человеком души самой испорченной? Вступив в связь с ним, незаметно принимают от него его легкомыслие, его глупости и пороки. Блаженный Августин, оплакивая несчастья своей молодости, исповедовался, «я блуждал в такой слепоте, что стыдился не иметь столько же бесстыдства, сколько было его у товарищей; и становился день от дня порочнее, чтобы за честность не прослыть у них бесчестным. Боже мой! Ты видел, с каким наслаждением шатался я по улицам Вавилона и как утешался я, валяясь в грязи, как будто в бальзаме. Отчего это? О! враждебное дружество! ты столько развращаешь сердца молодых людей, что они не для своей выгоды и не с тем, чтобы сделать другому вред, а без намерения, для одной шутки, делают зло. Ах! бывало только скажут, пойдем с нами, сделаем то и это, – и я стыдился не предаваться всем глупостям».

Апостол говорит, «умейте пользоваться временем, потому что дни злы» (Еф.5:16). Когда писал это апостол, христиане много страдали за свою веру, терпели насмешки, презрение, ненависть, темницу, казни и среди таких бед были в опасности изменить, святой вере, признать ложь идольскую за правду. В наше время не грозят нам темницею и мечем за веру нашу. Но не грозят ли убеждениям христианским свои опасности? Нет ли между нами людей, которые не скромнее язычника и иудея отзываются о святой вере и благочестии? Нет ли людей, которые, называя себя передовыми людьми, смеются над всем святым, хотя и не могут дать себе отчета в словах своих? Нет ли людей, которые высокое имя свободы принимают за одно с жизнью разгульною и жизнь, по влечениям грязной, скотской чувственности, готовы выдавать за жизнь нормальную? За одно

с этими людьми подвизается обыкновенная для многих неприязненность ко всему святому. И вот клеймят самыми позорными именами как учреждения благочестия, так и каждого, кто сходит с путей порочной жизни на путь благочестия. Неправда ли, надобно иметь довольно ума, чтобы защитить лучшие убеждения и пред самим собою и пред другими? Надобно иметь довольно твердости духа, чтобы оставаться на стороне истины и святости, а не на стороне лжи. Из стыда или боязни отказываться от истины и изменять благочестью низко и преступно. Для покоя временного, для корыстей обманчивых, для жизни тлеющей ломать совесть свою и подвергать себя опасностям вечности – неумно, страшно. Будь тверд для истины и святости, хотя бы это стоило и крови!

Мирское благоразумие осуждает и праведника на крест, если толпа кричит, распять его. Это значит плыть по воде. Конечно, плыть в таком случае легко, но куда доплывешь? Христианская мудрость не самонадеянна, чтобы полагаться только на свое рассуждение, но не боится стать и против общего мнения людей, если имеет в виду несообразность людского мнения с судом вечного Бога; она знает, что толпа людей часто бывает только игрушкой ловких людей, для которых совесть – вещь пустая, которые возбуждают в толпе то или другое мнение для своих видов и оглашают, в виде общего мнения, мнение, нужное только для них одних и вовсе вредное для общего блага. Христианская мудрость не самонадеянна, чтобы свои опыты жизни выдавать за безусловно верные и осуждать все новое. Но она знает и то, что многое из нового бывает только новый вид старого зла. Потому не увлекается она возгласами толпы против всего старого и в пользу нового.

Иногда надобно бывает говорить безумному соответственно безумию его. Как же это делать? «Люди, которые говорят тебе недоброе, или ниже тебя по состоянию и возрасту, или равны тебе, или же выше тебя. Для каждого нужен свой ответ. Если осмеливающийся говорить тебе против веры и благочестия ниже тебя, говори ему с твердостью в защиту святой истины и помолись Господу, чтобы вывел его на прямую дорогу. Это долг твой в отношении к меньшому брату; за невыполнение долга ты

будешь отвечать пред Господом. Если хулитель веры равен тебе, увещай его братски, с любовью кроткою и нежною. Переменится он, – благодари Бога. Не переменится, не смущайся, но не преставай молиться за него. Если смелый оскорбитель выше тебя, пусть молчание твое отвечает ему, что ложь не становится от того истинною, что ее высказывает лицо высокое; когда же потребуют слова твоего, скажи со всем уважением к нему и к истине. Во всяком случае твердо помни, что ты оберегаешь не личность свою, а только истину. Личность пусть помнут – потерпи. Остерегайся и того, чтобы выставлять как бы на показ людям твои убеждения и величаться ими, твое дело отдавать честь святой истине и благочестью.

Ты должен говорить правду, но не без осмотрительности. Бывает, что открывая истину подвергают опасности покой многих и никому не приносят пользы. Бывает, что под видом искренней приязни испытывают у тебя тайны, с тем чтобы употребить во вред тебе и другим.

Отношения наши к другим должны дышать желанием добра. Но если видишь, что добром твоим не способны пользоваться, что исполнение добрых желаний больше нанесет вреда другим, чем пользы, откажись от желаний по крайней мере на время. Зачем бросать бисер под ноги нечистых животных? Береги святыню.

Нет нужды слишком возмущаться наглостью проповедников той или другой лжи и спешить воевать с ними за истину. Будь терпелив, поступай осмотрительно. За истину не бойся, она сама оправдает себя, и ложь явится в своем виде. Вот свежий опыт! «Теперь мы, говорит хроникер петербургских ведомостей, довольны тем, что не мы одни равнодушны к так называемому прогрессу, начинают раздаваться голоса против этого прогресса, ознаменовывающего себя разрушением как в материальном, так и в нравственном отношении отсутствием положительных целей, прочных начал и убеждений в обществе, мелочностью, пустотой и продажностью интересов, и наконец нескончаемым весельем, шумом и гамом какой-то всеобщей вакханалии, наводящей уныние на всякого, кто еще сколько-нибудь сохранил ум и сердце от влияния атмосферы, мало по малу и, однако,

беспощадно добивающей разумные предания и интересы общества». ⁸⁴ Видите, правда и вышла наружу! Прежде сказать что-нибудь против шумно прославляемого прогресса, значило вызвать против себя брань всякого рода. Теперь начинают видеть, кто таковы наши прогрессисты. Так всегда бывает с людскою ложью!

«Смотрите, поступайте осмотрительно, не как неразумные, но как мудрые».

Беседа в храме с. Шкрябина

На небо очи мои возвожу, к Тебе, Слове!

Ущедри мя, да живу Тебе (Антиф. 6 гл.).

Прекрасная песнь Дамаскина! Она кратка, но как обильна мыслями!

На небо очи мои возвожу. На небо, а не на землю, должен быть устремлен взор наш. Земля – страна чужая для нас. Что мы на земле? Путники, пройдем по ней и только. Где страна постоянной, нескончаемой жизни нашей? Не на земле, не на этой проклятой земле. Все земное изменчиво, проходит как тень, пробегает как волна, увядает как цвет, исчезает как дым. Жизнь земная – ряд сонных грез, то легких, то тяжелых, и всегда обманчивых. Богатство – беглец; начальство – тяжесть; подчиненность – бремя; бедность – оковы; счастье – мучитель; слава – звук; благородство – старая кровь; юность – зной летний; старость – печальный запад. Где же жизнь? В жизни не для земли, а для неба. На небе – Бог и в нем все счастье наше. *Наше житие на небесех есть*, учит апостол (Флп.3:20). И тому же учит сама душа наша, которой ничто земное не может напитать, которая рвется за пределы времени, жаждет вечной истины, вечной красоты, вечного добра. Она сама себя наказывает, муками, если увлекается временными радостями, мимолетным счастьем. Ныне дают великую цену материальным удобствам жизни, много заботятся об усовершенствии мануфактур, торговли, земледелия. Да, доброе дело облегчать нужды и скорби бедного человечества. Но в таком случае на первом месте человечество, а не материальные удобства. И о, когда бы это было так у каждого! В той ли мере у нас заботы о земном, какой требуют нужды того и другого? Иначе не для чего засматриваться на землю, жизнь для земли – жизнь скотоподобная, она не к лицу тому, кто создан по образу Божию. Мысли, чувства, свобода далеко выше, далеко дороже всего материального уже и потому, что мыслью испытываются и поверяются порядки материальной жизни; а нравственные начала жизни кем не уважаются? Под влиянием страстей, по

насилию превратных движений душевных могут ослабить в себе лучшие потребности души, но истребить их – никогда; они вечны в нас, как вечен Бог. Так на небе Бог и в Нем все счастье наше. *На небо мои возвожу.*

Но не довольно и того, чтобы смотреть не на землю, а на небо. Лучшие язычники не забывали о небе, но опыт показал как им самим, так и другим, что многого не доставало в них. Люди умные на словах оказывались не очень умными по жизни. Все пособия к исправлению сердец, придуманные людскою мудростью, оказались бесполезными. Все средства, употреблявшиеся для примирения земли с небом, признаны далеко недостаточными. Приходилось ожидать особенной помощи неба. И Отец небесный по милости Своей послал людям Сына Своего. *Так на небо очи мои возвожу, к Тебе, Слове!* Тебя, Спаситель мой, ожидали века. В Тебе свет и жизнь для людей. Под сенью креста Твоего – безопасность моя. Тобою посылается Дух благодати, оживляющий расстроенную грехами душу мою. О! если правда Божия будет преследовать бесчисленные грехи мои, гибель моя – несомненна. Только в Тебе, примиритель, защита моя. Что, наши познания, что наши добродетели, что наши подвиги, если правда заслуг Христовых не покроет неправд нашего ума, нашей воли нашего тела, всего организма нашего?

Ущедри мя, да живу Тебе. Повергаю бездну грехов моих в бездну щедрот примиренного Тобою Отца. Прости меня заблудшего; приими меня как одного из наемников Твоих. Только от милости Твоей ожидаю себе милости. Только от щедрой благодати жду щедрых даров для нищего. Посли мне свет для ума и твердость для воли, да живу Тебе, да живу для славы имени Твоего и по Твоей святой воде. С Твоею благодатью могу я жить, она – всемогуща; она воскрешает и мертвых. Сколько грешников, грешников самых грубых, самых плотских, или самых гордых изменяли жизнь свою на самую высокую жизнь, быв оживлены твоею благодатью! Да, опыт пред глазами каждого, опыт веков и народов. Чем были люди без Христа? И чем стали по милости Христа Господа? Какое обширное, какое коренное, преобразование произведено в

человечестве благодатью Христовою! На какую отрасль жизни ни посмотрите, везде все лучшее – дар христианства. А бедные люди все не признательны пред Христом Господом. Они все еще во вред себе, обращаются от Христа к себе, от неба к земле! Бедные люди! Странные капризы самости! Печальная слепота! Отчего так сильно, отчего так победоносно оказалось христианство в истории? Против него политика и философия, жрецы и судьи, народ и кесари и оно покорило все себе. Сама история показывает, что в христианстве действует сила Божия, что основатель его есть Бог – Слово. Как же нам не обращаться всею душою к Тебе, Слове, всемогущий Сын всемогущего Отца?

Ущедри мя, да живу Тебе. Как нужно молиться, да живу Тебе! Чем низводится в душу благодать? Молитвою. Просите и приимете, сказал Господь. Какое легкое средство получать все! Самый взор молитвы к Господу уже освещает душу и пробуждает волю к добру. При уклонении мыслей наших к житейским заботам ум покрывается мглою помыслов чувственных, пустых, нечистых, и воля грубеет в желаниях земного. Совсем не то бывает с душою, когда она часто молится. Её стремлениям к небу нисходит на помощь благодать и возводит ее от совершенства к совершенству. Как живителен взор молитвы, низводящий благодать! Затемняется ли взор мой блеском счастья земного? Возвожу взор мой на небо и вижу, что земное счастье только изнурение духа, ослабление лучших желаний его и вместе с Давидом молюсь, *по множеству щедрот Твоих очисти мя*. Посещают ли меня скорби и невзгоды жизни? *Призови мя в день скорби твоея и изму тя*, говорит мне сам Господь (Пс.49:15); а слово Его верно. Язвит ли меня клевета злости людской? Раны её – жгучи, поражая в нас и самолюбие и любовь к правде. Но взор на святость вечную показывает мне, что у меня гораздо больше грехов, чем могут отыскать люди и – я молчу пред Господом моим. Иго Христово – благо, но оно все иго, не легкость для немощной души моей. Где взять сил?

На небо очи возвожу, к Тебе, Слово! Просьба о небесной помощи доставляет стойкость в добре. Много нужно для того чтобы быть верным принятому на себя званию. Нужна любовь к

труду; а как она ослабляется ленью! Нужна точность в выполнении дел звания; а мне хочется жить для себя, по своей воле. Сколько притом соблазнов встречается, уклоняющих душу с пути долга! Но молитва подает и усердие к долгу и победу над собою. «Бог ли не защитит избранных своих, вопиющих к Нему день и ночь» (Лк.18:7).

На небо очи мои возвожу, к Тебе, Слове! Ущедри мя, да живу Тебе.

Беседа в среду 1-й недели поста

Душе моя, душе моя! Что спиши?

Так обращается к душе своей святой муж Андрей критский. К нему ли смело приблизится нерадение о своей совести и забвение о смертном часе? Его ли живая душа не бодрствовала на страже спасения своего? И, однако, он так не думает о себе; и, однако, он поет плачевную песнь, душе моя, душе моя! что спиши? О! как же настойчиво должны мы будить душу свою, как часто должны повторять песнь святого, душе моя, душе моя! что спиши?

Что мы делаем для своего спасения? Святые апостолы и пророки, для славы имени Божия, терпели насмешки и побои, скитались, не зная, где головы приклонить. Святые мученики чего не перенесли, чтобы не погубить души изменою Господу? Ужас проникает кости при слушании страданий, какие терпели они. Святые подвижники, для спасения души, проводили всю жизнь в посте и молитве, в трудах и произвольных скорбях, *душе моя, душе моя! что же ты спиши?* Где подвиги твои для спасения вечного?

Что спиши? Но мы с тобою, душа моя, еще не понимаем и того, что спим мы. Надобно еще и в том увериться. Пусть так.

Сонный не понимает ни опасности близкой, как бы велика она ни была, ни своих движений беспорядочных, как бы они странны ни были; в грезах он видит себя богачом, в почестях или за вкусным столом. Не в том же ли и мы положении, душа моя? Не кажемся ли и мы себе самым людьми с порядочным состоянием и умом, тогда как нищи и голодны до слез? Понимаем ли, чем должны мы быть и чем остаемся? Понимаем ли свое положение? Увы, нет!

Бодрствующий живо ощущает свои нужды. Есть ли в нас ощущение нужд духовных? Бог поражает нас за грехи казнями, чтобы привести нас в чувство. А нам все нипочем. *Бил еси их и не поболеша*. Душа природою понуждается искать вечного, а у нас и радости и скорби только о земле.

Бодрствующий трудолюбиво исполняет дела звания своего. О, душа моя бедная! звание христианина – звание высокое; да и мимо того не для земли, а для неба создана ты. Где же дела высоких званий в жизни твоей? Продают, покупают, веселятся, женятся, плодятся люди, вот и все движения! Это ли жизнь достойная бессмертной души, души христианской? Или, пожалуй, ходят в храм, но по обычаю; молятся, но без души; помогают бедняку, но из тщеславия; имеют образ благочестия, но без силы (2Тим.3:5); по наряду христиане, а по душе язычники.

Боже мой! что все это как не сон души и сон глубокий? Долго ли спать нам?

Душе моя, душе моя! Ты, которая у меня одна, так что если потеряю тебя, то лишусь всего, что ты готовишь себе и что готовлю я себе? Душе моя, буше моя! Ты создана по образу Божию, и падшая искуплена кровью Сына Божия; а ты отдалась в жалкое рабство страстям и бессмысленно скитаешься по земле. Что ты делаешь и что готовишь себе?

Душе моя, во стони, что спиши! Тебе ли спать, когда внутри тебя непрерывная, денно-нощная, брань нечистой плоти с лучшими стремлениями духа? Тебе ли спать, когда и в бодром состоянии так много опасностей встречали и иные теряли спасение?! Отчего ты пьешь грехи как воду и нечестия, как вино дорогое? Оттого, что спишь. Какой страшный, какой пагубный сон твой?

Восстани, что спиши? Конец приближается. Тут ли спать, когда пред тобою вечность нескончаемая? Тут ли спать, когда пред тобою ад с духами отверженными? Тут ли спать, когда каждый час так дорог для тебя, когда ни одной минуты не вправе ты употребить на свою прихоть?

Ты спишь, бедная душа моя, а время благодати и помилования течет и уходит невозвратно; уже не утро твоей жизни – юность давно увяла; уже не полдень – мужество протекло; уже вечер дней – седая старость. И ты все спишь! Ты спишь, а число грехов твоих, а число беззаконий твоих растет и множится и опасность для тебя становится грознее и грознее. Ты спишь и не думаешь, что вот столкнут тебя в бездну ада. Ты

спить довольная благодатью Божией, как будто она ничего и не ожидает от тебя, как будто она все должна делать для твоих причуд, а ты для нее – ничего. Как не думаешь ты, что сон твой хула на Господа? Как не думаешь ты, что благодать Божия зовет тебя к покаянию? (Рим.2:4). Ты спишь, но и терпению Божию, как ни велико оно, есть правда Божия. Ты спишь, а смерть близится к тебе, приблизится, настигнет, ударит и что будет с тобою?

Имаше смутитися. От гнева оскорбленной правды Божией – не защита тебе земные хлопоты, для которых ты забывала о Боге; не защита и легкомысленные друзья, с которыми весело проводила время. В мудрости ли мирского неверия будешь искать покоя и утешений? Пред грозною действительностью открывающейся вечности убегут от тебя все софизмы, на стыд и горе тебе. Тогда узнаешь во всей силе, что пожнешь только то, что сеяла, а сеяв во всю жизнь только для испорченной природы, для *плоти* пожнешь одно *тление* (Гал.6:8). Узнаешь и чем отзовется в тебе это познание? Смущением и отчаянием. *Имаши смутитися.* Смутишься и от прошедшего, которое явится пред тобою с неправдами и беззакониями твоими. Смутиться и от наступающего, которое так долго забываемое и пренебрегаемое предстанет в неотразимой действительности и в ужасающем величии. Как устоять пред величием Судии вселенной? *Имаши смутитися*, уже и от одного того, что в сонной дремоте вовсе не знакомилась с участью загробною и встретить все неизвестное, явишься беззащитною и беспомощною, разлученная с миром, для которого и которым жила.

Воспряни убо, пробудись несчастная, пока есть время. Еще не глас гнева вечного гремит над тобою, а кроткий глас благодати будит тебя, *востани спяй и воскресни от мертвых и осветит тя Христос* (Еф.5:14). Слышишь ли, как говорит Господь с небесной вечери, *и еще место есть* (Лк.14; 22). Это место для нас с тобою, бедная душа моя. Поспешим занять его, поспешим, пока не поздно.

Воспряни убо, бедная душа моя! Поднимись с греховного ложа. Прогони обольщавшие тебя мечты, собери рассеянные по

суетам мира мысли. Приди в себя. Так давно ждет пробуждения твоего благодать небесная. Так давно ждет покаяния твоего Господь Иисус. Он с тем и приходил на землю, чтобы призвать грешников к покаянию. Он все приготовил для спасения грешных людей. Вот евангелие для просвещения мыслей твоих на всех путях жизни. Вот таинства для врачевания болезней твоих и оживления обессиленного сердца твоего. *Воспряни убо.* Ободришь надеждою на милосердного Спасителя твоего. Много грехов на совести, много долгов на шее? Пред тобою крест, на котором распят Сын Божий за грехи всего мира. Пред тобою тысячи помилованных грешников. Твой Господь, твой Спаситель, всегда один и тот же, для всех времен и для всех людей, Он – искупительная жертва.

Воспряни убо. Соберись с силами, начни новую жизнь, решишь служить Богу живому и истинному, как служила ты идолам сердца. Сил нет, немощи так велики! Не лукавь. Для мира, для плоти, для греха сколько выносишь трудов! Поработай в половину того для Господа, и ты увидишь, что не вовсе ты без сил.

Воспряни убо. Кто искренно сознает себя немощным, тот молится о благодатной помощи, и небесная помощь посылается. Молись и ты. Благодатные силы готовы для тебя; по молитве все получишь. Кому отказывал в помощи Отец небесный? Кому не помогал Сын – любовь вечная? Если вы, будучи так не добры, не подаете детям вашим камня вместо хлеба и змеи вместо рыбы, тем более Отец небесный подаст все нужное тем, которые просят Его, так говорит нам Господь Иисус. И Он же сказал, все, чего ни попросите у Отца моего в Мое имя, получите.

Воспряли убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый и вся исполняяй. Как бы глубоко ни пали мы, как бы ни крепко оцепенило силы души нашей, обаяние сна греховного, нет преграды для Беспредельного, везде проникает живительная сила Христова, для всякого прощение и милость – Христос Господь. Итак, прославим Господа нашего, душою бодрою.

Слава и благодарение Тебе, любовь вечная. Аминь.

Беседа в Великий вторник

Се жених грядет в полунощи.

Блюди убо душе моя.

Кто сей ожидаемый жених? К кому идет Он? Что это полночь? Что за сон, которого велят беречься?

Дивный жених Господь Иисус Христос. Так называется Он в св. писании. По слову Божию, а не человеческому, душа наша обручена Ему, как невеста жениху, на всегдашнее пребывание с Ним в вере, любви и блаженстве. «Я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою», учит апостол (2Кор.11:2).

Когда совершилось это обручение? Со стороны жениха на кресте, там Он, для избавления душ наших от пагубы греха и усвоения Себе, понес позор пред вселенною. С нашей стороны это обручение совершается в таинстве крещения, здесь пред небом и землею отреклись мы от мира и диавола и дали клятву принадлежать единому Христу, жить для Него одного; со времени сего обручения мы уже не свои, а душою и телом, всеми силами и собственностями принадлежим Искупителю и Богу нашему. Какая это великая тайна! Какая страшная тайна!

За обручением не вдруг следует брак, а бывает, что обрученные разлучаются друг от друга на некоторое время. Тоже и в нашем обручении. Брак отложен. Жених удалился, взошел с земли на небо. Много знаков любви оставлено Им в залог союза с нами, чудодействующий крест, дивные тайны, в разных видах сообщающие нам жизнь небесную. О! какие это драгоценные дары! Им завидуют ангелы. Жених душ наших – невидим, во Он явится, Он придет торжествовать брак свой с церковью. Это также верно, как верно то, что был Он на земле. Он – благ, Он – мощен, Он – верен.

Долго ли продлится замедление таинственного брака? Об этом знает только Сам жених. Когда придет Он, в какой год, в какую пору, в какой час? Это – тайна даже для ангелов. «О дне том и часе, так говорит Он Сам, никто не знает, ни ангелы небесные, а только один Отец Мой» (Мф.24:36). И вот эта-то

глубокая неизвестность и есть та полночь, в которую придет жених.

Время пришествия жениха не показано. Ясно, что Он может прийти во всякое время, во всякий день, во всякий час. Ясно, что те, которые обязаны ждать Его, должны ждать Его во всякое время. Нельзя им отлучаться никуда, нельзя бродить, где попало, по прихотям своеволия; нельзя и обременять себя заботами сторонними, они помешают выйти во время на встречу жениху. «И так бдите, сказал нам Сам жених небесный, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын человеческий» (Мф.25:13).

Напрасно, совершенно напрасно стали бы ссылаться на медленность в пришествии жениха. Он только желает, чтобы как можно большее число было достойных небесного чертога, чтобы как можно лучше готовились к Его пришествию.

В отношении ко мне и к тебе, брат мой, медленность Его – очень быстра. Он медлит прийти к церкви своей; Он, может быть, отложит приход Свой еще на тысячу лет. Но мы с тобою разве будем оставаться здесь на земле до явления Его на землю? Нет, ныне, завтра явится ангел смерти и позовет нас к Жениху; значит для вас с тобою ныне, завтра, кончится срок ожидания жениха. Значит, для нас с тобою неизвестность смерти есть наша полночь. Вот почему и сказал Господь, «что вам говорю, всем говорю, бдите» (Мк. 13:37).

Блажен раб, его же обрящет бдяща. Верные обетам обручения – всегда на страже. Первое и последнее ожидание их – ожидание Господа. Чтобы сделать себя способнее к ожиданию и сретению Господа, многие отказывались навсегда от самых дозволенных удовольствий жизни, оставляли мир и все, что было дорогого в мире. Другие же, оставаясь в мире, жили по заповеди апостола, «имеющие жен, как не имеющие, и плачущие, как не плачущие, и радующиеся, как не радующиеся, и покупающие, как не приобретающие и пользующиеся миром, как не пользующиеся» (Кор. 7:29–31). Для чего все это? Для того, чтобы, занявшись земным, не охладеть в любви к небесному, не отяжелеть духом и не предаться сну. Умные и осторожные, они зорко охраняют дорогую одежду, которою

облеклись при крещении; настойчиво берегут дары благодати, получаемые по милости небесного Жениха в таинствах и молитве. Жених Господь видит усердие их и готовит им венец славы. Истинно счастливы, истинно блаженны они, хотя бы земная участь их была не видна и печальна. Здешние лишения и потери – временны и пройдут скоро; а в будущем веке ожидает блаженство, которого на земле никто не в состоянии ни обнять, ни понять.

Блюди убо, душе моя, да не сном отяготишися.

Много ли спящих между христианами? Увы! много, очень много! *Коснящу же Жениху, воздремахуся вси и спяху (Мф.25:8)*. Сон телесный бывает более и менее глубок. Точно таков же и сон духовный.

Полно, спят ли ныне? Сколько движения, сколько хлопот, сколько шуму! Вперед, вперед! кричать. Вперед? Но куда? К небу или аду? Заняты многим, очень многим, но страшно, если за исключением одного Христа Господа. Думают ли, озабочены ли тем, что надобно явиться к небесному Жениху? Не располагаются ли жить на земле безвыходно? Боже мой! Боже мой! какой губительный сон напал на бедных людей! Они не только не готовятся к вечности, но им хочется считать себя бессловесными.

Они усиливаются заглушить в себе тревоги души бессмертной и наперекор уму и сердцу твердят только о требованиях жизни животной. Все, что есть лучшего в природе человеческой, все, что ставит человека выше всего видимого, намеренно предается забвению и дается простор одному животному. *Да ямы и пиемы, утре бо умрем*, говорят. Други мои! эта философия – не новая; она очень нравилась язычникам, но и лучшие язычники считали ее слишком грязною, слишком оскорбляющею человека; а мы христиане, к лицу ли нам такие мысли? Они оскорбляют все прошлое и настоящее христианства. Пощадим себя, горячечный бред слишком опасен!

Что такое сон душевный, от которого так предостерегают нас? Это то состояние, когда она остается без движений для добра, не старается ни основательно узнать самую себя и волю Божию о себе, ни исправить худую жизнь свою. Довольная

мелочами, живет, как случится; не ждет ни Судии, ни смерти; не помнит, что есть у нее Жених, которому даны клятвы в верности.

Блюда убо, душе моя, да не сном отяготишия.

«Как мало спасающихся!» сказал нам Господь. И тоже говорит опыт. Но уже ли хочется тебе, душа моя, быть в числе многих, но погибающих? Сохрани Бог! Не обманывай себя. Апостол учит нас, «вы сыны света и сыны дня, мы не сыны ночи и тьмы. Итак, да не спим, как и прочие, но да бодрствуем и трезвимся» (1Сол.5:6). Это значит, что стыдно нам спать в грехах, как спали язычники. Бодрствуй, душа моя! Не живи так, как жили и живут худые люди, иди в след за лучшими. «Всею душою моею я желал тебя ночью и духом моим во внутреннем моем я искал тебя с утра», так говорит о себе пророк Божий (Ис.26:9). Подражай ему. Бодрствуй, чтобы не жить жизнью призрачною и вредною для тебя; выполняй волю Божию, а не желания людей. Люди не спасут тебя там от осуждения за беспечность о себе. Бодрствуй, – стой на страже, пока не сменят; храни веру и благочестие, пока не позовут тебя к Господу. Бодрствуй, иначе от сна беспечности один шаг к смерти, к смерти страшно», к смерти неумирающей, к вечности безотрадной. Не думаешь ли, что твои желания изменят судьбу твою? Правда Вечного неизменна. Бодрствуй, смотри за влечениями сердца твоего; сердце – лукаво, оно выставляет тебе худое в виде доброго, вредное в виде приятного. Бодрствуй, не давай укрепляться в душе греху, чем долее будешь ласкать в душе грех, тем труднее будет избавляться от него. Зачем же увеличивать для себя тяжесть борьбы? Бодрствуй, во всяком случае путь к добру узок и тернист; иным он не может быть, при нашей порче. Бодрствуй и не обезнадеживайся. Труден путь к царству, но – готова для тебя благодать. Молись о помощи и – помощь подана будет. Молись о прощении грехов, и грехи будут прощены. Взывай из глубины души, *Свят, Свят, Свят еси Боже, Богородицею помилуй нас.* Аминь.

Слово в неделю мытаря и фарисея

Рече же и ко другим, уповающим собою, яко суть праведницы, уничижающим прочих (Лк.16:9).

Как не доверять себе? Кому же и доверять, если не себе? Как не осуждать в другом того, что стоит осуждения? Где же будут уважение к правде? И, однако, Господь произносит обличение на уверенных в себе и на осуждающих другого. Рассмотрим ближе обличение Господа.

Как доверять себе, когда так часто бываю я неверен сам себе? Не умно доверять человеку, который уже не раз обманывал меня. Точно так если много раз, несчетное число раз нарушал я обещания, данные совестью Богу, начать лучшую жизнь и живу по-прежнему, безрассудно полагаться на самого себя, безрассудно доверять себе, как человеку верному в слове. Стыдно мне бывает показаться на глаза и человеку, перед которым не раз оказывался я неверным в слове. Как же стоять мне пред Тобою, Боже мой, без стыда и самоукорения, когда столько раз пред престолом Твоим, пред Твоими ангелами – и святыми, давал я обещания и не выполнял их? Как я низок! Как я преступен! *Тебе, Господи, правда, мне стыдение лица* (Дан.9:7). Только Твоя благодать беспредельная может терпеть меня. Не погубил Ты согрешающего; не погуби кающегося. О! когда бы был я справедлив, по крайней мере в одном, не полагался на себя, не считал себя верным и твердым!

Осторожно, крайне осторожно касаются до хрупкого и слабого стекла, в котором бережется дорогая жидкость. Остерегаются класть на слабое дитя ношу, как бы оно, совсем обессиленное, не пало под тяжестью. С больным человеком обходятся не без опасений. Какова воля наша в отношении к добру? Не тоже ли, что хрупкое стекло, так что каждое неожиданное прикосновение сопровождается печальными следствиями? Не тоже ли, что слабое дитя, так что падает оно под тяжестью каждой страсти? Не тоже ли, что больной организм, так что и слабые занятия добром утомляют ее? Если

же так слаб я, если так мало жизненности и стойкости в моей воле для добра, как мне без страха совершать дело спасения своего? Как мне отваживаться на встречу с случаями опасными для души моей? Как не избегать мне предметов и людей, которые, как знаю по опытам, могут пробуждать в слабой душе моей и грешные желания и утешения нечистые? Эта отважность, с которою бросаются на опасные почести и скользкие места высокие, эта нетерпеливость; с которою собирают одуряющие нас богатства, – не дела ли полу-помешенной души?

Как доверять себе, когда ум мой так недалъновиден в духовных делах? Пусть обогащен я сведениями разнородными, – и богословскими, и философскими, и филологическими, и историческими, тем более стыдно мне, что в делах душевного спасения вовсе я не зряч, если только не слеп. Как много ошибок в жизни моей оттого, что вовсе не видал я опасностей, грозивших душе моей и напротив по соображениям моим считал дорогу ровною и приятною! Странное дело! в самых простых случаях жизни если душа не обращается с мольбою о просвещении благодатном, непременно попадает в ошибки. Казалось, что ближе ко мне меня самого, что ближе ко мне моих грехов, моих слабостей? Но если смиренная молитва не низведет в глубину души моей света небесного, как мало вижу я себя! Пусть каждый поверит себя на исповеди. Отчего исповедь наша не редко ограничивается только поверхностным поименованием кое-каких грехов? Отчего как бы не знают, даже о чем говорить духовнику, какие грехи свои открывать ему? Здесь-то обнаруживается темное невежество разума нашего, который здраво судя о предметах сторонних, вовсе не понимает, что совершается в душе нашей, выставляет извинения безответным винам, называет белым черное и грязное блистательным, показывает грешника в таком уменьшенном и переиначенном виде, что тот является чуть не праведником. Надейтесь же на зоркость ума своего! Доверяй же спасение души своей одному уму своему. Омрачаемый самолюбием, обманываемый влечениями испорченного сердца, он заведет вас в невылазную грязь жизни. По естественному устройству, чувствования сердца и стремления воли – оказывают влияние

на ум наш. Представьте же, что и сердце наше услаждается грехом и воля наша стремится к греху, – какое влияние, если не пагубное, могут оказывать они на ум наш? Может ли разум избавляться от того, чтобы не одуряли его движения сердца и желания воли?

Доверие к себе, дышащее гордостью, не допускает до нас благодати Божией, любящей смиренных и кротких! – *Богат есмь и обогатился и ничесо же требую*, так говорит, более или менее смело, доверчивый к себе. К чему же благодати сходить на того, кто не чувствует в ней нужды? Уже ли только для того, чтобы презирали ее, подвергали унижению делами нечистого сердца, насмехались над нею в буйстве страстей? Нет, не бросают жемчуга под ноги нечистых животных. Благодать Божия нисходит на душу, которая высоко ценит её достоинство и глубоко чувствует свою нищету и нужду в небесной помощи. Смиренная душа жаждет и ищет помощи небесной и помощь подается ей. Смиренная душа открыта для росы небесной, и эта роса нисходит на нее. «Подчиняясь друг другу, говорит апостол, облакайтесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1Пет.5:5). Чудное дело, но дело верное, в глубине смиренной души, помимо её сознания, благодать совершает изумительные дела, и незримо расширяет деятельность её даже на окружающую область; смиренная душа как будто совращает всю свою деятельность и молчит, пораженная чувством своих немощей; а между тем совершаются великие дела и в ней и около её, сплюю всемогущей благодати. «В один день мы сидели и беседовали с братом о пользе душевной, так говорил старец блаженному Иоанну Мосху. Я вспомнил слова аввы Пимена, пусть каждый постоянно укоряет себя во всем. Тогда брат сказал мне, я на опыте дознал плод, какой доставляют эти слова. Один диакон лавры был мне искренним другом. Не знаю, с чего возшло ему подозревать меня в поступке, сильно огорчившем его, и он стал смотреть на меня печально. Видя его печальным, я начал разузнавать от него о причине скорби. Он сказал мне, что ты сделал такое-то дело. Так как я совсем не знал сего дела, то начал успокаивать его и говорить, что не знаю, чтобы сделал я

это. Он сказал, нет, я не спокоен. Возвратясь в мою келью, я начал испытывать мое сердце, не допустил ли я чего такого? И ничего не находил. Посему, когда он держал в руках святую чашу и разделял братиям, подошел и я к нему и клялся пред самою чашею, что я не знаю за собою такого дела. Но и тем не удовлетворил я его. Обратясь к себе и повторяя в памяти слова св. отцов, с верою к ним я обратился к своему помыслу и сказал в себе самом, диакон сильно любит меня и по любви сказал мне, дабы я был трезв, бдителен и вперед смотрел за собою. Но, ты, несчастная душа моя, которая говоришь, что не сделала сего, без числа творила грехи и они сокрыты от тебя. Где то, что ты сделала вчера, назад тому третий день и за десять дней? Вспомни, если можешь. Ты сделала и это, как многое другое, но оно скрылось от тебя, как и многое прежнее. Так расположил я мое сердце, и начал благодарить Бога, благодарил и диакона, чрез которого Господь удостоил меня познать грех и принести покаяние. Встав, пошел я с такими мыслями к диакону просить прощения у него. Лишь только толкнул я в дверь его, он, вдруг отворяя, первый поклонился мне и говорил, прости меня. – Господь известил меня, что ты невинен».⁸⁵

Вот что значит доверие и недоверие к себе!

Святое писание – свет путям нашим. Но и этот свет преломляется и изменяется в душе моей от её нечистых испарений. Надобно, чтобы благодать Божия очищала душу мою; надобно, чтобы небесный свет исцелил умный взор мой. Тогда, только тогда буду верно видеть себя и пути заповедей Божиих, в приложении их ко мне. Когда же это будет? До гроба остается быть недоверчивым к себе.

«Сказал к некоторым, которые – унижали других» (обличение Лк.18:9).

Как не редко приходится видеть себя в ряду уничижающих другого! Самые лучшие поступки соседа кажутся мне малостью. А иным из них не легко приискиваю название, чтобы заклеить их позором.

Унижение другого – тоже ли, что верная и смиренная оценка поступка худого? Нет. Худого не надобно называть хорошим ни

для себя, ни для другого. Когда показывают себе несправедливое в другом, для своей предосторожности, а другому с желанием лучшего для него, это – дело и справедливое, и доброе; особенно оно свято в начальниках и родителях, в воспитателях и пастырях, их главный долг вразумлять подведомых им. Совсем другое дело – переиначивать поступки другого, хулить и осуждать другого, без оснований и с страстью.

Что значит страсть унижать другого? Прежде всего душу испорченную. Бросьте, какую угодно, вещь в сосуд вонючий, эта вещь также будет издавать худой запах. Точно тоже бывает с поступками другого в душе моей. Дурной человек думает, что на свете вовсе нет добрых людей. Вор считает и других ворами; лицемер не допускает, чтобы были люди искренно благочестивые; раб плоти не хочет верить, чтобы можно было сохранять непорочность души и тела. Заглушив в себе небесную любовь к добру, худые люди не ожидают доброго и от других, и на все видимое добро кладут свое клеймо. Может ли так думать искренно – благочестивая душа? О! нет. По её убеждению, есть образ Божий в человеке, попорченный, потемненный, но благодатью небесною возвращаемый в свою красоту, как же не ожидать всего лучшего от такого создания? Если я не становлюсь лучшим, при помощи благодати, если мои дела проникнуты худыми намерениями, это – мое дело; почему думаю я, что и другие – таковы же? Душа брата – храм, закрытый для меня. Пусть вижу я дела брата, но вижу ли расположения души его? А расположения очень много значат в деле, они изменяют характер поступка. Пусть в прошлые минуты брат мой грешил по слабости, но знаю ли я, что в эти он – не радость ангелам?

Христианство требует от нас не унижать, а уважать каждого, как создание Божие, как того, кто куплен кровью Сына Божия и освящен благодатью Духа Святого. Унижать другого, кто бы он ни был, значит оказывать пренебрежение к Тому, кто столько почтил человека своею любовью и дарами. «Почитайте всех» (1Пет.2:17) говорит апостол Петр. «Что ты осуждаешь брата

твоего? Или что ты укоряешь брата твоего?» (Рим.14:1, 10) говорит апостол Павел.

Презирать другого может гордость, слепая в отношении к нам самим, и жестокая к другому. Она выставляет нас перед нами в лучшем виде, и она же заставляет смотреть с презрением немощного брата. Для нее весело стоять в величественной позе судии и произносить суровый приговор другому; для нее весело топтать ближнего в грязи и уничтожать его. Чем ниже другие, тем выше она себя видит и это тешит ее. Осмелюсь другой указать пятно в жизни гордого; осмелюсь оказаться помехою честолюбивым, хотя и вредным, видам его, жизнь ваша тогда залита грязью, по милости оскорбленной гордости; и слова и дела ваши перевернуты на изнанку и вам не следует жить на земле. Так решила гордость. Какая жестокость к другому! какое ослепление в отношении к себе! Привычка унижать другого есть дело души вовсе – не озабоченной собственным своим спасением и совсем незнакомой с собою. Кто внимателен к себе, тот сознавая в себе свои недостатки, грехи, глупости, считает себя ниже других; он верно умеет оценивать и душевные болезни брата, тогда как гордость не понимает ни себя, ни других. «По смиреномудрию, говорит нам апостол, почитайте один другого лучшим себя» (Флп.2:3). Истинные рабы Христовы знают по опыту, как трудно бороться с страстями и как, при всем желании не делать худого, легко допускается худое; потому они снисходительны к другому и строги только к себе.

Как опасно, как страшно быть строгим судьей другого! «Каким судом судите, таким судимы будете и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить» (Мф.7:2). Если вы без снисхождения смотрите на ошибки брата, если вы добрые качества его умышленно пропускаете мимо глаз или подвергаете сомнению намерения их, то строг и к вам будет суд небесный. Многие в делах ваших кажется для вас порядочным и даже редким; так смотрят на это и люди сторонние. Но что, если Господа, зрящий сердца, со всею строгостью будет судить тайные побуждения дел ваших? Не придется ли вам испытать

казнь убийц и любодеев? О! Боже мой! Открой мне очи на собственное гнилое сердце мое, дабы не унижал я брата моего.

Какой это тяжкий грех – уничтожение брата! Что я делаю, осуждая брата моего? Кто дал мне право судии над братом? Не Ему ли, Господу миров, принадлежит право судить и осуждать помышления и дела человеческие? Ближний мой – брат мне, но не слуга мой; он – Божий раб. Богу он и отвечает за свою жизнь, а не мне (Рим.14:4). Как же осмеливаюсь я принимать на себя право, вовсе не принадлежащее мне? Как осмеливаюсь отнимать у Бога право судия людей? Какая это дерзость наглая против Владыки и Бога моего! Если бы принял я на себя высокое звание царя, меня осудили бы как презренного самозванца. Что же будет со мною, если пред очами Вездесущего беру на себя право, принадлежащее Ему одному? О! Боже мой! Прости мне слепую дерзость мою. Апостол учит нас всех, «не судите прежде времени, пока не придет Господь, который осветит скрытое в мраке и обнаружить сердечные намерения; и тогда всякому похвала будет от Бога» (1Кор.4:5). Раз Исаак фивский, находясь в соседнем монастыре, осудил инока за нерадивую жизнь. Эта самолюбивая мысль так завяла сердце Исаака, что он и возвращаясь в свою келью не престаивал разбирать и осуждать поступки брата. Когда же подошел он к своей келье, в дверях явился ему ангел и строго сказал, «Спаситель повелел мне узнать от тебя, что должно сделать с тем иноком, который осужден тобою?» Исаак почувствовал всю виновность свою и пав пред ангелом, закричал, согрешил я, *беззаконновах, неправдовах!* Помолись за меня Спасителю мира. «Встань, сказал ангел, на этот раз Господь прощает тебя, но впредь страшись осуждать твоего брата, прежде нежели Господь осудит его».

Когда видим в ком-нибудь нечто действительно нехорошее не будем одобрять того, но не будем и произносить над тем приговора судебного. Любовь терпит и извиняет все, что только должно быть терпимо; она никогда не переиначивает дел другого, страшась лжи. Она может молиться за другого, но не унижать его; она может скорбеть об ошибке другого, но не

утешаться тем, что, другой ошибся; она может желать исправления другому, но не гибели ему.

Отделение XII. Речи

Речь при первом посещении единоверческого Зыбковского храма

Господу благодарение, что на местах вражды, столько неугодной Ему, вижу водворение мира – дара благодати Его, на местах ненависти к святыне Божией вижу искреннее благоговение к порядку, устроенному не людьми. Да воздаст вам, братия, Господь Бог дарами благодати за то утешение, которым полна душа моя, смотря на нелицемерное благочестие ваше!

Недавно посещал я бывший монастырь казанский. Искренно говорю вам, братия мои, тяжкие, горькие чувства тяготили душу мою, когда осматривал его. На что ни смотрел я, вырывался из глубины души вопрос, и это – монастырь? И это – обитель лучшего порядка нравственного? От каждой кельи выход в селение мирское! Значит, каждая живущая шла, куда хотела, и жила, как хотела. Никакому начальству, никакому надзору – тут делать нечего. Кучки сельских изб – монастырь! Ни трудов общего послушания, ни общей трапезы – и следов нет. Нет, это – не монастырь это – насмешка духа злобы над святым именем монастыря.

Нет, вовсе не того желали, не то устроили св. начальники монастырской жизни, – св. Феодор Студит, св. Афанасий Афонский. Боже мой! Боже мой! до чего доходит ослепление людей? «Что это за погань – младенец, рожденный в девичьем монастыре и утопленный в колодезе? Вот погань-то, в Зыбкой пелена с четвероконечным крестом найдена в колодезе». Так говорила питомица здешних наставников! Невольно припоминается пророчество апостола: *послет им Бог действие лъсти, во еже веровати их лжи (2Сол.2:11)*. Не страшную ли ложь принимали и передавали эти люди? Кто бы мог подумать, чтобы убийство людей, грабежи, разбои, не наказываемые злодейства могли быть выхваляемы наставником спасения душевного? А это было у здешних учителей раскола. Для чести человечества не хотелось бы верить, что это было; но цел письменный памятник. Бесстрашно обращая на злое слова

Господа, здешний наставник писал, «ангелу воронковской церкви напиши, вем твоя дела и труд твой, его же подъемлещи на избиение трудников и старцев, хотящих разрешится от суетного мира сего и прияти венцы со отцы брынскими. Сего ради, зело накажутся поносящие твое имя, хлопальщики, млатобойщина. Дерзай чадо мое возлюбленное, и не преставай умножали число мучеников, никто ты не одолеет ни в судах стародубских и губернских, ни в лесах и борах машевских, где подвижники твои назирают проезжих щепотников и над ними *мясничают*». Ужас поражает душу и проникает до костей при размышлении о такой проповеди! Скажите, чего доброго, может ожидать даже гражданское общество от таких людей? Или какой смысл человеческий может оправдать терпимость в отношении к таким людям? Не скажут ли нынешние чада раскола, что у них теперь нет того? О, стоит только дать полную волю, дети далеко превзойдут отцов своих! В этом порука – жизнь детей, только да не возглаголют уста моя дел человеческих.

Любовь – дело святое, любовь – отличие истинных христиан. Но кому не известно, какие разногласия между называемыми согласиями раскола? Один толк до того отвращается другого, что считает осквернением есть и пить с другим из одних и тех же сосудов. В спорах между учителями толков – такая брань, такая злость, такое исступление, что невольно говорит душа, тут нет христианства.

Апостол предсказал, *здорового учения не послушают, но по своим похотям изберут себе учителя, чешем слухом (2Тим.4:3)*. Не выполняется ли это в расколе? Малограмотные миряне, ничему не учившиеся, кроме азбуки, и знакомые только с мирским плутовством, – пастыри духовного стада! Поручают ли сокровище слуге, обокравшему прежнего своего господина? Честный человек с негодованием смотрит на блудного сына, своевольно оставившего дом родительский и беспутно живущего на чужой стороне. А раскол принимает только тех священников, которые убегают из дома Отца небесного, из церкви Божией. Казалось бы, как не видеть простой истины, что, если принимают беглых священников, почему не принять не беглого? Если признают освящающее действие архипастыря в

лице беглого священника, почему чуждаются того же самого архипастыря? Почему не принимают посылаемого им лучшего священника? *Здравого учения не послушают, но по своим похотем изберут учителя, чешем слухом.* Вот апостольское объяснение делам раскола! Раскол принимает и прогоняет наставников по одному своему произволу; произвол гуляет у него без узды. Хочу то, и не хочу другого, – вот закон дел его! Пусть то, чего хочет он, мелко, пусто или даже гнусно, – до того нет дела. Здравого учения он не слушает. Оттого и неисчислимое число толков раскольничьих. Наемник за деньги продает святыню, и наемник самый бесчестный, купленный заклятыми врагами православия, клейменый запрещением святейшего патриарха, «давай нам, говорят, этого наемника, он по нас, он нам стрижет попов, каких хотим». Видите, им нужны слуги произволов их и не нужны слуги Божии; что им до честных тружеников нивы Божией? Какое страшное ослепление! Укажу еще на одно, не здешние ли братия, более, чем за пол столетия пред сим принимали и превозносили благословенное священство? Не здешние ли братия – Никодим, Виталий, Герасим и многие другие? Они вводили благословенное священство и в Малиновом монастыре, и в Никодимовой пустыне, и в Покровском монастыре, и в Казанском монастыре, и в Климовой, и в Зыбкой! Отчего ж потом совсем другое было? *Здраваго учения не послушают, но по своим похотем изберут учителя, чешем слухом.* Вот единственно-верное объяснение! Другого не найдете.

Братия! Кому назначен ад? Своеволию! Ох! страшитесь своеволия во всем, тем более в делах веры!

Благодать Отца и Сына и Святаго Духа да будет с вами! Аминь.

Речь в начале крестного хода с Дубовичской иконою Богоматери

Благословен Бог! Пречистая грядет посетить села и град торговли. *Откуда сие бысть?* Не страдалец ли отчизны, мученически умерший за край сей, испросил у пречистой эту благодать? Слава милости небесной к нам грешным!

Пречистая грядет! Каковыми же надобно быть сопутствующим Ей!

На днях читал я в древнем житии пр. Павла обнорского следующее. Один расслабленный, не один год, лежавший недвижимым, ночью призывал помощь небесную. Вдруг хижина его осветилась светом дневным. Входит Пречистая; от лица Её исходили лучи солнечные, ризы Её блистали как бы молнией. Сзади Её шел в благоговении глубоком старец, держа рукою клобук, – пр. Павел. Такова слава Богоматери!

О! надобно быть нам благоговейными более, чем пр. Павлу, пред Пречистою.

Не хочется мне думать, чтобы Пречистой не захотели сопутствовать очень многие. Желаю и того, чтобы сопутствовали достойно.

Как же это может быть? Пусть каждый испытывает свою совесть, каков он есть и каковым должен быть.

Знатен ли кто или богат, в чинах или на дороге к чинам и деньгам, об этом не место мечтать. Пред небом земное величие – ничтожно; там требуют других преимуществ; там Лазарь, покрытый струпьями и лохмотьями, принимается ангелами. Мало того, – туда богатым и славным трудно и попасть. Отчего? Счастье земное редко не ослепляет людей гордостью и часто уклоняет их на пути порока и неправды. Много надобно борьбы и подвигов, много слез и строгости к себе, чтобы наслаждаясь многим здесь иметь еще, что получить и там. Такова доля земной знатности! Не для чего выставлять ее на показ пред Пречистою, разве только с тем, чтобы поплакать о ней.

Кто бы ты ни был сопутствующий, надобно тебе быть христианином. Дело не отменимое ни для кого и ни для чего,

дело важное пред лицом неба и самое необходимое для нас. Так возвестили нам пророки и апостолы, – посланники неба! Так сказал сам Сын Божий! Итак, испытывай себя, христианин ли ты?

Чего требует от нас христианство? Оно требует, чтобы содержали мы веру правую в Христа Иисуса, какая открыта нам в слове Божиим и предании церкви. Знаешь ли ты святую веру? «Мы люди темные, говорят, – откуда нам знать веру?» Как? называют себя людьми темными, а заботятся ли о том, чтобы не быть темными? Ходишь ли ты в храм Божий? Если бы ты усердно посещал храм Божий и не пропускал мимо ушей и души, что читают и поют в храме, ты многое узнал бы там о вере. Не нужного для вечного спасения души ты много знаешь, – не правда ли? Не смотря ни на какие помехи дел житейских, ты слушаешь рассказы людей развратных, слушаешь бабьи басни и вымыслы воображения нечистого, а слушать, что читают и поют в храме Божиим, у тебя нет ни времени, ни охоты. О! плачьте пред царицею небесною о вашей беспечности относительно святой веры. Государь побуждает священников учить детей ваших, чтобы они не были людьми темными, как вы. Помогаете ли вы священникам учить детей? Нет и дома, где бы учить детей и – вы о том не заботитесь, как будто идет дело не о ваших детях. Именем Господа прошу вас – не отягчайте совести вашей таким нерадением, твердо знайте, что вы будете отвечать на суде Божиим и за ваше невежество, и за невежество детей ваших.

Чего требует от нас христианство? Требует, чтобы мы жили в чистоте и целомудрии, в трезвости и воздержании, чтобы были кротки и покорны властям, незлобивы и снисходительны к ближнему. Звание христианина требует, чтобы мы не только не давали воли над собою страстям, но отсекали в себе и желания худые и мысли порочные в самом их начале. Звание христианина требует, чтобы не только не брали мы чужого, не только не обижали соседа, но уступали и свое в молчании кроткой любви. Звание христианина требует, чтобы мы жили не для себя, а для славы имени Божия, славили и благодарили

Господа за Его благодеяния, посвящая Ему и время, и плоды трудов наших.

Осмотрите же, христиане ли вы? Исполняете ли вы, чего требует высокое звание христианина? Кротки ли вы? Целомудренны ли? Простодушны ли, как дети, или коварны и злопамятны? Отвечайте себе на то пред царицею небесною. Отвечайте, употребляете ли вы не седьмую, а сотую долю жизни вашей в славу имени Божия, на приготовление себя к вечности, на покаяние в грехах?

Если ты будешь радоваться пред царицею небесною за освобождение от быта крепостного, благодарить небо за облегчение земной доля, – дело христианское! И о, если бы живо чувствовали величие благодеяния, дарованного благостью царя и любовью христианскую! Но помните, что христианином может быть и раб, сколько прославленных страдальцев веры было не только из числа рабов, но еще рабов, обремененных оковами и терпевших кровавые истязания! Напротив, если пользующийся телесною свободою проводит время в лени и праздности, в пьянстве и разврате, в своеволии и буйстве, христианин ли он? О страшная ждет его участь за посрамление в себе имени христианского.

Помните это. Вы можете не выполнять требований христианства. можете жить, как хотите, вовсе не по-христиански. Церковь, не так как мир, не принуждает никого к добродетели, не гонит никто насильно в царство небесное. Пастырь по долгу своему напоминает вам о ваших обязанностях, обличительный голос евангелия звучит в ушах ваших. В вашей воле выполнять или не выполнять заповеди христианства. Но безумно думать, если думают, будто нам всегда позволяют жить по своей воле. Царь небесный долготерпелив, но Он вечен, и мы бессмертны. С смертью кончится время долготерпения Божия и последует воздаяние правды. Горе тем, которые живут не по-христиански! Их ожидает вечное удаление во тьму кромешною, к адским полчищам сатаны, начальника противников воли Божией.

Пречистая грядет! Встрепенитесь. По примеру Сына Своего и Господа Она видит, как один приближается к ней с нечистотой

плотскою, другой с душою жадною до корысти и кровавых обид – и всем дает лобызать пречистый лик Свой. Почему не мстит? Ожидает, как и Сын Ея, нашего покаяния и исправления. Кайтесь, кайтесь, пока есть время. Аминь.

Речь на ярмарочной площади города Кролевца пред Дубовичскою иконою Богоматери

Благословен Бог! Пречистая посетила град. Торгующие желали того и желание исполнено. Благословен Бог! Остается молиться Пречистой, чтобы принимать дары Милосердой. Какое множество людей увидели бы мы, если бы явились теперь все получавшие милость от лика Владычицы! Какое великолепное слово вышло бы, если бы каждый рассказал только, как страдал он телом и душою и как избавился от бед помощью Пречистой!

Сын Пречистой приготовил для вселенной победу над грехом и смертью. Пречистая, облеченная благодатью Его, являет эту победу в делах своих для людей. Сын – любовь вечная, распявшаяся за людей. Мать его с тою же любовью печется о возлюбленных Сыном Её.

Идите к Матери все больные и страждущие, все теснимые землею и злостью людей, все отягченные грехами и страстями. Она – покров для всех.

Для всех, но не для меня, говорит лежащий 30 лет на одре болезни тяжкой. Нет и для тебя, друг мой; только осмотришься. Молишься ли ты Пречистой? Если ты выучился молиться, не дар ли это неба? Если ты выучишься так молиться, как молились святые, не захочешь ты и сам расстаться с одром твоим, ты узнаешь, что одр твой – лучшее училище добра, самый надежный чертог благодати.

Да, братия, если Пречистая не избавляет иных от бед и скорбей, то оттого, что для них скорби гораздо полезнее радостей и утех земных. Дух благочестия, дух веры и добродетели растет и укрепляется в нас слезами и терпением; сласти земные, богатство, почести редких не расслабляют, большая же часть засыпает в грехах под их ласкающим веянием. Вечность откроет нам во всей ясности и полноте, какое великое счастье для наших больных душ – временные скорби.

Надобно ли же молиться об избавлении от скорбей времени? Надобно. «Хлеб насущный дай вам ныне; избави нас

от неприязни», так молимся мы по наставлению самого Господа. Ясно, что молитва о подании нужного для временной жизни, молитва об избавлении от бед жизни – молитва святая, угодная небу. Веды жизни опасны для слабой души нашей и иногда сильно вредят её здоровью. Итак, для спасения души нашей должны мы просить избавления от бед.

Ныне много надеются на себя, на Свои открытия в природе, на усовершенствованные умом средства к жизни. Но не оттого ли, что много надеются на себя, так много и страдают? Не оттого ли, что в надежде на землю не призывают в помощь небо, столько бед терпят от земли? Хвалятся усовершеншением мануфактур и путей сообщения, а в торговле – застой; в восторге от новых мер финансовых, а денег нет; то и дело говорят об успехах гражданственности, о любви к человечности, а разрушительная безнравственность растет и растет. Что это такое происходит? О! Боже наш! Ты славы Своей не даешь никому и гордости не терпишь в людях. Если мы забываем о Тебе, если мы не просим помощи Твоей для дел наших, в гордой надежде на самих себя, что может быть в делах наших, кроме расстройств и печальных беспорядков? Иного никогда не бывало, так говорят опыты веков. Иному и быть нельзя. При нашей близорукости, при порче всей природы нашей хотят быть независимыми властителями над миром, не ослепление ли это жалкое? Страсти, не сдерживаемые страхом Божиим, не утишаемые благодатью молитвы, вводят во все ходы жизни, во все состояния и звания грозное опустошение. Мать света и истины! Посли свет Твой заблуждающимся! Братия! Много надо нам молиться, много плакать и скорбеть, чтобы Милосердая дала прозреть слепым и исцелила больные мечтательною гордостью сердца.

Мать Божия готова на помощь к нам. Но надобно, чтобы мы не оскорбляли, а утешали Ее. Чем можешь утешать Ее? Усердною молитвою, раскаянием в грехах, делами милости и правды. Торгующие! остерегайтесь лгать, будьте честны в торговле, требуйте награды за труд ваш, но не алкайте лишнего. Тогда Мать Божия с улыбкой будет взирать на вас и по молитве вашей подаст вам успех в деле вашем. Жители

града сего! Дорожите посещением Матери Божией, остерегайтесь делать худые дела пред лицом Ея, почитите ее делами святыми, угодными небу. Тогда благодать небесная низойдет на вас. Аминь.

Примечания

¹ - Constit. lib. VIII с. 3. Тоже в правилах ап. Петра и Павла, по кормчей.

² - Августина epist. 118 ad Iannuar.

³ - В Куряжском монастыре незадолго пред тем восстановлено полное общежитие, в исполнение указа Святейшего Синода.

⁴ - Сочинение св. Димитрия, 1, 180–183.

⁵ - Степени, 28.

⁶ - Письмо к пресвитерам в Христианском чтении, 1838 год. ч. III, стр. 176.

⁷ - Поучения св. Димитрия 1, 217–218.

⁸ - Беседа 59 на Евангелие от Матфея.

⁹ - Христианское чтение, 1841 год, за июнь стр. 410–41.

¹⁰ - St. Gregorii Moral. с. 10.

¹¹ - Беседа 59 на Евангелие от Матфея.

¹² - Беседа на послание к римлянам, 14:24.

¹³ - Храм стоит между кладбищем и молельною раскольников – без поповщинской секты.

¹⁴ - Достопамятные сказания о подвижничестве святых отцов, стр. 121. М. 1846 год.

¹⁵ - Златоуст, Беседа 57 на Евангеле от Матфея.

¹⁶ - Беседа 1 на книгу Бытия.

¹⁷ - Сочинения Василия Великого 4, 5.

¹⁸ - Правило 56, VI Вселенского собора.

¹⁹ - Беседа 2 о Лазаре, 3 беседа к антиохийскому народу. Беседа 53 на Евангелие от Матфея.

²⁰ - Житие преподобного Антония Ор. т. I. Р. П. р. 845. Четыи Минее, январь, день 17.

²¹ - Про невер. в восв. твор. свят. от. XV, стр. 115–116. О почивших там же стр. 269–270.

²² - Послание к постельничему Bibl. Pat. т. 26 р. 581.

²³ - Беседы о двояком состоянии отшедших из сей жизни. Христианское чтение, 1828 год, ч. 31, стр. 113.

²⁴ - Слово о почивших во Христе. Творения отцев, XV, стр. 269–270.

²⁵ - Беседа XIII, п. 6. т. I, 252.

²⁶ - Беседы к антиохийскому народу, стр. 63.

²⁷ - De Anima at eius origine II, 4 n. 8.

²⁸ - Hom. 3. in. ep. Philip, n. 4.

²⁹ - У Дамаскина в слове о усопших Op. T. I. p. 592.

³⁰ - У Дамаскина Op. T. I. p. 584.

³¹ - Там же p. 582. Христианское чтение, 1827 год., ч. 26, стр. 309.

³² - Sermons 172. п. 2.

³³ - Opera T. I. p. 586.

³⁴ - Златоуст на Деяния апостолов, беседа 22. п. 3.

³⁵ - Поучения тайновидцев, 5, стр. 463.

³⁶ - Enchirid. ad Laurent c. 100, 109–110.

³⁷ - De Civit. Dei XXI, 24. n. 2.

³⁸ - Завещание T.II, стр. 239.

³⁹ - Acta Martyr sincera ed. Ruin. 1802 p. 210–211.

⁴⁰ - Avgustin de Orig. au. lib. 3. c. 9.

⁴¹ - Дети Марья Дмитриевны, 1) Елена Ивановна – супруга действительного тайного советника графа Сиверса; 2) Софья Ивановна вдова полковника Бахметьева; 3) Екатерина Ивановна, бывшая в замужестве за действительным тайным советником Курисом, служившим при Суворове; 4) Василий Иванович, павший на Бородине; 5) Евдокия Ивановна – вдова действительного тайного советника Черепанова; 6) Варвара Ивановна – супруга генерал-лейтенанта барона Пилляр-фон Пильхау; 7) Марья Ивановна – вдова генерал-лейтенанта Гревса.

⁴² - Беседа 19 на Евангелие от Матфея.

⁴³ - Собеседование о молитве.

⁴⁴ - Беседы об установлении жизни по Богу.

- ⁴⁵ - Слово 4 о молитве Господней.
- ⁴⁶ - См. Martini Pugio fidei, p. 593.
- ⁴⁷ - См. Martini Pugio fidei, p. 251–252, 599–600.
- ⁴⁸ - Свидетельства у Раймунда Мартини; Pugio fidei, p. 251–252.
- ⁴⁹ - См. Martini Pugio p. 285, 660.
- ⁵⁰ - О Мессии объясняют ст. 24 и 27 midrasch tehillim f. 17. Ст. 29 sohar num f. 100. Ст. 32 midrasch tehillim, Ст. 8. 8 pesiktab rabbat in ialkut Simeoni f. 56. Midrasch tehillim. Ст. 16 pesithka col. 5.
- ⁵¹ - См. Mishaelis comm. in Ps. p. 138. Schottgen. de Messia p. 232.
- ⁵² - Гишкил означает и поступать умно и быть счастливым, в первом значении принимали LXX Акила, Симмах; второе полустишие не исключает этого значения.
- ⁵³ - Мин в слове, менш означает сравнение.
- ⁵⁴ - Наза во всяком случае значит окроплять, отселе очищать, например, окроплять жертвенною кровью, (Лев.4:6, 17, 6:20 LXX) приняли производное значение, удивятся, вовсе без нужды, тогда как собственное необходимо, окропление заключает мысль о радости, сменяющей страх, (ст. 14).
- ⁵⁵ - Каионек, собственно, «как ссущий», переносно «как отрасль», сосущая из корня соки. Последнего значения требует второе полустишие.
- ⁵⁶ - Вав, как и во многих других случаях, означает противоположение. Пророк выражает то, что иудейский народ ожидал Мессию.
- ⁵⁷ - У LXX, вид его, прибавка, в виде объяснения, но ненужного.
- ⁵⁸ - LXX: лица Его отвращаются; славянский перевод не верен и греческому.
- ⁵⁹ - LXX читали: мишпато.
- ⁶⁰ - LXX читали: ламот, а ныне читают, ламо. Первое согласно с первым полустишием.
- ⁶¹ - Tract. Talmudi babylon. dist. cholek.

⁶² - Мелхата в Ялкуте Рубенн 2 f. 30 Р. Гупне сказал от имени Р. Ахи; на три части разделены все казни, одну понесли Давид и патриархи, другую – род наш, третью – царь Мессия, поскольку говорится, и Он изъязвлен. Тоже в Сагапе in Genes. f. 29. Другие отзывы у Райм. Мартини Pugio fid. Р. 3. dift. 3. С. 16. Р. 2. cap. 9, 11, 12, у Шетгена Horae hebraicae 6. s. 6.

⁶³ - Comm in Danielelem.

⁶⁴ - Rab Manass lib. de termino, vito p. 175.

⁶⁵ - Seder. Olam in Jalkuf Simeon. 2 f. 19.

⁶⁶ - Comm in Danielelem.

⁶⁷ - Midrascb. tehillim. тоже talmud. in Meghillab f. 3. Другие свидетельства у ЛГетгеми horae hebraice t. 2 p. 263 Martine Pugio fid. 228–229.

⁶⁸ - О войне иудейской, кн. 4, глав. 6, 9, 26.

⁶⁹ - О войне иудейской, кн. 18, глав. 7.

⁷⁰ - R Ioseph Albus in lib. cont. Maimonidem.

⁷¹ - Hemara, Tract. Sanhedrin s. 11.

⁷² - Maieue Ieschua f. 76 Sanbedrin f. 99 Berachot fol. 346.

⁷³ - См. Eisenmenger Entdecktes Iudenthum (König. 16. 1711), th 1. s. 720 th. 2. s. 750.

⁷⁴ - Buxtorf. Synagoga Iudaia p. 721.

⁷⁵ - Platonis Alcibiades.

⁷⁶ - Platonis Epimonides.

⁷⁷ - Златоуст в 68 беседе на Евангелие от Матфея, 3, 166.

⁷⁸ - Comm. in. 3. cap. ep. ad. Tit.

⁷⁹ - Tract 13 in Iohan.

⁸⁰ - Беседа II на послание к Ефессянам, стр. 191.

⁸¹ - Беседа 3 на Деяния апостолов, р. 35 (29).

⁸² - Тертулиан ad. Scapul. с. 62. Лактанций lib 7. с. 25. Иероним in Daniel. е. 7 in Ierem. с. 25.

⁸³ - Луг духовный, гл. 163. М. 1853 год.

⁸⁴ - Санкт-Петербургские Ведомости, 1861 год. № 245.

⁸⁵ - Луг духовный гл. 216.